

Археологические вести

— 32 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

32
(2021)

Saint-Petersburg
2021

Археологические вести

**32
(2021)**

Санкт-Петербург
2021

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвоцинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Т. Кашуба (отв. редактор), Ю. Г. Кутимов, В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, А. В. Фрибус

Издательская группа:

А. В. Гилевич (переводы), Т. С. Дорофеева, В. П. Никоноров (переводы), Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 32 / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. — СПб., 2021. — 464 с.: ил.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёкшина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилеям, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».

Издание адресовано археологам, историкам, студентам.

Issue 32 of the journal “Archeological News” is dedicated to the anniversaries of three employees of the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, IIMK RAS: V. A. Alyokshin, V. I. Raspopova and L. B. Kircho. Most of the published articles are in one way or another related to the history and archeology of Central Asia of different eras. The issue includes essays dedicated to the heroes of the day, and articles on the most ancient and antique periods of the history of this region by authors from Russia, Ukraine, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Great Britain, Germany, Italy, France, Switzerland. Also presented are the traditional sections “New Research and Discoveries”, “Reviews and Reviews” and “History of Science”.

The publication is addressed to archaeologists, historians, students.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — бронзовая печать, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 1815/1405)

First page of cover — Bronze seal from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405)

Четвертая страница обложки — серебряная булавка, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 168)

Fourth page of cover — Silver pin from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 168)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Содержание

От редакции	9
-------------------	---

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

<i>П. Б. Лурье.</i> К юбилею Валентины Ивановны Распоповой	10
<i>Д. Абдуллоев, Ю. Г. Кутимов, Н. Н. Скакун.</i> Юбилей Вадима Андреевича Алёкшина	19
<i>Н. А. Дубова.</i> Любовь Борисовна Кирчо. Археология и жизнь	32

ДРЕВНЕЙШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>С. Бобомуллоев, Н. М. Виноградова, Б. Бобомуллоев, Т. У. Худжагелдиев, М. Наврузбеков.</i> Предварительные результаты исследования курганов в местности Саразм-2 в бассейне р. Зеравшан летом и осенью 2020 г.	40
<i>Дж. Л. Бонора, Г. Росси Осмида (†), А. Ченджа.</i> Печати из могильника Аджикуи (перевод с англ. А. В. Гилевича)	55
<i>С. Винкельманн.</i> Некоторые замечания о происхождении женских божеств БМАК (перевод с англ. А. В. Гилевича)	69
<i>Э. А. Мурадова.</i> Исследования на Изат-кули	100
<i>Р. М. Сатаев, Л. В. Сатаева, А. В. Фрибус:</i> Фитоморфные сюжеты в материалах из раскопок Гонур-депе	110
<i>С. Дж. Симпсон.</i> Шкатулки бронзового века: экзотические импорты, подражания-скевоморфы и локальное производство от Центральной Азии до Шумера (перевод с англ. А. В. Гилевича)	119
<i>Т. Г. Филимонова, Н. А. Дубова.</i> Новые материалы бронзового века с территории Южного Таджикистана.....	133
<i>И. Хайт.</i> Неровный горизонт: некоторые размышления об истории заселения памятников неолита и энеолита Южного Туркменистана	145

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

<i>С. Б. Болелов.</i> Гончарные производства на территории Южного Приаралья (к вопросу об организации ремесленного производства в древности)	157
<i>М. Ю. Вахтина.</i> Эллинистическая усадьба близ античного города Порфмий в Восточном Крыму	179
<i>В. А. Горнчаровский.</i> К оценке этнополитической ситуации VII–V вв. до н. э. в Нижнем Прикубанье	187
<i>А. А. Красноперов.</i> Распространение янтарных грибовидных бус-подвесок в Поволжье и Прикамье и индикаторы финала позднесарматского времени.....	194
<i>Ж. Люилье, Х. Бендезу-Сармьенто.</i> Улут-депе в эллинистический и парфянский периоды: новые открытия (перевод с англ. А. В. Гилевича)	212
<i>В. П. Никоноров, И. А. Аржанцева.</i> История древнейших седел жесткой конструкции в свете археологических данных из Южного Приаралья	228
<i>А. В. Омельченко.</i> О терракотовой пластике античного Согда	255

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Н. Подушкин, А. Г. Донец.</i> Археологический комплекс кургана 1 могильника Кызылколь	274
<i>Б. А. Раев, А. Н. Подушкин, А. Г. Донец.</i> Особенности планировки жилой и производственной зон на городище Ушбастобе (Южный Казахстан)	285
<i>Э. В. Ртвеладзе.</i> К вопросу о локализации городов на Оксе в «Географии» Птолемея	292

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>Д. Абдуллоев.</i> Сведения «Худул ал-Алам» о городах и селениях Мавераннахра раннеисламского времени	300
<i>Ш. Т. Адылов.</i> Маймарг Бухарский и карательный поход Бахрама Гура (по материалам археолого-топографических и письменных источников)	309
<i>Ф. Ш. Аминов.</i> Керамические крышки из домонгольского Пенджикента и его округа	324
<i>Дж. Я. Ильясов.</i> Оссуарий с городища Дальварзинтепа	338
<i>П. Б. Лурье.</i> Оксийские кантоны Согдианы в китайских исторических источниках	347
Приложение. <i>А. А. Бурханов, П. Б. Лурье.</i> Согдийская надпись из Кёшк Зухра-Тахира	352
<i>М. А. Мамедов, Э. А. Мурадова.</i> Новые данные о так называемом Караван-сарая Куняургенча	356
<i>Д. К. Мирзаахмедов, А. И. Торгоев, С. Д. Мирзаахмедов, М. Н. Султанова.</i> Клад согдийской культовой утвари VII–VIII вв. из Пай-Арыка	367
<i>Т. К. Мкртычев.</i> Чудо в Сравасти (воспроизведение и прототип)	378
<i>В. С. Соловьев.</i> Кочевники в раннесредневековом Тохаристане	382

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Р. А. Мимоход, А. Н. Усачук, А. В. Вербовский.</i> Каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино в контексте оснащения лучника в западной части Старого Света	386
<i>И. В. Палагута.</i> Поселения-гиганты Триполья–Кукутень: проблемы и перспективы новейших исследований	402
<i>Е. Г. Старкова.</i> Симметрия в орнаментах трипольской культуры	416
<i>В. А. Трифонов.</i> Шатровый дольмен у станицы Царская, 1869 г., Северо-Западный Кавказ: конструкция и археологический контекст	433

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Ю. А. Виноградов.</i> Новое о южноаравийском порте Сумхурам (Sumhuram. The Becoming of the Town. Khor Rori Report 4 / Ed. V. Buffa. Roma; Bristol: “L’Erma” di Bretschneider, 2019. 292 p., ill., tabl. [Arabia Antica. 16])	447
---	-----

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>И. В. Сапожников, М. Т. Кашуба.</i> Из истории создания «Древностей Геродотовой Скифии»: сотрудничество ИАК с Ф. К. Бруном в 1860-х гг.	452
Список сокращений	462

Contents

From the editorial board	9
--------------------------------	---

OUR ANNIVERSARIES

<i>P. B. Lurje</i> . To the anniversary of Valentina Ivanovna Raspopova	10
<i>D. Abdulloev, Yu. G. Kutimov, N. N. Skakun</i> . Anniversary of Vadim Andreyevich Alyokshin	19
<i>N. A. Dubova</i> . Lubov' Borisovna Kircho. Archaeology and life	32

THE MOST ANCIENT CIVILIZATIONS OF CENTRAL ASIA

<i>S. Bobomulloev, N. M. Vinogradova, B. Bobomulloev, T. U. Hudzhageldiev, M. Navruzbekov</i> . Preliminary results of investigations of barrows in the locality of Sarazm-2 in the basin of the Zeravshan River in summer and autumn 2020	40
<i>G. L. Bonora, G. Rossi Osmida(†), A. Cengia</i> . Seals from the Adji Kui Burials	55
<i>S. Winkelmann</i> . Some remarks about the origin of BMAC female deities	69
<i>E. A. Muradova</i> . Explorations at Izat-Kuli	100
<i>R. M. Sataev, L. V. Sataeva, A. V. Fribus</i> . Phytomorphic designs among the materials from excavations at Gonur-Depe	110
<i>St J. Simpson</i> . Of boxes in the Bronze Age: exotic imports, skeuomorphs and local crafts from Central Asia to Sumer	119
<i>T. G. Filimonova, N. A. Dubova</i> . Newly discovered burials of the Bronze Age in the territory of Tajikistan	133
<i>I. Heit</i> . Uneven Horizons: Some Considerations on the Settlement History of Neolithic and Aeneolithic Sites in Southern Turkmenistan	145

ARCHEOLOGY AND HISTORY OF CENTRAL EURASIA OF THE ANCIENT ERA

<i>S. B. Bolelov</i> . Pottery making in the South Aral region (concerning the question of the organization of handicrafts in antiquity)	157
<i>M. Yu. Vakhtina</i> . Hellenistic farmhouse near the ancient city of Porthmion in East Crimea	179
<i>V. A. Goroncharovskiy</i> . Evaluation of the ethnopolitical situation of the 7 th –5 th century BC in the Lower Kuban River region	187
<i>A. A. Krasnoperov</i> . The spread of amber mushroom-shaped beads-pendants in the Volga and Kama region and indicators of the end of the late Sarmatian period	194
<i>J. Lhuillier, J. Bendezu-Sarmiento</i> . Recent discoveries on the Hellenistic and Parthian Occupation of Ulug-depe	212
<i>V. P. Nikonorov, I. A. Arzhantseva</i> . The history of the earliest rigid-structure saddles in the light of archaeological data from the Southern Aral Sea area	228
<i>A. V. Omel'chenko</i> . On the terracotta plastics of antique Sogdiana	255
<i>A. N. Podushkin, A. G. Donets</i> . An archaeological complex of Barrow no. 1 of the Kyzylkol' burial ground	274

CONTENTS

<i>B. A. Raev, A. N. Podushkin, A. G. Donets.</i> The layout peculiarities of the residential and production areas in the site of ancient settlement of Ushbastobe (Southern Kazakhstan)	285
<i>E. V. Rtveladze.</i> On the problem of the localization of the cities on the Oxus in Ptolemy's Geography	292

<i>D. Abdulloev.</i> "Hudūd al-ʿĀlam" about cities and settlements of Maverannahr in the early Islamic period	300
<i>Sh. T. Adylov.</i> Maymarg of Bukhara and the punitive campaign of Bahram Gor (based on the data of archaeological, topographic and written sources)	309
<i>F. Sh. Aminov.</i> Ceramic lids from pre-Mongolian Panjakent and its surroundings	324
<i>J. Ya. Il'yasov.</i> An ossuary from the urban settlement site of Dal'varzintepa	338
<i>P. B. Lurje.</i> The Oxian cantons of Sogdiana in Chinese historical sources	347
Appendix. <i>A. A. Burhanov, P. B. Lurje.</i> Sogdian inscription from Koshk Zuhra-Takhir	352
<i>M. A. Mamedov, E. A. Muradova.</i> New evidence on the so-called Caravanserai of Koneurgench	356
<i>D. K. Mirzaakhmedov, A. I. Torgoev, S. D. Mirzaakhmedov, M. N. Sultanova.</i> Hoard of Sogdian cult utensils of the 7 th –8 th century from Pay-Aryk	367
<i>T. K. Mkrtychev.</i> The Miracle in Śrāvastī (reproduction and prototype)	378
<i>V. S. Solov'ov.</i> Nomads in early mediaeval Tokharistan	382

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>R. A. Mimokhod, A. N. Usachuk, A. V. Verbovskiy.</i> Stone bars with two constrictions in burials of the Babino cultural circle within the context of archer's outfit in the western part of the Old World	386
<i>I. V. Palaguta.</i> Giant-settlements of Tripolye-Cucuteni: problems and prospects of the immediate investigations	402
<i>E. G. Starkova.</i> Symmetry in ornamentation of the Tripolye culture	416
<i>V. A. Trifonov.</i> The Multi-sided Dolmen with Tent-shaped Roof near Tsarskaya (Novosvobodnaya), 1869, North-Western Caucasus: construction and archaeological context	433

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

<i>Iu. A. Vinogradov.</i> New about the South Arabian port of Sumhuram (Sumhuram. The Becoming of the Town. Khor Rori Report 4 / Ed. V. Buffa. Roma; Bristol: "L'Erma" di Bretschneider, 2019. 292 p., ill., tabl. [Arabia Antica. 16])	447
---	-----

HISTORY OF SCIENCE

<i>I. V. Sapozhnikov, M. T. Kashuba.</i> From the history of the creation of "Antiquities of Herodotus Scythia": collaboration of the IAK with F. K. Brun in the 1860s	452
List of abbreviations	462

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной выпуск «Археологических вестей» подготовлен отделом археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН; его выход приурочен к тройному юбилею: свои славные годовщины встретили Валентина Ивановна Распопова, Вадим Андреевич Алёшкин и Любовь Борисовна Кирчо. Имена этих исследователей хорошо известны всем, кто профессионально занимается или хотя бы просто интересуется древним прошлым Центральной Азии. Многие десятилетия их работы в Отделе вместили в себя множество экспедиций, открытий, статей и книг — всего того, что давно и прочно вошло в золотой фонд отечественной и мировой археологической науки.

Состав и тематика материалов настоящего выпуска в полной мере отражают научные интересы юбиляров. Собранные в нем статьи посвящены археологии и истории Центральной Азии и сопредельных областей Евразии от эпохи палеометалла до средневековья. Их авторы — не только коллеги В. И. Распоповой, В. А. Алёшкина и Л. Б. Кирчо по работе в ИИМК РАН, но и ученые из других научных учреждений России, а также ближнего и дальнего зарубежья. Многим из них посчастливилось знать наших юбиляров лично, работать с ними, учиться у них (пусть порой и заочно — по их трудам). Хочется верить, что этот плод коллективного научного творчества станет достойным подарком к юбилеям Валентины Ивановны, Вадима Андреевича и Любви Борисовны.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Валентины Ивановны Распоповой

П. Б. Лурье¹

Аннотация. Настоящая заметка рассказывает о направлениях научной работы и наиболее значимых достижениях Валентины Ивановны Распоповой, важнейшего специалиста по археологии Согдианы, сотрудника Отдела Центральной Азии ИИМК с более чем полувековым стажем.

Annotation. This brief note give an account of the trends of research work and the main achievements of Valentina I. Raspopova, the most significant specialist on the archaeology of Sogdiana, the research fellow of the Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences during more than half a century.

Ключевые слова: Согдиана, Пенджикент, металлические изделия, жилище, урбанизация.

Keywords: Sogdiana, Panjikent, metal artifacts, dwelling, urbanization.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-10-18

Валентина Ивановна Распопова родилась в Подмоскowie 8 июля 1934 г. Она с теплом вспоминает крепкий крестьянский быт своего детства. С отличием окончив школу, она поступила на кафедру археологии исторического факультета МГУ. Валентина Ивановна с удовольствием погрузилась в атмосферу кафедры археологии, где в 1950-е гг. преподавали блестящие, но очень разные ученые — А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков, Д. А. Авдусин, С. В. Киселев, В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков и др. (Янин, Канторович, 2015. С. 12–22). Особенно важным, переросшим в многолетнюю дружбу, было знакомство с Л. Р. Кызласовым. Именно на его раскопках городища Ак-Бешим в Северной Киргизии в 1953–1954 гг. В. И. Распопова начала свои научные изыскания, опубликовав керамический материал, полученный в результате исследований, и сопоставив его с керамикой Согда (Распопова, 1960)². Другим очень важным событием в становлении В. И. Распоповой как археолога было участие в раскопках А. И. Тереножкина на Украине. К тому времени среднеазиатский (в том числе пенджикентский) период работы Алексея Ивановича завершился, однако его огромный

полевой опыт, интуиция, тщательная фиксация и обдумывание раскопа и полученных материалов оказали значительное влияние на ее метод работы.

Еще более важным — для обоих молодых людей — было знакомство Валентины Ивановны с ее сокурсником Борисом Ильичем Маршаком (1933–2006), которое быстро переросло не только в супружество, но и в совместную научную работу, продолжавшуюся полвека. Свадьбе предшествовала поездка в Новгород на студенческую практику, когда Валентина Ивановна «на слабо» забралась на одну из древних церквей, после чего Б. И. Маршак сделал ей предложение. Он происходил из совсем другой среды — литераторов, ученых, но именно сотрудничество столь разных людей позволило достичь замечательных научных результатов. В семье родилась дочь Мария Маршак — ныне она научный сотрудник Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, внук Константин живет и работает в Германии.

Борис Ильич «привел» Валентину Ивановну в Пенджикент, с раскопками которого она связала свою дальнейшую ее научную работу, в экспедиции она трудилась до 2009 г. Большинство научных публикаций В. И. Распоповой непосредственно связано с исследованием Пенджикента, как с изданием раскопанных ею объектов, так и со систематизацией различных групп находок и построек. Она полевой, как сама любит говорить,

¹ Отдел Востока, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34., Санкт-Петербург, 190000, Россия.

² Позднее она возвращалась к этой теме, см.: Маршак, Распопова, 1996.

Рис. 1. В. И. Распопова — фотохроника жизни: 1 — городище Ак-Бешим (город Суяб), Киргизия. Сотрудники экспедиции, среди которых Л. Р. Кызласов (стоит в центре), В. И. Распопова (сидит вторая справа), студентки МГУ В. И. Козенкова (стоит слева в ватнике) и Г. А. Брыкина (сидит в центре), 1953 г.; 2 — слева направо: Б. И. Маршак, В. И. Распопова, И. М. Стеблин-Каменский (?), в центре профессор Гарвардского университета Р. Н. Фрай и сотрудники Таджикской экспедиции на базе экспедиции, 1967 г.; 3 — В. И. Распопова, Б. И. Маршак и другие сотрудники экспедиции на раскопе, Пенджикент, 1970 г.; 4 — В. И. Распопова, А. М. Беленицкий и Б. И. Маршак, Львов, 1970 г.; 5 — Э. С. Шарафутдинова, В. И. Распопова и М. Н. Пшеницына, Ленинград, →

май 1972 г., фото М. П. Грязнова; 6 — В. И. Распопова, Б. И. Маршак, реставраторы из Эрмитажа и старшие члены экспедиции смотрят представление ко дню археолога, Пенджикент, база, 15 августа 1983 г.; 1 — личный архив Л. Р. Кызласова, фотография передана И. Л. Кызласовым; 2, 3 — НА ИИМК РАН. ФО. О.2673-38, О.2807-72; 4-5 — НА ИИМК РАН. ФО; 6 — личный архив Т. А. Шапошниковой

Fig. 1. V. I. Raspopova — life photochronicle: 1 — fortified site of Ak-Beshim (city of Suyab), Kirghizia. Workers of the expedition team including L. R. Kyzlasov (standing in the centre), V. I. Raspopova (sitting second right), students of the Moscow State University V. I. Kozenkova (standing left, in a quilted jacket) and G. A. Brykina (sitting in the centre), 1953; 2 — from left to right: B. I. Marshak, V. I. Raspopova, I. M. Steblin-Kamenskiy (?), in the centre is the Prof. of the Harvard University R. N. Frye and workers of the Tajik Expedition team at the expedition's base, 1967; 3 — V. I. Raspopova, B. I. Marshak and other participants of the expedition at the excavation, Panjakent, 1970; 4 — V. I. Raspopova, A. M. Belenitskiy and B. I. Marshak, Lvov, 1970; 5 — E. S. Sharafutdinova, V. I. Raspopova and M. N. Pshenitsyna, Leningrad, May 1972, photo by M. P. Gryaznov; 6 — V. I. Raspopova, B. I. Marshak, restorers from the State Hermitage and the elder participants of the expedition viewing a show devoted to the Archaeologist's Day, Panjakent, archaeological base, August 15, 1983; 1 — personal archives of L. R. Kyzlasov, photo presented by I. L. Kyzlasov; 2, 3 — Scientific Archives of IHMC RAS, Photographic Department, O.2673-38, O.2807-72; 4-5 — Scientific Archives of IHMC RAS. Photographic Department; 6 — personal archives of T. A. Shaposhnikova

«грязный» археолог, и едва ли не все ее публикации непосредственно связаны с ее же полевой работой (разумеется, с учетом самого широкого круга аналогий). Пунктуальность В. И. Распоповой и ее умение организовать процесс способствовали появлению многих статей и монографий — индивидуальных и в соавторстве. С 1958 г. В. И. Распопова трудится в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ныне — Институт истории материальной культуры РАН).

В первые годы раскопок (а в глазах части широкой публики и поныне) Пенджикент воспринимался как источник произведений искусства — настенные росписи и скульптура. В действительности это кладезь материалов по гораздо большему кругу вопросов — истории городской жизни, быта, ремесла, денежного обращения в домусульманской Средней Азии, по изученности ему нет равных. И именно работы В. И. Распоповой показывают то, насколько важен Пенджикент именно как археологический памятник.

В. И. Распопова изучала поздние (VII–VIII вв.) сооружения объекта XII в юго-западной части города (Распопова, 1969б), на котором до того Б. И. Маршак раскрыл слои раннего Пенджикента (V–VI вв.), а затем, с 1967 г., изучала объект XVI в центре городища. Наряду с жилой застройкой — в том числе самым большим, украшенным росписью домом города (площадью более 2000 кв. м) — на XVI объекте имелись торговая улица и базарная площадь с многочисленными лавками (Распопова, 1971; 1973б). На базаре, разрушенном пожаром 722 г., сохранились мастерские, большой объем монет и индивидуальных находок.

Раскопки объекта XVI способствовали написанию В. И. Распоповой кандидатской диссертации «Металлообрабатывающее ремесло раннесредневекового Согда (Опыт историко-социальной интерпретации по материалам Пенджикента)», защищенной в 1971 г. под научным руководством А. М. Беленицкого, многолетнего начальника Пенджикентской экспедиции. В диссертации и вышедшей на ее основе в 1980 г. книге В. И. Распопова анализирует не только сами металлические изделия из раскопок (которым много аналогий, например, в захоронениях зоны степей), но и способ производства, устройство мастерских, инструментарий, реалии, изображенные на пенджикентских росписях (Распопова, 1980). Эта книга, как и ее дополнение по новым находкам (Распопова, 1999), а также ряд опубликованных в разное время статей (Распопова, 1965; 1968; 1969а; 1972а; 1979а; 2012; Беленицкий, Распопова, 1980) являются настольными публикациями для археологов, изучающих раннее средневековье на территории Евразии.

С 1970-х гг. В. И. Распопова начала разрабатывать тему социального устройства согдийского общества, опираясь, в первую очередь, на материалы жилой застройки Пенджикента. Это темы взаимодействия кочевого и оседлого населения (Распопова, 1970; Маршак, Распопова, 1989), ремесленного и домашнего производства (Распопова, 1972б), города и деревни (Распопова, 1979б), классов и сословий (Беленицкий и др., 1979), роли торговли (Распопова, 1973а).

Из этих исследований, а также продолжавшегося накопления материалов раскопок городища сформировалась еще одна важнейшая тема —

Рис. 2. В. И. Распопова — фотохроника жизни: 1 — В. И. Распопова, М. П. Грязнов, К. Ф. Смирнов, Пенджикент, 1973 г.; 2 — В. И. Распопова, 1973 г.; 3 — Б. И. Маршак, В. И. Распопова и рабочие экспедиции, Пенджикент, раскопки пригорода, 2000–2003 гг. 1, 2 — НА ИИМК РАН. ФО; 3 — личный архив П. Б. Лурье

Fig. 2. V. I. Raspopova — life photochronicle: 1 — V. I. Raspopova, M. P. Gryaznov, K. F. Smirnov, Panjakent, 1973; 2 — V. I. Raspopova, 1973; 3 — B. I. Marshak, V. I. Raspopova and workers of the expedition, Panjakent, excavations in the suburb, 2000–2003. 1, 2 — Scientific Archives of IHMC RAS. Photographic Department; 3 — personal archives of P. B. Lurie

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

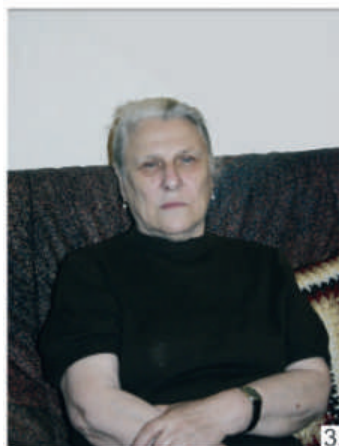

Рис. 2. В. И. Распопова — фотохроника жизни: 1 — В. И. Распопова и Б. И. Маршак, Китай, около 2001 г.; 2 — Б. И. Маршак (в центре) и В. И. Распопова осматривают средневековый реликварий в ризнице аббатства Сен-Морис д'Агон (кантон Вале, Швейцария), 14 октября 2005 г.; 3 — В. И. Распопова в каб. 202, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, 2000-е гг.; 4 — Дж. Лёрнер, П. Б. Лурье и В. И. Распопова, Китай, Нанкин, ноябрь 2015 г.; 5 — Дж. Лёрнер и В. И. Распопова, Китай, Нанкин, ноябрь 2015 г.; 6 — В. И. Распопова и П. Б. Лурье, Китай, Нанкин, ноябрь 2015 г. 1, 2, 4–6 — личный архив П. Б. Лурье; 3 — НА ИИМК РАН. ФО

Fig. 2. V. I. Raspopova — life photochronicles: 1 — V. I. Raspopova and B. I. Marshak, China, ca 2001; 2 — B. I. Marshak (in the centre) and V. I. Raspopova viewing the mediaeval reliquary place in the sacristy of the Saint-Maurice d'Agon Abbey (Valais Canton, Switzerland), October 14, 2005; 3 — V. I. Raspopova in office room 202, Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus of IHMC RAS, 2000s; 4 — J. Lerner, P. B. Lurie and V. I. Raspopova, China, Nanjing, November 2015; 5 — J. Lerner and V. I. Raspopova, China, Nanjing, November 2015; 6 — V. I. Raspopova and P. B. Lurie, China, Nanjing, November 2015. 1, 2, 4–6 — personal archives of P. B. Lurie; 3 — Scientific Archives of IHMC RAS, Photographic Department

изучение жилой застройки Пенджикента с точки зрения исторической социологии. Монография на эту тему была опубликована в 1990 г. и явилась огромным шагом вперед в изучении средневекового города (Распопова 1990а; см. также: Распопова, 1983; 1990б; 2014б), она послужила основой для докторской диссертации «Ранне-средневековый согдийский город (по материалам Пенджикента)», успешно защищенной в 1993 г. В книге освещаются история изучения застройки Пенджикента, архитектура домов и строительные приемы, социальная стратификация жителей, различия в жизни города на разных этапах его развития. Четверть книги занимает каталог домовладений из большей части раскопанных объектов, их размеры, датировки, наличие декора, тип и назначение помещений. В монографии изучается особенность жилья Пенджикента в сравнении с более ранним и более поздним городом, другими синхронными городами и сельскими поселениями. Книга В. И. Распоповой «Жилище Пенджикента» стала настольной книгой для всех специалистов по согдийской археологии.

Перу Валентины Ивановны принадлежат работы по археологической нумизматике³ и товарно-денежным отношениям (Распопова, 1976; Беленицкий, Распопова, 1981; Распопова, 1999), важным единичным находкам (Распопова, 1973в; 1985; 2013; 2014а; Marshak, Raspopova, 1998; Marshak, Raspopova, 2012а), реалиям на пенджикентских росписях (Распопова, 2006а; 2006б, Распопова, 2015). К последней группе работ относится ее важное исследование шелковых тканей на росписях (Распопова, 2006с). В этой статье автор установила, что так называемые «согдийские» шелка

(занданиджи) отсутствуют в Согде, по крайней мере, до середины VIII в. (см. также: Marshak, 2006). В дальнейшем Н. Симс-Уильямс и Дж. Хан, по-новому прочитав как арабскую владельческую надпись строку текста на шелке из Юи, где ранее читали название шелка занданиджи по-согдийски, подтвердили вывод об отсутствии согдийских полихромных шелков (Sims-Williams, Khan, 2012).

С 1990-х гг. Б. И. Маршак и В. И. Распопова все чаще выезжали в командировки за границу (в первую очередь, во Францию и США) и публиковали там большие статьи, где пенджикентские росписи вводились в научный оборот с непрерывным учетом археологического контекста (Marshak, Raspopova, 1990; 1991; 1992; 2001).

На раскопках Пенджикента Валентина Ивановна была заместителем начальника экспедиции. На ее плечи ложились многие организационные и все финансовые вопросы, фотографирование, составление описей, чистка монет и металлических изделий и многое другое, не говоря уже о воспитательной работе с сотрудниками младшего поколения. Экспедиция в течение многих десятилетий держалась на них двоих, погруженном в свои мысли интеллектуале Борисе Ильиче и бескомпромиссной, встречающей с открытым забралом вызовы реальности Валентине Ивановне. Нет смысла перечислять многочисленные отчеты о раскопках разного объема, которые В. И. Распопова в соавторстве с А. М. Беленицким (начальником Пенджикентской экспедиции с 1954 по 1979 г.), Б. И. Маршаком, В. Г. Шкодой публиковала в таких периодических изданиях, как «Археологические работы в Таджикистане» (АРТ), «Археологические открытия», «Наука и жизнь», «Археологические вести», тезисы Отчетной археологической сессии Эрмитажа и др. С 1998 г., когда компьютерная техника позволила относительно легко набирать и

³ Как она сама любит говорить, монеты интересуют ее в первую очередь как археологический источник.

готовить к печати текст с большим количеством иллюстраций, Б. И. Маршак и В. И. Распопова начали публиковать отчеты Пенджикентской археологической экспедиции в виде монографий в издательстве Государственного Эрмитажа. Под названием «Материалы Пенджикентской археологической экспедиции» (МПАЭ) это издание продолжается по настоящее время. Отдельным выпуском МПАЭ стала двуязычная монография о согдийских гирях (*Маршак, Распопова, 2005*).

Через три года после скоропостижной кончины Бориса Ильича Маршака (28 июля 2006 г.) Валентина Ивановна прекратила ездить в Пенджикент, но не перестала работать с огромным объемом находок экспедиции. Она подготовила к печати три неизданные монографии Б. И. Маршака (2009, 2012, 2014); собрала материалы для четвертой, в основу которой была положена докторская диссертация Бориса Ильича, ранее опубликованная в ГДР на немецком языке (*Marschak, 1986*), на этот раз изданная с дополнениями (*Маршак, 2017*); опубликовала совместное исследование дворца на Кайнаре (*Маршак, Распопова, 2012б*); по сей день продолжает издавать свои монографические труды, содержащие, наряду с исследовательской частью,

каталоги находок: о стеклянных изделиях, надписях из Пенджикента, писцовых школах (*Распопова, 2010; 2017; 2019*). К сожалению, эти важные работы напечатаны мизерными тиражами и потому мало доступны и малоизвестны исследователям.

Всякий, кому выпадала честь общаться с Валентиной Ивановной Распоповой, едва ли забудет этот опыт. Человек она очень прямой, не стесняющийся обстановки и присутствующих, словоохотливый, едкий и остроумный, иногда парадоксальный, что называется, не лезущий за словом в карман. Своими суждениями (и неповторимой интонацией) она может повергнуть собеседника когда в слезы, когда в гнев, когда в оцепенение, а чаще всего вызывает улыбку или даже смех слушающего. Она знает множество самых нелепых историй о коллегах, однако при воспоминаниях о своих старших товарищах и современниках (часто уже, увы, ушедших) неизменно полна почтения и доброжелательности. Помню, на одной конференции в Нью-Йорке мы с коллегами из России провели несколько веселых часов кряду, лишь вспоминая различные *mots* Валентины Ивановны.

Пожелаем же ей новых успехов в работе, а также здоровья и бодрости духа!

Беленицкий, 2019 — *Беленицкий А. М.* История и культура Центральной Азии в древности и средневековье. Эссеистика разных лет (общество, история, культура) / Под общ. ред. В. П. Никонорова; сост. В. П. Никоноров и Г. А. Беленицкая. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019 (Тр. ИИМК. Т. LII; Труды Восточного археологического общества. Т. I). 740 с.

Беленицкий и др., 1979 — *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Социальная структура населения древнего Пенджикента // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 19–26 [= *Беленицкий, 2019*. С. 363–369].

Беленицкий, Распопова, 1980 — *Беленицкий А. М., Распопова В. И.* Согдийские «золотые пояса» // СНВ. 1980. Вып. 22. С. 213–218 [= *Беленицкий, 2019*. С. 409–414].

Беленицкий, Распопова, 1981 — *Беленицкий А. М., Распопова В. И.* К вопросу об уточнении датировок согдийских монет // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 9–15 [= *Беленицкий, 2019*. С. 320–327].

Маршак, 2009 — *Маршак Б. И.* Искусство Согда / Научн. ред. В. И. Распопова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 64 с.

Маршак, 2012 — *Маршак Б. И.* Керамика Согда V–VII веков как историко-культурный памятник (К методике изучения керамических комплексов) / Подгот. к печати В. И. Распоповой. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.

Маршак, 2014 — *Маршак Б. И.* Культурные связи Востока и Европы в торевтике XI–XIII вв. Серебро с чернью / Подгот. к печати В. И. Распоповой. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2014. 175 с.

Маршак, 2017 — *Маршак Б. И.* История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности / Под ред. В. П. Никонорова; вступит. статья Ф. Гренэ. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.

Маршак, Распопова, 1989 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1989. С. 416–426.

Маршак, Распопова, 1996 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Согдийцы в Семиречье // Древний и средневековый Кыргызстан / Редколлегия: К. И. Ташбаева и др. Бишкек: Илим, 1996. С. 124–135.

- Маршак, Распопова*, 2005 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Согдийские гири из Пенджикента. СПб.: Гос. Эрмитаж (МПАЭ. Вып. 9). 108 с.
- Маршак, Распопова*, 2012а — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Два терракотовых образка из Пенджикента // Записки ИИМК. 2012. № 7. С. 95–102.
- Маршак, Распопова*, 2012б — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Дворец VI века у подножия цитадели древнего Пенджикента. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2012. 80 с.
- Распопова*, 1960 — *Распопова В. И.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции / Под ред. Г. Ф. Дебеца. М., 1960. Т. 4. С. 138–163.
- Распопова*, 1965 — *Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. 1965. № 4. С. 79–91.
- Распопова*, 1968 — *Распопова В. И.* Византийские поясные пряжки в Согде // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 34–36.
- Распопова*, 1969а — *Распопова В. И.* Бронзовые серьги Пенджикента // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 51–56.
- Распопова*, 1969б — *Распопова В. И.* Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII–VIII вв. // СА. 1969. № 1. С. 169–182.
- Распопова*, 1970 — *Распопова В. И.* Согдийский город и кочевая степь в VII–VIII вв. // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 86–91.
- Распопова*, 1971 — *Распопова В. И.* Один из базаров Пенджикента VII–VIII вв. // СНВ. 1971. Вып. 10. С. 67–75.
- Распопова*, 1972а — *Распопова В. И.* Зеркала из Пенджикента // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 65–69.
- Распопова*, 1972б — *Распопова В. И.* Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда // СА. 1972. № 4. С. 145–157.
- Распопова*, 1973а — *Распопова В. И.* Археологические данные о согдийской торговле // КСИА. 1973. Вып. 138. С. 79–86.
- Распопова*, 1973б — *Распопова В. И.* Отчет о раскопках на XVI объекте городища древнего Пенджикента в 1970 г. // Археологические работы в Таджикистане. М., 1973. Вып. 10. С. 130–144.
- Распопова*, 1973в — *Распопова В. И.* Щит с горы Муг // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 124–129.
- Распопова*, 1976 — *Распопова В. И.* Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII–VIII вв. // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 39–48.
- Распопова*, 1979а — *Распопова В. И.* Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 106–113.
- Распопова*, 1979б — *Распопова В. И.* К вопросу о специфике города и сельских поселений ранне-средневекового Согда // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1979. Вып. 4. С. 22–26.
- Распопова*, 1980 — *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, Лен. отд., 1980. 138 с.
- Распопова*, 1983 — *Распопова В. И.* Историческая интерпретация жилой архитектуры Пенджикента // Probleme der Architectur des Orients / Hrsg. von B. Brentjes. Halle (Salle): Abt. Wissenschaftspublizistik der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 1983. С. 78–91 (Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. 1983/26 (Rh. I. 21)).
- Распопова*, 1985 — *Распопова В. И.* Стекланные сосуды с росписью из Пенджикента // СА. 1985. № 2. С. 205–211.
- Распопова*, 1990а — *Распопова В. И.* Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л.: Наука, Лен. отд., 1990. 208 с.
- Распопова*, 1990б — *Распопова В. И.* Проблема континуитета согдийского города // КСИА. 1990. Вып. 199. С. 31–36.
- Распопова*, 1999 — *Распопова В. И.* Металлические изделия из Пенджикента (находки 1971–1998 гг.). СПб.: Формика, 1999. 61 с., 41 рис.
- Распопова*, 2010 — *Распопова В. И.* Стекланные сосуды из Пенджикента (находки 1950–1999 гг.). СПб.: Синтез Бук, 2010. 162 с.
- Распопова*, 2012 — *Распопова В. И.* Литейные формы из Пенджикента // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2 / Ред. коллегия: В. А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 564–571.
- Распопова*, 2013 — *Распопова В. И.* Стекланный флакон из Пенджикента // Commentationes Iranicae: Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица / Под ред. С. Р. Тохтасьева, П. Б. Лурье. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 654–660.
- Распопова*, 2014а — *Распопова В. И.* Бронзовый котел из Пенджикента // Записки ИИМК. 2014. № 10. С. 180–188.
- Распопова*, 2014б — *Распопова В. И.* Здание VII века в Пенджикенте // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 141–151.
- Распопова*, 2015 — *Распопова В. И.* Вьючное седло в живописи Пенджикента VIII в. // Записки ИИМК. 2015. № 11. С. 125–138.
- Распопова*, 2017 — *Распопова В. И.* Эпиграфика Пенджикента (из раскопок 1947–2006 гг.). СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. 78 с.
- Распопова*, 2019 — *Распопова В. И.* Школы писцов в Пенджикенте VII–VIII вв. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2019. 80 с.

- Янин, Канторович, 2015 — Янин В. Л., Канторович А. Р. К 75-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ // Исторические исследования. М., 2015. № 3. С. 5–45.
- Marschak, 1986 — Marschak B. Silberschatze des Orients: Metallkunst des 3. — 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität / Fotos: W. Terebenin; Übertragung aus dem Russischen: L. Schirmer. Leipzig: VEB E. A. Seemann Verlag, 1986. 440 S.
- Marshak, 2006 — Marshak B. I. The So-called Zandaniji silks: Comparisons with the Art of Sogdia // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages / Ed. R. Schorta. Riggisberg: Abegg-Stiftung, 2006. P. 49–60 (Riggisberger Berichte. 9).
- Marshak, Raspopova, 1990 — Marshak B. I., Raspopova V. I. Wall Painting from a House with a Granary. Panjikent, 1st Quarter of the Eighth Century A.D. // SRAA. 1990. Vol. 1. P. 123–176.
- Marshak, Raspopova, 1991 — Marshak B. I., Raspopova V. I. Cultes communautaires et cultes privés en Sogdiane // Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique: sources écrites et documents archéologiques. Actes du Colloque international du CNRS, Paris, 22–28 novembre 1988 / Sous la direction de P. Bernard et F. Grenet. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1991. P. 187–195.
- Marshak, Raspopova, 1992 — Marshak B. I., Raspopova V. I. A Hunting Scene from Panjikent // BAI. 1992. Vol. 4 (1990). P. 77–94.
- Marshak, Raspopova, 1998 — Marshak B. I., Raspopova V. I. Buddha Icon from Panjikent // SRAA. 1998. Vol. 5 (1997/98). P. 299–305.
- Marshak, Raspopova, 2001 — Marshak B. I., Raspopova V. I. Les trouvailles dans la chapelle nord-ouest du Temple II de Pendjikent. A propos de l'héritage classique dans l'art sogdien // BAI. 2001. Vol. 12 (1998). P. 161–169.
- Raspopova, 1999 — Raspopova V. I. Gold coins and bracteates from Pendjikent // Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands / Eds. M. Alram and D. E. Klimburg-Salter. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1999. P. 453–460 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften. Bd. 280; Beiträge zur Kultur- und Geistesgeschichte Asiens. Nr. 31; Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission. Bd. 33).
- Raspopova, 2006a — Raspopova V. I. Ethnos and Weaponry in the Murals of Afrasiab // Royal Nawruz in Afrasiab // Rivista degli Studi Orientali. Nuova Ser. Roma, 2006. Vol. 78. P. 129–148.
- Raspopova, 2006b — Raspopova V. I. Sogdian Arms and Armour in the Period of the Great Migrations // Arms and Armour as Indicators of Cultural Transfer. The Steppes and the Ancient World from Hellenistic Times to the Early Middle Ages / Eds. M. Mode and J. Tubach, in Cooperation with G. S. Vashalomidze. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2006 (Nomaden und Sesshafte. Bd. 4). P. 79–95.
- Raspopova, 2006c — Raspopova V. I. Textile Representations in the Sogdian Mural Paintings // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages / Ed. R. Schorta. Riggisberg: Abegg-Stiftung, 2006. P. 61–73 (Riggisberger Berichte. 9).
- Sims-Williams, Khan, 2012 — Sims-Williams N., Khan G. Zandaniji Misidentified // BAI. 2012. Vol. 22 (2008). P. 207–213.

To the anniversary of Valentina Ivanovna Raspopova

P. B. Lurje⁴

This festive account about Valentina I. Raspopova purposes, first, to give a brief analysis of her most important scholarly achievements including the study of pottery from Semirechie, excavations of many years at Panjikent and research works concerning artifacts coming from there (metal and glass objects, inscribed shards, dwelling building, realia on mural paintings, etc.), and, second, to share with some of personal observations as for this outstanding personality.

⁴ Pavel Lurje — The State Hermitage Museum; 18, Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: pavlsvlvria@gmail.com.

Юбилей Вадима Андреевича Алёшкина

Д. Абдуллоев, Ю. Г. Кутимов, Н. Н. Скакун¹

Аннотация. В наши дни В. А. Алёшкин является одним из наиболее известных специалистов ленинградско-петербургской научной школы археологии в области изучения Центральной Азии и Древнего Востока. В работе рассматривается биография В. А. Алёшкина, представлены основные результаты многолетней научной деятельности исследователя в Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН и его вклад в археологию Центральной Азии.

Annotation. In our days, V. A. Alyokshin is one of the most well-known experts of the Leningrad-Petersburg scientific school of archaeology in the sphere of studies of Central Asia and Ancient East. In this paper, the personal and scholarly biography of V. A. Alyokshin is considered, the main results of the researcher's scientific activities of many years at the Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences are presented as well as his contribution to the archaeology of Central Asia.

Ключевые слова: В. А. Алёшкин, научная биография, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН.

Keywords: Vadim A. Alyokshin, scientific biography, Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-19-31

В октябре 2019 г. старшему научному сотруднику Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, кандидату исторических наук Вадиму Андреевичу Алёшкину исполнилось 75 лет. Уже более пятидесяти лет научной и научно-организационной деятельности В. А. Алёшкина, начиная со студенческих и аспирантских времен, проходят в стенах ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН. В своей публикации мы хотим рассказать о большом жизненном пути в археологической науке этого замечательного человека и нашего коллеги, с которым уже многие годы нас связывает не только совместная работа, но искренняя дружба, полная уважения и признания.

¹ Абдуллоев Д. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: окс.65@mail.ru. Кутимов Ю. Г. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; e-mail: yuriuz@rambler.ru. Скакун Н. Н. — Экспериментально-трассологическая лаборатория, ИИМК РАН; e-mail: skakunnatalia@yandex.ru.

Вадим Андреевич родился 16 октября 1944 г. в Минске, столице Белорусской ССР, спустя три месяца после освобождения города от немецких захватчиков. Город, очень пострадавший в результате боевых действий, практически лежал в руинах, вся инфраструктура была разрушена. Жизнь родителей здесь была нелегкой. Отец, Андрей Иосифович Алёшкин, лейтенант Народного Комиссариата государственной безопасности Белорусской ССР, был сотрудником особой оперативной группы. В его обязанности входило обслуживание разведывательных групп, находившихся в тылу врага, а также осуществление контрразведывательной работы на территории Белорусской ССР и Польши. Служба в чрезвычайных обстоятельствах войны привела к тому, что в апреле 1945 г. А. И. Алёшкин был уволен из органов безопасности по состоянию здоровья. Мать, Нина Ивановна Алёшкина, в недавнем прошлом старший инструктор отдела кадров ленинградского завода «Прогресс», вместе с новорожденным младенцем не раз была вынуждена укрываться

в убежище во время немецких бомбежек, так как столица Белоруссии еще находилась в зоне досягаемости вражеской авиации, налеты которой на город продолжались вплоть до взятия советскими войсками Варшавы в январе 1945 г.

После увольнения отца в запас семья переехала сначала в г. Омск, где жили родители Андрея Иосифовича, а затем в Красноярский край, на Енисей, где А. И. Алёшкин надеялся вернуться к своей гражданской профессии. Еще до срочной службы в Военно-морском флоте он ходил на Енисее помощником капитана и штурманом на судах смешанного плавания типа река-море после окончания речного техникума в Омске по специальности «судовождение», а затем курсов младших штурманов транспортной конторы Главного управления Северного морского пути в Красноярске. Первое сохранившееся в памяти детское впечатление маленького Вадима связано именно с Енисеем: «Я стою на палубе парохода или баржи, плывущей летним днем по широкой реке, берегов которой не видно. Нестерпимо яркие лучи висящего над головой солнца ослепляют меня, но я с восторгом наблюдаю окружающий меня водный простор, который завораживает». Некоторое время семья жила в посёлке Кононово Сухобузимского района Красноярского края. Здоровье А. И. Алёшкина не позволило ему плавать, и он был вынужден работать плановиком в тресте «Енисейзолото». Однако в апреле 1947 г. его определили на службу в Министерство внутренних дел. Профессиональных кадров тогда не хватало, и врачи посчитали, что отец восстановил свое здоровье. Впрочем, осенью 1949 г. милицию передали в ведение Министерства государственной безопасности, в распоряжение которого А. И. Алёшкин поступил в 1950 г. После смерти И. В. Сталина штаты этого ведомства были существенно сокращены. Отца вновь перевели в органы милиции, и до окончания срока службы он работал в уголовном розыске.

В те годы практиковалась частая ротация кадров в МГБ и МВД, в ходе которой А. И. Алёшкина переводили с одного места службы на другое в пределах Красноярского края. Жизнь семьи приобрела полукочевой характер. С мая 1950 г. семья жила в районном центре Боград Хакасской автономной области Красноярского края (ныне административный центр Боградского района Республики Хакасия). Именно в Бограде у школьника Вадима зародился интерес к археологии, которую

он впоследствии избрал главным занятием в жизни. Первопричиной всему стал интерес к чтению исторических и приключенческих книг, из которых Вадим впервые познакомился и узнал значение термина археология. Он решил, что профессия археолога, связанная с обнаружением и извлечением из земли древностей, очень интересна, что она вся пронизана тайнами прошлого. А оно находилось буквально рядом, его можно было коснуться рукой в прямом смысле этого слова. Вокруг села и даже в его пределах можно было видеть развалы камней, некогда составлявших массивные каменные ограды. Одна из них располагалась возле дома, сразу же за забором, служившим границей земельного участка. Расспросив об этих нагромождениях камней родителей и учителей, Вадим узнал, что они представляют собой плохо сохранившиеся места захоронений племен, некогда населявших эти места.

Поскольку интерес к археологии с возрастом только усиливался, Вадим стал искать и читать специальную литературу по древней истории и археологии Сибири. Такая литература нашлась в местной библиотеке. Прежде всего, это были два сборника, популяризирующие достижения отечественной археологии, в том числе и на юге Восточной Сибири (По следам..., 1951; 1954), а также книга А. Л. Монгайт «Археология в СССР» (Монгайт, 1955). Скоро при чтении археологической литературы интерес к сибирской тематике постепенно отошел на задний план, а потом был вытеснен окончательно. Основное внимание стали привлекать книги, посвященные археологии Древнего Востока (прежде всего, Средней Азии и отчасти Кавказа). Вадим увлеченно перечитывал труды С. П. Толстова о Хорезме, А. Ю. Якубовского о Согде, М. М. Дьяконова о Бактрии, А. Н. Бернштама о Памире и Таласе, Б. Б. Пиотровского об Урарту. Первые знания об археологии Месопотамии были почерпнуты из книги Л. А. Липина и А. М. Белова (Липин, Белов, 1956).

В начале 1960-х гг. начала выходить в свет многотомная «Советская историческая энциклопедия». В первом томе этого издания внимание Вадима привлекла небольшая заметка о холмах Анау в Туркменистане, близ Ашхабада. Здесь же были приведены образцы расписной посуды, обнаруженной во время раскопок. Вадиму захотелось больше узнать об этих культурах, и он стал специально искать в литературе информацию о древнеземледельческих памятниках эпохи

неолита — бронзы Средней Азии, таких как Джейтун, Геоксюр, Кара-депе, Намазга-депе, Яссы-депе и пр. Все эти публикации, встречавшиеся в литературе, были в основном написаны хорошо известным уже в то время ученым-археологом В. М. Массоном (1929–2010). Таким образом состоялось как бы заочное знакомство ученика со своим будущим научным руководителем и учителем, хотя в те годы старшеклассник Вадим Алёкшин вряд ли мог подозревать об этом. Интерес к археологии подпитывался также поездками в Ленинград в 1950-е гг., во время которых Вадима было не оторвать от археологических экспозиций Эрмитажа и Кунсткамеры.

В 1963 г. Вадим Алёкшин заканчивает 11-й класс школы № 21 в г. Канске. Чтобы реализовать свою давнюю мечту о получении археологического образования, он направил в несколько университетов, где имелась кафедра археологии, письма с просьбой рассказать о специализации этих кафедр и о правилах приема в соответствующий университет. Ответы пришли из всех мест, куда был послан запрос. Однако из Львова и Тбилиси письма пришли на национальных языках. Хотя те годы Вадим и не был искушен в вопросах национальной политики, но ему стало ясно, что университетские центры Львова и Тбилиси сами вывели себя из списка возможных мест обучения. Оставались Ташкент и Ленинград, на котором Вадим и остановил свой выбор. К этому времени его отец закончил службу в органах милиции, и мама захотела вернуться поближе к родному городу, из которого была эвакуирована в апреле 1942 г. Таким образом, семья решила переехать на постоянное местожительство в Ленинградскую область, так как в самом городе прописаться было невозможно. Следовательно, поступать надо было в Ленинграде, к тому же Вадим уже знал, что там работают многие специалисты по археологии Средней Азии. В июле 1963 г. он выехал в Ленинград для поступления в университет.

В связи с суматохой переезда тщательно подготовиться к вступительным экзаменам не удалось. Документы на поступление подавались в толчее многочисленных абитуриентов, которые с болезненной маниакальностью пугали друг друга слухами о конкурсе, который невозможно пройти, лучше и не пытаться. Подав документы, Вадим немедленно покинул помещение приемной комиссии. Как впоследствии оказалось, удача была на его стороне. В то время школьники-

медалисты сдавали вступительные экзамены на общих основаниях. Поэтому Вадим, хотя и окончил школу с серебряной медалью, должен был пройти все круги конкурсного отбора. Набрал по итогам четырех экзаменов девятнадцать баллов, он с нетерпением ждал общего собрания абитуриентов, сдавших все приемные экзамены, на котором будут объявлены имена зачисленных в университет. На собрании, которое состоялось в конце августа, собравшиеся в напряженной тишине слушали фамилии счастливых, произносимые вслух секретарем. Завершала перечень новоявленных студентов группа из десяти поступивших по конкурсу школьников, в числе которых была названа и фамилия Алёкшин. Нужно отметить, что те годы абитуриентов, не имевших производственного стажа, принимали в высшие учебные заведения в мизерных количествах. После традиционного в те годы для студентов ВУЗов сентябрьского сбора урожая картофеля, на уборку которого были отправлены и вновь зачисленные в университет первокурсники, состоялся окончательный набор студентов на кафедру археологии. Так как желающих оказалось слишком много, то заведующий кафедрой, профессор М. И. Артамонов, провел собеседование с претендентами. Когда очередь дошла до Вадима Алёкшина, то он сказал, что хотел бы заниматься археологией Востока на материалах Средней Азии. Но М. И. Артамонов, услышав только первые слова: археология Востока, прервал студента и сказал, что у них нет такой специализации, и что ему надо было бы поступать на восточный факультет к В. В. Струве, хотя последний, как было известно, никогда специально археологией не занимался. Кто-то из преподавателей заметил, что программа кафедры включает курс археологии Средней Азии, который читает В. М. Массон, сотрудник ЛОИА АН СССР. Но Михаил Илларионович никак не отреагировал на эти слова. Помощь пришла неожиданно. Слово попросил В. П. Яковлев, в те годы студент третьего курса, руководивший работами в совхозе по уборке картофеля (впоследствии заместитель декана истфака, ректор Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, вице-губернатор Санкт-Петербурга в 1996–2000 гг.). Он сказал, что поддерживает кандидатуру Алёкшина как хорошо зарекомендовавшего себя в коллективе на полевых работах, что имеет значение для будущих экспедиционных работ. В итоге Вадим оказался в числе студентов,

принятых на первый курс кафедры археологии. Группа насчитывала девять человек, ее куратором назначили ассистента кафедры Л. С. Клейна. Спустя несколько месяцев группа была признана лучшей на историческом факультете, и о ней появился репортаж в газете «Ленинградский университет» (№ 18 от 20 марта 1964 г.).

В ноябре 1963 г. состоялось уже очное знакомство студента В. А. Алёкшина со своим научным руководителем, профессором Вадимом Михайловичем Массоном, в ходе которого молодой первокурсник рассказал ему о своем желании заниматься археологией Средней Азии. В. М. Массон пригласил его на беседу в ЛОИА, где показал коллекцию материалов эпохи среднего бронзового века из раскопок древнеземледельческого поселения Намазга-депе (Туркменистан). В. М. Массон предложил описать ее, подыскать аналогии вещам и определить их дату. Так началось его руководство студенческими работами Алёкшина. В мае и июне 1964 г. В. А. Алёкин уже принимает участие в работах Каракумского отряда ЛОИА АН СССР, который возглавлял В. М. Массон. Работы проводились на так называемой «вышке» Намазга-депе, где исследовались поздние отложения слоя Намазга VI. Городище поразило молодого студента-археолога своими огромными размерами, а также разнообразными и богатыми археологическими находками, и он еще раз убедился в правильности избранной научной специализации.

В ноябре 1964 г. В. А. Алёкин был призван на срочную военную службу, которую проходил в Мурманской области неподалеку от г. Кандалакша. Отправляясь в армию, он взял с собой две недавно приобретенные монографии В. М. Массона (Массон, 1964) и С. П. Толстова (Толстов, 1962), которые детально штудировал в свободное от несения службы время.

В ноябре 1967 г., после демобилизации из армии, В. А. Алёкин был восстановлен в числе студентов кафедры археологии исторического факультета ЛГУ. Однако за эти годы программа первого курса обучения на кафедре значительно изменилась и пришлось слушать её вновь. В студенческие годы (1967–1972), кроме Каракумской экспедиции в Туркменистане, которая вела раскопки городища эпохи энеолита и бронзового века Алтын-депе, В. А. Алёкин побывал и в других экспедициях: на Северном Кавказе (раскопки дольменов) и на юго-востоке Украины (раскопки курганов, содержащих погребения от энеолита

до эпохи средневековья). Курсовые работы студента В. А. Алёкина были посвящены различным категориям археологических материалов Средней Азии: от первобытной расписной керамики (второй курс) до античной нумизматики (четвертый курс). Дипломная работа, по которой в течение двух лет собирались материалы, была написана на стыке языкознания и археологии по теме «Проблема локализации индоевропейской языковой области в свете данных археологии и лингвистики». Кроме академического специалиста руководить дипломом должен был еще сотрудник кафедры, в связи с чем над дипломом студента В. А. Алёкина шефствовали М. И. Артамонов и В. М. Массон. Оппонентом был назначен ассистент кафедры Л. С. Клейн. М. И. Артамонов ранее интересовался данной проблематикой и имел по ней несколько публикаций, вышедших в свет в середине 1940-х гг. Основным выводом дипломной работы сводился к тому, что природная среда (ландшафты, фауна и флора), окружавшая древнейших индоевропейцев, характерна для лесной и лесостепной зоны Европы, тогда как их материальная культура имеет наибольшее сходство с археологическими комплексами степной зоны Восточной Европы (ямная культура). Ареалы двух групп лексики, первая из которых дает представление о среде обитания праиндоевропейцев, а вторая — об уровне их культурного развития, не совпали. Причина этого заключалась, по мнению В. А. Алёкина, в том, что часть лексики первой группы, а именно: названия деревьев, имеет более позднее происхождение и возникла в эпоху расселения индоевропейцев, когда их племена проникли из степей, где находилась, как он тогда полагал, их прародина, в зону лесов. Конечно, эта интерпретация была уязвима, так как появление в лесах и лесостепях отдельных групп древних индоевропейцев не могло привести к возникновению общеиндоевропейских названий деревьев. М. И. Артамонов на это указывал и склонялся к тому, чтобы поставить за дипломную работу оценку «хорошо». Л. С. Клейн подчеркивал важность конечного результата, полученного вследствие огромного объема проделанной работы. После долгих дебатов на кафедре В. А. Алёкину все же поставили за диплом оценку «отлично» и дали рекомендацию для поступления в аспирантуру. Много лет спустя, после существенной доработки, данная работа была опубликована (Алёкин, 1998а), причем, в конечном счете, его вывод

о одновременности пластов лексики, которые, по мнению лингвистов, составляют праиндоевропейский язык, оказался верным. В. А. Алёкшиным написаны еще две работы, связанные с проблемой локализации индоевропейской прародины (Алёкшин, 1990а; 1992).

В июне 1972 г. после сдачи государственных экзаменов В. А. Алёкшин получил диплом с отличием по специальности «Историк, преподаватель истории и обществоведения». Осенью этого же года он поступает в аспирантуру ЛОИА АН СССР. По правилам экзамены по иностранному языку и истории партии можно было сдавать на соответствующих кафедрах АН СССР в Ленинграде. Экзамен по археологии СССР также принимали в Ленинграде, причем в состав приемной комиссии был включен сотрудник Института археологии из Москвы И. И. Артеменко, впоследствии директор Института археологии АН УССР (1973–1986). В. А. Алёкшин благополучно выдержал испытание и был зачислен в очную аспирантуру при ЛОИА АН СССР. Научным руководителем был назначен зав. сектором археологии Средней Азии и Кавказа В. М. Массон. В те годы в отечественной археологии начали активно разрабатывать вопросы, связанные с изучением социальной структуры древних обществ, причем анализируя собранные данные, стремились избежать оторванного от археологических реалий вульгарного социологизма, столь характерного для подобных работ отечественных ученых в 1930–1950-х гг. Исходя из этой тенденции, научный руководитель В. М. Массон предложил аспиранту для исследования тему «Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока». Наибольшую трудность в работах такого рода составляет разработка методики исследования. В. А. Алёкшину пришлось изучить обширную литературу по этому вопросу, включающую многочисленные публикации отечественных и зарубежных ученых не только по археологии, но и по этнографии. В результате этих изысканий он определил объем информации, заложенной в погребальном обряде как археологическом источнике и ввел в науку понятия «стандартный погребальный обряд» и «стандартный набор погребального инвентаря», которые до сих пор используются в археологии (Алёкшин, 1981; Alekshin, 1983). Позднее В. А. Алёкшин вновь вер-

нулся к этому вопросу, ответив на критику оппонентов (Алёкшин, 2016). Им также была разработана методика социологической интерпретации древних захоронений и рассмотрены закономерности развития общественного строя древнеземледельческих обществ по данным погребальных обрядов. Диссертационное исследование было завершено к осени 1975 г. и после обсуждения в Отделе Средней Азии и Кавказа было рекомендовано к защите. После успешного окончания аспирантуры и подготовки кандидатской диссертации, в ноябре 1975 г. В. А. Алёкшин был зачислен в штат ЛОИА на должность младшего научного сотрудника.

Летом 1976 г. диссертационная работа была окончательно принята к защите. В это время происходила реформа Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Совете министров СССР, и все защитные ученые советы были расформированы. Весной 1977 г. ВАК возобновила работу, причем вначале ученый совет был возрожден только при Институте археологии в Москве. Его руководство любезно предложило заведующему ЛОИА направить группу своих сотрудников для защиты кандидатских диссертаций в Москву (Е. А. Горюнов, Е. Н. Носов, М. В. Аникович, В. А. Алёкшин). Защита в Москве состоялась в мае 1977 г. Председатель диссертационного совета академик Б. А. Рыбаков отнесся к работе В. А. Алёкшина очень доброжелательно и продемонстрировал членам совета внушительный том текстовых таблиц, составлявших приложение к диссертации, сказав: «Это только приложение!». Действительно, текст приложения в два раза превышал объем самой диссертации. Первым ее оппонентом согласился быть академик Б. Б. Пиотровский. Однако к моменту защиты он заболел и не мог присутствовать на ней. По действующей процедуре защиты необходимо было назначить нового оппонента, причем отзыв отсутствующего специалиста также оглашался. В. М. Массон попросил стать первым оппонентом профессора Г. Е. Маркова, в те годы заведующего кафедрой этнографии МГУ, специалиста в области археологии мезолита и неолита Юго-Восточного Прикаспия (Туркменистан), а также исследователя азиатского номадизма. Вторым оппонентом была назначена Е. К. Черныш, сотрудница Института археологии, изучавшая раннеземледельческие культуры Юго-Восточной Европы. Защита прошла успешно, кандидатская степень была присуждена единогласно.

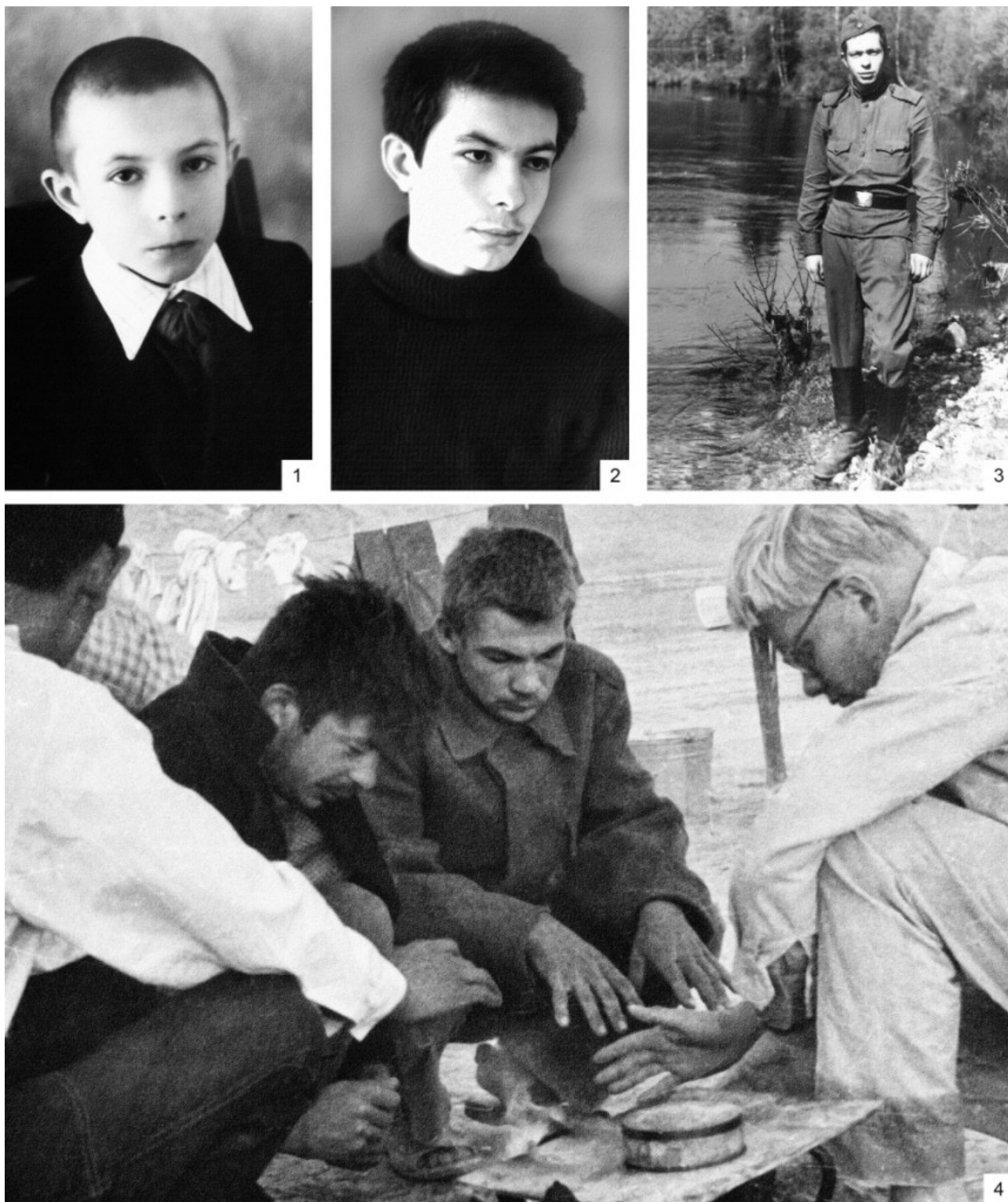

Рис. 1. 1 — Вадим Алёшкин. Ученик 1-го класса Боградской средней школы. 1952 г.; 2 — Вадим Алёшкин. Выпускник 11-го класса средней школы № 21 г. Канска. 1963 г.; 3 — Рядовой В. А. Алёшкин во время службы в Советской армии. 1965 г.; 4 — В. А. Алёшкин (второй слева), студент 2-го курса кафедры археологии ЛГУ на археологической практике. Каракумская экспедиция ЛОИА АН СССР, Туркменская ССР, Алтын-депе, 1968 г. В центре — Г. Н. Курочкин, справа — Ю. Е. Берёзкин

После заседания член ученого совета О. Н. Бадер долго обсуждал с диссертантом проблему богатых детских захоронений, которая интересовала его после открытия им богатого двойного детского верхнепалеолитического погребения на стоянке Сунгирь под Владимиром.

После возвращения в Ленинград В. А. Алёшкин продолжил свою работу в области социологии погребальных обрядов теперь уже применительно к развитым классовым обществам на примере захоронений Южной Месопотамии аккадской эпохи и погребений Центральной Анатолии времени Древнехеттского царства. Одновременно продолжалась работа над текстом кандидатской диссертации, которая была рекомендована к печати. Однако выход в свет этой книги задержался, так как издательство «Наука» отказалось печатать приложение, включающее огромные таблицы. Пришлось их переделывать в примечания, на что ушло много времени. В конце концов, эта первая в отечественной археологии обобщающая работа по реконструкции общественных отношений древнеземледельческих племен Центральной Азии и Ближнего Востока в эпоху неолита, энеолита и бронзового века была напечатана (Алёшкин, 1986а). В книге рассмотрены половозрастная и социальная структура раннеземледельческих обществ, а также изучены проблемы эволюции их общественного строя. Особое внимание было уделено анализу погребений знати и богатым детским захоронениям.

Дальнейшее изучение В. А. Алёшкиным проблем погребальной обрядности связано с исследованием ее истоков в древних традиционных обществах. Исследователь обратился к решению задач о происхождении погребального ритуала и о его месте в системе обрядов перехода. С этими проблемами неразрывно связан следующий вопрос: сохранялась ли неизменной символика погребального обряда в традиционных обществах или она менялась с течением времени? Чтобы ответить на него пришлось изучить обширную литературу по захоронениям среднего и верхнего палеолита, а также по мезолитическим

погребениям. Данному научному направлению посвящены восемнадцать публикаций В. А. Алёшкина, вышедших в свет в 1987–2008 гг., окончательные итоги исследования были опубликованы в 2014 г. (Алёшкин, 2014а). Изучение эволюции погребальных обрядов в каменном веке позволило установить, что древнейшие воззрения людей на посмертную судьбу человека сложились уже в среднем палеолите и характеризовались верой в реинкарнацию, то есть в идею возрождения умершего сородича в облике новорожденного младенца. Расцвет культуры верхнепалеолитических охотников, который произошел в эпоху граветта, привел к существенным переменам во взглядах людей на смерть человека. В соответствии с новыми верованиями усопший покидал этот свет и оказывался в стране мертвых, где ему приходилось находиться какое-то время, прежде чем могла произойти его реинкарнация. Эта концепция, формировавшаяся в течение примерно 20 000 лет, постепенно дополнялась различными деталями и окончательно сложилась к VI–V тыс. до н. э. Путешествие в загробный мир, ставшее к этому времени тяжелым испытанием для усопшего, требовало надлежащего костюма, запасов продовольствия, необходимых инструментов, оружия, а иногда и транспортного средства, причем вся эта экипировка должна была соответствовать социальному статусу человека, так как жизнь на том свете мыслилась как продолжение земного существования. Наконец, идея, согласно которой могила является жилищем усопшего, появилась у некоторых народов очень поздно, вероятно в раннем средневековье. Всякий раз, когда возникала новая концепция о посмертной судьбе человека, она не отбрасывала старую, а инкорпорировала и дополняла ее, создавая многоуровневую систему верований, нашедших отражение в разнообразных погребальных обрядах. Хотя представления о переходе умерших в страну мертвых были повсеместно распространены, они, как показало изучение погребальных обрядов, все же не были универсальны. Поэтому В. А. Алёшкин дал более общее определение похоронного ритуала

Fig. 1. 1 — Vadim Alyokshin. Pupil of the first form of the Bograd secondary school. 1952; 2 — Vadim Alyokshin. School-leaver of the 11th form of secondary school no. 21 of the city of Kansk. 1963; 3 — Soviet Army private V. A. Alyokshin. 1965; 4 — V. A. Alyokshin (second from the left), student of the 2nd academic year at the Chair of Archaeology of the Leningrad State University at archaeological practice training. The Kara-Kum expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR, Turkmen SSR, Altyn-Depe, 1968. G. N. Kurochkin in the centre, Yu. E. Beryozkin right

Рис. 2. 1 — Каракумская экспедиция ЛОИА АН СССР, Туркменская ССР, Алтын-депе, 1978 г. Во втором ряду, третий справа сидит В. А. Алёшкин; в центре — Г. Ф. Коробкова, В. М. Массон, Н. М. Ермолова, Л. Б. Кирчо.; третий слева — К. Курбансахатов. Стоят: четвертый слева — Б. Удеумурадов, шестой — Ю. Е. Берёзкин, седьмая — С. Полекова, восьмой — А. А. Ляпин, девятая — Н. Н. Скакун, одиннадцатый — В. А. Завьялов; 2 — В. А. Алёшкин, м. н. с. Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, 1975 г.; 3 — В. А. Алёшкин, заместитель директора ИИМК РАН по научной работе. 2002 г.; 4 — В. А. Алёшкин, заведующий отделом археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН (2013 г.).

Fig. 2. 1 — Kara-Kum Expedition of LBIA AS USSR, Turkmen SSR, Altyn-Depe, 1978. V. A. Alyokshin sitting in the second row, the third from the right; in the centre — G. F. Korobkova, V. M. Masson, N. M. Ermolova, L. B. Kircho; third from the left — K. Kurbansakhatov. Standing: B. Udeumuradov the fourth from the left, Yu. E. Beryozkin the sixth, S. Lolekova — the seventh, A. A. Lyapin — the eighth, N. N. Skakun — the ninth, V. A. Zav'yalov — the eleventh; 1 — V. A. Alyokshin, junior researcher of the Sector of Central Asia and Caucasus of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LBIA) AS USSR, 1975; 3 — V. A. Alyokshin, Scientific Deputy Director of the IHMC RAS. 2002; 4 — V. A. Alyokshin, the Head of the Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus of the IHMC RAS (2013)

как феномена традиционной культуры: погребальный обряд есть система символических действий, которые живые производят с телами умерших в соответствии с воззрениями людей на посмертную судьбу человека.

Непосредственно с погребальной проблематикой связан вопрос о культе черепа или головы у древнейшего населения Евразии. Эта проблема была рассмотрена В. А. Алёксиным в ряде публикаций на материалах раннеземледельческих и охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ (Алёшкин, 1994; 1998б; 2002). В работах детально рассмотрены археологические контексты, в которых были обнаружены человеческие черепа на различных памятниках ряда археологических культур каменного века Евразии, и предложена трактовка таких находок как свидетельств отправления разнообразных ритуалов, связанных с магией человеческого черепа или головы.

Археологические погребальные памятники также несут информацию, связанную с решением вопроса культурогенеза (происхождение, развитие, исчезновение) древних культур. В этом направлении В. А. Алёшкин начал работать с конца 1970-х гг. на материалах захоронений Средней Азии, а также ряда стран Ближнего и Среднего Востока. В 1980–1990 гг. им был опубликован ряд работ, посвященных данной тематике, в которых рассматривались вопросы происхождения и культурных связей различных археологических культур неолита — бронзы Средней Азии по данным погребальных обрядов (Алёшкин, 1980; 1986б; 1989; 1990б).

Снижение экспедиционной активности ИИМК РАН в Средней Азии, последовавшее после распада СССР, привело к публикации сотрудниками института неизданных ранее археологических коллекций. В 2005 г., после нескольких лет напряженного труда совместно с Л. Б. Кирчо были опубликованы погребальные комплексы, обнаруженные при раскопках Алтын-депе, поселения эпохи энеолита и бронзового века, расположенного на Юго-Востоке Туркменистана. В течение многих полевых сезонов этот памятник изучала Каракумская экспедиция ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН под руководством В. М. Массона. В составе экспедиции работали и оба автора монографии. Книга состоит из каталога выявленных на памятнике 946 захоронений, публикации наборов погребального инвентаря, сопровождающего умерших, культурно-хронологической

интерпретации этих находок и реконструкции похоронного ритуала (Кирчо, Алёшкин, 2005).

Научные публикации В. А. Алёшкина, вышедшие в 2010–2020 гг., связаны с изучением вопросов хронологии и культурных связей древнеземледельческих культур юга Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века. Все эти работы тематически посвящены различным аспектам: уточнению шкалы периодизации и определению линий культурных связей на основе изучения различных категорий археологических материалов древнеземледельческого поселения Алтын-депе (Алёшкин, 2010а; 2011; 2013а; 2019); вопросам хронологии могильника Заман-баба, одного из наиболее ранних памятников степного типа с катакомбным обрядом погребения на территории Центральной Азии (Алёшкин, 2010б; 2020а; 2020в); проблемам датировки периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага в контексте изучения керамики степного типа, обнаруженной в стратиграфических слоях древнеземледельческих поселений (Алёшкин, 2012; 2013в; 2014б), классификации различных типов металлических изделий энеолита — бронзы Средней Азии и Древнего Востока и их датировке (Алёшкин, 2015); исследованию культурных связей Юго-Западного Туркменистана, Северо-Восточного Ирана и Юго-Восточного Туркменистана по материалам могильника Пархай II (Алёшкин, 2020б).

Особое направление в научной работе В. А. Алёшкина связано с изучением вопросов историографии в археологии. В рамках этого направления им была написана история Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, а также его предшественников, начиная со времени создания Императорской археологической комиссии. В этой обширной работе дана характеристика основным научным направлениям Отдела, прослежено их развитие во времени и отмечены основные научные достижения Отдела как в плане полевых работ, так и в плане публикации обобщающих аналитических исследований (Алёшкин, 2007). Несколько сокращенный текст этой публикации был позднее издан как глава в фундаментальной коллективной монографии «Академическая археология на берегах Невы» (Алёшкин, 2013б). Кроме того, для данного издания В. А. Алёксиным были написаны разделы о А. А. Васильеве, И. А. Орбели, С. Н. Бибикове, С. И. Ковалеве, М. М. Дьяконове, Б. Б. Пиотровском, В. П. Шилове, В. П. Любине, Н. Н. Гуриной, В. М. Массоне, Е. Н. Носове.

В разные годы В. А. Алёшкиным были написаны биографические очерки о выдающихся археологах Ленинграда — Санкт-Петербурга советской эпохи: А. М. Беленицком, А. Н. Бернштаме, А. А. Иессене, А. М. Мандельштаме, А. А. Миллере, В. М. Массоне, И. Н. Хлопине, А. Ю. Якубовском.

Наряду с научной работой в Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа В. А. Алёшкин выполняет большой объем научно-организационной работы. В 1970-е гг. это были поручения заведующего Отделом В. А. Массона по линии научного совета по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана, а с 1978 г. по 1990 г. В. А. Алёшкин исполняет обязанности ученого секретаря Отдела. В связи с большим количеством командировок В. М. Массона и его частым отсутствием основные обязанности по организации еженедельных заседаний Отдела и формировании их повестки дня осуществлялись В. А. Алёшкиным. В 1992 г. он стал старшим научным сотрудником Отдела и был избран в ученый совет ИИМК РАН. После избрания в 1998 г. Е. Н. Носова на пост директора В. А. Алёшкин стал заместителем директора института по научной работе, возглавляя в эти же годы аттестационную комиссию ИИМК РАН (1998–2003). Будучи заместителем директора В. А. Алёшкин возобновил такое направление деятельности ученого совета ИИМК РАН, как обсуждение докладов сотрудников института, посвященных самым актуальным проблемам современной археологии.

По инициативе В. А. Алёшкина в марте 2002 г. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, совместно с Государственным Эрмитажем, провел международную конференцию «Степи Евразии в древности и средневековье» — одну из крупнейших в истории современной российской археологии. Она была посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Сибири, в прошлом одного из заведующих отделом М. П. Грязнова. В работе конференции приняли участие более двухсот исследователей из многих городов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. На этом научном форуме всестороннее освещение получило исследование М. П. Грязновым археологических памятников эпохи ранних кочевников, а также были заслушаны доклады по вопросам хронологии и семантики искусства культур каменного, бронзового, железного века Евразии и эпохи средневековья.

Конференция имела большой научный резонанс и дала свежий импульс изучению древних культур евразийских степей.

В апреле 2003 г. В. А. Алёшкин был избран заведующим Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа и находился на этой должности до октября 2018 г. В этот период произошёл количественный прирост полевых проектов. Наряду с продолжающимися исследованиями сотрудников Отдела на юге Сибири, в Забайкалье и на Северном Кавказе, возобновились раскопки в Центральной Азии (изыскания Илгынлынского отряда на энеолитическом поселении Илгынлыдепе в Юго-Восточной Туркмении, руководитель Н. Ф. Соловьева; раскопки памятников бронзового века на юге Таджикистана, руководитель Ю. Г. Кутимов). Но основные усилия Отдела, в связи с ограниченным финансированием полевых проектов, были сконцентрированы на издании материалов предыдущих лет раскопок, а также на проведении крупных международных конференций, среди которых следует назвать следующие, организованные по инициативе и/или при активном участии В. А. Алёшкина: «Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура», посвященную 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г.); «Кочевые культуры Евразии», посвященную 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама (Санкт-Петербург, декабрь 2010 г.); «Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями», посвященную 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова (Санкт-Петербург, октябрь 2012 г.); «Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога», посвященную 140-летию со дня рождения А. А. Миллера (Санкт-Петербург, октябрь 2015 г.); «Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)», посвященную 90-летию со дня рождения В. М. Массона и 80-летию В. С. Бочкарева (Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.); «Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ)», посвященную 100-летию со дня рождения А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения И. Н. Хлопина (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2020 г.).

Много времени Вадим Андреевич уделяет редакторской работе, будучи членом редколлегии ряда изданий ИИМК РАН («Археологических вестей» — в 1992–2004 гг.; «Записок ИИМК РАН» — с 2006 г. по настоящее время; «Записок Восточного отделения Российского археологического общества» — с 2015 г. по настоящее время).

27 апреля 2017 г. на организационном заседании в Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН с участием ученых из других научных учреждений Санкт-Петербурга — Института восточных рукописей РАН, Государственного Эрмитажа, Российского этнографического музея, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, Государственного музея истории религии — было принято решение о создании на базе Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН Восточного археологического общества, председателем которого был избран В. А. Алёкшин.

Кроме научной и научно-организационной деятельности, много сил Вадим Андреевич отдает преподавательской работе, читая лекции по археологии в различных учебных заведениях Ленинграда/Санкт-Петербурга: курсы «Археология

Средней Азии», «Археология Древнего Востока», «Древнейшие цивилизации», «Мустьерские погребения» в ЛГУ/СПбГУ в 1980–2000 гг.; курсы «Введение в археологию», «Археология Древнего Востока» в Санкт-Петербургском институте иудаистики в 2000–2004 гг.; курс «Археологические памятники России» в Академии экономики и управления в 2004–2009 гг. С 2016 г. и по настоящее время В. А. Алёкшин является членом совета основной образовательной программы бакалавриата «Археология» при Институте истории СПбГУ, а также членом Государственной экзаменационной комиссии по оценке дипломов магистров и бакалавров при Институте истории СПбГУ.

Дорогой Вадим Андреевич! Отдавая должное Вашему огромному научному и организационному вкладу в развитие среднеазиатской археологии и многолетней активной научной деятельности в Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, от лица всех коллег, друзей и учеников поздравляем Вас с замечательным юбилеем и желаем крепкого здоровья, долгих лет жизни, больших успехов и многих открытий в любимой науке, которая является для Вас главным делом жизни!

Алёкшин, 1980 — Алёкшин В. А. К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 24–31.

Алёкшин, 1981 — Алёкшин В. А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 3–9.

Алёкшин, 1986а — Алёкшин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 191 с.

Алёкшин, 1986б — Алёкшин В. А. Проблема происхождения археологических культур неолита — бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов) // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1986. Вып. 11. С. 96–103.

Алёкшин, 1989 — Алёкшин В. А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит — эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1989. С. 150–157.

Алёкшин, 1990а — Алёкшин В. А. Происхождение халафской культуры и проблема локализации

индоевропейской прародины // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей / Ред. С. А. Есаян, Г. Е. Арешян. Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1990. С. 37–47.

Алёкшин, 1990б — Алёкшин В. А. Археология и проблемы культурогенеза // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Борян, М. В. Аникович. Л.: ЛОИА АН СССР, 1990. С. 125–128.

Алёкшин, 1992 — Алёкшин В. А. Индоевропейская проблема и археология // АВ. 1992. № 1. С. 200–203.

Алёкшин, 1994 — Алёкшин В. А. Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев Юго-Западной Азии // ПА. 1994. Вып. 3. С. 59–78.

Алёкшин, 1998а — Алёкшин В. А. В поисках индоевропейской прародины (между Сциллой археологии и Харибдой лингвистики) // ПА. 1998. Вып. 4. С. 86–101.

Алёкшин, 1998б — Алёкшин В. А. Неандерталь, Крапина, Монте Чирчео. Ритуалы в среднем палеолите // АВ. 1998. № 5. С. 241–249.

- Алёшкин, 2002 — Алёшкин В. А. Погребения голов в пещере Офнет на юге Германии (культурно-хронологическая интерпретация) // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Кн. 1 / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 111–115.
- Алёшкин, 2007 — Алёшкин В. А. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // Записки ИИМК. 2007. № 2. С. 10–91.
- Алёшкин, 2010а — Алёшкин В. А. О функциональном назначении «реликвариев» Алтын-депе // Записки ИИМК. 2010. № 5. С. 105–116.
- Алёшкин, 2010б — Алёшкин В. А. Датировка могильника Заман-баба (по материалам терракот Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века) // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: Материалы международной конференции. Самарканд, 7–8 сентября 2009 г. / Отв. ред. Ш. Мустафаев. Самарканд: МИЦАИ; Ташкент: SMI-ASIA, 2010. С. 80–89.
- Алёшкин, 2011 — Алёшкин В. А. Терракотовые, глиняные и каменные «навершия» Алтын-депе // Записки ИИМК. 2011. № 6. С. 119–132.
- Алёшкин, 2012 — Алёшкин В. А. К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2 / Ред. коллегия: В. А. Алёшкин, Е. В. Бобровская, Г. В. Длужневская и др. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 278–284.
- Алёшкин, 2013а — Алёшкин В. А. Бусины-пряслица Алтын-депе и вопросы хронологии древнеземледельческих памятников Центральной Азии // АВ. 2013. Вып. 19. С. 211–228.
- Алёшкин, 2013б — Алёшкин В. А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.
- Алёшкин, 2013в — Алёшкин В. А. Степная керамика эпохи бронзы в стратиграфическом контексте «Вышки» поселения Намазга-депе и проблема датировки периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // Записки ИИМК. 2013. № 8. С. 107–129.
- Алёшкин, 2014а — Алёшкин В. А. Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах (по данным археологии) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) / Отв. ред. В. А. Алёшкин. СПб.: ИИМК РАН, «Арт-Экспресс», 2014 (Тр. ИИМК. Т. XLII). С. 9–46.
- Алёшкин, 2014б — Алёшкин В. А. Степная керамика эпохи бронзы в слоях древнеземледельческих поселений подгорной полосы Копетдага // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 82–91.
- Алёшкин, 2015 — Алёшкин В. А. Черешковые листовидные ножи и дротики Южного Туркменистана в археологическом контексте энеолита и бронзового века Центральной Азии и Среднего Востока // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015). Археология, история, культура / Под ред. В. П. Никонорова и В. А. Алёшкина. СПб.: Контраст, 2015. С. 27–52 (ЗВОРАО. Нов. сер. Т. III [XXVIII]; Тр. ИИМК. Т. XLV).
- Алёшкин, 2016 — Алёшкин В. А. Информационные возможности археологических погребальных памятников // АВ. 2016. Вып. 22. С. 174–186.
- Алёшкин, 2019 — Алёшкин В. А. Дата заустения древнеземледельческого центра Алтын-депе на юго-востоке Туркменистана // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона / Отв. ред. В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 32–35.
- Алёшкин, 2020а — Алёшкин В. А. Каменные крестовидные бусины бронзового века Центральной Азии и Среднего Востока (к вопросу о датировке культуры Заманбаба) // Записки ИИМК. 2020. № 23. С. 37–51.
- Алёшкин, 2020б — Алёшкин В. А. Культурные контакты Юго-Западного Туркменистана, Северо-Восточного Ирана и Юго-Восточного Туркменистана в период ЮЗТ-II (по результатам раскопок И. Н. Хлопина могильника Пархай II) // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие

- урбанизированных и скотоводческих обществ). Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2020 г.) / Отв. ред. В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 33–37.
- Алёкшин*, 2020в — *Алёкшин В. А.* Металлические косметические стержни из могильника Заманбаба (Южный Узбекистан) // Там же. С. 37–41.
- Кирчо, Алёкшин*, 2005 — *Кирчо Л. Б., Алёкшин В. А.* Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005 (Тр. ИИМК; Т. XVI). 540 с. [Авторские разделы В. А. Алёкшина в публикации: Ч. 1: Каталог погребений Алтын-депе (совместно с Л. Б. Кирчо). С. 11–78; табл. 1–146 (ред.); С. 147–296. Ч. 2. С. 422–511 (гл. 4: Основные компоненты погребального обряда)].
- Липин, Белов*, 1956 — *Липин Л. А., Белов А. М.* Глиняные книги / Научн. ред. и предисл. В. В. Струве. Изд. 2-е, доп. и испр. Л.: Детгиз, 1956. 352 с.
- Массон*, 1964 — *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.
- Монгайт*, 1955 — *Монгайт А. Л.* Археология в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 436 с.
- По следам..., 1951 — По следам древних культур / Ред. Г. Б. Федоров. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1951. 272 с.
- По следам..., 1954 — По следам древних культур. От Волги до Тихого океана / Научн. ред. и сост. Г. Б. Федоров. М.: Гос. издательство культурно-просветительной литературы, 1954. 336 с.
- Толстов*, 1962 — *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 322 с.
- Alekshin*, 1983 — *Alekshin V. A.* Burial Customs as an Archaeological Source // *Current Anthropology*. Chicago, 1983. Vol. 24, no. 2. P. 137–150.

Anniversary of Vadim Andreyevich Alyokshin

D. Abdulloev, Yu. G. Kutimov, N. N. Skakun²

This paper is devoted to the jubilee of the Senior Research Assistant Vadim Andreyevich Alyokshin, a prominent expert in the sphere of archaeology of the Bronze Age of Central Asia and the Ancient East, a brilliant representative of the Leningrad/Petersburg scientific school of the Central Asiatic archaeology. In this article, on the basis of different sources including personal recollections of the hero of the jubilee, the main landmarks in V. A. Alyokshin's biography and his formation as a scholar beginning from his student years are presented, as well as a description of the researcher's contribution in studies of different problems of early cultures of Eurasia and his scientific and organisational activities of many years at the Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

² Davron Abdulloev, Yuri Kutimov, Natalia Skakun — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia. E-mail: okc.65@mail.ru, yuriuz@rambler.ru, skakunnatalia@yandex.ru.

Любовь Борисовна Кирчо. Археология и жизнь

Н. А. Дубова¹

Аннотация. Кратко описываются основные направления научной деятельности Л. Б. Кирчо и ее вклад в изучение археологии энеолита — раннего бронзового века Средней Азии и Туркменистана в частности.

Annotation. Here the main spheres of the scientific activities of L. B. Kircho are described, as well as her contribution to the studies of archaeology of the Eneolithic, in particular, of the early Bronze Age of Central Asia and Turkmenistan.

Ключевые слова: Средняя Азия, Алтын-депе, Институт истории материальной культуры, В. М. Массон, хронология, урбанизация.

Keywords: Central Asia, Altyn-Depe, Institute for the History of Material Culture, V. M. Masson, chronology, urbanization.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-32-39

Описывать научный путь Любви Борисовны Кирчо мне непросто, так как до 2000 г. я имела представление о нем только по опубликованным работам, посвященным археологии Средней Азии, которые, конечно, изучала, занимаясь антропологией современного населения этого региона. Но как специалист читает работы коллег смежных научных областей? Интересны, прежде всего, выводы, к которым приходит автор, и, в самых общих чертах, проанализированный материал и логика его анализа.

С именем Л. Б. Кирчо ассоциировались знаменитый туркменский памятник Алтын-депе и имя Вадима Михайловича Массона. В октябре 2000 г. мы с ней встретились на ныне широко известной крупной международной конференции «Культурное наследие Туркменистана: глубинные истоки и современные перспективы», которая после десятилетнего разрыва научных связей между исследователями некогда единой страны была организована президентом Туркменистана благодаря инициативе В. М. Массона. Этот научный форум собрал тогда в Ашхабаде почти всю археологическую и востоковедческую элиту, занимавшуюся Средней Азией. Любовь Борисовна стремительно,

можно сказать, подлетела к нам, небольшой группе антропологов, вошедшей в холл ашхабадской гостиницы Ак-Алтын (в переводе — белое золото), переполненный гостями, спросила, как мы добрались, сообщила необходимую организационную информацию, в том числе по размещению, и столь же стремительно вернулась к коллегам, с которыми беседовала ранее.

Будучи многие годы, начиная с 1970-го (как она сама пишет в автобиографии), руководителем объекта, начальником Алтыновского отряда и заместителем руководителя Каракумской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА, ныне ИИМК РАН) она была фактически основным координатором той конференции с российской стороны. Она знала практически всех специалистов по данной проблематике из разных стран мира, как археологов, так и востоковедов, а они знали ее. Спустя много лет Любовь Борисовна не раз подчеркивала, что нашему с ней поколению очень повезло в том, в какой научной среде мы делали свои первые шаги, от кого получали замечания и советы, на чьих выступлениях могли присутствовать. Учитывая, что возможностей выехать за границу в советское время, особенно у начинающих свою научную деятельность, почти не было, крупные международные конференции, съезды, совещания, проводившиеся не только в Москве или

¹ Центр антропоэкологии, Институт этнологии и антропологии РАН; Ленинский пр-т, д. 32а, Москва, 119334, Россия; e-mail: dubovana@iea.ras.ru, dubova_n@mail.ru.

Ленинграде, но и в разных городах Советского Союза, давали возможность услышать вживую ведущих специалистов со всего мира. Но... доклады были прочитаны, экскурсии по музеям и Ашхабаду, совершенно изменившему свой облик за десятилетие независимости Туркменистана, проведены, и гости разъехались. Судьба сложилась так, что наши пути изредка пересекались лишь на конференциях в России и в Туркменистане. Позднее, уже фактически после защиты Л. Б. Кирчо докторской диссертации, наши отношения переросли в дружбу (рис. 1). Поэтому данная заметка не претендует на исчерпывающее представление юбиляра и ее вклада в археологическую науку — это лишь небольшие штрихи к портрету.

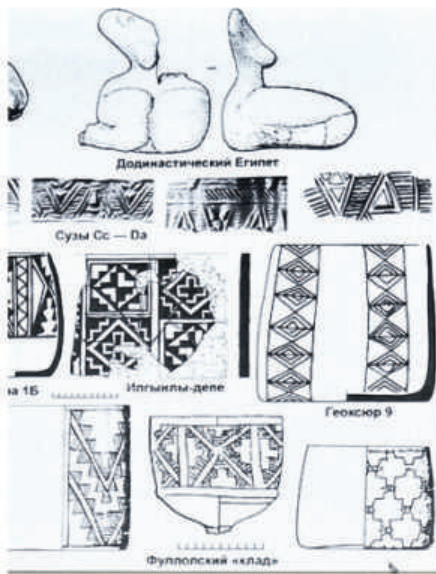
Люди по-разному относятся к своей работе. Некоторые очень аккуратно выполняют все, что необходимо, позволяя себе в какие-то периоды отодвинуть свои занятия на второй план. Другие уделяют работе время, свободное от иных, более интересных им дел. А для третьих, к которым относится и Любовь Борисовна, археология — это основное дело их жизни. С удовольствием собирая грибы, любясь витражами в Равенне, выкуривая очередную пачку сигарет за чашкой любимого кофе, она продолжает сопоставлять находки с разных памятников, обдумывать, какие функции они выполняли, какими путями двигались люди, как доставлялось сырье для производства предметов обихода и украшений, как эти материалы обрабатывались и так далее. Уверена, что если глубокой ночью разбудить ее и спросить, к какому периоду — Намазга IV или V — относится бронзовая булава вот с таким-то навершием, ответ будет получен незамедлительно. Правда, после ряда весьма изысканных выражений.

Любовь Борисовна Кирчо родилась в Крыму, в г. Евпатория, в семье инженеров. Ее родители работали в Гипробумпроме — организации, по проектам которой было создано более 70 % мощностей целлюлозно-бумажной промышленности Советского Союза. Оба были главными инженерами разных отделов и отвечали за одно из самых важных направлений отрасли — водоснабжение и очистные сооружения. В Евпатории прошли и все детские годы. В школе она училась уже в Ленинграде, окончив ее в 1968 г. с серебряной медалью. Затем она поступила на кафедру археологии Ленинградского университета, которую, перейдя в 1971 г. на вечернее отделение, закончила в 1974 г. Переход к вечернему образованию был связан с устройством

на работу препаратором, затем лаборантом в Красноярскую экспедицию ЛОИА АН СССР под руководством Михаила Петровича Грязнова. Именно в эту экспедицию Любовь Борисовна была зачислена уже старшим лаборантом по окончании университета. В 1981 г., после успешной защиты кандидатской диссертации, переведена на должность младшего научного сотрудника в Отдел археологии Средней Азии и Кавказа (ныне Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа), с которым с тех пор была связана ее жизнь, где и теперь она служит в должности ведущего научного сотрудника.

Несмотря на то что она участвовала в раскопках памятников от верхнего палеолита (Костёнковская экспедиция в Воронежской области, рук. Александр Николаевич Рогачев) до античности (Тарханкутская экспедиция в Северо-Западном Крыму, рук. Александр Николаевич Щеглов), включая Красноярскую (рук. Михаил Петрович Грязнов) и Саяно-Шушенскую (рук. Сергей Никитич Астахов), работавшую в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, всегда на первом месте для нее оставалась Каракумская экспедиция под руководством В. М. Массона. Приняв участие в раскопках одного из крупнейших многослойных памятников Туркменистана Алтын-депе уже в 1969 г., будучи в 1969–1995, 1998 и 2001 гг. начальником именно Алтыновского отряда, она до сих пор изучает это богатейшее историческое наследие. И в трудовой книжке у нее тоже мало записей — только смена должностей в ИИМК.

Кандидатская диссертация «Культура ранней бронзы Южной Туркмении» была подготовлена под руководством В. М. Массона также на материалах Алтын-депе и защищена в 1980 г. Уже первые статьи (Кирчо, 1976; 1979), как и серия последующих, были посвящены анализу археологических комплексов, характерных для разных этапов развития культуры в предгорьях Копетдага. Но наибольшее внимание Любовь Борисовна уделяет энеолитическим слоям, старясь выявить их связь с последующими (например: Кирчо, 1981а; 1981б; 1981в; 1991; 1999; Kircho, 1994; и др.). Для того чтобы проводить исследование максимально объективно, необходимо прекрасно знать не только археологический материал самого памятника, но и все, что может иметь к нему отношение: материалы других памятников на обширных окружающих пространствах, причем разных хронологических периодов; контекст обнаружения предметов; технологии строительства и производства изделий

и еще многое другое. Такой подход, безусловно, свойственен Л. Б. Кирчо. Иными словами, она досконально владеет имеющейся информацией по изучаемому региону, по многим археологическим и историческим периодам, а также активно использует ее при широких сопоставлениях (например: Кирчо, 2005–2009; 2007а; 2007б; 2008а; 2008б).

Описывая разнообразие артефакты, Любовь Борисовна старается их всесторонне проанализировать, провести максимум возможных на данный момент анализов. Большое внимание, как практически все специалисты, она уделяет керамическим изделиям. Уже в 1980 г. на совещании, посвященном методике археологических исследований в Ашхабаде, она обсуждала принципы классификации керамики (Кирчо, 1980а). К этой тематике она обращалась и позже, фокусируясь на расписной керамике (Кирчо, 1981а; 1999), а также при подготовке докторской диссертации. Обратив внимание на особенности некоторых каменных изделий Алтын-депе, Л. Б. Кирчо организует проведение серии специальных анализов, которые показывают, что для изготовления изделий, особенно престижно-культурных, использовались не природные, а особым образом обработанные минералы (Кирчо, Ковнурко, 1999; 2003). Удивительно, но эта весьма важная технологическая деталь была почти неизвестна. Когда В. И. Сарияниди на туркменском Гонур-депе нашел знаменитые теперь мозаичные композиции, именно эти работы Л. Б. Кирчо и Г. М. Ковнурко вместе со специальными исследованиями геолога А. М. Юминова помогли определить, из какого материала были изготовлены мозаичные тессеры.

На основе комплексного анализа этих и еще многих других данных по разным группам предметов, а также всей совокупности материалов по стратиграфии и топографии Алтын-депе в своей докторской диссертации «Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и

технико-технологической трансформации)», успешно защищенной в ИИМК РАН в 2009 г., Любовь Борисовна характеризует основные компоненты культуры позднего энеолита — ранней бронзы Юго-Запада Средней Азии. Она впервые выстраивает логичную систему относительной и абсолютной хронологии памятника не только на основе калиброванных радиоуглеродных дат, но и на расчетах скорости накопления культурных слоев за определенные промежутки времени. Ею также выделены специализированные производственные участки в хозяйственных и жилых комплексах Алтын-депе и реконструирована система производства на разных этапах его развития.

Любовь Борисовна — одна из тех, на кого В. М. Массон опирался при организации и полевых исследований, и масштабных научных мероприятий. Недаром, когда он руководил ЛОИА (ИИМК), она с 1985 по 1996 г. была ученым секретарем института. Должность очень трудозатратная и ответственная, требующая прекрасного знания коллектива института, разрабатываемых научных направлений и в то же время понимания требований «сверху». Именно ученые секретари академических институтов подготавливают большую часть документации, включая годовые отчеты и разнообразные справки, которые, как и публикации сотрудников, и результаты полевых работ, лежат в основе репутации и рейтинга института.

В последние годы жизни Вадима Михайловича Массона и Галины Федоровны Коробковой она также была рядом, поддерживая их связи с той частью мира, куда оба ученых в силу состояния здоровья уже могли попасть с трудом. Должна сказать, что Любовь Борисовна осуществляла в том числе и «челночную дипломатию» между В. М. Массоном и В. И. Сарияниди, бывшими в молодости большими друзьями, но со временем совсем переставшими общаться. Но будучи людьми, для которых археология — главное дело жизни, они всегда интересовались, что же на-

Рис. 1. Любовь Борисовна Кирчо — зарисовки из жизни: 1 — с коллегами на Гонур-депе, Туркменистан. Слева направо: Надежда Дубова (Россия), Любовь Кирчо (Россия), Ольга Марфина (Беларусь), Эджегуль Мурадова (Туркменистан), Юрий Берёзкин (Россия), 7 июня 2012 г.; 2 — выступление на заседании Круглого стола в Ашхабаде, 19 октября 2018 г.; 3, 4 — Гонур-депе, Туркменистан, за работой с керамикой, май 2019 г. (4 — Л. Б. Кирчо и В. Н. Орлов)

Fig. 1. Lyubov' Borisovna Kircho — life sketches: 1 — with colleagues at Gonur Depe, Turkmenistan. From left to right: Nadezhda Dubova (Russia), Lyubov' Kircho (Russia), Olga Marfina (Belarus), Edzhegul Muradova (Turkmenistan), Yuriy Berezkin (Russia), June 7, 2012; 2 — speech at the session of the Round Table in Ashgabad, October 19, 2018; 3, 4 — Gonur Depe, Turkmenistan, processing of the pottery, May of 2019 (4 — L. B. Kircho and V. N. Orlov)

шел, исследовал, написал «тот, другой». Так, например, когда В. И. Сарияниди в 2004 г. нашел группу элитных погребений («царский некрополь Гонура»), именно Л. Б. Кирчо организовала мой визит к Вадиму Михайловичу, чтобы он мог услышать про это открытие от непосредственного участника событий, задать свои вопросы. Все же одно дело — сухая публикация, а другое — живой рассказ.

Она помогала Массону и Коробковой и в быту, но самое главное — сделала многое для того, чтобы они смогли завершить работы, которые стали для них последними, подготовить их к публикации. Это касается, монографии Вадима Михайловича о культурогенезе древней Средней Азии, изданной двумя тиражами на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета и рекомендованной как учебное пособие (Массон, 2006), и совместной монографии (Кирчо и др., 2008). В последней Любовью Борисовной подготовлена большая часть разделов: «Вместо предисловия», часть «Введения», значительная часть «Заключения», три главы из четырех, а также важнейшая составляющая издания — 170 таблиц. Но она не могла не включить в число авторов Г. Ф. Коробкову и В. М. Массона, с которыми работала рядом многие годы, в том числе и над этой проблематикой. Тем более что трасологические наработки были полностью выполнены Г. Ф. Коробковой. Разделы, написанные Любовью Борисовной, опираются на собственные исследования культурных комплексов Алтын-депе, стратиграфии и топографии памятника (в том числе: Кирчо, 1981б; 1986; 2004; 2008а; Кирчо, Шаровская, 2001). Авторы приходят к заключению, что можно выделить два этапа развития технико-технологического потенциала энеолитического населения Алтын-депе: первый, когда производство носило в основном домашний характер, и второй (период позднего энеолита), когда на поселении формируется культурная и технико-технологическая основа древнейшей раннегородской цивилизации Средней Азии.

Л. Б. Кирчо продолжает исследование темы протогородов и в настоящее время, уделяя все большее внимание культурным комплексам, свойственным разным историческим этапам, а также соотношению абсолютной и относительной хронологии (Кирчо, 2019; 2020; 2021). Большим этапом на этом пути стала публикация книги «Хронология эпохи позднего энеолита — средней

бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе)» (2005а). Тщательная систематизация, описание и анализ более чем 900 погребений памятника, сделанные ею (Кирчо, 2005а; 2005б; 2005в; 2005г; 2005д; 2005е; 2005ж; Кирчо, Попов, 2005) (одна из глав подготовлена В. А. Алёшкиным), сопровождаемые 165 таблицами, рисунками и фотографиями, как подчеркнул один из научных редакторов издания В. М. Массон, «не имеет аналогов в практике археологии древневосточного круга» (Хронология..., 2005. С. 7). Сейчас значительную часть своего времени Любовь Борисовна уделяет процессу передачи всей археологической коллекции по Алтын-депе на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж.

Говоря о юбиларе, нужно отметить еще два важных момента. Собственно, один из них уже упоминался выше — ее обширные научные связи с коллегами из разных стран мира, которые, надо признаться, она использует в полной мере. Но не в каких-либо личных целях, а для проведения всех доступных исследований самыми современными методами, изучения имеющихся материалов во всей возможной на данном этапе полноте, представления достижений отечественной археологии мировому научному сообществу, подготовки молодых кадров. Крайне скудное государственное финансирование науки (добавлю — и полное отсутствие средств на проведение полевых и лабораторных исследований) в 1990-е гг. подталкивало специалистов, переживающих за свое дело, к поиску новых ресурсов. Одни уезжали за рубеж, другие старались изыскать небюджетные средства для продолжения раскопок, проведения исследований на современном техническом уровне. В последнем случае во многом помогли зарубежные коллеги. Конечно, сыграла роль и их заинтересованность в работе в малоизвестной им ранее Средней Азии, которая, как выяснилось, смогла преподнести много важных открытий. Наиболее тесные научные и дружественные связи у Каракумской экспедиции и Л. Б. Кирчо в частности сложились с Международной Ассоциацией исследований Средиземноморья и Востока — ISMEO (Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l'Oriente), базирующейся в Риме (Италия), и Европейской Ассоциацией изучения археологии Южной Азии — EASAA (современное, с 2010 г., название — European Association for South Asian Archaeology and Arts). Российские археологи, в том числе Л. Б. Кирчо, получили

возможность разрабатывать совместные проекты, представлять результаты своих исследований на крупных международных форумах в разных странах мира и обмениваться новейшими публикациями. Так зародилась продолжавшаяся многие годы дружба с Сандро Сальватори (1948–2020), Маурицио Този (1944–2017) из Италии, с Карлом Ламбергом-Карловским из США и многими другими, а также с их более молодыми коллегами. Многие из них принимали участие в упомянутой в начале статьи международной конференции в Ашхабаде.

Вторым, на что хотелось бы обратить внимание, — это активная редакторская работа Л. Б. Кирчо. Она руководит редакционно-издательской группой Института. С 2006 г., с самого начала издания одного из регулярно выходящих журналов «Записки ИИМК РАН», она являлась его ответственным секретарем, а с 2014 г. — заместителем главного редактора. Именно на ней лежит обязанность полной редакторской подготовки каждого номера, включая сверку сносок и рисунков, основное научное редактирование текстов. Имея богатый опыт такой работы, она многократно являлась членом редакционных групп по подготовке к изданию трудов разных научных форумов, сборников статей и других изданий.

Можно сказать, что Алтын-депе — один из крупнейших памятников не только Туркменистана, но и всей Средней Азии, является центром притяжения для Любви Борисовны. На его раскопках она провела немало лет своей жизни. С ним связано подавляющее большинство ее публикаций. Будучи далеко не полностью раскопанным, памятник дал возможность проследить эволюцию типов вещей и их наборов по строительным горизонтам. Материал из Алтына почти всегда помогает найти ответы или подсказать направление мыслей при анализе истории ранних цивилизаций, во многих случаях он является прекрасной сравнительной базой. Вклад в это юбилея не оценим. Ее активная полевая работа, прекрасные организаторские (как в отношении экспедиций, так и научных мероприятий) способности, увлеченность археологией и глубокие знания во многих областях принесли свои результаты. Имя Л. Б. Кирчо известно всем специалистам, занимающимся археологией Средней Азии. Ее обобщающие исследования, особенно последних десятилетий, являются опорными изданиями по энеолиту и ранней бронзе региона. Поздравляя Любовь Борисовну с юбилеем, хочется пожелать еще многих достойных свершений на избранном поприще.

Кирчо, 1976 — Кирчо Л. Б. Проблема происхождения культуры ранней бронзы Южной Туркмении // Известия АН Туркмен. ССР. Сер. обществ. наук. Ашхабад: изд-во АН Турк. ССР, 1976. № 6. С. 48–55.

Кирчо, 1979 — Кирчо Л. Б. Алтын-депе в эпоху ранней бронзы // Известия АН Туркмен. ССР. Сер. обществ. наук. Ашхабад: изд-во АН Турк. ССР, 1979. № 4. С. 55–62.

Кирчо, 1980а — Кирчо Л. Б. Культура ранней бронзы Южной Туркмении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология / ИА РАН. Л.: ЛОИА АН СССР, 1980. 20 с.

Кирчо, 1980б — Кирчо Л. Б. О принципах анализа массового археологического материала способом классификации // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. Тезисы совещания (октябрь 1980 г.). Ашхабад: Ылым, 1980. С. 30–33.

Кирчо, 1981а — Кирчо Л. Б. Классификация орнаментации древней расписной керамики // Вопросы теории археологии и древней истории / Отв. ред. В. М. Массон. Ашхабад: Ылым, 1981. С. 106–123.

Кирчо, 1981б — Кирчо Л. Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы: Тез. докл. науч. конф. (Москва, 16–19 ноября 2004 г.). М.: РГУ, 2004. С. 124–127.

Кирчо, 1981в — Кирчо Л. Б. Черты преемственности в культуре эпохи ранней бронзы Южного Туркменистана // Преемственность и инновации в развитии древних культур: Мат-лы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз. Л.: Наука, 1981. С. 66–69.

Кирчо, 1986 — Кирчо Л. Б. Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации (по материалам раскопок Алтын-депе) // Древние цивилизации Востока: Мат-лы II Советско-американского симпозиума. Ташкент: Фан, 1986. С. 137–146.

Кирчо, 1991 — Кирчо Л. Б. Изучение слоев эпохи позднего энеолита на Алтын-депе в 1984–1989 гг. СПб.: ИИМК РАН, 1991. 23 с.

- Кирчо*, 1999 — *Кирчо Л. Б.* К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана (основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-депе). СПб.: ИИМК РАН, 1999. 120 с.
- Кирчо*, 2004 — *Кирчо Л. Б.* Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / Ред. М. Ф. Косарев, П. М. Кожин, Н. А. Дубова. М.: Старый сад, 2004. (Тр. МАЭ; Т. 2). С. 142–160.
- Кирчо*, 2005а — *Кирчо Л. Б.* Введение // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) / Ред. В. М. Массон, Ю. Е. Берёзкин. СПб.: Нестор-История, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVI). С. 9–10.
- Кирчо*, 2005б — *Кирчо Л. Б.* Заключение // Там же. С. 512–519.
- Кирчо*, 2005в — *Кирчо Л. Б.* Общая характеристика погребений Алтын-депе // Там же. Ч. II, гл. 2. С. 324–346.
- Кирчо*, 2005г — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Там же. Ч. II, гл. 3. С. 347–421.
- Кирчо*, 2005д — *Кирчо Л. Б.* Стратиграфия Алтын-депе // Там же. Ч. II, гл. 1. С. 315–323.
- Кирчо*, 2005е — *Кирчо Л. Б.* Таблицы иллюстраций // Там же. Ч. I. С. 147–313.
- Кирчо*, 2005ж — *Кирчо Л. Б.* Каталог погребений Алтын-депе // Там же. Ч. I. С. 11–78.
- Кирчо*, 2005–2009 — *Кирчо Л. Б.* Основные направления и характер культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана в V–III тыс. до н. э. // *Stratum plus*. 2008. № 2: Волны медного века. С. 377–395.
- Кирчо*, 2007а — *Кирчо Л. Б.* Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // Записки ИИМК РАН. 2007. № 2. С. 193–208.
- Кирчо*, 2007б — *Кирчо Л. Б.* Начало формирования торговых путей в Средней Азии (культурные взаимодействия населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана во второй половине IV–III тыс. до н. э.) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития: Материалы Международ. науч. симпозиума, посвящ. 2750-летнему юбилею г. Самарканда. Самарканд; Ташкент: Фан, 2007. С. 97–101.
- Кирчо*, 2008а — *Кирчо Л. Б.* Культурные взаимодействия как фактор становления раннегородской цивилизации (по материалам Южного Туркменистана V–III тыс. до н. э.) // Вестник СПбГУ. Серия «История». 2008. Вып 3. С. 143–154.
- Кирчо*, 2008б — *Кирчо Л. Б.* Южный Туркменистан и Северо-Восточный Иран культурное районирование в V — начале III тыс. до н. э. // Туркменская земля — колыбель древних культур и цивилизаций: Материалы Междунар. науч. конф. Ашхабад: б. и., 2008. С. 107–109.
- Кирчо*, *Ковнурко*, 1999 — *Кирчо Л. Б.*, *Ковнурко Г. М.* Минералого-петрографическая характеристика находок из погребений Алтын-депе и вопросы хронологии // АВ. 1999. № 6. С. 76–85.
- Кирчо*, *Ковнурко*, 2003 — *Кирчо Л. Б.*, *Ковнурко Г. М.* Престижно-культурные предметы и украшения Алтын-депе из древних искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа) // АВ. 2003. № 10. С. 108–113.
- Кирчо*, *Попов*, 2005 — *Кирчо Л. Б.*, *Попов С. Г.* К вопросу о радиоуглеродной хронологии археологических памятников Средней Азии V–II тыс. до н. э. // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) / Ред. В. М. Массон, Ю. Е. Берёзкин. СПб.: Нестор-История, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVI). Приложение 2. С. 528–539.
- Кирчо*, *Шаровская*, 2001 — *Кирчо Л. Б.*, *Шаровская Т. А.* Орнаментированный каменный сосуд из Алтын-депе (к вопросу о постгеоксюрском комплексе Южного Туркменистана) // АВ. 2001. № 8. С. 120–124.
- Кирчо и др.*, 2008 — *Кирчо Л. Б.*, *Коробкова Г. Ф.*, *Массон В. М.* Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с.
- Массон*, 2006 — *Массон В. М.* Культурогенез древней Центральной Азии (Серия Азиатика). СПб.: изд-во СПбГУ, Филологический факультет, 2006. 384 с.
- Массон*, *Кирчо*, 1999 — *Массон В. М.*, *Кирчо Л. Б.* Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе) // РА. 1999. № 2. С. 61–76.
- Хронология..., 2005 — Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) / Ред. В. М. Массон, Ю. Е. Берёзкин. СПб.: Нестор-История, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVI). 540 с.
- Kircho*, 1994 — *Kircho L. B.* Some features of building complexes of the Late Aeneolithic Period at Altyn Tepe: new material from South Turkmenistan // South Asian Archaeology 1993. Proceedings of the

12th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University 5–9 July 1993 / Eds. A. Parpola, P. Koskikallio. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1994. Vol. 1. Pp. 369–374.

Kircho, 2019 — *Kircho L. B.* Altyn-Depe: The Formation of the Earliest Urban Centre in Central Asia // *Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids: Learnings and Conclusions from New Archaeological Investigations and Discoveries. Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology Held at the University of Bern, 4–6 February 2016* / Eds. Ch. Baumer, M. Novák. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. Pp. 9–28.

Kircho, 2020 — *Kircho L. B.* Cultural transmissions and the formation of the Silk Road directions in

Central Asia in the second half of the 4th — the beginning of the 2nd mill. BC // *Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges. Internationale Fachtagung für die Archäologie des Kaukasus und Humboldt-Kolleg (5.–8. Oktober 2015, Sankt Petersburg)* / Hrsg. M. T. Kašuba, S. Reinhold, Ju. Ju. Piotrovskij. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020 (*Archäologie in Iran und Turan*. Bd. 19). P. 281–310 (на рус. и англ. яз.).

Kircho, 2021 — *Kircho L. B.* The rise of the early urban civilization in southwestern Central Asia from the Middle Chalcolithic to the Middle Bronze Age in southern Turkmenistan // *The World of the Oxus civilization* / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. 1st Edition. London: Routledge, 2021. Pp. 110–142.

Lubov' Borisovna Kircho. Archaeology and life

N. A. Dubova²

L. B. Kircho was born in Crimea, the city of Yevpatoriya, in the family of engineers. She graduated from the Chair of Archaeology of the Leningrad State University in 1974. Since 1971 she worked first as a Preparation Assistant, then as a Senior Laboratory Assistant, Junior Researcher, Scientific Secretary, and now the Leading scientific assistant at the Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus and the Director of the Editorial-Publishing Group of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (formerly, the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR). The entire life and all the creative activities of L. B. Kircho have been connected with Altyn-Depe — one of the largest archaeological sites of Turkmenistan. At its excavations, she has spent many years of her life. To it, or based on it, the predominant majority of her scientific works are devoted. Her main interests are related to the evolution of archaeological complexes at different stages of the development of the culture in the foothill belt of the Kopet Dagh, with a special attention to the Eneolithic and Early Bronze Age strata. L. B. Kircho has developed and tested, at the example of Altyn-Depe, the method of building of a system of relative and absolute chronology of the site on the basis of not only calibrated radiocarbon dates but also through calculation of the rates of accumulation of cultural deposits over definite spans of time. Basing on the analysis of the technical and technological potential of the Upper Eneolithic population of Altyn-Depe, she grounds the formation there of the cultural and technico-technological basis of the early urban civilisation. Her summarizing publications, particularly during the recent decades, are reference investigations on the Eneolithic and early Bronze Age of the region under consideration; they, as well as her name, are well known to all the experts occupied with archaeology of Central Asia.

²Nadezhda Dubova — The Institution of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology; 32A, Leninski prospect, Moscow, 119991, Russia; e-mail: dubovana@iea.ras.ru, dubova_n@mail.ru.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Предварительные результаты исследования курганов в местности Саразм-2 в бассейне р. Зеравшан летом и осенью 2020 г.

С. Бобомуллоев, Н. М. Виноградова, Б. Бобомуллоев,
Т. У. Худжагелдиев, М. Наврузбеков¹

Аннотация. Статья написана по материалам раскопок курганов в местности Саразм-2 в долине Зеравшана. Здесь впервые были открыты курганные погребальные комплексы афанасьевской культуры. В долине Зеравшана прослеживаются тесные контакты местного земледельческого населения с носителями афанасьевской культуры в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы, что нашло свое отражение в материальной культуре древних скотоводов. Афанасьевские материалы Зеравшана открывают возможность нового подхода в исследовании генезиса афанасьевской культуры в конце IV тыс. до н. э.

Annotation. The article is based on the materials of excavations of burial mounds in the Sarazm-2 area in the Zeravshan valley. The burial mounds of the Afanasievo culture were discovered here for the first time. In the Late Eneolithic and Early Bronze Age in the Zeravshan valley, close contacts of the local agricultural population with the carriers of the Afanasievo culture can be traced, which is reflected in the material culture of the ancient pastoralists. The Afanasievo materials of Zeravshan open up the possibility of a new approach in the study of the genesis of the Afanasievo culture at the end of the IV millennium BC.

Ключевые слова: курганы, земледельцы, скотоводы, афанасьевская культура, Саразм.

Keywords: burial mounds, farmers, cattle breeders, Afanasievo culture, Sarazm.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-40-54

Эта статья посвящается двум выдающимся исследователям археологии Средней Азии — Л. Б. Кирчо и В. А. Алёшину, которые в своих работах неоднократно обращались к памятникам Таджикистана, исследуя древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана. Новые материалы, которые публикуются в этой статье, во многом подтверждают их заключения

о тесных контактах земледельческих и скотоводческих племен в эпоху энеолита и бронзы.

Первые исследования курганов на массиве Дашти Саразм проводились А. И. Исаковым в 1981–1982 гг. Им был выявлен могильник из четырех курганов (Исаков, 1988. С. 186–188; 1990. С. 144–160; 2020а. С. 289–291). Курганы расположены недалеко друг от друга (30–35 м) на расстоянии 150 м к югу от автодороги Пенджикент — Самарканд (высота 950 м над уровнем моря, координаты ± 5 , $39^{\circ}30'424''$ с. ш., $67^{\circ}26'30''$ в. д.). А. И. Исаков пришел к выводу, что курган 1 датируется по фрагментам керамики II–I вв. до н. э. Интерес представляет курган 3, он округлой формы диаметром 20 м, с каменным кольцом. Каменная ограда высотой от 25 до 50 см и шириной 60–70 см сложена из камней (речной гальки). Курган был раскопан в юго-западной и западной частях, выявлены три погребения в могильных

¹ Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б. — Национальный музей древностей; ул. Садриддина Айни, д. 31, Душанбе, Таджикистан; e-mail: bobomulloev_said@mail.ru. Виноградова Н. М. — Отдел истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения РАН; Рождественка, д. 12, г. Москва, 107031, Россия; e-mail: nat-vinogradova@mail.ru. Худжагелдиев Т. У., Наврузбеков М. — Отдел археологии, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикистана; ул. Академиков Раджабовых, 9, Душанбе, Таджикистан; e-mail: tura959@mail.ru, n-masnav83@mail.ru.

ямах. Первое захоронение — кенотаф, во втором погребении был расчищен скелет в вытянутом положении на левом боку. В могиле из сопровождающего инвентаря был найден только лепной горшок. В могильной яме третьего погребения был расчищен скелет в скорченном положении вместе с лепным сосудом горшковидной формы с мелкими известняковыми примесями в тесте (Исаков, 1988. С. 186–188). Курган 3 был определен как относящийся к «культуре раннежелезного века в верховьях Зеравшана» (Исаков, 1990. С. 144–160)². Согласно координатам и описаниям этих курганов, они находились в 2,5 км к западу от вновь открытых серий курганов, которым посвящена настоящая статья.

В 2014 и 2019 гг. рядом с поселением античного времени Мустафотепа (высота 948 м над уровнем моря, координаты $\pm 4, 39^{\circ}29'45,50''$ с. ш., $67^{\circ}27'01,37''$ в. д.) были проведены раскопки нескольких бескурганых погребений (Каримова и др., 2019. С. 81–83; Бобомуллоев и др., 2020. С. 23–32; Виноградова и др., 2020. С. 52–54)³.

Летом 2020 г. археологическая группа во главе с С. Бобомуллоевым проводила разведку в районе холмов, находящихся в 1 км к югу от поселения Саразм⁴. Этот массив представляет собой третью террасу левобережья р. Зеравшан и возвышается на 40–60 м над равниной Дашти Саразм, оконтуривая ее южные границы. Первый курган был обнаружен в центральной части этого массива, ближе к саю Атджуварсай. В дальнейшем на участке Саразм-2 удалось обнаружить шесть курганов, четыре из которых ярко выражены и сохранились на высоту от 2 до 5 м от дневной поверхности. Курганы располагаются на расстоянии около 300 м друг от друга. В 2020 г. группа приступила к раскопкам первых двух курганов (рис. 1, А).⁵ Курганы раскопаны частично.

² После завершения исследований А. И. Исакова на массиве Дашти Саразм все четыре кургана сровняли с землей для использования угодий в агрокультурных целях.

³ См. рис. 1, А, где под номером 1 указаны погребения в Мустафотепе. Работы на Мустафотепе были продолжены в 2020 г. (номер 4 на рис. 1).

⁴ В настоящее время вся эта местность имеет административное название Саразм-2.

⁵ Все топографические планы, чертежи и рисунки выполнены Т. У. Худжагелдиевым.

Курган 1 расположен в юго-западной части массива Саразм-2 и в настоящее время представляет собой сильно оплывший холм высотой около 3 м над окружающей его местностью. На момент проведения раскопок его северная часть была разрушена при планировке под строительство дома (рис. 2). На разрушенных участках были обнаружены остатки кладки из речной гальки, по краям же стратиграфического разреза и в заложенных в основании сохранившейся части кургана траншеях расчищены участки ограды из камней, сложенные с наклоном к центру кургана примерно в 30° . Ограда⁶ округлой формы диаметром 37–38 м. Она сложена из довольно упорядоченных и плотно уложенных речных галек (25–45 см) на глиняном растворе, шириной в 1–2 камня, высота ограды составляет 1,2–1,3 м. На восточном участке кургана среди камней обнаружено выполненное из гальки рубящее орудие (рис. 1, Б, 1). Внизу кладки уложены гальки более крупных размеров, и их уровень расположения соответствует линии древней дневной поверхности, четко фиксируемой на профиле разреза кургана над слоем суглинка с насыщенным содержанием биолитов в нижней части и нижележащими пролювиальными отложениями суглинка и мелкого щебня древнего сезонного водотока в овраге Атджуварсай (рис. 2, 2). Относительно этой поверхности высота кургана в настоящее время составляет примерно 3,5 м, однако с учетом объема, оплывшего за 5000 лет со склона грунта, фиксируемого на профиле разреза с наружной стороны ограды, первоначальная высота кургана на момент его возведения в древности могла составлять более 4 м.

Судя по стратиграфии слоев кургана, грунт для его возведения привозили с двух участков — вначале использовали суглинок темно-серого цвета, поверх него засыпали суглинок светло-коричневого цвета. В средней части профиля эта стратиграфия была нарушена. Многослойные натёки, наблюдаемые на разных высотах этого участка длиной около 6 м, прогибающиеся вниз линзы песка и мелкого щебня, неоднородная структура грунтового заполнения, а также расположение этого участка над погребениями, по мнению одного из авторов статьи — Т. У. Худжагелдиева, указывают на следы грабительской ямы в кургане.

В 2020 г. была раскопана северная половина кургана, где открыты три погребения, компактно

⁶ По мнению редакции, кладка из гальки представляет собой не ограду, а крепиду, лежащую на краю насыпи.

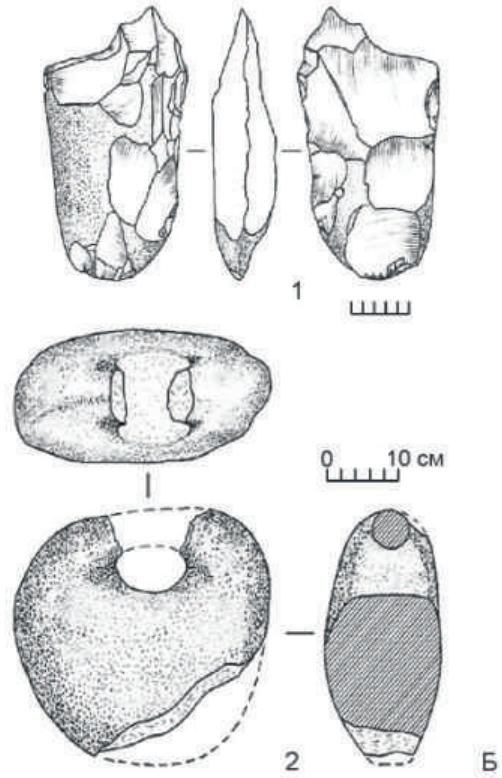
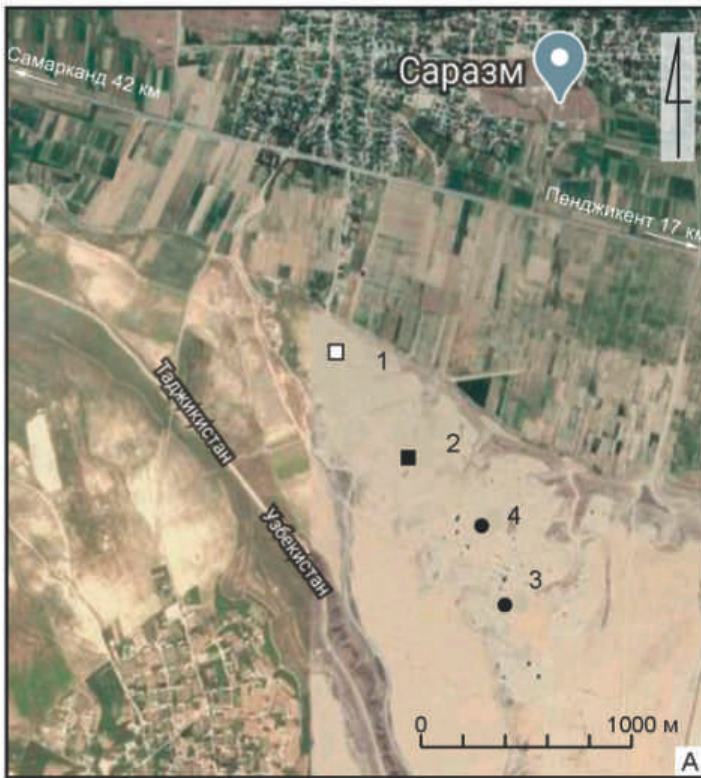
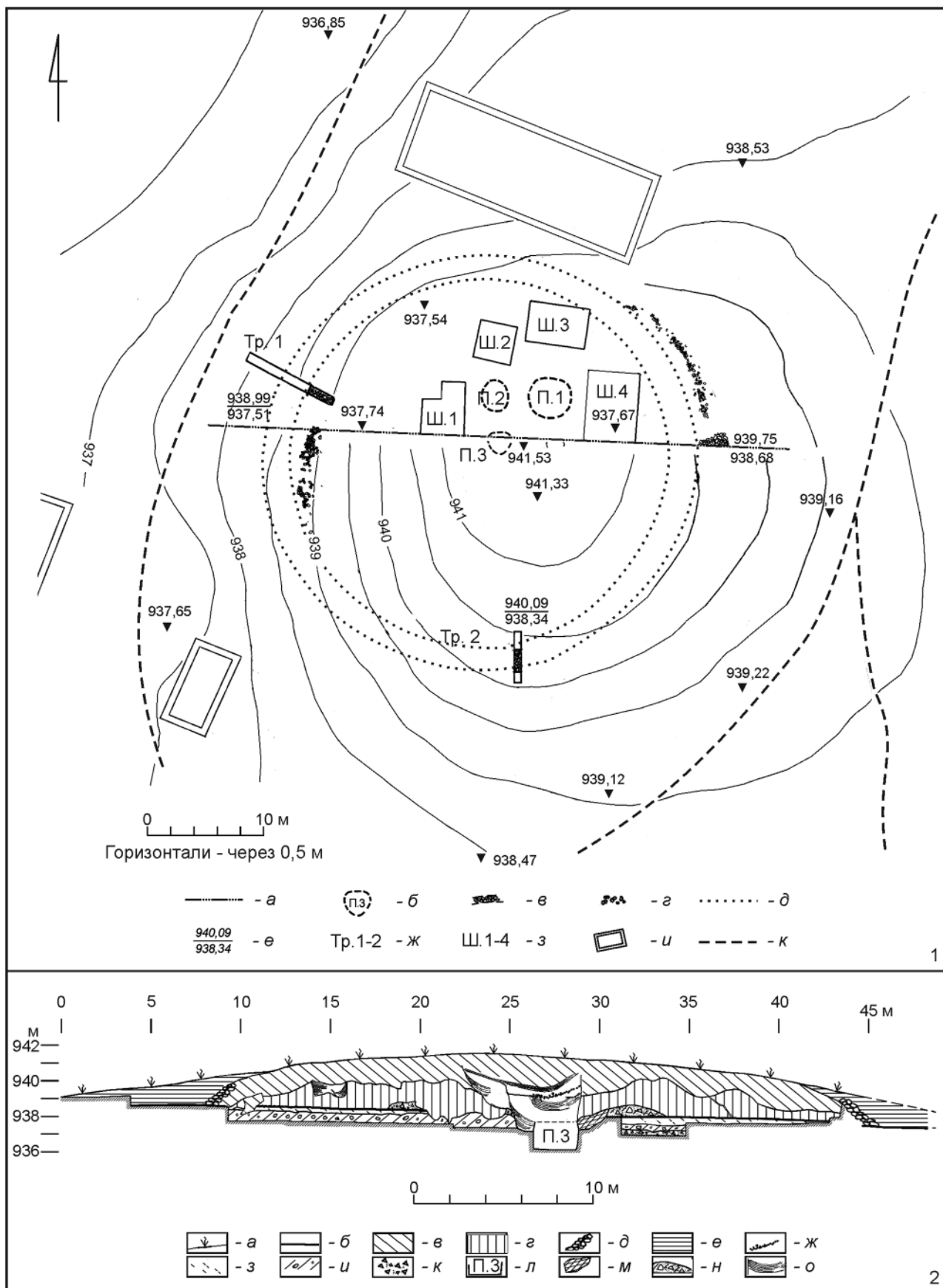

Рис. 1. Археологические памятники к югу от Саразма (А): 1, 2 — Мустафотепе: 1 — раскопы 1–3, 2 — раскоп 4; 3, 4 — могильник Саразм-2: 3 — курган 1, 4 — курган 2. Могильник Саразм-2 (Б): 1, 2 — случайные находки
Fig. 1. Archaeological sites to the south of Sarazm (A): 1, 2 — Mustafotepe: 1 — excavation areas 1–3, 2 — excavation 4; 3, 4 — cemetery of Sarazm-2: 3 — barrow 1, 4 — barrow 2. Cemetery of Sarazm-2 (Б): 1, 2 — stray finds

Рис. 2. Могильник Саразм-2, курган 1: 1 — план (а — линия бровки; б — раскопанные погребения; в — «наклонная стенка» из галек (крепида); г — остатки основания крепида; д — границы крепида в плане; е — высотные отметки верха и низа крепида; ж — траншеи на склонах кургана; з — шурфы в основании кургана; и — фундаменты современных строений; к — грунтовая дорога); 2 — бровка, северный фас (а — дерновый слой; б — гумусированная прослойка древней дневной поверхности, основание кургана; в — насыпь кургана из суглинка светло-коричневого цвета; г — насыпь кургана из суглинка темно-серого цвета; д — «наклонная стенка», крепида; е — поздние склоновые делювиальные отложения суглинка; ж — линзы из мелкой гальки и щебня; з — плотный суглинок коричневого цвета; и — плотный суглинок коричневого цвета с биолитами; к — щебнистые пролювиальные отложения; л — погребальная яма; м — заполнение из темно-серого суглинка (лаз в яму); н — выкид щебня из погребальной ямы; о — линзы глинистых натеков в грабительском лазе)

Fig. 2. Cemetery of Sarazm-2, barrow 1: 1 — plan (a — line of the stratigraphic baulk; б — excavated burials; в — “skew wall” built from pebbles (crepis wall); г — remains of the base of the crepis; д — outlines of the crepis in plan; е — height marks of the top and lower part of the crepis wall; ж — trenches at the slope of the barrow; з — exploratory trenches at the base of the barrow; и — foundations of modern buildings; к — earthroad); 2 — baulk, northern face (a — turf layer; б — humic intercalation of the ancient surface, base of the barrow; в — mound of light-brown loam; г — mound of dark-grey loam; д — “skew wall”, crepis; е — late deluvial slope deposits of loam; ж — lenses of fine pebbles and detritus; з — dense brown loam; и — dense brown loam with bioliths; к — proluvial deposits of detritus; л — burial pit; м — dark-grey loam fill (crawlway to the pit); н — detritus spoil from the burial pit; о — lenses of clayey sinter in the robbers’ crawlway)

расположенные в центральной части сооружения. Погребальные ямы выкопаны в слоях суглинка с биолитами и в лежащих ниже пролювиальных слоях суглинка с примесью щебня и мелкого слабо окатанного щебня.

Погребение 1 (рис. 3) находится в северо-восточной части центрального участка кургана. Захоронение ямной конструкции округлой формы. Размеры ямы в верхней части $3,8 \times 3,5$ м; по дну — $3,6 \times 3,6$ м. Глубина ямы 1,1 м. По краям погребения с северной и южной сторон хорошо видны следы тонких бревен, которые перекрывали погребальную яму. Бревна накрывались циновкой из камыша, окрашенной охрой. Могила перекрывалась насыпью из грунта высотой 40–50 см и диаметром около 5 м. Следы циновки были зачищены также на стенках погребения и на древней дневной поверхности между погребениями. В западной стенке погребения прослеживаются следы впускной ямы для подзахоронения шириной 0,5–0,6 м и длиной 0,8–1,0 м). В погребальной яме на разных уровнях зачищены кости. На дне ямы читаются следы подстилки (войлок?), окрашенной охрой. Здесь рядом с фрагментами черепа лежал камень из мраморовидного известняка со следами охры (рис. 3, 1, в, б). В заполнении ямы найдены два скребковидных орудия из кремня и окремненной породы (рис. 3, 1, а, б, 4, 5).

По имеющимся фрагментам костей антрополог М. Наврузбеков определил, что в погребении похоронены три индивида: первый — мужчина 35–40 лет, второй — мужчина 24–30 лет, третий — женщина 20–25 лет. Возможно присутствие четвертого человека, который определяется по фрагментам малоберцовой кости.

Погребение 2 (рис. 4) находится на 1,6 м западнее захоронения 1. Заполнение погребальной ямы — темно-серый суглинок. Погребение ямной конструкции овальной формы ($3,2 \times 2,4$ м) вытянуто длинной стороной с юга на север. Глубина ямы 0,8 м. По краям могилы прослеживаются следы бревен, перекрывающих погребение с севера на юг. Диаметр бревен — от 12 до 20 см. На бревнах зачищены следы циновки. В юго-западной части погребения прослеживаются следы впускной ямы для подзахоронения шириной 0,8–0,4 м и длиной 1,4 м. По всей площади погребальной ямы на разных уровнях зачищены кости. На дне ямы на подстилке (войлок?), окрашенной охрой, найдено каменное навершие (рис. 4, 1, б, 4). Рядом с фрагментами черепа расчищены костяная

«налобная» пластина и обломок изделия из кости (рис. 4, 1, а, в, 5, 6).

По антропологическому определению в могиле встречаются останки четырех или пяти индивидов. Пол первого — мужской, возраст 25–35 лет, второго — мужской, возраст 18–22 лет, пол третьего не определен, возраст (по стиранию зубов) 15,5 лет, пол четвертого — женский, возраст 20–25 лет. По двум фрагментам нижних бедренных эпифизов возможно определить присутствие в погребении еще двух индивидов.

Погребение 3 находится в центральной части кургана, на 1,5 м южнее захоронения 2 (рис. 5). Могила раскопана частично, так как большая часть погребальной ямы уходит в центральную бровку. Раскопанная часть погребения составляет $2,7 \times 2,5$ м. Погребение ямной конструкции глубиной 0,9 м. В северо-западной стенке захоронения прослеживается впускная яма для подзахоронения шириной 0,6–0,7 м и длиной 1,8 м. По краям ямы с северной стороны расчищены отпечатки деревянных балок. Следы циновки прослеживаются между второй и третьей могилами. Костей скелета в погребении не найдено. В северо-западной части захоронения найден фрагмент каменной гири (рис. 5, 1, а, 3), на дне ямы расчищена золотая обкладка цилиндрической формы (рис. 5, 1, в, 5), в восточной части ямы — керамическое навершие (рис. 5, 1, б, 4).

Курган 2 расположен на 300 м северо-западнее кургана 1 (рис. 1)⁷. Он значительно меньше первого кургана как по размерам в плане, так и по высоте насыпи (рис. 6). Местность вокруг кургана имеет общий наклон с востока на запад, поэтому высота кургана в восточной части 2,5 м, а в западной — 3 м. Раскопки велись в северо-западной части кургана. Здесь был разбит шурф, в котором расчищена наклонная в сторону центра кургана ограда из галек шириной 30–50 см и высотой 90 см. Диаметр кургана по основанию ограды из камней равен примерно 28 м.

В центральной части кургана открыты два погребения, и северо-западнее них, примерно в 7,5 м, расчищен участок с кострищем.

Погребение 1 — ямной конструкции округлой формы глубиной 1 м (размеры $2,7 \times 2,6$ м в верхней части и $2,2 \times 2,2$ м по дну ямы) (рис. 7). Следы деревянных балок хорошо прослеживаются

⁷ Курган 2 — $39^{\circ}29'24''$ с. ш., $67^{\circ}27'24''$ в. д., высота 939,07 м над уровнем моря (вершина кургана).

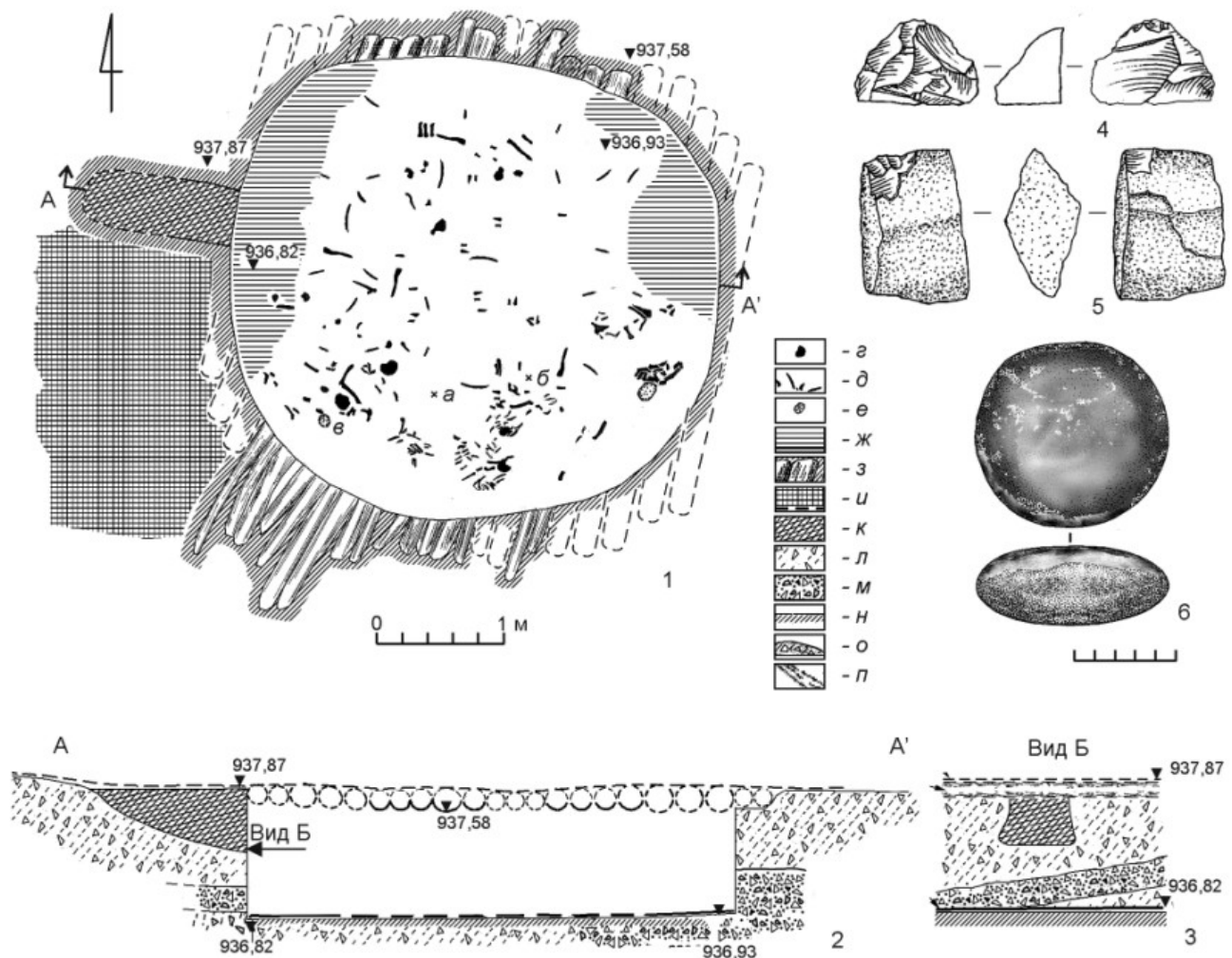

Рис. 3. Могильник Саразм-2, курган 1, погребение 1: 1 — план; 2 — разрез AA'; 3 — вид западной стенки ямы; 4, 5 — скребковидные орудия; 6 — терочник. 4, 5 — кремль, 6 — галька. Условные обозначения: а, б — скребковидные орудия; в — терочник; г — фрагменты черепов; д — фрагменты костей; е — плоская галька; ж — подстилка из войлока; з — следы перекрытия из бревен; и — следы покрытия циновкой; к — заполнение лаза; л — пролювиальные отложения суглинка с включением щебня; м — пролювиальные отложения щебня; н — материк; о — выкид щебня из погребальной ямы; п — глинистый затек

Fig. 3. Cemetery of Sarazm-2, barrow 1, burial 1: 1 — plan; 2 — section AA'; 3 — view at the western wall of the pit; 4, 5 — scraper-like tools; 6 — grindstone. 4, 5 — flint, 6 — pebble. Keys: а, б — scraper-like tools; в — grindstone; г — fragments of skulls; д — fragments of bones; е — flat pebble; ж — felt bedding; з — traces of log ceiling; и — traces of mat cover; к — fill of the crawlway; л — proluvial loam deposits with inclusions of detritus; м — proluvial detritus deposits; н — basal virgin layer; о — detritus spoil from the burial pit; п — clayey leakage

по краям ямы с восточной и западной сторон. Плахи сохранились на длину 1,0–1,5 м, их диаметр — 12–15 см. На южной стороне погребальной ямы зачищены мелкие балки, уложенные поперечно. На балках видны следы циновки. В западной стенке ямы хорошо прослеживается впускная яма для подзахоронения шириной 0,80–0,85 м и длиной 1,3 м. После размещения очередного погребенного яму замуровывали раствором из глины. По всей

площади могильной ямы на разных уровнях обнаружены кости. Около дна в восточной части найдены чаша из необожженной глины (рис. 7, 1, д, 8) и фрагменты керамического сосуда сходной формы (рис. 7, 1, е, 9)⁸. На дне в западной части открыт камень-терочник со следами красной и желтой

⁸ По керамическим фрагментам форма сосуда была полностью восстановлена.

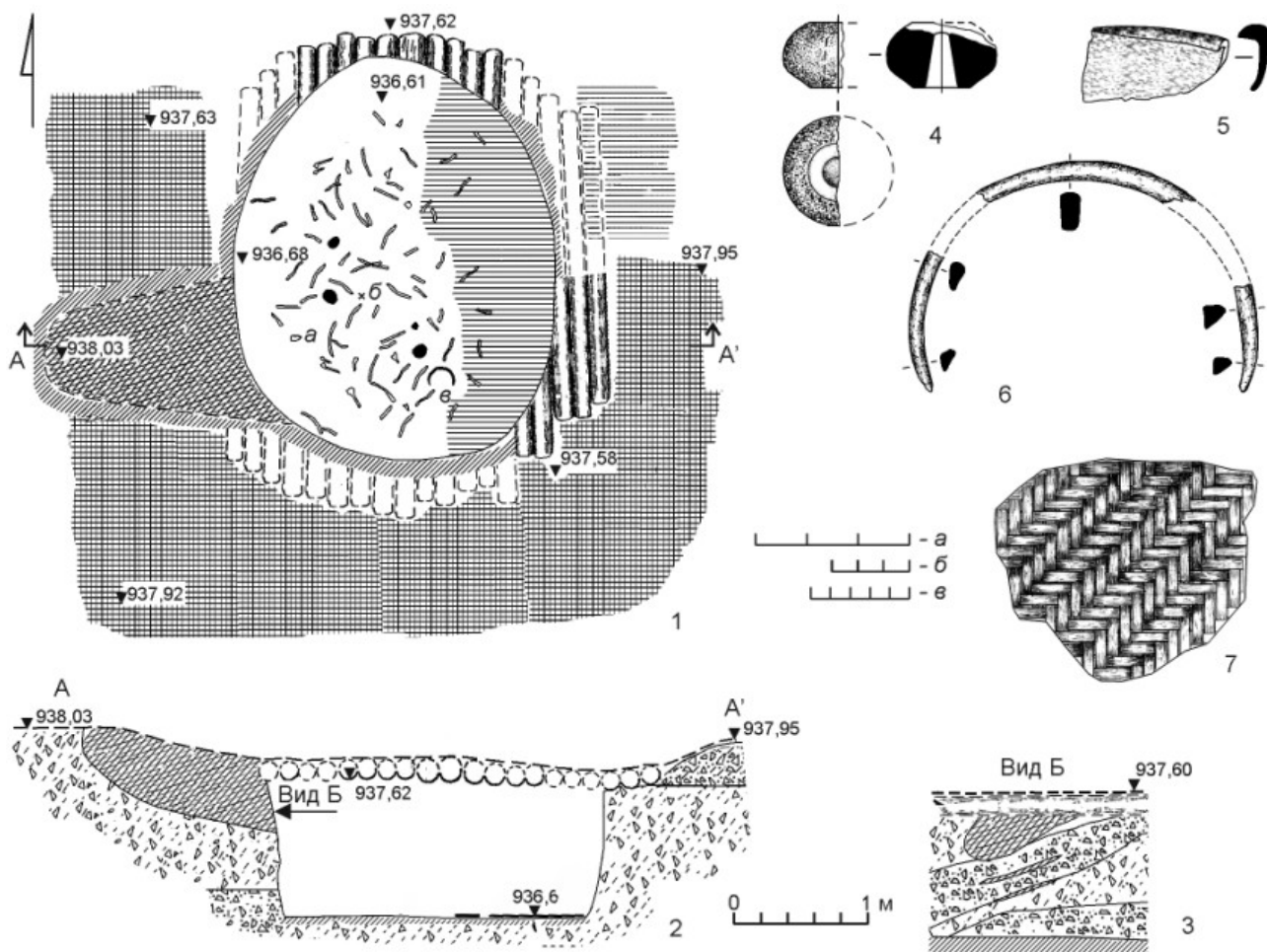

Рис. 4. Могильник Саразм-2, курган 1, погребение 2: 1 — план (*a* — фрагмент изделия из слоновой кости; *б* — навершие каменное; *в* — костяной ободок); 2 — разрез АА'; 3 — вид Б; 4 — навершие; 5 — фрагмент костяного изделия; 6 — ободок; 7 — фрагмент плетеной циновки. Условные обозначения см. рис. 3. Масштаб: *a* — для 4; *б* — для 6; *в* — для 7

Fig. 4. Cemetery of Sarazm-2, barrow 1, burial 2: 1 — plan (*a* — fragment of an ivory object; *б* — stone finial; *в* — bone rim); 2 — section AA'; 3 — Б view; 4 — finial; 5 — fragment of a bone object; 6 — rim; 7 — fragment of woven mat. For the keys see Fig. 3. Scale: *a* — for 4; *б* — for 6; *в* — for 7

охры (рис. 7, 1, *a*, *б*). Около дна ямы расчищены сердоликовая шестигранная бусина (рис. 7, 1, *б*, 4), пастовая цилиндрическая бусина (рис. 7, 1, *в*, 5) и венчик сосуда из мраморного оникса (рис. 7, 1, *г*, 7). Антропологическое определение костей отсутствует.

Погребение 2 ямной конструкции находится в центральной части кургана на расстоянии 1,3 м от первого захоронения (рис. 8, А). Погребение полностью не раскопано. Южная часть погребальной ямы уходит в бровку раскопа. Размеры раскопанной части ямы составляют 5,0 × 2,5 м, глубина 0,7 м. В северо-восточной части около могилы расчищены следы циновки площадью

2,5 × 0,7 м. По краю погребальной ямы с западной стороны были открыты следы плотно уложенных бревен диаметром 10–12 см, и рядом с ними видны следы циновки (0,5 × 3,0 м). Кости находились в верхней части погребения. Из находок имеются только три кремневых отщипа (рис. 8, А, 1, *a*, 1, *б*, 3, 4). Антропологическое определение костей отсутствует.

В западной части кургана около каменной ограды открыто кострище (0,9 × 0,4 м) с остатками угля, обгоревшими костями и камнями (рис. 8, Б). Сохранились 20 мелких фрагментов костей, среди них обнаружен фрагмент астрагала мелкого рогатого скота. Несколько выше

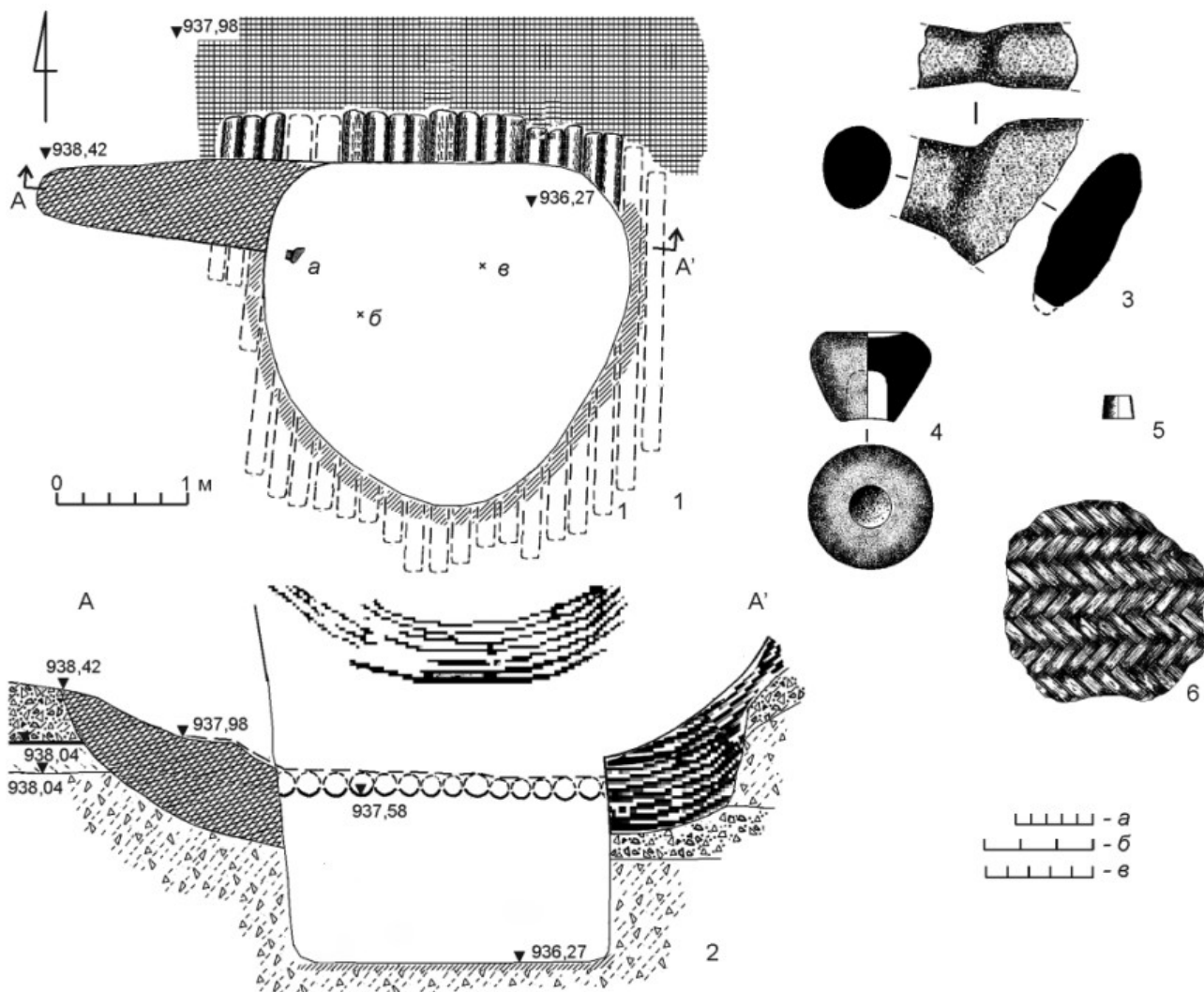

Рис. 5. Могильник Саразм-2, курган 1, погребение 3: 1 — план (а — фрагмент каменной гири; б — керамическое навершие; в — золотая накладка); 2 — разрез AA'; 3 — фрагмент гири; 4 — навершие; 5 — накладка; 6 — фрагмент плетеной циновки. 3 — камень; 4 — керамика; 5 — золото. Условные обозначения см. рис. 3. Масштаб: а — для 3; б — для 4, 5; в — для 6

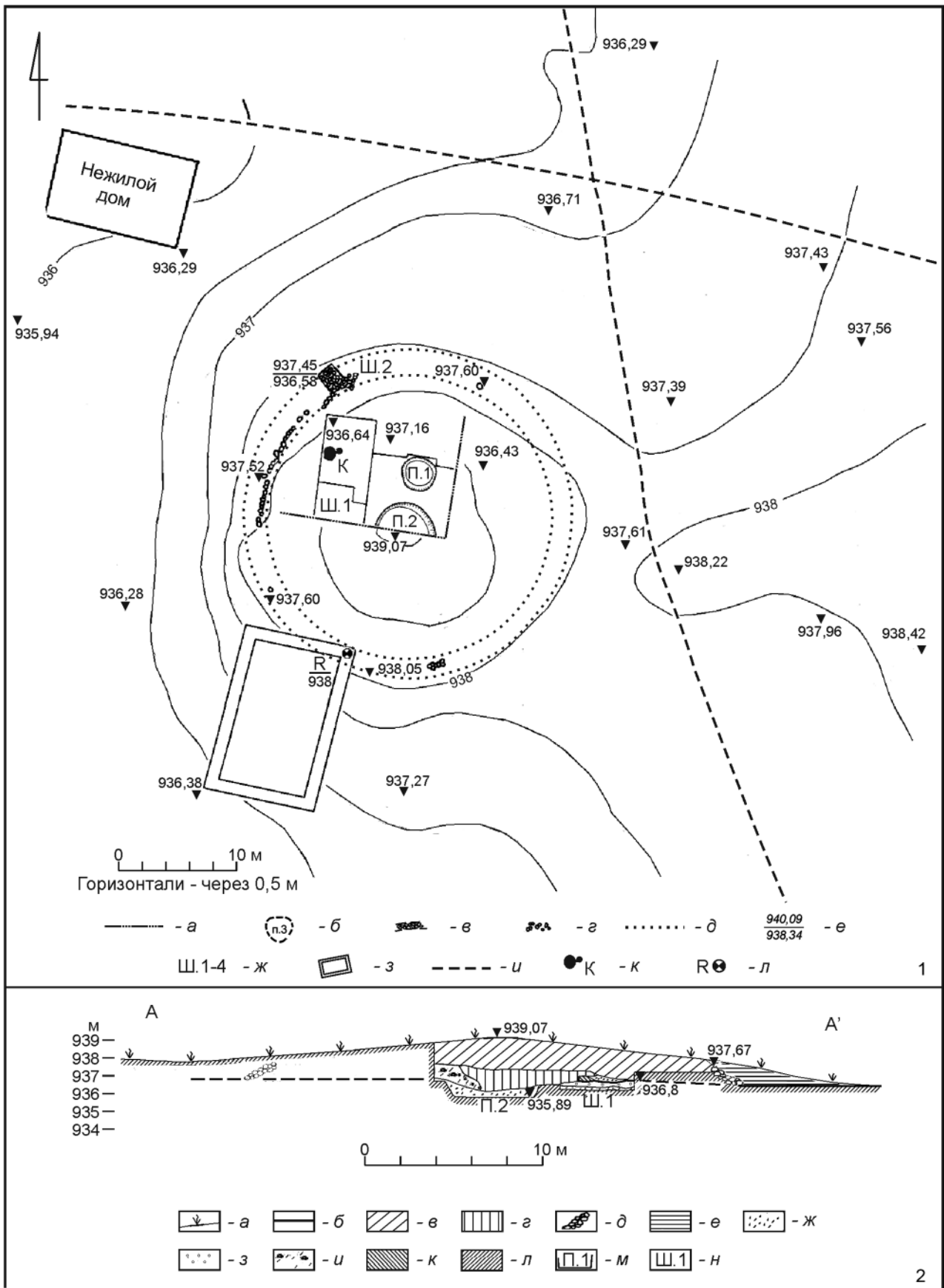
Fig. 5. Cemetery of Sarazm-2, barrow 1, burial 3: 1 — plan (a — fragment of a stone weight; б — ceramic finial; в — gold plaque); 2 — section AA'; 3 — fragment of a stone weight; 4 — finial; 5 — plaque; 6 — fragment of a woven mat. 3 — stone; 4 — ceramics; 5 — gold. For the keys see Fig. 3. Scale: a — for 3; б — for 4, 5; в — for 6

над кострищем была найден наконечник стрелы из кремня (рис. 8, Б, 1, а, 3).

Далее обратимся к погребальному инвентарю, который был открыт в могилах. В кургане 2, погребение 1, было найдено два лепных керамических сосуда полусферической формы, венчик слегка загибается вовнутрь чаши. Первый — чаша из необожженной глины, глина красного цвета (высота 7,8 см; диаметр устья 12,3 см; диаметр дна 9 см); в тесте мелкие органические примеси — трава и измельченный известняк (рис. 7, 8). Второй

сосуд — чаша (высота 7,55 см; диаметр устья 14 см; диаметр дна 5,5 см)⁹, глина красно-коричневого цвета с примесью известняковой крошки (рис. 7, 9). На внешней поверхности видны следы красного ангоба. Подобные чаши встречаются среди хозяйственной посуды на памятниках энеолита и ранней бронзы в Саразме (Исаков, 2020б. С. 230, рис. 9–11; С. 258, рис. 41, 5), Алтын-депе (Кирчо и др., 2008. С. 220, табл. 43, 3).

⁹ Форма собрана из нескольких фрагментов.

Металлических изделий в погребальном инвентаре не найдено, за исключением золотой обкладки усеченно-конической формы (рис. 5, 5). Она изготовлена из тонкого листа толщиной 0,05 мм (длина 6,0 мм; диаметр в верхней части 6,8 мм, в нижней 8,4 мм). Такая обкладка могла одеваться на какой-то предмет. Некоторые аналогии можно провести с кольцом-обоймочкой из погребения 924а на Алтын-депе (Кирчо, 2005. С. 388, рис. 21, 23).

Среди каменных предметов в могилах курганов найдены тёрочки со следами охры, кремневые скребки и стрелы, обломок гири, фрагменты сосудов из мраморного оникса, навершие, бусы. Тёрочки со следами охры открыты в могиле 1 кургана 1 (рис. 3, б) и в погребении 1 кургана 2 (рис. 7, б). Они представляют собой массивные, округлые, плоско-выпуклые в сечении гальки, на их поверхности плотным слоем во всех углублениях сохранилась охра красно-желтого цвета. Микроскопический анализ подобных орудий на поселении Саразм свидетельствует, что они использовались как краскотёрки (Раззоков, 2020. С. 59).

Интерес представляют находки из кремня темно-коричневого цвета: отщепы (курган 2, погребение 2) (рис. 8, А, 3–5), скребки (курган 1, погребение 1) (рис. 3, 4, 5) и наконечник стрелы из кострища кургана 2 (рис. 8, Б, 3). Наконечник листовидной формы с утраченной нижней частью и обработанный с двух сторон субпараллельной ретушью напоминает саразмские наконечники стрел (Раззоков, 2020. С. 124, рис. 9, 1, 7).

В погребении 3 кургана 1 сохранился обломок ручки гири из известняковых пород (рис. 5, 3). Диаметр сохранившейся части ручки 4,5–5,5 см. По форме она могла напоминать гирию, найденную рядом с курганом 1, в сае (рис. 1, Б, 2). Она массивная, эллипсоидной формы и с обломанной ручкой. Очень похожие гири были открыты на поселении Саразм (Исаков, 2020б. С. 249, рис. 31, 1, 2, 5).

Среди погребального инвентаря (курган 2, погребение 1) найден фрагмент тонкостенной чаши, изготовленной из мраморного оникса (рис. 7, 7), характерный для каменных сосудов энеолитического поселения Саразм (Исаков, 2020б. С. 269, рис. 1–11). Сосуды из мраморовидных пород камня находят широкий круг аналогий среди изделий раннего и среднего бронзового века Афганистана, Белуджистана, Северного Ирана и Месопотамии (Casanova, 1991).

В погребении 1 кургана 2 среди предметов, сопровождающих покойного, были найдены две бусины (рис. 7, 4, 5). Одна бусина пастовая, цилиндрической формы (длина 1,5 см; сечение 0,7 см). Другая — шестигранной формы из сердолика (0,8 × 0,8 см). Абсолютно такие же бусины были найдены на могильнике Мустафотеппе в погребениях 1 и 6 (Каримова и др., 2019. С. 86, рис. 5, 6; Виноградова и др., 2020. С. 54, рис. 2) и на поселении Саразм (Раззоков, 2020. С. 148, рис. 33, 1, 3). Подобные бусы в форме многогранника имеются в погребальных комплексах Шахдада (Hakemi, 1997. P. 656, Нб2).

Рис. 6. Могильник Саразм-2, курган 2; 1 — план (а — линия бровки; б — раскопанные погребения; в — «наклонная стенка» из галек (крепида); г — частично расчищенные верхние ряды камней крепиды; д — границы крепиды в плане; е — высотные отметки верха и низа крепиды; ж — шурфы в основании кургана; з — фундаменты современных строений; и — грунтовая дорога; к — остатки кострища; л — репер); 2 — бровка, северный фас (а — дерновый слой; б — гумусированная прослойка древней дневной поверхности, основание кургана; в — суглинок светло-коричневого цвета, насыпь кургана; г — суглинок серовато-коричневый; д — «наклонная стенка» из галек по окружности кургана, крепида; е — поздние склоновые делювиальные отложения суглинка; ж — суглинок серовато-коричневый с карбонатами; з — суглинок серовато-коричневый с кротовинами, основание кургана; и — суглинок с включениями мелких камней; к — суглинок темно-серый; л — части насыпи кургана, не затронутые раскопками; м — погребальная яма; н — шурф)

Fig. 6. Cemetery of Sarazm-2, barrow 2; 1 — plan (a — line of the stratigraphic baulk; б — excavated burials; в — “skew wall” from pebbles (crepis wall); г — partly excavated upper courses of the stones of the crepis; д — outlines of the crepis wall in plan; е — height marks of the top and the lower part of the crepis; ж — exploratory trenches at the base of the barrow; з — foundations of modern buildings; и — earthroad; к — remains of a bonfire; л — benchmark); 2 — baulk, northern face (a — turf layer; б — humic intercalation of the ancient surface, base of the barrow; в — mound of light-brown loam; г — mound of greyish brown loam; д — “skew wall” from pebbles (crepis); е — late deluvial slope deposits of loam; ж — greyish-brown loam with carbonates; з — greyish brown loam with mole holes; и — loam with inclusions of small stones; к — dark-grey loam; л — unexcavated areas of the barrow; м — burial pit; н — exploratory trench)

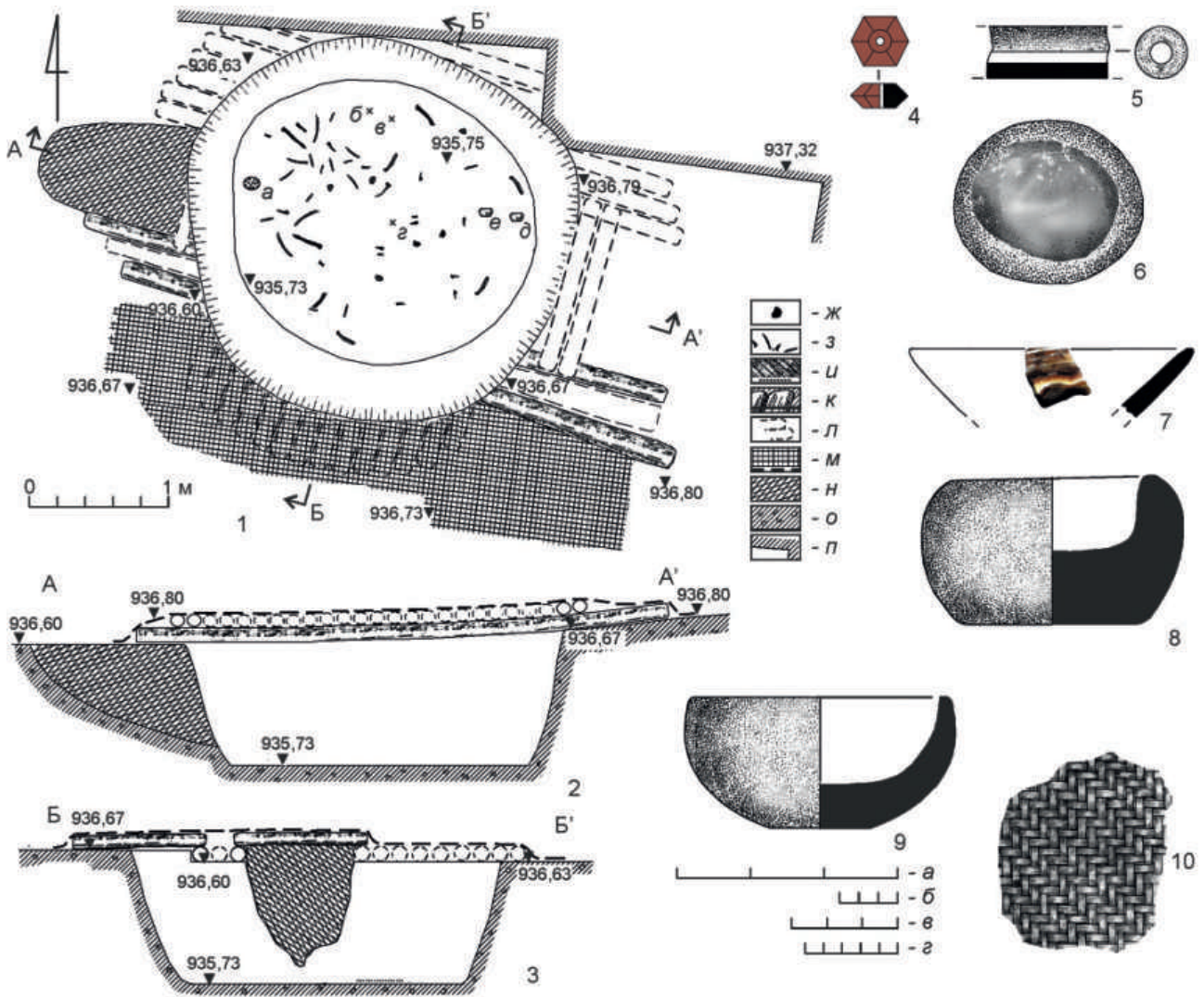

Рис. 7. Могильник Саразм-2, курган 1, погребение 1: 1 — план (а — тёрочник; б — бусина шестигранная; в — бусина цилиндрическая; г — фрагмент венчика каменного сосуда; д, е — миски лепные); 2 — разрез АА'; 3 — разрез ББ'; 4, 5 — бусины; 6 — тёрочник; 7 — венчик сосуда; 8, 9 — сосуды лепные; 10 — фрагмент плетеной циновки. 4 — сердолик; 5 — паста; 6 — галька; 7 — камень; 8, 9 — керамика. Условные обозначения; ж — фрагменты черепов; з — фрагменты костей; и — следы посыпки охрой; к — бревенчатое перекрытие; л — бревенчатое покрытие; м — тлен циновки; н — заполненный глинистым раствором лаз в яму; о — суглинок с биолитами, материк; п — границы раскопа. Масштаб: а — для 4, 5; б — для 6; в — для 7-9; г — для 10

Fig. 7. Cemetery of Sarazm-2, barrow 1, burial 1: 1 — plan (a — grindstone; б — hexahedral bead; в — cylindrical bead; г — fragment of the rim of a stone vessel; д, е — handmade bowls); 2 — section AA'; 3 — section BB'; 4, 5 — beads; 6 — grindstone; 7 — rim of a vessel; 8, 9 — handmade pottery; 10 — fragment of a woven mat. 4 — cornelian; 5 — glass paste; 6 — pebble; 7 — stone; 8, 9 — ceramics. Keys: ж — fragments of skulls; з — fragments of bones; и — traces of sprinkled ochre; к — log ceiling; л — log roof; м — decayed mat; н — crawlway to the pit filled with a clayey mortar; о — loam with bioliths, virgin soil; п — boundaries of the excavation area. Scale: а — for 4, 5; б — for 6; в — for 7-9; г — for 10

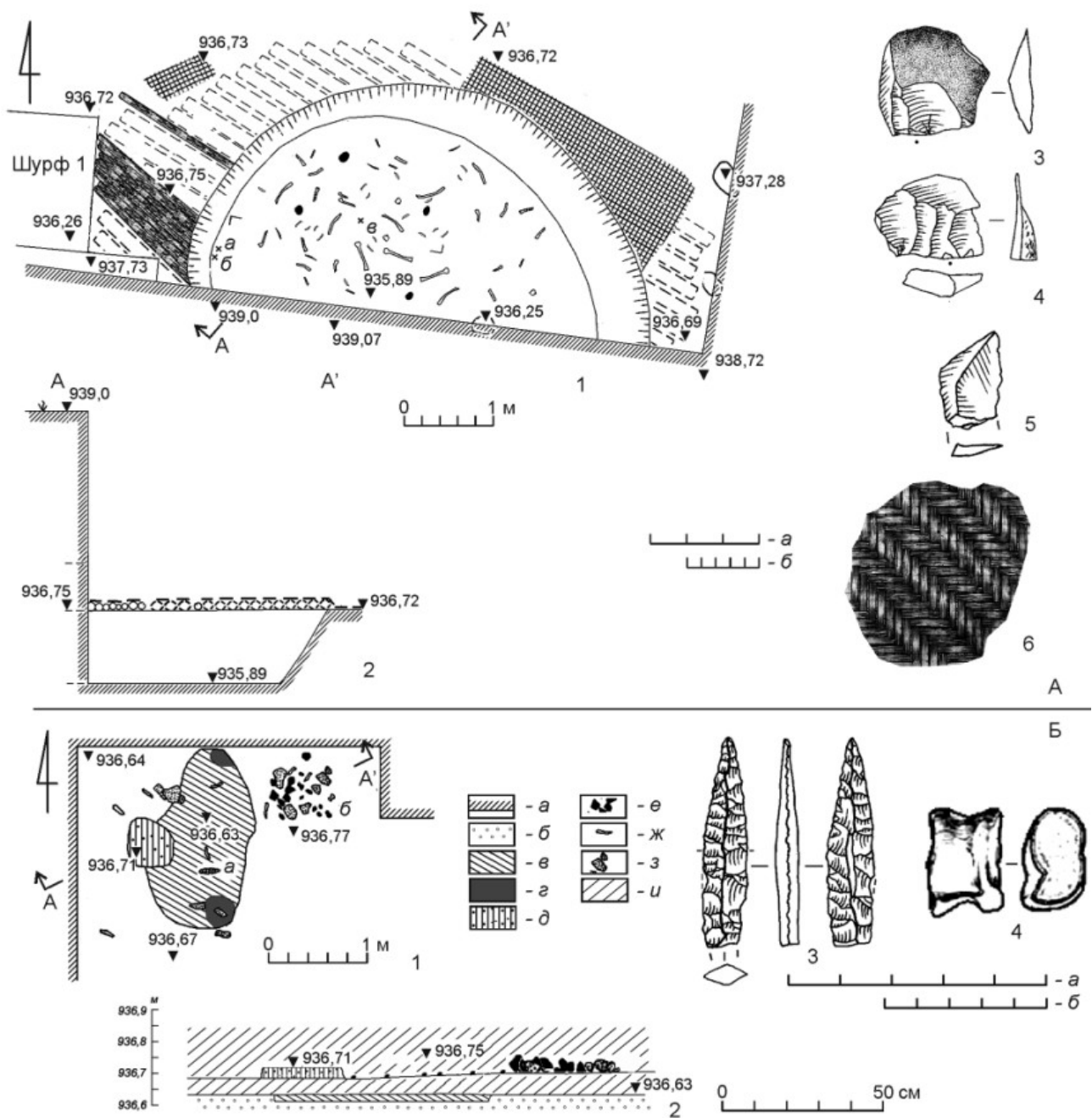

Рис. 8. Могильник Саразм-2, курган 2. А — погребение 2: 1 — план (а-в — отщепы); 2 — разрез AA' (условные обозначения см. рис. 7); 3-5 — отщепы; Б — кострище: 1 — план (а — наконечник кремневый; б — астрагал овечий); 2 — разрез AA' (а — контур раскопа; б — серовато-коричневый суглинок, погребенная почва; в — участок с прокаленной поверхностью; г — участки с интенсивным прокалом; д — участок с золой темно-серого цвета; е — крупные угли; ж — кости животных; з — мелкие камни; и — суглинок светло-коричневого цвета, насыпь кургана); 3 — наконечник кремневый; 4 — астрагал. Масштаб: А: а — для 3-5, б — для 6; Б: а — для 3; б — для 4

Fig. 8. Cemetery of Sarazm-2, barrow 2. А — burial 2: 1 — plan (a-b — flakes); 2 — section AA' (for keys see Fig. 7); 3-5 — flakes; Б — remains of bonfire: 1 — plan (a — flint point; б — sheep astragalus); 2 — section AA' (a — outlines of the excavation; б — greyish-brown loam, buried soil; в — area with a calcined surface; г — intensively calcined areas; д — area with dark-grey ashes; е — coarse pieces of charcoal; ж — animal bones; з — small stones; и — light-brown loam, the mound); 3 — flint point; 4 — astragalus. Scale: А: а — for 3-5, б — for 6; Б: а — for 3; б — for 4

В двух погребениях были найдены навершия из камня (курган 1, погребение 2) (рис. 4, 4) и керамики (курган 1, погребение 3) (рис. 5, 4). Хорошо сохранилось керамическое навершие. Оно усеченно-конической формы, с чуть вогнутым внутрь основанием. Подобные навершия известны в материалах поселения Саразм (Исаков, 2020б. С. 287, рис. 74, 7, 10, 14).

В погребальном инвентаре присутствуют находки из кости (курган 1, погребение 2) (рис. 4, 5, 6)¹⁰. Интерес представляет ободок или предположительно налобная пластина диаметром 13 см. Этот предмет имеет сходство с украшениями из погребальных памятников афанасьевской культуры (Вадецкая и др., 2014. С. 69, рис. 27, 11).

Практически весь погребальный инвентарь курганов в Саразме-2 имеет аналогии среди материалов земледельческого поселения Саразм. Основываясь на радиоуглеродных датах Саразма (Раззоков, 2016. С. 159–161) раскопанные могильные комплексы могут быть датированы эпохой энеолита и ранней бронзы — концом IV — началом III тыс. до н. э.

Погребальный обряд (сооружение кургана, каменная ограда, расположение погребений в центре кургана, ямная конструкция погребений, перекрытие могилы бревнами и циновкой, присутствие охры в могиле и на орудиях, устройство кострища) характерен для афанасьевской культуры (Вадецкая и др., 2014. С. 279–280). Эта культура занимает особое место среди памятников энеолита и бронзы Центральной Азии конца IV — начала III тыс. до н. э.

В настоящее время из памятников афанасьевской культуры в Зеравшанской долине известно святилище Жуков. Оно находится на территории Узбекистана, в 16 км к востоку от Самарканда, на берегу р. Зеравшан (Аванесова, Джуракулова, 2008. С. 13–33). Н. А. Аванесовой раскопана округлая ограда диаметром около 3 м и высотой до 0,4 м. Сооружение возведено на уровне древнего горизонта из 2–3 рядов камней. Ширина кладки 0,20–0,35 м. В центре ограды был установлен валун-стела высотой 0,47 м. На площади ограды зафиксированы два заглубленных в грунт

кострища и несколько скоплений находок. Кроме того, в разных местах ограды находились охристые и углистые пятна, значительное количество костей животных (овцы, коровы, оленя, кулана) и различные артефакты. При раскопках обнаружены фрагменты лепной керамики, глиняные поделки, изделия из камня (наконечники стрел, тесловидные топоры, песты, тёрочки, скребла, микропластинки и бусы) и металла (пронизки-обоймочки, кольцо, шило). Н. А. Аванесова выделяет среди этих материалов несколько различных культурных комплексов, среди которых наиболее ярко представлены афанасьевский и ямный. По мнению исследователей афанасьевской культуры, значительная часть керамики, обнаруженной в святилище Жуков, может быть сопоставлена с сосудами афанасьевских памятников на территории Среднего Енисея (Вадецкая и др., 2014. С. 279).

В святилище Жуков хорошо представлены находки бус из лазурита, бирюзы, агата и сердолика (Аванесова, Джуракулова, 2008. С. 26, рис. 5, 1–8). Подобные бусы характерны для земледельческих памятников и хорошо известны среди украшений поселения и некрополя Саразма (Раззоков, 2020. С. 148, рис. 33; Исаков, 1994. С. 92, рис. 5). Как отмечает Н. А. Аванесова, черты погребального обряда афанасьевской культуры прослеживаются и на некрополе Саразма¹¹. Все захоронения окружены кольцевой оградой из речных валунов в несколько рядов. Всего в ограде раскопано пять погребений. В центре погребального комплекса был установлен валун-стела, и здесь расположена основная погребальная коллективная камера (грунтовая яма), кости окрашены красной охрой (Аванесова, Джуракулова, 2008. С. 28). Весь инвентарь погребений (зеркало, каменные навершия, глиняные статуэтки, многочисленные бусы из золота, серебра, полудрагоценных камней, алебаstra, браслеты из раковины, каменный сосуд) типичен для земледельческих племен, прежде всего для артефактов материальной культуры поселения Саразм. Интерес представляет также находка в ограде рядом с погребением 4 лепного сосуда яйцевидной формы (Исаков, 1992. С. 74, рис. 4, 3). Еще один такой же сосуд, но с орнаментом,

¹⁰ По заключению сотрудника лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН Е. Е. Антипиной, эти костяные изделия изготовлены из нижнего клыка кабана.

¹¹ Могильник находится на территории поселения Саразм. Каменная ограда погребального комплекса частично перекрыта поздними строительными горизонтами раскопа IV.

был найден в культурном слое II поселения Саразм (Исаков, 2020б. С. 245, рис. 26, 20). Подобные остродонные сосуды характерны именно для афанасьевской культуры (Аванесова, Джуракулова, 2008. С. 28; Вадецкая и др., 2014. С. 325).

В настоящее время можно поставить вопрос: кто похоронен на могильнике Саразма — жители земледельческого поселения Саразм или скотоводы афанасьевской культуры? По мнению одного из авторов данной статьи, Н. М. Виноградовой, трудно согласиться с выводом Н. А. Аванесовой, что саразмийцы получили навыки устройства погребального сооружения от афанасьевцев (Аванесова, Джуракулова, 2008. С. 28). Обряд захоронения — курган с каменной оградой — не характерен для земледельцев, а сопровождающий инвентарь погребений, за исключением одного афанасьевского лепного со-

суда яйцевидной формы, идентичен артефактам (украшения) саразмской культуры. Этот феномен может быть объясним только тесными контактами местного земледельческого населения с носителями афанасьевской культуры, что нашло свое отражение в материальной культуре древних скотоводов.

Поликультурный характер афанасьевских памятников в Зеравшанской долине на примере святилища Жуков неоднократно подчеркивала Н. А. Аванесова. Она считает, что на процесс формирования жуковского комплекса повлияло близкое соседство с носителями саразмской культуры.

Изучение афанасьевских материалов на Зеравшане открывает, по ее мнению, перспективы в исследовании генезиса афанасьевской культуры (Там же. С. 28–29).

Аванесова, Джуракулова, 2008 — Аванесова Н. А., Джуракулова Д. М. Древние номады Зеравшана // Культура nomadov Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2008. С. 13–33.

Бобомуллоев и др., 2020 — Бобомуллоев С. Г., Виноградова Н. М., Курбанов Ш. Ф. Результаты раскопок могильника Саразм (осень 2019 г.) // Саразм — начало земледельческой, ремесленной и градостроительной культуры таджиков: Сб. докладов науч.-практ. конф., посв. 5500-летию Саразма (Душанбе, 20 декабря 2019 г.). Душанбе: Дониш, 2020. Вып. I. С. 23–32.

Вадецкая и др., 2014 — Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.

Виноградова и др., 2020 — Виноградова Н. М., Курбанов Ш. Ф., Бобомуллоев С. Предварительные результаты исследования могильника Мустафотепа в верховьях реки Зеравшан // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра ист. наук А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. В. П. Никонов, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 52–55.

Исаков, 1988 — Исаков А. И. Раскопки и разведки саразмского массива в 1981 г. // АРТ. Душанбе, 1988. Вып. 21. С. 186–199.

Исаков, 1990 — Исаков А. И. Работы саразмского отряда в 1982 г. // АРТ. Душанбе, 1990. Вып. 22. С. 144–160.

Исаков, 1992 — Исаков А. И. Богатое женское погребение из Саразма // АВ. СПб: ИИМК РАН, 1992. Вып. I. С. 64–75.

Исаков, 1994 — Исаков А. И. О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1985 г. // АРТ. Душанбе, 1994. Вып. 25. С. 85–99.

Исаков, 2020а — Исаков А. И. О работе саразмского археологического отряда Ин-та истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР в зоне второй очереди канала машинного орошения земель колхоза «Ленинград» Пенджикентского района за 1982 год // АРТ. Душанбе, 2020. Вып. 41. С. 289–291.

Исаков, 2020б — Исаков А. И. Саразм. Душанбе: Дониш, 2020. 315 с.

Каримова и др., 2019 — Каримова Г. З., Курбанов О. Х., Отабоев О. Х. Отчет о раскопках могильника бронзового века Мустафотепа в 2014 г. // АРТ. Душанбе, 2019. Вып. 40. С. 81–87.

Кирчо, 2005 — Кирчо Л. Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Кирчо Л. Б., Алёкшин В. А. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы средней Азии (погребения Алтын Депа). СПб.: Нестор-история, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVI). С. 347–421.

Кирчо и др., 2008 — Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Масон В. М. Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXVIII). 370 с.

- Раззоков*, 2016 — *Раззоков Ф. А.* Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н. э. СПб.: Невская Книжная Типография, 2016. 248 с.
- Раззоков*, 2020 — *Раззоков А. Р.* Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трасологическим данным). Душанбе: Дониш, 2020. 223 с.
- Casanova*, 1991 — *Casanova M.* La vaisselle d'albâtre de Mésopotamie, d'Iran et d'Asie Centrale aux IIIe et IIe millénaires avant J.-C. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1991 (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; T. IV). 112 p.
- Hakemi*, 1997 — *Hakemi A.* Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome: ISMEO, 1997 (Instituto italiano per il medio ed estremo oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs; Vol. 27). 721 p.

Preliminary results of investigations of barrows in the locality of Sarazm-2 in the basin of the Zeravshan River in summer and autumn 2020

S. Bobomulloev, N. M. Vinogradova, B. Bobomulloev, T. U. Hudzhageldiev, M. Navruzbekov¹²

The archaeological investigations were conducted on the massif of Dashti Sarazm. This massif extends along the border between Tajikistan and Uzbekistan and is located 1,5 km from the ancient settlement of Sarazm. In summer 2020, two barrows were here partly excavated.

The burial rite is typical of the early herders of the Afanasyevo culture in the Zeravshan valley: construction of a kurgan, a stone kerb, a stone wall, the burials located in the centre of the tumulus, pit character of the graves, covering the grave with logs and a bedding, and spilled ochre. The accompanying offerings in the burials are identical to artefacts of the early agriculturalists (ornaments) of the Sarazm culture. In the valley of the Zeravshan, close contacts of the local agriculturalist population with bearers of the Afanasyevo culture are traceable. This fact is reflected in the material culture of the early cattle-breeders. The Afanasyevo materials from Zeravshan open possibilities for a new approach to studies of the genesis of the Afanasyevo culture in the end of the 4th millennium BC.

¹² Saidmurod Bobomulloev, Bobomullo Bobomulloev — National Museum of Antiquities of Tajikistan; st. Sadridin Aini, 31, Dushanbe, Tajikistan; e-mail: bobomulloev_said@mail.ru; bobo_bobomullo@yandex.com. Natalia Vinogradova — Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Rozhdestvenka ul., 12, Moscow, 107031, Russia; e-mail: nat-vinogradova@mail.ru. Tura Hudzhageldiev, Masnav Navruzbekov — Institute of History, archeology and ethnography name after A. Donish, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan; Rudaki ave., 33, Dushanbe, 734025, Tajikistan; e-mail: tura959@mail.ru, n-masnav83@mail.ru.

Печати из могильника Аджикуи

Дж. Л. Бонора, Г. Росси Осмида (†), А. Ченджа¹

Аннотация. Пока каталог могил Аджикуи готовится к печати, в данной статье впервые публикуются 15 печатей, найденных в этих погребениях. Печати изготавливались из камня, металла и фаянса; из них 13 были односторонними штампами, одна представляла собой печать на навершии булавки из бронзы и последняя — двусторонняя печать из гематита. Сюжеты, форма и материал печатей, так же как и техника изготовления, не оставляют сомнений, что все они принадлежат к цивилизации Окса, находят близкие аналогии с артефактами из других памятников Маргианы и Бактрии, а их хронология относится к концу III тыс. до н. э. Как и на других могильниках цивилизации Окса, большинство печатей из Аджикуи были найдены в могилах с женскими захоронениями, что дает основания считать, что женщины в сообществах Центральной Азии и Среднего Востока этого времени, в том числе на Аджикуи, занимали важное социальное и экономическое положение.

Annotation. While the catalogue of the graves from Adji Kui is being prepared for the upcoming publication, this paper describes and presents for the first time fifteen seals found in the burials. The seals were manufactured in stone, metal and faience; thirteen of them were one-sided stamp seals, one is a stamp seal atop a pin head in bronze and the last is represented by a two-sided seal in hematite. Their subjects, shape and material as well as their manufacturing techniques highlight that all seals belong to the Oxus Civilization. They find several close comparisons with artefacts from other sites in Margiana and Bactria and their chronological distribution is dated to the late 3rd millennium BC. As evidenced in other Oxus Civilization graveyards, most of the Adji Kui seals were found in graves containing female individuals, surmising then that the place of women in the Middle East and Central Asian communities, among them also Adji Kui, was socially and economically important.

Ключевые слова: средний и поздний бронзовый век, цивилизация Окса, Маргиана, печати, могильник.

Keywords: Middle and Late Bronze Age, Oxus Civilization, Margiana, seals, graveyard.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-55-68

Каждый, кто занимается исследованием социокультурных взаимодействий, а также эволюции материальной культуры в доисторической Центральной Азии и на Среднем Востоке, непременно обращается к многочисленным работам Л. Б. Кирчо и В. А. Алёшкина. Мы польщены честью внести свой вклад в поздравительный том в виде статьи, посвященной первой публикации одного из классов артефактов, а именно печатей из могил Аджикуи. Они являются достоверным

свидетельством торговых и административных связей между оседлыми сообществами Центральной Азии и Среднего Востока. Анализ печатей Аджикуи в статье в значительной мере основывается на сравнении и аналогиях с некоторыми более-менее синхронными находками из Алтындапе, введенными в научный оборот Л. Б. Кирчо и В. А. Алёшкиным. Историческую и культурную важность Аджикуи невозможно оценить и продемонстрировать без ссылки на проведенные этими двумя российскими археологами в одном из важнейших центров бронзового века тщательные раскопки и осмысление и анализ их результатов. Мы надеемся, что публикация печатей из Аджикуи еще сильнее подчеркнет большую работу, сделанную Л. Б. Кирчо и В. А. Алёшкиным

¹ Бонора Дж. Л. — Итальянская археологическая экспедиция в Казахстане — ISMEO, Международная Ассоциация Средиземноморских и Восточных исследований, Рим (Италия). Ченджа А. — независимый исследователь.

на Алтын-депе, и одновременно расширит знания о Южном Туркменистане бронзового века, включая его социальные и культурные связи с окружающими регионами Центральной Азии и Среднего Востока.

Агломерация памятников Аджикуи состоит из девяти поселений, расположенных в нижнем течении р. Мургаб, примерно в 66 км к северу от современного города Мары и 13,7 км к северо-западу от Гонур-депе. Все девять памятников аджикуйского кластера, принадлежащие к различным хронологическим стадиям бронзового века Маргианы, были открыты Иминжаном Сулеймановичем Масимовым в 1975–1976 гг. (Масимов, 1979. С. 114–117). Затем исследование этого археологического комплекса продолжил Виктор Иванович Сариниди, который провел широкомасштабные раскопки для изучения Аджикуи 8, собрал некоторое количество подъемного материала и заложил восемь небольших разведывательных шурфов на Аджикуи 9 (Sarinidi, 1998a. P. 82, fig. 37).

В 1997 г. скопление памятников Аджикуи было исследовано Сандро Сальватори (Sandro Salvatori), полевым директором Итальянской археологической экспедиции в Туркменистане (IsIAO, Рим). Итальянский археолог заложил шурфы (3 × 3 м) как в Аджикуи 1, так и в Аджикуи 9². Описание и анализ находок из этих поселений показали, что второй памятник более ранний, чем первый: Аджикуи 9 был заселен на позднем этапе среднего бронзового века, а Аджикуи 1 — в позднем бронзовом веке (Salvatori, 2002. P. 107–177). Сальватори получил две ¹⁴C даты из Аджикуи 1 и три — из Аджикуи 9. Несмотря на расхождения для двух образцов, радиоуглеродная датировка SC 531 из Аджикуи 1 подтвердила абсолютную хронологию памятника между 2150 и 2000 гг. до н. э., в то время как две ¹⁴C даты, SC 553 и SC 534, из Аджикуи 9 охватывали хронологический интервал приблизительно в 300 лет: между 2300 и 2000 гг. до н. э.

Новая стадия исследований была начата осенью 2001 г., когда археологическое изучение Аджикуи 1 и Аджикуи 9 было предпринято венецианским Исследовательским и научным центром Лигабуе (Ligabue Research and Study Center), представленным Габриэле Росси Осмидой (Gabriele Rossi Osmida), и Министерством культуры Туркменистана, сначала под руководством Берды

Удеумурадова, а позднее Аннамурада Оразова. После того как Центр Лигабуе прервал исследование аллювиальной дельты Мургаба, Г. Росси Осмида в качестве независимого исследователя продолжил изучение обоих укрепленных поселений и некрополя, расположенного между ними. Г. Росси Осмида опубликовал еще несколько датировок Аджикуи 9 (Rossi Osmida, 2011. P. 294–295). Из 22 образцов угля, собранных из очагов или разведывательных шурфов, восемь были признаны ненадежными из-за чрезмерного загрязнения. Другие образцы показали результаты, которые представлялись неясными и противоречивыми, так как на памятнике были зафиксированы три строительных горизонта, датированных примерно одним периодом: между 2350 и 2120 гг. до н. э. Радиоуглеродный анализ не показал какой-либо хронологической эволюции этих трех строительных фаз.

В октябре 2013 г. Отдел истории и культур Университета Болоньи под руководством Барбары Черазетти (Barbara Cerasetti) (Cerasetti et al., 2018; Rouse, Cerasetti, 2018; Spengler et al., 2018) присоединился к исследованиям Росси Осмиды и Оразова. Три шурфа (№ 1, 3, 5) были заложены непосредственно за юго-западным углом оборонительной цитадели Аджикуи 1. Было обнаружено жилище полуземляночного типа, типичное для скотоводческого населения евразийских степей, а также многочисленные столбовые ямы, зафиксированные в искусственных платформах. Они сопровождались очагами и ямами для хранения, что позволяло предположить присутствие легких строений, таких как навесы или примитивные юрты, в которых жили кочевые скотоводы. Кроме того, в шурфе № 5 был обнаружен очаг (FS 2), из которого был получен значительный обугленный ботанический материал. Четыре экземпляра мелких обугленных зерен сорго веничного (*Panicum miliaceum*) с этой обгоревшей площадки на Аджикуи 1 были датированы по радиоуглероду между 2210 и 1960 cal BC (2σ) (3708 ± 45 BP). Эти даты подтвердили, что в последние века III тыс. до н. э. на памятнике одновременно проживали две группы населения, принадлежавшие к разным культурным и социально-экономическим традициям: люди цивилизации Окса жили в укрепленном поселении, а скотоводческое население занимало его периферию.

Могильник Аджикуи

Центральный участок памятника Аджикуи 1 занимала квадратная в плане цитадель с толстыми стенами и оборонительными башнями. Вход

² В первом томе Археологической карты дельты Мургаба (Gubaev et al., 1998) памятник Аджикуи 1 отмечен под № 406, а Аджикуи 9 — под № 409.

в крепость располагался с юга, где легкое понижение, по-видимому, указывает на главные ворота укрепленной постройки. На расстоянии около 200–400 м к западу от крепости был выявлен участок площадью около 2 га, который в течение нескольких лет использовался в качестве могильника. Он включал несколько сот могил (*extra moenia*), а также другие конструкции, такие как пустые ямы, ямы для воды и очаги, расположенные рядом с погребениями. Некоторые из них, видимо, были связаны с погребальными ритуалами.

С 2001 до 2011 г. раскопки могильника проводились одновременно с изучением и раскопками укрепленных цитаделей на Аджикуи 1 и Аджикуи 9, которые находились соответственно справа и слева от самого некрополя. Работы на обоих укрепленных поселениях позволили открыть могилы *intra moenia*, то есть погребения, впущенные в полы и стены помещений и коридоров цитаделей. Можно предположить, что в течение последних столетий III тыс. до н. э. обитатели этих близко расположенных памятников почти параллельно практиковали ингумации как в заброшенных жилых строениях укрепленных деревень (*intra moenia*), так и на пустом участке между укрепленными поселениями (*extra moenia*). Всего за 11 лет работы итальянского и туркменского отрядов археологов были зарегистрированы 814 погребений.

«Печати-штампы»

Из помещений и могил Аджикуи 1 и Аджикуи 9 было получено в общей сложности 52 печати и множество оттисков. 41 печать была найдена в помещениях укрепленного поселения 1 и 11 — в помещениях Аджикуи 9 (Winkelmann, 2021). К этому количеству мы сейчас можем добавить описание и предварительный анализ 15 еще неопубликованных штемпельных печатей. «Печати-штампы» из погребений Аджикуи изготавливались из металла, камня, а также из фаянса (рис. 1).

Из могилы 12.01³ происходит перегородчатая односторонняя штемпельная печать из бронзы

³ Эта могила была почти полностью ограблена и сильно повреждена. Скелет имел крайне плохую сохранность. Были обнаружены лишь фрагменты костей. Инвентарь содержал кроме печати цилиндрический сосуд из темно-желтой глины с вогнутыми стенками и плоским донцем.

($D_{\max} = 2,5$ см; $D_{\min} = 2,4$ см)⁴ с поверхностью, украшенной четверным спиральным узором, и язычком со сквозным отверстием для подвешивания на оборотной стороне (рис. 1, 1).

Погребальный инвентарь могилы 40.01⁵ включал перегородчатую печать из фаянса с ручкой-язычком на оборотной стороне ($D = 3,5$ см; $T = 0,6$ см; $T_{\text{с ручки}} = 1,8$ см). Поверхность украшена двойным концентрическим крестообразным мотивом: первый крест образован четырьмя тюльпановидными изображениями, а второй — четырьмя Y-образными узорами. В центре печати изображен небольшой ромбик. Печать разломана, но полностью реконструируется (рис. 1, 2).

В могиле 1.F⁶ находились две печати и аппликатор для косметических средств (*Rossi Osmida et al.*, 2020) в виде бронзового стерженька круглого сечения, на конце которого имелось изображение сжатой руки, держащей штемпельную печать (1.F-34). Последняя была с закрытой оборотной

⁴ В данной статье Н означает высоту, L — длину, W — ширину, D — диаметр, T — толщину, *frag.* — «фрагментированный». Все размеры — в см.

⁵ Неограбленная и неповрежденная циста, в которой находился мужчина 55–60 лет. Имелся богатый инвентарь: восемь сосудов из темно-желтой/красной глины, фаянсовая чаша с вогнутыми стенками, три биконических пряслица (из белого кальцита, хлорита и фаянса) и бронзовое навершие булавки с круглой головкой, декорированной семилепестковым цветком.

⁶ Мавзолеем со стенками из сырцовых кирпичей и с перекрытием; в нем была ингумирована женщина в возрасте 25–30 лет. Неразграбленный сопроводительный инвентарь состоял из 12 сосудов из темно-желтой/красной глины и одного из черно-серой глины, скелета козы, диадемы из двух листов гладкой бронзы, двух серебряных серег, двух браслетов и кольца (всё из бронзы) и ожерелья из 108 бусин из разных материалов, разных размера и формы. Кроме этого, были найдены: чаша из хлорита, костяная палочка; биконическое пряслице из хлорита; украшение из девяти ракушек; полусферическая чаша и цилиндрический бронзовый сосуд; комок молочно-белого косметического вещества, которое по другим находкам было определено анализом как церуссит; компактный комок ярозита; почти кубический кусок карбоната кальция со следами магния, алюминия и каолина; биконическое пряслице из кальцита; булавка; подпрямоугольная палетка с длинной ручкой и флакон в форме птицы с аппликатором, вставленным в горлышко пузырька. Последние четыре находки были из бронзы (*Rossi Osmida et al.*, 2020).

стороной, перегородчатая, с изображением четырехлистного цветка (рис. 1, 5).

Второй штемпель в могиле представлял собой двустороннюю «печать-амулет» (1.F-28), изготовленную из гематита (Fe_2O_3). Она имела выпуклое сечение и четырехугольную «подушко-видную» форму. Фрагментирована ($L = 2,2$ см; $W = 2,3$ см; $T_{\text{max}} = 0,7$ см); очень плохой сохранности из-за длительного контакта с компактным комком ярозита (основной сульфат калия и железа, $\text{KFe}^{(\text{III})}_3(\text{SO}_4)_2(\text{OH})_6$) (1.F-26)⁷. Печать была отреставрирована в лаборатории. На лицевой стороне изображен силуэт хищной птицы, парящей над четвероногим животным. Под телом и между ногами животного изображена змея. Все три персонажа обращены головами в одном направлении. На обратной стороне крупная хищная птица (орел) изображена в геральдической позе с головой, повернутой влево, в сопровождении змей с двух сторон. Змеи обращены головами в разные стороны (рис. 1, 3).

Третья печать из могилы 1.F являлась одно-сторонней бронзовой перегородчатой «печатью-штампом» (1.F-32). Форма квадратная, с простым ободком ($L = 5,2$ см; $W = 5,2$ см; $H_{\text{ручки}} = 1,8$ см; $W_{\text{ручки}} = 1,9$ см; $D_{\text{двустороннего сквозного отверстия}} = 0,7$ см); изображение: абстрактный геометрический узор, образованный прямыми и кривыми линиями. Ручка на оборотной стороне представляла собой высокую ручку кубической формы со сквозным отверстием (рис. 1, 4).

Обе печати, 1.F-28 и 1.F-32, были найдены в крупном овоидно-сферическом хуме из темно-желтой/красной глины с короткой шейкой, широким открытым горлом и формованным вогнутым дном.

Бронзовая круглая печать с изображением скорпиона или древовидным мотивом (рис. 1, 6) была обнаружена в могиле 11.03⁸. На ее оборотной

⁷ Анализ состава был проведен директором Ашхабадского геологического музея проф. А. Г. Бушмакиным, который предположил, что месторождение вещества находилось в Кугитане. Автор раскопок могилы Г. Росси Осмида предположил, что первоначально кусочки ярозита были помещены в небольшой мешочек из органического материала, который не сохранился.

⁸ В данной могиле в виде цисты со стенками из сырцового кирпича и утрамбованной земли (пахса) находился женский индивид 45–50 лет. Также здесь имелся богатый инвентарь: восемь сосудов из темно-желтой/красной глины; биконическое пряслице

стороне имела высокая ручка в виде язычка ($D = 2,5$ см; $T = 0,65$ см; $H_{\text{ручки}} = 0,7$ см).

Частично фрагментированная круглая одно-сторонняя «печать-штамп» из стеатита с изображением растительного мотива или древовидной фигуры (рис. 1, 7) была обнаружена в могиле 45.07⁹.

«Печать-штамп» из 137.07¹⁰ была круглой формы, перегородчатая и изготовлена из фаянса (рис. 1, 8). На ней был изображен геометрический мотив: крестовидный или в виде цветка узор, состоящий из четырех ланцетовидных элементов, вписанных в квадратную рамку (размеры не указаны).

Из 239.07а¹¹ происходит бронзовая «печать-штамп» с изображением восьмилепесткового

из хлорита, украшенное по обеим сторонам фризом из резных слегка искривленных линий; еще одно биконическое пряслице из хлорита, украшенное на обеих поверхностях тремя узорами «точка-в-кружке»; бронзовая головка булавы и два скелета ягнят. Все находки находились в северной части цисты, служившей своеобразной нишей для сопроводительного инвентаря.

⁹ Могила 45.07 была цистой, отгороженной стенкой из сырцового кирпича. Она была очень плохой сохранности из-за близости к современной поверхности: ящик сильно поврежден недавней сельскохозяйственной деятельностью, а также несколькими корнями саксаула. Скелет крайне плохой сохранности: его остатки найдены в перемещенном состоянии, разбросанными по всей площади могилы. Погребальный инвентарь состоял только из одной фаянсовой штемпельной печати.

¹⁰ Могила была катакомбой, состоящей из дромоса и погребальной камеры, и содержала женский скелет. Погребальный инвентарь состоял из шести сосудов из темно-желтой/красной глины и одного из черной/серой глины; двух каменных бусин; биконического кальцитового пряслица, орнаментированного тремя узорами «точка-в-кружке» на обеих сторонах, и второго, неорнаментированного, пряслица целиком из хлорита; дисковидного бронзового зеркала с простым краем и нескольких кусочков церуссита, обнаруженных над зеркалом. Печать была найдена рядом с локтем правой руки умершей.

¹¹ В этой катакомбной могиле, состоящей из дромоса и погребальной камеры, была погребена женщина старше 50 лет. Погребальный инвентарь был довольно богатым и включал три горшка из темно-желтой/красной глины и небольшой сосудик из черной/серой глины; две каменные бусины, каменное орудие, возможно, абразив для косметических целей, и комок белого косметического средства, которое в других случаях аналитически определялось как каолин. Печать находилась в руках умершей.

цветка ($D = 3,4-3,5$ см; $T = 0,5$ см; $T_{\text{с ручки}} = 1,6$ см) (рис. 1, 9).

Из 252.07¹² происходит фрагментированная круглая ажурная «печать-штамп» из бронзы ($D = 2,3$ см; $T = 0,7$ см; $H_{\text{с ручки}} = 1,6$ см) с изображением крестообразного орнамента, вписанного в круг (рис. 1, 10).

Две печати найдены в могиле 300.07¹³. Это односторонняя бронзовая перегородчатая «печать-штамп» (300.07-9) круглой формы с ручкой-язычком на оборотной стороне (размеры отсутствуют). На печати вырезан центральный круг, окруженный семью фигурами в виде треугольников, сходящихся к центру (рис. 1, 11).

Вторая печать представляла собой ажурный бронзовый штемпель восьмиугольной формы (300.07-10). Она была орнаментирована крестообразным мотивом, выходящим из центрального квадрата (размеры также не приведены). Лучи креста соединены дугами, образующими восьмиугольную рамку печати (рис. 1, 12).

В могиле 390.07¹⁴ находилась бронзовая «печать-штамп» в форме скорпиона ($L = 3$ см;

¹² Могила 252.07 была цистой со стенками из сырцового кирпича, серьезно поврежденными недавними сельскохозяйственными работами и корнями саксаула; в могиле находилась пожилая женщина 40–45 лет. Кроме бронзовой штемпельной печати погребальный инвентарь составляли четыре горшка из темно-желтой/красной глины и небольшая фаянсовая бусина. Штемпельная печать находилась рядом с левой лопаткой погребенной.

¹³ И в этой катакомбной могиле, состоящей из дромоса и погребальной камеры, была погребена женщина. Шесть сосудов из темно-желтой/красной глины; хлоритовое биконическое пряслице, орнаментированное на обеих сторонах узорами «точка-в-кружке», и птицеобразная головка бронзовой булавки составляли погребальный инвентарь в дополнение к двум штемпельным печатям. Круглая штемпельная печать 300.07-9 была найдена рядом с передней черепной костью погребенной. Положение второй печати (300.07-10) не было зарегистрировано.

¹⁴ Могила 390.07 являлась катакомбой, состоящей из дромоса и погребальной камеры. Определение пола погребенного не проводилось. Погребальный инвентарь состоял из четырех сосудов из темно-желтой/красной глины; небольшой сферической баночки из лепной терракоты; дисковидного бронзового зеркала; каменной подвески в форме птичьей головки; круглой бусины биконического сечения. Печать находилась на черепе умершего, прижатая к правой височной кости черепа.

$W = 2,7$ см) с петлеобразной ручкой на обратной стороне (рис. 1, 13), а в 425.07¹⁵ обнаружена медная ажурная «печать-штамп» (рис. 1, 14) с изображением растительного орнамента, интерпретация которого весьма затруднительна (размеры не представлены).

Две штемпельные печати происходят из погребений на акрополях обеих укрепленных деревень. Первая была найдена в могиле 78.AKR¹⁶ на Аджикуи 1: это круглая бронзовая ажурная «печать-штамп» с двойным ободком (рис. 1, 15) с изображением концентрического, циклически повернутого узора ($D = 5,2$ см; $T = 0,7$ см; $H_{\text{ручки}} = 1,1$ см). Бронзовая ажурная штемпельная печать (размеры не приведены) с изображением геометрического орнамента или бабочковидного мотива, состоящего из двух двойных линий в форме полумесяца¹⁷, по диаметру печати соединенных линией, которая разделяет два кольца, происходит из 47.AK9¹⁸ на Аджикуи 9.

¹⁵ Могила — катакомба, состоящая из дромоса и погребальной камеры, — принадлежала женщине. Пять сосудов из темно-желтой/красной глины; небольшая сероглиняная биконическая баночка; комок церуссита; биконическое пряслице из зеленого фаянса с ребристым туловом; фрагментированная бутылочка из кальцита (гипс), украшенная орнаментами «точка-в-кружке», а также бронзовый аппликатор, обнаруженный вставленным в горлышко бутылочки, составляли найденный погребальный инвентарь. Пряслице из фаянса и штемпельная печать находились около левой руки погребенной.

¹⁶ В этом ящике была погребена женщина 25–30 лет. Циста имела стенки, сложенные из сырцовых кирпичей. Погребальный инвентарь составляли четыре сосуда.

¹⁷ Этот геометрический орнамент, по-видимому, частично схож с орнаментом на бронзовой печати S08 с трапециевидной ручкой, найденной в помещении № 198 цитадели Аджикуи 9 (Rossi Osmida, 2011. P. 230, 234). Обе печати ажурные и перегородчатые. Различаются рамки: круглая на экземпляре из погребения 47.AK9 и восьмиугольная на печати из помещения № 198, а также декоративные мотивы по обе стороны от диаметральной линии: два кружочка на первой печати и два ступенчатых треугольника на второй.

¹⁸ В этой ямной могиле, раскопанной в полу помещения № 198 рядом с его северной стеной, был захоронен ребенок. Несколько козых костей и небольшой комок белого косметического вещества, которое в других находках было идентифицировано при анализе как каолин, являлись единственными погребальными приношениями кроме штемпельной печати, найденной в этой могиле.

Рис. 1. Таблица печатей из захоронений Аджикуи: 1 — перегородчатая односторонняя печать из бронзы, из погребения 12.01; 2 — перегородчатая печать из фаянса, из 40.01; 3 — двусторонняя печать из гематита, из 1.F; 4 — перегородчатая печать из бронзы с закрытой оборотной стороной, из 1.F; 5 — печать из бронзы, на которой изображен четырехлепестковый цветок, расположенный на навершии аппликатора, из 1.F; 6 — круглая бронзовая печать, из 11.03; 7 — круглая печать с изображением древовидного узора, из 45.07; 8 — круглая фаянсовая печать, из 137.07; 9 — бронзовая печать, из 239.07; 10 — круглая бронзовая ажурная печать, из 252.07; 11 — перегородчатая печать из бронзы с закрытой оборотной стороной (300.07-9), круглой формы, из 300.07; 12 — бронзовая ажурная печать (300.07-10), из 300.07; 13 — бронзовая печать в виде скорпиона, из 390.07; 14 — бронзовая ажурная печать, из 425.07; 15 — круглая бронзовая ажурная печать, из 78.AKR (все фотографии и указания состава предоставлены авторами; без масштаба — там, где это было возможно, размеры печатей даны в тексте)

Fig. 1. Table of the stamp seals from the Adji Kui burials: 1 — compartmented, one-sided stamp seal in bronze, from 12.01; 2 — compartmented stamp seal in faience, from 40.01; 3 — two-sided stamp seal in hematite, from 1.F; 4 — closed back, compartmented stamp seal in bronze, from 1.F; 5 — stamp seal depicting a four-petaled flower located at the top of an applicator in bronze, from 1.F; 6 — circular seal in bronze, from 11.03; 7 — circular seal depicting a tree-shaped pattern, from 45.07; 8 — circular, compartmented seal in faience, from 137.07; 9 — stamp seal in bronze, from 239.07; 10 — circular, open work stamp seal in bronze, from 252.07; 11 — closed back, compartmented stamp seal in bronze (300.07-9), circular in shape, from 300.07; 12 — open work stamp seal in bronze (300.07-10), from 300.07; 13 — scorpion-shaped stamp seal in bronze, from 390.07; 14 — open work stamp seal in copper, from 425.07; 15 — open work, circular stamp seal in bronze, from 78.AKR (all photos and composition by the authors; without scale — the sizes of the seals, when available, have been written in the text)

Некоторые из печатей заслуживают более подробного рассмотрения и интерпретации их хронологического и географического распространения, а также связей Аджикуи с соседними регионами.

Мотив дикого тюльпана, изображенный на фаянсовой печати из могилы 40.01, имеет особое культурологическое значение, так как этот цветок изначально произрастал в диком виде в долинах Памиро-Алая и горах Тянь-Шаня. Вид цветочного растения *Tulipa montana* Lindl., который распространен от Южного Туркменистана до Ирана, захватывая, таким образом, территории древней Бактрии и Маргианы, мог быть прототипом изображения на печати из могилы 40.01, так же как и на некоторых других артефактах различного назначения, изготовленных из разных материалов. На многочисленных предметах, относящихся к цивилизации Окса (печати из металла и камня, сосуды и бутылочки из хлорита, наваршие жезла, металлический флакон, терракотовые декоративные вставки и т. д.), изображены тюльпаны, на что обращают внимание некоторые исследователи (Teufer, 2007; Крюкова, 2012). Присутствие мотива тюльпана на памятниках Иранского нагорья (Тепе Яхья и Шахдад) подтверждает предположение об его распространении в культурах Персидского залива, о чем свидетельствует гребень из слоновой кости из Телль-Абрака (Potts, 1994. Fig. 53, 8).

Печать 1.F-28 является типичным примером штемпельных печатей («печатей-амулетов») «мургабского стиля»: подушкообразной формы, с двумя гравированными сторонами и двусторонним сквозным отверстием вдоль главной оси. Многочисленные печати этого специфического типа происходят из Маргианы, Бактрии и из областей за пределами Юга Центральной Азии (Salvatori, 2000; Winkelmann, 2021). Из них несколько приобретены на антикварном рынке и предположительно происходят из Маргианы и/или Южной Бактрии (Amiet, 1978; 1986; 1988; Pittman, 1984; Salvatori, 1988; Sarianidi, 1977; 1988; Саруаниди, 1993; 1998b; Winkelmann, 2004). Находки печатей этого типа в первичных контекстах указывают на отчетливое и абсолютно определенное региональное распространение, ограниченное памятниками позднего бронзового века в Маргиане, например Южный Гонур, Тоголок 3, Тоголок 9, Тоголок 13, Тоголок 15, Тоголок 21, Аджикуи 3, Эгри Богаз 1 и Таип-1 (Саруаниди, 1976; 1990; Sarianidi, 1981;

1985; 1986a; 1986b; 1994; 1998b; Масимов, 1981; Hiebert, 1994a; 1994b; Masimov, Salvatori, 2008). В Бактрии лишь на поселении Дашлы 1 была зарегистрирована находка этого подушковидного типа в первичном контексте (Sarianidi, 1986b). За пределами южной части Центральной Азии он отмечен в Шахдаде в Центрально-Восточном Иране (Salvatori, Vidale, 1982), в Сибири в Белуджистане (Jarrige, 1985), а также на Аравийском полуострове на памятниках Файлака и Эль Хаджар (Kjærum, 1983; During Caspers, 1983).

Декоративный мотив, вырезанный на лицевой стороне печати 1.F-28, — орел, изображенный в геральдической позе в сопровождении двух змей, смотрящих в разные стороны, — является очень распространенным на позднем этапе среднего и в течение всего позднего бронзового века в южной части Центральной Азии. Он изображен на нескольких печатях различных типов и изготовленных из различных материалов. Среди прочих мы хотели бы обратить внимание лишь на некоторые образцы, близко напоминающие экземпляр 1.F-28. Они происходят с бактрийского антикварного рынка (Sarianidi, 1998b. P. 127, 162, 174; Winkelmann, 2004. P. 117–118, № I.3-02), из могилы № 1207 некрополя Гонур-депе (Sarianidi, 2002. P. 46, tab. II, 7; Sarianidi, 2007. P. 103, 239, fig. 165), из Гонур-депе, помещение № 414 (Саруаниди, 1997. С. 164, рис. 17, 4; Sarianidi, 1998b. № 1646; Winkelmann, 2021. Fig. 8.6, a1)¹⁹. Еще одна печать, хранящаяся сейчас в коллекции Лувра (АО 28295), по-видимому, древнебактрийского происхождения (Amiet, 1988. P. 172, fig. 17, c; Sarianidi, 1998b. № 938, 1, 2). Последняя также представляет собой двустороннюю штемпельную печать четырехугольной формы из хлорита, с изображениями орла и двух змей на лицевой стороне и крылатого четырехногого кошачьего хищника с широко разинутой пастью и поднятым изогнутым хвостом — на оборотной. Под его животом и между передними лапами изображена змея с широко разинутой пастью. Здесь, несомненно, имеется сходство с обеими сторонами нашего образца 1.F-28. Композиция с двумя или тремя различными животными, смотрящими в одну и ту же сторону, также является типичной сценой

¹⁹ Это двусторонняя штемпельная печать четырехугольной формы (3,5 × 2,9 × 1,1 см), изготовленная из хлорита, с изображением скорпионоподобной фигуры на оборотной стороне.

на некоторых двусторонних печатях-штампах (*Sarianidi*, 1998b. №1625, 1626; *Winkelmann*, 2021. Fig. 8.6, c).

В археологических контекстах цивилизации Окса широко представлены разнообразные металлические булавки и косметические аппликаторы, в том числе со скульптурными навершиями (*Sarianidi*, 1988. Fig. 10; *Amiet*, 1988. Fig. 12; *Winkelmann*, 1998; *Ligabue, Salvatori*, 1988. Figs. 79–83). На память приходят аппликаторы со сферическим навершием, зубчатым крестом, двойной спиралью, а также с держателем в виде профиля животного, либо целиком, либо только головы. Наиболее примечательные были изготовлены из серебра или изображали очень сложные сюжеты, такие, например, как двух дерущихся животных, козу с детенышем и пару оленей или горных козлов. В Маргиане и Бактрии, а также в Месопотамии были распространены булавки в форме сжатого кулака и, как в нашем случае 1.F-34, с пальмовидным окончанием с цветочным элементом (розеткой), удерживаемым кончиками пальцев.

Печать из 390.07 с изображением скорпиона с восемью лапами, двумя клешнями и изогнутым хвостом представляет собой еще один сюжет, который являлся типичным и широко распространенным в глиптике цивилизации Окса бронзового века. Изображения скорпионов появляются на керамике Юго-Восточного Ирана и Белуджистана в IV и III тыс. до н. э., на великолепной печати из слоновой кости из Рахман Дери, период I B (*Shah, Parpola*, 1991. Pl. 32), а также на дисках из слоновой кости из могилы 3220 Гонура (*Frenez*, 2018. Fig. 11, 1, 2). Примеры использования изображений скорпиона в качестве основного мотива многочисленны: несколько печатей из бронзы происходят с бактрийского антикварного рынка (*Amiet*, 1977. P. 119, pl. VI, 4; 1988. P. 170, fig. 15, d; 197, fig. 49 — первая печать слева во втором ряду; *Сарианиди*, 1977. Рис. 47, 1, 8; *Sarianidi*, 1998b. P. 268–279; 280–289; *Ligabue, Salvatori*, 1988. Pl. 50 — во втором ряду, слева; *Baghestani*, 1997. S. 117–118, 316–318, № 458–465, abb. 91; *Winkelmann*, 2004. P. 65–68, № I.1-04), другая из Южного Гонура — двусторонняя (*Сарианиди*, 1997. С. 164, рис. 17.4),²⁰ одна происходит из могилы № 80 некрополя Гонур-депе (*Sarianidi*, 2002. P. 46,

tab. II, 6; *Gass, Masanz*, 2018. S. 193, kat. № 120, fig. 120)²¹, одна — из могилы № 14 из дворца Северного Гонура (*Sarianidi*, 1998b. № 1790; *Gass, Masanz*, 2018. S. 193, kat. № 122, fig. 122) и одна — предположительно из Северного Гонура — сейчас хранится в Историко-краеведческом музее Мары (*Gass, Masanz*, 2018. S. 193, kat. № 123, fig. 123; *Winkelmann*, 2021. Fig. 8.13, b, e, h); еще две фрагментированные — из дворца Северного Гонура: помещения № 269 и 205 соответственно (*Sarianidi*, 1998b. № 1788, 1789). Добавим сюда также фаянсовую печать с остатками зеленоватой глазури, хранящуюся в Национальном музее Туркменистана (*Winkelmann*, 2021. Fig. 8.4, g), и оттиск, поднятый с поверхности Тоголока 1 (*Sarianidi*, 1998b. № 1727). При сравнении всех этих печатей и единственного оттиска, где скорпион везде вписан в круглый, одиночный или двойной, ободок, образец из 390.07 выделяется той особенностью, что животное изображено свободно стоящим, не окруженным рамкой или ободком. Что касается значения фигуры скорпиона, нет оснований утверждать, что скорпион в культуре цивилизации Окса несет общие черты, связанные с культом плодородия, как это отмечено в эламской глиптике протодинастического периода (*Amiet*, 1972. P. 241; 1980. P. 133–134; *Ascalone*, 2011).

Звездообразные «печати-штампы» представляют собой еще одну группу артефактов, отчетливо свидетельствующую о культурной стабильности *koinè*, охватывавшей обе ключевые области цивилизации Окса в конце III — начале II тыс. до н. э. На бронзовой печати из 239.07 изображен восьмилепестковый цветок. Он находит аналогии в печатях из луврской коллекции (АО 26190, АО 26192, АО 26194), происходящей из Бактрии (*Amiet*, 1978. P. 160, fig. 22; 1988. P. 168, fig. 14, a, b, c; *Sarianidi*, 1998b. № 676, 721), в печати с семилепестковым цветком из Южной Бактрии (*Winkelmann*, 2004. P. 89–90, № I.1-20) и с еще одной семилепестковой печатью из Афганистана, хранящейся в Коллекции Бумиллера в Мюнхене (*Baghestani*, 1997. S. 195, abb. 34, 102), с печатями с шестилепестковым цветком из Тиллябулака

²⁰ На оборотной стороне имеется изображение орла в геральдической позе и двух змей.

²¹ На происхождение печати из могилы № 80 Гасс и Мазанц (*Gass, Masanz*, 2018. S. 193) указывают как на гипотетическое. У Сарианиди (*Sarianidi*, 2007) нет упоминания об этой печати среди погребального инвентаря могилы № 80.

в Северной Бактрии (*Kaniuth*, 2016. P. 120, fig. 5, 3)²² и с девятилучевой звездой из неизвестного памятника в Маргиане (*Масимов*, 1981. С. 135, рис. 2, 6), со штемпельной печатью в виде пятиконечной звезды с плоской кольцевой ручкой на оборотной стороне, найденной в могиле № 131 в Шахри-Сохте (*Piperno, Salvatori*, 2007. P. 177, fig. 380, 7138) и датируемой фазой 3, то есть приблизительно серединой III тыс. до н. э. (*Kavosh et al.*, 2019. P. 151–156). Два экземпляра из Маргианы, оба хранящиеся в Историко-краеведческом музее Мары, сохранили оттиск восьмилепестковой перегородчатой печати (*Winkelmann*, 2021. Fig. 8.17, d, e): один из них был обнаружен в помещении № 438 Южного Гонура (*Sarianidi*, 1998b. № 1746).

Фаянсовая печать из могилы 137.07, возможно, выставлена в экспозиции Национального музея Туркменистана (*Winkelmann*, 2021. Fig. 8.4, f). Очень похожий декоративный орнамент имеется на стеатитовой печати того же типа (односторонней и круглой), найденной в шурфе А Северного Гонура (*Winkelmann-Witkowski*, 2014. P. 157, figs. 31A, 31B, 31C), на фаянсовой печати из ямы № 1 помещения № 215 Северного Гонура (*Sarianidi*, 1998b. № 1802), на каменной печати из неизвестного памятника в Маргиане (*Масимов*, 1981. Рис. 4, 3), на штемпельной печати из белого камня (фаянса?) из Дашлы-1 (*Сарианиди*, 1977. Рис. 50, 3; *Sarianidi*, 1998b. № 1249), а также на печатях из белого мягкого камня и фаянса с Кабульского антикварного рынка и из частной коллекции (*Sarianidi*, 1998b. № 1248, 1330–1333). Эти последние печати, предположительно имеют юнобактрийское происхождение, как уже отмечено в отношении других артефактов. Необходимо отметить, что крестообразный четырехлепестковый декоративный орнамент, по-видимому, представлен в основном на круглых печатях из фаянса, свидетельствуя, таким образом, о том, что особые сюжеты изображались на печатях из особого материала определенной геометрической формы. Фигурка скорпиона, наоборот, была намного более распространенным сюжетом: ее гравировали и высверливали на каменных «печатях-штампах» различной геометрической формы, а также изображали на некоторых металлических печатях — ажурных и с закрытой оборотной

стороной. Также широко распространен был древовидный мотив, вырезанный на печати из могилы 45.07, и на печати в виде греческого креста из могилы 252.07.

Печать из могилы 78.AKR — последняя из обсуждаемых в этой статье, учитывая, что все печати из могильника Аджикуи будут темой дальнейшего исследования и анализа и будут представлены в готовящихся к печати публикациях. Печать круглая, из бронзы, несет изображение концентрического «вихреобразного» или спиралевидного орнамента. В данном случае необходимо подчеркнуть, что декоративный вихревой орнамент весьма распространен на печатях различных типов, изготовленных из различных материалов (*Amiet*, 1978. Fig. 24; *Sarianidi*, 1998b. № 902, 1019, 1031, 1283, 1666; *Sarianidi*, 2007. P. 105, 215, fig. 178, c; *Winkelmann*, 2021. Fig. 8.1, a–c, e). Несмотря на незамысловатость декоративного сюжета, печать из могилы 78.AKR очень близка с некоторыми ажурными печатями из Бактрии (*Сарианиди*, 1977. Рис. 49, 2; *Baghestani*, 1997. S. 369–370, № 617–622, abb. 118, 617, 621–622). Два других экземпляра из Маргианы демонстрируют тот же самый изобразительный замысел: оба представляют собой односторонние «печатештампы» круглой формы из камня; они подобраны с поверхности соответственно в Тоголок 21 и Гонур-депе. У первой имеется просверленный по центру кружок и семь кривых линий, образующих спиралевидный или вращательный декоративный орнамент (*Сарианиди*, 1990. Табл. XXXI, 7), в то время как на второй вырезан тот же узор с восемью кривыми линиями, образующими такой же орнамент (*Там же*. Табл. III, 13).

В заключение хотелось бы высказать предварительные предположения, для подтверждения которых, безусловно, необходимы более серьезное рассмотрение и дальнейшие исследования.

Представляется, что ни одна из печатей не находит аналогий и объектов для сравнения среди образцов ранней фазы среднего бронзового века, особенно среди образцов из Алтын-депе и Келлелийского комплекса памятников. Это можно расценивать как подтверждение датирования заселения аджикуйского региона, начало которого относится к последней фазе среднего бронзового века.

Несмотря на то что имеются весьма многочисленные аналогии с находками из Бактрии, где отмечено присутствие антропоморфных образов и

²² Она изготовлена из металла и дерева, что свидетельствует об использовании деревянных вставок в металлических перегородчатых печатях.

композиций²³, на некрополе Аджикуи не найдено ни одной печати с антропоморфным изображением, что свидетельствует о локальном и эндогенном характере изготовления печатей.

Характер распределения печатей на территории могильника подчеркивает, что большинство из них, в восьми случаях из двенадцати, были найдены в погребениях взрослых женщин. Более того, женщине, похороненной в могиле 1.F, принадлежали две штемпельные печати (1.F-28 и 1.F-32) и косметический аппликатор с держателем на конце в виде руки, обхватывающей печать-штамп (1.F-34). Только в одном случае печать находилась в мужском захоронении и в одном — в детском.

Подобное же количество печатей в могилах, содержащих захоронения женщин, было зафиксировано и на других могильниках энеолита и бронзового века в Центральной Азии и на Среднем Востоке, таких как Шахри-Сохте в иранском Систане, Шахи-Тумп в Кеч-Макранском районе Юго-Западного Пакистана, Алтын-депе и Улуг-депе в Южном Туркменистане, а также на Гонур-депе в Маргиане и Сапалли-депе и Джаркутане в Северной Бактрии. Исследователи отмечали значительное количество керамики, металлических орудий и принадлежностей и, особенно, печатей, в женских погребениях по сравнению с мужскими (Аскаров, 1977; Алёкин, 1986; Besenval, 2005; Biscione, Bondioli, 1989a; 1989b; Mutin, 2020; Sarianidi, 2001; Luneau, 2008).

Относительно Шахри-Сохте Марчелло Пиперно (Marcello Piperno) заметил: «насколько это касается печатей, примечательно, что антропологические данные по возрастному и половому распределению у погребенных индивидов показали довольно неожиданные результаты. Из двенадцати индивидов с печатями, у которых возможно было установить возраст и пол, девять были женщинами и только три — мужчинами» (Piperno, 1979. P. 131). Марта Амери (Marta Ameri) (Ameri, 2020) подтвердила, что погребальные материалы из Шахри-Сохте указывают на то, что именно женщин чаще всего хоронили с печатями: согласно опубликованным на сегодняшний день данным, 23 из 33 погребенных с печатями (70 %) были женского пола, в то время как 10 были мужчинами

(Piperno, Salvatori, 2007). Одна печать была связана с погребением маленького ребенка (от шести до семи лет). В этом случае печать имела значение скорее личного маркера, а не принадлежности к управленцам (хотя и в этом случае печать была найдена у правого запястья ребенка, указывая на то, что она должна была использоваться для оттисков). Такое гендерное распределение собственности на печати оставалось устойчивым для различных типов печатей на протяжении всего функционирования некрополя в Шахри-Сохте.

На могильнике Алтын-депе были найдены 28 печатей, из которых 12 происходят из могил, где не проводилось антропологическое определение пола умершего (Кирчо, Алёкин, 2005; Кирчо, 2020). Остальные 16 были распределены следующим образом: 10 печатей были обнаружены в могилах с взрослыми женщинами (63 %), три относились к взрослым мужским (?) захоронениям (19 %), две — к взрослым с необозначенным полом, одна печать — из могилы с останками ребенка. Некрополи Аджикуи, Шахри-Сохте и Алтын-депе, очевидно, демонстрируют одну и ту же закономерность.

Около 125 печатей обнаружены при раскопках погребений на Северном Гонуре (Sarianidi, 2007). Из них 19 происходят из могил, где определение пола не проводилось. Остальные 106 были распределены следующим образом: 71 печать была получена из могил молодых и взрослых женщин (67 %), 17 — из могил взрослых мужчин (16 %), такое же количество — из могил с взрослыми индивидами не установленного пола. Различие между количеством женских и мужских погребений с печатями очень сильно проявилось на памятнике Сапалли-депе, где бронзовые печати присутствовали в женских могилах и были крайне редки в мужских (Аскаров, 1973; 1977; Luneau, 2008). Различие становится не столь заметным, если учитывать печати из камня и драгоценных материалов (серебро), тем не менее какой бы материал для изготовления печатей мы не рассматривали, общее количество печатей всегда преобладает в женских погребениях.

Из предварительного анализа четырех различных могильников энеолита и бронзового века в Центральной Азии, в том числе некрополя Аджикуи, можно сделать вывод, что от 60 до 70 % печатей из погребального инвентаря связаны с погребениями женщин разного возраста. Необходимы дополнительные анализ и исследования.

²³ Мужчина/женщина и животное; изображения мужских и женских «божеств», сопровождаемых дикими и фантастическими животными, в частности хищной птицей.

Тем не менее представляется логичным предположить, что женщины в сообществах Центральной Азии, включая также Аджикуи, занимали важное социальное и экономическое положение в обществе: вероятно, они обладали значительным имуществом, важным социальным или властным статусом и высоким общественным положением.

Анализ печатей, их административных и бюрократических функций, как и их декоративного исполнения, безусловно, является делом сложным и

трудным. Он необходим для лучшего понимания того, как было устроено общество в индоиранских пограничных районах Центральной Азии в бронзовом веке. Можно надеяться, что представленные размышления — скромный знак признательности и уважения к Л. Б. Кирчо и В. А. Алёшину за их весомый вклад в изучение культур бронзового века Южного Туркменистана — будут способствовать новым перспективным подходам и росту интереса и внимания к данной теме.

- Алёшкин*, 1986 — *Алёшкин В. А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, 1986. 194 с.
- Аскарлов*, 1973 — *Аскарлов А. А.* Сапаллитепа. Ташкент: ФАН, 1973. 172 с.
- Аскарлов*, 1977 — *Аскарлов А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: ФАН, 1977. 231 с.
- Кирчо*, 2020 — *Кирчо Л. Б.* Древнейшие печати Средней Азии (типология, материал, техника изготовления) // Записки ИИМК РАН. 2020. № 23. С. 24–36.
- Кирчо, Алёшкин*, 2005 — *Кирчо Л. Б., Алёшкин В. А.* Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) / Ред. В. М. Массон, Ю. Е. Берёзкин. СПб.: Нестор-История, 2005. 540 с.
- Крюкова*, 2012 — *Крюкова В. Ю.* О гонурских тюльпанах // Труды Маргианской археологической экспедиции / Гл. ред. В. И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2012. Т. 4: Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. С. 222–237.
- Масимов*, 1979 — *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. 1979. № 1. С. 111–131.
- Масимов*, 1981 — *Масимов И. С.* Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // СА. 1981. № 2. С. 132–150.
- Сарианиди*, 1976 — *Сарианиди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. № 1. С. 42–64.
- Сарианиди*, 1977 — *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. Материалы Совестско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.: Наука, 1977. 167 с.
- Сарианиди*, 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.
- Сарианиди*, 1993 — *Сарианиди В. И.* Ахейская Греция и Центральная Азия // Вестник древней истории. 1993. № 4. С. 137–149.
- Сарианиди*, 1997 — *Сарианиди В. И.* Теменос Гонура // Вестник древней истории. 1997. № 1 (220). С. 148–168.
- Сарианиди*, 2001 — *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с.
- Ameri*, 2020 — *Ameri M.* Who Holds the Keys? Identifying Female Administrators at Shahr-i Sokhta // Iran. 2020. Vol. 58. P. 1–38.
- Amiet*, 1972 — *Amiet P.* La glyptique susienne, des origines à l'époque des perses achéménides. Cachets, sceaux-cylindres et empreintes antiques découvertes à Suse, de 1913 à 1967. Paris: Paul Geuthner, 1972 (MDAI; Vol. 43). 326 p.
- Amiet*, 1977 — *Amiet P.* Bactriane proto-historique // Syria. 1977. Vol. 54. P. 89–121.
- Amiet*, 1978 — *Amiet P.* Antiquités de Bactriane // Revue du Louvre et des Musées de France. 1978. Vol. 3. P. 153–164.
- Amiet*, 1980 — *Amiet P.* La glyptique mésopotamienne archaïque. Paris: CNRS, 1980. 523 p.
- Amiet*, 1986 — *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens. 3500–1700 avant J.-C. Paris: Éditions de la Réunion des musées, 1986. 332 p.
- Amiet*, 1988 — *Amiet P.* Antiquities of Bactria and Outer Iran in the Louvre Collection // Bactria. An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan / Eds. G. Ligabue, S. Salvatori. Venezia: Erizzo, 1988. P. 165–192.
- Ascalone*, 2011 — *Ascalone E.* Glittica Elamita. Roma: Studia Archaeologica, 2011. 624 p.
- Baghestani*, 1997 — *Baghestani S.* Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China. München: Dietrich Reimer Verlag GmbH, 1997. 427 S.

- Besenval*, 2005 — *Besenval R.* Chronology of Protohistoric Kech-Makran // *South Asian Archaeology 2001* / Eds. C. Jarrige, V. Lefèvre. Paris: Editions Recherche sur le Civilizations, 2005. P. 1–9.
- Biscione, Bondioli*, 1989a — *Biscione R., Bondioli L.* Sapallitepa // *Bactria. An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan* / Eds. G. Ligabue, S. Salvasori. Venezia: Erizzo, 1988. P. 67–69.
- Biscione, Bondioli*, 1989b — *Biscione R., Bondioli L.* Sapallitepa. Analisi del rituale funerario in una necropoli del III millennio a.C. // *Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Seminari anno 1988.* Rome, 1989. P. 53–70.
- Cerasetti et al.*, 2018 — *Cerasetti B., Rouse L. M., De Nigris I.* The Influence of Bronze Age Sedentary-Mobile Interactions on the Iron Age: Mobile Pastoral Occupation Sites in the Murghab Alluvial Fan, Turkmenistan // *A Millennium of History. The Iron Age in Southern Central Asia (2nd and 1st Millennium BC): Proceedings of the Conference held in Berlin (June 23–25, 2014). Dedicated to the Memory of Viktor Ivanovich Sarinidi* / Eds. N. Boroffka, J. Lhuillier. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, 2018. S. 17–29.
- During Caspers*, 1983 — *During Caspers E. C. L.* Triangular Stamp Seal from the Arabian Gulf and Their Indus Valley Connection // *Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli.* 1983. Vol. 43, 4. P. 661–670.
- Frenez*, 2018 — *Frenez D.* Manufacturing and trade of Asian elephant ivory in Bronze Age Middle Asia. Evidence from Gonur Depe (Margiana, Turkmenistan) // *Archaeological Research in Asia.* 2018. Vol. 15. P. 13–33.
- Gass, Masanz*, 2018 — *Gass A., Masanz R.* unter Mitarbeit von C. von der Osten-Sacken. Katalog der Ausgestellten Objekte // *Margiana Ein Königreich der Bronzezeit in Turkmenistan.* Berlin: Micheal Imhof Verlag, 2018. S. 149–233.
- Gubaev et al.*, 1998 — *Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M.* (eds.). The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–1995. Rome: ISIAO, 1998. 299 p.
- Hiebert*, 1994a — *Hiebert F. T.* Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. Cambridge: Peabody Museum Press; Harvard University, 1994. 200 p.
- Hiebert*, 1994b — *Hiebert F. T.* Production Evidence for the Origins of the Oxus Civilization // *Antiquity.* 1994. 68 (259). P. 372–387.
- Jarrige*, 1985 — *Jarrige J.-F.* Les Relations entre l'Asie Centrale méridionale, le Baluchistan et la vallée de l'Indus à la fin du 3e et au début du 2e millénaire // *L'archéologie de la Bactriane ancienne* / Ed. J.-C. Gardin. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1985. P. 125–133.
- Kaniuth*, 2016 — *Kaniuth K.* The Late Bronze Age Settlement of Tilla Bulak (Uzbekistan) — A Summary of Four Years' Work // *South Asian Archaeology and Art 2012. Vol. I: Man and Environment in Prehistoric and Protohistoric South Asia: New Perspectives* / Eds. V. Lefevre, A. Didier, B. Mutin. Turnhout: Brepols, 2016. P. 117–128.
- Kavosh et al.*, 2019 — *Kavosh H. A., Vidale M., Fazeli Nashli H.* with the collaboration of J. A. Moghadam and M. Miri and contributions by A. Lazzari, M. Mashkour, H. Fathi, H. Davoudi and B. Helwing. Tappeh Graziani, Sistan, Iran: stratigraphy, formation processes and chronology of a suburban site of Shahr-i-Sokhta. Roma; ISMEO, 2019. 208 p.
- Kjærum*, 1983 — *Kjærum P.* Failaka/Dilmun. The Second Millennium Settlements. Vol. 1:1: The Stamp Seals and Cylinder Seals. Copenhagen: Jutland Archaeological Society Publications, Moesgård, 1983. 171 p.
- Ligabue, Salvasori*, 1988 — *Ligabue G., Salvasori S.* (eds.). Bactria. An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Venezia: Erizzo, 1988. 249 p.
- Luneau*, 2008 — *Luneau É.* Tombes féminines et pratiques funéraires en Asie centrale protohistorique. Quelques réflexions sur le “statut social” des femmes dans la civilisation de l'Oxus // *Paléorient.* 2008. Vol. 34 (1). P. 131–157.
- Masimov, Salvasori*, 2008 — *Masimov I. S., Salvasori S.* Unpublished Stamp-seals from the North-western Murghab Delta // *The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands. Facts and Methodological Proposals for a Redefinition of the Research Strategies* / Eds. S. Salvasori, M. Tosi with the editorial collaboration of B. Cerasetti. Oxford, 2008 (BAR. IS; Vol. 1806). P. 99–110.
- Mutin*, 2020 — *Mutin B.* Exploring Gender Inequality between Makran and Turan during the Bronze Age // *Tales of the Three Worlds. Archaeology and beyond: Asia, Italy, Africa. A Tribute to Sandro Salvasori* / Eds. D. Usai, S. Tuzzato, M. Vidale. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 85–97.
- Piperno*, 1979 — *Piperno M.* Socio-Economic Implications from the Graveyard of Shahr-i Sokhta // *South Asian Archaeology 1977* / Ed. M. Taddei. Naples: Istituto Universitario Orientale, 1979. P. 123–140.
- Piperno, Salvasori*, 2007 — *Piperno M., Salvasori S.* The Shahr-i Sokhta Graveyard (Sistan, Iran). Excavations Campaigns 1972–1978. Rome: ISIAO, 2007. 390 p.
- Pittman*, 1984 — *Pittman H.* Art of the Bronze Age. Southeastern Iran, Western Central Asia and

- the Indus Valley. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1984. 99 p.
- Potts, 1994* — *Potts D. T.* South and Central Asian Elements at Tell Abraq (Emirate of Umm al-Qaiwain, United Arab Emirates), c. 2200 BC — AD 400 // *South Asian Archaeology 1993*. Vol. II / Eds. A. Parpola, P. Koskikallio. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1994. P. 615–628.
- Rossi Osmida, 2011* — *Rossi Osmida G.* Adji Kui Oasis. Vol. II: La cittadella delle statuette. Venezia: Il Punto Edizioni, 2011. 302 p.
- Rossi Osmida et al., 2020* — *Rossi Osmida G., Cengia A., Bonora G. L.* Grave ADJ1.F from the Farmhouse of Adji Kui 1 (Margiana, Turkmenistan): Description, and Preliminary Analysis of an Oxus Civilization Funerary Context // *Природа — человек — общество: от прошлого к настоящему: Сб. ст. к юбилею Н. А. Дубовой / Ред. М. Н. Губогло, В. В. Куфтерин. М.: Старый сад, 2020. С. 84–97.*
- Rouse, Cerasetti, 2018* — *Rouse L. M., Cerasetti B.* Mixing Metaphors: Sedentary-Mobile Interactions and Local-Global Connections in Prehistoric Turkmenistan // *Antiquity*. 2018. Vol. 92 (363). P. 674–689.
- Salvatori, 1988* — *Salvatori S.* Oggetti della Battriana protostorica in collezioni private // *Battriana una antica civiltà delle oasi dalle sabbie dell'Afghanistan* / Eds. G. Ligabue, S. Salvatori. Venezia: Erizzo, 1988. P. 193–200.
- Salvatori, 2000* — *Salvatori S.* Bactria and Margiana Seals. A New Assessment of Their Chronological Position and a Typological Survey // *East and West*. 2000. Vol. 50 (1–4). P. 97–145.
- Salvatori, 2002* — *Salvatori S.* The Project for the Archaeological Map of the Murghab Delta (Turkmenistan): Stratigraphic Trial Trenches at Adzhi Kui 1 and 9 // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2002. Vol. 8 (1–2). P. 107–177.
- Salvatori, Vidale, 1982* — *Salvatori S., Vidale M.* A Brief Surface Survey of the Protohistoric Site of Shadad (Kerman, Iran) // *Rivista di Archeologia*. 1982. Vol. VI. P. 5–10.
- Sarianidi, 1977* — *Sarianidi V. I.* Ancient Horasan and Bactria // *Le Plateau iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique* / Ed. J. Deshayes. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1977. P. 129–142.
- Sarianidi, 1981* — *Sarianidi V. I.* Seals-Amulets of the Murghab Style // *The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries* / Ed. P. L. Kohl. New York: Armonk, 1981. P. 221–255.
- Sarianidi, 1985* — *Sarianidi V. I.* Les origines de la culture agricole primitive de la Bactriane // *L'archéologie de la Bactriane ancienne* / Ed. J.-C. Gardin. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1985. S. 125–133.
- Sarianidi, 1986a* — *Sarianidi V. I.* Le complexe culturel de Togolok 21 en Margiane // *Arts Asiatiques*. 1986. Vol. XLI. P. 5–21.
- Sarianidi, 1986b* — *Sarianidi V. I.* Die Kunst des alten Afghanistan: Architektur, Keramik, Siegel, Kunstwerke aus Stein und Metall. Leipzig: Seemann Verlag, 1986. 347 S.
- Sarianidi, 1988* — *Sarianidi V. I.* Soviet Excavations in Bactria: the Bronze Age // *Bactria. An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan* / Eds. G. Ligabue, S. Salvatori. Venezia: Erizzo, 1988. P. 105–126.
- Sarianidi, 1994* — *Sarianidi V. I.* Margiana and the Indo-Iranian World // *South Asian Archaeology 1993*. Vol. II / Eds. A. Parpola, P. Koskikallio. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1994. S. 667–680.
- Sarianidi, 1998a* — *Sarianidi V. I.* Margiana and Protozoroastrism. Athens: Kapon Editions, 1998. 192 p.
- Sarianidi, 1998b* — *Sarianidi V. I.* Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M.: Pentagraph, 1998. 335 p.
- Sarianidi, 2002* — *Sarianidi V. I.* The Palace and Necropolis of Gonur // *Margiana Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre* / Ed. G. Rossi-Osmida. Venezia: Il Punto Edizioni, 2002. P. 16–49.
- Sarianidi, 2007* — *Sarianidi V. I.* Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. 340 p.
- Shah, Parpola, 1991* — *Shah S. G. M., Parpola A.* Corpus of Indus Seals and Inscriptions // *Collections in Pakistan (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Series B 240 and Memories of the Department of Archaeology and Museums, Government of Pakistan; Vol. 5)*, in two volumes, Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1991. 448 p.
- Spengler et al., 2018* — *Spengler R. N., de Nigris I., Cerasetti B., Carra M., Rouse L. M.* The breadth of dietary economy in Bronze Age Central Asia: Case study from Adji Kui 1 in the Murghab region of Turkmenistan // *Journal of Archaeological Science*. 2018. Vol. 22. P. 372–381.
- Teufer, 2007* — *Teufer M.* Zu bronzezeitlichen Tulpendarstellungen in Zentralasien und im Iran // *Scripta Praehistorica in honorem Biba Teržan, Situla 44* / Eds. M. Blečić, M. Črešnar, B. Hänsel, A. Hellmuth,

- E. Kaiser, C. Metzner-Nebelsick. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 2007. S. 183–207.
- Winkelmann*, 1998 — *Winkelmann S.* Bemerkungen zum Grab 18 und den Silbernadeln von Gonur Depe // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 1998. Vol. 30. S. 1–16.
- Winkelmann*, 2004 — *Winkelmann S.* Seals of the Oasis from the Ligabue Collection. Venezia: Il Punto Edizioni, 2004. 206 p.
- Winkelmann*, 2021 — *Winkelmann S.* BMAC glyptics: typology, context, function, and background // *The World of the Oxus Civilization* / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London, New York: Routledge, 2021. P. 215–292.
- Winkelmann-Witkowsky*, 2014 — *Winkelmann-Witkowsky S.* Gonur Depe, Turkmenistan. Bericht über die 1. russisch-schweizerische Kampagne // *SLSA Jahresbericht*. 2014. S. 135–166.

Seals from the Adji Kui Burials

G. L. Bonora, G. Rossi Osmida(†), A. Cengia²⁴

While the catalogue of the graves excavated in the Bronze Age site of Adji Kui is being prepared for the upcoming publication, this paper describes and presents for the first time fifteen seals found in the burials. This number does not represent the original quantity of this type of artefacts as very numerous graves have been looted in the past as well as several have been damaged by recent farming works. The seals were manufactured in stone, metal and faience. Thirteen of them were one-sided stamp seals, one is a stamp seal atop a pin head in bronze (fig. 1, 5) and the last is represented by a biface seal in hematite or iron oxide (fig. 1, 3). The latter is one of the most interesting: its front side portrays the silhouette of a bird of prey flying over a four-legged animal and a snake depicted between the legs of the quadrupede. In the back a large bird of prey (eagle), in heraldic position, was accompanied by snake on both sides. Summarizing, the seals from Adji Kui portray decorative patterns represented by phytomorphic and zoomorphic images, geometric figures and representations inspired by the nature and the landscape surrounding the prehistoric community. The subjects, shape and material of the seals as well as their manufacturing techniques highlight that they belong to the Oxus Civilization or BMAC (Bactria-Margiana Archaeological Complex). They find several close comparisons with artifacts from other sites in Margiana and Bactria, such as Gonur, Togolok, Dashly 1, and their chronological distribution is dated to the late 3rd millennium BC. As evidenced in other Oxus Civilization graveyards, most of the Adji Kui seals were found in graves containing female individuals, surmising then that the place of women in the Middle and Central Asian communities, among them also Adji Kui, was socially and economically important.

²⁴ Gian Luca Bonora — Director of the Italian Archaeology Expedition in Kazakhstan — ISMEO, International Association of Mediterranean and East Studies, Rome (Italy). Anna Cengia — Independent Researcher.

Некоторые замечания о происхождении женских божеств БМАК¹

С. Винкельманн²

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о происхождении божеств БМАК, изображения которых обнаружены в предметах искусства Маргианы и Бактрии, особенно в глиптике, и для которых нет прототипов ни в Туркменистане, ни в Афганистане. Анализируя искусство культуры Кермана или Джирофта Юго-Восточного Ирана, особенно находки печатей из Конар-Сандала и предметы «межкультурного стиля», можно проследить прямые истоки пантеона БМАК в Юго-Восточном Иране. Оба региона имеют почти идентичный пантеон женских божеств со схожими атрибутами, иконографией и взаимосвязями, отражающими общий миф, который воплощен в искусстве обеих территорий. Но богини в БМАК претерпевают изменения в изображении, это касается прически, костюмов, но особенно заметно в сопровождающих их животных, которые зачастую сливаются воедино, а также в большем количестве изображений крылатых божеств и атрибутивных животных.

Annotation. The article deals with the question of the origin of the BMAC deities found in the high art of Margiana and Bactria especially in glyptic art, for which there are no local precursors in Turkmenistan or Afghanistan. By analyzing the art of the Kerman or Jiroft culture of Southeast Iran, especially the seal finds from Konar Sandal and the intercultural style objects, the direct antecedents of the BMAC pantheon in Southeast Iran could be demonstrated. Both regions have an almost identical pantheon of female deities with similar attributes, same stylistic features and identical attitudes, and they share a common myth that is depicted in the art of both regions. Nevertheless, the goddesses in the BMAC undergo modifications in representation, which concerns hairdo and costumes, but which is particularly evident in the altered depiction of attribute animals, which are now often fused together, and the increased depiction of winged gods and attribute animals.

Ключевые слова: БМАК, Маргиана, Туркменистан, Керман, Юго-Восточный Иран, Джирофт, Конар-Сандал, «межкультурный стиль», Гонур-депе, печати, искусство, обряды, мифология, божества, межкультурные отношения, передача и трансформация богов и искусств.

Keywords: BMAC, Margiana, Turkmenistan, Kerman, Southeast Iran, Jiroft, Konar Sandal, intercultural style, Gonur Depe, seals, art, rites, mythology, divinities, intercultural relations, transfer and transformation of gods and arts.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-69-99

Я посвящаю эту статью моей уважаемой коллеге Любви Кирчо, чьи изыскания по культуре Намазга всегда были важной основой для моих собственных исследований и с которой я разделяю любовь к археологии Центральной Азии

¹ Данная статья является пересмотренной версией доклада, представленного мной на конференции ICAANE в 2014 г. в Берне. Независимо от меня Х. Питтман (H. Pittman) впоследствии пришла к тем же выводам, которые я изложила в нескольких работах.

² Институт археологических наук, Университет Берна; Hochschulstrasse, 6, 3012, Bern, Switzerland; e-mail: dr.sylvia.winkelmann@hotmail.de.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Продолжительная история Центральной Азии очень разнообразна, но одним из наиболее важных и ярких событий, на мой взгляд, является возникновение Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) бронзового века (2300–1600 гг. до н. э.). Источники для изучения этой раннегородской цивилизации достаточно обширны. Исследование архитектуры, керамики и терракотовых статуэток в значительной степени основано на культуре Намазга Южного Туркменистана, в то время как перегородчатые печати имеют истоки по всему Иранскому плато и Южному Туркменистану. Представляется, что многообразная иконография божеств БМАК уходит корнями прежде всего в керманскую культуру Юго-Восточного Ирана, которая была заново открыта в 2003 г. и, как оказалось, продолжала и развивала многие традиции протоэламской культуры, начиная с культуры Систана и культур Амри-Наль и Кулли в Белуджистане. В статье рассматривается формирование пантеона БМАК, который не имеет истоков в Южном Туркменистане, но, по-видимому, непосредственно происходит из керманской культуры Юго-Восточного Ирана.

Изображения антропоморфных божеств появляются в Месопотамии и Иране в конце IV и в первой половине III тыс. до н. э. До этого образы богов были, вероятно, аниконическими, то есть представленными в виде символов, или зооморфными (как, например, в протоэламской культуре Юго-Восточного Ирана). Именно в керманской культуре Юго-Восточного Ирана (2700/2600–2100 гг. до н. э.), сменившей протоэламскую (прибл. 3100–2700/2600 гг. до н. э.), впервые появляется обширный пантеон антропоморфных женских божеств, мужских демонов, мужских героев и фантастических существ. Эта культура была частично синхронна с БМАК, заполняя пространственный разрыв между эламскими культурами и культурами Афганистана и Центральной Азии.

Система культовой символики керманской культуры представлена главным образом в группе резных и инкрустированных хлоритовых сосудов, гирь, плакеток и лазуритовых дисков, орнаментированных в «межкультурном стиле». В меньшей степени подобные изображения представлены на бронзовых сосудах, булавах, каменных статуэтках и печатях.

Изображения божеств Юго-Восточного Ирана обнаружены на различных предметах. Наиболее ранние найдены на рельефных каменных дисках в «межкультурном стиле» керманского комплекса, а аниконические изображения божеств, мужских героев и фантастических существ представлены в основном на рельефных каменных сосудах и гирях. Более поздние изображения в Юго-Восточном Иране чаще всего встречаются в глиптике. В БМАК изображения божеств также часто присутствуют на печатях, но, кроме того, здесь известны и составные каменные статуэтки, которые тоже можно рассматривать как изображения божеств.

2. БОГИНИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ИРАНА

2.1. Предварительные замечания

1. Первое, что следует отметить, — на территории Юго-Восточного Ирана встречаются исключительно женские божества. Это справедливо и для изображений божеств БМАК.

2. Богини представлены рядом форм в сопровождении различных животных и других атрибутов. Символические животные, сопровождающие иранских богинь, воплощены в образах: 1) копытных: быка, барана, оленя или козла; 2) хищных птиц: орла или бородатого грифа; 3) змеи; 4) скорпиона; 5) кошачьих хищников: леопарда, львицы или льва. Растительные атрибуты — цветок в виде либо розетки, либо тюльпана, финиковая пальма или колос пшеницы. Аниконические атрибуты — сосуд, обычно коническая чаша на тонкой ножке, струи воды, гора или астральные символы (полумесяц или звезды). Многие из этих атрибутов фигурируют вместе с различными божествами, поэтому трудно определить конкретные персонажи и установить, имеем ли мы дело с разными богинями или с ипостасями одной и той же богини.

3. Изображения богинь эволюционировали. Древнейшие изображения Юго-Восточного Ирана показывают богинь исключительно в человеческом облике в окружении своих атрибутов. Богиня может, например, преклонять колени, сидеть или стоять на животных или находиться над ними, сопровождаемая или окруженная ими. Иногда она сидит рядом с горой, которая отчетливо обозначена чешуйками или кружками (рис. 1).

На следующей стадии богини сливаются со

Рис. 1. Мифологическая сцена: мужчина, просящий богиню, восседающую на троне и ассоциированную со львами, змеями, скорпионом, горами, копытным животным: 1–3 — диски в «межкультурном стиле»; 4 — «Печать ювелира» из Суз; 5, 6 — цилиндрические печати из Юго-Восточного Ирана; 7 — БМАК: перегородчатая печать из Гонур-депе (некрополь, погребение 1710). 1, 3 — частная коллекция: рисунок автора по фото автора; 2 — Porada, 1993. Fig. 19; 4 — Amiet, 1986. Fig. 71; 5 — Porada, 1962. Fig. 14; 6 — рисунок автора по Amiet, 1986. Fig. 137; 7 — Sarianidi, 2007. Fig. 161

Fig. 1. Mythological scene: man asking an enthroned goddess associated with lions, snakes, scorpion, mountains, hoofed animal: 1–3 — “Intercultural style” discs; 4 — “Jeweller’s seal” from Susa; 5, 6 — cylinder seals from Southeast Iran; 7 — BMAK: compartmented seal from Gonur Depe, necropolis, tomb 1710. 1, 3 — private collection: own drawing from own photo; 2 — Porada, 1993. Fig. 19; 4 — Amiet, 1986. Fig. 71; 5 — Porada, 1962. Fig. 14; 6 — own drawing from Amiet, 1986. Fig. 137; 7 — Sarianidi, 2007. Fig. 161

своими атрибутами. Обычно при этом они приобретают некоторые характерные черты животных. На изображении богини появляются рога (если животным-атрибутом был представитель копытных), крылья или птичья голова (если атрибутом выступала хищная птица), хвост или лапы (для кошачьих хищников). Зубцы-чешуйки гор представляются, например, как элементы одежды. В то же время гора может быть показана в стилизованном виде как треугольник или грудка чешуек рядом с богиней.

4. В Сузах стилистически пересекаются две группы. Древнейшие изображения относятся к раннединастическим периодам ED-II и ED-III a («межкультурный стиль»): фигуры несколько приземистые, с массивными крючковатыми носами, тщательно обрисованной грудью, одетые в платье каунакес. Вторая группа, которую можно датировать периодом ED-III b и аккадским временем, представлена в основном на печатях и оттисках из района Кермана, то есть относится к джирофтской и керманской культурам. Основ-

ные памятники, откуда происходят эти печати и оттиски, — Тепе-Яхья, Шахдад, Конар-Сандад, Сузы и Джалалабад. К этой группе относятся также импорты из Юго-Восточного Ирана, найденные в Гонур-депе в Маргиане. Печати изображают очень стройных женщин с треугольной верхней частью тела, изображенной анфас, со слегка обозначенной грудью и тонкой талией (рис. 2, 4–7; 3, 6–7; 4; 5; 6, 6–8, 10, 11, 14, 16–18; 7). Нижняя часть стройного тела показана в профиль со слегка обозначенными бедрами или ягодицами. Ноги до пола прикрыты одеянием, которое порой откинута назад, так, что проглядываются верхние части стоп. Головы показаны схематично, шея и руки часто переданы одной линией. У них длинные волосы, причесанные в виде стилизованного бабочковидного шиньона, либо длинные прямые волосы, часто переданные волнистыми линиями или лентами с горизонтальными полосками. Одеты богини в основном в гладкие, длинной до пола, одежды без украшений или иногда украшенные и напоминающие юбки каунакес.

Рис. 2: Божества в Иране: 1–3 — предметы в «межкультурном стиле» с изображениями богини и ее животных-атрибутов; 4–9 — богиня с копытным животным, змеями, орлом, кошачьими, скорпионом, горой и сосудом на печатях. 1 — лазуритовый диск с богиней, восседающей над быками зебу, с орлами и змеями по сторонам; 2 — каменный сосуд с изображением храма с атрибутами животных: зебу, змеи, скорпиона и орла; 3 — сосуд: изображение богини с львиными лапами и со скорпионами; 4, 5 — печати из Конар-Сандал; 6, 7 — керманские печати с антикварного рынка; 8 — «Печать ювелира», Сузы; 9 — перегородчатая печать, вероятно из Кермана. 1 — частная коллекция, рисунок автора по фото автора; 2 — Durrani, 1964. Pl. II.6; 3 — Christies, Catalogue of auction from 11–25–1997, n. 178; 4 — Pittman, 2019. Fig. 11; 5 — Pittman, 2014. Fig. 18.a; 6 — рисунок автора по Amiet, 1986. Fig. 137; 7 — Porada, 1962. Fig. 14; 8 — Amiet, 1986. Fig. 71; 9 — рисунок автора по Ligabue, 1988. P. 199, pl. 11

Fig. 2. Divinities in Iran: 1–3 — “intercultural style” objects showing a goddess and her attribute animals; 4–9 — goddess with hoofed animal, snakes, eagle, felids, scorpion, mountain and vessel on seals. 1 — lapis lazuli disc with goddess kneeling over zebu bulls and flanked by eagles and snakes; 2 — stone vessel with depiction of a temple with attribute animals: zebu bull, snake, scorpion and eagle; 3 — vessel: goddess with scorpions and lion-feet; 4, 5 — Konar-Sandal; 6, 7 — Kerman seals from art trade; 8 — “Jeweller’s seal”, Susa; 9 — compartmented seal, probably from Kerman. 1 — private collection: own drawing from own photo; 2 — Durrani, 1964. Pl. II.6; 3 — Christies, Catalogue of auction from 11–25–1997, n. 178; 4 — Pittman, 2019. Fig. 11; 5 — Pittman, 2014. Fig. 18.a; 6 — own drawing after Amiet, 1986. Fig. 137; 7 — Porada, 1962. Fig. 14; 8 — Amiet, 1986. Fig. 71; 9 — own drawing after Ligabue, 1988. P. 199, pl. 11

Эти женщины изображены в трех характерных позах. Часто они стоят с руками, сцепленными на уровне талии. Некоторые богини восседают на троне с характерной изогнутой спинкой и нередко с ножками в виде ног копытного животного. Третья характерная поза — коленопреклоненная или присевшая на пятки таким образом, что длинное одеяние сливается с ногами в виде единого продолжения нижней части туловища. Такая форма, которую описывают как припавшую к земле фигуру, в Иране была традиционной с древнейших времен, уходя корнями в IV тыс. до н. э., и первоначально использовалась в изображениях богов.

Среди божеств, изображения которых мы встречаем в районе Кермана, можно выделить определенные типы.

2.2. Богини раннего этапа: изображения на сосудах «межкультурного стиля» и лазуритовых дисках

Для раннего этапа имеются находки в «межкультурном стиле» — орнаментированные каменные сосуды, а также диски из лазурита, изначально служившие навершиями больших бронзовых булавок. На них можно обнаружить не менее двух различных божеств.

2.2.1. Великая Богиня

Великая богиня изображена на семи дисках и на одном каменном сосуде (рис. 1, 1–3; 2, 1–3). В основном она появляется в мифологической композиции: коленопреклоненный или стоящий мужчина перед восседающей на троне женщиной, иногда в юбке каунакес, иногда в простом платье; мужчина просит подать ему сосуд с напитком.

На первом диске богиня изображена с чашей, розеткой и у горы в виде поперечно заштрихованного треугольника (Porada, 1993. Fig. 19; Amiet, 1986. Fig. 128) (рис. 1, 2). На втором диске восседающая на троне богиня изображена со змеей и скорпионом перед горной грядой в виде массы чешуек-зубцов (Winkelmann, 2010. Fig. 4a) (рис. 1, 3). На третьем диске также изображен просящий мужчина на коленях перед божеством: однако здесь коленопреклоненный мужчина и богиня представлены на разных сторонах диска (Ibid. Fig. 4e) (рис. 1, 1). Богиня восседает над двумя львами в обрамлении двух сплетенных змей. Четвертый и пятый диски также имеют изображения участников сюжета на обеих сторонах: просящий

о чем-то человек-птица — на одной, присевшая женщина — на второй. На четвертом диске приседающая богиня появляется рядом с горой и с (несохранившимся?) скорпионом (Madjidzadeh, 2003. P. 170). На пятом диске она представлена без атрибутов (Ibid. P. 171). Шестой диск показывает умоляющего о чем-то птичеловека (Ibid. P. 172). Однако здесь вместо божества появляется лишь один из ее символов — розетка или звезда. Это в данном случае является доказательством того, что божество может быть представлено лишь своими атрибутами. Кроме того, имеется каменный сосуд, на котором божество с львиными лапами вместо человеческих ног держит в поднятых руках двух скорпионов (рис. 2, 3). Здесь кошачий хищник как атрибут сливается с самим божеством (Christie's, 1997. P. 44–45, Lot no. 178).

Еще один лазуритовый диск изображает богиню, восседающую на троне над двумя быками, с двумя хищными птицами и двумя змеями по сторонам (Winkelmann, 2010. Fig. 5a) (рис. 2, 1). Не совсем ясно, является ли она самостоятельным божеством, так как копытные животные и хищные птицы на других лазуритовых дисках отсутствуют. Однако на несколько более поздней «Печати ювелира» из Суз богиня на леопарде объединена с изображением копытного животного (козла), а на других более поздних формах из провинции Керман, которые будут рассмотрены далее, присутствуют изображения хищной птицы сбоку и элементов фигур копытных в головном уборе. Наконец, изображение храма на сосуде в «межкультурном стиле» из Телль-Аграба также содержит одновременно атрибуты в виде змей, скорпиона, хищной птицы и копытных (Durrani, 1964. Pl. II.6) (рис. 2, 2). Таким образом, можно предположить, что все эти животные относятся к иконографии одной и той же богини и демонстрируют ее власть над всеми сферами жизни.

Если признать, что здесь изображена одна и та же богиня, то сложившийся образ нужно признать прототипом для дальнейших ее изображений, ассоциирующихся с кошачьими хищниками, хищными птицами, змеями, копытными, скорпионом, горой и в одном случае также с растениями (колосья пшеницы). Животные представляют все сферы, над которыми властвует это божество: небо (орлы или грифы), землю (кошачьи хищники — в дикой природе, копытные животные — среди одомашненного скота). Змеи символизируют подземный мир и перерождение, скорпион —

плодовитость. Гора, в свою очередь, представляет собой не просто божественный символ и сферу обитания богов, но и место, куда, согласно древневосточной традиции, переселяются умершие и где мифические герои должны пройти свои испытания (*Winkelmann*, 2010; 2012). В конце концов гора — область, откуда приходит живительная влага, как в виде рек, текущих круглый год, так и в виде весенних талых вод. Вода с гор — главное условие существования ранних иранских культур, источник жизни и плодородия.

2.2.2. Богиня со струями воды

Вторая из богинь, по-видимому, ассоциируется с водой. Вода имела существенное значение для ранних земледельческих сообществ Ирана. Этот факт подчеркивается представлением довольно древнего божества со струями воды, которое ввиду различных аспектов его величия можно рассматривать как отдельную богиню. На сосудах «межкультурного стиля» эта богиня изображена в виде женщины, восседающей на коленях на быках (*Porada*, 1962. Fig. 12) (рис. 3, 4), либо стоящей рядом с ними и охватывающей руками струи воды (*Piran*, 2012. P. 106–107; *Madjidzadeh*, 2003. P. 13, 45) (рис. 3, 11). Обычно рядом имеется розетка, указывающая на то, что это именно богиня, иногда в сюжет добавлена также и гора как источник воды (*Piran*, 2012. P. 106–107; *Madjidzadeh*, 2003. P. 13, 45). Струи воды представлены длинными извилистыми линиями, заканчивающимися свернутой спиралью. Такие завершения водяных струй украшают многочисленные сосуды «межкультурного стиля» и должны трактоваться как упрощенный символ богини (*Ibid.* P. 44, 117, 118; *Piran* 2012. P. 74, 75) (рис. 3, 10). В отдельную форму можно выделить представление этой богини на статуэтках «межкультурного стиля»: ее тело укутано одеянием из горных чешуек, форма рук напоминает скорпионов, а длинные волосы выглядят как завихрения воды (*Ibid.* P. 139).

Изображения богини со струями воды имеют прототипы в протоэламском искусстве, где вместо людей и антропоморфных богов присутствовали движущиеся животные (*Amiet*, 1961. Pl. 37, nos. 579, 580, 589) (рис. 3, 3). Имеются прототипы также в искусстве Урука среднего и позднего периодов: изображения женщины с вытекающими из нее водяными струями или держащей руками струи воды (рис. 3, 1, 2) (*Susa I: Ibid.* Pl. 6, no. 117; *Delougaz et al.*, 1996. Pl. 142, nos. 153, 157). Более

древние изображения на печатях IV тыс. до н. э. из Суз периода I представляют стоящего или коленапоклоненного мужчину перед стоящим или присевшим женским божеством в сопровождении рыб, козлов, быков, растений, змей и орла, держащим чашу в поднятых руках. Вероятно, тут можно предполагать прямые прототипы южно-иранских изображений III тыс. до н. э., хотя темы воды и растений здесь еще, по-видимому, не отделены друг от друга (ср.: *Amiet*, 1961. Pl. 6, nos. 119 B, 121, 122, 124).

Интересно отметить, что скорпион сопровождает как Великую Богиню, так и богиню с водяными струями, являясь, вероятно, их общим атрибутом. По месопотамской и эламской глиптике периодов ED-II и ED-III мы знаем, что изображение женщины, держащей скорпионов, связано с «обрядом священного брака». Скорпион — символ плодовитости и поэтому уместен для обеих богинь: Великая Богиня со скорпионом — источник плодовитости народа (это представлено сценой с мужчиной, просящим у женщины напиток плодородия). Скорпион, связанный с богиней со струями воды, символизирует плодородие земли, так как без воды нет урожая.

2.2.3. Символические изображения богинь

Атрибуты богинь появляются как повторяющийся мотив на сосудах «межкультурного стиля». Это относится к розеткам (*Piran*, 2012. P. 70, 76; *Madjidzadeh*, 2003. P. 107, 115), скорпиону (*Piran*, 2012. P. 110–113; *Madjidzadeh*, 2003. P. 36, 114, 115), одиночному льву (*Ibid.* P. 57) и струе воды или лишь к ее завершению — завихрению (*Piran*, 2012. P. 74, 75; *Madjidzadeh*, 2003. P. 44, 75, 117, 118) (рис. 4, 10), чешуйкам, отображающим горные зубцы (*Piran*, 2012. P. 71, 72, 74; *Madjidzadeh*, 2003. P. 44, 116), и сплетенным змеям (*Piran*, 2012. P. 80, 81; *Madjidzadeh*, 2003. P. 98, 99, 103, 105, 106, 120). Если предположить, что сосуд тоже является атрибутом божества, то вместо богини, возможно, изображались олицетворяющие ее существа. Иными словами, сами по себе сосуды в «межкультурном стиле», украшенные этими атрибутами, могут выступать в качестве символов этих богинь. Другие животные-атрибуты, такие как копытные, большие кошки, змеи и грифы-бородачи, тоже отображены на сосудах, однако в контексте мифа об Этане или посвященных самим животным (битва между грифом и змеями: *Piran*, 2012. P. 82, 84; *Madjidzadeh*, 2003. P. 93, 95, 97, битва между

Рис. 3. Богиня со струями воды: 1 — оттиск печати, Сузы I, Сузы; 2 — оттиск печати, поздний Урук, Чога-Миш; 3 — оттиск печати, протоэламское искусство, Сузы; 4 — сосуд в «межкультурном стиле», Чафаджи; 5 — «Печать ювелира», Сузы; 6 — керманская печать из Тодского клада, Египет; 7 — антиквариат, вероятно из Кермана; 8, 9 — оттиск печати, Конар-Санда; 10 — сосуд в «межкультурном стиле» с изображением завихрений воды, Керман; 11 — сосуд в «межкультурном стиле» с богиней со струями воды, скорпионом и быками, Керман. 1 — *Amiet*, 1961. Pl. 6, no. 117; 2 — *Deloughaz et al.*, 1996. Pl. 142, no. 153; 3 — *Amiet*, 1961. Pl. 37, no. 580; 4 — *Porada*, 1962. Fig. 12; 5 — *Amiet*, 1986. Fig. 71; 6 — рисунок автора по *Ibid.* Fig. 132, no. 11; 7 — рисунок автора по *Ibid.* Fig. 137; 8, 9 — *Pittman*, 2019. Fig. 27, 28; 10 — *Lamberg-Karlovsky*, 1988. Pl. X, no. 491; 11 — *Madjidzadeh*, 2003. P. 45

Fig. 3. Goddess with water streams: 1 — seal impression, Susa I, Susa; 2 — seal impression, Late Uruk, Chogha Mish; 3 — seal impression, Proto-Elamite art, Susa; 4 — “intercultural style” vessel, Chafadji; 5 — “Jeweller’s seal”, Susa; 6 — Kerman seal from Trésor de Tôd, Egypt; 7 — art trade, probably from Kerman; 8, 9 — seal impression, Konar Sandal; 10 — “intercultural style” vessel with water whirls, Kerman; 11 — “intercultural style” vessel with goddess with water streams, scorpion and bulls, Kerman. 1 — *Amiet*, 1961. Pl. 6, no. 117; 2 — *Deloughaz et al.*, 1996. Pl. 142, no. 153; 3 — *Amiet*, 1961. Pl. 37, no. 580; 4 — *Porada*, 1962. Fig. 12; 5 — *Amiet*, 1986. Fig. 71; 6 — own drawing after *Ibid.* Fig. 132, no. 11; 7 — own drawing after *Ibid.* Fig. 137; 8, 9 — *Pittman*, 2019. Fig. 27, 28; 10 — *Lamberg-Karlovsky*, 1988. Pl. X, no. 491; 11 — *Madjidzadeh*, 2003. P. 45

Рис. 4. Божества в Иране: 1–13 — божества зерна или растительности; 14–16 — отдельные божества. Божества зерна или растительности: 1 — Сузы I, Сузы; 2, 3 — Шахдад; 4 — Гонур-депе, некрополь, погребение 23; 5 — антикварный рынок (коллекция Лигабю); 6 — Сузы; 7, 11 — Тепе-Яхья; 8 — Гонур-депе; 9, 10, 12 — Конар-Сандал; 13 — коллекция Аль-Сабах. Божества, встреченные только в единственном числе: 14 — женщина со скорпионом, луной, звездой и луком, Конар-Сандал; 15 — женщина с элементами птицы в сопровождении козлов, звезд, луны и миниатюрной колонны, антикварная торговля; 16 — богиня в рамке со змеей, антикварная торговля, но известно, что происходит из Кермана. 1 — *Amiet*, 1961. Pl. 6, no. 122; 2 — рисунок автора по *Hakemi*, 1972. No. 323; 3 — рисунок автора по *Amiet*, 1986. Fig. 132.7; 4 — рисунок автора по *Sarianidi*, 1998. No. 1786; 5 — рисунок автора; 6 — рисунок автора по *Amiet*, 1994. Fig. 3; 7 — рисунок автора по *Lamberg-Karlovsky*, 1973. Pl. XXVI.c; 8 — *Ascalone*, 2014. Fig. 3.i; 9 — *Pittman*, 2019. Fig. 22; 10 — *Pittman*, 2014. Fig. 22.a; 11 — *Potts*, 1981. Fig. 1.a; 12 — *Pittman*, 2019. Fig. 6; 13 — *Ibid.* Fig. 26; 14 — *Amiet*, 2007. Fig. 4.b; 15 — *Pittman*, 2014. Fig. 18.a; 16 — *Ibid.* Fig. 2.a

леопардом и змеей: *Piran*, 2012. P. 86, 88, 90, 92, 96; *Madjidzadeh*, 2003. P. 77, 79, 81, 83, 85, 87). Именно эти конкретные образы, составляющие основной лейтмотив «межкультурного стиля», становятся характерными для искусства БМАК.

2.3. Богини поздней стадии: изображения на печатях керманской культуры

Каким образом развивалась эта иконография в более поздний период керманской культуры? В поиске ответа на вопрос мы можем опираться на глиптику с территории Кермана, обнаруженную в Шахдаде, Тепе-Яхья, Конар-Сандале, Сузах, Джалалабаде (корпус керманских печатей: *Amiet*, 1986. Fig. 132–137; 1994; *Winkelmann*, 1997a; *Ascalone*, 2006; *Pittman*, 2008; 2014; 2018; 2019), а также из Гонур-депе в Маргиане, где были найдены привозные цилиндрические печати из Юго-Восточного Ирана (*Сарианиди*, 2002. С. 278; *Sarianidi*, 2005. P. 283, fig. 137) (рис. 5, 7–9). Печати из Конар-Сандала подробно рассматривает Холли Питтман (Holly Pittman). Их многочисленные находки и оттиски, обнаруженные в шурфах III и V, она датирует периодом ED-III a и b, то есть, несомненно, доаккадским временем. К этому же периоду (ED III) относится большая часть печатей из Шахдада. Следует подчеркнуть, что на печатях из Конар-Сандала, так же как и на некоторых шахдадских находках, уже появляются изображения стройных фигур, которые позже становятся типичными для аккадской глиптики и БМАК. Печати из Тепе-Яхья, по-видимому, более поздние и датируются в основном аккадским периодом, однако типы изображений и стилистические черты остаются теми же.

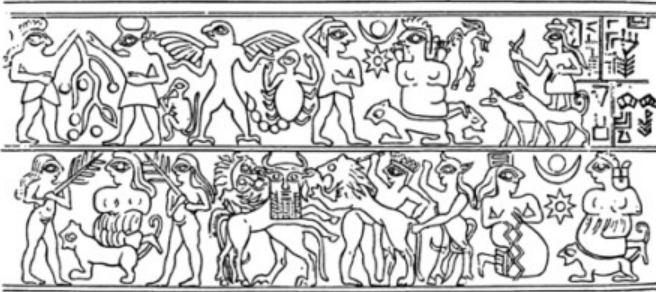
Вместо двух божеств — Великой Богини с множеством своих атрибутов и богини с водяными

струями — мы теперь наблюдаем сложную и не вполне ясную картину. Выделяются в общей сложности не менее 10 вариантов. Божество, связанное с чертами хищных птиц, быками, крупными кошачьими и змеями, а также с символикой горы (п. 3.3, восемь вариантов), явно происходит из иконографии Великой Богини. Пока неясно, являлись ли они независимыми божествами, которые олицетворяют отдельные аспекты всеобъемлющей богини, или же это разные проявления этой богини. Богиня со струями воды (п. 3.1) и богиня с зерновыми растениями (п. 3.2) могут рассматриваться как отдельные божества. Таким образом, перед нами множество богинь, перенявших индивидуальности атрибуты раннего прототипа.

2.3.1. Богиня со змеями, копытными животными, кошачьими хищниками, хищными птицами и горным силуэтом

Эта богиня появляется на двух печатях с антикварного рынка, на двух — из Конар-Сандала, на «Печати ювелира» и на одной перегородчатой печати (*Amiet*, 1986. Fig. 183). Изображение на печати из Конар-Сандала (рис. 2, 4) представляет ее в виде женщины в длинном одеянии, с длинными распущенными волосами, стоящей над двумя слившимися воедино фигурами быков (*Pittman*, 2019. Fig. 11). Верхняя часть ее тела и голова окружены переплетенными змеями, а на быков бросается хищная птица. Это изображение повторяет композицию с женщиной со змеями и орлами, сидящей на двух быках, на лазуриновом диске (рис. 2, 1). Второй оттиск из Конар-Сандала изображает ее же присевшую, а голова быка склонена над ее головой; рядом — змея и змееподобный дракон, скорпион и хищная птица, позади богини показан трон (*Pittman*, 2014. Fig. 18.a) (рис. 2, 5). Нечто вроде нагромождения полукругов перед хищной птицей и над ее спиной, по-видимому,

Fig. 4. Divinities in Iran: 1–13 — grain or vegetation divinities; 14–16 — single divinities. Grain or vegetation divinities: 1 — Susa I, Susa; 2, 3 — Shahdad; 4 — Gonur Depe, necropolis, tomb 23; 5 — art trade (Ligabue collection); 6 — Susa; 7, 11 — Tepe Yahya; 8 — Gonur Depe; 9, 10, 12 — Konar Sandal; 13 — Al Sabah collection. Deities, that appear only once: 14 — woman with scorpion, moon, star and bow, Konar Sandal; 15 — woman with elements of bird with goats, star, moon and miniature column, art trade; 16 — goddess only with snake in a frame, art trade, but belonging to Kerman. 1 — *Amiet*, 1961. Pl. 6, no. 122; 2 — own drawing after *Hakemi*, 1972. No. 323; 3 — own drawing after *Amiet*, 1986. Fig. 132.7; 4 — own drawing after *Sarianidi*, 1998. No. 1786; 5 — own drawing; 6 — own drawing after *Amiet*, 1994. Fig. 3; 7 — own drawing after *Lamberg-Karlovsky*, 1973. Pl. XXVI.c; 8 — *Ascalone*, 2014. Fig. 3.i; 9 — *Pittman*, 2019. Fig. 22; 10 — *Pittman*, 2014. Fig. 22a; 11 — *Potts*, 1981. Fig. 1.a; 12 — *Pittman*, 2019. Fig. 6; 13 — *Ibid.* Fig. 26; 14 — *Amiet*, 2007. Fig. 4.b; 15 — *Pittman*, 2014. Fig. 18.a; 16 — *Ibid.* Fig. 2.a

1

2

3

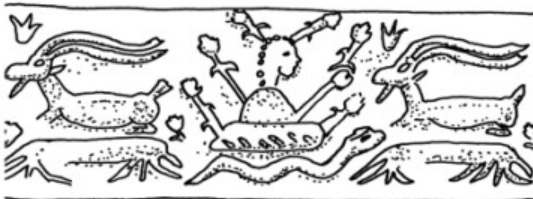
4

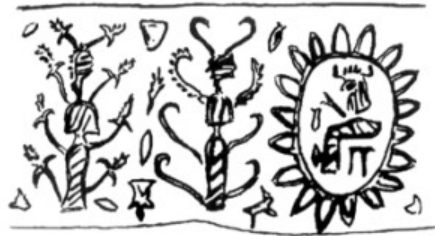
5

6

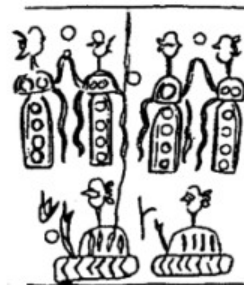
7

8

9

10

изображает горы, а под хвостом птицы мы видим типичный сосуд.

Две печати с антикварного рынка также показывают божеств со змеями, копытными животными и хищными птицами, но здесь они восседают на троне (*Amiet*, 1986. P. 299, fig. 132, no. 12 = fig. 137 = Louvre Sb 6707, ранее в коллекции Бэйли (Bailey collection) и fig. 132, no. 10 = коллекция Розена 1 (Rosen collection)). Некоторые сопутствующие животные представлены отдельными элементами. Как и на второй печати из Конар-Санда, на божествах зооморфный головной убор: в одном случае в виде отчетливо узнаваемой бычьей головы, во втором — плохо различимый из-за нечеткости оттиска. У обоих божеств из плеч вырастают змеи, от головы спадает хвост льва или леопарда, стилизованная гора изображена перед тронном, а хищная птица позади (рис. 2, 6–7).

На «Печати ювелира» представлен другой тип божества, который, вероятно, характерен только для Сузианы (рис. 2, 8; 5, 1). Здесь богиня, как и на лазуритовом диске, присела на колени над двумя крупными кошачьими. Вместо головного убора в виде бычьей головы на изображении присутствует другое копытное — козел, стоящий рядом с ней. Перед ней помещены обычные астральные символы — полумесяц, звезда и солнце, имеется также и скорпион. Кроме того, из ее плеч произрастают два колоска зерновых, отсутствующие в Юго-Восточном Иране. Но то, что мы имеем дело с той же богиней, следует из фигуры умоляющего мужчины, стоящего перед ней.

Перегородчатая печать также, вероятно, относится к этой группе (рис. 2, 9). Она происходит с антикварного рынка, однако предполагается, что она могла быть найдена в районе Кермана (*Amiet*, 1986. P. 147, 196, 197, fig. 183; *Ligabue, Salvatori*, 1988. Pl. 51). На ней изображена богиня в длинном простом одеянии, восседающая на львином драконе. У нее приземистая фигура, большой крючковатый нос, длинные волосы

и локон у виска. Стилистически она явно повторяет очертания фигур на сосудах и дисках «межкультурного стиля», а также на «Печати ювелира». В руке она держит конический кубок. Справа и слева от нее помещены полусферы. Она восседает на фантастическом создании с львиным телом. Это существо имеет бороду и, возможно, рог. Голова его с большим шарообразным глазом напоминает голову змеи. Из открытой пасти торчит змеиный язык. Таким образом, это фантастическое существо сочетает черты кошачьего хищника, змея и копытного — все эти животные относятся к атрибутам Великой Богини. Если происхождение печати из Юго-Восточного Ирана обосновано, то мы имеем дело с непосредственным прототипом драконов БМАК. Не исключено, что полусферами обозначены горы. Но и без этого коническая чаша указывает на общность с образами Великой Богини.

Данный тип изображает, по-видимому, верховное божество в пантеоне Юго-Восточного Ирана, так как оно единственное, которое всегда является на троне и сопровождается большинством атрибутов всех богинь. Другие боги предостоят или стоят на коленях перед ней, то есть они ей подчиняются. И наконец, это божество всегда появляется в одном и том же мифологическом сюжете, как и на более древних дисках: молодой мужчина стоит перед ней на коленях и о чем-то просит. Из изображений на каменном диске мы знаем, что его просьба касается сосуда или какого-то напитка. На одной печати также показано, каким образом он попадает к богине (*Porada*, 1962. Fig. 14 = *Amiet*, 1986. Fig. 132-10): он прилетает на орле (рис. 5, 5). Этот изобразительный мотив настолько тесно связан с мифом об Этане, что мы имеем все основания предполагать юго-восточное иранское толкование мифа: молодой человек молит божество о напитке плодородия — детородном снадобье (*Winkelmann*, 2003; 2005; 2010).

Рис. 5. «Печать ювелира» (1) и цилиндрические печати Юго-Восточного Ирана (2–10): 1, 2 — Сузы; 3, 5, 6 — антикварный рынок; 4 — Шахдад; 7–9 — Гонур-депе; 10 — Тодский клад, Египет. 1 — *Amiet*, 1986. Fig. 71; 2 — рисунок автора по *Amiet*, 1994. Fig. 3; 3 — рисунок автора по *Porada*, 1993. Fig. 31; 4 — рисунок автора по *Hakemi*, 1972. No. 323; 5 — *Porada*, 1962. Fig. 12; 6 — *Winkelmann*, 1997. Fig. 1; 7, 9 — рисунок автора по фото автора; 8 — *Ascalone*, 2014. Fig. 3.1; 10 — *Amiet*, 1986. Fig. 132.11

Fig. 5. Jewellers's seal (1) and Southeast Iranian cylinder seals (2–10): 1, 2 — Susa; 3, 5, 6 — art trade; 4 — Shahdad; 7–9 — Gonur Depe; 10 — Trésor de Tôd, Egypt. 1 — *Amiet*, 1986. Fig. 71; 2 — own drawings after *Amiet*, 1994. Fig. 3; 3 — own drawings after *Porada*, 1993. Fig. 31; 4 — own drawings after *Hakemi*, 1972. No. 323; 5 — *Porada*, 1962. Fig. 12; 6 — *Winkelmann*, 1997. Fig. 1; 7, 9 — own drawing after own photo; 8 — *Ascalone*, 2014. Fig. 3.1; 10 — *Amiet*, 1986. Fig. 132.11

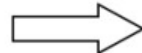
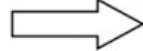
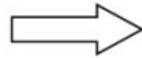

Рис. 6. Богини Юго-Восточного Ирана на печатях и их прототипы на дисках в «межкультурном стиле»: 1, 5, 9, 13, 15 — прототипы; 2–4 — богиня на кошачьем животном; 6–8 — богиня с элементами хищной птицы; 10–12 — богиня с элементами быка и хищной птицы; 14 — богиня с элементами быка и хищной птицы со змеей; 16–18 — богиня с элементами птиц и змей. 1, 9, 13, 15 — лазуриновый диск, Керман; 2, 3 — «Печать ювелира», Сузы; 4, 7, 8 — Конар-Санда; 6, 16, 17 — Шахдад; 10, 11 — Тепе-Яхья; 12 — Шахр-и-Сохте; 14 — отпечаток керманской печати, найденный в Сузах; 18 — керманская печать, найденная на Гонур-депе (некрополь, гробница 150). 1, 9, 13, 15 — рисунок автора по фото автора; 2, 3 — *Amiet*, 1986. Fig. 71; 4 — *Pittman*, 2014. Fig. 23.a; 6 — рисунок автора по *Hakemi*, 1997. P. 661, Ib. 3; 7 — *Pittman*, 2014. Fig. 20.a; 8 — *Pittman*, 2008. Fig. 31; 10 — *Potts*, 1981. Fig. 1; 11 — рисунок автора по *Lamberg-Karlovsky*, 1973. Pl. XXVI.c; 12 — *Winkelmann*, 1996. Fig. 1; 14 — рисунок автора по *Amiet*, 1994. Fig. 3; 16 — рисунок автора по *Ascalone*, 2014. Fig. 1.b; 17 — *Ibid.* Fig. 1.e; 18 — рисунок автора по *Sarianidi*, 2002. P. 278

Fig. 6. Southeast Iranian goddesses on seals and their antecedents on “intercultural style” discs: 1, 5, 9, 13, 15 — starting point; 2–4 — The Goddess on a felid; 6–8 — Goddess with elements of bird of prey; 10–12 — Goddess with elements of bull and bird of prey; 14 — Goddess with elements of bull and bird of prey and with snake; 16–18 — Goddess with elements of birds and snakes. 1, 9, 13, 15 — Lapis lazuli disc, Kerman; 2, 3 — the “Jeweller’s seal”, Susa; 4, 7, 8 — Konar Sandal; 6, 16, 17 — Shahdad; 10, 11 — Tepe Yahya; 12 — Shahr-i Sokhta; 14 — impression of Kerman seal found in Susa; 18 — Kerman seal found in Gonur Depe, necropolis, tomb 150. 1, 9, 13, 15 — own drawing after own photo; 2, 3 — *Amiet*, 1986. Fig. 71; 4 — *Pittman*, 2014. Fig. 23.a; 6 — own drawing after *Hakemi*, 1997. P. 661, Ib. 3; 7 — *Pittman*, 2014. Fig. 20.a; 8 — *Pittman*, 2008. Fig. 31; 10 — *Potts*, 1981. Fig. 1; 11 — own drawing after *Lamberg-Karlovsky*, 1973. Pl. XXVI.c; 12 — *Winkelmann*, 1996. Fig. 1; 14 — own drawing after *Amiet*, 1994. Fig. 3; 16 — own drawing after *Ascalone*, 2014. Fig. 1.b; 17 — *Ibid.* Fig. 1.e; 18 — own drawing after *Sarianidi*, 2002. P. 278

Кроме этих четко определяемых божеств имеется группа богинь, сопровождаемых индивидуальными атрибутами, перенятыми от более древнего прототипа, где человеческие тела, как правило, сливаются с чертами животных-атрибутов или с аниконическими атрибутами.

2.3.2. Богиня с водяными струями

Наиболее поздняя форма из Кермана представлена на двух печатях из Конар-Санда (Pittman, 2018. Fig. 2–12, 2–8a), печати из Тодского клада (Amiet, 1986. Fig. 132, no. 11) и на печати с антикварного рынка, изготовленной из раковины моллюска (Amiet, 1986. Fig. 132, no. 12), а также на оттиске «Печати ювелира» (Ibid. Fig. 71). На последнем богиня стоит на коленях перед другой богиней, удерживая ее руки на уровне своей талии, зигзагообразные струи воды стекают с ее рук на землю (рис. 3, 5; 5, 1). На изображении из «Тодского клада» — две женщины в одеянии, орнаментированном кружками, с типичным бабочкообразным шиньоном с двумя ленточками, обвязанными вокруг пучков волос (рис. 3, 6; 5, 10). Женщины касаются друг друга одной поднятой рукой, при этом вторую руку они держат на уровне талии. Струи воды стекают вниз по их бедрам. На печати с антикварного рынка, которую по стилистическим особенностям мы можем уверенно отнести к печатям Конар-Санда, перед главным божеством стоят три женщины с руками, соеди-

ненными на уровне талии (рис. 3, 7). Их одежды не украшены, а с осиных талий тоже стекают вниз струи воды. Здесь прямо продолжена иконография сосудов в «межкультурном стиле». На всех печатях эти богини воды преклоняют колени либо стоят перед другой богиней, восседающей на троне, так что их можно рассматривать как отдельный тип подчиненного божества.

Кроме того, новая версия этого образа, возможно, обнаружена в Конар-Санда. В двух случаях богиня изображена с тремя огромными локонами в виде бантов с завитыми концами, отходящими от головы и верхней части туловища (рис. 3, 8, 9). Такая прическа пока неизвестна в каноническом искусстве Кермана. Возможно, эти локоны можно было бы интерпретировать как струи воды. Тогда мы имеем дело с предшественницей водной богини БМАК, но этот вопрос требует обсуждения. Более четкий оттиск показывает эту богиню вместе со стилизованным скорпионом, звездой, змеей и двумя ромбами, возможно, обозначающими горы. Данные атрибуты связаны с теми изображениями в «межкультурном стиле», что представляют богиню воды вместе со скорпионом, горами, потоком воды и розеткой или звездой.

2.3.3. Богиня с колосьями пшеницы

Фигура с произрастающими из тела растениями встречается уже на печати из Суз IV тыс. до н. э. (Amiet, 1961; Pl. 6, no. 122) (рис. 4, 1). Таким

образом, ее можно рассматривать, по-видимому, как более древнее божество, существовавшее долгое время. Тем не менее в раннем «межкультурном стиле» богиня с растениями, произрастающими из ее тела, пока еще неизвестна. На более поздних цилиндрических печатях такая богиня встречается очень часто. Эта богиня зафиксирована на печатях из Шахдада (*Hakemi*, 1972, no. 323 = *Amiet*, 1986. Fig. 132.8; *Hakemi*, 1972. No. 324 = *Hakemi*, 1997. No. Ib.4 = *Amiet*, 1986. Fig. 132, no. 7; *Hakemi*, 1997. P. 355), Тепе-Яхья (*Potts*, 1981. Fig. 2 = TY 33 = period IVB6 = *Amiet*, 1986. Fig. 132, no. 9), на предметах с антикварного рынка (фонд Лигабю, Collection Ligabue, Venice: *Winkelmann*, 1997a. Abb. 1, a-c), на оттисках из Суз (*Amiet*, 1994. Fig. 3, a, b) и Конар-Сандала (*Pittman*, 2018. Fig. 2–11b) (рис. 4, 9, 10, 12), на цилиндрической печати из Гонур-депе (*Сарианиди*, 2002. С. 278; 2005. P. 283, fig. 137).

Женщину, изображенную с колосьями пшеницы, растущими из тела и головы, несомненно, можно рассматривать как отдельное божество. Данный вид изображений представлен двумя вариантами. Тип А: богиня, украшенная лишь колосьями пшеницы, стоит перед другой богиней, которой она подчинена. Подобные изображения известны в Тепе-Яхья (перед восседающей на троне рогатой и крылатой богиней) (рис. 4, 7), на оттиске печати из Суз (вместе с двумя стоящими божествами) (рис. 4, 6; 5, 2), на цилиндрической печати, найденной на Гонур-депе (богиня с колосьями пшеницы, стоящая вместе с рогатой и крылатой богиней, причем обе стоят перед богиней с головой быка, обрамленной рамкой, напоминающей розетку или солнце) (рис. 4, 8; 5, 8), на печати Лигабю (перед восседающей на троне рогатой богиней) (рис. 4, 5; 5, 6). Не исключено, что богиня на не полностью сохранившемся оттиске цилиндрической печати из Конар-Сандала тоже принадлежит к этому типу (рис. 4, 9): у стоящей женщины два (первоначально четыре) колоска пшеницы, растущие из ее юбки / нижней части туловища. Другие два отростка на плечах выглядят, однако, скорее как крылья. Если такая интерпретация верна, перед нами крылатое божество растительного мира, но не исключено, что опубликованная прорисовка вводит нас в некоторое заблуждение. Во втором варианте изображений (тип Б) богиня сидит на корточках и, как правило, сопровождается копытными животными — обычно козами или овцами (Шахдад

(рис. 4, 3; 5, 4), а иногда козлом, змеей и тюльпаном (Гонур-депе) (рис. 5, 7). В таких случаях она является главным персонажем композиции. Она изображается присевшей на корточки и с квадратной нижней частью тела. Козы окружают богиню либо она преклоняет колена над двумя козами. Иногда рядом с ней помещен полумесяц или тюльпан. Еще один оттиск из Конар-Сандала сохранился не полностью и включает лишь женскую голову с растущими из нее тремя колосками пшеницы (*Pittman*, 2014. Fig. 22) (рис. 4, 10).

Следует упомянуть, что в Тепе-Яхья была найдена цилиндрическая печать с изображением рогатой богини и (предположительно) мужской фигуры с пшеничными колосьями (*Potts*, 1981) (рис. 4, 11). Д. Т. Поттс попытался идентифицировать фигуру как Думузи, супруга Инанны, или Иштар. На печатях нелегко отличить участников обрядов от мифологических персонажей. У участников ритуала, которые воспроизводят мифологические события в обрядовых сценах, имеются характерные элементы мифологических персонажей: опахала из перьев (протоэламское искусство), птичьи маски или одеяния (Тепе-Яхья) или головные уборы в виде птиц (Конар-Сандал), олицетворяющие птичеловека. Они могут носить бычьи рога или шапки с бычьими рогами, символизирующие мифического героя и супруга богини (отсюда происходит рогатая корона в Месопотамии), они также могут быть одеты в костюмы с колосьями пшеницы. Это не исключает отображения женских и мужских божеств плодородия. Данное предположение подтверждается находкой в Конар-Сандале еще одного фрагментированного оттиска печати с изображением человеческой фигуры неопределимой половой принадлежности с колосьями пшеницы (*Pittman*, 2018. Fig. 2.9. b) (рис. 4, 12). В Месопотамии аккадского периода изображались боги растительного мира обоих полов. Однако такой персонаж, будь это бог/богиня или его/ее человеческий супруг/супруга, по-видимому, существовал в Иране или на Иранском нагорье задолго до того, как он появился в Месопотамии. В Сузах ранний пример человеческой фигуры с растительными элементами, хотя еще и не выраженными явно в виде зерновых колосьев, датируется концом IV тыс. до н. э. (рис. 4, 1). Фигура с колосьями пшеницы из Белуджистана, стилистически относящаяся к периоду Мехргарх VII, подтверждает существование вполне развитой формы антропоморфных изображений

с колосьями пшеницы уже около 2600 г. до н. э. (*Ligabue, Rossi-Osmida, 2006. P. 187*).

Наконец, что немаловажно, Холли Питтман опубликовала прорисовку золотой печати из Аль-Шабахской коллекции, которую мы можем без сомнений отнести к юго-восточному иранскому типу (*Pittman, 2019. Fig. 26*) (рис. 4, 13). Здесь божество растительности с колосьями пшеницы, произрастающими из ее тела, преклоняет колени над двумя большими козлами. Между козлами изображена стилизованная гора, рядом с головой божества висит полумесяц, и присутствуют скорпион и две змеи в качестве дополнительных атрибутов. Это соответствует типу Б (присевшая на корточки богиня с копытными животными), но композиция на золотой печати выходит за рамки представления просто богини растительности. Она скорее напоминает изображение на «Печати ювелира» (рис. 1, 4) (показана коленопреклоненная богиня с кошачьим животным, козлом, луной, скорпионом и растениями, произрастающими из ее плеч), а также лазуритовые диски с коленопреклоненной богиней с переплетенными змеями над скотом или изображающие богиню с горами, скорпионом и змеями.

2.3.4. Богиня на кошачьем хищнике

Один из уже упомянутых лазуритовых дисков изображает богиню, восседающую над двумя львами (рис. 1, 1; 6, 1).

На «Печати ювелира» представлены три богини, приседающие над кошачьими (рис. 1, 4; 5, 1; 6, 2, 3). Здесь показаны не львы, так как отсутствует грива. Поскольку нет дополнительных признаков, идентифицировать их затруднительно. Это могли бы быть львицы или леопарды, которые преобладают в кошачьих видах на сосудах «межкультурного стиля». Из трех богинь, как мы уже определили, одна, возможно, представляет собой вариант Великой Богини (рис. 1, 4). Поскольку остальные две лишены каких-либо признаков и представлены на одной печати вместе с Великой Богиней, это должны быть отдельные божества, атрибутом которых являются лишь кошки (рис. 6, 2, 3). Наконец, на оттиске печати из Конар-Сандала показана нижняя часть туловища персона в длинной юбке, восседающей, как на троне, на кошачьем животном (*Pittman, 2014. Fig. 23.a*) (рис. 6, 4). То, что это женское божество, следует только из ее длинного одеяния. Поскольку оттиск сохранился не полностью, затруднительно

определить, имелись ли у этого божества еще какие-либо атрибуты.

2.3.5. Богиня с элементами черт копытных животных

У богинь с элементами копытных животных могут использоваться черты различных видов копытных. Их иконография может включать коз, овец или быков. Непонятно, имеем ли мы дело с разными божествами, например, покровительствующими козам, овцам, крупному рогатому скоту или оленям, или же художники варьировали разные элементы произвольно, изображая божество, которое ответственно за любой скот.

2.3.5.1. Богиня с элементами козы и овцы (а также птицы)

Это божество предстает иногда в виде стоящей женщины с рогами козы или овцы на голове либо же женщины с козьими рогами, восседающей на троне. В образе женщины с человеческим телом и рогами она найдена в Шахдаде (*Amiet, 1986. Fig. 132.8 = fig. 136*) (рис. 5, 4; 7, 1). В виде женщины с рогами и крыльями богиня представлена на печати из Юго-Восточного Ирана, найденной на Гонур-депе (*Sarianidi, 2005. P. 283, fig. 137*) (рис. 5, 8; 7, 2). Кроме того, рога, по-видимому, растут еще и из ее туловища. Женщина с отчетливой козьей головой с рогами представлена на печати с антикварного рынка (*Winkelmann, 1997a. Fig. 1, a-c*) (рис. 6, 3; 5, 6). Этому божеству с козьей головой предшествует изображение на вазе в полихромном стиле (ок. 2700 г. до н. э.) из Суз (*Amiet, 1966. No. 106, a-c*) (рис. 7, 4, 5). Наконец, имеется оттиск печати из Суз с изображением женской фигуры с головой овцы или козы (*Amiet, 1994. Fig. 3*) (рис. 5, 2; 7, 6), однако затруднительно достоверно определить, имеются ли у нее рога.

2.3.5.2. Богиня (женщина) с чертами быка

Эта богиня имеет либо лишь бычьи рога на голове, либо одновременно голову и рога быка. Человеческие фигуры только с рогами быка часто изображены на печатях из Юго-Восточного Ирана, в частности, на обнаруженных в Шахдаде, Тепе-Яхья и Конар-Сандале. Однако не всегда понятно, имеем ли мы дело с божеством или с участником религиозного ритуала или мифологического представления. Это относится, например, к рогатому человеку, поклоняющемуся финиковой пальме или тюльпану, или к человеку

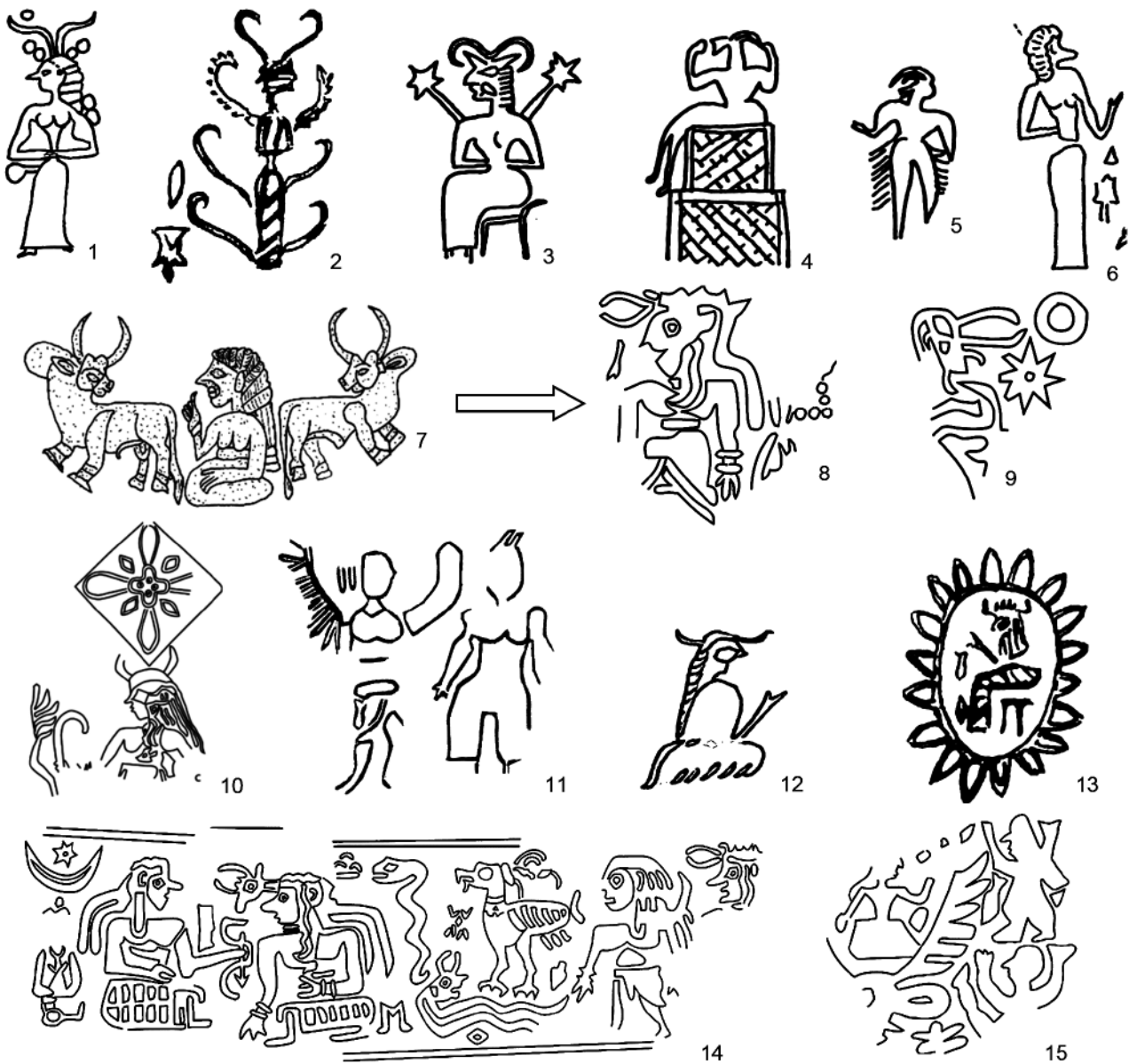

Рис. 7. Богини Юго-Восточного Ирана с элементами различных копытных животных: 1–6 — с элементами коз и овец; 7–13 — с элементами быка; 14, 15 — с элементами оленя. 1 — Шахдад; 2 — Гонур-депе, раскоп 6, помещение 11; 3 — антиквариат; 4–6 — Сузы; 7 — лазуритовый диск из Кермана как прототип; 8–11, 14, 15 — Конар-Сандал; 12 — антиквариат; 13 — Гонур-депе. 1 — рисунок автора по *Hakemi*, 1972. No. 323; 2 — *Ascalone*, 2013. Fig. 3.i; 3 — *Winkelmann*, 1997. Fig. 1a; 4, 5 — рисунок автора по *Amiet*, 1966. Pl. 106. A; 6 — рисунок автора по *Amiet*, 1994. Fig. 3; 7 — рисунок автора по фото автора; 8–10 — *Pittman*, 2014. Fig. 18.a, 19.a, 21.a; 11 — *Pittman*, 2008. Fig. 31.c; 12 — рисунок автора по *Lamberg-Karlovsky*, 1973. Pl. XXXI.c; 13 — *Ascalone*, 2014. Fig. 3.i; 14 — *Pittman*, 2014. Fig. 18.a; 15 — *Ibid.* Fig. 12.a

Fig. 7. The Southeast Iranian goddesses with elements of different hoofed animals: 1–6 — with goat and sheep elements; 7–13 — with bull elements; 14, 15 — with stag. 1 — Shahdad; 2 — Gonur Depe, Area 6, room 11; 3 — art trade; 4–6 — Susa; 7 — Lapis lazuli disc from Kerman as starting point; 8–11, 14, 15 — Konar Sandal; 12 — art trade; 13 — Gonur Depe. 1 — own drawing after *Hakemi*, 1972. No. 323; 2 — *Ascalone*, 2013. Fig. 3.i; 3 — *Winkelmann*, 1997. Fig. 1a; 4, 5 — own drawing after *Amiet*, 1966. Pl. 106. A; 6 — own drawing after *Amiet*, 1994. Fig. 3; 7 — own drawing after own photo; 8–10 — *Pittman*, 2014. Fig. 18.a, 19.a, 21.a; 11 — *Pittman*, 2008. Fig. 31.c; 12 — own drawing after *Lamberg-Karlovsky*, 1973. Pl. XXXI.c; 13 — *Ascalone*, 2014. Fig. 3.i; 14 — *Pittman*, 2014. Fig. 18.a; 15 — *Ibid.* Fig. 12.a

в шапке с рогами рядом с богиней (*Amiet*, 1986. Fig. 132, 2,4).

На Розенской печати (*Porada*, 1993. Fig. 31; *Pittman*, 2014. Fig. 2.12.a) (рис. 5, 3) мы, по-видимому, имеем дело с обоими вариантами. В нижнем ряду мужчина покидает место проведения обряда, на нем надета рогатая шапка. В верхнем ряду рогатая фигура поклоняется богине, помещенной в обрамление. Это, наверное, изображение какого-то мифического события. Персонаж рогатой женщины, окруженной двумя финиковыми пальмами, остается непонятным. Неясны и изображения из Конар-Сандала. Одна (реконструированная) печать из Конар-Сандала (*Pittman*, 2018. Fig. 12.2) воспроизводит группу богинь, которые все помечены такими символами, как солнце-розетка, звезда или луна (рис. 7, 14). Среди них мы обнаруживаем шествующую персону с бычьими рогами, по-видимому, женского пола, судя по ее прическе и длинным локонам сбоку (*Pittman*, 2014. Fig. 18.a) (рис. 7, 8). На втором показана только голова с бычьими рогами и символами богини (*Ibid.* Fig. 19a) — звезда, или розетка, и двойной кружок (рис. 7, 9). Третье представляет верхнюю часть туловища и голову женщины с рогатой шапкой (*Ibid.* Fig. 18, a, вторая фигура слева) (рис. 7, 10). Холли Питтман характеризует этот персонаж как правителя-мужчину. Однако я не уверена, что эта интерпретация правильна. С моей точки зрения, фигура выглядит скорее как женская. Кроме того, ее божественность отмечена розеткой над ее головой. Еще один оттиск печати (*Pittman*, 2008. Fig. 31, c) изображает рогатую женщину рядом с птичеловеком, а может быть, крылатой богиней (рис. 7, 11). Второй вариант с бычьей головой фигурирует только на печати, найденной на Гонурдепе (*Sarianidi*, 2005. Fig. 283) (рис. 5, 8; 7, 13). Он показывает восседающую на троне богиню с головой и рогами быка в розетке. Перед ней помещен тюльпан.

2.3.5.3. Богиня, ассоциированная с оленем

Один не полностью сохранившийся оттиск печати из шурфа V Конар-Сандала показывает богиню, восседающую на рогах оленя (*Pittman*, 2008. Fig. 30, g; 2014. Fig. 12, a; 2018. Fig. 2, a; 2019. Fig. 28, a) — еще одно копытное животное в качестве атрибута (рис. 7, 15). Ее тело выглядит вполне антропоморфным. Отождествление данной фигуры с образом богини основано на том, что ей поклоняются несколько предстоящих перед

ней людей (один из них выглядит как крылатый мужчина или птичеловек), а также на том, что рядом поставлен сосуд с оленьими рогами.

2.3.6. Богиня (женщина) с элементами хищной птицы

Это крылатое божество. У богини человеческое туловище и крылья (рис. 6, 6–8). Такая богиня представлена на печати из Шахдада (*Hakemi*, 1997. P. 254, 661, Ib. 3) и на нескольких оттисках печатей в Конар-Сандале (*Pittman*, 2008. Fig. 30, фигура слева; 31, a, c, d; 2014. Fig. 20, a). На печати из Шахдада богиня стоит, сложив руки (рис. 6, б), окруженная тремя поклонниками³. Находки из Конар-Сандала также отображают различные крылатые фигуры, но в большинстве своем не полностью сохранившиеся. Например, невозможно определить, имеют ли они только крылья или и другие атрибуты, и имеем ли мы здесь дело с богами или с мифологическими персонажами. Одна стоящая крылатая женщина (рис. 6, 7) показана позади шествующего мужчины с птицей на голове (*Pittman*, 2018. Fig. 2.9.a. 2014. Fig. 20.a).

Другой крылатый персонаж стоит рядом с рогатой женщиной (?) (*Pittman*, 2008. Fig. 31.a). Это может быть и крылатое божество, возможно, женское, но может быть и птичеловек, предстоящий перед рогатым божеством. Судя по другим сценам, где птичеловек что-то просит у божества, такая интерпретация не исключена. У другого крылатого божества, на сей раз явно женского пола, сохранились крылья, но голова отсутствует (рис. 6, 8). Оно изображено вместе с поклоняющейся женщиной (*Ibid.* Fig. 31.d). И последний крылатый персонаж представлен в своеобразном головном уборе, который выглядит как еще одно птичье крыло на голове (*Ibid.* Fig. 31.a). Он, судя по его одеянию, похож скорее на мужчину-птичеловека. Птичеловек представлен в керманском искусстве как мифологический персонаж с птичьими чертами, а так же как участник ритуального действия, украшенный деталями, имитирующими части тела птицы.

2.3.7. Богиня с чертами хищной птицы и быка

Данная богиня имеет крылья и бычьи рога. Она представлена восседающей на троне,

³ От редакции. На рисунке представлен только фрагмент описываемого автором сюжета.

стоящей или присевшей и часто встречается на печатях из Тепе-Яхья (*Amiet*, 1986. Fig. 132, 5, 6, 9) (рис. 6, 10, 11). Сходство иконографии этого типа с аккадской богиней Иштар привело Д. Т. Поттса (D. T. Potts) к предположению, что этот образ мог быть привнесен из Месопотамии (*Potts*, 1981). Однако поскольку на территории Юго-Восточного Ирана прообраз этого божества восходит к более древнему, доаккадскому, периоду, более вероятно, что его заимствование шло в противоположном направлении — из Ирана в Месопотамию. Об этом же свидетельствует фигурная перегородчатая печать из Шахри Сохте II, датированная периодом, предшествующим аккадскому (*Winkelmann*, 1996). В таком случае мы имеем дело с крылатым божеством с телом женщины, но с головой и ногами быка (рис. 6, 12).

2.3.8. Богиня с элементами хищной птицы, быка и змеи

Это женщина с человеческим телом, но с рогами на голове (рис. 6, 14). Кроме того, из ее плеч вырастают крылья, а по бокам от богини изображены змеи. Эта богиня известна по оттиску, найденному в Сузах (*Amiet*, 1994. Fig. 3) (рис. 5, 2).

2.3.9. Женщина с элементами хищной птицы и змеи

Это, как правило, крылатая женщина с двумя змеями по бокам. Два экземпляра происходят из Шахдада (*Amiet*, 1986. Fig. 132, no. 7 = *Ascalone*, 2006. Fig. 5.2; *Ascalone*, 2005. Fig. 5.5) (рис. 6, 17). Юго-восточная иранская печать, найденная в Гонур-депе, показывает женщину со сдвоенными орлиными головами и отчетливо прорисованной грудью. По бокам от нее помещены две змеи (*Сарианиди*, 2002. С. 278) (рис. 5, 9; 6, 18).

2.3.10. Богиня с элементами хищной птицы и козами

Эта богиня представлена на юго-восточной иранской печати с антикварного рынка (*Amiet*, 2007. Fig. 4) (рис. 4, 15). Богиня на печати из собрания Рабену (*Rabenu*) имеет крылья и приседает над двумя козами. Рядом с ней помещены полусфера, звезда и лист растения. Перед богиней с животными предстает поклоняющаяся женщина. Эта композиция и присутствие двух коз весьма напоминают шахдадскую печать с богиней растительности (*Amiet*, 1986. Fig. 132.7) (рис. 5, 4). Здесь мы снова видим, как трудно четко

разграничить конкретные типы, так как многие атрибуты, очевидно, могут относиться к разным фигурам. Не исключено, что формирование устойчивых типов в Юго-Восточном Иране просто еще не было закончено.

2.3.11. Богиня со скорпионом

Незаконченное изображение приседающей богини представлено на печати из Конар-Санда-ла (*Pittman*, 2018. Fig. 2.12.a) (рис. 4, 14). Богиня, облаченная в юбку каунакес и неорнаментированную блузку, изображена в антропоморфном виде. В руке она держит лук. Ее животным-атрибутом является скорпион, находящийся рядом с ней. Звезда в полумесяце позволяет отождествить ее образ с богиней. Напротив нее восседает охарактеризованная выше Великая Богиня. Следовательно, богиня со скорпионом и Великая Богиня — два независимых образа, и первая подчинена второй.

2.3.12. Богиня с элементами хищной птицы и льва (?)

На печати, найденной в Джалалабаде, изображена присевшая на корточки богиня (*Ascalone*, 2006. Pl. 19a). У нее человеческое тело, а также крылья и нечетко обрисованная голова, напоминающая голову льва (?). На богине простая блузка и длинная юбка каунакес. По бокам от нее расположены два поклоняющихся человека на коленях, а также бегущие крылатые и бескрылые животные, по-видимому, львы. Мы уже рассматривали изображение богини с львиными элементами на сосуде в «межкультурном стиле». Это женская фигура, держащая скорпионов, с ногами похожими на львиные лапы (рис. 2, 3). В свою очередь, голову льва и крылья можно рассматривать в качестве символических изображений атрибутивных животных — дикой кошки и орла.

2.3.13. Обрамленное божество со змеей

На печати из коллекции Розена в верхнем регистре представлена рогатая фигура, поклоняющаяся божеству в обрамлении (*Porada*, 1993. Fig. 31 = *Pittman*, 2014. Fig. 2.a) (рис. 4, 16; 5, 5). Божество в рамке восседает на типичном троне и в руке держит змею. На фигуре длинная простая юбка, и у нее длинные волосы. Лишь по длинному одеянию можно предположить, что это, вероятно всего, женщина. Трапециевидная рамка с наружной стороны имеет зубцы. Эта деталь,

вероятно, должна представлять собой звезду или розетку, как это засвидетельствовано на двух других печатях: печать из Юго-Восточного Ирана, найденная в Гонур-депе, показывает овальную рамку с лепестками (*Sarianidi*, 2005. Fig. 283) (рис. 5, 8; 7, 13), а другая печать, впервые опубликованная Э. Порада и недавно вновь рассмотренная Х. Питтман (*Porada*, 1993. Pl. 29; *Pittman*, 2019. Fig. 13), показывает кружок или звезду с зубцами, или цветок с зубчатыми лепестками вокруг присевшей богини. Вероятно, это один из астральных или растительных символов богини — розетка или звезда, которые сопровождают многих божеств и мифологических персонажей в керманской культуре. Однако на двухрядной печати не хватало места, розетка должна была заканчиваться сразу у нижнего края. Другие атрибуты различить затруднительно. Полукруг слева от рамки мог быть стилизованной горой, а справа он выглядит как звезда. Стилистически печать принадлежит к группе из Конар-Сандала. Рассматриваемый сюжет включает поклоняющегося божеству или умоляющего о чем-то рогатого мужчину. Такую мифологическую сцену мы встречали ранее на многих печатях и лазуритовых дисках, но здесь она предстает в новой версии. Если мы правы, предполагая, что этот сюжет можно интерпретировать как прошение мужчины/героя/мифологического персонажа о напитке деторождения/плодородия, то тогда мы имеем дело с Великой Богиней, которая в данном случае обозначена лишь ее животным-атрибутом — змеей.

Резюме к разделу 2

В заключение можно констатировать, что керманская культура являет нам разнообразных богов или, скорее, богинь, различающихся своими атрибутами, а иногда представленных одними и теми же атрибутами, и, как правило, обладающих некоторыми из атрибутов Великой Богини. Остается неясным, имеем ли мы дело с отдельными божествами или же многие из них представляют разные ипостаси Великой Богини. Единственные устойчивые типы, которые можно выделить, — это богиня, дарующая воду, и богиня растительного мира, или богиня зерна, которые имеют прототипы в Иране IV тыс. до н. э., а также сама Великая Богиня, которая впервые полностью антропоморфно представлена в керманской культуре.

Поражает появление множества новых иконографических типов благодаря слиянию животных-атрибутов с антропоморфными телами, что приводит к возникновению изображений рогатых и крылатых созданий или божеств с головами животных. В то время как божества с головами животных имеют давнюю мифологическую традицию в Иране, крылатые и рогатые божества — новое явление в иконографии Иранского плато.

В дополнение к атрибутивным животным и частям тела, заимствованным у них, богинь можно распознать по их длинным, чаще всего неукрашенным одеяниям или юбкам типа каунакес, часто представленным зигзагообразными линиями или поперечной штриховкой. С точки зрения стиля наблюдается также изменение пропорций тела. В то время как на изображениях в «межкультурном стиле», как правило, присутствуют приземистые персонажи, уже на печатях периода ED-III из Конар-Сандала появляются стройные фигуры, и эти изображения продолжают существовать в искусстве Ирана аккадского времени.

Вероятно, мы не ошибемся, предположив, что некоторые из этих новых иконографических форм попали также в Месопотамию периодов ED-III b и особенно аккадского. Это касается, например, божеств растительного мира и женщин с крыльями и рогами, которых в аккадский период мы снова встречаем в образе богини Иштар в форме грациозных статуэток. Но это уже другая история.

3. ЗАИМСТВОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИРАНСКИХ БОЖЕСТВ В БМАК

Культуры БМАК и Юго-Восточного Ирана были очень тесно связаны. Здесь находят одни и те же группы артефактов, таких как каменные сосуды, диски, скипетры, перегородчатые печати, булавки, миниатюрные колонки, составные статуэтки, гравированные металлические сосуды, музыкальные трубы и многое другое. Некоторые предметы из Кермана, например упомянутые цилиндрические печати, были найдены в Гонур-депе (рис. 5, 7–9). Поэтому неудивительно, что обе культуры обнаруживают явное сходство в прикладном искусстве и иконографии. Это относится не только к многочисленным фантастическим существам и мотивам в искусстве БМАК, которым

предшествует искусство Ирана, но еще больше — к изображениям богов, представленным на печатях и каменных стауэтках БМАК (заимствование и трансформация мотивов широко обсуждаются в работах: *Winkelmann*, 1993; 1994; 1996; 1997, а, b, c; 2000, а, b; 2003; 2005; 2006; 2013; 2014; 2016; 2021).

Первое, что хочется отметить, — в Кермане пока достоверно неизвестен бог мужского пола. Все божества, о которых мы знаем по печатям и скульптуре, являются женскими. Эта особенность является общей как для керманской культуры, так и для БМАК, несмотря на то что в Месопотамии и Египте долгое время доминировали мужские боги.

Вторая общая черта — за исключением нескольких составных статуэток и серебряных сосудов изображения божеств в обеих культурах встречаются преимущественно на печатях.

Третья общая черта — стилистическое исполнение изображений богов практически не различается в обеих культурах. Стройные женщины с треугольной верхней частью тела и лишь слегка намеченной грудью, осиными талиями и в длинных одеяниях, откинутых назад, стилистически почти идентичны. Это же относится и к трем позам, в которых изображены богини: стоящие богини с руками, соединенными на уровне талии, богини на троне и изображения присевших женских фигур с массивной нижней частью туловища. Эти общие черты сохранялись в течение длительного времени. Обнаруживаются лишь незначительные стилистические различия. Прическа богинь БМАК в основном сделана из длинных волос, свернутых в пучок на затылке, хотя иногда с локоном у виска, типичным для керманского искусства. Одежда также изменена: вместо юбки каунакес богини БМАК обычно одеты в платье каунакес, хотя и юбка каунакес сохраняется. Также, по-видимому, тюльпан как атрибут изображается чаще, чем розетка. Однако на перегородчатых печатях БМАК розетка представлена в качестве основного растительного мотива. В отличие от стройных фигур на печатях, статуэтки БМАК имеют широкие массивные стилизованные тела. Тем не менее остальные стилистические характеристики совпадают.

Остается рассмотреть, имеются ли общие или схожие типы божеств, и если они есть, то как они проявляются в искусстве БМАК.

3.1. Богиня с водяными струями

В предыдущих публикациях я писала, что присутствие дарующего воду божества в искусстве БМАК пока не доказано. Новые находки из Конар-Сандала, однако, свидетельствуют, что здесь также представлено божество со струями воды со спиралевидными завихрениями на конце, брызжущими из верхней части тела (рис. 3, 8, 9; 8, 1, 2). Аналогичное изображение мы встречаем на печати БМАК из Афганистана (*Sarianidi*, 1998. Р. 56, 57, no. 40). На ней представлена стоящая богиня со струями воды, вытекающими из ее тела (рис. 8, 3). Длинные струи заканчиваются спиралью точно так же, как и завихрения воды на каменных сосудах в «межкультурном стиле». Существенное отличие от иранских прототипов — эту богиню сопровождают по сторонам два крылатых кошачьих, а не быки. Таким образом, мы имеем дело с новым вариантом известной богини. Вторая богиня восседает на троне с бычьими ножками (*Ibid.* Р. 50–51, no. 7). Одна ее рука поднята. Рядом с богиней изображены два завихрения воды: у ее колен и позади трона. Еще на одной печати изображена крылатая богиня с водяными вихрями, восседающая на фантастическом существе, соединяющем признаки змеи и льва (рис. 8, 4).

Завихрения воды также показаны на печати с крылатой богиней на драконе, сочетающем части тел змеи и льва (*Ibid.* No. 19) (рис. 9, 9). Данная печать показывает, что завихрение воды в БМАК может быть связано с образами разных божеств, тогда как в Иране оно появляется отдельно или с божеством, сопровождающимся быками и скорпионом. Также завихрение воды появляется вместе с копытными животными на одной перегородчатой печати (*Ibid.* Р. 104–105, no. 293) — вариант, который мы видим на сосудах в «межкультурном стиле». Сильно стилизованное единичное завихрение воды можно обнаружить на некоторых перегородчатых печатях из Гонур-депе и с территории Афганистана (*Ibid.* Р. 152–153, no. 767, 770–773, 776, 779; Р. 156–157, no. 806, 807, 834; Р. 160–161, no. 840–842, 848; Р. 314–315, no. 1737, также, возможно: Р. 154–155, no. 785, 790, 796, 707. Гонур-депе: Национальный музей Туркменистана: КЕК 1867 /134).

3.2. Богиня с растением / колосьями пшеницы

Данная богиня пока не выявлена на перегородчатых печатях. Однако во время раскопок

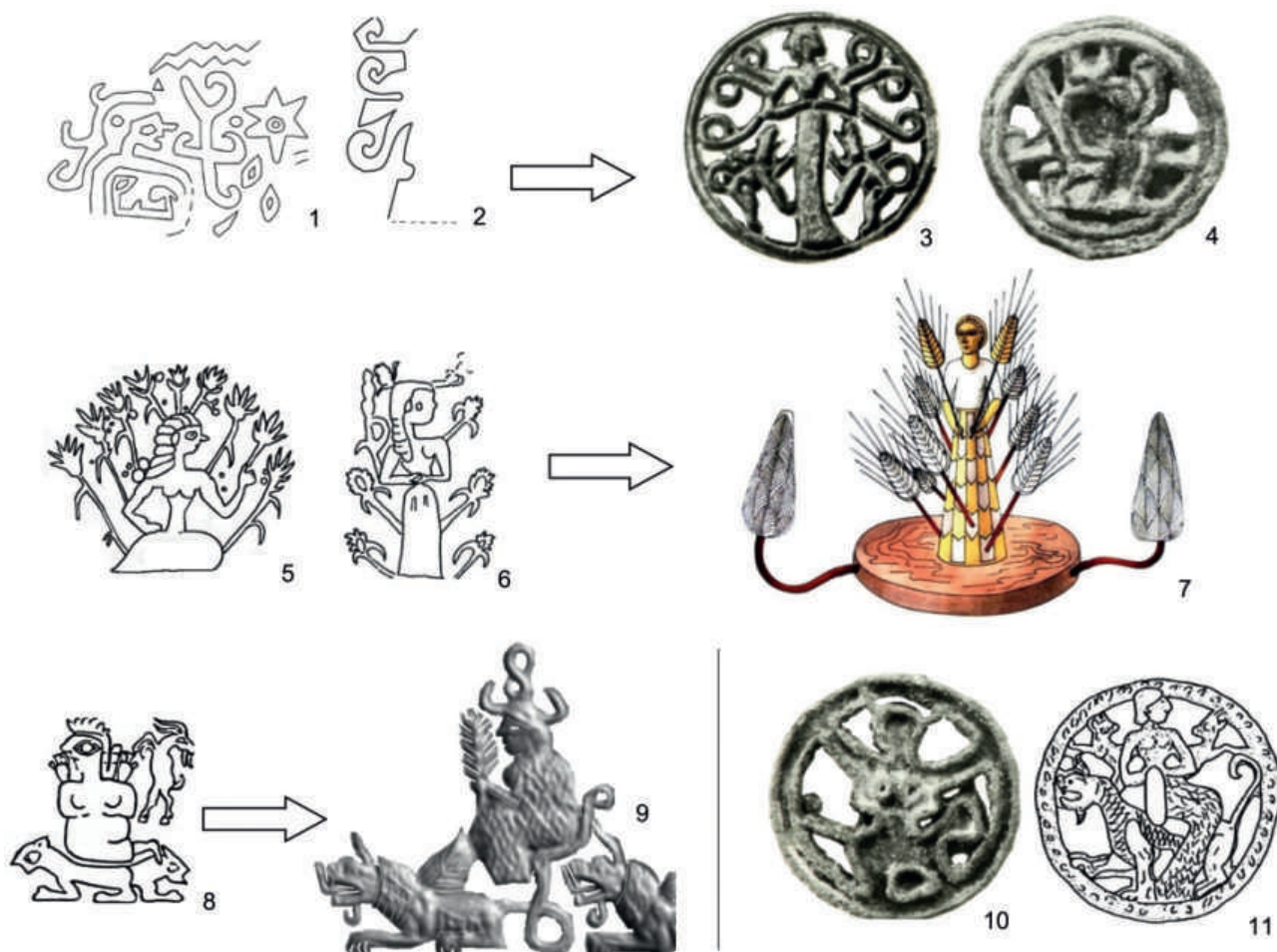

Рис. 8. Заимствование и трансформация богинь Юго-Восточного Ирана в БМАК: 1–4 — богиня со струями воды; 5–7 — божество с колосьями пшеницы; 8–11 — богиня с животными (кошачьими, копытными, фантастическими) и колосьями пшеницы. 1, 2 — Конар-Сандал; 3, 4 — антиквариат, из Афганистана; 5 — Шахдад; 6 — керманская печать, найденная в Сузах; 7 — Гонур-депе, «Царский некрополь», гробница 3200; 8 — «Печать ювелира», Сузы; 9 — антиквариат; 10, 11 — печати БМАК с антикварного рынка, Афганистан. 1, 2 — Pittman, 2019. Fig. 27, 28; 3, 4 — Sarianidi, 1998. P. 40, no. 7; 5 — рисунок автора по Hakemi, 1972. No. 323; 6 — рисунок автора по Amiet, 1994. Fig. 3; 7 — Sarianidi, 2005. P. 217, fig. 79; 8 — Amiet, 1986. Fig. 71; 9 — Porada, 1988. Pl. I; 10 — Sarianidi, 1998. No. 17; 11 — рисунок автора по Pottier, 1984. Pl. XLV, no. 332

Fig. 8: Transfer and transformation of Southeast Iranian goddesses into BMAC: 1–4 — the goddess with water streams; 5–7 — divinity with wheat ears; 8–11 — the goddess associated with felids, hoofed animal and wheat. 1, 2 — Konar Sandal; 3, 4 — Art trade, from Afghanistan; 5 — Shahdad; 6 — Kerman seal found in Susa; 7 — Gonur Depe, “Royal necropolis”, tomb 3200; 8 — “Jeweller’s seal”, Susa; 9 — Art trade; 10, 11 — BMAC seals from the art trade, Afghanistan. 1, 2 — Pittman, 2019. Fig. 27, 28; 3, 4 — Sarianidi, 1998. P. 40, no. 7; 5 — own drawing after Hakemi, 1972. No. 323; 6 — own drawing after Amiet, 1994. Fig. 3; 7 — Sarianidi, 2005. Fig. 79 on p. 217; 8 — Amiet, 1986. Fig. 71; 9 — Porada, 1988. Pl. I; 10 — Sarianidi, 1998. No. 17; 11 — own drawing after Pottier, 1984. Pl. XLV, no. 332

на Гонур-депе в 2004 г., когда В. И. Сарияниди открыл «Царский некрополь», в могиле 3200, одной из богатейших гробниц на памятнике, он обнаружил фрагменты деревянной статуэтки, покрытой золотой фольгой, голову и руки из золотой фольги и девять гипсовых и золотых колосьев пшеницы на бронзовых прутьях (*Sarianidi*, 2005. P. 216, 217, fig. 79) (рис. 8, 7). Это небольшое изваяние можно истолковать как божество в длинной юбке каунакес с колосьями пшеницы, произрастающими из тела. Пол божества неясен. Верхняя часть тела не сохранилась. Сарияниди описывает фигуру как мужчину, но лично я полагаю, что это женское божество, так как юбка каунакес длиной до пола до сих пор была обнаружена только на богинях. Если это действительно женское божество, то здесь полностью заимствована иконография иранских богинь. Тем не менее исключать, что это мужская фигура тоже нельзя. В этом случае аналогии могут быть найдены как в провинции Керман, так и в Белуджистане (рис. 4, 11, 12).

3.3. Богини с элементами кошачьих, орлов, змей, копытного животного, горы, пшеницы и сосуда

Для керманской культуры нам удалось показать, что здесь представлен ряд божеств, соединяющих в своей иконографии как одиночные атрибуты, так и их сочетания или полный набор атрибутов предполагаемой Великой Богини. Теперь предстоит выяснить, присутствуют ли эти характеристики также в пантеоне БМАК.

3.3.1. Рогатая богиня с крылатым львиным драконом (существом, соединяющим черты змеи, льва, орла, копытных), змеей и пшеницей

Цилиндрическая печать с антикварного рынка, опубликованная Э. Порада, определяется ею как происходящая из Юго-Восточного Ирана (*Porada*, 1993. Pl. 29). Сейчас мы бы сказали, что она связана с керманской культурой. Я же, напротив, полагаю, что это печать в смешанном стиле, объединяющем Юго-Восточный Иран и БМАК. Двое мужчин на коленях перед мифологическим персонажем внутри звезды, несомненно, представляют юго-восточный иранский тип, судя по характеру изображения тел и их головным уборам, с протомами животных. Персонаж в звезде, по видимому, имеет двойные рога, расположенные

так же, как на изображении из Конар-Сандаля. Но кроме этой сцены на изображении присутствует богиня, одетая полностью в длинное платье каунакес и восседающая на крылатом льве-драконе с рогами и бородой (рис. 8, 9). Кроме того, добавлен второй дракон. На голове богини — два бычьих рога и свернувшаяся S-образно змея, в руке же она держит колос пшеницы. Над ней мы видим тюльпан. Богиня, так же как и драконы, представлена, несомненно, в стиле БМАК. В таком же смешанном стиле изготовлена еще одна печать, найденная в Маргиане и опубликованная С. Салватори (*Salvatori*, 2008). На печати показан месопотамский мотив периода ED-III в юго-восточном иранском стиле с элементами БМАК. Этот предмет представлен в экспозиции Национального музея Туркменистана (NMT No. 174).

Хотя статуэтку из «Царского некрополя» Гонура можно уверенно идентифицировать как божество растительности или зерна, данное изображение богини с колоском пшеницы представляет собой еще более важное божество, которое, судя по рогам, имеет отношение, прежде всего, к копытным, но также к змее, льву, орлу и козлу, так как все эти животные сливаются с львиным драконом. С точки зрения иконографии эта богиня больше всего напоминает богиню на «Печати ювелира». Как особый вариант мы можем рассматривать тюльпан в качестве символа, заменяющего розетку. Основные отличия от печатей Юго-Восточного Ирана заключаются в форме типичного для БМАК львиного дракона и одежды богини: она полностью облачена в платье каунакес. К этому типу принадлежит еще одно божество: рогатая и крылатая богиня, восседающая на троне в форме неопределенного кошачьего животного (*Sarianidi*, 1998. No. 17). Ее иконография соединяет черты копытного (рога), орла (крылья) и кошачьего (рис. 8, 9). Подобным образом крылатый человек в длинном одеянии сидит на бегущем льве (*Ibid.* No. 14).

3.3.2. Богиня с козами и элементами кошачьего животного, орла и змеи

К близко родственному по иконографии второму варианту относится образ богини в юбке каунакес со сложными у талии руками, восседающей на троне в форме одной из разновидностей львиного дракона (*Pottier*, 1984. Pl. XLV; *Sarianidi*, 1998. P. 52–53, no. 16; сейчас в Лувре: АО 30260) (рис. 8, 11). Этот лев-дракон составлен

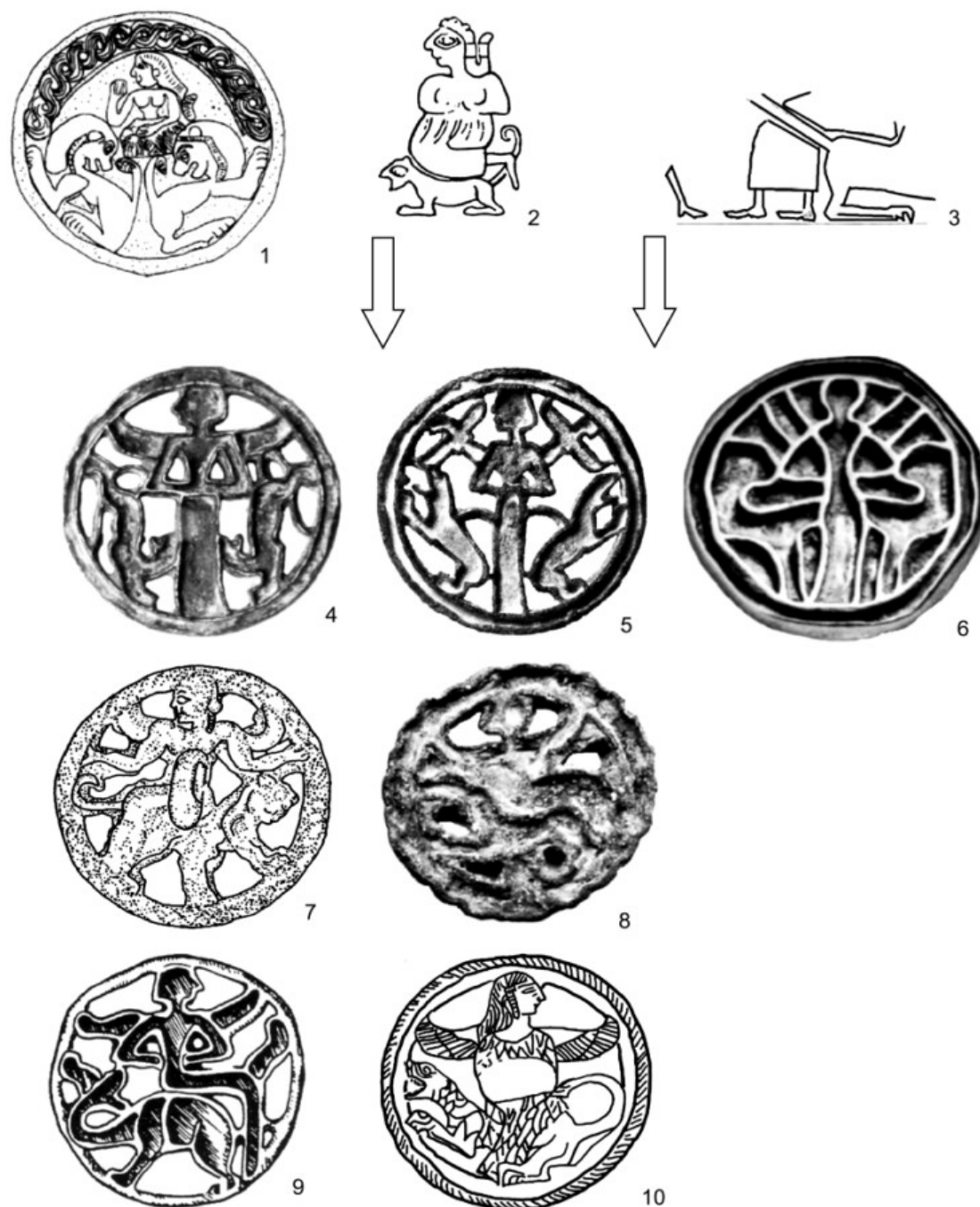

Рис. 9. Заимствование и трансформация в БМАК богинь Юго-Восточного Ирана, ассоциированных с кошачьими: 1-3 — прототипы из Юго-Восточного Ирана; 4-10 — богини БМАК на печатях. 1 — лазуритовый диск из Кермана; 2 — «Печать ювелира» из Суз; 3 — оттиск из Конар-Сандала; 4-9 — печати БМАК, антикварный рынок, из Афганистана; 10 — печать из Гонур-депе, Национальный музей Туркменистана, КР 360. 1, 10 — рисунок автора по фото автора; 2 — Amiet, 1986. Fig. 71; 3 — Pittman, 2014. Fig. 23.a; 4-6 — Sarianidi, 1998. No. 34, 37, 24; 7 — Winkelmann, 2004. No. I.1-07. Fig. on p. 71; 8 — Sarianidi, 1998. No. 15; 9 — Ibid. No. 19

Fig. 9. Transfer and Transformation of the Southeast Iranian goddess associated with felids into BMAC: 1-3 — South-east Iranian antecedents; 4-10 — BMAC goddesses on seals. 1 — Lapis lazuli disc from Kerman; 2 — “Jeweller’s seal” from Susa; 3 — Impression from Konar Sandal; 4-9 — BMAC seals from the art trade, from Afghanistan; 10 — Seal from Gonur Depe, National Museum of Turkmenistan, KP 360. 1, 10 — own drawing after own photo; 2 — Amiet, 1986. Fig. 71; 3 — Pittman, 2014. Fig. 23.a; 4-6 — Sarianidi, 1998. No. 34, 37, 24; 7 — Winkelmann, 2004. No. I.1-07, Fig. on p. 71; 8 — Sarianidi, 1998. No. 15; 9 — Ibid. No. 19

из элементов копытного животного (рог, борода), кошачьего хищника (тело и лапы льва) и змеи (голова). Кроме того, от верхней части туловища богини отходят две протомы козла, а обрамление украшено декоративной плетенкой — мотив, представляющий собой стилизованную форму переплетенных змей. Элементы хищной птицы (крылья) здесь отсутствуют.

3.3.3. Богиня с кошачьими хищниками и орлом

Как показано выше, имеется множество вариантов богинь, ассоциированных с кошачьими. Одна из подгрупп включает богинь с кошачьим хищником и орлом. Они представлены либо восседающими на животном как на троне, либо стоящими в окружении кошачьих хищников. Такие изображения можно проследить вплоть до более древних керманских божеств, находящихся на троне над парой львов («межкультурный стиль») или над неопределенным кошачьим животным («Печать ювелира»), а также на перегородчатой печати из Кермана с богиней с чашей, восседающей на львином драконе (рис. 9, 1–3; 2, 9). Нововведением является то, что данные богини изображены еще с хищными птицами или сливаются с птичьими элементами. Иначе говоря, это крылатые богини. Так, известны следующие сюжеты: богиня, стоящая в окружении двух нечетко определяемых кошачьих хищников (возможно, леопардов или львиц) и двух орлов; богиня с кошачьими хищниками и крыльями орла, сбоку от одной из богинь помещены два льва, слившиеся в единое изображение (*Sarianidi*, 1998. P. 56–57, no. 34, 37; 54–55, no. 24.) (рис. 9, 4–6).

К этому же типу относится крылатое божество, восседающее на льве. Подобная композиция дважды зафиксирована на печатях с антикварного рынка (*Sarianidi*, 1998. No. 20 = *Winkelmann*, 2004. No. I.1–07 and *Sarianidi*, 1998. No. 15) (рис. 9, 7, 8). На одной из них представляет интерес двойная рамка с волнистым ободком. Многие рамки на перегородчатых печатях имеют дополнительное иконографическое значение, например плетенка символизирует переплетенных змей. Упомянутая рамка с волнистым краем напоминает многолепестковые круглые или овальные обводы, внутри которых на двух печатях из Юго-Восточного Ирана изображены сидящие божества. Эти рамки символически связаны с розеткой (рис. 5, 8; 7, 13).

3.3.4. Богиня с фантастическим существом, симбиозом льва и змеи с крыльями орла

Данный тип существует одновременно с крылатой богиней (символ орла), восседающей на троне в виде кошачье-змеиною существа (*Ibid.* No. 19). Фантастическое существо объединяет тело и шею льва с головой нападающей змеи с разинутой пастью. Кроме того, из коленей богини и головы змеи исходят стилизованные завихрения воды (рис. 9, 9). Еще одна печать происходит из раскопок в Гонур-депе (*Winkelmann*, 2021. Fig. 8.14, *b, d*; сейчас в Национальном музее Туркменистана, NM 360) (рис. 9, 10; 11, 3). Крылатая богиня на змеино-львином драконе окружена круглой двойной рамкой со стилизованной плетенкой, символизирующей сплетенных змей. Таким образом змея как животное-атрибут фигурирует здесь в первом случае в виде фантастического животного, во втором — в виде изображения рамки. Для этих образов БМАК прототипом снова является богиня, изображенная на лазуритовых дисках, ассоциированная с кошачьими животными и змеями (рис. 9, 1).

В Кермане львы и змеи изображались отдельно, но в искусстве БМАК они сливаются воедино в фантастическое существо. Такое слияние атрибутирующих животных можно обнаружить уже на печатях керманской культуры, где представлены орлы-львы и рогатые змеи (например, *Madjidzadeh*, 2003. P. 167), однако сам мотив слияния животных-атрибутов в единый образ, конечно же, восходит к более древним культурам. Уже в конце IV тыс. до н. э. в культуре Наля в Белуджистане, в позднем Уруке и в протоэламской глиптике Ирана встречаются многочисленные грифоны и драконы, составленные из частей тел змей, львов и орлов. Предположительно керманская печать с пьющей богиней тоже уже несет изображение дракона (рис. 2, 9). Так же как и в вышеприведенных примерах, нововведением является появление крыльев. Варианты 3.3.3 и 3.3.4, имеющие один и тот же прототип, отличаются характером крепления крыльев.

3.3.5. Богиня, ассоциированная со змеей и орлом

Данный вариант изображает крылатую женщину в длинном одеянии. В одном случае она фигурирует стоящей со сложенными на уровне талии руками и двумя извивающимися змеями по сторонам (*Sarianidi*, 1998. No. 38) (рис. 10, 2).

Рис. 10. Заимствование и трансформация богинь Юго-Восточного Ирана в БМАК: 1-7 — крылатые богини со змеями; 8 — богиня с птицами и горами; 9-12 — богини БМАК с сосудом. 1 — печать из Шахдада как прототип; 2, 4-6, 8, 9, 11 — печати БМАК; 3, 7, 10 — печати, Гонур-депе; 12 — серебряный сосуд БМАК, антикварный рынок, Афганистан. 1 — рисунок автора по *Ascalone*, 2014. Fig. 1.b; 2 — *Sarianidi*, 1998. No. 38; 3 — фото автора; 4-6, 8 — *Ibid.* No. 1, 27, 67, 39; 7 — рисунок автора (Национальный музей в Ашхабаде. NM 1815/1405); 9 — *Winkelmann*, 2006. Fig. 8; 10 — *Sarianidi*, 2007. Fig. 161; 11 — рисунок автора по фото от проф. Този (Tosi); 12 — *Amiet*, 2004. Fig. 7

Fig. 10. Transfer and transformation of Southeast Iranian goddesses into BMAC: 1-7 — the winged goddess with snakes; 8 — the goddess with birds and mountains; 9-12 — BMAC goddesses with vessel. 1 — seal from Shahdad as starting point; 2, 4-6, 8, 9, 11 — BMAC seals; 3, 7, 10 — seals, Gonur Depe; 12 — BMAC silver vessels, all from the art trade, Afghanistan. 1 — own drawing after *Ascalone*, 2014. Fig. 1.b; 2 — *Sarianidi*, 1998. No. 38; 3 — own photo; 4-6, 8 — *Ibid.* No. 1, 27, 67, 39; 7 — own drawing (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405); 9 — *Winkelmann*, 2006. Fig. 8; 10 — *Sarianidi*, 2007. Fig. 161; 11 — own drawing after photo from Prof. Tosi; 12 — *Amiet*, 2004. Fig. 7

Печать из Гонур-депе показывает стоящую богиню с крыльями вместо рук и двумя свернувшимися змеями (*Winkelmann*, 2021. Fig. 8.16, *b*; Национальный музей Туркменистана, NMT 270/3191) (рис. 10, 3). В Гонур-депе была найдена еще одна перегородчатая печать (*Winkelmann*, 2021. Fig. 8.16, *a*; Национальный музей Туркменистана, NMT 1815/1405). Она изображает коленопреклоненную крылатую женщину со змеями, вырастающими из ее тела (рис. 10, 7; 11, 2). Кроме того, на женщине надето платье каунакес с чешуйчатым орнаментом, повторяющим узор тела змей. Такие же чешуйки встречаются как элемент изображений гор. Поэтому данное одеяние может также символизировать гору: такое платье с чешуйками горы уже известно по «межкультурному стилю».

В другом случае крылатая женщина сидит на троне. Ассоциированные с ней змеи присутствуют в форме рамки из сплетенных змей (*Sarianidi*, 1998. No. 1) (рис. 10, 4). Еще одна крылатая богиня, четко распознаваемая по ее длинному одеянию и длинной косе, восседает на троне с вытянутыми руками, окруженная двумя змеями (*Ibid.* No. 27) (рис. 10, 5). Еще один, последний, пример представляет присевшую женщину на горе, из которой выползают две змеи (*Ibid.* No. 67) (рис. 10, 6). Из фрагментов изображения видно, что она тоже имеет крылья. Данный тип, возможно, имеет множество прототипов. Известны лазуритовые диски со слитыми изображениями льва и змеи (рис. 9, 1), диски с горой и змеей, диск с быком, змеей и орлом в качестве атрибутов богини; имеется Великая Богиня со всеми этими атрибутами, а также богиня только со змеей. Также сейчас известны на керманских печатях изображения крылатой богини с двумя змеями (рис. 10, 1). Таким образом, по-видимому, этот тип непосредственно происходит из глиптики Юго-Восточного Ирана. В БМАК присутствуют модификации этого типа, где змеи не окружают божество, а вырастают из его тела или обрамляют божество в виде плетенки. Наконец, данные божества очень часто восседают на троне, а в одном случае — на горе.

3.3.6. Богиня с орлом и горой

Подобная композиция известна на одной перегородчатой печати из Афганистана (*Ibid.* No. 39) (рис. 10, 8). Два орла изображены сбоку от стоящей богини, а над ее плечами расположены две горы. Рамка на печати образует многолепестковую розетку, напоминая рамки с шипами и листьями

на печатях из Юго-Восточного Ирана. Богиня, возможно, относится к отдельному типу, но это уверенно утверждать нельзя. Она также может быть связана с вариантом 3.3.5, так как в нем гора и хищная птица тоже встречаются с крылатой богиней со змеями.

3.3.7. Богини только с одним животным (птицы, козы, змеи)

В одном случае на печати встречается крылатая женщина, окруженная птицами, обрамленная стилизованной розеткой (*Ibid.* No. 45). На другой уникальной печати изображена стоящая женщина, окруженная козами (*Ibid.* P. 56–57, no. 35). Еще на одной — представлена стоящая фигура неидентифицируемого пола со змеями (*Ibid.* No. 23). Здесь тоже не совсем понятно, имеем ли мы дело с независимыми типами или с вариантами типов, рассмотренных выше.

3.3.8. Богиня с сосудом на троне

Богиня с сосудом фигурирует в сюжетных сценах на двух печатях и еще на одной печати с одиночной богиней, а также на серебряной вазе БМАК. Сюжетное изображение представлено полностью на перегородчатой серебряной печати из Гонур-депе (*Sarianidi*, 2007. Fig. 160; 2009. Fig. 178; *Winkelmann*, 2021. Fig. 8.1.5, *a–c*; Национальный музей Туркменистана, NMT 1866/281) (рис. 10, 10; 11, 1). Богиня восседает на троне, представляющем собой кресло с высокой спинкой. Одну руку она прижимает к груди, а другая поднята, чтобы подать сосуд молодому мужчине. Она одета в длинное платье каунакес и имеет характерную прическу из длинных волос, собранных в пучок на затылке. Перед ней сидит на корточках другая богиня или жрица. Над присевшей фигурой стоит мужчина в короткой юбке, за ним — второй мужчина. Молодой мужчина держит конический сосуд, который ему подала богиня на троне. Вся сцена окружена рамкой из переплетенных змей.

Идентичный сюжет размещен на другой перегородчатой печати из собрания Карбонелла (*Carbonell collection*) (рис. 10, 11). Здесь композиция обрамлена многолепестковой розеткой. На упрощенном рисунке представлена печать, изображающая женское божество, восседающее на троне и одетое в платье каунакес. В руке она держит сосуд. Перед ней парит опять-таки типичный сосуд, а позади трона добавлен тюльпан (рис. 10, 9).

Рис. 11. Различные представления богинь БМАК в искусстве малых форм: 1–3 — перегородчатые печати; 4 — головка серебряной булавки; 5–7 — каменные составные статуэтки БМАК. 1 — серебряная перегородчатая печать, Гонур-Депе (Национальный музей в Ашхабаде. NM 1866/281); 2 — бронзовая печать, Гонур-депе (Там же. NM 1815/1405); 3 — серебряная перегородчатая печать, Гонур-Депе (Там же. NM 156); 4 — серебряная булавка, Гонур-депе (Там же. NM 168); 5 — каменная составная статуэтка БМАК из Афганистана (частная коллекция, Германия); 6 — каменная составная статуэтка, Маргиана; 7 — составная статуэтка БМАК, антикварный рынок, Афганистан. 1–5 — фото автора; 6, 7 — рисунки автора по Саруаниди, 2002. С. 140 и Pottier, 1984. Pl. XXXVI, no. 295

Fig. 11. Different appearances of BMAK goddesses in minor art: 1–3 — Compartmented seals from Gonur Depe; 4 — Head of a silver pin from Gonur Depe; 5–7 — BMAK stone composite sculptures. 1 — Silver compartmented seal, Gonur Depe (National Museum of Ashgabat. NM 1866/281); 2 — Bronze seal, Gonur Depe (*Ibid.* NM 1815/1405); 3 — Silver compartmented seal, Gonur Depe (*Ibid.* NM 156); 4 — Silver pin, Gonur Depe (*Ibid.* NM 168); 5 — BMAK stone composite sculpture from Afghanistan (private collection, Germany); 6 — Stone composite sculpture, Margiana; 7 — BMAK composite sculpture from the art trade, Afghanistan. 1–5 — own photos; 6, 7 — own drawings after Саруаниди, 2002. С. 140 and Pottier, 1984. Pl. XXXVI, no. 295

И наконец, что не менее важно, схожая сцена представлена еще на одном серебряном сосуде (Amiet, 2004. Fig. 7) (рис. 10, 12). Богиня в платье каунакес восседает на троне с изогнутой спинкой. Позади нее изображено дерево. Рядом с ней находится столик с большим конусовидным сосудом на ножке. У ее ног сидит молодой человек меньшего роста с ветвью, которая в качестве символа травы деторождения иконографически синонимична сосуду с напитком, изготовленным из нее.

Перед столиком представлены двое мужчин, подносящие дары⁴.

Несомненно, что в точности тот же сюжет мы находим на печатях, уже известных из искусства Юго-Восточного Ирана: мужчина, просящий о напитке деторождения или плодородия.

⁴ От редакции. На рисунке представлен только фрагмент описываемого автором сюжета.

Восседающая на троне женщина в мантии каунакес представлена также на знаменитой серебряной булавке из Гонур-депе (*Сарианиди*, 2002. С. 231) (рис. 11, 4), где она, несомненно, может быть интерпретирована как богиня, изображения которой встречаются на составных статуэтках, столь характерных для БМАК. На них она представлена в виде женщины на троне, присевшей или стоящей, одетой в мантию каунакес (рис. 11, 5–7).

Другие ассоциированные атрибуты нельзя или можно лишь с трудом угадать в скульптурах или изображении на булавке. В частности, имеется статуэтка (к сожалению, с антикварного рынка), на которой присутствуют как сосуд, так и стилизованные горы в виде инкрустации. Таким образом, прослеживается связь между восседающей на троне богиней БМАК в платье каунакес и божеством с атрибутами горы и сосуда (рис. 11, 5).

Итак, одна и та же серия изображений присутствует как в Кермане, так и в БМАК: и там, и там повторяется сюжет с мужчиной, выпрашивающим сосуд у богини (рис. 1, 2–7). Можно утверждать, что как в Юго-Восточном Иране, так и в БМАК существовала одна и та же мифологическая история о путешествии героя/царя к верховной богине, чтобы получить у нее напиток деторождения. В Месопотамии мы ассоциируем этот сюжет с мифом об Этане, и для иранского региона и БМАК мы допускаем существование аналогичного мифа.

В искусстве БМАК мы можем идентифицировать человека-птицу как путешественника, в котором сливаются черты человека и хищной птицы, несущей его, и который часто изображен коленапреклоненным. Вероятно, данная поза должна была символизировать просьбу к богине. Человек-птица, как самое распространенное фантастическое существо БМАК и на печатях, и в терракотовой скульптуре, свидетельствует о чрезвычайной важности данного мифа в мире БМАК.

Резюме к разделу 3

По-видимому, существовала общая мифологическая основа для изображений умоляющего мужчины перед главным женским божеством. Это главное божество в Юго-Восточном Иране обладает массой атрибутов и восседает на троне с высокой спинкой. В искусстве БМАК эта восседающая на троне богиня узнается, прежде всего, по таким атрибутам, как платье каунакес и сосуд. Иногда она также изображается со змеями, розеткой или тюльпаном.

Для других известных типов можно отметить следующее: божество зерновых растений, божество воды и крылатое божество со змеями, видимо, переняты непосредственно из иранских прототипов. Вариант из Сузианы, где Великая Богиня фигурирует с копытным животным, кошачьим хищником и зерновыми, в БМАК появляется в трех версиях. Основное отличие касается нахождения богини на львином драконе и добавления крыльев к образам этого животного и самого божества. Это также относится к двум вариантам богини с кошачьим хищником, которая фигурирует и как божество с реальными животными (лев/леопард или львица), и со змеедраконом, составленным из льва и змеи. В обоих случаях она представлена крылатой.

Элементы орла, так же как и элементы змея, по-видимому, играют более важную роль в иконографии БМАК, чем, например, элементы копытных животных, так как рогатые божества фигурируют здесь реже, чем в Юго-Восточном Иране.

Божество со скорпионом пока, кажется, на печатях не обнаруживается. Возможно, однако, что оно в скрытой форме присутствует позади многочисленных изображений скорпионов на перегородчатых печатях.

Нужно отметить, что кроме общей мифологической основы разнообразные проявления женских божеств в БМАК обязаны также своим происхождением искусству Юго-Восточного Ирана. Эти проявления приобрели разные формы в БМАК, но их общие корни очевидны.

Сарианиди, 2002 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад: Türkmenöwlethabarlary, 2002. 360 с.

Amiet, 1961 — *Amiet P.* La glyptique mésopotamienne archaïque. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1961. 210 p.

Amiet, 1966 — *Amiet P.* Elam. Auvers-sur Oise: Archée Editeur, 1966. 607 p.

Amiet, 1986 — *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens. 3500–1700 avant J.-C. Paris: Éditions de la Réunion des musées, 1986. 332 p.

- Amiet*, 1994 — *Amiet P.* Un sceaux trans-élamite à Suse. *Revue d'Assyriologie et d'Archeologie Orientale*. 1994. Vol. 88, №1. P. 1–4.
- Amiet*, 2004 — *Amiet P.* De l'Élam à Margiane. Le renouvellement des problèmes archéologiques // Winkelmann S. *Seals of the Oasis*. Venice: Il Punto, 2004. P. 9–21.
- Amiet*, 2007 — *Amiet P.* Elam and Trans-Elam: On the subject of cylinder seals of Doctor Serge Rabenou's Collection // *Revue d'Assyriologie et d'Archeologie Orientale*. 2007. Vol. 101, №1. P. 51–58.
- Ascalone*, 2006 — *Ascalone E.* Archeologia dell' Iran antico. Interazioni, integrazioni e discontinuità nell'Iran del III millennio a.C. Messina: Di.Sc.A.M., 2006. 196 p.
- Ascalone*, 2014 — *Ascalone E.* Intercultural Relations between Southern Iran and the Oxus Civilization. The Strange Case of Bifacial Seal NMI 1660 // *Iranian Journal of Archaeological Studies*. 2014. 4.1. P. 1–20.
- Christie's, 1997 — Christie's Fine Antiquities. Tuesday, 25 November 1997 at 10.30 a.m. at 8 King Street, St. James's, London SW1Y 6Qt. London: Christie's, 1997. 100 p.
- Curtis*, 1993 — *Curtis J.* (ed.) Early Mesopotamia and Iran. Contact and conflict 3500–1600 B.C. London: British Museum Press, 1993. 95 p.
- Deloughaz et al.*, 1996 — *Deloughaz P., Cantor H. J., Alizadeh A.* (ed.). Chogha Mish. Vol. 1: The First Five Seasons of Excavations, 1961–1971. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1996. 508 p.
- Durrani*, 1964 — *Durrani F. A.* Stone vases as evidence of connections between Mesopotamia and the Indus valley // *Ancient Pakistan*, 1964. Vol. 1. P. 51–96.
- Hakemi*, 1972 — *Hakemi A.* Catalogue de l'exposition: Lut-Xabis (Shahdad). Teheran: Ministry of Culture and Art, 1972. 36 p.
- Hakemi*, 1997 — *Hakemi A.* Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome: IsMEO, 1997. 721 p.
- Lamberg-Karlovsky*, 1973 — *Lamberg-Karlovsky C. C.* Urban Interaction on the Iranian Plateau: Excavations at Tepe Yahya 1967–1973 // *Proceedings of the British Academy*. 1973. Vol. 59. P. 283–319.
- Lamberg-Karlovsky*, 1988 — *Lamberg-Karlovsky C. C.* The intercultural style carved vessels // *Iranica Antiqua*. 1988. XXIII. P. 45–95.
- Ligabue, Salvatori*, 1988 — *Ligabue G., Salvatori S.* (eds). Bactria: An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Venecia: Erizzo, 1988. 244 p.
- Ligabu, Rossi-Osmida*, 2006 — *Ligabue G., Rossi-Osmida G.* Dea madre. Milano: Electa, 2006. 298 p.
- Madjidzadeh*, 2003 — *Madjidzadeh Y.* Jiroft. The Earliest Oriental Civilization. Tehran: Ministry of Culture and Islamic Guidance, 2003. 218 p.
- Piran*, 2012 — *Piran S.* Objects from the Jiroft Treasury. Soft Stone and Alabaster Objects (Recovered Collection) from the Halil River Basin National Museum of Iran. Tehran: Pazineh, 2012. 127 p.
- Pittman*, 2008 — *Pittman H.* IX: Glyptic art, in: Madjidzadeh, Y., Excavations at Konar Sandal in the region of Jiroft in the Halil Basin: First preliminary report (2002–2008), by Youssef Madjidzadeh with a contribution on glyptic art by Holly Pittman // *Iran*. 2008. Vol. 46. P. 69–103.
- Pittman*, 2014 — *Pittman H.* Anchoring Intuition in Evidence: A continuing discussion of cylinder seals from southeastern Iran // *Edith Porada: zum 100. Geburtstag. A Centenary Volume / Hrsg. E. Bleibtreu, H. U. Steymans*. Fribourg: Academic Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014 (*Orbis Biblicus et Orientalis* 268). P. 629–640.
- Pittman*, 2018 — *Pittman H.* Administrative Role of Seal Imagery in the early Bronze Age: Mesopotamian and Iranian Traders on the Plateau // *Seals and Sealing in the Ancient World. Case Studies from the Near East, Egypt, the Aegean, and South Asia / Eds. M. Ameri, S. K. Costello, G. Jamison, S. J. Scott*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2018. P. 13–34.
- Pittman*, 2019 — *Pittman H.* Bronze Age interaction on the Iranian Plateau. From Kerman to the Oxus through seals // *The Iranian Plateau during the Bronze Age / Eds. J.-W. Meyer, E. Vila, M. Mashkour*. Lyon: MOM Éditions, 2019. P. 267–288.
- Porada*, 1962 — *Porada E.* Alt-Iran. Baden-Baden: Holle Verlag Baden-Baden, 1962. 294 p.
- Porada*, 1988 — *Porada E.* Discussion of a cylinder seal, probably from Southeast Iran // *Iranica Antiqua*. 1988. Vol. XXIII. P. 139–148.
- Porada*, 1993 — *Porada E.* Seals and Related Objects from Early Mesopotamia and Iran // *Early Mesopotamia and Iran. Contact and conflict 3500–1600 B.C. / Ed. J. Curtis*. London: British Museum Press, 1993. P. 44–53.
- Pottier*, 1984 — *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane méridional de l'Age du Bronze. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. 232 p.
- Potts*, 1981 — *Potts D.* Echoes of Mesopotamian Divinity on a Cylinder Seal from South-Eastern Iran // *Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale*. 1981. Vol. 75. P. 135–142.
- Salvatori*, 2008 — *Salvatori S.* Cultural Variability in the Bronze Age Oxus Civilization and its Relations with the Surrounding Regions of Central Asia and Iran // *The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands. Facts and methodological proposals for a redefinition of the research strategies / Eds. S. Salvatori, M. Tosi*. Oxford: Archaeopress, 2008 (*The Archaeological Map of the Murghab Delta, II. BAR, International Series; 1806*). P. 75–98.

- Sarianidi*, 1998 — *Sarianidi V. I.* Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M.: Pentagraph, 1998. 335 p.
- Sarianidi*, 2005 — *Sarianidi V. I.* Gonur depe, Turkmenistan. Город царей и богов = Gonur depe: salaryn we hudaylaryn saperi = Gonur-Depe, City of Kings and Gods. Ashgabat: Turkmendöwlethabarlary, 2005. 327 p.
- Sarianidi*, 2007 — *Sarianidi V. I.* Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. 340 p.
- Sarianidi*, 2009 — *Sarianidi V. I.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры = Margush. Secret and Truth of the Great Culture = Marguş. bey ^ik medeniy ^etiñ syrlar düny ^äsi we onuñ hakyky keşbi. Ashgabat: Turkmendöwlethabarlary, 2009. 341 p.
- Winkelmann*, 1993 — *Winkelmann S.* Elam, Baktrien, Belutschistan: wo liegen die Vorläufer der Hockerplastiken der Induskultur? Erste Gedanken // *Iranica Antiqua*. 1993. Vol. XXVIII. P. 57–96.
- Winkelmann*, 1994 — *Winkelmann S.* Intercultural Relations between Iran, Central Asia and Northwestern India in the Light of Squatting Stone Sculptures from Mohenjo-Daro // *South Asian Archaeology 1993* / Eds. A. Parpola, P. Koskikallio. Helsinki: Cambridge University Press, 1994. P. 815–831.
- Winkelmann*, 1996 — *Winkelmann S.* Ein ungewöhnliches figürliches Kompartmentsiegel aus Shahr-i Sokhta, Iran // *Hallesche Beiträge zur Orientwissenschaft*. 1996. Bd. 21: Spurensuche in der Vorderasienarchäologie / Hrsg. von W. Beltz, M. Mode. S. 153–172.
- Winkelmann*, 1997a — *Winkelmann S.* Ein neues transelamisches Siegel // *Archäologische Mitteilungen aus dem Iran*. 1997. Bd. 28. S. 135–146.
- Winkelmann*, 1997b — *Winkelmann S.* Southeast-Iranian and Indo-Iranian elements on Bactrian and Murghab style seals // *South Asian Archaeology 1995* / Eds. F. R. Allchin, B. Allchin. Enfield: Oxford & IBH Publishing Co. Pvt. Ltd., 1997. P. 512–523.
- Winkelmann*, 1997c — *Winkelmann S.* Bemerkungen zum Grab 18 und den Silbernadeln von Gonur depe // *Archäologische Mitteilungen aus dem Iran*. 1998. Bd. 30. S. 1–16.
- Winkelmann*, 2000a — *Winkelmann S.* Intercultural Relations between Iran, the Murghabo-Bactrian Archaeological Complex (BMAC), Northwest India and Failaka in the Field of Seals // *East and West*. 2000. Vol. 50. P. 43–95.
- Winkelmann*, 2000b — *Winkelmann S.* Some More Ideas on the Possible Origin of the Anthropomorphic and Semi-Human Creature Depictions on Harappan seals // *South Asian Archaeology 1997* / Ed. M. Taddei. Rome: IIAO, 2000. P. 341–361.
- Winkelmann*, 2003 — *Winkelmann S.* Berliner Schlangenbecken, Trichterbecher und Cinnamati-Mann: verkannte Schlüsselobjekte der altorientalischen Archäologie? // *Altertumswissenschaften im Dialog: Festschrift für Wolfram Nagel zur Vollendung seines 80. Lebensjahres* / Hrsg. R. Dittmann, R. C. Eder, B. Jacobs. Münster: Ugarit-Verlag, 2003 (*Alter Orient und Altes Testament* (AOAT) 306). S. 567–678.
- Winkelmann*, 2004 — *Winkelmann S.* Seals of the Oasis. From the Ligabue Collection / With an Introduction by Pierre Amiet. Venice: Il Punto, 2004. 205 p.
- Winkelmann*, 2005 — *Winkelmann S.* Deciphering the “Intercultural style”? Remarks on the Southeast-Iranian Bronze Age Art // *South Asian Archaeology 2003* / Eds. H.-J. Weißhaar, U. Franke-Vogt. Aachen: Linden Soft, 2005. P. 185–197.
- Winkelmann*, 2006 — *Winkelmann S.* Le dee dell’altopiano iranico e della Battriana // *Dea Madre* / Eds. G. Ligabue, G. Rossi-Osmida. Milano: Electa, 2006. P. 193–207.
- Winkelmann*, 2008 — *Winkelmann S.* Animals and Myths in Ancient Near East. A General Overview from the Seals // *Central Asia Cultural*. 2008. Vol. 4. P. 27–54.
- Winkelmann*, 2010 — *Winkelmann S.* Heimkehr in den Berg: Paradiesvorstellungen im 3. Jt. v. Chr. in Iran und Baktrien // *Sehnsucht nach dem Paradies. Paradiesvorstellungen in Judentum, Christentum, Manichäismus und Islam. Beiträge des Leucorea-Kolloquiums zu Ehren von Walter Beltz* / Hrsg. J. Tubach, A. Drost-Abgarjan, S. Vashalomidze. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. S. 15–37.
- Winkelmann*, 2013 — *Winkelmann S.* Transformation of Near Eastern Animal Motifs in Murghabo-Bactrian Art // *Animals, Gods and Men from East to West. Papers on Archaeology and History in Honour of Roberta Venco Ricciardi* / Eds. A. Perruzetto, F. D. Metzger, L. Dirven. Oxford: British Archaeological Reports, 2013 (BAR, International Series; 2516). P. 47–64.
- Winkelmann*, 2014 — *Winkelmann S.* Trading religions from Bronze Age Iran to Bactria // *Trading religion: Religious Formation, Transformation, and Cross-Cultural Exchange between East and West, Dynamics in the History of Religions* / Eds. P. Wick, V. Rabens. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 199–229.
- Winkelmann*, 2016 — *Winkelmann S.* Some thoughts about the wild haired snake-man on BMAC seals // *Труды Маргианской археологической экспедиции. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. Т. 6. М.: Старый сад*, 2016. С. 482–491.
- Winkelmann*, 2020 — *Winkelmann S.* BMAC glyptics. Typology, context, function, and background / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2020. P. 215–292.

Some remarks about the origin of BMAC female deities

S. Winkelmann⁵

The article deals with the question of the origin of the found in the high art of Margiana and Bactria especially in glyptic art, for which there are no local precursors in Turkmenistan or Afghanistan. By analyzing the art of the Kerman or Jiroft culture of Southeast Iran, especially the seal finds from Konar Sandal and the intercultural style objects, the direct antecedents of the BMAC pantheon in Southeast Iran could be demonstrated. Both regions have an almost identical pantheon of female deities with similar attributes, same stylistic features and identical attitudes, and they share a common myth that is depicted in the art of both regions.

There seems to be a common mythological background for the representation of a supplicating man before the main female deity. This main deity has an abundance of attributes in Southeast Iran and sits on a throne with a high back. In the art of the BMAC, this enthroned goddess can be recognised above all by the kaunakes dress and the vessel as attributes. Sometimes she is also depicted with snakes, the rosette or the tulip.

The following applies to the other recorded types: the grain deity, the water deity and the winged deity with snakes seem to have been taken over directly from the Iranian precursors. The Susiana variant of the Great Goddess with hoofed animal, predatory cat and grain can be grasped in BMAC in three variations. The main difference concerns the lion dragon as a mount and the inclusion of wings in the appearance of mount and deity. This also concerns the two variations of the goddess with a predatory cat, who is depicted as a deity with real animals (lion/leopard or lioness) and with a serpent dragon made of lion and snake. In both cases she appears winged.

The element of the eagle, like that of the serpent, seems to play a greater role in the iconography of the BMAC than that of the ungulate, for example, because horned deities appear less often here than in the Southeast Iran. The deity with a scorpion, on the other hand, cannot yet be proven on the seals. It is possible, however, that it is hidden behind the numerous scorpion depictions on the compartmented seals.

Nevertheless, it remains to be stated that beyond the common mythological background, the manifold manifestations of female deities in the BMAC have their origin in the art of the Southeast Iran. The manifestations developed there experience different variations in BMAC, but the common roots cannot be overlooked.

⁵ Institute of Archaeological Sciences, University of Bern; Hochschulstrasse, 6, 3012, Bern, Switzerland; e-mail: dr.sylvia.winkelmann@hotmail.de.

Исследования на Изат-кули

Э. А. Мурадова¹

Аннотация. В статье подведены предварительные итоги исследования одного из крупных памятников раннего железного века Юго-Западного Туркменистана — поселения Изат-кули. Наибольший интерес представляет здание I, раскопанное на цитадели поселения и имеющее явно культовый характер. Его обнаружение дает ценный материал для истории культового строительства, социальной и духовной жизни населения региона в раннем железном веке.

Annotation. The paper presents preliminary results of the investigation of the settlement of Izat-Kuli which is one of the important sites of the early Iron Age of South-Western Turkmenistan. Of most interest is building I excavated at the citadel of the settlement and possessing an undoubtedly religious character. Its discovery provides valuable evidence for the history of the cult construction, and social and spiritual life of the people of the region in the early Iron Age.

Ключевые слова: Юго-Западный Туркменистан, ранний железный век, культура архаического Дахистана, Сумбар, Атрек, Чендыр, Мисриан, Изат-кули.

Keywords: South-Western Turkmenistan, early Iron Age, culture of archaic Dakhistan, Sumbar, Atrek, Chendyr, Misrian, Izat-Kuli.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-100-109

На крайнем юге Западного Туркменистана выделяются три природных и историко-культурных ландшафта: Атрекский, Сумбарский и Чендырский, расположенные в бассейнах рек Атрек, Сумбар и Чендыр соответственно.

Особенности природно-климатических условий, присущие межгорным долинам, открытым к Каспийскому морю, богатство растительного и животного мира Юго-Западного Копетдага, плодородие почв, относительное обилие водных и естественных ресурсов — все это способствовало развитию материальной культуры населения региона.

Территория Юго-Западного Туркменистана, входящая в регион, известный в письменных источниках античного времени как Гиркания, осваивалась и интенсивно использовалась человеком в V–I тыс. до н. э. (Хлопин, 1983; 1997; 2002; Мурадова, 2016. С. 529–533). В конце II — первой

трети I тыс. до н. э. на территории древней Гиркании сложилась самостоятельная культурно-историческая область.

Первые сведения о памятниках эпохи бронзы и раннего железа долины Сумбара были получены М. Е. Массоном (Массон, 1931. С. 53–56). В 1930 г. А. А. Марущенко открыл и обследовал аналогичные памятники в подгорной полосе Копетдага и на территории Мисрианской равнины, назвав их «культурой Мадау» (Марущенко, 1935).

В 50-х гг. XX в. памятники раннего железного века Мисрианского оазиса были исследованы В. М. Массоном. Он дал характеристику культуры архаического Дахистана и установил ее хронологию (Массон, 1956. С. 385–458). В результате изучения археологических объектов и прилегающих к ним древних русел и каналов на Мисрианской равнине установлены три хронологические группы памятников, соответствующие трем площадям освоения равнины культурой земледелия (Массон, 1969).

В конце II — начале I тыс. до н. э. были густо заселены районы, примыкающие к каньону р. Атрек. Самая древняя земледельческая

¹ Национальное управление Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана; Ашхабад, Туркменистан; e-mail: bezegli2017@gmail.com.

культура Юго-Восточного Прикаспия, названная культурой архаического Дахистана, относится к первой площади освоения. Значительное число поселений этой культуры располагалось на юге и юго-востоке Мисрианской равнины и в Чатском земельном массиве (Массон, 1956. С. 385–458).

В 70-х гг. XX в. А. С. Кесь, В. П. Костюченко и Г. Н. Лисицына изучали историю заселения и древнее орошение этого оазиса (*Кесь и др.*, 1980). Рекогносцировочными обследованиями Мешед-Мисрианской равнины и Чатского массива были закартированы памятники, относящиеся к поздней бронзе и раннежелезному веку (*Атагарриев, Лисицына*, 1970. С. 166–183). Общая обследованная площадь составила 271 050 га. Эти памятники расположены в южной и центральной частях равнины, в радиусе 10–50 км друг от друга. Только Геокчик-депе находится севернее и на значительном удалении от основной группы памятников.

В 80–90-х гг. XX в. проведены археологические исследования в Бенгуванском оазисе и стратиграфические исследования на поселении Изат-кули (Мурадова, 1991; 2010; 2013). В 1994–1997 гг. туркмено-французская экспедиция под руководством О. Леконта осуществила раскопки на поселении Геокчик-депе (*Lecomte*, 1999a; 1999b).

В соответствии с Договором о международном туркмено-испанском научном сотрудничестве в области изучения культурного наследия туркменского народа Национальным управлением Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры (М. А. Мамедов) совместно с Мадридским автономным университетом Испании (Хоакин М. Кордоба) начиная с 2010 г. были организованы археологические экспедиции в Этрекский район Балканского ваята, результаты которых отражены в серии публикаций (*Córdoba*, 2011; 2012; 2015–2016; 2016; 2017–2018; *Córdoba, Mamedov*, 2016).

В 2014–2015 гг. проведены исследования на одном из крупных памятников раннежелезного века Юго-Западного Туркменистана — поселении Изат-кули, расположенном в 19,7 км к юго-западу от современного селения Мадау (*Córdoba*, 2015–2016; 2016; 2017–2018; *Córdoba, Mamedov*, 2016).

С использованием новейших технологий, с помощью спутниковой связи выполнена инструментальная топографическая съемка Изат-кули; зафиксированы направления двух каналов, окаймляющих поселение, — северного и южного. Эту работу провели в мае–июне 2015 г. испанские

топографы из Отдела топографической разработки и картографии Политехнического университета Мадрида (UPM) — доктор Тереза Фернандес Пареха и Клара Мартинес. В результате получена достоверная информация, привязанная к данной местности: поселение Изат-кули ограничено со всех сторон валами северного и южного каналов, за которыми — такыр.

Изат-кули занимает значительную площадь в 150 га и состоит из нескольких частей: выделенного центрального укрепления (цитадели высотой 6 м), вокруг которого на расстоянии 100–150 м располагаются застроенные кварталы общинников, представленные в виде небольших всхолмлений. Выделенное центральное укрепление имеет ядро (собственно цитадель), которое окружает незастроенная площадь или двор. За двором — застроенные участки. В микрорельефе юго-западной части этих участков хорошо читаются помещения, входящие в жилищно-хозяйственные комплексы (планировка нерегулярная). В этой же части — полуразвеянные остатки керамических печей. Севернее цитадели застроенные участки подверглись сильной дефляции; юго-восточнее и южнее цитадели они незначительны (есть печи). На самой цитадели также имела место застройка, представленная несколькими домами, которые в некоторых местах соединены стеной, а в некоторых — выделяются узкой улочкой.

По всему периметру выделенного центрального укрепления Изат-кули топографически фиксируется и визуально прослеживается обводная линия: это либо обводные стены, либо цепочка отдельно стоящих домов элитарной части населения.

Многочисленны находки кремневых орудий труда восточнее центрального укрепления Изат-кули, на развеянных остатках строений земледельцев. Здесь отмечается рыхлый насыщенный культурный слой, свидетельствующий об интенсивном обживании этой части поселения.

На расстоянии 400 м к юго-востоку–востоку от центрального укрепления Изат-кули располагаются невысокие холмы — остатки построек площадью 0,6 га, к которым с восточной стороны прилегают поливные карты и отводы (небольшие каналы второго или третьего порядка) северного канала. В 240 м к северо-востоку от этих холмов пролегал северный, поздний канал, русло которого сохранилось в виде вала, имеющего широтное направление. Земледелие являлось основным занятием

жителей этой части поселения: найдены кремневые вкладыши серпов.

В 700 м к югу от цитадели Изат-кули находится цепочка всхолмлений длиной 200–250 м, идущих в южном направлении. Общая площадь этой цепочки составляет 1,75 га. Южный холм этой цепочки площадью 0,15 га и высотой более 1,5 м усеян керамическими шлаками, свидетельствующими о размещении здесь гончарных печей. Есть и фрагменты бракованных сероглиняных сосудов. Наверху холма — остатки печи в виде ошлакованных стенок; в юго-юго-западной части — остатки печи, имеющей прямоугольный в плане под длиной более 2 м.

В центральной части поселения Изат-кули, на цитадели, раскопано топографически обособленное место площадью 288 кв. м.

В северной части этого участка (северный сектор А) на площади в 119 кв. м раскопаны два помещения и вымостка из сырцовых кирпичей, продолжавшаяся в южном направлении (рис. 1, 1). Южнее этих помещений, в южном секторе В находилось здание I, построенное на монолитной сырцовой платформе высотой около 1 м, окруженное сырцовой вымосткой (рис. 1, 2).

Площадь южного сектора В составляет 169 кв. м. Четко прослеживаются два уровня — нивелировочный уровень, на котором построено здание I, и нижний уровень основания (подшвы) платформы.

Здание I, видимо, было прямоугольным. Вокруг этого строения, вплотную примыкая к краю основания платформы, идет горизонтальная сырцовая вымостка. Размеры сырцовых кирпичей с южной стороны здания I, за платформой: 70 × 50 × 7 см; 54 × 40 × ? см; 74 × 50 ? см; 74 × 50 × ? см; 74 × 50 × ? см; 80 × 50 × ? см; 60 × 36 × ? см. Местами эта сырцовая вымостка нарушена и имеет прямые углы, что, возможно, свидетельствует о прямоугольности постройки. Сохранившаяся платформа имеет округлую форму. Уцелевшая часть здания I относительно хорошо сохранилась, разрушена только его юго-западная часть вместе с платформой. Эти разрушения природного характера и связаны с процессами дефляции и эрозии: с западной стороны Изат-кули и в настоящее время наблюдаются сильные ураганные ветры, которые затем переходят в ливневые дожди.

Здание I состояло из четырех помещений (3, 4, 5, 6; нумерация условная, сквозная и является продолжением нумераций помещений сектора А, раскопанных в весеннем сезоне 2014 г.).

Помещения 3 и 4 находятся в восточной части здания, а помещения 5 и 6 — в западной (рис. 2).

Помещение 3 является юго-восточной частью здания. Южная часть помещения не сохранилась. Г-образное помещение, замкнутое с востока, открыто в западной части (проход в помещение 6). Заполнение помещения — чистый песок, не эолового, а искусственного характера. Помещение расчищено до уровня пола, являющегося нивелировочным уровнем всего строения, то есть верхней поверхностью монолитной сырцовой платформы. На полу южной части помещения 3 хорошо видны продольные линии сырцовых блоков (пахса). Все стены помещения покрыты хорошей глиняной штукатуркой толщиной 1 см, за исключением угла северной стены. Длина стен: северной — 5 м, восточной — 3,8 м, южной (стена, образующая угловой выступ в помещении) — 2,2 м. С учетом этих размеров площадь помещения 3 могла составлять около 14,6 кв. м. В западной части помещения 3 — проход шириной 1,3–1,4 м, ведущий в помещение 6. Сохранился порог — два горизонтально и поперек положенных сырцовых кирпича (62 × 45 × 7 см; 70 × 48 × 7 см). Высотная сохранность стен: северной — 50, 80 и 84 см; южной, образующей угловой выступ, — 10, 24 и 60 см. Высота восточной стены: в южной части — 7 см, в северной — 50 см. Угол северной стены — «тумба» — не оштукатурен. Угловая северная стена имеет горизонтальную кладку из девяти рядов сырцовых кирпичей (45 × 40 × 7 см) высотой 60 см — без штукатурки. Кладка положена на оштукатуренное основание этой стены высотой 24 см. Всего высота северной стены в этом углу — 84 см.

В заполнении помещения 3 найдены фрагмент сероглиняного тонкостенного черепка с вертикальной рельефной линией и дно красноглиняного сосуда закрытой формы с двумя треугольными выступами у дна, обычно размещаемыми со стороны крупного коленчатого носика-слива и придающими сосуду устойчивость. Оба сосуда предназначались для культовых возлияний и ритуалов. Аналогичный целый красноглиняный цилиндрический сосуд с коленчатым носиком-сливом, двумя треугольными выступами у дна и тремя рельефными вертикальными линиями с противоположной от слива стороны, на тулове сосуда, был найден на Едидже-депе (рис. 3, 1) в Бенгуванском оазисе. Венчик этого сосуда изнутри имеет узкий выступ (желобок), предназначенный для крышки.

Рис. 1. Изат-кули: 1 — сектор А, вид с севера; 2 — сектор В, здание I, вид с запада

Fig. 1. Izat-kuli: 1 — sector A, view from the North; 2 — sector B, building I, view from the West

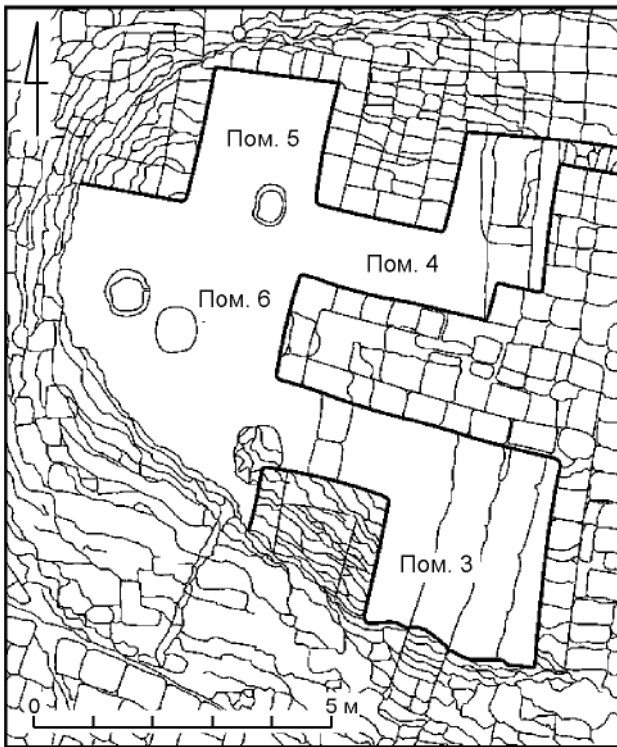

Рис. 2. Изат-кули. Сектор В, здание I. План (исполнил М. А. Нунез)

Fig. 2. Izat-kuli. Sector B, building I, plan (M. A. Nunez)

На полу помещения 3 найдены сероглиняный черепок и ножка сероглиняного трипода.

Фиксируемая (видимая) толщина восточной стены помещения 3 — 1,4 м, за этой отметкой — линия раскопа сектора В.

В юго-восточном углу помещения 3, под внешней восточной сырцовою стеной, на участке площадью 1,9 × 1,7 м расчищены многочисленные светлоглиняные и красноглиняные фрагменты крупных толстостенных горшкообразных (корчаг), чашеобразных и банковидных сосудов хозяйственного назначения. Сероглиняные черепки немногочисленны. Глубина залегания керамики — 24 см. Стратиграфически глиняная посуда расположена ниже сырцовых кирпичей, которые формируют фундамент здания и внешнюю стену комплекса. Причем сосуды были преднамеренно разбиты перед закладкой фундамента и стен. Их концентрация в определенном месте свидетельствует об особом назначении здания: подобная традиция известна с глубокой древности и соблюдалась при возведении культовых построек.

Среди этих осколков найдены также многочисленные фрагменты одного светлоглиняного

сосуда — крупного, тонкостенного, чашеобразного, с двумя вертикальными ручками, прикрепленными к тулову чуть ниже венчика. Высота сосуда — 24 см, диаметр венчика — 43–44 см, диаметр дна — 14 см, толщина стенок — 0,8 см. Одна ручка сосуда розоватая, другая — светлая: это результат некачественного обжига (неравномерно распределялась температура в гончарной печи). Фрагменты венчиков этого типа чашевидных сосудов характерны для керамики изучаемой культуры, однако найденные фрагменты впервые дали возможность представить подобный сосуд целиком (рис. 3, 2). Тонкостенный и чрезвычайно изящный, несмотря на крупные размеры, он мог предназначаться для особых церемоний.

Помещение 4 является северо-восточной частью здания (рис. 4). Г-образное в плане, как и помещение 3, оно отличается от него иной ориентацией и меньшими размерами: по линии восток–запад — 3,9 × 1,35 м, по линии север–юг — 2,8 × 1,2 м. Площадь помещения 4 составляет 7,6 кв. м. Помещение 4 замкнуто с севера, востока и юга, открыто в западной части (проход в помещение 6). В северо-восточном углу помещения — вероятно, проход (0,46 × 1,0 м), в юго-восточном углу — выступ (0,65 × 0,75 м). Узкий проход, продолжавшийся в восточном направлении, уходил за линию раскопа и был забутован сырцовыми кирпичами. Заполнение помещения — однородная светлая песчано-глинистая структура с комочками глины. Самые нижние слои помещения 4 имели в заполнении светлый песок. Все стены помещения покрыты хорошей глиняной штукатуркой толщиной 1 см, за исключением северо-западного угла, где штукатурка прерывается и видна горизонтальная кладка из сырцовых кирпичей. Высотная сохранность стены в этом углу — 13 рядов кладки из сырцовых кирпичей — 90–95 см; ширина — 44–45 см, то есть один сырцовый кирпич. Высотная сохранность стен помещения 4: в северо-западном углу — 40 см; в юго-восточном углу — 63 см; 75–76 см; северная стена коридора — 82–95 см; южная стена коридора — 75–104 см. В помещении 4 прослежены два уровня полов. Пол II уровня выше уровня пола I периода на 10 см. Помещение расчищено до уровня пола I периода, являющегося нивелировочным уровнем всего строения, то есть верхней поверхностью монолитной сырцовой платформы.

Помещение 5 находится в северо-западной части здания и образовано тремя стенами (западной,

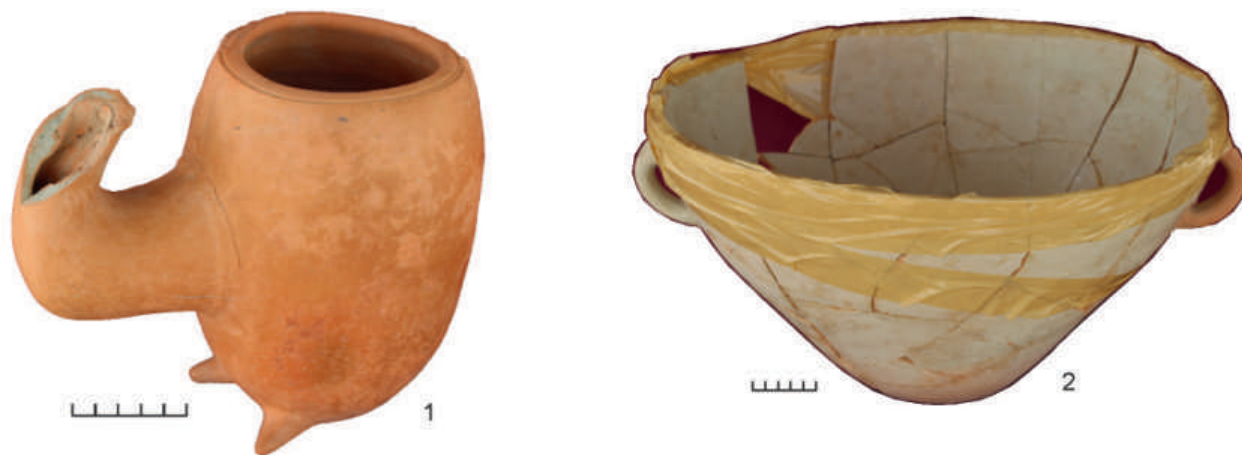

Рис. 3. Керамика: 1 — сосуд из Едидже-депе, аналогия найденному в пом. 3 фрагменту красноглиняного сосуда; 2 — светлоглиняный сосуд (Изат-кули. Сектор В, здание I, пом. 3)

Fig. 3. Ceramics: 1 — a vessel from Edige-depe, an analogy to that found in room 3 fragment of a red clay vessel; 2 — light clay vessel (Izat-kuli. Sector B, building I, room 3)

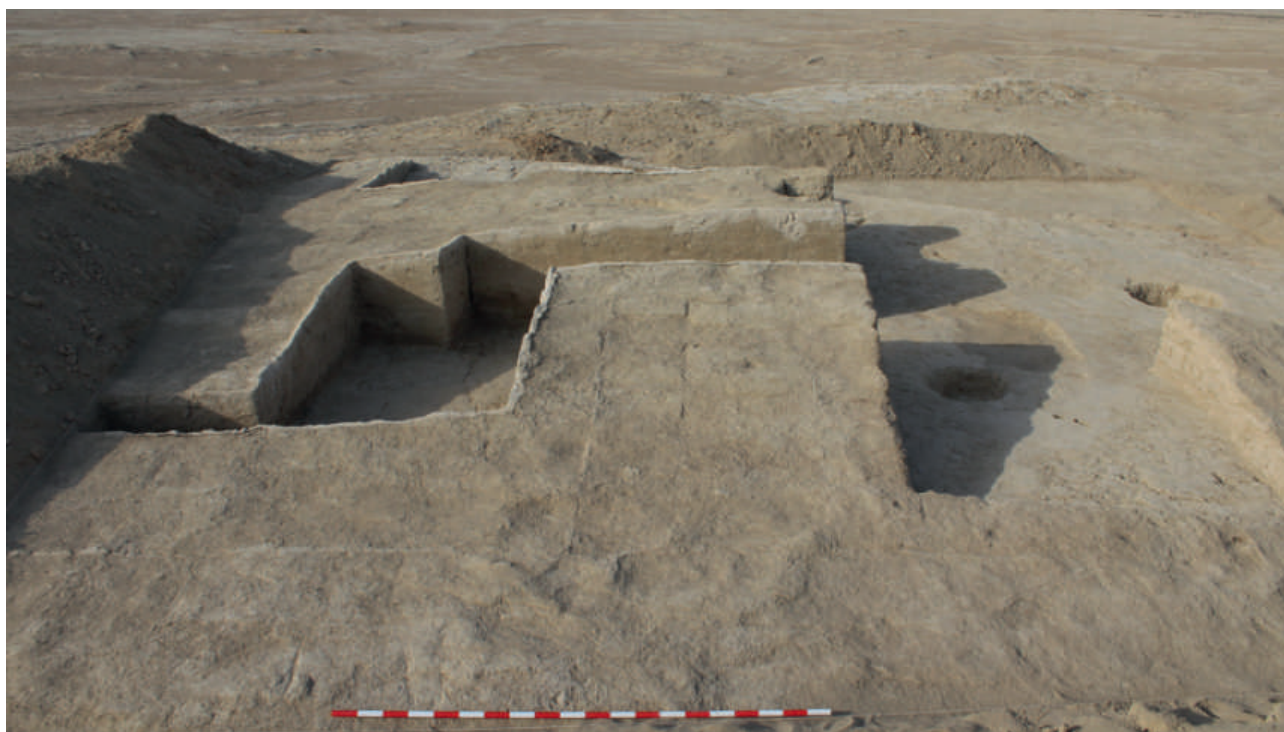

Рис. 4. Изат-кули. Сектор В, здание I, вид с севера

Fig. 4. Izat-kuli. Sector B, building I, view from the North

северной и восточной). Помещение открыто в южной части, в сторону помещения 6. Площадь помещения 5 составляет 4,8 кв. м. Высотная сохранность северной стены — 8–20 см. Западная стена помещения 5 длиной 2,4 м не имеет штукатурки. Высотная сохранность — 8–48 см (горизонтальная кладка — шесть рядов сырцовых

кирпичей). В юго-восточном углу сохранность стены — 58 см (7,5 рядов кладки). Размеры сырцовых кирпичей: 66 × 45 × 6,5–7 см; 50 × 45 × 7 см; 45 × 32,5 × 6–7 см; 43–44 × 24 × 7 см; 52 × ? × 7 см; 64 × ? × 7 см. Восточная стена помещения 5 не оштукатурена. Высотная сохранность стены: в северо-восточном углу помещения — 24 см; в юго-восточном

углу — 90–95 см, или 13 рядов кладки сырцовых кирпичей, выложенных горизонтально. Размеры сырцовых кирпичей: 68 × 45 × 8 см; 65 × 45 × 8 см; ? × 44 × 8 см; 66 × ? × 7 см; 68 × ? × 7,5 см. Угол этой стены, являющийся углом второй северной стены помещения 4, также не имеет штукатурки на один сырцовый кирпич (на 44–45 см). Далее эта стена продолжается в восточном направлении и имеет хорошую глиняную штукатурку толщиной 1 см.

Здание имело центральную стену, идущую с запада на восток, толщиной 2,2 м. Эта продольная стена помещения 3 и помещения 4. Все плоскости этой стены имеют хорошую глиняную штукатурку. В верхней плоскости этой стены прослеживаются четыре продольных параллельных ряда сырцовых кирпичей. Размеры сырцовых кирпичей: 70 × 48 × ? см; 50 × 50 × ? см; 50 × 40 × ? см. Толщина швов между кирпичами — 2,5 см.

Помещение 6 находится в западной части здания. Это пространство или часть здания, примыкавшая к помещению 3 и помещению 4 с западной стороны, а к помещению 5 — с юга. Помещение могло служить в качестве зала или вестибюля в этом здании. Если предположить, что вход в здание располагался с западной стороны, то вошедший сразу попадал в помещение 6. По законам симметрии в юго-западной, не сохранившейся, части здания должно было располагаться помещение 7, аналогичное помещению 5.

Следует отметить, что только перед помещением 3, западнее него, фиксировался 40-см уровень песка, являвшийся заполнением в этой, западной, части здания.

Перед тем как покинуть это место, жители опустошили все помещения и специально засыпали их песком, тем самым «запечатав» сооружение, чтобы оно не было осквернено после их ухода.

Расположение здания I наверху цитадели, в самой высокой точке поселения Изат-кули, необычная компактность планировки, заполнение одного из помещений чистым песком, находки фрагментов сосудов, предназначенных для культовых возлияний и церемоний, — все это дает основание предположить особую функциональную принадлежность и культовый характер сооружения.

Отсутствие в здании I алтаря, где мог находиться священный вечный неугасающий огонь, а также обнаружение фрагментов сосудов для питья (чаши, бокалы, банковидные сосуды, цилиндрические сосуды с крупным коленчатым носиком-сливом, так называемые чайники)

указывают на то, что это здание могло быть святилищем (культовым комплексом) Воды. Древнее население Юго-Западного Туркменистана затрачивало много сил и средств для строительства и поддержания ирригационных сооружений. Вода играла особую (если не главную) роль в их жизни, и поклонение водной стихии могло отразиться на их мифологических и религиозных воззрениях.

Аналогичная синхронная постройка раскопана наверху Бенгуванской возвышенности в 1984 г. (Мурадова, 1991. С. 49). На Геокчик-депе в 1996 г. исследовано монументальное культовое сооружение высотой более 13 м с основанием 60 × 60 м (Lecomte, 1999b. P. 54–66). Материалы этих памятников свидетельствуют о развитии культовой архитектуры в раннем железном веке. В культовых сооружениях (храмах) Геокчик-депе, Изат-кули и Бенгуванской возвышенности отмечено проведение предохранительных работ с целью сохранения священного места от последующего осквернения; этот метод известен также по памятникам мидийской культуры. К наиболее изученным памятникам времен становления и расцвета Мидийского государства (750–600 гг. до н. э.) относится почти полностью раскопанное поселение Тепе Нуш-и джан (Stronach, 1968. P. 177–186; 1972. P. 43–45). Наиболее древними постройками поселения были западный и центральный храмы. Замурованное центральное помещение и дверь свидетельствуют о преднамеренной забутовке храма (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 88–89).

Компактные культовые сооружения или комплексы в Изат-кули и на Бенгуванской возвышенности функционировали для одного-двух поселений: первый — для жителей Изат-кули, а второй — для населения Мадау-депе и Бенгуванского оазиса. Отдаленность и обособленность монументального культового сооружения на Геокчик-депе от поселений архаического Дахистана дает основание полагать, что перед нами религиозный центр всего региона. Служители этого храма имели особый статус в обществе, и, видимо, уже можно говорить о выделении особой категории духовенства, игравшего важную роль в решении общественно-политических и экономических (строительство каналов, специальных сооружений и т. д.) вопросов.

В распоряжении ученых имеются также найденные предметы культа. Каменный жертвенный столик из Мадау-депе и редкие уникальные сосуды из Мадау-депе, Едидже-депе, Изат-кули, поселений Бенгуванского оазиса, служившие для возжигания

каких-то ароматических веществ, связаны с культурами плодородия и плодоносящих сил. Некоторые сосуды использовались в качестве курильниц, сосуды со сливом применялись в ритуалах со священными напитками. Технологическая фактура курильниц: тесто содержало большую примесь кварцита и шамота. Курильницы были закопчены — свидетельство частого контакта с огнем. Два редких ритуальных сосуда, датированных VII–VI вв. до н. э., были найдены также на Дара-тепе (Фергана, Узбекистан; Сагдуллаев, 1990. С. 32–33). Фактурно-технологическая характеристика сосудов со сливом свидетельствовала о том, что они применялись в исключительных случаях, при отправлении ритуалов, связанных с верховным божеством. На памятниках культуры архаического Дахистана (Изат-кули, Геокчик-депе, Едидже-депе, поселения Бенгуванского оазиса) обнаружены фрагменты высококачественных, превосходно залощенных серо- и красноглиняных сосудов. Как уже было отмечено выше, у основания здания I (храма) на цитадели Изат-кули найдена крупная тонкостенная светлоглиняная чаша с двумя вертикальными ручками.

Мифологические и религиозные мировоззрения, несомненно, влияли на процесс формирования древнейших цивилизаций. Так, в Двуречье традиции строительства специальных культовых зданий на поселениях складываются уже в дописьменный период (Корниенко, 2006. С. 174). Хорошо известна центральная роль монументальных храмов Месопотамии не только в идеологической, но и в экономической и политической жизни (Там же. С. 6).

В то время как духовная культура древнего земледельческого населения Юга Средней Азии исследуется в основном по письменным источникам

(Сагдуллаев, 1990. С. 29), история культового строительства засвидетельствована памятниками различных эпох, расположенными на территории Туркменистана. Истоки данной архитектурной традиции позволили понять открытие культовых ритуальных комплексов на энеолитическом (середина V тыс. — 3100–2900 гг. до н. э.) поселении Йылгынлы-депе в Юго-Восточном Туркменистане (Массон, 1964. С. 123–187; 1989б. С. 15–20; Берёзкин, 1989. С. 20–24; Соловьева, 2014. С. 161–193): мы видим, что уже в позднем энеолите складывается сложная система культов и обрядов. В. М. Массон писал: «Центрами этих культов становятся специальные сооружения — святилища, для которых вырабатывается определенный архитектурный канон. Постройки еще не приобрели черты подавляющей монументальности, но, как показывают раскопки Кара-депе, занимают центральное место на поселениях» (Массон, 1989а. С. 158). Развитие монументальной архитектуры является существенным показателем общего уровня развития культуры в период средней бронзы (Алтын-депе) (Массон, 1981). В. М. Массон также отмечал то, что «более примечательным было создание специального культового центра <...> на восточной окраине Алтын-депе» (Массон, 1989а. С. 170). В подгорной полосе Копетдага в северо-восточной части поселения Яшил-депе раскопано святилище, датированное эпохой раннего железа — VIII–VI вв. до н. э. (Гутлыев, Заднепровский, 1985. С. 46).

Полученные археологические свидетельства позволяют характеризовать архитектуру и духовную культуру населения Юго-Западного Туркменистана в раннем железном веке и убедительно показывают, что формирование традиций культового строительства в регионе стало результатом длительного, сложного исторического процесса.

Атагарриев, Лисицына, 1970 — Атагарриев Е., Лисицына Г. Н. Работы над составлением археологической карты Мешед-Мисрианской равнины — Чатского массива // КД. 1970. Вып. III. С. 166–183.

Берёзкин, 1989 — Берёзкин Ю. Е. Энеолитические святилища Йылгынлы-депе // Известия АН ТССР. СОН. 1989. № 6. С. 20–24.

Гутлыев, Заднепровский, 1985 — Гутлыев Г., Заднепровский Ю. А. Яшилдепе — эталонный памятник раннежелезного века на территории Северной Парфии // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1985. № 4. С. 44–50.

Дандамаев, Луконин, 1980 — Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, 1980. 416 с.

Кесь и др., 1980 — Кесь А. С., Костюченко В. П., Лисицына Г. Н. История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении. М.: Наука, 1980. 126 с.

Корниенко, 2006 — Корниенко Т. В. Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб.: Алетейя, 2006. 205 с.

Марущенко, 1935 — Марущенко А. А. Археологические открытия последних лет в Туркменистане // Известия ТуркмГНИИ. 1935. № 1. С. 14–17.

- Массон*, 1931 — *Массон М. Е.* Силуэты Сумбарского района (историко-археологический очерк) // Туркменоведение. 1931. № 3–4 (29), март–апрель. С. 53–56.
- Массон*, 1956 — *Массон В. М.* Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1956. Т. 7 С. 385–458.
- Массон*, 1964 — *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 466 с.
- Массон*, 1969 — *Массон В. М.* Древнее орошение на Мисрианской равнине // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М.: Наука, 1969. С. 96–110.
- Массон*, 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л.: Наука, 1981 (Тр. ЮТАКЭ; Т. XVIII). 175 с.
- Массон*, 1989а — *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. 275 с.
- Массон*, 1989б — *Массон В. М.* Ёылгынлы-депе — новый центр энеолитической культуры Южного Туркменистана // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1989. № 6. С. 15–20.
- Мурадова*, 1991 — *Мурадова Э. А.* Поселения архаического Дахистана. Ашхабад: Ёлым, 1991. 147 с.
- Мурадова*, 2010 — *Мурадова Э. А.* Раскопки в западной части поселения Изат-кули // На пути открытия цивилизации. Сб. ст. к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб.: Алетейя, 2010 (Тр. МАЭ; Т. 3). С. 214–226.
- Мурадова*, 2013 — *Мурадова Э. А.* Археологические исследования на Изат-кули = Archaeological explorations at Izat-kuli // ISIMU. 2013. Vol. 16. P. 113–120.
- Мурадова*, 2016 — *Мурадова Э. А.* К изучению памятников раннежелезного века Туркменистана // Тр. МАЭ. 2016. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. С. 529–533.
- Сагдуллаев*, 1990 — *Сагдуллаев А. С.* К изучению культовых и погребального обрядов юга Средней Азии эпохи раннего железа // Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры). Ташкент: Фан, 1990. С. 29–38.
- Соловьёва*, 2014 — *Соловьёва Н. Ф.* Архитектура ритуальных комплексов Ёылгынлы-депе // Искусство и архитектура Туркменистана: Сб. ст. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2014. С. 161–193.
- Хлопин*, 1983 — *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л.: Наука, 1983. 242 с.
- Хлопин*, 1997 — *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Европейский дом, 1997 (Тр. ЮТАКЭ; Т. 20). 301 с.
- Хлопин*, 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002 (Тр. ЮТАКЭ; Т. 21). 334 с.
- Córdoba*, 2011 — *Córdoba J.* Turkmen-Spanish archaeological mission in Geokchik depe // Historical and cultural sites of Turkmenistan (Discoveries, researches and restoration for 20 years of independence). Ashgabat: Turkmen state publishing service, 2011. P. 257–261.
- Córdoba*, 2012 — *Córdoba J. M.* La cultura de la Edad del Hierro en Dehistán (1300–500 A. C.). Excavaciones y estudios en la llanura de Misrián // Informes y Trabajos: Excavaciones en el exterior. 2012. No. 9. P. 728–751.
- Córdoba*, 2015–2016 — *Córdoba J. M.* “De re rustica”... in extrema pars mundi. Agricultura, parcelas y canales en Dehistán durante la Edad del Hierro (1500–500 A. C.). Notas en Izat Kuli // ISIMU. 2015–2016. Vol. 18–19. P. 391–406.
- Córdoba*, 2016 — *Córdoba J. M.* La cultura de la Edad del Hierro en Dehistán (1300–500 A. C.). Nuevos trabajos en Goktchik Depe e Izat Kuli (2014–2015) // Informes y Trabajos: Excavaciones en el exterior. 2016. No. 14. P. 188–207.
- Córdoba*, 2017–2018 — *Córdoba Zoilo J. M.* Bau von Lehmziegel-Plattformen in der Eisenzeit. Der Horizont der Baumeister in Geoktchik Depe und Izat Kuli (Turkmenistan). Kurze Notizen von der Feldarbeit im Gang // ISIMU. 2017–2018. Vol. 20–21. P. 419–441.
- Córdoba, Mamedov*, 2016 — *Córdoba J. M., Mamedov M.* L'âge du Fer au Dehistan. Nouvelles recherches archéologiques turkmènes et espagnoles sur les sites de Geoktchik Depe et Izat Kuli (province de Balkan, Turkménistan) // Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East / Eds. R. A. Stucky, O. Kaelin, H.-P. Mathys. Wiesbaden: Harrassowitz, 2016. Vol. 3. Reports. P. 601–614.
- Lecomte*, 1999a — *Lecomte O.* Vehrkanā and Dehistan: Late farming communities of South-West Turkmenistan from the Iron Age to the Islamic period // Parthica. 1999. Vol. 1. P. 135–170.
- Lecomte*, 1999b — *Lecomte O.* Le complexe culturel de Geoktchik depe // Archéologia. 1999. No. 352. P. 54–66.
- Stronach*, 1968 — *Stronach D.* Tepe Nush-I Jan: A Mound in Media // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 1968. Vol. 27, no. 3. P. 177–186.
- Stronach*, 1972 — *Stronach D.* Tepe Nush-I Jan // Excavations in Iran: the British contribution / Ed. P. R. S. Moorey. Oxford: Organizing Committee of the Sixth International Congress of Iranian Art and Archaeology, 1972. P. 43–45.

Explorations at Izat-Kuli

E. A. Muradova¹

This paper presents preliminary results of the archaeological investigation of Izat-Kuli which is one of the important sites of the early Iron Age of South-Western Turkmenistan. The settlement-site with the area of 150 ha includes the central fortification (citadel 6 m high) which was surrounded by the dwelling blocks of the commune members. In the southern section of the citadel there was the so-called building I on a monolithic adobe platform and consisting of four rooms. The location of building I on the top of the citadel, at the highest point of the Izat-Kuli settlement, the unusual compactness of its layout, the fact that one of the rooms was filled with pure sand (apparently in order to protect it against any subsequent profanation) after deserting the settlement by its residents, findings of fragmentary ritual vessels, all this suggests a cult character of the building. In the opinion of the author, it was related with the cult of water as an extreme value for the agricultural population of the region. The exploration of the cult centre at Izat-Kuli, having significant typological parallels with already known synchronous installations of a similar character, provides valuable evidence for understanding the culture of the population of South-Western Turkmenistan in the early Iron Age.

¹ Ejegul Muradova — National department of protection, research and restoration of historical and cultural sites; 73A, Magtymguly ave., Ashgabat, 744000, Turkmenistan. e-mail: bezegli2017@gmail.com.

Фитоморфные сюжеты в материалах из раскопок Гонур-депе

Р. М. Сатаев, Л. В. Сатаева, А. В. Фрибус

Аннотация. В статье обсуждаются фитоморфные сюжеты, выявленные на Гонур-депе, — наиболее известном памятнике Древней Маргианы. На основе анализа предметов, выполненных в виде растений или несущих на себе их изображения, делается вывод, что фитоморфные сюжеты делятся на три группы: общие с другими культурами Древнего Востока, известные преимущественно в границах Бактрийско-Маргианской археологической культуры, нехарактерные для Древней Маргианы и встречающиеся здесь в единичном числе.

Annotation. This paper discusses the phytomorphic designs revealed at Gonur-Depe which is one of the most well-known sites of Ancient Margiana. On the basis of analysis of objects shaped as plants or bearing plant representations, a conclusion is drawn that the phytomorphic designs are divided into three groups: those common to other cultures of the Ancient East, examples known predominantly within the borders of the Bactrian-Margiana archaeological culture and those untypical of the Ancient Margiana and found there only in single cases.

Ключевые слова: Туркменистан, бронзовый век, изобразительные памятники.

Keywords: Turkmenistan, Bronze Age, visual art monuments.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-110-118

Любовь Борисовна Кирчо — не только авторитетный специалист в области археологии энеолита и бронзового века Средней Азии, но и обладатель разносторонних, энциклопедических знаний, что вкупе с огромным опытом делает ее мнение по научным вопросам востребованным

и высоко ценимым ее коллегами. Хочется от всей души пожелать ей здоровья и новых творческих свершений!

Введение

Гонур-депе является наиболее крупным и хорошо изученным протогородским центром Древней Маргианы, которая включает в себя северо-западные районы распространения Бактрийско-Маргианской археологической культуры (далее БМАК). Одной из особенностей памятника является наличие на нем значительного количества разнообразных объектов изобразительного искусства, выполненных из самых различных материалов: глины, камня, металлов, слоновой кости. Наиболее широкое распространение здесь получили биоморфные изображения (людей, животных, растений). Предметы, изображающие растения и/или животных, а также несущие их образы, упоминаются и воспроизводятся во многих публикациях, посвященных исследованию памятника (Сарианиди, 2002; 2006; 2008 и др.). Следует признать, что при изучении доисторических обществ без зафиксированной письменной традиции анализ изображений — единственный путь

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» №18-09-40082 (Р. М. Сатаев, Л. В. Сатаева) и в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии» (А. В. Фрибус)

² Сатаев Р. М. — Центр антропоэкологии, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ленинский пр., д.32а, Москва, 119991, Россия; e-mail: rob-sataev@mail.ru. Сатаева Л. В. — кафедра физиологии, биохимии и кормления животных, Башкирский гос. аграрный университет; ул. 50-летия Октября, д. 34, Уфа, 450001, Россия, e-mail: lvsataeva@mail.ru. Фрибус А. В. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: fribus@list.ru.

к пониманию глубины проникновения растительной и/или животной тематики в культуру. Однако если говорить об анализе изображений, обнаруженных на Гонур-депе, наибольшее внимание обычно уделялось зооморфным и антропоморфным образам, при этом фитоморфы специально не обсуждались. Поскольку изучение любых изобразительных источников включает целый ряд исследовательских задач, здесь мы ограничимся лишь выделением основных фитоморфных сюжетов, присутствующих на памятнике.

Объекты и материалы исследования

В последние годы появился ряд публикаций, посвященных изображениям, обнаруженным при раскопках памятника (Сатаев, Сатаева, 2015; Сатаев, 2016; Дубова и др., 2016; Sataev et al., 2020; Fribus et al., 2020; Фрибус и др., 2020). На основе оценки их характеристик была предложена общая классификация изображений из Гонур-депе (Дубова и др., 2016; Sataev et al., 2020). Согласно данной классификации по форме они разделяются на *объемные* (статуэтки, фигурки), *рельефно-выпуклые* («барельефные» — изображения на керамических сосудах, каменных и металлических печатях, металлических предметах), *контррельефные* (углубленные, вырезанные на глине, камне или металле) и *плоские* (мозаичные изображения, графика). По технике исполнения — это изображения, вырезанные или выдавленные на керамических сосудах, глиняная пластика (глиняные и терракотовые статуэтки, декоративные элементы керамических сосудов), резьба по камню (каменные фигурки, предметы глиптики), торевтика (рельефные изображения на металлических предметах), художественное литье (перегородчатые печати), резьба по кости, мозаика. В 2019 г. во время раскопок на сателлитном Гонуре памятника Гонур-20 был обнаружен цилиндрический деревянный предмет с полихромной росписью, ранее здесь неизвестной (Fribus et al., 2020).

Кроме того, среди изображений выделяются *предметные* (отдельное изображение), *комбинации* (сочетание разных, в том числе и по форме исполнения самостоятельных изображений) и *композиции* (элементы изображения связаны между собой определенной идеей). Также можно говорить о *конкретных* (изображающих узнаваемые образы: фитоморфные, зооморфные, антропоморфные, архитектурные) и *абстрактных*

изображениях (не имеющих однозначной трактовки: знаки, орнамент).

Когда речь идет о древнем искусстве, о сравнении художественных традиций разных культур, часто используются такие термины, как образ, мотив, сюжет, стиль. Однако из-за недостаточной определенности, расплывчатости и многозначности этих искусствоведческих понятий археологами они нередко трактуются по-разному. В связи с этим следует оговориться, что мы будем понимать под применяемыми нами терминами. Так, Ю. Е. Берёзкин понимает под мотивом, в приложении к фольклорным текстам, «любой эпизод или образ или комбинацию эпизодов и образов, которые обнаруживаются в двух или более текстах» (Берёзкин, 2006. С. 410). При этом он подчеркивает, что, имея единственный текст, мотивы, в его понимании, в нем выделить невозможно. В свою очередь, Я. А. Шер отмечает, что изобразительные памятники обнаруживают близость к письменным источникам, поскольку «они предназначались не для непосредственного использования, а для фиксации каких-то образов, мыслей, идей» и «изначально создавались тоже как носители определённой информации, но не языковой, а образной» (Шер, 1980. С. 10). Поэтому, соглашаясь с тем, что изображения в определенном смысле близки к текстам, под изобразительными мотивами (вслед за Ю. Е. Берёзкиным) мы будем понимать отдельные образы и/или их сочетания, встречающиеся более одного раза, то есть устойчиво повторяющиеся. Уточним, что образ — это субъективное отражение в сознании обобщенных признаков и свойств реального объекта (применительно к нашей теме — растительных объектов). Применительно к изобразительному искусству образ является сюжетом произведения. Даже при реалистичности произведения, что в нашем случае встречается редко, он является не простым копированием реальных объектов, а отражением представлений мастера. В свою очередь, сами изображения представляют собой художественное воплощение сюжетов в разных формах, материале, технике исполнения и стиле, где стиль — это совокупность особенностей изображения, отличающих манеру исполнения, принятую в той или иной художественной традиции (определенной культуры, эпохи и т. д.) или определенным мастером. Добавим, что одни изобразительные сюжеты на обсуждаемом памятнике встречаются сравнительно часто, другие единичны и, чтобы

Рис. 1. Изображения «древа жизни» в сочетании с наклепными изображениями козлов на керамических сосудах из погребения 2385 (фото Н. А. Дубовой)

Fig. 1. Representations of “The Tree of Life” in combination with appliqué images of goats on ceramic vessels from burial 2385 (photo by N. A. Dubova)

подчеркнуть распространенность того или иного образа (сюжета), мы будем относить их к тем или иным фитоморфным мотивам.

Результаты

Изображения растений, встреченные на Гонур-депе, практически всегда являются стилизацией. В связи с тем, что большинство из них представляют собой лишь фитоморфные декоры, оторванные от образов реальных растений, говорить о возможных прототипах последних не имеет смысла. Как подчеркивает Л. М. Буткевич, «по мере забвения, потери буквальной семантической значимости те или иные элементы и композиции декоративизируются, обретают иной, уже собственно художественный смысл» (Буткевич, 2008. С. 39). К примеру, в материалах из раскопок памятника широко представлен мотив «розетка». Стилизованные изображения цветов встречаются на перегородчатых и каменных печатях, в составе мозаик, в виде ювелирных украшений,

а также на керамических сосудах, вырезанные или нанесенные с помощью штампа. В свою очередь, сравнительно редким на Гонуре является листовая сюжет. Здесь известен каменный сосуд, украшенный орнаментом из листьев, одиночное изображение листа на керамике (его можно трактовать и как «древо» с пирамидальной кроной). Возможно, к листовому орнаменту имеют отношение мозаичные вставки на дарохранительнице из погребения 3220, выполненные в форме сердечек (Сарианиди, 2006. С. 170).

Наиболее распространенным фитоморфным мотивом является «древо» («древо») с раскидистой или пирамидальной «кроной». Изображения «деревьев» встречены на керамических, каменных и металлических сосудах, каменных амулетах и печатях. Часто они присутствуют в составе какой-либо композиции: например, вырезанные на керамических сосудах «древя» в сочетании с наклепными изображениями «козлов» (рис. 1). В. И. Сарианиди трактует «деревья» как образ «мирового древа» (Сарианиди, 2008. С. 175). В данном случае под «мировым деревом» подразумевается «образ, воплощающий универсальную концепцию мира» в разных его вариантах: «древо жизни», «древо плодородия», «древо центра» и т. д. (Топоров, 1980. С. 398).

В свою очередь, Ю. Е. Берёзкин трактует «мировое древо» более узко и предлагает понимать под ним «вертикальную ось в воображаемой картине мира, которая связывает несколько ярусов мироздания и при этом мыслится твердой (то есть это не солнечный луч и не столб дыма)» (Берёзкин, 2014. С. 243–244). Он обосновывает это тем, что мировое древо — мотив, специфический для Северной Евразии, от Скандинавии до Нижнего Амура, и в большинстве других регионов планеты этот мотив отсутствует, а в древних иранских и индийских источниках речь скорее идет о «древе жизни». Возможно, и гонурские «древя», вокруг которых в ряде случаев располагаются разные животные, могли олицетворять источник жизненной энергии. Заметим, что пока нет общепринятых критериев демаркации понятий «мирового древа» и «древа жизни», данный вопрос остается дискуссионным. Поскольку в настоящей статье мы не ставили задачу обсуждения трактовки понятия «мировое древо», оставляем этот вопрос исследователям, специализирующимся на данной теме.

Несмотря на условность большинства фитоморфных изображений, в отдельных случаях

представляется возможность, основанная на наличии у них отдельных характерных особенностей, связать растительные образы с определенными представителями флоры, то есть попытаться определить круг их вероятных биологических прототипов. Хотя такие заключения носят предположительный характер, они могут быть полезны для понимания причин закрепления того или иного растительного образа в коллективном сознании и последующего его воспроизведения, а в некоторых случаях — тиражирования. При этом на популярность образа, по-видимому, слабо влияла распространенность его биологического прототипа или его утилитарные качества.

Если обсуждаемое выше «дерево» с раскидистой «кроной» является не более чем символом (как бы он ни трактовался), то пирамидальное «дерево» возможно персонифицировать с определенными биологическими объектами. Отметим, что «дерево» пирамидальной формы три раза встречается в составе анималистической композиции на серебряном кубке из гробницы 3235, по-видимому, оно имеет особое значение, так как его бодает бык-зубр, трогает копытом козел, к нему подкрадывается лев. Ранее мы высказали предположение, что прототипами подобной формы «деревьев», вероятно, могли являться хвойные породы — можжевельник, кипарис, кедр (Сатаев, Сатаева, 2015). Если обратиться к мифологии, мы видим, что образы этих деревьев часто смешаны, и вследствие этого взаимозаменяемы. Так, В. К. Афанасьева полагает, что «кедр», присутствующий в «Эпосе о Гильгамеше», в действительности был гигантской разновидностью можжевельника (Афанасьева, 1979. С. 93). С можжевельником (так же как с кедром и кипарисом) устойчиво связывается символика смерти и ее преодоления как начала вечной жизни. При этом с кедром связаны представления о красоте, постоянстве, здоровье, бессмертии, неразрушимости и невредимости, силе, процветании, гордости, величии (Топоров, 1992. С. 164). Добавим, что «по свидетельству „Авесты“, последователям Заратуштры запрещается использовать в качестве обычного топлива растение „хапороси“, отождествляемое обычно с можжевельником» (Топоров, 1992. С. 164). Вероятнее всего такое отношение к этому дереву у зороастрийцев является отголоском более древней традиции. Изображения пирамидальных деревьев встречаются на Ближнем Востоке далеко за пределами Древней

Маргианы. Не исключено, что обсуждаемый образ — не просто одно из воплощений «древа жизни», но и реминисценция образов священных или особо почитаемых деревьев. В целом «пирамидальное дерево» следует отнести к общим для Ближнего Востока мотивам.

К фитоморфному мотиву, который широко распространен в Бактрии и Маргиане, но не находит прямых аналогий за пределами распространения БМАК, следует отнести образ растения с цветком в форме «тюльпана». Изображаться может растение целиком (цветущее или отцветшее растение с прямостоящим стеблем, удлинёнными листьями с волнистыми краями) (рис. 2) либо только хорошо узнаваемый цветок. Этот фитоморфный мотив представлен на каменных фляконах, бронзовых и каменных печатях, в составе сложных композиций (на цилиндрических печатях и серебряном кубке), керамических сосудах. На памятнике обнаружены костяные заколки для волос, головки которых вырезаны в форме цветка этого растения. По-видимому, все эти изображения следует относить к одному образу, одному сюжету.

Возможно, здесь мы имеем дело с региональным вариантом мотива «распускающегося цветка», который присутствует в культуре Древнего Египта в виде лотоса, в Месопотамии — в виде кроны финиковой пальмы, «пальметты». В. И. Сарияниди, комментируя подобные изображения, часто определяет этот фитоморфный сюжет как «мак» (Сарияниди, 2005. С. 246). К. Абдуллаев, подробно анализируя изображения растений на древних печатях и амулетах, замечает, что «в древнем искусстве встречаются изображения растений, в схематичном, упрощенном рисунке очень схожих друг с другом и часто трудноразличимых. К таким растениям относятся: мак, тюльпан и гранат» (Абдуллаев, 2009. С. 39). Поэтому в случае сложности идентификации растений на изображениях он предлагает использовать как отличительный признак форму листьев, поскольку она характерна и различается на отдельных изображениях, но которой исследователи зачастую не уделяют достаточного внимания (Абдуллаев, 2009. С. 39). Листья обсуждаемого фитоморфа (там, где они показаны) отличаются от широких, зубчатых листьев мака и более всего соответствуют листьям тюльпана (*Tulipa sp.*), поэтому данный фитоморфный мотив можно условно назвать «тюльпаном».

Рис. 2. Изображение «тюльпанов» на стеатитовом косметическом флаконе, раскоп 7 (фото Н. А. Дубовой)

Fig. 2. Representations of “tulips” on a steatite cosmetic phial, excavation 7 (photo by N. A. Dubova)

Рис. 3. Каменные «модели плодов» из погребения 3880 (фото Н. А. Дубовой)

Fig. 3. Stone “models of fruit” from burial 3880 (photo by N. A. Dubova)

Другой сюжет — травянистое растение с прямостоящим стеблем, многочисленными отходящими в сторону «листьями» или боковыми побегами, оканчивающимися округлыми «цветами», «бутонами», «плодами», — широко распространенный на Бактрийских каменных печатях-амулетах, в Древней Маргиане встречается редко, а за пределами БМАК не отмечается (*Sarianidi*, 1998). Мы предполагаем, что прототипом этого фитоморфа мог быть татарник (возможно, татарник колючий — *Opopordum acanthium*). Так, в Туркмении его кое-где используют, чтобы отвести дурной глаз (Демидов, 2020. С. 32). Вероятно, сходным было его предназначение и в древности, что объясняет широкое распространение его изображений на Бактрийских печатях-амулетах. Как отмечает Н. Г. Борозна, «у народов Средней Азии и Казахстана, как и у других народов мира, приметы и поверья, связанные с амулетами-оберегами, сохранялись весьма устойчиво» (Борозна, 1975. С. 281).

Особый интерес представляют объемные фитоморфные изображения, обнаруженные в элитарном погребении 3880, расположенном на территории «Царского некрополя» (рис. 3). В гробнице было выявлено небольшое возвышение из сырцовых кирпичей, на верхней поверхности которого находились каменные изделия разных форм: шесть белых в виде фисташек; девять белых округлых; два черных, похожих на ягоды тутовника (*Сарианиди, Дубова, 2010. С. 159*). По-видимому, изделия в форме плодов фисташки и тутовника (шелковицы черной *Morus nigra*) представляют собой их модели. Поскольку в совокупности все эти каменные изделия, вероятнее всего, составляют единый комплекс, не исключено, что и шаровидные предметы также являются моделями каких-либо плодов, но без характерных узнаваемых признаков. Для чего служили эти предметы — не совсем ясно. Учитывая их нахождение в погребении, напрашивается ритуальное объяснение. Возвышение из кирпича могло символизировать алтарь, на котором в жертву были принесены «плоды». Возможно, фисташка и тутовник имели сакральное значение, что распространялось и на их модели. Такое отношение к изображениям известно на примере астрагалов, когда на изображения переносились сакральные свойства натурального объекта (Петерс, 1986. С. 81). Сходный набор каменных предметов (две фисташки,

один шаровидный предмет и один конус), но более грубого исполнения, был обнаружен в погребении 3621. Не исключено, что объемные изображения плодов могли использоваться в играх или при гадании.

Хотя гробница 3880 была ограблена в древности, представляется, что отделка ее стен была весьма примечательной. В заполнении сохранились отдельные отвалившиеся элементы настенного панно, среди которых фрагменты изображений оленя и рыб, а также обрывки золотой фольги. Можно предположить, что стены или одну из стен украшало панно с барельефными изображениями, покрытое золотой фольгой. Такое сочетание в одном погребении зооморфных и фитоморфных изображений вряд ли являлось случайным. Возможно, это могло быть как-то связано со статусом или происхождением погребенного здесь человека.

Возвращаясь непосредственно к рассматриваемым нами моделям плодов, следует обратиться к значению их биологических прототипов для человека. Отметим, что в археоботаническом материале из раскопок памятника какие-либо остатки плодов, семян, а также древесины фисташки или тутовника отсутствуют. Поэтому неизвестно, знали ли фисташку и черную шелковицу жители древнего Гонурского оазиса. В Туркменистане естественные заросли фисташки находятся в Бадхызе, в Юго-Западном и Восточном Копетдаге (Никитин, Гельдиханов, 1988. С. 397). Эти территории достаточно удалены от древней дельты р. Мургаб. По-видимому, и в период функционирования протогородского центра фисташка в его окрестностях не произрастала. В свою очередь, в Вавилонии фисташку выращивали в садах с III тыс. до н. э. (Эвелин, 1979. С. 85).

Согласно этнографическим данным, у народов Средней Азии наиболее распространенными и, видимо, одними из наиболее древних украшений-амулетов были нити с нанизанными на них плодами и семенами определенных растений, в том числе фисташки, которые служили в качестве ожерелий, браслетов, подвесок к головному убору и к косам (Борозна, 1975. С. 286). Однако если такая традиция и существовала в древности, шансы сохраниться в археологических материалах у подобных амулетов невелики.

Сходная ситуация с шелковицей черной. Естественные ее популяции находятся на Ближнем

Востоке (Kucelova et al., 2016. P. 333). Вероятнее всего в период функционирования протогородского центра шелковица здесь еще не выращивалась. В целом, следует констатировать, что обсуждаемые фитоморфные сюжеты, по-видимому, являются нехарактерными для Древней Маргианы, а сами фитоморфные предметы скорее всего были импортированы из юго-западных регионов, где их прототипы были хорошо известны.

К ожидаемым на памятнике растительным образам можно было бы отнести изображения злаков. Однако хотя основой экономики протогородского центра являлось выращивание хлебных культур, здесь встречено только два их изображения. Это элементы фигурки «богини растительности», выполненные в виде колосьев пшеницы (рис. 4), а также выцарапанное на донце золотого кувшина изображение злака (*Sarianidi, Dubowa*, 2013. С. 71). Редкость изображений злаков, по-видимому, хорошо демонстрирует независимость распространения фитоморфного образа от утилитарного значения прототипа.

Заключение

Завершая обсуждение фитоморфных сюжетов, присутствующих в материалах с Гонур-депе, нужно отметить общие особенности этой группы изображений. Все изображения растений являются стилизацией. Только в одних случаях они представляют собой лишь фитоморфный декор, а в других — несут признаки, которые могли присутствовать у их биологических прототипов. Одни фитоморфные сюжеты встречаются часто и могут быть охарактеризованы как фитоморфные мотивы, другие редки или единичны.

Сами сюжеты можно разделить на три группы:

1) сюжеты, общие с другими культурами Древнего Востока или Евразии в целом («деревья» с раскидистой или пирамидальной «кроной»);

2) сюжеты, известные преимущественно в границах распространения БМАК (за ее пределами не встречаются совсем или встречаются очень редко); кроме того, одни сюжеты более типичны для Бактрии, другие для Маргианы;

3) сюжеты, нехарактерные для Древней Маргианы, вероятнее всего импортные предметы (например, каменные модели фисташки и плода шелковицы).

Рис. 4. Колосья пшеницы и пирамидальные деревья из погребения 3200 (фото Н. А. Дубовой)

Fig. 4. Wheat ears and pyramidal trees from burial 3200 (photo by N. A. Dubova)

Абдуллаев, 2009 — Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд: Международный Институт центральноазиатских исследований, 2009. 120 с.

Афанасьева, 1979 — Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.: Гл. редакция Восточной литературы изд-ва «Наука», 1979. 219 с.

Берёзкин, 2006 — Берёзкин Ю. Е. Выманивание и поимка Батрадза. Сибирско-североамериканские параллели к мотиву нартского эпоса и генезис героических образов // Власть в аборигенной Америке (Проблемы индеанистики): Сб. ст. / Отв. ред. А. А. Бородатова, В. А. Тишков. М.: Наука. 2006. С. 410–422.

Берёзкин, 2014 — Берёзкин Ю. Е. Об универсалиях в мифологии // Актуальные проблемы изучения архаики: Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. / Отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 237–252.

Борозна, 1975 — Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии: Сб. ст. / Отв. ред. Г. П. Снесарев, В. Н. Башилов. М.: Наука, 1975. С. 281–297.

Буткевич, 2008 — Буткевич Л. М. История орнамента. М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2008. 267 с.

Демидов, 2020 — Демидов С. М. Растения и животные в легендах и верованиях туркмен. М.: Старый сад, 2020 (Этнография туркмен; Вып. 1). 446 с.

Дубова и др., 2016 — Дубова Н. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П. К характеристике одного интересного изображения на керамическом сосуде с Гонур-депе // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): Материалы междунар. конф. / Под ред. В. В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 121–128.

Никитин, Гельдиханов, 1988 — Никитин В. В., Гельдиханов А. М. Определитель растений Туркменистана. Л.: Наука, 1988. 679 с.

- Петерс*, 1986 — *Петерс Б. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 200 с.
- Сарианиди*, 2002 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад: Türkmen dölethabarlary, 2002. 360 с.
- Сарианиди*, 2005 — *Сарианиди В. И.* Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад: Miras, 2005. 327 с.
- Сарианиди*, 2006 — *Сарианиди В. И.* Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. №. 2. С. 155–192.
- Сарианиди*, 2008 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Türkmen dölethabarlary-GDN, 2008. 342 с.
- Сарианиди, Дубова*, 2010 — *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Новые гробницы на территории Царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации: Сб. ст. к 80-летию В. И. Сарианиди / Ред. П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова. СПб.: Алетей, 2010 (Тр. Маргианской археологической экспедиции; Т. 3). С. 144–171.
- Сатаев*, 2016 — *Сатаев Р. М.* Животные в культуре Древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 197 с.
- Сатаев, Сатаева*, 2015 — *Сатаев Р. М., Сатаева Л. В.* Анималистическая композиция на кубке из клада царского некрополя Гонур-депе — анализ источника // Записки ИИМК РАН. 2015. № 12. С. 103–117.
- Топоров*, 1980 — *Топоров В. Н.* Древо Жизни // Мифы народов мира / Под ред. С. А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 396–398.
- Топоров*, 1992 — *Топоров В. Н.* Можжевательник // Мифы народов мира / Под ред. С. А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 164.
- Шер*, 1980 — *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Фрибус и др.*, 2020 — *Фрибус А. В., Грушин С. П., Сатаев Р. М., Дубова Н. А.* Рисунки и знаки на керамике из Гонур-депе (Туркменистан): техника нанесения, иконография, семантика // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 121–124.
- Эвелин*, 1979 — *Эвелин К.-Б.* Путешествие в древний Вавилон. М.: Гл. редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 259 с.
- Kucelova et al.*, 2016 — *Kucelova L., Grygorieva O., Ivanisova E., Terentjeva M., Brindza J.* Biological properties of black mulberry-derived food products (*Morus nigra* L.) // Journal of Berry Research. 2016. № 6. P. 333–343. DOI: 10.3233/JBR-160141.
- Sarianidi*, 1998 — *Sarianidi V.* Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow: Pentagraphics LTD, 1998. 336 p.
- Sarianidi, Dubowa*, 2013 — *Sarianidi W., Dubowa N.* Gadymy Margiananyň genji-hazynasy. Ashgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy. 2013. 208 с.
- Sataev et al.*, 2020 — *Sataev R., Sataeva L., Dubova N.* Plants, Animal and Human Images of Ancient Margiana (Turkmenistan) in the Context of Cultural Space of Ancient Near East // Proceedings of the 11th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 1 / Eds. A. Otto, M. Herles, K. Kaniuth. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2020. P. 259–274.
- Fribus et al.*, 2020 — *Fribus A., Dubova N., Sataev R., Sataeva L., Kufterin V., Begliev M.* New polychrome painting from Gonur Depe, Turkmenistan // Antiquity. 2020. Vol. 94 (376): e22. P. 1–9. DOI: 10.15184/aqy.2020.118.

Phytomorphic designs among the materials from excavations at Gonur-Depe

R. M. Sataev, L. V. Sataeva, A. V. Fribus³

This paper discusses the most interesting phytomorphic designs revealed at Honur-Depe — a proto-urban centre of Ancient Margiana which included the north-western regions of the Bactria-Margiana archaeological culture

³ Robert Sataev — The Institution of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology; Leninski pr., 32A, Moscow, 119991, Russia; e-mail: rob-sataev@mail.ru. Liliia Sataeva — Bashkir State Agrarian University; 50-letiya Otyabrya ul., 34, Ufa, Bashkortostan, 450001, Russia; e-mail: lvsataeva@mail.ru. Alexey Fribus — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Dvortsovaja nab., 18, St Petersburg, 191186, Russia; e-mail: fribus@list.ru.

(ВМАС). The representations of plants found at Gonur-Depe are always stylized while their majority represents phytomorphic décors. E.g. at the site, there are numerous stylized representations of flowers. They are found on compartmented and stone seals, in the composition of mosaics, in jewellery and depicted on ceramic vessels. A widely distributed motif is represented by a “tree” with a branchy or pyramidal “crown” found on very diverse objects. A motif well-known in Bactria and Margiana but having no direct parallels outside their limits includes an image of a plant with a flower in the form of a “tulip”. Sometimes this plant is depicted completely or occasionally only as a flower. This phytomorphic motif is found on stone phials, bronze and stone seals, ceramics and as part of fairly complicated compositions. The heads of some bone clasp-pins are carved in the form of this flower. Another subject is represented by a grassy plant with a straight stem and the “leaves” diverging apart or lateral sprouts terminating in rounded “flowers” or “buds”. It is widely distributed on Bactrian amulet-seals but rarely encountered in Ancient Margiana, while outside the limits of ВМАС it is not recorded at all. Of special interest are stone models of pistachio and black mulberry fruits found in an elite burial. Possibly these objects were imported.

Thus some phytomorphic subjects are frequently encountered while the other ones are rare or unique. The subjects themselves are divided into three groups: those common with other cultures of the Ancient East, the designs known predominantly within the limits of ВМАС (some representations are more typical of Bactria and the other — of Margiana), and those uncharacteristic of Ancient Margiana and found here only as single examples.

Шкатулки бронзового века: экзотические импорты, подражания-скевоморфы и локальное производство от Центральной Азии до Шумера

С.-Дж. Симпсон¹

Аннотация. В статье рассматриваются находки шкатулок с инкрустациями, происходящие из памятников конца III тыс. до н. э. от Месопотамии до Центральной Азии. Делается вывод, что одна из них, обнаруженная в аккадской могиле в Ниппуре, является харапским импортом. Подобные типы шкатулок, найденные в Гонур-депе, использовались для хранения зеркал, что также дает новое объяснение ниппурской находке. Остатки других типов декорированных шкатулок известны по материалам из элитных могил Гонура и Ура: некоторые из них соответствуют размеру ларцов или сундуков, другие гораздо меньше, а иконография изображений на них связана с местным культурным контекстом. В статье указывается на тот факт, что доски для «Игры в двадцать квадратов» изначально были полыми, чтобы хранить фигуры, так же как и «Штандарт из Ура» был коробкой, а не предметом, изготовленным из цельного куска дерева, как он был ранее реконструирован. В других регионах, таких как Юго-Восточная Аравия и Иран, небольшие контейнеры изготавливались из хлорита, но более крупные образцы, вероятно, также были сделаны из дерева. Шкатулки из обожженной глины, известные в Восточном Иране и на Юго-Западе Центральной Азии, вполне могли иметь деревянные аналоги, которые не сохранились. Таким образом, в этот период использовалось гораздо большее разнообразие шкатулок и ларцов различных типов и размеров, чем принято считать.

Annotation. This paper briefly reviews some of the excavated evidence for decorated boxes found at sites from Mesopotamia to Central Asia in the late 3rd millennium BC, and concludes that one published from an Akkadian grave at Nippur is a Harappan import. Similar types of box found at Gonur depe were used to contain mirrors, and this also provides a new explanation for the Nippur box. Remains of other types of decorated box are also known from elite graves at Gonur and Ur, some of a size consistent with trunks or chests, but others much smaller and employing iconography peculiar to their cultural context. This paper draws attention to the fact that the boards for the “Game of Twenty Squares” were originally hollow in order to hold the pieces, and that the so-called “Standard of Ur” was also a box, rather than the solid object it has been reconstructed and known as. In other regions, such as southeast Arabia and Iran, small compartmented boxes were also carved from chlorite but larger examples were probably also made of wood. The fired clay boxes also known from eastern Iran and southwest Central Asia may well have had wooden counterparts which have not survived. In short, a much greater variety of boxes of different types and sizes were used at this period than is generally acknowledged.

Ключевые слова: шкатулки, мозаичная инкрустация, Центральная Азия, цивилизация долины Инда, Иран, Персидский залив, Месопотамия, бронзовый век, торговля, подражания.

Keywords: Boxes, mosaic inlay, Central Asia, Indus civilization, Iran, Persian Gulf, Mesopotamia, Bronze Age, trade, imitations.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-119-132

¹ Отдел Ближнего Востока, Британский музей; Лондон, WC1B 3DG; e-mail: SSimpson@britishmuseum.org.

Введение

Шкатулка обычно определяется как квадратная, прямоугольная или круглая емкость с плоским дном, жесткими или негнущимися стенками и, как правило, с крышкой. Чаще всего они вырезались из дерева вручную или вытачивались с помощью токарных приспособлений и закрывались крышкой. Наиболее ранние сохранившиеся экземпляры с Ближнего Востока происходят из контекстов VII–VI тыс. до н. э. в Нахаль Хемаре, Кфар Самир и Чатал-хююке, где они сохранились благодаря исключительно засушливой, заболоченной или обугленной среде (Bar-Yosef, 1985; Galili, Schick, 1990; Mellaart, 1964. P. 86–92, pl. XIX–XXI). Несмотря на раскопки на многих других неолитических памятниках, найдено мало свидетельств об этих типах контейнеров, хотя они должны были быть рядовыми предметами, особенно до распространения керамических емкостей. То же самое можно сказать и о многих других периодах, к которым относятся лишь случайные редкие находки. Вследствие этого функциональная и социальная значимость шкатулок недооценена, так как основные усилия были направлены на разработку современной классификации сосудов, сделанных из керамики, металла, камня или стекла. В данной статье рассмотрены некоторые прямые и косвенные свидетельства, обнаруженные на памятниках бронзового века от Средней Азии и Восточного Ирана до Месопотамии.

Шкатулки бронзового века

В 1989–1990 гг. во время раскопок в *Nippure* в могиле конца III тыс. до н. э. в раскопе WF обнаружена необычная находка. Она относилась к погребальному инвентарю внутри большой погребальной камеры, впущенной с горизонта XIII в во дворе и датированной по стратифицированной керамике, печатям и текстам позднеаккадским периодом (McMahon, 2006. P. 45–51). В данный склеп, по-видимому, вел пандус, заканчивавшийся узкой камерой размером 3,5 × 3,5 м. В ней были найдены скелеты трех человек с эквидом, двумя овцами и ягненком, положенными между двумя погребенными, предположительно мужем и женой. Скелет № 1 был мужским и сопровождался оружием. Скелет № 2 принадлежал женщине и представлял наибольший интерес: ее лоб опоясывала золотая лента, на ней были золотые серьги, пара серебряных браслетов, тяжелое ожерелье из бус, печать из лазурита на булавке плаща у правого плеча, а также набор медных и керамических сосудов; рядом были помещены другие горшки и погребальные приношения. Около головы, судя по описанию, находились «крайне хрупкие и ветхие остатки небольшой деревянной шкатулки с крышкой, инкрустированной мозаичным украшением из кости» (Ibid. P. 49) (рис. 1).

Судя по фотографии, шкатулка была круглая, диаметром 12 см, и имела в центре выпуклую ручку диаметром 2,5 см и высотой 1 см. Она украшена

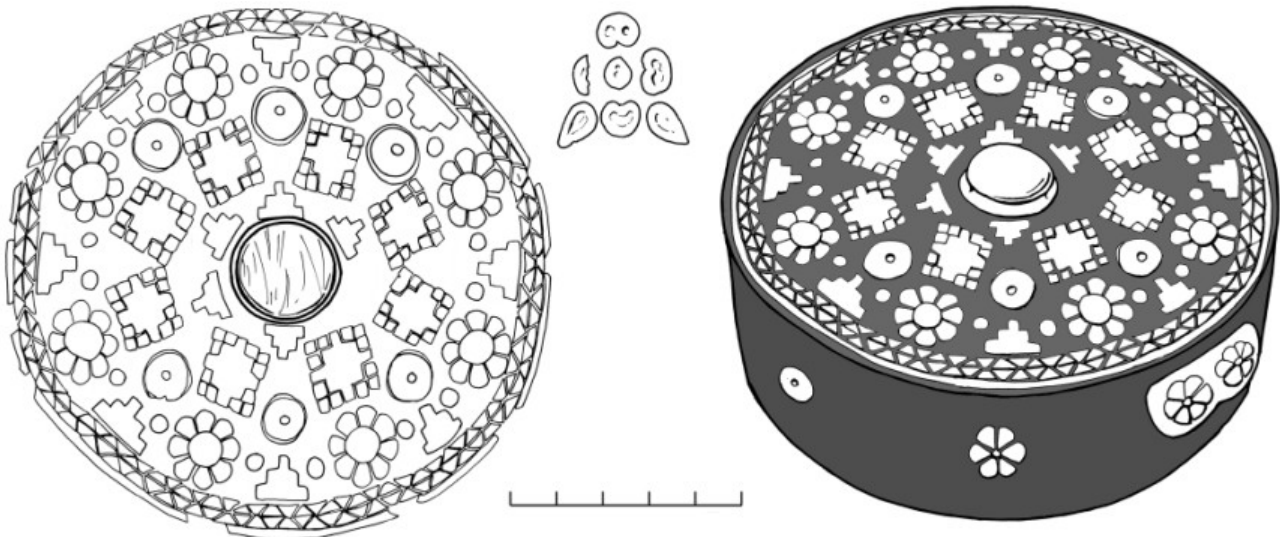

Рис. 1. Прорисовка крышки и реконструкция привозной харап্পской деревянной шкатулки с инкрустацией ракушкой из Ниппура (на основе McMahon, 2006. Pl. 146, 7; рис. Кейт Мортон)

Fig. 1. Drawing of the lid and reconstruction of an imported Harappan wooden box with shell inlays found at Nippur (based on McMahon, 2006. Pl. 146, 7; drawings by Kate Morton)

концентрическими кругами из обращенных наружу ступенчатых пирамид, ступенчатых крестов с углами, инкрустированными квадратиками меньшего размера, и полукругами (первоначально крепившимися, по-видимому, с помощью деревянных шпенок, поскольку заклепки не найдены), перемежающимися с обращенными внутрь ступенчатыми пирамидами и восьмилепестковыми розетками (каждая из которых крепилась по центру медной заклепкой) с парными гладкими дисками между ними и бордюром из совмещенных треугольников, образующих бегущий ромб с узким ровным внешним краем. Две двойные розетки были прикреплены к В-образным ушкам, присоединенным с противоположных сторон, поверхность между ними была украшена шестилепестковой розеткой и гладким диском на каждой из сторон. Кроме того, было найдено еще одно скопление каплевидных и фасолевидных инкрустаций, однако их первоначальное положение было непонятно. По описанию, все инкрустации были из кости, а ярко-коричневого или темного цвета дерево должно было с ними контрастировать, хотя все свидетельства этого исчезли. Шкатулка оказалась пустой. Высота шкатулки неизвестна, однако разреженность украшений по бокам говорит о том, что она была невысокая, через пару ушек, украшенных розетками, продевалась тонкая лента или сухожилие, которые обматывались вокруг центральной выпуклой ручки.

Шкатулка из Ниппура не уникальна. Инкрустированная ракушками обкладка в виде ступенчатого креста со скошенными краями размером 1,8 см найдена на поверхности *Тепе-Гавра* в Хорсабадской равнине Северной Месопотамии (Speiser, 1935. P. 139, 197, pl. LIIIb, 4) (рис. 2). Такие предметы в свое время рассматривались как аналоги хараппских находок, весьма распространенных в Мохенджо-Даро, а один из исследователей отмечал сходство орнаментации с расписной керамикой из Белуджистана и Анау (Mackay, 1931. Vol. II. P. 566; Vol. III. Pl. CLV, 31–33) (рис. 3). Отдельная инкрустация в виде ступенчатого креста размером 2 см в поперечнике была опубликована среди находок из ограбленных могильников в районе Конар-Сандаля в *Халил-Руде* (Madjidzadeh, 2003. P. 148, 205)², и этот мотив повторяется в двух регистрах вокруг верхней части сосуда из

² В качестве материала указан «мрамор», но это могла быть ракушка или кальцит.

Рис. 2. Хараппская инкрустация ракушкой, найденная в Тепе-Гавра (Speiser, 1935. Pl. LIIIb, 4)

Fig. 2. Harappan shell inlay found at Tepe Gawra (Speiser, 1935. Pl. LIIIb, 4)

хлорита с вертикальными стенками, найденного среди той же группы находок (*Ibid.* P. 68, 185). Находки из Ниппура и Тепе-Гавра, представляли собой, таким образом, экзотические предметы, привезенные по Персидскому заливу и, скорее всего, происходящие из долины Инда. Инкрустации из Ниппура, вероятно, были также из ракушки.

Обратимся теперь к «Царским гробницам» в Уре, в комплексах которых исследователи неоднократно отмечали находки деревянных шкатулок — правда, чаще всего распознаваемых только тогда, когда они были украшены инкрустацией. Шкатулка с двумя отделениями, найденная в погребении PG/1749, орнаментирована «квадратными бляшками» необработанного перламутра, обрамленными полосками инкрустаций ракушкой и перламутром; перламутровая крышка поворачивалась на штифте (Woolley, 1934. P. 592. pl. 103)³. Квадратная шкатулка размером 55 см в ширину и 23 см в высоту найдена в могиле PG/1156 и содержала косметические раковины (*Ibid.* P. 170)⁴;

³ В полевом дневнике отмечено, что керамическая ваза лежала за головным краем гроба сверху контейнера в виде инкрустированного страусинового яйца и напротив «небольшой расписной шкатулки с двумя отделениями, содержащей зеленую краску».

⁴ Описано в дневнике просто как «деревянная шкатулка..., содержащая крупные раковины сердцевидки [с] остатками краски».

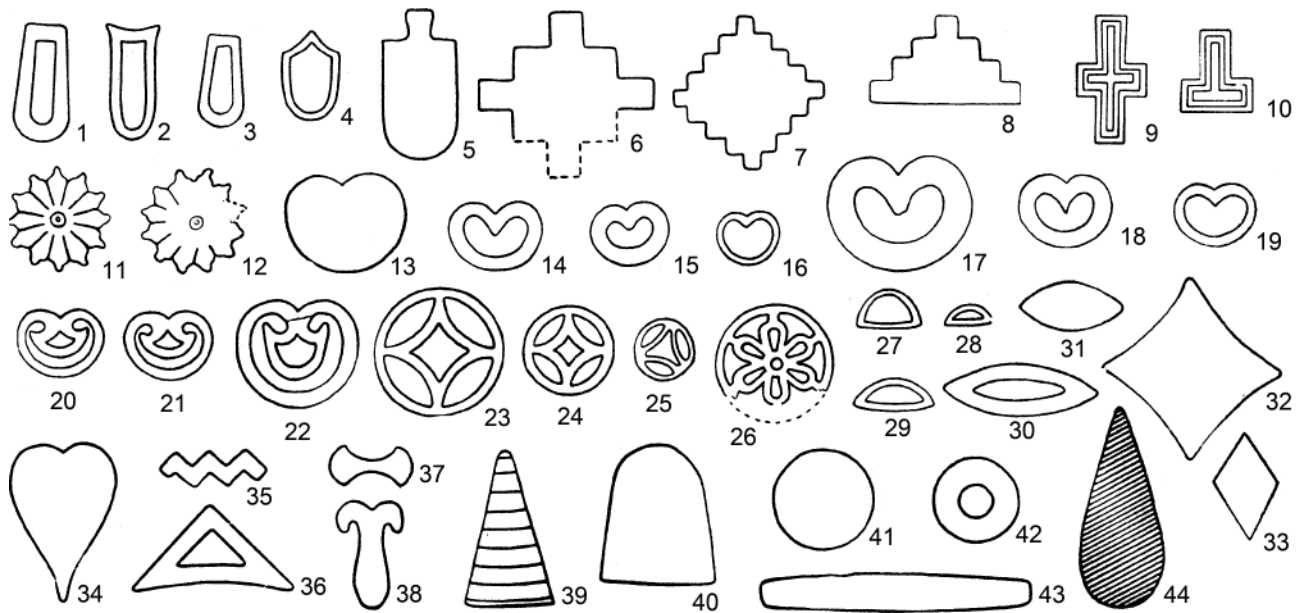

Рис. 3. Варианты инкрустаций ракушкой из Мохенджо-Даро (по Mackay, 1931. Vol. III. Pl. CLV, 31–33)

Fig. 3. Versions of shell inlays found at Mohenjo-daro (after Mackay, 1931. Vol. III, Pl. CLV, 31–33)

«остатки того, что по-видимому было шкатулкой, инкрустированной перламутром и красным и черным камнем», найдены в PG/1248⁵; почти квадратная деревянная шкатулка размером 65 × 60 см «со сторонами из тонкой дощечки и более короткими вертикальными стойками» и содержащая два золотых кинжала, найдена в PG/1054 (*Ibid*, 1934. P. 98)⁶; «то, что, вероятно, было крышкой круглой шкатулки, инкрустированной красной стеклянной пастой», найдена в PG/730, хотя в данном случае орнамент был утрачен, так как «лишь следы и частицы красного порошка образовывали барельеф на гладкой поверхности земли [и] разрыхление земляной массы влекло разрушение орнамента» (*Ibid*. P. 385. Pl. 222) (рис. 4).

⁵ «...инкрустация, треугольники и квадраты из перламутра, красного известняка и черного сланца, вероятно, от сгнившей деревянной шкатулки» (U.12176), как сказано в дневнике, «рядом со стороной гроба находилось некоторое количество инкрустации из квадратиков и треугольников = белых (перламутр) и из красного и черного камня, по-видимому от шкатулки» (Woolley, 1934. P. 579).

⁶ Это описание дано в полевом дневнике, так как опубликованный отчет просто упоминает находку как «теперь превратившуюся в белесый порошок».

Два «фрагмента дерева, инкрустированные деревом более светлых оттенков в виде листовного орнамента, напоминающего одну пластинку из раковины с гравировкой; хотя на последней орнамент был выполнен в более свободной натуралистической манере», были найдены в могиле PG/789; из могилы PG/871 «происходит симметричный орнамент из равномерно расставленных четырехлистных розеток; в данном случае фон, по-видимому, был светлый, а инкрустация выполнена темным, почти черным, хорошо сохранившимся деревом, напоминающим эбеновое; тот же узор на таком же материале встречен на деревянных ножнах кинжала в могиле PG/709» (рис. 5); «в могиле PG/645 было найдено скопление крошечных прямоугольников... из красноватого дерева [размером 4–5 мм в поперечнике], заделанных в битум, — возможно, это была инкрустация на шкатулке, деревянная основа которой не сохранилась» (*Ibid*. P. 386, 546, 550⁷).

«Остатки небольшой деревянной шкатулки (дерево полностью утрачено), инкрустированные маленькими полосками и квадратиками из кости» размером 3 мм в поперечнике, были найдены в PG/543 (*Ibid*. P. 542). В рыхлом грунте в углу могилы, перед лицом умершего и за медной вазой и

⁷ С деревянными ножнами, инкрустированными деревянной розеткой.

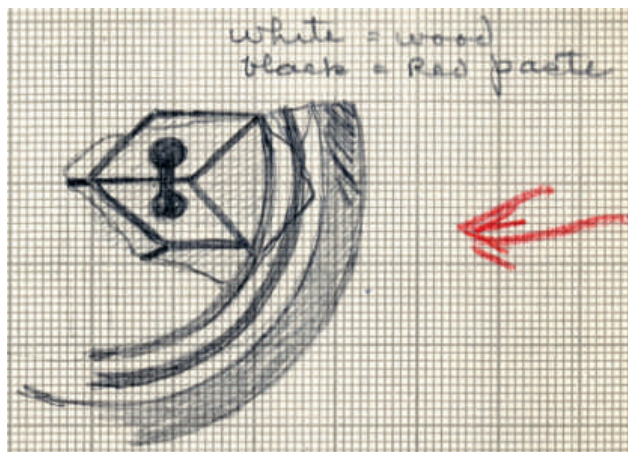

Рис. 4. Прорисовка красного расписного орнамента на крышке круглой деревянной шкатулки из могилы PG/730 в Уре (архив раскопок в Уре)

Fig. 4. Drawing of the red-painted design on the lid of a circular wooden box found in PG/730 at Ur (Ur excavation archive)

кальцитовым «сосудом для поливки», находились две «пластинки из раковин, 0,03 кв. м, с выгравированными изображениями: на одной козел и на другой леопард; первоначально раковины были скреплены битумом. Вместе с ними находились три окаймляющие полосы инкрустации из кости и четыре полосы лазуритового окаймления» (*Ibid.* P. 544). В PG/341 — 14 игральные кости, «семь из черного сланца, инкрустированного пятью белыми пятнышками ракушки, семь из раковин с инкрустацией пятью пятнами лазурита <...> были найдены лежащими в ряд, чередуясь в цвете; возможно, они принадлежали деревянной шкатулке, которая не сохранилась» (*Ibid.* P. 536).

Наконец, обратим внимание на тот факт, что «доски» для «Игры в двадцать квадратов» («Царская игра из города Ура») также были сделаны, скорее, в виде довольно изящных пустых шкатулок (рис. 6), а не толстых сплошных блоков, показанных в современных реконструкциях; то есть «доска» представляла в действительности верх пустотелой шкатулки, внутри которой хранились фишки и игральные кости, на что указывает находка набора внутри серебряной версии такой доски из могилы PG/789 (*Ibid.* P. 559; ср.: P. 540, 557, pl. 221). Эта игра, как и аналогичные игральные доски, найденные на Гонур-депе⁸, возможно,

⁸ См.: Dubova, 2021. P. 368–369. Заметим, что находки игральные кости в могилах при отсутствии

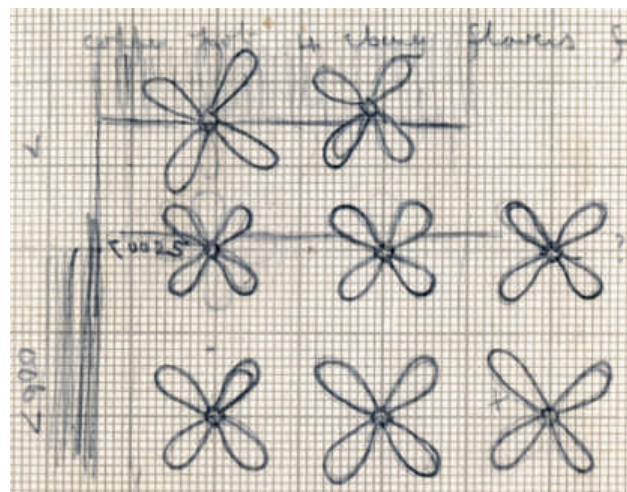

Рис. 5. Прорисовка повторяющегося растительного узора на деревянной облицовке из могилы PG/871 в Уре (архив раскопок в Уре)

Fig. 5. Drawing of a repeating floral design on wooden panelling found in PG/871 at Ur (Ur excavation archive)

происходила из региона Инда, однако доски, найденные в Уре, декорированы с использованием экзотических материалов с местными орнаментацией и комбинациями цветов. Многие из инкрустированных шкатулок, упомянутых выше, тоже, по-видимому, были местного изготовления, однако лепестковый узор на находке из PG/871 очень напоминает хараппские орнаменты, а упоминание исследователем темного дерева, похожего на эбеновое, указывает на возможность того, что предмет являлся восточным импортом.

Теперь обратимся к более впечатляющей находке, а именно к «Штандарту из Ура», обнаруженному в царской гробнице PG/779. Он был найден на правом плече мужчины, который как будто нес его с собой (*Ibid.* P. 61–62). Каждая из его длинных сторон была украшена тремя рядами сцен: военные сюжеты на одной стороне и сцена пригона скота, завершающаяся пиром, — на другой. На каждой из коротких сторон предмет украшен сюжетами мифологического содержания. Невозможно описать находку лучше, чем это сделал сам Леонард Вулли: «Длинные плоские стороны

остатков досок для игры, вероятно, просто свидетельствуют о том, что эти доски не были инкрустированы и поэтому не сохранились, а не о том, что фишки были помещены отдельно. Это подтверждается находкой неинкрустированной доски в Шахри-Сохте (*Piperno, Salvatori, 1983. P. 179–189, fig. 5–7, pl. VI.*)

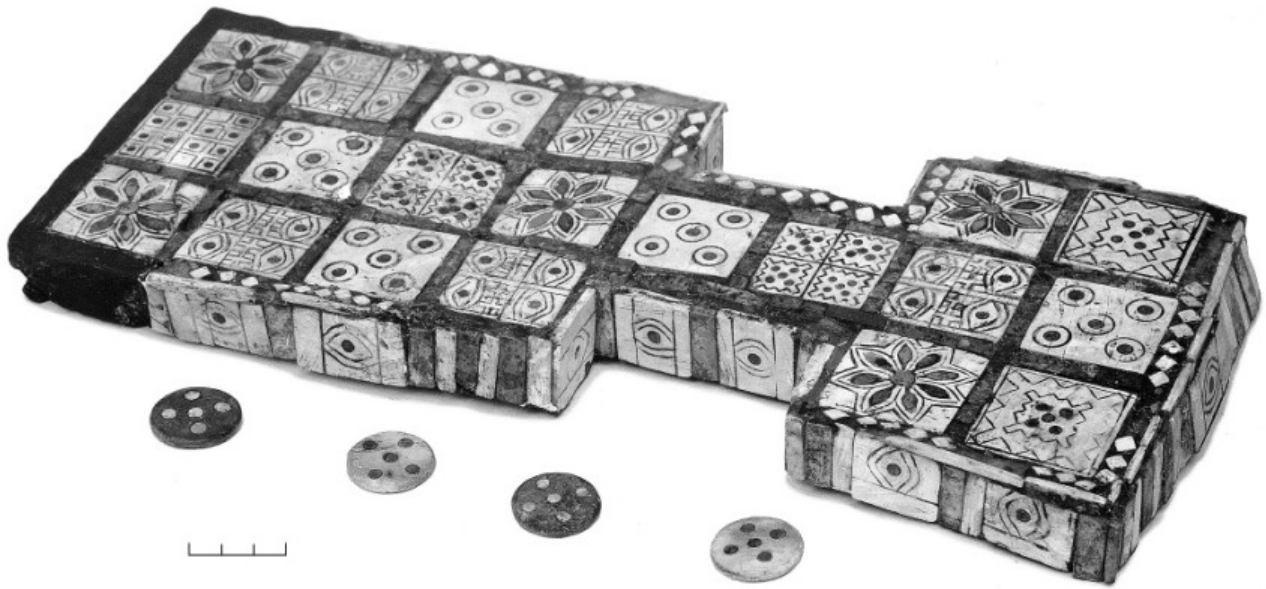

Рис. 6. «Игра в двадцать квадратов» («Царская игра») с мозаичными инкрустациями из Ура (Совет попечителей Британского музея)

Fig. 6. "Game of Twenty Squares" ("The Royal Game") with mosaic inlays found at Ur (Trustees of the British Museum)

были наклонены друг к другу таким образом, что их края принимали форму усеченных треугольников. <...> Все четыре стороны предмета были покрыты мозаикой, верх и основание не были украшены. Каждая сторона была горизонтально разделена на три ряда, окаймленных полосками из раковин и, между ними, полосами лазуритовых квадратиков и треугольников из ракушки или квадратиками красного известняка или лазуритовыми треугольниками, причем чередующиеся окаймления были разного цвета; схожие окаймления красными квадратиками и лазуритовыми треугольниками ограничивали панели со всех сторон. Каждый ряд был заполнен изображениями на фоне поля из лазуритовой мозаики; внутренние детали изображений имели черное заполнение, за исключением колесниц, выполненных ярко-красной пастой, и двух изображений животных, у которых середина тела была вырезана из красного известняка» (*Ibid*, 1934. P. 266–267).

Иконография и изобразительный сюжет этого предмета являются целиком шумерскими и принадлежат к жанру, известному по настенным панно, однако сочетание этих разнотипных сцен в одной композиции не имеет аналогов. Функция предмета поставила в тупик исследователя, который первоначально описывал его как «инкрустированную шкатулку», но позднее заключил, что это была форма некоего штандарта, и так этот

предмет определяется и теперь. Однако замечанию автора раскопок, что предмет был пустотелым, по-видимому, не уделено достаточно внимания и, по наблюдению моего коллеги д-ра Финкеля, расположение инкрустаций вдоль верхнего обрамления позволяет крышке предмета скользить вперед и назад, как у тщательно подогнанного пенала для карандашей. В таком случае мы имеем дело с одним из наиболее удивительных из известных примеров шкатулки, инкрустированной мозаикой и, возможно, изготовленной для хранения таблички с изложением событий, изображенных снаружи, то есть успешной военной компании царя Ура против нешумерского, как можно судить по иконографии, врага. Шкатулка была захоронена вместе с царем, в то время как сама табличка предположительно была помещена в архив. Если эта гипотеза верна, то «хранитель шкатулки» должен был обладать высоким статусом, будучи лицом, приближенным к погребенному царю, в то время как сама шкатулка была изготовлена из экзотических материалов, подчеркивающих ее особое значение.

В Восточном Иране и Юго-Восточной Аравии небольшие четырехугольные шкатулки вырезались из хлорита (и, несомненно, также из дерева): они имели до пяти отделений, украшались кружковым орнаментом или (в джирофтской культуре) барельефными фигурными узорами и

завитками, закрывались плотно прилегающими крышками (см., например: *Helwing*, 2017. S. 88, 269; *David*, 2018. P. 79–84). В Шахдаде семь таких образцов найдены в шести могилах, в двух из них — вместе с глиняными шкатулками (*Hakemi*, 1997. P. 190–191, 274–275, 280–281, 322–323, 326–327, 612–615). Еще два экземпляра с резными зигзагообразными узорами с белым заполнением на внешней стороне обнаружены в помещении № 76 Дома XIII в раскопе VS в Мохенджо-Даро и, по видимому, использовались в качестве косметических коробочек, предположительно импортных (*Marshall*, 1931. Vol. II. P. 369. Vol. III. Pl. CXXXI, 36, 37). Некоторыми из таких предметов торговали вдоль Персидского залива, так как они встречены в Бахрейне (*Ibrahim*, 1982. P. 78, fig. 45, 3, 4, pl. 53, 3, 4) и в Сузах (*Miroschedji*, 1973. P. 30–31, fig. 9, 2, 3; 11, 14–16, pls. VII, h; VIII, m, n). Они также проникли в Центральную Азию, учитывая, что два экземпляра представлены в погребении 3245 на Гонур-депе (*Sarianidi*, 2006b. P. 243, 253, fig. 103). Поскольку в литературе нигде не отмечено их содержание, назначение этих коробочек остается неизвестным, хотя предположение В. И. Сарияниди (*Сарияниди*, 2008. С. 276), что это были «культурные предметы», можно исключить. Необходимо заметить, что емкости их отделений избыточны для косметики, которая высыхала бы до ее полного использования, так что они должны были предназначаться для какого-то другого вещества, видимых следов которого не сохранилось.

Для данного периода также известны более крупные декорированные глиняные шкатулки из могил в Восточном Иране (рис. 7). Наиболее впечатляющий экземпляр происходит из могилы № 356 в Шахдаде и так описан автором раскопок: «глиняная комнатка с мозаичным украшением. Пять сторон этой глиняной комнатки украшены белыми, зелеными и красными кремешками с узором, включающим по два маленьких и два более крупных прямоугольника. Внутри меньших прямоугольников находятся два симметричных ромба с белыми сторонами. Пространство внутри ромбов заполнено зеленой яшмой, а снаружи — красной яшмой. Широкое пространство между двумя прямоугольниками заполнено двумя наклонными узорами, напоминающими симметричные сосуды» (*Hakemi*, 1997. P. 662) (рис. 8). Это наводит на мысль, что какие-то другие контейнеры могли быть изготовлены из дерева, но археологически они не были зафиксированы,

если не были инкрустированы. Однако эти экземпляры необязательно были недекорированными, о чем свидетельствует раскрашенный в голубой цвет деревянный «реликварий», найденный в Шахри-Сохте (*Tosi*, 1969. Fig. 125), поэтому логично предположить, что украшенные деревянные версии имели более широкое распространение, чем это предполагалось ранее.

Л. Б. Кирчо (2010) также обратила внимание на сходство этой формы предметов с квадратными или прямоугольными «реликвариями» из обожженной глины, найденными в Алтын-депе периодов энеолита и бронзового века (ок. 3300–2400/2300 до н. э.). Они украшены рядами резных «ступенчатых пирамидок» или зубчатыми мотивами, а характер их изготовления предполагает технику резьбы, заимствованную из деревообработки (рис. 9). Сам мотив мог имитировать плетеные ткани и широко использовался на расписной керамике, перегородчатых печатях, косметических стержнях и бусах, а также на маленьких паллетах и «прорезных» украшениях некоторых «сумочек-гирь». Он пользовался популярностью от Копетдага до Таджикистана и бассейна Гильменда в конце IV — начале III тыс. до н. э. (*Pottier*, 1984. Fig. 23, 41, pl. XXXV; *Bonora*, 2021. P. 755–756, fig. 26.2, 16). Другими словами, данный мотив может рассматриваться как один из элементов характерного отличительного регионального языка орнаментации, который мог транслироваться на разных носителях. Л. Б. Кирчо обратила внимание на то, что искусно выполненное декорирование, вес и хрупкость исключали бытовое применение этих предметов; она предположила, что они могли использоваться как символические жилища для статуэток (*Кирчо*, 2010; ср.: *Кирчо и др.*, 2008. С. 127–128, табл. 12, 15; 23, 22; 30, 18–20; 46, 5; 73, 10, 11; 96, 14–17; 109, 32; 120; 121, 1–12; 147, 25–17; 148; *Kircho*, 2021. P. 124, 130, fig. 4.8, 42, 43; 4.9, 37, 38; 4.10, 23).

Наконец, обратимся к *Гонур-депе*, где недавно ушедший от нас В. И. Сарияниди обнаружил целый ряд свидетельств мозаичной инкрустации (*Dubova*, 2021). Две из наиболее богатых могил на Большом некрополе Гонура содержали круглые чехлы для зеркал с орнаментированными крышками, один был украшен рельефным крестовидным орнаментом с инкрустацией мелкими черными, красными и белыми квадратиками, расположенной по углам; второй декорирован сложным крестом по центру, ромбами, помещенными

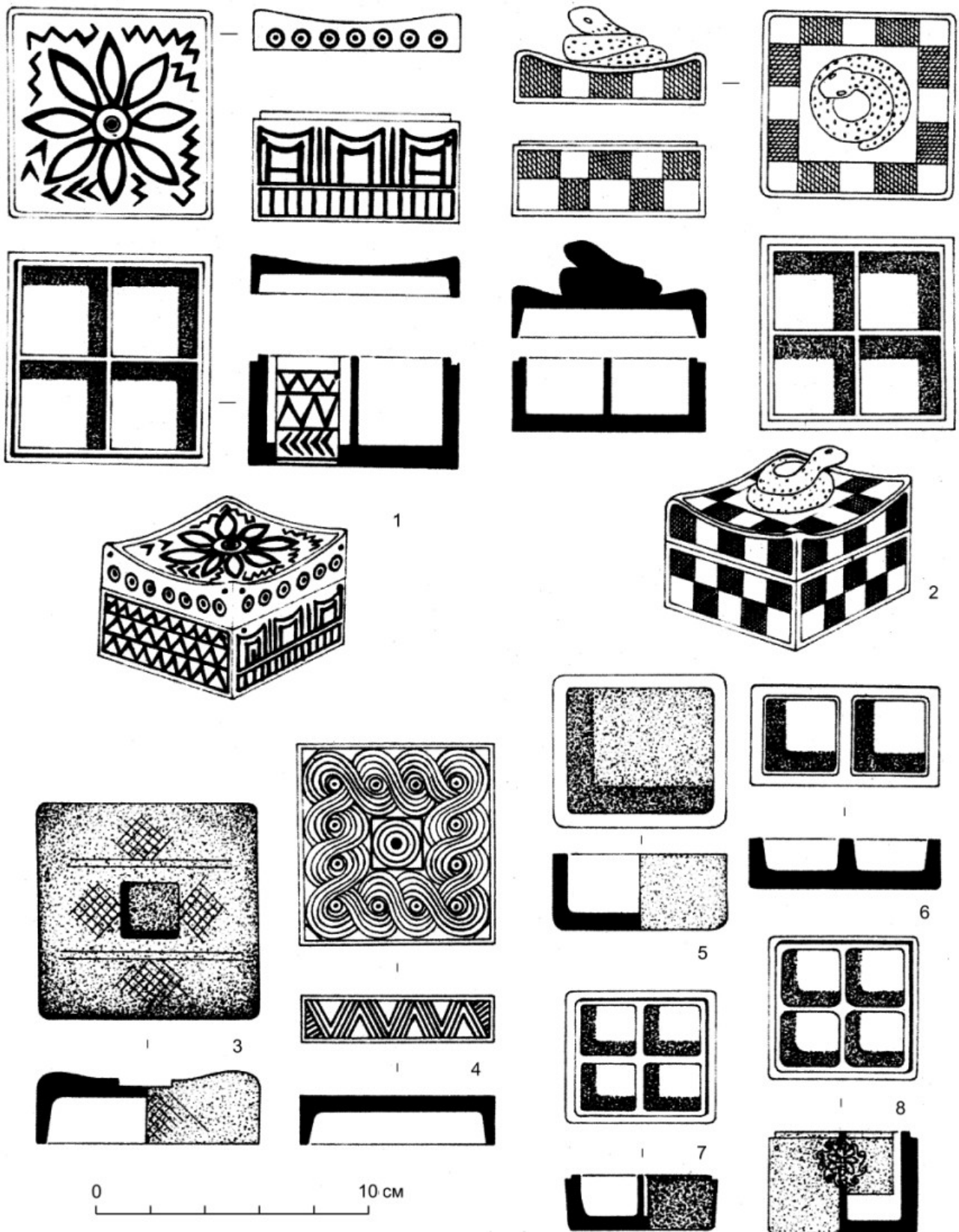

Рис. 7. Шкатулки из хлорита с отделениями, найденные в Шахдаде (Phillips, Simpson, 2018. P. 16, fig. 19)
 Fig. 7. Chlorite compartmented boxes found at Shahdad (Phillips, Simpson, 2018. P. 16, fig. 19)

по концам креста, и повторяющимися квадратами инкрустации, опять же по углам (Sarianidi, 1998. P. 74, fig. 34; 2007. P. 114, fig. 205; 206; ср. также: Rossi-Osmida, 2002. P. 88–89, 121–131; Gass, Masanz, 2018. P. 169–170); две отдельные инкрустации также были найдены в ограбленной могиле с подбоем (Salvatori, 1994. P. 17, fig. 5.8). В других могилах обнаружены остатки крупных шкатулок, или «своеобразных остенсориумов», и небольшие глиняные «ларцы», украшенные снаружи (иногда и внутри) геометрическими или фигурными мозаичными узорами, в том числе рядами сердцевидных или фасолевидных вставок с раскрашенными углублениями, грифонами, головками пантер, кабанов и волков, а также со змеями, терзающими травоядных животных (Sarianidi, 2006a. P. 97; ср.: Sarianidi, 2006b. P. 217, 248, fig. 71; 81; 83–87; 91; Сараниди, 2008. С. 194–195, 206, 221–225, рис. 83; 91; 92; 114; 117–137; Gass, Masanz, 2018. P. 209) (рис. 10). Кроме того, еще одна могила содержала цисту в виде ящичка из сырцового кирпича, закрытого деревянной крышкой, украшенной рядами повторяющихся кварцитовых дисков. Последние были окрашены по центру и первоначально образовывали геометрический узор (Rossi-Osmida, 2002. P. 96–97). Все эти ящички были помещены рядом с умершим как своего рода погребальный инвентарь. Их размеры соответствовали современным сундукам или кофрам, поэтому они, возможно, были предназначены для хранения одежды и других тканей, не сохранившихся в данных условиях. Находки из этих раскопок помогают воссоздать контекст для ряда других разрозненных или недокументированных экземпляров, в том числе фрагментов плоского «алебаstra», первоначально украшенного углубленными трилистниками и изображением зебу, который был найден на полу «дворца» в Дашлы-3 (Сараниди, 1977. С. 47, рис. 19).

Заключение

Обобщенные здесь материалы указывают на то, что шкатулки различных размеров, форм и декора являлись частью материальной культуры и погребального обряда в конце III тыс. до н. э. от Месопотамии до Центральной Азии. Эти сообщества бронзового века были связаны между собой торговлей, обменом дарами и, порой, военными кампаниями. Несмотря на то что гипотеза о торговой колонии Мелухха поблизости от Гирсу оспаривалась (Laursen, Steinkeller, 2017. P. 79–82),

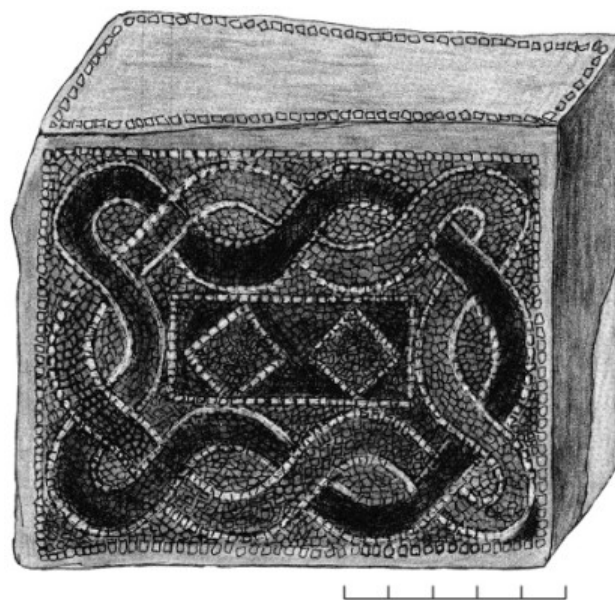

Рис. 8. Инкрустированная мозаикой шкатулка из могилы 356 в Шахдаде (по Hakemi, 1997. P. 662)

Fig. 8. Mosaic inlaid box found in grave 356 at Shahdad (after Hakemi, 1997. P. 662)

вероятно, что некоторые члены торговых династий долгое время проживали за границей для обеспечения выгодных сделок, так же как месопотамские торговцы были позднее засвидетельствованы на Анатолийском плато, где они обеспечивали торговлю текстилем и оловом. Не исключено, что эти люди имели хорошие возможности для распространения новых идей, обычаев, игр, лексик и экзотических вещей в своем новом окружении, причем некоторые из указанных предметов были скорее ценными подарками на память, а не товарами для торговли. Юрис Заринс обратил внимание на многочисленные соответствия между богатой могилой в Ниппуре, описанной выше, и другими высокостатусными захоронениями позднеаккадского и постаккадского периодов в Уре, Ашшуре, Адабе и Кише. Он отмечает, что инкрустированные деревянные шкатулки являются одной из характерных черт данной культуры, и предполагает, что они принадлежат загадочному пришлому народу, упоминаемому в месопотамских текстах как гутии. Он даже считает, что шкатулки происходят из Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Zarins, 2020. P. 11–14). Исходя из их диаметра, сопоставимого с диаметром шкатулок и зеркал из Гонура, их назначение сейчас можно объяснить в качестве футляров для круглых зеркал (ср.: Тишкин и др., 2019).

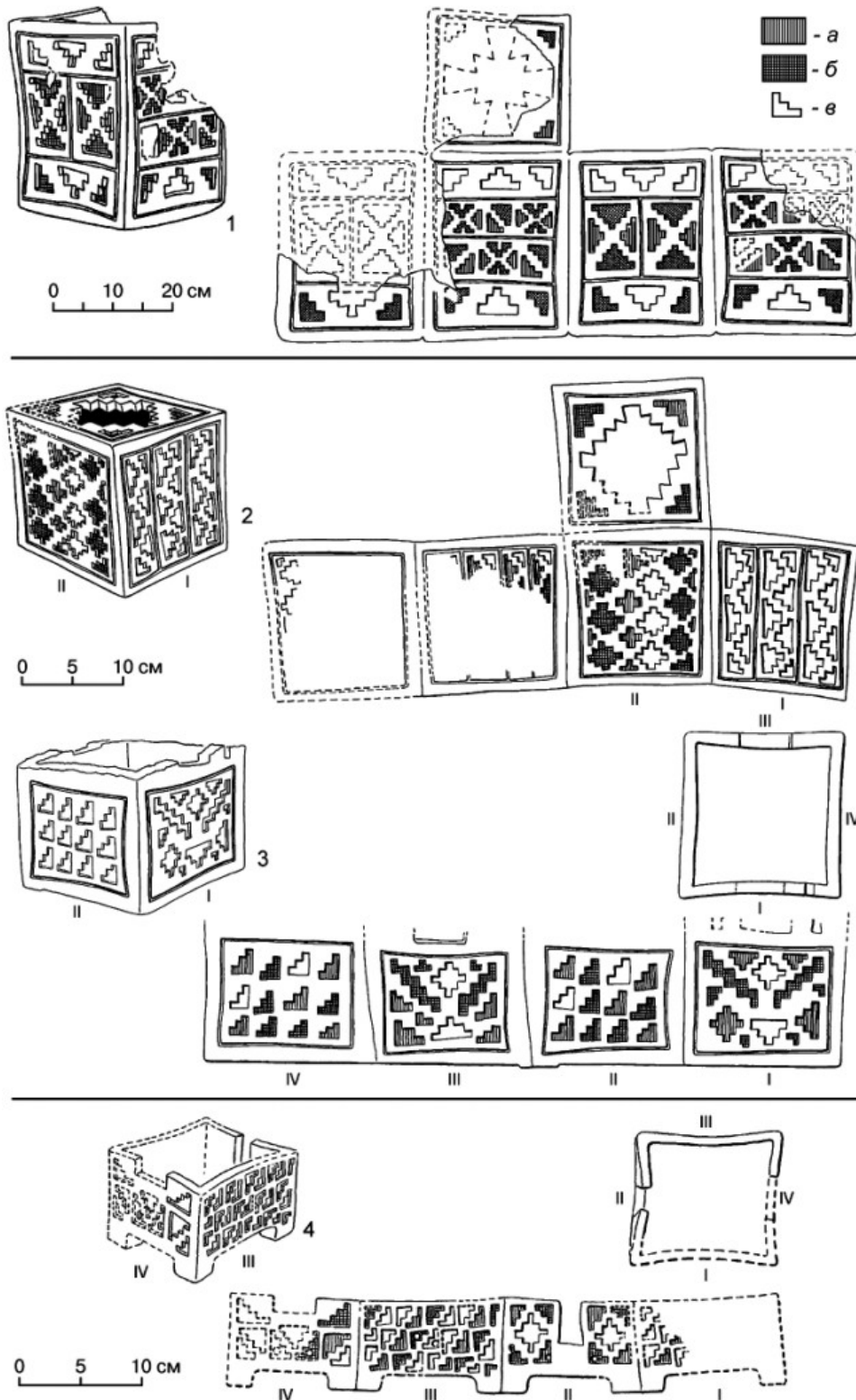

Рис. 9. Декорированные «реликварии» из обожженной глины, найденные в Алтын-депе; периоды раннего (2–4) и среднего (1) бронзового века. Условные обозначения: *a* — красная краска; *b* — черная краска; *v* — щелевидные (1) или нерасписные мотивы (2–4); римскими цифрами обозначены грани (Курчо, 2010. Рис. 1)

Fig. 9. Decorated fired clay “reliquary” boxes found at Altyn-depe, Early (2–4) and Middle (1) Bronze Age periods. Keys: *a* — red paint; *b* — black paint; *v* — slit (1) or unpainted motifs (2–4); Roman numerals indicate the sides (Курчо, 2010. Рис. 1)

Рис. 10. Инкрустации мозаикой из гробницы 3235 в Гонур-депе (по Sarianidi, 2006b. Fig. 70)

Fig. 10. Mosaic inlays found in tomb 3235 at Gonur depe (after Sarianidi, 2006b. Fig. 70)

Вероятность того, что дама, похороненная в Нипшуре, была чужеземкой, вызывает еще один вопрос: имеем ли мы дело с импортным товаром или же с личным имуществом умершей, которая прибыла в Шумер откуда-то извне? В «Письмах из Амарны» упоминается, как царственные принцессы выдавались замуж, чтобы обеспечить соблюдение договоров, а дипломатическая переписка между царем Эсархаддоном и скифским вождем Бартатуа упоминает отправку принцессы для заключения дипломатического брака (Simpson, Pankova, 2017. P. 284). Подобная практика поэтому может объяснять распространение некоторых предметов, например, ручных зеркал и личных украшений, на очень большие расстояния (Pankova, Simpson, 2020. P. 678).

Как археологи мы обязаны опираться в наших интерпретациях и реконструкциях жизни в древности на имеющиеся у нас свидетельства. Однако нужно всегда помнить, что многие артефакты не

сохранились вследствие как неблагоприятных условий залегания, так и их повторного использования, выборочного захоронения с умершими или из-за систематического уничтожения в древности. В таких случаях мы подсознательно отдаем предпочтение дошедшим до нас категориям материальной культуры перед теми, что не сохранились. Что касается великого бронзового века, по-прежнему много пишется о торговле металлами, полудрагоценными камнями (например: Garner, 2021; Pigott, 2021; Tosi, 1974) и о появлении характерных находок и особых артефактов как индикаторов взаимных контактов: например, месопотамские и хараппские каменные «гири»; печати из района Персидского залива, Месопотамии и Хараппы; хараппские игральные палочки и доски; зубчатые глазурованные композиции и бусы из травленого сердолика; стеатитовые бочковидные бусы с резными рельефными трилистниками; гребни из слоновой кости; иранские кальцитовые и хлоритовые

сосуды; бифасиальные иволистные наконечники стрел (см., например: *Reade*, 1979; *Phillips, Simpson*, 2018; *Frenez*, 2018; *Lombard*, 2021; *Zarins*, 2020. P. 25–32). Ко всему этому мы теперь можем добавить и еще одно — шкатулки с крышками и цветными геометрическими инкрустациями. Некоторые из них имели местные формы и ограниченное распространение, но другие перевозились на большие

расстояния. Даже в тех случаях, когда дерево утрачено, сохранившиеся инкрустации доказывают существование таких связей между регионами; они заставляют вернуться к дискуссионным вопросам, которые касаются причин перемещения этих вещей, и заставляют нас еще раз попытаться понять, каким образом эти ящички различных форм могли использоваться в древности.

- Кирчо*, 2010 — *Кирчо Л. Б.* «Реликварии» Алтын-депе // Записки ИИМК. 2010. Вып. 5. С. 117–122.
- Кирчо и др.*, 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский дом, 2008. (Труды ИИМК РАН; Т. XXVIII). 370 с.
- Сарианиди*, 1977 — *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. Материалы советско-афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.: Наука, 1977. 172 с.
- Сарианиди*, 2008 — *Сарианиди В. И.* Маргуш: тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Turkmen döwlethabarlary, 2008. 341 с.
- Тишкин и др.*, 2019 — *Тишкин А. А., Дубова Н. А., Серегин Н. Н.* Рентгенофлюоресцентный анализ металлических зеркал из археологического комплекса Гонур-депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I: Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В. М. Массона. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 83–86.
- Bar-Yosef*, 1985 — *Bar-Yosef O.* A Cave in the Desert, Nahal Hemar, 9000-Year-Old Finds. Jerusalem: The Israel Museum, 1985. 15 p.
- Bonora*, 2021 — *Bonora G. L.* Oxus Civilization and the northern steppes // *The World of the Oxus Civilization* / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 734–775.
- David*, 2018 — *David H.* Three examples of 3rd millennium BC softstone vessel imports found in Syria // *Softstone. Approaches to the study of chlorite and calcite vessels in the Middle East and Central Asia from prehistory to the present* / Eds. C. S. Phillips, St J. Simpson. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2018. P. 79–84.
- Dubova*, 2021 — *Dubova N. A.* Polychrome inlaid and painted mosaics from Gonur Depe (Turkmenistan) // *The World of the Oxus Civilization* / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 367–85.
- Frenez*, 2018 — *Frenez D.* Manufacturing and trade of Asian elephant ivory in Bronze Age Middle Asia. Evidence from Gonur Depe (Margiana, Turkmenistan) // *Archaeological Research in Asia*. 2018. Vol. 15. P. 13–33.
- Galili, Schick*, 1990 — *Galili E., Schick T.* Basketry and a Wooden Bowl from the Pottery Neolithic Submerged site of Kefar Samir // *Mitekufat Haeven*. 1990. Vol. 23. P. 142–151.
- Garner*, 2021 — *Garner J.* Metal sources (tin and copper) and the BMAC // *The World of the Oxus Civilization* / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 799–826.
- Gass, Masanz*, 2018 — *Gass A., Masanz R.* Katalog der ausgestellten Objekte // *Parzinger H. et al.* Margiana. Ein Königreich der Bronzezeit in Turkmenistan. Petersberg: Michael Imhof, 2018. P. 148–233.
- Hakemi*, 1997 — *Hakemi A.* Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome: IsMEO, 1997. 721 p.
- Helwing*, 2017 — *Helwing B.* (ed.). Iran. Frühe Kulturen zwischen Wasser und Wüste. Bonn; München: Bundeskunsthalle, Hirmer, 2017. 296 S.
- Ibrahim*, 1982 — *Ibrahim M.* Excavations of the Arab expedition at Sar el-Jisr, Bahrain. Manama: Ministry of Information, 1982. 224 p.
- Kircho*, 2021 — *Kircho L. B.* The rise of the early urban civilization in southwestern Central Asia From the Middle Chalcolithic to the Middle Bronze Age in southern Turkmenistan // *The World of the Oxus Civilization* / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 110–142.
- Laurson, Steinkeller*, 2017 — *Laurson S., Steinkeller P.* Babylonia, the Gulf Region, and the Indus.

- Archaeological and Textual Evidence for Contact in the Third and Early Second Millennia B.C. Winona Lake: Eisenbrauns, 2017. 152 p.
- Lombard*, 2021 — *Lombard P.* The Oxus Civilization / BMAC and its interaction with the Arabian Gulf. A review of the evidence // *The World of the Oxus Civilization* / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 607–634.
- Mackay*, 1931 — *Mackay E.* Ivory, shell, faience, and other objects of technical interest // *Mohenjo-daro and the Indus Civilization. Being an official account of Archaeological Excavations at Mohenjo-daro carried out by the Government of India between the years 1922 and 1927* / Ed. Sir John Marshall. London: Arthur Probsthain, 1931. Vol. II. P. 562–88.
- Madjidzadeh*, 2003 — *Madjidzadeh Y.* Jiroft. The Earliest Oriental Civilization. Tehran: Ministry of Culture and Islamic Guidance; Cultural Heritage Organization Research Centre, 2003. 218 p.
- Marshall*, 1931 — *Marshall Sir John* (ed.). *Mohenjo-daro and the Indus Civilization. Being an official account of Archaeological Excavations at Mohenjo-daro carried out by the Government of India between the years 1922 and 1927.* London: Arthur Probsthain, 1931. 364 p.
- McMahon*, 2006 — *McMahon A., Nippur V.* The Early Dynastic to Akkadian transition. The Area WF sounding at Nippur. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2006. 193 p.
- Mellaart*, 1964 — *Mellaart J.* Excavations at Çatal Hüyük, 1963. Third Preliminary Report // *Anatolian Studies*. 1964. Vol. 14. P. 39–119, pl. I–XXVI.
- Miroschedji*, 1973 — *Miroschedji P., de.* Vases et objets en steatite susiens du musée du Louvre // *Cahiers de la DAFI*. 1973. Vol. 3. P. 9–79.
- Pankova, Simpson*, 2020 — *Pankova S. V., Simpson St. J.* (eds.). *Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia.* Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020. 802 p.
- Phillips, Simpson*, 2018 — *Phillips C. S., Simpson St. J.* (eds.). *Softstone. Approaches to the study of chlorite and calcite vessels in the Middle East and Central Asia from prehistory to the present.* Oxford: Archaeopress Archaeology, 2018. 208 p.
- Pigott*, 2021 — *Pigott V. C.* The acquisition of tin in Bronze Age Southwest Asia // *The World of the Oxus Civilization* / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London and New York: Routledge, 2021. P. 827–61.
- Piperno, Salvatori*, 1983 — *Piperno M., Salvatori S.* Recent Results and New Perspectives from the Research at the Graveyard of Shahr-i Sokhta, Sistan, Iran // *Annali* 1983. Vol. 63. P. 172–191.
- Pottier*, 1984 — *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane méridional de l'Age du Bronze. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. 232 p.
- Reade*, 1979 — *Reade J.* Early Etched Beads and the Indus-Mesopotamia Trade. London: The British Museum, 1979. 36 p.
- Rossi-Osmida*, 2002 — *Rossi-Osmida G.* (ed.) Margiana Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Venice: Ligabue Study and Research Centre, 2002. 211 p.
- Salvatori*, 1994 — *Salvatori S.* Excavations at the Namazga V Late graveyard of Gonur 1 (Murghab Delta, Turkmenistan). Preliminary report on the 1993 field season // *Rivista di Archeologia*. 1994. Vol. 18. P. 14–39.
- Sarianidi*, 1998 — *Sarianidi V. I.* Margiana and Protozoroastrism. Athens: Kapon, 1998. 192 p.
- Sarianidi*, 2006a — *Sarianidi V. I.* A Tsar's Necropolis in the Kara Kum Desert // *Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary Approach* / Ed. J. Krieken-Pieters. Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 95–101.
- Sarianidi*, 2006b — *Sarianidi V. I.* Goñurdepe: City of Kings and Gods. Ashgabat: Miras, 2006. 327 p. (на туркм. яз.).
- Sarianidi*, 2007 — *Sarianidi V. I.* Necropolis of Gonur. Athens: Kapon, 2007. 340 p.
- Simpson, Pankova*, 2017 — *Simpson St J., Pankova S.* (eds.). *Scythians: warriors of ancient Siberia.* London: Thames and Hudson, 2017. 368 p.
- Speiser*, 1935 — *Speiser E. A.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. 1. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 1935. 220 p.
- Tosi*, 1969 — *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the Second Campaign, September-December 1968 // *East and West*. 1969. Vol. 19. P. 283–386.
- Tosi*, 1974 — *Tosi M.* The lapis trade across the Iranian plateau in the 3rd millennium // *Gururājamañjarikā. Studi in Onore di Giuseppe Tucci*. Naples: Istituto Universitario Orientale, 1974. P. 3–22.
- Woolley*, 1934 — *Woolley C. L.* *Ur Excavations. Vol. II: The Royal Cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid Graves excavated between 1926 and 1931.* Publications of the Joint Expedition of the British Museum and the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. New York: Trustees of the two Museums, 1934. 604 p., 274 pls.
- Zarins*, 2020 — *Zarins J.* Ur, Lagash and the Gutians: a study of late 3rd millennium BC Mesopotamian archaeology, texts and politics // *In Context. The Reade Festschrift* / Eds. I. L. Finkel, St J. Simpson. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020. P. 11–42.

Of boxes in the Bronze Age: exotic imports, skeuomorphs and local crafts from Central Asia to Sumer

St J. Simpson⁹

This paper briefly reviews some of the excavated evidence for decorated boxes found at sites from Mesopotamia to Central Asia in the late 3rd millennium BC (Fig. 1–10), and concludes that one published from an Akkadian grave at Nippur is a Harappan import. Similar types of box found at Gonur depe were used to contain mirrors, and this also provides a new explanation for the Nippur box. Remains of other types of decorated box are also known from elite graves at Gonur and Ur, some of a size consistent with trunks or chests, but others much smaller and employing iconography peculiar to their cultural context. This paper draws attention to the fact that the boards for the “Game of Twenty Squares” (Fig. 6) were originally hollow in order to hold the pieces, and that the so-called “Standard of Ur” was also a box, rather than the solid object it has been reconstructed and known as. In other regions, such as south-east Arabia and Iran, small compartmented boxes were also carved from chlorite but larger examples were probably also made of wood. The fired clay boxes also known from eastern Iran and southwest Central Asia may well have had wooden counterparts which have not survived. In short, a much greater variety of boxes of different types and sizes were used at this period than is generally acknowledged.

⁹ St John Simpson — Department of the Middle East, The British Museum; Great Russell Street, London WC1B 3DG; e-mail: SSimpson@britishmuseum.org.

Новые материалы бронзового века с территории Южного Таджикистана

Т. Г. Филимонова, Н. А. Дубова¹

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот новые материалы эпохи бронзы из Южного Таджикистана — шесть погребений могильника Хульбук, занимающего южную часть холма, наверху которого в IX в. был построен дворец. Представленный в погребениях археологический комплекс не может быть целиком отнесен ни к бешикентско-вахшской культуре Таджикистана, ни к земледельческим культурам типа сапаллинской или намазгинской. Он демонстрирует явное взаимодействие разных культурных общностей. Изучены костные останки пяти индивидов, которые характеризуются грацильностью и небольшими размерами головы и тела. Их параметры в целом попадают в пределы вариаций типичных представителей популяций эпохи бронзы Южного Таджикистана.

Annotation. This paper publishes newly discovered materials of the Bronze Age from Southern Tajikistan — six burials at the cemetery of Khulbuk occupying the southern section of the hill on which a palace was built in the 9th century. The archaeological complex represented in these burials can be attributed, on the whole, neither to the Beshkent-Vakhsh culture of Tajikistan nor to the agriculturalist cultures of the Sapalli or Namazga type. By contrast, it demonstrates an undoubted interaction of different cultural communities. The skeletal remains of five individuals have been examined. They are characterized by gracility and a small size of the head and body. Their parameters, are generally found to be within the limits of the variations of typical representatives of the Bronze Age populations of Southern Tajikistan.

Ключевые слова: Средняя Азия, Хульбук, бешикентско-вахшская культура, культура сапалли, намазгинская культура, палеоантропология.

Keywords: Middle Asia, Khulbuk, Beshkent-Vakhsh culture, Sapalli culture, Namazga culture, palaeoanthropology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-133-144

В середине — второй половине III тыс. до н. э. на Ближнем и Среднем Востоке происходили интенсивные миграционные процессы, причиной которых стали природно-климатические, экономические и отчасти социальные факторы. В них было вовлечено и население южных районов Средней Азии, всей территории Ирана и Северного Афганистана. В комплексах бронзового века

Юго-Западного Таджикистана присутствуют, составляя важнейший компонент, материалы, наиболее характерные для молалинской и бустанской фаз культуры сапалли, распространенной преимущественно в Южном Узбекистане, постхаррапской фазы афганского Шортугая, расположенного вблизи таджико-афганской границы, а также некоторых могильников Северо-Западного Афганистана, в особенности Дашлы 17 и 19 (Пьянкова, 1999. С. 286).

В. А. Ранов и Т. Г. Филимонова выдвинули гипотезу о доживании гиссарской неолитической культуры лёссовых предгорий Южного Таджикистана до прихода сюда племен поздней бронзы во второй половине II тыс. до н. э. (Ранов, 1988. С. 42; Виноградова и др., 2008. С. 67–73). Предположение

¹ Филимонова Т. Г. — Отдел археологии, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН Таджикистана; пр. Рудаки, д. 33, Душанбе, 734025, Республика Таджикистан; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru. Дубова Н. А. — Центр антропоэкологии, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ленинский пр., д. 32А, Москва, 119934, Россия; e-mail: dubova_n@mail.ru.

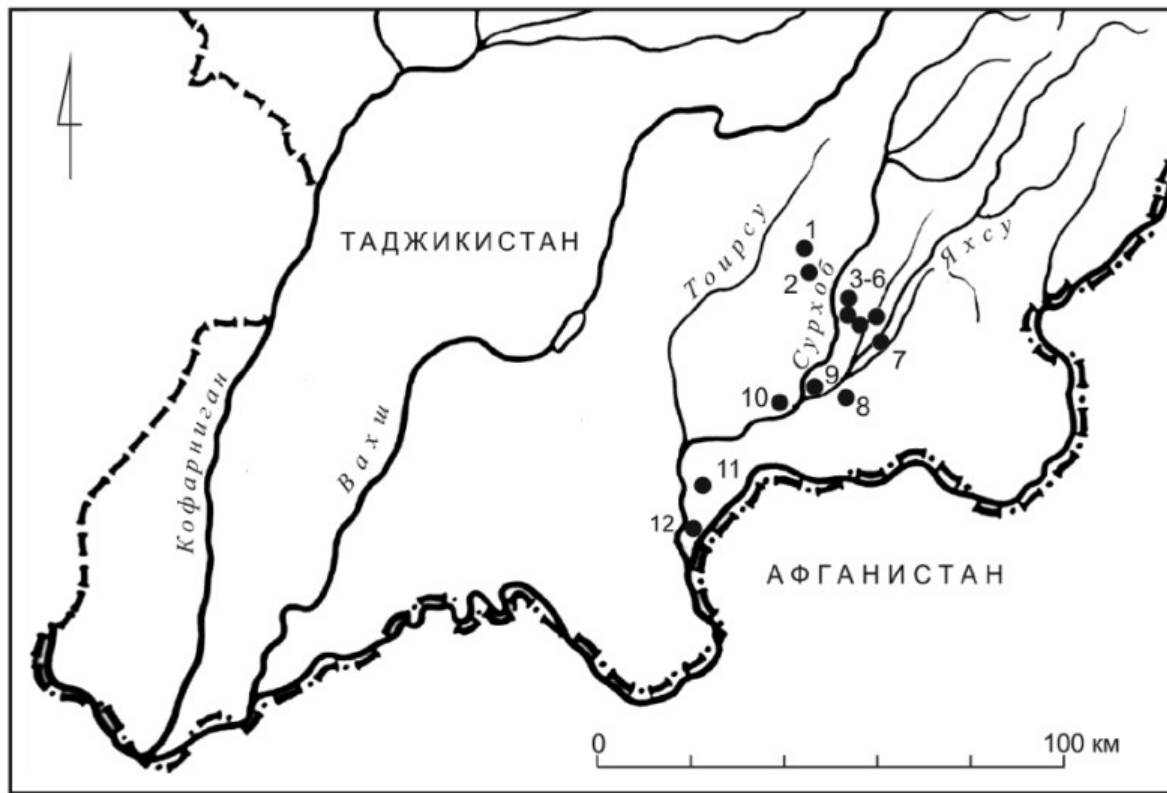

Рис. 1. Схематическая карта памятников эпохи бронзы в долине р. Сурхоб: 1 — Нуродбахш; 2 — Дават; 3 — Дарначи; 4 — Гелот; 5 — Учкун; 6 — Кадучи; 7 — Куляб; 8 — Кокабод; 9 — Хульбук; 10 — Гулистон; 11 — Фархор; 12 — Макони Мор

Fig. 1. Schematic map of Bronze Age sites in the Surkhob River valley: 1 — Nurodbakhsh; 2 — Davat; 3 — Darnachi; 4 — Gelot; 5 — Uchkun; 6 — Kaduchi; 7 — Kulyab; 8 — Kokabod; 9 — Khulbuk; 10 — Guliston; 11 — Farkhor; 12 — Makoni Mor

о столь позднем появлении племен эпохи бронзы имело место в то время, когда памятники ранней и средней бронзы на юге Таджикистана не были известны. Сейчас оно скорректировано с учетом новых данных, но суть этой гипотезы главным образом в том, что неолитическое население сохранялось до прихода племен эпохи бронзы и в дальнейшем происходил синтез этих двух культурных массивов.

Н. М. Виноградова и Ю. Г. Кутимов полагают, что большая группа племен оседло-земледельческой культуры, первоначально сформировавшаяся в Северном Афганистане, перешла на правый берег Пянджа-Амударьи в районе современного райцентра Фархор, где осела и обитала продолжительное время (Виноградова, Кутимов, 2018. С. 96). В результате, как пишут Н. М. Виноградова и С. Бобомуллоев, в долине р. Сурхоб (Кызылсу), притока Пянджа, формируется новый центр обитания оседло-земледельческого населения

(Виноградова, Бобомуллоев, 2020) (рис. 1). Наиболее раннюю фазу развития древнеземледельческой культуры на территории среднего течения Пянджа-Амударьи в конце ранней бронзы, по их мнению, отражают материалы могильника Фархор (Там же) и единичные находки на холмах, окружающих с востока г. Куляб, обнаруженные в разное время: в 2003–2005 гг. отрядом под руководством Ю. Якубова (Якубов и др., 2006. С. 336–337) и в 2020 г. группой в составе Т. Г. Филимоновой, Р. Раззокова и Н. М. Виноградовой (данные не опубликованы). Погребальные комплексы могильников Гелота-Дарнайчи в долине р. Яхсу (приток р. Сурхоб), датированные периодом 2333–2153 cal BC, являются самыми ранними свидетельствами существования скотоводческой культуры на юге Таджикистана, представленной памятниками вахшской культуры, основное время существования которой приходится на поздний период бронзового века (Виноградова, Кутимов, 2018. С. 87–88).

На основании анализа археологических комплексов Южного Таджикистана и Северного Афганистана конца ранней и средней бронзы А.-П. Франкфор сделал вывод о возможности существования единой историко-культурной общности, которую он предложил называть культурой Пянджа (*Francfort*, 2016. Р. 472). Исследование, проведенное М. Тойфером на юге Таджикистана, позволило ему с уверенностью перенести начало бронзового века в этом регионе на III тыс. до н. э. Он отмечает определенное сходство «классической вахшской культуры» (по крайней мере, в наличии погребений в курганах) с общинами бронзового века, расположенными на Алтае и в Синьцзяне, и полагает, что эта общность играла посредническую роль в передаче технологий и возделываемых зерновых культур (металлургия бронзы и выращивание пшеницы / проса) между культурами оазисов Центральной Азии III — начала II тыс. до н. э. и Западным Китаем (*Teufer*, 2021. Р. 728-729). Являются ли упомянутые сходные черты действительно результатом массовых миграций населения или же в большей степени имели место торговые, культурные взаимоотношения на значительных территориях — вопрос дискуссионный (см. один из последних обзоров: *Lyonnet, Dubova*, 2021. Р. 14–18; также ср.: *The World of the Oxus Civilization*, 2021).

В последние десятилетия опубликованы материалы, относящиеся к эпохе бронзы этого региона (*Виноградова и др.*, 2003; 2008; *Kaniuth et al.*, 2006). В результате проведенных поисковых работ в последние годы обнаружены еще несколько могильников и единичных находок бронзового века на водоразделе р. Сурхоб и Таирсу у сел. Нуродбахш и Дават (исследования Т. Г. Филимоновой 2018 г., не опубликованы), а также Кадучи, Кокабод, Хульбук, расположенные на расстоянии примерно 7–8 км друг от друга. Раскопки могильников, кроме представляемого Хульбука, не проводились, поскольку они заняты современными кладбищами или постройками. На их поверхности собран подъемный материал, определяющий принадлежность могильников к бешкентско-вахшской культуре в ее заключительной фазе (*Филимонова, Ахметзянов*, 2017). Не вступая, ввиду другой цели данной статьи, в какую-либо дискуссию по затронутым вопросам, стоит поддержать общую формулировку Ю. Г. Кутимова (*Виноградова, Кутимов*, 2018. С. 106), который подчеркнул, что территория современного

Южного Таджикистана в эпоху бронзы была освоена различными по образу жизни, характеру хозяйственной деятельности и уровню развития материальной культуры племенами оседло-земледельческого и скотоводческого типов.

Л. Т. Пьянкова отмечала, что чрезвычайное разнообразие погребальных сооружений и погребальных обрядов в зоне активных контактов земледельческих и степных племен наиболее наглядно свидетельствует о сложности происходивших здесь этнокультурных процессов, ассимиляции различных культурно-хозяйственных типов, изменениях в материальной и духовной сферах жизни (*Пьянкова*, 1999. С. 294). Актуальность и дискуссионность поднимаемых вопросов делает важным введение в научный оборот ранее не опубликованных материалов.

Погребения эпохи бронзы в Хульбуке были обнаружены в 2003 г. Ю. Я. Якубовым при проведении раскопок на территории Историко-культурного музея-заповедника «Хульбук». Этот археологический комплекс находится в селении Мехробод (Курбоншаид) Восейского района Хатлонской области, в месте слияния рек Сурхоба и Яхсу (37°47'06" с. ш.; 69°32'01" в. д.; высота 489 м). Музей включает дворец правителя и руины города IX–XII вв. — столицы владения Хутталь (*Якубов, Гуломова*, 2006). Жилая часть города занимает первую нижнюю террасу, образующую долину р. Сурхоб. Дворец располагается на второй 10-метровой террасе, имеющей на этом участке вид овального холма размерами 300 × 150 м, клином вдающегося в долину (рис. 2). В основании террасы лежат песчаные аллювиальные отложения, перекрытые незначительным слоем лессовидных суглинков.

Данные о том, что под помещениями дворца может находиться памятник эпохи бронзы, были получены еще в 1950-х гг. во время проведения первых работ во дворце, но тогда им не придали должного значения. При подготовке «Археологической карты Восейского района» были подняты архивы Б. А. Литвинского, хранящиеся в фондах Отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана (ИИАЭ НАНТ). Среди рисунков керамических изделий был обнаружен один сосуд, типичный для бешкентско-вахшской культуры, с характерным орнаментом в виде прочерченной широкой волны (как выяснилось позднее, этот сосуд происходит из погребения 1 — см. далее).

Рис. 2. Схема рельефа в районе Хульбука. Отредактированный рисунок А. Е. Маджи 1928 г. Условные обозначения: а — траншея; б — погребение
 Fig. 2. Scheme of the relief in the locality of Khulbuk. Revised drawing of 1928 by A. E. Madzhi. Keys: a — trench; б — burials

Скорее всего, он был найден при расчистке сливных колодцев или мусорных ям, глубина которых доходила до 7–8 м и вполне могла достигнуть погребений эпохи бронзы.

Исследования могильника Хульбук были осуществлены в два этапа, с учетом пространственных возможностей, чтобы не разрушать средневековые постройки.

Для уточнения залегания нижних слоев дворца в его юго-западной части Ю. Якубов заложил траншею 21 × 3 м, доведенную до глубины 4,5 м (объект V) (рис. 3). Была выявлена следующая стратиграфия: 1 — культурный слой, относящийся ко 2-му периоду существования дворца (толщина 2 м); 2 — пол из кирпича-сырца и пахсы (30 см); 3 — слой из строительных остатков, образовавшихся от разрушенных помещений 1-го периода (1 м); 4 — пол из жженого кирпича; 5 — рыхлый суглинок, поверхность которого выровнена для возведения дворца (1 м). Еще ниже залегают светлые плотные лёссовидные отложения,

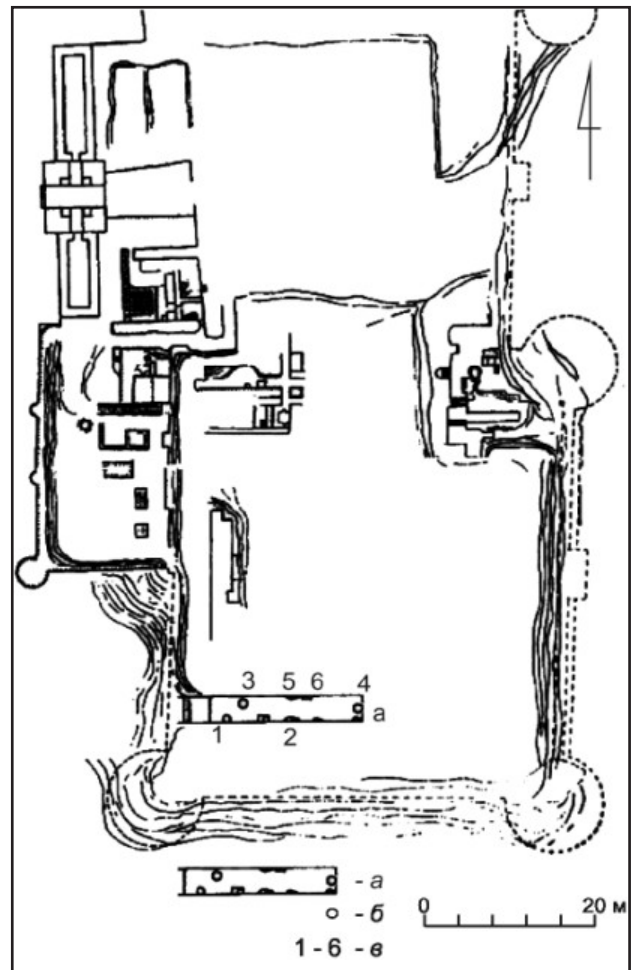

Рис. 3. План дворца Хульбука с указанием разведочной траншеи 2003 г. с погребениями эпохи бронзы (по Якубов, 2004. С. 337). Условные обозначения: а — траншея; б — погребения; в — номера погребений
 Fig. 3. Plan of the Khulbuk palace with indication of the exploratory trench of 2003 with burials of the Bronze Age (after Якубов, 2004. P. 337). Keys: а — trench; б — burials; в — burial numbers

в которых обнаружены шесть погребений эпохи бронзы. Они компактно располагались на 15-метровом участке в восточной и средней частях траншеи. Разница по глубине между погребениями составляла от 0,3–0,4 до 1 м, что, по мнению исследователя, было результатом не хронологического интервала, а неровности холма.

Из шести выявленных погребений было вскрыто четыре. Конструкция могильных ям различна: в трех случаях — простая яма овальной формы (1,8–1,9 × 0,9–1,2 м), в четвертом — яма с кирпичным настилом (размеры кирпичей 47 × 20 × 12 см). После окончания раскопок погребения были законсервированы. По мнению

Ю. Якубова, хотя сопровождающий погребальный инвентарь был немногочисленным, он позволил отнести могильник к бешкентско-вахшской культуре и определить его датировку — середина или конец III тыс. до н. э. (Якубов и др., 2004). Все полученные в 2003 г. материалы из этих погребений хранятся в Музее Хульбука. К сожалению, значительная часть полевых записей не сохранилась, а полученные материалы не были опубликованы.

Через несколько лет в процессе реставрации дворцового комплекса в северо-восточной части дворца строителями случайно было найдено одно погребение. К сожалению, оно было разрушено, сохранился только погребальный инвентарь, состоявший из одного гончарного кубка тюльпановидной формы, горшка и миски лепного изготовления (сама миска и ее фото не сохранились) (рис. 4, 1, 2). Однако это погребение, в какой-то мере определяет границы могильника, который занимал, скорее всего, южный, восточный и северо-восточный края холма.

В 2018 г. во время работ по составлению археологической карты Таджикистана Восейским отрядом ИИАЭ НАНТ участники экспедиции при посещении музея, обратили внимание на знаковые предметы, выставленные в экспозиции, — каменный «жезл» и сосуд характерной конической формы. Было принято решение уточнить конструкцию выявленных могил и изучить антропологические характеристики захороненных. Расчистку указанных выше и законсервированных погребений проводили Т. Г. Филимонова (руководитель), директор заповедника А. Ходжаев, Н. А. Дубова и опытные рабочие Г. Бурхонов, В. Елкин, М. Филимонов, И. Ашурмадов и Ш. Нарзуллоев. Описание дано на основании расчищенных вторично погребений и имеющейся архивной документации. Две могилы располагались около южной стенки траншеи, две — у северной стенки, одна — в ее северо-восточном углу, еще одна оказалась полностью разрушенной.

Погребение 1. Находилось на глубине 3 м от уровня второго пола средневекового здания (или на 4,5 м от верха сохранившихся стен). На разрезе южной стенки на высоте 0,7 м от уровня пола могилы четко фиксируется уровень древней дневной поверхности. Погребальная яма размерами 1,2 × 0,7 м была ориентирована по линии север–юг. Погребенный был уложен на левом боку, головой на юг. Левая рука согнута в локте так, что кисть

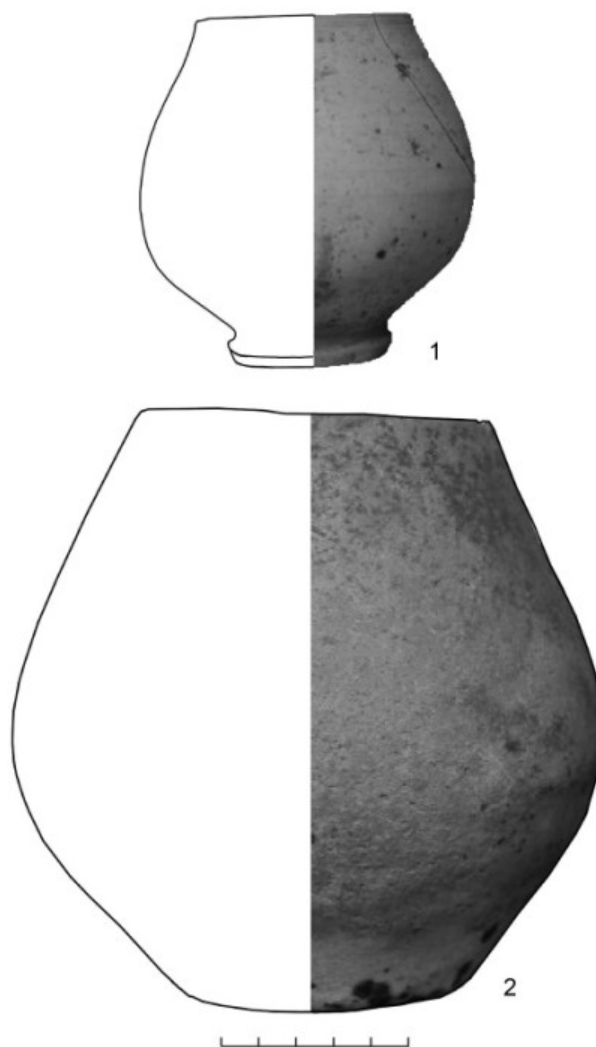

Рис. 4. Хульбук: 1, 2 — сосуды из одиночного погребения. 1, 2 — обожженная глина

Fig. 4. Khulbuk: 1, 2 — pottery from a single burial. 1, 2 — fired clay

находилась около подбородка, а локоть — около колен. Правая рука лежала вдоль грудной клетки, а ее кисть находилась около колен. Ноги сильно согнуты в коленях, пятки подтянуты к тазу.

Погребальный инвентарь. В 0,25 м к югу от затылка стояла большая керамическая чаша конической формы. Размеры: высота 12 см, диаметр устья 30 см, диаметр дна 10 см (рис. 5, 4). Рядом с чашей находилась миска сферической формы. Размеры: высота 8 см, диаметр устья 28 см, диаметр дна 10 см (рис. 5, 1). Там же обнаружены верхние части двух бронзовых булавок — одна с плоским круглым навершием, вторая — с фигурным. Сохранившаяся длина последней 6 см

(рис. 5, 5). Кубок тюльпановидной формы с отогнутым венчиком и невысокой ножкой. Размеры: высота 17 см, диаметр венчика 10 см, диаметр дна 6 см (рис. 5, 3). Около ног был установлен лепной горшковидный сосуд с резным орнаментом — в верхней части в виде узкой горизонтальной гребенки, в средней — высокой волны. Размеры: высота 15 см, диаметр венчика 11 см, диаметр дна 10 см (рис. 5, 2). Вдоль восточной стенки ямы (на расстоянии около 30 см от погребенного) лежал каменный «жезл» веретенообразной формы. Размеры: длина 80 см, максимальный диаметр в средней части 7 см (рис. 5, 6).

Костные останки человека сохранились плохо, в большинстве своем они представлены мелкими фрагментами. Кости — некрупные, неширокие, утонченные. Толщина левой части теменной кости 7 мм. Швы в теменно-затылочной области только начали зарастать. Диаметр головки правого бедра — 44 мм. Сама головка (так же как и фрагмент головки левого бедра) — гладкие, без выраженных возрастных изменений. Фаланги кисти также не имеют возрастных изменений. Имеющиеся зубы некрупные. Стертость маляров — 3 балла, резцов — 2. Это позволяет определить возраст захороненного 30–35 годами. По имеющимся данным определение пола затруднено. Учитывая наличие каменного «жезла», скорее всего, в этой могиле был захоронен мужчина, который по антропологическим характеристикам может быть отнесен к некрупным и грацильным.

Погребение 2. Находилось на 0,4 м выше уровня погребения 1. Сохранилось частично. Контуры погребальной ямы не прослеживались. Погребенный лежал в сильно скорченном положении (плечевые кости почти параллельны бедренным), на правом боку, головой на запад (череп и большая часть позвоночника не сохранились).

Погребальный инвентарь. Лепной сосуд тюльпановидной формы (не сохранился). Лепной сосуд баночной формы. Размеры: высота 14 см, диаметр горловины 12 см, диаметр дна 7 см (рис. 6, 1). Место нахождения сосудов в могиле не устанавливается.

Костные останки человека занимали площадь 55 × 50 см. Все эпифизы на имеющихся костях (бедренной, голени, плечевой, предплечья) разрушены, но по состоянию сохранившихся фрагментов, можно полагать, что они были полностью приросшими. На имеющихся трех фалангах (фрагментированы) следов возрастных изменений нет. Все фрагменты говорят о грацильности и некрупных

размерах индивида. Вероятно, что захороненная — женщина 25–35 лет.

Погребение 3. Эта законсервированная могила в северо-западной части траншеи оказалась полностью разрушена, и ее изучение не могло быть проведено. На момент первого исследования, согласно сохранившимся сведениям, могильная яма, ориентированная по линии северо-запад–юго-восток, имела овальную форму и размеры 1,8 × 1,1 м. Погребенный был уложен на левом боку, головой на юго-запад, лицом обращен на юг. В головах стояла одна лепная чаша (рис. 7).

Погребение 4. Сохранилось наиболее хорошо. Входная яма четко прослеживалась в разрезе траншеи (рис. 8, 1). Погребение катакомбного типа. Верхняя граница входной ямы находилось под метровым слоем рыхлого суглинка. Дно могильной камеры зафиксировано на глубине 1,8 м от уровня первого пола дворца. Поскольку часть входного сооружения уходит в стенку траншеи под средневековые постройки, определяется только одна из сторон дромоса шириной 0,53–0,55 м, высотой 0,20 м. Две ступени располагались к востоку от дромоса. На первой ступени (ширина 0,80 м, высота 0,35 м) находилась кладка из сырцового кирпича, закрывающая вход в погребальную камеру. Кладка состояла из двух рядов сырцового кирпича (размеры кирпича 47 × 20 × 12 см), сдвинута к краю ступени; в нижнем ряду кирпичи были положены по длине, в верхнем ряду — по ширине. Вторая ступень, высотой 0,6 м, соответствует входу в могильную камеру. Яма овальной формы, ориентирована по линии север–юг, размерами 0,85 × 0,60 м и глубиной 0,60 м. Погребенный был уложен на левом боку, головой на юг, в сильно скорченном положении, пятки находились под тазом. Обе руки лежали вдоль грудной клетки так, что предплечья и кисти находились между бедрами (рис. 8, 2).

Погребальный инвентарь. На расстоянии 0,25 м за затылком находилась керамическая тарелка. Размеры: высота 6 см, диаметр устья 25 см, диаметр дна 13 см (рис. 8, 3). В ногах погребенного стоял кубок тюльпановидной формы с прямым венчиком. Размеры: высота 18 см; диаметр устья 9 см, дна 7 см (рис. 8, 4).

Костные останки человека сохранились плохо и частично средне. Удалось получить несколько размеров как на черепе (нижняя челюсть и фрагменты альвеолярной части лица), так и на посткраниуме. Все эпифизы полностью приросшие. Фрагменты ключицы — утонченные, очень короткие

Рис. 5. Хульбук. Погребение 1: 1-4 — сосуды; 5 — булавка; 6 — «жезл». 1-4 — обожженная глина; 5 — бронза; 6 — камень. Масштаб: а — для 1-4, б — для 5, в — для 6

Fig. 5. Khulbuk. Burial No. 1: 1-4 — pottery; 5 — pin; 6 — “staff”. 1-4 — fired clay; 5 — bronze; 6 — stone. Scale: a — for 1-4, б — for 5, в — for 6

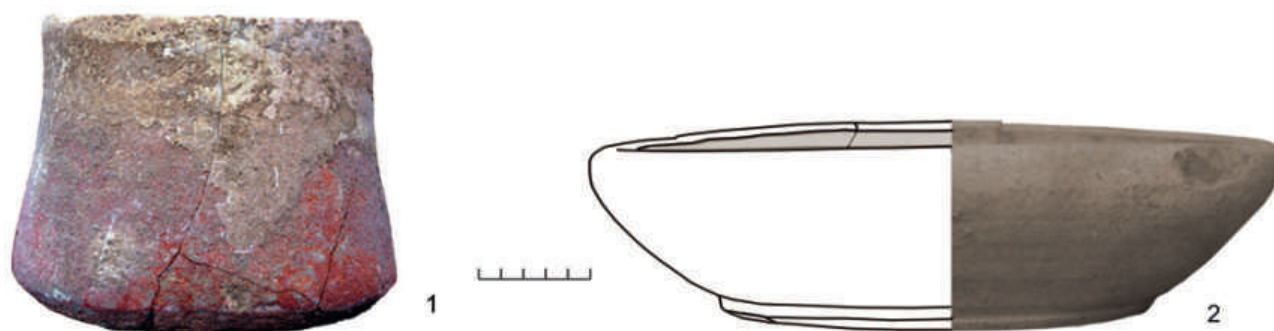

Рис. 6. Хульбук. 1 — лепной горшок, погребение 2; 2 — гончарная миска, погребение 5. 1, 2 — обожженная глина.

Fig. 6. Khulbuk. 1 — handmade pot, burial No. 2; 2 — wheelmade bowl, burial No. 5. 1, 2 — fired clay

Рис. 7. Хульбук. План погребения 3 (Якубов, 2004. С. 340)

Fig. 7. Khulbuk. Plan of the burial 3 (Якубов, 2004. P. 340)

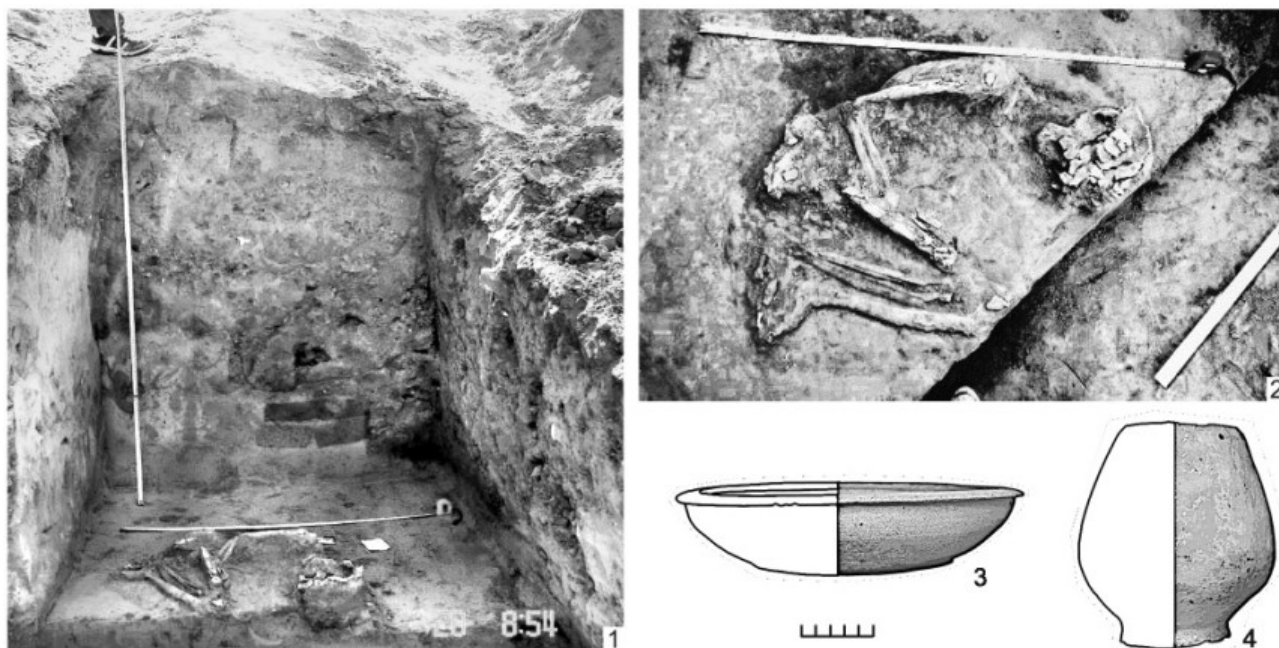

Рис. 8. Хульбук. Погребение 4: 1 — часть дромоса в стене траншеи, вид с юга; 2 — положение погребенного, вид с запада; 3, 4 — сосуда. 3, 4 — обожженная глина

Fig. 8. Khulbuk. Burial No. 4: 1 — section of the dromos in the wall of the trench, view from the south; 2 — position of the buried; view from the west; 3, 4 — pottery. 3, 4 — fired clay

(общая длина не более 105 мм), ширина нижней челюсти от углов — 89 мм, что свидетельствует о принадлежности костей женщине. Кости предплечья — рельефные, не округлые, с достаточно выраженным мышечным рельефом. Травм и ярко выраженных патологий нет. Зубы мелкие и средних размеров. Их стертость сильная — 3 балла. Ширина грушевидного отверстия 22 мм. Полученные размеры свидетельствуют, что кости принадлежат миниатюрной грацильной женщине с тонкими чертами лицами. Возраст может быть определен 30–40 годами.

Погребение 5. Располагалось в средней части восточной стены траншеи, где просматривался профиль куполообразной могильной ямы шириной 0,80 м и глубиной 0,55 м. Размеры и форма дромоса, контур самой ямы в плане не определяются, так же как и положение погребенного.

Погребальный инвентарь. Гончарная миска высотой 9 см, диаметр устья 30 см, диаметр дна 18 см (рис. 6, 2).

Кости человека находились в перемешанном состоянии, сильно фрагментированы. По описанию директора музея Хульбук А. Ходжаева, во время обнаружения скелет лежал в вытянутом положении. Ключица довольно мощная, с не резко, но выраженным рельефом (диаметры в середине диафиза

20 и 15 мм). Кости предплечья визуально средней ширины и средней длины (эпифизы не сохранились, хотя были нормально приросшими). На телах позвонков прослеживаются слабые следы остеохондроза. Суставные поверхности коленной части бедренной кости гладкие, без следов возрастных изменений. Можно полагать, что скелет принадлежал мужчине 25–35 лет мезоморфного телосложения.

Погребение 6. В 0,5 м к западу от погребения 5 на глубине 0,8 м от границы светлого лёсса было зафиксировано четкое пятно с размерами 0,9 × 0,7 м (продольная ось — север-юг). Расчистка показала, что оно было заполнено мусорным слоем. Возможно, это пятно является остатками входной ямы в погребение 5. Остальные детали захоронения не прослежены. Непосредственно в северо-восточном углу зачищенной площади находилось скопление сильно разрушенных костей, предположительно стопы от еще одного захоронения, уходящего под стены средневековых помещений.

Погребальный инвентарь. Около северо-восточного края контура, в 0,3 м к юго-западу от северо-восточного угла, стоял лепной миниатюрный светло-глиняный сосуд со слегка отогнутым венчиком и с резным орнаментом в виде двух древовидных фигур («елочек»). Размеры: высота 8 см, диаметр венчика 6(?) см, диаметр дна 3 см (рис. 9).

Обобщение изученного палеоантропологического материала показывает, что останки четырех индивидов характеризуются грацильностью и мелкими размерами головы и тела. Несколько более крупными, но все же относящимися к категории малых параметров, отличается мужской скелет из погребения 5. Мы не имеем важных для популяционной диагностики данных (размеров головы и лица), поэтому сопоставить данную группу с имеющимися в литературе данными невозможно. Но в целом можно заключить, что по имеющимся параметрам она полностью попадает в пределы вариаций и является достаточно характерной для типичных представителей популяций эпохи бронзы Южного Таджикистана.

Комплекс находок в целом включает артефакты, характерные как для земледельческой культуры (гончарные миски-чаши конусовидной формы, бронзовая заколка), так и скотоводческой бешкентско-вахшской (банковидные сосуды с прорезанной волной). Особое внимание обращает на себя каменный «жезл», найденный в погребении 1. Он аналогичен экземплярам, обнаруженным в погребениях 19 и 22 могильника Фархор (Виноградова, Бобомуллов, 2020. С. 139–140, 148, рис. 21, 18; 21А; 24, 1), случайным находкам с того же памятника (Там же. С. 117, рис. 4, 2), а также случайной находке в том же Фархоре (возможно, также из погребения), которая в качестве подарка президенту Таджикистана передана в Национальный музей страны. Три подобных каменных «жезла» в подъемном материале найдены на могильниках Гелот (Виноградова и др., 2009. С. 41) и Учкун (Филимонова и др., 2020. С. 61), а также на новых местонахождениях Нуродбахш и Дават (памятники открыты в результате археологической разведки 2018 г., материалы не опубликованы). Важно подчеркнуть, что подобные предметы известны в афганской части Бактрии (Pottier, 1984. Fig. 7, no. 31, 32). В «святилище» на Алтын-депе в Туркменистане обнаружено близкое по форме изделие, но имеющее в середине, как пишет Л. Б. Кирчо, «подшаровидное утолщение» (Кирчо, 2005. С. 415, 385, рис. 18, 44). Очень похожий на него предмет известен в Тепе Гиссар III в Иране (Schmidt, 1937. P. 222, pl. LXIV, H 2894). Часть найденных на туркменском Гонур-депе посохов (или «жезлов») также имеет веретенообразную форму, но они значительно длиннее (124–149 см) и оба их конца, несмотря на общее сужение изделия, уплощены, а не заострены (Дубова и др., 2019).

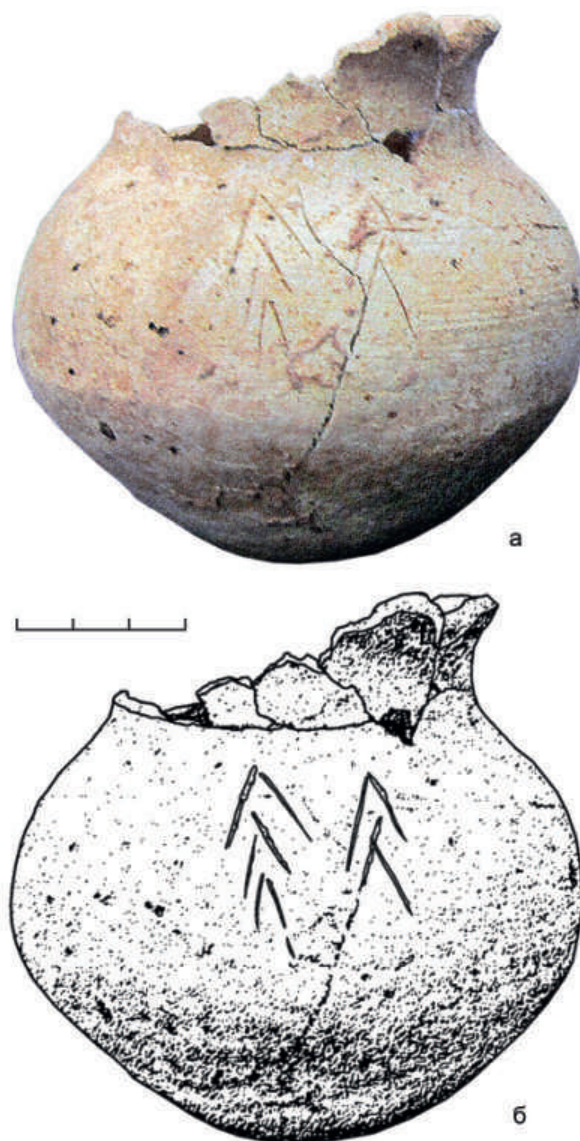

Рис. 9. Хульбук, погребение 6. Лепной глиняный сосуд (а — фото, б — прорисовка)

Fig. 9. Khulbuk. Burial No. 6, handmade clay vessel (a — photo, b — redrawing)

Важным показателем является форма небольшой бронзовой булавки, также происходящей из погребения 1. Аналогичные изделия найдены в могильнике Пархай, Юго-Западный Туркменистан: в погребениях 25, 117, 167 и 190 в слоях ЮЗТ VII–V — от первой половины IV до начала II тыс до н. э. (Хлопин, 1997. Табл. 6, 2, 3; 49, 3; 78, 3; 101, 2, 3)². Считать ее присутствие в данном погребении свидетельством ранней датировки могильника, особенно

² Выражаем благодарность Дж. Л. Бонора за помощь в поисках аналогий для данной булавки.

в комплексе с керамикой, нецелесообразно, так как такие формы существовали и во II тыс. до н. э.

Среди керамических изделий, происходящих из описанных погребений, обращают на себя внимание две широкие и низкие чаши, выполненные на гончарном круге. Для бишкентско-вахшской культуры Таджикистана эпохи бронзы такие сосуды не характерны. Но подобная форма часто встречается на многих земледельческих памятниках южных районов Туркменистана, Узбекистана и Ирана (см., например: *Udeimuradov*, 2002. No. 30; *Хронология...*, 2005. Рис. 5, 17, 25; 14, 3–18; 16, 10; и др.; *Аскарлов*, 1977. Рис. 16; 17; 19; 20; 33, 6–9; *Медведская*, 2019. Рис. 4, 5, 6; 5; 6). В то же время в материалах последних венчики, как правило, бывают заостренными, а не загнутыми внутрь. Напомним, что Л. Т. Пьянкова (*Пьянкова*, 1999. С. 286) писала о присутствии в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана

материалов культуры сапалли, но на поздних этапах ее развития — молалинском и бустанском. Также о западном и юго-западном направлениях связей свидетельствует и небольшой светлоглиняный банковидный сосуд с орнаментом в виде двух деревьев («елочек») из погребения 6 (рис. 9).

Таким образом, представленный в погребениях археологический комплекс не может быть целиком отнесен ни к бешкентской или вахшской культурам, распространенным на территории Таджикистана, ни к земледельческим культурам типа сапаллинской или намазгинской. На примере ряда изделий и особенно каменного «жезла», бронзовой булавки с навершием и форм сосудов можно констатировать явное взаимодействие этих культур. Для уточнения хронологической принадлежности памятника необходимо проведение дальнейшего сравнительного анализа материала, а также дополнительных специальных раскопок.

Аскарлов, 1977 — *Аскарлов А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 231 с.

Виноградова, *Бобомуллоев*, 2020 — *Виноградова Н. М.*, *Бобомуллоев С.* Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М.: ИВ РАН, 2020. 283 с.

Виноградова, *Кутимов*, 2018 — *Виноградова Н. М.*, *Кутимов Ю. Г.* Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М.: ИВ РАН, 2018. 276 с.

Виноградова и др., 2003 — *Виноградова Н. М.*, *Гётцельт Т.*, *Пьянкова Л. Т.* Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу (Южный Таджикистан) // РА. 2003. № 1. С. 103–115.

Виноградова и др., 2008 — *Виноградова Н. М.*, *Ранов В. А.*, *Филимонова Т. Г.* Изучение Гиссарской культуры и неолитические слои поселения Кангурттут (к проблеме финального этапа гиссарской культуры) // *Виноградова Н. М.*, *Ранов В. А.*, *Филимонова Т. Г.* Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2008. С. 5–159.

Виноградова и др., 2009 — *Виноградова Н. М.*, *Кутимов Ю. Г.*, *Ломбардо Д.* Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 г. // АРТ. Душанбе, 2009. Вып. XXXIII. С. 35–66.

Дубова и др., 2019 — *Дубова Н. А.*, *Фрибус А. В.*, *Грушин С. П.*, *Сатаев Р. М.*, *Турик В. Г.* Крупные

каменные изделия Маргианы (Туркменистан, эпоха бронзы): местонахождения и разнообразие форм // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В. М. Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 51–53.

Кирчо, 2005 — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // *Кирчо Л. Б.*, *Алёкишин В. А.* Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: ИИМК РАН, Нестор-История, 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. XVI). С. 347–421.

Медведская, 2019 — *Медведская И. Н.* Иран в начале железного века. СПб.: Наука, 2019. 219 с.

Пьянкова, 1999 — *Пьянкова Л. Т.* Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана // *StratumPlus*. 1999. № 2. С. 286–297.

Ранов, 1988 — *Ранов В. А.* Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада: 07.00.06. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1988. 52 с.

Филимонова, *Ахметзянов*, 2017 — *Филимонова Т. Г.*, *Ахметзянов М. Р.* Отчет Хутальской археологической

- экспедиции — Восейский район (2013 г.) // АРТ. Душанбе, 2017. Вып. XXXIX. С. 184–211.
- Филимонова и др., 2020 — Филимонова Т. Г., Ахметзянов М. Р., Ходжаев Ш. Р., Ходжаев А. Р. Археологическая карта Таджикистана. Восейский район. Душанбе: Истеъдод, 2020. 376 с.
- Хлопин, 1997 — Хлопин И. Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Европейский дом, 1997. 302 с.
- Якубов, Гуломова, 2006 — Якубов Ю., Гуломова Э. Хульбук столица древнего Хатлован (Путеводитель). Душанбе: б. и., 2006. 67 с.
- Якубов и др., 2004 — Якубов Ю. Я., Довутов Д. Д., Кулемин А. С. Раскопки на городище Хульбук в 2003 г. // АРТ. Душанбе, 2004. Вып. XXIX. С. 336–342.
- Якубов и др., 2006 — Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т. Г. История Куляба с древнейших времен до наших дней. Душанбе: Дониш, 2006. 262 с.
- Francfort, 2016 — Francfort H.-P. How the twins met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortughai revisited forty years later // Тр. МАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый Сад, 2016. P. 461–476.
- Kaniuth et al., 2006 — Kaniuth K., Teufer M., Vinogradova N. Neue bronzezeitliche Funde aus Südwest Tadjikistan // AMIT. 2006. Bd. 38. S. 81–102.
- Lyonnet, Dubova, 2021 — Lyonnet B., Dubova N. Questions on the Oxus Civilization or Bactria-Margiana Archaeological Culture (BMAC): an Overview // The World of the Oxus civilization / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 7–65.
- Pottier, 1984 — Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'âge du bronze. Paris: Recherche sur les civilisations, 1984 (Mémoire 36). 232 p.
- Schmidt, 1937 — Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hisar. Damghan. Philadelphia: The University museum, The University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p.
- Teufer, 2021 — Teufer M. The “Classical Vakhsh culture”. A Bronze Age culture of the 3rd and early 2nd millennium BC in Southern Tajikistan // The World of the Oxus civilization / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 698–733.
- The World of the Oxus Civilization, 2021 — The World of the Oxus Civilization («Worlds of Routledge» Series) / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. 964 p.
- Udeumuradov, 2002 — Udeumuradov B. Ceramic Material from Gonur-depe Necropolis // Margiana. Gonur-depe Necropolis / Ed. G. Rossi-Osmida. Venice: Il Punto Edizioni, 2002. P. 132–143.

Newly discovered burials of the Bronze Age in the territory of Tajikistan

T. G. Filimonova, N. A. Dubova³

The region of Southern Tajikistan occupied in the Bronze Age by different settled-agriculturalist and herding tribes is represented by fairly numerous sites. During recent decades it was possible to discover new complexes demonstrating the complexity of the cultural processes taking place here. The site presented in this paper is situated in the territory of the “Khulbuk” Historical and Cultural Museum-Preserve (Vosey district of Khatlon region, at the confluence of the Surkhoba and Yakhsu rivers). It comprises a palace of the ruler and ruins of the city of the 9th–12th century — the capital of ancient Khuttal. During more exact investigations of the lower strata of the southwestern section of the palace in 2003, Yusufsho Ya. Yakubov sank a trench where six burials of the Bronze Age were discovered. The burial ground evidently occupied the entire southern edge section of the hill on the top of which the palace was built in the 9th century.

Four of the five excavated burials were placed in oval pits and one was in a catacomb grave. The grave goods included artefacts characteristic both of the agriculturalist culture (wheelmade cone-shaped bowls, a bronze pin) and of the herding Beshkent-Vakhsh one (jars with a scratched wave decoration). Of special note is a stone “staff”

³ Tatiana Filimonova — Institute of History, archeology and ethnography name after A. Donish, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan; 734025, Dushanbe, Rudaki ave., 33, Tajikistan; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru. Nadezhda Dubova — The Institution of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology. 32A, Leninski prospect, Moscow, 119991, Russia. e-mail: dubovana@iea.ras.ru, dubova_n@mail.ru.

found in grave No. 1. It resembles the objects discovered at the burial grounds of Farkhor, Gelot and Uchkun. Similar peculiar objects are known from the Afghan part of Bactria, the “sanctuary” at Altyn-Depe in Turkmenistan and from Tepe III B Hissar in Iran. Burial No. 1 yielded a small bronze pin analogous to those from a series of graves at the burial ground of Parkhay (South-Western Turkmenistan). Noteworthy are also the broad and low clay bowls made on a potter’s wheel and untypical of the Beshkent-Vakhsh culture. However, similar items are often found at many agriculturalist sites in the southern regions of Turkmenistan, Uzbekistan and Iran. The archaeological complex described above can be wholly attributed neither to the Beshkent or Vakhsh culture nor to the cultures of the Sapalli or Namazga type. The example of a series of these artefacts suggests an undoubted interaction between these cultural communities. A more detailed comparative analysis of the evidence, as well as special excavations, is needed to identify the chronological belonging of the site.

The investigated skeletal remains of five individuals are characterized by gracility and small size both of the head and body. Their parameters, on the whole, are found to be within the limits of the variations of typical representatives of the Bronze Age populations of Southern Tajikistan.

Неровный горизонт: некоторые размышления об истории заселения памятников неолита и энеолита Южного Туркменистана

И. Хайт¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы интерпретации строительных горизонтов планиграфических раскопок многослойных поселений с глинобитной архитектурой неолита и энеолита Южного Туркменистана. Микростратиграфический анализ раннеэнеолитических слоев Монджуклы-депе показывает дифференцированную картину заселения памятника с постепенной сменой и разной длительностью использования жилищ. Свидетельства похожих процессов рассматриваются на других памятниках региона.

Annotation. This paper considers the interpretation of “building horizons” in large-scale horizontal excavations of multilayered settlements with mud-brick architecture of Neolithic and Aeneolithic of South Turkmenistan. The fine stratigraphic analysis of Early Aeneolithic layers at Monjukli Depe shows a differentiated picture of settlement history with a gradual replacement of structures and varying duration of dwellings. Similar processes can be traced at other sites in the region.

Ключевые слова: Центральная Азия, неолит, энеолит, стратиграфия, поселения-телли, глинобитная архитектура.

Keywords: Central Asia, Neolithic, Aeneolithic, stratigraphy, tell settlements, mud-brick architecture.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-145-156

Раскопки 1950–1970-х гг. в Южном Туркменистане, проводившиеся XIV отрядом Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции, а также ашхабадским Институтом истории, археологии и этнографии, имели не только внушительный размах, но и большое значение для изучения раннеземледельческих обществ неолита и энеолита как в Центральной Азии, так и за ее пределами. Раскопки многослойных поселений дали наглядное представление о глинобитной архитектуре и пространственной организации ранних поселков сельского типа различных хронологических периодов в предгорьях Копетдага. В общей сложности на 20 поселениях джейтунского времени — периода Намазга III (конец VII — начало III тыс. до н. э.) — помимо стратиграфических шурфов были заложены планиграфические

раскопы, в которых полностью исследовано как минимум одно строение. Суммарная площадь раскопов на этих памятниках составляла свыше 2 га. Для сравнения: столь широко раннеземледельческие поселения даже сейчас изучены лишь в единичных регионах Передней Азии, поэтому Южная Туркмения представляет ключевой интерес для анализа макроизменений в организации жилого пространства древних оседлых обществ.

Методика раскопок многослойных поселений-теллей широкими площадями, принятая в российской археологии советского периода, основывалась на важности изучения социоэкономических вопросов. Выявленные в «строительных горизонтах» постройки и их планировка использовались не только для палеодемографических подсчетов, но и для изучения социального строя, а также косвенно применялись для прочих палеоэкономических реконструкций обществ прошлого: продуктивности производящего хозяйства, трудовых затрат при строительстве

¹ Институт переднеазиатской археологии, Свободный университет Берлина; Фабекштрассе, д. 23–25, Берлин, 14197, Германия; e-mail: iliaheit@zedat.fu-berlin.de.

различных объектов и т. д. (Массон, 1971а; 1971б. С. 101–106). Помимо плюсов эта методика горизонтальных раскопок имела и свои минусы: временное соотношение отдельных структур и слоев относительно друг друга при широкомасштабных раскопках поселений, их документации и публикации нередко выпадало из поля зрения исследователей. Вопросы стратиграфии при этом подходе касались в первую очередь общей истории заселения памятника, для выяснения которой зачастую закладывался лишь один центральный стратиграфический шурф.

Раскопки культурных слоев энеолитического периода с 1980-х гг. на Алтын-депе (раскоп 5 — Массон, Кирчо, 2008. С. 28–48) и на Ыылгынлы-депе (раскоп 3 — Берёзкин, Соловьёва, 1998; Соловьёва, 2015) имели другой характер. Архитектура на стратиграфических раскопах вскрыта на меньшей площади, но имеет более высокое «стратиграфическое разрешение»: благодаря тщательной фиксации и документации слоев предоставлена более детальная информация о времени бытования, а также других составляющих жизненного цикла отдельных построек, таких как ремонт, оставление и разрушение помещения.

Эта более детальная стратиграфия процесса строительства и использования жилищ долговременных поселений-теллей заставляет задуматься о термине «строительный горизонт» и его использовании в планиграфическом и стратиграфическом исследовании культурных напластований с архитектурными останками. При описании стратиграфии шурфов раннеземледельческих поселений Копетдага (см. Бердыев, 1964), где из-за малой площади раскопок свита вскрытых слоев обычно содержит единичные здания в вертикальной последовательности, строительный горизонт имеет четкие границы: это полы и основания сырцовых стен перекрывающих друг друга построек многослойного памятника, то есть с временной точки зрения — период от строительства помещения до его разрушения и сооружения новой постройки на месте старой. Прямой перенос такой трактовки на планиграфию памятников проблематичен, так как он подразумевает одновременную постройку, пользование и оставление охваченных по площади строений одного строительного горизонта, что не обязательно отражает процесс обживания памятника. Этот вопрос, касающийся практики заселения памятника, требует

уточнения при изучении структур, вскрытых большими площадями.

В какой-то мере буквальная трактовка строительного горизонта при интерпретации планиграфии свойственна палеодемографическим реконструкциям, где одновременное использование жилищ одного строительного горизонта является предварительным условием для расчета населения того или иного памятника. Отчасти и сам многоплановый процесс обживания многослойных памятников сводится к нескольким крупным событиям массового оставления и строительства, при котором все здания возводились одновременно на выровненных остатках предшествующих домов. Такую «центральноазиатскую традицию» использования поселений-теллей постулируют, например, Хиберт и Курбансахатов (*Hiebert, Kurbansakhatov*, 2003. Р. 166–167), отчасти ссылаясь на планиграфию строительных горизонтов памятников региона.

Возобновленные раскопки 2010–2014 гг. на поселении Монджуклы-депе (*Looking Closely...*, 2019), находящемся в районе Меана-Чаача Туркменистана в юго-восточной части предгорий Копетдага, показывают несколько более дифференцированную картину истории обживания памятника эпохи раннего энеолита, происшедшего между 4650–4340 cal BC по результатам моделирования радиоуглеродных датировок (*Heit*, 2019). Памятник был изучен шестью раскопами различных размеров в центральной части, а также четырьмя шурфами, заложенными на окраине холма (*Bernbeck, Pollock*, 2016. Fig. 3). Слои центрального раскопа D, а также находящегося в нем заново раскопанного и задокументированного шурфа советских раскопок А. А. Марущенко (*Бердыев*, 1972. С. 11) легли в основу общей стратиграфии памятника, которая была разделена на 10 фаз (“stratum”) — хроностратиграфических макроединиц, на которые условно разбита история обживания поселения. К раннеэнеолитическому времени относятся строения четырех верхних фаз («стратумов»). Их границы составляют основания стен разновременных помещений из раскопа D — № 14, 10, 1. Корреляция слоев других раскопов с макростратиграфией памятника осуществлялась посредством как вертикального, так и горизонтального прослеживания отдельных контекстов и сравнения свиты напластований. Соответственно, чем дальше слои находятся

от центрального раскопа, тем более расплывчаты их корреляция.

Детальное изучение стратиграфии раннеэнеолитических фаз («стратумов») I–IV указывает на непрерывное (продолжавшееся) поселение. Каких-либо коренных переломов на стыке этих хроностратиграфических фаз или внутри них в виде массового оставления или заселения, разового сноса и возведения новых жилищ не наблюдается. Новые дома на Монджуклы-депе возводились рядом с уже существовавшими постройками. Некоторые из них были еще жилыми, другие, напротив, стояли в руинах, но еще не были полностью разрушены. Для такого смещенного во времени строительного процесса в археологии поселений-теллей применяется термин «спиральная стратиграфия» (*“spiral stratigraphy”* — Bar Yosef, 1986. P. 159; Pollock et al., 2013. P. 54). Это значит, с одной стороны, что на организацию архитектурного пространства в значительной степени влияла конфигурация предшествующих построек. С другой стороны, постройки, находящиеся на одном уровне, необязательно были сооружены или использовались одновременно. Неровная микропогография жилого пространства Монджуклы-депе обусловлена, главным образом, тремя факторами: длительностью обживания построек, различным использованием руин и выбором места для новых построек. Рассмотрим три этих фактора на конкретных примерах.

Варьирующая длительность использования домов. Некоторые дома пережили несколько этапов обживания, в то время как другие были довольно быстро оставлены (рис. 1). Детальный анализ жизненного цикла отдельных построек центральных раскопов В, С, D, в которых представлены все четыре фазы энеолитического поселения, приводит к следующим результатам: особенно долгую историю использования показывают помещения № 3, 4а и 4б, которые существовали с самого раннего периода энеолитического поселения. В нижнем «стратуме» IV помещение № 3 состояло из одной большой комнаты с очагом у юго-восточной стены. На этом уровне из помещений № 4б и 4а, примыкавших к помещению № 3 с юга-запада, до уровня первого пола было раскопано только помещение № 4б. На раннем этапе использования оно, судя по отделке стен и пола, было жилым. Все три помещения были одновременно покинуты, но, в отличие

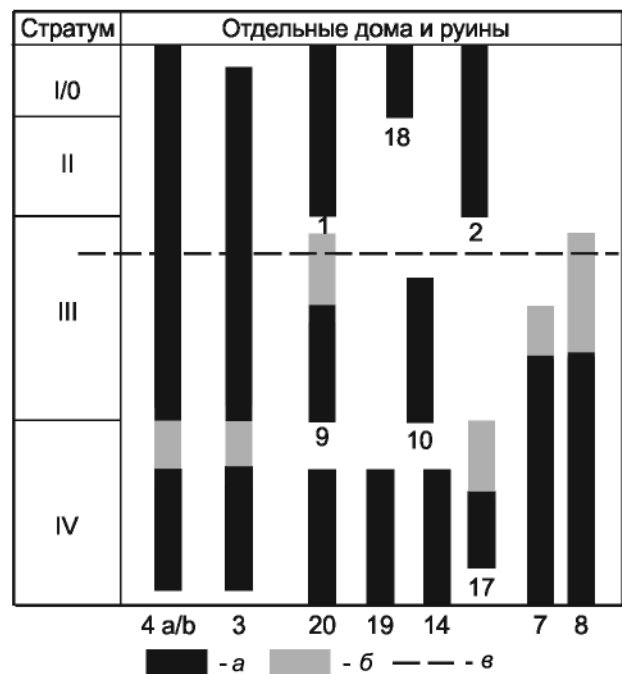

Рис. 1. Схематическое изображение длительности использования отдельных домов и их руин раннеэнеолитических слоев Монджуклы-депе: а — использование домов; б — использование руин домов; в — гипотетическая ситуация в конце фазы III

Fig. 1. Schematic duration of the use of single houses and their ruins in Early Aeneolithic Monjukli Depe: a — use of houses; b — use of house ruins; v — hypothetical situation at the end of Stratum III

от соседних жилых помещений № 14 и 20, оставленных и разрушенных в конце фазы IV, эксплуатация помещений № 3, 4а и 4б возобновилась: через некоторое время они были перестроены (рис. 2) и длительно использовались в течение трех последующих фаз существования памятника (I–III) до самого конца жизни на поселении. При этом ранее жилое помещение № 3 было разделено на несколько отсеков и, скорее всего, служило для хозяйственных целей. Подсобный характер имело также помещение № 4б. Микроморфологические образцы натоптанных слоев внутри постройки (Cereda, in prep.) указывают на наличие навоза в этом узком помещении. Подквадратное в плане помещение № 4а, напротив, до конца использовалось в жилых целях и неоднократно ремонтировалось, о чем свидетельствует свита из минимум шести полов с красной обмазкой внутри помещения (Pollock, Bernbeck, 2019. Fig. 2, 31). Некоторые другие помещения, такие как

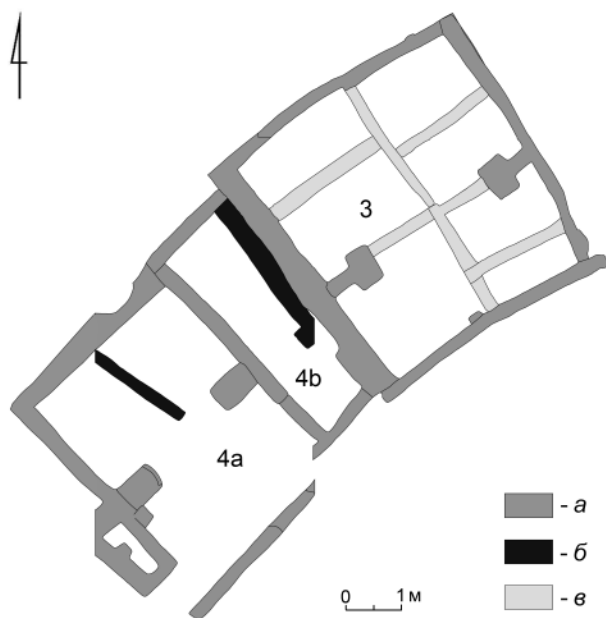

Рис. 2. Монджуклы-депе. Помещения № 3, 4а и 4б: а — стены, возведенные в фазе IV и используемые в фазах I–III; б — стены, возведенные и разрушенные в фазе IV; в — стены, возведенные в фазе III

Fig. 2. Monjukli Depe. Houses 3, 4a and 4b: a — walls built in Stratum IV and used in Strata I–III; б — walls built and destroyed in Stratum IV; в — walls built in Stratum III

помещения № 7 и 8 (фазы III и IV), 1 и 2 (I и II) использовались на протяжении двух фаз. Время использования других построек (№ 10, 18, 14, 17, 19, 20) укладывается в одну фазу существования поселения.

Разное обращение с руинами/остатками домов. В нескольких случаях произошло относительно быстрое разрушение дома, как в случае с помещением № 10, где, возможно, зафиксирован ритуал оставления в виде камней, разложенных на последнем полу дома, а также на поверхности двора у этого жилища, после чего вход в помещение был заблокирован и стены дома снесены (Egbers, 2019). Похожие действия в виде россыпи камней на полу имели место и в более раннем помещении № 14, которое было еще и сожжено (Kubelková, 2019). Руины других, уже нежилых, домов, напротив, оставались открытыми для различных видов деятельности. В руинах помещения № 3, временно покинутого перед выше описанной капитальной перестройкой, между юго-западной стеной и прилегающим к ней пилестром была сооружена конструкция наподобие

камина (Schönicke, 2019. Fig. 6, 3), интенсивно эксплуатировавшаяся, о чем свидетельствуют слои накопившейся под камином золы. Другое оставленное жителями и постепенно разрушавшееся помещение № 9 было в течение более длительного времени свалкой мусора, а также местом действий, связанных с использованием огня. Об этом свидетельствуют перемежающиеся слои золы и материалов разрушения стен, а также следы нескольких кострищ и мусорные ямы, находящиеся на разных уровнях заполнения помещения.

Примечательно, что при разрушении домов стены сохранялись на значительную высоту. Так, высота юго-западной стены помещения № 14 доходила до 1,8 м. Строительный завал не убирался, а оставлялся на месте: им засыпалось внутреннее пространство руин и участок непосредственно у внешней стороны стен дома, тем самым повышая поверхность заселенного холма и образуя его неровную планиграфию. Уровень древней дневной поверхности других незастроенных участков поселения со временем также поднимался за счет накопления культурных слоев, но при разрушении домов этот процесс проходил намного быстрее.

Выбор места для новой постройки. Этот фактор связан с вышеописанным процессом. Новые постройки, основанные на месте бывших домов, находились на более высоком уровне за счет разрушенных предыдущих зданий. В истории заселения монджуклинского холма прослеживаются индивидуальные линии развития, повлиявшие на микротопографию холма. В северо-западной части раскопа D заметна последовательность из трех домов — помещения № 20, 9 и 1, стены которых были построены на остатках стен предшествующих строений (рис. 3). Уровень фундамента последнего дома (№ 1), возведенного на свите слоев строительного завала, находился выше некоторых синхронных соседних участков.

Несколько иная история заселения прослежена для участка на северо-востоке раскопа. Во время фазы III там было возведено жилое помещение № 10, часть которого находилась на руинах помещения № 17 и 20, а другая часть его располагалась непосредственно на зольных слоях мусорной свалки к северу от этих домов. После разрушения помещения № 10 образовавшееся обширное незастроенное пространство было

ограждено дворовой стеной, а также сооружением в виде ворот и использовалось в качестве мусорной свалки. В мусорных напластованиях были также найдены крупные части костей животных, интерпретированные как остатки коммунальных пиршеств, проводившихся на Монджуклы-депе (Eger, 2019). Лишь в самом конце существования поселения это место было застроено новым помещением № 18. На этом участке раннеэнеолитические напластования также имеют сравнительно большую мощность.

В других частях поселения строительная деятельность была менее интенсивной, и, соответственно, накопление материалов разрушения менее объемным. Вскрытая на раскопе С свита слоев содержала архитектурные остатки двух домов (помещения № 7 и 8), возведенных в начале строительства поселения и через какое-то время разрушенных. Лишь на месте помещения № 8 в финальной фазе монджуклинского поселения было сооружено новое помещение, судя по остаткам пола и стен, зафиксированных немногим ниже современной поверхности холма. Соответственно, толщина энеолитических напластований (1,9 м — Pollock, Bernbeck, 2019. Fig. 2, 11) здесь значительно меньше, чем на описанном выше участке (минимум 2,9 м — *Ibid.* Fig. 2, 12).

История строительства на северо-западном участке раскопа В тоже небогата сменой построек: вышеупомянутые помещения № 3 и 4 здесь использовали с ранней энеолитической фазы до конца обживания поселения с некоторым перерывом в конце фазы IV, после чего произошла капитальная перестройка. Тут следует отметить, что в процессе ремонта уровни полов этих помещений были значительно подняты благодаря слоям строительного завала мощностью в 0,8–0,9 м.

Что можно сказать о потенциальной разновременности построек одного строительного горизонта и о проблемах при реконструкции количества жилых домов?

Из истории заселения Монджуклы-депе можно привести один наглядный пример, когда вскрытые постройки не отображают действительное количество жилых домов в одновременном использовании. Речь идет о гипотетическом моменте истории энеолитического поселка *в конце фазы III* или, другими словами, о ситуации на уровне одного яруса — 287,5–288,0 м

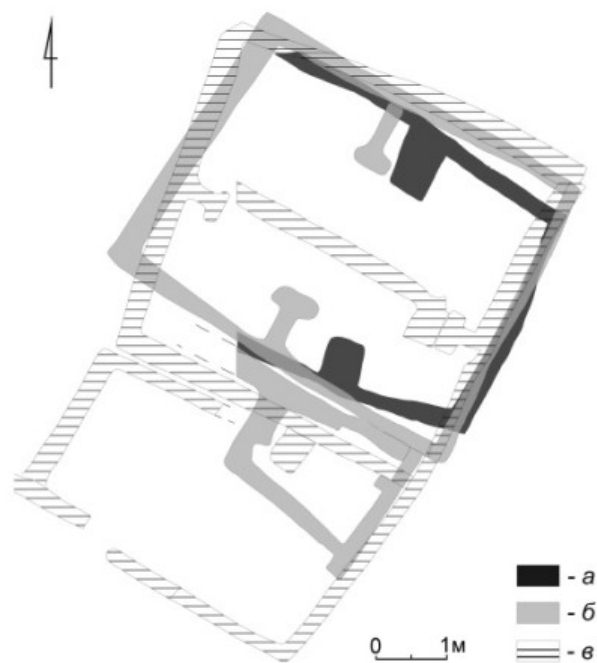

Рис. 3. Монджуклы-депе: а — стены помещения № 20; б — стены помещения 9; в — стены помещения № 1

Fig. 3. Monjukli Depe: a — walls of house 20; б — walls of house 9; в — walls of house 1

над уровнем моря. В это время (до постройки будущего помещения № 1 в северо-западной части раскопа D и начала фазы II) в части поселения, охваченной раскопами В, С и D, стояли стены помещения № 9, уже заброшенного, но еще не полностью разрушенного, в отличие от помещения № 10, возведенного примерно одновременно в начале фазы III на северо-востоке раскопа (рис. 4). К югу от руин помещения № 9 (юго-западная часть раскопа D и северо-западная часть раскопа В) находились три других помещения — № 3, 4b и 4a, построенные для жилых нужд еще в предыдущей фазе (IV), но только последнее из них оставалось жилым в рассматриваемый нами момент, остальные же использовались для хозяйственных целей. К востоку от этих домов стояли руинированные стены помещения № 8 предыдущей фазы IV. Соседнее помещение № 7, возведенное вместе с помещением № 8, на тот момент уже было полностью разрушено. Таким образом, из семи помещений, отмеченных на протяжении всей фазы III, к концу этого хроностратиграфического периода в жилом использовании находилось только одно. Две постройки использовались в иных целях, еще два дома стояли в руинах,

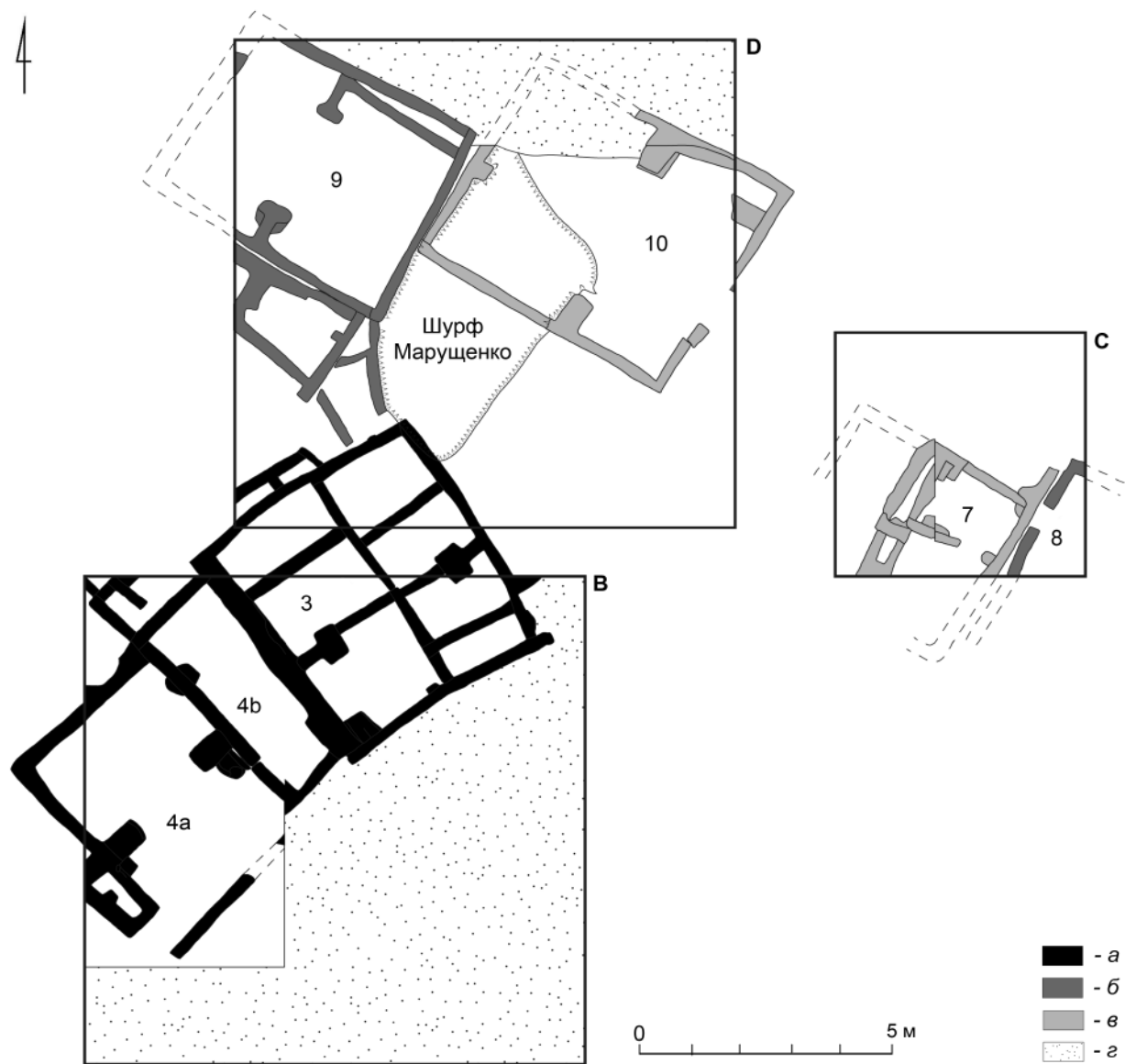

Рис. 4. Монджуклы-депе. План раскопов В, С и D. Гипотетическая ситуация в конце фазы III: *a* — дома в использовании; *b* — руины в использовании; *v* — полностью разрушенные дома; *z* — нераскопанные участки

Fig. 4. Monjukli Depe. Units B, C and D. Hypothetical situation at the end of Stratum III: *a* — houses in use; *b* — ruins in use; *v* — completely destroyed houses; *z* — unexcavated areas

а стены последних двух зданий были полностью погребены под слоями мусора и обломков кирпича-сырца. Жилые дома находились в это время, судя по всему, не в охваченных раскопами В, С и D центральной и восточной частях, а в других частях поселения.

Непрерывная застройка и постепенная смена старых зданий новыми, скорее всего, практиковались не только на Монджуклы-депе, но и на

других памятниках региона. Предпосылкой этих процессов является разная динамика строительства отдельных участков поселений, в результате чего складывалась неровная топография жилого пространства. Признаки такой динамики следует, с одной стороны, искать в помещениях с разной длительностью использования. С другой стороны, разная интенсивность «вертикальной» застройки отдельных участков влияет на микро топографию

холмов-поселений. Дома, возведенные на неразобранных остатках руин предшественников, не только указывают на постоянство поселения, но и в потенциале образуют более мощную свиту слоев. Соответственно, чем дольше длится обживание поселения, тем больше могут различаться уровни стен и полов одновременно построенных домов.

Если обратиться к неолитическому периоду, то налицо оба признака. При описании домов второго строительного горизонта, изученного на огромной площади раннеджейтунского поселения Джейтун, В. М. Массон (1971б. С. 15–26) указывает разные высоты, а также разное количество полов. Это, скорее всего, означает, что не все постройки были возведены и использовались синхронно. Нижележащие слои исследованы лишь фрагментарно небольшими раскопами и шурфами (Курбансахатов, Лоллекова, 1989; Берёзкин, 1992; Harris et al., 1996). Что интересно, на них выявлены последовательности нескольких домов, сооруженных строго друг на друге (например, дома А и В — Harris et al., 1996. Р. 429). Руины домов не только эпонимного поселения, но и других джейтунских памятников подобно монджуклинским домам после оставления «консервировались»: внутреннее пространство забутовывалось кирпичами или строительным материалом (Массон, 1971б. С. 100; Бердыев, 1966. С. 5). Аналогичные последовательности домов также зафиксированы в стратиграфических раскопах памятников среднеджейтунского периода Чопан-депе и Тоголок-депе (Бердыев, 1968. С. 9–13, рис. 1; 4).

Более развернутую картину истории неолитического заселения дает позднеджейтунское поселение Чагыллы-депе (Бердыев, 1966), на котором были планиграфически раскопаны второй и третий строительные горизонты. Если наложить планы построек этих горизонтов друг на друга, то отчетливо видны четыре здания, которые либо непрерывно использовались в обеих фазах поселения, либо представляли собой постройки, возведенные во втором горизонте практически точь-в-точь на стенах строений нижнего третьего горизонта (рис. 5). Жилое пространство вокруг этих домов, однако, со временем претерпело значительные структурные изменения, причем на местоположение и ориентировку новых жилищ этого плотно застроенного поселения влияли уже существующие и находящиеся в длительном

пользовании дома, к которым пристраивались новые здания.

Такое постоянство некоторых строений, наряду со значительными структурными изменениями в течение истории поселения, проявляется не только в памятниках, предшествующих монджуклинскому времени, но и на поселениях последующих периодов раннего и среднего энеолита (время Намазга I и II). Более длительное использование или пространственная последовательность здесь характерны для строений, отличающихся большими размерами или особым интерьером здания. Как правило, для этих помещений постулируется культовый характер (Сарианиди, 1962; Хлопин, 1964. С. 76–79). Кроме «святылец» в научный оборот введено и более нейтральное обозначение — «парадные помещения» (Берёзкин, Соловьёва, 1998). На поселении Йылгынлы-депе в раскопе № 3 вскрыта серия таких помещений времени Намазга II — помещения 38, 26, 14 и 18, возведенных строго друг на друге (Там же. С. 91–102, рис. 4–11). В то время как ориентация и внутренняя структура этих помещений оставались стабильными на протяжении четырех фаз поселения, прилегавший к ним с юго-востока участок неоднократно перестраивался, причем постройки на этом участке частично пристраивались позднее к стоящим уже парадным помещениям.

Параллельные процессы в истории заселения прослеживаются также на памятниках Геоксюрского оазиса в древней дельте р. Теджен. Так, на полностью раскопанном памятнике Дашлыджи-депе (Хлопин, 1960) времени Намазга I помещение № 1 нижнего третьего строительного горизонта продолжало использоваться в последующем втором горизонте (рис. 6), в то время как остальное пространство поселка было полностью переформировано. Казалось бы, тут имели место массовый снос старых строений и нивелировка строительной площади, но И. Н. Хлопин (1960. С. 144–145) приводит некоторые интересные детали вторичного использования стен ранних помещений № 2, 14, 17 и 18 при возведении новых структур, имевших иную форму и назначение, нежели их предшественники. На поселении Ялангач-депе (Хлопин, 1964. С. 19–24), где вскрыты два строительных горизонта времени Намазга II, перестройка жилого пространства имела более масштабный характер (рис. 7). Планировка поселка нижнего (второго) строительного

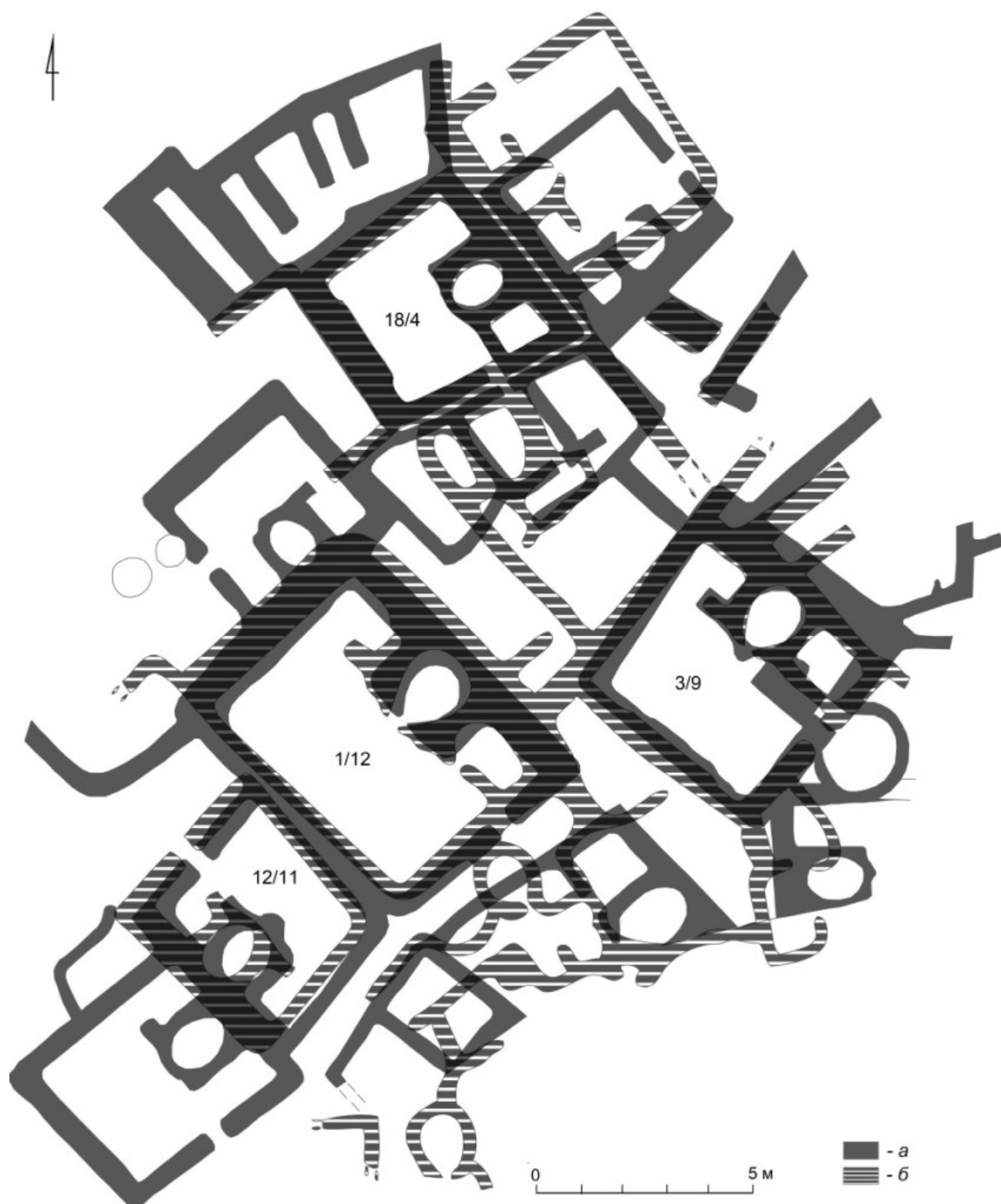

Рис. 5. Чагылы-депе: *a* — план третьего строительного горизонта; *б* — план второго строительного горизонта (модифицировано по Бердыев, 1966. Рис. 1; 2)

Fig. 5. Chaglyly Depe: *a* — plan of the third building horizon; *b* — plan of the second building horizon (modified after Бердыев, 1966. Рис. 1; 2)

Рис. 6. Дашлыджи-депе: *a* — план третьего строительного горизонта; *b* — план второго строительного горизонта (модифицировано по Хлопин, 1960. Рис. 6; 9)

Fig. 6. Dashlyji Depe: *a* — plan of the third building horizon; *b* — plan of the second building horizon (modified after Хлопин, 1960. Рис. 6; 9)

горизонта сначала состояла из двух частей: на северо-западе находился плотно застроенный комплекс одинаковых прямоугольных жилых помещений, в то время как на юго-востоке постройки были более рассредоточены и различались формами и размерами. В верхнем (первом) горизонте архитектурный облик памятника полностью преобразуется: возводится система обводных стен и круглых построек, которая перекрывала старые строения и окружала пространство вокруг большого прямоугольного помещения № 1 —

единственного здания, пережившего глубокие трансформации жилого пространства ялангачского поселения.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в заселении неолитических и энеолитических памятников на протяжении нескольких строительных горизонтов прослеживается пространственная преемственность. Вместо тотальной смены одних построек другими в течение короткого

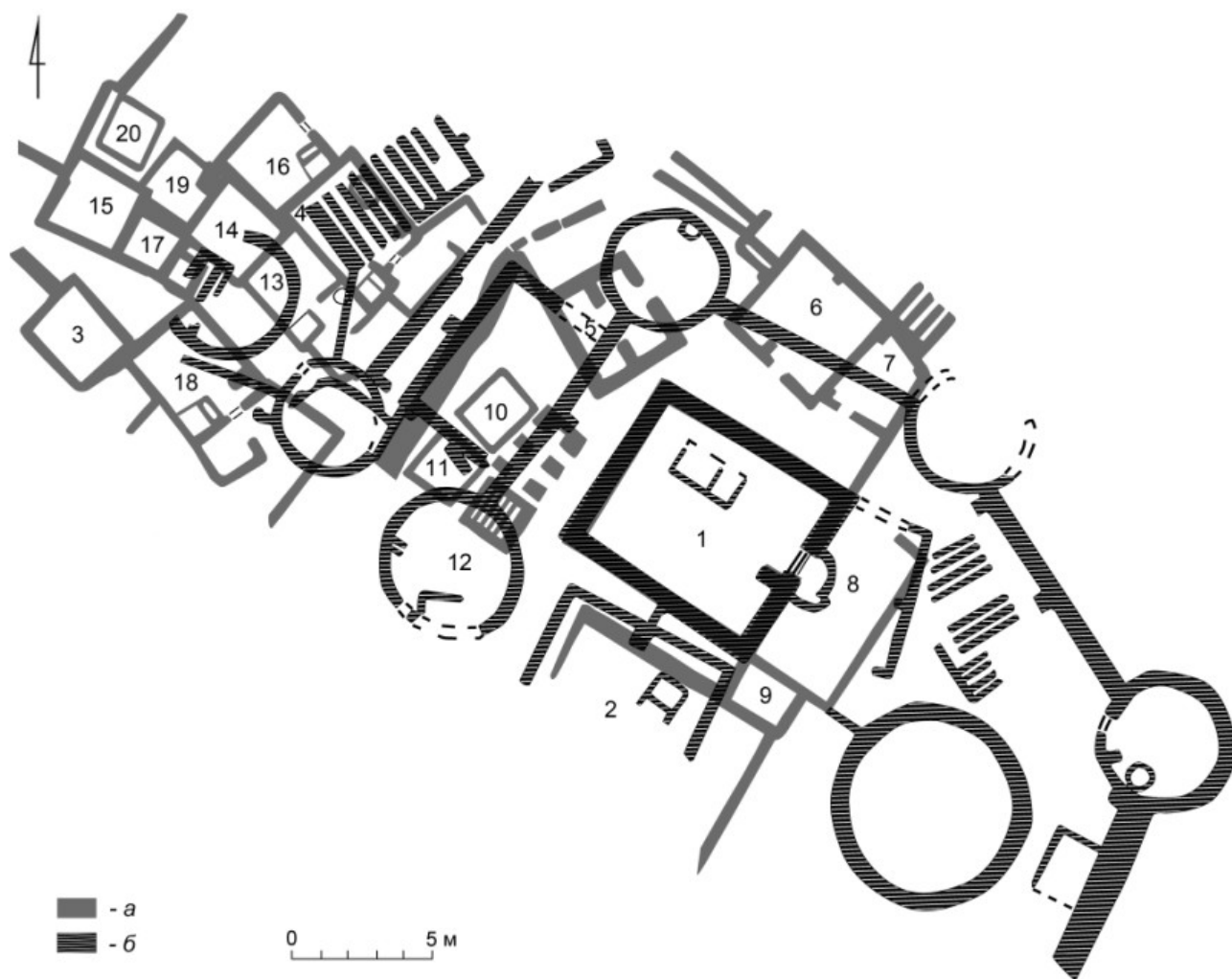

Рис. 7. Ялангач-депе: *a* — план второго строительного горизонта; *б* — план первого строительного горизонта (модифицировано по Хлопин, 1964. Рис. 6; 9)

Fig. 7. Yalangach Depe: *a* — plan of the second building horizon; *b* — plan of the first building horizon (modified after Хлопин, 1964. Рис. 6; 9)

времени процесс протекал, скорее, постепенно: новые строения сосуществовали с постройками более раннего времени. Даже при значительных изменениях в пределах жизни одного поселения, как в случае Ялангач-депе, существовали структуры, бывшие в использовании длительное время и служившие топологическими ориентирами

для новостроек. При этом части поселения могли какое-то время стоять заброшенными, а культурные слои других участков накапливаться быстрее. Такую сложность процессов предшествующего обживания поселения и формирования памятника особенно следует учитывать при планиграфическом изучении многослойных поселений.

Бердыев, 1964 — Бердыев О. К. Стратиграфия Тоголок-депе в связи с расселением племен джейтунской культуры // СА. 1964. № 2. С. 271–276.

Бердыев, 1966 — Бердыев О. К. Чагыллы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры // Материальная культура народов Средней

Азии и Казахстана / Отв. ред. Н. А. Кисляков, М. Г. Воробьева. М.: Наука, 1966. С. 3–28.

Бердыев, 1968 — Бердыев О. Изучение памятников эпохи неолита // КД. 1968. Вып. 1. С. 9–17.

Бердыев, 1972 — Бердыев О. К. Монджуклы-депе — многослойное поселение неолита и раннего

- энеолита в южном Туркменистане // КД. 1972. Вып. 4. С. 11–34.
- Берёзкин, 1992 — Берёзкин Ю. Е. Раскопки на поселении Джейтун в 1989–1991 гг. Предварительные результаты // Новые исследования на поселении Джейтун / Под ред. В. М. Массона. Ашгабат: Ылым, 1992 (Материалы ЮТАКЭ; Т. 4). С. 13–30.
- Берёзкин, Соловьёва, 1998 — Берёзкин Ю. Е., Соловьёва Н. Ф. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.
- Курбансахатов, Лоллекова, 1989 — Курбансахатов К. К., Лоллекова О. Новые раскопки поселения Джейтун // Известия АН ТССР. Ашхабад: изд-во АН Туркменской ССР. 1989. № 3. С. 18–24.
- Массон, 1971а — Массон В. М. Метод палеоэкономического анализа в археологии // КСИА. 1971. Вып. 127: Памятники эпохи неолита и бронзы. С. 3–9.
- Массон, 1971б — Массон В. М. Поселение Джейтун. Проблемы становления производящей экономики. Л.: Наука, 1977 (МИА; № 180). 207 с.
- Массон, Кирчо, 2008 — Массон В. М., Кирчо Л. Б. Изучение энеолитических комплексов Алтын-депе // Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации / Отв. ред. Ю. Е. Берёзкин. СПб.: Европейский Дом, 2008 (Труды ИИМК РАН; Т. XXVIII). С. 13–72.
- Сарианиди, 1962 — Сарианиди В. И. Культовые здания поселения анауской культуры // СА. 1962. № 1. С. 44–56.
- Соловьёва, 2015 — Соловьёва Н. Ф. Специализированная мастерская эпохи раннего энеолита в Каракумах // Записки ИИМК РАН. 2015. № 12. С. 76–89.
- Хлопин, 1960 — Хлопин И. Н. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана II / Под ред. М. Е. Массона. Ашхабад: изд-во АН Туркменской ССР, 1960 (Тр. ЮТАКЭ; Т. 10). С. 134–224.
- Хлопин, 1964 — Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита: Опыт исторического анализа. Л.: Наука, 1964. 172 с.
- Bar Yosef, 1986 — Bar-Yosef O. The Walls of Jericho: An Alternative Interpretation // Current Anthropology. 1986. Vol. 27, no. 2. Pp. 157–162.
- Bernbeck, Pollock, 2016 — Bernbeck R., Pollock S. Scalar Differences: Temporal Rhythms and Spatial Patterns at Monjukli Depe, Southern Turkmenistan // Antiquity. 2016. Vol. 349, no. 90. Pp. 64–80.
- Cereda, in prep. — Cereda S. All the Small Things: A Microstratigraphic Investigation of Earthen Deposits at the Site of Monjukli Depe // Living in the Village: Excavations at Monjukli Depe, 2010–2014 / Eds. S. Pollock, R. Bernbeck. Leiden: Sidestone, in preparation.
- Egbers, 2019 — Egbers V. The House as Process. A Biography of Building 10 in Monjukli Depe // Looking Closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Vol. 1 / Eds. S. Pollock, R. Bernbeck, B. Ögüt. Leiden: Sidestone, 2019. Pp. 107–132.
- Eger, 2019 — Eger J. Remains of the Feast Days? A Comparative Study of Faunal Remains from Aeneolithic Monjukli Depe // Ibid. Pp. 191–212.
- Harris et al., 1996 — Harris D. R., Gosden C., Charles M. P. Jeitun: Recent Excavations at an Early Neolithic Site in Southern Turkmenistan // Proceedings of the Prehistoric Society. 1996. Vol. 62. Pp. 423–442.
- Heit, 2019 — Heit I. Chronological Modeling for Monjukli Depe und the Kopet Dag Region // Looking Closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Vol. 1 / Eds. S. Pollock, R. Bernbeck, B. Ögüt. Leiden: Sidestone, 2019. Pp. 81–106.
- Hiebert, Kurbanakhatov, 2003 — Hiebert F. T., Kurbanakhatov K. A Central Asian Village at the Dawn of Civilization. Excavations at Anau, Turkmenistan. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003 (University Museum Monograph; Vol. 116). 238 p.
- Kubelková, 2019 — Kubelková H. “Fire is a Good Servant but a Bad Master”: The Burnt House 14 at Monjukli Depe // Looking Closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Vol. 1 / Eds. S. Pollock, R. Bernbeck, B. Ögüt. Leiden: Sidestone, 2019. Pp. 133–162.
- Looking Closely..., 2019 — Looking Closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Vol. 1 / Eds. S. Pollock, R. Bernbeck, B. Ögüt. Leiden: Sidestone, 2019. 495 p.
- Schönicke, 2019 — Schönicke J. The Fire Installations from Monjukli Depe // Ibid. Pp. 163–190.
- Pollock, Bernbeck, 2019 — Pollock S., Bernbeck R. Stratigraphy and Settlement Layout // Ibid. Pp. 33–80.
- Pollock et al., 2013 — Pollock S., Bernbeck R., Ögüt B., Daszkiewicz M., Eger J., Keßeler A., Rogasch J., Schönicke J., Sturm P., Teuwsen K. The Second Season of Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2011 // AMIT. 2013. Vol. 45. Pp. 51–98.

Uneven Horizons: Some Considerations on the Settlement History of Neolithic and Aeneolithic Sites in Southern Turkmenistan

I. Heit²

Excavations at several Neolithic and Aeneolithic tell settlements, conducted in the 1950s–1960s in South Turkmenistan, provided extensive insights into the mud-brick architecture and spatial organization of the early village communities of the Kopet Dag foothills. In comparison, the settlement history of the pre-urban period had previously been investigated to a comparable extent in only a few other regions of Western Asia. The settlement research in Turkmenistan benefited from large-scale horizontal excavations, a methodology, that was favored by Soviet archaeologists' interests in socioeconomic issues. The houses and settlement layouts, grouped in “building horizons”, served as data for paleodemographic estimations but also for studies on social relationships of past societies. However, these estimates presuppose that buildings levels represent single points in time. The “building horizons” were also partly understood literally by some researchers: The complex settlement history of these multiphase sites was reduced to a few major building events, in which all structures were erected in one step on the leveled remains of the preceding houses. The recent small-scale excavations at Monjukli Depe, however, show a more differentiated picture of the Early Aeneolithic settlement history: it is rather a “spiral stratigraphy” of houses built next to pre-existing structures, some of them still inhabited and others standing in ruins. This shows, on the one hand, that the organization of the built space was influenced to a great extent by preceding structures. On the other hand, buildings at similar elevations were not necessarily built or used at the same time. This recognition requires a new look at the settlement plans of the sites in the region. The uneven microtopography of the past built spaces in Monjukli Depe is caused primarily by three factors. 1. The houses were occupied for different lengths of time: some houses endured through several settlement phases, while the other were abandoned rather quickly. 2. The ruins of the houses were treated differently — in some cases, relatively quick destruction of the house followed, while other ruins stood open for various activities for a longer period of time, next to houses that continued to be inhabited. 3. Some spots in the settlement show sequences of multiple houses built above the ruins of their predecessors, while in other places there was no building activity after the destruction of a house. However, similar patterns can also be identified by the other settlements of the region. The houses of the second building horizon at the earlier Neolithic site of Jeitun show different elevations and varying thicknesses of the floors, which indicates that the structures were used for different periods of time. When comparing two superimposed building horizons of the Neolithic settlement of Chagyly Depe, three buildings can be identified that were either used continuously in two settlement phases or represent houses that were rebuilt directly on top of each other. In other portions of the settlement, however, there was more rapid change. In the time periods following the Aeneolithic occupation of Monjukli Depe (Namazga I and II), especially larger buildings have a longer use or “spatial fidelity” compared to other structures.

² Iliia Heit — Institut für Vorderasiatische Archäologie, Freie Universität Berlin, Fabeckstr. 23-25, 14195, Berlin; e-mail: iliaheit@zedat.fu-berlin.de

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

Гончарные производства на территории Южного Приаралья (к вопросу об организации ремесленного производства в древности)

С. Б. Болелов¹

Аннотация. Статья посвящена организации и организационным формам ремесленного гончарного производства на территории Южного Приаралья. Выделены три типа гончарных производств, которые различаются по предполагаемому объему производимой продукции и расположению мастерских относительно населенных пунктов. На основании анализа имеющихся материалов автор приходит к выводу, что каждый выделенный тип производств соответствует определенной форме организации ремесла.

Annotation. This paper is devoted to the organizational forms of the pottery-making handicraft in the territory of the South Aral region. Three types of pottery-making have been distinguished which differed in terms of the production volumes and locations of the workshops relative the settlement sites. On the basis of analysis of the available evidence, the author comes to the conclusion that each of the distinguished types of production corresponds to a definite form of organization of the handicrafts.

Ключевые слова: ремесло, гончарство, мастерская, производственный центр, торгово-ремесленное поселение, жилищно-производственный комплекс, обжигательный горн.

Keywords: handicraft, pottery-making, workshop, manufacturing centre, trade and handicraft settlement, dwelling and manufacturing complex, pottery firing kiln.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-157-178

Благодаря уникальным природным условиям Южного Приаралья, до 70-х гг. прошлого века в пустыне сохранились нетронутыми остатки древних поселений и целых земледельческих оазисов, включавших земельные угодья, усадьбы, ирригационные системы, ремесленные производства, в том числе гончарное. Сплошное картографирование археологических памятников региона с использованием аэрофотосъемки предоставило уникальную возможность рассмотреть гончарство как внутренне взаимосвязанную подсистему общей палеоэкономической системы области. Анализ данных, полученных в процессе многолетних исследований археолого-топографического отряда под руководством Б. В. Андрианова, и материалов аэрофотосъемки позволяет

рассматривать эти вопросы комплексно, на всей территории региона, учитывая типы поселений, выявляя районы концентрации и места расположения производств относительно населенных пунктов и водных источников (Андрианов, 1969).

Характерной особенностью палеоэкономической системы Хорезма в эпоху античности — в отличие, например, от Бактрии — является сосредоточение гончарного производства на территории сельских поселений или в округе поселений и крепостей. Исключение составляют два горна, раскопанные в пределах городских стен на городище Хазарасп, но масштабы этого производства и условия его функционирования неясны (Воробьева и др., 1963. С. 174–175). Не исключено, что в Хазараспе, единственном пока на территории Хорезма, керамическое производство функционировало внутри города, как это было в южных областях Средней Азии, где гончарные кварталы располагались всегда внутри городских стен и являлись частью застройки (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 73).

¹ Отдел истории материальной культуры и древнего искусства, Государственный музей Востока; Никитский бульвар, 12а, Москва, 119019, Россия; e-mail: bsb1958@yandex.ru.

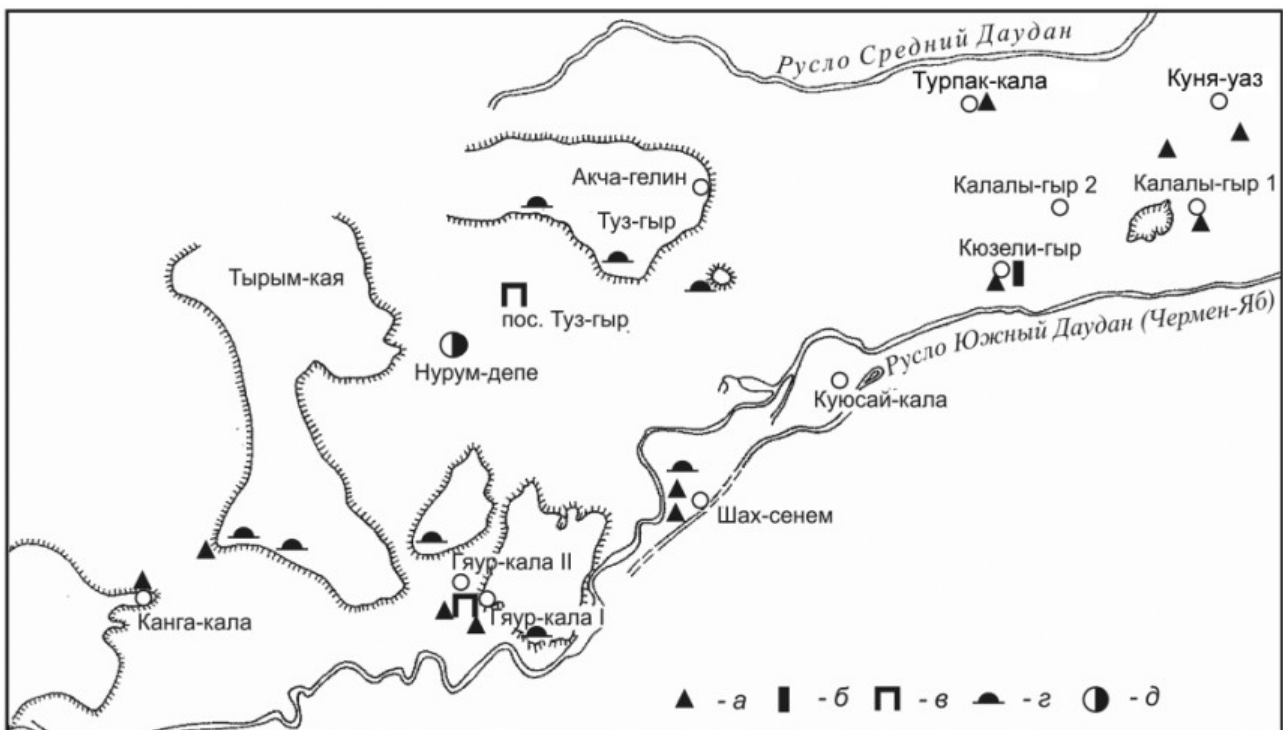

Рис. 1. Гончарные производства на территории левобережного Хорезма. Карта-схема (а — одиночные обжигательные горны; б — специализированные производства; в — производственные центры; г — курганные могильники; д — ремесленное поселение)

Fig. 1. Pottery-making handicrafts in the territory of Left-Bank Khorosm. Schematic map (a — single pottery kilns; б — specialised pottery works; в — production centres; г — kurgan cemeteries; д — handicraft settlement)

На остальной территории Хорезма ремесленное гончарное производство располагалось вне крепостных стен, в зоне сельских поселений (рис. 1; 2) на большем или меньшем удалении от жилых построек.

Исследователи не раз обращали внимание на эту особенность, объясняя ее в основном социальными или идеологическими причинами, а также специфическими условиями производства (Толстов, 1948. С. 274; Неразик, 1981а. С. 139; 1981б. С. 222; Мамбетуллаев, 1984. С. 37). В то же время Е. Е. Неразик по итогам широкомасштабных исследований сельских поселений Хорезма высказала предположение, что наличие различных по размерам и месторасположению керамических производств в сельских поселениях объясняется различными формами организации производства — в частности, сосуществованием широкомасштабного товарного производства с общинным ремеслом (Неразик, 1976. С. 218). Как показали исследования Южного Приаралья последних десятилетий, размещение и организация

ремесленного гончарного производства на территории региона были связаны, прежде всего, с палеоэкономической системой, которая сложилась здесь в последней трети I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э.

По расположению, размерам и предполагаемому объему продукции все объекты гончарного производства, известные на территории Южного Приаралья, можно подразделить на несколько категорий (Болелов, 2002а. С. 11–13).

Ремесленные поселения и крупные производственные центры отличаются от остальных значительными размерами и предполагаемыми внушительными объемами производства.

Наиболее ранним таким поселением является Хумбузтепа в южной части Левобережного Хорезма. Нижние слои памятника датируются не позднее второй половины VII — начала VI в. до н. э. (Болелов, 2019. С. 60). Недостаточная изученность остатков построек этого поселения не дает определить, к какому типу оно относится, можно лишь уверенно говорить, что оно не было укреплено.

Первый исследователь поселения М. Мамбетуллаев упоминает чередование архитектурных остатков с керамическими отвалами (Мамбетуллаев, 1984. С. 22). Верхние культурные слои поселения были полностью уничтожены в результате планировки поверхности под строительство. Наличие на небольшой сохранившейся площади (520 × 65–80 м) девяти керамических горнов и остатков каких-то построек рядом с ними, о которых говорится в первой публикации памятника (Мамбетуллаев, Юсупов, 1974. С. 483; Мамбетуллаев, 1984. С. 21–38), позволяет предполагать, что Хумбузтепа действительно являлся ремесленным поселением или производственным керамическим центром. В ходе работ 1996–1997 гг. здесь были выявлены остатки построек раннего периода (Болелов, 2004а. С. 48–55).

В центре сохранившейся части памятника вскрыто несколько помещений, которые относятся к первому (наиболее раннему) и второму периодам жизни поселения. Состав археологического комплекса однозначно свидетельствует, что это были жилищно-производственные помещения. О том, что в них формовалась посуда, можно судить по находкам уже изготовленных, но необожженных сосудов в культурных слоях как первого, так и второго периода. Здесь же были найдены фрагменты крупных выпукло-вогнутых керамических дисков с небольшим резко опущенным бортиком по краю с внешней стороны, которые можно квалифицировать как подкладные, использовавшиеся при формовке крупных сосудов, прежде всего, хумов и хумчей. На северном участке поселения была раскопана часть гончарной мастерской, располагавшейся рядом с обжигательным горном (рис. 3). У стены *in situ* зафиксирована нижняя часть стационарно установленного хума. В 5 м к западу от него, также вплотную к стене помещения, обнаружено еще пять вкопанных вверх дном крупных цилиндроконических сосудов с диаметром тулова 30–35 см, у которых еще в древности были отбиты днища. В них найдены комки промышленной глины и бесформенные куски материковой глины коричневого цвета. В помещении обнаружены фрагменты сформованных, но необожженных сосудов и выпукло-вогнутый диск диаметром 70 см, а также железный нож с изогнутой спинкой и невыделенной утолщенной рукоятью. По комплексу артефактов из заполнения мастерской ее можно датировать не позднее VI в. до н. э. (Болелов, 2019. С. 60–64).

Рис. 2. Гончарные производства на территории правобережного Хорезма. Карта-схема (а — специализированные производства; б — одиночные обжигательные горны VI–IV вв. до н. э.; в — одиночные обжигательные горны IV–I вв. до н. э.; г — одиночные обжигательные горны I–IV вв. н. э.; д — одиночные обжигательные горны рядом с жилыми постройками)

Fig. 2. Pottery-making handicrafts in the territory of Right-Bank Khoresm. Schematic map (a — specialised works; б — single pottery kilns of the 6th–4th century BC; в — single pottery kilns of the 4th–1st century BC; г — single pottery kilns of the 1st–4th century AD; д — single pottery kilns near dwelling buildings)

Этим же временем, надо полагать, датируется и двухъярусный округлый в плане обжигательный горн с вертикальным ходом горячих газов, раскопанный в непосредственной близости от помещения мастерской. Овальная в плане топочная камера была вырублена в материке. Почти вертикальные жаропроводящие каналы, вырубленные в материковом грунте, начинались, видимо, на уровне середины — верхней трети высоты топки. Они радиально располагались по периметру топки, были обмазаны глиной и открывались в обжигательную камеру круглыми продухами диаметром 10–15 см. Ширина обжигательной камеры установлена лишь приблизительно, так как из-за многочисленных ремонтов она значительно сузилась. Максимальная ее ширина — 4 м, минимальная (на последнем этапе функционирования горна) — 3,5 м.

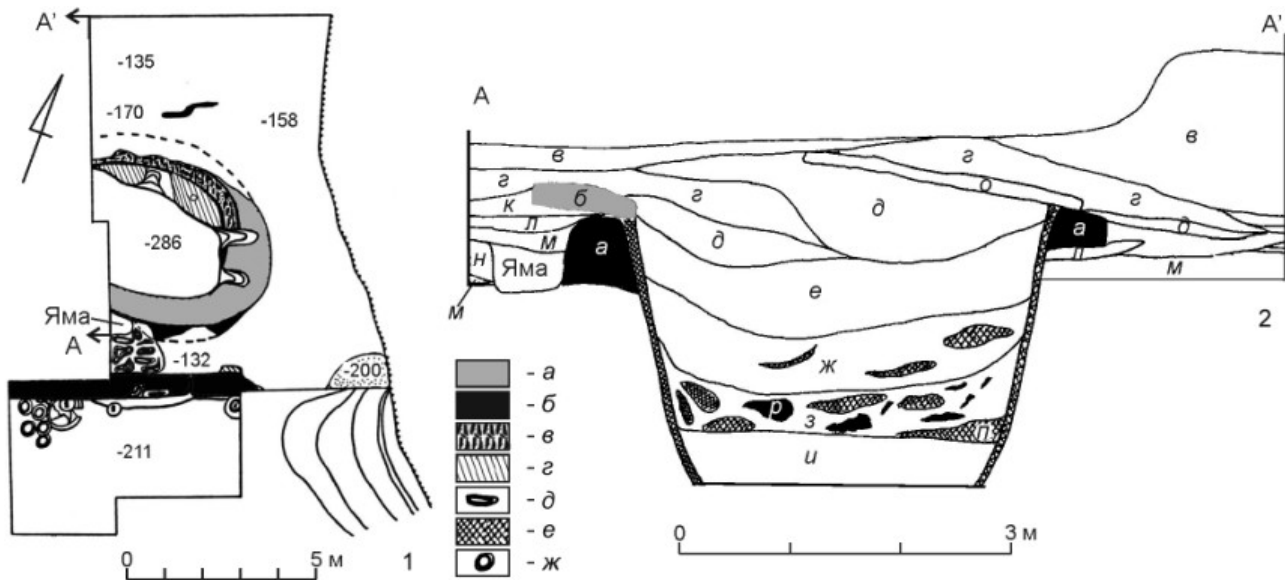

Рис. 3. Хумбузтепа, раскоп 1 (Болелов, 2019. С. 33, рис. 5): 1 — план горна и части мастерской (а — стены I периода; б — стены II периода; в — куски обожженной глины и обмазок; з — уровень пода обжигательной камеры; д — крупные куски материковой глины; е — зольник; ж — стационарно установленные хумы); 2 — разрез горна по линии АА' (а — стены I периода; б — стены II периода; в — рыхлая супесь серого цвета с фрагментами керамики и гончарного шлака; з — супесь серого цвета с фрагментами керамики; д — песок желтого цвета; е — плотная супесь серо-коричневого цвета с керамикой и кусками обожженной глины; ж — плотная супесь коричневого цвета; з — супесь коричневого цвета; и — прокаленная до красного цвета глина с кусками керамического шлака; к — подсыпка материковым грунтом; л — плотная комковатая глина; м — рыхлая комковатая супесь серо-коричневого цвета; н — куски материковой глины красно-коричневого цвета; о — слоистый суглинок серого цвета (натечный слой); п — зольник, прокаленная докрасна глина; р — крупные куски керамического шлака (оплавленный до желто-зеленого цвета лесс))

Fig. 3. Khumbuztepa, excavation 1 (Болелов, 2019. С. 33, рис. 5): 1 — plan of the kiln and part of the workshop (а — walls of period I; б — walls of period II; в — pieces of baked clay and plaster; з — level of the floor of the firing chamber; д — coarse pieces of the virgin clay; е — ash heap; ж — stationary khums (storage vessels)); 2 — section of the kiln along AA' line (а — walls of period I; б — walls of period II; в — loose grey sandy loam with fragments of ceramic slag; з — loose grey sandy loam with fragments of pottery; д — yellow sand; е — dense grey brown sandy loam with pottery fragments and pieces of baked clay; ж — dense brown sandy loam; з — brown sandy loam; и — clay calcined to red with pieces of ceramic slag; к — addition of virgin soil; л — dense lumpy clay; м — loose grey brown lumpy sandy loam; н — lumps of red brown virgin clay; о — grey stratified sandy loam (deposited layer); п — ash layer, red calcined clay; р — coarse lumps of ceramic slag (loess fused to yellow green colour))

По конструктивным признакам (соотношению объемов топочной и обжигательной камер, системе продухов) горн полностью аналогичен горнам древнемаргианских поселений Учдепе и Чурнок, датированных серединой I тыс. до н. э. (Сарияниди, 1957. С. 72–77; Болелов, 2002а. С. 89). По стратиграфическим данным обжигательный горн можно отнести к раннему периоду жизни поселения (Болелов, 2019. С. 35–36).

На основании материалов раскопок Хумбузтепа в 1996–1997 гг. определенно можно утверждать, что это был гончарный производственный

центр, который возник и начал функционировать не позднее второй половины VII в. до н. э. (Болелов, 2013а. С. 6). Технология производства керамики здесь была напрямую связана с традициями гончарного производства южных областей Средней Азии — прежде всего с Маргианой. Об этом красноречиво свидетельствует конструкция обжигательного горна — самого раннего на территории Хорезма, а также использование гончарного круга быстрого вращения, неизвестного ранее в низовьях Амударьи. Видимо, этот центр возник при непосредственном участии

мастеров-керамистов из южных областей и снабжал своей продукцией обширную округу, центром которой, возможно, был Хазарасп, расположенный в 18 км к северо-западу от Хумбузтепа, ниже по реке. По результатам исследований, проведенных позднее отрядом Института археологии АН РУз, можно сделать вывод, что Хумбузтепа являлось многопрофильным ремесленным поселением. Так, к северу от раскопа 1997 г. была открыта двухкамерная одноярусная производственная конструкция (печь), рядом с которой найдены фрагменты керамических сопел для принудительного нагнетания воздуха. Назначение ее осталось неясным (Баратов, Матрасулов, 2003. С. 41–42). Учитывая наличие фрагментов сопел, можно предположить, что это какая-то производственная конструкция, связанная с металлообработкой — может быть, кузнечный горн, в котором накалялись железные полуфабрикаты.

Хумбузтепа — не единственное поселение середины I тыс. до н. э. в округе. В ходе маршрутных исследований 1996–1997 гг. в его окрестностях обнаружено еще два поселения, которые по подъёмному материалу можно отнести к архаическому периоду (VI–IV вв. до н. э.): в 2 км выше по течению Амударьи — Караташ, в 3 км ниже по течению — Таш-Сака. На поселении Таш-Сака также отмечены следы керамического производства: куски шлака, бракованная керамика; следов обжигательных горнов не зафиксировано. По данным С. Р. Баратова, остатки гончарного производства фиксируются по берегу Амударьи в районе Хумбузтепа на протяжении 8 км, что позволяет предполагать здесь грандиозный производственный центр, который функционировал с VII по III в. до н. э. (Баратов, Матрасулов, 2003. С. 38) и обслуживал земледельческий оазис с центром на месте Хазараспа.

Значительно лучше исследовано крупное многопрофильное ремесленное Нурумское поселение периода античности, расположенное на территории Присаракамышской дельты между двумя крупными широтными протоками Даудана.

В пределах оазиса площадью не менее 10 кв. км выявлено около 20 отдельно стоящих усадеб, сохранившихся до настоящего времени в виде оплывших всхолмлений, которые можно считать остатками одного большого рассредоточенного поселения (рис. 4). На этой площади зафиксированы следы не менее 40 керамических обжигательных горнов, а также нескольких

винодавилен. Около каждой усадьбы обнаружено по два, а то и по четыре горна, развалы которых хорошо прослеживаются на поверхности такыра. Каждая пара включала в себя большой и маленький горны (рис. 5, 3). Здесь же, около горнов, расчищены производственные площадки, очажные конструкции для пережигания кристаллического гипса, ямы для замешивания глины, над которыми были устроены навесы (рис. 5, 1).

Каждая усадьба являлась одновременно жилым домом и отдельной гончарной мастерской, то есть жилищно-производственным комплексом. Один из таких комплексов (усадьба № 15) практически полностью раскопан. Он включал жилое здание, являвшееся на первом этапе местом обитания небольшой семьи. Во второй период (видимо, по мере увеличения семьи) его площадь выросла почти вдвое: в таком доме могли жить уже 7–10 человек. В юго-восточной части усадьбы обнаружен частично перекрытый навесом двор, в крытой части которого обитатели усадьбы, вероятно, занимались какой-то производственной деятельностью (рис. 5, 2). Здесь около западной стены раскопаны два очажных устройства, интерпретированные как нижние части кузнечных горнов (Боделов, 2005. С. 90–110). Рядом с усадьбой открыты четыре обжигательных горна (рис. 5, 3), которые располагались попарно — большой и малый (Боделов, 1991. С. 72–90).

Всего на Нурумском поселении частично или полностью раскопано девять обжигательных горнов; все они двухъярусные, с прямой вертикальной тягой. Площадь топочной камеры в большинстве случаев почти в два раза меньше обжигательной камеры диаметром не менее 4,0–4,5 м. Топка перекрывалась глиняным диском, и лишь в одном случае зафиксированы следы купольного перекрытия (Там же. С. 74). Несмотря на обилие обжигательных горнов, этот памятник нельзя считать узкоспециализированным гончарным ремесленным поселением: присутствие других высокотехнологичных ремесленных производств дает основание квалифицировать его как многопрофильное торгово-ремесленное поселение. Можно, в частности, достаточно уверенно говорить о функционировании здесь кузнечного производства: около некоторых усадеб на востоке оазиса отмечены скопления железных шлаков и остатки каких-то очажных конструкций, которые предположительно можно квалифицировать как кузнечные горны; два из них открыты во дворе усадьбы

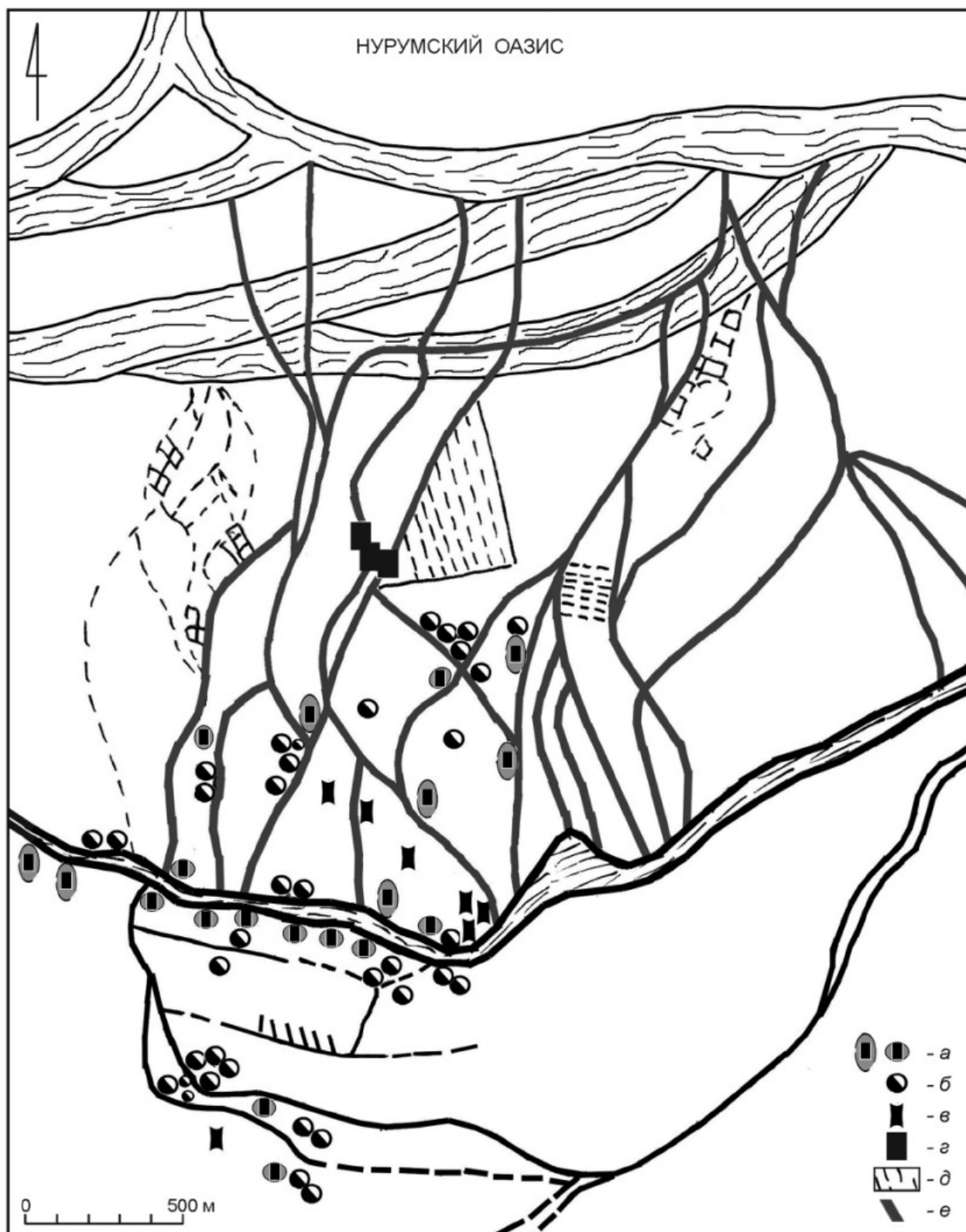

Рис. 4. Нурумское поселение, план (а — усадьба; б — обжигательный горн; в — винодавильня; г — центральная усадьба; д — следы агропланировок; е — следы каналов) (Вайнберг, Болелов, 1999. С. 47, ил. 1)

Fig. 4. Nurum settlement, plan (a — plan of the property; б — firing kiln; в — winery press; г — central property; д — traces of agricultural layouts; е — traces of channels) (Вайнберг, Болелов, 1999. С. 47, ил. 1))

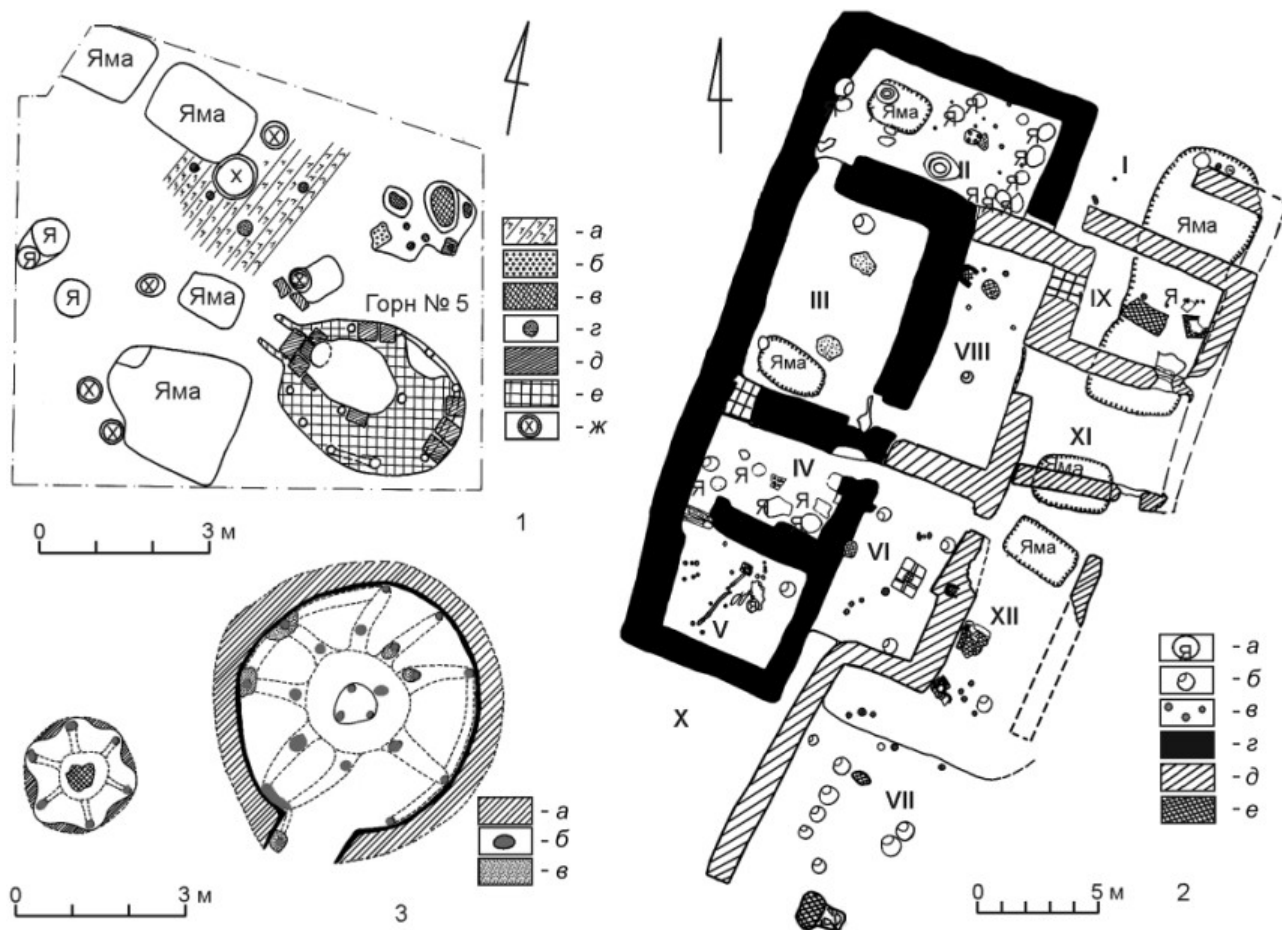

Рис. 5. Гончарное производство Нурумского поселения (публикуется впервые): 1 — план горна № 5 и рабочей площадки рядом с ним (*a* — разрушенная кладка сырцового кирпича; *b* — пережженный гипс; *v* — зольник; *z* — столбовая ямка; *d* — сырцовый кирпич; *e* — прокаленная до желто-оранжевого цвета поверхность пода обжигательной камеры; *ж* — хум); 2 — план усадьбы № 15 (*a* — ямы из-под хумов; *b* — стационарно установленные хумы; *v* — столбовые ямки; *z* — стены I периода; *d* — стены II периода; *e* — зольники и очаги); 3 — план горнов № 6 и 7, расположенных к югу от усадьбы № 1 (*a* — внешние стены горнов; *b* — продухи; *v* — обожженная глина). Римскими цифрами обозначены номера помещений

Fig. 5. Pottery-making works at the Nurum settlement (first published): 1 — plan of kiln no. 5 and working area nearby (*a* — destroyed mudbrick masonry; *b* — calcined gypsum; *v* — ash layer; *z* — pillar pit; *d* — mudbrick; *e* — surface of the firing chamber floor calcined to yellow orange; *ж* — khum (storage vessel)); 2 — plan of property no. 15 (*a* — pits for khums; *b* — stationary khums; *v* — pits from pillars; *z* — walls of period I; *d* — walls of period II; *e* — ash heaps and hearths); 3 — plan of kilns nos. 6 and 7 located to the south from property no. 1 (*a* — external walls of the kilns; *b* — air holes; *v* — baked clay). Roman numerals indicate room numbers

№ 15. Рядом с отдельными усадьбами в центре оазиса найдены бронзовые слитки и шлаки, а также куски круглой в сечении медной проволоки, которая, возможно, использовалась в производстве украшений. Обнаруженные на дневной поверхности обломки стеклянных стержней и заготовок также косвенно свидетельствуют об изготовлении здесь стеклянных бус.

Значительные участки оазиса, особенно западные, были заняты под посевы (не менее

200 га). В центральной части (не менее 15 га) располагались виноградники. Там же находились сооружения, которые с высокой долей вероятности можно считать винодавальнями. Около каждого из них зафиксировано не менее 10–12 вкопанных в землю хумов. Если принять 200 л за среднюю емкость хума, то только отдельные хранилища в центральной части Нурумского поселения могли вмещать 12–15 тыс. л вина (Вайнберг, Болелов, 1999. С. 56).

Значительные размеры орошаемых площадей, а также остатки многопрофильного ремесленного производства в Нурумском оазисе позволяют рассматривать оазис как торгово-ремесленный центр, снабжавший округу кормами, сельскохозяйственной и ремесленной продукцией. Одной из основных отраслей ремесленного производства было изготовление глиняной посуды — это было актуально при том количестве вина, которое могли производить на Нурумском поселении. Каждая, или почти каждая, усадьба Нурумского поселения являлась многопрофильным жилищно-производственным комплексом. Учитывая планиграфическую ситуацию, можно предположить, что в распоряжении хозяина усадьбы помимо средств производства (обжигательных гончарных или кузнечных горнов) был также определенный участок земли, примыкающий к усадьбе.

Еще одно ремесленное поселение Южного Приаралья — Бабишмола 7, расположенное в 5 км к юго-юго-востоку от городища Бабишмола 1. Общая площадь поселения составляла приблизительно 1,6 га — 450 × 350 м (рис. 6, 1). С запада к южной части поселения был подведен канал-водохранилище шириной 15 м (рис. 6, 2). Именно там отмечается максимальная концентрация предполагаемых построек и развалов горнов.

Обжигательные горны располагались как отдельно, на некотором удалении от строений, так и рядом с ними. Всего в настоящее время выявлено 11 обжигательных горнов, но, несомненно, их было больше. В южной части поселения зафиксировано семь предполагаемых построек, которые могли быть как небольшими жилыми домами, так и мастерскими (рис. 6, 1). В северо-западной части поселения на берегу сухого русла (50–60 м до берега) находилась довольно крупная усадьба. На поверхности четко видны контуры стен помещений, сложенные из прямоугольного сырцового кирпича на паховом основании.

На территории поселения практически полностью раскопан жилищно-производственный комплекс (мастерская № 1), который включал в себя два обжигательных горна, а также производственные и жилые помещения (рис. 7, 1, 2) (Утубаев, Болелов, 2016. С. 56–62; Болелов, Утубаев, 2020. С. 67–87). Горны функционировали в северо-восточной части комплекса, к югу от них исследовано производственное помещение, где

формовалась посуда. Здесь найдены фрагменты сформованных, но необожженных сосудов, а также нижняя часть крупного сосуда с кусками пластичной производственной глины. К востоку от этого помещения частично раскопан обширный двор, также связанный с производством. Здесь расчищен крупный прямоугольный в плане очаг явно производственного назначения, в котором, возможно, пережигали кристаллический гипс. Жилые помещения выявлены в западной части комплекса. В них были обнаружены бытовые и, возможно, кухонные очаги (рис. 7, 1, 2). Никаких артефактов, свидетельствующих о производственной деятельности в западной части комплекса не найдено.

К югу от раскопа 2 частично открыт еще один производственный комплекс (мастерская № 2), который, видимо, являлся частью крупной усадьбы. Контуры помещений прослеживаются на уровне современной дневной поверхности рядом с раскопанными горнами. В северной части поселения, к югу от усадьбы, полностью раскопан обжигательный горн № 7 и вскрыта часть большого монументального здания рядом с ним (рис. 7, 5, 6).

Всего на Бабишмола 7 раскопано семь обжигательных горнов (из выявленных 11), которые по конструктивным признакам подразделяются на два типа.

Тип 1 — прямоугольные в плане двухъярусные обжигательные горны с прямым вертикальным ходом горячих газов. Площадь и размеры топочной камеры почти равны площади и размерам обжигательной камеры. Большая часть продухов оборудована в плоском перекрытии топочной камеры, которое было устроено, видимо, при помощи деревянного каркаса, обмазанного глиной (Болелов, Утубаев, 2019. С. 79). К этому типу относятся горн № 1 (рис. 7, 3, 4), два горна в мастерской № 1 (горны № 2 и 3), а также горн № 5 в мастерской № 2.

Тип 2 — двухъярусные обжигательные горны с прямым вертикальным ходом горячих газов. К этому типу относятся два горна — № 7 (мастерская № 3) и отдельно расположенный горн № 4. Основным отличием этих обжигательных устройств от горнов первого типа является форма обжигательной камеры: здесь она круглая. Паховые стены топочной камеры шириной 0,6–0,8 м заглублены ниже уровня материка. Стены обжигательной камеры горна № 7 толщиной 1,2–1,4 м сложены

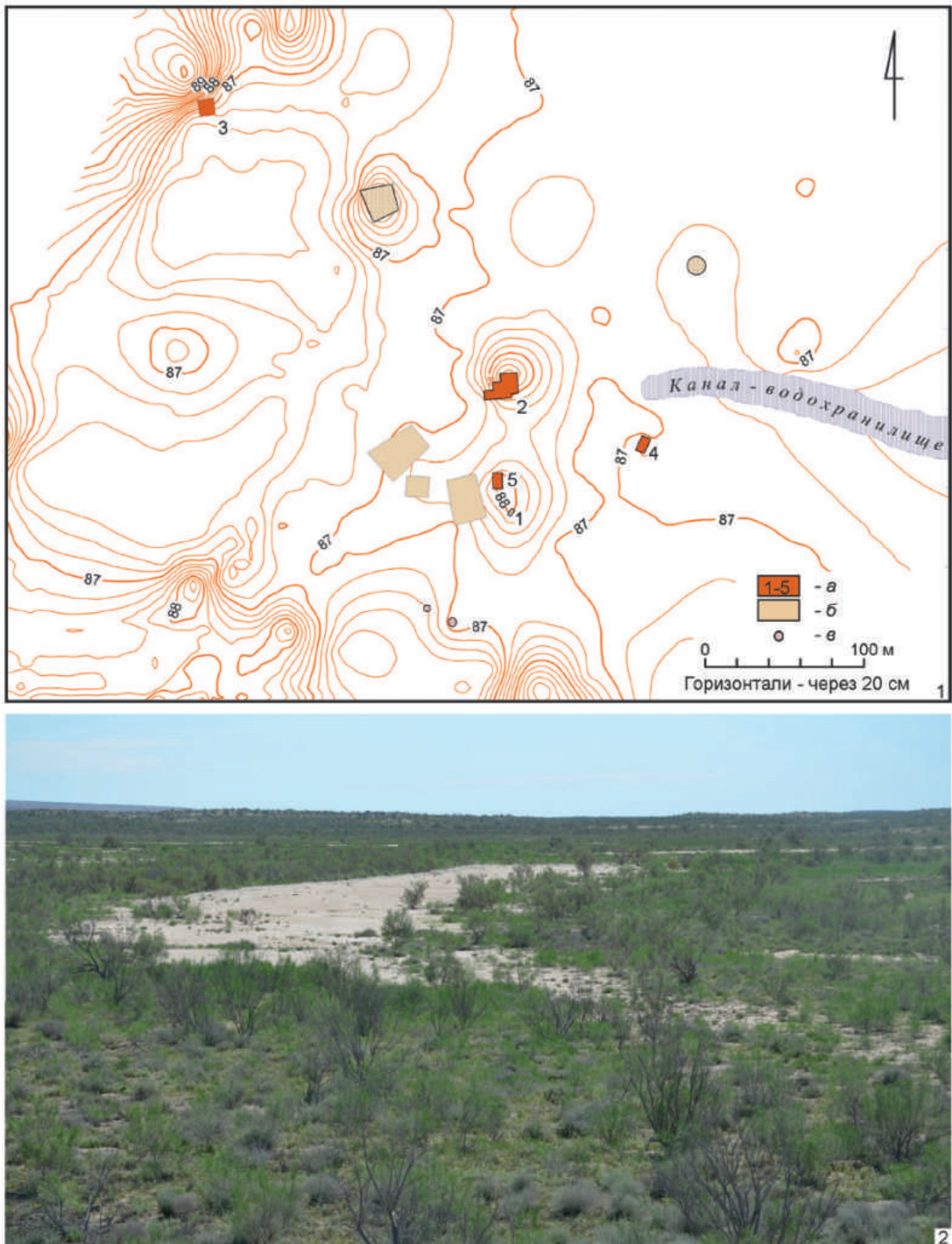
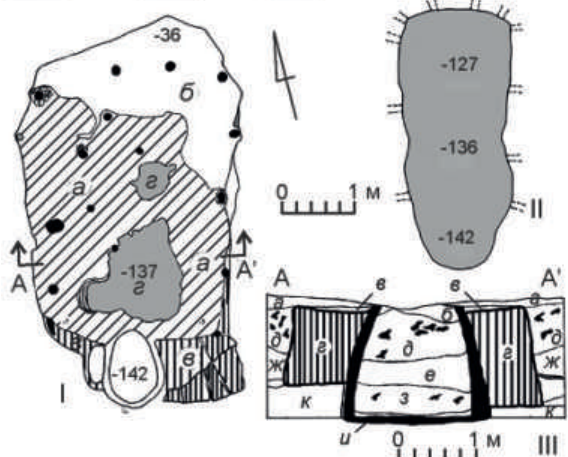
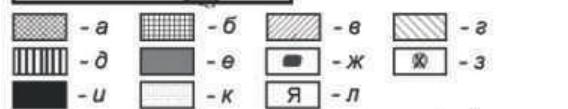
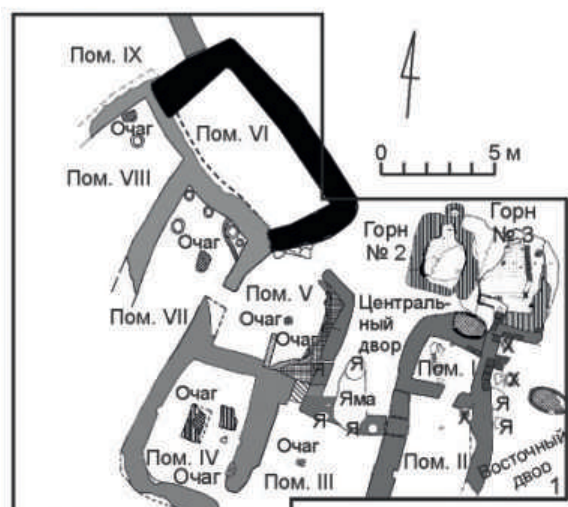

Рис. 6. Поселение гончаров Бабишмола 7: 1 — план (а — раскопы; б — участки скоплений керамики, развееанные постройки; в — развалы обжигательных горнов) (Утубаев, Болелов, 2016. С. 57, рис. 1); 2 — сухое русло канала-водохранилища, вид с юго-запада

Fig. 6. Potters settlement Babishmola 7: 1 — plan (a — excavations; б — areas of accumulated pottery, air eroded buildings; в — collapses of firing kilns) (Утубаев, Болелов, 2016. С. 57, рис. 1); 2 — dry bed of a channel/storage pond, view from south-west

2

4

6

Рис. 7. Гончарное производство поселения Бабишмола 7. 1, 2 — мастерская № 1: 1 — план (а — прокаленная докрасна поверхность пода обжигательной камеры; б — слой забутовки III периода; в — каркасные стены; г — закладка прохода; д — плотная глина серого цвета; е — пахсовые стены; ж — сырцовый кирпич; з — хум; и — пахсовая стена позднего периода; к — сохранившиеся участки пода обжигательной камеры; л — яма), 2 — вид с севера; 3, 4 — горн №1: 3, I — план горна по уровню обжигательной камеры (а — прокаленная докрасна поверхность пода; б — обожженная до красного цвета комковатая глина; в — пахса; г — несохранившиеся участки пода обжигательной камеры), 3, II — план по уровню топочной камеры (а — уровень пода топочной камеры), 3, III — разрез горна по линии АА' (а — рыхлая пылевидная супесь серого цвета (слой надувного лесса); б — плотная супесь серого цвета; в — прокаленные докрасна глинные обмазки; г — пахсовые стены; д — рыхлый комковатый суглинок, насыщенный кусками керамического шлака; е — глинисто-супесчаные натёки; ж — плотная супесь серо-коричневого цвета; з — плотный комковатый суглинок; и — зола и пепел с большим количеством древесных угольков; к — материк (плотный слоистый суглинок серо-коричневого цвета); л — вид с юга); 5, 6 — мастерская № 2, горн № 7: 5 — план (а — пахса; б — бесформенные куски плотной глины; в — оплавленная до серо-зеленого цвета глина; г — прокаленная до красно-оранжевого цвета глиняная обмазка); 6 — вид с северо-запада

Fig. 7. Pottery-making of Babishmola 7. 1, 2 — workshop no. 1: 1 — plan (a — surface of the calcined to red floor of a firing chamber; б — layer of backfill of period III; в — frame walls; г — backfilled passage; д — dense grey clay; е — pakhsa (rammed earth) walls; ж — mudbrick; з — khum; и — pakhsa walls of a later period; к — preserved areas of the firing chamber floor; л — pit), 2 — view from north; 3, 4 — kiln no. 1: 3, I — plan of the kiln at the level of the firing chamber (a — surface of the firing chamber floor calcined red; б — lumpy clay calcined to red; в — pakhsa; г — unpreserved areas of the floor of the firing chamber), 3, II — plan at the level of the furnace floor (a — level of the furnace floor), 3, III — section of the kiln along the AA' line (a — loose grey dust-like sandy loam (layer of drifted loess); б — dense grey sandy loam; в — clay plaster pieces calcined to red; г — pakhsa walls; д — loose lumpy sandy loam saturated with lumps of ceramic slag; е — clay/sandy loam deposits; ж — dense grey brown sandy loam; з — dense lumpy sandy loam; и — ashes with large amount of small pieces of charcoal; к — virgin soil (dense grey brown stratified sandy loam); л — view from south); 5, 6 — workshop no. 2, kiln no. 7: 5 — plan (a — pakhsa; б — shapeless lumps of dense clay; в — grey green fused clay; г — clay plaster calcined to red orange), 6 — view from north-west

из плотной пахсы серо-коричневого цвета и армированы деревянными жердями, которые разделяли пахсовые блоки (рис. 7, 5, 6). Овальные в плане топочные камеры высотой 1,3–1,5 м частично (на две трети) вырублены в материковом грунте и перекрыты поставленными под углом на ребро прямоугольными сырцовыми кирпичами — так называемый стреловидный свод. Жаропроводные каналы, которые начинались на высоте 70–80 см от пола, расположены параллельно или почти параллельно друг другу, но под прямым углом к центральной оси топочной камеры.

Можно уверенно утверждать, что Бабишмола 7 было ремесленным поселением, которое функционировало постоянно. Об этом, в частности, свидетельствует наличие здесь стационарных гончарных мастерских, которые составляли единый комплекс с жилыми помещениями (мастерская № 1). По объему производства Бабишмола 7 вполне сопоставимо с производственными гончарными центрами, известными на территории Хорезма, или с гончарными кварталами в южных областях Средней Азии (например, Дальверзин-

тепа). Безусловно, объем производства керамики на Нурумском поселении был больше, но это было многофункциональное ремесленное поселение значительно большей площади, тогда как Бабишмола 7 — это узкоспециализированное гончарное поселение. Во всяком случае здесь не зафиксировано остатков других ремесленных производств и рядом не выявлено следов агропланировок.

Могут быть сопоставлены с ремесленными поселениями по объему производимой продукции **крупные специализированные производства** на территории Левобережного Хорезма. Около укрепления (крепости?) Гяур-кала II зафиксировано более трех десятков обжигательных горнов на берегу канала (рис. 8, 1). Объем производства на этом памятнике никак не соответствует размерам поселения — 3–4 небольших глинобитных домика рядом с горнами (Неразик, 1976. С. 16–17, 217).

Весьма вероятно, что к этой же категории памятников относится гончарное производство у поселения Туз-гыр, в нескольких километрах к северо-востоку от Нурумского поселения, у подножья возвышенности Туз-гыр. Здесь также

фиксируются следы масштабного ремесленного гончарного производства². Площадь небольшого оазиса на берегу одного из русловых протоков Среднего Даудана, в пределах которого фиксируются остатки построек и следы полей, составляла не менее 5 кв. км. Орошение этой территории, как и на Нурумском поселении, осуществлялось за счет каналов, выведенных напрямую из руслового протока (рис. 8, 2). На аэрофото вполне отчетливо видны планировки полей (виноградников?), расположенных в восточной части оазиса. В отличие от Нурумского поселения, где обжигательные горны были рассредоточены по всей площади около отдельных усадеб, на поселении Туз-гыр гончарное производство располагалось компактно на противоположном берегу русла — там визуально фиксируются развалы не менее 50 обжигательных горнов. Конечно, без раскопок невозможно определить, работали ли эти горны одновременно или различные группы относятся к разным периодам жизни поселения, — но о том, что здесь функционировало широкомасштабное гончарное производство, можно говорить уверенно. Так же как и в гончарном центре Гяур-кала I горны расположены компактно, на некотором удалении от жилых построек. Таким образом, по всем признакам поселение Туз-гыр можно отнести к категории крупных специализированных производственных центров.

Специализированные гончарные центры.

Это скопления горнов (обычно не менее 7–8, но не более 15), расположенные изолированно, иногда на значительном расстоянии от поселения. В настоящее время в Хорезме исследовано девять таких объектов, восемь из которых находятся на правом берегу, в густо заселенной зоне каналов Кельтеминар и Гавхоре. На левом берегу известен лишь один памятник этого типа — производство на заброшенном городище Кюзели-гыр, сравнительно недалеко от культового центра Калалы-гыр 2. В низовьях Сырдарьи такие производства пока не обнаружены.

Группы горнов расположены компактно на небольшой площади, близко друг от друга, на берегу

канала или русла. Иногда специализированные производства устраивались на заброшенных городищах (Кюзели-гыр и Базар-кала). Ни в одном случае рядом с горнами не отмечено капитальных жилых зданий — зафиксированы только небольшие постройки (производственные помещения) и рабочие площадки около горнов. Остатки одного, явно производственного, помещения раскопаны на городище Кюзели-гыр. Постройки отмечены на территории производства около замка Якке-Парсан (рис. 9, 1) и городища Уй-кала в Правобережном Хорезме (Воробьева, 1961. С. 199, рис. 1).

На городище Кюзели-гыр на площади 620 кв. м открыты восемь обжигательных горнов, рабочие площадки рядом с ними, места выбросов бракованной продукции и рабочее помещение в непосредственной близости от горнов. Конструкция горнов, расположенных попарно, в общем однотипна. Это были округлые в плане специальные двухъярусные обжиговые устройства с центральным или центрально-боковым ходом горячих газов. Прямые вертикальные или немного наклонные жаропроводные каналы открывались в обжигательную камеру округлыми продухами. Около горнов расчищены производственные площадки — вымостки из сырцового кирпича. Рядом с горнами расчищена часть небольшого однокомнатного здания площадью 23 кв. м. В центре этой постройки был обнаружен диск из необожженной глины с невысоким бортиком диаметром 74 см. В заполнении помещения найдено некоторое количество фрагментов керамики. С востока к раскопанной постройке примыкало еще одно помещение, в юго-восточном углу которого на уровне пола расчищены скопления хорошо промешенной пластичной глины. У западной стены основной постройки обнаружены ямы, заполненные пережженным гипсом (Воробьева, 1959. С. 205–206).

Отдельные горны или пары горнов — гончарные мастерские. Всего в южном Приаралье исследовано 18 таких объектов. К этой же категории, видимо, следует отнести горны, сооруженные на заброшенных поселениях и крепостях, а также на развалинах отдельных зданий (поселение Гяур-кала 3). Надо сказать, что чаще всего территория вокруг одиночных горнов не раскапывалась, поэтому нельзя с полным основанием говорить о рабочих площадках около них — можно лишь предполагать их существование,

² Эта территория была распахана под посевы в конце 1990-х гг. Раскопки на поселении, которое условно было названо поселение Туз-гыр, не проводились. В настоящее время мы можем только охарактеризовать его по схеме, сделанной по дешифрированному аэрофото (рис. 8).

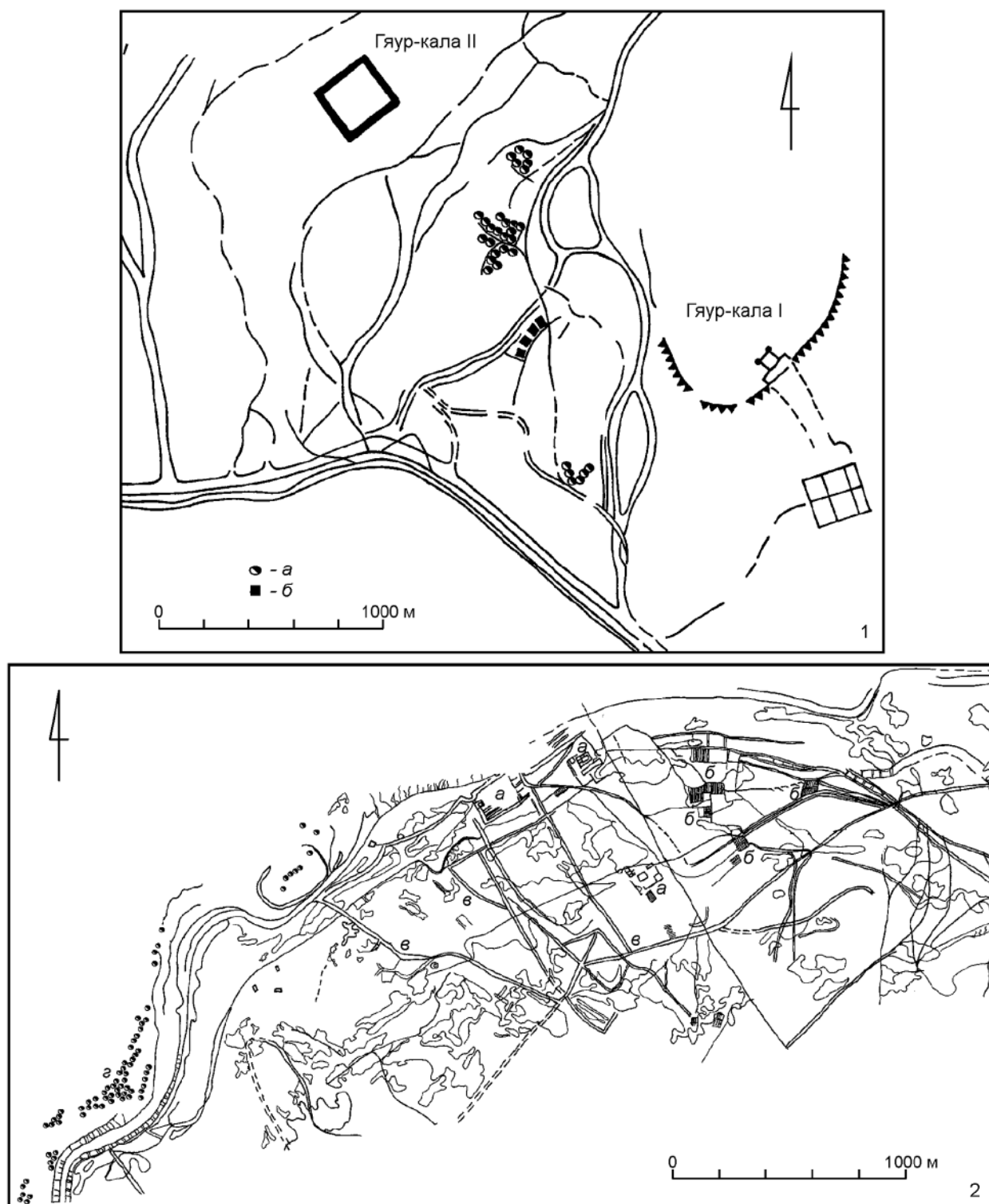

Рис. 8. Специализированные гончарные производства на территории Хорезма: 1 — Гяуркалинский производственный центр, план (а — обжигательные горны; б — следы построек) (Неразик, 1976. С. 17, рис. 2); 2 — поселение Туз-гыр, план (а — планировки усадеб; б — следы агропланировок; в — каналы; з — обжигательные горны) (публикуется впервые)

Fig. 8. Specialised works in the territory of Khorosm: 1 — Gyaurkala manufacturing centre, plan (a — firing kilns; б — traces of buildings) (Неразик, 1976. С. 17, рис. 2); 2 — settlement of Tuz-gyr, plan (a — layouts of the properties; б — traces of agricultural layouts; в — channels; з — firing kilns) (first published)

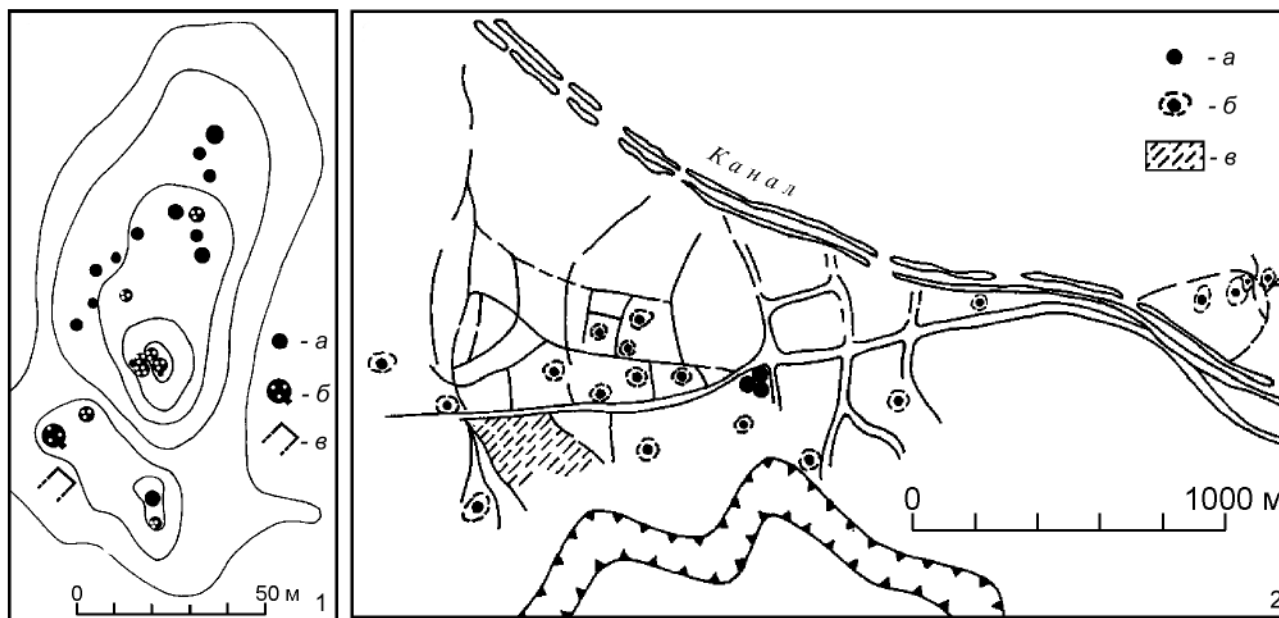

Рис. 9. Гончарные производства на территории Хорезма: 1 — гончарное производство у Якке-Парсана, план (а — обжигательные горны; б — горны с сохранившимся подом; в — остатки постройки) (из личного архива Е. Е. Неразика, публикуется впервые); 2 — гончарная мастерская на поселении Турпак-кала, план (а — обжигательные горны; б — развалины усадеб; в — следы агропланировок) (Неразик, 1976. С. 49, рис. 24)

Fig. 9. Pottery-making works in the territory of Khoresm: 1 — pottery-making works near Yakke-Parsan, plan (a — firing kilns; б — kilns with preserved chamber floors; в — remains of a structure) (from E. E. Nerazik's personal archives, first published); 2 — pottery-making workshop at the settlement of Turpak-kala, plan (a — firing kilns; б — ruins of properties; в — traces of agricultural layouts) (Неразик, 1976. С. 49, рис. 24)

тем более что около горнов на производственных центрах наличие этих площадок зафиксировано достоверно.

Характерной чертой этой группы памятников является размещение многих из них на территории поселений, иногда в пределах усадеб. Практически любой из горнов можно соотнести с конкретным жилым зданием. На территории поселения Барак-там (северная Акчадарьинская дельта) отмечены три горна, расположенные в непосредственной близости от жилых домов, но на значительном удалении друг от друга (Толстов, 1962. С. 238, рис. 149). Кроме того, два горна зафиксированы рядом с домом № 2 на поселении около юго-западного мыса Тарым-кая. Один из них, видимо, располагался в пределах усадьбы (Вайнберг, 1991. Рис. 13). Также во дворе усадьбы открыты остатки горна на поселении Баланды на нижней Сырдарье.

Накопленный за весь период археологических исследований Южного Приаралья объем данных

по истории керамического производства в регионе, как представляется, вполне достаточен для решения вопросов об организации гончарного ремесла в древности и его месте в социально-экономической системе государственных образований низовьев Амударьи и Сырдарьи.

Самым распространенным типом производства являлись отдельные керамические мастерские. Ими могли быть отдельно стоящие жилые постройки на территории поселения, рядом с которыми обнаружены горны — один или пара. Они зафиксированы в урочище Дингильдже, в окрестностях Базар-калы, неподалеку от Кой-Крылган-калы, в окрестностях крепости Адамлика, на поселении Барак-там, у северных границ Хорезма, поселении возле Тарым-кая, поселении Баланды. Сравнительно крупная керамическая мастерская существовала на поселении IV в. н. э. Турпак-кала I (рис. 9, 2), где на берегу канала, рядом с жилыми постройками выявлены следы керамического производства (Неразик, 1976. С. 49,

рис. 24). При рассмотрении этой категории памятников необходимо учитывать, что многие из них были уничтожены еще в древности в процессе освоения территории. Однако то, что одиночные горны зафиксированы на тех поселениях, которые сохранились полностью (Тарым-кая, неподалеку от крепости Ангка-кала — точка 252 археолого-топографического маршрута, в окрестностях городища Базар-кала — точка 321), дает основание предполагать, что небольшие мастерские существовали на многих из них. Возможно, в этих мастерских работали 3–4 человека: мастер, подмастерье и 1–2 ученика. Основанием для такого предположения могут служить этнографические материалы по Хорезму. Например, в первой трети XX в. у потомственного мастера-керамиста Таджи-Палвана из кишлака Каттабаг неподалеку от Хивы мастерская состояла из одного помещения и расположенных рядом с ним двух обжигательных горнов. В производстве кроме самого мастера были заняты еще три человека (Екимова, 1959. С. 349).

Эта категория памятников датируется достаточно широко: с V–IV вв. до н. э. по III–IV вв. н. э. Возможно, мастерские работали на поселении и обслуживали членов земледельческой общины: неслучайно почти все эти горны располагались в густонаселенной земледельческой зоне, например, на берегах канала Кельтеминар в Правобережном Хорезме (рис. 2). В данном случае речь, по-видимому, не может идти о развитом товарном керамическом производстве, поскольку рынок, на который поставлялась продукция таких мастерских, был ограничен пределами этих поселений. Вероятно, отдельно стоящие мастерские близ поселений или на их территории следует связывать с общинным ремеслом.

Подобная форма организации производства квалифицируется Е. М. Пещеревой как первоначальная ступень развития гончарного ремесла в Средней Азии (по-видимому, первая после домашнего производства. — *Прим. авт.*): на этой стадии возникает товарное обращение гончарных изделий. Мастера, работавшие на заказ, получали плату за свои изделия деньгами или продуктами. Однако наличие товарного обращения отнюдь не означает еще, что гончарное ремесло на этой стадии становится товарным. Продукция, изготовленная гончаром-специалистом, не поступает в массу на рынок, а идет непосредственно

в натуральное крестьянское хозяйство (Пещерева, 1959. С. 374).

Существование различных форм производства — например, домашнего и общинного — отмечается уже на самых ранних этапах развития общества. Видимо, такая ситуация сохранялась в Хорезме и в последующие периоды. Так, в урочище Дингильдже помимо выявленных при раскопках усадьбы следов домашнего промысла зафиксированы отдельные пункты, которые можно конкретно связать с определенными видами ремесла — в частности, с металлургией и гончарством. Здесь работали специалисты-ремесленники, обслуживающие население небольшого оазиса в середине I тыс. до н. э. (Воробьева, 1973).

Подобное положение дел наблюдается не только в Хорезме, но и в других областях в более позднее время. Так, в сельских общинах Малой Азии эпохи эллинизма посуда и другие гончарные изделия производились на месте, и каждая деревня имела своих доморощенных мастеров, работающих на внутренний рынок. Кроме того, в этих же селениях проживали лица, не являвшиеся членами общины и трудившиеся за плату в специальных мастерских.

Мы не располагаем объективными данными о социальном статусе ремесленников в древне-хорезмийском обществе: письменные источники и памятники эпиграфики никак не освещают их положение. На основании некоторых сопоставлений с другими, более изученными в этом отношении областями Древнего Востока, можно гипотетически допустить, что они являлись членами общины, как это было в сельских общинах Малой Азии. В Селевкидском государстве ремесла, так же, как и все виды сельскохозяйственных работ, облагались разнообразными налогами (Голубцова, 1972. С. 38–39; Бикерман, 1985. С. 104). В государстве Крорайна в Восточном Туркестане ремесленники также не выделялись из среды крестьянства в отдельное сословие, имели свои участки земли и платили налоги (Воробьева-Десятковская, 1992. С. 105). Таким образом, есть основания полагать, что на территории Хорезма на протяжении всего изучаемого периода в сельских общинах существовало общинное ремесло, которым занимались мастера — возможно, члены общины.

Второй по распространенности категорией (более крупной по масштабам) были гончарные

производственные центры. Они располагались на некотором расстоянии от поселений или, во всяком случае, за их пределами, но всегда вблизи источника воды. Рядом с ними отсутствуют капитальные жилые постройки, но отмечены производственные помещения и рабочие площадки около горнов (*Воробьева*, 1959. С. 200–201; 1961. С. 149, рис. 1). Видимо, для жителей близлежащих поселений и предназначалась ремесленная посуда, изготовлявшаяся здесь. Мастерские, возможно, работали периодически, в течение одного сезона, скорее всего, летом или осенью, когда на их продукцию был повышенный спрос. Подобная практика существовала в Средней Азии и много позже. Е. Е. Неразик, рассматривая условия размещения гончарного производства на сельских поселениях Хорезма, приводит свидетельство А. Шишова о том, что в конце XIX в. в отдаленные селения Ташкентского оазиса, обычно в летнее время, выезжали мастера и на месте делали и обжигали посуду (*Неразик*, 1976. С. 217). Эти сведения подтверждают Е. М. Пещеревой, сообщавшей, что некоторые ташкентские мастера выезжали на работу за 30–40 км от города (*Пещерова*, 1959. С. 164).

По данным А. А. Бобринского, сезонный характер гончарного производства — явление достаточно распространенное. Археологические следы временных гончарных мастерских II–IV вв. зафиксированы в Поднепровье, на территории распространения черняховской культуры. Сезонность производства, если судить по материалам этнографии, может характеризовать, по меньшей мере, два совершенно разных явления в истории гончарства: во-первых, не только сезонный, но и временный характер организации таких производств, функционирующих в течение коротких промежутков времени (одного-двух сезонов); во-вторых, организацию сезонных производств на долговременной местной основе как постоянного элемента культурно-хозяйственной жизни, действующего с определенной периодичностью.

Особенность временных сезонных производств состоит в том, что их организаторы перемещаются из района своего постоянного проживания в район (районы) обитания потребителей их посуды. Сырье добывается на месте, там же устраиваются и приспособления для обжига — горны. Постоянные же сезонные производства

рассчитаны почти исключительно на местного потребителя и создаются на территории долговременных поселений. Их организаторами могут быть как местные жители, так и приезжие гончары, переселившиеся на постоянное жительство в новую деревню. Причины самих переселений могут быть различными, но в любом случае переселенец-гончар как бы вливается в общую культурно-хозяйственную жизнь односельчан, участвуя в сельскохозяйственных и прочих работах (*Бобринский*, 1991. С. 86–87).

Принимая во внимание эти характеристики, можно отнести производственные центры в Хорезме к категории сезонных производств, которым, однако, присущи некоторые черты постоянных. Так, производственные центры создавались неподалеку от жилых поселений, существовавших не один десяток лет, вследствие чего можно предположить, что они работали в течение нескольких сезонов, а может быть, и всего периода существования поселения. Кроме того, вряд ли такое сложное сооружение, как хорезмийский обжигательный горн, функционировало лишь один-два сезона.

Безусловно, в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. на территории Хорезма существовало товарное ремесленное производство. Наличие производственных центров, расположенных изолированно, позволяет предполагать присутствие в это время на территории области крупных ремесленных мастерских.

Количество работников в мастерской могло быть довольно значительным. Например, на стенах гробницы Бени-Гассан в Египте (II тыс. до н. э.) изображена керамическая мастерская, что позволяет наглядно представить весь цикл изготовления сосуда от формовки до обжига. В этом процессе участвуют девять человек, среди которых явно выделяется мастер, формирующий сосуд на ручном гончарном круге. В мастерской действовало два горна (*Сайко*, 1971. С. 124, рис. 3). По уровню организации и разделения труда ее можно сравнить с керамическими мастерскими в античной Греции, где работало несколько человек, и каждый выполнял свои функции (*Кошеленко*, 1983. С. 226–227). В греческой мастерской, изображенной на сосуде-гидрии из Мюнхенского музея (середина I тыс. до н. э.), трудилось семеро — один из них мастер (*Сайко*, 1971. С. 131, рис. 14). В крупных мастерских Самарканда второй

половины XII в., где было от четырех до восьми обжигательных горнов, рабочие и подсобные помещения, по расчетам Ш. С. Ташходжаева, работало не менее 20 человек (*Ташходжаев*, 1975. С. 64–65). Надо заметить, что по предполагаемому объему производства такие мастерские вполне сопоставимы со специализированными производствами в Хорезме конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э.

Довольно сложен вопрос о рабском труде в этих мастерских. В настоящее время собрано достаточно свидетельств (в основном эпиграфических) существования в Хорезме рабства, носившего, возможно, патриархальный характер (*Толстов*, 1962. С. 219; *Лившиц*, 1984. С. 266–267). При этом можно допустить, что рабский труд в патриархальной форме применялся в ремесленном производстве. В крупных гончарных мастерских на подсобных работах помимо учеников и подмастерьев могли использоваться рабы. Такая практика широко была распространена в Междуречье в нововавилонское время, причем рабы трудились не только в мастерской хозяина-ремесленника, но и передавались хозяевам для обучения (*Дандамаев*, 2009. С. 140–141). Однако в этот период рабский труд не играл решающей роли в ремесленном производстве, как это было, например, в Греции во времена классической античности, и не мог вытеснить труд свободных (*Дандамаев*, 1974. С. 175). Нет никаких оснований преувеличивать роль рабского труда и в ремесленном производстве Хорезма, тем более что здесь пока не выявлено крупных городских ремесленных центров.

Особенности формовки и отделки некоторых хорезмийских бытовых сосудов IV–II вв. до н. э. (речь о крупных кувшинах и горшковидных сосудах, а также о флягах с рельефами и кувшинах с львиноголовыми ручками) позволяют говорить о разделении всего цикла керамического производства на мелкие операции. На этом основании можно предположить существование в крупных мастерских подмастерьев и учеников — и, следовательно, разделение труда между различными по уровню квалификации работниками.

Следует заметить, что производственные центры появляются в Хорезме не ранее IV–III вв. до н. э., то есть на раннем этапе становления древнехорезмийского государства. В этот же период окончательно формируется древнехорезмийский

керамический комплекс, который отличается чрезвычайно высоким уровнем стандартизации бытовой посуды, выраженным не только в морфологии, но в декоративном оформлении сосудов (*Болелов*, 2004б. С. 93–148).

Среди производственных центров особое место занимает единственное производство этого типа на территории Левобережного Хорезма — гончарный центр на городище Кюзели-гыр. Ближайшим к нему синхронным памятником является культовый центр Калалы-гыр 2, который, видимо, и был основным потребителем продукции гончарного центра: других поселений этого времени в окрестности не зафиксировано. Вряд ли гончарное производство являлось частью храмового хозяйства, но очень может быть, что производственный центр был организован здесь для обеспечения посудой этого хозяйства и прихожан храма. Здесь кажется уместным провести параллель с небольшим производственным центром, который функционировал в III–IV вв. н. э. в непосредственной близости от культового буддийского комплекса Кара-тепе в Старом Термезе (*Болелов*, 2013б. С. 38).

Приведенные выше соображения дают некоторые основания допустить существование в Хорезме во второй половине I тыс. до н. э. каких-то организованных групп гончаров-ремесленников. Об уровне их организованности мы можем только догадываться. Вряд ли здесь можно говорить о цеховых ремесленных организациях, существование которых предполагается в крупных городах южных областей Средней Азии, где функционировали кварталы керамистов (*Литвинский*, *Седов*, 1983. С. 132–135; *Болелов*, 2002б. С. 15–16), — скорее, это были артели ремесленников, работавшие не постоянно, но в течение определенного периода.

Крупные производственные центры и ремесленные поселения по объему производства значительно превосходят все предыдущие. Они однородны по своей структуре, и, видимо, каждый из них занимал определенное место в социально-экономической структуре области.

Гяуркалинский производственный центр и производство на поселении Туз-гыр по объему изготавливавшейся здесь продукции сопоставимы с ремесленным поселением. Это были крупные гончарные ремесленные центры, в отличие от торгово-ремесленных поселений

специализировавшиеся исключительно на изготовлении керамики. По-видимому, здесь, как и в более мелких производственных центрах, мастера работали не круглый год, а периодически, сезонно, прибывая сюда из мест постоянного проживания. Такие масштабы производства можно объяснить обширным рынком сбыта, обусловленным положением на границе земледельческих оазисов и скотоводческой периферии. В непосредственной близости от этих центров на возвышенностях Туз-гыр, Тумек-Кичиджик, Гяур-гыр, Тарым-кая, Шах-Сенем-гыр расположены курганные могильники скотоводческого населения, насчитывающие сотни курганов. Примечательно, что Гяур-калинский производственный центр располагался рядом с двумя крепостями — Гяур-кала I и Гяур-кала II, то есть находился под их защитой. Обе эти крепости, несомненно, связаны с ирригационной системой Чермен-яб. Период ее расцвета, по мнению Б. В. Андрианова, приходится на третью фазу функционирования канала (первые века нашей эры), когда было проложено его основное магистральное русло (Андрианов, 1969. С. 160–161). Логично было бы допустить, что эти крепости возникли в зоне орошения при активном участии государства (Вайнберг, 1991. С. 68) — как, возможно, и производственный керамический центр возле крепостей.

Можно предполагать, что Нурумское поселение, которое также расположено в части Присаракамышской дельты, в определенной степени являлось хозяйственно-экономическим центром этого района. По всем признакам это было торгово-ремесленное поселение, причем, судя по размерам занятой под посевы земли, обладавшее и внушительным сельскохозяйственным потенциалом. Это подтверждается наличием в оазисе помимо крупномасштабного гончарного производства остатков других ремесленных производств, а также крупного винодельческого хозяйства.

Такие поселения-«базары», где был дом правителя-хакима, ремесленные производства и торговые лавки, были известны в Хорезме во времена Хивинского ханства. В связи с этим обращают на себя внимание три центральных бугра Нурумского поселения, значительно отличающиеся своими размерами от остальных усадеб (рис. 4). Вероятно, эти здания и являлись домом правителя. «Базары» обычно были административными

центрами сельскохозяйственных районов. Николай Муравьев, описывая торговые поселения Хивинского ханства, замечает, что они снабжали товарами все деревни и кочевья (Муравьев, 1822. С. 90–91). Подобное поселение (комплекс развалин у крепости Кызылча-кала в Левобережном Хорезме) было обследовано Б. И. Вайнберг. Исследователь подчеркивает, что оно обслуживало не только туркмен, живших на близлежащих землях, но и кочевников-чарва из отдаленных районов (Вайнберг, 1960. С. 124–126). Возможно, создание таких поселений в позднефеодальном Хивинском ханстве происходило не без участия центральной власти. Можно предполагать, что это было вызвано не только и не столько экономическими, сколько политическими обстоятельствами. Не исключено, что и Нурумское поселение возникло на северо-западной окраине Хорезма в том числе и по политическим соображениям. Кажется, учитывая эти данные, возможно поставить вопрос о протекционистской (в определенной степени) политике, проводимой Хорезмийским государством в отношении кочевников на границах области. Северные районы Присаракамышской дельты — как и западные районы Приаральской дельты — являлись традиционными местами зимовок кочевников Устюрта, о чем свидетельствуют многочисленные курганные могильники на юго-восточном чинке плато (Ягодин, 2008. С. 118; Ягодин и др., 2017. С. 379). Скотоводческое население с ограниченным циклом перекочевков населяло западную часть Присаракамышской дельты (Вайнберг, 1981. С. 125), где и располагались производственные гончарные центры и Нурумское поселение. Видимо, именно для этих кочевников и подвижных скотоводов предназначалась гончарная посуда и другие ремесленные изделия. Стабильная ситуация на границах оазиса обеспечивалась взаимовыгодными экономическими отношениями с кочевым населением, а ремесленное производство размещалось в непосредственной близости к потребителю (Вайнберг, 1979. С. 175). Косвенно это предположение подтверждается еще и тем, что на территории Правобережного Хорезма, где курганных могильников нет, крупные производственные центры и торгово-ремесленные поселения неизвестны.

Надо полагать, несколько иными были социально-экономические функции ремесленного поселения Бабишмола 7. В отличие от Нурумского

поселения оно располагалась в центре крупного сельскохозяйственного оазиса, в 5 км от укрепленного центра этого района — городища Бабишмола 1. Как уже отмечалось ранее, следов других ремесел, равно как и земледелия, на поселении не отмечено: здесь изготавливали только керамику, и основными потребителями продукции этого центра были жители сельскохозяйственного оазиса. Функционально это ремесленное поселение в определенной степени сходно с гончарными кварталами южных областей Средней Азии — но те размещались внутри городских стен, а в низовьях Сырдарьи производство было вынесено за пределы города. На поселении Бабишмола 7 обращает на себя внимание крупная усадьба на некотором удалении от мастерских, где не выявлено следов производства. Возможно, в ней проживал глава (управляющий?) этого ремесленного поселения. Непосредственно к поселению (несомненно, для производственных нужд гончаров) из русла Жаныдарьи был выведен канал-водохранилище. Для его строительства наверняка были привлечены дополнительные людские ресурсы — не исключено, что распоряжением центральных властей области. Принимая во внимание эти соображения, можно предположить, что ремесленное поселение Бабишмола 7 возникло с ведома властей, и работа его, возможно, контролировалась их представителем (Боделов, 2019. С. 80).

Имеющиеся в настоящее время материалы по гончарному производству на территории Южного Приаралья дают основания полагать, что в последней трети I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. на этой территории присутствовали различные формы ремесла. Они характеризовались разным уровнем организации, технологическими возможностями производства, а также степенью отделения ремесла от земледелия. Все эти формы существовали одновременно, дополняя друг друга, занимая каждая свое определенное место в экономической системе древнего общества. Организация и функционирование той или иной формы производства на определенной территории зависели, в первую очередь, от особенностей хозяйственно-культурного типа этого района. Именно этим можно объяснить, например, отсутствие ремесленных поселений и крупных производственных центров в Правобережном Хорезме и наличие их на левом берегу Амударьи. По этой же причине, возможно, отсутствуют специализированные производственные центры в низовьях Сырдарьи: плотность населения здесь была меньше, чем в Хорезме. Кроме того, на территории чирикратской культуры пока не отмечено следов винодельческих хозяйств. По-видимому, ремесленники на поселении Бабишмола 7 и небольшие гончарные мастерские в сельскохозяйственных общинах вполне обеспечивали население оазисов глиняной посудой.

Андреанов, 1969 — Андреанов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М.: Наука, 1969. 254 с.

Баратов, Матрасулов, 2003 — Баратов С., Матрасулов Ш. Археологические работы в южном Хорезме // Археологические исследования в Узбекистане. 2002 год. Ташкент: А. Кодирий номидаги халк мероси нашриёти, 2003. С. 38–45.

Бикерман, 1985 — Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985. 264 с.

Бобринский, 1991 — Бобринский А. А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н. э.). М.: Наука, 1991. 215 с.

Боделов, 1991 — Боделов С. Б. Керамические обжигательные печи Нурумского поселения в Северной Туркмении // Новые открытия в Приаралье (материалы к археологической карте). М.: б. и., 1991. Вып. 1. С. 72–91.

Боделов, 2002а — Боделов С. Б. Керамические обжигательные горны на территории южного и юго-восточного Приаралья (вторая половина I тыс. до н. э. — первые века н. э.) // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент: Фан, 2002. Вып. 33. С. 85–95.

Боделов, 2002б — Боделов С. Б. К вопросу о формах ремесленного керамического производства на территории Средней Азии в древности (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.) // Материальная культура Востока. М.: Гос. музей Востока, 2002. Вып. 3. С. 3–23.

Боделов, 2004а — Боделов С. Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории древнего Хорезма // TRANSOXIANA. История и культура. Ташкент: Институт «Открытое общество Узбекистан», 2004. С. 48–55.

Боделов, 2004б — Боделов С. Б. Керамика // Калалыгыр 2. Культурный центр в Древнем Хорезме /

- Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Восточная литература, 2004. С. 93–147.
- Болелов, 2005 — Болелов С. Б. Раскопки усадьбы в Нурумском оазисе (Северная Туркмения) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2005. Вып. XV. С. 90–110.
- Болелов, 2013а — Болелов С. Б. Ранний этап становления ремесленного производства на территории Хорезма (вторая половина I тыс. до н. э.) // Приаралье на перекрестке культур. Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 5–19.
- Болелов, 2013б — Болелов С. Б. Ремесло Древнего Хорезма на ранних этапах развития государственности // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013 (Тр. ГЭ; Т. LXII). С. 29–44.
- Болелов, 2019 — Болелов С. Б. Хумбузтепа. Производственный центр эпохи раннего железного века в южном Хорезме (археологические исследования 1996–1997 гг.) // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов. История, археология, культура: Материалы междунар. конф., посвящ. памяти Бориса Анатольевича Литвинского (Москва, 16–18 апреля 2018 года). М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 23–66.
- Болелов, Утубаев, 2019 — Болелов С. Б., Утубаев Ж. Р. Низовья Сырдарьи во второй половине I тыс. до н. э. (Новые данные к изучению Чирикрабатской археологической культуры) // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура: Материалы междунар. конф., посвящ. памяти Бориса Анатольевича Литвинского (Москва, 16–18 апреля 2018 года). М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 67–89.
- Болелов, Утубаев, 2020 — Болелов С. Б., Утубаев Ж. Р. Гончарное производство на территории древней дельты Сырдарьи в эпоху античности: новые данные // Археология Казахстана. 2020. № 1 (7) С. 67–87.
- Вайнберг, 1960 — Вайнберг Б. И. Туркменские поселения по Дарьялыку (по материалам Туркменского археолого-этнографического отряда 1957 г.) // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 году. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (МХЭ; Вып. 4). С. 115–133.
- Вайнберг, 1979 — Вайнберг Б. И. Курганные могильники Северной Туркмении (Присарыкамьшская дельта Амударьи) // Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979 (Тр. ХАЭЭ; Т. XI). С. 167–177.
- Вайнберг, 1981 — Вайнберг Б. И. Скотоводческие племена в Древнем Хорезме // Культура и искусство Древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 121–130.
- Вайнберг, 1991 — Вайнберг Б. И. Изучение памятников Присаракамышской дельты в 70–80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). I. М.: ИЭ АН СССР, 1991. С. 5–108.
- Вайнберг, Болелов, 1999 — Вайнберг Б. И., Болелов С. Б. Нурумский оазис на западе Хорезма // Культурные ценности. Международный ежегодник 1997–1998. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 46–61.
- Воробьева, 1959 — Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма / Под ред. С. П. Толстова и М. Г. Воробьевой. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Тр. ХАЭЭ; Т. IV). С. 63–220.
- Воробьева, 1961 — Воробьева М. Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961 (Тр. ИЭ; Т. XLVIII). С. 147–179.
- Воробьева, 1973 — Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в Древнем Хорезме. М.: Наука, 1973 (МХЭ; Вып. 9). 220 с.
- Воробьева и др., 1963 — Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. I. Общий отчет. Памятники первобытного и античного времени. М.: Изд-во АН СССР, 1963. (МХЭ; Вып. 6). С. 157–200.
- Воробьева-Десятовская, 1992 — Воробьева-Десятовская М. И. Индийцы // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М.: Восточная литература, 1992. С. 77–115.
- Голубцова, 1972 — Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. М.: Наука, 1972. 185 с.
- Дандамаев, 1974 — Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии. VII–IV вв. до н. э. (626–331 гг.). М.: Наука, 1974. 493 с.
- Дандамаев, 2009 — Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э. Социальные институты и идеология. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009 (Исторические исследования). 512 с.

- Екимова*, 1959 — *Екимова В. В.* Гончарное производство в Хивинском районе (по материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.) // *Керамика Хорезма* / Под. ред. С. П. Толстова и М. Г. Воробьевой. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Тр. ХАЭЭ; Т. IV). С. 343–378.
- Кошеленко*, 1983 — *Кошеленко Г. А.* Полис и проблемы развития экономики // *Античная Греция: проблемы развития полиса*. М.: Наука, 1983. Т. 1: Становление и развитие полиса. С. 217–246.
- Лившиц*, 1984 — *Лившиц В. А.* Документы из дворца Топрак-кала // *Топрак-кала. Дворец*. М.: Наука, 1984 (Тр. ХАЭЭ; Т. XIV). С. 251–286.
- Литвинский, Седов*, 1983 — *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах (Культура и связи кушанской Бактрии). М.: Наука, 1983. 239 с.
- Мамбетуллаев*, 1984 — *Мамбетуллаев М.* Хумбуз-тепе — керамический центр южного Хорезма // *Археология Приаралья*. Ташкент: Фан, 1984. Вып. II. С. 21–39.
- Мамбетуллаев, Юсупов*, 1974 — *Мамбетуллаев М., Юсупов Н.* Археологические работы в Хорезмской области // *АО* 1973. М.: Наука, 1974. С. 483.
- Муравьев*, 1822 — [Муравьев Н. Н.] Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. Гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. С картинами, с чертежами и проч. М.: В тип. Августа Семена, 1822. Ч. 2. 144 с.
- Неразик*, 1976 — *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.): Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М.: Наука, 1976 (Тр. ХАЭЭ; Т. IX). 256 с.
- Неразик*, 1981a — *Неразик Е. Е.* Некоторые вопросы истории городов и истории культуры древнего Хорезма в свете раскопок городища Топрак-кала // *Городище Топрак-кала (раскопки 1965–1975 гг.)*. М.: Наука, 1981 (Тр. ХАЭЭ; Т. XII). С. 136–148.
- Неразик*, 1981b — *Неразик Е. Е.* К проблеме развития городов Хорезма // *Культура и искусство древнего Хорезма*. М.: Наука, 1981. С. 219–227.
- Пещерева*, 1959 — *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (Тр. ИЭ. Новая серия; Т. XLII). 396 с.
- Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990 — *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и средневековье). Ташкент: Фан, 1990. 219 с.
- Сайко*, 1971 — *Сайко Э. В.* К истории гончарного круга и развития форм керамики: По археологическим материалам Средней Азии. Душанбе: Ирфон, 1971. 172 с.
- Сарияниди*, 1957 — *Сарияниди В. И.* Керамические печи древней Маргианы // *КСИИМК*. 1957. Вып. 69. С. 72–77.
- Таишходжаев*, 1975 — *Таишходжаев Ш. С.* Керамическое производство Афрасиаба и вопросы организации труда ремесленников X — начала XIII вв. // *Афрасиаб*. Ташкент: Фан, 1975. Вып. IV. С. 58–68.
- Толстов*, 1948 — *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.
- Толстов*, 1962 — *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: ИВЛ, 1962. 324 с.
- Утубаев, Болелов*, 2016 — *Утубаев Ж. Р., Болелов С. Б.* Новые археологические открытия в низовьях Сырдарьи // *Вестник Кемеровского ГУ. История и археология. Психология. Филология*. 2016. № 1 (65). С. 56–62.
- Ягодин*, 2008 — *Ягодин В. Н.* Кочевники и Хорезм в Приаральском микрорайоне в IV–III вв. до н. э. – IV–V вв. н. э. // *Археология Приаралья*. Ташкент: Фан, 2008. Вып. VII: Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. С. 116–124.
- Ягодин и др.*, 2017 — *Ягодин В. Н., Китов Е. П., Ягодин В. В.* Типология погребальных комплексов могильника Кызыбаба I во II–IV вв. н. э. (к вопросу о происхождении кочевников юго-восточного Устюрта) // *Stratum plus*. 2017. № 4: Между Лимесом и Поднебесной: центры власти и производства. С. 357–379.

Pottery making in the South Aral region (concerning the question of the organization of handicrafts in antiquity)

S. B. Bolelov³

This paper discusses the questions concerned with the organization of pottery making crafts in the South Aral region during the classical period. This research is based on the results of many years of archaeological and topographic investigations, as well as the data of the dense aerial photographic surveys which were carried out

³ Sergei Bolelov — The State Museum of Oriental Art; Nikitskiy Boulevard, 12a, 119019, Moscow, Russia; e-mail: bsb1958@yandex.ru.

by the Khorezm Expedition in the late 1940^s–1950^s. Analysis of these data makes it possible to distinguish several types of pottery manufacture differing in the presumable volumes of production and its locations relative the settlements. Every type of production corresponded to a particular form of the organization of the pottery-making craft and held its place in the social and economic system during the classical period. Small pottery-making workshops in the territory of a settlement corresponded to the communal form of handicrafts. Specialized manufacturing centres were, evidently, represented by large pottery-making workshops providing their products for the market, although not continuously but for a certain season, in the zone of permanent agricultural settlements based on artificial irrigation. The large manufacturing centres and handicraft-trade settlements were located at the margins of the oasis (Left-Bank Khorezm) and were oriented to expansive markets in the zone of contacts between the agricultural and herding populations. The manufacturing settlement at the lower reaches of Syr Darya was situated in the central area of a large agricultural oasis and fulfilled, in these conditions, the functions of an urban potters' block taken away outside the limits of the fortified area of the site (by contrast to the southern regions of Central Asia). The organization and predominance of some type of pottery making in a particular district or region depended primarily on the economic expedience and the way of management or economic-cultural type of the given territory.

Эллинистическая усадьба близ античного города Порфмий в Восточном Крыму¹

М. Ю. Вахтина²

Аннотация. Статья посвящена небольшой усадьбе, расположенной к востоку от малого боспорского города Порфмий. Её раскопки были проведены в 1988 г. под руководством Л. Б. Кирчо в рамках полевых работ Порфмийского отряда Боспорской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). Несмотря на то что строительные остатки комплекса сохранились фрагментарно, проведенные исследования позволили выявить новый интересный объект — эллинистическую усадьбу, основанную в конце IV в. до н. э. и, по-видимому, просуществовавшую до середины I в. до н. э. в непосредственной близости от древнего города.

Annotation. This paper is devoted to a small ancient rural house situated to the east from the Bosporean town of Porthmion. The excavations of the farmhouse were conducted in 1988 under the direction of L. B. Kircho according to the plan of field investigations of the Porthmion Group of the Bosporean Archaeological Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA) AS USSR (now the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). Despite the fact that the building remains of the complex were preserved only fragmentarily, the investigations conducted have allowed the researchers to reveal a new interesting object — a Hellenistic farmhouse founded in the late 4th century BC in the immediate proximity to the ancient town and, probably, used until the mid-1st century BC.

Ключевые слова: Порфмий, сельская усадьба, строительный период, домашнее святилище, терракотовые статуэтки.

Keywords: Porthmion, rural house, building period, domestic sanctuary, terracotta statuettes.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-179-186

В научной деятельности Любви Борисовны Кирчо основное место, безусловно, принадлежит исследованиям в области археологии, культуры и истории Средней Азии в энеолите — бронзовом веке. Именно в этой сфере она как ученый-археолог достигла высочайшего уровня, став признанным и известным специалистом как у нас в стране, так и за рубежом. Ее вклад в изучение древних культур Средней Азии, ее раскопки на территории современной Туркмении, несомненно, будут подробно освещены в других статьях, вошедших в этот сборник. Однако круг

интересов и увлечений Любви Борисовны гораздо шире и включает и другие направления научных изысканий. И сейчас несколько слов хочется сказать об одном из «периферийных» ее увлечений и о вкладе в исследования античных памятников Северного Причерноморья. Прежде всего, нельзя не вспомнить о многолетнем участии в работах Тарханкутской экспедиции ЛОИА, под руководством А. Н. Щеглова проводившей исследования поселения и могильника Панское I в Западном Крыму. Любовь Борисовна внесла свой вклад и в исследования античных поселений Восточного Крыма. В этой небольшой статье хочется вспомнить об одном из полевых сезонов, проведенных ею на Боспоре. Летом 1988 г. вместе с сыном Александром, тогда еще школьником, Любовь Борисовна приняла участие в раскопках Порфмийского отряда Боспорской экспедиции Института.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vakhtina@rambler.ru.

Условия жизни, равно как и рабочие условия в античных экспедициях ЛОИА, были достаточно малокомфортными (стоит сказать, что с тех пор мало что изменилось). И Любовь Борисовна, и Саша стойко и весело переносили все условия сурового и аскетического быта. Я с благодарностью вспоминаю их участие в работе нашего отряда, исходящую от них поддержку и оптимизм, которые я неизменно чувствовала в самых разных рабочих и бытовых ситуациях. Приезд Любы и ее участие в раскопках наконец-то позволили реализовать давно назревшую потребность в исследовании ещё одного объекта, до которого в предшествующие годы все как-то «руки не доходили», расположенного неподалеку от Порфмия.

К востоку от небольшой возвышенности, на которой был основан древний боспорский город, между палаточным лагерем и основным раскопом в обрыве у сельской дороги обнажилась каменная кладка. Она достаточно быстро разрушалась абразией, камни потихоньку сползали в балку. О назначении этой кладки высказывались самые разные предположения, вплоть о принадлежности сооружения некрополю Порфмия, локализация которого тогда была еще неясна. В том году было принято решение разбить на этом месте небольшой спасательный раскоп, что и было выполнено при непосредственном участии Любви Борисовны. Будучи высокопрофессиональным полевиком-универсалом, она и руководила раскопками, и сама, естественно, работала лопатой, ножом и кистью, вела дневник, составляла описи и выполняла рисунки находок. Все эти материалы хранятся в РО НА ИИМК РАН (Ф. 35. Оп. 1. 1989. Д. 83–86).

В результате на охранно-спасательном раскопе были выявлены остатки небольшой усадьбы — первой сельской усадьбы, раскопанной в окрестностях Порфмия. При всей скромности открытого объекта и обнаруженных находок (Вахтина, 2002; *Vakhtina et al.*, 2010. P. 369–370) его выявление, безусловно, позволило добавить новую ценную информацию к нашим знаниям об античном Порфмии и его хозяйственном укладе.

Сельская усадьба в окрестностях Порфмия

Боспорский город Порфмий традиционно соотносят с руинами городища, расположенного к северо-востоку от современного г. Керчь в Восточном Крыму, на окраине совр. поселка Жуковка. Он был основан приблизительно в середине VI в. до н. э. на небольшом скальном плато недалеко

от побережья Керченского пролива. Для середины — второй половины III в. до н. э. зафиксированы глобальная перестройка и перепланировка существовавшего древнего поселения, сопровождавшиеся разборкой ранее существовавших построек. В результате были возведены новые оборонительные сооружения и жилые кварталы «нового города», или «позднего Порфмия», просуществовавшего до середины I в. до н. э. (Кастанаян, 1983; Вахтина, 2009. С. 100–101).

Руины небольшой усадьбы, открытой в 1988 г. к востоку от городища, соотносятся с «поздним», эллинистическим Порфмием, хотя, возможно, комплекс был основан немного ранее. Уцелевшие строительные остатки были полностью вскрыты на площади около 90 кв. м (раскоп Д) (рис. 1, 1). К сожалению, усадьба была в значительной степени разрушена современной балкой, перерезавшей строительные остатки в восточной части. Западная же часть комплекса пострадала в результате взрыва снаряда во время Великой Отечественной войны. Заплывшая воронка от взрыва видна на современной поверхности.

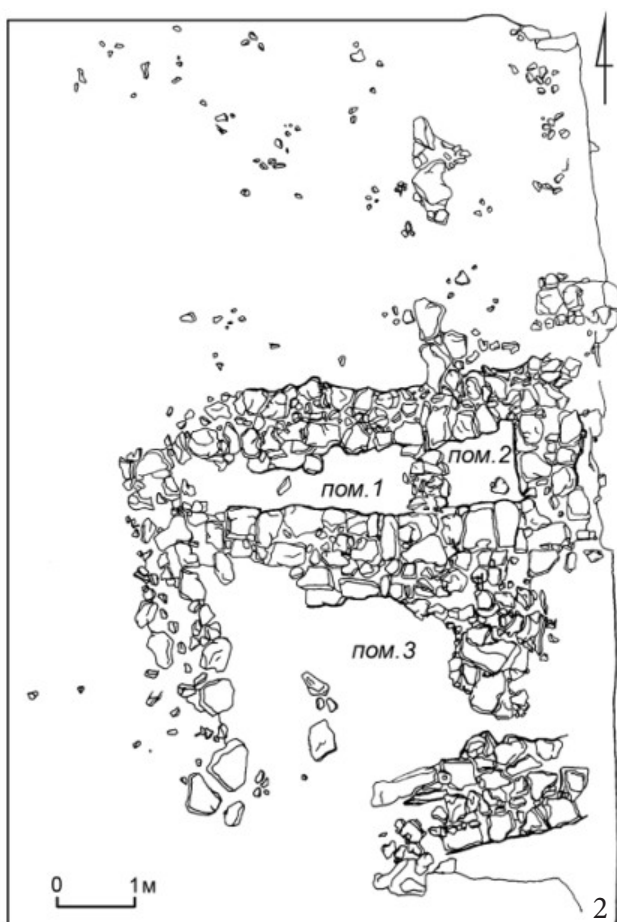
Дерновый слой и слой серого суглинка, перекрывавшие кладку стен, содержали многочисленные керамические материалы, относящиеся к эллинистическому времени. В их числе — фрагменты клейменной боспорской черепицы, венчики гераклейских амфор, ножки амфор Гераклеи и Синопы, край мортара, фрагменты красноглиняной и сероглиняной столовой посуды (Вахтина, Кирчо, 1989. Л. 1–60б.). В дерновом слое был обнаружен красноглиняный светильник римского времени³. Светильник имеет круглую форму, плоское дно, маленький овальный выступающий носик с большим отверстием (рис. 2). Ручка утрачена, поверхность сильно потерта. Почти горизонтальные плечики украшены жемчужным орнаментом. Щиток отделен от плечиков валиком с двумя врезными линиями. Отверстие для фитиля округлое, расположено под сценой на щитке. Сюжет изображения на щитке неясен (эротическая сцена?).

После разборки многочисленных каменных развалов были расчищены остатки кладки оснований четырех стен, сохранившихся на 0,30–0,45 м в высоту. Кладка из камней местного известняка, рядовая, на два лица. Стены ограничивали три помещения (рис. 1, 2). Помещения, по-видимому, имели общую восточную стену № 4, идущую

³ Полевая опись — № П-88/Д-1.

1

2

3

Рис. 1. Сельская усадьба в окрестностях Порфмий, раскопки 1988 г.: 1 — вид на участок, где располагалась усадьба, с восточной границы городища Порфмий, стрелкой отмечено местоположение раскопа; 2 — раскоп Д, план (остатки стен усадьбы); 3 — помещения № 1 и 2 (вид с востока)

Fig. 1. The farmhouse near Porthmion, the excavations of 1988: 1 — view from the eastern boundary of the townsite of Porthmion at the area where the farmhouse was situated, the arrow points to the location of the excavation; 2 — excavation “Д” (remains of the walls of the farmhouse, plan; 3 — rooms no. 1 and no. 2 (view from the east)

Рис. 2. Римский светильник из дернового слоя
Fig. 2. Roman lamp found in topsoil

в направлении север–юг. Она сохранилась фрагментарно, «непрерывная» кладка выявлена примерно на 1 м в длину, ширина достигала 0,41 м, высота до 0,35 м. Планировка в северной части участка практически полностью уничтожена. *In situ* сохранились лишь незначительные части оснований стен. При их расчистке были обнаружены два фрагмента боспорской клейменной черепицы.

Лучше всего сохранилось помещение, расположенное южнее. Оно было втянуто по линии восток–запад и изначально имело площадь 2,8 × 0,9 м. С севера оно ограничено стеной № 1, имевшей 2,8 м в длину, 0,8 м в ширину и 0,45 м в высоту, а с юга — стеной № 3 (общей с помещением, расположенным к югу). Помещение имело два строительных периода: в поздний оно было разделено небольшой стеной на два отдельных помещения № 1 и 2, имевших, скорее всего, хозяйственное назначение (рис. 1, 3). При разборке их заполнения были найдены лишь невыразительные обломки стенок тарных амфор.

Помещение № 3 (южное) имело площадь 3 × 2 м. С юга оно ограничено стеной, ориентированной по линии северо-восток–юго-запад. Ее остатки расчищены на 1,3 м в длину, 0,8 м

в ширину и 0,3 м в высоту. С севера помещение ограничено стеной (общей с помещениями № 1 и 2), раскрытой на 2 м в длину, высота кладки достигала 0,3 м. При расчистке подошвы этой стены в северо-восточной части помещения № 3 было собрано около 80 обломков терракотовых статуэток, происходящих, вероятно, из разрушенного домашнего святилища (Вахтина, 1989. Л. 8–9). Большинство из них — сколы и мелкие фрагменты, однако некоторые экземпляры представляют несомненный интерес.

О терракотовых статуэтках из порфмийской усадьбы

Большинство фрагментов терракот, поддающихся определению, принадлежали женским статуэткам⁴. Одну из них удалось склеить почти полностью (рис. 3). Высота ее — около 20 см. Глина, из которой она изготовлена, — рыхлая, красного цвета. Вероятно, фигурку можно отнести к продукции местной боспорской мастерской. Это грубо выполненное изображение Афродиты с короной-башней на голове. Правой поднятой вверх рукой богиня поддерживает край плаща или накидки, левая свободно опущена вниз, придерживая складки одежды. У ног богини — два Эрота.

Изображения Афродиты были широко распространены в коропластике Боспора в первые века до н. э. Однако полных аналогий порфмийской статуэтке обнаружить не удастся. В Пантикапее во II–I вв. до н. э. изображения Афродиты были самыми многочисленными среди культовых статуэток (Силантьева, 1974. С. 12, табл. 23–25). Большинство из них произведены в пантикапейских мастерских, привозные экземпляры в эту эпоху достаточно редки. На одной из фигурок обнаженная богиня с Эротом и гермой Пана у ног, также, как на порфмийской статуэтке, правой рукой поддерживает край гиматия, левая рука ее опущена вниз (Там же. Табл. 23, 2); в похожей позе показана и обнаженная Афродита с фигуркой Пана у ног, найденная на Тамани, между мысами Тузла и Панагия (Грач, 1974. С. 41, табл. 48, 5). К числу наиболее близких порфмийской статуэтке изображений можно отнести статуэтку Афродиты с Эротом у ног из могилы I в. до н. э. некрополя Тирамбы (Коровина, 1974. С. 11, табл. 6, 3); из этого некрополя происходят и другие фигурки, представляющие стоящую Афродиту с Приапом (Там же.

⁴ Полевая опись — все под № П-88/Д-3.

Табл. 5, 2; 6, 5). Они отнесены к продукции фанаторийских мастерских (Там же. С. 12). Статуэтка, представляющая женщину (Афродиту?) с ребенком (Эротом?) у ног, обнаружена на городище, расположенном на территории завода «Залив» на Таманском полуострове (Кобылина, 1974а. Табл. 36, 1). Эти терракоты датируются II–I вв. до н. э. Очевидно, к этому времени относится и фигурка Афродиты из усадьбы близ Порфмия.

Статуэтка, от которой сохранился лишь фрагмент обнаженного торса (рис. 4, 1), по-видимому, также представляла Афродиту. На ногах, чуть выше колен, показаны ножные браслеты. С такими браслетами во II–I вв. до н. э. часто изображали обнаженную Афродиту (Силантьева, 1974. Табл. 23, 2, 5; Грач, 1974. С. 41, табл. 48, 5, 6; Коровина, 1974. Табл. 5, 2). Фрагмент, на котором можно видеть часть обнаженной женской спины (рис. 4, 2), вероятно, также мог принадлежать статуэтке, изображавшей Афродиту, или же фигурке, изображавшей Психею, возможно, часть группы «Эрот и Психея» (Кобылина, 1974б. Табл. 32, 4–6).

Ко II в. до н. э., вероятно, можно отнести головку терракотовой статуэтки в шляпе или калафе (рис. 4, 3), с волосами, уложенными валиком по обеим сторонам прямого пробора.

К женским статуэткам относились и большинство поддававшихся определению фрагментов. Отметим для примера фрагмент нижней части женской фигуры в хитоне, а также фрагмент протомы, от которой сохранились часть торса и складки хитона (рис. 4, 4), в качестве аналогии которой можно привести фрагмент из Фанагории (Кобылина, 1974б. Табл. 26, 5). По-видимому, и ещё один небольшой фрагмент протомы (рис. 4, 5) относится к женским изображениям. Вероятно, женской статуэтке принадлежал и фрагмент нижней части человеческой фигуры, от которой сохранилась нога, выступающая из складок одежды (рис. 4, 6); правда, не исключена вероятность, что терракота могла изображать Эрота-Танатоса.

К фрагментам, которые предположительно можно отнести к мужским изображениям, принадлежит нижняя часть терракоты (рис. 4, 7). Вероятно, это была статуэтка сидящего мужчины или ребенка со скрещенными ногами — например, см. фигурки из сельского святилища поселения Полянка в Крымском Приазовье (Масленников, 2006. Рис. 21) и из некрополя Кеп (Сорокина, 1974. Табл. 14, 2).

Среди находок отметим верхнюю часть терракотового алтарика в виде храма (рис. 4, 8). Такие

Рис. 3. Статуэтка Афродиты (Вахтина, 2002. Рис. 2, 8; Vakhtina et al., 2010. Fig. 15)

Fig. 5. Statuette of Aphrodite (Вахтина, 2002. Рис. 2, 8; Vakhtina et al., 2010. Fig. 15)

глиняные модели храмов известны на эллинистическом Боспоре. Иногда их боковые поверхности украшались рельефными изображениями, как на фрагментах алтариков из Мирмекия (Денисова, 1981. Табл. 15, в, д). Алтарь, похожий на тот, который был найден в порфмийской усадьбе, происходит из строения № 5 сельского теменоса, открытого неподалеку от городища Генеральское-Восточное в Крымском Приазовье (Масленников, 2007. С. 205, рис. 92; Maslennikov, 2010. Fig. 36b). Возможно, к декору подобного алтарика относилась крупная терракотовая четырехлепестковая розетка, обнаруженная в помещении № 3 порфмийской усадьбы (рис. 4, 9). Три терракотовые розетки со следами красной краски были найдены в сельском святилище поселения Полянка в Крымском Приазовье (Масленников, 2006. Рис. 49–51).

Обломки терракот, во множестве найденные в помещении № 3 порфмийской усадьбы, по-видимому, свидетельствуют о существовании

Рис. 4. Фрагменты терракотовых статуэток: 1 — часть статуэтки Афродиты (Вахтина, 2002. Рис. 2, 5; Vakhtina et al., 2010. Fig. 16, 3); 2 — фрагмент женской статуэтки (Там же. Рис. 2, 7; Ibid. Fig. 16, 2); 3 — головка терракотовой статуэтки (Там же. Рис. 2, 1; Ibid. Fig. 16, 1); 4 — фрагмент женской фигуры; 5 — фрагмент средней части статуэтки; 6 — фрагмент нижней части статуэтки; 7 — фрагмент части сидящей фигуры (Там же. Рис. 2, 6; Ibid. Fig. 16, 4); 8 — верхняя часть алтарика (Там же. Рис. 2, 3; Ibid. Fig. 16, 5); 9 — розетка (Там же. Рис. 2, 4)

Fig. 6. Fragments of terracotta statuettes: 1 — part of a statuette of Aphrodite (Вахтина, 2002. Рис. 2, 5; Vakhtina et al., 2010. Fig. 16, 3); 2 — fragment of a female statuette (Там же. Рис. 2, 7; Ibid. Fig. 16, 2); 3 — head of a terracotta statuette (Там же. Рис. 2, 1; Ibid. Fig. 16, 1); 4 — fragment of a female figure; 5 — fragment of the middle part of a statuette; 6 — fragment of the lower part of a statuette; 7 — fragment of a sitting figure (Там же. Рис. 2, 6; Ibid. Fig. 16, 4); 8 — upper part of a small altar (Там же. Рис. 2, 3; Ibid. Fig. 16, 5); 9 — rosette (Там же. Рис. 2, 4)

здесь небольшого домашнего святилища. Обилие фрагментов статуэток, представляющих женские божества, склоняет нас к традиционной трактовке этого святилища — оно, вероятно, было связано с почитанием богинь, соотносившихся с идеями плодородия и домашнего благополучия.

Комплекс терракотовых статуэток (вернее, их фрагментов) позволяет уточнить время существования сельской усадьбы, расположенной к востоку от Порфмия. Возможно, она была основана во второй половине — конце IV в. до н. э., в период, который справедливо считают временем

экономического и культурного расцвета Боспора. Основной массив находок относится ко второму строительному периоду комплекса, который приходится на вторую половину III — середину I в. до н. э. Примечательно, что усадьба находилась в непосредственной близости от города, чтобы в случае внезапной опасности можно было, прихватив животных и домашний скот, укрыться под защитой городских стен. Подобные усадьбы, к сожалению, почти полностью уничтоженные современной распашкой, зафиксированы и к северу от городища, на плодородной равнине, использовавшейся для земледелия и в последующие эпохи. Остатки одной из них, располагавшейся к северу от северо-восточной части городища на площади приблизительно 3500 кв. м, были исследованы А. А. Супренковым и П. Г. Столяренко в 2014 г. Собранный материал позволил датировать время ее существования IV–III вв. до н. э. (Супренков, Столяренко, 2016. С. 70, рис. 2).

Заключение

Многолетние исследования эллинистического Порфмия позволили выявить большую роль

земледелия и скотоводства в жизни его обитателей. Об этом свидетельствуют многочисленные находки курантов каменных зернотерок, фрагментов ступ для растирания зерна, остеологические материалы. Несомненно, древние порфмийцы использовали земли вокруг города для посевов и выпаса скота. Городская территория, окруженная стенами, во все эпохи существования поселения определялась размерами природной возвышенности, на которой был основан город, и не превышала 0,7 га. Вероятно, в относительно стабильные периоды существования недалеко от города возникали жилые и хозяйственные постройки. Они могли использоваться как сезонно, так и для постоянного проживания. Близость их к городу еще раз иллюстрирует ситуацию на границах Европейского Боспора, недалеко от одной из традиционных переправ через Керченский пролив, где периоды относительно мирного существования периодически сменялись периодами дестабилизации. Вероятно, небольшие «фазенды» близ Порфмия прекратили свое существование единовременно, после того как город был оставлен жителями в середине I в. до н. э. или же несколькими десятилетиями позднее.

Вахтина, 1989 — Вахтина М. Ю. Отчет Порфмийского отр. Боспорской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР за 1988 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1989. Д. 83.

Вахтина, 2002 — Вахтина М. Ю. Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмия // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Т. 1. С. 94–98.

Вахтина, 2009 — Вахтина М. Ю. Порфмий — греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. 2009. Т. 22. С. 91–126.

Вахтина, Кирчо, 1989 — Вахтина М. Ю., Кирчо Л. Б. Раскоп Д. Полевая опись находок // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1989. Д. 85.

Грач, 1974 — Грач Н. Л. Описание статуэток, найденных возле мыса Тузлы, между мысами Тузлой и Панагией // Терракотовые статуэтки / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1974 (САИ; Вып. Г1-11). Ч. 4: Придонье и Таманский полуостров. С. 36–39.

Денисова, 1981 — Денисова В. И. Киропластика Боспора. М.: Наука, 1981. 171 с.

Кастанаян, 1983 — Кастанаян Е. Г. Порфмий // Études et travaux. XIII. Travaux du Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. 1983. Т. 26. Р. 162–168.

Кобылина, 1974а — Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки с городища в совхозе «Залив» // Терракотовые статуэтки / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1974 (САИ; Вып. Г1-11). Ч. 4: Придонье и Таманский полуостров. С. 30–31.

Кобылина, 1974б — Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. М.: Наука, 1974 (САИ; Вып. Г1-11). Ч. 4: Придонье и Таманский полуостров. С. 20–30.

Коровина, 1974 — Коровина А. К. Терракоты Тирамбы // Терракотовые статуэтки / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1974 (САИ; Вып. Г1-11). Ч. 4: Придонье и Таманский полуостров. С. 11–13.

Масленников, 2006 — Масленников А. А. Античное святилище на Меотиде. М.; Тула: Гриф и К, 2006. 152 с.

Масленников, 2007 — Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула: Гриф и К, 2007. 564 с.

Силантьева, 1974 — Силантьева П. Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. М.: Наука, 1974 (САИ; Вып. Г1-11). Ч. 3: Пантикапей. С. 5–37.

- Супренков, Столяренко, 2016 — Супренков А. А., Столяренко П. Г. Античные сельские поселения на востоке Керчи (по результатам разведочных работ 2014 г.) // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 66–76.
- Maslennikov, 2010 — Maslennikov A. A. Ancient Rural Sanctuaries of the Crimean Azov Coast // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea / Eds. E. K. Petrououlos, A. A. Maslennikov. Thessaloniki: Publishing House Kyriakidis Brothers s. a., 2010. P. 171–281.
- Vakhtina et al., 2010 — Vakhtina M. Yu., Vinogradov Yu. A., Goroncharovsky V. A. Cult Complexes and objects discovered by the Bosporan expedition of the Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg) // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea / Eds. E. K. Petrououlos, A. A. Maslennikov. Thessaloniki: Publishing House Kyriakidis Brothers s. a., 2010. P. 367–398.

Hellenistic farmhouse near the ancient city of Porthmion in East Crimea

M. Yu. Vakhtina⁵

This paper is devoted to a small ancient rural house situated to the east from the Bosporan town of Porthmion (Fig. 1, 1). The excavations of the house were conducted in 1988 under the direction of L. B. Kircho who participated in the archaeological investigations of the Porthmion Group of the Bosporan Archaeological Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR. Despite the fact that the building remains of the complex were preserved only fragmentarily (Fig. 1, 2, 3), the investigations conducted have allowed the researchers to reveal a new interesting object — a Hellenistic farmhouse founded in the late 4th century BC. The main mass of the finds is dated to the second building period of the complex, i. e. the second half of the 3rd — mid-1st century BC. Despite the considerable destruction of the building remains, it proved possible to reveal the traces of three rooms. In one of the latter (no. 3), numerous fragments of terracotta statuettes of Bosporan manufacture were uncovered (Fig. 3; 4). Possibly there was here a small domestic sanctuary. It is of note that the farmhouse was founded in the immediate proximity to the town, where, in case of sudden danger it was possible to take cover of the urban defensive walls.

⁵ Marina Vakhtina — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Dvortsovaja nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vakhtina@rambler.ru.

К оценке этнополитической ситуации VII–V вв. до н. э. в Нижнем Прикубанье¹

В. А. Горончаровский²

Аннотация. Статья посвящена анализу этнополитической ситуации на Таманском полуострове и в низовьях Кубани на раннем этапе освоения греками территории Азиатского Боспора. Согласно версии автора, этноним «синды» связан с одной из группировок кочевых племен Самаро-Уральского региона, которая около 530 г. до н. э. под давлением новой кочевой волны с востока («скифы царские») сместилась в западном направлении и заняла свободную территорию в районе Боспора Киммерийского. К началу V в. до н. э., судя по всему, синды достигли господствующего положения среди варварских племен Нижнего Прикубанья и вступили в военно-политический союз с соседними боспорскими городами, направленный против скифской экспансии. Анализ погребальных традиций позволяет связать с синдами не только известные Семибратние курганы, но и ряд сырцовых гробниц с захоронениями конных воинов V в. до н. э.

Annotation. This paper is concerned with analysis of the ethnopolitical situation on the Taman Peninsula and on the Lower Kuban River at the early stage of the occupation of the territory of the Asiatic Bosphoros by the Greeks. In the author's version, the ethnonim 'Sinds' is related with one of the groups among the nomads of the Samara-Ural region which about in 530 BC, under the pressure of a new nomadic wave from the east ("Royal Scythians") moved in the western direction and occupied the free area in the region of the Cimmerian Bosphoros. By the beginning of the 5th century BC, the Sinds evidently attained a dominating position among the barbarian tribes on the Lower Kuban River and entered into a military-political alliance with neighbouring Bosphoran cities directed against the Scythian expansion. Analysis of burial traditions allows us to associate with the Sinds not only the famous Semibratniye barrows but also a series of adobe tombs with burials of mounted warriors of the 5th century BC.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, Нижнее Прикубанье, скифы, синды, меоты, тореты, керкеты, сырцовые гробницы, захоронения коней.

Keywords: Asiatic Bosphoros, Lower Kuban River region, Scythians, Sinds, Maeotians, Torets, Kerkets, adobe tombs, horse burials.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-187-193

В эпоху освоения Азиатского Боспора греческими колонистами наиболее заметными среди их варварских соседей были, безусловно, синды, занимавшие земли в районе Таманского полуострова и нижнего течения Кубани. Тем не менее

эта область на раннем этапе колонизации вряд ли могла претендовать на наименование «Синдика»: в VIII — середине VII в. до н. э. здесь существовал Приморско-Абинский локальный вариант прото-меотской культуры (Эрлих, 2007. С. 57). Его исчезновение на большей части этой территории связывается со скифским присутствием, которое обозначено целым рядом курганных погребений на левобережье Нижней Кубани (Новичихин, 2006а. С. 134 сл., рис. 1; Шевченко, 2013. С. 100–118). Для них характерны захоронения с южной ориентацией в больших прямоугольных ямах размерами до 4,7 × 3,5 м при глубине до 1,2 м (Новичихин,

¹ Данная работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания: № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: goronvladimir@yandex.ru.

2006а. С. 135). В отдельных случаях использовались каркасно-столбовые конструкции. Иногда рядом с покойниками клали взнузданных коней или части их туш. Среди предметов погребального инвентаря (*Там же*. С. 136, рис. 3) обращают на себя внимание находки бронзовых литых шлемов кубанского типа, акинака с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем (отдел I тип 2 по: *Мелюкова*, 1964. С. 49–50, табл. 16, 2), двухлопастных наконечников стрел (I хронологическая группа по: *Там же*. С. 18, табл. 6, А1, Б2, И7), панцирных металлических пластин, бронзовых с тремя отверстиями и железных трехпетельчатых псалиев, а также бронзового котла, аналогичного обнаруженному в погребении 3 кургана № 15 Келермесского могильника (*Алексеев*, 2003. С. 388, рис. 16, 1). Все они относятся к археологической культуре архаической Скифии 700–530 гг. до н. э. (ср.: *Там же*. С. 397, рис. 24), вслед за которой для курганных комплексов данной территории начинается хронологическая лагуна продолжительностью около 80 лет.

У населения, оставившего грунтовые могильники к северу и востоку от современной Анапы, такого разрыва культурной традиции не наблюдается. А. М. Новичихин дает следующую картину эволюции обнаруженных в этих могильниках погребальных сооружений: для первой половины VI в. до н. э. это площадки под округлыми каменными закладами, иногда окруженными по периметру круглыми камнями (могильники Красная Скала, Красный Курган, Воскресенский, у опытно-производственного хозяйства «Анапа», у хутора Рассвет); их сменяют захоронения в неглубоких ямах с перекрытием из каменных плит, окруженные кромlexами, а уже около середины VI в. до н. э. появляются погребения в каменных ящиках, в предшествующий период распространенные на черноморском побережье от Новороссийска до Туапсе. В V в. до н. э. происходит слияние двух погребальных традиций: распространяется практика сооружения каменных ящиков с округлой обкладкой-кромlexом, которая становится преобладающей в Синдике (*Новичихин*, 2006б. С. 77). По мнению исследователя, эти данные могут свидетельствовать «о формировании в районе современной Анапы новой этнокультурной общности», а именно синдского этноса³,

³ Сторонниками связи «каменных» некрополей района Анапы с историческими синдами были и другие

органично сочетавшего «культурные (и языковые?) традиции пришлого кавказского (абхазо-адыгского) и местного (вероятно, индоарийского) населения» (*Новичихин*, 2014. С. 116–117).

Более конструктивной, однако, представляется позиция Е. М. Алексеевой, которая отмечает широкий ареал специфического облика «каменных» некрополей и их отсутствие на территории Таманского полуострова, включавшегося древними авторами в Синдику, что «заставляет осторожнее относиться к их интерпретации как синдских» (*Алексеева*, 2012. С. 176). С ее точки зрения, в носителях такой погребальной традиции следует видеть ближайших соседей синдов — торетов и керкетов (*Алексеева*, 1991. С. 35; *Алексеева*, 2000. С. 162), и в этом с ней вполне можно согласиться. Тех же взглядов придерживаются и современные исследователи археологических памятников полуострова Абрау (*Малышев и др.*, 2014. С. 101, рис. 5). Что же касается индоарийского компонента в составе населения Синдики, то после уничтожающей критики С. Р. Тохтасьева (заметившего, что у О. Н. Трубачева и его последователей соответствующих топонимов в Северном и Северо-Восточном Причерноморье насчитывается, «...наверное, немногим меньше, чем в самой Индии»; *Тохтасьев*, 2017. С. 173–194) всерьез относиться к этой гипотезе не приходится.

Анализ имеющихся археологических данных показывает, что после ухода из Прикубанья носителей раннескифской культуры⁴ между областями обитания меотов и приморских племен появляется незаселенная зона шириной около 100 км (*Иванов*, 2016а. С. 262–263) — это как раз та территория, за которой закрепилось название «Синдика». Когда же и откуда появились здесь сами синды? Учитывая консервативность погребальных обрядов, связанных с представителями элиты общества, логично использовать для поисков синдской прародины в качестве эталонных материалы известных Семибратних курганов, принадлежность которых синдам не вызывает сомнений (*Горончаровский*, 2017. С. 230 сл.). Начиная с середины V в. до н. э. в самых ранних курганных комплексах

ученые (*Крушкол*, 1971. С. 88–90; *Масленников*, 1981. С. 18). Иногда они рассматриваются как относящиеся к племенному массиву, куда были инкорпорированы синды, керкеты и тореты (*Иванов*, 2016а. С. 262).

⁴ А. М. Новичихин без достаточных оснований считает их язаматами (*Новичихин*, 2006а. С. 138).

(Семибратние курганы 2 и 4) захоронения совершались в сырцовых склепах, возведённых над материком. Погребённые, ориентированные головой на восток или с небольшими отклонениями от этого направления, находились в специальных отделениях, отгороженных стенкой из сырцовых кирпичей или досками. В пределах южной части склепа или отдельно помещались лошади, число которых могло достигать 13.

Истоки этой погребальной обрядности не имеют окрашенных греческим влиянием местных корней (Горнчаровский, 2015. С. 183–186). Их нужно искать в иной культурной среде — прежде всего, в сопредельных кочевых обществах. В скифских курганах VI–V вв. до н. э. тип сырцовой погребальной камеры отсутствует (Ольховский, 1991. С. 17). С другой стороны, обычай захоронения умершего в просторной наземной камере, возведённой из сырцового кирпича, зафиксирован в курганных могильниках VI — первой половины V в. до н. э., исследованных в южноуральских степях и Самарском Заволжье (Мышкин, Скарбовенко, 2010. С. 93; Мышкин, 2012. С. 149 сл.; Горнчаровский, 2015. С. 180 сл.)⁵. Подобные склепы сооружались на погребенной почве и в ряде случаев сопровождалась захоронениями взнузданных коней⁶.

Таким образом, представляется наиболее вероятным, что синды были потомками одной из группировок кочевников Самаро-Уральского региона, около 530 г. до н. э. (или несколько ранее), сместившейся в западном направлении под давлением новой кочевой волны с востока (Виноградов, 2001. С. 124–125; Алексеев, 2003. С. 208–210, 397) и занявшей свободную территорию в районе Боспора Киммерийского, где преобладают низкие и приподнятые степные пологие равнины с прилегающими к лиманам болотистыми пространствами (Гарбузов, 2013. С. 111)⁷, соседствующие

⁵ В Самаро-Уральском регионе известно пять типов элитных погребальных памятников VI–V вв. до н. э., из которых курганы с сырцовыми склепами составляют всего 12 % (Мышкин, 2011. С. 322 сл.).

⁶ Там же прослеживается обычай расположения захоронений коней с южной стороны могилы (Очир-Горяева, 2002. С. 143).

⁷ Можно вспомнить сохранённые Афинеем строки известного ямбографа конца IV в. до н. э. Феникса Колофонского: «...синд длинноволосый с верхних озер» (Athen. XII. 40. 530f: пер. С. Р. Тохтасьева).

с предгорьями Кавказа. Такая природная ситуация, несомненно, должна была оказать влияние на культурно-хозяйственные особенности местного населения.

Соответственно, можно предполагать, что основным занятием синдов стало отгонное скотоводство, основанное на сезонных перегонах скота на относительно короткие расстояния по каким-то замкнутым маршрутам. В качестве этнографической параллели заслуживает внимания следующий пример: вплоть до XVIII в. отгонное скотоводство было основой хозяйственной жизни адыгов на территории Нижнего Прикубанья. Весной и осенью скот кормили на пастбищах в пойме реки, летом перегоняли его в горы, а зимой содержали на специальных стоянках (ср.: Казиев, Карпеев, 2003. С. 188).

Предлагаемой датировке появления синдов в низовьях Кубани не противоречит самое раннее упоминание о них в обшечных стихах эфесского поэта-ямбографа Гиппонакта (Hipp. 68A), расцвет которого «Паросская хроника» относит к 544–541 гг. до н. э. (Marmor Parium. 42), а Плиний Старший — к 60-й олимпиаде (= 540–537 гг. до н. э.; Plin. NH. XXXVI. 11). Как известно, вторую половину жизни Гиппонакт провел в Клазоменах, жители которых не только имели какие-то наблюдательные пункты на побережье Меотиды (Strab. XI. 2. 4; см. также: Кулакова, 2003. С. 297–306), но и вели активную торговлю вдаль от прибрежных областей.

Об этом можно судить по результатам недавних раскопок меотского поселения Марьянское I, расположенного более чем в 120 км вверх по течению от устья Кубани. Найденные здесь фрагменты амфор группы Теос / Клазомены второй–третьей четверти VI в. до н. э. по численности уступают «лишь самой массовой категории находок — лепным горшкам» (Иванов и др., 2020. С. 99, рис. 4, 1–20).

Следовательно, Гиппонакт мог получить информацию о синдах из первых рук. О его достаточной осведомленности о местных реалиях свидетельствует упоминание кораксийской накидки (Hipp. Fr. 2a West), а ведь согласно Гелланику Лесбосскому, логографу второй половины V в. до н. э., кораксы обитали на Северо-Западном Кавказе — скорее всего, во внутренних районах горного Прикубанья (Мусбахова, 2018. С. 893, 897).

В связи с постоянной скифской угрозой период освоения «новой родины» растянулся у синдов на несколько десятилетий. Видимо, неслучайно

в античной литературной традиции они фигурируют как «издавна враждовавшие со скифами» (*Лис. Тох.* 55; пер. С. Ю. Сапрыкина). По сообщению Геродота, когда Боспор Киммерийский замерзал, скифы на своих повозках переезжали по льду на другую сторону пролива в землю синдов (*Hdt.* IV. 28). Это можно трактовать как военные походы или сезонные перекочевки на зимние пастбища (*Виноградов*, 2005. С. 214–215), в любом случае создававшие нестабильную обстановку. Судя по всему, царские скифы относили синдов к числу тех, кого считали своими «рабами», то есть брали с них дань. Позднее такие римские авторы, как Гай Валерий Флакк (ок. 45–90 гг. н. э.) и Аммиан Марцеллин (ок. 330–400 гг. н. э.) даже отождествили их с упомянутыми у Геродота потомками рабов, начавшими в районе Боспора Киммерийского войну со своими господами, вернувшимися из Азии (*Hdt.* IV. 2–3; *Val. Flacc.* VI. 85; *Amm. Marc.* XXII. 8. 41). Очевидно, в условиях этого военного противостояния синды к началу V в. до н. э. заняли среди варварских племен Нижнего Прикубанья (торетов, дандариев и псессов) господствующее положение, обусловленное контролем над определённой территорией и отчуждением у местного населения части земледельческо-скотоводческой и ремесленной продукции, поскольку номады всегда стремились поставить соседние оседлые народы в зависимое положение⁸.

Усиление скифской экспансии в начале V в. до н. э., видимо, способствовало созданию военно-политического союза синдов с греческими городами Азиатского Боспора (*Толстиков*, 1984. С. 24–26; *Горнчаровский*, 2014. С. 581)⁹, поскольку для успешного противостояния натиску кочевников грекам нужно было иметь на своей стороне равных им в военном отношении конных воинов. В связи с этим обращают на себя внимание воинские захоронения из некрополей Волна 1 и Артющенко 2 в южной части Таманского полуострова (*Кашаев и др.*, 2020. С. 95–109), которые

⁸ Ранее такую точку зрения уже высказывал Я. М. Паромов, считая, что этнический состав Синдики был двухкомпонентным и включал «в свой состав господствующее прошлое и подчиненное местное население, то есть из кавказского субстрата и степного (близкого собственно скифскому)» (*Паромов*, 2004. С. 292).

⁹ Материальной основой таких союзов обычно были периодическая выплата «даров» варварским вождям и усиление торговых контактов.

датируются в пределах первой–третьей четверти V в. до н. э.¹⁰ С ними связан совершенно определенный тип погребальных сооружений: это небольшие сырцовые гробницы с деревянным перекрытием и внешними размерами около 3,0 × 2,3 м (*Там же*, 2020. С. 86–88, рис. 2–3). К югу от них располагались конские захоронения, ориентированные, как и сами погребенные, на восток. Сырцовые кирпичи в данном случае укладывались плашмя по всему периметру (*Кашаев, Сударев*, 2020. С. 29).

Все эти погребения с лошадьми отличаются достаточно стандартным набором сопровождающего инвентаря: как правило, каждому погребенному сопутствуют амфора, меч, копье, иногда дополненные кинжалом и несколькими наконечниками стрел. В ряде случаев погребальные комплексы содержали бронзовые пряжки в скифском зверином стиле, изображающие фигурки оленей или голову оленя с рогами. Стоит упомянуть и бронзовый псалий с завершением в виде головы лошади (*Кашаев и др.*, 2020. С. 87), который находит определенные аналогии не в Скифии, а восточнее, в Южном Приуралье (*Полидович*, 2004. С. 156, рис. 9, 3). Создается впечатление, что здесь были захоронены представители варварской конной дружины примерно одного, достаточно высокого для своего времени, социального статуса.

К сожалению, данные о поселении Волна 1 в интересующий нас период пока не опубликованы, но результаты раскопок поселения Артющенко 2, что характерно, не дают картины постоянного обитания тут какого-либо греческого населения. На площади около 1200 кв. м выявлено всего несколько десятков хозяйственных ям и развал обмазки турлучной постройки (*Виноградов, Кашаев*, 2016. С. 97–98).

Вряд ли стоит проявлять излишний скепсис в отношении возможности этнической атрибуции воинских погребений в сырцовых гробницах из некрополей Волна 1 и Артющенко 2, как это делают С. В. Кашаев с соавторами¹¹. Ничто не препятствует предположить синдскую принадлежность такого рода погребальных комплексов,

¹⁰ Из 17 датированных погребений такого рода одно относится к первой четверти V в. до н. э., 8 — ко второй четверти и 8 — к третьей четверти — второй половине того же столетия (*Кашаев и др.*, 2020. С. 87, 89).

¹¹ «... выяснить этническую составляющую этого ритуала на данном этапе сложно» (*Кашаев и др.*, 2020. С. 92). Ср.: *Иванов*, 2016б. С. 239.

ближайшей аналогией для которых являются Семибратние курганы (Горончаровский, 2014. С. 574–576), хотя эта группа памятников начала формироваться несколько позже, около середины V в. до н. э., близ города Лабрис (Семибратнего городища). Следует полагать, что создание там родового кладбища высшей синдской знати, просуществовавшего вплоть до начала IV в. до н. э., стало возможным только после окончательного устранения скифской угрозы, установления полного контроля синдов над соседними племенами

и выстраивания системы взаимовыгодных отношений с греческими полисами Азиатского Боспора¹². Сложившаяся таким образом этнополитическая ситуация в низовьях Кубани оставалась неизменной вплоть до перехода Синдского царства под власть боспорских царей.

¹² Как известно, родовые кладбища кочевников обычно устраивали в глубине «коренной» территории, и они служили вещественным основанием права на занимаемые земли (Бунятян, 1985. С. 122).

Алексеев, 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Алексеева, 1991 — Алексеева Е. М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.: Наука, 1991. 144 с.

Алексеева, 2000 — Алексеева Е. М. Местная среда ранней Горгиипии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 160–169.

Алексеева, 2012 — Алексеева Е. М. Рец. на: Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет. М.: Гриф и К, 2010 (Некрополи Черноморья; III). 272 с. // ВДИ. 2012. № 4. С. 173–177.

Бунятян, 1985 — Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев: Наукова думка, 1985. 227 с.

Виноградов, 2001 — Виноградов Ю. А. Две Скифии и скифы царские // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Ч. II. С. 124–127.

Виноградов, 2005 — Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 211–296.

Виноградов, Кашаев, 2016 — Виноградов Ю. А., Кашаев С. В. Античные поселения Артющенко-1 и Артющенко-2 на Таманском полуострове. К оценке масштабов природного разрушения // БИ. 2016. Вып. XXXIII. С. 95–109.

Гарбузов, 2013 — Гарбузов Г. П. К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // ДБ. 2013. Т. 17. С. 110–131.

Горончаровский, 2014 — Горончаровский В. А. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 553–618.

Горончаровский, 2015 — Горончаровский В. А. Сырцовые склепы боспорских курганов (о восточном влиянии на формирование погребальной традиции) // ЗВОРАО. 2015. Т. III (XXVIII). С. 180–191.

Горончаровский, 2017 — Горончаровский В. А. Цари и аристократия Синдики V — начала IV в. до н. э. // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 224–260.

Иванов и др., 2020 — Иванов А. В., Ларенок П. А., Подорожный А. А. О горизонте второй — третьей четверти VI в. до н. э. поселения Марьянское 1 в Нижнем Прикубанье // АВ. 2020. Вып. 30. С. 97–115.

Иванов, 2016а — Иванов А. В. Племена района Анапы-Новороссийска и меоты. Сопоставление // ДБ. 2016. Т. 20. С. 260–268.

Иванов, 2016б — Иванов А. В. О некоторых параллелях в погребальном обряде элитарных комплексов Азиатского Боспора, Синдики и Кубани // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 236–240.

Казиев, Карнеев, 2003 — Казиев Ш. М., Карнеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М.: Молодая гвардия, 2003. 464 с.

Кашаев и др., 2020 — Кашаев С. В., Мимоход Р. А., Сударев Н. И. Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 // АВ. 2020. Вып. 30. С. 82–96.

Кашаев, Сударев, 2020 — Кашаев С. В., Сударев Н. И. Традиция погребений в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 // БИ. 2020. Вып. XL. С. 26–46.

Крушкол, 1971 — Крушкол Ю. С. Древняя Синдика. М.: Изд-во МОПИ им. Н. К. Крупской, 1971. 252 с.

Кулакова, 2003 — Кулакова А. П. Клазомены и Северное Причерноморье // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2003. Вып. 2. С. 297–306.

- Мальшиев и др.*, 2014 — *Мальшиев А. А., Гольева А. А., Спиридонова А. А., Алешинская А. С., Качанова М. Д.* Опыт реконструкции палеоландшафта приморской части полуострова Абрау (Краснодарский край): по материалам отложений в устье Лобановой щели // *АЭАЕ*. 2014. № 4 (60). С. 92–105.
- Масленников*, 1981 — *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М.: Наука, 1981. 125 с.
- Мелюкова*, 1964 — *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (САИ; Вып. Д 1-4). 91 с., 23 табл.
- Мусбахова*, 2018 — *Мусбахова В. Т.* Кораксийская накидка у Гиппопакта и кораксы Гекатея // *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXII* (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2018 г. СПб.: Наука, 2018. Полум 2. С. 887–919.
- Мышкин*, 2011 — *Мышкин В. Н.* Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н. э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // *Материалы и исследования по археологии юга России*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. Вып. III. С. 322–343.
- Мышкин*, 2012 — *Мышкин В. Н.* Курганы с глиняными «мавзолеями» кочевников Самаро-Уральского региона скифского времени // *Вояджер: мир и человек*. 2012. № 3. С. 149–171.
- Мышкин, Скарбовенко*, 2010 — *Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А.* Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // *Краеведческие записки*. 2010. Вып. XV. С. 87–100.
- Новичихин*, 2006а — *Новичихин А. М.* Об этнической принадлежности курганных погребений раннескифского времени в Западном Закубанье // *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 134–138.
- Новичихин*, 2006б — *Новичихин А. М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. 220 с.
- Новичихин*, 2014 — *Новичихин А. М.* Об этногенезе синдов // *Древняя и средневековая культура адыгов*. Нальчик: Издательский отдел КБГИ РАН, 2014. С. 110–121.
- Ольховский*, 1991 — *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 252 с.
- Очир-Горяева*, 2002 — *Очир-Горяева М. А.* Предметы конской узды и конь в погребальном обряде кочевников Евразии в скифскую эпоху // *БФ: Погребальные памятники и святилища*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Ч. 2. С. 137–146.
- Паромов*, 2004 — *Паромов Я. М.* Курганный некрополь Фанагории // *БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. Ч. I. С. 287–292.
- Полидович*, 2004 — *Полидович Ю. Б.* Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // *Археологический альманах*. 2004. № 15. С. 143–165.
- Толстиков*, 1984 — *Толстиков В. П.* К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // *ВДИ*. 1984. № 3. С. 24–48.
- Тохтасьев*, 2017 — *Тохтасьев С. Р.* Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // *Scripta antiqua*. 2017. Т. VI. С. 135–279.
- Шевченко*, 2013 — *Шевченко Н. Ф.* Курган раннескифского времени у хутора Красный // *АСГЭ*. 2013. Вып. 39. С. 100–118.
- Эрлих*, 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Evaluation of the ethnopolitical situation of the 7th–5th century BC in the Lower Kuban River region

V. A. Goroncharovskiy¹³

This paper is devoted to analysis of archaeological finds, as well as the evidence of written sources and epigraphy, characterizing the ethnopolitical situation on the Taman Peninsula and Lower Kuban River at the early stage of the occupation of the territory of the Asiatic Bosporos by the Greeks. A key problem here is presented by the origin

¹³ Vladimir Goroncharovskiy — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: goronvladimir@yandex.ru.

of the Sinds — the most notable “barbarian” neighbours of the Greek colonists in the epoch under consideration. Using as reference materials the evidence from the well-known Semibratnie (Seven Brothers) barrows, the author reveals the closest parallels to the Sindian burial rite (sub-barrow burials in mudbrick chambers accompanied by horses) at barrow cemeteries of the 6th — first half of the 5th century BC excavated in South-Urals steppe and in the Samara Trans-Volga region. In this light, the origin of the Sinds can be related with one of the groups of nomads of the Samara-Ural region which about 530 BC, under the pressure of the new nomadic wave from the east (“Royal Scythians”), moved in the western direction and occupied the territory around the Cimmerian Bosphoros which was free after the bearers of the early Scythian culture had left the Kuban River region. By the early 5th century BC, the Sinds evidently attained a dominating position among the barbarian tribes of the Lower Kuban and entered into a military-political alliance with neighbouring Bosporan cities directed against the Scythian expansion. Analysis of burial traditions allows us to associate with the Sinds also a series of adobe tombs with burials of mounted warriors of the first–third quarter of the 5th century BC in the south of the Taman Peninsula (necropoleis of Volna 1 and Artyushchenko 2).

Распространение янтарных грибовидных бус-подвесок в Поволжье и Прикамье и индикаторы финала позднесарматского времени

А. А. Красноперов¹

Аннотация. В статье рассмотрены вопрос хронологических индикаторов позднего «катакомбного» этапа позднесарматской культуры и находки в Поволжье и Прикамье. Среди важных признаков выступают янтарные грибовидные бусы-подвески, маленькие сильнопрофилированные двучленные лучковые и двучленные прогнутые подвязные фибулы. Находки редки у сарматского населения уже в Предволжье, но эпизодически встречаются в Прикамье, что создает основания для хронологии местных древностей.

Annotation. This article discusses the question of chronological indicators of the late “catacomb” stage of the late Sarmatian culture and findings from the Volga and Kama region. Among the important indicators there are amber mushroom-shaped bead-pendants, small strongly profiled two-piece garter bow fibulae and two-piece bent garter fibulae. The available artefacts of the Sarmatian population are scanty already as far as in the Volga region but episodically occur in the Kama region where they constitute a basis for the chronology of the local antiquities.

Ключевые слова: янтарные грибовидные бусы-подвески, фибулы, хронология, сарматы, Поволжье, Прикамье.

Keywords: amber mushroom-shaped bead-pendants, fibulae, chronology, Sarmatians, Volga region, Kama region.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-194-211

Состояние хронологии позднесарматского времени

Современные представления о хронологии позднесарматского времени заложены работами середины 1980-х гг. (см. обзор: Сергацков, 1999). Речь идет о неравномерности (неодновременности) процессов в разных регионах сарматского мира (см.: Кривошеев, 2010. С. 61–63, 80–83; Безуглов, 2010. С. 93–94; Малашев, 2010а; 2013а; 2016. С. 62–65; Симоненко, 2001) при сохранении единых тенденций развития материальной культуры (Малашев, 2010б; 2015). В целом позднесарматское время подразделяется на два периода:²

«всаднический», в широких пределах середины II — середины III в. (соответствует периодам Малашев-I-IIa), и «катакомбный», который делится на две хронологические группы.

Основу выделения первой группы «катакомбного» периода составляют: двучленные лучковые

2010); пряжек и наконечников — по В. Ю. Малашеву (Малашев, 2000), остальные упомянуты в тексте. Общая периодизация позднесарматского времени дана по С. И. Безуглову (Безуглов, 2000; 2008), более узкая — по В. Ю. Малашеву (Малашев, 2000).

Цель этой работы (как части цикла) — собрать в одной публикации все комплексы с определенным типом находок на конкретной территории. Используемая терминология («всаднический», «катакомбный») соответствует смыслу, вкладываемому С. И. Безугловым. По мнению В. Ю. Малашева, само использование этнонима «сарматы/сарматский» для IV в. н. э. некорректно и более предпочтительно «степное население» (Малашев, 2016). В этой статье во всех случаях термин «сарматский» используется исключительно для обозначения отрезка времени, а термин «сарматы» — в значении населения степей этого периода.

¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН; ул. Ломоносова, д. 4, Ижевск, 426004, Россия; e-mail: khaa@udm.ru.

² Здесь и далее используются устоявшиеся и общепринятые типологические и хронологические определения: фибул — по А. К. Амброзу (Амброз, 1966), с учетом дополнений свода В. В. Кропотова (Кропотов,

фибулы (Амброз-15/III); маленькие сильнопрофилированные фибулы (Амброз-11/II) (*Гавритухин*, 2010; *Габуев, Малашев*, 2009. С. 135); наконечники ремней с цилиндрическим расширением в месте сгиба (Малашев-Н10) или двухчастные секировидные (Малашев-Н7); пряжки с овальными щитками с загнутыми для имитации фасетировки краями, овальными рамками круглого или фасетированного сечения, фасетированными прямыми короткими язычками с низким уступом у основания (Малашев-П9); упряжь в стиле Закшув–Кишпек (см.: *Шаров*, 2019; библиография — *Красноперов*, 2019. Прим. 9, 20, 21); янтарные грибовидные бусы-подвески небольших размеров, амфоры (Шелов-Д). Суммарная его датировка определяется находками монет середины III — первой трети IV в. (*Безуглов*, 2008. С. 287–289; *Кривошеев, Малашев*, 2016. С. 139–143). Соответствует периоду Малашев-IIIб.

Инвентарь второй группы «катакомбного» периода включает: фибулы черняховских типов (Амброз-16/2); пряжки с овальными гладкими рамками с утолщением, язычками, охватывающими переднюю часть рамки до середины сечения, с высоким уступом и/или ступенькой у основания (Малашев-П10), чаще с тремя заклепками на щитке (*Васильев*, 2004. С. 58); также оформленные сбруйные зажимы, накладки фасетированные и лунницы (*Безуглов, Ильяшенко*, 2000. С. 96–97; *Мастыкова*, 2009. С. 65–66); одночастные секировидные наконечники (Малашев-Н8) (*Малашев и др.*, 2015. С. 102); янтарные грибовидные бусы-подвески крупных размеров и вещи в «догуннском» полихромном стиле (*Красноперов*, 2012; 2019); стеклянные сосуды с напаями синего цвета (*Гавритухин*, 1999); амфоры (Шелов-Ф) (см. актуальное обсуждение: *Диденко*, 2014). По встречаемости с монетами Константина эта группа датируется второй третью IV — началом V в. (*Безуглов*, 1990. С. 82–83; 2008. С. 289–290; *Кривошеев, Малашев*, 2016. С. 139–143). Соответствует периодам Малашев-III-а, б, IV.

Объединяющими признаками для обеих групп является обряд погребения в подкурганых катакомбах (*Безуглов, Копылов*, 1989. С. 179–180; *Матюхин*, 1992. С. 155), а объединяющими изделиями — зеркала с центральной петелькой (*Гавритухин, Малашев*, 2018), флаконы, игольники (*Васильев, Савельев*, 2008. С. 34–35), копоушки, подвески-лунницы с загнутыми «рогами» (*Кривошеев*,

Малашев, 2016. С. 143), костяные гребни с треугольной (Никитина-I-B2), округлой (Никитина-I-B1) или профилированной (Петраускас-3) спинкой: «эталонный» комплекс — Центральный VI, курган 9 (*Безуглов, Копылов*, 1989. Рис. 2, 4–35).

Признаки являются очень специфичными и надежно определяют хронологические позиции комплексов. Основной ареал распространения «катакомбной» группы — Подонье и Предкавказье (*Безуглов, Захаров*, 1988. С. 21–22), несколько случаев отмечено в Поволжье (*Кривошеев, Малашев*, 2016. С. 143), находки отдельных предметов известны на более широкой территории.

«Катакомбный» период в Предволжье, Заволжье и на Южном Урале

Сарматским памятникам этих территорий были посвящены две диссертации³. М. В. Кривошеев (2005. С. 232–239. Прил.) отнес ко времени второй половины III — IV в. те же памятники, что и С. И. Безуглов (2008. Рис. 1), отдельные погребения из Калмыкии и Астраханского края и довольно значительное количество могил Купцын Толги, Абганерово II, III, из разных Кривых Лук. Индикаторами являются зеркала с центральной петелькой, двучленные лучковые Амброз-15/III и двучленные воинские Амброз-16, маленькие сильнопрофилированные Амброз-11/II, с завитком Амброз-13, фибулы, пряжки Малашев-П10, наконечники Малашев-Н7 и Н10, вещи в «сердоликовом» стиле. В. Ю. Малашев установил, что на Южном Урале нет ни одного комплекса с хроноиндикаторами развитого IV в., а вторая половина III в. (хронологическая группа 3) представлена ограниченным количеством погребений, относительно массовыми — в Целинном I, Покровке 10, Лебедевке VI, Дербеневском (*Малашев, Яблонский*, 2008. Табл. 72–73; *Малашев*, 2009; 2013б. С. 128–129). Определяющим признаком 3-й хронологической группы являются фибулы — с завитком и ромбической спинкой Амброз-13, лучковые с раскованной ножкой, двучленные лучковые Амброз-15/III-1,

³ Диссертация С. А. Трибунского (*Трибунский*, 2003) базируется на типологических и хронологических разработках, к моменту защиты устаревших уже на 20 лет; монография С. Г. Боталова (*Боталов, Гуцалов*, 2000) пригодна только в качестве источника иллюстраций, что неоднократно отмечалось (*Малашев*, 2007).

двучленные прогнутые подвязные Амброз-16-2/Гороховский-А1,2.

Самым северным из поздних позднесарматских комплексов на Южном Урале является Дербеневский могильник (курганы 17, 20 — по двучленным фибулам; курганы 7, 9, 10, 31 — по фибулам с завитком), самыми северо-восточными в Предволжье — погребения в Абганерово II, III и Большой Дмитриевке.

Среди индикаторов позднего периода позднесарматского времени наиболее показательны мелкие изделия: двучленные и сильнопрофилированные фибулы и янтарные грибовидные бусы-подвески.

Янтарные грибовидные бусы-подвески (ТМ-471, А-21, Г-VIII/2)

Подробный обзор янтарных грибовидных бус-подвесок и каталог находок опубликован А. В. Мастыковой (Мастыкова, 1999; 2016), существенные дополнения внесены О. В. Гопкало (2008. С. 67, 71) и А. А. Стояновой (Стоянова, 2004. С. 292–293; 2006. С. 101–105). Их происхождение в современной литературе связывается с германскими племенами, в частности с носителями вельбаркской культуры, где они хорошо представлены в комплексах периода C1в и C2 (*Tempelmann-Mączuńska*, 1985. S. 84–86, taf. 70). Также они встречаются в раннечерняховских (III в.) (Гопкало, 2008. С. 91, 96, 109, рис. 3, 5) и сарматских памятниках Крыма, на Северном Кавказе и в Абхазии (Мастыкова, 1999. С. 173–175).

В литературе сформировалось достаточно устойчивое мнение о том, что янтарные восьмерковидные подвески в Крыму распространяются в IV в., почти не встречаясь в комплексах более раннего времени. Определенно более ранним временем датируются находки из Чернореченского, Совхоз-10, Дружного, Опушек, Нейзаца и Усть-Альмы (склеп 720 с бронзовой римской посудой), с I в. н. э. (Мастыкова, 2016. С. 177–178, рис. 3). Однако наиболее показательными они являются именно для погребений «катакомбного» этапа позднесарматского времени.

Янтарные грибовидные бусы-подвески в Подонье и Поволжье

По состоянию на 1987 г. С. И. Безуглов отметил всего пять донских комплексов с грибовидными подвесками, не перечисляя их (Безуглов,

Захаров, 1988. С. 25, прим. 13). Изданы подвески только из Павлов (Павловка) (Там же. Рис. 5, 3–5). Позднее он же опубликовал предметы (не комплексы) из Старосоленовский, курган 7⁴ (Безуглов, 2008. Рис. 4, 10, 11) и Арпачин II, курган 35⁵ (Безуглов, 2008. Рис. 7, 19–21). А. В. Мастыкова дополнила сводку: Большая Дмитриевка, курган 3; Большая Мазанка, 3/1,⁶ и, со ссылкой из В. В. Кропоткина (Кропоткин, 1978. С. 151), Барановка, 3/1; Кривая Лука (номер неизвестен⁷) (Мастыкова, 1999. С. 174). Еще два комплекса происходят из могильника Абганерово II, курган 13 (Дьяченко и др., 1995. Рис. 11, 8; Красноперов, 2019. Табл. 13, Г-1-с, т) и курган 17 (Клепиков, Шинкарь, 1997. Рис. 5, 10). Указание на Большая Дмитриевка, курган 3 (Матюхин, 1992. С. 147, подпись) — результат ошибки: правильно Большая Дмитриевка, 5/1. К сожалению, эта ошибка неоднократно цитировалась в литературе (Мастыкова, 1999. С. 174, рис. 24, 1–12; Гавриутухин, 2010. Рис. 7, 50–53; Красноперов, 2012. Рис. 4, 6).

Датировка погребения из Павловки определяется редким типом железной Т-образной фибулы с профилированной кнопкой на головке. В системе Эггерса-Годловского они показательны для периодов C3 и D, середины III — середины V в. (Шаров, 1999). Вторая фибула относится к миниатюрным двучленным лучковым (Безуглов, Захаров, 1988. С. 18).

В Большая Мазанка III, 3/1 (Парусимов, 1998. С. 28, рис. 35) обнаружены одночленная железная лучковая фибула, зеркало-подвеска, пряжка со стеклянной рамкой и гребень с полукруглой спинкой. Зеркало-подвеска с небольшой выпуклостью в центре должно относиться к I–II вв.,

⁴ Известен перечень: фрагменты стеклянного сосуда, фрагмент фибулы, мелкие золотые бляшки, золотые бляшки со вставками гранатов и стекла, серолощенный кувшин с носиком, три сероглиняные миски, лепной красноглиняный кувшин, два горшка (Алексеев и др., 1977. С. 105).

⁵ Известен перечень: чернолощенный сосуд, лепной кубок, три Т-образные(?) фибулы, 14-гранные сердоликовые бусы (Державин и др., 1977).

⁶ Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Большая Мазанка, 3/1 соответствует Большая Мазанка, курган 3, погребение 1.

⁷ Сведения о Кривая Лука, 3/1 (Мастыкова, 1999. С. 174; Кропоткин, 1978. С. 151) проверить невозможно.

с возможным доживанием до середины III в. (Стойнова, 2019. С. 260–261, рис. 2).

Пряжка с рамкой синего стекла и металлическим язычком необычна, больше известны пряжки с каменной рамкой (Берхин, 1961. Рис. 1, 13), но большинство из них более поздние (Quast, 1996). Важно, что пряжка со стеклянной рамкой зеленого цвета найдена в Большая Дмитриевка, 13/2 (рис. 1) вместе с маленькой сильнопрофилированной фибулой со вставкой сердоликовой бусины в золотом гнезде, 14 золотыми медальонами с сердоликами группы «Можары/Котова», стеклянной чашей, костяным гребнем с полукруглой спинкой, двумя калачиковидными серьгами, верхней частью серебряного флакона со вставками, нитями золотой парчи, половинкой зеркала с центральной петелькой (Матюхин, Ляхов, 1991). Гребень типа Никитина-1 характерен для ранних фаз черняховской культуры (Шишкин, 2002), но встречается и в первой половине IV в. Фиалы бесцветного стекла с прошлифованными дуговидными гирляндами типа Сорокина-2 в Танаисе известны в слоях и первой, и второй половины III в. (Сорокина, 1965. С. 210–215). Металлические флаконы получают наибольшее распространение во второй половине II — IV в. (Безуглов, Копылов, 1989. С. 179–180; перечень находок: Безуглов, Захаров, 1989. С. 51–53). Коллекция образцов маленьких сильнопрофилированных фибул со вставками пополняется (рис. 2 — Матюхин, 1997. Рис. 1, 7; Коробов и др., 2014. С. 126, 133, рис. 5, 3; XII, 5), что позволяет надежнее аргументировать датировку серединой III — серединой IV в. (Гавритухин, 2010. С. 54), финал их бытования относится к середине IV в. (Гавритухин и др., 2019. С. 177). Вариант зеркала распространен во второй половине III в. (Гавритухин, Малашев, 2018. С. 110–111). Серьги со вставками отличаются от находок в Большая Дмитриевка, 5/1 (рис. 3, А-100, 101), но входят в ту же типологическую группу. Медальоны с сердоликами образуют серию взаимосвязанных комплексов, которую можно назвать по месту первой находки у слободы Можары — горы Котовой (Красноперов, 2012. Рис. 4, 5–7; 2019. С. 108, рис. 3, А, Б, Д; 4/3)⁸.

Комплексы Большая Дмитриевка, 13/2 и Большая Мазанка III, 3/1 синхронны в пределах сере-

⁸ Эволюцию серег и медальонов надо рассматривать отдельно.

дины — второй половины III — первой четверти IV в. Хронология комплексов Барановка 1970, 3/1⁹ (Скрипкин, 1974) и Большая Дмитриевка, 5/1 (Матюхин, 1997. Рис. 2; Красноперов, 2019. Табл. 13, А) (рис. 3, А) основывается на маленьких сильнопрофилированных фибулах второй половины III — IV в., но вопрос о верхней дате остается открытым из-за недостаточности оснований (Гавритухин, 2010. С. 56). В последнем погребении найдены медальон со вставкой и треугольниками зерни «умеренно-зерненого» стиля и две калачевидные серьги (Красноперов, 2019. С. 108, табл. 13, А, кат. 23-1). Погребение не позднее середины — третьей четверти IV в. Еще один предмет «умеренно-зерненого» стиля (щиток пряжки) обнаружен в Абганерово II, курган 13 (рис. 3, Б — Дьяченко и др., 1995. С. 101–104, рис. 11, 7, 8; 12; Красноперов, 2019. Табл. 16, Г, кат. 22-1). Оттуда же происходит маленькая сюльгама, распространение которых начинается с середины III в. (Малашев и др., 2015. С. 94; Кривошеев, Малашев, 2016. С. 142).

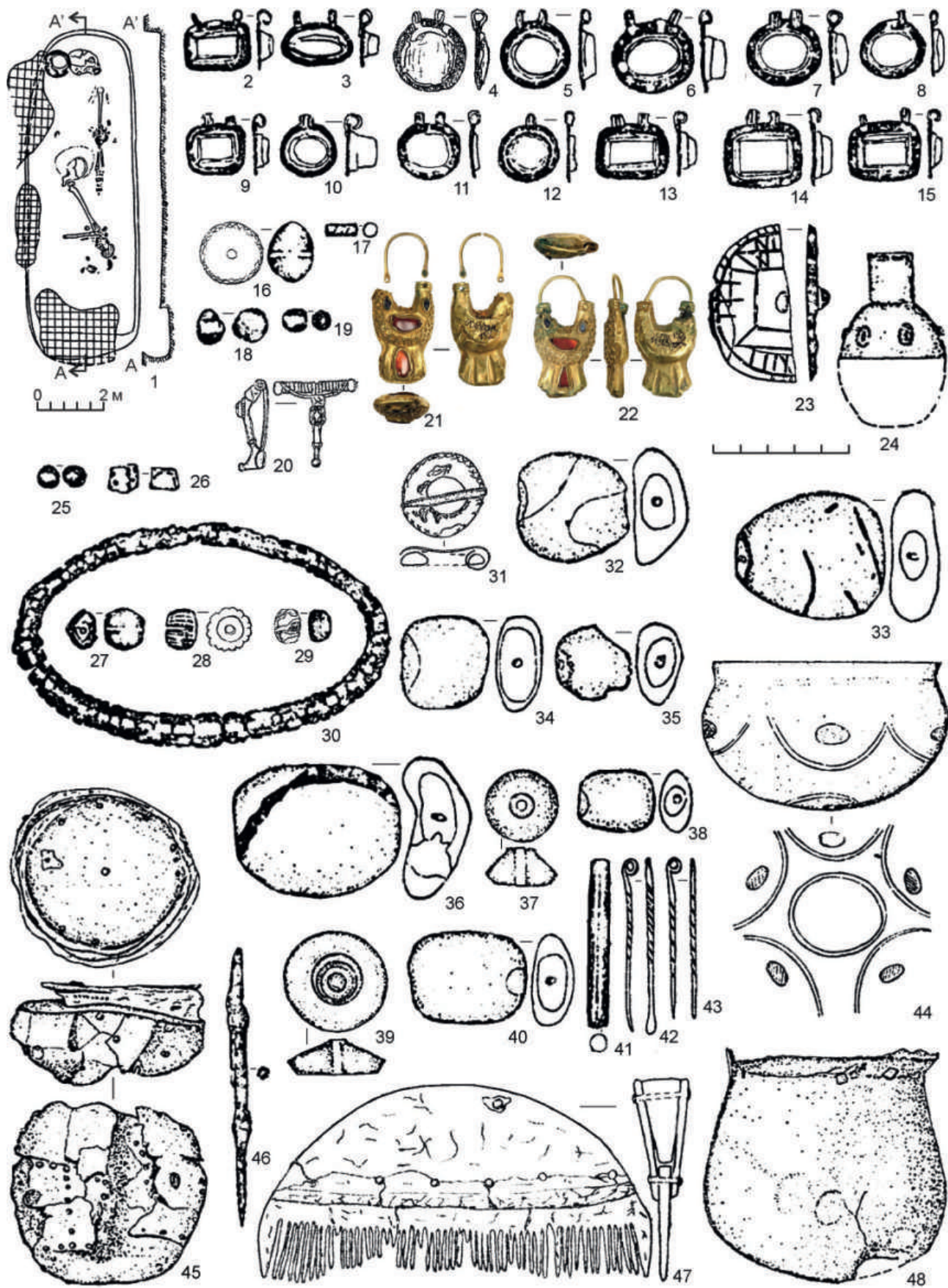
На датировку комплекса Абганерово II, курган 17 (Клепиков, Шинкарь, 1997. С. 81–83, рис. 5) указывает только зеркало-подвеска с квадратом в центре и радиальными лучами. По типу декора Труфанов-4 оно должно относиться ко второй половине II в. (Труфанов, 2007. С. 177, рис. 6, 23). Но, как и в случае с Большая Мазанка III, 3/1, запоздывание говорит о необходимости уточнения хронологии этой категории.

Янтарные грибовидные бусы-подвески в Прикамье

А. В. Мастыкова подчеркивает, что у сарматов Дона и Волги грибовидных подвесок мало, а в лесной зоне известна только одна находка — в составе клада в слое мощинской культуры с городища Велегож (Мастыкова, 2016. С. 175). Однако восточнее, в Прикамье, исследованы четыре комплекса с этим типом бусин:¹⁰ Броды, 24/3 (Голдина, 1986. С. 70, табл. 14, 4–6), Броды, 39/2 (Там же. С. 78, табл. 17, 1, 8), Тураево, погребение 106 (Голдина, Берни, 2010. С. 32, табл. 73/106, 2, 3) и

⁹ Памятник раскапывался также И. В. Сергацковым, нумерация курганов у разных авторов дублируется (Сергацков, 2000. С. 23–24, рис. 20–22).

¹⁰ Они имеются и в Кудашевском могильнике в Пермском крае (Голдина и др., 2007. Рис. 64, 3; Быкова, Казанцева, 2012. Рис. 1, 1–3), но подробности неизвестны.

Старокабаново, погребение 80 (Русланова, 2018. С. 139, рис. 30, 1).

Морфологически находки различаются: в Броды, 39/2 бусина крупная, в Броды, 24/3 она среднего размера, в Тураево и Старокабаново они близких размеров — сравнительно мелкие.

Комплекс Броды, 39/2 не датируется (рис. 4, Б). В Броды, 24/3 (рис. 4, А) другие типы бус и подвесок дают лишь самый общий интервал дат. 14-гранные бусины (Румянцева, 2009. С. 343–344) характерны для ожерелий позднесарматского времени III в. н. э., в комплексах второй половины II и IV в. они неизвестны (Малашев, Яблонский, 2008. С. 64; Малашев, 2013а. С. 17). Призматические бусы с ресничковым орнаментом редки (подробнее см.: Красноперов, 2020, а также Зубов, Багаутдинов, 2019. Рис. 3, 11, 12). Подвески из бляшки с дисковидными привесками широко распространены в Восточном Причерноморье (Фанагория..., 2015. Рис. 28, 1-а-г, 4, № 197, 202, табл. 66, 7, 8; 70, 1-а-в, 3; 77, 2; Мордвинцева и др., 2010. № 584; Апакидзе и др., 1958. Рис. 43, 3, табл. XXXIX, 7с; LXVI, 40, 41; Gogiberidze, Javakhishvili, 2010. Tab. I, 1 (и другие памятники этого региона)), но встречаются и далеко к востоку в памятниках II–III (IV?) вв. (Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 5, 4; Засецкая, 1994. Табл. 45, 7; Красноперов, 2019. Табл. 10/2; Торгоев, Кольченко, 2017. С. 169–170, со ссылками). Оковка закраины деревянного сосуда на дату не указывает.

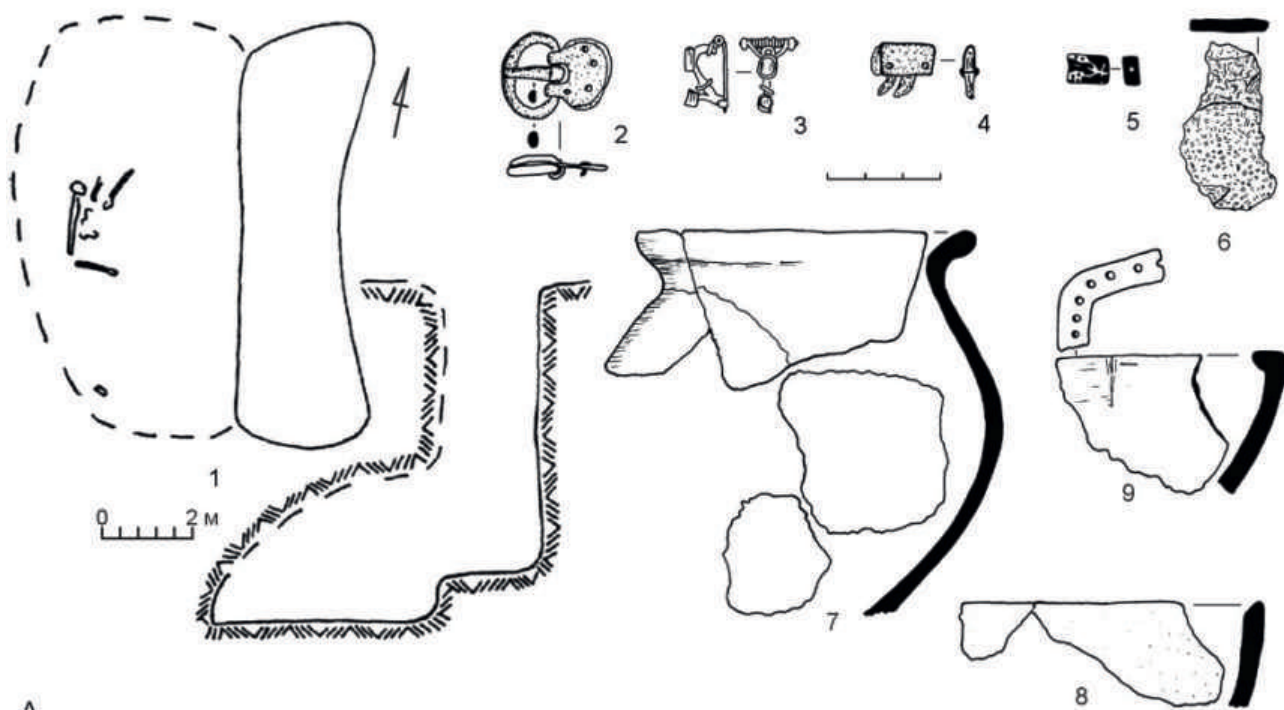
Датировка Тураево, погребение 106 (Голдина, Берни, 2010. Табл. 73/106) (рис. 4, В) затруднена.

Пряжка соответствует типу Малашев-П10, но без щитка, или 1-й группе пряжек Паласа-Сыртского могильника (см. далее). Но железный сбруйный зажим характерен для более раннего времени — «всаднического горизонта». Мелкие полихромные подвески тоже чаще встречаются в комплексах средне- и начала позднесарматского времени.

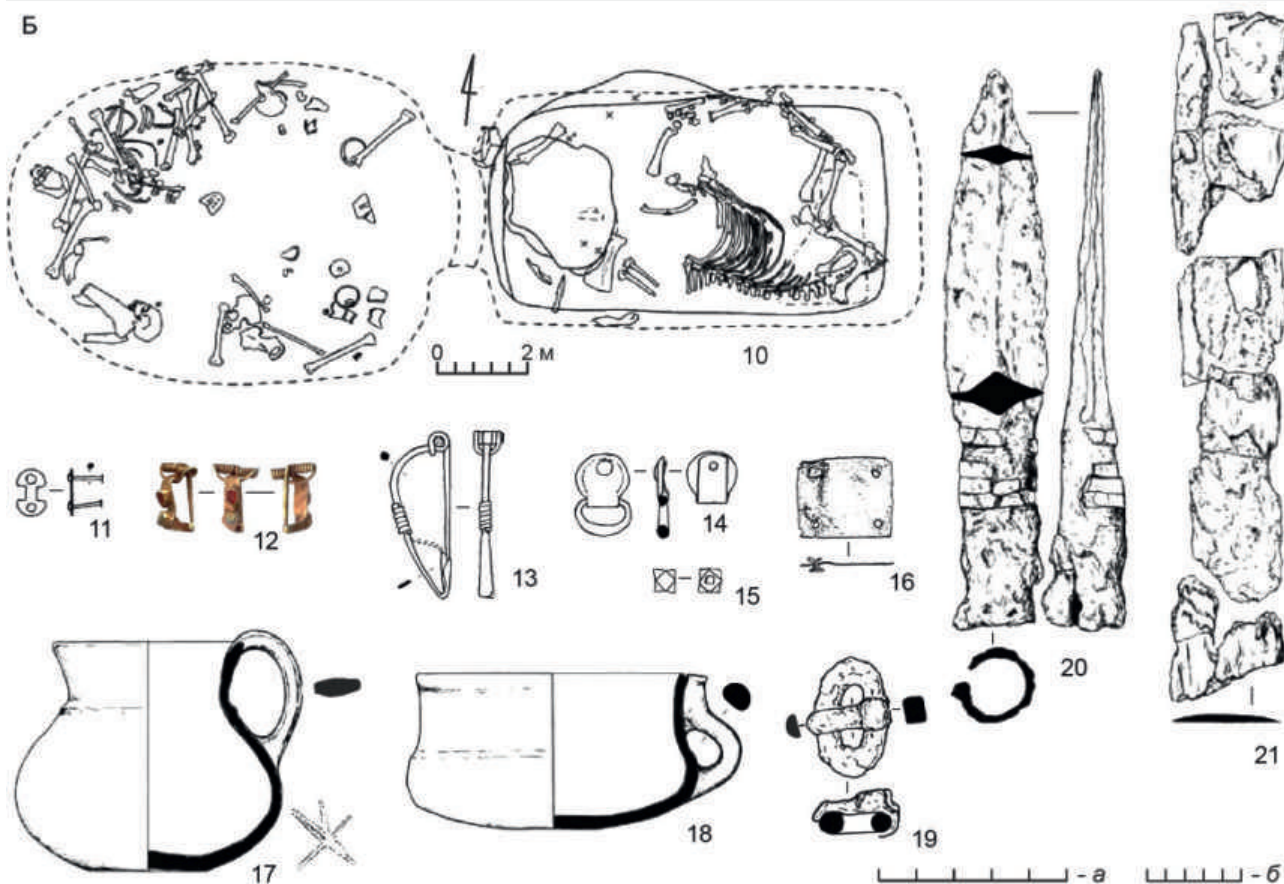
Наиболее информативен комплекс Старокабаново, погребение 80 (рис. 4, Г — Васюткин, 1970. Рис. 50–54; Васюткин, Останина, 1986. С. 87–88, табл. 2, 28–32; 9, 2–8). Бусина не отмечена ни в отчете, ни в публикации, ее выявила Р. Р. Русланова при работе с коллекцией. В комплексе погребения ножны группы С (Красноперов, 2018. Рис. 2, 14), обломки местной «сайгатской» фибулы с прямоугольным щитком, поясной набор из пряжки, накладок и наконечника и парный обувной набор из пряжек и наконечников. Поясной наконечник принадлежит к большой группе длинных наконечников с цилиндрическим расширением в месте сгиба. Они показательны именно для этого могильника, но хронология еще не детализирована. Поясная и обувные пряжки отличаются размерами, но относятся к одному варианту: овальная рамка круглого/сегментовидного сечения со спрямленной задней стороной, прямой язычок, чуть выступающий, но не загибающийся за край рамки, с низким уступом сзади, длинный треугольный или трапециевидный щиток. Окончание щитка может быть острым, прямым, треугольным, закругленным или нечетких очертаний; углы основания —

Рис. 1. Большая Дмитриевка 13/2: 1 — план; 2–15 — подвески; 16, 18, 19, 25, 27–30, 32–36, 38, 40 — бусы; 17 — пронизка; 20 — фибула; 21, 22 — височные подвески; 23 — зеркало; 24 — флакон; 26 — обойма; 31 — пряжка; 37, 39 — пряслица; 41 — игольник; 42, 43 — копоушка и ногтечистка; 44, 48 — сосуды; 45 — коробочка; 46 — шило; 47 — гребень (Матюхин, Ляхов, 1991; Трейстер, 2018. Рис. 28, 3, 4). 2–15 — желтый металл, сердолик, стекло; 16, 27 — хрусталь; 17 — желтый металл; 18, 28, 29, 44 — стекло; 19, 25 — «кость»; 20 — бронза, желтый металл, сердолик; 21, 22 — желтый металл, сердолик, «лазулит» (?); 23, 26 — бронза; 24 — белый металл, желтый металл, «аметист»; 30, 32–36, 38, 40 — янтарь; 31 — стекло, бронза; 37, 39 — керамика; 41–43 — белый металл; 45 — бронза, белый металл, желтый металл, «бирюза», кожа; 46 — железо, дерево; 47 — кость, железо; 48 — бронза, железо

Fig. 1. Bolshaya Dmitrievka 13/2: 1 — plan; 2–15 — pendants; 16, 18, 19, 25, 27–30, 32–36, 38, 40 — beads; 17 — spacer-bead; 20 — fibula; 21, 22 — temple pendants; 23 — mirror; 24 — vial; 26 — clip; 31 — buckle; 37, 39 — spindle whorls; 41 — needle case; 42, 43 — ear spoon and fingernail cleaner; 44, 48 — pottery; 45 — box; 46 — awl; 47 — comb (Матюхин, Ляхов, 1991; Трейстер, 2018. Рис. 28, 3, 4). 2–15 — yellow metal, cornelian, glass; 16, 27 — rock crystal; 17 — yellow metal; 18, 28, 29, 44 — glass; 19, 25 — “bone”; 20 — bronze, yellow metal, cornelian; 21, 22 — yellow metal, cornelian, “lapis lazuli” (?); 23, 26 — bronze; 24 — white metal, yellow metal, “amethyst”; 30, 32–36, 38, 40 — amber; 31 — glass, bronze; 37, 39 — ceramics; 41–43 — white metal; 45 — bronze, white metal, yellow metal, “turquoise”, leather; 46 — iron, wood; 47 — bone, iron; 48 — bronze, iron

A

Б

прямыми, покатыми, оттянутыми, выступающими (Амброз, 1980. С. 24), то есть морфология разнообразна. Но это местные группы, широко распространенные, но не имеющие прямых датированных аналогий. Очертания рамки соответствуют пряжкам Малашев-П10 (Малашев, 2000. С. 196, рис. 2) или пряжкам 1-й группы Паласа-Сыртского могильника (Малашев и др., 2015. С. 99–100, рис. 203). Исходя из формы рамки и особенностей язычка (Малашев, 2000. С. 209) они должны датироваться второй четвертью / второй третью — концом IV в. Наконечники обувных ремешков соответствуют типу Малашев-Н8 — одночастные с секировидным / округлым окончанием. Таких довольно много (характерный комплекс: Гмыря, 1993. Рис. 27, с пряжками Малашев-П10, янтарными грибовидными бусами, фибулами Амброз-15/III), в том числе и в Прикамье (Красноперов, 2019. С. 110, прим. 28), и обсуждение комплексов выходит за рамки этой работы. Тип Малашев-Н8 происходит от двухчастных типа Малашев-Н7 и типологически предшествует Малашев-Н9, что определяет хронологию в пределах второй половины IV в. (Малашев, 2000. С. 205; Малашев и др., 2015. С. 102). Отсутствие четких признаков развитого V или четвертой четверти IV в. позволяет отнести погребение к середине — третьей четверти IV в.

На памятниках лесной зоны украшения из янтаря встречаются не часто, а в Велегожском кладе — «исключительное количество» янтарных бус (Мастыкова, 2015. С. 57–58). Тем любопытнее ситуация в Прикамье, где янтарные бусы имеются, но их немного (например: Мингалев и др., 2019), и они преимущественно мелкие. Территориально ближайшие к Прикамью комплексы с грибовидными бусами-подвесками исследованы на правом

берегу среднего течения Волги: Большая Дмитриевка, 5/1; Абганерово II, курганы 13 и 17; Барановка, курган 3. Логика их поступления в Прикамье неясна, но важно отметить, что два из прикамских погребений с янтарными грибовидными бусами-подвесками (Броды, 24/3 и Тураево, погребение 106) демонстрируют очень выраженные сарматские связи: ожерелье из полностью «сарматских» элементов в первом случае и подвеска и пряжка — во втором. Старокабаново, погребение 80 относится к середине — третьей четверти IV в., не позднее, что совпадает с «катакомбным» этапом позднесарматского времени. Датировка еще двух комплексов — Броды, 24/3 и Тураево, погребение 106 — более размыта, так как в них имеются признаки раннего «всаднического» периода. Однако для Тураево, погребение 106 дата — около середины IV в. — наиболее предпочтительная.

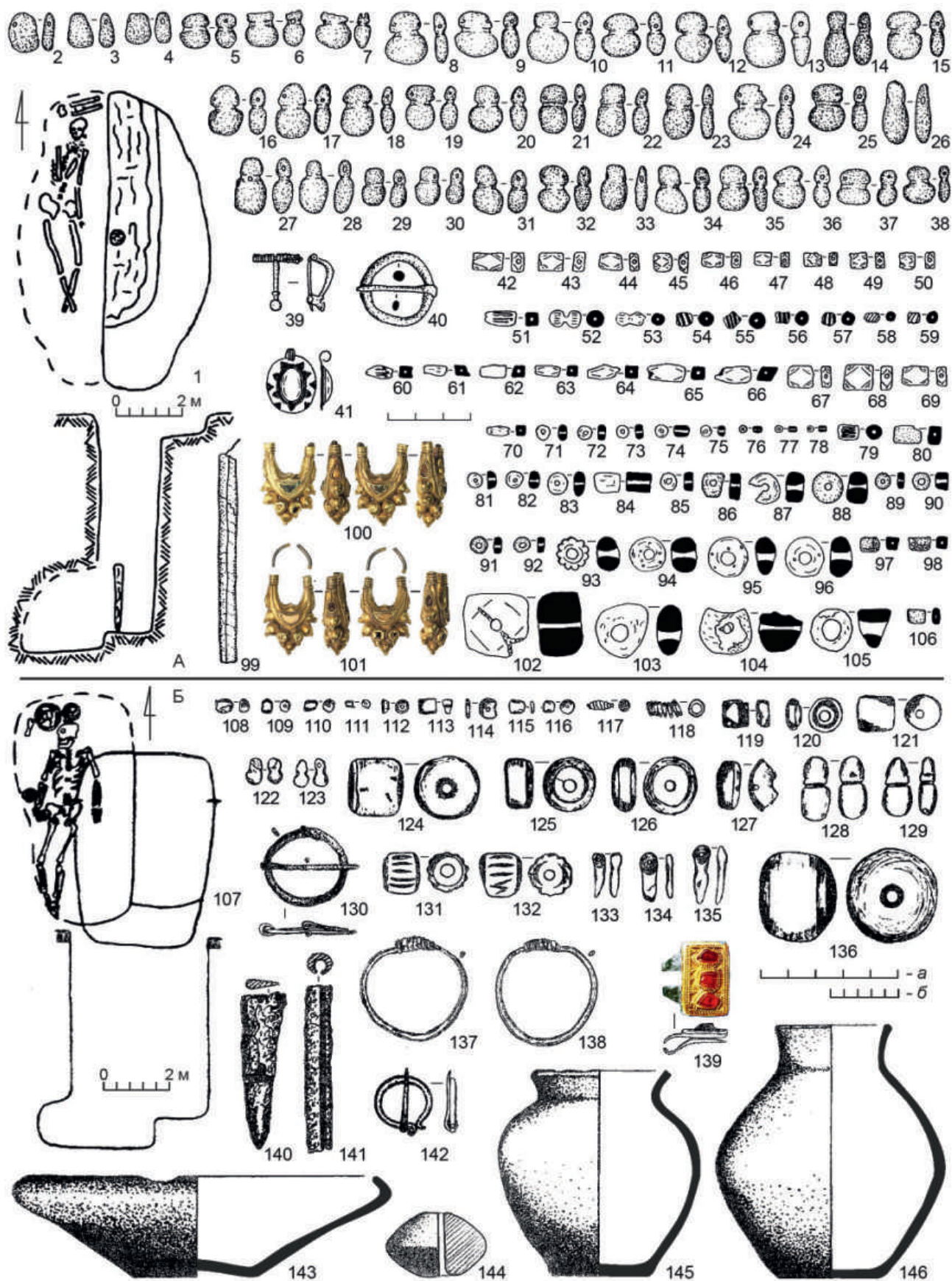
Среди других находок, маркирующих «катакомбный» этап, широкое территориальное распространение получили фибулы: двучленные лучковые, двучленные прогнутые подвязные и маленькие сильнопрофилированные.

Маленькие сильнопрофилированные фибулы найдены в самом северном сарматском могильнике, Гулюковском (погребения 35 и 67), на южной кромке нынешнего Нижнекамского водохранилища. По фибулам, двускатному наконечнику ремня, зеркалу с центральной петелькой могильник в целом датируется серединой — третьей четвертью IV в. (Бугров, Асылгараева, 2020. С. 146–149).

По публикациям известно, что маленькие сильнопрофилированные фибулы найдены еще на двух памятниках лесной зоны: Уржумка, погребение 21 (Никитина, 1999. Рис. 54, Б3) (рис. 5)

Рис. 2. А — Большая Дмитриевка 1/2: 1 — план; 2 — пряжка; 3 — фибула; 4 — закраина деревянного сосуда; 5 — бусина; 6 — предмет; 7–9 — сосуды (Матюхин, 1997. Рис. 1); Б — Левоподкумский, курган 1: 10 — план; 11, 14 — накладки; 12, 13 — фибулы; 15 — бусина; 16 — наконечник ремня (?); 17, 18 — сосуды; 19 — пряжка; 20 — копье; 21 — кинжал (Коробов и др., 2014. Рис. 4, 1; 5, 1, 3, 4, 6–9, 11, 12; 6, 1, 3). 2, 11, 16 — белый металл; 3 — желтый металл, «гранаты» (сердолик?); 4, 13, 14 — бронза, дерево; 5 — стекло; 6 — железо; 7–9, 17, 18 — керамика; 12 — желтый металл, сердолик, стекло; 15 — желтый металл; 19–21 — железо. Масштаб: а — для 2–9, 11–16, 19–21; б — для 17–18

Fig. 2. А — Bolshaya Dmitrievka 1/2: 1 — plan; 2 — buckle; 3 — fibula; 4 — rim of a wooden jar; 5 — bead; 6 — an object; 7–9 — pottery (Матюхин, 1997. Рис. 1); Б — Levopodkumsky, kurgan 1: 10 — plan; 11, 14 — mounts; 12, 13 — fibulae; 15 — bead; 16 — belt tip (?); 17, 18 — pottery; 19 — buckle; 20 — spear; 21 — dagger (Коробов и др., 2014. Рис. 4, 1; 5, 1, 3, 4, 6–9, 11, 12; 6, 1, 3). 2, 11, 16 — white metal; 3 — yellow metal, “garnet” (cornelian?); 4, 13, 14 — bronze, wood; 5 — glass; 6 — iron; 7–9, 17, 18 — ceramics; 12 — yellow metal, cornelian, glass; 15 — yellow metal; 19–21 — iron. Scale: a — for 2–9, 11–16, 19–21; б — for 17–18

и Старокабаново, погребение 107 (*Васюткин, Останина, 1986. Табл. 13, 9*). Первый комплекс относится к периоду «классической-2» второй половины IV — V в. по Д. Г. Бугрову¹¹. Сверка отчетных материалов (*Васюткин, 1970. С. 32–33, рис. 81, 82*) и коллекции (МАЭ ИАЭ УНЦ УрО РАН, 249/444-451) выявила серьезные несоответствия в составе комплекса из Старокабаново (рис. 6). Наконечник (*Васюткин, Останина, 1986. Табл. 13, 13*) отсутствует и в отчете, и в коллекции. Сильнопрофилированной фибулы не существует: в отчете (*Васюткин, 1970. Рис. 82, 2*) и в комплексе (МАЭ ИАЭ УНЦ УрО РАН, 249/450) имеется фибула совершенно другого типа — асимметричная прогнутая подвязная с ленточным корпусом, загнутым в петлю для оси пружины, и расширенной ножкой, приклепанным приемником, небольшой фасетировкой на корпусе и ножке. Такие же двучленные асимметричные прогнутые подвязные фибулы с корпусом, загнутым в петлю для оси пружины, и расширенной ножкой (Амброз-16/Г-3) малых размеров найдены в Гулюково, погребение 35 вместе с малой сильнопрофилированной фибулой. Целая серия находок крупных экземпляров фибул¹²

¹¹ Бугров Д. Г., доклад на Итоговой Всероссийской научной конференции Института археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, февраль 2016 г. Он же показал архивные фотографии находок из комплекса.

¹² Бугров Д. Г., доклад на конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи

происходит из районов Девичьего Городка (на Волге) и Уфы. Единично встречаются внешне схожие, но с вертикальной пластиной для оси пружины. Их развитием является большая группа фибул из Тарасовского и Старокабановского могильников. И. О. Гавритухин выделил эти находки в ранние варианты, не встречающиеся с материалами четвертой четверти IV в. — они характерны для второй / третьей четверти IV в. (*Гавритухин и др., 2019. С. 178–179, рис. 5, 5, 6, 15, 16*). Независимо от изменения состава конкретного комплекса фибулы этой серии также показательны для позднего этапа позднесарматского времени.

Заключение

Итак, прямое сарматское влияние на позднем этапе практически не проникает дальше Предволжья, находки дальше к востоку и северу — исключительное явление. Тем любопытнее существование целого Гулюковского могильника, оставленного сарматской группой в середине IV в. прямо на южном (правом) берегу Камы. Он расположен практически напротив (в зоне прямой видимости) Тураевского грунтового могильника мазунинской культуры. Однако оценка имеющихся схем и детальная хронология инвентаря местного населения еще только предстоит.

римских влияний и великого переселения народов» (Тула, ноябрь 2010 г.).

Рис. 3. А — Большая Дмитриевка, курган 5: 1 — план; 2–38, 42–98, 102–106 — бусы; 39 — фибула; 40 — пряжка; 41 — медальон; 99 — игольник; 100, 101 — височные подвески (*Матюхин, 1997. Рис. 2; 3, 2; Трейстер, 2018. Рис. 28, 1, 2*). **Б** — Абганерово II, курган 13: 107 — план; 108–129, 131–136 — бусы; 130, 142 — скульгамы; 137, 138 — височные кольца; 139 — пряжка; 140 — нож; 141 — игольник; 143, 145, 146 — сосуды; 144 — пряслице (*Дьяченко и др., 1995. Рис. 5, 2; 11, 7, 8; 12; Мордвинцева, Хабарова, 2006. Цв. рис.*). 2–38, 86–92, 97, 98, 106, 112–114, 124–129, 136 — янтарь; 39, 40, 99, 130, 142 — бронза; 41, 100, 101 — желтый металл, «гагат» (?), стекло, паста; 42–50, 67–69, 119 — сердолик; 51–57, 60–85, 93–96, 102–104, 108–111, 120, 122, 123, 131, 132 — стекло; 58, 59 — паста; 88, 105, 121 — «мел»; 116, 117, 133–135 — гагат; 118, 137, 138 — белый металл; 139 — золото, серебро, гранат (альмандин); 140, 141 — железо; 143–146 — керамика. Масштаб: а — для 2–106, 108–142; б — для 143–146

Fig. 3. A — Bolshaya Dmitrievka, kurgan 5: 1 — plan; 2–38, 42–98, 102–106 — beads; 39 — fibula; 40 — buckle; 41 — medallion; 99 — needle case; 100, 101 — temple pendants (*Матюхин, 1997. Рис. 2; 3, 2; Трейстер, 2018. Рис. 28, 1, 2*). **B** — Abganerovo II, kurgan 13: 107 — plan; 108–129, 131–136 — beads; 130, 142 — syulgams (fibulae-clasps); 137, 138 — temple rings; 139 — buckle; 140 — knife; 141 — needle case; 143, 145, 146 — pottery; 144 — spindle whorl (*Дьяченко и др., 1995. Рис. 5, 2; 11, 7, 8; 12; Мордвинцева, Хабарова, 2006. Colour fig.*). 2–38, 86–92, 97, 98, 106, 112–114, 124–129, 136 — amber; 39, 40, 99, 130, 142 — bronze; 41, 100, 101 — yellow metal, “jet” (?), glass, paste; 42–50, 67–69, 119 — cornelian; 51–57, 60–85, 93–96, 102–104, 108–111, 120, 122, 123, 131, 132 — glass; 58, 59 — glass paste; 88, 105, 121 — “chalk”; 116, 117, 133–135 — jet; 118, 137, 138 — white metal; 139 — gold, silver, garnet (almandine); 140, 141 — iron; 143–146 — ceramics. Scale: a — for 2–106, 108–142; b — for 143–146

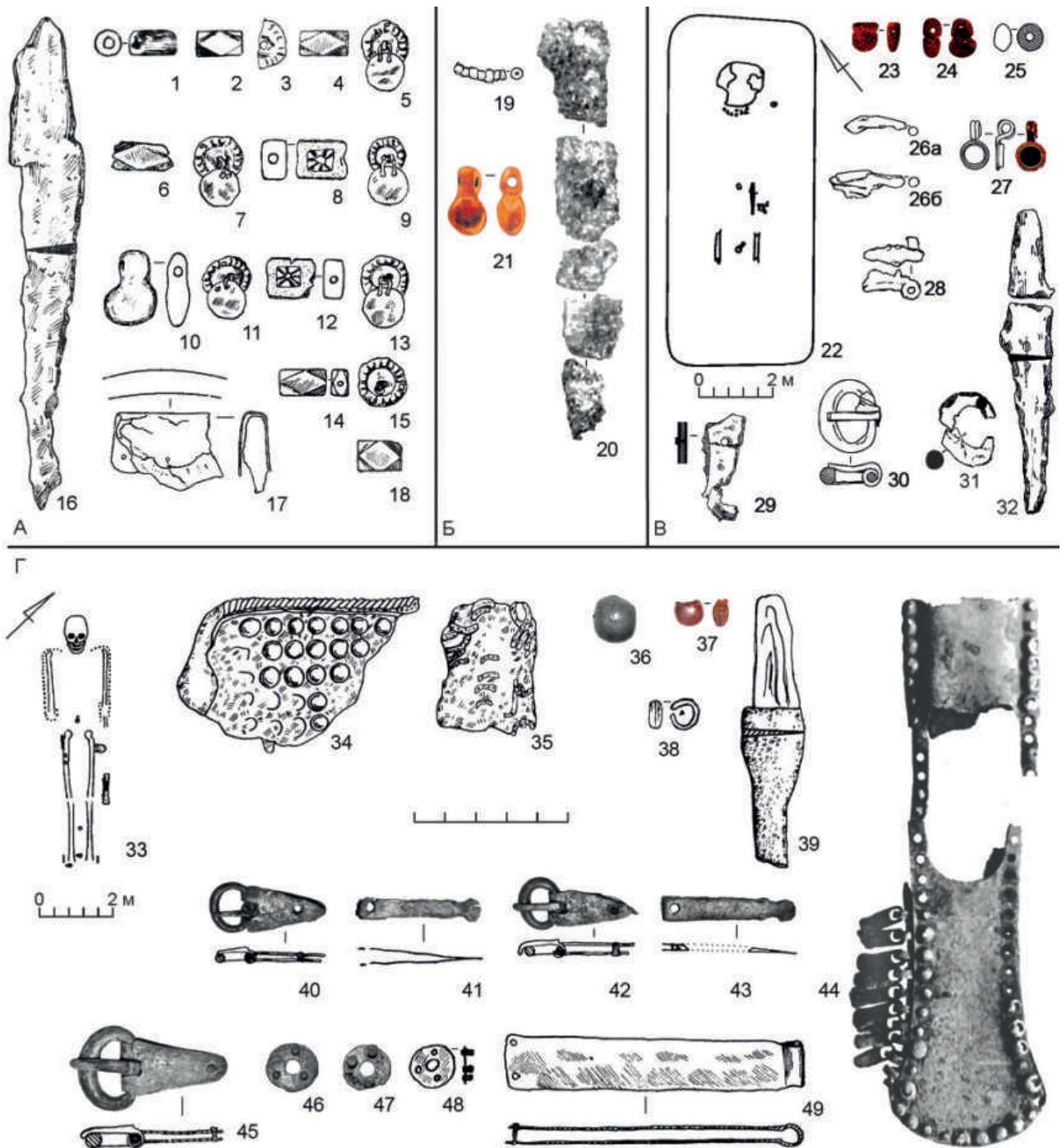

Рис. 4. А — Броды 24/3: 1, 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 18 — бусы; 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15 — подвески; 16 — нож; 17 — закраина деревянного сосуда (Голдина, 1986. Табл. 14, 4–6). Б — Броды 39/2: 19, 21 — бусы; 20 — нож (Голдина, 1979. Рис. 142, 1; 1986. Табл. 17, 1, 8). В — Тураево, погребение 106: 22 — план; 23–25 — бусы; 26а, 26б — фрагменты; 27 — подвеска; 28, 31 — пряжки; 29 — зажим; 32 — нож (Голдина, Берни, 2010. Табл. 73/106, С. 474, ХА10; 478, 1). Г — Старокабаново, погребение 80: 33 — план; 34 — фибула; 35 — украшение из колечек; 36, 37 — бусы; 38 — пронизка; 39 — нож; 40, 42, 45 — пряжки; 41, 43, 49 — наконечники; 44 — ножны; 46–48 — накладки (Васюткин, 1970. Рис. 50; 52; Васюткин, Останина, 1986. Табл. 2, 28–32; 9, 2–8; МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, 249/300, 303, 308, 310, 311, 313 — фото Р. Р. Руслановой). 1, 8, 12, 19, 25, 36 — стекло; 2, 4, 6, 14, 18 — сердолик; 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15 — желтый металл; 10, 21, 23, 24, 37 — янтарь; 16, 20, 26а, 26б, 28, 29, 31, 32, 35 — железо; 17 — бронза, дерево; 27 — желтый металл, гранат; 30, 38, 40–49 — бронза; 34 — железо, бронза; 39 — железо, дерево

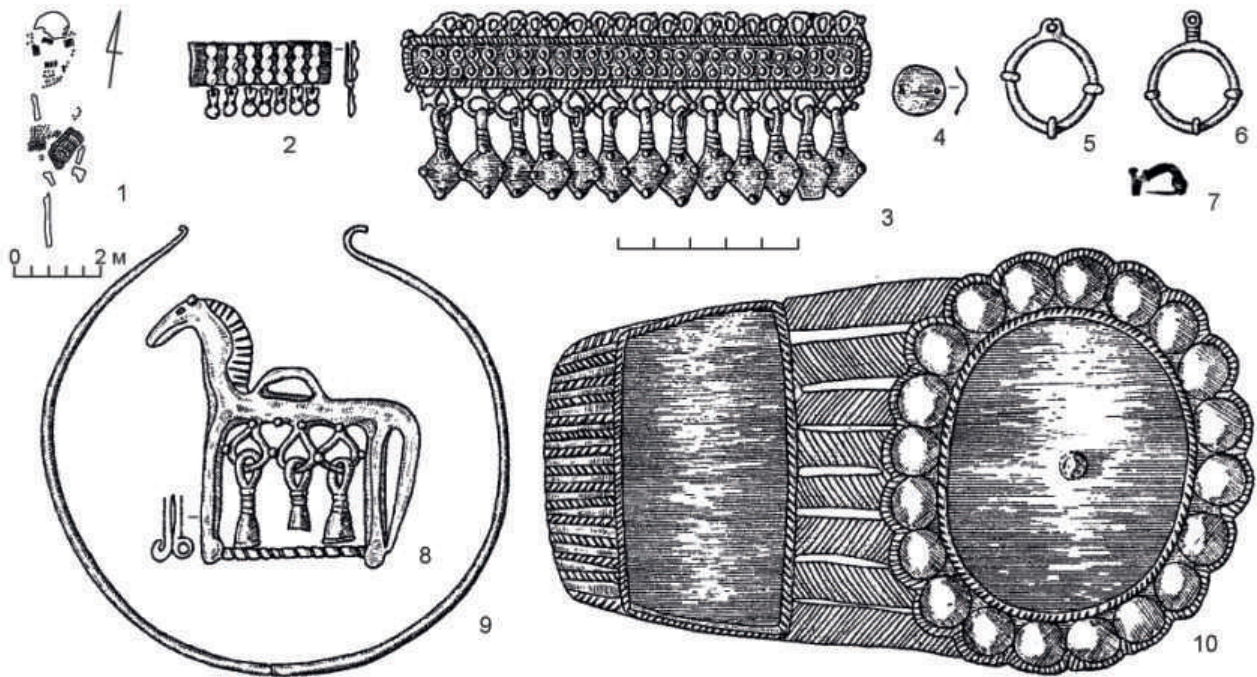

Рис. 5. Уржумка, погребение 21: 1 — план; 2 — накладки (головной убор); 3 — украшение; 4 — бляшка; 5, 6 — височные кольца; 7 — фибула; 8 — подвеска; 9 — гривна; 10 — застежка (Никитина, 1999. Рис. 54, БЗ; фото — архив Д. Г. Бугрова). 2 — бронза, кожа; 3-10 — бронза

Fig. 5. Urzhumka, burial 21: 1 — plan; 2 — plaques (headdress); 3 — ornament; 4 — plaques; 5, 6 — temple rings; 7 — fibula; 8 — pendant; 9 — neck ring; 10 — clasp (Никитина, 1999. Рис. 54, БЗ; photo from D. G. Bugrov's archives). 2 — bronze, leather; 3-10 — bronze

Fig. 4. А — Brody 24/3: 1, 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 18 — beads; 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15 — pendants; 16 — knife; 17 — rim of a wooden vessel (Голдина, 1986. Табл. 14, 4-6). Б — Brody 39/2: 19, 21 — beads; 20 — knife (Голдина, 1979. Рис. 142, 1; 1986. Табл. 17, 1, 8). В — Turaevo, burial 106: 22 — plan; 23-25 — beads; 26a, 26b — fragments; 27 — pendant; 28, 31 — buckles; 29 — clamp; 32 — knife (Голдина, Берни, 2010. Табл. 73/106, С. 474, ХА10; 478, 1). Г — Starokabanovo, burial 80: 33 — plan; 34 — fibula; 35 — decoration from small rings; 36, 37 — beads; 38 — spacer-bead; 39 — knife; 40, 42, 45 — buckles; 41, 43, 49 — tips; 44 — sheath; 46-48 — mounts (Васюткин, 1970. Рис. 50; 52; Васюткин, Останина, 1986. Табл. 2, 28-32; 9, 2-8; МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, 249/300, 303, 308, 310, 311, 313 — photo by R. R. Ruslanova). 1, 8, 12, 19, 25, 36 — glass; 2, 4, 6, 14, 18 — cornelian; 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15 — yellow metal; 10, 21, 23, 24, 37 — amber; 16, 20, 26a, 26b, 28, 29, 31, 32, 35 — iron; 17 — bronze, wood; 27 — yellow metal, garnet; 30, 38, 40-49 — bronze; 34 — iron, bronze; 39 — iron, wood

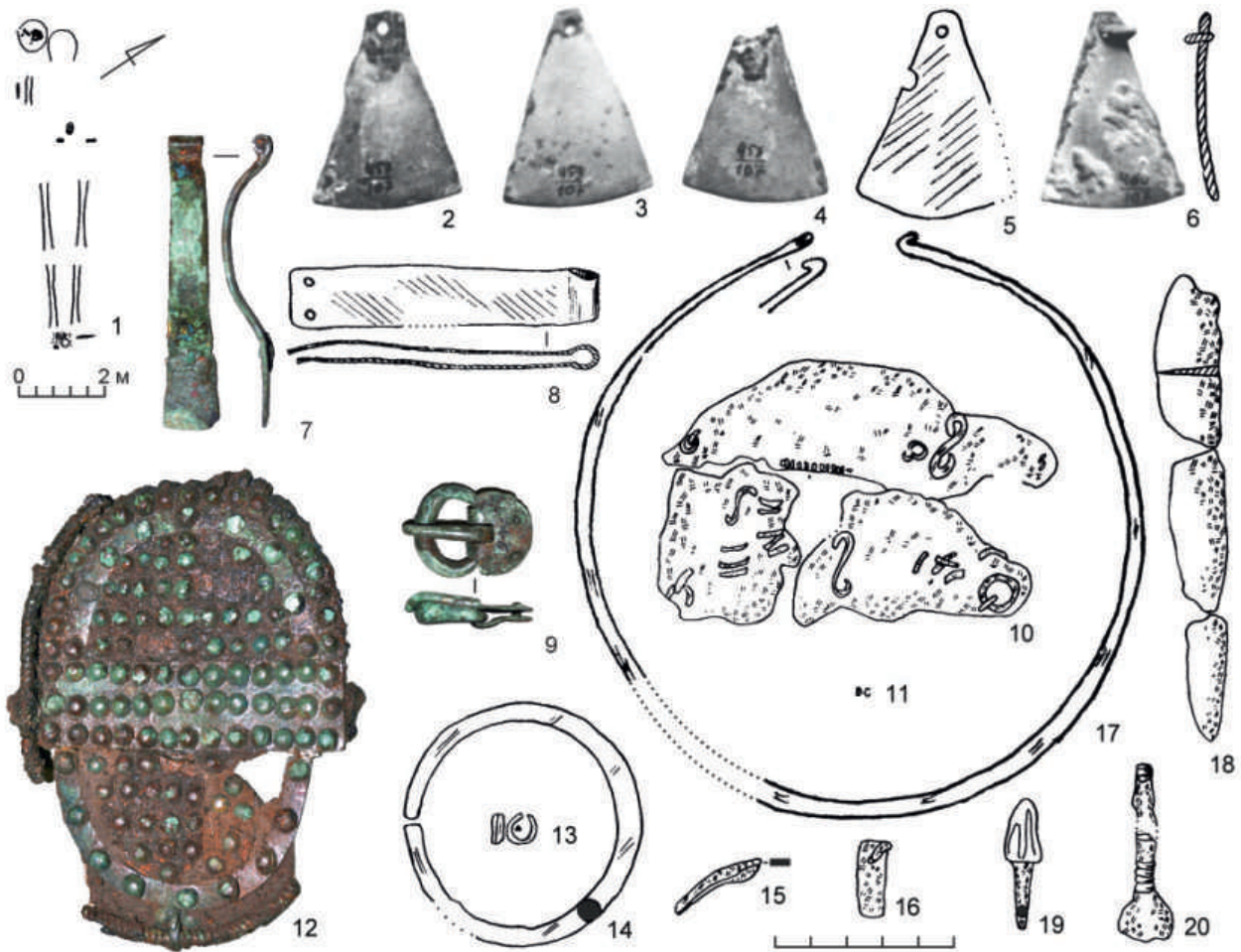

Рис. 6. Старокабаново, погребение 107: 1 — план; 2–6, 16 — подвески; 7, 12 — фибулы; 8 — наконечник; 9 — пряжка; 10 — украшение из колечек; 11, 13 — пронизки; 14, 15 — браслеты; 17 — гривна; 18 — нож; 19 — шило; 20 — височная подвеска (Васюткин, 1970. Рис. 81; 82; Васюткин, Останина, 1986. Табл. 13, 3–21; МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, 249/450, 451 — фото Р. Р. Руслановой). 2–9, 11, 13, 14, 17 — бронза; 10, 15, 16, 18, 19 — железо; 12, 20 — железо, бронза

Fig. 6. Starokabanovo, burial 107: 1 — plan; 2–6, 16 — pendants; 7, 12 — fibulae; 8 — tip; 9 — buckle; 10 — decoration from small rings; 11, 13 — spacer-beads; 14, 15 — bracelets; 17 — neck ring; 18 — knife; 19 — awl; 20 — temple pendant (Васюткин, 1970. Рис. 81; 82; Васюткин, Останина, 1986. Табл. 13, 3–21; МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, 249/450, 451 — photo by R. R. Ruslanova). 2–9, 11, 13, 14, 17 — bronze; 10, 15, 16, 18, 19 — iron; 12, 20 — iron, bronze

Алексеев и др., 1977 — Алексеев А. Ю., Вахтина М. Ю., Разумов А. Я., Семенов А. И. Новостроечные работы в зоне Цимлянского вдхр. // АО за 1975 г. М.: Наука, 1977. С. 104–105.

Амброз, 1966 — Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Д1-30). 111 с., 28 табл.

Амброз, 1980 — Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1980 (Археология СССР). С. 3–56.

Апакидзе и др., 1958 — Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937–1946 гг. Мцхета. Итоги археологических исследований. I. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1958. 286 с.

Безуглов, 1990 — Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцелина и археологические реалии // ИАИАИАНД в 1989 г. Ростов н/Д., 1990. Вып. 9. С. 80–87.

Безуглов, 2000 — Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их

- соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов н/Д., 2000 (МИАД; Вып. 1). С. 169–193.
- Безуглов, 2008 — Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднеармянской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: Сб. памяти В. А. Башилова / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Таус, 2008 (МИАР; Вып. 10). С. 284–301.
- Безуглов, 2010 — Безуглов С. И. Позднесарматская культура и нижний Дон (Современное состояние проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 93–116.
- Безуглов, Захаров, 1989 — Безуглов С. И., Захаров А. В. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в правобережном Подонье // Изв. РОМК. Вып. 5 / Ред. З. Н. Римская. Ростов н/Д., 1989. С. 42–66.
- Безуглов, Ильяшенко, 2000 — Безуглов С. И., Ильяшенко С. М. Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // ДА. 2000. № 1. С. 91–100.
- Безуглов, Копылов, 1989 — Безуглов С. И., Копылов В. П. Катакомбные погребения III–IV вв. на нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171–183.
- Берхин, 1961 — Берхин И. П. О трех находках позднеармянского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. 1961. Вып. 2: Скифо-сарматское время. С. 141–153.
- Боталов, Гуцалов, 2000 — Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 270 с.
- Бугров, Асылгараева, 2020 — Бугров Д. Г., Асылгараева Г. Ш. Животные в погребальном обряде населения нижнего Прикамья первой половины I тыс. н. э. (по материалам Гулюковского могильника) // ПА. 2020. № 1. С. 146–166.
- Быкова, Казанцева, 2012 — Быкова Н. В., Казанцева О. А. Ювелирные изделия из минералов в коллекции могильников I–V вв. в бассейне р. Кама // Вестник Пермского ун-та. Серия «История». 2012. Вып. 1 (18). С. 93–104.
- Васильев, 2004 — Васильев А. А. О времени появления пряжек с «почковидным» щитком у поздних сарматов // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2004. Вип. XI. С. 55–59.
- Васильев, Савельев, 2008 — Васильев А. А., Савельев О. К. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная (хронологический аспект) // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов / GeSa. 1. Калининград: Янтарный сказ, 2008. С. 29–43.
- Васюткин, 1970 — Васюткин С. М. Отчет об археологических исследованиях в БАССР в 1970 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 4164, 4164а.
- Васюткин, Останина, 1986 — Васюткин С. М., Останина Т. И. Старо-Кабановский могильник // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1986. С. 95–126.
- Габуев, Малашев, 2009 — Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009 (МИАР; № 11). 468 с.
- Гавритухин, 1999 — Гавритухин И. О. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. 1. Тостостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и выделенной ножкой (Eggers 236–238, Straume VI–IX) // Сто лет черняховской культуре / Ред. М. Е. Левада. Киев, 1999 (Библиотека VITA ANTIQUA). С. 48–86.
- Гавритухин, 2010 — Гавритухин И. О. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов: Конференция 2 (ноябрь 2008 г., Тула): Сб. Ч. 1 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: ГМЗ Куликово поле, 2010. С. 49–67.
- Гавритухин, Малашев, 2018 — Гавритухин И. О., Малашев В. Ю. Зеркало с центральной петлей и орнаментальной композицией с мотивом квадрата в центре // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). Гл. 7 / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018 (РСМ; Вып. 18). С. 105–114.
- Гавритухин и др., 2019 — Гавритухин И. О., Астафьев А. Е., Богданов Е. С. Фибулы поселения Карабак (п-ов Мангышлак) // ПА. 2019. № 3. С. 170–189.
- Гмыря, 1993 — Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала: Изд-во Дагестанского НЦ РАН, 1993. 367 с.
- Голдина, 1979 — Голдина Р. Д. Отчет о раскопках Худяковского поселения и могильника в Тужинском р-не Кировской обл., а также Бродовского могильника в Кунгурском р-не Пермской обл., проведенных летом 1979 г. КВАЭ. Т. I, II // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 104, 105.
- Голдина, 1986 — Голдина Р. Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А. А. Тронин. Устинов: Удмуртский ГУ, 1986. С. 49–98.

- Голдина, Бернц, 2010 — Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский I могильник — уникальный памятник великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: Удмуртский ГУ, 2010 (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; Т. 17). 499 с.
- Голдина и др., 2007 — Голдина Р. Д., Лецинская Н. А., Черных Е. М., Бернц В. А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2007. 196 с.
- Гопкало, 2008 — Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: ИА НАН Украины, 2008. 252 с.
- Державин и др., 1977 — Державин В. Л., Каменецкий И. С., Романовская М. А., Смирнов Ю. А. Раскопки курганного могильника Арпачин II // АО за 1975 г. М.: Наука, 1977. С. 120.
- Диденко, 2014 — Диденко С. В. Хронология светло-глиняных узкогорлых амфор типов Шелов D и F (по материалам погребальных комплексов) // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В. П. Петрова / Відп. ред. О. В. Петраускас, С. А. Горбаненко. Київ, 2014 (ОІУМ; № 4). С. 34–48.
- Дьяченко и др., 1995 — Дьяченко А. Н., Блохин В. Г., Шинкарь О. А. Археологические исследования у с. Абганеро-Октябрьского р-на Волгоградской обл. // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской обл. / Отв. ред. Б. Ф. Железчиков. Волгоград: Перемена, 1995. С. 83–139.
- Засецкая, 1994 — Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.
- Зубов, Багаутдинов, 2019 — Зубов С. Э., Багаутдинов Р. С. Новые материалы позднесарматского времени в самарском Заволжье (курганный могильник Конезавод I) // КСЭ. V: Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: Фирма «Салта», 2019. С. 103–111.
- Клепиков, Шинкарь, 1997 — Клепиков В. М., Шинкарь О. А. Позднесарматский могильник Абганеро-во II / Отв. ред. Б. Ф. Железчиков. Волгоград: Волгоградский ГУ, 1997 (ИАИНИП; Вып. 2). С. 81–100.
- Коробов и др., 2014 — Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 120–135.
- Красноперов, 2012 — Красноперов А. А. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов: Конференция 3 / Под ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2012. С. 218–254.
- Красноперов, 2018 — Красноперов А. А. Ножны из Усть-Сарапульского могильника в связи с находками в некрополях Дружное и Нейзац в Крыму // КСЭ. IV / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 116–126.
- Красноперов, 2019 — Красноперов А. А. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов: Конференция 4. Ч. 2 / Ред. И. О. Гавритухин, А. М. Воронцов. Тула: ГМЗ Куликово поле, 2019. С. 103–190.
- Красноперов, 2020 — Красноперов А. А. Датировки комплексов с бусами Т-М-362 на римском пограничье в связи с находками в Прикамье // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 58–74.
- Кривошеев, 2005 — Кривошеев М. В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — Археология / Волгоградский ГУ. Волгоград, 2005. 336 с.
- Кривошеев, 2010 — Кривошеев М. В. Вопросы происхождения и развития позднесарматской культуры в нижнем Поволжье // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2010. С. 57–92.
- Кривошеев, Малашев, 2016 — Кривошеев М. В., Малашев В. Ю. Хроноиндикаторы середины III — IV в. н. э. из степных памятников Волго-Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 138–147.
- Кропоткин, 1978 — Кропоткин В. В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии / Ред. В. В. Кропоткин и др. М.: Наука, 1978. С. 147–164.
- Кропотов, 2010 — Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Адеф-Украина, 2010. 384 с.
- Малашев, 2000 — Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону /

- Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов н/Д., 2000 (МИАД; Вып. 1). С. 194–232.
- Малашев*, 2007 — *Малашев В. Ю.* Археологические памятники южноуральских степей второй половины II — IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2007. № 3. С. 111–121.
- Малашев*, 2009 — *Малашев В. Ю.* Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–52.
- Малашев*, 2010а — *Малашев В. Ю.* Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2010. С. 117–142.
- Малашев*, 2010б — *Малашев В. Ю.* Место курганных могильников Дагестана позднесарматского и гуннского времени в системе древностей Северного Кавказа и восточноевропейской степи // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа / XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас: Пилигрим, 2010. С. 233–236.
- Малашев*, 2013а — *Малашев В. Ю.* Позднесарматская культура южного Приуралья во II–III вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — Археология / ИА РАН. М., 2013. 25 с.
- Малашев*, 2013б — *Малашев В. Ю.* Позднесарматская культура южного Приуралья во II–III вв. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — Археология / ИА РАН. М., 2013. 302 с.
- Малашев*, 2015 — *Малашев В. Ю.* Традиции средне-сарматской культуры в курганных могильниках прикаспийского Дагестана 2-й половины II — 1-й половины V в. н. э. // Вестник Волгоградского ГУ. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2015 (Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения»). Т. 20, № 5. С. 85–97.
- Малашев*, 2016 — *Малашев В. Ю.* Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа 2-й половины II — середины V в. н. э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.
- Малашев*, *Яблонский*, 2008 — *Малашев В. Ю.*, *Яблонский Л. Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.
- Малашев и др.*, 2015 — *Малашев В. Ю.*, *Гаджиев М. С.*, *Ильюков Л. С.* Страна маскутов в западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.
- Мастыкова*, 1999 — *Мастыкова А. В.* О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок поздне-римского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре / Ред. М. Е. Левада. Киев, 1999 (Библиотека VITA ANTIQUA). С. 171–202.
- Мастыкова*, 2009 — *Мастыкова А. В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н. э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- Мастыкова*, 2015 — *Мастыкова А. В.* Стекланные полихромные и янтарные бусы из Велегожского клада // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов: Конференция 4. Ч. 1 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: ГМЗ Куликово поле, 2015. С. 57–67.
- Мастыкова*, 2016 — *Мастыкова А. В.* О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе // Stratum plus. 2016. № 4: «Круг земной»: Рим и варвары. С. 173–190.
- Матюхин*, 1992 — *Матюхин А. Д.* Сарматские памятники I–IV вв. саратовского Правобережья (краткий обзор материалов) // Археология восточно-европейской степи. Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. М. Малов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. Вып. 3. С. 144–158.
- Матюхин*, 1997 — *Матюхин А. Д.* Позднесарматские погребения из курганов у с. Б. Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г. Саратов: СарГПИ, 1997. Вып. 2. С. 181–198.
- Матюхин*, *Ляхов*, 1991 — *Матюхин А. Д.*, *Ляхов С. В.* Новое позднесарматское погребение в лесостепном саратовском правобережье // Археология восточно-европейской степи. Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. М. Малов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. Вып. 2. С. 135–152.
- Мингалев и др.*, 2019 — *Мингалев В. В.*, *Мингалева М. К.*, *Перескоков М. Л.* Бусы Мокинского могильника III–V/VI вв. н. э. в Пермском Прикамье // ПА. 2019. № 3. С. 202–221.
- Мордвинцева и др.*, 2010 — *Мордвинцева В. И.*, *Хачатурова Е. А.*, *Юрченко Т. В.* Сокровища древней Кубани. Симферополь; Краснодар: Универсум, 2010 (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. № 4). 448 с.
- Мордвинцева*, *Хабарова*, 2006 — *Мордвинцева В.*, *Хабарова Н.* Древнее золото Поволжья из фондов

- Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь: Тарпан, 2006. 140 с.
- Никитина, 1999 — Никитина Т. Б. История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1999 (Тр. Марийской АЭ; Т. 5). 160 с.
- Парусимов, 1998 — Парусимов И. Н. Раскопки курганов в Зимовниковском районе. Новочеркасск: б. и., 1998 (Тр. Новочеркасской АЭ; Вып. 3). 110 с.
- Румянцева, 2009 — Румянцева О. С. Бусы могильника Брут 2 2-й половины II–III в. н. э. // Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН; Таус, 2009 (МИАР; № 11). С. 341–437.
- Русланова, 2018 — Русланова Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII вв. Уфа: Гилем, 2018. 376 с.
- Сергацков, 1999 — Сергацков И. В. Проблема формирования среднесарматской культуры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. за вып. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 1999 (Научные школы Волгоградского ГУ). С. 137–155.
- Сергацков, 2000 — Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2000. 396 с.
- Симоненко, 2001 — Симоненко А. В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 77–91.
- Скрипкин, 1974 — Скрипкин А. С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского р-на Астраханской обл. // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 57–63.
- Сорокина, 1965 — Сорокина Н. П. Стекланные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1965 (МИА; № 127). С. 202–248.
- Стоянова, 2004 — Стоянова А. А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. V / Ред.-сост. В. Н. Зинько. С. 263–320.
- Стоянова, 2006 — Стоянова А. А. Намисто і підвіски населення Криму III ст. до н. е. — IV ст. н. е.: Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.04. — Археологія. Київ, 2006 // НА ІА НАНУ. Ф. 12. Д. 850.
- Стоянова, 2019 — Стоянова А. А. Об одном типе сарматских бронзовых зеркал из Крыма // КСЭ. V: Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта», 2019. С. 253–266.
- Торгоев, Кольченко, 2017 — Торгоев А. И., Кольченко В. А. Погребение позднесарматского времени с ювелирными украшениями на городище Красная Речка // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 166–174.
- Трейстер, 2018 — Трейстер М. Ю. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н. э. — III в. н. э.) // МАИАСК. 2018. № 10. С. 118–210.
- Трибунский, 2003 — Трибунский С. А. Позднесарматская культура урало-казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — Археология / Удмуртский ГУ. Ижевск, 2003. 21 с.
- Труфанов, 2007 — Труфанов А. А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Посвящ. 80-летию Т. Н. Высотской / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
- Фанагория..., 2015 — Фанагория. Результаты археологических исследований. М.: Изд-во ИА РАН, 2015. Т. 2: Золото Фанагории. 604 с.
- Шаров, 1999 — Шаров О. В. О времени появления Т-образных шарнирных фибул в Северном Причерноморье // Stratum plus. 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 189–206.
- Шаров, 2019 — Шаров О. В. Боспор. Полихромные стили позднеримской эпохи // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2019. Т. 18, № 2. С. 197–220.
- Шишкин, 2002 — Шишкин Р. Г. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. Київ: ІА НАНУ, 2002. С. 244–246.
- Gogiberidze, Javakhishvili, 2010 — Gogiberidze N., Javakhishvili K. Metal Adornments from Dedoplis Gora // Iberia-Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period. Tbilisi, 2010. Bd. 6. P. 5–38, 202.
- Quast, 1996 — Quast D. Schmuckstein- und Glasschnallen des 5. und fruhen 6. Jahrhunderts aus dem Ostlichen Mittelmeergebiet und dem “Sasanidenreich” // Archaisches Korrespondenzblatt. 1996. Nr. 26. S. 333–345.
- Tempelmann-Mączyńska, 1985 — Tempelmann-Mączyńska M. Perlen der römischen Kaiserzeit und frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985. 430 p.

The spread of amber mushroom-shaped beads-pendants in the Volga and Kama region and indicators of the end of the late Sarmatian period

A. A. Krasnoperov¹³

The general periodization of the late Sarmatian culture comprises two large horizons: a “horse riders” period of the mid-2nd — mid-3rd century (corresponding to periods Malashev I — Malashev IIa) and the “catacomb” period which is subdivided into two chronological groups. The basis for distinguishing the first group of the “catacomb” period is constituted by two two-part bow fibulae (Ambroz-15/III), small strongly profiled fibulae (Ambroz-11/II), belt tips with a cylindrical expansion (Malashev-H10) or two-part poleaxe tips (Malashev-H7), buckles with faceted short tongues and a low ledge near the base (Malashev-II9), a bridle set in the Zakshuv-Kishpek style, small amber mushroom-shaped bead-pendants and amphorae (Shelov-D). Its summary date is the mid-3rd — first third of the 4th century corresponding to the Malashev-IIIb period. Artefacts of the second group of the ‘catacomb’ period include fibulae of the Chernyakhov type (Ambroz-16/2), buckles with smooth frames and small tongues surrounding the front part of the frame and extending to the middle of the section with a high ledge near the base (Malashev-II10), lunate plaques, one-part poleaxe tips (Malashev-H8), large amber mushroom-shaped bead-pendants, objects in the “pre-Hunnic” polychromatic style, glass vessels with soldered blue appliques, and amphorae (Shelov-F). This group is dated to the second third of the 4th — early 5th century corresponding to the periods Malashev-III-a,b,-IV.

It must be noted that, in the eastern regions, the “catacomb” period is represented by very scanty finds. The main indications include sagged tied-up fibulae, small markedly profiled fibulae, amber mushroom-shaped bead-pendants. The findings of amber beads are very rare in the forest zone, however in the Kama region, as many as four complexes are known with beads of the mushroom shape. Another indicator of the final late-Sarmatian period is represented by small fibulae with a marked profile which denote the northernmost point of penetration of the Sarmatian population proper — it is the Gulyukovo cemetery on the southern bank of the Kama River. Among the local population, a number of the own modifications of two-part sagged tied-up fibulae with the body bent loop-like for the axis of the spring were arising.

¹³ Alexander Krasnoperov — Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; ul. Lomonosov, 4, Izhevsk, 426004, Россия; e-mail: khaa@udm.ru.

Улуг-депе в эллинистический и парфянский периоды: новые открытия

Ж. Люилье, Х. Бендесу-Сармьенто¹

Аннотация. Статья знакомит с итогами новейших раскопок вновь выявленных эллинистического и парфянского слоев поселения Улуг-депе (южный Туркменистан). Оставленное в конце среднего железного века городище было заселено вновь в конце I тыс. до н. э. Обширные работы Совместной французско-туркменской археологической миссии (MAFTur) позволили исследовать жилища этого периода и разнообразный по составу керамический комплекс.

Annotation. This paper seeks to shed new light on the latest discovered Hellenistic and Parthian occupation period at Ulug-depe (South Turkmenistan). After its abandonment at the end of the Middle Iron Age period, the site was reoccupied during the late 1st millennium BC. Extended research led by the joint French-Turkmen Archaeological Expedition (MAFTur) has succeeded in unearthing this occupation in many places of the site and has studied a varied pottery assemblage.

Ключевые слова: Улуг-депе, средний железный век, эллинистический период, парфянский период, керамика.

Keywords: Ulug-depe, Middle Iron Age, Hellenistic period, Parthian period, pottery.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-212-227

Введение

Широкомасштабные раскопки на поселении Улуг-депе проводились со времени его открытия: сначала, между 1967 и 1970 гг., — В. И. Сарияниди (Сарияниди, 1969; 1971; 1972), а с 2001 г. — Совместной французско-туркменской археологической миссией (здесь и далее — MAFTur) под руководством М. А. Мамедова² и покойного О. Леконта (Национальный центр научных исследований, далее — CNRS, 2001–2013 гг.), дальнейшие работы курировал Х. Бендесу-Сармьенто (CNRS, с 2014 г.). Этот памятник занимает особое место в доистории и истории Средней Азии, особенно Туркмении, поскольку здесь выявлен самый длительный

в регионе непрерывный период обживания: от поздненеолитических слоев до среднего железного века (приблизительно 5000–600 гг. до н. э.)³.

Расположенное в Туркменистане на аллювиальной равнине в восточном предгорье Копетдага, в 175 км к востоку от Ашхабада, неподалеку от поселка Душак (Каахкинский этрап Ахалского велаята), древнее поселение Улуг-депе представляет собой памятник, географически равноудаленный от широко известных Намазга-депе и Алтын-депе⁴. Здесь были получены впечатляющие результаты

³ Подробнее о периодизации заселения Улуг-депе см.: Lecomte, 2007; 2011; 2013.

⁴ Последний памятник дал очень ценную информацию по энеолиту и раннему бронзовому веку — двум периодам, важность которых для Улуг-депе еще необходимо установить в полной мере. Эти результаты получены благодаря исследованиям наших коллег Л. Б. Кирчо и В. А. Алёкшина, которые явились свидетелями и участниками величайшего периода археологических открытий в Средней Азии и которым мы хотели бы выразить свою признательность, поделившись нашими недавними изысканиями, позволяющими дополнить хронологию знаменитых депе.

¹ Ж. Люилье — Лаборатория Archéorient, Дом восточных и средиземноморских исследований; ул. Ролена, 7, Лион, 69365, Франция; e-mail: johanna.lhuillier@mom.fr. Х. Бендесу-Сармьенто — Отдел эко-антропологии, Музей человека; Площадь Трокадеро, 17, Париж, 75016, Франция; e-mail: sarmientojulio@hotmail.com.

² Национальное управление Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры, Министерство культуры Туркменистана.

для бронзового века, а также обнаружено единственное пока в Средней Азии доахеменидское протогородское поселение среднего железного века (Lecomte, 2013; Lhuillier et al., 2015). В течение нескольких лет исследователи из МАFTur полагают, что после периода среднего железа городище было заброшено и больше не заселялось, если не считать незначительное поселение исламского времени на вершине *dene*. Однако ознакомившись с памятником более тщательно, мы обнаружили определенные аномалии: свидетельства возобновления жизни на предахеменидском городище с отличным от прежнего типом застройки и необычной керамикой. Первые же исследования полученного материала привели нас к выводу, что это поселение было довольно основательным и может быть датировано концом I тыс. до н. э., относясь, таким образом, к эллинистическому времени в широком смысле, то есть к собственно эллинизму и к тому, что последовало за ним, и застав развитие греко-бактрийской и парфянской культур (Lhuillier, Bendezu-Sarmiento, 2018)⁵.

Эллинистическое поселение

Эллинистические материалы Улуг-депе встречены в основном на территории поселения среднего железного века (предахеменидский период), когда городище занимало наибольшую часть вершины холма. Оно было покинуто приблизительно в VII в. до н. э.; «цитадель» и другие строения были заброшены, причем в некоторых случаях проведены ритуалы покидания жилья (Lecomte et al., 2002; Lecomte, Mashkour, 2013). Через несколько столетий значительные участки этих строений были снова заселены⁶. По этой причине остатки эллинистического поселения обнаружены

⁵ В предлагаемой статье обобщены и дополнены результаты, опубликованные в данной работе.

⁶ Никакие следы поселения ахеменидского времени здесь пока надежно не зафиксированы, при этом мы не можем полагаться на стратиграфию или эволюцию типов керамики для датировки материалов I тыс. до н. э. Аналогичным образом, как заметил Дж. Бруно, и в центральной части предгорий Копетдага идентификация этого периода затрудняется отсутствием многослойных памятников (Bruno, 2019a. P. 420). Этим Улуг-депе отличается от Мерва и памятников Бактрии, где тщательное изучение керамических комплексов, привязанных к стратиграфии, показало бытование типов Яз III до самого эллинистического периода (см.: Puschnigg, 2008; Callieri, 2014).

в самых верхних, а потому частично размытых, слоях памятника, почти на поверхности.

«Цитадель» и «хранилище» среднего железного века, обладавшие толстыми прочными стенами, были частично заселены вновь: в некоторых частях обоих зданий новые сырцовые стены и каменные конструкции были сложены в конце I тыс. до н. э. Особенно это заметно в юго-восточном углу внешнего периферийного коридора «цитадели», где крупные валуны и куски сырцового кирпича использовались для сооружения стен, разделяющих коридор на небольшие помещения.

На территории к югу от цитадели были возведены несколько стен из сырцового кирпича, по размеру сходного с тем, что был использован в самой цитадели (60 × 30 × 10 см) — это может указывать на его повторное применение. Однако другие стены на этом же участке были сложены из квадратных сырцовых кирпичей (32 × 32 × 10 см), обычно считающихся хронологическим индикатором эллинистического периода⁷. Несколько углублений от столбов и большие очаги, сложенные из валунов, были обнаружены между частично разрушенными стенами более раннего хранилища (раскопы 21, 22, 28 — рис. 1) и связаны с предшествующими по времени заселениями.

Более плотно заселенный участок расположен в северо-восточной части *dene*, на выровненной площадке, возвышающейся над равниной. Во время нашего последнего полевого сезона (2019 г.) обширная зачистка поверхности позволила обнаружить интересные остатки, связанные с предахеменидским городищем: этот участок был, по-видимому, занят северо-восточной частью укреплений, окружавших весь памятник массивной оградой. В отличие от прочей застройки этого периода, это место было сильно повреждено эрозией еще в конце I тыс. до н. э. Весь участок (раскопы 41, 44, 45 — рис. 1) был впоследствии вновь застроен полуземлянками и, вероятно, несколькими наземными зданиями. При раскопках эти полуземлянки находили всего в нескольких метрах друг от друга рядом со стенами железного века. Полуземлянки имеют овальную форму и размеры в среднем 4–5 × 5–6 м, причем некоторые сырцовые кирпичи различного размера

⁷ Относительно последних предположений на эту тему см.: Мокрородов, 2013. Схожий сырцовый кирпич, согласно В. Н. Пилипко, был найден на парфянских поселениях в Каахкинском районе (Пилипко, 2015. С. 74).

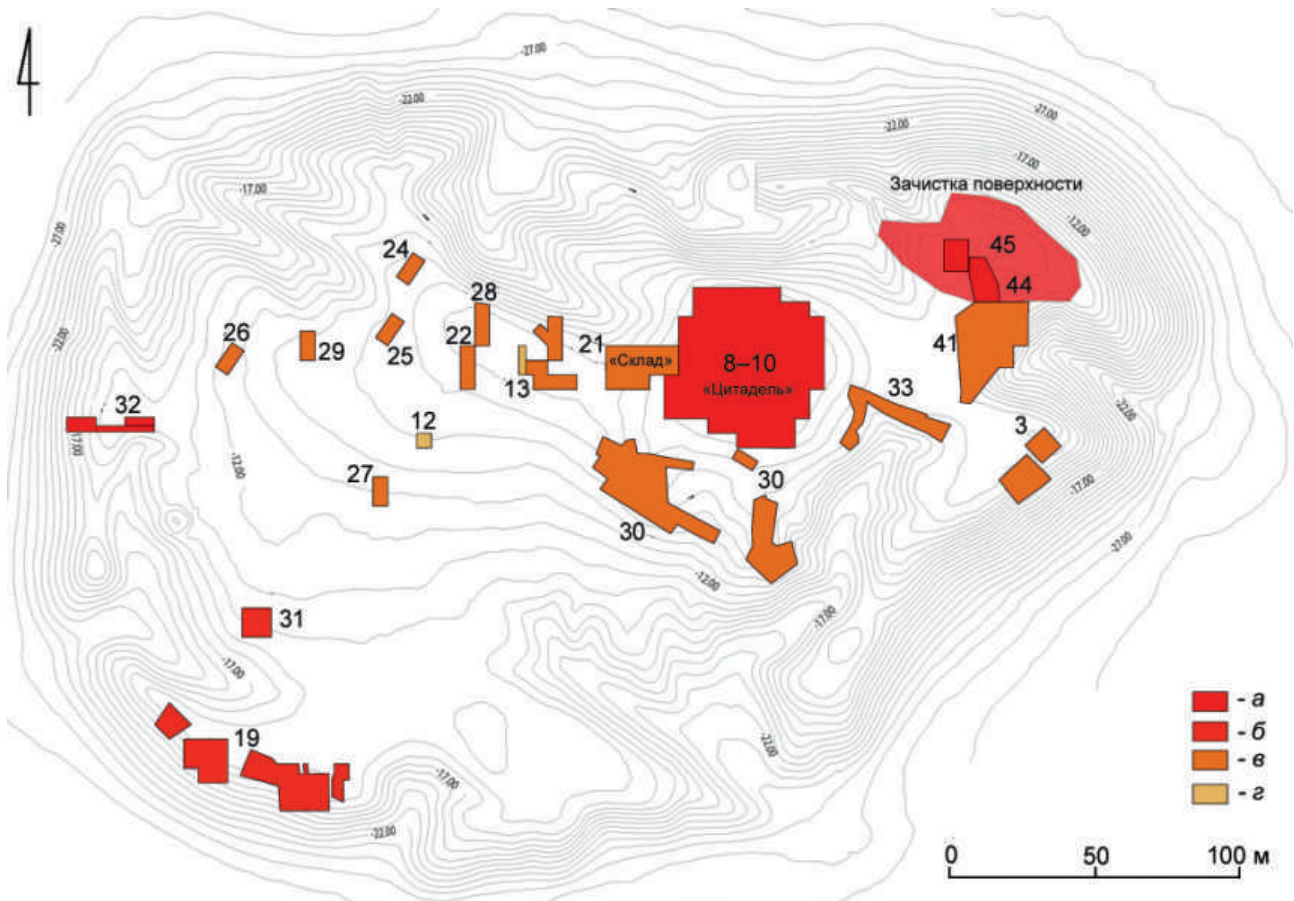

Рис. 1. Топографическая карта памятника с распределением эллинистической / парфянской керамики (МАFTur; Ж.-Б. Каверн, с изменениями Ж. Люилье). Условные обозначения: плотность (черепков на кв. м): а — высокая (> 50), б — средняя (20–50), в — низкая (< 20); з — нет черепков, но есть соответствующие периоду руины построек. 1–45 — номера раскопок

Fig. 1. Topographical map of the site with the distribution of Hellenistic-Parthian pottery (MAFTur; J.-B. Caverne, modified by J. Lhuillier). Keys: density (postherds per square meter): а — high (> 50), б — medium (20–50), в — low (< 20); з — no potsherds, but architectural remains tentatively contemporaneous. 1–45 — nos. excavations

(прямоугольной или квадратной формы) были, по-видимому, повторно использованы для сооружения внутренних конструкций. Внутри (и порой снаружи) полуземляночных построек в некоторых случаях замечены остатки очагов, а по периметру иногда находят углубления от столбов.

В западной и юго-западной частях памятника, а также под *депе* (раскопы 19, 31, 32 — рис. 1), постройки не были расположены согласно ориентации древнейших строений. Здесь найдены небольшие жилые помещения с очагами и ямными хранилищами, стены которых были сложены из прямоугольных сырцовых кирпичей⁸ и камней;

⁸ Эти кирпичи имели стандартный размер: 60 × 30 × 10 см.

сохранились только два или три ряда кладки. В некоторых случаях следы построек вообще не уцелели, и только полы с редкими зернотерками указывают здесь на жизнь в древности.

Дополнительную информацию о размерах эллинистического Улуг-депе может дать анализ распределения керамического комплекса. Примечательно, что керамика встречается на поселении повсюду, за исключением северного склона, обжитого в основном в бронзовом веке. Обилие посуды свидетельствует о довольно интенсивной жизни на поселении. Карта распространения керамики показывает ее особенное изобилие на участке «цитадели» (раскопы 8–10 — рис. 1) с незначительным, но непрерывным залеганием вокруг нее в верхнем городе (раскопы 3, 21–30 — рис. 1), и в северо-восточной части памятника

(раскопы 44–45 — рис. 1). Другое крупное сосредоточение керамики обнаружено на западном склоне *депе* (раскоп 32 — рис. 1) и, в меньшей степени, в его южной части (раскопы 19, 31 — рис. 1). Данное распределение хорошо соответствует расположению остатков строений и дает основания считать, что в центральной, самой высокой части, населенность была выше, равно как и на участках, где ранее располагалась оборонительная стена железного века, сохранившиеся остатки которой пригодились при возведении новых построек. Высокую концентрацию фрагментов поздней посуды на западной окраине *депе* можно объяснить размытием в верхней части памятника в сочетании с топографией: склон *депе* способствовал перемещению черепков на этом участке.

Керамика

Для изучения керамического комплекса конца I тыс. до н. э. было отобрано около 400 характерных черепков. Комплекс из Улуг-депе включает несколько групп, в том числе ахеменидского, эллинистического и парфянского типов, а также типов, которые могли быть связаны с кочевыми племенами.

«Ахеменидские» типы постахеменидского периода

Некоторые формы напоминают типы ахеменидского времени, появившиеся в V–IV вв. до н. э., но могут быть отнесены и к постахеменидскому заселению городища в IV–III вв. до н. э. или позднему периоду.

К наиболее примечательным формам, встреченным на Улуг-депе, принадлежат несколько конических чаш с вогнутым венчиком (рис. 2, 1), в основном с лощеной поверхностью, покрытой красным ангобом⁹. Хотя в предгорьях Копетдага эту форму вряд ли можно считать очень распространенной, аналогии ей есть в Дашлы 3 (Дашлинский оазис на севере Афганистана). Она встречается уже в «ахеменидский» период среди керамики в Яз II–III, в Гарры-Кяризе (Пилипко, 2015. Рис. 148, 1–2; табл. IV, 1) и на Хырлы-депе периодов Хырлы II и III (Пилипко, 2005. Рис. 6, 20; 12, 11, 33; 13, 32, 35; 2015. Рис. 132, 16; 140, 11, 33;

151, 2, 5), где она все еще бытовала в эллинистическое время в слоях Хырлы IV (Пилипко, 2005. Рис. 14, 10–11; Пилипко, 2015. Рис. 151, 2, 5). В. Н. Пилипко предлагает датировать слои, где встречается эта форма, временем между V и первой половиной III в. до н. э. (Пилипко, 2005. С. 78; Пилипко, 2012. Р. 110–111). Сопоставимая форма прослежена в Старой Нисе (сектор М), но изготовлена эта посуда из серо-черной глины (Lippolis et al., 2019. Fig. 7, 1). Похожие чашки с вогнутым венчиком были замечены в долине верхнего Атрека и к югу от Аладагских гор, где они гораздо шире распространены и являются характерным типом (Пилипко, 2005. Рис. 4). Улуг-депе, таким образом, представляет собой самый восточный район бытования этой формы.

Несколько немногочисленных находок остроорберных чаш с расширяющимися книзу стенками и вогнутым S-образным венчиком (рис. 2, 2) можно сопоставить с иранским типом «тюльпановидных чаш», форма которых считается типичной для ахеменидского периода как для керамики, так и для металлической посуды. Однако в Иране и Средней Азии они зафиксированы также в постахеменидских слоях, а некоторые черепки из этой группы можно сопоставить с остроорберными чашами эллинистического периода (например из Ай-Ханум (Lyonnet, 2013. Fig. 110) и других памятников Бактрии и Маргианы). Схожие чаши известны с IV–III вв. до н. э. в окрестностях Каахки (например в Дашлы 45: Пилипко, 2014. Рис. 6, 17–18) и, согласно Дж. Бруно, в парфянное время в долине Атрека (Bruno, 2019a. Р. 426, fig. 2–3).

Миски или блюда с длинным выгнутым наружу горизонтальным венчиком (рис. 2, 3) рассматривались А. Каттена и Ж.-Кл. Гарденом (Cattenat, Gardin, 1977) как распространенная на Иранском нагорье форма, появившаяся в ахеменидские времена и сохранившаяся в период эллинизма. Оба типа, которые они выделили, — с полусферическими и остроорберными стенками — присутствуют на Улуг-депе. Более распространенный, по сравнению с предыдущим, этот тип бытовал на протяжении эллинистического и парфянского периодов в долине верхнего Атрека и в туркменских предгорьях Копетдага (Пилипко, 1980. Рис. 3, 14; Bruno, 2019b. Р. 117, fig. 8), и далее, в Бактрии: в Термезе, на Кампыртепа и Курганзоле (Сверчков, 2006; Сверчков, 2008), а также в Ай-Ханум (Lyonnet, 2012).

Крупные чаши или миски с выпуклыми стенками и скрученным или утолщенным венчиком

⁹ В первом предварительном исследовании этой формы на Улуг-депе мы ошибочно приписали ее к эллинистическим типам керамики (Lhuillier, Bendezu-Sarmiento, 2018. Р. 340).

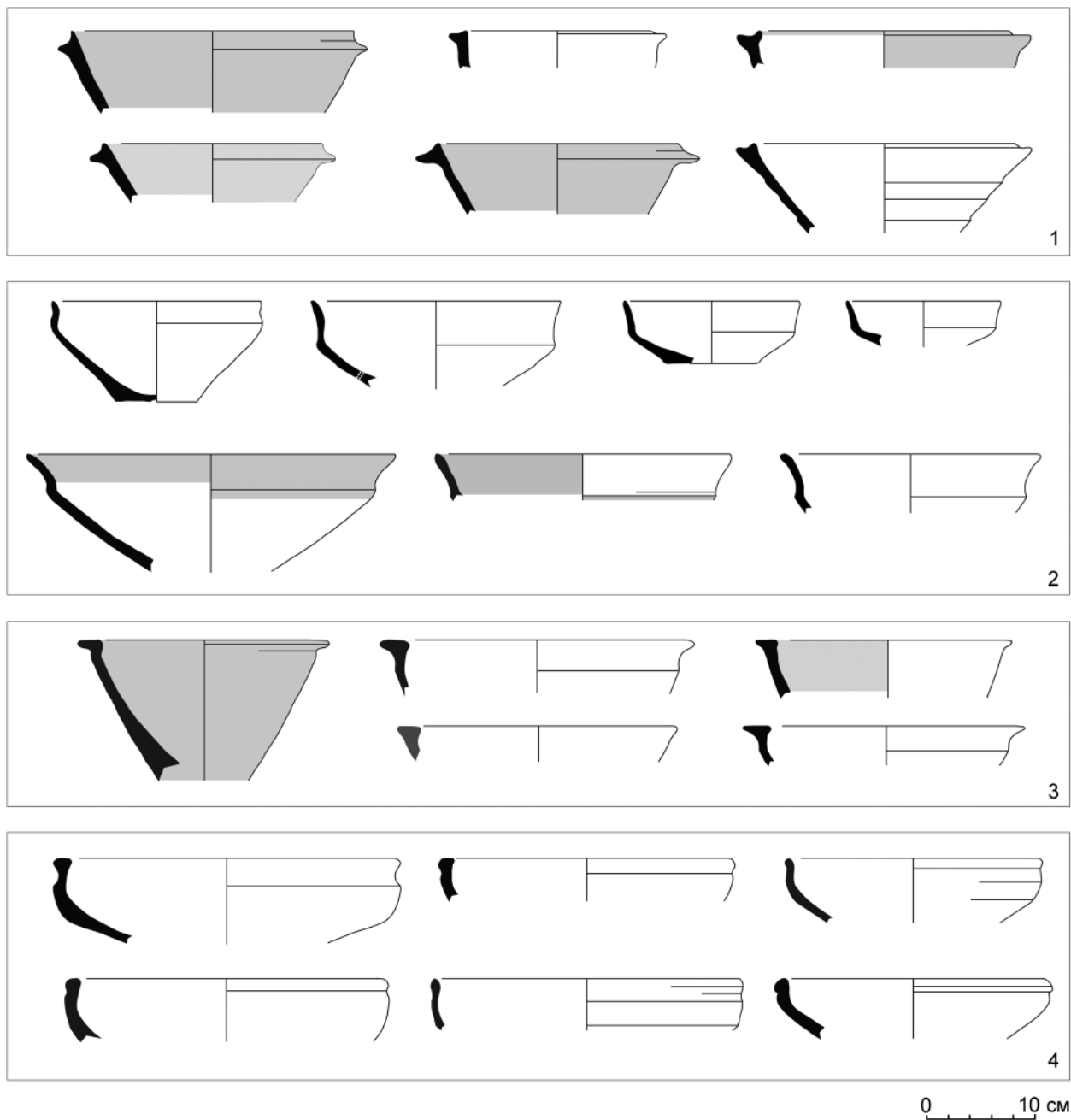

Рис. 2. Керамика «ахеменидских» типов постахеменидского периода: 1 — конические чаши с вогнутым венчиком; 2 — остросереберные «тюльпановидные чаши»; 3 — чаши с горизонтальным венчиком; 4 — чаши со скрученным или утолщенным венчиком (МАFTur; Ж. Люилье, С. Бролья де Моура)

Fig. 2. Achaemenized pottery types from the post-Achaemenid period: 1 — conical bowls with concave rim; 2 — carinated “tulip bowls”; 3 — bowls with a horizontal rim; 4 — bowls with rolled or thickened rim (MAFTur; J. Lhuillier, S. Broglia de Moura)

(рис. 2, 4), от которых на Улуг-депе найдены только немногочисленные черепки, также нужно рассматривать среди форм, на которые оказали влияние типы, изготавливавшиеся на Иранском нагорье в ахеменидский и постахеменидский периоды. А. Каттена и Ж.-Кл. Гарден уже отмечали проникновение этого типа в Среднюю Азию (*Cattenat, Gardin, 1977. P. 236, fig. 6, g, i*), а Дж. Бруно указал на другие аналоги с Иранского нагорья и отметил эту форму в долине верхнего Атрека (*Bruno, 2019b, P. 116–117, fig. 7*). Эта же форма фиксируется вплоть до II–I вв. до н. э. в туркменских предгорьях Копетдага, например на Янык-депе и Коша-депе (*Пилипко, 1980. Рис. 3, 27; 2015. Рис. 153, 25*).

Типы эллинистической керамики

Большая часть этой посуды изготовлена на гончарном круге из тонкой, хорошо отмученной глины. Поверхность керамики может быть равномерно окрашена в коричневато-бежевый цвет или быть зеленовато-бежевой с розовыми пятнышками от обжига — последняя группа очень напоминает керамику Яз II среднего железного века. Керамический комплекс включает в основном столовую и тарную посуду. К этому комплексу, возможно, относились и лепные кухонные горшки, однако устойчивость их форм на протяжении I тыс. до н. э. крайне затрудняет точное датирование собранных нами черепков этой посуды. Не имеет смысла обсуждать, в какой период эллинистические типы керамики, выявленные на Улуг-депе, распространились сюда из Средиземноморья, а в предположениях о хронологии эллинистического / парфянского поселения на Улуг-депе лучше опираться на хорошо датированные соседние памятники Туркменистана и Средней Азии в целом.

Открытые формы. Открытые формы преобладают среди эллинистических / парфянских типов. Ангобированная керамика встречается среди всех открытых форм и реже — среди закрытых: ангоб обычно красного цвета, иногда с вертикальным лощением; красный ангоб может

присутствовать на любых типах посуды, тогда как черный крайне редок.

Наиболее часто встречаются полукруглые чаши, представленные несколькими вариантами: с простым, утонченным, утолщенным или вогнутым внутрь венчиком (рис. 3, 1) и, реже, со скошенным венчиком (рис. 3, 2); эти чаши бывают небольшого или среднего размера. Данная форма распространена также в Нисе, Мерве и на других памятниках Средней Азии как эллинистического, так и парфянского периодов.

Также распространены чаши с выпуклыми стенками и отогнутыми или утолщенными скошенными венчиками (рис. 3, 3). Аналогичные чаши засвидетельствованы в Нисе в III–II вв. до н. э. (*Пилипко, 2001. Рис. 220, 4, 15, 40*) и в Дашлы 45 во II–I вв. до н. э. (*Пилипко, 2014. Рис. 2, 11; 6, 4; 2015. Рис. 69, 14*).

Единственная чаша с ребристой стенкой (рис. 3, 4) аналогична экземпляру из Анау, обнаруженному в слоях, датированных III в. до н. э. (*Там же. Рис. 152, 12*).

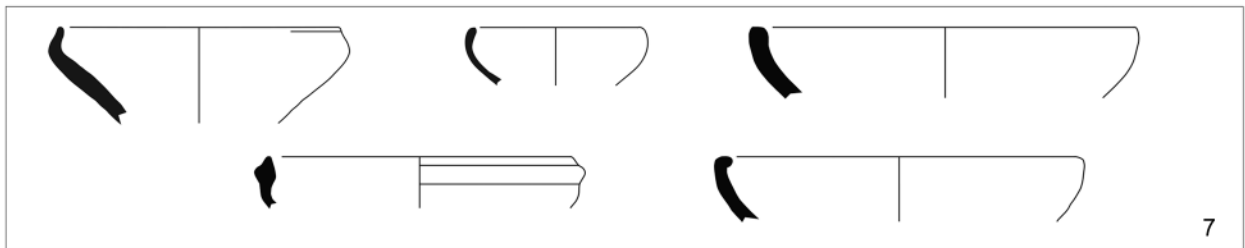
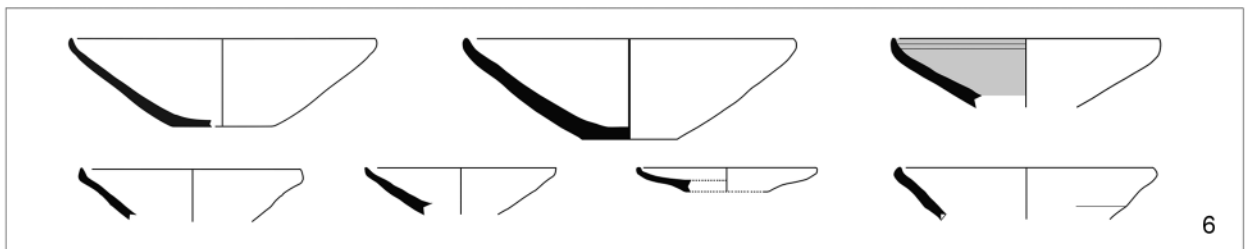
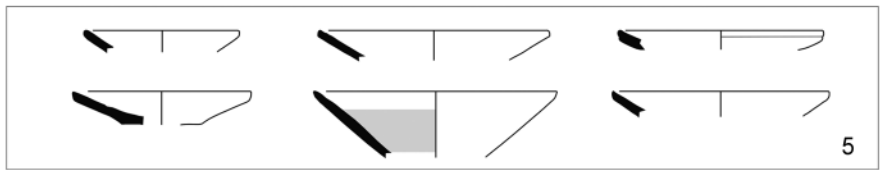
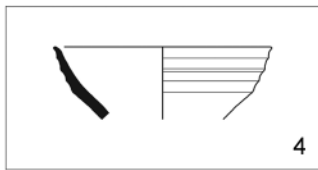
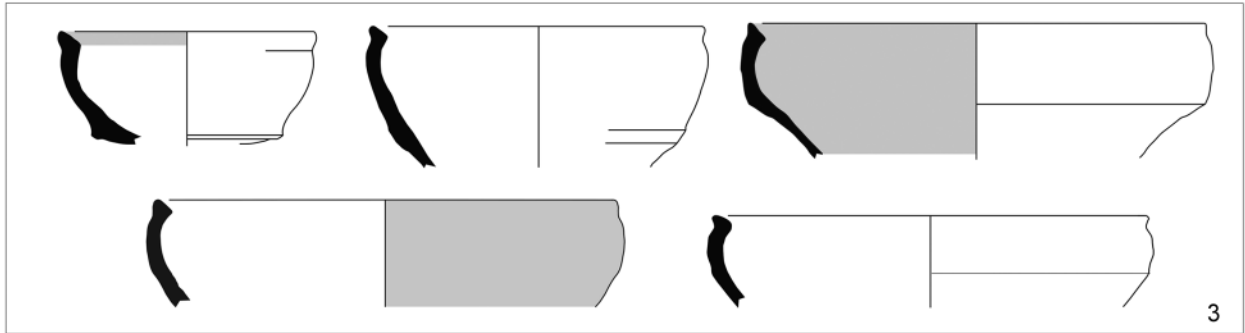
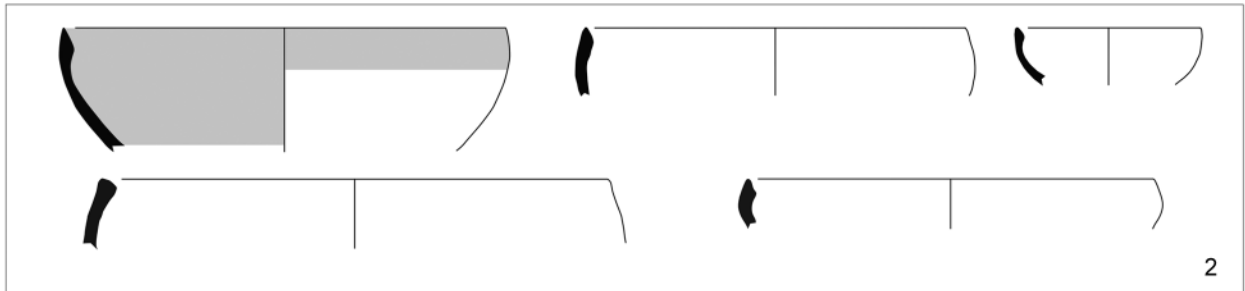
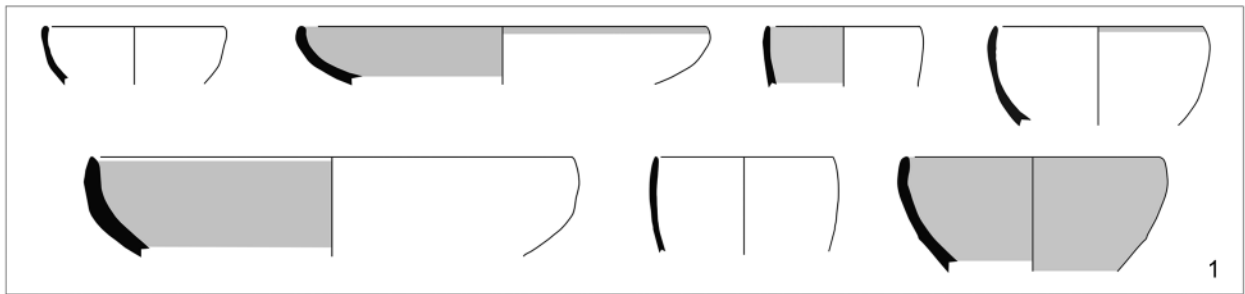
Небольшие тарелки с плоским дном и прямыми стенками (рис. 3, 5), а также с приподнятым (рис. 3, 6) или вогнутым венчиком (рис. 3, 7) известны благодаря находкам нескольких целых сосудов. Аналогичные тарелки найдены на Дашлы 45 (датируются III в. до н. э.: *Пилипко, 2014. Рис. 2, 7*) и на Коша-депе (*Пилипко, 2015. Рис. 85, 9*).

Рыбные блюда на Улуг-депе редки и представлены несколькими экземплярами с треугольными или провислыми венчиками и двумя — с кольцевыми поддонами с центральным углублением, в том числе одним сероглиняным экземпляром (рис. 4, 1). Этот общеэллинистический тип известен в Мерве с конца III до рубежа II–I вв. до н. э. (*Puschnigg, 2008. P. 113*).

Единичны находки кубков с глубокими, слегка выпуклыми стенками и плоским дном (рис. 4, 2; 5, 1), относящихся к общеэллинистическому типу (например, в Ай-Ханум: *Lyonnet, 2012 Fig. 8, 12*), с аналогиями в Коша-депе в слоях II–I вв. до н. э. (*Пилипко, 1980. Рис. 4, 2*), Капыр-

Рис. 3. Типы эллинистической керамики, открытые формы: 1 — полусферические чаши с простым венчиком; 2 — полусферические чаши со скошенным венчиком; 3 — полусферические чаши с выступающими скошенными венчиками; 4 — чаша с ребристой стенкой; 5 — небольшие тарелки с прямой стенкой; 6 — небольшие тарелки с поднятым венчиком; 7 — небольшие тарелки с загнутым вовнутрь венчиком (МАFTur; Ж. Люилье, С. Бралья де Моура)

Fig. 3. Hellenistic pottery types, open forms: 1 — hemispherical bowls with simple rim; 2 — hemispherical bowls with bevelled rim; 3 — hemispherical bowls with outstanding bevelled rims; 4 — bowl with a ribbed wall; 5 — Small plates with straight wall; 6 — small plates with a raised rim; 7 — small plates with in-turned rim (MAFTur; J. Lhuillier, S. Moura de Broglia)

0 10 см

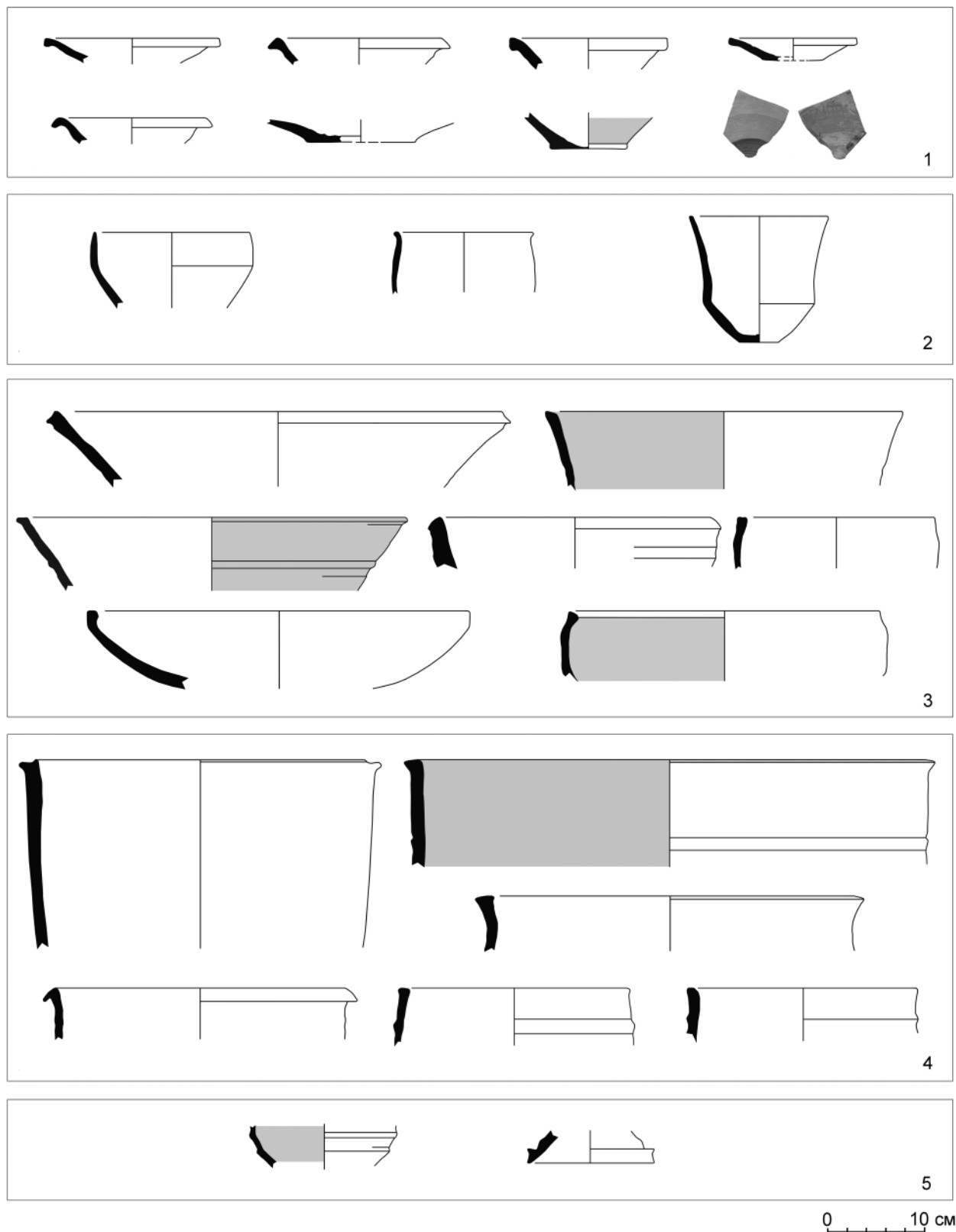

Рис. 4. Типы эллинистической керамики, открытые формы: 1 — «рыбные блюда»; 2 — кубки; 3 — миски; 4 — крупные сосуды типа *кратеров*; 5 — фрагменты предположительно *кратеров* (МАФТур; Ж. Люилье, С. Бролья де Моура)
 Fig. 4. Hellenistic pottery types, open forms: 1 — “fish plates”; 2 — goblets; 3 — basins; 4 — large vessels of the *kraterae* type; 5 — possible fragments of *kraterae* (MAFTur; J. Lhuillier, S. Broglia de Moura)

Рис. 5. Керамика: 1 — глубокая чаша или кубок; 2 — небольшие кувшины с красным ангобом и вертикальным лощением; 3 — «кочевнические» типы керамики, две небольшие банки и небольшая чаша; 4 — целый кувшин с шейкой (МАFTur; 1, 4 — А. Пелль, 2 — П. Амуда, 3 — С. Пьера)

Fig. 5. Pottery: 1 — a deep bowl or goblet; 2 — small jugs with a red slip and vertical burnishing; 3 — “nomadic” pottery types, two small jars and a small bowl; 4 — a complete necked jug (MAFTur; 1, 4 — A. Pelle, 2 — P. Hamouda, 3 — S. Piera)

кала (Там же. Рис. 5, 5; 6, 51) и Дашлы 45 (Пилипко, 2014. Рис. 2, 22). Вариант с остросереберной стенкой, вогнутой в верхней трети тулова, аналогичен вазе из Коша-депе (Пилипко, 1980. Рис. 4, 3). Редкие находки кольцевых поддонов могут относиться к вышеупомянутым типам кубков, блюд или чаш¹⁰.

Крупные, глубокие миски с расширяющимися стенками и уплощенными венчиками (рис. 4, 3) находят аналогии в поселении Капыр-кала IV–III вв. до н. э. (Пилипко, 1990. Рис. 2, 8; Пилипко, Кошеленко, 1985. С. 367, табл. LXXIX) и в слоях Коша-депе II–III вв. до н. э. (Пилипко, 1980. Рис. 3, 17; 4, 1–2, 4–5).

¹⁰ Рисунок см., например, у Boucharlat et al., 2005, внизу fig. 18.

Фрагменты других крупных открытых чаш могли принадлежать кратерам с прямыми вертикальными или слегка выпуклыми стенками и удлиненным горизонтальным венчиком (рис. 4, 4); единственный черепок от волнистого тулова (и, возможно, одна ножка) принадлежит тому же типу, однако отсутствие профильных частей не позволяет сделать более точное заключение (рис. 4, 5). В отличие от Нисы, где эта форма представлена серо-черной посудой, фрагменты из Улуг-депе были изготовлены из обычной бежевой глины.

Закрытые формы. Закрытые формы включают банки среднего и крупного размера с ленточным или утолщенным венчиком, либо со слегка вогнутым внутренним венчиком, либо даже с клювообразным венчиком и толстым, плоским

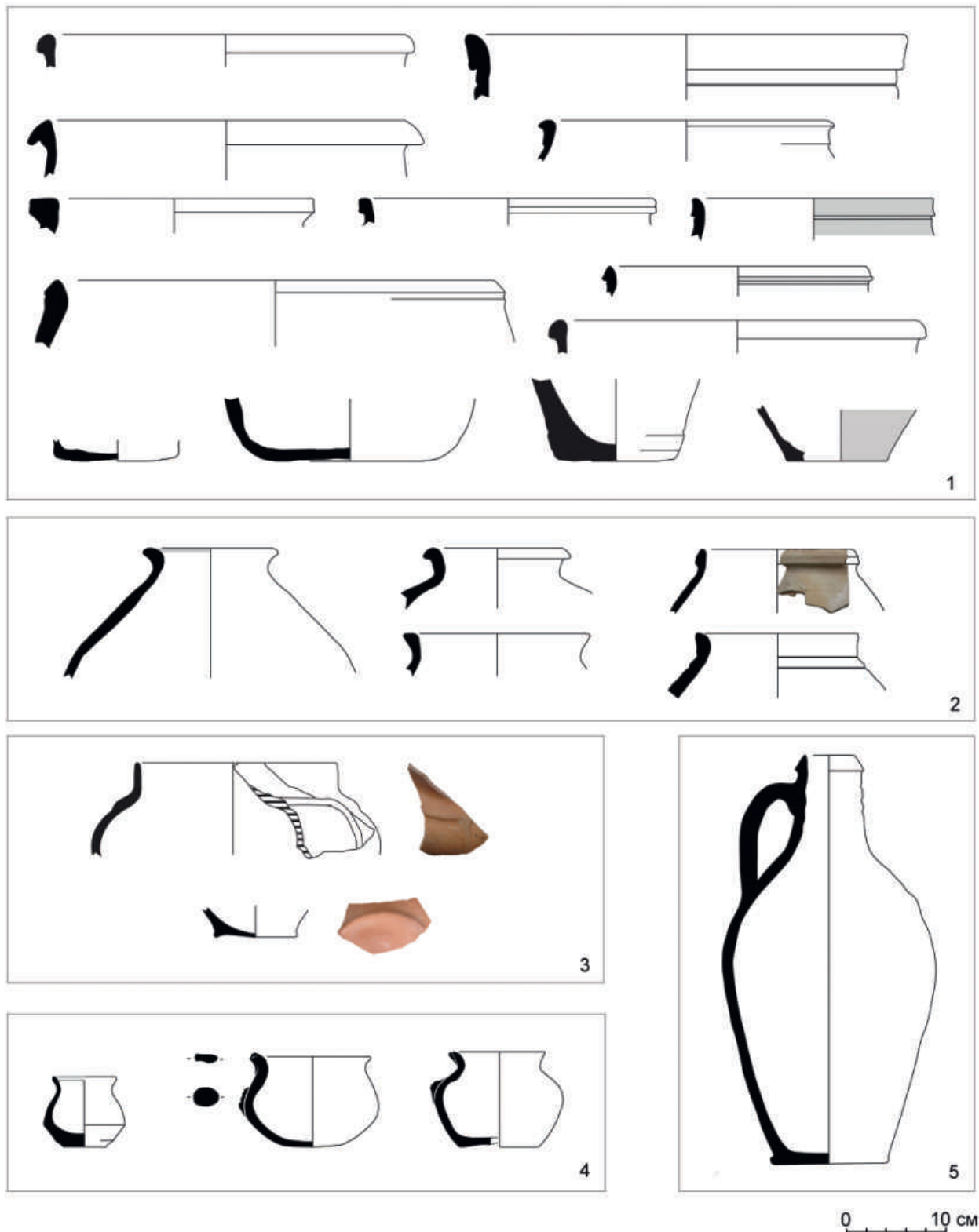

Рис. 6. Типы эллинистической керамики, закрытые формы: 1 — банки большого или среднего размера; 2 — небольшие банки и кувшины с шейкой; 3 — небольшие красноглиняные кувшины; 4 — небольшие горшочки; 5 — кувшин с шейкой (МАFTur; Дж. Люилье, С. Бролья де Моура)

Fig. 6. Hellenistic pottery types, closed forms: 1 — medium or large-sized jars; 2 — small jars and necked jugs; 3 — small jugs with a red ware; 4 — small pots; 5 — necked jug (MAFTur; J. Lhuillier, S. Broglia de Moura)

днищем (рис. 6, 1). Небольшие банки и кувшины с горлышком встречаются гораздо реже; они бывают с ручкой или без нее, а также с утолщенным или клювообразно загнутым венчиком (рис. 6, 2). Небольшие кувшинчики иногда снабжены ручкой; для них характерен ангоб с вертикальным лощением (рис. 5, 2). Единственный целый кувшин имеет яйцевидное тело, вертикальное горлышко с треугольным ленточным венчиком, расширенное плоское основание и круглую в сечении ручку (рис. 6, 3; 5, 4).

Среди банок и кувшинов выделяется с технологической точки зрения одна очень немногочисленная группа красной и тщательно лощеной посуды. Характерные черепки имеют только одно кольцевое основание, а единственный фрагмент тулова кувшина с шейкой (или небольшой банки) снабжен горизонтальным ленточным налепом с вертикально свисающими концами (рис. 6, 4).

Небольшие горшочки представлены единичными целыми сосудами (рис. 6, 5). Горшочек с плоским днищем, острореберной, почти вертикальной, стенкой и вывернутым наружу венчиком близок горшкам из Капыр-кала IV–III вв. до н. э. (Пилипко, 1990. Рис. 2, 36; 6, 22) и из слоев Коша-депе II–I вв. до н. э. (Пилипко, 1980. Рис. 3, 10). Еще один горшок имеет шаровидное тулово с уплощенным днищем, вывернутый венчик и следы от ручки круглого сечения. Его форма сильно напоминает шаровидные горшки периода Яз I раннего железного века, распространенные на Улуг-депе, однако глина и техника изготовления отличаются, сближая этот сосуд с находкой из Ахала, датированной II–I вв. до н. э. (Пилипко, 2015. Рис. 178, 4).

Типы «кочевнической» керамики

Последняя группа данного керамического комплекса включает несколько необычные типы керамики, в том числе многочисленные черепки с пятнами ангоба. Рассмотренные в широком географическом контексте, они обнаруживают аналогии, указывающие на потенциальные связи с северным степным миром (в широком смысле слова), но также, возможно, и с территорией Систана.

К этой группе относится однородный керамический комплекс, обнаруженный в самых верхних, повторно заселенных слоях на участке хранилища с углублениями от столбов (раскоп 21 — рис. 1), перепланированного с помощью крупных валунов. Коллекция включает четыре целых

гончарных сосуда из глины бежевого цвета: три почти идентичные небольшие баночки с плоским дном, яйцевидным ребристым туловом, коротким горлышком и вывернутым утонченным венчиком, а также небольшую чашу с плоским дном и высоким толстым венчиком (рис. 5, 3). В том же слое были найдены два черепка с пятнами ангоба. Форма баночек довольно необычна и прямых аналогий не имеет, но может быть сопоставлена с керамикой из Хорезма или Систана. Сосуды, схожие как по форме, так и по технологическим признакам, встречены в Хорезме (Воробьева, 1973. Рис. 4; Воробьева, Рапопорт, 1967. С. 98, рис. 45а), а также в погребениях кочевых племен Приаралья, датированных последней четвертью I тыс. до н. э. (Ягодин, 1990. Рис. 6; 11). Р. Гиршман и Дж. Дейлз находили подобные небольшие баночки в Над-и Али в Афганистане (Ghirshman, 1939. Pl. IV; Dales, 1977. Pl. 15, 7, 8; 32–37). Дж. Дейлз сравнил эту форму с керамикой из Дахан-и Гуламан в Иране (см. Scerrato, 1966. Fig. 56–57, слева от fig. 59) и обнаружил сходство процарапанного на некоторых сосудах знака с экземплярами из Над-и Али и Дахан-и Гуламана¹¹.

На других участках Улуг-депе гончарные черепки с пятнами ангоба или краски находились в тех же археологических контекстах вместе с вышеупомянутой эллинистической керамикой (рис. 7). Эти черепки являются исключительно фрагментами тулова, и поэтому их культурная и хронологическая атрибуция крайне затруднена. В качестве рабочей гипотезы отнесем их к керамическому производству «кангуйского» культурного круга (подразумевая под ним район дельты Сырдарьи и, прежде всего, джеты-асарскую культуру; Левина, 1996) и к каунчинской культуре в Чаче (Ташкентский оазис); начальная стадия обеих культур датируется концом I тыс. до н. э., когда получают распространение пятна ангоба (Буряков, Кошеленко, 1985).

Однако состав теста и мотив росписи одного из этих черепков обнаруживают определенные аналогии с систанской и ахеменидской керамикой из Над-и Али (Dales, 1977. Pl. 24) и Кал'а-е Сама

¹¹ У. Шеррато (Scerrato, 1966. P. 27, fig. 58) датировал этот памятник ахеменидским периодом и указывал, что этот мотив «довольно редок и состоит из нескольких прямых и волнистых линий; однако повторяющийся мотив является отдельным знаком, образованным из подобия трезубца, обращенного вниз и увенчанного колечком».

(Maresca, 2016). Этот тип керамики, который Дж. Мареска называет “Dipinta Storica Sistana”¹² (Ibid. P. 203–204), сопровождается некоторыми типами, ранее также обнаруженными на Улуг-депе, в том числе унаследованными от ахеменидского периода (тюльпановидные чаши, острореберные чаши с горизонтальным венчиком) и заимствованными в эллинистический период (рыбные блюда, чаши с вогнутыми венчиками, лощеная керамика).

Обсуждение

Точная датировка комплекса из Улуг-Депе пока еще затруднительна, так как мы не можем связать его со стратиграфией предыдущих поселений, а также не располагаем такими хронологическими маркерами, как монеты или надписи. Тем не менее керамические материалы указывают на длительное заселение памятника (либо постоянное, либо с перерывами) на протяжении эллинистического и парфянского периодов.

Присутствие «ахеменидских» форм, на первый взгляд, могло бы указывать на формирование верхних слоев Улуг-депе примерно в период македонского завоевания. Однако большинство этих типов распространилось в Средней Азии в течение IV–III вв. до н. э., и их нужно рассматривать скорее как свидетельство связей с Иранским нагорьем и долиной верхнего Атрека в постахеменидский период. Некоторые формы появляются как культурная особенность, общая с предгорьями Копетдага, в Ахале и районах Этека (наилучшим примером являются конические чаши с вогнутым венчиком, отмеченные в долине верхнего Атрека), но распространены они и на Улуг-депе. Это позволяет развить наблюдение Дж. Бруно (Bruno, 2019b. P. 116–117) относительно «долины

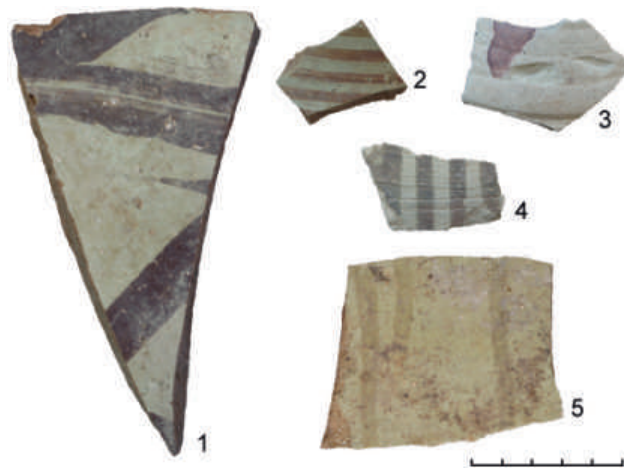

Рис. 7. «Кочевнические» типы керамики, черепки с пятнами ангоба или краски (MAFTur; Ж. Люилье, О. Дидье)

Fig. 7. “Nomadic” pottery types, potsherds with splashes of slip or paint (MAFTur; J. Lhuillier, A. Didier)

верхнего Атрека, равно как и внутренних долин центральной части Копетдага, [которые] находились внутри зоны встречных влияний Ирана и Средней Азии», продолжив эту контактную зону на восток до Улуг-депе.

Большую часть керамики, найденной в верхних слоях Улуг-депе, можно уверенно отнести к эллинистическим типам, распространенным в Средней Азии, хотя некоторые формы, которые обычно фиксируются на большинстве эллинистических памятников региона, здесь не отмечены: например, отсутствуют фляжки, а черепки серо-черной посуды крайне редки. Это, по-видимому, объясняется относительно слабым эллинистическим влиянием по сравнению с тем, что наблюдается в районе Мерва. Здания в эллинистических поселениях Средней Азии обычно строились из квадратных сырцовых кирпичей — в отличие от предыдущих эпох (Мокробродов, 2013) и парфянского периода (Пилипко, 2015). На Улуг-депе в некоторых стенах, действительно, обнаруживаются квадратные кирпичи, однако большинство строений, относящихся к этой последней стадии заселения, сложены из прямоугольного сырцового кирпича (60 × 30 × 10 см): постройки периода Яз II заселялись вторично или, возможно, их кирпич повторно использовался для нового строительства. Присутствие сырцовых кирпичей различной формы, как прямоугольных, так и квадратных, отмечено и на эллинистических

¹² «Этот класс керамики характеризуется своеобразной расписной орнаментацией красного, винно-красного, охряного, коричневого и темно-коричневого цвета, иногда доходящей только до венчика, но чаще покрывающей также плечико и верхнюю часть сосуда. Почти всегда монохроматическая, эта орнаментация состоит по большей части из геометрических узоров (повторяющиеся наложенные перевернутые „V“, прямоугольники, разделенные на четыре части диагональными линиями, крестообразные мотивы, единичные или повторяющиеся ряды черточек и точек, иногда обрамленные метопами), но также, хотя и очень редко, это и стилизованные фитоморфные мотивы (снопы пшеницы или гидрофиты)».

памятниках, например в Капыр-кала (*Там же*. С. 74), и на парфянских, например в Гарры-Кяризе (*Пилипко*, 1975. С. 47–48).

Аналогичные формы и типы керамики из окрестностей Ахала и Этека в Туркменистане, а особенно — из памятников, раскопанных В. Н. Пилипко в Каахкинском районе (Коша-депе, Дашлы 45 и Капыр-кала), свидетельствуют, что жизнь на Улуг-депе продолжалась и в парфянский период. Как и в Старой Нисе, на Улуг-депе эллинистическое влияние, по-видимому, усиливалось на протяжении II–I вв. до н. э., о чем свидетельствует распространение красного лака и лощения, а также открытых форм сосудов малых и средних размеров для индивидуального пользования (*Bruno*, 2021).

Относительно самого конца I тыс. до н. э. можно говорить и о присутствии на Улуг-депе еще одной группы населения, вероятно, кочевого, о чем свидетельствуют находки керамики с пятнами ангоба. Вынужденное заселение Улуг-депе могло быть связано с миграциями кочевников — либо дахов, которые заняли территории в западной части Копетдага, либо других групп, переместившихся в Бактрию и соседние регионы (включая Парфию и Систан) в связи с вторжением юэчжей в конце I тыс. до н. э. (см. например: *Zadneprovskiy*, 1994). Некоторые из этих групп заняли предгорья Копетдага, на что указывают десятки зафиксированных курганов (*Мандельштам*, 1971; *Марущенко*, 1959; *Olbrycht*, 2015) и письменные источники (*Strab.* XI. 8. 2; *Just. Prol.* XLI). В наших поездках к югу от Улуг-депе мы также заметили

в предгорьях Копетдага несколько кочевых некрополей, однако до проведения раскопок их хронология не может быть точно установлена.

Таким образом, можно заключить, что Улуг-депе пережило спорадическое заселение несколькими группами, которые обживали частично сохранившиеся к тому времени постройки покинутого памятника. Разнородность керамического комплекса, описанного в данной статье, может указывать на длительность этого периода, захватывающего эллинистическую и парфянскую эпохи между концом IV в. до н. э. и началом I тыс. н. э., когда в предгорьях Копетдага происходило смешение разных народов.

Благодарности

Пользуясь случаем, мы хотели бы выразить нашу глубокую признательность Мухаммеду Мамедову за долгие годы плодотворного сотрудничества. Возможностью работать на Улуг-депе мы обязаны покойному Оливье Леконту, а также Реми Бушарла и Ахмеду Халмырадову.

Мы благодарны всем, принявшим участие в раскопках эллинистических и парфянских слоев Улуг-депе и выявлении их необычной керамики. Особая благодарность адресована Бертиль Лионне — за ее замечания по нашему первому исследованию этой керамики, а также Джакопо Бруно — за его полезные и важные советы по библиографии. Финансирование раскопок осуществлялось французским Министерством Европы и иностранных дел и компанией *Bouyguies Turkmen*.

Буряков, Кошеленко, 1985 — Буряков Ю. Ф., Кошеленко Г. А. Ташкентский оазис (Чач) // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1985. С. 297–303.

Воробьева, 1973 — Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М.: Наука, 1973 (МХЭ; Вып. 9). 217 с.

Воробьева, Рапопорт, 1967 — Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А. Археологическое описание памятника // Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. – IV в. н. э. / Под ред. С. П. Толстова, Б. И. Вайнберг. М.: Наука, 1967 (Тр. ХАЭЭ; Т. V). С. 21–101.

Левина, 1996 — Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Мандельштам, 1971 — Мандельштам А. М. Мешрептахтинский могильник // КСИА. 1971. Вып. 128: Памятники железного века на территории СССР. С. 66–72.

Марущенко, 1959 — Марущенко А. А. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР. 1959. Т. 5. С. 110–122.

Мокробродов, 2013 — Мокробродов В. В. Формат сырцового кирпича как дополнительный источник по хронологии памятников раннежелезного века // *O'zbekiston Arxeologiyasi*. Археология Узбекистана. 2013. № 1 (6). С. 12–20.

Пилипко, 1975 — Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад: Ылым, 1975. 156 с.

- Пилипко*, 1980 — *Пилипко В. Н.* Парфянские слои поселения Коша-Депе у Бабадурмаза // СА. 1980. № 4. С. 213–231.
- Пилипко*, 1990 — *Пилипко В. Н.* Раннеантичное поселение Капыр-кала у Каушута // Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры). Ташкент: Фан, 1990. С. 60–76.
- Пилипко*, 2001 — *Пилипко В. Н.* Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.: Наука, 2001. 432 с.
- Пилипко*, 2005 — *Пилипко В. Н.* Раскопки Хырлы-депе // ПИФК. 2005. Вып. XV. С. 57–80.
- Пилипко*, 2014 — *Пилипко В. Н.* Материалы из раскопок поселения эллинистического времени Дашлы 45 (Каахкинский район, Туркменистан) // РА. 2014. № 1. С. 113–124.
- Пилипко*, 2015 — *Пилипко В. Н.* Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. СПб.: АИК, 2015 (Archaeologica Varia). 420 с.
- Пилипко*, *Кошеленко*, 1985 — *Пилипко В. Н.*, *Кошеленко Г. А.* Северная Парфия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 209–225.
- Сарианиди*, 1969 — *Сарианиди В. И.* Продолжение работ на Улуг-депе // АО 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 434–435.
- Сарианиди*, 1971 — *Сарианиди В. И.* Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-депе // АО 1970 года. М.: Наука, 1971. С. 433–434.
- Сарианиди*, 1972 — *Сарианиди В. И.* Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // УСА. Л.: Наука, 1972. Вып. 1. С. 53–55.
- Сверчков*, 2006 — *Сверчков Л. М.* Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джигатепе, Курганзол) // МТЭ. 2006. Вып. 5. С. 105–124.
- Ягодин*, 1990 — *Ягодин В. Н.* Курганный могильник Дэвкескен-4 // Археология Приаралья. Ташкент: Фан, 1990. Вып. IV. С. 28–81.
- Boucharlat et al.*, 2005 — *Boucharlat R.*, *Francfort H.-P.*, *Lecomte O.* The Citadel of Ulug-Depe and the Iron Age Archaeological Sequence in Southern Central Asia // IA. 2005. Vol. 40. P. 479–514.
- Bruno*, 2019a — *Bruno J.* Ceramics of the Parthian Homeland: new and old data on the ceramic production of the early Arsacid period in Turkmenistan and north-eastern Iran // Daily Life in a Cosmopolitan World: Pottery and Culture during the Hellenistic Period, Proceedings of the 2nd Conference of IARPotHP (Lyon, November 2015, 5th–8th) / Ed. A. Peignard-Giros. Wien: Phoibos Verlag, 2019. P. 419–430.
- Bruno*, 2019b — *Bruno J.* Between the Iranian Plateau and Central Asia: The Ceramic Complex of the Upper Atrek Valley during the Achaemenid Period // Ceramics and the Archaeological Achaemenid Horizon: Near East, Iran and Central Asia / Ed. B. Genito, G. Maresca. Napoli: Unior Press, 2019 (Università degli studi di Napoli “L’Orientale”. Dipartimento Asia, Africa e Mediterraneo. Series minor; LXXXVI). P. 109–122.
- Bruno*, 2021 — *Bruno J.* Parthia // The Graeco-Bactrian and Indo-Greek Worlds / Ed. R. Mairs. London; New York: Routledge, 2021 (Routledge Worlds). P. 56–77.
- Callieri*, 2014 — *Callieri P.* Margiana in the Hellenistic Period: Again on Problems of Archaeological Interpretation // “My Life is like the Summer Rose”. Maurizio Tosi e l’Archeologia come modo di vivere. Papers in Honour of Maurizio Tosi for his 70th Birthday / Ed. by C. C. Lamberg-Karlovsky, B. Genito, B. Cerasetti. Oxford: Archaeopress, 2014 (BAR. IS; 2690). P. 59–62.
- Cattenat*, *Gardin*, 1977 — *Cattenat A.*, *Gardin J.-Cl.* Diffusion comparée de quelques genres de poterie caractéristiques de l’époque achéménide sur le plateau iranien et en Asie centrale // Le plateau iranien et l’Asie centrale des origines à la conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques: [actes du colloque], Paris, 22–24 mars 1976 / Ed. J. Deshayes. Paris: Editions du CNRS, 1977 (Colloques Internationaux du CNRS; n.°567). P. 225–248.
- Dales*, 1977 — *Dales G. F.* New Excavations at Nad-I Ali (Sorkh Dagh), Afghanistan. Berkeley, California: Center for South and Southeast Asia Studies, University of California, 1977 (Research Monograph. University of California, Berkeley. Center for South and Southeast Asia Studies; no. 16). ii+121 p.
- Ghirshman*, 1939 — *Ghirshman R.* Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan (rapport préliminaire) // Revue des arts asiatiques. 1939. Vol. 13 (1). P. 10–22.
- Lecomte et al.*, 2002 — *Lecomte O.*, *Francfort H.-P.*, *Boucharlat R.*, *Mamedov M.* Recherches archéologiques récentes à Ulug Dépe (Turkménistan) // Paléorient. 2002. Vol. 28 (2). P. 123–132.
- Lecomte*, 2007 — *Lecomte O.* Entre Iran et Touran, recherches archéologiques au Turkménistan méridional (2001–2006) // CRAI. 2007. Vol. 151 (1). P. 195–226.
- Lecomte*, 2011 — *Lecomte O.* Ulug depe, 4000 years of evolution between plain and desert // Historical and Cultural sites of Turkmenistan. Discoveries, Researches and restoration for 20 years of-Independence / Ed. M. A. Mamedov. Ashgabat: Turkmen state publishing service, 2011. P. 221–237.

- Lecomte*, 2013 — *Lecomte O.* Activités archéologiques françaises au Turkménistan // L'archéologie Française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels / Ed. par J. Bendezu-Sarmiento. Paris : De Boccard, 2013 (Cahiers d'Asie centrale; No. 21/22). P. 165–190.
- Lecomte, Mashkour*, 2013 — *Lecomte O., Mashkour M.* La cigogne, la chèvre et les renards // Animals, Gods and Men from East to West. Papers in Honour of Roberta Venco Ricciardi / Ed. A. Peruzzetto, F. D. Metzger, L. Driven. Oxford: Archaeopress, 2013 (BAR. IS; 2516). P. 27–32.
- Lhuillier et al.*, 2015 — *Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Lecomte O.* Ulug-Depe in the frame of Turkmenistan Iron Age: an overview // JIA. 2015. Vol. 4. P. 78–89.
- Lhuillier, Bendezu-Sarmiento*, 2018 — *Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J.* Central Asia and the interaction between the Iranian Plateau and the Steppes in Late First Millennium BC: case study from Ulug-depe in Turkmenistan // ACSS. 2018. Vol. 24 (1–2). Ancient Chorasmia, Central Asia and the Steppes. Cultural relations and exchanges from the Achaemenids to the Arabs. Proceedings of the International Conference held in Bordeaux, France, 17–18 October 2016 / Ed. M. Minardi and A. Ivanchik. P. 331–353.
- Lippolis et al.*, 2019 — *Lippolis C., Mamedov M., Bruno J., Patrucco G.* Preliminary note on the 2019 archaeological campaign of the Italian-Turkmen archaeological expedition to Old Nisa (Turkmenistan) // Parthica. 2019. Vol. 21. P. 115–126, 192.
- Lyonnet*, 2012 — *Lyonnet B.* Questions on the Date of the Hellenistic Pottery from Central Asia (Ai Khanoum, Marakanda and Koktepe) // ACSS. 2012. Vol. 18. P. 143–173.
- Lyonnet*, 2013 — *Lyonnet B.* La céramique de la maison du quartier sud-ouest d'Ai Khanoum // Fouilles d'Ai Khanoum. IX. L'habitat / Ed. G. Lecuyot. Paris: De Boccard, 2013 (MDAFA; T. XXXIV). P. 179–234.
- Maresca*, 2016 — *Maresca G.* Echoes of Regional Traditions plus Western Typological Influences: Some Notes about the Post-Achaemenid Pottery Assemblage from the Italian Excavations at Qal'a-ye Sam (Iran, Sistan) // Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (9–13 June 2014, Basel) / Ed. R. A. Stucky, O. Kaelin, H.-P. Mathys. Wiesbaden: Harrassowitz, 2016. Vol. 2: Egypt and Ancient Near East — Perceptions of Alterity. P. 195–207.
- Olbrycht*, 2015 — *Olbrycht M. J.* Arsiacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE / Ed. J. Bemman, M. Schmauder. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2015 (Bonn Contributions to Asian Archaeology; Vol. 7). P. 333–390.
- Pilipko*, 2012 — *Pilipko V. N.* Remarks on the material culture of the Akhal area in the Hellenistic period // Anabasis. 2012. Vol. 3. P. 109–125.
- Puschnigg*, 2008 — *Puschnigg G.* Hellenistic Echoes in Parthian Merv: Transformation and Adaptation in the Ceramic Repertoire // Parthica. 2008. Vol. 10. P. 109–127.
- Scerrato*, 1966 — *Scerrato U.* Excavations at Dahan-i Ghulaman (Seistan-Iran). First Preliminary Report (1962–1963) // EW. Vol. 16 (1–2). P. 9–30.
- Sverchkov*, 2008 — *Sverchkov L. M.* The Kurganzol Fortress (on the History of Central Asia in the Hellenistic Era) // ACSS. 2008. Vol. 14. P. 123–191.
- Zadneprovskiy*, 1994 — *Zadneprovskiy Y. A.* The Nomads of Northern Central Asia after the Invasion of Alexander // History of Civilisations of Central Asia. Paris: UNESCO Publishing, 1994. Vol. II: The Development of Sedentary and Nomadic Civilisation: 700 B. C. to A. D. 250 / Ed. J. Harmatta. P. 457–472.

Recent discoveries on the Hellenistic and Parthian Occupation of Ulug-depe

J. Lhuillier, J. Bendezu-Sarmiento¹³

This paper informs about the results of the last investigations of the Joint French-Turkmen archaeological mission (MAFTur) at the site of Ulug-Depe (Kaakhka etrap of Akhal velayat, near the village of Dushak) where there was revealed the longest continuous stratigraphic sequence in the region: about 5000–600 BC. Excavations of the last years have established that in the end of the 1st millennium BC, a secondary settling at the abandoned fortified site

¹³ Johanna Lhuillier — Laboratoire Archéorient, Maison de l'Orient et de la Méditerranée (CNRS UMR 5133); 7, rue Raulin, 69365 Lyon cedex 07; e-mail: johanna.lhuillier@mom.fr. Julio Bendezu Sarmiento — Éco-anthropologie du Musée de l'Homme (CNRS UMR 7206); 17, Place du Trocadero, 75016, Paris; e-mail: sarmientojulio@hotmail.com.

took place. An exact dating of the new settlement so far is difficult but it is already clear, however, that this occupation was fairly long (either continuous or with certain interruptions) covering the Hellenistic and Parthian periods.

The abandoned rooms of the Middle Iron Age later were partly occupied anew or partly used as a source of building materials for new buildings. Analysis of the ceramic complex (about 400 vessels and fragments) has allowed to distinguish several characteristic types and forms of the pottery, including the "Achaemenid", Hellenistic, Parthian and "nomadic" types.

The majority of the 'Achaemenid' forms spread in Central Asia during the 4th-3rd century BC and they should be considered rather as an evidence of the ties with the Iranian Plateau and the valley of the upper Atrek River in the post-Achaemenid period. The main mass of the pottery retrieved from the upper layers of Ulug-Depe can be reliably attributed as Hellenistic types distributed in Central Asia, although some forms, which are usually found at the majority of Hellenistic sites in the region, here were not recorded: e.g., flasks are absent while fragments of grey-black ware are very rare. The Hellenistic influence at Ulug-Depe seems to have been strengthening in the course of the 2nd-1st centuries BC as suggested by the distribution of the red gloss and burnishing, as well as of the open forms of small and medium size intended for personal use.

Finally, findings of pottery with spots of slip possibly indicate the presence of still another group of population here in the late 1st millennium BC, the appearance of which is related with migrations of either Dahae or nomads of the Yuezhi circle.

История древнейших седел жесткой конструкции в свете археологических данных из Южного Приаралья¹

В. П. Никоноров, И. А. Аржанцева²

Аннотация. В статье рассматриваются терракотовые статуэтки оседланных коней и фантастических животных, происходящие с археологических памятников Хорезма и его скотоводческой периферии. Среди них выделяется группа фигурок с седлами так называемого рогатого типа, которые хорошо известны по иконографическим источникам и вещественным свидетельствам эпохи Римской империи из Западной Европы. Подчеркивается большая важность изобретения «рогатых» седел для развития военного искусства Древнего мира в эллинистическое и последующее время, а также ставится вопрос об их изобретении в Южном Приаралье.

Annotation. The article deals with terracotta statuettes of saddled horses and fantastic beasts coming from archaeological sites of Chorasmia and its cattle-breeding periphery. Among them, a group of figurines with saddles of the so-called horned type stands out, which are well attested in iconographic and material pieces of evidence of the Roman Imperial era from Western Europe. A great importance of the invention of the “horned” saddles for the development of the art of warfare in the Ancient world during Hellenistic and subsequent times is emphasized, and a question of their invention in the Southern Aral Sea area is raised as well.

Ключевые слова: Южное Приаралье, Кой-Крылган-кала, Сакар-чага 3, ранний эллинизм, катафракты, «рогатые» седла, терракоты.

Keywords: Southern Aral Sea area, Koi-Krylgan-kala, Sakar-chaga 3, early Hellenism, cataphracts, “horned” saddles, terracottas.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-228-254

В 1948 г. вышла в свет монументальная монография «Древний Хорезм», написанная С. П. Толстовым — выдающимся отечественным этнографом

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН: Никоноровым В. П. — по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии»; Аржанцевой И. А. — в рамках плана исследовательских проектов (НИР) Института этнологии и антропологии РАН.

² Никоноров В. П. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vrnikonorov@mail.ru. Аржанцева И. А. — Центр восточной и классической археологии ИКВИА ВШЭ, Центр кросс-культурных исследований ИЭА РАН; Ленинский пр., д. 32а, Москва, 119017, Россия; e-mail: arzhanseva@rambler.ru.

и археологом, создателем и многолетним руководителем Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее — ХАЭЭ), одной из крупнейших советских экспедиций, внесшей огромный вклад в изучение далекого прошлого Средней Азии (западной части Центральной Азии). Эта книга на долгие годы не только стала настольной для нескольких поколений советских археологов, но и в наше время остается классикой археологической науки, поскольку в ней опубликованы многочисленные материалы по древней истории Хорезма (области в низовьях Амударьи) и соседних с ним районов Приаралья, добытые ХАЭЭ на раннем этапе ее существования, а также высказаны интересные идеи и сделаны важные наблюдения и выводы. Конечно же, далеко не все из них сохраняют свое значение до сих пор, что, впрочем, абсолютно закономерно ввиду значительного накопления археологических данных

и выработки новых подходов к их анализу за последние 70 с лишним лет. В этой связи уместно процитировать другого выдающегося отечественного исследователя среднеазиатских древностей, Б. А. Литвинского, который в небольшой заметке, опубликованной в 1998 г., рассказал о своем первоначальном, сугубо восторженном, ознакомлении в 1948 г., когда он был еще совсем молодым человеком, с трудом С. П. Толстова «Древний Хорезм» и дал ему такую общую (и, на наш взгляд, совершенно объективную) оценку: «Прошла половина столетия. Интуитивные восторги юности вместе с нею, увы, канули в Лету. Далеко шагнули вперед археологические исследования в Хорезме, Приаралье в целом и во всех регионах Средней Азии, в Индии, Иране, Афганистане, Передней Азии. на иной уровень поднялось изучение письменных источников (в том числе связанных с зороастризмом), нумизматики, мифологии, этнографии. Появились новые подходы в интерпретации явлений культуры. Несравненно более строгой стала процедура исторического исследования, обоснования выводов и заключений, формулирования гипотез, теорий и даже предположений. Мы не связаны теперь марксистскими идеями об общественных формациях и их смене, иначе понимаем отражение социальных структур в материальной культуре и типе поселений. Поэтому было бы некорректным оценивать „Древний Хорезм“ с позиций сегодняшнего дня... И вместе с тем труд С. П. Толстова сыграл исключительно важную роль в истории среднеазиатской археологии. „Древний Хорезм“ был важнейшей вехой: с его появлением среднеазиатская археология окончательно выбирается из заводи краеведения на стремнину главного течения археологии и истории культуры Евразии. „Древний Хорезм“ — памятник и знамение своей эпохи, он вместе с тем ярко запечатлел неумную энергию, огромную эрудицию, прозорливость и замечательный талант выдающегося ученого Сергея Павловича Толстова» (Литвинский, 1998. С. 26–27).

Для темы данной статьи наибольший интерес представляет третий раздел главы IV «Древнего Хорезма» под названием «Конница Кангюя» (Толстов, 1948. С. 211–227), в котором автор рассмотрел раннюю историю катафрактов³ — специфического

вида античной тяжеловооруженной кавалерии, бойцы которой были облачены в доспехи (зачастую вместе со своими конями). Согласно интерпретации С. П. Толстова, катафрактная конница появилась в Хорезме и прилегающих к нему степях, населенных кочевым народом массагетов, вероятно, под ассирийским влиянием уже к VI–V вв. до н. э., причем она делилась на катафрактов-копейщиков и катафрактов-лучников (как и в Ассирии). Позднее, после серьезных поражений, которые понесли массагето-хорезмийские катафракты от первоклассной конницы и пехоты Александра Македонского во время его среднеазиатского похода (329–327 гг.), на передний план в среде массагето-хорезмийского воинства вышли катафракты-лучники, одинаково хорошо вооруженные как для ближнего, так и дальнего боя (Там же. С. 225–227). Результат этой реформы, по словам С. П. Толстова, был следующим: «Сомкнутый строй одетых в тяжелые панцири лучников на бронированных конях оказывается способным противостоять не только иррегулярной коннице, но и македонским копейщикам-катафрактариям, и фаланге, и, как показала дальнейшая история, даже римскому манипулярному легиону. Наступательный порыв тяжелой пехоты парализуется, и боевой порядок ее расстраивается градом стрел еще прежде, чем она достигнет железного строя всадников, но и достигнув его, она оказывается в невыгодном положении, наткнувшись на острия длинных пик и на бронированные груди коней. Так родился тот тип лучника-катафрактария, который сыграл свою роль в битве при Каррах и многократно впоследствии проникал на Запад и Восток, накладывая свой отпечаток на историю позднеантичной и раннесредневековой конницы сасанидского Ирана, Византии, Арабского халифата, Китая» (Там же. С. 227).

научной литературе вместо оригинального греческого слова «катафракты» (κατάφρακτοι). В настоящей статье предпочтение отдано термину «катафракты» (за исключением дословных цитат из работ С. П. Толстова и других исследователей), поскольку оно не только напрямую восходит к оригиналу, но и намного старше и шире понятия «катафрактарии» — под последним в письменных источниках почти исключительно фигурируют подразделения римской тяжеловооруженной конницы III–V вв. н. э., тогда как термин «катафракты» применялся по отношению к панцирной кавалерии разных народов и государств от эллинистического до византийского времени (подробно см.: *Nikonov*, 1998; *Никоноров*, 2007; 2008. С. 7–12).

³ С. П. Толстов использовал латинизированный термин «катафрактарии» (cataphractarii/catafractarii), который уже давно утвердился в русскоязычной

Интересно и живо написанный раздел «Конница Кангюя», конечно же, сыграл заметную роль в исследованиях, в том числе и зарубежных (см.: *Rubin*, 1955; *Ghirshman*, 1973. Р. 103, 105), по истории катафрактов. Тем не менее далеко не со всеми доводами и аргументами С. П. Толстова можно согласиться. В первую очередь, следует отметить, что он построил свою гипотезу о вооружении и тактике массагето-хорезмийских катафрактов, главным образом, на анализе реалий, представленных в сцене осады среднеазиатского замка (*кёшка*), которая изображена на знаменитом Аниковском серебряном блюде из собрания Государственного Эрмитажа, посчитав его произведением хорезмийской торевтики VI–VIII вв. (*Толстов*, 1948. С. 215–218, табл. 86; *Орбели, Тревер*, 1935. Табл. 20; *Даркевич*, 1976. Табл. 24; *Маршак*, 2017. Рис. 209–211, а). На самом же деле оно было изготовлено, скорее всего, в Семиречье в IX–X вв. по оригиналу VIII в. (*Даркевич*, 1976. С. 28–29, 103; *Маршак*, 2017. С. 333–335; см. также: *Пугаченкова*, 1966. С. 31) и, следовательно, не имеет к Хорезму никакого отношения. С. П. Толстов явно преувеличил роль стрельбы из лука в исполнении парфянских катафрактов в битве при Каррах в 53 г. до н. э., поскольку там чрезвычайно губительный для римлян обстрел вели в основном легковооруженные конные лучники, которые имели практически неограниченные запасы стрел, хранившиеся на верблюдах в тылу парфянских войск. Нет и достаточных оснований предполагать какое-либо влияние Ассирии на процесс формирования тяжеловооруженной конницы у хорезмийцев и массагетов, не говоря уже о том, что некорректно называть всадников-копейщиков в армии Александра Македонского катафрактариями.

Впрочем, перечень разного рода претензий к отдельным положениям рассматриваемой гипотезы можно было бы продолжить⁴, однако нельзя

⁴ В свое время серьезной критике гипотезу С. П. Толстова о хорезмийском происхождении катафрактов подвергла Г. А. Пугаченкова (*Пугаченкова*, 1966). Правда, ее собственная концепция, согласно которой формирование конницы катафрактного типа «могло начаться не в степной среде, а в системе организованных армий тех крупных государств, которые сложились на территории старых оседло-земледельческих культур Бактрии и Парфии» (*Там же*. С. 43), не учитывает то важное обстоятельство, что и Парфянская, и Кушанская империи (а именно их имела в виду Г. А. Пугаченкова) были

не признать, что главная идея С. П. Толстова, а именно важная роль Хорезма и его степных соседей в процессе возникновения конницы катафрактов, продолжает сохранять свое значение и в наши дни, тем более что она нашла блестящее подтверждение в археологических открытиях, сделанных в Приаралье уже после 1948 г., — мы имеем в виду находки на городищах Чирик-рабат в низовьях Сырдарьи, Хумбузтепа и Кой-Крылган-кала в Хорезме, а также в могильнике Сакар-чага 3 в Присарыкамышье, речь о которых пойдет далее.

В свете имеющихся на сегодня письменных, вещественных и изобразительных данных можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что не позднее конца IV — начала III в. до н. э. в составе вооруженных сил среднеазиатских кочевых племен Восточного Закаспия и Приаралья, выступающих в античной письменной традиции под наименованиями массагетов, дахов (даев) и саков, а также тесно связанного с ними в культурном и экономическом отношении оседло-земледельческого населения Хорезма появился качественно новый вид тяжеловооруженной кавалерии — катафракты. Надежно защищенные вместе со своими конями доспехами, они в качестве главного наступательного оружия использовали длинную и тяжелую пику, называемую в греческих источниках *ковтос*, в латинских — *contus*. Кроме того, каждый катафронт имел также меч и лук, но эти предметы вооружения, особенно последний, играли вспомогательную роль. Отряды катафрактов формировались исключительно из представителей племенной знати, тогда как гораздо более многочисленная легковооруженная конница лучников (греч. *ιπποτοξοται*, лат. *equites sagittarii*) набиралась из членов незнатных родов. На полях сражений оба этих рода кавалерии сражались не иначе, как в строгом тактическом взаимодействии друг с другом (*Пазин*, 1955. С. 396–397; *Пугаченкова*, 1966. С. 43; *Rosenfield*, 1967. Р. 124–125; *Хазанов*, 1968. С. 184–185; 2008. С. 162; *Никонов*, 1994. С. 49, 50; 1995; 2010. С. 47; *Nikonov*, 1997. Vol. 1, р. 22, 50–51; ср.: *Tarn*, 1930.

созданы в результате покорения Парфии и Бактрии кочевниками — соответственно апарнами-дахами и юэчжами, чьи вооружение и военная организация оказались на момент завоевания на более высоком уровне, чем у местного оседлого населения, ибо в противном случае они потерпели бы неизбежное фиаско.

Р. 72–76, 83–92). Целью этих нововведений было, прежде всего, эффективное противостояние хорошо организованным и обученным пехотным формированиям, с которыми — в лице знаменитой фаланги Александра Македонского — пришлось столкнуться упомянутым выше среднеазиатским народам в 329–327 гг. до н. э. (Пугаченкова, 1966. С. 42–43). Македоняне неоднократно брали над ними верх, что и послужило импульсом для проведения в приаральских землях серьезной военной реформы, как это справедливо отметил С. П. Толстов (см. также: Пугаченкова, 1966. С. 42–43; Вайнберг, 1991. С. 58; 1999. С. 128), хотя его понимание тактического смысла этой реформы отличается от изложенного чуть ранее. Когда в начале второй половины III в. до н. э. входившие в число степных реформаторов апарты из племенной конфедерации дахов двинулись в южном направлении и завоевали Парфию и Гирканию — области на северо-востоке Ирана, ставшие ядром будущей Парфянской империи Аршакидов, — в апартском войске уже наверняка были катафракты-пикейщики, действовавшие в боевой обстановке в тактическом взаимодействии с легкой конницей лучников (Никоноров, 1994. С. 50; 1995. С. 58–59; 2010. С. 47; Nikonorov, 1997. Vol. 1, p. 22–23, 51). В дальнейшем от парфян этот новый вид броненосной кавалерии распространился по всему античному миру⁵.

⁵ О катафрактах как особом роде конных войск античной эпохи см.: Хазанов, 1968; 2008. С. 156–170; Mielczarek, 1993; Nikonorov, 1998. В связи с проблемой происхождения катафрактной кавалерии следует отметить, что определенную тенденцию развития тяжеловооруженной конницы по образцу катафрактов можно видеть и у скифов Северного Причерноморья и Северного Кавказа в VI–IV вв. до н. э., которая наблюдается как по находкам предметов боевого снаряжения в погребениях (Черненко, 1971; 1984а; 1984б), так и по изображениям на памятниках так называемого греко-скифского изобразительного искусства — на знаменитом гребне из кургана Солоха (Алексеев, 2012. С. 130–133, 137) и особенно на пластине из Геремесова кургана (Горелик, 1971; Алексеев, 2012. С. 170–171). Также известны находки защитного и наступательного вооружения катафрактного типа в раннесарматских воинских захоронениях конца V — третьей четверти IV в. до н. э. В могильнике Филипповка 1 в Южном Приуралье (Яблонский, 2013. С. 30–33 *et passim*; 2015), однако, по признанию исследователя этого некрополя Л. Т. Яблонского, реконструируемый на основе добытых там материалов «образ сарматского воина,

Успешному проведению катафрактной реформы в степных районах Средней Азии на рубеже IV и III вв. до н. э. в значительной степени способствовало то обстоятельство, что жившие там номады издревле практиковали бой верхом на коне в защитном снаряжении. Так, Геродот указывает, что массагеты «надевают на грудь коней бронзовые панцири» (τῶν ἵππων τὰ μὲν περὶ τὰ στέρνα χαλκίους θώρακας περιβάλλουσι) (Hdt. I, 215, 2 (ed. H. B. Rosén)). Согласно же Страбону, массагеты и сами пользуются бронзовыми панцирями (χρῶνται... θώραξι... χαλκαῖς) (Strabo. XI, 8, 6 (hrsg. S. Radt)). При описании битвы при Гавгамелах (331 г. до н. э.) в «Анабасисе Александра» Арриана сообщается, что в одном из столкновений среднеазиатские скифы⁶ смогли нанести серьезный урон македонянам благодаря тому, что сами они и их кони были более тщательно защищены (οἱ Σκύθαι καὶ οἱ ἵπποι αὐτοῖς ἀκριβέστερον εἰς φυλακὴν πεφραγμένοι ἦσαν)⁷ (Arr. *Anab.* III, 13, 4 (ed. A. G. Roos)). В другом месте своего труда

напоминающий облик катафрактария, это образ собирательный» (Яблонский, 2015. С. 221). Само собой разумеется, что развитие боевого оснащения и тактического использования тяжеловооруженной кавалерии среди ираноязычных кочевников Центральной Евразии в V–IV вв. до н. э. не было изолированным явлением, однако появление катафрактной конницы в ее классическом варианте именно в среднеазиатских степях, откуда она через Парфию распространилась затем в западном направлении, представляется на сегодняшний день наиболее вероятной гипотезой.

⁶ Существует точка зрения, что под этими «скифами» следует понимать массагетов или саков (Литвинский, Пьянков, 1966. С. 43, прим. 81); согласно же другому мнению, это были дахи (Вайнберг, 1991. С. 57; 1999. С. 127).

⁷ Какими именно доспехами были защищены эти скифы и их кони, становится понятным из рассказа Курция Руфа о том, как Дарий III готовился к решающей битве с Александром Македонским при Арбелах (Гавгамелах). Сообщив, что по призыву персидского царя в Вавилон прибыли бактрийцы и скифы из Средней Азии (Curt. IV, 9, 2 (a cura di A. Giaccone)), далее наш автор, имея в виду, очевидно, последних (Литвинский, Пьянков, 1966. С. 43), указывает: «Для всадников и коней имелись защитные покровы из соединенных между собой железных пластин» (Equitibus equisque tegumenta erant ex ferriis lamminis serie inter se conexis) (Curt. IV, 9, 3). Едва ли в данном пассаже речь идет о персидских доспехах из царских арсеналов, как это предполагал М. В. Горелик (Горелик, 1987. С. 111).

Арриан, повествуя о битве на Яксарте (Сырдарье) в 329 г. до н. э., приводит следующий эпизод: перед форсированием реки македонские солдаты начали стрелять из стрелометных машин по скифским всадникам на противоположном берегу, и один из снарядов пробил и щит, и панцирь вражеского воина, что привело к его падению с коня (εἷς δὲ δὴ διὰ τοῦ γέροντος τε καὶ τοῦ θώρακος διαπλάξ πληγεὶς πίπτει ἀπὸ τοῦ ἵππου) (*Ibid.* IV, 4, 4). В тексте Арриана этот боец фигурирует как «знатный муж у них (то есть скифов)» (ἀνὴρ ἀγαθὸς αὐτοῖς) — по всей видимости, он был вождем племени или даже союза присырдарьинских племен, противостоявших македонской агрессии.

Появление в Приаралье не позднее рубежа IV и III вв. до н. э. конных латников-катафрактос подтверждается археологическими данными. Вероятно, указанным временем датируются фрагменты железного панцирного доспеха, найденные в так называемом круглом погребальном сооружении, основательно ограбленном еще в древности, на городище Чирик-рабат в низовьях Сырдарьи (*Толстов*, 1961. С. 137–138, рис. 2, а, б; 1962. С. 148, 150, рис. 82, а, б; *Tolstov*, 1961. P. 79–80, pl. XIIb, A, B; *Трудновская*, 1963. С. 209–210; *Горелик*, 1987. С. 114, 115, 118–119, рис. 4/4, 5/1; *Вайнберг*, *Левина*, 1992. С. 59, табл. 9, 59, 60; 1993. С. 43, 87, рис. 84, 53, 54) (рис. 1, 1, 2).

Интереснейшее изображение (правда, к сожалению, сохранившееся лишь частично) закованного в доспехи всадника, восседающего на защищенном панцирной попоной коне, было оттиснуто на керамической фляге, обломок которой обнаружен на городище Хумбузтепа в Южном Хорезме: воин облачен в поножи «браслетного» типа и пластинчатый панцирь (или набедренник), по покрою схожий с попоной его коня; оружие, часть которого видна с левой стороны рассматриваемого персонажа, — это пика со втоком (или же, что менее вероятно, меч в ножнах) (*Мамбетуллаев*, 1977; 1984. С. 30, рис. 7, 2; 2003. С. 26–27, рис. 1; *Горелик*, 1982. С. 89, табл. 3, е; 1987. С. 115, рис. 2/5) (рис. 1, 3). Дата этого исключительно важного артефакта надежно вписывается в хронологические рамки, установленные исследователями хорезмийских древностей для парадных (или культовых) керамических фляг с рельефным декором, — это раннекангуйский период, то есть IV–III вв. до н. э. (*Воробьева*, 1959. С. 89, 104–105, 109, 124, 125, 137; 1967а. С. 103, 106–107, 116, 122; 1967б. С. 201, 210; 1981. С. 186; *Рапопорт*, 1977. С. 58; *Ягодин* и

др., 1985. С. 329, 335; *Болелов*, 2004. С. 117). К этому же времени относятся и рельефные изображения всадников (очевидно, охотников) с длинными пиками на фрагментах глиняных сосудов из других хорезмийских городищ — Кой-Крылган-калы (*Воробьева*, 1959. С. 105, рис. 15, 2; 1967б. С. 201, рис. 75, б; *Толстов*, 1962. С. 123, рис. 65, е; *Гаибов*, *Кошеленко*, 2013. С. 292, рис. 3; *Аржанцева*, 2016. С. 150 (рис. слева), 151) (рис. 1, 4), Джанбас-калы (*Толстов*, 1948. С. 202, 219, табл. 82, 1; *Гаибов*, *Кошеленко*, 2013. С. 293, рис. 4) (рис. 1, 5) и Калалыгыра 2 (*Вайнберг*, 1991. С. 33, рис. 8; 2004. С. 227–228, рис. 7/14, 7/15; *Гаибов*, *Кошеленко*, 2013. С. 290–292, рис. 2) (рис. 1, 6а, 6б). Близ городища Беркут-кала была найдена каменная гемма-печать, на которой вырезан движущийся вправо конник, держащий в руке длинную пика с массивным наконечником; эта печать датируется IV в. до н. э. (*Толстов*, 1948. С. 202, табл. 83, 1; *Вайнберг*, 1977. С. 46, табл. XXX, а; *Берзина*, 2010. С. 48–49) (рис. 1, 7а, 7б).

Надо полагать, что подобными пиками, предназначенными как для штурмовой атаки в бою, так и для охоты на крупных диких животных, сражались и катафрактосы. Скорее всего, исходной моделью этому оружию послужила македонская кавалеристская пика — сарисса (греч. σάρισα/σάρισσα, лат. sarisa/sarissa), достигавшая в длину почти 5 м, которую ввиду отсутствия у кавалеристов Александра Македонского седел жесткой конструкции, обеспечивавших седокам устойчивую посадку на коне, в бою можно было использовать, сжимая только одной рукой, поскольку вторая должна была держать поводья (*Connolly*, 2000. P. 103–109). Древко пики-контоса было короче и толще; более того, благодаря жестким седлам «рогатого» типа, изобретенным в ходе катафрактной реформы (о них см. далее), его можно было держать обеими руками, что существенно повышало точность и силу удара. По разным оценкам, такая пика имела длину 3,5–4,5 м (*Junkelmann*, 1992. S. 145, 146) и 4 м (*Conyard*, 2013. P. 560, fig. 11), но в реальности она вряд ли была длиннее 3,5 м (*Никоноров*, 1994. С. 49; *Nikonorov*, 1997. Vol. 2, p. 24). Для сравнения: у причерноморских скифов в IV в. до н. э. некоторые копыя достигали 3,0–3,2 м в длину (*Черненко*, 1984б); такого же размера, были, наверное, и более поздние сарматские пики (*Симоненко*, 2015. С. 93).

Необходимым предметом вооружения катафрактосов являлся длинный двулезвийный меч, предназначенный для рубки как с конным, так

и с пешим противником. В Средней Азии мечи длиной около метра, выкованные из железа, получают распространение начиная с V в. до н. э., причем они, как правило, встречаются в погребениях представителей элитного («дружинного») воинства в сочетании с железными кинжалами, насуточно необходимыми в рукопашной схватке (Вайнберг, 1991. С. 56–61; 1999. С. 126–130).

В то же время следует подчеркнуть, что вышеперечисленные особенности комплекса боевого снаряжения катафрактов должны быть дополнены еще одним исключительно важным элементом, на который исследователи обычно не обращают внимания, — седлом. Произшедшее значительное утяжеление доспехов как всадника-пикейщика, так и его коня серьезно осложнило первому задачу поддерживать баланс, находясь верхом (Littauer, 1981. P. 103). Теперь, чтобы обеспечить облаченному в латы наезднику удобную и устойчивую посадку на коне в боевой обстановке, седло обязательно должно было быть снабжено спереди и сзади достаточно высокими выступами-упорами, предназначенными для удерживания седока от падения с коня на землю (в результате которого он мог оказаться беспомощным из-за тяжести своих доспехов), особенно в момент сильной отдачи при нанесении им удара пикой неприятелю на большой скорости движения. Само собой разумеется, такое седло должно было быть жестким, то есть с деревянным каркасом. Мягкие седла IV–III вв. до н. э., хорошо известные по вещественным находкам из курганных погребений пазырыкской культуры на Алтае (см. их современные реконструкции: Ахметжан, Ахметжанова, 2013; Степанова, 2016; Stepanova, 2016; Loades, 2020. P. 265–266), обеспечить броненосным всадникам сколько-нибудь надежную посадку, естественно, не могли, да это и не являлось их функцией по причине отсутствия таковых среди пазырыкских воинов в принципе⁸. Впрочем, седла пазырыкского типа, в конструкции которых имелись отдельные элементы, изготовленные из дерева, вполне могли стать первым шагом на пути к созданию жестких седел (Herrmann, 1989. P. 764–765; Nyland, 1990. P. 132–133).

Таким образом, процесс формирования тяжеловооруженной кавалерии катафрактов предпо-

лагал одновременное создание седла качественно нового вида — с твердым, возвышающимся над спиной коня каркасом. С. П. Толстов, анализируя терракотовую статуэтку оседланного коня, найденную на городище Базар-кала в Правобережном Хорезме, резонно заметил: «Высокое тяжелое седло на спине коня не оставляет сомнения в том, что оно было рассчитано на катафрактария»⁹ (Толстов, 1948. С. 219, табл. 81, 9) (рис. 1, 9). Похожие глиняные фигурки коней под седлом происходят из античных слоев городищ Замахшар в Левобережном Хорезме (Voyevodsky, 1938. P. 242, fig. 11) (рис. 1, 8) и «Большой дом» Алтыназара в низовьях Сырдарьи (Левина, 1966. С. 65, рис. 5, 1; 1992. С. 71, табл. 23, 52; 25, 8; 1996. С. 200, рис. 95, 4) (рис. 1, 10). Датировать эти три статуэтки, по-видимому, следует в пределах первых веков нашей эры, тогда как образцами седел на них, вероятнее всего, послужили реальные твердые седла с высокими луками, вещественные находки которых, кстати, происходят из городищ и некрополей джетысарской культуры в Восточном Приаралье. Часть этих находок представляет собой деревянные основы седел. Вот как их кратко описывает Л. М. Левина, на протяжении многих лет руководившая раскопками джетысарских памятников: «В нескольких курганах могильника Алтыназар 4м обнаружены различной степени сохранности деревянные седла, положенные в перевернутом виде в ногах захороненного... Эти деревянные седла крыловидной формы, с высокой передней лукой, состояли из двух половинок, скрепленных на задней части планкой. В погребениях курганов №№ 260, 261 на поверхности седел зафиксированы остатки кожаной обтяжки седла со следами красной краски... в кургане № 261, на деревянном седле, под железными удилами и деревянными двудырчатыми псалиями найдены обрывки кожаного ремня, орнаментированного двумя продольными рядами мелкого бронзового бисера, и крупная костяная подпружная пряжка» (Левина, 1994. С. 67, 68, рис. 144, 1, 2, 8; 1996. С. 200, 201, рис. 95, 8, 9) (рис. 2, 1, 2)¹⁰.

⁹ Ср.: «Рослые боевые кони, имеющие массивные седла (курсив наш. — В. Н., И. А.), несомненно, рассчитаны на тяжеловооруженного всадника и неразрывно связаны со всем комплексом вооружения катафрактария» (Десятчиков, 1972. С. 76).

¹⁰ Деревянное седло было найдено в разрушенном грабителями подкурганном катакомбном погребении

⁸ Судя по результатам многолетних археологических исследований на Алтае, металлическое защитное снаряжение вообще не получило применения у носителей пазырыкской культуры (Шульга, 2007. С. 154).

Другие интересующие нас находки включают в себя, согласно наблюдениям Л. М. Левиной, «части седел, изготовленные из костей крупных животных и, возможно, составлявшие внутреннюю основу передней луки седла», причем некоторые из них «снабжены парными отверстиями. Вероятно, речь идет о каком-либо раннем варианте твердого седла, возможно, промежуточного, переходного типа от мягкого к твердому деревянному», а происхождение этих находок может быть связано «с первым проникновением хуннов в Восточное Приаралье (I в. до н. э.)» (Левина, 1992. С. 69, табл. 23, 58, 59, 67; 1994. С. 67, рис. 144, 3; 1996. С. 200–201, рис. 95, 1–3, 5–7) (рис. 2, 3–8). В принципе, такая интерпретация рассматриваемых костяных артефактов кажется возможной, правда, с той поправкой, что являясь конструктивными элементами жестких седел иноземного (скорее всего, хуннского) происхождения, они были сделаны с учетом не вполне понятной локальной специфики — не из дерева, а из кости. Также не исключено, что в могилы вместо настоящих седел с деревянной основой иногда клали имитации передних луков, выточенные из кости.

Впрочем, вопрос об упомянутых выше джетысарских седлах требует более тщательной проработки (в первую очередь, анализа их вещественных находок), что, надеемся, удастся сделать не в столь отдаленном будущем. К тому же эти седла были изобретены уже после возникновения катафрактной кавалерии и в совершенно иной

воинской среде. Поэтому далее мы сосредоточим свое внимание на седлах другого, более древнего, типа, которые изображены на произведениях мелкой терракотовой пластики, обнаруженных в ходе археологических исследований на городище Кой-Крылган-кала в Правобережном Хорезме и на могильнике Сакар-чага 3 в Присарыкамышской дельте Амударьи.

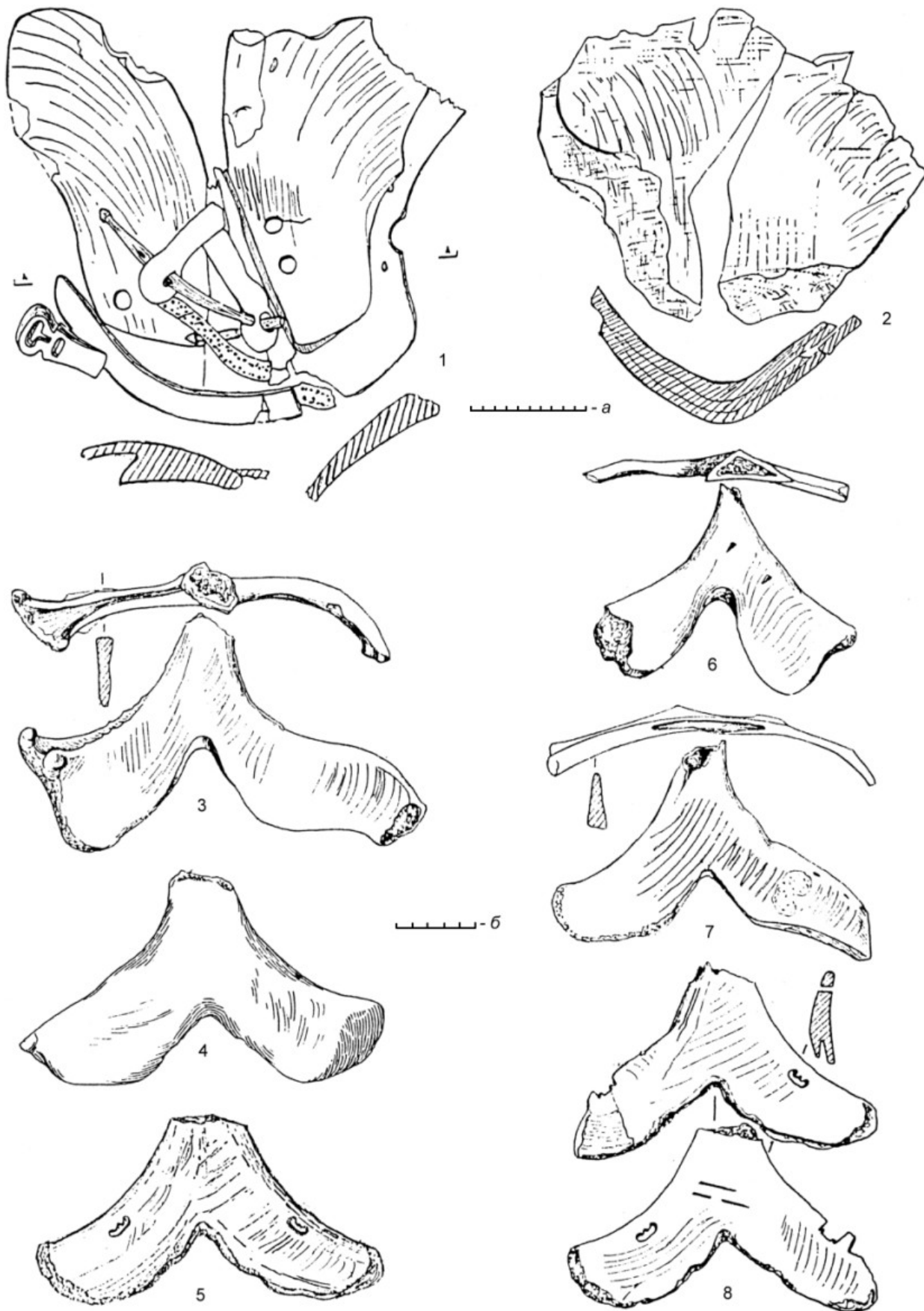
В 1951–1957 гг. одна из крупнейших стационарных экспедиций в истории ХАЭЭ вела раскопки на городище Кой-Крылган-кала («Крепость пропавших баранов»), расположенном на землях древнего орошения Хорезма, в 22 км к северо-востоку от г. Турткуля (Каракалпакстан). Это — единственный из крупных хорезмийских памятников, исследованный практически целиком. В его жизни выделяются два периода: IV–III вв. до н. э. (нижний горизонт) и I–IV вв. н. э. (верхний горизонт). В период нижнего горизонта Кой-Крылган-кала была культовым сооружением — укрепленным храмом-мавзолеем, где производились астрономические наблюдения; внутри укреплений вокруг центрального культового здания располагались хозяйственные и жилые постройки, вероятно, служителей культа. В поздний период, после продолжительного запустения, руины нижнего горизонта были перестроены новыми жителями под бытовые объекты (Аржанцева, 2016. С. 124–153).

Среди терракотовых статуэток животных, принадлежащих к культурным напластованиям нижнего горизонта Кой-Крылган-калы, выделяются изображения коней, связанные, скорее всего, с почитанием солнца. По свидетельству М. Г. Воробьевой, автора публикации терракот в пятом томе трудов ХАЭЭ, полностью посвященном

IV в. н. э. Мангырского могильника в Присарыкамышской дельте Амударьи (раскопки Х. Ю. Юсупова), но его конструктивные особенности неизвестны (Вайнберг, 1991. С. 70; 1992. С. 121; 1999. С. 168–169).

Рис. 1. Артефакты из античных городищ Хорезма и низовьев Сырдарьи: 1, 2 — фрагменты железных доспехов из Чирик-рабата (Толстов, 1961. Рис. 12, а, б); 3, 4, 6 — фрагменты керамических фляг: 3 — из Хумбузтепа (Мамбетуллаев, 1977. Рис. 1); 4 — из Кой-Крылган-калы, находка 1951 г. (Воробьева, 1967б. Рис. 75, б); 6а, 6б — из Калалы-гыра 2, фото и прорисовка (Вайнберг, 2004. Рис. 7/14, 7/15); 5 — фрагмент керамического сосуда из Джанбас-калы (Толстов, 1948. Табл. 82, 1); 7а, 7б — каменная печать из окрестностей Беркут-калы и ее оттиск (Берзина, 2010. С. 49); 8, 9 — терракоты: 8 — из Замахшара (Voyevodsky, 1938. Fig. 11); 9 — из Базар-калы (Толстов, 1948. Табл. 81, 9); 10 — глиняная статуэтка из «Большого дома» Алтыназара (Левина, 1996. Рис. 95, 4). 3–10 — без масштаба

Fig. 1. Artifacts from Antique-era settlements of Chorasmia and the Syr Darya lower reaches: 1, 2 — fragments of iron armour from Chirik-rabat (Толстов, 1961. Рис. 12, а, б); 3, 4, 6 — fragments of ceramic flasks: 3 — from Khumbuztepa (Мамбетуллаев, 1977. Рис. 1); 4 — from Koi-Krylgan-kala, found in 1951 (Воробьева, 1967б. Рис. 75, б); 6а, 6б — from Kalaly-gyr 2, photo and drawing (Вайнберг, 2004. Рис. 7/14, 7/15); 5 — fragment of a ceramic vessel from Dzhanbas-kala (Толстов, 1948. Табл. 82, 1); 7а, 7б — stone seal from the vicinity of Berkut-kala and its imprint (Берзина, 2010. С. 49); 8, 9 — terracottas: 8 — from Zamakhshar (Voyevodsky, 1938. Fig. 11); 9 — from Bazar-kala (Толстов, 1948. Табл. 81, 9); 10 — clay figurine from the «Big House» of Altynasar (Левина, 1996. Рис. 95, 4). 3–10 — not to scale

результатам раскопок Кой-Крылган-калы, на четырех лошадиных фигурках (№ 64–67 по ее порядковой нумерации = инв. № 54/9222, 55/89, 55/351, 57/68) были наклеены седла. Далее она пишет: «По двум лучше сохранившимся видно, что это — тяжелые жесткие седла с двумя высокими луками (табл. XXXI, 65). Впервые появляется изображение упряжи в виде наклепных жгутиков (табл. XXXI, 67) и трактовка подстриженной конской гривы в виде гребешка, разделенного насечками на отдельные зубцы (№ 65). Одна из фигурок (табл. XXXI, 64) оказалась покрытой светлым серовато-беловатым ангобом; сделана она грубее остальных... в общем облике фигурок лошадей наблюдается большая схематизация и небрежность выполнения. Особенно хорошо это видно по терракоте № 65. Упряжь... прочерчена до обжига, но она сильно схематизирована и дана в общих чертах: показаны незакрепленные на голове и у седла ремни уздечки, украшающая седло бахрама прочерчена небрежно и не везде на месте. Поверхность фигурки покрыта неровно положенным жидким красно-коричневым ангобом, сквозь который пятнами просвечивает светлая подгрунтовка... на одной статуэтке сохранились, как будто, остатки фигурки всадника (табл. XXXI, 67), однако фрагмент его так мал, что не поддается определению» (Воробьева, 1967б. С. 191, 199, табл. XXXI, 64, 65, 67).

К сожалению, процитированный выше пассаж из работы М. Г. Воробьевой не сопровождается сколько-нибудь качественными фотографиями или прорисовками описанных ею терракот (более того, вообще не воспроизведена терракота № 66). Но одному из соавторов настоящей статьи во время подготовки к печати книги об истории исследований Хорезма по материалам архива ХАЭЭ (Аржанцева, 2016) удалось найти в кабинете-музее С. П. Толстова в Институте этнологии и антропологии РАН конскую статуэтку, которая фигурирует в каталоге М. Г. Воробьевой под № 65 (инв. № 55/89). По степени своей сохранности

она явно лучшая среди всех остальных терракотовых скульптурок лошадей из Кой-Крылган-калы — отбиты только ее задние ноги. Из полевой документации известно, что она была обнаружена в 1955 г. в помещении С31 (рис. 3, 1а, 1б; 4, 1). Неудачный ракурс фотографии этой терракоты в публикации М. Г. Воробьевой (рис. 3, 1а) на протяжении многих последующих лет (почти полувека!) не позволял правильно определить тип изображенного на ней седла. Теперь же, благодаря ее более удачному фотовоспроизведению (Аржанцева, 2016. Цв. ил. (47)) (рис. 3, 1б), а также прорисовке, сделанной в условиях полевого сезона 1955 г. (рис. 4, 1), стало совершенно очевидно, что оно, во-первых, относится к так называемому рогатому типу (подробно о седлах этого типа см. далее) и, во-вторых, судя по дате археологического контекста, из которого происходит рассматриваемая статуэтка (IV–III вв. до н. э.), является на сегодняшний день древнейшим изображением такого седла вообще.

Еще одна лошадиная фигурка с наклепным «рогатым» седлом, покрытая красным ангобом и в очень плохой степени сохранности (утрачены голова и ноги), была обнаружена в 1953 г. на такыре возле развалин Кой-Крылган-калы (инв. № 53/185) (рис. 3, 2а, 2б; 4, 2, 3) и также хранится в кабинете-музее С. П. Толстова. Примечательно, что она никак не упоминается в публикации терракот с этого памятника М. Г. Воробьевой.

Возможно, с Кой-Крылган-калы происходит еще один фрагмент статуэтки лошади с седлом «рогатого» типа (инв. № 55/347), который М. Г. Воробьева посчитала изображением верблюда «с отбитой головой и обколотыми крайне примитивно выполненными двумя горбами» (Воробьева, 1967б. С. 179, 195, табл. XXVI, 14). Однако для стопроцентного утверждения, что это именно конь под седлом, все же нет достаточных оснований.

Интересующие нас изображения седел представлены и в материалах из могильника Сакар-чага 3 в Присарыкамьшской дельте

Рис. 2. Деревянные каркасы (1, 2) и костяные луки (3–8) седел с памятников джетысарской культуры (Восточное Приаралье): 1, 2 — из курганов № 261 и 260 могильника Алтынасар 4м (Левина, 1996. Рис. 95, 8, 9); 3, 5–7 — с городища Томпакасар (Там же. 1996. Рис. 95, 1, 3, 5, 6); 4 — из кургана № 104 могильника Алтынасар 4в (Там же. Рис. 95, 2); 8 — с городища «Большой дом» Алтынасар (Там же. Рис. 95, 7). Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3–8

Fig. 2. Wooden frameworks (1, 2) and bone arches (3–8) of saddles from sites of the Dzhetysar culture (Eastern Aral Sea area): 1, 2 — from Barrows nos. 261 and 260 of the Altynasar 4m burial ground (Левина, 1996. Рис. 95, 8, 9); 3, 5–7 — from the settlement of Tompakasar (Ibid. Рис. 95, 1, 3, 5, 6); 4 — from Barrow no. 104 of the Altynasar 4v burial ground (Ibid. Рис. 95, 2); 8 — from the settlement of the “Big House” of Altynasar (Ibid. Рис. 95, 7). Scale: a — for 1, 2; б — for 3–8

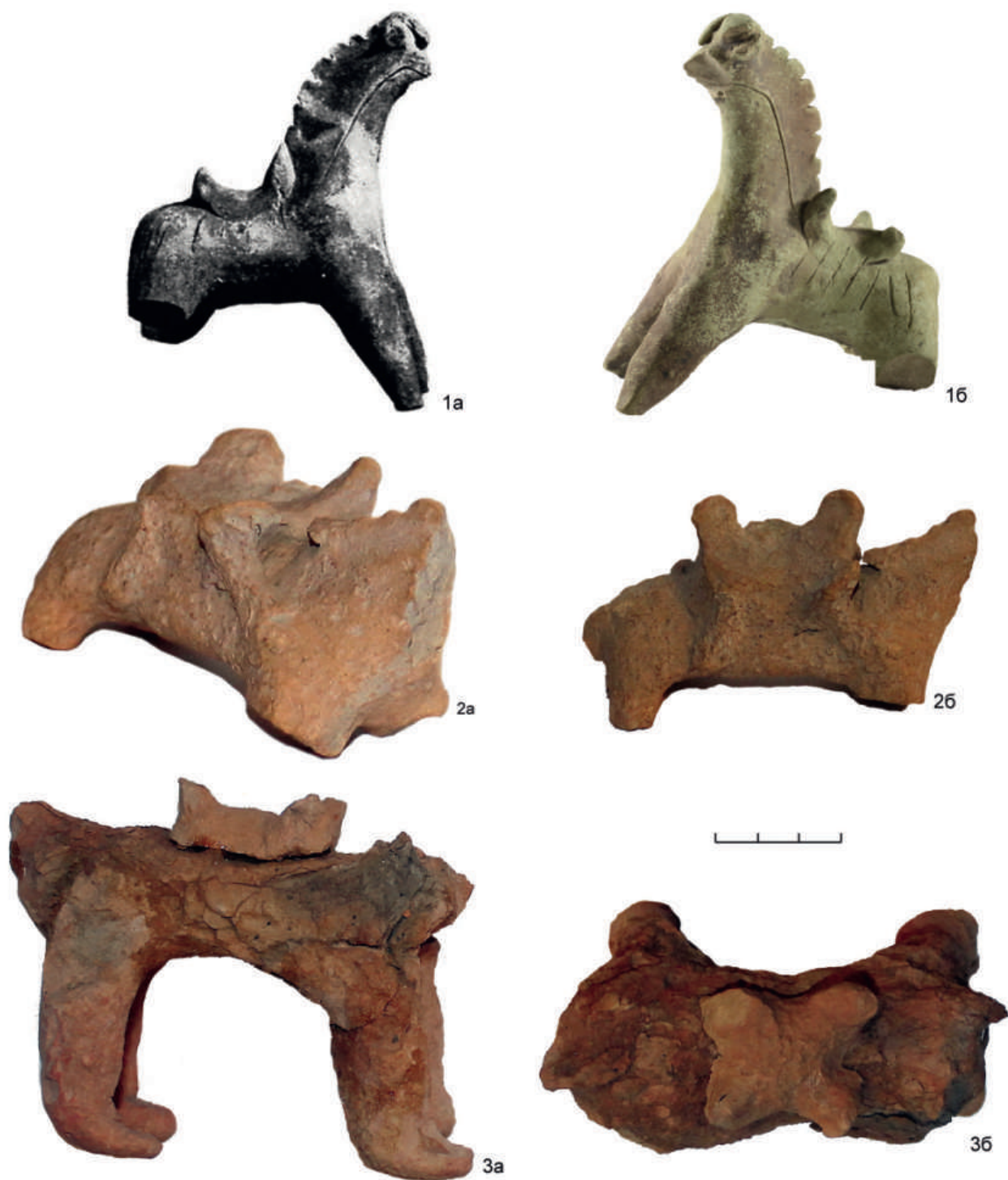

Рис. 3. Терракотовые фигурки оседланных коней (1а–2б) и фантастического животного (3а, 3б) из античных памятников Южного Приаралья (фото: 1а — Воробьева, 19676. Табл. XXXI, 65; 1б — М. Б. Лейбова; 2а–3б — И. А. Аржанцевой): 1а, 1б — из Кой-Крылган-калы, находка 1955 г.; 2а, 2б — из Кой-Крылган-калы, находка 1953 г.; 3а, 3б — из кургана 15 могильника Сакар-чага 3. 2а — без масштаба

Fig. 3. Terracotta figurines of saddled horses (1a–2b) and a fantastic beast (3a, 3b) from Antique-era sites of the Southern Aral Sea area (photos: 1a — Воробьева, 19676. Табл. XXXI, 65; 1б — by M. B. Leibov; 2a–3б — by I. A. Arzhantseva): 1a, 1б — from Koi-Krylgan-kala, found in 1955; 2a, 2б — from Koi-Krylgan-kala, found in 1953; 3a, 3б — from Barrow 15 of the Sakar-chaga 3 burial ground. 2a — not to scale

Амударьи, работы на котором в 1980-е гг. возглавлял Л. Т. Яблонский. Там, в насыпи кургана 15, сооруженного еще в раннесакскую эпоху (конец VIII — VII в. до н. э.), были найдены две террактовые фигурки, передающие образы оседланных фантастических существ; исходя из условий их обнаружения удалось установить, что они были связаны с группой оссуарных погребений, датируемых в пределах I в. до н. э. — II/III в. н. э. (Яблонский, 1999. С. 61, 71–72, рис. 83, 1, 2) (рис. 3, 3а, 3б; 4, 4–6). Руководитель раскопок так описывает эти артефакты: «Поблизости от восточного конца внутреннего рва кургана, в толще насыпи были найдены две терракотовые фигурки, установленные рядом... Обе сохранились не полностью. Они были сделаны из хорошо отмученной глины и обожжены в горне, отчего снаружи и в изломе имели кирпично-красный цвет. Каждая фигурка представляла собой скульптурное изображение фантастического животного. Первая (рис. 83, 1) (наш рис. 4, б. — В. Н., И. А.) изображала двуглавого коня с ногами, напоминающими слоновьи. На спине животного сохранились остатки рельефного изображения седла, имеющего четыре конусообразных выступа по углам. По поверхности корпуса было процарапано по сырой глине изображение уздечки и попоны. Сохранились также следы от четырех наклепов дисковидной формы — возможно, схематичное изображение фаларов. Ноздри и глаза конских голов были выполнены точечными вдавлениями по сырой глине. Гривы показаны рельефными наклепами. Вторая фигурка (рис. 83, 2) (наш рис. 3, 3а, 3б; 4, 4, 5. — В. Н., И. А.) по стилю и технике исполнения напоминает первую. Она сохранилась хуже — из-за сильного расслоения глины утрачена передняя часть корпуса с головой. На спине, как и в предыдущем случае, сохранилось рельефное изображение седла, по конструкции аналогичного вышеописанному. Отличие второй фигурки состоит прежде всего в том, что нижние части конечностей изображенного в данном случае животного оформлены в виде лапы хищника кошачьей породы (льва?)» (Яблонский, 1999. С. 61, рис. 83, 1, 2). Важно подчеркнуть, что Л. Т. Яблонский в своем описании этих уникальных для приаральской коропластики статуэток обратил внимание на необычную конструкцию их седел, снабженных по углам четырьмя конусообразными выступами-упорами.

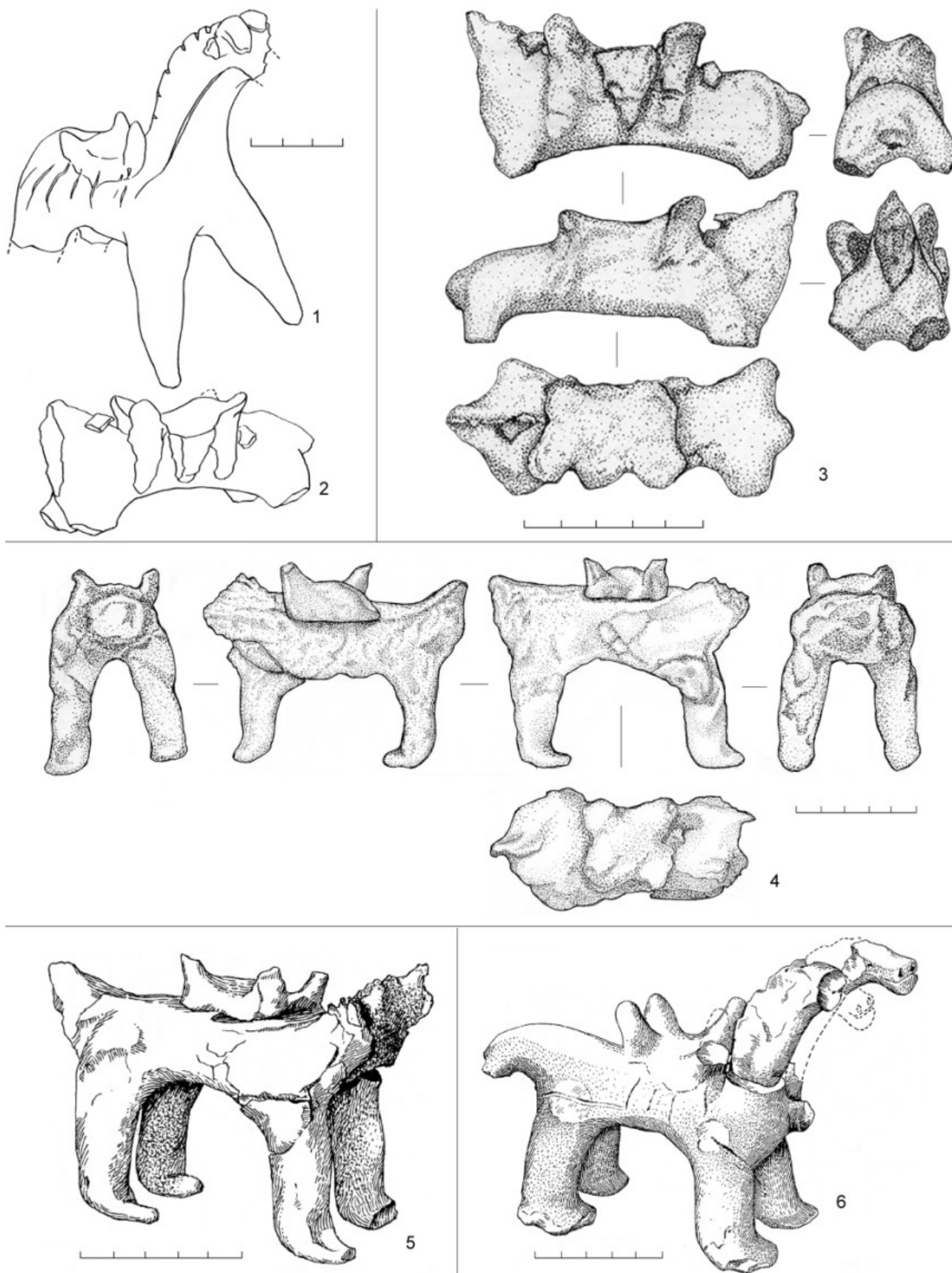
Таким образом, седла на вышеупомянутых терракотовых фигурках из Кой-Крылган-калы и Сакар-чаги 3, вне всякого сомнения, принадлежат к «рогатому» типу. Впервые «рогатые» седла были

выделены в особый тип Питером Коннолли — известным британским экспертом в области военного дела древней Греции и Рима. Начиная с 1984 г., не удовлетворившись общераспространенным тогда мнением, что в римской древности вообще не было настоящих седел, он осуществил собственное всестороннее и тщательное исследование, рассмотрев все доступные ему виды источников — воспроизведения «рогатых» седел на памятниках римского искусства эпохи ранней Империи (рис. 5, 1–5)¹¹ и все основные вещественные свидетельства, найденные на месте римских укреплений I–II вв. н. э. в Англии, Шотландии, Германии и Нидерландах: фрагменты кожаных чехлов седел, на которых выявлены четкие следы напряжения, загибов и износа, указывающие, вне всякого сомнения, на то, что они были натянуты на жесткий (деревянный) каркас (рис. 5, б), а также металлические накладки-усилители на седельные упоры-«рога» (рис. 5, 7–10). Особо заслуживает внимания тот факт, что П. Коннолли провел серьезную экспериментально-реконструкторскую работу и изготовил больше 20 реплик кельто-римских «рогатых» седел I–II вв. н. э., дающих наглядное представление об их конструкции и внешнем виде (рис. 5, 14–16).

Согласно выводам П. Коннолли, конструкция таких седел была обязательно жесткой — их основой служил обтянутый кожей деревянный каркас с мягкой набивкой, а к его углам были прикреплены четыре упора-«рога», при этом два передних монтировались под углом к каркасу, а два задних — вертикально. «Рога» были усилены бронзовыми или медными накладками. Благодаря седлу с четырьмя «рогами», плотно охватывавшими расположившегося в седле всадника, кавалеристы как в доспехах, так и в легком снаряжении могли очень эффективно сражаться своим наступательным оружием (пикой, длинным мечом, луком). По сути «рогатые» седла вполне компенсировали конным воинам античной эпохи отсутствие стремян, время которых еще не пришло¹². Помимо надежной и удобной посадки наездника верхом в боевых условиях, седла рассматриваемого типа также обеспечивали

¹¹ Достаточно полную сводку изображений кельтских и римских «рогатых» седел см. в следующих публикациях: Bishop, 1988. Fig. 1, 2, 5–8, 10–14, 16, 17, 19–21; Junkelmann, 1992. Abb. 31–36, 38, 46, 47, 76, 77, 81, 83, 84, 117, 150, 163, 165.

¹² Боевые парные стремяна были изобретены в Северо-Восточной Азии не раньше IV–V вв. н. э. (см.: Никоноров, 2002а. С. 294–295; 2003; 2016; Nikonov, 2010. P. 272–273).

перераспределение веса всадника с позвоночника лошади на ее бока, то есть значительно уменьшали травматические последствия давления на ее хребет. Само седло крепилось к телу скакуна при помощи подпружного, подхвостного и нагрудного ремней, не позволявших ему скользить по спине животного (Connolly, 1986; 1987; 1988a; 1988b; 1990; 1998. P. 235, 236; Connolly, Driel-Murray, 1991; Driel-Murray et al., 2004; см. также: Bishop, 1988; 2015. P. 381; Bishop, Coulston, 2006. P. 123; Hyland, 1990. P. 130–136; 1993. P. 45–51; 2013. P. 507–509; Dixon, Southern, 1997. P. 70–74; Feugère, 2002. P. 136; Stephenson, Dixon, 2003. P. 107–108; Gawroński, 2005; Winterbottom, 2006; Conyard, 2013. P. 551–556; ср.: Gresak et al., 2018).

Отметим, что до сих пор ведутся споры о конструкции римских «рогатых» седел: вышеприведенному мнению П. Коннолли и его единомышленников противостоит точка зрения, что эти седла вовсе не имели жесткого каркаса (Амброз, 1992. С. 36; Peterson, 1990; Junkelmann, 1992. S. 41, 44, 47, 48, 57, 60, 62, 63, 66, 68–70, 72, 74; Grotowski, 2010. P. 383; Степанова, 2015. С. 408–409; Stepanova, 2020. P. 574–575). В рамках данной статьи нет возможности сколько-нибудь детально осветить эту дискуссию, поэтому ограничимся лишь констатацией, что позиция первой группы исследователей выглядит более убедительной, причем не только из-за находок седельных кожаных облицовок и металлических накладок-усилителей на «рога», которые, казалось бы, не должны трактоваться иначе как неотъемлемые элементы седел жесткой конструкции (см. ранее). Дело в том, что один из основных упреков оппонентов в адрес П. Коннолли и его сторонников заключается в том, что твердость каркасов римских «рогатых» седел не подтверждается находками каких-либо их деревянных деталей, в том числе деревянной основы «рогов» (см., например: Степанова, 2015. С. 408; Stepanova, 2020. P. 574; ср.: Gresak et al., 2018. P. 211–212). И до недавнего времени это было действительно так. Но в 2018 г. при раскопках конюшни богатой

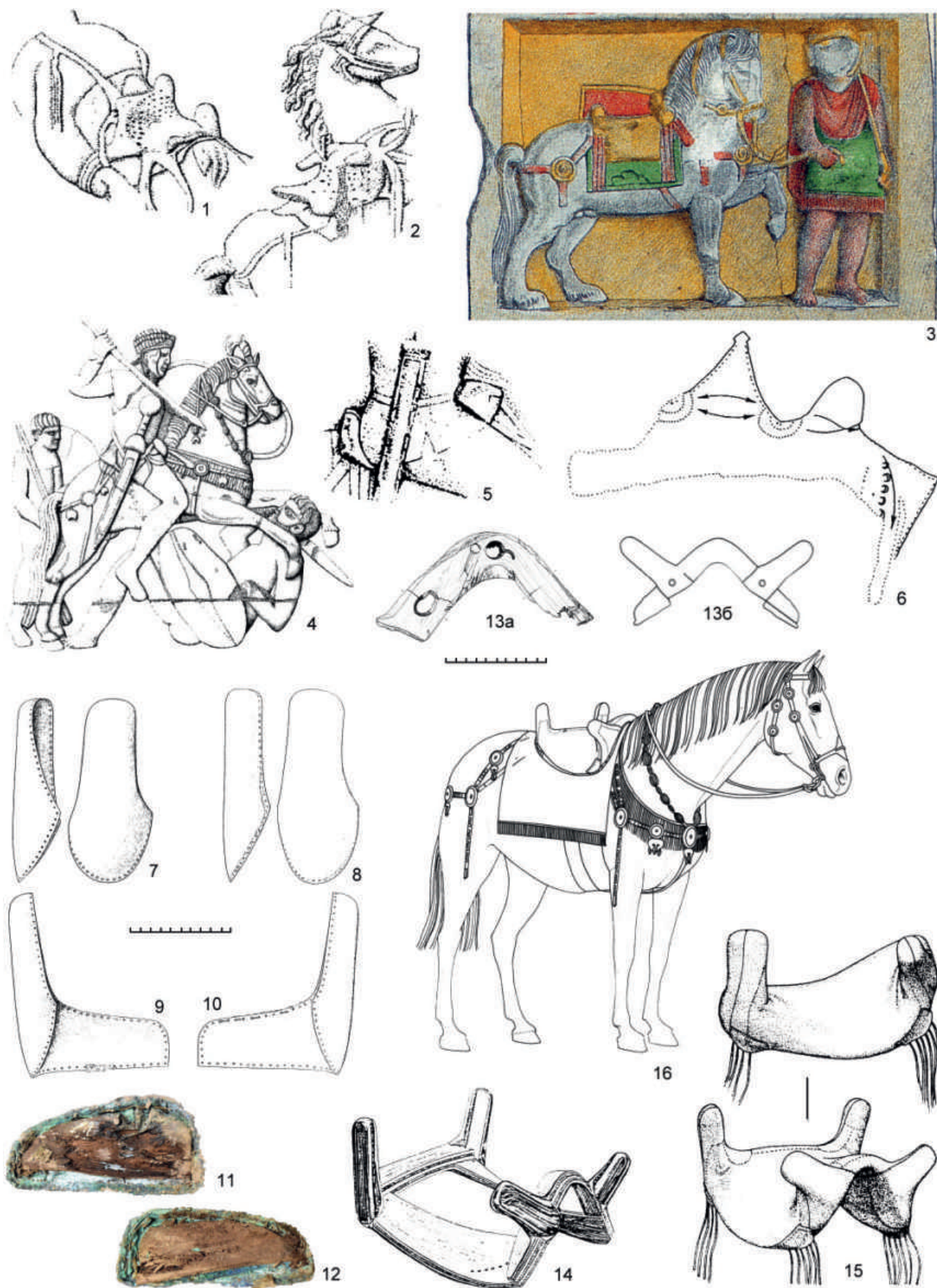
загородной виллы вблизи Помпей, оказавшейся, как и сам город, погребенной под многометровой толщей пепла в результате извержения Везувия 24 августа (или 24 октября) 79 г. н. э., была найдена погибшая в тот день лошадь, на спине которой *in situ* уцелели четыре «рога» седла с сохранившейся деревянной основой, вставленной в бронзовые оболочки-усилители (Любимова, 2019) (рис. 5, 11, 12). Также очень важным событием стало обнаружение в ходе археологических работ 1998–2001 гг. в Карлайле (Северо-Западная Англия) передней части («луки») каркаса седла, изготовленной из дуба (Winterbottom, 2006. P. 9, fig. 6; Howard-Davis, 2009. P. 814, fig. 491; Gresak et al., 2018. P. 207–211, fig. 1; Conyard, 2013. P. 553) (рис. 5, 13a, 13b), которая довольно точно датируется периодом с 72/73 по 83/84 г. н. э. и, главное, подтверждает правоту реконструкции П. Коннолли (рис. 5, 14). Таким образом, в свете поистине сенсационных открытий в Помпеях и Карлайле его вывод о жесткой (деревянной) конструкции римских «рогатых» седел больше не должен вызывать серьезных сомнений.

Следует особо подчеркнуть, что П. Коннолли своими исследованиями самым серьезным образом стимулировал рост интереса к истории древнеримских седел, в том числе и со стороны профессионально подготовленных реконструкторов (Peterson, 1990; Junkelmann, 1992. S. 34–74, etc.; Conyard, 2013. P. 553–558). Более того, основываясь на его разработках и наблюдениях, Джорджина Херрманн, крупный британский специалист по археологии и искусству древнего Ирана и Месопотамии, выявила целый ряд изображений седел «рогатого» типа на произведениях иранского и сирийского искусства позднепарфянского и раннесасанидского времени (I–IV вв. н. э.) (Herrmann, 1989. P. 763–769, fig. 7, b–e, pl. III, a; V–VII; XII–XV) (рис. 6, 1, 2, 8, 12, 14).

На сегодняшний день перечень памятников искусства с изображениями «рогатых» седел, происходящих из Центральной Евразии и датируемых в пределах I в. до н. э. — III в. н. э., может быть

Рис. 4. Терракотовые фигурки оседланных коней (1–3) и фантастических животных (4–6) из античных памятников Южного Приаралья (прорисовки: 1, 2 — полевые, 3, 4 — М. А. Токманцевой, 5, 6 — Яблонский, 1999. Рис. 83, 2; 83, 1): 1 — из Кой-Крылган-калы (см. рис. 3, 1a, 1б); 2, 3 — из Кой-Крылган-калы (см. рис. 3, 2a, 2б); 4, 5 — из кургана 15 могильника Сакар-чага 3 (см. рис. 3, 3a, 3б); 6 — из кургана 15 могильника Сакар-чага 3

Fig. 4. Terracotta figurines of saddled horses (1–3) and fantastic beasts (4–6) from Antique-era sites of the Southern Aral Sea area (drawings: 1, 2 — made in field, 3, 4 — by M. A. Tokmantseva, 5, 6 — Яблонский, 1999. Рис. 83, 2; 83, 1): 1 — from Koi-Krylgan-kala (see fig. 3, 1a, 1b); 2, 3 — from Koi-Krylgan-kala (see fig. 3, 2a, 2b); 4, 5 — from Barrow 15 of the Sakar-chaga 3 burial ground (see fig. 3, 3a, 3b); 6 — from Barrow 15 of the Sakar-chaga 3 burial ground

значительно расширен за счет тех, которые по тем или иным причинам оказались вне списка Дж. Херманн. Кратко перечислим эти изображения:

— конь на реверсе монет Квинта Лабиена, римского полководца на парфянской службе в 40–39 гг. до н. э. (*Metzler*, 1978; *Meцлер*, 2002. С. 108–109, ил. 2; 3; *Hersh*, 1980; *Gawroński*, 2005. Р. 32, п. 9; 37, fig. 3) (рис. 6, 3);

— лошади на серебряном сосуде из сарматского погребения в Косике (*Трейстер*, 1994. С. 190–191, рис. 7, 9, 11; *Treister*, 1997. Р. 49–74, fig. 24, 28, 30–32; 2005. Р. 223–245; *Галль*, 1997. С. 175–179, рис. 2, 12; *Gall*, 1998. S. 243–252, abb. 1, 2; 2, 2, 3; 3) (рис. 6, 4, 5);

— конь на граффити из «Здания с квадратным залом» на городище Старая Ниса в Северной Парфии (*Пилипко*, 1996. С. 69, табл. 45, 1; 46, А; *Никонов*, 2002б. С. 22, рис. 1, 1; 2002в. С. 97, рис. 1) (рис. 6, 6);

— терракотовая статуэтка лошади из Бахрейна (*Lombard*, 2000. Р. 192, cat. no. 341; *Ломбар*, *Боксмати-Фатух*, 2012а. С. 8; 2012б. С. 17) (рис. 6, 7);

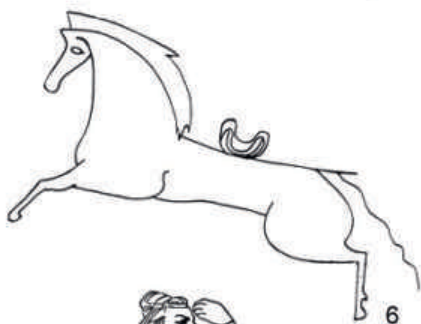
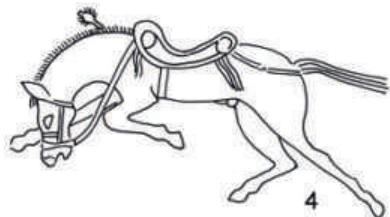
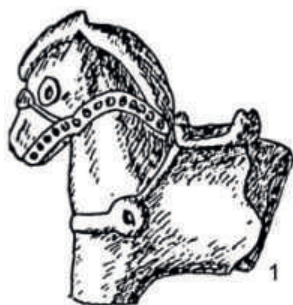
— конь со спешившимся всадником на фрагменте шерстяной ткани из кургана 31 хуннского

могильника Ноин-Ула (*Полосьмак*, 2010. С. 52–53, 55; 2013. С. 357–358, рис. 1; *Полосьмак*, *Богданов*, 2015. С. 99–100, рис. 4.4, 4.12, 4.13, 4.25; 2016. С. 142–145, 150, 152, 153; *Polos'mak*, 2015. Р. 22–23, fig. 26, 27, 35, 36) (рис. 6, 9)¹³;

¹³ Н. В. Полосьмак справедливо отметила сходство доспеха этого воина с защитным снаряжением всадников на монетах правителей I в. до н. э. так называемого Индо-Сакского (или Индо-Скифского) царства в долине Инда и Пенджабе (*Rosenfield*, 1967. Р. 124–125, fig. 15; *Горелик*, 1982. С. 85–86, табл. 2, а–в; 1987. С. 115, рис. 2/6; *Voprearachchi*, 2003; *Voprearachchi*, *Sachs*, 2003; *Fröhlich*, 2005. Р. 62–68, fig. 1, 3–6; 2008), а также с панцирями, изображенными в скульптуре из Халчаяна в Северной Бактрии (*Пугаченкова*, 1966. С. 39–40, рис. 9, 10; *Горелик*, 1982. С. 82–84, табл. 1, а, б; 1987. С. 119, рис. 2/7). Это, в свою очередь, позволяет предположить, что данная шерстяная ткань с вышивкой была, скорее всего, изготовлена в одной из областей Северо-Западной Индии, где было сильно индо-сакское политическое и культурное влияние, но в любом случае вряд ли в пределах той территории, откуда саки пришли в Индию (то есть в степном ареале между Каспийским морем и горами Памира и Тянь-Шаня).

Рис. 5. Кельто-римские «рогатые» седла в римском искусстве, вещественных находках и современных реконструкциях: 1, 2 — изображения кельтских лошадей на каменных рельефах Мавзолея Юлиев в Глануме (Франция), ок. 30–20 гг. до н. э. (*Bishop*, 1988. Fig. 19, 11, 13); 3–5 — изображения римских кавалеристов на каменных надгробиях I в. н. э. из римской Германии (*Junkelmann*, 1992. Abb. 46; *Bishop*, 1988. Fig. 1; *Connolly*, 1986. Fig. 11, 1); 6 — фрагмент кожаной облицовки седла из Виндоланды (Англия), конец I — начало II в. н. э. (*Driel-Murray et al.*, 2004. Fig. 4, E); 7–10 — комплект из четырех бронзовых накладок-усилителей для седельных «рогов» (7, 8 — передние, 9, 10 — задние) из Ньюстеда (Шотландия), конец I–II в. н. э. (*Connolly*, *Driel-Murray*, 1991. Fig. 7); 11, 12 — два «рога» от седла, найденные в 2018 г. в конюшне пригородной виллы близ Помпей (Италия), 79 г. н. э. (*Любимова*, 2019. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://ancientrome.ru/archaeol/img/0976-20.jpg> (дата обращения: 11.12.2019)); 13а, 13б — дубовая передняя часть («лука») каркаса седла из Карлайла (Англия) и ее реконструкция, между 72/73 и 83/84 гг. н. э. (*Howard-Davis*, 2009. Fig. 491); 14 — реконструкция деревянного каркаса седла по П. Коннолли (*Junkelmann*, 1992. Abb. 45); 15 — внешний вид римского кавалеристского седла, реконструированного П. Коннолли (*Connolly*, 1986. Fig. 11, 7, 8); 16 — реконструкция римской конской сбруи периода династии Флавиев (69–96 гг. н. э.) (*Bishop*, 1988. Fig. 30). 1–6, 11, 12, 13б–16 — без масштаба

Fig. 5. Celto-Roman “horned” saddles in Roman art, material finds and modern reconstructions: 1, 2 — representations of Celtic horses on stone reliefs of the Julii Mausoleum at Glanum (France), ca. 30–20 BC (*Bishop*, 1988. Fig. 19, 11, 13); 3–5 — representations of Roman cavalymen on funerary monuments of the 1st century AD from Roman Germania (*Junkelmann*, 1992. Abb. 46; *Bishop*, 1988. Fig. 1; *Connolly*, 1986. Fig. 11, 1); 6 — fragment of a leather casing from Vindolanda (England), late 1st — early 2nd century AD (*Driel-Murray et al.*, 2004. Fig. 4, E); 7–10 — set of four bronze covers-stiffeners for saddle “horns” (7, 8 — frontal, 9, 10 — rear) from Newstead (Scotland), late 1st — 2nd century AD (*Connolly*, *Driel-Murray*, 1991. Fig. 7); 11, 12 — two saddle “horns” uncovered in 2018 in the stable of a country villa near Pompeii (Italy), AD 79 (*Любимова*, 2019. [Electronic resource.] Access mode: <http://ancientrome.ru/archaeol/img/0976-20.jpg> (access date: 11.12.2019)); 13a, 13b — oak front part (“arch”) of a saddle framework from Carlisle (England) and its reconstruction, between AD 72/73 and 83/84 (*Howard-Davis*, 2009. Fig. 491); 14 — reconstruction of the saddle wooden framework according to P. Connolly (*Junkelmann*, 1992. Abb. 45); 15 — external views of the Roman cavalry saddle reconstructed by P. Connolly (*Connolly*, 1986. Fig. 11, 7, 8); 16 — reconstruction of Roman horse harness of the Flavian period (AD 69–96) (*Bishop*, 1988. Fig. 30). 1–6, 11, 12, 13b–16 — not to scale

— терракотовые фигурки лошадей из крепости Дура-Европос на Евфрате (Downey, 2003. P. 136–138, 148, 154, 165–166, fig. 82, 88, 104, cat. no. 89, 93, 102) (рис. 6, 10);

— всадник на рельефе из Нагарджунаконды (Longhurst, 1938/1999. P. 33, pl. XXXIII, b; Тюляев, 1988. Ил. 206) (рис. 6, 11);

Если это так, то именно саки познакомили индийцев с седлами «рогатого» типа, распространение которых вплоть до Южной Индии зафиксировано на одном из рельефов с буддийской тематикой в Нагарджунаконде (см. наш рис. 6, 11). Интересно, что из развалин дворцового комплекса в Нагарджунаконде происходят два рельефа с изображениями стражника и виночерпия в иранском обличье (в одежде в виде длинной тунки и штанов, с бородой и длинными волосами), из чего был сделан достаточно обоснованный вывод, что на службе местных государей во II–III вв. н. э. состояли индо-сакские наемники (Longhurst, 1938/1999. P. 11, 24, pl. X, c; Rosenfield, 1967. P. 168–169, 224, fig. 157, 158).

— конный сасанидский шахиншах Шапур I в сцене его триумфа над римлянами на уникальной золотой монете (Aram et al., 2007; ср.: Shavarebi, 2014): важно отметить, что это одно из редких для сасанидской иконографии изображений, где показаны не только передние, но и задние «рога» седла (рис. 6, 13), — последние на большинстве других памятников обычно скрыты под одеяниями всадников;

— терракотовая статуэтка коня с седлом из Сирии (АО 25918), хранящаяся в Отделе восточных древностей Лувра в Париже (Downey, 2003. Fig. IX) (рис. 7, 1a, 1б);

— конная охота на тигров сасанидского правителя Кушаншахра (территории бывшего Кушанского государства) на серебряном блюде из японского частного собрания (Tanabe, 1998. Fig. 1; 2001. Col. p. I, fig. 5) (рис. 7, 2).

Кроме перечисленных есть еще как минимум два произведения древнего искусства из

Рис. 6. Изображения «рогатых» седел на памятниках искусства I в. до н. э. — III в. н. э. из Центральной Евразии и Индии: 1 — фрагмент терракотовой статуэтки из Месджед-е Сулейман (Иран), парфянский период (Herrmann, 1989. Fig. 7, b); 2 — барельеф из храма Баалшамина в Си, Авран (Сирия), ок. 30 г. н. э. (Ibid. Fig. 7, c); 3 — реверс серебряного денария Квинта Лабиена, ок. 40 г. до н. э. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://www.parthia.com/coins/pdc_43007.jpg (дата обращения: 01.06.2021); 4, 5 — детали декора серебряного сосуда, найденного в Косике (Астраханская область, Россия), вторая половина I в. до н. э. (прорисовки В. К. Гугуева) (Gall, 1998. Abb. 2, 3; 3, rechts); 6 — граффито из Старой Нисы (Туркменистан), I в. до н. э. (Пилипко, 1996. Табл. 45, 1); 7 — терракотовая фигурка из могильника ал-Хаджар (Бахрейн), I в. до н. э. — I в. н. э. (Lombard, 2000. P. 192, cat. no. 341); 8 — терракота из Музея исламского искусства в Берлине, I–III вв. н. э. (Herrmann, 1989. Pl. V, a); 9 — фрагмент шерстяной ткани с вышивкой из кургана 31 могильника Ноин-Ула (Монголия), конец I в. до н. э. — начало I в. н. э. (Полосьмак, 2010. С. 53); 10 — терракота из Дура-Европос (Сирия), предположительно первая половина III в. н. э. (Downey, 2003. Fig. 104); 11 — деталь каменного рельефа из Нагарджунаконды (Индия), II или III в. н. э. (Тюляев, 1988. Ил. 206); 12 — деталь сасанидского наскального рельефа Танг-е Аб I в Фирузабаде (Иран), ок. 225 г. (Herrmann, 1989. Pl. XIV, a); 13 — реверс двойного динара Шапура I из частной коллекции, 260-е гг. (Aram et al., 2007. Fig. 18); 14 — деталь сасанидского наскального рельефа Бишапур VI в Бишапуре (Иран), ок. 293 г. (Herrmann, 1989. Fig. 7, e). Без масштаба

Fig. 6. Representations of “horned” saddles on works of art of the 1st century BC — 3rd century AD from Central Eurasia and India: 1 — terracotta figurine fragment from Masjid-e Solaiman (Iran), Parthian period (Herrmann, 1989. Fig. 7, b); 2 — bas-relief from the Temple of Baalshamin at Sia, Hauran (Syria), ca. AD 30 (Ibid. Fig. 7, c); 3 — reverse of Quintus Labienus’ silver denarius, ca. 40 BC. [Electronic resource.] Access mode: https://www.parthia.com/coins/pdc_43007.jpg (access date: 01.06.2021); 4, 5 — decoration details of a silver vessel found in Kosika (Astrakhan region, Russia), second half of the 1st century BC (drawings by V. K. Guguev) (Gall, 1998. Abb. 2, 3; 3, rechts); 6 — graffito from Old Nisa (Turkmenistan), 1st century BC (Пилипко, 1996. Табл. 45, 1); 7 — terracotta figurine from the Al-Hajjar necropolis (Bahrain), 1st century BC — 1st century AD (Lombard, 2000. P. 192, cat. no. 341); 8 — terracotta from the Museum für Islamische Kunst in Berlin, 1st — 3rd centuries AD (Herrmann, 1989. Pl. V, a); 9 — fragment of a woolen embroidered fabric from Barrow 31 of the Noin-Ula burial ground (Mongolia), late 1st century BC — early 1st century AD (Полосьмак, 2010. С. 53); 10 — terracotta from Dura-Europos (Syria), presumably the first half of the 3rd century AD (Downey, 2003. Fig. 104); 11 — detail of a stone relief from Nagarjunakonda (India), 2nd or 3rd century AD (Тюляев, 1988. Ил. 206); 12 — detail of the Sasanian rock relief Tang-e Ab I at Firuzabad (Iran), ca. 225 (Herrmann, 1989. Pl. XIV, a); 13 — reverse of Shapur I’s double dinar from a private collection, 260s (Aram et al., 2007. Fig. 18); 14 — detail of the Sasanian rock relief Bishapur VI at Bishapur (Iran), ca. 293 (Herrmann, 1989. Fig. 7, e). Not to scale

1a

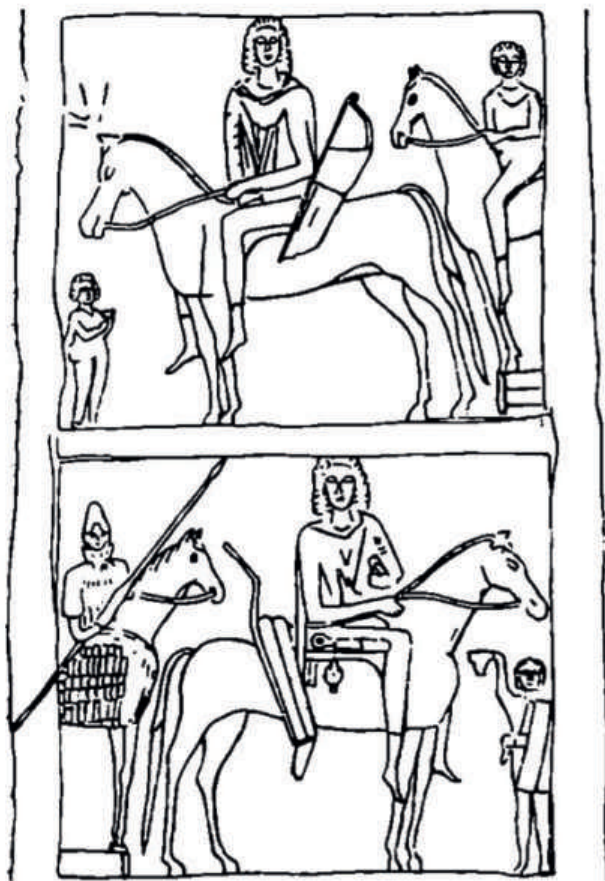
16

2

3a

36

Рис. 7. Памятники сирийского, кушано-сасанидского и боспорского искусства: *1a, 1б* — терракота из коллекции Лувра, парфянский или раннесасанидский период. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://carteles.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010126313> (дата обращения: 15.06.2021); *2* — деталь изображения на серебряном кушано-сасанидском блюде из частной коллекции (Япония), ок. 245–270 гг. (*Tanabe*, 2001. Col. p. 1); *3a, 3б* — средний и нижний рельефы надгробия Афения из Керчи, I в. н. э., фото и прорисовка (*Десятчиков*, 1972. Рис. 1, 2). *2, 3a, 3б* — без масштаба

Fig. 7. Works of Syrian, Kushano-Sasanian and Bosporan art: *1a, 1b* — terracotta from the Louvre collection, Parthian or early Sasanian period. [Electronic resource.] Access mode: <https://carteles.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010126313> (access date: 15.06.2021); *2* — detail of the representation on a silver Kushano-Sasanian plate from a private collection (Japan), ca. 245–270 (*Tanabe*, 2001. Col. p. 1); *3a, 3b* — middle and lower reliefs of Athenios' gravestone from Kerch, 1st century AD, photo and drawing (*Десятчиков*, 1972. Рис. 1, 2). *2, 3a, 3b* —not to scale

Центральной Евразии, на которых исследователи видят седла рассматриваемого вида. Так, выдающийся французский археолог-иранист Р. Гиршман еще задолго до работ П. Коннолли и Дж. Херрманн обратил внимание на «рогатые» (если пользоваться нынешней терминологией) седла и предположил, что именно такое седло изображено на фрагменте керамической фляги из Кой-Крылган-калы (рис. 1, 4), которое, по его мнению, принадлежит к тому же самому типу, что и седла на терракоте из Месджед-е Сулейман в Элимаиде (рис. 6, 1) и рельефе из храма Баалшамина в Си (рис. 6, 2) (*Ghirshman*, 1973. P. 102–103). Правда, на доступных нам фотографиях и рисунках упомянутого керамического фрагмента из Кой-Крылган-калы наличие там «рогатого» седла не кажется очевидным, поэтому мы надеемся в будущем разыскать этот артефакт, чтобы *de visu* проверить наблюдение Р. Гиршмана, которое по понятным причинам чрезвычайно интересно для нас самих.

А. К. Амброс, видный отечественный специалист в области раннесредневековых древностей Евразии, высказал мнение, что на стеле Афения, сына Мены, найденной в Керчи (Восточный Крым), у всадника, занимающего центральное место на ее среднем и нижнем регистрах, видны округлые языковидные выступы седла, охватывающие спереди его бедро чуть ниже пояса — точно так же, как это показано на раннесасанидских рельефах и блюдах (*Амброс*, 1992. С. 36, табл. VII, 13, 14, 16, 17). Такие передние выступы-упоры седел действительно хорошо различимы на многих сасанидских памятниках (см., например, рис. 6, 12; 7, 2), однако имеющиеся в нашем распоряжении воспроизведение и прорисовка рельефов надгробия Афения (*Десятчиков*, 1972. Рис. 1–3; *Трейстер*, 2010. Рис. 10, 3) (рис. 7, 3а, 3б) все же не позволяют достоверно разглядеть там «рога» седла. К сожалению, нынешнее местонахождение этой

стелы, обнаруженной на горе Митридат в 1892 г. и затем какое-то время хранившейся в Царском кургане в Керчи, неизвестно (*Трейстер*, 2010. С. 535, кат. № 12).

В западной научной литературе седла «рогатого» типа часто называются кельто-римскими (или римско-кельтскими), что и понятно, поскольку они первоначально были выделены по иконографическим и вещественным материалам, происходящим с римского Запада. Поэтому неудивительно, что иногда эти седла считают изобретением кельтов (галлов), у которых они были заимствованы римлянами (*Hyland*, 1990. P. 133; *Connolly*, 1998. P. 235, 236; *Feugère*, 2002. P. 84, 134, 136; ср.: *Bishop*, 1988. P. 116; 2015. P. 381). Впрочем, Дж. Херрманн в самом конце 1980-х гг. резонно предположила, что толчком к появлению «рогатых» седел «несомненно, должно было стать введение тяжелой кавалерии ... к началу парфянского периода» (*Herrmann*, 1989. P. 764), после чего наметилась явная тенденция связывать их происхождение со всадническими народами Центральной Азии (*James*, 1993. P. 79; *Allen*, 2001. P. 61; 2007. P. 131–132; *Никонов*, 2002б. С. 22; 2002в. С. 97; *Gawroński*, 2005. P. 32, 34; *Grotowski*, 2010. P. 383). Однако этот вывод базировался больше на логических предпосылках, чем на реальных материалах. Теперь же, благодаря рассмотренным находкам терракот из Южного Приаралья и, в первую очередь, той конской фигурке из Кой-Крылган-калы, которая надежно датируется IV–III вв. до н. э. (рис. 3, 1а, 1б; 4, 1), он получил и необходимое материальное подтверждение, к тому же сужающее границы территории предполагаемого изобретения жестких седел «рогатого» типа. Исходя из этих данных мы можем с достаточной долей уверенности утверждать, что в период раннего эллинизма этот важнейший элемент снаряжения воинов катафрактной кавалерии был

разработан и внедрен в практику военного дела в землях Южного Приаралья и уже оттуда с течением времени распространился по античному миру. Этот вполне обоснованный вывод, в свою очередь, является серьезным дополнительным аргументом в поддержку мнения, которое столь

прозорливо (скорее интуитивно) высказал С. П. Толстов еще в 1948 г., хотя он и основывался тогда на очень ограниченном археологическом материале: родину катафрактов следует искать в пределах Хорезма и его обширной скотоводческой периферии.

- Алексеев, 2012 — Алексеев А. Ю. Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. 272 с.
- Амброз, 1992 — Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. М., 1992. № 1. С. 6–108.
- Аржанцева, 2016 — Аржанцева И. А. Хорезм. История открытий и исследований по материалам архива Хорезмской экспедиции. Этнографический альбом. Ульяновск: Артишок, 2016. 288 с., 48 цв. ил.
- Ахметжан, Ахметжанова, 2013 — Ахметжан К. С., Ахметжанова Р. А. Опыт реконструкции седла из кургана № 11 могильника Берел // Тр. филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Астана, 2013. Т. 2. С. 186–195.
- Берзина, 2010 — Берзина С. Я. Древние геммы Востока. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 208 с.
- Болелов, 2004 — Болелов С. Б. Керамика // Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2004. С. 93–147.
- Вайнберг, 1977 — Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 194 с., 31 табл.
- Вайнберг, 1991 — Вайнберг Б. И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-ых — 80-ых годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). Сб. 1 / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. С. 5–109.
- Вайнберг, 1992 — Вайнберг Б. И. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах). С. 116–122, 344, 394–396.
- Вайнберг, 1999 — Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. — VIII в. н. э. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 360 с.
- Вайнберг, 2004 — Вайнберг Б. И. Реконструкция верований древних хорезмийцев по археологическим материалам // Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2004. С. 213–236.
- Вайнберг, Левина, 1992 — Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах). С. 47–61, 342, 356–364.
- Вайнберг, Левина, 1993 — Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикратская культура. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993 (Низовья Сырдарьи в древности; Вып. 1). 130 с., 85 рис.
- Воробьева, 1959 — Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Тр. ХАЭЭ. 1959. Т. IV. С. 63–220.
- Воробьева, 1967а — Воробьева М. Г. Керамика // Тр. ХАЭЭ. 1967. Т. V. С. 102–131, 314–330.
- Воробьева, 1967б — Воробьева М. Г. Памятники искусства. I. Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки // Тр. ХАЭЭ. 1967. Т. V. С. 173–214, 338–346.
- Воробьева, 1981 — Воробьева М. Г. Хорезмские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма / Редколлегия: М. А. Итина, Ю. А. Рапопорт, Н. С. Сычева, Б. И. Вайнберг. М.: Наука, ГВРЛ, 1981. С. 184–194.
- Гаибов, Кошеленко, 2013 — Гаибов В. А., Кошеленко Г. А. От Хорезма до Боспора: о «сарматской» посадке всадников // ПИФК. 2013. № 2. С. 286–296.
- Галль, 1997 — Галль Х. фон. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (Истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 1997. № 2. С. 174–198.
- Горелик, 1971 — Горелик М. В. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластинке из Геремесова кургана // СА. 1971. № 3. С. 236–245.

- Горелик*, 1982 — *Горелик М. В.* Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 82–112.
- Горелик*, 1987 — *Горелик М. В.* Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 110–133, 367–373.
- Даркевич*, 1976 — *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 200 с.
- Десятчиков*, 1972 — *Десятчиков Ю. М.* Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4. С. 68–77.
- Левина*, 1966 — *Левина Л. М.* Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Н. А. Кисляков, М. Г. Воробьева. М.: Наука, 1966. С. 45–90.
- Левина*, 1992 — *Левина Л. М.* Памятники джеты-асарской культуры середины I тысячелетия до н. э. — середины I тысячелетия н. э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах). С. 61–72, 342–343, 365–375.
- Левина*, 1994 — *Левина Л. М.* Джетыасарская культура. Ч. 3–4: Могильники Алтынасар 4. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994 (Низовья Сырдарьи в древности; Вып. 4). 312 с.
- Левина*, 1996 — *Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 398 с., 48 ил.
- Литвинский*, 1998 — *Литвинский Б. А.* Читая «Древний Хорезм» (воспоминания юности) // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Отв. ред. Е. Е. Неразик. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 22–27.
- Литвинский*, *Пьянков*, 1966 — *Литвинский Б. А., Пьянков И. В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1966. № 3. С. 36–52.
- Ломбар*, *Боксматти-Фатух*, 2012a — *Ломбар П., Боксматти-Фатух Н.* Тилос. Путешествие в загробный мир. Ритуалы и погребальные традиции в Бахрейне в I веке до н. э. — III веке н. э. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. 24 с.
- Ломбар*, *Боксматти-Фатух*, 2012b — *Ломбар П., Боксматти-Фатух Н.* Тилос. Путешествие в загробный мир. Ритуалы и погребальные традиции на Бахрейне (II в. до н. э. — III в. н. э.). М.: ГМБ, 2012. 52 с. = *Lombard P., Boksmati-Fattouh N.* Tylos. The Journey beyond Life. Rituals and funerary traditions in Bahrain (2nd century BC — 3rd century AD). Moscow: SMOA, 2012. 52 p.
- Любимова*, 2019 — *Любимова О. В.* (пер. с итал.). В конюшне под Помпеями найден третий породистый конь с богатой военной сбруей. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=976&v=print> (дата обращения: 11.12.2019) (итал. оригинал: <http://pompeisites.org/comunicati/scoperto-un-terzo-cavallo-di-razza-con-ricca-bardatura-militare-nella-stalla-di-civita-giuliana/>).
- Мамбетуллаев*, 1977 — *Мамбетуллаев М.* Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе // СА. 1977. № 3. С. 278–281.
- Мамбетуллаев*, 1984 — *Мамбетуллаев М.* Хумбуз-тепе — керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. Ташкент, 1984. Вып. 2. С. 21–39.
- Мамбетуллаев*, 2003 — *Мамбетуллаев М. М.* Вооружение и военное дело Хорезма // Археология Приаралья. Нукус, 2003. Вып. VI. С. 21–31.
- Маршак*, 2017 — *Маршак Б. И.* История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности / Под ред. В. П. Никонорова; вступ. статья Ф. Гренэ. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.
- Мецлер*, 2002 — *Мецлер Д.* Оседланный конь без всадника — религиозный символ парфянской эпохи // *Miras*. 2002. № 1. С. 108–113.
- Никоноров*, 1994 — *Никоноров В. П.* Среднеазиатские катафрактарии как продукт взаимодействия военных школ Запада и Востока в эпоху раннего эллинизма // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза: Материалы методологического семинара. Памяти Геннадия Николаевича Курочкина посвящается / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1994 (Археологические изыскания; Вып. 13). С. 47–51.
- Никоноров*, 1995 — *Никоноров В. П.* К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А. М. Илюшин. Кемерово: Кемеровский ГУ, 1995. С. 53–61.
- Никоноров*, 2002a — *Никоноров В. П.* Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО. НС. Т. I (XXVI). С. 223–323.

- Никоноров, 2002б* — *Никоноров В. П.* К вопросу о седлах парфянской кавалерии // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2002. С. 21–27.
- Никоноров, 2002в* — *Никоноров В. П.* О седлах парфянской конницы // *Miras*. 2002. № 4. С. 97–100.
- Никоноров, 2003* — *Никоноров В. П.* К вопросу о роли стремян в развитии военного дела // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. Кн. 2. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. С. 263–267.
- Никоноров, 2007* — *Никоноров В. П.* «Катафракты» или «катафрактарии»? Еще раз по поводу двух обозначений античной панцирной конницы // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2007. С. 66–72.
- Никоноров, 2008* — *Никоноров В. П.* Вступительное слово // *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. П. Никонорова и А. В. Симоненко. СПб.: Филол. факт СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2008. С. 5–12.
- Никоноров, 2010* — *Никоноров В. П.* К вопросу о вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античной цивилизации (на примере Ирана) // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова / Редкол.: И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, Л. Е. Масанова. Алматы: LEM, 2010. С. 43–65.
- Никоноров, 2016* — *Никоноров В. П.* Стремя младое, неизвестное // *Дилетант*. М., 2016. № 4. С. 12–17.
- Орбели, Тревер, 1935* — *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л.: Academia, 1935. XLVII с., 85 табл.
- Пилипко, 1996* — *Пилипко В. Н.* Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М.: Издат. фирма «Восточная литература», 1996. 160 с., 96 табл.
- Полосьмак, 2010* — *Полосьмак Н. В.* «Мы выпили Сому, мы стали бессмертными...» // Наука из первых рук. Новосибирск, 2010. № 3. С. 50–59.
- Полосьмак, 2013* — *Полосьмак Н. В.* Фрагмент вышитой завесы из кургана 31 могильника Ноин-Ула // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко / Отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2013. С. 352–365.
- Полосьмак, Богданов, 2015* — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2015. 136 с.
- Полосьмак, Богданов, 2016* — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006–2012 гг. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2016. 176 с.
- Пугаченкова, 1966* — *Пугаченкова Г. А.* О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. 1966. № 2. С. 27–43.
- Разин, 1955* — *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. I: Военное искусство рабовладельческого периода войны. М.: Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1955. LXII, 560 с.
- Рапопорт, 1977* — *Рапопорт Ю. А.* Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура) / Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М.: Наука, ГВРЛ, 1977. С. 58–71.
- Симоненко, 2015* — *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. 2-е изд., испр. и доп. Киев: Издатель Олег Филюк, 2015. 466 с.
- Степанова, 2015* — *Степанова Е. В.* Седла гунно-сарматского времени // *Тр. Гос. Эрмитажа*. СПб., 2015. Т. 77. С. 389–425.
- Степанова, 2016* — *Степанова Е. В.* Реконструкция скифского седла из Пазырыкского кургана 3 // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 306–336.
- Толстов, 1948* — *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 353 с., 87 табл.
- Толстов, 1961* — *Толстов С. П.* Приаральские скифы и Хорезм (к истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи) // СЭ. 1961. № 4. С. 114–146.
- Толстов, 1962* — *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 324 с.
- Трейстер, 1994* — *Трейстер М. Ю.* Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–203.
- Трейстер, 2010* — *Трейстер М. Ю.* Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // Древности Боспора. М., 2010. Т. 14. С. 484–561.
- Трудновская, 1963* — *Трудновская С. А.* Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-

- Рабат // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963. Вып. 6. С. 201–213.
- Тюляев, 1988 — Тюляев С. И. Искусство Индии. III-е тысячелетие до н. э. — VII век н. э. М.: Искусство, 1988. 344 с.
- Хазанов, 1968 — Хазанов А. М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1968. № 1. С. 180–191.
- Хазанов, 2008 — Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. П. Никонорова и А. В. Симоненко. СПб.: Филол. факт СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2008. 294 с.
- Черненко, 1971 — Черненко Е. В. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии / Отв. ред. П. Д. Либеров и В. И. Гуляев. М.: Наука, 1971 (МИА; № 177). С. 35–38.
- Черненко, 1984а — Черненко Е. В. Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 59–75.
- Черненко, 1984б — Черненко Е. В. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой, В. Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 231–235.
- Шульга, 2007 — Шульга П. И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского ГУ, 2007. С. 142–156.
- Яблонский, 1999 — Яблонский Л. Т. Некрополи древнего Хорезма (Археология и антропология могильников). М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 327 с.
- Яблонский, 2013 — Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.
- Яблонский, 2015 — Яблонский Л. Т. Система вооружения элитного воина IV в. до н. э. на востоке скифской ойкумены (древнейшие катафрактарии Евразии?) // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы Междунар. науч. конф., посв. памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов на/Д.: Изд-во Южного НЦ РАН, 2015. С. 216–223.
- Ягодин и др., 1985 — Ягодин В. Н., Никитин А. Б., Кошеленко Г. А. Хорезм // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1985 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах). С. 317–337, 442–454.
- Allen, 2001 — Allen S. Celtic Warrior, 300 B.C. — A.D. 100. Oxford: Osprey Publishing, 2001 (Osprey Military Warrior Series; 30). 64 p.
- Allen, 2007 — Allen S. Lords of Battle: The World of the Celtic Warrior. Oxford; New York: Osprey Publishing, 2007. 224 p.
- Alram et al., 2007 — Alram M., Blet-Lemarquand M., Skjærvø P. O. Shapur, King of Kings of Iranians and non-Iranians // Res Orientales. Bures-sur-Yvette, 2007. Vol. XVII. P. 11–40.
- Bishop, 1988 — Bishop M. C. Cavalry equipment of the Roman army in the first century A.D. // Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers: Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference / Ed. J. C. Coulston. Oxford: B.A.R., 1988 (BAR. IS; 394). P. 67–195.
- Bishop, 2015 — Bishop M. C. Equine Equipment // The Encyclopedia of the Roman Army. Vol. 2: Eas — Pol / Gen. ed. Y. Le Bohec. Malden; Oxford; Chichester: Wiley Blackwell, 2015. P. 378–382.
- Bishop, Coulston, 2006 — Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. 2nd ed. Oxford: Oxbow Books, 2006. XIV, 321 p., 8 pl.
- Bopearachchi, 2003 — Bopearachchi O. An Indo-Greek and Indo-Scythian Coin Hoard from Bara (Pakistan). Seattle: Amir Nawaz Khan, 2003. 105 p., 31 pl.
- Bopearachchi, Sachs, 2003 — Bopearachchi O., Sachs C. Armures et armes des Indo-Scythes d'après leurs émissions monétaires et les données archéologiques // Topoi. Orient — Occident. Lyon, 2003. Vol. 11/1 (2001). P. 321–355.
- Connolly, 1986 — Connolly P. A Reconstruction of a Roman Saddle // Britannia. 1986. Vol. 17. P. 353–355.
- Connolly, 1987 — Connolly P. The Roman Saddle // Roman Military Equipment: the Accoutrements of War: Proceedings of the Third Roman Military Equipment Research Seminar / Ed. M. Dawson. Oxford: B.A.R., 1987 (BAR. IS; 336). P. 7–27.
- Connolly, 1988a — Connolly P. Experiments with the Roman Saddle // Exercitus: The Bulletin of the Ermine Street Guard. London, 1988. Vol. 2, no. 5. P. 71–76.
- Connolly, 1988b — Connolly P. Experiments with the Roman Saddle // Military Illustrated. London, 1988. No. 13. P. 26–32.
- Connolly, 1990 — Connolly P. The saddle horns from Newstead // JRMES. 1990. Vol. 1. P. 61–66.

- Connolly, 1998 — Connolly P. Greece and Rome at War. New and rev. ed. London: Greenhill Books; Mechanicsburg: Stackpole Books, 1998. 320 p.
- Connolly, 2000 — Connolly P. Experiments with the *sarissa* — the Macedonian pike and cavalry lance — a functional view // JRMES. 2000. Vol. 11. P. 103–112.
- Connolly, Driel-Murray, 1991 — Connolly P., Driel-Murray C. van. The Roman Cavalry Saddle // Britannia. 1991. Vol. 22. P. 33–50.
- Conyard, 2013 — Conyard J. Recreating the Late Roman Army // War and Warfare in Late Antiquity: Current Perspectives. Vol. 2 / Eds. A. Sarantis, N. Christie. Leiden; Boston, 2013 (Late Antique Archaeology; Vol. 8.2 — 2011). P. 523–567.
- Dixon, Southern, 1997 — Dixon K. R., Southern P. The Roman Cavalry: From the First to the Third Century A.D. London; New York: Routledge, 1997. 256 p., 35 pl.
- Downey, 2003 — Downey S. B. Terracotta Figurines and Plaques from Dura-Europos. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. XVII, 220 p.; XI, 149 fig.; 31 dr.
- Driel-Murray et al., 2004 — Driel-Murray C. van, Connolly P., Duckham J. Roman Saddles: Archaeology and Experiment 20 Years on // In the Saddle: An exploration of the saddle through history. A Meeting of the Archaeological Leather Group at Saddlers' Hall, London, 23 October 2002 / Ed. L. Gilmor. London: Archetype Publications, 2004. P. 1–19.
- Feugère, 2002 — Feugère M. Weapons of the Romans / Transl. from the French by D. G. Smith. Stroud; Charleston: Tempus, 2002. 224 p.
- Fröhlich, 2005 — Fröhlich C. La représentation du roi cavalier sur les monnaies indo-scythes et indo-parthes: une approche numismatique // Revue Numismatique. Paris, 2005. Vol. 161. P. 59–78.
- Fröhlich, 2008 — Fröhlich C. Monnaies indo-scythes et indo-parthes du Département des monnaies, médailles et antiques: Catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2008. 158 p., 29 pl.
- Gall, 1998 — Gall H. von. Die Reiterkampfszene auf der Silbervase von Kosika. Ursprünge und Rezeption eines iranischen Motivs in Südrussland // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin, 1998. Bd. 29 (1997). S. 243–269.
- Gawroński, 2005 — Gawroński R. A. Some Remarks on the Origins and Construction of the Roman Military Saddle // Archeologia: Rocznik Instytutu Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 2005. T. LV (2004). P. 31–40.
- Ghirshman, 1973 — Ghirshman R. La selle en Iran // IA. 1973. Vol. X. P. 94–107.
- Gresak et al., 2018 — Gresak V., Cernekova M., Winterbottom S. Reconstructing a Gallo-Roman riding saddle // JRMES. 2018. Vol. 19. P. 207–215.
- Grotowski, 2010 — Grotowski P. L. Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261). Leiden; Boston: Brill, 2010 (The Medieval Mediterranean: Peoples, Economies and Cultures, 400–1500; Vol. 87). XXV, 483 p., 182 figs.
- Herrmann, 1989 — Herrmann G. Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Vol. 2 / Ed. cur. L. de Meyer et E. Haerincx. Gent: Peeters Press, 1989. P. 757–809.
- Hersh, 1980 — Hersh Ch. The coinage of Quintus Labienus Parthicus // Schweizerische numismatische Rundschau = Revue suisse de Numismatique = Rivista svizzera di numismatica. Bern, 1980. Bd. 59. S. 41–49.
- Howard-Davis, 2009 — Howard-Davis Chr. The Wooden Artefacts // Howard-Davis Chr. The Carlisle Millennium Project: Excavations in Carlisle, 1998–2001. Vol. 2: The Finds / With contributions by A. Bates, M. Bishop, P. Booth et al. Lancaster: Oxford Archaeology North, 2009 (Lancaster Imprints; 15). P. 805–816.
- Hyland, 1990 — Hyland A. Equus: the Horse in the Roman World. New Haven; London: Yale University Press, 1990. XIII, 285 p., 31 pl.
- Hyland, 1993 — Hyland A. Training the Roman Cavalry. From Arrian's *Ars Tactica*. London: Grange Books, 1993. XIV, 197 p.
- Hyland, 2013 — Hyland A. War and the Horse // The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World / Eds. B. Campbell, L. A. Tritle. New York: Oxford University Press, 2013. P. 493–526.
- James, 1993 — James S. Exploring the World of the Celts. London: Thames and Hudson, 1993. 192 p.
- Junkelmann, 1992 — Junkelmann M. Die Reiter Roms. T. 3: Zubehör, Reitweise, Bewaffnung. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1992 (Kulturgeschichte der Antiken Welt; Bd. 53). 277 S.
- Littauer, 1981 — Littauer M. A. Early stirrups // Antiquity: A periodical review of archaeology... Gloucester, 1981. Vol. LV (No. 214). P. 99–105.
- Loades, 2020 — Loades M. Scythian archery // Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia: Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017 / Eds. S. V. Pankova, St J. Simpson. Oxford: Archaeopress Publishing, 2020. P. 258–267.
- Lombard, 2000 — Lombard P. [The Tylos Culture (300 BC — 600 AD):] Stone, Plaster and Terracotta

- Sculpture // Traces of Paradise. The Archaeology of Bahrain, 2500 BC — 300 AD: an Exhibition at the Brunei Gallery, Thornhaugh Street, London WC1 (12 July — 15 September 2000) / Eds. H. Crawford, M. Rice. London: Dilmun Committee, 2000. P. 190–202.
- Longhurst*, 1938/1999 — *Longhurst A. H.* The Buddhist Antiquities of Nāgārjunakoṇḍa, Madras Presidency. Janpath, New Delhi: Archaeological Survey of India; Government of India, 1999 (Memoirs of the Archaeological Survey of India; No. 54). IV, 67 p., 50 pl. (Reprint of the original edition 1938).
- Metzler*, 1978 — *Metzler D.* Das Pferd auf den Münzen des Labienus — ein Mithras-Symbol // Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens: Festschrift für Friedrich Karl Dörner zum 65. Geburtstag am 28. Februar 1976. Bd. 2 / Hrsg. S. Şahin, E. Schwertheim, J. Wagner. Leiden: E. J. Brill, 1978 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain; T. 66/2). S. 619–638.
- Mielczarek*, 1993 — *Mielczarek M.* Cataphracti and Clibanarii. Studies on the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World. Łódź: Oficyna Naukowa MS, 1993 (Studies on the History of Ancient and Medieval Art of Warfare; Vol. 1). 145 p.
- Nikonorov*, 1997 — *Nikonorov V. P.* The Armies of Bactria, 700 BC — 450 AD. Vol. 1–2. Stockport: Montvert Publications, 1997. 143 p.
- Nikonorov*, 1998 — *Nikonorov V. P.* Cataphracti, Catafractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of Their Identifications // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конф. (2–5 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Г. В. Вилинбахов, В. М. Массон. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. P. 131–138.
- Nikonorov*, 2010 — *Nikonorov V. P.* “Like a Certain Tornado of Peoples”: Warfare of the European Huns in the Light of Graeco-Latin Literary Tradition // Anabasis. Rzeszów, 2010. Vol. 1. P. 264–291.
- Peterson*, 1990 — *Peterson D.* Limesritt 90: Continuing Experiments with the Roman Saddle // Arma: Newsletter of the Roman Military Equipment Conference. Ryton (Tyne and Wear), 1990. Vol. 2, no. 2. P. 19–21.
- Polos'mak*, 2015 — *Polos'mak N. V.* Nouvelles découvertes de tentures polychromes brodées du début de notre ère dans les tumuli n° 20 et n° 31 de Noin-Ula (République de Mongolie) // Arts Asiatiques. Paris, 2015. T. 70. P. 3–32.
- Rosenfield*, 1967 — *Rosenfield J. M.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley; Los Angeles: University of California Press; London: Cambridge University Press, 1967 (California Studies in the History of Art; VI). XLIV, 377 p., 16 pl., 167 fig.
- Rubin*, 1955 — *Rubin B.* Die Entstehung der Kataphraktenreiterei im Lichte der chorezmischen Ausgrabungen // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Wiesbaden, 1955. Bd. 4, Ht. 2/3. S. 264–283.
- Shavarebi*, 2014 — *Shavarebi E.* Some Remarks on a Newly-Discovered Coin Type of Shāpūr I // Studia Iranica. Paris, 2014. T. 43, fasc. 2. P. 281–290.
- Stepanova*, 2016 — *Stepanova E. V.* Reconstruction of a Scythian Saddle from Pazyryk Barrow № 3 // The Silk Road. Saratoga, 2016. Vol. 14. P. 1–18.
- Stepanova*, 2020 — *Stepanova E. V.* Saddles of the Hun-Sarmatian period // Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia: Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017 / Eds. S. V. Pankova, St J. Simpson. Oxford: Archaeopress Publishing, 2020. P. 561–587.
- Stephenson, Dixon*, 2003 — *Stephenson I. P., Dixon K. R.* Roman Cavalry Equipment. Stroud: Tempus, 2003. 127 p.
- Tanabe*, 1998 — *Tanabe K.* A Newly Located Kushano-Sasanian Silver Plate: The Origin of the Royal Hunt on Horseback for Two Male Lions on “Sasanian” Silver Plates // The Art and Archaeology of Ancient Persia: New Light on the Parthian and Sasanian Empires / Eds. V. S. Curtis, R. Hillenbrand, J. M. Rogers. London; New York: I. B. Tauris in association with the British Institute of Persian Studies, 1998. P. 93–102.
- Tanabe*, 2001 — *Tanabe K.* A Kushano-Sasanian Silver Plate and Central Asian Tigers // SRAA. 2001. Vol. 7. P. 167–186.
- Tarn*, 1930 — *Tarn W. W.* Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. VII, 170 p.
- Tolstov*, 1961 — *Tolstov S. P.* Les Scythes d'Aral et le Khorezm // IA. 1961. Vol. I. P. 42–92.
- Treister*, 1997 — *Treister M. Yu.* New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st Century A.D. A Survey of Publications in VDI // ACSS. 1997. Vol. 4, no. 1. P. 35–100.
- Treister*, 2005 — *Treister M. Yu.* On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and once more on the “Ampsalakos School” // ACSS. 2005. Vol. 11, no. 3–4. P. 199–255.
- Voyevodsky*, 1938 — *Voyevodsky M.* A Summary Report of a Khvarizm Expedition // Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology. New York, 1938. Vol. 5, no. 3. P. 235–244.
- Winterbottom*, 2006 — *Winterbottom S.* On the fringes of empire: recent finds of saddle leather from Carlisle // The Archaeological Leather Group. London, 2006. Newsletter 24. P. 7–11.

The history of the earliest rigid-structure saddles in the light of archaeological data from the Southern Aral Sea area

V. P. Nikonorov, I. A. Arzhantseva¹⁴

In the early Hellenistic period, the ancient historic-cultural region of Chorasmia located in the Amu Darya lower reaches, as well as the cattle-raising periphery adjacent to it, inhabited by nomadic and semi-nomadic tribes of the Massagetae, Dahae and Sacae, became the main places where a new type of cavalry troops — the mounted lancers encased together with their horses in full armour, who were called cataphracts (Gr. κατάφρακτοι, Lat. cataphracti) — came into existence. In turn, their appearance gave birth to new combat tactics, viz. the strict tactical cooperation on battlefield between a comparatively small detachment of cataphracts recruited exceptionally from tribal nobles and a much more numerous force of the light-armed horse-archers (Gr. ἵπποτοξόται, Lat. equites sagittarii) consisting of members of ordinary tribal clans. These two innovations were due to the heavy defeats of the nomadic and settled peoples of western Central Asia at the hands of the Macedonian army led by Alexander the Great in BC 329–327. They were initially conceived to be efficient means against so well equipped and trained infantry formations as the Greek-Macedonian phalanx and, subsequently, the Roman legion.

Undoubtedly, one of the most important elements of the cataphract outfit, along with the armour sets for the warrior and his horse, lance and long sword, had surely to be the saddle of rigid (wooden) construction that, unlike any kinds of soft saddle, could provide the heavy-armed rider with a comfortable and safe seat on horseback in the course of fighting with his offensive weapons for middle and close combat. The earliest kind of rigid saddles was the so-called horned saddle consisting of a saddletree with four pommels looking as “horns” — two at the front and two at the back. Importantly, one can see such “horned” saddles on terracotta figurines depicting two horses from the fortified site of Koi-Krylgan-kala in Chorasmia, dated to the 4th–3rd century BC (fig. 3, 1a–2b; 4, 1–3), and two fantastic beasts from the Sakar-chaga 3 burial ground in the Sarykamysch delta of the Amu Darya, dated to the 1st century BC — 3rd century AD (if not earlier) (fig. 3, 3a, 3b; 4, 4–6).

For the first time, the saddles of the type in question were, since 1984 onwards, determined and reconstructed by Peter Connolly on the basis of analyzing the available iconographic and material evidence of the early Roman Imperial era from Western Europe (fig. 5). For this reason, the «horned» saddles have received the name of Celto-Roman in the modern science, which also implies a historic-geographic area of their origin. In 1989, Georgina Herrmann, following Connolly’s observations, revealed depictions of “horned” saddles on works of art from Syria and Iran of late Parthian and early Sasanian times (fig. 6, 1, 2, 8, 12, 14). At present, her list of such depictions can be considerably widened by those from various regions, which proved to be unrepresented in it for one reason or another (fig. 6, 3–7, 9–11, 13; 7, 1a–2). It should be emphasized that the aforesaid terracotta figurines from Koi-Krylgan-kala and Sakar-chaga 3, and especially the one reliably dating back to the 4th–3rd centuries BC (Fig. 3, 1a, 1b; 4, 1), allow us to maintain with a high degree of certainty that the rigid saddles of the “horned” type as a very vital element of the cataphract outfit had been developed and introduced into the practice of warfare during the early Hellenistic period in the Southern Aral Sea area and from there spread, with the course of time, throughout the Antique world. This quite grounded inference, in turn, is a serious additional argument in support of the opinion perspicaciously (or rather by intuition) pronounced as far back as 1948 by Sergei P. Tolstov, who had then very limited archaeological material at his disposal, that the homeland of the cataphracts should be sought within the territories of Chorasmia and its spacious cattle-breeding periphery.

¹⁴ Valerii Nikonorov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18, Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vpikonorov@mail.ru. Irina Arzhantseva — Centre of Classical and Oriental Archaeology of Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics, Center of cross-cultural psychology and human ethology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Leninsky pr., 32a, Moscow, 119017, Russia; arzhantseva@rambler.ru.

О терракотовой пластике античного Согда

А. В. Омельченко¹

Аннотация. Рассмотрев основные типы согдийских терракотовых статуэток III в. до н. э. — V в. н. э., автор пришел к заключению об определенном влиянии на них образов греческой терракоты. Однако это воздействие на Согд было опосредовано «транзитными» культурными областями — Месопотамией, Маргианой и Бактрией.

Annotation. Having considered the main types of Sogdian terracotta figurines of the 3rd century BC — 5th century AD the author has come to a conclusion that there was a certain influence of the images of Greek terracotta art upon them. However, this impact upon Sogdiana was mediated by “transit” cultural regions — Mesopotamia, Margiana and Bactria.

Ключевые слова: коропластика, типы, Средний Восток, Согд, античная эпоха, эллинизм, древний костюм и атрибуты.

Keywords: coroplastics, types, Middle East, Sogdiana, Antique era, Hellenism, ancient costume and attributes.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-255-273

Согдиана — культурно-историческая область, занимавшая в древности центральную часть Средней Азии. Выделяют четыре основных ареала расселения согдийцев: два по реке Зеравшан — Самарканд с прилегающими районами (среднее и верхнее течение, Центральный Согд) и Бухарский оазис (нижнее течение, Западный Согд), два по реке Кашкадарья (Южный Согд) — Кеш (Китабо-Шахрисабзский оазис, на востоке) и Нахшаб (Каршинский оазис, на западе) (рис. 1).

Терракотовая пластика (или, шире, коропластика) — искусство изготовления небольших фигурок из глины — известна на юге Средней Азии с эпохи неолита². Однако в Согдиане непрерывное развитие оно получает только в период античности, не ранее III в. до н. э. Вследствие того что производство статуэток в регионе в древности и раннем средневековье было массовым, их много в экспозициях и фондах музеев. Самые большие коллекции согдийской терракоты находятся в Узбекистане,

прежде всего в Самарканде и Ташкенте, а также Бухаре, Шахрисабзе, Карши; есть они и в Таджикистане (Душанбе, Пенджикенте). За пределами Средней Азии крупным собранием обладает Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), меньшим — Государственный Исторический музей (Москва).

Основу коллекций коропластики Центральной Согдианы³ составляют статуэтки и их фрагменты из двух больших собраний известных собирателей древностей конца XIX — начала XX в.: Б. Н. Кастальского и самаркандского купца Мирзы Бухари, который сотрудничал с Н. И. Веселовским⁴. До начала 1940-х гг. коллекции музеев пополнялись за счет археологических раскопок прежде всего на городищах Центральной Согдианы: Афрасиаб (древний Самарканд) (Вяткин, 1926), Тали-Барзу и Кафыр-кала (Григорьев, 1940).

³ Иллюстративный материал в статье собран по регионам: рис. 2, 3 — Центральный Согд, 3 — Южный Согд, 4 — Западный Согд.

⁴ В собрании Эрмитажа есть не только фигурки, приобретенные у самаркандского антикчи известным петербургским археологом, но также статуэтки, происходящие непосредственно из раскопок Н. И. Веселовского на Афрасиабе.

¹ Отдел Востока, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: andrey.sogd@gmail.com.

² В статье рассматриваются основные типы только антропоморфных фигурок.

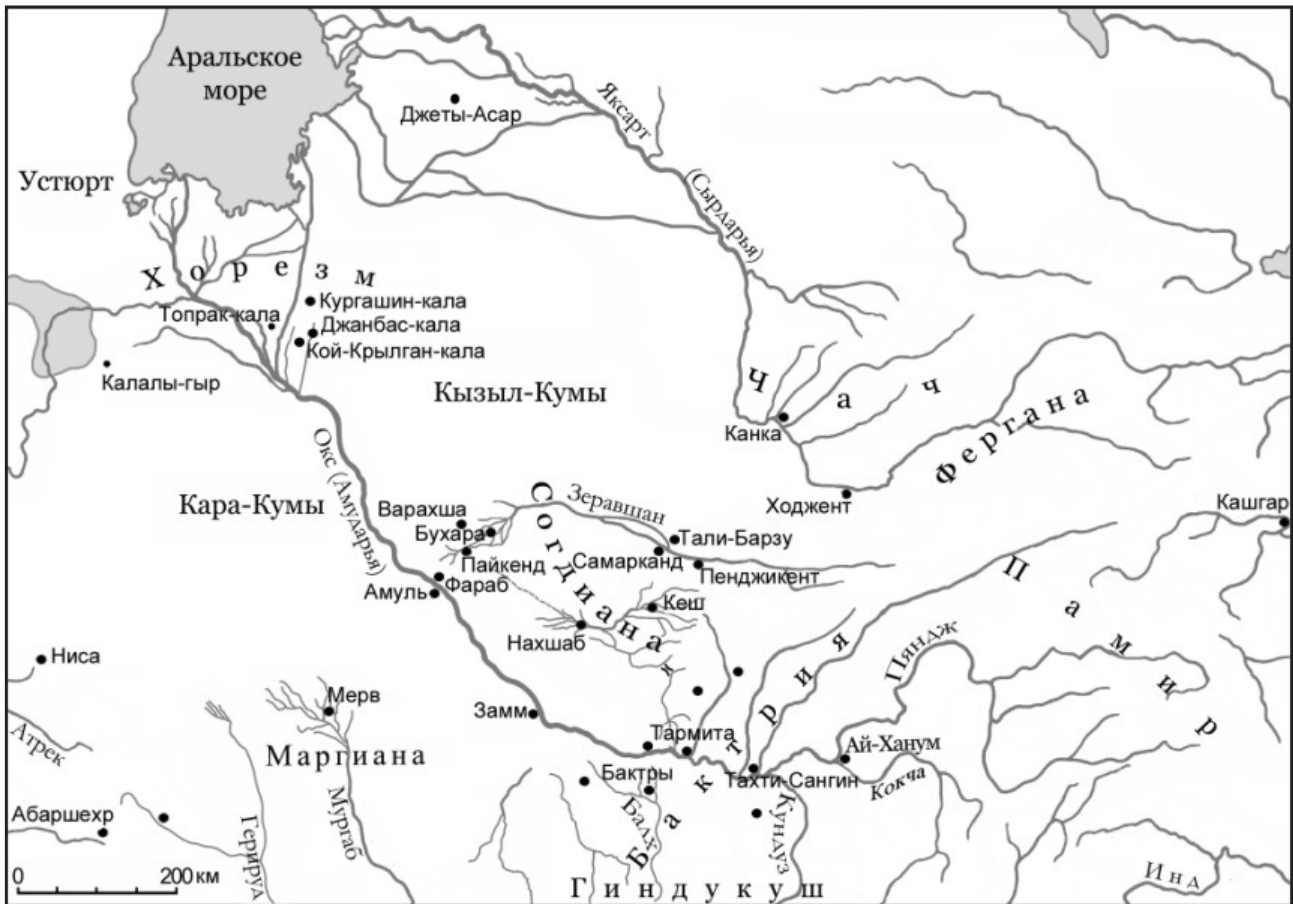

Рис. 1. Средняя Азия в эпоху античности. Культурно-исторические области

Fig. 1. Central Asia in antiquity. Cultural-historical regions

Следующий этап поступления новой информации о коропластике Согда приходится на вторую половину XX в. и связан с расширением территории исследований, особенно после создания в 1958 г. Афрасиабской археологической экспедиции. Многие ее находки были сделаны в соответствующих культурных наслоениях, что позволило установить датировки для ранее известных групп фигурок (исследования А. И. Тереножкина, С. К. Кабанова, Г. В. Шишкиной). Работы 1989–2008 гг. узбекско-французской экспедиции МАFOUz-Согдиана принесли новые стратифицированные находки терракотовых изображений.

Меньшим количеством образцов представлена терракота Западного (Бухарского) Согда. В научный оборот она была введена после исследования городища Варакша на северо-западе оазиса (Шишкин, 1963. С. 49, 50, 122, 123, 143), раскопок в самой Бухаре (Адылов, 1983; Ахраров, Усманова, 1990) и на городищах Пайкенд (Бухарская археологическая экспедиция Государственного

Эрмитажа и Института археологии АН Узбекистана; см. далее), позднее — Уч-Кулах (узбекско-итальянская миссия; *Lo Muzio*, 2009), а совсем недавно — Баштепа (узбекско-американская экспедиция; *Stark et al.*, 2019). Были опубликованы и некоторые статуэтки, обнаруженные в Бухарском оазисе в предшествующие десятилетия и ранее не изданные (*Lo Muzio*, 2010).

Терракота античного периода Южного Согда известна прежде всего благодаря исследованиям на городищах Еркурган (древний Нахшаб) в нижнем течении р. Кашкадарья (Воробьева, 1991. С. 111–116; Сулейманов, 2000. С. 189–225) и в Китабе (Кеш) — в верхнем (Кабанов, 1962. С. 47–48; Крашенинникова, 1977. С. 89, 93, ил. 26; 1989. С. 30). Несколько статуэток I в. до н. э. — III в. н. э. было обнаружено в ходе исследований других древних тепа области (Омельченко, 2000a; 2000b; 2001).

Первый каталог, включавший материалы по терракоте Согда, вышел еще в XIX в. В нем была

предложена типология статуэток и указано на их сходство с коропластикой Малой Азии античного времени; была выделена так называемая смешанная греко-азиатская группа (Толстой, Кондаков, 1890. С. 26–35). В 1930-х гг. был издан хорошо иллюстрированный каталог терракоты Афрасиаба, хранящейся в Государственном Эрмитаже (Trever, 1934).

Первая большая публикация второй половины XX в., посвященная согдийской терракоте, принадлежит Ф. А. Заславской (Заславская, 1959). основоположницей комплексного изучения коропластики Согдианы и Средней Азии является В. А. Мешкерис. Результатом ее многолетних трудов стали монографии (Мешкерис, 1962; 1977; 1989; 2004), в которых проанализирована большая часть коллекций и отдельных находок терракотовых статуэток из Согда (прежде всего Самарканда), предложены их классификация и датировки, выделены различные школы производства фигурок. Эти работы на долгие годы стали ориентиром для исследователей, затрагивающих в своих публикациях тему малой пластики Согда.

Большой раздел, посвященный анализу терракоты Нахшаба, включает капитальная монография Р. Х. Сулейманова (Сулейманов, 2000. С. 189–225). Данные согдийской коропластики были привлечены также в двух работах, рассматривающих древний среднеазиатский костюм (Kidd, 2007; Яценко, 2006). Не так давно издан объемный труд, в котором рассмотрено большинство известных находок среднеазиатской терракоты античного периода, которые происходят непосредственно из раскопок (Двуреченская, 2016).

Древнейшие терракотовые фигурки попали в долину Зеравшана в эпоху позднего энеолита — ранней бронзы (конец IV — середина III тыс. до н. э.) в связи с расширением ойкумены древнеземледельческих племен Ближнего и Среднего Востока. Статуэтки богини-матери найдены на поселении Саразм в верхнем течении реки (Исаков, 1991. Рис. 68; Кирчо, 2007. С. 198, 199) и могильнике Заманбаба — в нижнем (Гулямов и др., 1966. Табл. 5, 5; Алёкшин, 2010. С. 81, 87). Для эпохи поздней бронзы и раннего железного века малая пластика, как и скульптура, в Согдиане почти неизвестна. С начала I тыс. до н. э. в Средней Азии получает распространение зороастризм, по канонам которого изначально запрещалось изображать божества. Тем не менее в период вхождения большей части Средней Азии в состав Ахеменидской империи (с 530 г. до н. э.), включившей древние центры искусства

коропластики Ближнего Востока, некоторые изделия могли привозиться в регион. Примером, в частности, являются фигурки всадников в башлыках, попадавшие в Среднеазиатское междуречье, как и в другие области империи, видимо, с войсками гарнизонов (рис. 2. III, 1) (Мешкерис, 1989. С. 105, рис. 14, 1, 1а; ср.: Karageorghis et al., 2016. Cat. no. 280, 282, 295, 296; Menegazzi, 2009. P. 75, fig. 7).

Походы Александра Македонского и, как следствие, создание восточно-эллинистических государств, привели к важным сдвигам не только в социально-экономической, но и в демографической и духовной сферах, что отразилось в искусстве регионов — от Египта до Индостана. В Средней Азии усиливается влияние ближневосточных и эллинистических культов, что определялось также переселением значительного количества колонистов с Балкан и из Малой Азии. Ярче эти процессы были выражены в более эллинизированных Бактрии и Маргиане, являвшихся для Согдианы своеобразными ретрансляторами нововведений. В самом Согде, ввиду большей удаленности, изменения произошли позже, что вместе со свойственной местному населению традиционностью, определяло некоторую «экзотичность» образов эллинских божеств, переосмысливаемых в соответствии с принятыми религиозными воззрениями и эстетическими канонами.

В силу своего столичного статуса важнейшим центром производства терракоты на протяжении тысячелетия являлся крупнейший город Согда — Самарканд (Мараканда). Археологические исследования показывают, что о первых опытах местных мастеров с небольшими изображениями коропластики можно говорить применительно к концу III — началу II в. до н. э. Наиболее ранние образцы представлены антропоморфными налпами на сосудах (Кабанов, 1984. Рис. 1, 1, 3), выполненными в подражание так называемым атташам, или аппликативным рельефам, украшавшим металлическую и гончарную посуду пред- и эллинистического периодов (Treister, 2010. P. 18–19, fig. 21; Carter et al., 2015. P. 110–112), а также позднее. Скорее всего, от импортных чаш (мегарских?) происходят медальоны с рельефными изображениями голов Горгоны Медузы (рис. 2. I, 2, 3) — распространенного в античном мире талисмана, который помещался на различные предметы в качестве оберега (Carter et al., 2015. P. 202, 266, 268, 282, 289; Rotroff, 1982. No. 24, 44, 119, 121, 124, 180, etc.). В свою очередь штампованные налпы

Рис. 2.1. Терракота Центрального (Самаркандского) Согда. Налепы и оттиски. Хранение Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Fig. 2.1. Terracotta of Central (Samarkand) Sogd. Clay appliqués and imprints. Collection of the State Hermitage Museum (St. Petersburg)

с изображением головы Силена (рис. 2.1, 1), божества, входившего в окружение Диониса, украшали большие сосуды, в которых смешивали вино (Шишкина, 1965. С. 180–181, рис. 1). Судя по экземплярам эрмитажной коллекции, эти изделия были очень качественными, делались обычно из серой глины, покрывались темно-серым ангобом и лощением (в подражание серебру). Подобный сосуд, найденный МАFOUz на Афрасиабе в слоях конца II (?) — I в. до н. э., был уже красноглиняным, хотя и с серым ангобом; его украшал налеп в виде мужского бюста в кулохе (Двуреченская, 2016. С. 156).

Остается спорным вопрос о времени начала перманентного изготовления в Согдиане художественно выполненных полнофигурных статуэток. Как полагают, они в основном являлись изображениями божеств, копируя их статуи в храмах. В самой Греции и на Переднем Востоке в конце IV–III вв. до н. э. производство терракоты значительно расширяется, что с точки зрения технологии объясняется массовым использованием гипсовых матриц (Русяева, 1982. С. 9, 11, 20), а с художественной — заметным увеличением количества образов и сюжетов в результате взаимодействия греческой и восточных культур.

Ранним и, очевидно, привозным образцом коропластики в Согде является фрагментированная

статуэтка воина (?) в коротком хитоне и плаще из храма городища Еркурган (Нахшаб, III–II вв. до н. э.) (рис. 3, 1) (Сулейманов, 2000. С. 189, рис. 143, 3). Близка «западным» образцам эллинистического периода женская статуэтка из Самарканда, облаченная в хитон и гиматий «классического» облика (Мешкерис, 1962. С. 56, табл. I, 9). В обоих случаях фигурки выполнены в односторонних формах — черта, характерная для терракоты эллинистического и более раннего времени ближневосточных центров коропластики (Langin-Hooper, 2007. Fig. 2, 3, 6, 8), в отличие от античной традиции изготовления статуэток в двусторонних матрицах.

Похожи на «куклы» (фигурки, на которые надевались одежды) самаркандские статуэтки с короткими выступами вместо рук и браслетами на ногах (Мешкерис, 1989. Рис. 3) — подобный тип известен в греческой и эллинистической ближневосточной коропластике (Кобылина, 1961. С. 52, табл. VII, 3; Langin-Hooper, 2007. Fig. 4, 5). Такие же фигурки обнаружены в Таксиле в Пенджабе (Marshall, 1951. Pl. 132, 8). Они, как и другие находки терракоты, свидетельствуют о сходстве линий развития среднеазиатской и индийской школ коропластики (Ibid. Pl. 131–136) в поздне- и постэллинистический периоды.

Рис. 2.II. Терракота Центрального (Самаркандского) Согда. Женские персонажи.
Хранение Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Fig. 2.II. Terracotta of Central (Samarkand) Sogd. Female characters.
Collection of the State Hermitage Museum (St. Petersburg)

Рис. 2.III. Терракота Центрального (Самаркандского) Согда. Мужские персонажи, музыканты. Хранение Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Fig. 2.III. Terracotta of Central (Samarkand) Sogd. Male characters, musicians. Collection of the State Hermitage Museum (St. Petersburg)

Производство полнофигурных терракотовых статуэток на месте, в Согде, начинается, на наш взгляд, во II в. до н. э., ближе к его середине. Это определяли, как полагают, две связанные причины. Привнесенная культура перестает ассоциироваться с греко-македонскими завоевателями (Кошеленко, 1979. С. 42), потомки которых уже утратили контроль над Среднеазиатским междуречьем. В то же время кочевники, движение которых ликвидировало власть эллинистических правителей в Согде, Бактрии и Парфии, сами способствовали распространению изображений, прежде всего женских божеств, которых высоко почитали (Сулейманов, 2000. С. 275, 283).

Как и в других регионах, форма (матрица) для производства статуэток снималась с первоначальной модели (так называемой матрицы), выполненной из глины, металла, камня, дерева, алебаstra⁵. Получившиеся статуэтки широко расходились по области и за ее пределами и сами в дальнейшем становились моделями, что позволяло тиражировать фигурки в большом количестве. Однако в результате многочисленных повторений этого процесса статуэтки уменьшались в размерах, искажались детали и пропорции (так называемый процесс *редукции*). Модели и выполненные с них керамические матрицы высоко ценились и могли перемещаться на значительные расстояния. Это объясняет поразительное сходство ряда образов, которые передают статуэтки, происходящие из удаленных на тысячи километров друг от друга областей древнего мира: от Великой Греции и Северного Причерноморья до оазисов Средней Азии, Восточного Туркестана и Индии.

На раннем этапе близкой согдийской была маргианская школа коропластики, испытывавшая, значительное воздействие ближневосточных центров. Это неслучайно: с последней трети II в. до н. э. и Месопотамия на западе, и Маргиана, а возможно, и частично Бактрия на востоке входят в состав Парфянского государства (Пилипко, 2003. С. 126; Ртвеладзе, 2012. С. 146).

Отличительной особенностью первой продукции среднеазиатских коропластов II–I вв. до н. э. было качество отделки изделий: большинство из них покрыто плотным ангобом красно-

коричневых оттенков. Значительно реже встречаются фигурки, выполненные из серых по обжигу глины с темно-серой облицовкой (рис. 3, 4). В первых веках нашей эры чаще используется коричневый ангоб, а в позднеантичный период статуэтки зачастую имеют светлую поверхность.

Подавляющее большинство среднеазиатских терракотовых фигурок фрагментировано: обычно наличествует либо голова, либо туловище. Исследователи объясняют этот факт преднамеренной их десакрализацией (поломкой) в связи с окончанием календарного периода. По источникам известно, что на организуемых дважды в год специальных базарах жители всегда могли обновить домашний набор почитаемых в домохозяйстве «идолов»-статуэток⁶.

Древнейшим в терракоте земледельческих племен Ближнего и Среднего Востока был образ Великой Богини-Матери. Судя по находкам, наиболее ранняя группа в Согдиане и в Средней Азии в целом представлена типом стоящих обнаженных фигурок с руками, поддерживающими грудь (более поздний вариант — вверх живота), или с одной рукой у груди, а другой — на лоне (или вытянутой вдоль тела) (рис. 2. II, 1–3) (Мешкерис, 1962. С. 56, табл. I, 4, 7).

Первый тип находит многочисленные аналогии в терракоте Ближнего Востока, где он представлен реалистично выполненными образцами уже во II тыс. до н. э. Бытуют подобные статуэтки здесь и в ахеменидскую и эллинистическую эпохи. Исследователи отождествляют их с изображениями Инанны, или Иштар (Barrelet, 1968. Fig. 407, 410, 429, 443, 584, 665b, etc.; Moorey, 2002. Fig. 3). «Свои» божества передавались в подобной позе в III в. до н. э. и в греческой коропластике, особенно часто Афродита (Денисова, 1981. С. 32–35, табл. III–V). В Бактрии статуэтки нагой женщины, часть которых, как и в Согде, может относиться еще к первой половине II в. до н. э., связывают с Великой Бактрийской богиней, ипостасью Богини-Матери (Пугаченкова, 1974. С. 129).

Из слоев I в. до н. э. столичного г. Китаб (древний Кеш) происходят лепная фигурка нагой матроны, а также статуэтки женщин с младенцем на руках (Крашенинникова, 1977. Ил. 26, 3; 1989. С. 30). Необычна терракота, изображающая стоящую стройную обнаженную женщину, с соседнего поселения Сарайтепа (около рубежа нашей эры).

⁵ Как полагал Б. И. Маршак, это была эксклюзивная работа мастеров высокого уровня, не исключено, что скульпторов, делавших статуи для местных храмов (Маршак, 1999. С. 177).

⁶ Речь идет о Бухаре (Наршахи, 2011. С. 33).

Качество исполнения фигурки напоминает резьбу по кости (рис. 3, 2). На согнутой правой руке у нее лежит, видимо, спеленатый младенец, а бедра укутывает легкое покрывало. Очевидно, перед нами редкий для Согда образец малой пластики, сочетающий черты ближневосточной, греческой и индийской культур, своего рода квинтэссенция в искусстве короластики такого явления как эллинизм (Омельченко, 2000а. С. 176–178).

Самыми ранними примерами похожие фигурки представлены в Месопотамии и соотносятся опять же с богиней Иштар (шумерийской Инанной) (Barrelet, 1968. P. 409, pl. XLIII, 452; LVI, 592–595; LXXXII, 820–822). В греческой терракоте в ипостаси *куротрофос* — защитницы детей — изображается Афродита с младенцем Эротом на руках (Burr, 1963. P. 314–315, fig. 3; Денисова, 1981. С. 31–32, 119, табл. XI, e; Fjeldhagen, 1995. Fig. 8, cat. no. 35, 36).

В Средней Азии в I–IV вв. подобный тип статуэток встречается в Хорезме, причем женские персонажи из Кой-Крылган-калы также, возможно, обнажены, а у одной из них младенец как будто спеленат (Ремпель, 1987. С. 82–83, рис. 32, z; Двуреченская, 2016. Рис. 109, 1, 2). Не исключено, что похожую композицию передает одна из статуэток Маргианы, но здесь женщина в одеждах, а ребенок постарше лежит на левой руке (Пугаченкова, 1962. С. 121–122, рис. 2, 2; Двуреченская, 2016. Рис. 260, 5). На терракотовой плитке из бактрийского Тахти-Сангина (храма Окса)⁷ и золотой статуэтке из индийской Таксилы рубежа нашей эры (Boardman, 2015. P. 158) богиня обнажена до бедер, но ребенок находится у ног матери.

В скульптуре Индии образ матери с ребенком передан на барельефах Таксилы, Матхуры, Нагарджуконды, Бенгалии и в Гималайском искусстве (Marshall, 1951. Vol. II. P. 51, 449, photo 30; Mode, 1970. S. 51, Foto 28). Нередко это Харити — жена якши Панчики, почитание которой было

тесно связано с культом матерей (Абдуллаев, 1995. С. 41–42).

Сближает фигурку из Южного Согда (Сарайтепа) с некоторыми образцами древнегреческой и древнеиндийской пластики сходное положение ног и наличие легкого покрывала у бедер. В скульптуре и терракоте III–I вв. до н. э. Афродита нередко стоит, перенеся тяжесть тела на одну из ног, а другую — полусогнув в колене (Денисова, 1981. С. 55, табл. XVI, M-154, M-155; Терракотовые статуэтки, 1974. С. 48). Такая поза придает человеческому телу ощущение свободы и грациозности. В Индии, в которую, как и в Среднюю Азию, образцы короластики достаточно массово поступают только с эллинистического времени, подобная композиция была творчески переработана с учетом местных эстетических предпочтений. Скульптурные изображения, прежде всего яшмишь, начинают строиться по принципу *contrapposto*, или *трибханги*, — тройного изгиба тела (Swarup, 1957. P. 32; Rowland, 1959. P. 48, 52, 89; Тюляев, 1988. С. 128).

Фигурки почти полностью нагих женщин со скрещенными ногами, очень похожие на кешскую, но без ребенка, найдены в Маргиане (Пугаченкова, 1962. С. 123; Двуреченская, 2016. Рис. 260). У «полуобнаженных» статуэток из этой области, как и у терракоты из Нахшаба (Южный Согд) (рис. 3, 3), одежды в ряде случаев окутывают нижнюю часть тела или икры.

Положение левой руки у плеча статуэтки из Кеша похоже на то, что встречается у изображений Афродиты. Однако если греческая богиня придерживает край покрывала (Терракотовые статуэтки, 1974. Табл. 23, 1, 2), то пальцы согдийской сложены в зороастрийском знаке адорации, благословения (два пальца вверх, остальные прижаты к ладони), который известен и по другим среднеазиатским изображениям (Луконин, 1977. Ил. 217; Альбаум, 1960. С. 77–78)⁸.

⁷ Фигурка находится в экспозиции Национального музея древностей Таджикистана.

⁸ Он также входит в число 24 главных мудр (Swarup, 1957. P. 32).

Рис. 3. Терракота Южного Согда (области Кеш и Нахшаб); 1, 5, 7 — Сулейманов, 2000. Рис. 143, 3; 144, 1; 152, 2; 2, 4, 8–11 — из раскопок и сборов автора; 3, 6 — Исторический музей г. Шахрисабз, фото автора (Сулейманов, 2000. Рис. 152, 4; 149, 2); 12 — Крашенинникова, 1977. Ил. 26, 1; 13 — Кабанов, 1962. Рис. 3. Масштаб: а — для 1, 3–13; б — для 2

Fig. 3. Terracottas of Southern Sogd (Kesh and Nakhshab regions). 1, 5, 7 — Сулейманов, 2000. Рис. 143, 3; 144, 1; 152, 2; 2, 4, 8–11 — from the author's excavations and surface findings; 3, 6 — Shahrissabz Museum of History and Material Culture, photo by the author (Сулейманов, 2000. Рис. 152, 4; 149, 2); 12 — Крашенинникова, 1977. Рис. 26, 1; 13 — Кабанов, 1962. Рис. 3. Scale: a — for 1, 3–13; б — for 2

Заимствована у эллинистических изображений Афродиты (Денисова, 1981. Табл. XVI, а, г, ж) также крестообразная перевязь с центральным кольцом, показанная на статуэтках обнаженных женских фигур из храма Еркургана (Южный Согд) (рис. 3, 3) (Воробьева, 1991. С. 111–116; Сулейманов, 2000. С. 193, рис. 152, 4), с Афрасиаба (Самарканд) и поселения Джин-депе в Маргиане (Кошеленко, 1966. С. 91). Такая же особенность отмечена у персонажей на костяных ритонах из Нисы-Михридат-кирта в Парфии и у ряда терракот Бактрии (Атаханов, Радиллиловский, 1984. Рис. 1, 2; Afghanistan..., 2008. Р. 245). К югу от Гиндукуша крестообразная перевязь встречается у изображений, выполненных из кости, золота и камня, из Беграма и Таксилы (Сиркапа) (Afghanistan..., 2008. Р. 162–163; Marshall, 1918. Р. 80, pl. XVII, 11; Ильин, 1958. С. 64; Dobbins, 1973. Fig. 25, 27), а в монументальной декоративной пластике — например, у рельефа Чулакоки *дэваты* на ограде ступы в Бхархуте (Центральная Индия) (Тюляев, 1988. Рис. 89).

Другой тип в Южном Согде — как в Кеше (Крашенинникова, 1989. С. 30), так и в Нахшабе (Сулейманов, 2000. С. 195) — это статуэтки женщин в одеждах с младенцем на руках. Датируются они периодом после рубежа нашей эры. Представлен этот образ и в терракоте Хотана (Дьяконова, Сорокин, 1960. Табл. 20, 770).

Еще один тип уже в центральносогдийской коропластике (I–II вв. н. э.?) — это статуэтки женщин в хитоне и кафтане-кандисе, с малышом у ног (рис. 2.II, 5, 6) (как Афродита с Амуром, Харити с детьми) (Мешкерис, 1977. Рис. 2, 1)⁹.

Возможно, божество с ребенком в согдийской терракоте — это местная Нана (Нанайя), которой приписывалось и покровительство деторождению.

Самую большую группу среди женских изображений в согдийской терракоте образуют прямо стоящие женские фигурки в богатых одеждах и с украшениями. На наш взгляд, их можно отнести ко времени после рубежа нашей эры, когда производство коропластики в Согдиане становится массовым и стандартизированным, отвечая, очевидно, запросам широких слоев населения. По деталям костюма (в том числе головным уборам), положению рук, атрибутам выделяют несколько типов. Некоторые из них находят аналогии

⁹ Промежуточное положение занимает уже упоминавшаяся статуэтка из храма Окса: ребенок стоит у ног, а женщина полуобнажена.

в греческой (эллинистической) коропластике, как, например, «классический» хитон и гиматий сероглиняной фигурки из Кеша (рис. 3, 4) или хитон с лентой, завязанной под грудью бантом, у статуэток из Нахшаба (рис. 3, 5) (Сулейманов, 2000. С. 190, рис. 143, 4; 144, 1; ср. с Корой IV в. до н. э. в: Терракотовые статуэтки, 1974. С. 22, табл. 14, 3).

У одной из фигурок из Центрального Согда (Самарканда) платье необычного фасона: с частыми вертикальными складками между нескольких поперечных оборок (рис. 2.II, 10). Оно похоже на греческий складчатый хитон (Мешкерис, 1989. С. 107) или одежду у фигурок Месопотамии (Barrelet, 1968. Pl. LXXX, 811). Однако практически всегда у самаркандских изображений сверху накинута распахнутой иранский кандис с длинными рукавами. Можно отметить, что с рубежа нашей эры костюм восточного типа в среднеазиатской терракоте преобладает (рис. 2.II, 8), а эллинистические элементы подвергаются значительной трансформации. Художественный уровень в большинстве случаев снижается (Абдуллаев, 1996. С. 58), что особенно заметно по искажению общих пропорций фигурок.

Примеры метаморфоз в согдийской терракоте античных прототипов являют некоторые варианты причесок и головных уборов. Так, видимо, к венчающему греческих богинь *полосу* восходят высокие подцилиндрические шапочки у ряда женских фигурок из Бухарского Согда (рис. 4, 2, 3) (Адылов, 1983. Рис. 1, 8, 9; Stark et al., 2019. Fig. 6). Примечательно, что похожий убор есть у каменной скульптуры из Хатры (Месопотамия), которая несет надпись «Нана» (Azarpay, 1976. Fig. 4).

Венцы согдийских статуэток (рис. 2.II, 4; 4, 6–8), иногда богато украшенные (Заславская, 1959. Рис. 5; Мешкерис, 1977. Табл. I, 1; II, 2; III; Адылов, 1983. Рис. 1, 4, 5; Сулейманов, 2000. Рис. 150, 1, 2), вероятно, подражают греческим *стефанам* (диадемам), которые носили и греческие богини, нередко — Афродита (Терракотовые статуэтки, 1974. Табл. 23, 1, 2).

Видимо, к *калафу* восходят так называемые высокие короны в виде перевернутых широким основанием вверх усеченных конусов у ряда согдийских женских статуэток (Мешкерис, 1977. Табл. IV, 2; 1989. Рис. 26, 27; Мирзаахмедов и др., 2019. Рис. 11, 1, 3). Калаф считался символом плодородия, что подчеркивали и атрибуты в руках ряда согдийских фигурок в подобных уборах (Мешкерис, 1962. Табл. VII). Находят они

аналогии и в изображениях парфянского времени из Хатры в Северной Месопотамии (*Fukai*, 1960. P. 163, pl. 22).

Среди находок из района городища Варахша (Бухарский Согд) есть головка терракоты в башенной короне-муралис (рис. 4, 1) (*Шишкин*, 1963. Рис. 12, 2). Такой убор характерен для изображений покровительниц городов — Кибелы (*Денисова*, 1981. С. 53, табл. XV, а) и Тюхе (Атаргатис), как, например, в Хатре (*al-Salihii*, 1989. P. 22, fig. 1)¹⁰. В терракоте Средней Азии он также отмечен у фигурки из Амуля, в 120 км от Бухары (*Бурханов*, 1993. Рис. 34, 7)¹¹, а также на налесте из Ай-Ханума в Северо-Восточной Бактрии (*Двуреченская*, 2016. Рис. 146, 3).

Уникальной является еще одна находка из Варахши. Это поясная фигурка женского персонажа с поднятыми вверх руками на фоне развевающегося плаща (рис. 4, 13) (*Шишкин*, 1963. Рис. 13, 2). Она очень похожа на изображения Ниобид в греческой терракоте (Терракотовые статуэтки, 1974. С. 34, табл. 44, 1).

Еще одним широко распространенным головным убором в согдийской терракоте является так называемый тюрбан(?), завязанный узлом напоподобие банта (*Мешкерис*, 1989. С. 120–121). Однако в ряде случаев видно, что это замысловато уложенные пряди волос (*Там же*. Рис. 22, 2; 28, 3). Подобная прическа в Греции называлась «бант Аполлона», или «цикада», причем лоб и виски при этом закрыты локонами, как и у среднеазиатских изображений (рис. 2.П, 5, 7, 9)¹². Такая укладка волос встречается в Средиземноморье начиная с раннеэллинистического периода, становится очень популярной к его концу и была известна в Римской империи (*Burr*, 1963. P. 310, pl. 82, 15; 1966. P. 263–265, pl. 71; *Karageorghis et al.*, 2016. Cat. no. 372, 380, 422; *Ходза*, 2018. С. 239, 267). Из женских божеств «цикаду» нередко носила Афродита (*Burr*, 1965. P. 45, pl. 16, 17). В этой связи показательно, что среди статуэток

с Афрасиаба с «бантом» (датируются, видимо, после I в. н. э.) есть изображения с ребенком у ног (рис. 2.П, 5, 6)¹³ (*Мешкерис*, 1977. Рис. 2, 1) — композиция, отсылающая к классическому сюжету в греческой скульптуре и терракоте — Афродите с Эротом.

В Маргиане прическа с бантом отмечена у более ранних, обнаженных, фигурок и у более поздних, облаченных (*Двуреченская*, 2016. Ил. 260, 7; 262, 1; 263, 2, 7). Показательно, что с течением времени она видоизменяется таким же образом, как и на западе эллинизированного мира (ср.: *Кобылина*, 1961. Табл. XXXIV, 1, 2). Прическа была популярна и в Индостане. Ее можно встретить у персонажей на памятниках Гандхарского искусства, рельефов Таксилы и скульптуры Хадды (*Rowland*, 1949. Fig. 10; 1972. Fig. 6; *Vanleene*, 2018. Fig. 1).

Судя по находкам, в том числе полученным в ходе раскопок, в Согдиане почиталось еще одно женское божество, по своим функциям, видимо, напоминающее Афины Палладу (?). Терракотовые изображения в покоем на ее шлем головном уборе происходят из Самарканда и Кеша (рис. 3, 12). Они находят аналогии в скульптуре Афины из Халчаяна в Бактрии, серебряной статуэтке богини из Старой Нисы в Парфиене, изображении Афины-Аллат на рельефе из Хатры (*Крашенинникова*, 1977. С. 88, 89, 92, 93, ил. 26, 1; *Fukai*, 1960. P. 156, pl. 17)¹⁴. В то же время среднеазиатские статуэтки, очевидно, местной работы и достаточно далеко отошли от эллинистических прототипов (ср.: *Кобылина*, 1961. С. 84, табл. XI, 4). В Гандхарской скульптуре изображения богинь в покоем головном уборе относят к II–III вв. н. э. (*Rowland*, 1972. Fig. 10), а на росписях Дильберджина в Южной Бактрии — к IV–V вв. (*Кириллова*, 2000. С. 159–161; *Tissot*, 2006. P. 81, 82, 89).

Археологические находки свидетельствуют, что статуэтки с различным положением рук, но теперь в одеждах, изготавливали вплоть до конца эпохи античности. Руки поддерживают грудь (*Адылов*, 1983. Рис. 1, 1, 3; *Кабанов*, 1984. Рис. 2, 1; *Сулейманов*, 2000. Рис. 144, 4), лежат на животе (*Мешкерис*, 1989. Рис. 20, 1в; 32; *Сулейманов*, 2000. Рис. 154, 4) или находятся в покоем на «стыдли- вую» позе (*Мешкерис*, 1989. Рис. 29, 3; *Воробьева*,

¹⁰ На этом рельефе из храма Аллат представлено несколько божеств, детали изображений которых находят многие аналогии в терракоте Согдианы.

¹¹ Важнейшего городища-переправы на Амударье, которое находилось на пересечении дорог, связывавших Согдиану, Маргиану, Бактрию и Хорезм.

¹² Показательные отличия от прототипов демонстрируют статуэтки из наиболее далекого от Средиземноморья Хотана (*Дьяконова, Сорокин*, 1960. Табл. 24).

¹³ Реконструкция (рис. 2.П, 5, 6), в том числе по (рис. 2.П, 9).

¹⁴ В Ай-Хануме обнаружен отпечаток на стенке сосуда с персонажем в подобном головном уборе (*Двуреченская*, 2016. Ил. 147, 3).

1990. С. 117–120, рис. 1; Сулейманов, 2000. Рис. 149, 2; 151, 4). Последняя характерна и для женских фигурок, держащих различные предметы.

Анализ атрибутов использован для разработки типологии согдийских женских изображений и их интерпретации. Среди предметов наиболее распространены, как полагают, яблоко¹⁵ или(и) гранат (*Мешкерис*, 1962. С. 24–25, рис. 4, 5; *Шишкин*, 1963. Рис. 73), реже — колос (*Заславская*, 1959. Рис. 5), причем последний на некоторых статуэтках (рис. 3, 7; *Сулейманов*, 2000. Рис. 152, 1, 2) очень напоминает по абрису и положению (у плеча) оливковые ветви в руках персонажей пальмирских рельефов (*al-Salihii*, 1987. P. 56, pl. 13). В ряде случаев у женских изображений в руках предмет типа шишки (рис. 4, 4, 5; *Заславская*, 1959. Рис. 7, 8), возможно, символизирующий бутон лотоса, как и у статуэтки ахеменидского времени из Суз (*Goldman*, 1992. P. 93, fig. 9). Все вышперечисленные предметы являются символами плодородия и ранее всего появляются в терракоте Ближнего Востока.

Другой популярный персонаж в согдийской коропластике — это стройная женщина в кафтане-кандисе, одетом поверх прямого платья, с плодом или зеркалом и(или) трилистником в руках (рис. 2.П, 4). Последний считается цветком лотоса или тюльпана и встречается на изображениях Ближнего и Среднего Востока ахеменидского и эллинистического периодов (*Goldman*, 1992. Fig. 5, 6, 7, 11, 26, 27, 30), а также в греческой пластике, в которой с лотосом в ряде случаев показаны коры (*Stillwell*, 1952. P. 88–89, pl. 15, X, 1; X, 2). Существует гипотеза, что в иранском искусстве так изображалась богиня вод и плодородия Ардвисура Анахита (*Moorey*, 2002. P. 209).

В Бухарском Согде, судя по находкам терракотовых фигурок, почиталось божество, которое

¹⁵ В греческой терракоте с яблоком изображалась Афродита.

Рис. 4. Терракота Западного (Бухарского) Согда: 1, 13, 14 — окрестности Варахши (1 — *Культура и искусство...*, 1991. Кат. № 246; 13, 14 — *Шишкин*, 1968. Рис. 13, 2, 3); 2 — Баштепа (*Stark et al.*, 2019. Fig. 6); 3, 5–7 — Бухара (*Адылов*, 1983. Рис. 1); 4, 12 — Пайкенд (*Мирзаахмедов и др.*, 2016. Рис. 24; 2013. Рис. 127, 1); 8 — Кызыл-Кыр (фото автора в ИА АН Узбекистана); 9 — Аяк-тепе 2, близ Варахши (*Культура и искусство...*, 1991. Кат. № 246; *Шишкин*, 1968. Рис. 73); 10, 11 — Уч-Кулах (*Lo Muzio*, 2009. P. 287–288)

Fig. 4. Terracottas of the Western (Bukhara) Sogd. 1, 13, 14 — surroundings of Varakhsha (1 — *Культура и искусство...*, 1991. Кат. № 246; 13, 14 — *Шишкин*, 1968. Рис.. 13, 2, 3); 2 — Bashtepa (*Stark et al.*, 2019. Fig. 6); 3, 5–7 — Bukhara (*Адылов*, 1983. Рис. 1); 4, 12 — Paykend (*Мирзаахмедов et al.*, 2016. Рис. 24; 2013. Рис. 127, 1); 8 — Kyzyl-Kyr (photo by the author at the Institute of Archaeology of AS of Uzbekistan); 9 — Ayak-tepe 2, near Varakhsha (*Культура и искусство...*, 1991. Кат. № 246; *Шишкин*, 1968. Рис. 73); 10, 11 — Uch-Kulakh (*Lo Muzio*, 2009. P. 287–288)

изображалось в местных одеждах и со сложенными внизу живота руками (рис. 4, 6–8, 10–12). Группа статуэток, обнаруженных как на западе (Варахша, Уч-Кулах), так и на юге области (Пайкенд), образует единую серию. Фигурки передают образ женщины в возрасте со сложными прической и головным убором, а также богатым украшением в виде ожерелья из крупных подвесок-шариков (рис. 4, 11, 12; *Шишкин*, 1963. Рис. 60). По материалам раскопок цитадели Пайкенда их можно датировать IV в. (*Мирзаахмедов и др.*, 2016. С. 6, 61, рис. 24).

Особый класс терракотовых фигурок Согда (как и Бактрии) составляют многочисленные статуэтки музыкантов. В Центральном Согде музыканты — в основном мужчины в одеждах и сапожках¹⁶, играют на лютне, флейтах, арфе (рис. 2.П, 14–16) или барабанах. Полагают, что они связаны с культовой сферой. В древности музыка считалась проявлением божественного и сопровождала многие религиозные церемонии. Статуэтки музыкантов могли являться подношениями храмам, как это было, например, в Селевкии на Тигре парфянского времени. В Месопотамии этого времени известны терракотовые изображения музыкантов, выступающих совместно на лютне и флейте (*Duchesne-Guillemin*, 1996. Fig. 19).

В Южном Согде, как и в Северной Бактрии, наоборот, на инструментах играют женские персонажи (*Сулейманов*, 2000. С. 194, рис. 156). В восточной части области (Кеше) один тип (*Омельченко*, 2000б. С. 8–9) представлен полуфигурками в покрывале-накидке (рис. 3, 10, 11), похожими на лютнистку Айртамского фриза (вторая половина

¹⁶ Редкое исключение — это фигурка обнаженного персонажа, у которого необычная для Центрального Согда лютня — с вытянутой декой (рис. 2.П, 11). Возможно, что статуэтка была привезена: в Южном Согде подобные терракоты происходят с городища Еркурган — древнего Нахшаба (*Сулейманов*, 2000. Рис. 156, 2, 4).

II в. н. э.) (Пугаченкова, Ремпель, 1982. С. 64). Лютня двух вариантов: с корпусом «с перехватом» или с круглой декой и короткой шейкой. Этот музыкальный инструмент, как полагают, был изобретен в Средней Азии и послужил прототипом афганского сетара, арабского уда, европейской лютни, китайской пипы, японской бивы. Игра на лютне могла сопровождаться вокальной партией (Садоков, 1968. С. 167), что заметно на одной из южносогдийских статуэток.

Бытование полуфигурных изображений, видимо, неслучайно. В греческой терракоте они появились с VI в. до н. э. и передавали изображения хтонических божеств, прорастающих из земли (Русяева, 1982. С. 47, 55, 73). Возможно, в Средней Азии они также были связаны с божествами растительности — местными дриадами.

Еще один вариант изображений из Южного Согда II–III вв. н. э. — это лютнистки в одежде типа широкого халата, с богатыми украшениями и прической с диадемой, как у Бактрийской богини (рис. 3, 8), или в высоком головном уборе, похожем на калаф (рис. 3, 9). Интересно, что археологически зафиксирована совместная находка терракотовых фигурок лютнисток и изображений Великой богини: в урочище Сийпанташ в Кеше¹⁷ и в храме на Дальверзин-тепе в Бактрии (Пугаченкова, 1981. С. 113, 115, 117). Участие музыкантов в сценах, связанных с зороастрийским культом, демонстрируют изображения на раннесредневековых согдийских оссуариях (Крашенинникова, 1986. С. 46; Лунина, Столярова, 1983. № 3. С. 47) и в сасанидской торевтике (Смирнов, 1909. Рис. 66).

Достаточно многочисленны и территориально широко распространены в Средней Азии фигурки лепных всадников-примитивов. Их массовое появление в оазисах региона исследователи связывают с приходом кочевых племен (саков, юэчжей) в середине — второй половине II в. до н. э. (Pugachenkova, 1989. P. 15–17, fig. 1). Они почитали обожествленных героических предков, которых, как считают, и изображали терракотовые фигурки. Подобные статуэтки, иногда только кони или всадники с оттиснутой в форме головы (рис. 3, 13), известны в Согде в датированных слоях Афрасиаба (Шишкина, 1965. С. 182–183, рис., 2), Бухары (Адылов, 1983. Рис. 3, 1, 2), Пайкенда, Кеша и Нахшаба (Крашенинникова, 1977. Ил. 26; Кабанов,

1962. Рис. 3; Сулейманов, 2000. С. 190, рис. 148, 2). Ведущую роль племен сако-сарматского круга в распространении культа героического предка подтверждают и находки статуэток всадников в Северном Причерноморье (Боспор), относящиеся к I в. до н. э. — I в. н. э. — времени значительного усиления влияния кочевников в греческих городах региона (Пругло, 1977. С. 178–181).

Другие мужские персонажи в согдийской терракоте редки. Встречается изображение стоящего юноши в подпоясанном кафтане, штанах, сапогах и высоком головном уборе с загнутой верхушкой — традиционном для согдийцев и саков кулохе (рис. 2. III, 4). Возможно, это Митра — иранское божество солнечного света и договора, которого часто изображали в так называемом фригийском колпаке и похожем костюме (см., например: Jong, 2000. Fig. 1).

Очень любопытны атрибуты у одного из персонажей (коллекция Эрмитажа; рис. 2. III, 3). В правой руке он держит предмет типа кольца (инвеститурного?), левая лежит на поясе, на перекрестии кинжала. Реалистично переданы его «сердцевидное» (или волютообразное) навершие, бутероль и вертикальная скользящая скоба от крепления ножен к ремню портупей, накинута на кисть. Подобные скобы встречаются как в курганах первых веков нашей эры. Евразийской степи, так и, например, в сирийском Дура-Европос римского времени (Дзnelадзе и др., 2017. С. 264–266, рис. 9). В Согде железные скобы найдены в Пайкенде (Бухарский оазис), а нефритовые — в курганном могильнике Орлат (недалеко от Самарканда). Оба комплекса датируются, видимо, второй половиной I — II в. н. э. (Пугаченкова, 1989. Рис. 56; Омельченко, 2020. С. 387, рис. 9, 23, 24). Детали костюма и позой на афрасиабскую фигурку похожа статуэтка из района Варахши (рис. 4, 14). В целом это типично среднеазиатские (или «иранские») одежды, как интерпретируют их и исследователи искусства Гандхары. На одном из рельефов (из археологического музея Торонто) «кушанские» донаторы показаны с короткими мечами в ножнах с характерным креплением (Soper, 1951. P. 307, pl. 27, b).

Восточный поход Александра Великого оставил глубокий след в памяти среднеазиатских народов. В коропластике Согдианы есть большая серия фигурок, которые восходят к образу македонского царя и штамповались не менее двух-трех столетий. К самым ранним относится головка

¹⁷ Разведки кафедры археологии Национального университета Узбекистана в 2000 и 2001 гг.

в «редуцированном» львином скальпе (рис. 2.III, 6). Другое изображение, одно из самых выразительных в эрмитажной коллекции «Александров», похоже, несмотря на очевидно большой хронологический разрыв, на портрет македонского царя круга Лисиппа (рис. 2.III, 7): с легким наклоном головы и прикрытым веком¹⁸ (ср.: Ходза, 2004. С. 74–92).

Видимо, в III–IV вв. в согдийской коропластике появляются также статуэтки с выраженными индивидуальными чертами лица (рис. 2.III, 8–11). Они отражают общее для позднеантичного искусства явление нарастания реалистических тенденций, что демонстрируют позднеантичная греческая терракота, Файюмский портрет, надгробные стелы Пальмиры, Гандхарское искусство (скульптура Хадды¹⁹).

В первых веках нашей эры в Средней Азии бытует прием оформления ручек сосудов оттисками штампов (рис. 2.I, 4–7), скорее всего, в подражание керамическим и стеклянным римским изделиям.

¹⁸ Последствия боевой травмы.

¹⁹ Очень близки головные уборы согдийских статуэток и позднегандхарских изображений.

Среди них выделяется серия изящных изображений, восходящих к образу Афродиты-Анадиомены (рис. 2.I, 4) (Мешкерис, 1977. С. 34–35, табл. XXVII, 56).

Таким образом, детали изображений в коропластике Согдианы, особенно на ранних этапах, указывают на влияние греческой терракоты. Отдельные элементы в композиции, позах, одежде, прическе, атрибутах согдийской коропластикой определенно заимствованы из нее. Однако у нас нет возможности протянуть непрерывные цепочки, ведущие от греческих оригиналов к согдийским. Объясняет это явление наличие «транзитных» культурных областей, прежде всего Селевкидской, а затем парфянской Месопотамии (где существовала своя древняя школа коропластики). Она была главным центром передачи эллинистических влияний на восток, в Маргиану, Бактрию и далее — в Согд. Другим важным механизмом являлось распространение «западной», очевидно, престижной, моды среди населения восточных областей «эллинизированного» мира, знаковые элементы которой затем уже переносились на терракоту.

Абдуллаев, 1995 — Абдуллаев К. Тихе-Ордохшо-Харити (к вопросу о кушанском пантеоне) // ОНУ. 1995. № 1–3. С. 38–42.

Абдуллаев, 1996 — Абдуллаев К. А. Эллинистические традиции в искусстве Согда и Бактрии // ИМКУ. 1996. Вып. 27. С. 52–61.

Адылов, 1983 — Адылов Ш. Т. О коропластике Бухарского Согда // ИМКУ. 1983. Вып. 18. С. 65–75.

Алёкин, 2010 — Алёкин В. А. Датировка могильника Заман-баба (по материалам терракот Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века) // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: Материалы междунар. конф. Самарканд, 7–8 сентября 2009 г. / Отв. ред. Ш. Мустафаев. Самарканд: МИЦАИ; Ташкент: SMI-ASIA, 2010. С. 80–89.

Альбаум, 1960 — Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. 227 с.

Атаханов, Радилловский, 1984 — Атаханов Т. М., Радилловский В. В. Археологические исследования городища Калаи Шодмон в 1978 г. // АРТ. 1984. Вып. 18. С. 146–155.

Ахраров, Усманова, 1990 — Ахраров И., Усманова З. И. Терракоты Бухары // Культура Среднего

Востока. Изобразительное и прикладное искусство / Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1990. С. 36–44.

Бурханов, 1993 — Бурханов А. А. Древности Амуля (Область Амуля в древности и раннем средневековье). Ашгабат: Ылым, 1993. 215 с., 82 рис.

Воробьева, 1990 — Воробьева С. Н. Об одной группе женских терракот с городища Еркурган // ИМКУ. 1990. Вып. 24. С. 116–120.

Воробьева, 1991 — Воробьева С. Н. Женская терракота из городского храма Еркургана // ИМКУ. 1991. Вып. 25. С. 111–116.

Вяткин, 1926 — Вяткин В. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент: Ташокрит, 1926. 65 с.

Григорьев, 1940 — Григорьев Г. В. Поселения древнего Согда // КСИИМК. 1940. Вып. 6. С. 24–34.

Гулямов и др., 1966 — Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. Ташкент: Фан, 1966. 266 с.

Двуреченская, 2016 — Двуреченская Н. Д. Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (археологический аспект). СПб.: Нестор-История, 2016. 609 с.

- Денисова, 1981 — Денисова В. И. Кородпластика Боспора. Л.: Наука, 1981. 171 с.
- Дзনেладзе и др., 2017 — Дзনেладзе Е. С., Сикоза Д. Н., Симоненко А. В. Воинское погребение в могильнике Красный Маяк на Нижнем Днепре // Археологія і давня історія України. Київ, 2017. Вип. 2. С. 255–270.
- Дьяконова, Сорокин, 1960 — Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в отделе Востока Государственного Эрмитажа. Терракота и штурк. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1960. 128 с.
- Заславская, 1959 — Заславская Ф. А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени // ИМКУ. 1959. Вып. 1. С. 22–59.
- Ильин, 1958 — Ильин Г. Ф. Древнеиндийский город Таксила. М.: Изд-во вост. литературы, 1958. 84 с.
- Исаков, 1991 — Исаков А. И. Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе: Дониш, 1991. 244 с.
- Кабанов, 1962 — Кабанов С. К. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе // ИМКУ. 1962. Вып. 3. С. 42–53.
- Кабанов, 1984 — Кабанов С. К. Терракоты из раскопа на Афрасиабе // ИМКУ. 1984. Вып. 19. С. 72–80.
- Кириллова, 2000 — Кириллова О. В. Богиня в шлеме с городища Афрасиаб // Средняя Азия. Археология. История. Культура: Материалы междунар. конф., посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной / Председатель ред. коллегии О. Н. Иневаткина. М.: Гос. музей Востока, 2000. С. 159–161.
- Кирчо, 2007 — Кирчо Л. Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // Записки ИИМК. 2007. № 2. С. 193–208.
- Кобылина, 1961 — Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 182 с.
- Кошеленко, 1966 — Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М.: Наука, 1966. 220 с.
- Кошеленко, 1979 — Кошеленко Г. А. Эллинизм в Средней Азии // Античная культура Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания / Отв. ред. А. А. Аскарлов, М. И. Филанович. Ташкент, 1979. С. 41–42.
- Крашенинникова, 1977 — Крашенинникова Н. И. Два комплекса керамики II–I вв. до н. э. из нижних слоев Китаба // Сборник научных трудов Ташкентского гос. университета. Ташкент, 1977. № 533. С. 77–94.
- Крашенинникова, 1986 — Крашенинникова Н. И. Два штампованных оссуария из окрестностей кишлака Сиваз Китабского района // Городская среда и культура Бактрии–Тохаристана и Согда (IV в. до н. э. — VIII в. н. э.): Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25–30 августа 1986 г. / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1986. С. 45–47.
- Крашенинникова, 1989 — Крашенинникова Н. И. Прошлое Китаба // Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Альманах'89 / Ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1989. С. 27–33.
- Культура и искусство..., 1991 — Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Т. 1 / Отв. ред. К. А. Абдуллаев, Э. В. Ртвеладзе, Г. В. Шишкина. М.: Внешторгиздат, 1991. 216 с.
- Луконин, 1977 — Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 232 с.
- Лунина, Столярова, 1983 — Лунина С. Б., Столярова Н. П. Оссуарий из Хантепа // ОНУ. 1983. № 3. С. 46–48.
- Маршак, 1999 — Маршак Б. И. Согд V–VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Средняя Азия и Дальний Восток и эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Отв. ред. Г. А. Брыкина. М.: Наука, 1999. С. 175–191.
- Мешкерис, 1962 — Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 140 с.
- Мешкерис, 1977 — Мешкерис В. А. Кородпластика Согда. Душанбе: Дониш, 1977. 126 с.
- Мешкерис, 1989 — Мешкерис В. А. Согдийская терракота. Душанбе: Дониш, 1989. 324 с.
- Мешкерис, 2004 — Мешкерис В. А. Индийские традиции в художественной культуре Средней Азии. СПб.: Нестор-История, 2004 (Тр. ИИМК; Т. XIV). 164 с.
- Мирзаахмедов и др., 2013 — Мирзаахмедов Д. К., Омельченко А. В., Холов Д. О. и др. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2011–2012 гг. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013 (МБАЭ; Вып. 12). 205 с.
- Мирзаахмедов и др., 2016 — Мирзаахмедов Д. К., Омельченко А. В., Горин А. Н. и др. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2013–2014 гг. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016 (МБАЭ; Вып. 13). 220 с.
- Мирзаахмедов и др., 2019 — Мирзаахмедов Д. К., Штарк С., Кидд Ф. и др. Археологические исследования на Баштепинской группе памятников Бухарского оазиса в 2018 году // АИУ. 2019. Вып. 12. С. 217–279.
- Наршахи, 2011 — Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар ан-Наршахи. Та'рих-и Бухара. История Бухары / Пер., ком. и прим. Ш. С. Камолиддина;

- археолого-топограф. ком. Е. Г. Некрасовой. Ташкент: SMI-ASIA, 2011. 600 с.
- Омельченко, 2000а — Омельченко А. В. Терракотовая статуэтка из Сарай-тепе // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международного конф., посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной / Председатель ред. коллегии О. Н. Иневаткина. М.: Гос. музей Востока, 2000. С. 176–179.
- Омельченко, 2000б — Омельченко А. В. Терракотовые статуэтки лютнисток с поселения Сарайтепа // *Sar'at*. Ташкент, 2000. № 3. С. 8–9.
- Омельченко, 2001 — Омельченко А. В. Терракотовые изображения лютнисток из Аякчинского оазиса (Китабский район) // ОНУ. 2001. № 1. С. 47–49.
- Омельченко, 2020 — Омельченко А. В. Ботросы и фависса Пайкенда (предварительное сообщение) // История и археология Турана. Самарканд, 2020. № 5. С. 378–398.
- Пилипко, 2003 — Пилипко В. Н. Роль Парфии в разгроме государства бактрийских греков // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международ. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2 / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 125–127.
- Пругло, 1977 — Пругло В. И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 177–182.
- Пугаченкова, 1962 — Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва // *Тр. ЮТАКЭ*. 1962. Т. 11. С. 116–178.
- Пугаченкова, 1974 — Пугаченкова Г. А. О культурах Бактрии в свете археологии // *ВДИ*. 1974. № 3. С. 124–135.
- Пугаченкова, 1981 — Пугаченкова Г. А. Храм бактрийской богини на Дальверзин-тепе // Древний Восток и мировая культура / Под ред. И. М. Дьяконова. М.: Наука, 1981. С. 112–127.
- Пугаченкова, 1989 — Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989. 204 с.
- Пугаченкова, Ремпель, 1982 — Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М.: Искусство, 1982. 288 с.
- Ремпель, 1987 — Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987. 190 с.
- Ртвеладзе, 2012 — Ртвеладзе Э. В. Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 296 с.
- Русяева, 1982 — Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1982. 165 с.
- Садоков, 1968 — Садоков Р. А. Древнехорезмийский инструментальный ансамбль (по материалам росписи Топрак-калы) // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения С. П. Толстова / Ред. кол.: А. В. Виноградов и др. М.: Наука, 1968. С. 161–166.
- Смирнов, 1909 — Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.: Императорская археологическая комиссия, 1909. 18 с., 130 табл.
- Сулейманов, 2000 — Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. — VII в. н. э. Самарканд; Ташкент: Фан, 2000. 343 с., 201 рис.
- Терракотовые статуэтки, 1974 — Терракотовые статуэтки. Ч. 3: Пантикапей / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1974 (САИ; Вып. Г1-11). 57 с., 31 л. ил.
- Толстой, Кондаков, 1890 — Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1890. 158 с.
- Тюляев, 1988 — Тюляев С. И. Искусство Индии (III–е тысячелетие до н. э. — VII век н. э.). М.: Искусство, 1988. 342 с.
- Ходза, 2004 — Ходза Е. Н. Две терракоты из собрания Эрмитажа в контексте эллинистического портрета // Эллинистические штудии в Эрмитаже. К 60-летию Михаила Борисовича Пиотровского / Под ред. Е. Н. Ходза. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 74–92.
- Ходза, 2018 — Ходза Е. Н. Античные терракоты из собрания П. А. Сабурова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. 368 с.
- Шишкин, 1963 — Шишкин В. А. Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 250 с., 18 табл.
- Шишкина, 1965 — Шишкина Г. В. О датировке некоторых терракот Афрасиаба // *ИМКУ*. 1965. Вып. 6. С. 180–184.
- Яценко, 2006 — Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. 664 с.
- Afghanistan..., 2008 — Afghanistan: Hidden Treasures from the National Museum, Kabul / Eds. F. Hiebert and P. Cambon. Washington: National Geographic Society, 2008. 303 p.

- Azarpay*, 1976 — *Azarpay G.* Nanâ, the Sumero-Akkadian Goddess of Transoxiana // *JAOS*. 1976. Vol. 96, no. 4. P. 536–542.
- Barrelet*, 1968 — *Barrelet M.* *Th.* Figurines et reliefs en terre cuite de la Mésopotamie antique. 1. Potiers, termes de métier, procédés fabrication et production. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1968 (Bibliothèque Archéologique et Historique; T. 85). 538 p.
- Boardman*, 2015 — *Boardman J.* The Greeks in Asia. London: Thames and Hudson, 2015. 240 p.
- Burr*, 1963 — *Burr T. D.* Three Centuries of Hellenistic Terracottas. The second century B.C. // *Hesperia*. 1963. Vol. 32, no. 3. P. 301–317.
- Burr*, 1965 — *Burr T. D.* Three Centuries of Hellenistic Terracottas. V. The mid-second century B.C. // *Hesperia*. 1965. Vol. 34, no. 1. P. 34–71.
- Burr*, 1966 — *Burr T. D.* Three Centuries of Hellenistic Terracottas. VII. The early first century B. C. The Mask cistern // *Hesperia*. 1966. Vol. 35, no. 3. P. 252–267.
- Carter et al.*, 2015 — *Carter M., Harper P.* Arts of the Hellenized East: Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era // With contributions by P. Harper and P. Meyers. London: Thames and Hudson, 2015. 424 p.
- Dobbins*, 1973 — *Dobbins K. W.* Gandharan Art from Stratified Excavations // *EW. NS*. Vol. 23, no. 3–4. 1973. P. 279–294.
- Duchesne-Guillemin*, 1996 — *Duchesne-Guillemin M.* Les instruments de musique dans l'antiquité // *IA*. 1996. Vol. 31. P. 213–238.
- Fjeldhagen*, 1995 — *Fjeldhagen M.* Graeco-Roman Terracottas from Egypt: Ny Carlsberg glyptotek. Copenhagen: Ny Carlsberg glyptotek, 1995. 218 p.
- Fukai*, 1960 — *Fukai S.* The Artifacts of Hatra and Parthian Art // *EW*. 1960. Vol. 11, no. 2/3. P. 135–181.
- Goldman*, 1992 — *Goldman B.* Women's Robes: The Achaemenid Era // *BAI. NS*. 1992. Vol. 5 (1991). P. 83–103.
- Jong*, 2000 — *Jong A. de.* A New Syrian Mithraic Tau-roctony // *BAI. NS*. 2000. Vol. 11 (1997). P. 53–63.
- Karageorghis et al.*, 2016 — *Karageorghis V., Merker G. S., Mertens J. R.* The Cesnola Collection of Cypriot Art: Terracottas. New York: Metropolitan Museum of Art, 2016. 285 p. Available at: https://www.metmuseum.org/art/metpublications/The_Cesnola_Collection_of_Cypriot_Terracottas (accessed 05.04.2021).
- Kidd*, 2007 — *Kidd F. J.* Costume of the Samarkand Region of Sogdiana between the 2nd/1st Century B.C.E. and the 4th Century C. E. // *BAI. NS*. 2007. Vol. 17 (2003). P. 35–69.
- Langin-Hooper*, 2007 — *Langin-Hooper S. M.* Social Networks and Cross-cultural Interaction: a New Interpretation of the Female Terracotta Figurines of Hellenistic Babylon // *Oxford Journal of Archaeology*. Oxford, 2007. Vol. 26 (2). P. 145–165.
- Lo Muzio*, 2009 — *Lo Muzio C.* Le terrecotte di Uch Kulakh (Oasi di Bukhara) // *Gli scavi di Uch Kulakh (Oasi di Bukhara). Rapporto preliminare, 1997–2007 / Eds. C. Silvi Antonini, Dž. K. Mirzaachmedov.* Pisa; Roma: Fabrizio Serra Editore, 2009 (Rivista degli Studi Orientali. Vol. 82, suppl. 1). P. 165–169.
- Lo Muzio*, 2010 — *Lo Muzio C.* Unpublished Terracotta Figurines from the Bukhara Oasis // *South Asian Archaeology 2007: Proceedings of the 19th Meeting of the European Association of South Asian Archaeology in Ravenna, Italy, July 2007.* Vol. 2: Historic Periods / Eds. P. Callieri, L. Colliva. Oxford: Archaeopress, 2010 (BAR. IS; 2133). P. 179–190.
- Marshall*, 1918 — *Marshall J.* A Guide to Taxila. Calcutta: Superintendent Government Printing, India, 1918. VII. 124 p., 29 pl.
- Marshall*, 1951 — *Marshall J.* Taxila. An Illustrated Account of Archaeological Excavations carried out at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1913 and 1934. Vol. I–III. Cambridge: At the University Press, 1951. LVI, 895 p., 246 pl.
- Menegazzi*, 2009 — *Menegazzi R.* La figura del cavaliere nella coroplastica di Seleucia al Tigri // *Electrum*. Kraków, 2009. Vol. 15. P. 67–176.
- Mode*, 1970 — *Mode H.* Die Frau in der Indischen Kunst. Leipzig: Edition Leipzig, 1970. 117 S.
- Moorey*, 2002 — *Moorey P. R. S.* Novelty and Tradition in Achaemenid Syria: The Case of the Clay “Astarte plaques” // *IA*. 2002. Vol. 37. P. 203–218.
- Pugachenkova*, 1989 — *Pugachenkova G. A.* The Terracotta Horses of Bactria-Tokharistan: Semantics and Image // *BAI. NS*. 1989. Vol. 3. P. 15–19.
- Rotroff*, 1982 — *Rotroff S.* Hellenistic Pottery: Athenian and imported moldmade bowls / The Athenian Agora. 1982. Vol. 22. 135 p.
- Rowland*, 1949 — *Rowland B.* The Hellenistic Tradition in Northwestern India // *The Art Bulletin*. New York, 1949. Vol. 31, no. 1. P. 1–10.
- Rowland*, 1959 — *Rowland B.* The Art and Architecture of India: Buddhist, Hindu, Jain. Harmondsworth: Penguin Books, 1959. 288 p.
- Rowland*, 1972 — *Rowland B.* Graeco-Bactrian Art and Gandhāra: Khalchayan and the Gandhāra Boddhisattvas // *Archives of Asian Art*. New York, 1972. No. XXV (1971–1972). P. 29–35.
- al-Salihii*, 1987 — *al-Salihi W. I.* Palmyrene Sculptures found at Hatra // *Iraq*. 1987. Vol. 49. P. 53–61.
- al-Salihii*, 1989 — *al-Salihi W.* The Lintel of Gods from Hatra // *BAI. NS*. 1989. Vol. 3. P. 21–24.

- Soper*, 1951 — *Soper A. C.* The Roman Style in Gandhara // *AJA*. 1951. Vol. 55, no. 4. P. 301–319.
- Stark et al.*, 2019 — *Stark S., Mirzaakhmedov S., Kidd F., Mirzaakhmedov D.* New finds of terracotta figurines from western (Bukharan) Sogdiana // *Parthica*. 2019. Vol. 21. P. 159–178.
- Stillwell*, 1952 — *Stillwell A. N.* The Potters' Quarter: The terracottas. New Jersey: American School of Classical Studies, 1952 (Corinth. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XV, pt. 2). 300 p.
- Swarup*, 1957 — *Swarup Sh.* The Arts and Crafts of India and Pakistan. Bombay: Taraporevala's Treasure House of Books, 1957. 89 p.
- Tissot*, 2006 — *Tissot F.* Catalogue of the National Museum of Afghanistan, 1931–1985. Paris: UNESCO, 2006. 539 p.
- Treister*, 2010 — *Treister M.* Bronze and Silver Greek, Macedonian and Etruscan Vessels in Scythia // *Bollettino di Archeologia on line*. Roma, 2010. Volume speciale: Roma 2008 — International Congress of Classical Archaeology: Meetings between Cultures in the Ancient Mediterranean. P. 9–26. Available at: https://www.academia.edu/1162840/M_Treister_Bronze_and_Silver_Greek_Macedonian_and_Etruscan_Vessels_in_Scythia_In_Roma_2008_International_Congress_of_Classical_Archaeology_Meetings_Between_Cultures_in_the_Ancient_Mediterranean_Bollettino_di_archeologia_on_line_1_2010_Volume_speciale_C_C10_2 (accessed: 10.04.2021).
- Treuer*, 1934 — *Treuer C. V.* Terracottas from Afrasiab. Moscow; Leningrad: State Editions Dept., Social-Economic Section, 1934 (Bulletin of the State Academy for History of Material Culture. Fasc. 93). 51 p., 14 pl.
- Vanleene*, 2018 — *Vanleene A.* Differences and similarities in Gandhāran art production: the case of the modelling school of Haḍḍa (Afghanistan) // *The Geography of Gandhāran Art: Proceedings of the Second International Workshop of the Gandhāra Connections Project, University of Oxford, 22nd — 23rd March, 2018 / Eds. W. Rienjang, P. Stewart*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2018. P. 143–163.

On the terracotta plastics of antique Sogdiana

A. V. Omel'chenko²⁰

This paper is devoted to coroplastics of ancient Sogdiana — the historical cultural region which occupied in antiquity the central areas of Central Asia, the valleys of the Zeravshan and Kashkadarya (Qashqadaryo) rivers.

The first examples of terracottas, produced locally with the use of evidently imported matrices, were represented by discs depicting in high relief the heads of the Gorgon Medusa and Silenus on Megara bowls and situlae.

The permanent local production of full-figure terracotta statuettes in Sogdiana begins, as it seems, closer to the middle of the 2nd century BC. At the early stage, the Sogdian school of coroplastics resembled the Margiana's school which was greatly influenced by Near-East centres. Similar trends were present in the coroplastics of Northern India which, like Mesopotamia, Margiana and partly Bactria, in the 1st century BC were under the political influence of the Parthian state.

The earlier group of terracottas in Sogdiana, and generally in Central Asia, is represented by female naked figurines of the Mother Goddess, sometimes with a child in hands. About at the turn of this era, statuettes of women in local clothes with certain elements resembling Greek examples become widely distributed. For the attribution of the divinities such as Nana, Anahita, Atargatis-Athena, of importance are the headdresses and attributes of the figurines.

Of wide distribution are statuettes of musicians: in Central Sogdiana it is men, in Southern Sogdiana — women playing lutes, flutes of two types, harps or drums. Frequently also modelled figurines of riders-primitives are found which became widespread in the oases of the region with the advent of nomadic tribes (Sakae, Yuezhi). After the turn of this era, male statuettes appear wearing caftans and pointed kuloh caps), occasionally with a dagger, evidently representations of Mithras.

In the 3rd–4th century, in the coroplastics of Sogdiana, individualized images became widespread reflecting the increase of realistic trends in the art of the Hellenized regions of the East in the 1st–2nd century (Faiyum portraits, steles from Palmira, Gandhara art). A large series of the late ancient, as well as early mediaeval coroplastics of Sogdiana is constituted by representations originated from the portrait of Alexander of Macedon; also anthropomorphic imprints appear as imitations of the Roman ceramics and glass.

²⁰ Andrey Omelchenko — The State Hermitage Museum; Dvortsovaia nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: andrey.sogd@gmail.com.

Археологический комплекс кургана 1 могильника Кызылколь

А. Н. Подушкин, А. Г. Донец¹

Аннотация. Публикация посвящена основным результатам исследования кургана 1 могильника Кызылколь 1 в Южном Казахстане. В результате раскопок было выявлено комплексное погребальное сооружение, сочетающее в себе конструктивные элементы катакомбы и наземного склепа. Его археологический комплекс датируется позднекангюйским периодом (II–IV вв. н. э.).

Annotation. The publication deals with the main results of having studied Barrow no. 1 of the Kyzylkol' burial ground 1 in Southern Kazakhstan. As a result of excavations, a complex funeral structure was there revealed, which combines constructive elements of both a catacomb and a surface crypt. Its archaeological complex is dated to the late Kangju period (2nd–4th centuries AD).

Ключевые слова: Южный Казахстан, курганный могильник Кызылколь 1, катакомба, наземный склеп, археологический комплекс, Кангюй.

Keywords: Southern Kazakhstan, Kyzylkol' 1 barrow burial ground, catacomb, surface crypt, archaeological complex, Kangju.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-274-284

В 2019 г. археологический отряд Южно-Казахстанского государственного педагогического университета совместно с отделом археологии Туркестанского областного историко-краеведческого музея начали стационарные работы на могильнике Кызылколь 1 западной группы насыпей близ оз. Кызылколь. Он расположен у подножия южного окончания языкового выступа из неогеновых глин Кызылсенгира, на трапециевидной площадке правой надпойменной террасы р. Ушбас и включает в себя 63 насыпи (рис. 1). Типологически Кызылколь 1 относится к могильникам с бессистемным расположением округлых насыпей, сложенных из лесса, щебня и мелкого камня.

В ходе первого полевого сезона был исследован курган 1, находящийся на краю западной кромки правой надпойменной террасы р. Ушбас (рис. 1). Параметры его плоской и невыразительной насыпи таковы: диаметр основания 12 м, высота 0,45 м (рис. 2, 1). При работах в центре кургана на глубине 0,85 м от уровня дневной поверхности удалось вскрыть прямоугольное в плане погребальное сооружение, ориентированное по линии юго-запад–северо-восток (рис. 2, 2; 3, 1, 2; 4, 1, 2). Оно представляет собой подземную погребальную камеру квадратной планировки, верхние контуры которой на уровне древней поверхности выложены по периметру сохранившейся на небольшую высоту кладкой из пахсы и крупного сырцового кирпича, что дает основание трактовать эту кладку как стены наземного склепа. При этом вся площадь камеры была засыпана землей, а сверху, очевидно, сплошь выложена небольшими камнями; в нижней части ямы, на уровне пола, располагалась невысокая Г-образная суфа, на которую клали покойных (рис. 2, 2). С юго-запада к погребальной камере примыкал короткий арочный коридор-дромос, различимый на уровне дневной поверхности по каменной

¹ Подушкин А. Н. — кафедра истории Казахстана и мира, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет; ул. Байтурсынова, д. 13, Шымкент, 160017, Республика Казахстан; e-mail: p_a_n_alex@mail.ru. Донец А. Г. — отдел археологии Туркестанского областного историко-краеведческого музея; пр. Байдибек би, д. 115А, Шымкент, 160000, Республика Казахстан; e-mail: foto-ad@mail.ru.

Рис. 1. Могильник Кызылколь 1 (западная группа насыпей), курган 1, вид сверху (фото авторов)

Fig. 1. Burial ground of Kyzylkol' 1 (the western group of mounds), the Barrow no. 1, view from above (photo by authors)

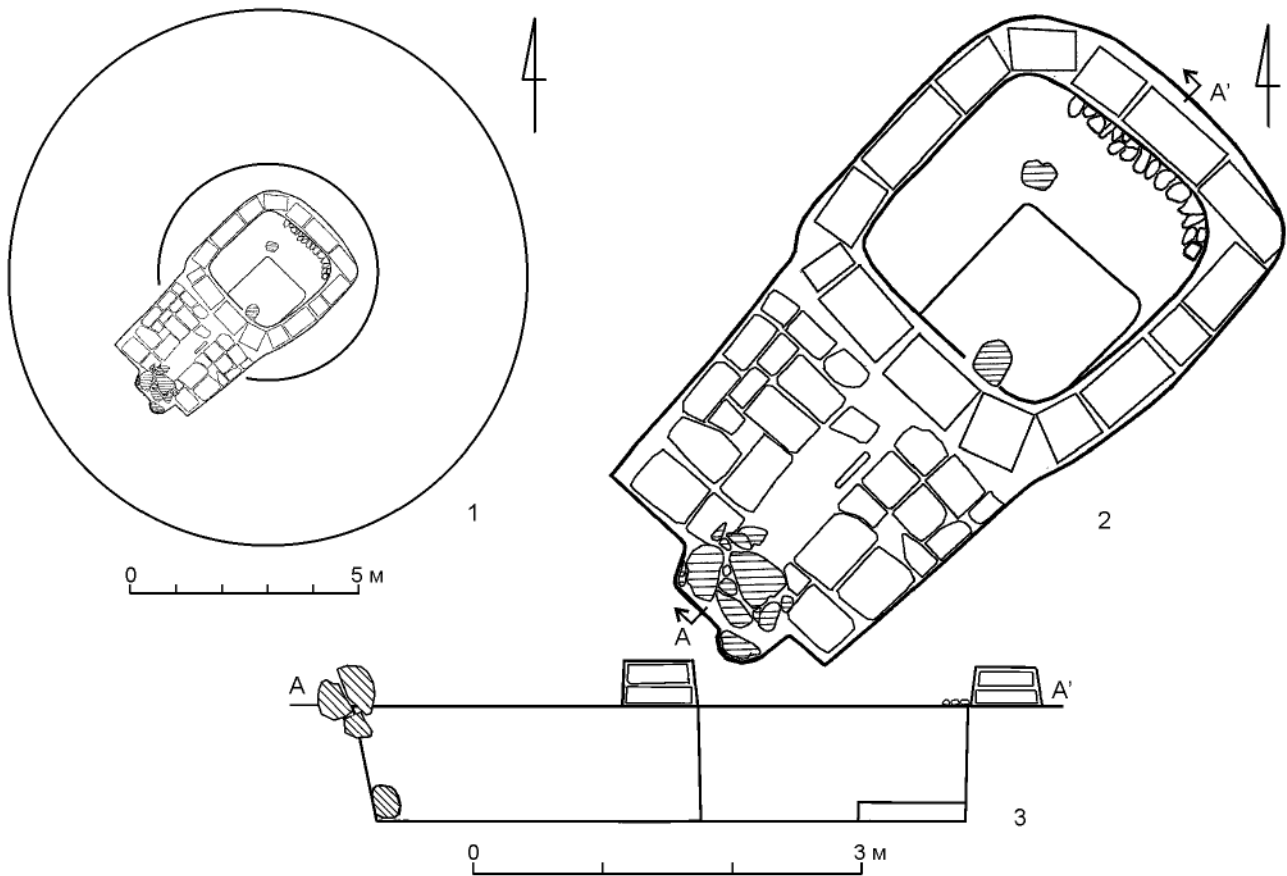

Рис. 2. Могильник Кызылколь 1 (западная группа насыпей), курган 1: 1 — план; 2, 3 — склеп-катакомба: 2 — план; 3 — разрез AA'

Fig. 2. Burial ground of Kyzylkol' 1 (the western group of mounds), the Barrow no. 1: 1 — plan; 2, 3 — crypt-catacomb: 2 — plan; 3 — section AA'

закладке (рис. 3, 2). Пол дромоса горизонтально вел к камере, а место соединения дромоса и камеры было заложено крупными камнями-валунами. При этом вся верхняя часть дромоса, а также пространство по обе стороны от него выложены в один ряд сырцовыми кирпичами прямоугольной и квадратной формы (рис. 2, 2; 4).

Данный склеп-катакомба был основательно ограблен еще в древности. Остатки предположительно четырех скелетов (одного мужского, двух женских и одного детского) в беспорядке разбросаны в погребальной камере и частично в дромосе на разных уровнях (рис. 2, 2; 3, 2). Обнаруженный погребальный инвентарь (вернее, то, что от него осталось) включает:

— керамическую посуду: две чаши классической формы (рис. 5, 2, 5), миниатюрную плошку (рис. 5, 1), грушевидную кружку с петлевидной вертикальной ручкой, окрашенную красно-коричневым ангобом и залощенную (рис. 5, 3), и

нижнюю часть крупного кухонного сосуда типа горшка (рис. 5, 4);

— два керамических конических пряслица с кольцевым вырезом в основании (рис. 5, 6, 7);

— изделия из бронзы: круглое дисковидное зеркало с боковой ручкой-штырем и выпуклым валиком вдоль края лицевой стороны (рис. 5, 8), две идентичные по устройству и размерам декоративные пластины прямоугольной формы с гвоздиками-фиксаторами (рис. 7, 9), две округлые серьги (одна в нижней части в центре имеет кольцевой выпуклый перехват, на другой фиксируются отпечатки фактуры грубой ткани) (рис. 7, 11, 12), накладная пластинка с гвоздиками-фиксаторами (с венчика деревянного сосуда?) (рис. 5, 10);

— железное оружие: черешковый нож с изогнутой спинкой (рис. 6, 5), фрагменты черешкового кинжала с обоюдоострым клинком и деревянной ручкой, который находился в ножнах, окрашенных в красно-коричневый цвет (рис. 6, 1),

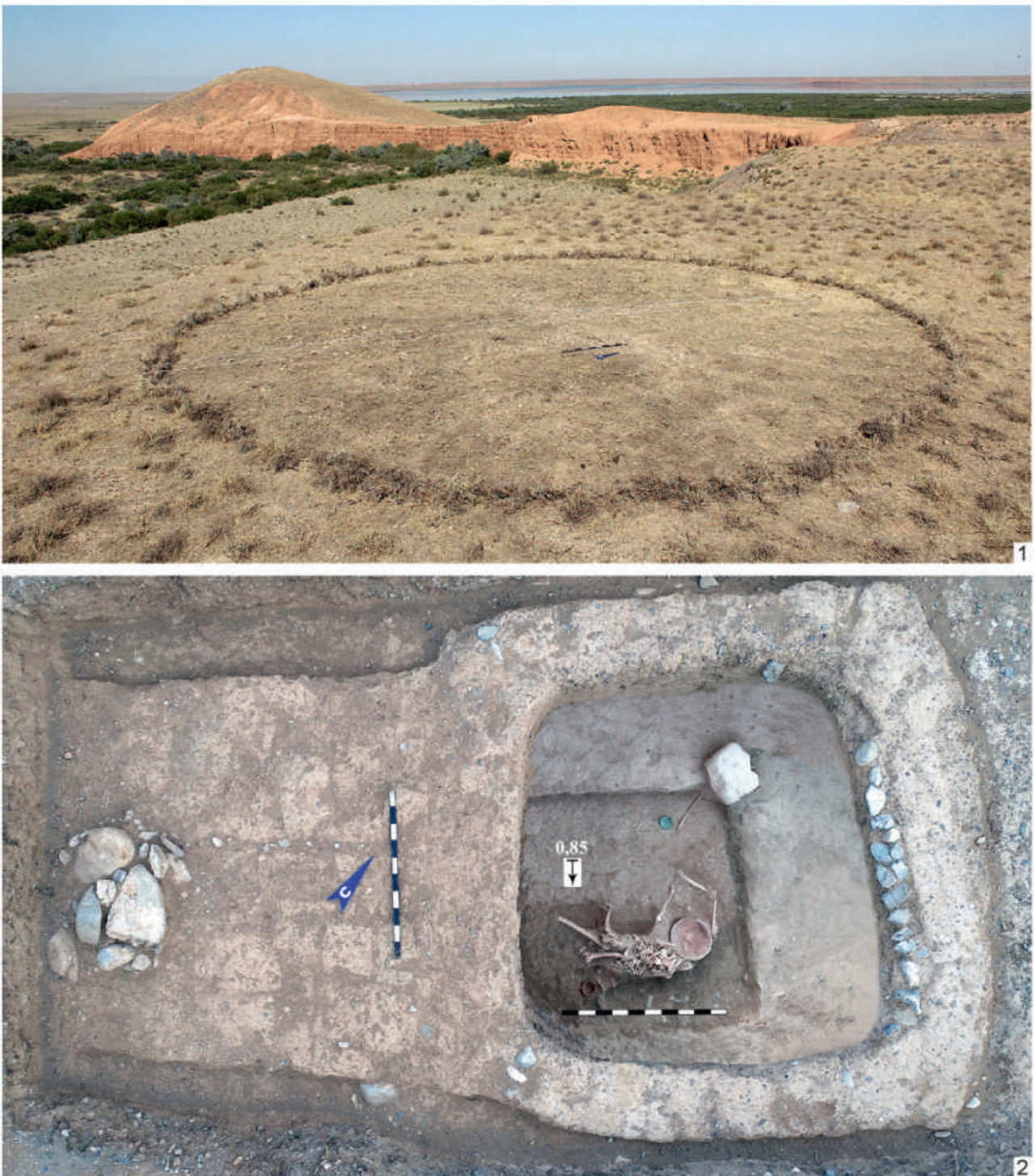

Рис. 3. Могильник Кызылколь 1 (западная группа насыпей), курган 1: 1 — вид с юго-запада; 2 — склеп-катакомба, вид сверху

Fig. 3. Burial ground of Kyzylkol' 1 (the western group of mounds), the Barrow no. 1: 1 — view from above; 2 — crypt-catacomb, view from southwest

Рис. 4. Могильник Кызылколь 1 (западная группа насыпей), курган 1: 1 — склеп-катакомба, вид с северо-востока; 2 — дромос-лаз, вид с северо-востока

Рис. 4. Burial ground of Kyzylkol' 1 (the western group of mounds), the Barrow no. 1: 1 — crypt-catacomb, view from northeast; 2 — dromos-manhole, view from northeast

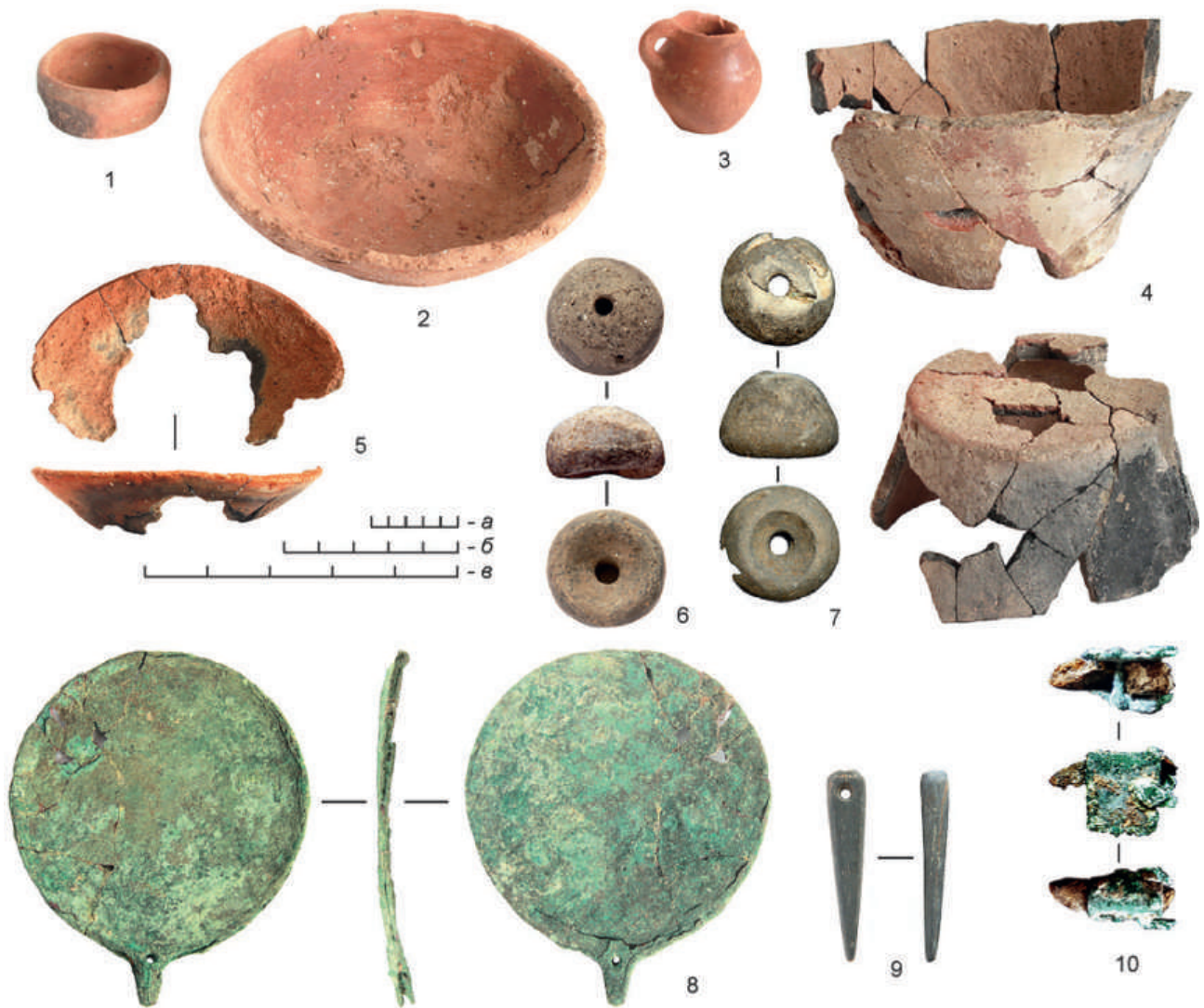

Рис. 5. Могильник Кызылколь 1 (западная группа насыпей), склеп-катакомба 1. Погребальный инвентарь: 1-5 — посуда; 6, 7 — пряслица; 8 — зеркало; 9 — сур'маташ (?); 10 — накладная пластинка. 1-5 — керамика; 6, 7, 9 — камень; 8, 10 — бронза. Масштаб: а — для 1-5; б — для 6-9; в — для 10

Fig. 5. Burial ground of Kyzylkol' 1 (the western group of mounds), crypt-catacomb 1. Grave goods: 1-5 — earthenware; 6, 7 — spindle whorls; 8 — mirror; 9 — sur'matash (?); 10 — small superimposed plate. 1-5 — ceramic; 6, 7, 9 — stone; 8, 10 — bronze. Scale: a — for 1-5; б — for 6-9; в — for 10

черешковый наконечник стрелы с круглой в сечении боевой частью (рис. 6, 2);

— изделия из кости: концевую накладную пластину на сложносоставной лук с выемкой под тетиву в верхней части (рис. 6, б), заклочку в форме длинного остроконечника с отверстием для подвешивания в ромбическом утолщенном окончании (рис. 6, 3) и костяную пуговицу-застежку вытянутой остроконечной формы с отверстием в торцевой части, изготовленную из позвонка животного (рис. 6, 4);

— каменный сур'маташ классической формы в виде штырька с острым нижним

окончанием и круглым отверстием в верхнем (рис. 5, 9)²;

— круглое кольцо из сплюсненной серебряной проволоки с незамкнутыми концами (рис. 7, 8);

— раковины-каури с отверстиями в верхней части (рис. 7, 7);

— украшения: наборные ожерелья и ручные браслеты из различных по цвету и форме

² От редакции: по нашему мнению, этот предмет, скорее всего, является миниатюрным точильным бруском (оселком).

Рис. 6. Могильник Кызылколь 1 (западная группа насыпей), склеп-катакомба 1. Погребальный инвентарь: 1 — кинжал; 2 — наконечник стрелы; 3 — закладка-шпилька для волос; 4 — пуговица-застежка; 5 — нож; 6 — накладная пластина на сложносоставной лук. 1, 2, 5 — железо; 3, 4, 6 — кость. Масштаб: а — для 1-5; б — для 6

Fig. 6. Burial ground of Kyzylkol' 1 (the western group of mounds), crypt-catacomb 1. Grave goods: 1 — dagger; 2 — arrowhead; 3 — hairpin; 4 — button-clasp; 5 — knife; 6 — superimposed plate for a composite bow's end. 1, 2, 5 — iron; 3, 4, 6 — bone. Scale: a — for 1-5; б — for 6

Рис. 7. Могильник Кызылколь 1 (западная группа насыпей), склеп-катакомба 1. Украшения и изделия из цветных металлов: 1 — сердоликовые бусины; 2 — перламутровые бусины; 3 — стеклянные слоеные заготовки для изготовления мелких бусин и бисера; 4 — бусины из розового коралла; 5 — наборный ручной браслет из стеклянных бусин голубого цвета; 6 — наборное ожерелье из стеклянных многослойных бусин различного цвета, часть которых покрыта темной патиной; 7 — раковины-каури; 8 — серебряное кольцо; 9 — бронзовые декоративные пластины; 10 — кулон с рубиновой вставкой в золотой оправе; 11, 12 — бронзовые серьги. Масштаб: а — для 1, 3–6; б — для 2; в — для 7–9, 11, 12; г — для 10

Fig. 7. Burial ground of Kyzylkol' 1 (the western group of mounds), crypt-catacomb 1. Jewelry and products from non-ferrous metals: 1 — carnelian beads; 2 — nacreous beads; 3 — glass layered blanks for making beads and small beads; 4 — pink coral beads; 5 — composite hand bracelet made of blue glass beads; 6 — composite necklace made of glass multilayer beads of various colors, some of which being covered with dark patina; 7 — cowry shells; 8 — silver ring; 9 — bronze decorative plates; 10 — pendant with a ruby insert in a gold setting; 11, 12 — bronze earrings. Scale: a — for 1, 3–6; b — for 2; v — for 7–9, 11, 12; z — for 10

стеклянных, сердоликовых, перламутровых и коралловых бус (рис. 7, 1–6);

— изделие из золота: овално-округлой формы выпуклый кабшон из красно-коричневого рубина, обрамленный по периметру зернью из шариков (рис. 7, 10); первоначально оно служило украшением, которое крепилось на кожаную основу (на оборотной стороне имеются две бронзовые шляпки от гвоздиков-фиксаторов), однако затем в удлиненную вытянутую часть поместили коралловую цилиндрическую бусину с отверстием по всей длине, и изделие превратилось в кулон-подвеску.

Аналогии и хронологические наблюдения

Поскольку конструкция погребального сооружения кургана 1 могильника Кызылколь 1 западной группы насыпей сочетает в себе элементы катакомбы и наземного склепа, логичным будет обратиться к его аналогиям с территории Южного Казахстана и прилегающих регионов. Такие же погребальные памятники известны на некрополях при городищах Кок-Мардан (III–V вв.) и Жуантобе, в Борижарском могильнике (I–IV вв.), на некрополях Коныртобе (Мардан-Куик), Талтакай (Мардан) (III–V вв.) и арысской культуры Южного Казахстана (I–IV вв.). Остановимся на некоторых параллелях, соответствующих археологическому материалу из кызылкольского кургана 1. В качестве уверенных хроноиндикаторов выступают несколько значимых артефактов, дающих основание для соответствующих выводов.

Керамика: две чаши, миниатюрные плошка и кружка (рис. 5, 1–4). Посуда подобных форм с характерным декором (покрытием ангобами красного, красно-вишневого цвета и лощением по ангобу) является чрезвычайно распространенным приемом для украшения керамики арысской культуры Южного Казахстана (конец каратобинского — алтынтобинский этап, IV–V вв. н. э.) периода позднего государства Кангюй (Подушкин, 2000. С. 104–105). Аналогичная керамика встречается и в раннесредневековых некрополях Южного Казахстана III–V вв. (Байпаков и др., 2005. С. 53, рис. 1.43, 4, 8; С. 67, рис. 1.61, 7), катакомбах могильника Чоон-Капка I кенкольской культуры II–V вв. (Там же. С. 76, рис. 2.6, 2; С. 84, рис. 2.16, 10, 13, 20) и на некрополе городища Жуантобе (Там же. С. 118, рис. 3.18, 10).

Бронзовое зеркало (рис. 5, 8). Бронзовые дисковидные зеркала с ручкой-штырем без выступа

в центре известны в погребальных памятниках позднесарматской культуры последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры (Скрипкин, 2017. С. 168, рис. 168, 14; Мошкова, 1989. С. 195–197, табл. 80, 24). Зафиксированы они для указанного времени и в погребальных памятниках Средней Сырдарьи (Максимова и др., 1968. С. 233, табл. XIX, 1–2), а также в материалах джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи (Низовья Сырдарьи..., 1993б. С. 91–93, рис. 85, 10).

Каменный сурьматаш (рис. 5, 9) как часть косметического прибора. Подобный косметический прибор в виде каменного остроконечника-штырька сурьматаша (в сочетании с графитовой основой или бронзовым зеркалом) отмечен в памятниках Средней Азии и Казахстана в первых веках нашей эры (Литвинский, 1978. С. 127–132; Горбунова, 1981. С. 178–180, рис. 37, 3). Аналогичные косметические приборы обнаружены в могильнике городища Коныртобе (Мардан-Куик) III–V вв. (Байпаков и др., 2005. С. 16, рис. 1.11, 1–2) и на некрополе городища Кок-Мардан (Нурмуханбетов, 2011. С. 47, рис. 5).

Костяная заколка-шпилька для волос (рис. 6, 3). Почти прямые аналогии этому артефакту имеются в погребениях 40 и 43 могильника городища Коныртобе (Мардан-Куик), датированных III–V вв. (Байпаков и др., 2005. С. 22–23, рис. 1.22, 1; 1.26, 1). Присутствуют такие изделия и в материалах наземных склепов IV–V вв. некрополя Жуантобе (Там же. С. 112, рис. 3.13, 1).

Костяная концевая накладка на сложноставной лук (рис. 6, 6). Ближайшие аналогии данной концевой накладке с прямым обрезом утолщенного окончания встречены в материалах кокэльской культуры Тувы II — середины III в. н. э. (Худяков, 1986. С. 64–65, рис. 21, 1–2), а также в погребениях Кенкольского могильника I–V вв. (Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 79–80, рис. 1, 1, 3; 2, 1). Еще более близкие аналогии нашей накладке (по форме, прямому обреза утолщенной части и следам обработки) отмечены в погребальных памятниках джетыасарской культуры (Низовья Сырдарьи..., 1993б. С. 68, рис. 48, 1–2) и в некрополе городища Кок-Мардан (Нурмуханбетов, 2011. С. 48, рис. 7, 1–2).

Коралловые бусы, входившие, по-видимому, в состав наборного браслета или детского ожерелья (рис. 7, 4). Подобные коралловые бусы в наборном ожерелье (как и в одиночном варианте) отмечены в склепах джетыасарской культуры III–V вв.

(Низовья Сырдарьи..., 1993а. С. 56–57, 63–64, 71, рис. 63).

Каменные (сердоликовые) и коралловые бусы (рис. 7, 1, 4). Бусы, изготовленные из сердолика и коралла встречаются в составе нескольких наборных ожерелий (от двух до трех) в погребениях джетыясарской культуры от последних веков до нашей эры до V в. н. э., причем доминируют в наборах, как правило, именно коралловые и сердоликовые бусы (Низовья Сырдарьи..., 1995. С. 212, рис. 1, 7–22; 23–37; 3, 1–4; табл. 1).

Сердоликовая биконическая шестигранная с каждой стороны конуса бусина красного цвета (рис. 7, 1). Аналогичные бусины отмечены в погребении 40 некрополя Коныртобе (Мардан-Куик) (Байпаков и др., 2005. С. 22, рис. 1.22, 7–9).

Бронзовые калачиковидные серьги (рис. 7, 11, 12). Артефакты близкой конструкции имеются в материалах погребения 71 некрополя Коныртобе (Мардан-Куик) (Байпаков и др., 2005. С. 30, рис. 1.34, 1; С. 52, рис. 1.42, 1, 14).

Костяная пуговица-застежка (рис. 6, 4). Предмет, аналогичный по форме и (вероятно) назначению, обнаружен в погребении 42 некрополя Коныртобе (Мардан-Куик) (Байпаков и др., 2005. С. 22, рис. 1.24, 7).

Раковины-каури (рис. 7, 7) как декоративный элемент в составе наборных ожерелий, ручных

браслетов и как отдельные подвески фиксируются в материалах могильника Кок-Мардан (Нурмуханбетов, 2011. С. 46, рис. 3, верхний ряд).

Золотой кулон-подвеска с рубиновой вставкой (рис. 7, 10), окаймленной одним рядом зерни. Прямых аналогий данному изделию, выполненному в традициях полихромного стиля, найти не удалось, однако по овальной форме и ювелирной технике изготовления (однорядовая зернь по периметру, два кольцевидных ушка-крепления) ближе всего к нему стоят детали ожерелья с янтарными вставками, найденного в сарматском погребении первой половины II в. н. э. в кургане у с. Старицы в Нижнем Поволжье (Трейстер, 2020. С. 170–171, рис. 9). Добавим также, что артефакты, близкие кызылкольскому кулону по технике изготовления и назначению (но без приспособлений для подвешивания с коралловой бусиной), известны и в материалах IV в. н. э. из памятников арысской культуры в Южном Казахстане (Подушкин, 2000. С. 96, 97).

Корреляция приведенных выше аналогий и хронологических наблюдений позволяет отнести новые археологические материалы из кургана 1 могильника Кызылколь 1 западной группы насыпей ко времени первой половины II — III (возможно, и IV) в. н. э. и связать их с государством Кангюй.

Байпаков и др., 2005 — Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: БАУР, 2005. 224 с.

Горбунова, 1981 — Горбунова Н. Г. Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство Древнего Хорезма / Редкол.: М. А. Итина и др. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 178–183.

Кожомбердиев, Худяков, 1987 — Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1987. С. 75–106.

Литвинский, 1978 — Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978 (Могильники Западной Ферганы; Вып. IV). 218 с., 36 табл.

Максимова и др., 1968 — Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.

Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968. 264 с.

Мошкова, 1989 — Мошкова М. Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 191–202, 383–389.

Низовья Сырдарьи..., 1993а — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II: Джетыясарская культура. Ч. 1: Склепы / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 283 с.

Низовья Сырдарьи..., 1993б — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III: Джетыясарская культура. Ч. 2: Могильники Томпакасар и Косасар / Отв. ред. С. А. Трудновская. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 282 с.

Низовья Сырдарьи..., 1995 — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V: Джетыясарская культура. Ч. 5 / Отв. ред. Л. М. Левина. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. 312 с.

- Нурмуханбетов*, 2011 — *Нурмуханбетов Б. Н.* Некрополь городища Кок-Мардан // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 42–73.
- Подушкин*, 2000 — *Подушкин А. Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. — VI в. н. э. Туркестан: Изд-во МКТУ им. Х. А. Ясави, 2000. 201 с.
- Скрипкин*, 2017 — *Скрипкин А. С.* Сарматы. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2017. 293 с.
- Трейстер*, 2020 — *Трейстер М. Ю.* Бусы и элементы декора из янтаря в ювелирных изделиях из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск, 2020. № 12. С. 148–223.
- Худяков*, 1986 — *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1986. 269 с.

An archaeological complex of Barrow no. 1 of the Kyzylkol' burial ground

A. N. Podushkin, A. G. Donets³

The article covers the first results of excavations at the Kyzylkol' 1 burial ground (the western group of mounds), located near the lake Kyzylkol' (Southern Kazakhstan, the Turkestan region, the Suzak district). In the course of the works carried out at Barrow no. 1, it was possible to uncover a complex burial structure that is a combination of a T-shaped catacomb (with its inherent constructive elements, viz. a dromos and a chamber with a Г-shaped bench-sufa) and a low surface crypt built of mud bricks and pakhsa. The archaeological complex of Barrow no. 1 includes ceramics (bowls, a miniature saucer, a polished bowl decorated with a red-brown engobe, the lower part of a large pot-type kitchen vessel); two spindle whorls; weapons (a bone end plate of a bow, an arrowhead); adornments (necklaces composed of glass, carnelian, mother-of-pearl and coral beads); household items (a bronze mirror, an iron knife, a bone hairpin, a button). For the first time, archaeological excavations were carried out at a monument on the eastern periphery of Southern Kazakhstan — in the area of the Karatau mountain range and the lower reaches of the Talas river, the territory of which was once part of the Kangju realm existing in the 2nd century BC — 4th century AD. The available analogies as well as historic-cultural observations make it possible to determine the ethnic-political affiliation and chronology of the studied monument: it appears to be relating to the late Kangju culture (2nd–4th centuries AD).

³ Aleksandr Podushkin — South Kazakhstan State Pedagogical University; ul. Baitursynova, 13, Shymkent, 160017, Kazakhstan; e-mail: p_a_n_alex@mail.ru. Andrei Donets — Turkestan Regional Museum of History and Local Lore; pr. Baidibek bi, 115A, Shymkent, 160000, Kazakhstan; e-mail: foto-ad@mail.ru.

Особенности планировки жилой и производственной зон на городище Ушбастобе (Южный Казахстан)

Б. А. Раев, А. Н. Подушкин, А. Г. Донец¹

Аннотация. Статья посвящена планировочной структуре городища II–V вв. н. э. Ушбастобе в Южном Казахстане. Оно расположено на мысовом отроге берега р. Угам и состоит из цитадели и жилой части (рабада). Естественные склоны речной террасы и крутого оврага делали городище неприступным с двух сторон, другие две ограничены рвами. Помимо жилой части, между двумя юго-восточными рвами выявлена производственная зона, где исследована железоплавильная печь. Результаты данного исследования позволяют авторам утверждать, что это укрепленное городище не только контролировало проход в плодородную долину реки, но и было важным центром первичной выплавки кричного железа в регионе.

Annotation. This article deals with the planning structure of the site of ancient settlement of Ushbastobe in southern Kazakhstan, dated to the 2nd–5th centuries AD. The settlement is located on the tall cape of the Ugam river bank and consists of a citadel and a residential area (rabad). Natural slopes of the river terrace and a steep ravine made the settlement impregnable from the two sides; the other two were bounded by moats. In addition to the residential part, a production area has been revealed between the two southeastern moats where an iron-smelting furnace has been studied. The results of this study allow the authors to maintain that the fortified settlement not only controlled a passage to the fertile river valley but was also an important center for the primary smelting of bloom iron in the region.

Ключевые слова: Южный Казахстан, городище Ушбастобе, железоплавильное производство.

Keywords: Southern Kazakhstan, site of ancient settlement of Ushbastobe, iron-smelting production.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-285-291

Городище Ушбастобе находится в 1,1 км к востоку–юго-востоку от пос. Угам в долине одноименной реки. Замкнутая долина протяженностью около 8 км и шириной до 1,5 км образована двумя горными хребтами юго-западного Тянь-Шаня — Угамским и Каржантау.

В 2012 г. экспедицией под руководством А. Н. Подушкина и с участием сотрудников Южного научного центра РАН в долине р. Угам были

обследованы и описаны несколько городищ (Подушкин и др., 2012). В их число входило и городище Ушбастобе, расположенное на верхней террасе левого берега Угама².

В 2013 г. на центральной площадке цитадели (рис. 1, I) был заложен раскоп 1 размером 6,0 × 7,0 м, а на площадке 3 и в напольной части городища — три шурфа размером 1,0 × 2,0 м. В раскопе фиксировались каменные кладки, представляющие собой сильно разрушенные основания турлучных стен или плетеных оград.

В 2014 г. исследовался участок 7,8 × 5,0 м на восточной площадке цитадели (раскоп 2) (рис. 1, I). В последующие годы (2015–2018) к его восточному борту прирезались участки

¹ Раев Б. А. — Южный научный центр РАН; пр. Чехова, д. 41, Ростов-на-Дону, 340006, Россия; e-mail: boris_raev@mail.ru. Подушкин А. Н. — Южно-Казахстанский государственный педагогический университет; ул. Байтурсынова, д. 13, Шымкент, 160017, Республика Казахстан; e-mail: p_a_n_alex@mail.ru. Донец А. Г. — Туркестанский областной историко-краеведческий музей; пр. Байдибек би, д. 115 А, Шымкент, 160000, Республика Казахстан; e-mail: foto-ad@mail.ru.

² Координаты цитадели городища Ушбастобе: 41°54'54,9" с. ш.; 70°2'3,8" в. д.

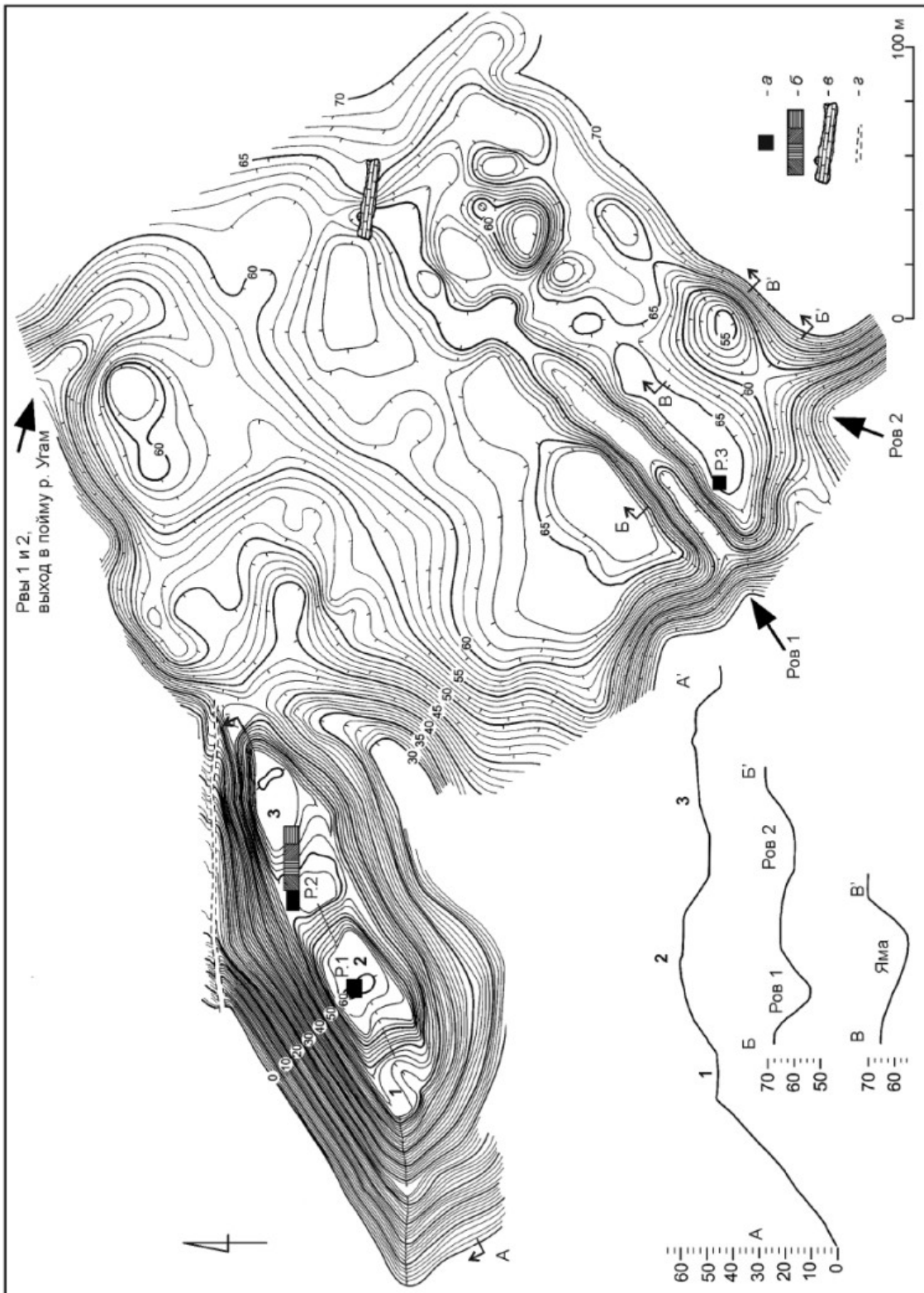

Рис. 1. Городище Ушбастобе: I — план (а — раскопы 2013–2014 гг.; б — раскопы 2015–2018 гг.; в — плотина; з — грунтовая дорога) (съемка Б. А. Раева, А. В. Чечушкова, 2014 г.); II — профили рельефа частей городища: I — AA' (цитадели); 2 — BB' (рвов 1 и 2); 3 — BB' (рва 2)

Fig. 1. Fortified site of Ushbastobe: I — plan (a — excavations of 2013–2014; б — excavations of 2015–2018; в — dam; з — earthenroad) (surveys by B. A. Rayev and A. V. Chechushkov, 2014); II — profiles of the relief in areas of the fortified site: I — AA' (citadels); 2 — BB' (ditches 1 and 2); 3 — BB' (ditch 2)

по 36 кв. м ежегодно³. Таким образом, общая площадь исследованного на восточной площадке цитадели культурного слоя составила 189 кв. м. Итоги работ на городище были изложены в ряде публикаций, подготовленных участниками раскопок и посвященных как общей характеристике памятника (*Подушкин и др.*, 2013а; 2014а. С. 144–166; *Подушкин*, 2015), так и отдельным находкам из слоя (*Подушкин и др.*, 2013б; 2014б; *Подушкин*, 2016а; 2016б; 2016в; *Podushkin*, 2016).

В 2014 г. в пределах визуально определяемых границ был снят инструментальный (тахеометрический) план памятника. План обработан в программе *Free Reason* А. В. Чечушковым, переведен в компьютерную графику, вычерчен и оформлен Б. А. Раевым.

Городище располагается на мысу, образованном склоном террасы к пойме реки и безымянным саем, глубоко прорезающим террасу к западу от городища, и состоит из цитадели, рабада и нескольких рвов.

Цитадель занимает крайнюю северо-западную часть площади городища и расположена на узком и высоком мысовом отроге. Склоны отрога с трех сторон крутые, образованы склонами террасы реки, саем и отходящим от него к северо-востоку отрогом. Вертикальный угол, равномерно падающий до долины реки и дна сая, составляет 50–60°, местами до 80°, что делает цитадель практически неприступной с этих направлений. С северо-восточной стороны, где цитадель соединена с рабадом, склон крутой, но невысокий, перепад высот между верхней площадкой цитадели и поверхностью террасы около 10 м (рис. 1, II, разрез АА').

Крутые склоны, являющиеся естественными оборонительными рубежами, ограничивают верхнюю площадку цитадели узкой, вытянутой по линии северо-восток–юго-запад формы. Размеры площадки 135–140 × 20–29 м, перепад высот в пределах площади геодезической съемки составляет 30 метров. В профиле, при обзоре с правого берега реки, четко видны две возвышенности и юго-западная площадка (обозначены цифрами 1–3 на плане (рис. 1, I) и разрезе АА', (рис. 1, II)). Эти особенности рельефа, вероятно, послужили основой для микротопонима⁴.

³ На схеме рис. 1 участки раскопа 2 выделены разной штриховкой по годам исследования.

⁴ Ушбастобе (казах.) — Трехглавый холм.

По северо-западной и северной подошвам отрога проходит грунтовая дорога, ведущая из поймы реки на верхнюю террасу и обрывающаяся у места, где цитадель смыкается с рабадом. Помимо хозяйственного предназначения — на верхней террасе в пределах площади городища нет источников воды — такое расположение дороги позволяло контролировать поднимающихся по ней на городище. Следует отметить, что дорога носит следы искусственной подтепки, а примыкающая к ней часть склона террасы — следы эскарпирования.

На северо-восточной оконечности площадки цитадели выделяется узкое невысокое всхолмление, перпендикулярное длинной оси площадки. Оно расположено на наиболее уязвимом для обороны участке и, безусловно, является остатками вала, препятствующего проходу на площадку цитадели. Исследование структуры этого всхолмления покажет, имелись ли на нем дополнительные оборонительные сооружения в виде, скорее всего, сырцово-каменных стен или, что менее вероятно, — деревянного частокола.

Рабад — жилая часть городища — представляет собой часть террасы, которая выделяется искусственными земляными укреплениями.

Рвы 1 и 2 отрезают городище от террасы, ограничивая его с юго-востока, востока и северо-востока. Ров 1 представляет собой V-образную в поперечном сечении прямую траншею, идущую с юго-запада на северо-восток. Юго-западным концом ров уходит в сай, ширина в верхней части — 25–30 м, дно узкое, уплощенное, ширина — 5–8 м. Стенки прямые (рис. 1, II, разрез ББ', левая часть), в юго-западной части угол наклона составляет 45°–50°. На расстоянии около 120 м от края обрыва ров изогнут коленом длиной 30 м к северу под углом, близким к прямому. После колена на протяжении 60 м, где ров восстанавливает первоначальное направление, северная стенка выполаживается, южная остается такой же крутой.

Ров 2 находится к юго-востоку от рва 1, отделен от него перешейком шириной 18–20 м, направление оси параллельно рву 1. Ров имеет ширину в верхней части до 45–50 м, по дну его ширина 20–40 м, стенки ровные, внешняя крутая, угол около 50°, внутренняя — пологая, угол составляет 25°–30° (рис. 1, II, разрез ББ', правая часть). Широкое дно рва изрыто отдельными ямами. Две ямы наибольшей площади и глубины расположены в юго-западной и северо-восточной

частях рва. Размер юго-западной ямы по верху — около 40 × 30 м, по дну — около 12 × 8 м, глубина до 4,0–4,5 м от уровня дна рва (рис. 1, разрез ВВ'). Северо-восточная яма размером 30 × 20 м, дно — 15 × 10 м, глубина 4,5–5,0 м от уровня дна рва. Северо-восточный торцевой склон рва пологий, глубина рва в этой части составляет не более 3,0–3,5 м от уровня террасы.

Северный угол рва 2 и северо-восточная часть рва 1 сливаются, от этой точки рабад от террасы с северо-востока отрезает уже один ров. Этот ров с крутой внешней и пологой внутренней сторонами имеет ширину 30–40 м. В месте слияния рвов глубина его дна составляет 3,5–4,0 м, к северо-западу, где ров выходит в долину р. Угам, его глубина достигает 7,5–8,0 м от уровня террасы.

Рабад в плане представляет собой неправильной формы подпрямоугольную площадку, ограниченную, помимо описанных рвов, с северо-запада крутым склоном террасы в пойму, с юго-запада — еще более крутым склоном к саю. Узкий отрог сая, направленный к северо-востоку, образует западную границу рабада и отделяет его от цитадели. Размеры площадки 160–180 × 100–120 м, общее понижение фиксируется в северо-западном направлении, к краю террасы; перепад высот между юго-восточной частью у края рва 1 и краем террасы составляет в среднем 5,0 м.

На площадке заметны три всхолмления неправильной формы, представляющие собой, скорее всего, «жилые холмы» — остатки каких-то построек. Эти холмы расположены в южной части у места выхода рва 1 в сай, у места слияния рвов, и в северном углу, в месте выхода рвов в пойму реки. Участки площадки с холмами являются наиболее удобными для проживания; западная ее часть, примыкающая к цитадели, имеет сильный уклон в северо-западном направлении к отрогу сая, что делает ее плохо приспособленной для возведения строений.

На восточной границе рабада, в месте слияния рвов, они перегорожены искусственной плотинной (?) длиной 20–25 м и шириной 2,5–3,0 м, сложенной из необработанных камней. Края кладки сильно разрушены, вероятно, плотина была шире и позволяла пересекать ров, в том числе, и на повозках. Наличие плотины, на первый взгляд, плохо согласуется с продуманными принципами обороны городища Ушбастобе. Можно предположить, что плотина была сооружена после создания всей системы оборонительных сооружений,

в период, когда стабильная политическая ситуация в регионе позволила отнести оборону городища к второстепенным задачам.

Раскоп 2, исследования которого продолжают уже пять лет, и раскоп 3 в 2014 г. выявили на городище две функционально различные зоны. С первого года исследований на раскопе 2 стало понятно, что мы имеем дело с каким-то складским помещением, которое было оставлено обитателями городища внезапно. Об этом свидетельствует большое количество целых форм керамической посуды, сосредоточенных на отдельных участках раскопа. Все сосуды разбиты, но находятся на тех местах, где они стояли. Всего на площади раскопа 2, составляющей 189 кв. м, обнаружено более 80 целых форм керамических сосудов, причем значительную их часть составляют крупные сосуды для хранения припасов (*Подушкин и др.*, 2014а. С. 156–157, табл. 1, 2). Немаловажным аргументом является и то, что в слоях, исследованных на раскопе 2, сравнительно мало костей домашних животных — самого массового материала городищ железного века.

Гораздо больше материала для интерпретации рода деятельности жителей Ушбастобе дает раскоп 3. В нем на глубине 0,40–0,45 м от уровня дневной поверхности были зафиксированы контуры трех плавильных печей круглой формы.

Печь 1, округлая в плане, с уровня фиксации впущена в материк на глубину 0,6 м. Стенки выложены глиняными лентами с органикой, которые уложены спиралью от низа к верху и, возможно, дополнительно были обмазаны глиной. Яма в разрезе колоколовидная, расширяется ко дну. Обмазка стен утолщается от дна к верху: от 3–4 см у дна до 12 см у верхнего устья печи (рис. 2, 2, 3).

В северо-западной части печи на уровне фиксации устроен продух для подачи воздуха. От него сохранилась нижняя часть (дно) на уровне 45–50 см выше дна печи. То, что это отверстие для подачи воздуха, доказывают наиболее оплавленные и спекшиеся с рудой стенки слева, справа и напротив отверстия. Последнее говорит о том, что воздух нагнетался с помощью мехов (?), что позволяло его потокам проходить через загруженное в печь сырье.

Разрез и заполнение печи от верха ко дну включают (рис. 2, 2, 3; рис. 3, 1):

— слой гумусированного суглинка желто-серого цвета с камнями, деталями рухнувшего свода стен и шлаками толщиной 15 см;

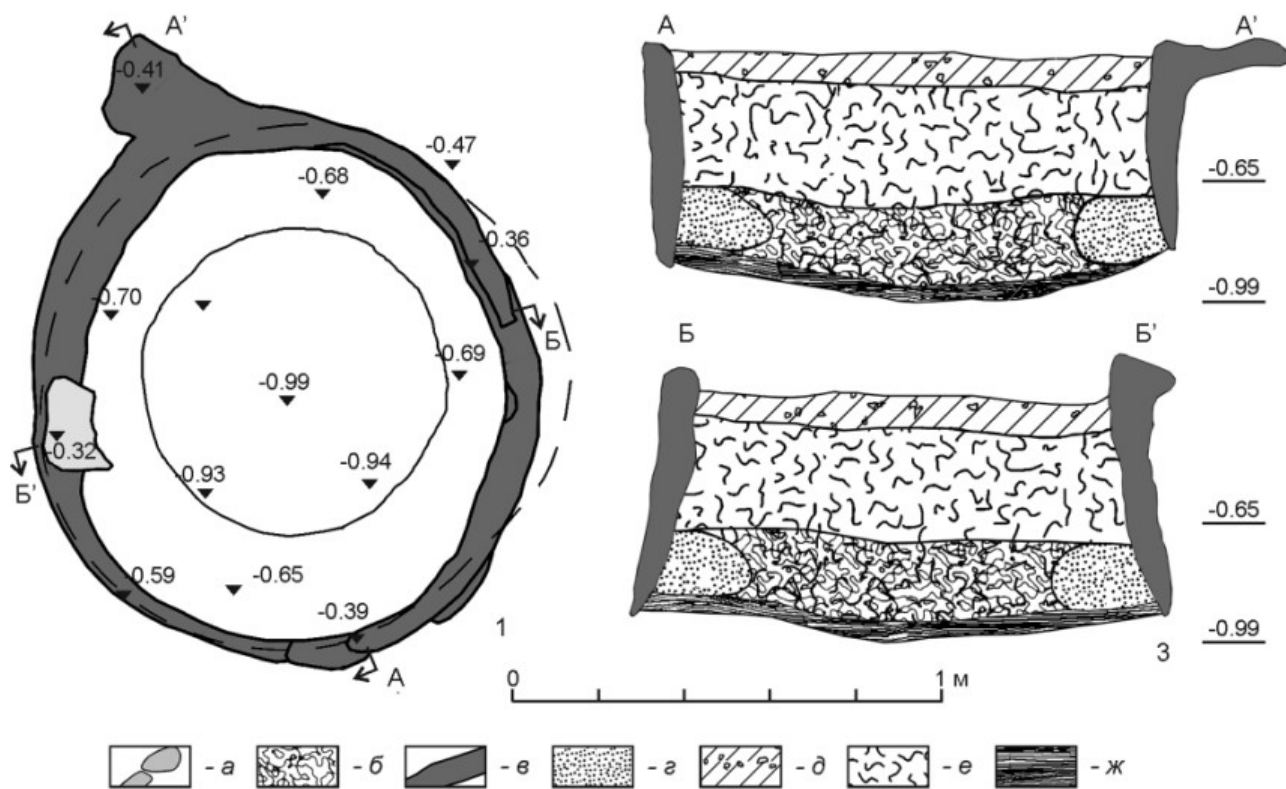

Рис. 2. Городище Ушбастобе, раскоп 3, 2014 г. Железоплавильная печь 1: 1 — план; 2 — разрез AA'; 3 — разрез BB'. Условные обозначения: а — камни; б — плавная крица; в — пахса; г — глина с угольками; д — рухнувший свод; е — спекшийся шлак; ж — древесный уголь

Fig. 2. Fortified site of Ushbastobe, excavation 3, 2014. Iron smelting furnace 1: 1 — plan; 2 — section AA'; 3 — section BB'. Keys: а — stones; б — smelted bloom; в — pakhsa; г — clay with fine pieces of charcoal; д — collapsed roofing; е — sinters; ж — charcoal

— спекшиеся монолитом остатки горения (пережженного сырья и древесного угля, обозначаемого как шлак) толщиной 30 см. В центре этого слоя фиксируется воронковидное углубление с менее плотным заполнением. Оно могло образоваться, скорее всего, при извлечении крицы из печи;

— остатки плавной крицы, просевшей в пережженную глину с черной древесной золой толщиной 15–20 см. Вдоль стен ямы прослежен валик из рыхлой желто-коричневой глины с угольками, ширина и высота валика 15–20 см. Валик отделял верхнюю часть, куда загружалось сырье, от нижней части, куда стекал металл;

— прослойки не прогоревшего и не спекшегося с железорудным сырьем древесного угля толщиной 2–3 см.

Печи 2 и 3 не исследовались, значительная часть из конструкции уходила за пределы раскопа, но, судя по зачищенным деталям, они аналогичны описанному сооружению. В исследованной нами печи обнаружены остатки древесного угля,

но нельзя исключать использование в процессе выплавки крицы угля каменного. Такая возможность у местных металлургов была — в 2,5–3,0 км, на противоположном берегу р. Угам, в пределах прямой видимости к северо-востоку от холма Ушбастобе, на правом склоне ручья Кайнар фиксируются выходы пластов каменного угля (Подушкин и др., 2014а. С. 145, рис. 1, № 22). Представляется важным найти в ближайшем окружении источники сырья для железоплавильного производства. С этой точки зрения особый интерес представляет серия ям разного диаметра и глубины на дне рва 2. Необходимы специальные изыскания и химические анализы горных пород, которые могут решить этот вопрос.

Следует обратить внимание на продуманное расположение печей относительно всего городища. Они находятся на узком перешейке между рвами 1 и 2 и надежно отделены от жилой части городища и от залесенного склона террасы. Такая планировка производственной зоны, если и

Рис. 3. Городище Ушбастобе. Железоплавильная печь: 1 — заполнение печи, вид с запада; 2 — внутреннее пространство печи после расчистки заполнения, вид с запада

Fig. 3. Fortified site of Ushbastobe. Iron smelting furnace: 1 — fill of the furnace, view from west; 2 — inner space of the furnace after removing of the fill, view from west

не исключала, то максимально минимизировала риски распространения пожара в случае его возникновения на жилую часть поселения.

Представляется, что городище Ушбастобе выполняло две одинаково важные функции. Расположенное в стратегически важной точке на восточной границе долины, в месте, где р. Угам выходит из узкого ущелья, городище фланкировало этот проход. На противоположном, правом, берегу реки находилось исполнявшее такую же роль городище Таскоратобе (Подушкин и др., 2014а. С. 145, рис. 1, № 17).

Гораздо более важным представляется значение городища как приближенного к сырьевым источникам ремесленного центра первичной плавки железа. Отсюда первичный продукт — крица — переправлялась ремесленникам поселений равнинной части региона для дальнейшей обработки и изготовления металлических орудий и оружия. Дальнейшие комплексные исследования городища, требующие участия в них специалистов естественнонаучных дисциплин, помогут решить многие поставленные в этой работе вопросы.

Подушкин, 2015 — Подушкин А. Н. Угамская долина Сайрам-Угамского национального природного парка в историко-культурном и археологическом контекстах // Сайрам-Угамский государственный национальный природный парк / Гл. ред. А. К. Ниязов. Шымкент: Алем баспасы, 2015. С. 138–150.

Подушкин, 2016а — Подушкин А. Н. Искусство и религиозные верования Кангюй: к анализу и интерпретации антропоморфного изображения из урочища Угам (Южный Казахстан) // Мир Большого Алтая. Усть-Каменогорск, 2016. Т. 2, № 4.1. С. 751–765, 797–804.

Подушкин, 2016б — Подушкин А. Н. К анализу и семантической интерпретации антропоморфного изображения периода государства Кангюй из Южного Казахстана // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2016. № 4. С. 55–67.

Подушкин, 2016в — Подушкин А. Н. К интерпретации изображения на кувшине городища Ушбастобе I–IV вв. из Южного Казахстана // Материалы международной научно-практической конференции «Страна Великой Степи и идеалы независимости» / Гл. ред. О. А. Аяшев. Шымкент: Южно-Казахстанский гос. педагогический институт, 2016. С. 48–53.

Подушкин и др., 2012 — Подушкин А. Н., Ахметов М. Г., Донец А. Г., Рустемов А. А., Вагнер В. А., Пестова М. С. Археологические работы в Угамском урочище // Тр. ФИАА. 2012. Т. 1. С. 62–79.

Подушкин и др., 2013а — Подушкин А. Н., Сулейманов Р. Х., Раев Б. А., Рустемов А. А., Донец А. Г., Белов М. А. Археологические работы в Угамском урочище в 2013 г. // Тр. ФИАА. 2013. Т. 2. С. 140–155.

Подушкин и др., 2013б — Подушкин А. Н., Раев Б. А., Белов М. А. Знаки на керамике городища Ушбастобе (Южный Казахстан) (по материалам

исследований 2013 года) // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа: Материалы Международной археологической конференции (Краснодар, 27–29 мая 2013 г.) / Ред. Т. А. Павленко. Краснодар: Вика-Принт, 2013. С. 117–121.

Подушкин и др., 2014а — *Подушкин А. Н., Раев Б. А., Белов М. А., Рустемов А. А., Донец А. Г., Шымырбеков М. Л.* Археологические исследования в Угамском урочище в 2014 году // Тр. ФИАА. 2014. Т. 3. С. 144–166.

Подушкин и др., 2014б — *Подушкин А. Н., Раев Б. А., Белов М. А., Донец А. Г.* Керамика городища Ушбастобе (к вопросу о связях Южного Казахстана с Причерноморьем) (по материалам раскопок 2013 года) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2014. Вып. 6. С. 65–76.

Podushkin, 2016 — *Podushkin A.* Art and Religious Beliefs of Kangju: Evidence from an Anthropomorphic Image found in the Ugam Valley (Southern Kazakhstan) // *The Silk Road*. Saratoga, 2016. Vol. 14. P. 58–70.

The layout peculiarities of the residential and production areas in the site of ancient settlement of Ushbastobe (Southern Kazakhstan)

B. A. Raev, A. N. Podushkin, A. G. Donets⁵

The settlement of Ushbastobe is located in the closed river Ugam valley at the southwestern Tien Shan. In 2014, a tacheometric survey was conducted within the visually defined boundaries of the settlement that made possible to fully comprehend its layout and fortification system (Fig. 1). The fortified settlement consists of a citadel, a “rabad”, and several moats.

The citadel located on a narrow, high spur of a cape. The steep slopes that form natural defense lines limit the top narrow platform of the citadel. At the northeastern end of the citadel, there is a narrow low hillock identified as the remains of a rampart.

Rabad is an irregularly shaped area that besides the moats separated on the northwest by a steep slope of the terrace to the river valley. The moats on the eastern border of the “rabad” are partitioned off by a dam (?) that made of crude stones.

Moats nos. 1 and 2 separate the fortified settlement from the terrace on the southeast, east, and northeast. The moat no. 1 is a trench with V-shaped cross-section. The moat no. 2 is separated from the settlement by a neck of land 18–20 m wide and parallel to the moat no. 1.

The excavation areas revealed two functionally different zones. It became clear that remains of a building structure at Sector 2 represent a kind of a warehouse suddenly abandoned by the settlers.

Much more information for understanding the craft activity by the inhabitants offers the third sector of the excavation area, where the three round-shaped smelting furnaces were found. They are located on a narrow isthmus between moats nos. 1 and 2, and are reliably separated from both the residential part of the settlement and from the forested slope of the terrace, which minimized the risk of fire spreading.

The settlement of Ushbastobe seems to have served for flanking the passage to the valley. Much more important was the role of the settlement as a craft center for the primary smelting of iron as being close to the source of raw materials.

⁵ Boris Raev — Federal Research Center The Southern Scientific Centre of the RAS; pr. Chekhova, 41, Rostov-na-Donu, 340006, Russia; e-mail: boris_raev@mail.ru Aleksandr Podushkin — South Kazakhstan State Pedagogical University; ul Baitursynova 13, Shymkent, 160017, Kazakhstan; e-mail: p_a_n_alex@mail.ru. Andrei Donets — Turkestan Regional Museum of History and Local Lore; pr. Baidibek bi, 115 A, Shymkent, 160000, Kazakhstan; e-mail: foto-ad@mail.ru.

К вопросу о локализации городов на Оксе в «Географии» Птолемея

Э. В. Ртвеладзе

Аннотация. Статья посвящена интерпретации сообщения Клавдия Птолемея (II в. н. э.) о бактрийских городах, расположенных по течению Окса (Амударья). Сопоставляя это свидетельство с географическими, топонимическими, археологическими и нумизматическими материалами, автор приходит к заключению, что информация, приводимая Птолемеем, в целом достоверна, а перечисленные города могут быть идентифицированы с известными археологическими памятниками средней Амударьи.

Annotation. This article deals with interpretation of the information by Claudius Ptolemy (2nd century AD) about Bactrian cities on the Oxus (Amu-Darya) River. When comparing these data with geographic, toponymical, archaeological and numismatic evidence, the author arrives to the conclusion that the intelligence presented by Ptolemy is generally trustworthy while the enumerated cities can be equalled with the known archaeological sites in the middle reaches of the Amu-Darya.

Ключевые слова: Клавдий Птолемей, античная география, Бактрия, Окс (Амударья), города, кушанская эпоха.

Keywords: Claudius Ptolemy, ancient geography, Bactria, Oxus (Amu-Darya), cities, Kushan epoch.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-292-299

Великий математик и астроном древности Клавдий Птолемей (II в. н. э.) в своем «Руководстве по географии» (Γεωγραφικὴ Ὑφήγησις; далее — «География») дает обширный свод географических и этнографических данных — в частности, о Маргиане, Согдиане и Бактрии, — приводя при этом множество деталей, отсутствующих у других античных авторов. В числе таких «эксклюзивных» данных, приведенных Птолемеем, — перечень бактрийских городов, расположенных на реке Окс (Амударья).

В современной науке существует мнение, что сведения о Средней Азии, изложенные в шестой книге «Географии», отражают представления античного мира «о географических и этнографических условиях Кушанского царства» (Гумбах, 1975. С. 71) — то есть синхронны эпохе Птолемея. Однако Птолемей упоминает здесь и города, возникшие и существовавшие еще в эпоху эллиниз-

ма: Александрию Оксианскую, Александрию Эсхату, Евкратидию — сложно представить, что при Кушанах они сохранили прежние имена.

По-прежнему остаются сомнения в точности некоторых данных Птолемея о Средней Азии. Часто высказывается мнение, что Птолемей путал названия и местонахождение городов, в особенности продублированных по более ранним источникам (как в случае с Маракандой, помещенной им не в Согдиане, а в Бактрии). Нам представляется, однако, что ситуация не столь однозначна (это демонстрирует, в частности, нижеприведенный пример с Зариаспой).

Согласно Птолемеему (*Ptol. Geogr.* VI. 11. 7), в Бактрии по течению Окса располагались шесть городов: Окс (Ὠξος)², Ха(т)рахарта

¹ Отдел истории искусств, Институт искусствознания АН Узбекистана; пл. Мустакиллик, д. 2, Ташкент, 700029, Узбекистан; e-mail: archcircle@gmail.com.

² От редакции: стоит отметить, что современная текстология птолемеевой «Географии» (Ronca, 1971; Ziegler, 1998; Stückelberger, Graßhoff, 2006) склоняется к чтению, отличному от варианта Л. В. Баженова: бактрийских городов на Оксе здесь пять, а не шесть, и города Окс среди них нет.

(Χαρ(ρ)άχαρτα или Катрахарта; 110°, 44°10′), Зариаспа (Ζαρίασπα или Ζαρίσπα; 115°, 44°), Хоана (Χοάνα; 117°, 42°), Сурагана (Σουράγανα или Ζοραχάνα; 117°30′, 40°30′), Фратруа (Φράτρουа или Фратроуа; 119°, 39°20′). (Здесь и далее цитаты из Птолемея приводятся по: Баженов, 1940. С. 122, 124–125; написание топонимов сверено с последними критическими изданиями «Географии»: Ronca, 1971. С. 28; Ziegler, 1998. С. 158–160; Stückelberger, Graßhoff, 2006. С. 648–649). Причем перечислены эти города в порядке следования с северо-запада на восток, против течения Окса, что следует из приведенных координат (пусть и неточных, но указывающих вполне определенное направление). Следовательно, первый город, упоминаемый Птолемеем, являлся самым крайним северо-западным городом Бактрии, расположенным на Оксе.

Следует, однако, учесть, что территориальные границы Бактрии не являлись неподвижными, и описание ее географических пределов у Птолемея (в частности, северного рубежа, проходившего якобы по Оксу) нельзя назвать ни абсолютно истинным, ни целиком ошибочным (Ставиский, 1977. С. 36–38; Ртвеладзе, 2012. С. 172). Сегодня большинство ученых считает, что Бактрия простиралась на севере вплоть до Гиссарского хребта, охватывая тем самым и земли правобережья средней Амударьи.

Отправной точкой в решении исследуемой проблемы представляются следующие сообщения Птолемея:

1) «В северной части Окса Бактрию заселяют салатеры и зариаспы» (Ptol. Geogr. VI. 11. 6);

2) «Маргиана на севере граничит с той частью Скифии, которая расположена от устья реки Окса до перелома его у границ Бактрианы» (Ptol. Geogr. VI. 10. 1).

Хорошо известно, что Амударья, текущая с востока на запад от слияния Вахша и Пянджа, совершает поворот на территории юго-восточного Туркменистана, в районе кишлаков Мукры и Чаршанга, после чего устремляется на северо-запад к Аральскому морю.

Сопоставляя эти данные, можно заключить, что северной частью Окса, граничившей с Бактрией, являлась территория Средней Амударьи от Келифа и далее вниз по реке, вероятно до Керки, согласно современной географической номенклатуре. Ряд ученых причисляют к Бактрии и более обширную область — от Келифа до Чарджоу,

называя ее (на мой взгляд, совершенно неправомерно) Северо-Западной Бактрией. Птолемей же считает ее частью Скифии (Ptol. Geogr. VI. 10. 1).

Тем не менее на территории Средней Амударьи, в долине реки от Келифа до Чарджоу, обнаружены и частично исследованы многие археологические памятники, в том числе поселения, городища и могильники, синхронные со временем написания «Географии» (Мандельштам, 1966; Пилипко, 1985). Некоторые из них с полным правом могут претендовать на отождествление с городом Оксом — первым городом, упомянутым Птолемеем близ этой реки.

Город Окс

С этим городом можно сопоставить несколько городищ. Однако анализ всех имеющихся данных больше склоняет к отождествлению его с древним и средневековым городом Амудь (Чарджоу, в настоящее время Туркменабад).

Происхождение наименования «Амудь» до сих пор остается невыясненным. В письменных источниках встречаются и другие варианты названия города: Аму, Амуйя, Амуйе, а также Амудь Джайхуна, Амудь Земма, Амудь береговой — двойные названия город получил для того, чтобы отличать его от одноименного города в области Мазандеран к югу от Каспийского моря (Массон, 1966. С. 136–137).

Примечательно, что подобно греческому названию «Окс», присвоенному городу и протекавшей вблизи него реке, топоним «Аму» присутствует в названии как города — Амуйя / Амуйе, так и реки — Амударья.

Более того, археологическими исследованиями на городище Амудь, проводившимися отрядом ЮТАКЭ, установлено, что расцвет городища приходится на кушанскую эпоху (Трапезников, 1957. С. 161–163; 1959. С. 268–273; Массон, 1966. С. 45; Массон, 1993. С. 7–14), то есть город на этом месте существовал как раз во время написания птолемеевой «Географии».

Харахарта (Хатрахарта)

Ключом к локализации этого города, как кажется, может быть его название — «Харахарта», первый компонент которого можно соотнести с авестийским оронимом «Хара Березаити» — «Высокая Хара», «Высокие горы» (авестийское *hara* — «гора, горный хребет», от индоевропейского корня **ser* — «защищать, сторожить»), «тянуться

вдоль»; *Nourai*, 2014. Р. 416) или же, как полагают Ф. Грене и К. Рапэн (*Grenet, Rapin*, 1998. Р. 89, п. 35), с позднебактрийским *χαυρο* (*xāhr, xahr*), *χαρο* (*xār, xar*) «царь», восходящим к древнеиранскому **xšāθriya* — «правитель». Второй компонент этого названия (*-харта*), возможно, происходит или от авестийского и древнеперсидского *arta-* «справедливый, святой, священный», или же *krta* «создание, город» (*Nourai*, 2014. Р. 31, 262). В таком случае «Харахарт» могло означать «священная гора» или «царский город».

Примечателен в связи с этим тот факт, что следующий после Амуля (Чарджоу) крупный населенный пункт близ Амударьи — город Керки, он же средневековый Замм или Земм (*Массон*, 1973. С. 7) с его древними крепостями («Бековской» и «Русской»), — расположен на скалистых возвышенностях, как и построенное напротив него на правом берегу реки поселение Керкичи — средневековый Ахсисак или Ахсисек (*Там же*. С. 7). Так, «Бековская крепость» находится на скалистом выступе на левом берегу Амударьи. Археологическими исследованиями В. Н. Пилипко установлено, что поселение на этом месте основано в середине I тыс. до н. э. (*Пилипко*, 1985. С. 11, 174). Наибольшая мощность культурных отложений относится к периоду развитого и позднего средневековья. Здесь же, вероятно, размещалась цитадель (арк) средневекового города, до революции занятая резиденцией керкинского бека (*Там же*. С. 174).

«Русская» крепость расположена на месте средневекового шахристана Керки. Подъемный материал включает артефакты кушано-сасанидского периода и раннего средневековья (*Там же*. С. 174).

Крепость Керкичи, построенная на правом берегу Амударьи, занимала выдвинутый в реку каменистый мыс. В многометровой толще культурных отложений, выявленной на городище, прослежены слои кушанского и средневекового периодов (*Там же*. С. 174).

По словам ал-Масуди, в X в. Керки (Замм) и Керкичи (Ахсисак) составляли отдельную административную единицу в составе Хорасана на уровне небольшого округа (*Массон*, 1973. С. 8).

Известно также, что Керки и Керкичи были связаны с одной из важнейших и древнейших переправ на Амударье, которая продолжает функционировать и в наши дни. Здесь же проходила большая караванная дорога из Анатолии

в Среднюю Азию и далее — на Алтай и в Сибирь. Мы полагаем, в частности, что предметы малоазиатского происхождения, в том числе замечательные пазырыкские ковры, попали на Алтай именно по этому пути.

О глубокой древности Керкинской переправы и устроенных при ней крепостей свидетельствуют уже упомянутые раскопки В. Н. Пилипко (*Пилипко*, 1985. С. 11, 77, 101, 111, прим. 1). Косвенными свидетельствами могут служить несколько золотых ахеменидских дариков из числа местных находок, продававшихся на базаре в Керки в 1913 г., а также драхма парфянского царя Синатрука (77–70 гг. до н. э.), найденная в Керки в 1927 г. В другие годы на правом берегу и левобережье Амударьи в районе Керки и Керкичи были обнаружены серебряная монета Шапура I (240–271 гг.), два клада монет Варахрана V (420–438 гг.), отдельные экземпляры и клад золотых кушано-сасанидских монет (*Массон*, 1973. С. 7; *Пилипко*, 1985. С. 195).

По свидетельству средневековых авторов, переправа у Замма носила название Каркух или Керкух (*Массон*, 1973. С. 8; *Камалиддинов*, 1996. С. 91). После монгольского завоевания это название присваивается и городу. Отметим, что Ш. С. Камалиддинов со ссылкой на мнение Т. Н. Нафасова трактует топоним «Каркух» (в искаженной форме «Керки») как «город на горе» (*Камалиддинов*, 1996. С. 91).

Исходя из всего вышеизложенного, представляется, что название «Каркух / Керкух», второй компонент которого *-кух* означает «гора», является, вероятнее всего, калькой с названия «Харахарт», в котором первый компонент *хара-* также означает «гора». Возможно, в античный период именно на месте Керки находилась Харахарт Птолемея. Впоследствии здесь располагался средневековый город Замм, контролировавший переправу через Амударью, под названием Каркух. В дальнейшем Каркухом стал именоваться и сам город.

Предложенная еще В. Томашеком (*Tomaschek*, 1896. Sp. 2806) локализация Ха(т)рахарты на месте современного города Андхоя (Афганистан), находящегося на значительном расстоянии от Амударьи, выглядит неубедительной.

Зариаспа (Зариспа)

Следующим городом после Харахарты Птолемей называет Зариаспу (буквально «золотоконная»: от иранского *zar* — «золото» и *asp* —

«лошадь, конь»). Однако Зариаспа Птолемея отлична от Зариаспы Страбона (*Strab.* XI. 11. 2) и Плиния (*Plin. NH.* VI. 45), поскольку Бактра, с которой отождествляется Зариаспа последних, расположена примерно в 70 км от Окса на юг, тогда как Зариаспа Птолемея упоминается как город на Оксе.

Обращает на себя внимание еще один важный ориентир, указанный в тексте Птолемея (*Ptol. Geogr.* VI. 11. 6): «В северной части Окса Бактрию заселяют салатеры и зариаспы». Как было показано выше, северной частью Окса по отношению к Бактрии являлось место, где Окс в своем среднем течении с востока на запад резко поворачивает на северо-запад. Именно в этой излучине на правом берегу Окса, судя по всему, и жили племена салатеров и зариаспов. Здесь же, на территории, заселенной зариаспами, находился и одноименный город. Возможно, это большое городище Мирзабек-кала, интенсивно обживавшееся в кушанское и парфяанское время (*Пилипко*, 1985. С. 47–60) и расположенное как раз в районе излома Амударьи.

Кроме того, согласно тому же тексту Птолемея (*Ptol. Geogr.* VI. 11. 6), к югу от зариаспов Бактрию заселяли хомавы (Χόμαροι), место расселения которых определено мной по Оксу от Келифа до Кампыртепа (*Ртвеладзе*, 2012. С. 171–174).

Нелишним здесь будет заметить, что в данном районе имеется ряд археологических памятников, названия которых связаны с понятием «золото»: большое городище Зартепа у города Ангор, Тиллодепе у кишлака Карлук (арабо-персидское *tilo* — «золото») и другие.

Хоана

После Зариаспы следует город Хоана (Χοάνα). В. Томашек в свое время отождествил его с Кундузом в Афганистане — отдаленным, однако, от Амударьи на десятки километров (*Tomaschek*, 1896. Sp. 2806). И. В. Пьянков сопоставлял Хоану с упомянутой в Авесте горой Хванва (*Яшт.* VIII. 6, 7, 37, 38), полагая, что город находился «у Амударьи напротив Термеза или в районе Ишкамиша и Кундуза» (*Пьянков*, 2013. С. 219). Но подобное отождествление города с горой, как было отмечено нами раньше, абсолютно некорректно. По нашему убеждению, гора Хванва находилась в системе Кугитангского хребта (*Ртвеладзе*, 2019. С. 211).

Что же касается города Хоаны, то полагаю, что он был основан на месте Келифа, в 60 км к западу от Термеза, рядом с одной из самых древних и

известных переправ на Амударье, которая непрерывно функционировала с древности до настоящего времени. Келифская переправа многократно упоминается в средневековых письменных источниках как главная переправа через Амударью, наряду с термезской (*Ахмедов*, 1982. С. 38–40; *Камалиддинов*, 1993. С. 54–55).

Согласно этим источникам, в X в. Келиф был расположен по обе стороны Амударьи, причем главная его часть находилась на левом берегу реки (*Бартольд*, 1963. С. 130). До XIII в. основную роль на этой переправе играл левобережный Келиф, который ас-Самани называет неприступной крепостью.

В конце XVII в. начинается упадок левобережного Келифа, поскольку постепенно приходит в негодность канал Фахир (*Ахмедов*, 1982. С. 40) — единственный канал, выведенный из Амударьи на всем ее протяжении вплоть до Хорезма.

Тогда же начинается возвышение правобережного Келифа, где проживали лодочники-кимэчи и располагалась главная таможня Бухарского ханства, взимавшая налоги за перевоз людей и грузов на левый берег Амударьи. Келифская переправа связана также с именем Александра Македонского: в X в., согласно письменным источникам, на левом берегу находился рабат, носивший его имя (*Бартольд*, 1963. С. 130). А по легенде, переданной Хафиз-и Абру (XV в.), «Александр в месте Келиф зарыл клад», который впоследствии безуспешно пытался найти Ануширван (*Бартольд*, 1973. С. 93).

Археологические раскопки на территории как афганского, так и туркменского Келифа до сих пор не проводились, хотя, в отличие от афганского, туркменский Келиф все же обследовался рядом археологов. В 1966 г. его обследовал В. Н. Пилипко, нашедший в «Бековской» кале (крепости) Келифа фрагменты керамики кушанского времени, а также монету Канишки (*Пилипко*, 1978. С. 90; 1985. С. 181). В 1980-х гг. кратковременное обследование калы было проведено мной, причем у ее подножия и на ее склонах были обнаружены фрагменты керамики эллинистического времени.

Сурагана

После Хоаны Птолемей указывает город Сурагану (Σουράγανα или Ζοραχάνα). В настоящее время практически все археологические памятники эллинистического и кушанского времени, расположенные к востоку от Келифа на левом

берегу Амударьи, достаточно хорошо изучены, за исключением поселения Шортепа у переправы Чушка-Гузар. Оно было отмечено еще П. Мэйтландом в 1886 г. (*Ball, Gardin*, 1982. Р. 256), но данные о хронологии и размерах поселения отсутствуют. Далее к востоку от Шортепа, в среднем течении левых притоков Амударьи расположено несколько больших городищ и мелких поселений: Дильберджин, Жигатепа, Топрак-кала, Шахри-Бану, Кала-и Зол и ряд других (подробно о них см.: *Пугаченкова*, 1976. С. 125–162; *Кругликова, Пугаченкова*, 1977; *Ставиский*, 1977. С. 75–82, рис. 9; *Bernard, Francfort*, 1978; *Пугаченкова*, 1979. С. 63–95; *Кошеленко, Мунчаев, Гаиров*, 2014). Однако все эти городища и поселения находятся в нескольких десятках километров от Амударьи и ни одно из них — на самом берегу.

На правобережье также имеется ряд памятников интересующего нас времени — в частности, у переправ Кара-Камар и Чушка-Гузар (кала на территории кишлака Болдырь). Но в отличие от памятников левобережья Амударьи, правобережные городища расположены непосредственно у самой реки. Среди них — городище Кампыртепа, отождествленное нами с Александрией Оксиданской (*Ртвеладзе*, 2017), Старый Термез, на месте которого мы локализовали город Индикомордану (*Rtveladze*, 2010. Р. 87–88; *Ртвеладзе*, 2012. С. 188–191), Айртам, Орлиная гора (Ходжа Гульсуар) и Хатын-Рабат. Все они, за исключением Орлиной горы, хорошо известны в науке благодаря широкомасштабным раскопкам (подробно о них см.: *Массон*, 1933. С. 5–16; 1976; *Тургунов*, 1973. С. 52–77; *Пугаченкова*, 1973. С. 88–97; *Пидаев*, 1987. С. 87–97; *Ртвеладзе*, 2018. С. 365–388). На Орлиной горе проводились только разведочные исследования, поэтому данных о ней в публикациях пока еще мало. Остановимся более подробно на истории ее изучения.

Орлиная гора или, как ее называют местные жители, Ходжа Гульсуар была впервые обследована еще в начале XX в. Б. Н. Кастальским и Д. Н. Логофетом (*Логофет*, 1909. С. 22–26; *Массон*, 1937. С. 99–105; *Ставиский*, 2001. С. 52–54). Собранный ими материал включал, в частности, кушанские монеты, в том числе золотой динар Канишки (*Массон*, 1937. С. 99–105).

Интересно заметить, что обнаруженные здесь, с северной стороны горы, несколько каменных плит содержали, по словам Д. Н. Логофета, надписи, выполненные неизвестной ему

системой письма. Поскольку Логофет знал греческий язык, а бактрийское письмо основано на греческом алфавите, остается предположить, что это письмо было арамейским или индийским — кхароштхи или брахми.

В последующем исследовании на Орлиной горе проводились Узбекстанской искусствоведческой экспедицией во главе с Г. А. Пугаченковой: в 1965 г. — Г. А. Пугаченковой и Б. А. Тургуновым, в 1967 г. — мной. В результате этих работ было установлено наличие на горе каменоломен мергелистого известняка, а также собрана керамика эллинистического и кушанского времени. По мнению Г. А. Пугаченковой, добывавшийся здесь мергелистый известняк впоследствии отправлялся по воде в Айртам и Старый Термез (*Пугаченкова*, 1973. С. 85), где шел на изготовление архитектурных элементов и скульптуры.

В 1979–1983 гг. однодневные выезды на Орлиную гору, с проведением исследовательских работ, совершал и Б. Я. Ставиский, обнаруживший здесь, помимо кушанских монет, обол парфянского царя Фраата IV (37–2 гг. до н. э.) маргианского типа (*Ставиский*, 2001. С. 53–54).

В 2010 г. исследования на Орлиной горе с частичным вскрытием некоторых строений проводились Тохаристанской археологической экспедицией под моим руководством. О. Арипджановым и А. Н. Гориним было установлено, что стены здания, построенного на вершине горы и отмеченного Б. Н. Кастальским, возведены из каменных плит. Вероятнее всего, это был храм — по видимому, самый значительный на берегах Окса, о чем говорит его доминирующее положение (в сравнении с другими храмами долины Окса — в Тахти-Сангине, Айртаме, Старом Термезе, Кампыртепа) на самой вершине горы высотой 85 м. Не исключено также, что Орлиная гора являлась торговой факторией на Великом индийском пути (фотографии памятника см.: *Ртвеладзе*, 2012. С. 181–183).

Обратимся теперь к топониму «Сурагана», отметив при этом, что на основе его анализа В. Томашек отождествлял город Сурагану с Шапурганом (ныне Шиберган) на северо-западе Афганистана (*Tomaschek*, 1896. Sp. 2806), отдаленным от Амударьи на десятки километров на юг, что противоречит сообщению Птолема о Сурагане как о городе, расположенном на Оксе или близ него.

Полагаю, что топоним «Сурагана» состоит из двух компонентов: *сур* и *ган*. Первый из них

заманчиво связать с тюркским «саур / соур», означающим «круп лошади, гора, похожая по форме на конский круп». Слово «саур» встречается в топонимии большой территории Евразии: от Узбекистана и Южного Казахстана до Донбасса.

В Узбекистане термином «саур» назывались также деревья местной хвойной породы: огромные сауры росли у мавзолея Юнус-хана на Шейхантауре в Ташкенте и в кишлаке Саур к югу от города Шурчи.

Интересную аналогию дает и санскритское *surya* (*sūr*) — «солнце, бог».

Второй компонент топонима — «ган» заманчиво сопоставить с авестийским *gan, kan* — «копать» и персидским *xâneh, ġâneh* — «дом» (*Nourai*, 2014. Р. 183). Термин «кан» с метатезой *g > k* широко распространен на территории Средней Азии в значении «рудник, рудное месторождение» и зафиксирован как компонент во многих топонимах: Хамкан, Тузкан, Ляйлакан, Кумушкан и т. д. Не менее распространен и термин «ган(а)» в значении «дом, жилище, место пребывания».

Таким образом, топоним «Сурагана» возможно толковать как «рудник на горе» (тюркско-бактрийское слово) или «обитель богов».

Конечно, маловероятно массовое проникновение тюркского языка, как и самих тюрков, в Бактрию в данный период, но присутствие отдельных тюркских слов в бактрийском языке не исключено.

Все это дает нам основание для локализации города Сураганы на месте Орлиной горы (Ходжа Гульсуар). На других городищах этого отрезка Амударьи (как по правому, так и по левому берегу) отсутствуют естественные возвышенности и рудники.

Фратруа

Местоположение этого города, если следовать порядку упоминания городов по Оксу Птолемеем, должно быть установлено после Сураганы, с которой мы сопоставили Орлиную гору (Ходжа Гульсуар). Далее на восток на Амударье или в непосредственной близости от нее находятся четыре крупных городища. Это Хатын-Рабат, Тахти-Кобад, Тепаи-Шах и Тахти-Сангин. Последние три, расположенные в историко-культурной области Кобадиян, функционировали во время составления «Географии» и могут не без оснований претендовать на отождествление с Фратруа.

Любопытно, что В. Тарн объединил название двух городов — Сураганы и Фратруа — в один: “Surogana of Phraates” (*Tarn*, 1951. Р. 223). Сложно сказать, на чем основана эта интерпретация, — возможно, Тарн усмотрел здесь отражение парфянской экспансии на восток. Археологические, нумизматические и эпиграфические данные, полученные в последнее время, показывают, что парфяне захватили часть крепостей на Оксе, в том числе Кампыртепа и Старый Термез, а также, может быть, ряд других пунктов, стремясь установить контроль над Великим индийским путем, и тем самым соединиться с индо-парфянскими владениями в долине Инда (*Rtveladze*, 2011. Р. 149–178).

В заключение следует подчеркнуть, что предложенная локализация бактрийских городов Птолемея на Оксе при всей ее дискуссионности основана на учете целого комплекса археологических, нумизматических, географических и топонимических данных, которые в прежних исследованиях, затрагивавших эту проблему, привлекались лишь частично.

Ахмедов, 1982 — Ахмедов Б. А. История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). Ташкент: Фан, 1982. 296 с.

Баженов, 1940 — Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.). Хрестоматия / Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент: Гостехиздат УзССР, 1940. 171 с.

Бартольд, 1963 — Бартольд В. В. Сочинения. М.: ИВЛ, 1963. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. 760 с.

Бартольд, 1973 — Бартольд В. В. Хафиз-и Абру и его сочинения // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1973. Т. 8. Работы по источниковедению. С. 74–97.

Гумбах, 1975 — Гумбах Г. Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 71–75.

Камалиддинов, 1993 — Камалиддинов Ш. С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са’да ‘Абд ал-Карима ибн Мухаммада ас-Сам’ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент: Фан, 1993. 182 с.

Камалиддинов, 1996 — Камалиддинов Ш. С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX — начала XIII вв. Ташкент: Узбекистон, 1996. 422 с.

- Кастальский*, 1930 — *Кастальский Б. Н.* Историко-географический обзор Сурханской и Шерабадской долины // Вестник ирригации. 1930. № 3. С. 3–19.
- Кошеленко, Мунчаев, Гаиров*, 2014 — *Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М., Гаиров В. А.* Археология Афганистана в дни мира и дни войны. М.: Институт археологии РАН, 2014. 164 с.
- Кругликова, Пугаченкова*, 1977 — *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин (Раскопки 1970–1973 гг.). М.: Наука, 1977. Ч. 2. 135 с.
- Логофет*, 1909 — *Логофет Д. Н.* На границах Средней Азии. СПб.: В. Березовский, 1909. Кн. 3. Бухарско-Афганская граница. 208 с.
- Мандельштам*, 1966 — *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л.: Наука, 1966 (МИА; № 136). 232 с.
- Массон*, 1933 — *Массон М. Е.* Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. // Материалы Узкомстариса. Ташкент: Типо-лит, 1933. Вып. 1. С. 5–16.
- Массон*, 1937 — *Массон М. Е.* К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана // СОНАТ. 1937. № 1. С. 99–105.
- Массон*, 1966 — *Массон М. Е.* Средневековый торговый путь из Мерва в Мавераннахр через Амударью и Фергана // Тр. ЮТАКЭ / Под ред. М. Е. Массона. Ашхабад: Туркменистан, 1966. Т. XIII С. 75–180.
- Массон*, 1973 — *Массон М. Е.* Прошлое города Керки // Памятники Туркменистана. 1973. № 1 (15). С. 5–8.
- Массон*, 1976 — *Массон М. Е.* Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1976. 176 с.
- Массон*, 1993 — *Массон В. М.* Древний Амударья — столица среднеазиатского региона // Древний Амударья: проблемы истории и культуры: Тез. докл. междунар. науч. симп. (Чарджев, 1–3 октября 1993 г.). Чарджев: ГКТП, 1993. С. 7–14.
- Пидаев*, 1987 — *Пидаев Ш. Р.* Стратиграфия городища Старый Термез в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии–Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье: Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд). Ташкент: Фан, 1987. С. 87–97.
- Пилипко*, 1978 — *Пилипко В. Н.* Топография находок кушанских монет на побережье Средней Амударьи // История и археология Средней Азии / Отв. ред. О. В. Обельченко. Ашхабад: Ылым, 1978. С. 89–114.
- Пилипко*, 1985 — *Пилипко В. Н.* Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад: Ылым, 1985. 216 с.
- Пугаченкова*, 1973 — *Пугаченкова Г. А.* Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана / Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1973. С. 88–97.
- Пугаченкова*, 1976 — *Пугаченкова Г. А.* К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции 1969–1973 гг. / Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1976. Вып. 1. С. 125–162.
- Пугаченкова*, 1979 — *Пугаченкова Г. А.* Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции / Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. Вып. 2. С. 63–95.
- Пьянков*, 2013 — *Пьянков И. В.* Бактрия в античной традиции // Пьянков И. В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013 (Исторические исследования). С. 202–241.
- Ртвеладзе*, 2012 — *Ртвеладзе Э. В.* Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 296 с.
- Ртвеладзе*, 2017 — *Ртвеладзе Э. В.* Кампыртепа — Александрия Оксиданская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время. Ташкент: Sanʼat, 2017 (МТЭ; Вып. 10). 144 с.
- Ртвеладзе*, 2018 — *Ртвеладзе Э. В.* Айртам — династийный храм царя Хувишки // ВДИ. 2018. Т. 78. № 2. С. 365–388.
- Ртвеладзе*, 2019 — *Ртвеладзе Э. В.* Александр Македонский в Трансоксиане (Походы, историческая география). СПб.: Евразия, 2019. 368 с.
- Ставиский*, 1977 — *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977. 296 с.
- Ставиский*, 2001 — *Ставиский Б. Я.* Ходжа-Гульсуар — гора Орлиная // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи / Под ред. Э. В. Ртвеладзе, Ш. Р. Пидаева. Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2001. С. 52–54.
- Трапезников*, 1957 — *Трапезников Г. Е.* Городище древнего Чарджоу (Амударья) // СА. 1957. № 4. С. 161–163.
- Трапезников*, 1959 — *Трапезников Г. Е.* Материалы с городища древнего Чарджоу (Амударья) // СА. 1959. № 1. С. 268–273.
- Тургунов*, 1973 — *Тургунов Б. А.* К изучению Айртам // Из истории античной культуры Узбекистана / Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1973. С. 52–77.

- Ball, Gardin*, 1982 — *Ball W., Gardin J.-Cl.* Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan. Paris: Éditions Recherche sur les civilisations, 1982. T. 1. 300 p.
- Bernard, Francfort*, 1978 — *Bernard P., Francfort H.-P.* Études de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum (Afghanistan). Paris: Éditions du CNRS, 1978 (Publication de l'URA, n° 10; Mémoire, n° 1). 106 p.
- Grenet, Rapin*, 1998 — *Grenet F., Rapin C.* Alexander, Aï Khanum, Termez: Remarks on the spring campaign of 328 // BAI. NS. 2001. Vol. 12. P. 79–89.
- Nourai*, 2014 — *Nourai A.* An etymological dictionary of Persian, English and other Indo-European languages. Book on Demand Ltd., 2014. 884 p.
- Ronca*, 1971 — *Ronca I.* (Hrsg.). Ptolemaios. Geographie 6, 9–21. Ostiran und Zentralasien. Rom: IsMEO, 1971. Teil 1. 118 S.
- Rtveladze*, 2010 — *Rtveladze E. V.* The Great Indian Road: India – Central Asia – Transcaucasia // Anabasis. 2010. Vol. 1. P. 80–96.
- Rtveladze*, 2011 — *Rtveladze E. V.* Parthians in the Oxus Valley. Struggle for the Great Indian Road // Anabasis. 2011. Vol. 2. P. 149–178.
- Stückelberger, Graßhoff*, 2006 — *Stückelberger A., Graßhoff G.* (Hrsg.). Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie. Griechisch–Deutsch. Einleitung, Text und Übersetzung, Index. Basel: Schwabe Verlag, 2006. Teil 2. Buch 5–8 und Indices. 543 S.
- Tarn*, 1951 — *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge: Cambridge University Press, 1951. XXIII, 561 p.
- Tomaschek*, 1896 — *Tomaschek W.* Baktriane // RE. 1896. Bd. 2, Hlbd. 4. Sp. 2805–2804.
- Ziegler*, 1998 — *Ziegler S.* (Hrsg.). Ptolemy. Geography. Book 6. Middle East, Central and North Asia, China. Wiesbaden: Reichert Verlag, 1998. Pt. 1. X, 260 p.

On the problem of the localization of the cities on the Oxus in Ptolemy's Geography

E. V. Rtveladze³

This paper discusses the information from the “Geographic treatise” by Claudius Ptolemaeus (2nd century AD) about five cities in Bactria sequentially ranged in the valley of the Oxus (Amu-Darya): Kha(t)ra-karta, Zariaspa, Khoana, Souragana and Phratroua. Despite the widely accepted sceptic attitude to the trustworthiness of Ptolemy's data on the north-east of the oikumene, the author's wide-ranging knowledge of all aspects of the historical geography and archaeology of Middle Asia leads him to believe that Ptolemy's description of Bactria is in many respects trustworthy. He recognizes the possibility to localize the enumerated cities in the region of the Middle Amu-Darya where there have been revealed and partly investigated numerous sites synchronous with the time of the writing of the “Geography”. Thus, according to the author's reconstruction, the city of Oxus was situated in the place of the ancient and mediaeval town of Amul, Kha(t)ra-karta must have been situated at the place of the modern city of Kerki (mediaeval Zamm/Zemm). Ptolemy's Zariaspa cannot be identified with the well-known Zariaspa in Bactras (now Balkh), the capital of Bactria, since the latter was situated considerably southward from the Oxus. Most probably, it corresponds to the townsite of Mirzabek-Kala in the vicinity of the bend of the Amu-Darya to the north-west. Khoana, possibly, was situated near Kelif controlling an important crossing over the Amu-Darya. Souragana, evidently, is modern Orlinaya Sopka (Khodja Gulsuar), while Phratroua must correspond to one of the large fortified sites of Kobadian (Takhti-Kobat, Tepai-Shah and Takhti-Sangin).

³ Edvard Rtveladze — Institute of Art Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; pl. Mustakillik, 2, Tashkent, 700029, Uzbekistan; e-mail: archcircle@gmail.com.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Сведения «Худул ал-Алам» о городах и селениях Мавераннахра раннеисламского времени

Д. Абдуллоев¹

Аннотация. Статья посвящена городам и селениям Мавераннахра раннеисламского времени по сведениям анонимного географического сочинения с арабским заглавием «Худūd ал-'āлем мин ал-Маширик илā л-Магриб» («Пределы мира с востока до запада»), написанного в 372 г. х. (982 г. н. э.). Оно привлекало внимание многих историков и востоковедов, как в России, так и за рубежом. Однако полного перевода этой книги нет, нами впервые на русском языке сообщаются сведения данного источника о городах и селениях Средней Азии раннеисламского времени. Нам также удалось, привлекая археологические материалы, локализовать ряд городов и селений, упомянутых в источнике. Кроме того, были отождествлены оригинальные и современные названия некоторых рек и озер.

Annotation. This article concerns towns and settlements of Mavarannahr of the early Islam period after the information from an anonym geographic work with the Arab title “Hudūd al-ālam min al-Mashriq ilā l-Maghrib” (“The limits of the World from the east to the west”) written in the year 372 of Hijrah (AD 982). This writing has attracted the attention of many historians and orientalists both in Russia and abroad. Nevertheless, there is no complete translation of this book, and so we first present information in Russian from this source about cities and settlements of Central Asia of the early Islamic period. In addition, we have succeeded, on the basis of archaeological evidence, to localize a number of cities and settlements mentioned in this source. Original and modern names of some rivers and lakes have been identified as well.

Ключевые слова: «Худūd ал-'āлем», Мавераннахр, Согд, Чач, Уструшана, Тохаристан.

Keywords: “Hudūd al-ālam”, Mavarannahr, Sogd, Chach, Ustrushana, Tokharistan.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-300-308

Персоязычное анонимное географическое сочинение с арабским заглавием «Худūd ал-'āлем мин ал-Маширик илā л-Магриб» («Пределы мира с востока до запада») было написано в 372 г. х. (982 г. н. э.). Особую известность оно приобрело — как в России, так и за рубежом — после издания его академиком В. В. Бартольдом (Худūd ал-'āлем, 1930)². Трактат состоит из двух разделов, посвященных области Мавераннахра и ее городам

и границам области Мавераннахра. Следует отметить, что эти разделы впервые переводятся целиком на русский язык.

Слово об области Мавераннахра и ее городах

Область Мавераннахра, ее города и селения очерчены в источнике следующим образом: «Эта область на востоке граничит с Тибетом, на юге — с Хорасаном и приделами Хорасана, на западе — с землями Гузов и Халухов, на севере — также с рубежами Халуха. Мавераннахр большая, благоустроенная, благодатная область и является воротами в Туркестан и местом сбора купцов. Там проживают храбрые люди. Они превосходные стрелки из лука, истинные мусульмане и борцы за веру. Здесь царит правосудие и справедливость. В ее горах добывают золото, серебро, серу,

¹ Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа; ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: okc.65@mail.ru.

² В нашу задачу не входит перечисление всех публикаций «Худūd ал-'āлем» с момента его обнаружения до настоящего времени (об этом см.: Мальцев, 1983. С. 97–98; Абдуллоев, 2006. С. 46).

нашатырь, медный купорос и различные драгоценные камни» (Худӯд ал-‘алем, 1930. Л. 226).

Далее автор приступает к перечислению городов и селений Мавераннахра. Перечисление ведется с запада на восток и с севера на юг. Первым назван город Бухара. О нем говорится: «Бухара — большой, благоустроенный город в Мавераннахре и является местопребыванием правителя Востока. Местность с влажным климатом и многочисленными садами и огородами. В ней много проточной воды, которая используется для полива. Оттуда вывозят шерстяные молитвенные коврики и соль. Население Бухары — борцы за веру и отличные стрелки из лука. Протяженность границ города 12 × 12 фарсахов³. По периметру этих границ возведена стена. Она защищает Бухару и близлежащие селения от набега извне» (Худӯд ал-‘алем, 1930. Л. 226).

Город Бухара существует на том же месте и в настоящее время, являясь областным центром. Насколько известно, в Бухаре закладывались лишь археологические шурфы, без проведения широкомасштабных раскопок, что затрудняет определение территории, которую город занимал в X в.

К Бухаре автор причисляет также еще шесть небольших городов — Макан, Хаджади, Данадана, Бамакас, Мадёмиджкас, Джазганкас. Далее он пишет: «В каждом из этих городков имеются свои минбари (кафедры рядом с михрабом в мечети. — Прим. авт.). Эти городки благоустроенные и с многочисленными пашнями и посевами» (Худӯд ал-‘алем, 1930. Л. 226).

«Фараб — небольшой город, находится на границе с пустыней, на берегу реки Джайхун (Амударья. — Прим. авт.). Он является летней резиденцией эмира» (Там же. Л. 226).

«Пайкенд — небольшой город, с плодородной землей. Там имеются тысячи рабатов и семейные склепы (гунбади гурхонахо), в которых хоронят привезенных из Бухары покойников» (Там же. Л. 226). В настоящее время средневековый Пайкенд можно отождествить с руинами городища Пайкенд, которое находится в 60 км к юго-западу от Бухары (Мухамеджанов и др., 1988).

Далее дается описание области Согда. О ней говорится: «Согд — благодатная, благоустроенная, цветущая, с хорошим климатом, с много-

численными проточными водами и фруктовыми садами область. Там проживают гостеприимные и истинные мусульмане (Худӯд ал-‘алем, 1930. Л. 226).

«Тававис — приграничный с Согдом небольшой город, относящийся к Бухаре. Там один раз в году проходит ярмарка, где собирается много народа» (Там же. Л. 226).

«Кармина, Дабуси, Рабинджан — небольшие, благоустроенные города, относящиеся к Согду и расположенные на пути к Самарканду» (Там же. Л. 226).

«Кушания — один из благоустроенных городов, относящихся к Самарканду» (Там же. Л. 23а).

«Арман — относится к Кушании» (Там же. Л. 23а).

«Иштихан — благодатная, благоустроенная местность» (Там же. Л. 23а).

«Ганджкас, Фаранкас — два города, которые находятся между рекой (здесь, возможно, имеется в виду река Зарафшан. — Прим. авт.)» (Там же. Л. 23а).

«Даран — небольшой, цветущий город, относится к Самарканду» (Там же. Л. 23а).

«Самарканд — большой, благоустроенный, благодатный город, является местом сбора купцов со всего света. Он состоит из шахристана (города. — Прим. авт.), кухендиза (цитадели. — Прим. авт.) и рабада (пригорода. — Прим. авт.). Над крышей его базара проходит водопровод из серебряных труб. Вода по этим трубам поступает из близлежащей горы. В городе имеется манихейский (одно из течений зороастрийской религии. — Прим. авт.) монастырь (ханака. — Прим. авт.), который называется *нагушак*⁴. Из Самарканда в разные страны вывозят бумагу и прочные бечевки (кенаф). Река Бухары (то есть Зарафшан. — Прим. авт.) течет вблизи городских ворот Самарканда» (Там же). Город Самарканд в настоящее время является областным центром и одним из крупных городов Средней Азии. Руины древнего и средневекового Самарканда известны под названием Афрасиаб и находятся к северо-востоку от современного города. Небольшие археологические раскопки, произведенные в верхних слоях Афрасиаба, пока не позволяют нам определить, какую территорию город занимал в X в.

«Варагсар, Панджикас — два небольших города, которые расположены вблизи Реки Бухары

³ Фарсах — устаревшая мера длины, равняется примерно 7–8 км (Таджикско-русский словарь, 1954. С. 408).

⁴ Слово *нагушак* означает огнепоклонник (Фарханги забони тоҷикӣ, 1969. Т. 1. С. 858).

и относятся к Самарканду. В Варагсаре имеется плотина, преграждающая реку для подъема уровня воды» (*Там же*. Л. 23а). В настоящее время Варагсар носит название Рабати Хаджа и является небольшим селением. Там до сих пор находится плотина, которая снабжает водой земли к востоку от Самарканды. Панджикас известен сейчас как Пенджикент и является одним из районных центров согдийской области Республики Таджикистан.

«Кеш — город с жарким климатом. Он состоит из шахристана, кухендиза и рабада. Здесь протекают две реки, воды которых используются для орошения полей, садов и огородов. В его горах добывают лекарственные минералы красной соли, которые вывозят в соседние области и другие страны. Из Кеша происходит прекрасный *тарангабин*⁵» (*Там же*. Л. 23а).

«Наукат Курайша — небольшой город с пашнями и посевами» (*Там же*).

«Нахшеб — благоустроенный, благодатный город. Посреди города течет река, воды которой используются для орошения многочисленных пашен и посевов» (*Там же*).

«Сунах — небольшой город, относящийся к Нахшебу» (*Там же*).

«Сакифагн — небольшой город с многочисленными пашнями и посевами» (*Там же*).

«Базда — малонаселенный, с многочисленными пашнями и посевами небольшой город. Население пользуется колодезной водой» (*Там же*).

«Касаба — местность с многочисленными пашнями и посевами» (*Там же*).

«Тирмид — благодатный город, расположен на берегу реки Джайхун. Его цитадель также находится на берегу этой реки. В городе имеются складские помещения Хатлана и Чаганиана. Оттуда вывозят мыло, зелёные циновки и опашала» (*Там же*). Тирмид в настоящее время называется Термез и является областным центром. Руины Старого Термеза находятся в нескольких километрах от современного города. Произведенными археологическими исследованиями на территории старого Термеза были обнаружены материалы, относящиеся к средневековому периоду (*Пидаев*, 1987. С. 93–97). Хотя эти данные не позволяют определить, какую площадь занимал город

в X в., однако, бесспорно, средневековый Тирмид можно отождествить с городищем Старого Термеза.

«Хамушкард — небольшой город, где в большом количестве имеются животные и овцы» (*Худūd ал-‘āлем*, 1930. Л. 23а).

«Чарманкан — небольшой город, с проточными водами, пашнями и посевами» (*Там же*). Чарманкан, судя по археологическим данным, можно отождествить с городищем Кумтепе, которое находится вблизи Джаркурганского минарета (*Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990. С. 168).

«Чаганиан — большая область, с многочисленными пашнями и посевами. Здесь проживают бедные, сварливые и храбрые люди. Эта область с хорошим климатом, плодородной землей и проточными водами. Оттуда вывозят шафран, прекрасные шерстяные халаты и паласы в большом количестве. Правитель этой области носит титул „эмир Чаганиана“. Он — представитель иноземного рода» (*Худūd ал-‘āлем*, 1930. Л. 23а).

«Дарзанги — небольшой город, окруженный рвом, и относится к Чаганиану. Оттуда вывозят ковры, шерстяные ткани и портянки» (*Там же*). Дарзанги можно отождествить с руинами средневекового поселения у кишлака Джелаир, у впадения Бандихансы в Сурхандарью (*Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990. С. 168).

«Чаганиан — большой город, расположен у подножия горы и является столицей одноименной области. Местность с хорошим климатом, проточными водами. Там проживают люди среднего достатка» (*Худūd ал-‘āлем*, 1930. Л. 23а). Чаганиан можно отождествить с городищем Будрач, которое расположено в 6 км к юго-востоку от Денау, при впадении Кызылсу в Сурхандарью. Общая площадь городища вместе с рабадом — более 4 кв. км (*Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990. С. 168).

«Басанд — небольшой город с многочисленным населением, сильно укреплен. Он расположен на пути между Бухарой и Самаркандом» (*Худūd ал-‘āлем*, 1930. Л. 23б).

«Зайнур — небольшой, малонаселенный, с многочисленными пашнями и посевами город» (*Там же*).

«Нужан — небольшой город с сильно укрепленной крепостью» (*Там же*).

«Диакар — небольшой благодатный, с хорошим климатом город. Расположен на берегу реки Нихам» (*Там же*).

⁵ *Тарангабин* — сок верблюжьей колючки, на вкус сладкий, используется для лекарственных целей и в кондитерских изделиях (Фарханги забони тоҷикӣ, 1969. Т. 2. С. 327).

«Хамваран — малонаселенный небольшой город, расположен вблизи реки Касаван» (*Там же*). В настоящее время Хамваран отождествляется с руинами большого городища площадью более 20 га, расположенного в 3 км к северу от поселка Узун (*Ртвеладзе, 1978. С. 114–118*).

«Шуман — укрепленный город, расположен у подножия горы и обведен крепостной стеной. Там имеется цитадель, которая находится на горе. В середине цитадели имеется родник. Из Шумана в большом количестве вывозят шафран» (*Худӯд ал-‘алем, 1930. Л. 236*). Шуман локализируют с одноименным городом, возможно, находившемся в районе города Душанбе (*Негматов, 1977. С. 57*).

«Афаридан — малонаселенный город, который находится среди гор» (*Худӯд ал-‘алем, 1930. Л. 236*).

«Вашгирд — укрепленный город среди гор, находится на границе между областями Чаганиана и Хатлана. Местность с частыми ветрами. Шамси Балхи (средневековый персидско-таджикский поэт. — *Прим. авт.*) покоится там. Оттуда в большом количестве вывозят шафран» (*Там же*). Вашгирд отождествляется с городищем Калаи Сангин в долине реки Илак, вблизи города Файзабада (*Беленицкий, 1950. С. 135–138*).

«Сурушана — большая, благодатная, благоустроенная область с многочисленными городами и рустаками (деревнями. — *Прим. авт.*). Оттуда в большом количестве вывозят железную руду и набид (вино. — *Прим. авт.*)» (*Худӯд ал-‘алем, 1930. Л. 236*).

«Замин — город, относится к Сурушане и расположен на пути между Хаджентом и Ферганой. В нем имеется сильно укрепленная крепость. Местность с многочисленными пашнями и посевами» (*Там же*).

«Чаркан — благоустроенный городок, относящийся к Сурушане» (*Там же*).

«Дизак — небольшой город с проточными водами. Вблизи его находится местность с названием Марасманда. Там один день в году проходит ярмарка. Говорят, что в этот день торговля достигает более ста тысяч динаров» (*Там же*).

«Бунджикас — является столицей Сурушаны и местопребыванием правителя этой области. Благодатная, благоустроенная местность, с проточными водами и многочисленным населением» (*Там же*).

«Фагкас, Газак, Сабат, Куркас — небольшие города, относящиеся к Сурушане, с многочисленными пашнями и посевами и густонаселенные» (*Там же*).

«Бутаман — область, расположенная среди гор и горных ущелий и относится к Сурушане. Она делится на три части: внутренний, средний и внешний. Эта область с многочисленными пашнями и посевами, и бедным населением. В ней много деревень (рустаков), и в ее горах добывают нашатырь» (*Там же*).

«Паргар — местность, которая относится к среднему Бутаману. Даряджа (озеро Искандаркул в верховьях Зарафшана. — *Прим. авт.*) находится там. Река Бухары берет свое начало из Даряджи и других горных ручьев среднего Бутамана» (*Там же*).

«Ходжент — город, который является столицей одноименной области. Местность с многочисленными пашнями и посевами. Там проживают благородные люди. Оттуда вывозят плоды граната» (*Там же. Л. 23, 236*). Город Ходжент существует на том же месте с тем же названием и поныне. Это не позволяет вести археологические исследования на его территории. Поэтому трудно судить, какую территорию город занимал в X в. Ходжент до сих пор является областным центром.

«Фергана — большая, благоустроенная, благодатная область. В ней много гор, степей, проточных вод и городов. Она является воротами в Туркестан. Из Туркестана сюда в большом количестве поступают барда (рабы. — *Прим. авт.*). В ее горах добывают золото, серебро, медь, нашатырь, свинец, ртуть, кремень, магнитный камень. Оттуда вывозят кору красной ивы и различные лекарственные растения. В древности Ферганой правили представители окраин, и они носили титул дехкан» (*Там же. Л. 236*).

«Джадгал — местность с многочисленными городками и деревнями, находится среди гор и горных ущелий и относится к Фергане. В ее горах много полезных ископаемых. Оттуда в большом количестве вывозят коней и овец» (*Там же*).

«Ахсикет — большой город, является столицей Ферганы и местопребыванием эмира и уммол (чиновников. — *Прим. авт.*). Он расположен в предгорье, на берегу реки Хашрат. В его горах добывают золото и серебро. Население увлекается употреблением вина» (*Там же*). Средневековый Ахсикет можно отождествить с руинами Эски

Ахси, находящимися в 25 км к юго-западу от г. Наманган. Городище состоит из остатков шахристана, кухендиза и рабада общей площадью около 400 га. (Анарбаев, 1988. С. 172; 2013. С. 25, 29).

«Ваекат — небольшой город, расположен между Хаджентом и Ферганой. С многочисленными пашнями и посевами» (Худūd ал-‘āлем, 1930. Л. 24а).

«Ташух — небольшой город, и оттуда вывозят ртуть» (Там же).

«Тамахас, Намизкокас — два небольших города, которые находятся у подножья горы» (Там же).

«Сох — расположен в горной местности, между Бутамон и Ферганой. Там имеются 60 деревень» (Там же).

«Авал — находится в горной местности и там много деревень» (Там же).

«Багаскан — относится к Авалу» (Там же).

«Хаваканд, Риштан, Зандаромаш — небольшие, изобильные города, с многочисленными пашнями и посевами» (Там же).

«Кува — большой, самый благоустроенный город в области Ферганы» (Там же).

«Ош — благодатное, благоустроенное место — расположено у подножья горы. На этой горе стоят часовые для охраны от набега тюрок-кафиров (неверных. — Прим. авт.). Там проживают воинственные люди» (Там же). Ош сохранил свое название до сих пор и является центром одноименной области. В результате произведенных нами на территории современного города небольших раскопок были получены материалы, относящиеся к IX–X вв. Однако эти данные не позволяют определить, какую территорию занимал Ош в то время.

«Уршат, Хирсаб — два благоустроенных, благодатных городка с проточными водами и хорошим климатом» (Там же).

«Узганд — город, расположенный между Ферганой и Туркестаном. В его окрестности протекают две реки. Первая — Батагар — берет свое начало из Тибета, вторая — Барсанджан — течет из страны Халух» (Там же). Узганд сохранил свое название до настоящего времени. Руины средневекового Узганда находятся на окраине современного города.

«Хатлам — городок, где родился эмир Хорасана Наср ибн-Ахмад» (Там же). Наср ибн-Ахмад из рода Саманидов правил в 864–892 гг. (Босворт, 1971. С. 145).

«Кашакас, Паб — два благоустроенных городка с многочисленными пашнями и посевами. Все эти перечисленные города и городки относятся к области Ферганы» (Худūd ал-‘āлем, 1930. Л. 24а).

«Бушт, Каласкан, Яканд, Кукас, Хушкаб — небольшие города, близко расположенные друг другу. В них много пашен и посевов. Население этих городков бедное» (Там же).

«Шалат — небольшой город и находится вблизи к тюнкам» (Там же).

«Илак — большая благоустроенная благодатная горная область с многочисленным бедным населением. Там много городов и рустак. Жители рустак — в большинстве своем почитатели людей в белых одеждах (т. е. сторонников Муканы, который возглавлял восставших в белых одеждах против арабов в конце VIII в. — Прим. авт.). Они воинственные и живут в городах. В ее горах добывают золото и серебро. Илак граничит с Ферганой, Джадгалом, Чачем и рекой Хашрат. Правители этой области носят титул „дихкан Илака“. В древности Илаком правили представители соседних областей» (Там же).

«Навкат — является столицей Илака и состоит из шахристана, кухендиза и рабада. Он расположен на берегу реки Илака» (Там же).

«Кухисим⁶ — городок, который находится у подножия горы. В его горах добывают серебро» (Там же).

«Дахкат — небольшой город, в его горах добывают мышьяк» (Там же).

«Яхудлиг⁷, Абарлиг, Итулах, Ахаджас — небольшие города, которые находятся на границе между Илаком и Ферганой» (Там же).

«Сами, Сабрак — благоустроенные, благодатные городки» (Там же).

«Сума, Хинхат — с большими пашнями и посевами и малочисленным населением» (Там же).

«Гузджанд — процветающий, благодатный городок» (Там же. Л. 24а).

«Тухас — благодатный городок» (Там же).

«Гулшаджак, Хамбарак, Ардаланкат, Сатабагва, Бахнах — благодатные, благоустроенные

⁶ Следует отметить, что слово *кухисим* в переводе с персидского означает *серебряная гора*.

⁷ Название *Яхудлиг* происходит от слова *яхуди* — так перси называли иудеев, видимо, основное население этого городка составляли представители этого народа.

городки, близко расположенные друг к другу, с проточными водами, с многочисленными пашнями и посевами. Ардаланкат является столицей этих городков» (Там же. Л. 246).

«Карал, Газак, Хайвал, Вардул, Кабрия, Багуранак — небольшие города, близко расположенные друг к другу, с многочисленными пашнями и посевами. Оттуда вывозят коней» (Там же).

«Абрадакат, Байгукат, Фаранкат — богатые, благоустроенные городки и находятся близко друг от друга» (Там же).

«Джабгукат — процветающий городок. В древности являлся местом военного лагеря области Чача» (Там же).

«Шакакаб, Янджибас — благоустроенные, богатые городки, относящиеся к области Илак» (Там же).

«Ялапкан — небольшой город. От него до реки Парак 1 фарсах (6,5 км. — Прим. авт.). Там находится монетный двор, где чеканят дирхеми (серебряные монеты. — Прим. авт.)» (Там же).

«Чач — большая, благоустроенная и богатая область. Там проживают богатые, храбрые и газипеша (борцы за веру. — Прим. авт.). Оттуда в большом количестве вывозят луки и стрелы. В древности Чачем правили выходцы из соседних областей» (Там же).

«Бекат — большой, благоустроенный, богатый город, является столицей области Чач и местопребыванием правителей Чача» (Там же).

«Нуджикат — городок, отсюда происходят лодчики рек Парака и Хашрата» (Там же).

«Карджакас, Таркас, Хабукас, Димганкас — благоустроенные городки. Здесь находятся складские помещения для товаров из Самарканда и всего Согда. Эти небольшие города принадлежат областям Илака и Ферганы» (Там же).

«Банакат — благоустроенный, богатый городок и расположен на берегу реки Хашрат» (Там же).

«Харсанкас, Харджикас, Шутуркат, Сабкас, Бахакат — благоустроенные, богатые, процветающие городки, принадлежащие области Чач. Оттуда происходят чачские луки» (Там же).

«Исбиджаб — большая, благоустроенная область, расположенная на границе с Туркестаном, между мусульманскими странами и кафирами. Все добро, которое происходит из Туркестана, попадает в Исбиджаб. Там много городов и деревень. Оттуда вывозят войлок и овец. Столицей

этой области является большой, благоустроенный, богатый город Исбиджаб. Там находится резиденция правителя (султана) области. Здесь собираются купцы из разных стран» (Там же).

«Санакас — процветающий, богатый и богатый город» (Там же).

«Базхакас — благоустроенный и богатый город» (Там же).

«Сутканд — расположен у реки и богатое место. Его жители воинственные. Там проживают мирные тюрки, большинство которых приняли ислам» (Там же).

«Параб — богатая область, ее столицей является город Кадир. Там проживают храбрые, воинственные люди. Это место сбора купцов. Между Исбиджабом и некоторыми районами Чача, Параба, Кундждиха по берегам рек находятся большие пастбища. В этой области имеются тысячи юрт, в которых проживают мирные тюрки, принявшие ислам» (Там же).

«Сахран — богатый город и является местом сбора купцов из Гуза» (Там же).

«Дарнах — благоустроенный, малонаселенный городок, расположен на берегу реки» (Там же).

«Сунах — богатый город, который принадлежит Парабу. Оттуда вывозят прекрасные луки» (Там же. Л. 25а).

«Шалхи, Тирар, Яканкас, Фаранкас, Марки, Навакас — небольшие города, где проживают мусульмане и тюрки. Они являются воротами в область Халух и местом сбора купцов» (Там же).

Слово о границах области Мавераннахра и ее городах

«Границы Мавераннахра на востоке доходят до Тибета и Хиндустана, на юге — до Хорасана, на западе — до Чаганиана и на севере — до Сурушаны» (Там же).

«Хатлан — благоустроенная, богатая, с многочисленными пашнями и посевами, густонаселенная горная область. Правители этой области иноземного происхождения. Там проживает воинственный народ. На ее границах с Тибетом проживают свирепые люди. В ее горах добывают золото и серебро. Оттуда происходят прекрасные кони» (Там же).

«Хулбук является столицей Хатлана и местонахождением ее правителя. Город расположен у подножия горы, густонаселен, и к нему примыкают многочисленные деревни» (Там же).

«Нучара — укрепленный город, расположен между реками Харнаб и Джайхун. Там имеется местность под названием Рустабек, которая тянется до границ Бадахшана. Этот Рустабек расположен у подножия горы, на берегу реки Джайхун. Местность благодатная, и там находится резиденция правителя» (*Там же*).

«Паргар — густонаселенный, благоустроенный, с пашнями и посевами город» (*Там же*).

«Барсораг, Мунк, Намлият — благоустроенные, благодатные небольшие города. Население этих городов воинственное» (*Там же*).

«Вахш — благоустроенная местность, находится на берегу Вахшаба» (река Вахш. — *Прим. авт.*) (*Там же*).

«Хилаверд — является столицей Вахша. Этот город с многочисленными пашнями и посевами. Там проживают смелые люди и стрелки из лука» (*Там же*).

«Ливаканд — относится к Вахшу. Оттуда происходит вахшская порода овец» (*Там же*).

«Жошт — область, которая находится среди гор и горных долин, между Бутамон и Хатлоном. В ней много деревень с многочисленными пашнями и посевами. Правители этой области носят титул дихкана Жошта» (*Там же*).

«Имеется группа людей, которых называют кумидиянами. Они проживают в приграничных районах Хуталана и Чаганиана. Они воинственные, храбрые, но вороваты. Их имущество состоит из рабов и овец. Они проживают в деревнях, городов у них нет. Это в основном касается тех, кто обитает между Чаганианом и Шуманом. И Бишкард — область, которая называется Сайлакан, — находится там же. Каждая группа подчиняется местным правителям. Правители Хатлана и Чаганиана обращаются к ним часто за помощью» (*Там же*).

«Тюрки из Ганджины — небольшая группа людей, которые проживают в горном ущелье между Хатланом и Чаганианом. Местность сильно укреплена. Эти люди вороваты, особенно молодежь, грабят караваны. Иногда уходят воровать от своего места жительства на расстояние 30–40 фарсанга. Они подчиняются эмирам Хатлана и Чаганиана» (*Там же*. Л. 256).

«Дари Табат — горная деревня. Там в горах находятся ворота, охраняемые мусульманами. Как из этих ворот выходишь наружу, попадешь на территорию Вахана» (*Там же*).

«Рахтиджаб — деревня, которая относится к Вахану. Там проживают ваханские габры (огнепоклонники, зороастрийцы. — *Прим. авт.*)» (*Там же*).

«Сикашим — город, который является столицей области Вахан и местопребыванием ее правителя. Там проживают мусульмане и габры. Оттуда вывозят чехлы для конских чепраков и ваханские стрелы» (*Там же*).

«Хамдад — местность, где находятся буддийские храмы ваханцев. Там имеется крепость, в которой проживают тибетцы» (*Там же*).

«Санглидж расположен у подножия горы. В горах имеется рудник, где добывают бадахшанский лазурит и рубин. Вблизи рудника находится источник с горячей водой. Вода до того горячая, что руками нельзя до нее дотрагиваться. От рудника до Табата около полутора суток дороги. Когда одолеешь это расстояние, попадешь в рустак Булхам» (*Там же*. Л. 256).

«Самаркандак — большая деревня. Там проживают мусульмане, ваханцы, индусы, тибетцы. Она является концом территории Мавераннахра» (*Там же*).

«Булур — большая область. Ее правителя (малика) зовут Вахин. Население говорит: „Мы дети солнца, пока солнце не восходит, никто не должен просыпаться, потому что ребенок не должен проснуться раньше отца“, и отца зовут Булуримах. В этой области нет соли, ее привозят из Кашмира» (*Там же*).

«Андарас — город, в котором живут тибетцы, индусы. От него до Кашмира два дня пути. Все деревни и населенные пункты, которые расположены между Рухуд и Мултаном, являются местом остановки караванов. Местность пустынная, корма для скота нет» (*Там же*).

«Хорезм — область, которая расположена на западной границе Мавераннахра. Кадж является столицей Хорезма и находится в туркестанском Гузе. Город — место сбора купцов и складских помещений Мавераннахра, а также турок из Туркестана и Хазарии. Правитель этой области носит титул харезмшаха, и он выходец с окраин. Ее население — борцы за веру и воинственные. Кадж считается богатым городом. Оттуда вывозят хлопчатобумажную ткань, кошму, ремни, сыр, высушенный в виде шариков, и казаганд (ватный стеганный халат. — *Прим. авт.*)» (*Там же*).

«Хушмисан — небольшой, благодатный город, является местом сбора купцов» (*Там же*).

«Нужабан — город с крепостными стенами, железными воротами, с проточными водами и с многочисленным населением» (*Там же*).

«Гургандж — город, который в древности принадлежал владениям Харзмшаха. В настоящее время у него свой правитель — эмир Гурганджа. Город благодатный, место сбора купцов и является воротами в Туркестан. Гургандж делится на внешний и внутренний город. Его население — воинственные и известные стрелки из лука» (*Там же*).

«Кардназхас, Бадминия, Дехи Курбтигин — малонаселенные небольшие города с пашнями и посевами» (*Там же*).

«Кирдар — с большим населением городок, с пашнями и посевами. Оттуда вывозят овечью кожу в большом количестве» (*Там же*. Л. 26а).

«Хив — небольшой город с крепостными стенами, относится к Гурганджу» (*Там же*).

«Джанд, Хвара, Дихи нав — города, которые расположены на берегу реки Чач. От Хarezма до них 10 манзил⁸, от Параба — 20 манзил. Дихи нав

⁸ Манзил — расстояние между караван-сараями (Фарханги забони тоҷикӣ, 1969. Т. 2. С. 632).

является зимней резиденцией малика (правителя. — *Прим. авт.*) гузов» (*Там же*).

Итак, судя по сведениям «Худūd ал-‘āлем» в Мавераннахре в X в. существовали семь крупных, 30 средних и 102 небольших города. В целом на территории Мавераннахра в X в. было 139 городов. Из них нам удалось, опираясь на археологические данные, отождествить два крупных города: Чаганиан и Ахсикет; три средних города: Термез (Тирмид), Шуман и Вашгирд; четыре небольших города: Пайкенд, Чарманкан, Дарзанги и Хамваран. Следует отметить, что из семи крупных городов лишь Самарканд и Бухара не утратили своего прежнего значения. Они в настоящее время являются большими городами Средней Азии. Из 30 средних городов до настоящего времени сохранили старые названия лишь пять: Термез (в тексте Тирмид), Хадженд, Фархар (Паргар), Ургендж (Гургандж) и Узгенд (Узганд). Таким образом, географическое сочинение «Худūd ал-‘āлем» дает ценные сведения по истории, материальной и духовной культуре городов средневекового Мавераннахра.

Абдуллоев, 2006 — Абдуллоев Д. Топонимия средневекового Афганистана по сочинению X в. «Худуд ал-Алам» в свете археологических материалов и современных карт // ЗВОРАО. Нов. сер. 2006. Т. 2 (27). С. 46–59.

Анарбаев, 1988 — Анарбаев А. А. Ахсикет в древности и средневековье (итоги и перспективы исследования) // СА. 1988. № 1. С. 171–187.

Анарбаев, 2013 — Анарбаев А. А. Ахсикет — столица древней Ферганы. Ташкент: Tafakkur, 2013. 535 с.

Беленицкий, 1950 — Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя // МИА. 1950. № 15. С. 109–127.

Босворт, 1971 — Босворт К. Э. Мусульманские династии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1971. 324 с.

Мальцев, 1983 — Мальцев Ю. С. Библиография публикаций русских и советских ученых, относящихся к памятнику «Худуд ал-алам мин ал-машрик ила-л-магриб» («Страны мира от востока к западу») // Известия АН Таджикской ССР. Отд. общ. наук. Душанбе, 1983. № 4. С. 98–100.

Мухамеджанов и др., 1988 — Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л. Городище Пайкенд. Ташкент: Фан, 1988. 195 с.

Негматов 1977 — Негматов Н. Н. Государство Саманидов. Душанбе: Дониш, 1977. 279 с.

Пидаев, 1987 — Пидаев Ш. Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986) / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова, А. А. Аскарков. Ташкент: Фан, 1987. С. 87–97.

Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990 — Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент: Фан, 1990. 220 с.

Ртвеладзе, 1978 — Ртвеладзе Э. В. Обнаружение средневекового селения Навандак в области Саганиан // ИМКУз. 1978. Вып. 14. С. 114–119.

Таджикско-русский словарь, 1954 — Таджикско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. 789 с.

Фарханги забони тоҷикӣ, 1969 — Фарханги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Т. 1–2. М.: Советская энциклопедия, 1969. 1900 с.

Худūd ал-‘āлем, 1930 — Худūd ал-‘āлем: рукопись Туманского / С введ. и указат. В. В. Бартольда. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 45 с. текста, 78 с. факс.

“Ḥudūd al-‘Ālam” about cities and settlements of Maverannahr in the early Islamic period

D. Abdulloev⁹

“Ḥudūd al-‘Ālam” is the earliest geographic work written in Persian. It contains valuable intelligence about districts, cities and settlements of Central Asia in the early Islam period. According to the information of “Ḥudūd al-‘Ālam”, within the territory of Maverannahr in the 10th century there were 7 large cities, 30 middle-size and 102 small towns. In general, in the territory of Maverannahr in the 10th century there were 139 cities and towns. On the basis of the available archaeological evidence we have succeeded to identify two large cities — Chaghanian and Akhsiket, three middle-size ones — Termez (Tirmid), Shuman and Vashgird, and four small ones: Paykend, Charmankan, Darzangi and Khamvaran. It is of note that among the seven large cities only Samarkand and Bukhara have not lost their previous importance. They both are now large cities in Central Asia. Of the 30 middle-size towns only five have retained their old names: Termez (Tirmid), Khadjend, Farkhar (Pargar), Urgendj (Gurgandj) and Uzgend (Uzgand). Therefore, the geographic treatise “Ḥudūd al-‘Ālam” provides us with valuable information on the history, material and spiritual culture of the cities of mediaeval Maverannahr.

⁹ Davron Abdulloev — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18, Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: okc.65@mail.ru.

Маймарг Бухарский и карательный поход Бахрама Гура (по материалам археолого-топографических и письменных источников)

Ш. Т. Адылов¹

Аннотация. Статья посвящена идентификации и локализации исторического городка Маймарг. Письменные источники помещают его в окрестности Нахшаба, однако данные археологии и топографии позволяют отнести его к области Бухары (городище Кум-Совтан). Среди смежных вопросов, поднятых автором, — обстоятельства похода Бахрама V на хионитов, локализация «Баши Бахрама Гура» (городище Куи-кала, Туркменистан) и поиск исторического прототипа вождя «туранцев» Шимра (правитель хионитов Кидара).

Annotation. The article deals with the identification and localization of the historic town of Maymarg. Written sources place it in the vicinity of Nakhshab, but archeological and topographic data allow it to be attributed to the Bukhara region (the urban settlement site of Kum-Sovtan). Among the related issues raised by the author there are the circumstances of Bahram V's campaign against the Chionites, the localization of "Bahram Gor's Tower" (the urban settlement site of Kui-kala, mod. Turkmenistan), and the search for a historical prototype of the chief of the "Turanians", Shimra by name (the Chionite ruler Kidara).

Ключевые слова: историческая топография, Маймарг, Западный Согд, Бухарский оазис, городище Кум-Совтан, «Баши Бахрама Гура», Бахрам V, хиониты.

Keywords: historical topography, Maymarg, Western Sogdiana, Bukhara oasis, urban settlement site of Kum-Sovtan, "Bahram Gor's Tower", Bahram V, Chionites.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-309-323

Вопросы идентификации и локализации Маймарга

По средневековым арабским и персидским письменным источникам X–XIII вв. известно о былом существовании на территории Согда двух пунктов расселения с одинаковым названием Маймарг (Маймург). Наибольшую известность получил тот, который находился в округе Самарканда. До арабского завоевания он представлял собой центр одноименного удела, а впоследствии на данной территории сложился административный сельскохозяйственный район — рустак. Этот округ с его центром уже давно идентифицированы и локализованы (Камалиддинов, 1993.

С. 93, 96; Ставиский, 1967. С. 27). Еще один, третий, Маймарг существовал на правом берегу реки Джайхун (Амударья), поблизости от Термеза, и его местонахождение также установлено (Камалиддинов, 1996. С. 121). Само название Маймарг этимологизируется от сочетания двух согдийских терминов: *майн* — селение и *мург* — трава, луг. Стало быть, это название означает «богатое лугами селение» (Нафасов, 1988. С. 111). К этому можно добавить, что названия с иранским композитом *марг-мург* распространены в исторической топонимии Средней Азии, Ирана и Афганистана повсеместно. Такие названия обычно были связаны с местами, обильными водными ресурсами и, как следствие, покрытыми густой луговой растительностью.

Данная публикация посвящена второму из согдийских Маймаргов — тому, который

¹ Национальный центр археологии АН Республики Узбекистан; ул. Мирзо Улугбека, д. 81, Ташкент, 100000, Узбекистан; e-mail: adilov-shukhrat@mail.ru.

средневековые географы относили преимущественно к области Насафа (Нахшаба), то есть к низовьям реки Кашкруд (Кашкадарья). По сведениям ал-Истахри («Масалик ал-мамалик», середина X в.), этот Маймург был городком (*балда*) и транзитным пунктом на пути из Насафа в Бухару; он располагался на расстоянии одного дневного перехода от Насафа на берегу канала Кашна (Кушна). Ас-Сам'ани («Китаб ал-ансаб», XII в.) называет Маймарг большим и красивым селением на пути из Насафа в Бухару. Однако Йакут ал-Хамави («Му'джам ал-булдан», начало XIII в.) относит это селение к области Бухары, а Ибн Хаукал («Сурат ал-ард», вторая половина X в.) — и вовсе к верховьям Кашкруда, то есть к области Кеша (*Камалиддинов*, 1993. С. 103–104). Маймарг также упоминается в эпической поэме «Шахнаме» Фирдоуси (X — начало XI в.), причем в той части книги, в которой автор отразил во многом реальную историю правителей Ирана из династии Сасанидов. Фирдоуси называет Маймарг крайним пунктом, которого достиг Бахрам (V) Гур в ходе войны с восточными соседями. Поэт не указывает его точное местонахождение, но из контекста повествования понятно, что он имел какое-то отношение к области Бухары («...сразиться теперь с Бухарой возжелал»). На содержании трех глав поэмы, посвященных войне шаха с владыкой Чина-Турана, следует остановиться подробнее (*Фирдоуси*, 1984. С. 291–297).

Итак, в самом начале своего царствования Бахрам Гур вел праздный образ жизни, а его политический статус был неустойчивым. Воспользовавшись удобным моментом, хакан Чина-Турана захватил Марв аш-Шахиджахан — столицу Хурасана (городище Старый Мерв вблизи г. Байрам-Али, Туркменистан) и расположенный недалеко городок Кушмихан (городище Кашмиз-кала, в пустыне, примерно в 30 км к западу от Старого Мерва). В это время Бахрам находился в Азергошеспе (Азербайджане). Незаметно для врагов шах выступил в поход и, застав их врасплох, сначала пленил хакана в Кушмихане, а затем освободил Марв. Уцелевшие в битве чинцы-туранцы обратились в бегство, и Бахрам преследовал их на протяжении 30 фарсахов. Но затем он снова вернулся, сначала в Кушмихан, затем в Марв и стал готовиться к походу против Бухары. Сперва он достиг реки Аму (Амударья) и переправился через нее. Потом пересек пески Фараба (городище Куи-кала вблизи железнодорожной станции

Фараб, Туркменистан) и, продвигаясь дальше на восток, достиг Маймарга. После того, как Бахрам миновал этот пункт, он столкнулся с войском чинцев-туранцев, разгромил его и стал разорять страну. Местные вожди покорились ему и заплатили богатый выкуп. Отпраздновав победу, Бахрам повернул обратно и прибыл в Фараб, где приказал воздвигнуть пограничные столбы, символизирующие границу между Ираном и Тураном, а естественным рубежом между двумя странами стала река Джайхун. Но при этом, как вытекает из контекста повествования, сам город остался под властью Бахрама, коль скоро он мог распоряжаться здесь по собственному усмотрению. А еще перед отбытием в Иран Бахрам посадил на престол Турана некоего мужа по имени Шимр, наделенного большим умом.

Проанализировав топографию карательного похода Бахрама, Б. Я. Ставиский пришел к выводу, что в данном повествовании подразумевается Маймарг Нахшабский (*Ставиский*, 1959. С. 83). С этим мнением можно согласиться, правда, с небольшой оговоркой, — в историко-географическом аспекте он имел отношение, скорее, к области Бухары.

Касательно идентификации и локализации Маймарга С. К. Кабановым было выдвинуто предположение, что ему соответствует городище Майманак-тепа, расположенное в 15 км к северо-западу от города Касана в Каршинском оазисе. Оно представляет собой довольно крупный бугор площадью 120 × 120 м и высотой 8–10 м. Примерно до начала XX в. здесь была крепость. У основания бугра отмечена керамика X–XII вв. (*Кабанов*, 1977. С. 67). Нахшабу периодов раннего и развитого средневековья (VII — начало XIII в.) соответствует городище Шуллюк-тепа (*Камалиддинов*, 1996. С. 52). После монгольского завоевания город сместился на место Карши, который расположен в 8 км к юго-востоку от этого городища. Расстояние от Шуллюк-тепа до Майманак-тепа составляет около 40 км, что соответствует одному дневному переходу — расстоянию, указанному у ал-Истахри. Поэтому, на первый взгляд данная локализация представляется вполне вероятной. Кроме того, налицо явное созвучие исторического и современного топонимов: Маймарг и Майманак. Однако в данный контекст совершенно не вписываются сведения того же географа о канале Кашна, на берегу которого располагался исторический пункт.

Начало канала находилось на территории рабада Бухары, в его западной части, и сам он являлся протоком основного русла Реки Согда (Зарафшана) в ее низовьях. В письменных источниках основное русло реки, протекавшей непосредственно по территории столицы региона, обозначается как Руд-и Зар, Руд-и Шарг и Харамкам, а в настоящее время оно называется Шахруд. Правда, теперь основным руслом считается другой магистральный проток Каракульдаря, прежде носивший название Руд-и Самджан (Мухамеджанов, 1978. С. 62–67). Итак, по описанию ал-Истахри канал Кашна, считавшийся городским, вытекал из основного русла в местности под названием Наубехар на территории рабада, протекал возле селения с тем же названием Кашна и в конечном итоге достигал городка Маймарг (*al-Istakhrī*, 1870. Р. 309).

Попытки идентифицировать этот канал уже предпринимались. О. Г. Большаков полагал, что ему соответствует правобережный арык, вытекающий из Шахруда вблизи восточных окраин исторической части города и тянущийся в северо-западном направлении через местность под названием Калабад к Самаркандским (северным) воротам. Таким образом, одноименное селение, а также сам Маймарг следует искать где-то к северу от указанного места (Беленицкий и др., 1973. С. 253, рис. 95). Однако на данном пространстве этих пунктов не могло быть по определению, в чем убеждает анализ сведений из других письменных источников касательно исторической географии Западного Согда. В действительности канал с таким названием был левобережным ответвлением основного русла и проходил он в южном направлении — в сторону Нахшаба (рис. 1; 2).

Если городище Майманак-тепа в окрестностях Касана действительно соответствует тому самому Маймаргу, вышеотмеченное боковое ответвление основного русла Реки Согда должно было достигать его в своем нижнем течении. Но это очень большое расстояние. Дистанция между Бухарой и Нахшабом (Шуллюк-тепа) составляет около 160 км, что укладывается в четыре дневных перехода, а между Бухарой и Майманак-тепа — 120 км, то есть три дневных перехода. Следовательно, длина русла этого городского канала Бухары должна быть никак не меньше указанной величины. Получается, что боковой проток не только не уступал, но и намного превосходил по своим размерам основное русло, из которого он вытекал, но такого в природе не бывает.

Для сравнения, устье канала Шахруд (Руд-и Зар) расположено в местности Дуоба — примерно в 30 км к северо-востоку от Бухары. Вблизи восточных и западных окраин города вода магистрального канала в настоящее время разбирается на многочисленные более мелкие протоки. Однако в прошлом, как свидетельствуют данные письменных источников и топографических исследований, древнее русло Руд-и Зара тянулось еще на протяжении сорока с лишним километров в юго-западном направлении и достигало юго-восточных окрестностей древнего города Байканд (городище Пайкенд в 16 км к северо-востоку от города Каракуль). Здесь Руд-и Зар впадал в большое озеро (рис. 1; 2). Исторический водоем, полностью исчезнувший, был известен в письменных источниках под такими названиями, как Оваза-и Байканд, Баргин-и Фарох, Каракуль (Адылов, 2006. С. 9–12; Адылов, Бабаев, 2011. С. 40–44). Из этого следует, что в письменном источнике — сочинении ал-Истахри, явно имеются нестыковки, и в действительности Маймарг располагался намного ближе к Бухаре относительно места расположения Майманак-тепа.

Скорее всего, в исходной рукописи ал-Истахри было указано более реальное местонахождение Маймарга — на расстоянии одного перехода от Бухары к Насафу-Нахшабу, а вовсе не наоборот. Однако затем во время тиражирования рукописи кто-то из ранних невнимательных переписчиков допустил ошибку по части ориентации, и она со временем так и закрепилась. То же самое произошло в отношении самого названия Кашна. Весьма вероятно, что оно также является результатом искажения, а в исходной рукописи ал-Истахри отразил его более верную форму. Более того, данный исторический канал, сохранивший свое древнее обозначение, существует и поныне, хотя и в сильно укороченном виде.

По сведениям географа ал-Мукаддаси («Ахсан ат-такасим», конец X в.), выше Нумуджжаса (древнее название Бухары) в местности под названием Фашун имелся шлюз (мост со сводчатыми пролетами, закрываемыми бревнами, связками хвороста или камыша), с помощью которого при половодье часть воды отводилась от города (*al-Mokaddasi*, 1906. Р. 331). По-видимому, эту же самую местность упоминает и ал-Истахри, но под другим обозначением — Вараг (*al-Istakhrī*, 1870. Р. 308–309). Данное название явно восходит к согдийскому термину *варк* — плотина. В настоящее

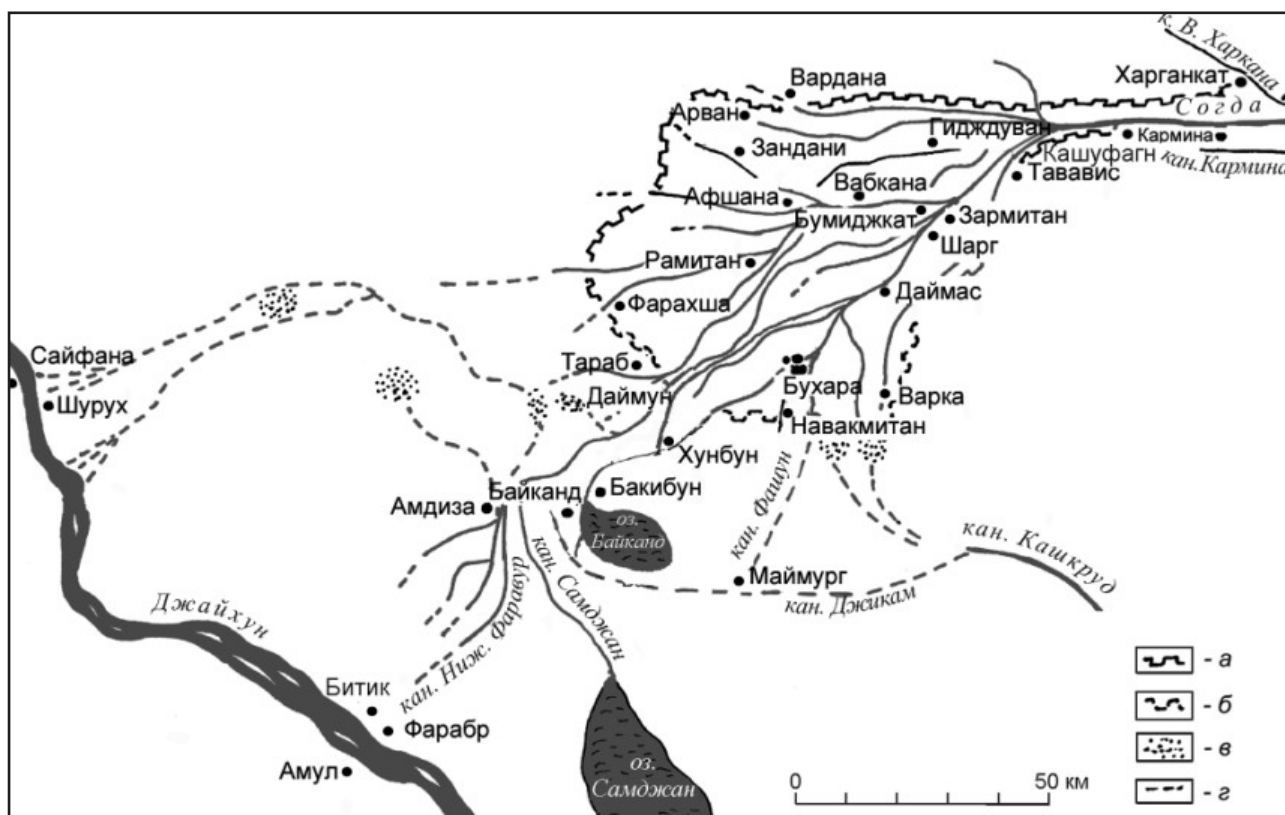

Рис. 1. Карта-схема Западного Согда в раннем средневековье. Условные обозначения (рис. 1, 2):
 а — стена Канпирак; б — предполагаемая линия стены Канпирак; в — следы высохших озер; г — сухие русла

Fig. 1. Schematic map of Western Sogdiana in the early Middle Ages. Keys (figs. 1, 2): а — Kanpirak wall; б — presumed line of the Kanpirak wall; в — traces of dried-up lakes; г — dry riverbeds

время примерно в 2 км к востоку от города на Шахруде, вблизи селения с узбекским названием Ташкуприк («Каменный мост»), расположен гидроузел, от которого начинается множество арыков, отходящих влево и вправо. На этом месте в XIX — начале XX в. размещалось управление главного мираба Бухары, ведавшего распределением водных ресурсов (Ремпель, 1982. С. 144–145). Вероятно, здесь и находился тот самый шлюз.

Один из левобережных арыков, берущий начало в этой местности и текущий в южном направлении, тоже называется Фашун. Проток с этим названием упоминается в бухарских вакфных документах XIV в. (Чехович, 1965. С. 141–142). Судя по тому, что он был обозначен термином *джуи* («канал», «проток»), в те времена это был достаточно крупный источник, чего не скажешь о его нынешнем состоянии. В пойме арыка в 5 км к югу от Бухары расположено селение с тем же названием Фашун, которое тоже является историческим. Ас-Сам'ани упоминает селение Фашук (Фашун), располагавшееся вблизи южных окраин Бухары

(Камалиддинов, 1993. С. 70). Вблизи указанного современного селения размещается большое городище Шанба-тепа, занятое под кладбище, и оно соответствует одноименному средневековому пункту.

Русло арыка тянется далее на юг, до южной оконечности Бухарского оазиса, где впадает в Южно-Бухарский (Кую-Мазарский) канал, как и многие другие левобережные арыки и дренажные коллекторы. Южно-Бухарский канал был построен в новейшее время — в первые послевоенные годы — с целью отвода из оазиса избыточных вод в озеро Денгизкуль на юго-западной оконечности исторической области Бухары (на территории Алатского административного района). Поэтому канал также называют Денгизкульским коллектором. Он вытекает из Кую-Мазарского водохранилища вблизи юго-восточной окраины Бухарского оазиса, а его русло тянется вдоль южных границ оазиса со степью. Озеро Денгизкуль тоже является историческим. В древности оно постоянно снабжалось через один из хвостовых протоков

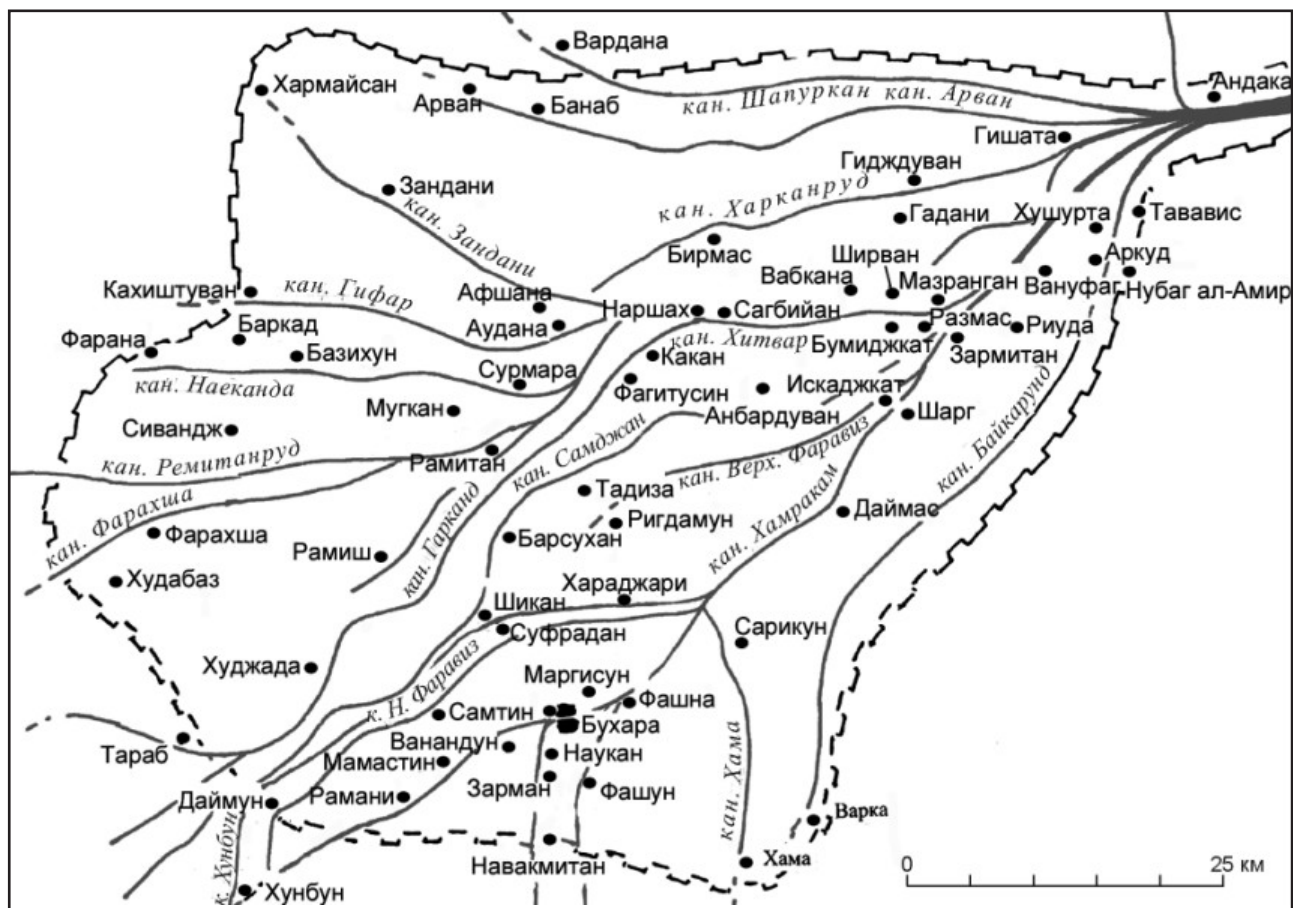

Рис. 2. Карта-схема Бухарского оазиса внутри стены Канпирак в раннем средневековье
 Fig. 2. Schematic map of the Bukhara oasis within the Wall of Kanpirak in the early Middle Ages

Руд-и Самджана (Каракульдары), и поэтому одним из древних названий озера было Бухайра-Самджан. Известны и другие исторические обозначения: Бахр ал-Бухара и Денгиз (Мухамеджанов, 1978. С. 67). Что касается древнего русла канала Фашун, то оно, скорее всего, имело весьма протяженное продолжение далее на юг, в сторону Нахшаба, по ныне степной территории, разделяющей Бухарский и Каршинский оазисы. Однако проследить его невозможно — этот участок засыпан движущимися песками. И все же на этой предполагаемой линии древнего русла канала действительно имеется объект, подходящий для идентификации Маймарга. Но сначала следует обосновать тождество исторического канала Кашна с нынешним арыком Фашун.

Если сопоставлять названия Кашна и Фашун, отраженные арабскими буквами, то сразу бросается в глаза их близость по начертанию. Скорее всего, в исходной рукописи ал-Истахри название канала и селения имело форму *Фашна* вместо

Фашун. К слову, ас-Сам'ани упоминает селение под названием Фашна, не указывая место его расположения (Камалиддинов, 1993. С. 70). Весьма вероятно, что его следует локализовать в той самой упомянутой местности Фашун, где находились шлюзы. Еще более искаженный вариант *Кашна* мог возникнуть как результат случайного добавления лишней диакритической точки в начальную букву *фа* в соответствующем названии, и она стала похожей на букву *қоф*.

Для идентификации и локализации Маймарга обратимся к топографической ситуации на степном пространстве к югу от Бухарского оазиса. В своем нижнем течении р. Кашкадарья (Кашкруд) образует обширную дельту — Каршинский оазис. В глубокой древности один из ее юго-западных дельтовых протоков, возможно, достигал Джайхуна. Результаты археологического обследования трассы Нижнекаршинского магистрального канала на пространстве между южной границей Каршинского оазиса и прибрежной культурной

полосой вдоль русла Амударьи указывают на весьма вероятное существование древней дороги. Через нее осуществлялись экономические и культурные связи двух зон уже в момент сложения и формирования древнеземледельческих оазисов Средней Азии (Исамиддинов, Сулейманов, 1988. С. 120). А такая караванная дорога могла пролегать только вдоль берега протока, который брал начало из Кашкруды и достигал Джайхуна. В непосредственной близости от места слияния двух русел возник один из ключевых городов в пойме Джайхуна — Замм (поблизости от г. Керки, Туркменистан). Здесь находилась одна из важнейших переправ через реку под названием Каркухан-Нахр. Город Замм располагался фактически на двух берегах реки. Правобережной части соответствует городище Керкичи вблизи железнодорожной станции с тем же названием, а левобережной — городище напротив Керки (Камалидинов, 1996. С. 93–94).

Другой хвостовой проток, пролежавший от центра Каршинского оазиса в северо-западном направлении, достигал юго-восточных и юго-западных окраин Бухарского оазиса. Ныне действующее русло едва дотягивает до железнодорожной станции Мубарек, а далее через Каршинскую степь к южным окраинам области Бухары тянется уже сухое русло, обозначаемое на военно-топографических картах под названием Карадарья. По его берегам на пространстве между юго-восточной окраиной Бухарского оазиса и поселком Караулбазар сохранились археологические памятники в виде небольших древних поселений. Одно из ответвлений Карадарьи почти достигало южной окраины райцентра Каган. В местном рельефе все еще отмечаются следы небольшого высохшего озера, в которое когда-то впадал этот проток. Несколько западнее — примерно в 13 км к югу-юго-западу от Бухары — отмечаются следы еще одного высохшего озера. В него впадал другой дельтовый проток Карадарьи, и его следы тоже прослеживаются в местном рельефе. Показательно, что одно местное селение, расположенное поблизости, называется Чукуркуль (в переводе с узбекского — Глубокое озеро). Скорее всего, точно так же обозначался и сам высохший водоем. Можно не сомневаться, что именно по берегам этих протоков Карадарьи пролегли караванные пути из Бухары в Нахшаб.

Были у основного русла Карадарьи и левобережные ответвления. Они отделялись от него

намного южнее указанных мест и текли на запад в сторону Каракульского оазиса, смежного с Бухарским оазисом. Теперь их русла почти полностью погребены под песками. Вблизи восточных окрестностей райцентра Каракуль до сих пор прослеживается сухое русло одного из этих протоков, которое местные жители называют Арна. В районе селения Дурман в 7 км к северо-востоку от райцентра Каракуль сухое русло Арны соединяется с Каракульдарьей (Руд-и Самджаном). Однако прежде одно из ответвлений протока впадало в древнее озеро возле городища Пайкенд — в то самое озеро Оваза-и Байканд, в которое с севера впадал проток Руд-и Зар. А сам головной проток Арны огибал древнее озеро с трех сторон: с юго-востока, юга и юго-запада (Мухамеджанов, 1978. С. 50). Далее на восток следы Арны не прослеживаются, поскольку они перекрыты песками.

В результате археологических исследований недалеко от южных и восточных берегов высохшего озера были обнаружены памятники эпох неолита и поздней бронзы (Гулямов и др., 1966. С. 194–196). Обнаруженные памятники и следы древних, ныне сухих, русел в северо-западной части Каршинской степи, примыкающей к Бухарскому и Каракульскому оазисам, являются наглядным свидетельством того, что проток Арна, являясь ответвлением Карадарьи, пересекал ныне степное пространство с востока на запад в направлении нижней части долины Реки Согда. Благодаря естественным природным условиям данный район был густо заселен охотниками и рыболовами еще в эпоху неолита, а позднее, в конце бронзового века, — скотоводами и земледельцами. Причем в эпоху неолита площадь и уровень воды в озере Байканда были наиболее значительными по сравнению с последующими периодами (Мухамеджанов, 1978. С. 50–51).

Следует отметить, что жизнь на участках, обводненных Арной по ее нижнему течению, продолжалась и в более поздние времена. Вся территория степного участка, прилегающая к озеру Байканда с востока, на протяжении многих километров усеяна материальными памятниками, датированными от последних веков до н. э. до XII в. Однако главным археологическим объектом в этой зоне является крупный по площади и высоте памятник под названием Кум-Совтан (в научной литературе чаще — Кум-Султан). Этот, в прошлом обводненный, огромный массив, повсюду прорезанный следами древних оросительных систем,

перекрытых движущимися песками, указывает на бывшее существование на данной территории небольшого оазиса, владения или сельскохозяйственного района с административным центром на месте соответствующего городища (Мухамеджанов, 1978. С. 51).

Городище Кум-Совтан расположено в 34 км к востоку-юго-востоку от райцентра Каракуль, в 36 км к югу-юго-западу от Бухары и состоит из трех частей (рис. 3). Центральный холм, ориентированный по линиям запад-восток и север-юг, представляет собой мощное укрепление, в плане напоминающее трапецию. Площадь крепости по основанию — около 1,5 га, а высота достигает 12–13 м от уровня дневной поверхности. Внешние ворота крепости находились, предположительно, на западной стороне — здесь в рельефе склонов холма просматривается выступ, похожий на остатки пандуса и предвратного сооружения. Имеются признаки того, что крепость была окружена рвом: значительные понижения в рельефе в виде длинных узких ложбин отмечены у подножий холма по восточной, юго-восточной и западной сторонам, а на остальном пространстве его ложе засыпано песком. Южный склон центрального холма тоже частично скрыт под барханом. С севера к крепости прилегает прямоугольный в плане массив площадью 150 × 80 м. Судя по его высоте — 4–5 м — и достаточно крутым склонам, он имел ограду в виде крепостных стен. Сообщение с центральной крепостью осуществлялось через пологую дамбу-пандус (седловину), пересекавшую ров и соединявшую две части городища через их внутренние ворота с каждой из сторон. Понятно, что второй придаточный массив возник в результате территориального расширения основной укрепленной части древнего пункта на каком-то промежуточном этапе его существования. На поверхности холма отмечаются следы ремесленного производства в виде остатков гончарных печей. С востока и юго-востока прослеживаются контуры еще одного массива, но уже неукрепленного, в виде отдельно расположенного и низкого холма, сильно вытянутого с севера на юг и изогнутого в плане. Его видимая площадь составляет около 1,5 га, он возвышается над окружающей местностью на 1,5–2,0 м. На его поверхности тоже отмечены следы производства в виде железных шлаков. Примерно в сотне метров к югу от городища на несколько возвышенном месте располагался некрополь площадью около 0,5 га

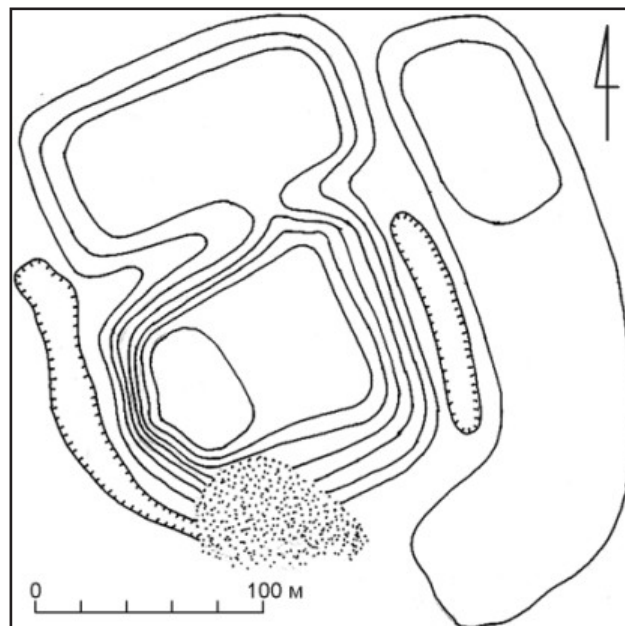

Рис. 3. Топографический план городища Кум-Совтан (Маймарг Бухарский)

Fig. 3. Topographic plan of the urban settlement site of Kum-Sovtan (Maymarg of Bukhara)

с захоронениями костей в больших сосудах — по обряду зороастризма.

Таким образом, городище Кум-Совтан по меркам Западного Согда было достаточно большим древним пунктом расселения, общей площадью более 4 га, а его своеобразная топография является типичной для многих соразмерных по площади соответствующих археологических объектов. В качестве образца памятников, имеющих аналогичное планировочное устройство, можно указать городище Тараб (на западной окраине Бухарского оазиса, вблизи современного селения с тем же названием). Этот пункт был родиной Махмуд ат-Тараби — предводителя восстания против монголов в 1238 г. (Шишкин, 1940. С. 31–34, рис. 15). Стационарных археологических исследований на городище Кум-Совтан по понятным причинам никогда не проводилось. Поэтому хронология городища определяется по предметам материальной культуры, обнаруженным на поверхности памятника. Они датируются от первых веков н. э. до XII в. Особенно примечательны и разнообразны нумизматические материалы: ранние и поздние выпуски монет Гиркода, подражания монетам Канишки III, Васудевы и др. (Мусакаева, 1990. С. 70; 2004. С. 79; Наймарк, 1995. С. 46). Название городища возникло еще во времена

позднего средневековья. В одном бухарском вакфном документе XVI в., касающемся пустопорожных земель в тумане (волости) Руд-и шахр-и Бухара, упоминается колодец под названием Кум-и Сутан (Иванов, 1954. С. 157). Это означает, что колодец с таким наименованием находился в непосредственной близости от соответствующего городища. Кроме того, мимо данного давным-давно опустевшего пункта в то время всё так же пролегла степная дорога из Бухары в более южные регионы. Скорее всего, это был отрезок того самого пути в крепость Калиф на месте переправы через Джайхун в Северном Тохаристане (левобережный рабат Зул-Карнайна и правобережный рабат Зул-л-Кифла к югу от железнодорожной станции Калиф, Туркменистан), о котором упоминал ал-Мукаддаси. Дорога тянулась по следующему маршруту: Бухара — Джикам — Рабат-и Аттик — Колодец Саида — Рабат-и Хуваран — «Селение бухарцев» — «Селение хорезмийцев» — Балхан — Калиф. Расстояния между каждой из станций по отдельности укладывались в один дневной переход (Бартольд, 1963. С. 191). Первым транзитным пунктом на этом пути был Джикам, который вполне резонно локализуется на месте городища Кум-Совтан (Сулейманов, 2000. С. 76). Путь из Бухары в Джикам мог возникнуть только в том случае, если для этого имелись естественные топографические предпосылки, а именно — водное русло, когда-то связывавшее оба пункта. По его берегу и тянулась эта трасса.

Нельзя не обратить внимания на этимологию названия Джикам. Вполне возможно, это обозначение несколько искажено, что вообще не редкость в сочинении ал-Мукаддаси применительно к иранским гидронимам и топонимам. Во второй части топонима явно присутствует композит *кам* (точнее, *ком*). Как в древние времена, так и сравнительно недавно, в области Бухары этим термином обозначались особо длинные протоки и магистральные каналы (Бартольд, 1963. С. 165). (Начальная частица *кум* в названии городища, по-видимому, имеет прямое отношение к указанному термину.) А первая (искаженная) часть названия, возможно, отражает одно из иранских слов: *дех* — селение или *диз* — крепость. Второй вариант представляется более предпочтительным. Стало быть, искомое обозначение является скорее гидронимом, чем топонимом, в значении «Большой проток (канал) крепости (селения)», и первоначально оно относилось к тому

самому сухому руслу под нынешним названием Арна. В дальнейшем с этим гидронимом стала ассоциироваться и сама крепость на берегу протока, у которой, разумеется, имелось свое основное название. Впрочем, не исключено, что более точным историческим названием данного протока было не Джикам, а весьма созвучное тому Шикан (Ширкан). О бухарском селении с таким названием сообщают ас-Сам'ани и Йакут ал-Хамави, хотя и без локализации (Камалиддинов, 1993. С. 70). Само обозначение Шикан-Ширкан также явно является гидронимом и этимологизируется как «Белый (чистый) проток». Начальный композит *шир*, распространенный в исторической топонимии Западного Согда, на языках иранской группы означает *молоко*, однако его следует понимать не буквально, а как метафорическое отражение понятия «Белая, (то есть чистая) вода». А вторая часть этого гидронима-топонима — *кан* — тоже широко представлена в исторической топонимии региона в значениях *канал*, *проток* и т. п. Понятно, что древнее селение, носившее такое название, располагалось на берегу одноименного водного источника. Но при этом селение Шикан не является тождественным Маймаргу, поскольку в трудах ас-Сам'ани и Йакута ал-Хамави оба селения упоминаются как отдельные пункты. Не исключено, что селением Шикан было небольшое городище Дустмат-тепа, которое находится в 12 км к югу-юго-востоку от городища Пайкенд и тоже относится к пойме протока Арна.

Разные обозначения одних и тех же исторических пунктов тех времен, отмечаемые в письменных источниках, отнюдь не редкость, по крайней мере, в области Бухары. Множество примеров подобного рода отмечено в книге «Тарих-и Бухара». Ее автором условно считается бухарский историк ан-Наршахи, живший в первой половине X в., однако на самом деле данное сочинение является во многом компилятивной подборкой сведений разных авторов IX–XIII вв. Так, известно, что первоначальный город на месте нынешней Бухары назывался Нумижкат (варианты в письменных источниках — Нумуджжас, Нумушкат и т. п.). Это обозначение сохранялось в обиходе до XI–XII вв. Сам топоним Бухара возник применительно не к Нумиджкату, а к другому столичному городу региона — Рамитану (городище Курган-и Рамитан к западу от райцентра Рамитан) как его второе название. Впоследствии оно стало ассоциироваться со всей территорией региона в целом,

и в конечном итоге окончательно закрепилось за Нумиджкатом. Знаменитый «Город павлинов» на северо-восточной окраине Бухарского оазиса (городище Шахр-и Вайрон к северу от селения Тававис) до ислама назывался Аркуд, а его более известное позднее обозначение связано с арабским словом *тавус* — павлин (множественное число — *тававис*). Варахша, одноименное городище на землях древнего орошения к западу от Бухары, на заре своей истории называлось Раджфандун (точнее — Дахфандун) (Frye, 1954. P. 13, 16, 17, 21). Вышеуказанные пункты — далеко не полный перечень исторических городов и селений Согда с подобной спецификой. Так что в этом ряду вполне мог быть и древний пункт расселения на месте городища Кум-Совтан. С большой долей вероятности можно предположить, что это и есть тот самый Маймарг, упоминаемый в поэме «Шахнаме» и географическом трактате ал-Истахри «Масалик ал-мамалик».

Пункт возник и существовал в те времена, когда бухарский канал Фашун (у ал-Истахри — Кашна) в своем нижнем течении еще достигал протока Джикам (Арна). Пункт был основан в очень удобном во всех отношениях месте — на излучине, где смыкались оба русла. Природные условия были самыми благоприятными. Здесь располагалась точка пересечения дорожных коммуникаций межрегионального значения. Транзитом через Маймарг с востока на запад пролегла трасса караванного пути из Нахшаба в Хурасан (Марв аш-Шахиджахан). На запад от Маймарга — через Байканд, Фараб, Амуль, Кушмайхан. Она была более короткой, хотя и менее комфортной с точки зрения природных условий, нежели обходные пути — через Замм, Калиф, Термез, Балх и Марв ар-Руд (верховья р. Мургаб). С севера на юг — из Бухары в Бактрию-Тохаристан — эту трассу на месте Маймарга пересекала обходная степная дорога. На данном пути располагались транзитные станции, основанные не только местными жителями Согда, но и выходцами из далекого Хорезма. Неудивительно, что в подъемном материале с поверхности городища Кум-Совтан во множестве отмечаются древние монеты не только локально-бухарского чекана, но и других сопредельных историко-культурных областей. А еще здесь присутствуют следы специализированного ремесленного производства, что позволяет причислять Маймарг к разряду поселений городского типа. Постепенно ухудшавшиеся экологические условия

в смежной зоне областей Бухары и Нахшаба в конечном итоге привели к полному высыханию протока Арна (Джикам) в XII в. (Мухамеджанов, 1978. С. 51). По-видимому, в XI–XII вв. более чем вдвое сократилось действующее русло канала Фашун (по ал-Истахри — Кашна). Поэтому жители Маймарга были вынуждены оставить свой городок и переселиться поближе к истоку Карадарьи. В этой зоне, по-прежнему обводнявшейся, они основали новый пункт со старым названием Маймарг — на месте городища Майманак-тепа.

Новый Маймарг тоже являлся транзитным пунктом на пути из Бухары в Нахшаб, но уже на другой трассе, и в историко-географическом аспекте относился к южному региону Согда. Остается неизвестным, возник ли нахшабский Маймарг на совершенно необжитом новом месте или прежде здесь уже существовало небольшое поселение. Во всяком случае, среди подъемных находок на Майманак-тепа пока не отмечено материалов ранее X–XII вв. Фирдоуси и ал-Истахри в своих трудах подразумевали, безусловно, старый бухарский Маймарг, а ас-Сам’ани и Йакут ал-Хамави — скорее всего, «переместившееся» в область Нахшаба селение с тем же названием. Оно, как и прежде, находилось на значительном удалении от центра Южного Согда, и, возможно, по этой причине Йакут ал-Хамави относил его к области Бухары.

Вопросы политической истории Согда

Идентификация и локализация бухарского Маймарга позволяют в деталях установить топографию и хронологию похода Бахрама Гура против «чинцев-туранцев», а также более конкретно осветить некоторые эпизоды политической истории Согда и сопредельных с ним регионов периода раннего средневековья.

В художественной литературе средневекового Ирана и хрониках арабских историков тех времен под именем Бахрама Гура выступает шаханшах Бахрам V (421–439). На востоке ему противостояли не «тюрки» или «чинцы-туранцы», а хиониты — крупное племенное объединение, которое впервые упоминается в историческом труде римского историка IV в. Аммиана Марцеллина (История Узбекистана..., 1984. С. 201–202). С момента появления на политической арене Средней Азии в середине IV в. н. э. и создания своего обширного по площади, но аморфного (конфедеративного) по структуре государства они находились

в перманентном конфликте с Ираном. Одно из военных столкновений между ними и нашло отражение не только в поэме Фирдоуси «Шахнаме», но также в произведениях арабских историков IX–X вв.: ат-Табари («Тарихи ар-русул ва-л-мулук») и ад-Динавари («Китаб ал-ахбар ат-тивал») (Гафуров, 1989. С. 248). Версии похода шаханшаха против хионитов, изложенные этими тремя авторами, в целом совпадают, но повествование Фирдоуси — наиболее подробное, в том числе касательно топографических деталей и прочих аспектов.

Итак, вскоре после восшествия Бахрама V на престол Ирана началась война между хионитами и персами. Все события, связанные с ней, произошли где-то между 421 и 423 гг. Воспользовавшись пока еще неустойчивыми позициями Бахрама в его царстве, хиониты выдвинулись со стороны области Бухары и захватили Марв и Кушмихан. Вероятнее всего, это были хиониты Западного Согда во главе со своим удельным правителем. Бахрам в это время находился в Азербайджане. Применив военную хитрость и застав хионитов врасплох, шаханшах нанес им тяжелое поражение и отвоевал свои города. Уцелевшие после разгрома обратились в бегство по тому же пути, по которому прибыли в Хурасан. Немного отдохнув, Бахрам пустился вдогонку, но главной целью карательного похода была не банальная месть врагам за «буйный набег», а полная победа и захват их столицы в соответствии с логикой данного мероприятия. Политический центр хионитов в то время, скорее всего, находился в Нахшабе (в тот период — городище Еркурган в 10 км к северо-западу от Карши). Тогда это был один из крупнейших городов на всем пространстве Средней Азии, и его площадь только в пределах крепостных стен достигала около 150 га (Сулейманов, 2000. С. 68). Для сравнения, площадь Самарканда (в пределах городища Афрасиаб), столицы Согда, составляла около 70 га (Ахунбабаев, 1987. С. 10).

Маршрут похода выглядел следующим образом. Бахрам выступил из Марва, миновал Кушмихан, преодолел пустыню и прибыл в Амуль. Далее он переправился на правый берег Джайхуна, где начинались владения хионитов, и захватил Фараб, который, так же как и Замм, представлял собой своеобразные «западные ворота» Согда.

Город Фараб (варианты названия в письменных источниках — Фарабр, Фирабр, Барабр и т. п.) возник на расстоянии одного фарсаха от берега Джайхуна, на месте дельты протока Реки Согда, там, где когда-то соединялись оба великих русла. В настоящее время его городище под названием Куи-кала расположено на расстоянии 1 км от берега Амударьи. Из книги ал-Истахри известно обозначение соединительного протока — Нижний Фаравур. Названия города и водного источника напрямую перекликаются. Проток вытекал непосредственно из Руд-и Самджана, и его исток находился примерно на территории райцентра Каракуль. Водоснабжение Фараба первоначально осуществлялось из Нижнего Фаравура. Со временем тот стал мелеть, и связь между реками сначала прекратилась, а затем проток полностью высох — после X в. Ныне его сухое русло занесено песками. По этой причине к городу был проложен канал из Джайхуна (Камалиддинов, 1996. С. 82–84). Однако в раннем средневековье сток Реки Согда в Джайхун в этом районе всё еще был стабильным, так что в дальнейшем персидское войско двигалось на северо-восток не через «пески Фараба», а по нормальной дороге вдоль левобережья соответствующего протока.

Следующим промежуточным пунктом на пути Бахрама, вероятно, была крепость, известная в арабских письменных источниках под разными наименованиями. По сведениям Ибн Хордадбеха («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик», IX в.), на расстоянии шести фарсахов от Фарабра на пути в Байканд находилась крепость со вторичным (арабским) названием «Умм Джа'фар». Скорее всего, она соответствует селению Хуканджа (Хаканджа), обозначенному в трудах ас-Сам'ани и Йакута ал-Хамави как транзитная станция на указанном промежутке (Там же. С. 86). Ее идентификация пока не проведена. Правда, Ш. С. Камалиддинов попытался локализовать этот пункт на месте городища Одей-депе и привел соответствующую ссылку (Там же. С. 87). Однако в действительности данный объект расположен на левом берегу Амударьи — в 30 км к северо-западу от Туркменабада (Чарджоу) (Пилипко, 1978. С. 95). Время возникновения селения Хуканджа пока неизвестно, но, скорее всего, не позднее середины IV — V в., поскольку на территории региона повсеместно в этот период отмечается мощный всплеск в демографии и урбанизации. Скорее всего, историческое селение

Хуканджа следует искать на месте районного центра Каракуль.

Зато точно известно, что Байканд во время похода Бахрама был большим городом — уже существовали крепостные стены шахристана (Мухамеджанов и др., 1988. С. 103). Поэтому нет сомнений в том, что он стал очередной добычей персов. Можно предположить, что жители города не оказали им сопротивления, поскольку в соответствующих по времени слоях на территории цитадели и шахристана пока не отмечено следов пожаров и погромов.

После захвата города дальнейший путь Бахрама пролегал сначала мимо озера Байканд, затем по берегу протока Джикам (Шикан) к селению на месте городища Дустмат-тепа (Шикан?) и в дальнейшем к Маймаргу. Тем временем, как можно предположить, весть о карательном походе персов уже достигла всех отдаленных районов государства хионитов. Первыми, кто сообщил об этом, были уцелевшие в битве возле Марва. К столице были стянуты воинские подразделения из всех уделов в составе государства, и где-то на пространстве между Нахшабом и бухарским Маймаргом состоялась решающая битва. Хиониты снова потерпели поражение, и все их предводители признали над собой власть повелителя Ирана. Он обошелся с побежденными врагами милостиво и не стал разорять их страну, ограничившись только солидным выкупом. Не исключено, что в конце своего похода Бахрам достиг поставленной цели — захватил столицу. На объекте Р-13 городища Еркурган (квартал гончаров) зафиксирован слой пожарища, датированный V в., который Р. Х. Сулейманов связывает с событиями середины этого века, когда Согд был занят эфталитами (Сулейманов, 2000. С. 315). Однако с тем же успехом его можно интерпретировать как погром, устроенный участниками похода Бахрама, или даже более позднего нашествия, случившегося в период правления шаханшаха Пероза I (459–484). По сообщению византийского историка Приска Панийского (410/420–472), в 468 г. ко двору императора прибыло посольство из Ирана с известием, что персы одержали победу над «уннами-кидаритами» и осадили их город Валаам (Приск Панийский, 1860. С. 97–98). Город Валаам, как предполагается, и есть тот город Боло, упоминаемый в китайских письменных источниках в качестве резиденции государя Цидоло (Кидары) и локализуемый в Нахшабе (Кабанов, 1953. С. 205–206).

Прежде чем отбыть обратно в Иран, шаханшах выбрал среди местных удельных предводителей наиболее достойного на трон верховного правителя. Фирдоуси называет его Шимр, но, опираясь на другие письменные источники, в том числе и нумизматические, его можно отождествить с правителем под более известным именем — Кидарой. Впрочем, это могут быть просто варианты одного и того же имени, то есть несколько искаженного и правильного. Эти варианты в какой-то мере перекликаются между собой, а несовпадающие в них звуки (соответственно *ш* — *к* и *м* — *д*) относятся к категории взаимозаменяемых.

В китайской хронике «Бэй-ши», посвященной истории династии Северный Вэй (386–581), сообщается, что правитель владения Нашеболо (Нахшаба) имел местопребывание в городе Боло после того, как юэчжи были вынуждены переселиться сюда из-за нападений жужаней. Затем храбрый юэчжийский государь Цидоло со своими войсками, преодолев большие горы, совершил поход на Северную Индию и покорила пять государств, расположенных к северу от Гантоло (Гандхары). Далее в хронике сообщается о событиях 424 г. (Бичурин, 1950. С. 264–266). Благодаря этим сведениям и устанавливается вышеотмеченная дата похода Бахрама V против хионитов, так же как и последующая коронация их предводителя Кидары на должность верховного правителя. На пике могущества Кидары и его ближайших наследников подвластная хионитам территория простиралась от пограничных с Согдом степей на севере до Гандхары на юге, что подтверждают письменные источники тех времен, в том числе и легенды на монетах. Так, например, легенда *кидр* присутствует на согдийских монетах с лучником третьего периода. Монеты этого типа выпускались в Самарканде с конца I до начала VI в. н. э., и третий период укладывается в рамки V в. (Зеймаль, 1983. С. 269–273). При раскопках на шахристане I городища Пайкенд в слоях V в. обнаружен черепок с согдийской надписью, которая читается как «...в тот год, когда был семнадцатый год (от начала правления) Кидары» (Лурье, 2007. С. 47–48). Это должно соответствовать примерно 438–440 гг. Существует несколько групп монет с легендой на брахми «Кидара Кушана ша», чеканившихся где-то к югу от Гиндукуша. Как отмечает В. Г. Луконин, началом выпуска этих монет следует считать 390–430 гг., причем на первых

порах данная легенда наносилась надчеканом (Луконин, 1967. С. 33). По мнению С. К. Кабанова, эти монеты выпускали зависимые от Кидары местные удельные правители для местного же населения, а соответствующая легенда отражала их подчиненный статус (Кабанов, 1977. С. 124).

Войны персов с их восточными соседями продолжались и в дальнейшем, в том числе и при Йездигерде II (439–457), а в научной литературе применительно к событиям второй половины V — VI в., опираясь на письменные источники, их принято именовать несколько условным обобщающим термином — эфталиты. Пока не существует единой общепринятой точки зрения касательно того, как между собой соотносятся хиониты, кидариты и эфталиты со всеми аспектами данной проблемы. Однако большинство исследователей считает, что под этими разными названиями, выстроенными в порядке хронологии, подразумевается одно и то же сообщество. В нем доминирующую роль играли пришлые кочевники, постепенно оседавшие на землю, и с ними же часто ассоциировалось подчиненное автохтонное население земледельческих историко-культурных регионов Средней Азии. Таким образом, эти обозначения носили не столько этнический, сколько политический характер (Гафуров, 1989. С. 246, 255–264). В различных письменных источниках эфталиты именуются по-разному: в сирийских — *абдел и эпталит*, в византийских — *абдел и эфталит*, в армянских — *хептал, идал, тетал*, в пехлевийских — *ефтал и хефтал*, в арабских — *хайтал и йафтал*, в персидских — *хетал и хайтал*, в китайских — *е-да и е-диен*. Из них же известно, что они условно делились на «белых» и «красных» — по цветам одеяний, доспехов и знамен. Однако при этом сам термин *эфталит* со всеми ему подобными производными не был самоназванием народа, а таковым является *хион* (варианты — *хон, хун, хуна, унн.*) (Там же. С. 259–261). Очевидна прямая связь названий *хионит-хион*. Кроме того, легенда *ал-хон* бактрийским письмом на эфталитских монетах Тохаристана, по мнению некоторых исследователей, означает «красный хион» (от тюркского *ал* — «красный»), и ее пехлевийским эквивалентом является широко распространенное в соответствующих источниках обозначение *кармир-хион* (Grenet, 2002. P. 206–207; Rezakhani, 2017. P. 108).

Вопросы локализации «Башни Бахрама Гура»

И, наконец, отдельного рассмотрения заслуживает проблема локализации знаменитой «Башни Бахрама Гура», символизовавшей границу между Ираном и Тураном — империей Сасанидов и конфедерацией эфталитов. Однако, судя по всему, она была не просто символом, но также имела вполне функциональное стратегическое назначение — с ее вершины можно было наблюдать за обоими берегами Джайхуна. Подобного рода «наблюдательные вышки», предназначенные для дальнего обзора, вообще были характерны для крупных пограничных городов, имевших особое военное и экономическое значение. Например, остатки такой башни, построенной на вершине скалистого бугра, сохранились возле цитадели Нура (Нурата), а этот древний город представлял собой «северные ворота» Согда (Гулямов, 1979. С. 133–138). Вероятнее всего, «Башня Бахрама Гура» находилась в районе Фараба. Во-первых, на это имеются прямые указания в соответствующей главе «Шахнаме», хоть Фирдоуси и называет сооружение «пограничными столбами». Во-вторых, и об этом следует сказать подробнее, имеются и материальные свидетельства того, что с большой долей вероятности можно идентифицировать с указанной башней.

К юго-востоку от Куи-калы — городища древнего Фараба — на возвышенности под названием Кыз-кыр сохранились остатки сторожевой башни, которую местные жители называют «Динг (пик, вышка) Арсланхана» (Массон, 1966. С. 167). Она является одним из самых древних сохранившихся сооружений древнего города. Предполагается, что строительство башни связано с именем тюркского принца Эл-Арслана и осуществлено в конце VI или в начале VII в. (Камалиддинов, 1996. С. 85). Имя принца на персидский манер передается как Шер-и Кишвар. Под этим именем он предстает в книге историка ан-Нишабури (IX в.) «Хазаин ул-Улум». Историк называет Шер-и Кишвара основателем целого ряда городов и селений области Бухары, в том числе и Фараба (Frye, 1954. P. 7–8). Однако в действительности Фараб возник намного раньше указанной даты, и вряд ли принц имеет какое-то отношение к сторожевой башне.

Более вероятна ее связь с другим более поздним правителем Мавара ан-Нахра — с великим ханом Мухаммадом б. Сулайманом по прозвищу

Арсланхан (1102–1130) из династии Караханидов. Он получил широкую известность, прежде всего, как строитель, о чем сообщает историк первой половины XII в. ал-Кубави. Например, с его именем связаны капитальный ремонт стен внутреннего рабада Бухары и ее цитадели — Арка. На цитадели он построил для себя дворец, а на шахристане — новую соборную мечеть (на месте нынешней соборной мечети XVI в.), от которой сохранился знаменитый минарет Калон. В местности Шамсабад (в южной части рабада) он возвел дворцы и бани (*Frye*, 1954. P. 24, 29, 30, 51, 52). Не остались в стороне и провинциальные города и селения, где по его приказу строились дворцы, мечети, постоянные дворы и новые мосты из жженого кирпича (*Ibid.* P. 15). Кроме того, Арсланхан занимался рекультивацией старых заброшенных земель. В частности, попытался возродить мертвый город Байканд путем строительства нового канала для его водоснабжения, но потерпел неудачу (*Ibid.* P. 18–19). Так что связь Арсланхана с пограничной башней была бы вполне логичной. При этом, как можно предполагать, он фактически

отстроил заново более раннее развалившееся сооружение.

Построенная Бахрамом V пограничная сторожевая башня имела политическое и стратегическое значение также во времена противостояния Ирана с тюрками, но после арабских завоеваний, уже в начале VIII в., по понятным причинам надолго его утратила. Всё начало меняться после того, как в Иране власть захватили Сельджукиды, в Мавара ан-Нахре — Караханиды, а река Джайхун снова стала естественной границей двух больших государств. Постоянные военные столкновения привели к тому, что правители Ирана добились максимального влияния на дела в государстве Караханидов. Это воздействие достигло своего пика при султানে Санджаре (1118–1157). Тем не менее в лучшие годы своего царствования Арсланхан пытался вести политику крупного самостоятельного государства. Этим стремлением и следует объяснять восстановление разрушенной пограничной башни, но теперь народная молва стала приписывать ее строительство именно Арсланхану.

Адылов, 2006 — Адылов Ш. Т. Исторические озера Бухары и впадавшие в них протоки // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса: Материалы конф. по результатам совместных Узбекско-Итальянских исследований в археологии и востоковедении / Ред. К. С. Антонини, Д. К. Мирзаахмедов. Самарканд; Рим: Институт археологии АН РУз, 2006. С. 9–14.

Адылов, Бабаев, 2011 — Адылов Ш. Т., Бабаев С. Т. Историческая гидрография Западного Согда // Археология Узбекистана. Самарканд, 2011. № 2. С. 27–52.

Ахунбабаев, 1987 — Ахунбабаев Х. Г. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье): Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986 г.) / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова, А. А. Аскарлов. Ташкент: Фан, 1987. С. 10–21.

Бартольд, 1963 — Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Подг. И. П. Петрушевский. М.: Изд-во восточной литературы, 1963 (Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1). 763 с.

Беленицкий и др., 1973 — Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 390 с.

Бичурин, 1950 — Бичурин Н. И. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 384 с.

Гафуров, 1989 — Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 1. Душанбе: Ирфон, 1989. 371 с.

Гулямов, 1979 — Гулямов Я. Г. Нур Бухарский // Этнография и археология Средней Азии / Ред. кол. А. В. Виноградов и др. М.: Наука, 1979. С. 133–138.

Гулямов и др., 1966 — Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскарлов А. А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент: Фан, 1966. 267 с.

Зеймаль, 1983 — Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983. 310 с.

Иванов, 1954 — Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 376 с.

Исамиддинов, Сулейманов, 1988 — Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Результаты археологического обследования трассы Нижнекаршинского магистрального канала // ИМКУ. 1988. Вып. 22. С. 118–131.

- История Узбекистана..., 1984 — История Узбекистана в источниках / Сост. Б. В. Лунин. Ташкент: Фан, 1984. 222 с.
- Кабанов, 1953 — Кабанов С. К. К вопросу о столице кидаритов // ВДИ. 1953. № 2. С. 201–207.
- Кабанов, 1977 — Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). Ташкент: Фан, 1977. 136 с.
- Камалиддинов, 1993 — Камалиддинов Ш. С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са'да 'Абд ал-Карима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент: Фан, 1993. 210 с.
- Камалиддинов, 1996 — Камалиддинов Ш. С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX — начала XIII в. Ташкент: Ўзбекистон, 1996. 424 с.
- Луконин, 1967 — Луконин В. Г. Кушано-сасанидские монеты // ЭВ. 1967. Вып. XVIII. С. 16–33.
- Лурье, 2007 — Лурье П. Б. О согдийских остраках из раскопок Пайкенда 2006 г. // МБАЭ. 2007. Вып. VIII. С. 47–48.
- Массон, 1966 — Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР). Ашхабад: Туркменистан, 1966 (Тр. ЮТАКЭ; Т. XIII). 296 с.
- Мусакаева, 1990 — Мусакаева А. А. Монеты Гиркода // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда: ТД советско-французского коллоквиума (Самарканд, 25–30 сентября 1990 г.) / Ред. колл. Ю. Ф. Буряков и др. Ташкент: Фан, 1990. С. 68–71.
- Мусакаева, 2004 — Мусакаева А. А. Монеты Гиркода // ИМКУ. 2004. Вып. 34. С. 76–87.
- Мухамеджанов, 1978 — Мухамеджанов А. Р. История орошения Бухарского оазиса (с древнейших времен до начала XX в.). Ташкент: Фан, 1978. 296 с.
- Мухамеджанов и др., 1988 — Мухамеджанов А. Р., Адьлов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л. Городище Пайкенд. Ташкент: Фан, 1988. 196 с.
- Наймарк, 1995 — Наймарк А. И. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Согде // НЦА. 1995. Вып. 1. С. 29–51.
- Нафасов, 1988 — Нафасов С. Ўзбекистон топонимларининг изоҳли луғати. Ташкент: Ўқитувчи, 1988. 290 б.
- Пилипко, 1978 — Пилипко В. Н. Топография находок кушанских монет на побережье Средней Амударьи // История и археология Средней Азии / Отв. ред. О. В. Обельченко. Ашхабад: Ылым, 1978. С. 89–97.
- Приск Панийский, 1860 — Сказание Приска Панийского / Пер. Г. С. Дестуниса. СПб.: Тип. Академии наук, 1860. 112 с.
- Ремпель, 1982 — Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1982. 301 с.
- Ставиский, 1959 — Ставиский Б. Я. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины // ИМКУ. 1959. Вып. 1. С. 79–93.
- Ставиский, 1967 — Ставиский Б. Я. О датировке ранних слоев Тали-Барзу // СА. 1967. № 2. С. 22–28.
- Сулейманов, 2000 — Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. — VII в. н. э. Самарканд; Ташкент: Фан, 2000. 343 с., 201 рис.
- Фирдоуси, 1984 — Фирдоуси Хаким Абулькасим. Шахнаме. Т. V: От начала царствования Искандера до начала царствования Йездгерда, сына Бехрама Гура / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути, В. Г. Берзнева. М.: Наука, 1984. 392 с.
- Чехович, 1965 — Чехович О. Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент: Изд-во «Наука» Узбекской ССР, 1965. 330 с.
- Шишкин, 1940 — Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент: УзФАН, 1940. 49 с.
- Frye, 1954 — Frye R. N. The History of Bukhara / Transl. from a Persian Abridgment of the Arabic Original by Narshakhi. Cambridge (Mass.): Mediaeval Academy of America, 1954. 178 p.
- Grenet, 2002 — Grenet F. Regional interaction in Central Asia and Northwest India in the Kidarite and Hephthalite periods // Indo-Iranian Languages and Peoples / Ed. N. Sims-Williams. London: Oxford University Press, 2002 (Proceedings of the British Academy; 116). P. 203–224
- al-Istakhrí, 1870 — Viae regnorum. Descriptio ditionis Moslemicae, auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1870 (BGA. Ps. I). 368 p.
- al-Mokaddasi, 1906 — Descriptio imperii Moslemici, auctore Al-Mokaddasi. Editio secunda. / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1906 (BGA. Ps. III). 520 p.
- Rezakhani, 2017 — Rezakhani Kh. ReOrienting the Sasanians: Eastern Iran in Late Antiquity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. 224 p.

Maymarg of Bukhara and the punitive campaign of Bahram Gor (based on the data of archaeological, topographic and written sources)

Sh. T. Adylov²

According to medieval Arabic and Persian written sources, there were two settlements with the same name, Maymarg, on the territory of Sogdiana (this name in translation from Sogdian means “a village rich in meadows”). The most famous of these two was the one located in the Samarkand district. Another Maymarg is attributed by medieval historians and geographers to the region of Nakhshab (Southern Sogdiana). On the territory of this historical region, to the north of its ancient capital (Erkurgan), there really is a settlement site bearing a very similar name — the urban settlement site of Maymanak-tepa. However, as topographic investigations have demonstrated, this site corresponds to Maymarg of the late Middle Ages. At the same time, earlier Maymarg belongs rather to the region of Western Sogdiana and is localized at the urban settlement site of Kum-Sovtan in the steppe zone south of Bukhara. It is this Maymarg that is mentioned in the legend about the campaign of Bahram Gor (Bahram V) against the “Turanian Turks” (Chionites), which is reflected in the “Shahnameh” of Ferdowsi. The campaign took place in the early 420s AD and ran along the following route: Marv ash-Shahidzhakhan (Old Merv) — Kushmaykhan (Kashmizkala) — Amul — Farab (Kui-kala) — Baykand (Paykend) — Maymarg (Kum-Sovtan) — Nakhshab (Erkurgan). The final goal of Bahram was, most likely, precisely Nakhshab, which by all indications was at that time a political center of the Chionite state. Having won the victory, subjugated the “Turks” to his will and received ransoms, Bahram appointed a representative of the local nobility, whom Ferdowsi calls Shimr, as ruler. There is every reason to identify this person with the supreme ruler of the Chionites, Kidara. In commemoration of his victory Bahram ordered to build a tower on the border between Iran and the possessions of the “Turks”, which should be located near Kui-kala (Farab), on the place of a construction called “Ding-Arslankhana”. In the 11th — 12th centuries, due to the deterioration of the ecological situation, the inhabitants of old Maymarg abandoned their town and founded a new settlement under the same name closer to the center of Nakhshab — on the place of Maymanak-tepa.

² Shukhrat Adilov — National Center of Archeology Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; M. Ulugbek street, 81, Mirzo Ulugbek district, Tashkent, 100060, Uzbekistan; e-mail: adilov-shukhrat@mail.ru.

Керамические крышки из домонгольского Пенджикента и его окружи¹

Ф. Ш. Аминов²

Аннотация. В статье приводится классификация керамических крышек конца VIII — начала XIII в., найденных в Пенджикенте и его округе. Учен 71 экземпляр, многие поддаются реконструкции. По форме они разделяются автором на 10 типов. Крышки использовались в основном для котлов, а также кувшинов с узким горлом, горшков, хумчей, жаровен.

Annotation. This paper presents a classification of ceramic lids of the late 8th — early 13th century found in Panjakent and its surroundings. The examples considered include 71 items, many of which can be reconstructed. In terms of their shape, the author divides them into 10 groups. The lids were used mainly for cauldrons, as well as for jugs with a narrow neck, pots, “khumcha” storage pots and braziers.

Ключевые слова: Пенджикент, Санджаршах, Буронбой, домонгольский период, керамика, крышки, орнамент.

Keywords: Panjakent, Sanjar-Shah, Buronboy, pre-Mongolian period, ceramic pottery, lids, design.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-324-337

Домонгольский период истории Средней Азии с его развитой материальной культурой чрезвычайно интересен в археологическом отношении и всегда привлекал исследователей. Однако в Пенджикентском районе (и Верхнем Зеравшане в целом) внимание ученых традиционно было сосредоточено на эпохе раннего средневековья, тогда как культурные слои IX — начала XIII в. становились объектом изучения, как правило, только в случае, если они перекрывали ранне-средневековые памятники. Находки из этих слоев редко удостоивались дальнейшего исследования и публикации. Только в 2015 г. Пенджикентская

археологическая экспедиция³ приступила (помимо работ на самом городище Древнего Пенджикента) к систематическому изучению материальной культуры Пенджикента IX — начала XIII в. В рамках данного проекта не только производятся археологические раскопки и происходит накопление нового материала, но и исследуются ранее найденные артефакты, хранящиеся в фондах музеев Пенджикента и в Государственном Эрмитаже⁴.

Сказанное выше в полной мере применимо к керамике домонгольского Пенджикента — в частности, к такому ее элементу, как крышки сосудов. Литература по этому вопросу крайне скудна, и нашей целью является введение в научный оборот новых материалов, классификация форм

¹ Исследование выполнено по программе ФНИ ГАН по теме гос. задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел охранной археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: firuzaminov@gmail.com.

³ Пенджикентская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан. Начальник экспедиции — П. Б. Лурье.

⁴ Благодарю научных сотрудников Государственного Эрмитажа П. Б. Лурье, А. И. Торгоева и А. А. Чижову за советы и замечания.

крышек, описание их орнаментации и установление хронологии. Рассматривая крышки как отдельный тип керамики, мы в то же время стараемся по мере возможности определить их принадлежность к определенным типам сосудов.

В 2015–2019 гг. во время исследований домонгольского Пенджикента, расположенного на восточной окраине современного города, нами были найдены 56 целых и фрагментированных керамических крышек. Многие из этих фрагментов поддаются реконструкции. Кроме того, мы добавили к пенджикентским находкам крышки, найденные в округе города на памятниках Буронбой (11 экземпляров из раскопок Косатарошского отряда Пенджикентской археологической экспедиции под руководством А. И. Исакова 1977 г., не опубликованы) и Санджаршах (4 фрагмента, найдены в 2018–2019 гг., раскопки Восточно-Согдийской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан при финансовой поддержке Общества по исследованию Евразии, Швейцария) (*Shenkar et al.*, 2019). Крышки не являются столь же частыми находками, как другие типы сосудов, но за годы исследований удалось собрать достаточное количество экземпляров для построения типологической таблицы. Несомненно, дальнейшие исследования позволят расширить собранную коллекцию и дополнить типологию форм.

Основной сопоставительный материал содержится в диссертационном исследовании Л. Ф. Соколовской, посвященном неглазурованной керамике Афрасиаба конца VII — начала XII в. Для IX — начала XIII в. автор выделила шесть типов крышек и распределила их по более дробной хронологической шкале (*Соколовская*, 2015). Следует отметить также статью Г. Н. Балашовой о штампованных крышечках из Афрасиаба (*Балашова*, 1961). Имеются и другие исследования, полезны также публикации отчетного характера, отдельных же работ по керамическим крышкам Средней Азии практически нет. Крышки рассмотрены в статьях по неглазурованной керамике Канки X–XI вв., по кухонной посуде Термеза XII — начала XIII в. В первой статье, в частности, керамические крышки разделены на три типа: вогнутые, выпуклые и плоские. Большую часть канкийских крышек составляют крышки первого типа (*Ильсова и др.*, 2015. С. 129–131, рис. XVI). Во второй из упомянутых работ крышки также разделены

на три типа: плоские с рельефным бортиком, полусферические и полусферические с отогнутым краем (*Пидаев*, 1997. С. 154–156, рис. 3). Также следует упомянуть работу Г. А. Брыкиной, посвященную материальной культуре Карабулака, в которой рассмотрено небольшое количество крышек (*Брыкина*, 1974. С. 50–52, рис. 32). Комплекс расписных и нерасписных крышек XII — начала XIII в. происходит из Навоийской области Узбекистана (*Мирзаахмедов и др.*, 2009. С. 150–153, рис. 4). Несколько фрагментов крышек X — первой половины XI в. из Ташкента опубликованы Л. Г. Брусенко (*Брусенко*, 1986. Табл. 12, 1, 2, 3, 13). Поскольку материальная культура домонгольского Пенджикента обнаруживает больше всего аналогов в Афрасиабе, совершенно логично, что особое внимание уделено именно этой группе артефактов.

Все учтенные крышки разделены нами по форме на 10 типов (разновидностей) (рис. 1). Отдельно рассмотрены фрагменты, форму которых определить невозможно. Последние четыре типа крышек представлены в единственном экземпляре. В наибольшем количестве встречаются крышки I и III типов. Не у всех крышек сохранились ручки, в некоторых случаях они даются в реконструированном виде. Крышки могут быть лепными или гончарными — в нашем исследовании они рассматриваются совместно. Лепные крышки уступают гончарным по качеству и в основном относятся к расписной керамике, которой посвящена отдельная статья автора (*Аминов*, 2020. С. 163–164, рис. 7, 2–13).

Формы крышек

I тип — плоские дисковидной формы.

II тип — дисковидные с уступом-бортом.

III тип — вогнутые (полусферические и конические).

IV тип — дисковидные, со слегка вогнутой поверхностью (сверху).

V тип — дисковидные слегка вогнутые снизу.

VI тип — конические с вогнутым дном.

VII тип — миниатюрная крышка дисковидной формы со сквозным круглым отверстием, без ручки.

VIII тип — миниатюрная крышка со слегка вогнутой поверхностью, ручкой сверху и стержнем в виде усеченного конуса внизу.

IX тип — крышка-пробка цилиндрической формы, расширяющаяся кверху.

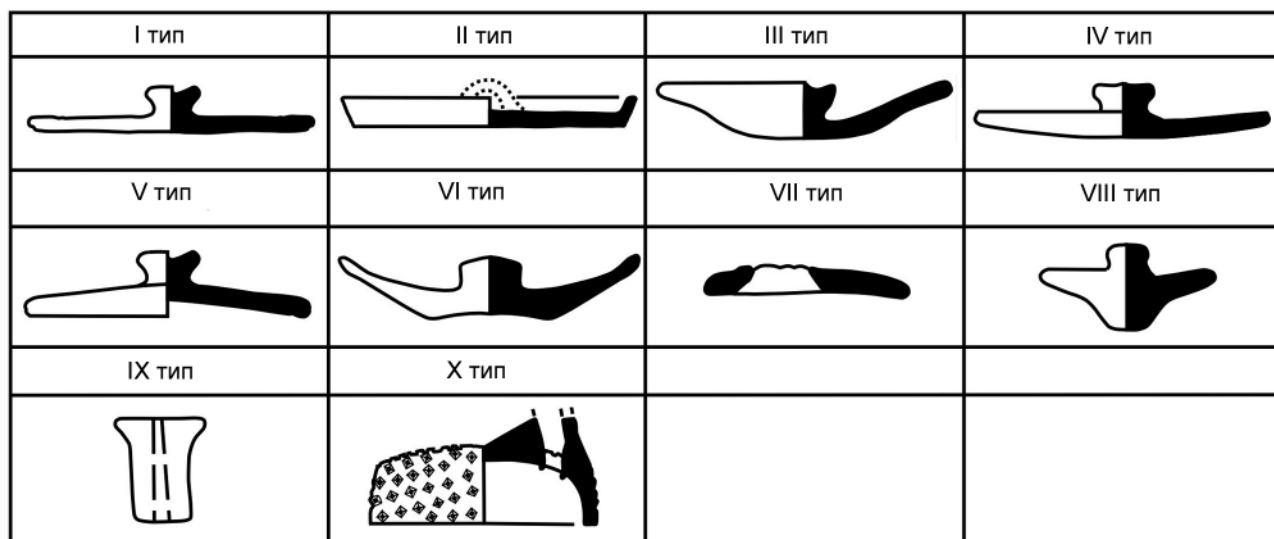

Рис. 1. Домонгольский Пенджикент и его округа. Типология керамических крышек

Fig. 1. Pre-Mongolian Panjakent and its surroundings. Typology of ceramic lids

X тип — крышка цилиндрической (почти куполовидной) формы, со сломанной ручкой с краю.

Как уже было упомянуто, рассматриваемые крышки происходят из нескольких памятников: городища Санджаршах, домонгольского Пенджикента и поселения Буронбой. Далее они будут рассматриваться по памятникам в хронологическом порядке.

Крышки из Санджаршаха

Раннесредневековое городище Санджаршах расположено в 12 км к востоку от Пенджикента. Постоянное археологическое исследование памятника ведется с 2008 г. Раскопки 2018–2019 гг. выявили частичное обживание городища после перестроек в конце VIII–IX вв. На объекте VIII, в помещениях № 2а, 8, 9 и 10 в слоях этого времени вместе с другими предметами материальной культуры (в частности, глазурованной керамикой и стеклянными изделиями) были найдены неглазурованные керамические сосуды и четыре фрагмента крышек. Они отнесены нами к I и VII типам.

I тип — два фрагмента крышек дисковидной формы (рис. 2, 4, 5). Диаметр первой 16 см; на внутренней поверхности у края имеется выемка, ручка не сохранилась (рис. 2, 4). Размеры второй крышки неопределимы; сохранилась часть ручки, вокруг которой расположены девять мелких наков (рис. 2, 5).

VII тип представлен одним фрагментом — это миниатюрная крышка дисковидной формы (диаметром 6 см) со сквозным круглым отверстием (диаметром 1,5–2,5 см), через которое проходила керамическая петля, крепившаяся к ручке кувшина.

Поверхность крышки украшена штампованным орнаментом: в его центре в слегка выступающую окружность вписаны стебли пшеницы, склоняющиеся влево (рис. 2, 2).

Подробный обзор аналогичных крышек из Афрасиаба с разнообразной штампованной орнаментацией имеется у Г. Н. Балашовой, которая датирует их IX–X вв. (Балашова, 1961).

Самых кувшинов с подобными крышками нами найдено не было, однако по образцу из Афрасиаба (Там же. Рис. 1) мы приводим реконструкцию верхней части кувшина с крышкой (рис. 2, 3). Кувшин из Афрасиаба был рассмотрен в статье А. В. Омельченко и датирован им X–XI вв. (Омельченко, 2019. С. 107). Подобная крышка, также происходящая из Афрасиаба, опубликована Л. Ф. Соколовской и датирована второй половиной IX в. (Соколовская, 2015. С. 50, рис. 36, 9; 87, 13).

Кроме того, среди санджаршахских находок имеется грибовидная ручка от лепной крышки с резным орнаментом. Вдоль края по кругу сделаны насечки, по центру прорезана восьмилепестковая розетка (рис. 2, 1). Обычно ручки крышек не орнаментировались.

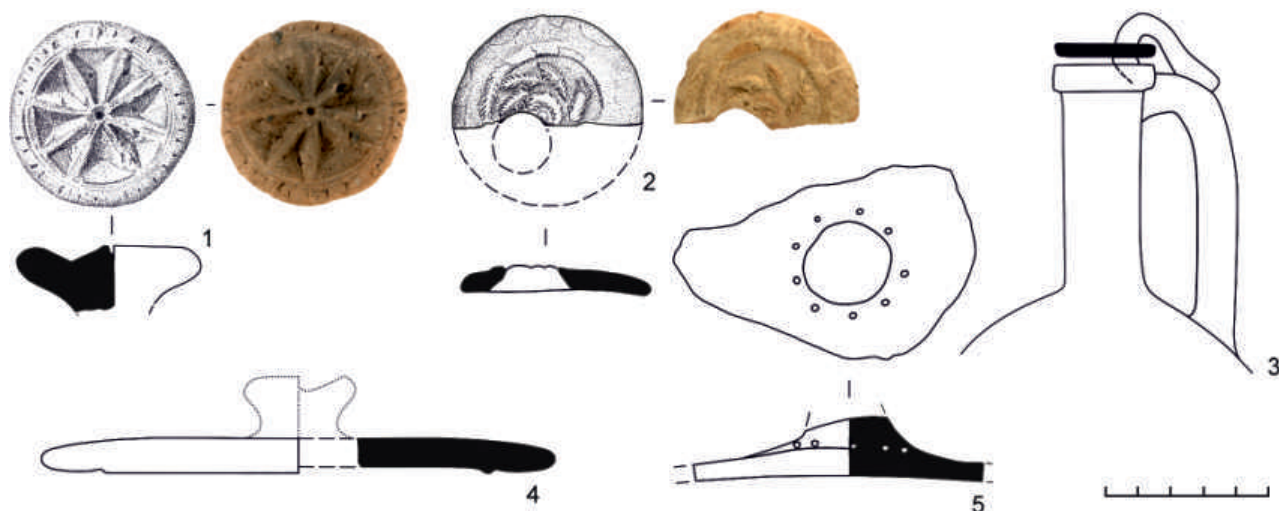

Рис. 2. Санджаршах; 1 — ручка (форма крышки не определена); 2 — крышки VII типа; 3 — реконструкция кувшина с крышкой (подобной рис. 1, II тип); 4–5 — крышки I типа

Fig. 2. Sanjar-Shah; 1 — handle (shape of the lid unidentified); 2 — lids of type VII; 3 — reconstruction of a jug with a lid (similar to that of Fig. 1, type II); 4–5 — lids of type I

Крышки из домонгольского Пенджикента

В предмонгольское время Пенджикент представлял собой поселение, возможно, являвшееся небольшим городом. Современная застройка территории препятствует точному установлению его границ и размеров. Пять сезонов наших исследований всеми доступными способами (шурфовка, небольшие раскопки, сбор подъемного материала и случайных находок, нанесение точек с культурным слоем на карту) пока не позволяют уточнить эти данные. Он располагается на восточной окраине современного города, у подножия раннесредневекового Древнего Пенджикента (Аминов, 2018). Значительная часть рассматриваемых крышек происходит именно отсюда. Кроме VII и VIII типов, все остальные типы присутствуют в пенджикентском материале. Из них три фрагмента датируются IX–X вв. Они найдены на объекте Куктош 2, в яме, под нижним слоем шурфа 2 (Аминов, 2019. Рис. 174, 13), и на объекте Куктош 3, в заполнении нижнего слоя шурфа 1 (Там же. Рис. 172, № 204, 209). Остальные крышки найдены на объектах Куктош, Куктош 2, Куктош 3 в слоях XI — начала XIII в.

I тип представлен 22 фрагментами диаметром 16,0–25,5 см (рис. 3–5). Имеется также миниатюрная крышечка диаметром 4 см (рис. 5, 2). Толщина крышек 0,8–2,0 см. Все они имели ручки, в большинстве случаев не сохранившиеся. Крышки значительно различаются оформлением края,

некоторые из них орнаментированы. Орнамент представлен следующими вариантами:

— две параллельные прорезные линии у края (рис. 3, 1);

— прорезная лента у края, внутри ленты вдавленные кружки с отходящими от них прочерченными полосками (фрагмент сероглиняной крышки; рис. 3, 11);

— прочерченная гребешком лента из шести параллельных линий у края крышки (рис. 3, 8);

— прорезная линия у края; посередине фрагмент декора из прорезных линий (рис. 3, 7);

— прорезная лента с диагональными полосками у края, образующими растительный орнамент (рис. 3, 10; 4, 1, 2, 4); орнамент представлен в том числе на одной археологически целой крышке с грибовидной ручкой с вогнутой поверхностью (рис. 4, 4); аналогичные крышки имеются среди материалов Афрасиаба (Соколовская, 2015. Рис. 55, 23–24);

— фестоны и кружки из толстых линий красным ангобом и полукруглые процарапанные линии (рис. 4, 6);

— прочерченные гребешки и кружки (рис. 4, 3);

— лепная археологически целая крышка с ручкой со сдвоенной верхушкой; поверхность крышки декорирована прорезными линиями и углубленными кружками (рис. 4, 5).

Следующие четыре фрагмента — лепные расписные крышки. Они орнаментированы кольцами

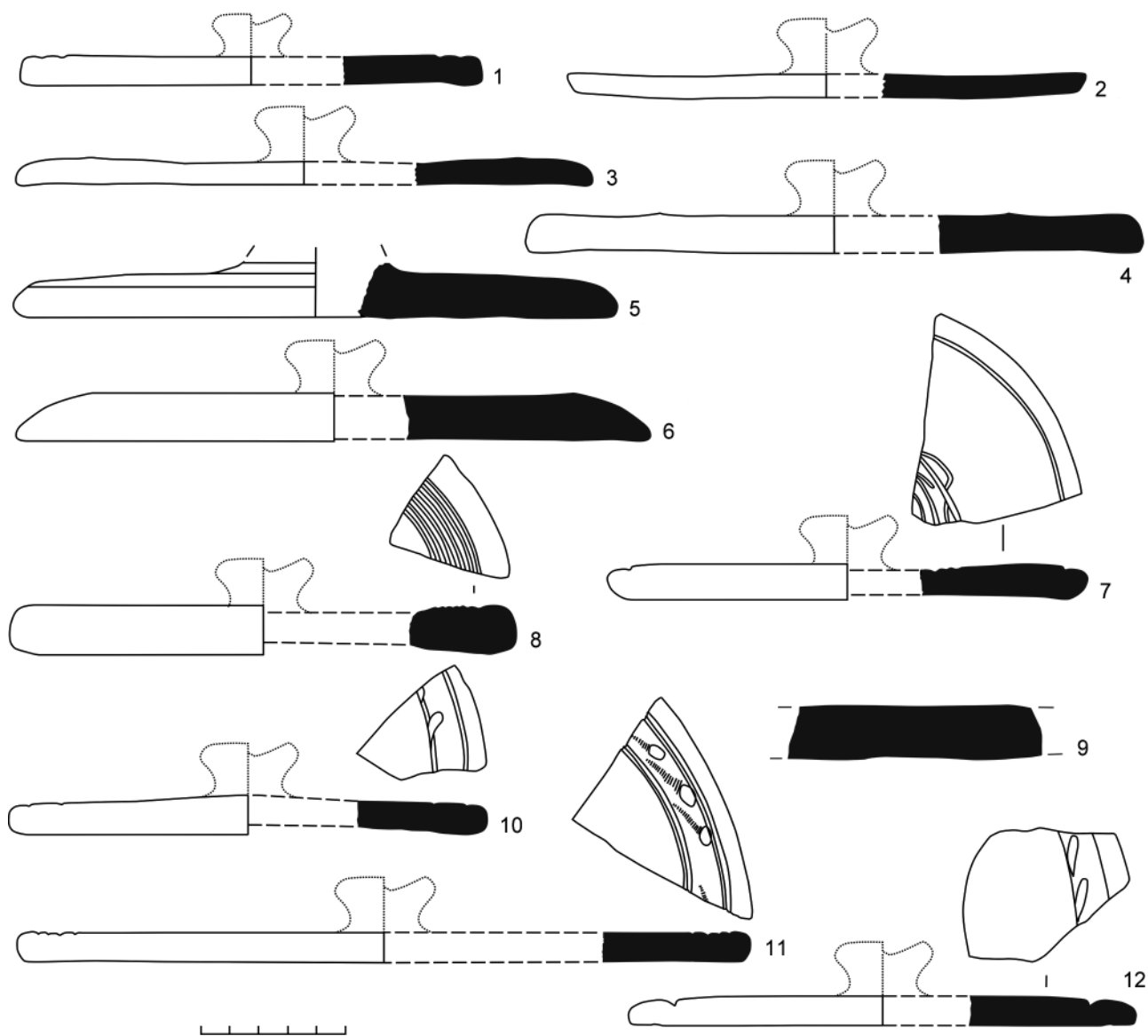

Рис. 3. Домонгольский Пенджикент. Крышки I типа (начало)

Fig. 3. Pre-Mongolian Panjakent. Lids of type I (beginning)

(рис. 5, 2), спиралями и фестонами (рис. 5, 3, 4), линиями и пятнами (рис. 5, 1).

II тип представлен шестью фрагментами диаметром 21,5–30,0 см и с толщиной стенок 0,7–1,5 см:

- с прорезными линиями на нижней поверхности (рис. 6, 1);
- гончарной неорнаментированной крышки (рис. 6, 2);
- с бортиком, рельефно оформленным пальцевыми вдавлениями (рис. 6, 3).

К этому же типу отнесены четыре фрагмента лепных расписных крышек. Поверхность

украшена заштрихованными лентами (рис. 6, 4), спиралями (рис. 6, 5) и полосами (рис. 6, 6, 7) коричневой краской.

III тип представлен девятью экземплярами крышек диаметром 17,0–20,5 см и с толщиной стенок 0,6–1,3 см.

Три из них лепные (рис. 7, 6, 9, 10), остальные — гончарные. Три крышки с выделенным закругленным краем (рис. 7, 1–3). Как было отмечено выше, они найдены в слоях IX–X вв. Аналогичные крышки известны по материалам Афрасиаба (Соколовская, 2015. Рис. 60, 16).

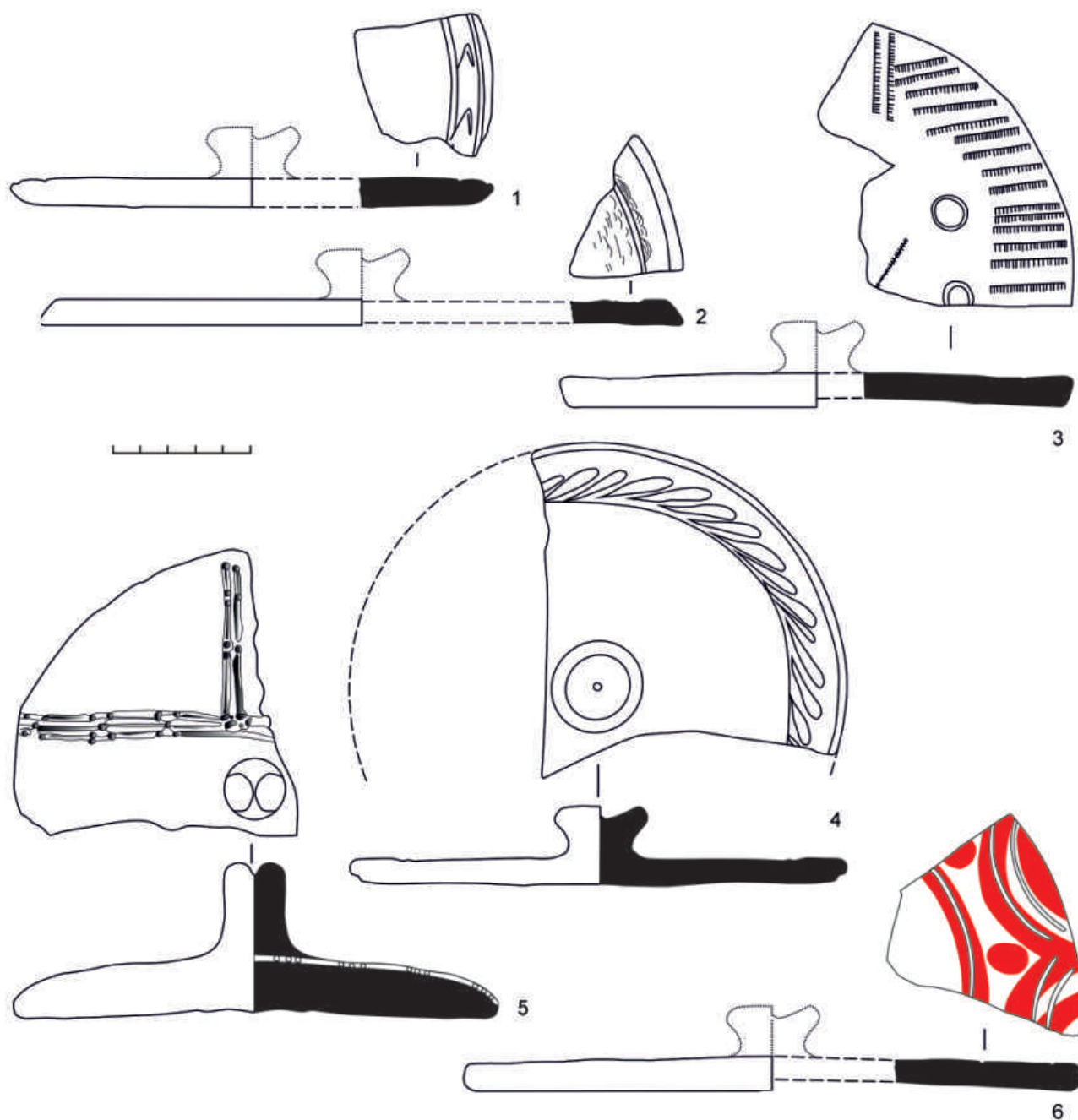

Рис. 4. Домонгольский Пенджикент. Крышки I типа (продолжение)

Fig. 4. Pre-Mongolian Panjakent. Lids of type I (extension)

Две крышки археологически целые: одна из них сероглиняная, с грибовидной ручкой (рис. 7, 5), вторая — с петлевидной ручкой (рис. 7, 6).

Еще одна археологически целая расписная крышка с цилиндрической ручкой орнаментирована прямыми и зубчатыми параллельными линиями коричневой краской (рис. 7, 9).

К этому типу относится и фрагмент лепной расписной крышки, украшенный орнаментом из

соединенных вершинами треугольников, образующих крест наподобие мальтийского (рис. 7, 10).

IV тип — семь крышек диаметром 15–22 см (рис. 8, 1–3, 5). Имеются еще два фрагмента крышек меньшего диаметра (рис. 8, 4, 6). Толщина их стенок 0,7–2,5 см. В числе пенджикентских находок этого типа:

— светлоглиняная крышка с цилиндрической ручкой (рис. 7, 8);

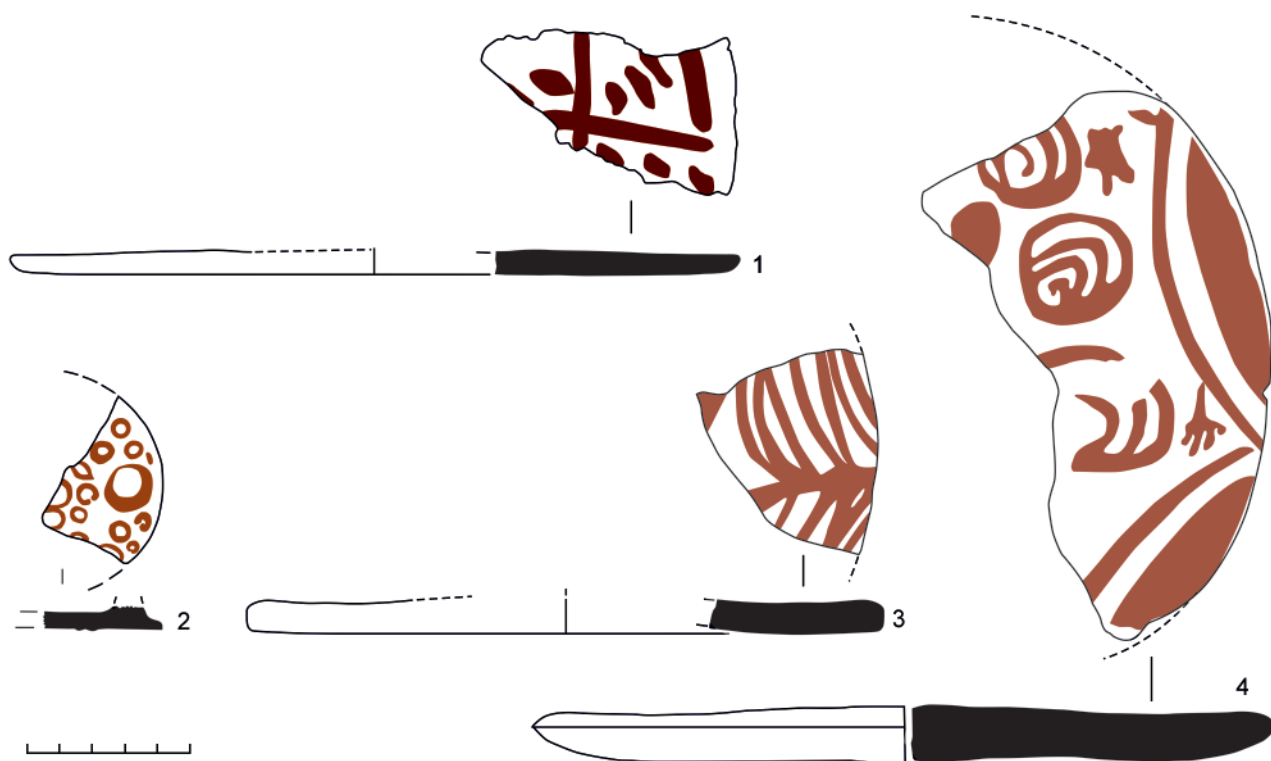

Рис. 5. Домонгольский Пенджикент. Крышки I типа (окончание)

Fig. 5. Pre-Mongolian Panjakent. Lids of type I (ending)

— целая толстостенная лепная крышка с расписным орнаментом; ручка цилиндрическая, с отогнутым краем; на поверхности ручки имеется налп в виде спирали из керамического жгунтика, поверх которого сохранились остатки расписной линии; по краю крышки темно-коричневой краской изображены фестоны из трех полос (рис. 8, 1);

— с выделенным закругленным краем (рис. 8, 2);

— фрагмент крышки с грибовидной ручкой; края залиты красным ангобом; по краю ручки полоса, вокруг нее три пятна красного ангоба (рис. 8, 3);

— археологически целая сероглиняная крышка с грибовидной ручкой (рис. 8, 5);

— фрагменты двух небольших лепных крышек с цилиндрическими ручками (рис. 8, 4, 6).

V тип представлен двумя фрагментами. Первая крышка диаметром 16 см, толщиной 0,9 см. На нижней поверхности у края имеется прорезная кольцевая линия (рис. 9, 4). Вторая — лепная, расписная. Орнамент, нанесенный темно-коричневой краской, состоит из спиралей и фрагмента крулой фигуры с крестообразно

расположенными незакрашенными линиями и овалами вокруг них (рис. 9, 5).

VI тип — два фрагмента с цилиндрическими ручками (рис. 9, 8, 9), одна из ручек — с почти конической вершиной (рис. 9, 9). Так как они не сохранились полностью, определение диаметра не представляется возможным.

IX тип представлен одним экземпляром. Это миниатюрная крышка-пробка цилиндрической формы (диаметром 2 см) с расширяющимся верхом и сквозным отверстием. Она изготовлена из светлой глины (рис. 9, 1). На ее поверхности сохранились остатки бирюзовой глазури. Очевидно, эта крышка использовалась для маленького сосуда.

X тип также представлен единственным экземпляром. Это сероглиняная крышка цилиндрической формы (диаметром 9 см), сформованная в орнаментированной форме-калыбе. Ручка полая, не сохранилась. Поверхность декорирована рельефными ромбиками, округлыми в середине (рис. 9, 2). Точных аналогий этой крышке не найдено. В материалах XII — начала XIII в. из Афрасиаба присутствуют почти схожие по форме куполовидные орнаментированные крышки с отверстием (Соколовская, 2015. Рис. 106, 7, 18, 19).

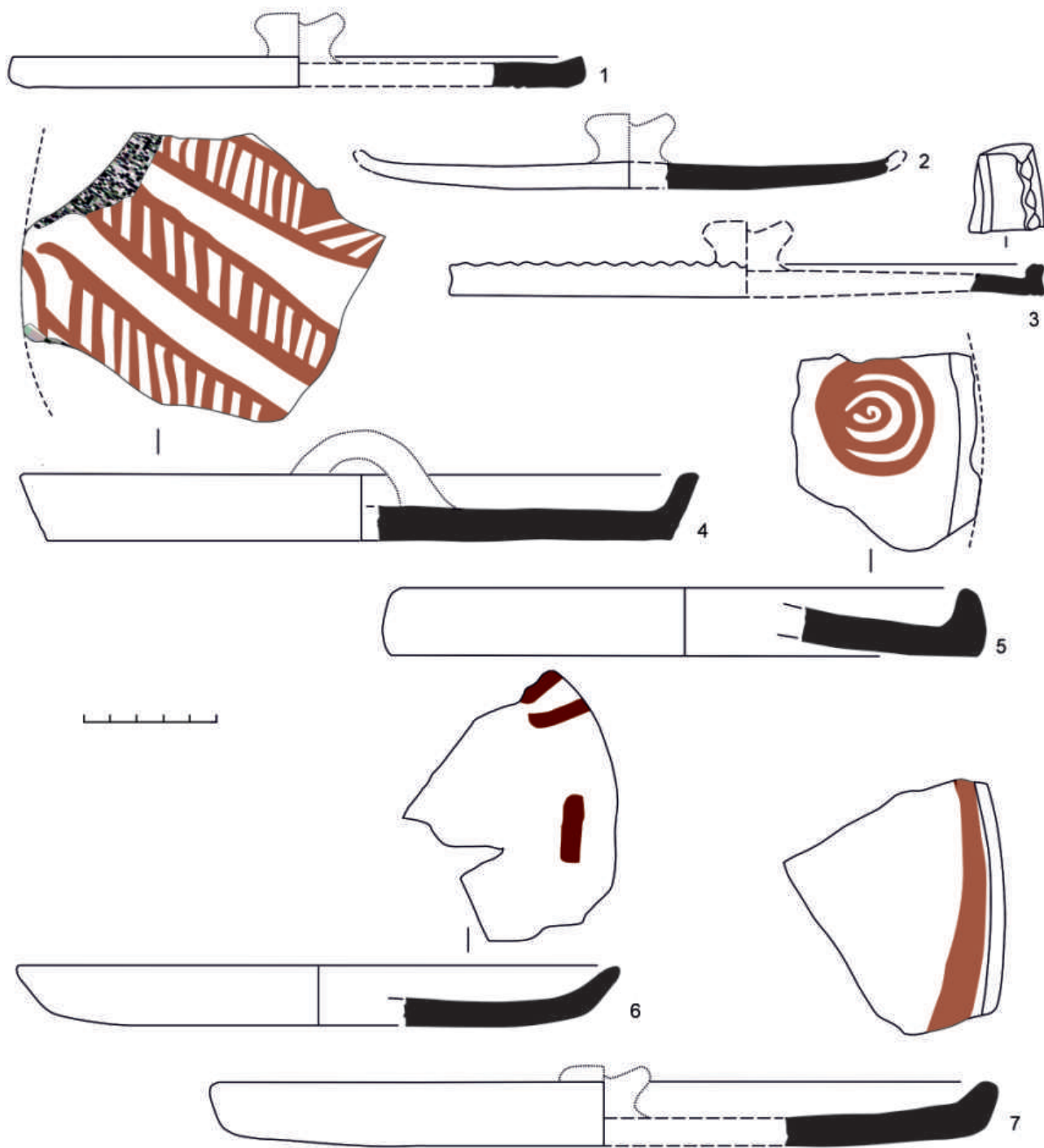

Рис. 6. Домонгольский Пенджикент. Крышки II типа

Fig. 6. Pre-Mongolian Panjakent. Lids of type II

Имеются также пять фрагментов крышек, форму которых определить невозможно. Три из них — грибовидные ручки с разным оформлением поверхности: с процарапанным кольцом (рис. 9, 4), со слегка выпуклой серединой (рис. 9, 11) и с выемкой (рис. 9, 8); один — с остатками петлевидной

ручки (рис. 9, 3); последний фрагмент — крышка с цилиндрической ручкой и выпуклым желобком на поверхности. Это единственная крышка с глазурованным орнаментом. Декор на поверхности ручки состоит из трилистника, нанесенного коричневой глазурью, и черных кружков. Обычно

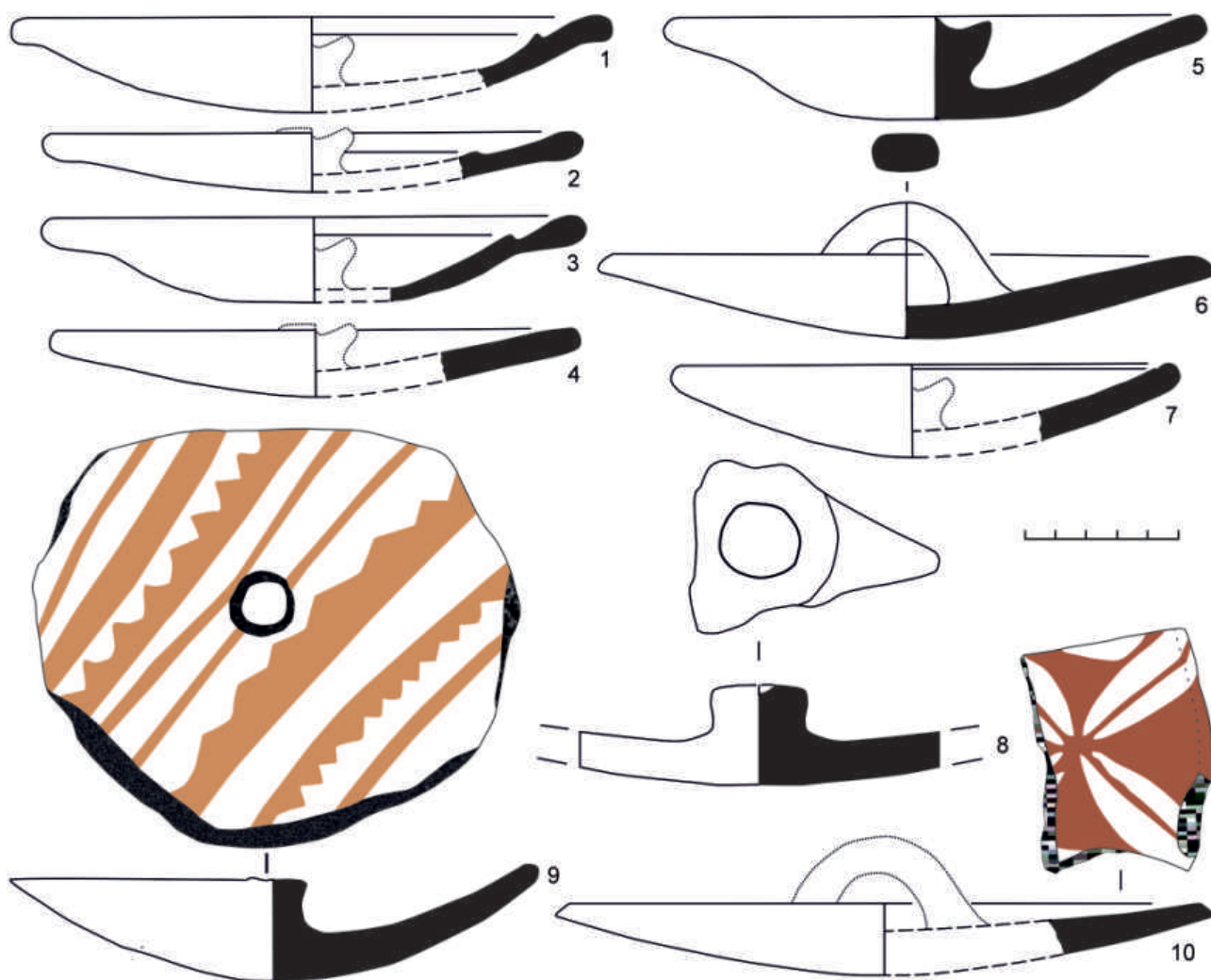

Рис. 7. Домонгольский Пенджикент. Крышки III типа
Fig. 7. Pre-Mongolian Panjakent. Lids of type III

глазуровалась или одна, или обе поверхности сосудов, но в данном случае, кроме декора, остальная поверхность не глазурована (рис. 9, 7).

Крышки из поселения Буронбой

Поселение Буронбой располагается в 3,2 км к югу от Древнего Пенджикента, на южной окраине селения Куштета (Исаков и др., 2020. С. 320–324). В 1977 г. Косатарошский отряд Пенджикентской археологической экспедиции под руководством А. И. Исакова провел исследование памятника, выявившее его многослойность. Первый период существования поселения датирован концом V — первой половиной VI в., второй — второй половиной VI — первой половиной VII в., третий — второй половиной VII — первой

четвертью VIII в., последний — концом IX — XII в. (Исаков, 1983. С. 211–214). Материал, найденный на памятнике, не опубликован, и поскольку последний период существования поселения входит в сферу наших интересов, часть материала (а именно керамические крышки) была включена в данную работу. 11 фрагментов крышек относятся к I, III, V и VIII типам.

I тип — два фрагмента диаметром 24 и 29 см и с толщиной стенки 1,1–2,2 см. Первый из них с обеих сторон слегка вогнут (рис. 10, 1), второй — со слегка утолщенным выделенным широким краем. Орнамент состоит из вдавленных кружков и прорезных полукруглых линий (фестонов) (рис. 10, 3).

III тип — шесть фрагментов (диаметром 17–21 см и с толщиной стенок 0,2–1,2 см):

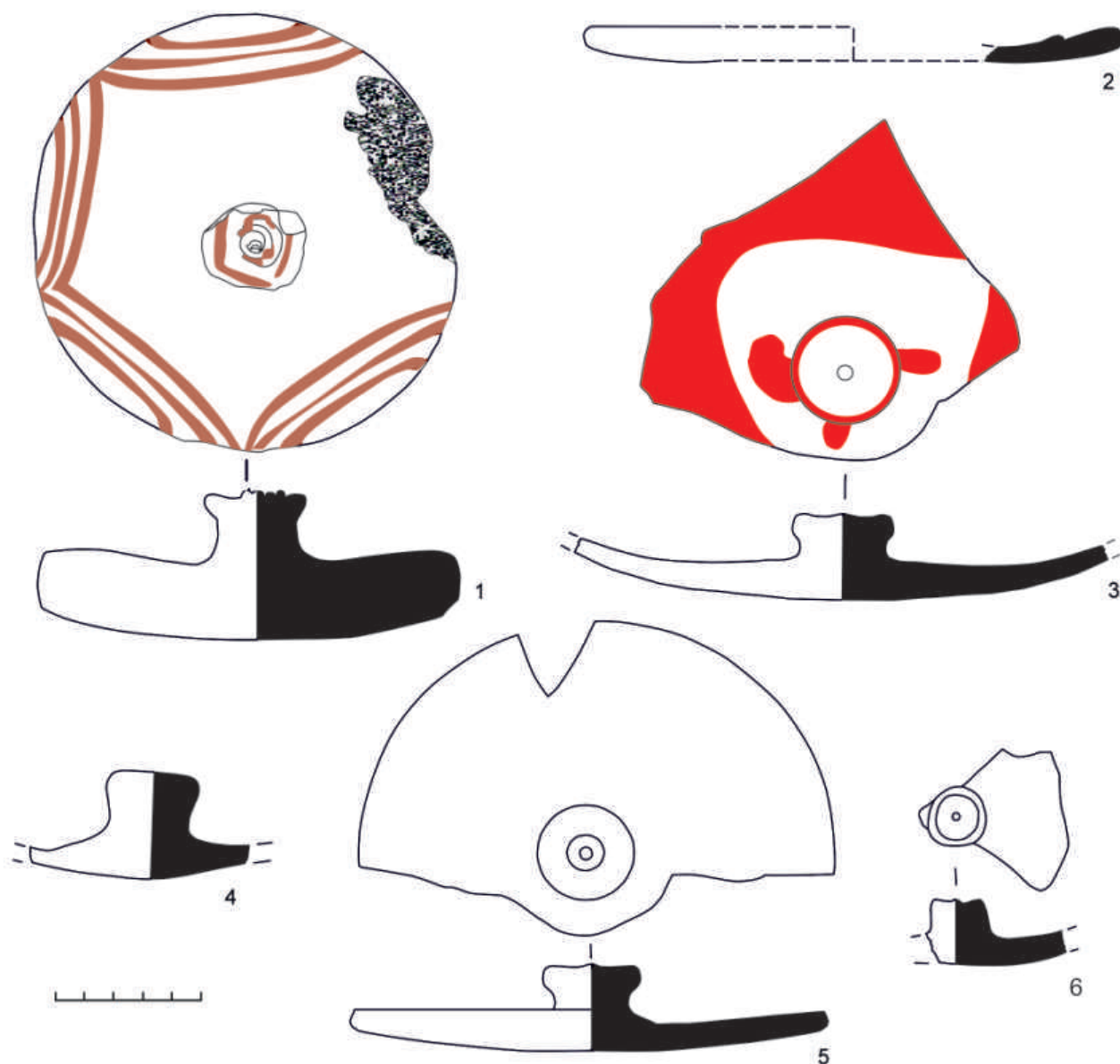

Рис. 8. Домонгольский Пенджикент. Крышки IV типа

Fig. 8. Pre-Mongolian Panjakent. Lids of type IV

— четыре фрагмента с выступом на поверхности (рис. 10, 4–6, 11), один из них декорирован процарапанными фестонами и волнистой линией (рис. 10, 11);

— тонкостенный фрагмент с грибовидной ручкой (поверхность ручки вогнута) (рис. 10, 7);

— фрагмент с грибовидной ручкой (рис. 10, 8).

V тип представлен одним фрагментом лепной расписной крышки диаметром 17,5 см, толщиной 1,1 см. Крышка украшена с помощью трех техник декорирования: рельефным декором — пальцевым вдавлением на поверхности крышки сделаны

круглые углубления; процарапанным — полукруглые линии и насечки, поверх нанесен красный ангоб; расписным — поверх ангоба белой краской нанесены толстые линии и кружки (рис. 10, 10).

VIII тип представлен одной целой миниатюрной крышкой с ручкой и усеченно-коническим стержнем. Крышка диаметром 7,5 см (рис. 10, 2) была предназначена для узкогорлых кувшинов. Аналогичные крышки, известные по материалам Афрасиаба, датируются X в. (Соколовская, 2015. С. 50; 134, рис. 36, 5–6; 87, 11–12). Кроме того, подобная крышка XII в. происходит из караван-

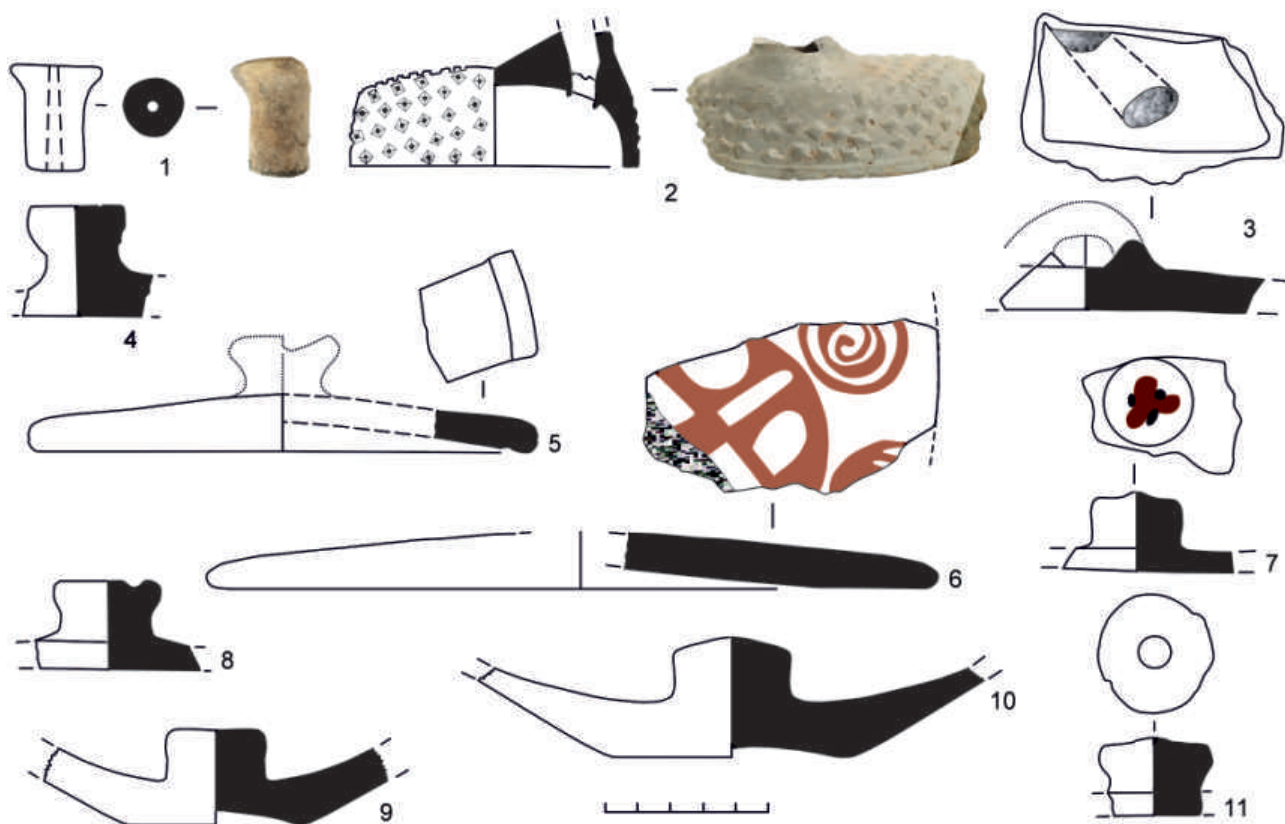

Рис. 9. Домонгольский Пенджикент. Крышки: 1 — IX типа; 2 — X типа; 5, 6 — V типа; 9, 10 — VI типа; 3, 4, 7, 8, 11 — формы не определены

Fig. 9. Pre-Mongolian Panjakent. Lids: 1 — type IX; 2 — type X; 5, 6 — type V; 9, 10 — type VI; 3, 4, 7, 8, 11 — unidentified forms

сарая в Термезе (Рахманов, Пидаев, 1990. Рис. 3, 8). Имеется также грибовидная ручка крышки с выпуклой серединой (рис. 10, 9).

Выводы

Большинство крышек, рассмотренных в статье, относится к неглазуrowанным. Исключения — крышка-пробка, которая, видимо, была полностью покрыта бирюзовой глазурью (рис. 9, 1), и фрагмент крышки с глазурованным орнаментом на поверхности ручки (рис. 9, 7). Неглазуrowанные крышки были орнаментированы разнообразными способами: штампованным, рельефным, прорезным, процарапанным, ангобным, расписным, наклепным декором, причем в одном случае декор получен путем формовки в форме-калыбе.

Диаметр рассмотренных крышек варьируется от 6 до 30 см, при этом большая часть находок представлена крышками диаметром 16–23 см, что соответствует диаметру венчиков котлов и

горшков — возможно, именно к ним и относились эти крышки (хотя, конечно, имелись и котлы большего размера). Венчики многих котлов оформлены горизонтальным рифлением — очевидно, для устойчивости крышек. Крышки малого диаметра (6–9 см) использовались для кувшинов. Крышки диаметром 24–30 см (такие размеры имеют шесть фрагментов) принадлежали широкогорлым сосудам, хумчам, жаровням, а также редко встречающимся котлам большего диаметра. Несмотря на то что находки крышек довольно многочисленны (71 экз.), они значительно уступают по распространенности остальным образцам неглазуrowанной керамики (в частности, котлам), обнаруженным при исследованиях Пенджикента и его округи. Возможно, одна и та же крышка могла использоваться для нескольких сосудов.

Хронологически самыми ранними являются крышки из Санджаршаха, происходящие из слов конца VIII — IX в. Пенджикентские крышки датируются нами IX–X вв. и XI — началом XIII в.

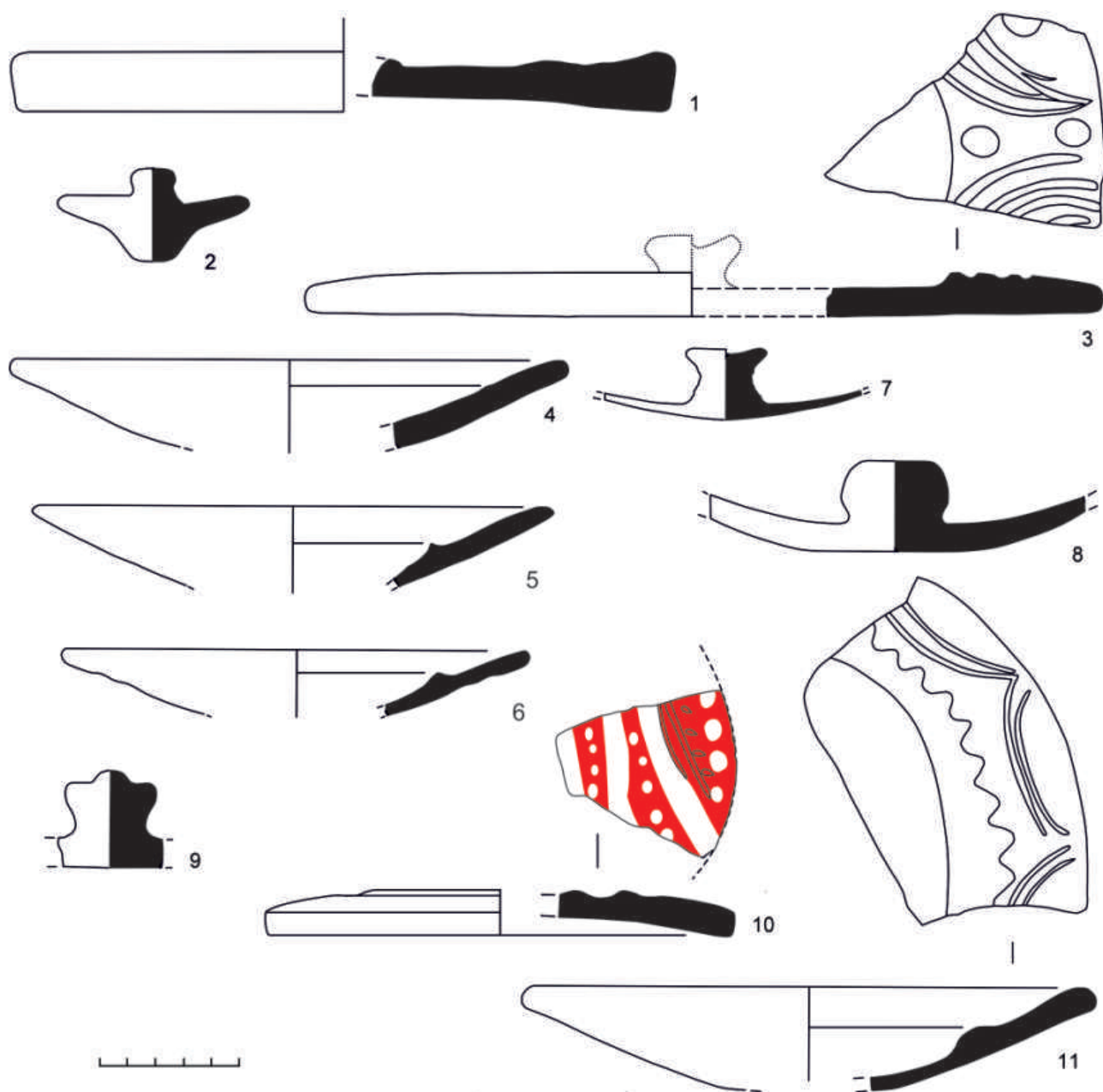

Рис. 10. Буронбой. Крышки: 1, 3 — I типа; 2 — VIII типа; 4-8, 11 — III типа; 9 — форма не определена; 10 — V типа
 Fig. 10. Buronboy. Lids: 1, 3 — type I; 2 — type VIII; 4-8, 11 — type III; 9 — unidentified form; 10 — type V

На последнем этапе наблюдается сосуществование гончарных крышек с лепными расписными, которые по форме не отличаются от гончарных. Материалы поселения Буронбой датированы А. И. Исаковым IX–XII вв. Однако, опираясь на современную периодизацию местной глазурованной керамики, в настоящее время можно утверждать, что материалов IX в. в Буронбое нет: в небольшом количестве встречается керамика X в., основная же масса материала, судя по многочис-

ленным аналогиям с керамикой домонгольского Пенджикента, относится ко второй четверти XI — XII в. Исходя из этих данных, датировку всех материалов поселения Буронбой, в частности, керамических крышек, можно сузить до X–XII вв. Среди крышек I типа нет образцов, датированных X в., но они встречаются в конце VIII — IX в. и — в большом количестве — в XI — начале XIII в. (рис. 11). Видимо, дело в недостаточном пока количестве материала для этого периода.

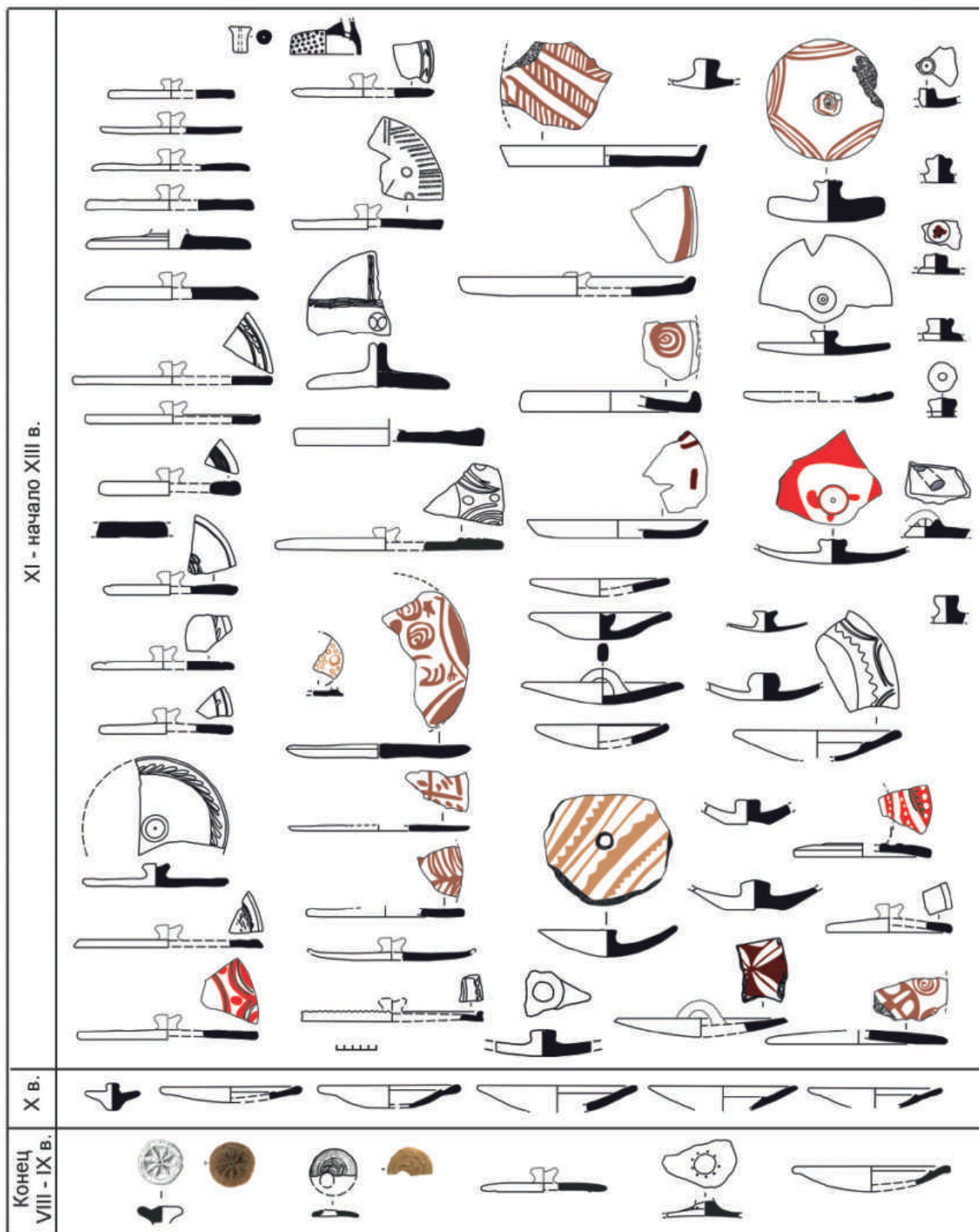

Рис. 11. Распределение крышек домонгольского Пенджикента и его окружи по хронологии
 Fig. 11. Chronological distribution of lids from pre-Mongolian Panjakent and its surroundings

- Аминов, 2018 — Аминов Ф. Ш. Локализация Пенджикента IX — начала XIII в. // Актуальная археология 4: Комплексные исследования в археологии: Материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых (Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 243–247.
- Аминов, 2019 — Аминов Ф. Ш. Археологические исследования домонгольского Пенджикента в 2018 году // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2019. Вып. XXIII. С. 46–55.
- Аминов, 2020 — Аминов Ф. Ш. Расписная керамика средневекового Пенджикента // АВ. 2020. Вып. 27. С. 153–174.
- Балашова, 1961 — Балашова Г. Н. К вопросу о непористой керамике Средней Азии IX–X веков (Крышки со штампованным орнаментом с городища Афрасиаб) // Культура и искусство народов Востока / Под общ. ред. М. Э. Матъе. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961 (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. 6). С. 202–215.
- Брусенко, 1986 — Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент: Фан, 1986. 136 с.
- Брыкина, 1974 — Брыкина Г. А. Карабулак. М.: Наука, 1974. 128 с.
- Ильясова и др., 2015 — Ильясова С. Р., Шейко К. А., Ильясов Дж. Я. Комплекс неглазурованной керамики X–XI вв. с городища Канка // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 2015. Вып. 39. С. 121–136.
- Исаков, 1983 — Исаков А. И. Работы Косатарошского отряда в 1977 году // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1983. Вып. XVII (1977 г.). С. 210–224.
- Исаков и др., 2020 — Исаков А. И., Якубов Ю. Я., Каримова Г. Р. Археологическая карта Таджикистана. Верховья долины Зеравшана. Пенджикентский район. Душанбе: Дониш, 2020. Ч. IV. 430 с.
- Мирзаахмедов и др., 2009 — Мирзаахмедов Дж. К., Абдуллаев Б. М., Грицина А. А. Археологические исследования и материалы к передатировке мечети Дехгарон в селении Хазара // Археологические исследования в Узбекистане в 2006–2007 гг. Ташкент: Фан, 2009. Вып. 6. С. 148–161.
- Омельченко, 2019 — Омельченко А. В. Керамика Мавераннахра IX–XII вв. // Культурное наследие Узбекистана. Собрание Государственного Эрмитажа. Искусство Мавераннахра VIII–XV вв. Ташкент: Zamon Press Info, 2019. Ч. II. С. 102–121.
- Пидаев, 1997 — Пидаев Ш. Р. Кухонная посуда Термеза XII — начала XIII в. // ИМКУз. 1997. Вып. 28. С. 149–161.
- Рахманов, Пидаев, 1990 — Рахманов У. В., Пидаев Ш. Р. Раскопки караван-сарая в рабаде средневекового Термеза // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1990. Вып. 23. С. 60–69.
- Соколовская, 2015 — Соколовская Л. Ф. Неглазурованная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афрасиаб VII — начала XIII в.). Самарканд: МИЦАИ, 2015 (Археология Центральной Азии: архивные материалы; Т. 1). 289 с.
- Shenkar et al., 2019 — Shenkar M., Kurbanov Sh., Pulotov A., Aminov F. Sanjar-Shah Excavations Report 2019 // Society for the Exploration of Eurasia [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_5.html (дата обращения: 27.05.2021).

Ceramic lids from pre-Mongolian Panjakent and its surroundings

F. Sh. Aminov⁵

In this paper an attempt is proposed at a maximum comprehensive systematization and classification of ceramic lids found during excavations of pre-Mongolian (8th — early 13th century) Panjakent and its surroundings (the fortified site of Sanjar-Shah and the settlement of Buronboy). The major quantity of the finds was discovered in the course of the works of the Panjakent Archaeological Expedition conducted since 2015. As reference materials, the finds from synchronous sites of this region, primarily Afrasiab, are considered.

The author has considered 71 examples of lids which, in terms of their formal features, are subdivided into 10 types. The diameter of the lids is from 6 cm to 30 cm, the majority of the lids being 16–23 cm in diameter, i.e. corresponding to the diameter of the mouths of cauldrons and pots. The lids of a smaller diameter (6–9 cm) were used for jugs. The lids with a diameter of 24–30 cm (6 fragments) were employed for wide-mouth vessels such as khumcha and braziers. Lids are markedly less distributed than other examples of unglazed pottery retrieved during the excavations of Panjakent and its surroundings. Possibly, one and the same lid can have been used for several vessels. They are diversely ornamented using many techniques (stamped, relief, carved, scratched, slipped, painted, and appliqué decoration). In correspondence with the stratigraphy of the excavated sites, the lids are datable to the late 8th — 9th, 10th and from 11th to the early 13th century.

⁵ Firuz Aminov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Dvortsovaja nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail; e-mail: firuzaminov@gmail.com.

Оссуарий с городища Дальварзинтепа

Дж. Я. Ильясов¹

Аннотация. Статья посвящена керамическому оссуарию, найденному на городище Дальварзинтепа (Южный Узбекистан) в погребальном сооружении — склепе, вырубленном в толще оплывшей городской стены кушанского периода. Оссуарный обряд не характерен для раннесредневекового Северного Тохаристана, поэтому находка является уникальной и представляет большой интерес. Автор предпринимает попытку объяснить причины появления данного артефакта на Дальварзинтепа.

Annotation. The article is devoted to a ceramic ossuary found at the urban settlement site of Dal'varzintepa (Southern Uzbekistan) in a burial structure — a crypt cut into the thickness of a swollen city wall of the Kushan period. The ossuary rite was not typical for the Early Medieval Northern Tokharistan, and so the find is unique and of great interest. The author has attempted to explain the reasons for the appearance of this artifact in Dal'varzintepa.

Ключевые слова: Северный Тохаристан, Дальварзинтепа, раннее средневековье, погребальный обряд, оссуарий, терракота.

Keywords: Northern Tokharistan, Dal'varzintepa, Early Medieval times, funeral rite, ossuary, terracotta.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-338-346

Керамический оссуарий, найденный на городище Дальварзинтепа (Сурхандарьинская область Республики Узбекистан), был кратко описан в публикации Б. А. Тургунова (Тургунов, 2007. С. 194–197). Но он, несомненно, заслуживает того, чтобы обратиться к его рассмотрению вновь.

По отношению к данной находке уместно употребить определение «уникальный», поскольку для Северной Бактрии — Тохаристана использование в погребальном обряде оссуариев не характерно. Здесь в период раннего средневековья, к которому относится рассматриваемая находка, практиковались погребения в склепах, вырубленных в склонах естественных холмов, например, Биттепа в Узунском районе Сурхандарьинской области (Ртвеладзе, 1986) или в толще оплывших крепостных стен, как на Дальварзинтепа (Болелов, 1999; Тургунов, 1999), либо в заброшенных буддийских пещерах, жилых помещениях, коридорах и башнях, как на Каратепе, Чингизтепа (Пидаев, Като, 2004. С. 151; 2006. С. 184–185;

Мустафакулов, 2006. С. 164–171) и на Кургане в Старом Термезе (Козловский, Шейко, 1989. С. 55–56), либо в специально построенных погребальных сооружениях (Ртвеладзе, 2004; Ильясов, 2011; Абдуллоев, 2015)². В некоторых некрополях

² Эти погребальные сооружения, часто называемые в научной литературе наусами, состояли, как нам впервые удалось выявить при раскопках некрополя, расположенного к северу от городища Дабилькурган в Пашхуртской котловине, из двух смежных помещений с четко разграниченными функциями. Одно из них имело прямоугольную в плане форму, перекрывалось сводом и предназначалось для последовательных трупоположений, а второе, имевшее квадратный план и перекрытое куполом, служило для поминальных обрядов. Входы в каждое из помещений осуществлялись с противоположных сторон (Ильясов, 2011. С. 123–127, рис. 2). Д. Абдуллоев, судя по его итоговой публикации шуробкурганских наусов, сделанной в 2015 г., остался, к сожалению, в полном неведении относительно раскопок дабилькурганских наусов, результаты которых были опубликованы мной неоднократно, в том числе и в российских изданиях. Жаль, так как, по моему убеждению, шуробкурганские наусы имели такую же конструкцию, и в них первоначально также существовало,

¹ Институт искусствознания АН Республики Узбекистан; Мустакиллик майдони, 2, Ташкент, 100029, Узбекистан; e-mail: jangaril@hotmail.com.

найжены подкурганые захоронения со следами кремации (Дуке, 1975). Имеются захоронения в хумах (Альбаум, 1966. С. 63), а также редкие случаи использования керамических гробов (Ртвеладзе, 1989. С. 61–62; Ильясов и др., 1997; Ильясов, 2006) и ящиков (Соловьев, 1997. С. 148, рис. 83/2). В целом, погребальные обряды раннесредневековой Бактрии–Тохаристана довольно подробно рассмотрены Э. В. Ртвеладзе и В. С. Соловьевым (Ртвеладзе, 1989; Соловьев, 1997. С. 144–153).

Как известно, остатки мощной цитадели Дальварзинтепа — одного из крупнейших городов кушанского периода в долине Сурхандарьи — в раннесредневековый период были использованы под некрополь. Это произошло после того, как жизнь на основной территории города прекратилась в результате хионитского или эфталитского завоевания. В VI–VIII вв. на территории заброшенной цитадели возникло небольшое поселение, жители которого приспособили под захоронения в склепах оплывшие городские стены, в частности, южную оконечность восточной (строго говоря, юго-восточной) стены шахристана. Склепы, собственно, были выявлены и раскопаны С. Б. Болеловым в 1981 г. при изучении крепости на данном участке (так называемый бастион и отрезок крепостной стены), получившем шифр ДТ-24 (Болелов, 1999). После значительного перерыва, в 2006 г., под руководством начальника Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (далее — УзИскЭ) Б. А. Тургунова были проведены работы по изучению склепов, также вырубленных в крепостной стене, но уже с внешней стороны, у ее подножия. Их обнаружению способствовала деятельность местных жителей, которые, расширяя

по-видимому, разделение функций двух помещений. В дальнейшем, из-за нехватки места, в помещения для молитв также стали помещать покойников, поэтому исследователи наусов Шуроб-Кургана не могли уловить это разделение, что вполне объяснимо. Что касается обряда, то подчеркнем, что в дабилькурганском некрополе четко видно, что никаких расчлененных скелетов в наусы не помещали. Здесь только сдвигали скелеты при последующих захоронениях, а еще одной причиной беспорядочного расположения костей были грабежи, следовавшие после того, как некрополь перестал функционировать, видимо, после усиления ислама в IX в., а также обрушение сводов. Видимо, и в случае с шуробкурганскими наусами мы имеем дело не с захоронением очищенных костей, а с аналогичными явлениями.

свои земельные участки, подобрались вплотную к крепостной стене. В 2006 г. были раскопаны, как пишет Б. А. Тургунов, «шесть погребений разных размеров и форм»; интересующий нас объект происходит из «погребения № 1». Этот некрополь назван могильником № 2, его полевой шифр — ДТ-32 (Тургунов, 2007. С. 194). Описание погребального сооружения № 1 и точные обстоятельства находки автором первой публикации не приводятся. Опрос руководителя работ, к сожалению, не позволил прояснить картину. В статье о монетных находках из второго могильника, написанной А. Н. Гориным «по свежим следам», говорится о том, что деление на первый и второй могильники является скорее условным, и о том, что «к настоящему моменту» на нем вскрыто три склепа, вырубленных во внешнем оплыве юго-восточной городской стены, у ее подошвы, на уровне -13 м ниже ее гребня (Горин, 2007. С. 87). Местные жители наполовину вскрыли вход в склеп № 1, в котором и был найден интересующий нас объект.

Итак, в склепе № 1 было найдено крупное керамическое изделие своеобразной формы (рис. 1; 2). Предмет имеет в плане форму вытянутого овала. Дно плоское, на четырех сплошных ножках цилиндрической формы. Устье с горизонтальной полочкой для крышки по периметру окружено 24 вертикальными треугольными выступами (шесть из них отбиты). Крышка не сохранилась. На боковых сторонах осталось по два следа от двух крупных продолговатых, располагавшихся вертикально налепов (рис. 2, 1); возможно, это были ручки для переноски оссуария, но они не сохранились. На лицевой стороне при помощи штампа семь раз оттиснуто по сырой глине изображение мужчины в доспехах (рис. 1, 1; 2, 2). В правой руке он держит копье, левая рука опирается на рукоять меча, висящего на левом боку. Оттиски выполнены с разной степенью четкости, тем не менее хорошо видно, что использовался один и тот же штамп. Высота оттисков 13 см, ширина 6 см. По отношению к зрителю оттиски на лицевой стенке оссуария расположены несколько несимметрично, со сдвигом влево. На боковых и задней стенках оттисков штампа нет, однако декор имеется. Между налепами на боковых сторонах и на половине задней стенки по сырой глине нанесены круглые оттиски. По бокам они идут в девять рядов, в рядах — по 8–9 кружков (рис. 2, 1). На задней стенке кружки занимают ее верхнюю часть и сконцентрированы на левой половине оссуария (рис. 1, 2).

Рис. 1. Осуарий из Дальварзинтепа: 1 — вид спереди; 2 — вид сзади
Fig. 1. Ossuary from Dal'varzintepa: 1 — front view; 2 — rear view

Рис. 2. Оссуарий из Дальварзинтепа: 1 — вид сбоку; 2 — оттиски на его передней стенке

Fig. 2. Ossuary from Dal'varzintepa: 1 — side view; 2 — stamps on its front wall

Внутри на дно оссуария также по сырой глине нанесены насечки. Размеры оссуария: по дну 76 × 36 см, общая высота 42–43 см, высота ножек 7,0–7,5 см, устье — 61,5×21 см.

Как уже сказано, оссуарный обряд не характерен для Бактрии–Тохаристана, хотя отдельные находки, относящиеся к нему, изредка упоминаются. В некоторых случаях, это, возможно, были не оссуарии, а фрагменты керамических гробов. Например, первый исследователь Дальварзинтепа замечательный археолог Л. И. Альбаум, сделавший много выдающихся открытий в Сурхандарьинской области, упоминает мелкие фрагменты и половину оссуария овальной формы, найденные им в округе данного памятника (Альбаум, 1966. С. 64). В то время, когда керамические гробы, позже найденные на Каратепа (в Шурчинском районе) и на Дальварзинтепа, еще не были известны, он мог принять их обломки за фрагменты оссуариев. Позже, изучая погребальные сооружения и погребальный обряд в Северном Тохаристане, Э. В. Ртвеладзе предположил, что находки Л. И. Альбаума — это, скорее, обломки

гробов, а не оссуариев (Ртвеладзе, 1989. С. 62). С другой стороны, в свете новой находки, трудно утверждать это с уверенностью — не исключено, что Л. И. Альбаум все-таки находил фрагменты оссуариев во время своих обследований Дальварзинтепа.

Кроме того, фрагмент керамического толсто-стенного сосуда, имевшего, судя по венчику, прямоугольные очертания и украшенного налепом с оттиском в виде женского лица под аркой (или шарфом над головой?) и налепом в виде головы быка, был найден в 1996 г. при совместных раскопках УзИскЭ и токийского Музея Древнего Востока (Ancient Orient Museum, Токио) на цитадели Дальварзинтепа. Публикуя его, я высказал предположение, что это фрагмент оссуария (Ильясов, 1997. С. 44, рис. 21, 4)³. В книге по искусству

³Что касается интерпретации декора данного фрагмента, то японские коллеги высказали предварительное предположение о том, что голова быка могла символизировать луну или плодородие, а женский образ, возможно, воплощает образ божества легкого бриза (Аура) или богиню ночи (Tanabe et al., 1997. P. 102, 109).

раннесредневекового Тохаристана это мнение поддержал В. С. Соловьев (Соловьев, 2007. С. 73, рис. 27). Он считает фрагментом оссуария также керамический рельеф со сценой нападения льва на всадника, найденный на городище Кафиркала в Вахшской долине (Там же. С. 73–75, рис. 28).

Итак, после публикуемой здесь находки, сделанной на Дальварзинтепа, не остается сомнений, что оссуарный обряд захоронения, пусть и изредка, применялся в долине Сурхандарьи, то есть в Северо-Западном Тохаристане. Сам по себе этот факт интересен и важен, но есть еще одно существенное обстоятельство: для украшения передней стенки оссуария был использован штамп, а точнее матрица, уже хорошо известная по находкам не менее трех, целых и фрагментированных, терракотовых плиток, сделанных при совместных раскопках УзИскЭ и Музея Древнего Востока на цитадели Дальварзинтепа в 1996–2000 гг. (Tanabe et al., 1997. P. 113; 1998a. P. 191–192, fig. 28; 1998b. P. 99, fig. 25; 2000. P. 140–141, fig. 34; 2001. P. 136–137, fig. 65, 66; Русанов, 2000. С. 5, рис. 24). На плитках изображен стоящий под стрельчатой аркой воин в доспехах и шлеме, вооруженный копьем и мечом (рис. 3, 1). Мной было высказано предположение, что это один из «Бессмертных Святых» (Амеша Спента) зороастрийского пантеона — Шахревар, иконография которого известна по монетам кушанских царей Канишки I, правившего ок. 127–150 гг., и Хувишки, правившего ок. 151–190 гг. (рис. 3, 2), а в совместной работе с Т. К. Мкртычевым мы попытались определить место этого образа в ряду терракотовых плакеток, широко распространенных в VI–VIII вв. в Тохаристане и особенно в Согде как вид изделий массового декоративно-прикладного искусства с очевидным идеологическим содержанием (Ильясов, 1999. С. 141–142; 2000. С. 156–157; Мкртычев, Ильясов, 2005. С. 499, 506–513, табл. I, 2; II, 2; V, 1; VI, 3).

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что при изготовлении дальварзинского оссуария была использована та же или такая же матрица, что и при изготовлении терракотовых плиток.

Б. А. Тургунов датирует оссуарий VII–VIII вв., при этом он опирается на косвенные признаки: находка в погребении № 2 того же некрополя нескольких монет, определенных А. Н. Гориным как принадлежащие к чаганианским выпускам середины VII — третьей четверти VIII в. (Горин, 2007. С. 87–91), а также на то, что поселение

Рис. 3. Терракотовая плакетка с цитадели Дальварзинтепа (1) и изображение Шахреvara на монете кушанского царя Хувишки (151–190 гг.) (2)

Fig. 3. Terracotta plaque from the citadel of Dal'varzintepa (1) and Shakhrevar on a gold coin of the Kushan king Huvishka (AD 151–190) (2)

на цитадели, при раскопках которого были найдены терракотовые образки, тоже датировано этим временем (Тургунов, 2007. С. 195).

Собственно говоря, на констатации важного научного факта, доказывающего, что в VII–VIII вв. оссуарный обряд хотя бы изредка применялся в Тохаристане, и можно было бы поставить точку в нашей статье. Однако есть еще один аспект, на котором хотелось бы остановиться. Поскольку археология (иначе называемая еще и историей материальной культуры) является частью исторической науки, а история — это часть комплекса гуманитарных и социальных, то есть связанных с человеком, наук, было бы, наверное, правильным хотя бы время от времени за предметами, находимыми при археологических раскопках, пытаться, по возможности, увидеть некую «человеческую историю». Мне представляется, что заново публикуемая здесь находка с Дальварзинтепа дает возможность одну такую драматическую историю представить.

Прежде всего, начнем с уже не раз отмеченного факта — оссуарный обряд в целом был абсолютно чужд населению Тохаристана. Но при этом был чрезвычайно распространен в соседнем Согде. Соответственно, в Тохаристане у гончаров не было навыка изготовления оссуариев, которые делались либо способом оттиска глиняных плиток в специальных формах, с дальнейшей

сборкой из них прямоугольных ящиков, либо лепились ленточным способом, как крупные керамические сосуды, а затем украшались с помощью резьбы, прочерченных линий, штампов, налепов и — очень редко! — росписей. Лишенный определенного изящества, свойственного керамическим костехранилищам, довольно грубо исполненный дальварзинский оссуарий — яркое свидетельство того, что его делал человек, неискушенный в изготовлении таких предметов⁴. Показателен и его крупный размер. При обычном размере согдийских и чачских оссуариев, имевших длину около 50 см, ширину и высоту (без учета крышки) около 25–30 см⁵, дальварзинский предмет с его длиной в 76 см и высотой в 43 см выглядит явным «переростком». И это является еще одним свидетельством того, что вещь делалась без четкого представления, как, собственно, выглядят оссуарии. Ведь слишком крупный размер — это не только лишний расход материала и дополнительные трудности с обжигом, но еще и лишний вес конечного изделия и связанные с этим дополнительные трудности транспортировки. Вероятно, неслучайно мы видим на рассматриваемом оссуарии следы от оторвавшихся налепов-ручек (рис. 2, 1).

Исходя из этого, можно реконструировать следующую ситуацию: смерть настигла некоего согдийца, скажем, купца, прибывшего по торговым делам в поселок/городок⁶, возникший на

⁴ Конечно, даже согдийские оссуарии, скажем, находки из Пенджикентского некрополя и домов из пригорода этого городища, также не всегда отличаются тонкостью выделки и изяществом декоративного оформления (*Ставиский и др.*, 1953. Рис. 7, 12, 15; *Большаков, Негматов*, 1958. Рис. 14). Тем не менее в них видна опытная рука ремесленника, привычная к изготовлению данного вида изделий.

⁵ Следует отметить, что некоторые согдийские оссуарии имели длину, близкую к размерам дальварзинского. Так, М. К. Пачосом опубликовано костехранилище из Самарканда длиной 70 см, правда, при вдвое меньшей высоте — 23,5 см (*Пачос*, 1973. С. 112, рис. 1). По данным В. С. Минасянца, размеры чачских оссуариев из Тойтепинского оссуарного некрополя в Ташкентской области колеблются по длине от 32 до 64,5 см, по ширине от 21,5 до 35 см и по высоте от 30 до 43,5 см (*Минасянц*, 1990. С. 76).

⁶ Возможно, через Дальварзин группа согдийских купцов направлялась с караваном своих товаров на юг, за Гиндукуш, или возвращалась обратно. Как известно,

месте бывшей цитадели процветавшего некогда огромного кушанского города⁷. Его спутники, стремясь к тому, чтобы их земляк был погребен в соответствии с оссуарным обрядом, который принят на их родине, ищут возможность, как это сделать, ибо обряд местных зороастрийцев — труположение в склепе, вырубленном в оплывших остатках городской стены,⁸ — для них неприемлем. Пока тело было выставлено на съедение птицам-падальщикам (возможно, на верхней площадке какой-то из башен заброшенного города), согдийцы обратились к местному гончару, специализировавшемуся на изготовлении крупных тарных сосудов, называемых в среднеазиатской археологии хум. Они объяснили ему, что им нужен керамический ящик примерно таких-то размеров, у которого должны быть крышка и зубцы вдоль устья, имитирующие архитектурный декор (многие согдийские оссуарии, в особенности классические костехранилища «биянайманского или иштиханского типа», имитируют архитектурное сооружение, украшенное мерлонами). Хотя бы на одной — фасадной — стенке должен быть рельефный декор с изображением зороастрийских божеств или ритуальных сцен. Судя по всему, заказ был принят. Полагаю, что именно такой, сделанный по описанию, без реального знания того, как выглядят настоящие костехранилища, оссуарий и был найден в склепе № 1 на раскопе ДТ-32. Характерно, что глина, из которой он сделан, была, видимо, недостаточно пластичной, по этой причине оттиски с фигурой Шахревара получились не очень четкими. Но сам факт, что местный гончар смог, пусть довольно безыскусно, удовлетворить и это пожелание заказчиков, очень показателен.

в верховьях Инда, в местности под названием Салпанзиэрат на реке Шатиал, выявлены многочисленные согдийские надписи и тамги, оставленные купцами, торговавшими с Индией (*Jettmar*, 1989. P. XVIII, XLVIII, XLIX; *Sims-Williams*, 1989. P. 131–137).

⁷ Город был заброшен после разгрома, учиненного либо хионитами в IV в., либо эфталитами в V в. н. э.

⁸ Сырцовый кирпич крепостной стены, в которой вырубался склеп, или кирпичная/пахсовая платформа науса, на которую укладывали покойного, полы заброшенных пещер и помещений, в которых устраивали коллективные погребения, не считались плодородной землей, которую нельзя было подвергать осквернению, поэтому зороастрийцев Бактрии/Тохаристана обряд труположения вполне устраивал.

Относительно происхождения декора можно допустить два возможных варианта. Первый вариант: согдийцы — заказчики оссуария — передали гончару, выполнявшему их заказ, терракотовую плакетку с образом одного из *Амеша Спента* зороастрийского пантеона, предположительно, Шахривара, который они возили с собой. Гончар использовал образец в качестве матрицы, с которой он изготовил калыб-матрицу, обжег ее и применил в качестве штампа для украшения оссуария. А затем стал тиражировать этот образ на Дальварзинтепа в виде плакеток, которые были найдены на цитадели. В пользу возможности этого варианта говорит тот факт, что фрагмент аналогичного терракотового образка был найден на городище Сарыктепа в Яккабагском районе Кашкадарьинской области Узбекистана, то есть в Кеше (Южный Согд) (Лунина, 1990. С. 47, рис. 4), непосредственно соседствующим с Северо-Западным Тохаристаном.

Второй вариант: как известно, процесс массового производства терракотовых плакеток и статуэток был в значительной мере облегчен благодаря технологии их изготовления, а именно, оттискивания с помощью односторонней матрицы. В связи с этим именно гончары, а не художники-коропласты, тиражировали терракоты при наличии спроса на них. Находки нескольких

аналогичных плакеток на цитадели показывают, что образ Шахривара был популярен в данной местности — Чаганиане, владении в среднем и верхнем течении Сурхандарьи (Чаган-руд). И в связи с необходимостью украсить заказанный согдийскими гостями оссуарий мастер-гончар использовал имевшуюся в его распоряжении матрицу, с помощью которой он тиражировал плакетки с образом популярного в Тохаристане и Согде зороастрийского божества. Плакетка с Шахриваром была затем увезена согдийцами на родину, где, в свою очередь, могла послужить прототипом для тиражирования образков, один из которых найден на Сарыктепа.

Какую бы версию событий не принять, наиболее важным нам представляется вывод о том, что публикуемая здесь находка позволяет без искажения фактов реконструировать некоторые события, которые, возможно, происходили много веков назад на руинах когда-то цветущего города, и увидеть за громоздким керамическим изделием человеческую историю. Ее можно назвать трагической, так как она связана со смертью человека на чужбине. А можно назвать и оптимистической, поскольку, в конечном итоге, взаимопонимание соседних народов позволило захоронить его останки в соответствии с требованиями религии и погребальных обрядов его родины.

Абдуллоев, 2015 — Абдуллоев Д. Раскопки некрополя городища Шуробкурбан на юге Узбекистана // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015). Археология, история, культура / Под ред. В. П. Никонорова и В. А. Алёкшина. СПб.: Контраст, 2015 (ЗВОРАО. Нов. сер. Т. III (XXVIII); Тр. ИИМК. Т. XLV). С. 15–26.

Альбаум, 1966 — Альбаум Л. И. Городище Дальверзинтепа // ИМКУ. 1966. Вып. 7. С. 47–65.

Болелов, 1999 — Болелов С. Б. Погребения в пещерных склепах на юге Узбекистана // Материальная культура Востока / Ред. Л. М. Носкова, Т. К. Мкртычев. М.: Компания Спутник+, 1999. С. 39–60.

Большаков, Негматов, 1958 — Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА. 1958. № 66. С. 155–192.

Горин, 2007 — Горин А. Н. Монеты из второго раннесредневекового могильника Дальверзинтепа // Трансоксиана — Мавераннахр: Сб. ст. / Отв. ред.

Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Изд-во журнала San'at, 2007. С. 87–93.

Дуке, 1975 — Дуке Х. Новый могильник тюркского времени на юге Узбекистана // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3. С. 76.

Ильясов, 1997 — Ильясов Дж. Я. Мелкая пластика // МПИ. 1997. Вып. 1. С. 43–48, 83–86.

Ильясов, 1999 — Ильясов Дж. Я. Шахривар в Чаганиане // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: Материалы Междунар. конф. в Санкт-Петербурге (23–25 ноября 1999 г.) / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 141–142.

Ильясов, 2000 — Ильясов Дж. Я. Терракота раннесредневекового Чаганиана // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной / Председатель ред. коллегии О. Н. Иневаткина. М.: Гос. музей Востока, 2000. С. 155–158.

- Ильясов*, 2006 — *Ильясов Дж. Я.* Погребения в керамических саркофагах на Дальварзинтепа // МТЭ. 2006. Вып. 6. С. 137–145.
- Ильясов*, 2011 — *Ильясов Дж. Я.* Раскопки на Северном некрополе Дабиль-Кургана // МТЭ. 2011. Вып. 8. С. 122–152.
- Ильясов и др.*, 1997 — *Ильясов Дж. Я., Русанов Д. В., Восковский А. А.* Саркофаг из Дальварзинтепа // Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития / Отв. ред. Т. Б. Гафурбеков. Ташкент: Ин-тут искусствознания, 1997. С. 37–40.
- Козловский, Шейко*, 1989 — *Козловский В. А., Шейко К. А.* Раскопки «Кургана» на городище Старого Термеза // Краеведение Сурхандарьи: Сб. ст. / Под общ. ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Узбекистан, 1989. С. 52–62.
- Лунина*, 1990 — *Лунина С. Б.* Изделия художественного ремесла Кеша // Культура Среднего Востока: Изобразительное и прикладное искусство / Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1990. С. 45–52.
- Минасянц*, 1990 — *Минасянц В. С.* Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекции, их иконография и символика // Там же. С. 71–85.
- Мкртычев, Ильясов*, 2005 — *Мкртычев Т. К., Ильясов Дж. Я.* Терракотовые плакетки из Тохаристана // Центральная Азия: источники, история, культура: Материалы Междунар. научной конф., посв. 80-летию д-ра ист. наук Е. А. Давидович и действительного члена АН Таджикистана, академика РАЕН, д-ра ист. наук Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.) / Отв. ред. Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев. М.: Восточная литература, 2005. С. 497–523.
- Мустафакулов*, 2006 — *Мустафакулов С. И.* Антропологические материалы из Чингизтепа и буддийского центра Каратепа // АИУ. 2006. Вып. 5: 2004–2005 гг. С. 164–171.
- Пачос*, 1973 — *Пачос М. К.* Находки оссуарных захоронений на Афрасиабе в 1967 году // Афрасиаб. Вып. 2 / Отв. ред. Я. Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1973. С. 110–116.
- Пидаев, Като*, 2004 — *Пидаев Ш. Р., Като К.* Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе // АИУ. 2004. Вып. 4: 2003 г. С. 147–158.
- Пидаев, Като*, 2006 — *Пидаев Ш. Р., Като К.* Археологические исследования в буддийском культовом центре Каратепа // АИУ. 2006. Вып. 5: 2004–2005 гг. С. 183–191.
- Ртвеладзе*, 1986 — *Ртвеладзе Э. В.* Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане // СА. 1986. № 4. С. 194–209.
- Ртвеладзе*, 1989 — *Ртвеладзе Э. В.* Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. В свете новых открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1989. С. 53–72.
- Ртвеладзе*, 2004 — *Ртвеладзе Э. В.* Наусы Шуроб-кургона // МТЭ. 2004. Вып. 4. С. 73–75.
- Русанов*, 2000 — *Русанов Д. В.* Итоги раскопок на объекте ДТС-4 // МПИ. 2000. Вып. 4. С. 5–7.
- Соловьев*, 1997 — *Соловьев В. С.* Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец: Елецкий гос. пед. институт, 1997. 292 с.
- Соловьев*, 2007 — *Соловьев В. С.* Искусство раннесредневекового Тохаристана. Елец: Елецкий гос. университет, 2007. 130 с.
- Ставиский и др.*, 1953 — *Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А.* Пянджикентский некрополь // МИА. 1953. № 37. С. 64–98.
- Тургунов*, 1999 — *Тургунов Б. А.* Раннесредневековый могильник на городской стене Дальварзинтепа // МПИ. 1999. Вып. 3. С. 30–42.
- Тургунов*, 2007 — *Тургунов Б. А.* Находка первого оссуария в Северной Бактрии (предварительное сообщение) // Трансоксиана — Мавераннахр: Сб. ст. / Отв. ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Изд-во журнала San'at, 2007. С. 194–197.
- Jettmar*, 1989 — *Jettmar K.* Introduction // Antiquities of Northern Pakistan. Reports and Studies. Vol. 1: Rock Inscriptions in the Indus Valley. Text / Ed. K. Jettmar, in collaboration with D. König and V. Thewalt. Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 1989. P. XI–LVII.
- Sims-Williams*, 1989 — *Sims-Williams N.* The Sogdian Inscriptions of the Upper Indus: A Preliminary Report // Ibid. P. 131–137.
- Tanabe et al.*, 1997 — *Tanabe K., Hori A. et al.* Excavation at Dalverzin Tepe, 1996 // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Tokyo, 1997. Vol. XVII (1996). P. 101–122.
- Tanabe et al.*, 1998a — *Tanabe K., Hori A. et al.* Excavations at Dalverzin Tepe, Uzbekistan, 1997 // Ibid. 1998. Vol. XVIII (1997). P. 157–212.
- Tanabe et al.*, 1998b — *Tanabe K., Hori A. et al.* Excavation at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan, 1998 // Ibid. 1998. Vol. XIX. P. 73–140.
- Tanabe et al.*, 2000 — *Tanabe K., Hori A. et al.* Excavation at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan, 1999 // Ibid. 2000. Vol. XX (1999). P. 101–162.
- Tanabe et al.*, 2001 — *Tanabe K., Yamauchi K. et al.* Excavation at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan, 2000 // Ibid. 2001. Vol. XXI (2000). P. 89–151.

An ossuary from the urban settlement site of Dal'varzintepa

J. Ya. Il'yasov⁹

In 2006, a ceramic ossuary was found at the urban settlement site of Dal'varzintepa located in the south of Uzbekistan. It was in an underground crypt cut into the thickness of a fortress wall of the Kushan-era city. By the 7th–8th centuries AD, when the burial had apparently been made, swollen walls of Dal'varzintepa were used for a necropolis by inhabitants of the early medieval settlement that had formed on the place of the earlier citadel. For Northern Tokharistan, which embraced the valley of the Surkhandarya (Chagan-rud), the use of ossuaries in funeral rites was not typical. There, during the early Middle Ages, burials were made in crypts cut into the slopes of natural hills — as, for example, at Bittepa in the Uzun district of the Surkhandarya region, or into the thickness of swollen fortress walls — as at Dal'varzintepa, or in abandoned Buddhist caves, living quarters, corridors and towers — as at Karatepa, Chingiztepa and «Kurgan» in Old Termez, or in specially built burial structures. In some necropolises there were uncovered burial mounds with traces of cremation. Known also are burials in large vessels (*khums*) and rare cases of using ceramic coffins and boxes. The ossuary from Dal'varzintepa is interesting not only because of its uniqueness for this region. It was decorated on the facade with seven identical stamps each depicting a personage encased in full armour and armed with a spear in his right hand and a sword on his left side.

It is this personage that is embodied on terracotta plaques found in the course of excavations at the early medieval settlement on the citadel of Dal'varzintepa in 1996–2000. If to summarize all the data, then the following assumption arises: the ossuary, which is absolutely not typical for the funeral rites of Tokharistan, may have been made by a local potter. He could receive both an order and description of the object in question from the Sogdians who, due to circumstances, found themselves there at the moment when their fellow countryman died. The master fulfilled the order by using all the possibilities available to him.

⁹Jangar Il'yasov — Institute of Art Studies / Fine Arts Institute AS of The Republic of Uzbekistan; Mustakillik Maydoni, 2, Tashkent, 100029, Uzbekistan; e-mail: jangaril@hotmail.com.

Оксийские кантоны Согдианы в китайских исторических источниках

П. Б. Лурье¹

Аннотация. В статье предлагаются локализация и объяснение названий двух западных кантонов Согда, известных по китайским источникам: Му, или Уди, соответствует Амулю, а Унахэ — Каркуху. Прилагается издание А. А. Бурхановым и П. Б. Лурье фрагмента согдийской надписи из Кёшк Зохра-Тахира на Амударье.

Annotation. The article proposes localization and explanation of two western cantons of Sogd according to the Chinese sources. Mu or Wudi corresponds to Amul and Unahé to Karköh. It is appended by the edition of fragmented Sogdian inscription from Köshk Zohra-Tahir on the Amu-Darya river.

Ключевые слова: согдийский язык, бактрийский язык, парфянский язык, китайские источники о Средней Азии, топонимика, историческая география, Керки, Амуль, средняя Амударья.

Keywords: Sogdian language, Bactrian language, Parthian language, Chinese sources on Central Asia, toponymy, historical geography, Kerki, Amul, middle Amu-Darya.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-347-355

В «Суйшу»², китайском историческом труде, составленном в 636 г. и посвященном событиям времен династии Суй (581–618 гг.), кантоны Чжаоу (то есть Согдианы)³ перечисляются в следующем виде: Кан (康)... Ми (米); Ши (史); Цао (曹); Хэ (何); Ань (安); Малая Ань (小安); Насэбо (那色波); Онахэ (烏那曷) и Му (穆) принадлежат ей (том 83,

столбец 1848)⁴. Этот же перечень воспроизведен и в позднейших китайских сочинениях без существенных вариаций (список в работе: Yoshida, 2003. P. 39).

Достоверно определено, что Кан — это Самарканд, столица Чжаоу, Ми — Маймург, к югу и юго-востоку от Самарканда, Ши — Кеш, нынешний Шахрисабз, далее к югу, Цао на севере соответствует Иштихану на правом берегу Зеравшана и Уструшане к северу от Туркестанского хребта, Хэ — район Карманы и Навои в среднем течении Зеравшана, Ань — Бухара, Малая Ань — верхняя часть ее оазиса, наконец, Насэбо — Нахшаб, или Насаф, на нижней Кашкадарье около Карши (рис. 1).

Предлагаемая заметка посвящена двум последним топонимам из этого перечня — Онахэ /

¹ Сектор Средней Азии, Кавказа и Крыма, Отдел Востока, Государственный Эрмитаж; Дворцовая набережная, д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: pavlsvlrvia@gmail.com.

² Я благодарен Ёсиде Ютаке и А. И. Наймарку за их доброжелательные замечания к более ранней версии этой статьи. Должен отметить, что не во всем готов согласиться с их точками зрения и, разумеется, принимаю на себя всю ответственность за содержание заметки.

³ Термин «кантон» для полунезависимых государственных образований Согда (который в предисламское время можно считать конфедерацией), разделенных горными хребтами, реками и пустынными землями, уже применялся исследователями (Kramers, Wiet, 1964). Разделение Согдианы на «кантоны» можно сравнить с «семью гнездами» Согда в сасанидской географии (Kiya, 1975; Lurje, 2017).

⁴ См. наиболее свежий английский перевод (Yoshida, 2003. P. 36, там же о значении чжаоу), русский перевод (Бичурин, 1950. С. 271), а также пересказ (Малаявкин, 1989. С. 256). Китайские топонимы подаются в транскрипции Палладия, сопровождаемой оригинальной записью при первом упоминании и раннесреднекитайским реконструируемым произношением (по Pulleyblank, 1991), когда это необходимо.

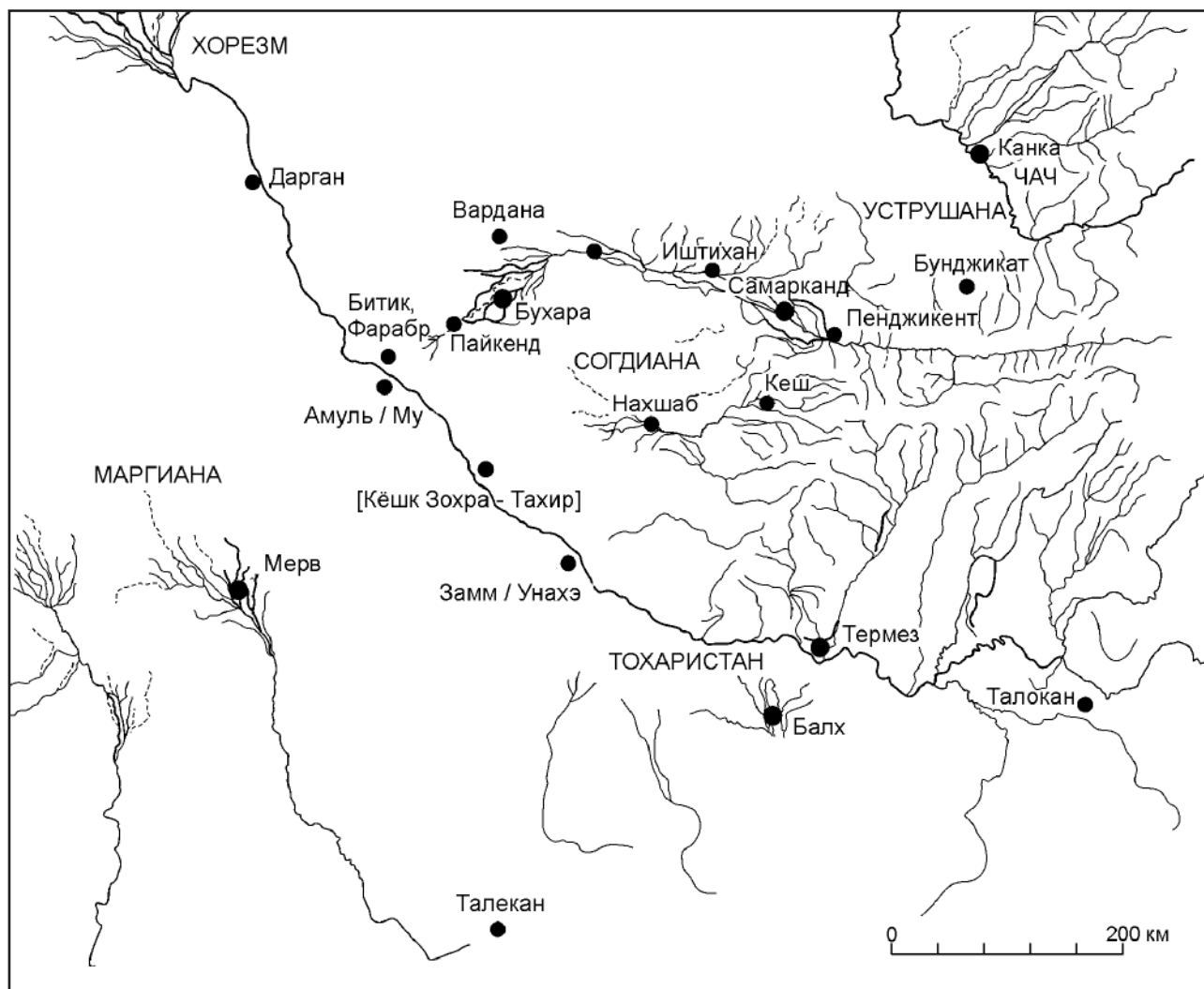

Рис. 1. Кантоны Согдианы и иные топонимы, приведенные в настоящей статье (выполнен А. Г. Акуловым, адаптирован П. Б. Лурье)

Fig. 1. Cantons of Sogdiana and other toponyms mentioned in the present article (executed by A. G. Akulov, adapted by P. B. Lurje)

Унахэ и Му. Отметим сразу, что описание движется (с небольшими отклонениями) с востока на запад — таким образом, эти кантоны должны располагаться к западу от Бухары и Насафа.

Про Унахэ сказано, что его столица лежит к западу от реки Уху (烏澗Окс / Амударья), от Унахэ до государства Ань (Бухара) 400 ли на северо-восток, 200 ли на северо-запад до государства Му, 7500 ли на восток до Гуачжоу (современная провинция Ганьсу). Э. Шаванн предполагал (*Chavannes*, 1903. P. 278), что это имя также представлено в графическом искажении Улахэ (烏拉喝), о котором пойдет речь далее.

Резиденция Му также расположена на западном берегу Уху / Амударьи, в 500 ли к северо-востоку от нее находится Ань, в 200 ли к востоку — Унахэ, в 4000 ли к западу — Босы (Персия) и в 7700 ли к востоку — Гуачжоу (ср. *Abel-Rémusat*, 1829. P. 233–234; *Бичурин*, 1950. С. 275–276; *Малаявкин*, 1989. С. 301–302; *Huber*, 2020a. P. 37–38).

Имеются две точки зрения на расположение Му (穆, раннесреднекитайское *miwk*⁵). Ряд исследователей (*Abel-Rémusat*, 1829. P. 234; *Tomaschek*,

⁵ Так у Э. Дж. Пуллиблэнка (*Pulleyblank*, 1991. P. 220); ср. **m̥iök* / **m̥iuk* (*Karlgren*, 1957, No. 1035a) и *m̥iuk* (*Starostin*, s. v....).

1877. S. 175; *Малявкин*, 1989. С. 301) полагают, что это Мерв, другие считают, что это Амуть (Āmul) у переправы через Окс, он же Чарджоу (Čārjōy), современный Туркменабад (*Marquart*, 1901. S. 310–311; *Chavannes*, 1903. P. 347; *Shiratori*, 1928; *Камалиддинов*, 1996. С. 76. *Huber*, 2020a. P. 37). Приведенные в тексте расстояния, как и расположение столицы на Оксе, указывают на вторую возможность.

Я следую за объяснением Сиратори Куракити, что Му здесь — сокращение двусложного имени, которое сохранилось в китайских текстах близкого времени (*Shiratori*, 1928. P. 121–123). Действительно, имеется топоним Уди (戊地) в «Синь Таншу» и Фади (伐地) у Сюаньцзана, он указывает на кантон к западу от Ань (Бухары) и также именуется *Западная Ань*. Обычно его читают как Фади (раннесреднекитайское *buat d'i*) и сравнивают с Битиком (*Bitik*) к северо-западу от Бухары, который упомянут в «Истории Бухары» Наршахи и существует поныне. В. Томашек, проанализировав расположение Уди / Фади, пришел к выводу, что это средневековый *Firabr*, современный Фарап на правом берегу Амударьи, напротив Чарджоу, также недалеко от Битика (*Tomaschek*, 1877. S. 173). А. И. Наймарк заключил, что Фади (отлично от Уди) должен соответствовать Вардане (*Wardāna*) к северу от Бухары, учитывая его расположение по дороге в Хорезм (*Naumark*, 2001. P. 205–210). Эту точку зрения поддержал М. Компаратети на основе сходства топонима Фади и согдийского */*Wardānel/* (*Comparetti*, 2002; *Compareti*, 2004), а теперь и М. Хубер (*Huber*, 2020b. P. 412).

Ёсида Ютака следует за Сиратори и сравнивает топоним с *Моучжи* (牟知, раннесреднекитайское *mǐxi-tiē*) к юго-западу от Бухары. К нему очень близко раннесреднекитайское произношение Уди — *mǐxi-tiē*. Таким образом, Фади — ошибочная запись иероглифа у Сюаньцзана (伐 вместо 戊). Сиратори уравнивает *Mou-ti* (в его романизации) с *Amrda*, реконструируемым древнеиранским этимологом для *Āmul*. Ёсида сравнивает *Mǐxi-tiē* с *mwtyuk* в согдийском «списке народов», которое В. Б. Хеннинг некогда читал как *(s)wt'yuk* и считал вариантом самоназвания «Согдиана» (в иных текстах *sywd-* и сходные формы), однако внимательная автопсия фрагмента указывает на начальное *m* (*Yoshida*, 2003. P. 37, п. 4).

Хорошо известно (напр. *Bosworth*, 1989; *Камалиддинов*, 1996. С. 75 сл.), что средневековый Амуть (*Āmul*) в арабо-персидских источниках часто присутствует в вариативном написании

Амуя, Аму (*Āmūya*, *Āmū*)⁶, и мне не встречалось объяснения этой вариативности⁷. Это расхождение в написании, впрочем, легко истолковать, имея в виду расположение Амуля между разными историко-культурными зонами иранского мира. Древнеиранское поствокальное **d* закономерно дает *l* в бактрийском и *u* в среднеперсидском. Таким образом, древнеиранский топоним типа **āmūd-*⁸ соответствовал бы обоим формам,

⁶ Переправа Амуя в конечном счете, видимо, дала название реке Амударья: *Āmū(-daryā)*.

⁷ Самое раннее указание на топоним, аббревиатура *'mw* на бронзовых монетах Пероза (*Schindel*, 2004. S. 149), не может помочь ввиду утраты финали (город в Табаристане записывается *'mwl* на сасанидских печатях, хотя Э. Шавареби предлагает в печати с легендой *'mwl štlpy / 'mw* понимать Амуть на Амударье: *Shavarebi*, 2019).

⁸ Долгое *ū* в персидском могло быть поздним развитием (*Korn*, 2009). В таком случае, впрочем, сложнее принять происхождение топонима от этнонима *Āmardoi*, который со времен Томашека используют для этимологизации Амуля. В отличие от многочисленных указаний на народ (*Ā*)*mardoi* в южном Прикаспии (от которых сохранился топоним *Āmul* в иранском Мазендаране), сведения об амардах на Оксе ограничены взаимосвязанными пассажирами Плиния Старшего (*Plin. NH. VI. 47*) и Помпония Мелы (*Mela. III. 39, 42*). Многие исследователи относятся к нему скептически (*Andreas*, 1894; но ср. *Пьянков*, 1997. С. 278). Можно допустить, что в неизвестном нам иранском языке оксийских амардов гласный *ɾ* был заменен на *U*-образный звук после губного *m*, так что **āmɾda-* превратилось в **āmuda-* (как хотаносакское *muḍā-* < **mrta-*). Можно также предположить, что в источнике Плиния неизвестный этноним **AMAYDOI* был заменен на *AMARDOI*, быть может, под влиянием чуть более известного автору племени в Прикаспии.

Также эта этимология ставит под вопрос объяснение согдийского *mwtyuk*: в согдийской записи */δ/* осталось бы записанным как <δ>, а начальное */ā/* пишется как <”>, которые не теряются. Теоретически возможно предположить, что согдийский текст тут передает раннесреднекитайскую форму *mǐxi-tiē* (как в случае **n* = китайское Ань «бухарец» или *x'n* = китайское Кан «самаркандец»), но выглядит это сомнительно. Отметим, что в согдийском «списке народов» (*nāfnāme*) нет ясной географической последовательности, и ничто не указывает, что *mwtyuk* были расположены рядом с Бухарой. Ср., может быть, область *Amḍo*, *Mḍosmād* — Цинхай (*Madū*, *Mad* в арабских источниках, см. *Minorsky*, 1937. P. 259), северо-восточный Тибет, где проходили караванные дороги (подробнее об этой возможности *Lurje*, forthcoming).

бактрийской и среднеперсидской, а согдийское произношение его мы вправе восстанавливать как **Āmīd*. Учитывая распространенное в китайской транскрипции выпадение начального слога в иноязычных словах (напр. *Хубидо* 忽必多 < *Ахубидо* 阿忽必多, согдийское **xwrpt*: Stark, 2009. P. 45, n. 146), я полагаю, что *məu-d'i* или *mjəu-fiə* являются достаточно ясной передачей согдийского топонима **āmīd*. *Му* /*Muwk*/ отстоит дальше, но тоже может быть транслитерацией (*Ā*)*mīu* (ср. Shiratori, 1928. P. 122).

Более поздняя (вторая половина VIII в.) китайская запись названия города *Амэй* 亞梅 в сочинении «Тундянь» указывает уже на персидскую форму (*de la Vaissière* ... P. 3).

Сложнее предлагаемое объяснение топонима Унахэ. Известные мне попытки его этимологизировать едва ли могут быть приняты. В. Томашек предполагал иранский этимон *Gunawāt* или *Annawa*, *Annau*, *Ἀναυή* около Герата по Исидору Харакскому (Isid. Char. Mans. Parth. 16; Tomaschek, 1877. S. 176). Й. Маркварт сравнивал его с *Nādkar*, как он восстанавливал *B'dkr / Yādhrkr* (بادکر, یادکر) в истории ат-Табари (II, 1584), крепость в Замме (Marquart, 1901. P. 310–311), однако все позднейшие тексты показывают начальное В: *Bātkaṛ*⁹ (Камалиддинов, 1996. С. 92). Китайский ученый Чэнь Чжунмянь (по Малявкин, 1989. С. 92) сравнивал его с неким *Urnaq* — топонимом, совершенно мне неизвестным. Добавим определение *Wupa'e* (в такой транскрипции!) как Балха у М. Хубера — впрочем, под знаком вопроса (Huber, 2020a. P. 37–38).

Что же до локализации, то большинство ученых единодушно помещают *Унахэ* по среднему течению Амударьи, к северо-западу от Тохаристана, к западу от Согдианы, к юго-востоку от Хорезма, к востоку от Маргианы¹⁰ (Tomaschek, 1877. Map. 2; Marquart, 1901. S. 310–311; Chavannes, 1903. Carte) — это регион вокруг современного Керки (недавно Атамурат), средневековый Замм (*Zamm*). Заметим, что *Улахэ*, который объясняется как искажение *Унахэ*, вероятно, расположен там же. Основанная там китайская префектура *Лью-ао* (旅獒) упомянута между *Дамо*, то есть Термезом, и *Долэцзянь*, то есть Талеканом (Chavannes, 1903.

P. 71, n. 12; Малявкин, 1989. С. 98). Надо вспомнить, что Талекан — средневековое название двух городов: это существующий поныне в Афганистане центр провинции Тахар Талокан (средневековый *Tālaqān / Tāyiqān*, опять бактрийская и среднеперсидская формы!) к востоку от Балха и *Tālaqān* к западу, в Гузганане, в верховьях Мургаба. От него шла дорога к Замму (ср. Stark, 2018), так что локализация *Улахэ* между Термезом и Талеканом достаточно точна.

Раннесреднекитайское произношение *Онахэ* (烏那曷) — **ʔə-na'yat*. Нужно отметить, что среднекитайское конечное /t/ часто передает иноязычное /r/, так что прототип можно восстанавливать как среднеиранское **wana-yar*¹¹ с конечным *yar*, древнеиранское **gari-* «гора», что весьма характерно для топонимии (Лурье, 2004. С. 118–123). Первую часть можно понимать и как согдийское *wn'* «дерево», и как глагол *wan-* «делать».

Топоним «Делай-гора» с семантической точки зрения неприемлем. Однако важно современное название города, *Керки*, которое появляется с X в. (*Muqaddasi*, 1906. S. 292, 347; ср. Бартольд, 1963. С. 131, Камалиддинов, 1996. С. 91) в форме *Karkōh* как название переправы и станции около Замма. В западноиранских языках этот топоним, на первый взгляд, значит буквально «делай-гора»¹², и я

¹¹ Как мне любезно сообщил Ёсида Ютака, знак **ʔə* чаще передает гласный, чем полугласный /w/ с гласным, как в случае нашего **wana-yar*. Впрочем, среднекитайское произношение иероглифа было *ʔuə*. Есть несколько случаев, когда в прототипе можно искать полугласный, ср. *Уху* (烏滸 Окс), древнеиранское **Waxšu-*, однако в согдийском и бактрийском его произношение было ближе у **Ux(u)ši*. Имя *Усидо* (烏悉多) можно сравнивать с согдийским *wyšd't* (Lurje, 2010. No. 1385 с литературой), но сходство не полное, согдийское имя *wcβ* (которое я сравнивал с записью *Уши* 烏濕) весьма темное (*Ibid.* No. 1351); было бы заманчиво отождествлять *Улидо* (烏利多), посланца Тохаристана в 759 г., с арабским *Walid*, однако то же имя использовано для царя в северной Индии во время Сюаньцзана (Chavannes, 1903. P. 350; Soothill, Hodous, 1937. P. 329). Другая возможность — предположить, что согдийское *wn-* «делать» в каких-то диалектах переходило в **'wn*. Параллелью является согд. *wntn / 'wntn* «столько», *wny / 'wny* «этот».

¹² Основа настоящего времени *kar* характерна для парфянского, а не для (средне-)персидского, где, однако, она используется как суффикс в многочисленных словах.

Разумеется, старое название Керки — Замм, более раннее *Zamb*, оно отмечено в манихейском

⁹ Ср. в первую очередь согдийское *w'tur*, персидское *bādyar* «башня».

¹⁰ В работе Shiratori, 1928. P. 123, автор не дает локализации. О мнении М. Хубера см. ранее.

полагаю возможным, что китайская запись сохранила согдийскую передачу этого топонима.

Как такое могло случиться? Разумеется, «делай-гора» столь же семантически нелепа в западноиранских языках, сколь и в восточноиранских. Возможно, первоначальное название содержало некий омоним (например, «гора большой рыбы / сома», с авестийской рыбой *kara*-?), смысл которого был размыт к началу VII в. Согдиец, который помогал китайскому чиновнику в описании географии Западного края, знал в какой-то степени западноиранские и поморфемно скалькировал топоним *Kar-kōh*, как «делай-гора». Переводы топонимов — весьма распространенная практика, но и ошибочные переводы тоже встречаются¹³.

парфянском, армянском, арабском, персидском. Значение его «берег», буквально «губа», «челюсть» (ср. современный этрап *Лебан* в Туркменистане на этой территории, буквально «губа воды» по-персидски). Кстати, индоевропейский этимон **gēmbʰo-* «зуб» (и далее «челюсть», «губа», «берег», ср. *Morgenstierne*, 1974. P. 107–108; *Mumm*, 1999 про индоевропейскую основу) в персидском регулярно дает *dam*. Он омонимичен персидскому *dam* «дыхание», но в некоторых выражениях сохраняет начальное значение (ср. *Eilers*, 1988. S. 355). Так, выражение *dam-i dar* значит «у входа в дом», буквально «край двери» *subhdam* «рассвет», буквально «край утра», еще характернее *dambārik* «круглогубцы», буквально «узкая губа».

¹³ Так, название североиберийского королевства (теперь испанской провинции) *León* происходит не от львов, а от латинского *legio*. Несмотря на это, по-каталански провинция именуется *Lleó* («лев») и гордо несет на гербе изображение льва. *Regensburg* восходит к *Castra Regina*, и название его не имеет отношения к дождям — однако в средневековых хрониках он иногда именуется *Ymbriopolis* «город дождей». *Чернобыль* часто объясняют как «Черная быль», хотя топоним восходит к украинскому *чорнобыльник* («попынь») и появился задолго до катастрофы (ср. *Urnes*, 2003. S. 429–430, 450, 528).

Если предложенная идентификация топонимов корректна, из этого следует, что в определенный период район вокруг Амуля / Чарджоу / Туркменабада и Замма / Керки считался кантонами согдийской конфедерации. Действительно, есть много корреляций этого региона с Согдианой, особенно Бухарой и Нахшабом. Керамика раннеисламского времени ближе всего бухарской (*Бурханов*, 2008. С. 30), культура V–VII вв. указывает на связи с Согдом (в первую очередь Бухарским) и кочевническим миром (*Бурханов*, 1993. С. 154 и сл.; 2009. С. 41 и сл.). В Амуле найдено несколько медных монет, напоминающих бухар-худатские и так называемого пайкендского типа VII–VIII вв. (*Бурханов*, 2007; ср. *Naymark*, 1998/1999). Не менее показательное обнаружение обрывка согдийской надписи (о ней подробнее см. Приложение).

Замм и Амуль, расположенные у переправ через Амударью и обладавшие ограниченными ирригационными ресурсами, оказываются между крупных исторических областей: Парфии и Маргианы с запада, Хорезма с севера, Бактрии с юго-востока и Согда с востока. Примечательны слова арабского географа Мукаддаси (X в.), что язык жителей Амуля и Фараба подобен хорезмийскому, а значение слов — как в бухарском (*Muqaddasi*, 1906. S. 335; ср. *Массон*, 1966. С. 138). В период расцвета Согда в VII — начале VIII в. и территориальной экспансии его от Суяба в Семиречье до «Железных ворот» эти области включались в территорию Согда, особенно с точки зрения смотревших с востока китайских авторов.

Наконец, эта область находится ровно посередине между регионами основных научных интересов Любови Борисовны Кирчо и Вадима Андреевича Алёкшина, с одной стороны, и Валентины Ивановны Распоповой — с другой, и потому представляется уместным посвятить настоящую заметку юбилеям трех замечательных исследователей-археологов Средней Азии.

Согдийская надпись из Кёшк Зухра-Тахира

А. А. Бурханов¹⁴, П. Б. Лурье

Городище Кёшк Зухра-Тахир, или Кёшк-кала, расположено на правом берегу Амударьи, примерно в 80 км от Фараба и 30 км от Бурдалыка, напротив современного райцентра Гарабекевюла в Лебапском вилаете Туркменистана (рис. 2). Это укрепленное поселение подквадратной формы со стороны около 250 м. Северо-восточный угол его срезан, остатки высокой цитадели расположены по центру, а к северу лежит ремесленный пригород. Памятник расположен над обрывом одного из протоков Амударьи, и река постепенно смыкает часть древнего города. Раскопки городища выявили несколько этапов постройки стен, и на цитадели имеется до 17 м культурного слоя. Керамика и нумизматический материал датируют памятник периодом с II–IV до X–XII вв. н. э. (Бурханов, 1994. С. 58–62). Имеются основания сравнивать Кёшк Зухра-Тахир с *Nawīdeh* у арабского географа X в. Мукаддаси — переправой через Окс, которой пользовались самаркандцы, и городком на мавераннахрской стороне с мечетью в центре (*Muqaddasī*, 1906. S. 284, 291, 292; Бурханов, 1994).

¹⁴ Кафедра исторического образования, Высшая школа исторических наук и всемирного культурного наследия, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) ФУ; ул. Лето-Булачная, д. 44, г. Казань, 420111, Россия; e-mail: albert_burhan@list.ru.

Рис. 2. Аэрофотосъемка Кёшк Зухра-Тахира, вид с запада, 1993 г. (А. А. Бурханов)

Fig. 2. Aerial photos of Kyoshk Zukhra-Tahir, view from the west, 1993 (A. A. Burkhanov)

Черепок с надписью — нижняя часть кувшина, верхняя часть и ручка не сохранились (рис. 3). Сосуд был сделан из глины с примесью шамота, внутренняя поверхность формировалась с помощью ткани. Внешняя сторона сформована пальцами (видны отпечатки и ткани, и пальцев), поверхность покрыта светлым ангобом. Диаметр основания 6 см, наибольший диаметр 10 см, максимальная высота сохранности 8 см, толщина стенок 0,7–0,8 см. Кувшин был найден А. А. Бурхановым во время разведки в 1982 г.; в 2006 г. он показал его на конференции в Москве П. Б. Лурье, который определил письмо надписи как согдийское.

Надпись занимает среднюю часть кувшина. Ее уникальная особенность — материал письма. Это единственный известный нам случай, когда согдийская надпись начертана ангобом. Надпись расположена над верхним краем облома ручки, письмо крупное, верхняя часть букв утрачена. Явная буква *p* указывает, что письмо согдийское, почерк — развитый курсив.

Предполагаемое чтение надписи (●/′)pδ(γ). Неясная линия (возможно, декоративная) идет над последними двумя буквами. Понять содержание надписи непросто. Можно думать о согдийском *brtpδ* «знающий» (с суффиксом 'k > 'y), или **stpδ'y*, орфографический вариант *stp(′)δ'k* «стоножка», или составное слово, заканчивающееся

Рис. 3. Кувшин с согдийской надписью ангобом, находка А. А. Бурханова, 1982 г.

Fig. 3. Jug with a Sogdian slip inscription, found by A. A. Burkhanov, 1982

на **рд̄у* от *рд* «семья, род». Иначе, вместо конечного *д̄у* можно увидеть цифры XII, тогда перед ними можно искать *тр*, нерегулярную позднюю форму от христианской согдийского *тпу* «сосуд, кувшин».

Каково бы ни было чтение надписи, она указывает на присутствие согдийского письма в регионе. Само по себе это не удивительно — согдийские надписи обнаруживали и в более удаленных к западу

местах¹⁵ — но хорошо согласуется с нашими наблюдениями о включении кантонов средней Амударьи в Согд.

¹⁵ Несколько примеров: надпись из Старого Мерва (*Лившиц*, 2008. С. 73), из Чаль Тархан Эшкабада около Рея (*Weber*, 2003. Р. 281), с Таманского полуострова (*de la Vaissière*, 2005. Р. 246–247), а также на серебряных сосудах, найденных на севере Евразии.

- Бартольд*, 1963 — *Бартольд В. В.* Сочинения. М.: ИВЛ, 1963. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. 760 с.
- Бичурин*, 1950 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. II. 334 с.
- Бурханов*, 1993 — *Бурханов А. А.* Древности Амуля (*Antiquities of Āmul*). Ашгабат: Ылым, 1993. 296 с.
- Бурханов*, 1994 — *Бурханов А. А.* Древний Лебап. Чарджев: Издательство Комитета по полиграфии и книжному издательству Туркменистана, 1994. Ч. I: Памятники Гарабекевюльского оазиса. 78 с.
- Бурханов*, 2007 — *Бурханов А. А.* Кушанские и кушано-сасанидские монеты из Лебапского региона (по материалам археологических исследований в области Амуля) // *АЭАЕ*. 2007. № 3 (31). С. 80–86.
- Бурханов*, 2008 — *Бурханов А. А.* Амуль-Чарджуй на трассе Великого шелкового пути (краткий историко-археологический очерк развития столичного центра Лебапского региона) // *Известия Алтайского ГУ*. 2008. № 4–3. С. 27–32.
- Бурханов*, 2009 — *Бурханов А. А.* Лебапский регион в эпоху Средневековья (историко-археологический очерк побережья среднего течения Амударьи) // *Известия Алтайского ГУ*. 2009. № 4. С. 41–44.
- Камалиддинов*, 1996 — *Камалиддинов Ш. С.* Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX — начала XIII в. Ташкент: Ўзбекистон, 1996. 424 с.
- Лившиц*, 2008 — *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2008. 415 с.
- Лурье*, 2004 — *Лурье П. Б.* Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 305 с.
- Малявкин*, 1989 — *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.
- Массон*, 1966 — *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР). Ашхабад; М.: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1966 (Тр. ЮТАКЭ; Т. XIII). 298 с.
- Пьянков*, 1997 — *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М.: Восточная литература, 1997. 344 с.
- Abel-Rémusat*, 1829 — *Abel-Rémusat J.-P.* Nouveaux mélanges asiatiques, ou Recueil des morceaux de critique et de mémoires, relatifs aux religions, aux sciences, aux coutumes, à l'histoire et à la géographie des nations orientales. Paris: Schubart et Heideloff, 1829. Т. 2. 428 p.
- Andreas*, 1894 — *Andreas F. C.* Ἀμαρδοί // *RE*. 1894. Bd. 1. Hlbd. 2. Sp. 1729–1733.
- Bosworth*, 1989 — *Bosworth C. E.* Āmol (Āmūya) // *EI*. 1989. Vol. I. P. 982–983.
- Chavannes*, 1903 — *Chavannes E.* Documents sur les Toukïue (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg: Académie des Sciences, 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции; Т. VI). IV+378 p.
- Comparetti*, 2002 — *Comparetti M.* Note sul toponimo *Vardāna-Vardānzi* // *RSO*. 2002. Vol. LXXVI. P. 39–47.
- Comparetti*, 2004 — *Comparetti M.* A possible etymology for the toponym *Fadi/Vardana* in Chinese Sources // *Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения академика Академии наук Республики Узбекистан Юрия Федоровича Бурякова* / Под. ред. Д. А. Алимовой, А. А. Анарбаева. Самарканд: Институт археологии, 2004. С. 179–182.
- de la Vaissière*, 2005 — *de la Vaissière É.* Sogdian traders. A history. Leiden; Boston: Brill, 2005 (Handbuch der Orientalistik. Abt. 8: Central Asia; Vol. 10). xiv+406 p.
- de la Vaissière ... — de la Vaissière É.* The Abbasid revolution in Marw: New data. Available at: www.academia.edu/31258381/The_Abbasid_revolution_in_Marw5 (accessed 03.06.2021).

- Eilers*, 1988 — *Eilers W.* Der Name Demawend. Hildesheim; Zürich; New York: Olms, 2008. 188 p.
- Huber*, 2020a — *Huber M.* Lives of Sogdians in Medieval China. Wiesbaden: Harrassowitz, 2020 (Asiatische Forschungen; Bd. 160). XVI+350 p.
- Huber*, 2020b — *Huber M.* Studies on Sogdians in China. Appendices. Wiesbaden: Harrassowitz, 2020. IV+475 p. Available at: https://www.harrassowitz-verlag.de/pdfjs/web/viewer.html?file=/ddo/artikel/79414/978-3-447-11380-9_Appendices.pdf#pagemode=thumbs (accessed 03.06.2021).
- Karlgren*, 1957 — *Karlgren B.* Grammata Serica Recensa. Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities, 1957. 332 p.
- Kiya*, 1975 — *Kiya S.* Soğd-e haft āšiyān // Monumentum H. S. Nyberg. Téhéran; Liège: Bibliothèque Pahlavi; Leiden: Brill, 1975 (Acta Iranica; Vol. 4). T. I. P. 471–473.
- Korn*, 2009 — *Korn A.* Lengthening of *i* and *u* in Persian // Exegisti monumenta. Festschrift in honour of Nicholas Sims-Williams / Ed. by A. Hintze, F. de Blois and W. Sundermann. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009 (Iranica; Bd. 17). P. 197–213.
- Kramers*, *Wiet*, 1964 — Ibn Ḥawqal. Configuration de la terre / Trad. par J. H. Kramers et G. Wiet. Paris: G. P. Maisonneuve et Larose; Beyrouth: al-Lağna ad-duwaliya li-targamat ar-rawā'i, 1964 (Collection U.N.E.S.C.O. d'œuvres représentatives, série arabe). T. 1. XVII+502 p.
- Lurje*, 2010 — *Lurje P.* Personal Names in Sogdian Texts. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2010 (Iranisches Personennamenbuch; Bd. II, Fasz. 8). 527 p.
- Lurje*, 2017 — *Lurje P.* Sogdiana. ii. Historical Geography // *Elr.* Available at: www.iranicaonline.org/articles/sogdiana-historical-geography (accessed 03.06.2021).
- Lurje*, forthcoming — *Lurje P.* Amdo in the Sogdian 'List of Nations'? // *Dādestān ī Dēnīg*. Festschrift For Mahmoud Jaafari-Dehaghi. Tehran, forthcoming.
- Marquart*, 1901 — *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901. 358 S.
- Minorsky*, 1937 — *Minorsky V. F.* Ḥudūd al-Ālam (Regions of the World). Cambridge: University Press, 1937. lxxxii+524 p.
- Morgenstierne*, 1974 — *Morgenstierne G.* Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden: Reichert, 1974. 95 p.
- Mumm*, 1999 — *Mumm P.-A.* Deutsch Kamm, Kimme und die Bedeutung von idg. *ǵombʰo-, *ǵembʰ- // Grippe, Kamm und Eulenspiegel. Festschrift für Elmar Seebold zum 65. Geburtstag / Hsg. von W. Schindler und J. Untermann. Berlin; New York: de Gruyter, 1999. P. 295–312.
- Muqaddasi*, 1906 — Descriptio Imperii Moslemici auctore Shams ad-Dīn ... al-Moqaddasi. Editio secunda / Ed. M. J. de Goeje. Lugdini Batavorum: Brill, 1906 (Bibliotheca geographorum arabicorum; Pars III). vii+498 s.
- Naymark*, 1998/1999 — *Naymark A. I.* Copper coins of the Last Bukharkhudas // Oriental Numismatic Society Newsletter. 1998/1999. No. 158. P. 7.
- Naymark*, 2001 — *Naymark A. I.* Sogdiana, its Christians and Byzantium: a Study of Artistic and Cultural Connections in Late Antiquity and Early Middle Ages. PhD dissertation. Department of Central Eurasian Studies and Department of Art History, Indiana University, Bloomington, 2001. xxiii+508 p.
- Pulleyblank*, 1991 — *Pulleyblank E. G.* Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. 488 p.
- Schindel*, 2004 — *Schindel N.* Sylloge Nummorum Sasanidarum Paris–Berlin–Wien. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2004. Bd. III/1. Shapur II. – Kawad I. / 2. Regierung. Mit Beiträgen von S. Stanek, R. Linke, M. Schreiner (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Denkschriften der Philosophisch-historischen Klasse, Bd. 325; Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission; Bd. 42). 512 S.
- Shavarebi*, 2019 — *Shavarebi E.* Āmul/Āmū(ye): die nordöstlichste Münzstätte des Sasanidenreiches im 5. Jahrhundert n. Chr. // Sammlungen und Sammler. Tagungsband zum 8. Österreichischen Numismatikertag. Klagenfurt am Wörthersee: Landesmuseum für Kärnten, 2019. P. 173–179.
- Shiratori*, 1928 — *Shiratori K.* A study on Su-t'e (粟特), or Sogdiana // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (the Oriental Library). 1928. No. 2. P. 81–145.
- Soothill*, *Hodous*, 1937 — *Soothill W. H., Hodous L.* A dictionary of Chinese Buddhist terms. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1937. 510 p.
- Stark*, 2009 — *Stark S.* Transoxanien nach dem Tang Huiyao des Wang Pu. Übersetzung und Kommentar. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2009. 84 S.
- Stark*, 2018 — *Stark S.* The Arab Conquest of Bukhārā: Reconsidering Qutayba b. Muslim's Campaigns 87–90 H / 706–709 CE // *Der Islam*. 2018. Vol. 95 (2). P. 367–400.
- Starostin* ... — *Starostin S. A.* Chinese characters' database. Available at: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/>

- query.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\china\bigchina (accessed 03.06.2021).
- Tomaschek*, 1877 — *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. I. Sogdiana // SKAW. 1877. Bd. LXXXVII. S. 67–184.
- Urmes*, 2003 — *Urmes D.* Handbuch der geographischen Namen. Wiesbaden: Römerweg, 2003. 624 S.
- Weber*, 2003 — *Weber D.* Die Pahlavi-Ostraca von Čāl Tarxān-Ešqābād // Persian Origins — Early Judeo-Persian and the Emergence of New Persian, Collected Papers of the Symposium, Göttingen 1999 / Ed. by L. Paul. Wiesbaden: Harrassowitz, 2003. P. 275–282.
- Yoshida*, 2003 — *Yoshida Y.* On the origin of the Sogdian surname Zhaowu and related problems // JA. 2003. Vol. 291 (1–2). P. 35–67.

The Oxian cantons of Sogdiana in Chinese historical sources

P. B. Lurje¹⁶

We analyze here the names of two cantons (principalities) of Sogdiana according to the Chinese accounts of 7th – 8th century. The listing of the cantons goes from East to West, and final ones, Mu or Wudi and Wunahe must be located to the West of Bukhara. Indeed, Mu / Wudi (穆, 戊地, Early Middle Chinese *muwk*, *m̄u-d'i*) corresponds well to what is today Chardzhou alias Turkmenabad (Bactr. *Āmul* = Pers. *Āmūya* would have Sogdian counterpart as **Āmuδ*). Wunahe (烏那曷, Early Middle Chinese **u- na'-yat*) might render virtual Sogdian **Wan(āk)-yar*, which means verbatim “Do-mountain”. Indeed, today Kerki, Medieval *Karkōh* would at the first glance mean “do-mountain” vel. sim. in Parthian (hardly its real etymology). It is possible that the Chinese account is based on a learned verbatim rendering of the name by Sogdian informant. This paper once again underlines the fact of the median location of the middle Amu-darya region between Bukharan Sogd on one side, Merv and Parthia on the other, Bactria and Khorezm upstream and downstream the Oxus, respectively. In the period of blossom of Sogdian culture the Chinese observers, looking from the East, considered them a part of the better-known Sogdiana. The article is appended by publication of a short Sogdian inscription in slip on a potsherd from *Kōšk Zahra-Tahir* on the shore of Oxus between *Āmul* and *Karkōh*, by Albert Burkhanov and Pavel Lurje.

¹⁶ Pavel Lurje — The State Hermitage Museum; Dvortsovaja nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: pavlvslvria@gmail.com.

Новые данные о так называемом Караван-сараяе Куняургенча

М. А. Мамедов, Э. А. Мурадова¹

Аннотация. Статья подводит предварительные итоги археологического изучения так называемого Караван-сарая Куняургенча. Начало его строительства датируется рубежом XII–XIII вв. Сильно пострадавший в ходе монгольского нашествия, он был восстановлен в первой трети XIV в. и окончательно разрушен при разорении города Тимуром в 1388 г. Вопрос о назначении здания окончательно не решен, но типологически оно близко многоколонной джума-мечети или мечети с дворовой планировкой.

Annotation. This paper presents preliminary results of the archaeological investigation of the so-called Caravanserai of Koneurgench. The beginning of its construction is dated to the boundary between the 12th and 13th century. Having been severely damaged in the course of the Mongolian invasion it was reconstructed in the first third of the 14th century and finally destroyed during the devastation of the town by Timur in 1388. The question about the purpose of this building is not definitely solved but, in terms of typology, it is similar to the multi-column jumah mosque or a mosque with a courtyard layout.

Ключевые слова: Хорезм, Куняургенч, средневековая архитектура, портал, архитектурный декор.

Keywords: Khorezm, Koneurgench, mediaeval architecture, portal, architectural décor.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-356-366

На территории Даш-калы — городища домонгольского Гурганджа (нынешний Куняургенч) — сохранились остатки роскошного портала неизвестного сооружения (рис. 1).

Этот средневековый памятник продолжает оставаться объектом пристального внимания археологов и историков архитектуры. Еще в 1928 г. видный советский востоковед А. Ю. Якубовский, побывавший в Куняургенче в научной командировке, исследуя архитектурные памятники некогда блестящей столицы Хорезмшахов, вкратце остановился и на этом сооружении, которое местные жители называли Караван-сараяем. Якубовский справедливо отметил, что это было прекрасное и большое здание, но ответ на вопрос о его назначении и времени возведения могут дать только тщательные археологические изыскания (Якубовский, 1930. С. 63–64). Сомнения по поводу

того, что это постройка являлась караван-сараяем выразил и доктор архитектуры В. И. Пилявский, осмотревший памятник в 1938 г. По его мнению, этот портал слишком роскошен для «столь прозаического сооружения, каким являлся караван-сарая». Пилявский предположил, что, возможно, это руины дворца Хорезмшахов (Пилявский, 1974. С. 39).

Масштабные стационарные раскопки на территории Даш-калы, в том числе и возле «Караван-сарая», впервые были осуществлены в 1952 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией (далее — ХАЭЭ), руководимой С. П. Толстовым. Было установлено, что портал этой постройки выходил на торговую улицу, идущую с запада на восток. Вдоль этой улицы по обеим ее сторонам были вскрыты остатки террас (айванов), являвшихся ремесленными мастерскими или торговыми лавками, за которыми располагались жилые помещения. Не исключено, что вся улица была укрыта сверху деревянным навесом (Вактурская, 1952. С. 478). То обстоятельство, что рассматриваемое нами сооружение находилось в торгово-ремесленном квартале с выходом на улицу-базар, вызвало колебания некоторых

¹ Мамедов М. А., Мурадова Э. А. — Национальное управление Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана; Ашхабад, Туркменистан; e-mail: Мамедов М. А. — monumentaryhy@yandex.ru, Мурадова Э. А. — bezegli2017@gmail.com.

Рис. 1. Сохранившийся северный портал «Караван-сарая» (1) и фрагмент свода северного портала (2)

Fig. 1. The preserved northern portal of the "Caravanserai" (1) and a fragment of the ceiling of the northern portal (2)

исследователей, допустивших, что, возможно, это действительно был караван-сарай (*Ланиров-Скобло*, 1958. С. 532).

Археологический материал, добытый в ходе тех раскопок, подтвердил, что портал возведен в первой половине XIV в. (*Фёдоров-Давыдов*, 1958. С. 512) — ранее эта датировка основывалась на архитектурно-художественных особенностях памятника (*Якубовский*, 1930. С. 26). Все исследователи оказались единодушны во мнении, что здание было разрушено по приказу Тимура во время его последнего похода в Хорезм в 1388 г. О том, что «Караван-сарай» не рухнул естественным путем, а подвергся специальному разрушению, свидетельствует состояние руин портала (*Гражданкина*, 1958. С. 146). Археологи также зафиксировали несколько поздних строительных периодов на развалинах постройки. На последнем этапе обживания перед сохранившимся порталом со стороны торговой улицы был устроен деревянный навес (айван), а пространство под арочным сводом портала было приспособлено под жилье (*Фёдоров-Давыдов*, 1958. С. 512).

В 1979–1980 гг. памятник исследовал ташкентский археолог В. В. Зотов. Для определения параметров сооружения и его планировочной структуры были заложены два разреза и несколько шурфов к югу от портала. В результате были выявлены несколько помещений застройки XVI–XVII вв., а также в 35 м к югу от портала расчищены остатки завершающей стены сооружения. Стена, выложенная из каменных известняковых блоков, имеет толщину 1,46 м и идет параллельно линии портала с востока на запад. Из археологического материала, выявленного в те годы на данном участке, заслуживает внимания майоликовая облицовочная плитка с датой 765 г. Хиджры (1363–1364 гг.) (*Зотов*, 1981).

Во второй половине 1990-х гг. Е. А. Армарчук на основании анализа декора портала предложила датировать памятник более ранним временем — рубежом XII–XIII вв., не исключив при этом принадлежность постройки дворцу Великих Хорезмшахов (*Армарчук*, 1998. С. 207).

Начиная с 2014 г. планомерные научные изыскания на памятнике проводит археологическая комплексная экспедиция Национального управления Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры. Перед началом раскопок была осуществлена топографическая инструментальная съемка

территории памятника при помощи лазерного теодолита.

Для выявления первоначальной планировочной структуры «Караван-сарая» к югу от портала, западнее осевой линии сооружения в направлении запад–восток, были заложены стратиграфические раскопы I–V, привязанные к западной линии (краю) траншеи, идущей по линии север–юг и раскопанной еще в начале 1980-х гг. В. В. Зотовым.

Исследованная площадь составила 679 кв. м. Уровень понижения по всей площади: -2,10...–2,53 м. Все нивелировочные высотные и горизонтальные отметки уровней стен, полов получены лазерным теодолитом.

В результате стратиграфических исследований на данном участке выявлены и прослежены пять строительных периодов, охватывающих хронологический диапазон примерно между XII–XVII вв. Архитектурные остатки II, III и V строительных периодов сохранились в виде незначительных, фрагментарных, ни к чему не привязанных стен. Только в одном помещении (17), относящемся к V строительному периоду, сохранились стены незначительной высоты (всего 5–6 см) и полы, представляющие собой вымостку из жженных кирпичей.

Следует отметить, что перед каждым последующим строительством создавался нивелировочный уровень, представленный забутовкой нижележащего строительного горизонта мелким битым жженым кирпичом и его обломками; установлено, что практиковалось возведение стен на более ранних стенах, а также на культурных слоях нижележащих стратиграфических горизонтов.

На уровне верхнего стратиграфического горизонта, относящегося к IV строительному периоду (XVI–XVII вв.) обнаружены остатки стен построек, предназначение которых до конца не установлено (рис. 2). Однако выявлена их связь с застройкой, раскопанной еще в 1952 г. ХАЭЭ, а затем В. В. Зотовым в конце 1970-х — начале 1980-х гг.

У этих строений относительно толстые (несущие) и тонкие разделительные стены (рис. 3). Отмечено использование при строительстве разных видов кладки, стены оштукатурены и покрыты ганчем. При возведении стен помещений 4, 5, 7, 9, 10, 16 и 18 использовалась кладка кирпичей, положенных на ребро с наклоном и «в елочку», распространенная в местной строительной технике XVI–XVII вв., что было зафиксировано также при

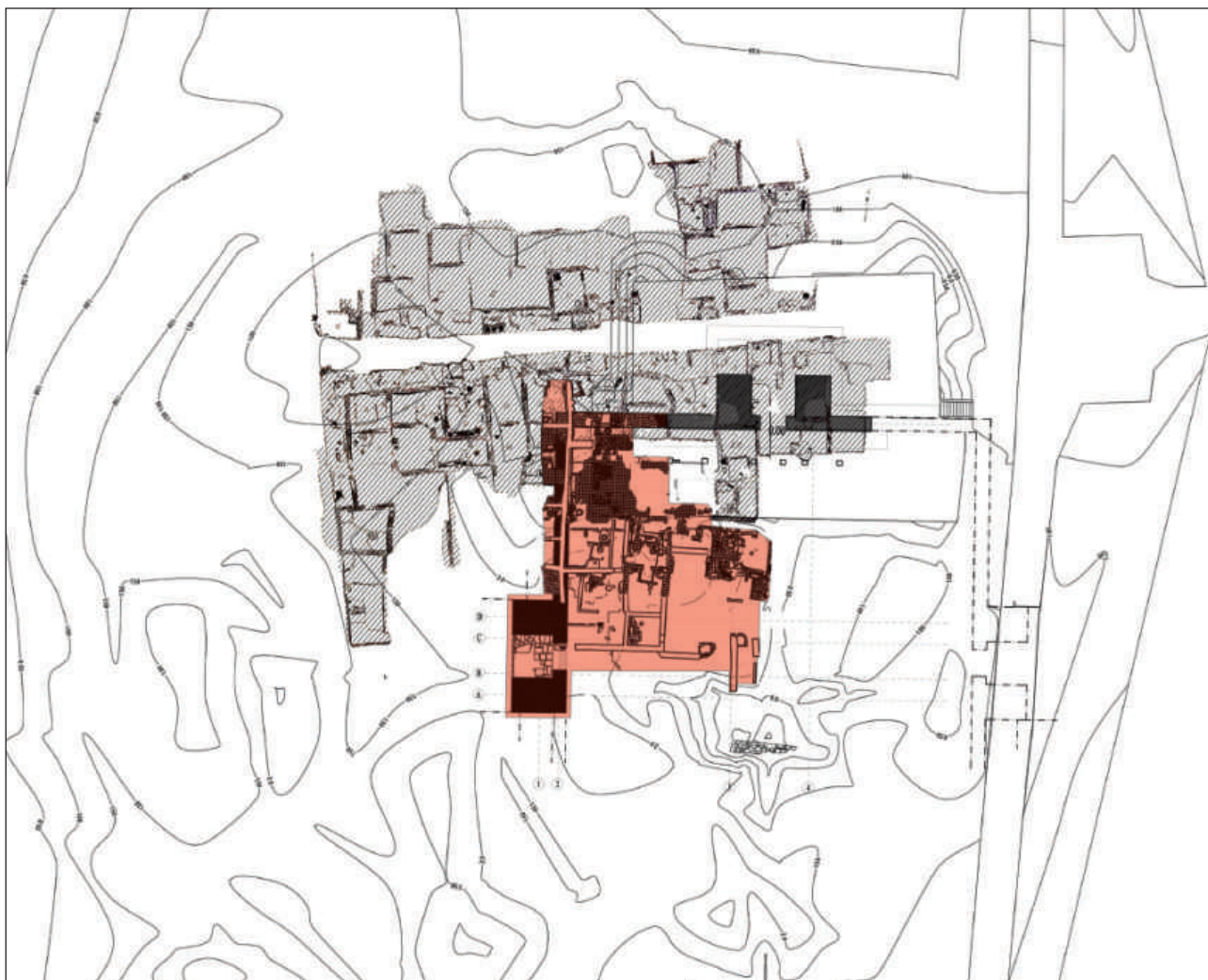

Рис. 2. Сводный план раскопанной части вокруг «Караван-сарая» в Куняургенче. Раскопки 1952 г. заштрихованы, цветом выделенный участок — раскопки последних лет. Выполнил архитектор М. Аманов

Fig. 2. Composite plan of the excavated area around the “Caravanserai” in Koneurgench. Excavations of 1952 are hatched, the area marked with colour is that excavated during the recent years. Executed by architect M. Amanov

археологических раскопках 1952 г. (*Вактурская*, 1952. С. 476).

Стены помещений, как и стены застройки вдоль торгово-ремесленной улицы с северной стороны «Караван-сарая», исследованной ХАЭЭ, были сложены из вторично использованного кирпича размерами, типичными для Хорезма золотоордынской эпохи: $22(23) \times 22(23) \times 5(6)$ см. Ровной стороной обломки кирпичей подпрямоугольной формы лежали наружу, сколом — внутрь. Пространство между двумя такими рядами засыпали землей и строительным мусором. Основным материалом служил жженный кирпич, часто в соединении с сырцовым (*Фёдоров-Давыдов*, 1958. С. 505–506).

Пол всех выявленных помещений был вымощен горизонтальной кладкой из жженных кирпичей.

Площадь некоторых помещений сокращалась в результате перестроек, изменявших также и их функциональное назначение. В помещениях 1, 6, 7, 9 и 18 особое место занимали ташнау и очаги. Ташнау — устройство для слива и стока воды, сооруженное методом горизонтальной кладки из жженных кирпичей, идущих по кругу и образующих колодеобразную конструкцию. Как уже отмечали исследователи, начиная с IX–XII вв. в благоустройстве городов большое внимание уделялось водоснабжению и канализационным устройствам: «В каждом доме имелись простейшие

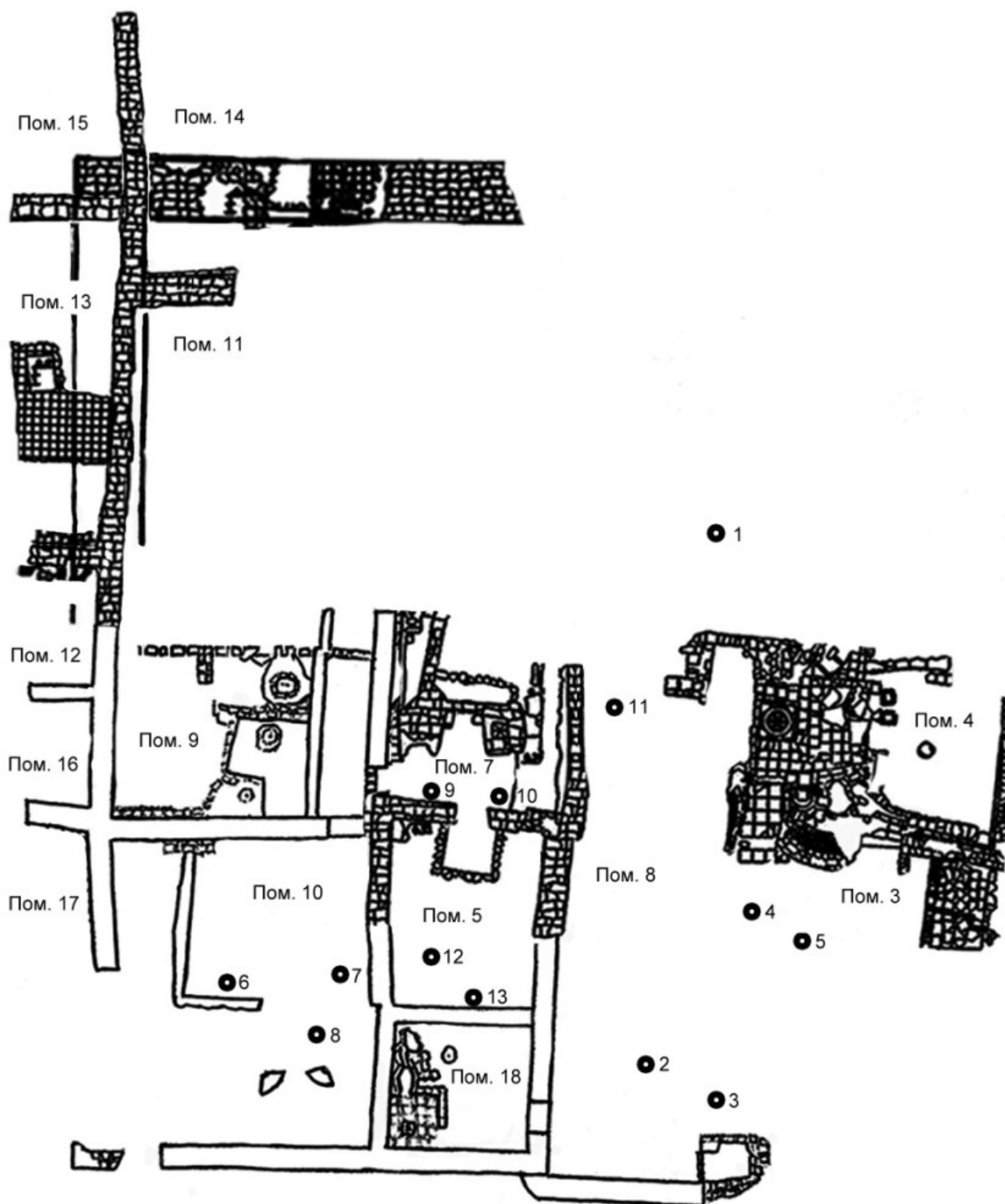

Рис. 3. Застройка IV строительного периода к юго-западу от северного портала. План. 1-13 — расположение найденных фрагментов декора. Пом. — помещение

Fig. 3. Structures of building period IV south-west from the northern portal. Plan. 1-13 — positions of the revealed fragments of the décor. "Пом." is "room"

канализационные устройства, состоявшие из поглощающего колодца с устьем из крупного глиняного сосуда без дна. Отверстие закрывалось какой-нибудь плиткой или большим черепком» (Беленицкий и др., 1973. С. 307). Эти канализационные устройства предназначались только для отвода грязной воды после умывания или мытья посуды. Вдоль основания южной стены помещений 4 и 9 устроен дымоход отопительной системы, вертикальный канал которого, находившийся в юго-восточном (помещение 4) и юго-западном (помещение 9) углах помещений, достигал верхнего отверстия перекрытия дома, откуда дым выходил наружу. Дымоход (желоб-продух) — длинный ряд вертикально (на ребро или плашмя) поставленных жженных кирпичей и их обломков, покрытых сверху горизонтально положенными жжеными кирпичами. Длина дымохода — 3,0–3,3 м. Отопительная система («китайский кан») связана с очагом, находящимся в западной (помещение 4) и восточной (помещение 9) частях помещений. Таким образом создавалась естественная вентиляция с оттоком горячего воздуха через дымоход, которая действует только при горении топлива.

К основному I строительному периоду, связанному непосредственно с сохранившимися остатками богато декорированного портала на северной стороне комплекса, относится западная стена с остатками устоев западного портала (рис. 4). Длина западной стены I строительного периода с внешней стороны 25,57 м, с внутренней — 24,07 м, толщина — 1,60 м.

Западная стена I строительного периода сложена из жженных кирпичей и их обломков. Края стены выравнивались при кладке (ровный край кирпича клался наружу). Размеры жженных кирпичей: 22 × 22 × 4 см; 23 × 23 × 5 см; 24 × 23 × 5 см; 24 × 24 × 4 см; 30 × 30 × 5 см. Размеры обломков: 26 × 16 × 5 см; 28 × 15 × 6 см; 28 × 16 × 6 см.

К внутренней стороне западной стены по всей ее линии вплотную примыкает кирпичный пол, вымощенный жжеными кирпичами, с ганчевой обмазкой и каменными базами колонн, идущий в восточном направлении и являющийся продолжением идентичной вымостки с каменными базами по всей площади айвана, включая вымостку участка, прилегающего к внутренней стороне северного портала.

Выявлена и расчищена также кирпичная вымостка пола, которая начинается от северной стены

I строительного периода основного сооружения и продолжается в южном направлении. Длина вымостки от северной стены I строительного периода до южного края стратиграфического раскопа V по линии север–юг составляет 26,9 м; ширина этого пола, начиная от западной стены I строительного периода до неисследованного участка стратиграфического раскопа V по линии запад–восток — 11,50 м. Размеры жженных кирпичей вымостки пола I строительного периода: 22 × 21,5 × 5 см; 21,5 × 19 × 5 см; 21 × 22 × 6 см; 22 × 22 × 4 см; в северной части — 22 × 22 × 5,5 см.

В ходе раскопок удалось проследить наружную северную стену толщиной 1,5 м, идущую от западного устоя сохранившегося портала. Небольшой участок этой стены, непосредственно примыкающий к portalу, был раскопан и изучен еще в начале 1980-х гг. В. В. Зотовым (Зотов, 1985), после чего этот фрагмент был восстановлен реставраторами. В те же годы путем закладки шурфов на расстоянии 16,7 м от оси портала было также обнаружено продолжение северной стены «Караван-сарая» в восточном направлении.

В ходе наших исследований было установлено, что северная стена памятника, идущая в западном от портала направлении, в 17,7 м от него под прямым углом, сворачивает на юг. Выявленная западная стена выложена из жженого кирпича следующих размеров: 28 × 28 × 5 см; 22 × 22 × 4 см; 23 × 23 × 4,5 см; 21,5 × 21,5 × 3,5 см; 26 × 26 × ? см; 25 × 24 × 4,5 см; 24 × 23,5 × 4,5 см; 30 × 30 × 4 см. Нижний участок имеет сплошную кладку кирпичей во всю толщину стены, далее только крайние с внешней и внутренней сторон ряды выложены кирпичной кладкой в перевязку из целых кирпичей, а посередине стену заполняет бут из битого кирпича. Примерно в 20 м от этого угла стена упирается в еще один входной портал, вновь выявленный, расположенный по оси запад–восток. Кирпичная кладка стены имеет перевязку с устоем портала, что свидетельствует об их одновременном возведении. Сохранность раскопанного участка западной стены такова: толщина — 1,60 м, высота варьируется от 1,35 м до 1,56 м, южный край стены сохранился на высоту 1,75 м. Стена возведена из жженного квадратного кирпича размером 23 × 23 × 4 см.

Остатки выявленного западного портала представляют собой руины двух устоев, которые некогда были соединены арочным сводом, имевшим трехметровый пролет (рис. 5).

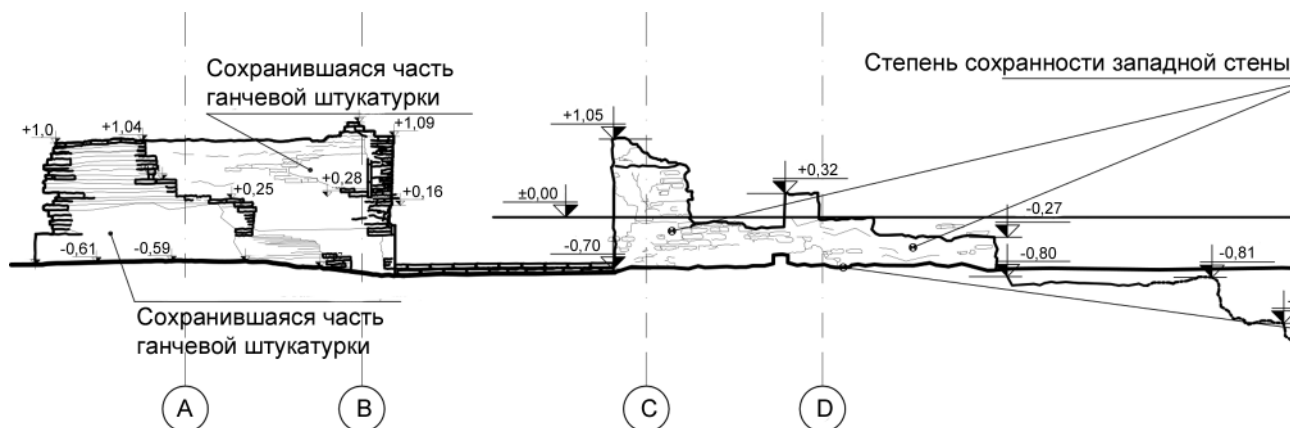

Рис. 4. Степень сохранности вскрытой части западной стены и портала. Вид с востока (продолжение на с. 363)
 Fig. 4. State of preservation of the uncovered part of the western wall and portal. View from the east (continued on p. 363)

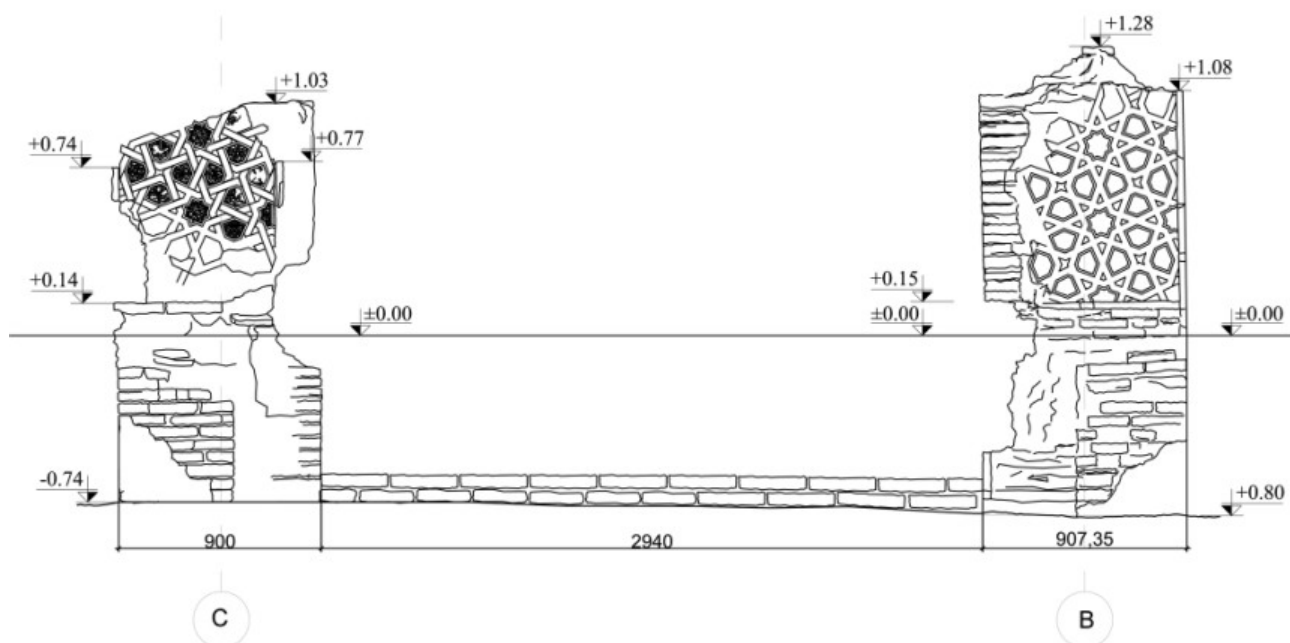
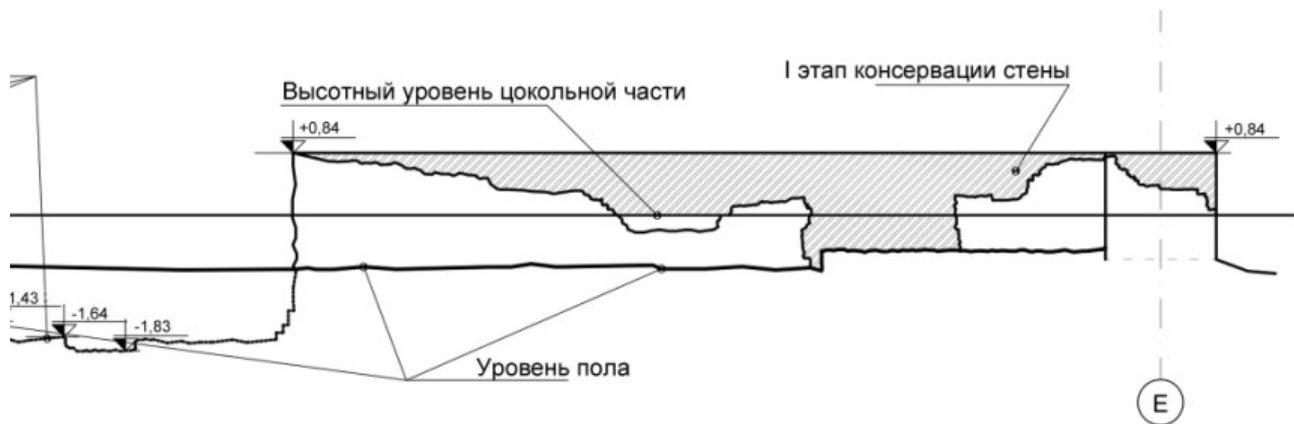

Рис. 5. Остатки устоев западного портала. Вид с запада
 Fig. 5. Remains of the bases of the western portal. View from the west

Размеры сохранившейся части северного устоя западного портала следующие: наружный (западный) фас — 3,92 м, северный — 4,42 м, южный (боковая стена порталной ниши) — 4,48 м, торцовый простенок ниши — 0,9 м, боковая сторона пилона арки — 1,54 м. Устой сохранился до высоты 1,80 м. Параметры южного устоя в его уцелевшей части примерно идентичны северному, за исключением высоты, которая здесь достигает отметки 2,08 м. На торцовых простенках порталной ниши и на участке ее боковой

стены (северный устой) начиная с отметки 0,8 м сохранились крупные фрагменты терракотового декоративного оформления в виде геометрических переплетений со вставками фигур в форме пятиугольников и восьмиконечной звезды. Внутренние поля этих вставок заполнены резным растительным орнаментом (рис. 6, 1).

Примерно в 2 м к востоку от входного проема обнаружен крупный блок рухнувшей стены, на лицевой стороне которой также сохранился фрагмент терракотового декора, набранного

из выточенных в форме плиток кирпичей и вставных фигур в виде ромба, шестиугольника и срезанной половины шестилучевой звезды (рис. 6, 2). Вокруг этого фрагмента собраны также отпавшие элементы терракотового декора указанных конфигураций, в том числе выточенные фигурки в форме равностороннего треугольника. Как и в порталной нише, внутренние поля этих фигурных вставок заполнены резным геометрическим орнаментом (рис. 6, 3). Однако геометрические переплетения орнаментов рухнувшего блока и стен порталной ниши имеют разное построение. Учитывая характерную для архитектурного декора домонгольской эпохи терракотовую монохромность (отсутствие изразцов), технику резьбы и выкладки орнаментальных узлов, можно предположить, что данный портал был возведен в конце XII — начале XIII в. Именно в этот период в архитектуре Средней Азии получает широкое распространение резьба по терракоте. В качестве примеров можно привести резной декор мавзолеев Узгена (конец XII в.), мавзолея Айша-Биби близ Тараза (XII–XIII вв.), мечети Магоки-Аттари в Бухаре (XII–XIII вв.) (Денике, 1939. С. 91–108). С XIV в. в архитектурном декоре начинает распространяться резная терракота, покрытая поливой. Некоторые образцы элементов подобного декора в виде вставных «бантиков» сохранились в оформлении северного портала. Идентичная облицовка известна по выявленным руинам так называемого мавзолея Гулгердана возле куняургенчского мавзолея Тюрабек-Ханум, она свойственна мавзолею Музлум-Сулу (конец XIII — начало XIV в.) на городище Миздахкан в 25 км севернее Куняургенча (Пилявский, 1948. С. 18–19).

Отдельные терракотовые резные плитки с поливой также были найдены в культурных слоях XVI в. к юго-западу от сохранившегося северного портала «Караван-сарая» (видимо, вынутые из завалов после разрушения стен с декоративным оформлением) (рис. 6, 4). А во второй половине XIV в. мастера осваивают технику резной мозаики, набранной из мелких изразцов различных оттенков и цветов. Именно в этой технике исполнена изумительная декорация сохранившейся части северного входного портала.

В ходе последних раскопок памятника было установлено, что пол сводчатой ниши выявленного западного портала вымощен крупными известковыми каменными блоками и большеразмерными мраморными плитами. Внизу арочного проема устроен кирпичный порог, оштукатуренный качественным ганчевым раствором, восточный край порога завершался сгоревшим деревянным брусом шириной 22 см и толщиной 5 см. Расчищенная длина доски составляла 2,80 м. Остатки сгоревшей древесины порога — еще одно свидетельство пожара, сопровождавшего разрушение комплекса.

У наружного северо-западного угла северного устоя зафиксированы незначительные фрагменты стены толщиной 1,6 м, имеющей следы перевязки кирпичной кладки с кирпичами северного устоя. Работы по расчистке этой стены перенесены на будущий полевой сезон. Учитывая значительную толщину стены, нельзя исключать, что раскопки на данном участке могут дать совершенно новые данные о планировочной структуре всего комплекса.

К I строительному периоду относятся также каменные базы деревянных колонн,

Рис. 6. Фрагменты терракотового декора: 1 — южного устоя западного портала; 2 — рухнувшей части западного портала; 3 — отпавшие элементы; 4 — декоративные плитки с поливой, обнаруженные в культурном слое XVI в.

Fig. 6. Fragments of the terracotta décor: 1 — at the southern base of the western portal; 2 — collapsed part of the western portal; 3 — fallen-out elements; 4 — glazed decorative tiles found in the cultural layer of the 16th century

выявленные во внутренней части постройки. Они имеют форму усеченной ступенчатой пирамиды (аналогично базам соборной мечети XI в. в северной части Даш-калы) и расположены в несколько рядов вдоль северной и западной наружных стен постройки (рис. 7). Расстояния между базами разнятся, усредненная дистанция между осями колонн составляет 3,5 м, примерно на столько же они отстоят от наружных стен.

Выявленный на данном этапе исследований материал (декор западного портала) позволяет наметить в общих чертах следующую историю функционирования «Караван-сарая» Куняургенча:

начало его возведения можно датировать концом XII — началом XIII в. Не исключено, что строительство велось на слоях более раннего периода — во всяком случае ниже основания разрушенной западной стены выявлена вымостка пола из жженных кирпичей, уложенных «в елочку», предварительно датированная XI–XII вв. Возможно, большая часть здания оказалась разрушенной во время монгольского завоевания 1221 г., а в первой половине XIV в., в период правления золотоордынского ставленника эмира Кутлуг-Тимура, приложившего немало усилий для возвращения былого величия столицы Хорезмшахов, был

Рис. 7. Уровень I строительного периода
 Fig. 7. Level of the first building period

восстановлен и изучаемый объект. Этому периоду соответствуют найденные при раскопках элементы глазурованных изразцов архитектурного декора, идентичных декору мавзолея Наджмад-дина ал-Кубра, который, судя по надписи над тимпаном порталной арки, был капитально перестроен по приказу эмира Кутлуг-Тимура в 30-е гг. XIV в. (Халимов, 1991. С. 57). Во второй половине XIV в., в период воцарения в Хорезме местной туркменской династии Суфи из рода Кунграт и достижения независимости от Золотой Орды, обновляется оформление северного портала, где появляется характерный для того времени декор из фигурных резных кирпичиков и гириха, набранного из тесаных кирпичей со вставками узорной майолики.

В 1388 г. после катастрофических разрушений, учиненных по приказу Тимура, «Караван-сарай», как и весь город, лежал в руинах, на которых в XVI–XVII вв. возникает застройка из жилых, торговых и ремесленных отсеков.

Что же касается первоначального назначения постройки, то этот вопрос пока остается открытым: для его окончательного решения необходимо археологическое вскрытие дополнительных площадей. Однако расчищенная на сегодняшний день часть планировки I строительного периода

уже дает возможность высказать некоторые предположения на этот счет. По своей планировочной структуре (которая пока еще реконструируется гипотетически) это здание напоминает скорее тип многоколонной джума-мечети или мечети с дворовой планировочной организацией (Маньковская, 1980. С. 115–118), чем караван-сарай. На эту мысль наводит также наличие помимо существующего северного портала еще одного наружного входа с западной стороны в центральный колонный зал или колонную галерею (колонный айван) вокруг внутреннего двора. Устройство наряду с парадным входом дополнительных входных проемов — характерный элемент планировки мечетей с замкнутым пространством. Места для строительства подобных мечетей в средневековых городах обычно выбирали вблизи от многолюдных площадей или среди базаров — для обязательных дневных молений тех, чьи рабочие места (торговцы, ремесленники) были расположены поблизости. Но — отметим еще раз — окончательные выводы о первоначальном назначении этого сооружения можно будет сделать лишь после вскрытия более широких площадей в южной и восточной части памятника и выяснения планировки застройки, примыкавшей снаружи к устоям западного портала.

- Армарчук*, 1998 — *Армарчук Е. А.* Изучение памятников Куня-Ургенча: старые и новые гипотезы // Приаралье в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 1998. С. 198–210.
- Беленицкий и др.*, 1973 — *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 394 с.
- Вактурская*, 1952 — *Вактурская Н. Н.* Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (Тр. ХАЭЭ; Т. II). С. 467–495.
- Гражданкина*, 1958 — *Гражданкина Н. С.* Древние строительные материалы Туркмении // Материалы по истории древней техники Южного Туркменистана. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1958 (ТЮТАКЭ; Т. VIII). С. 11–217.
- Денике*, 1939 — *Денике Б. П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1939. 299 с.
- Зотов*, 1981 — *Зотов В. В.* Раскопки караван-сарая в Куня-Ургенче // АО 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 465–466.
- Зотов*, 1985 — *Зотов В. В.* Археологический отчет «УзНИПИР» // Архив Национального Управление Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана. 1985. № 1/49. С. 2–3.
- Лапиров-Скобло*, 1958 — *Лапиров-Скобло М. С.* Портал развалин караван-сарая на городище Таш-кала в Куня-Ургенче // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (Тр. ХАЭЭ; Т. II). С. 529–542.
- Маньковская*, 1980 — *Маньковская Л. Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XIX в.). Ташкент: Фан, 1980. 184 с.
- Пилявский*, 1948 — *Пилявский В. И.* Ургенч и Миздахкан. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1948. 56 с.
- Пилявский*, 1974 — *Пилявский В. И.* Куня-Ургенч. Л.: Стройиздат, Ленинградское отд., 1974. 72 с.
- Фёдоров-Давыдов*, 1958 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Раскопки торгово-ремесленного квартала XV–XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (Тр. ХАЭЭ; Т. II). С. 505–528.
- Халимов*, 1991 — *Халимов Н. Б.* Памятники Ургенча (сооружения, надписи и легенды). Ашхабад: Туркменистан, 1991. 142 с.
- Якубовский*, 1930 — *Якубовский А. Ю.* Развалины Ургенча. Л.: ГАИМК, 1930 (Известия ГАИМК; Т. VI, вып. 2). 68 с.

New evidence on the so-called Caravanserai of Koneurgench

M. A. Mamedov, E. A. Muradova²

At the fortified settlement of Dash-Kala (mediaeval Gurganch, now Koneurgench), ruins of the portal of an unidentified building are preserved. Traditionally this house is called “Caravanserai”. In this paper, preliminary results of the continuing investigations of the site are presented.

Five building periods have been identified and traced within the chronological span between the 12th and 17th century. The main 1st period, directly related with the remains of the richly decorated portal at the northern section of the complex, includes the western wall with the remains of the bases of the western portal once connected by an arched roof. Also there are preserved fragments of the architectural décor both of the pre-Mongolian period (carved monochromatic terracotta) and of that of the 14th century (carved terracotta coated with glaze, carved mosaic composed of small multicoloured tiles).

The beginning of the construction of the “Caravanserai” is datable to the late 12th — early 13th century, possibly over the layers of the preceding period. Having been considerably damaged during the Mongolian invasion, it was reconstructed in the first third of the 14th century. In 1388, after the city had been devastated by Timur, the building under consideration was lying in ruins over which, in the 16th–17th century, dwelling, trade and handicraft buildings arose.

The features of the building’s layout resemble the type of a multi-column jumah mosque or a mosque with a courtyard layout. However the final solution of the question about the initial purpose of the monument will be possible only after excavation of its additional areas.

² Mukhammed Mamedov, Ejegul Muradova — National department of protection, research and restoration of historical and cultural sites; 73A, Magtymguly ave., Ashgabat, 744000, Turkmenistan. e-mail: bezegli2017@gmail.com; e-mail: monumentaryhy@yandex.ru; bezegli2017@gmail.com.

Клад согдийской культовой утвари VII–VIII вв. из Пай-Арыка

Д. К. Мирзаахмедов, А. И. Торгоев, С. Д. Мирзаахмедов, М. Н. Султанова¹

Аннотация. Статья посвящена публикации клада металлической утвари (два светильника и котел), найденного в округе города Пай-Арык Самаркандской области Узбекистана. Эти предметы, видимо, принадлежали небольшому сельскому храму и были спрятаны во время арабского завоевания. Формы биметаллического светильника и бронзового котла специфичны для согдийской тореутики, в то же время декоративное оформление светильника обнаруживает индийское влияние.

Annotation. This paper presents a publication of a hoard of metal objects (two lamps and a cauldron) found in the surroundings of the town of Pay-Aryk of the Samarkand region in Uzbekistan. These objects apparently belonged to a small rural temple and were hidden during the Arabian conquest. The shapes of the bimetal lamp and bronze cauldron are specific for the Sogdian tereutics while the decorative design of the lamp reveals an Indian influence.

Ключевые слова: Согд, Пай-Арык, клад металлической утвари, арабское завоевание, составной биметаллический светильник, железный светильник, котел, религия Согда.

Keywords: Sogdiana, Pay-Aryk, hoard of metal cult objects, Arabian conquest, composite bimetal lamp, iron lamp, cauldron, Sogdian religion.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-367-377

В 1993 г. на землях совхоза им. Ахунбабаева, рядом с кишлаком Чураш-Махмади (близ районного центра города Пай-Арык) Пайарыкского района Самаркандской области, был случайно обнаружен клад металлических предметов. Клад состоял из бронзового котла, железного светильника на трех ножках и биметаллического светильника.

Местность, где был найден клад, неровная, она представляет собой первую полосу адыров — предгорных террас, которые ныне используют под богарное земледелие и пастбища (рис. 1, 1).

¹ Мирзаахмедов Д. К., Султанова М. Н., Мирзаахмедов С. Д. — Национальный центр археологии АН Республики Узбекистан; ул. Мирзо Улугбека, д. 81, Ташкент, 100060, Узбекистан; e-mail: Мирзаахмедов Д. К. — wesarex@gmail.com; Мирзаахмедов С. Д. — smirzaahmedov@gmail.com; Султанова М. Н. — muniras8512@gmail.com. Торгоев А. И. — Отдел Востока, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: torgoevasan@mail.ru.

Клад нашли во время мелиоративных работ, когда расширяли канаву, питающую сточными водами небольшое мертвое озерцо, использовавшееся для водопоя скота (рис. 1, 2). Предметы, по словам находчиков, лежали в слое чистой материковой глины.

В 670 м к югу от места находки клада расположено небольшое городище Тешик-тепа, прямоугольное в плане (130 × 110 м) с небольшой цитаделью в центре (рис. 1, 3). Высота валов крепости — 3–4 м, над ними на 3,5 м возвышается холм цитадели. С северо-востока к прямоугольнику валов примыкает растянутый аморфный рабад (ремесленное предместье). С юга он был ограничен остатками «длинной» стены, частично сохранившейся в виде низкого вала.

После обнаружения клада один из нашедших клад принес в Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан биметаллический светильник. Переговоры с ним в конечном итоге привели к тому, что уникальный предмет остался

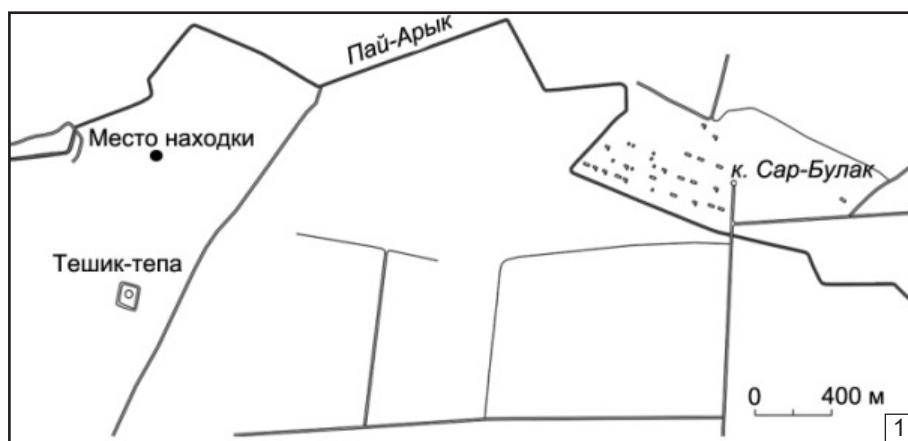

Рис. 1. 1 — схематический план места находки клада; 2 — место находки клада, люди стоят непосредственно на нем, стрелкой указано городище Тешик-тепа; 3 — городище Тешик-тепа, на заднем плане — холм цитадели. 2, 3 — фото С. Д. Мирзаахмедова

Fig. 1. 1 — schematic plan of the hoard's findspot; 2 — the hoard's findspot, the people are standing immediately over it, the arrow indicates the fortified site of Teshik-Tepa; 3 — fortified site of Teshik-Tepa, in the background there is the hill of the citadel. 2, 3 — photo by S. D. Mirzaakhmedov

в Институте археологии им. Я. Гулямова, где сейчас и хранится. Связь с остальными находчиками отсутствовала, и судьба двух других предметов клада долго оставалась неизвестной. В марте 2021 г. удалось найти остальных участников находки клада, у которых сохранился бронзовый котел. Однако не менее важный железный «подсвечник», единственное изображение которого сохранилось на фотографии, сделанной после находки клада, оказался утерянным (рис. 2).

Безусловно, наиболее яркой вещью в кладе является биметаллический светильник (рис. 3, 1а, 1б). В настоящий момент он состоит из двух частей: бронзовой трехногой подставки-трипода (рис. 3; 2а, 2б) и длинного ствола, собранного из пяти деталей: двух железных стержней и трех бронзовых катушковидных балясин (рис. 3, 3).

Высота трипода 12,5 см, при диаметре основания 15,6 см. Общая длина ствола 75,6 см, железные стержни имеют четырехгранное сечение 1,4 × 1,4 см. Возможно, что железные стержни некогда были покрыты тонкой серебряной обкладкой, остатки которой слабо просматриваются у одной из бронзовых балясин. Максимальный диаметр бронзовых балясин 5,2 см. К сожалению, верхний резервуар светильника не сохранился. Общая высота светильника без утраченного резервуара составляет 91,2 см.

Верхняя поверхность основания-трипода украшена выпуклой лотосовидной розеткой с кругом в центре, на этот круг напаивалась нижняя балясина ствола. Лепестки розетки ложчатые, отлиты в высоком рельефе (всего 22 лепестка). Ножки изогнутые, в середине каждой ножки

хорошо смоделированное рельефное реалистичное изображение головы слона (рис. 3, 2). Хобот слона изогнут таким образом, что его конец упирается в лоб, бивни короткие. Рот под бивнями и хоботом показан полосой, сделанной в негативе, края рта как бы огибают бивни. Складки на несколько угловатых больших ушах усиливают сходство с реальным животным. Ниже слоновьих головок идет изящная ножка, оканчивающаяся массивной лапой. Прямых аналогий триподу светильника найти не удалось.

Трипод отлит путем замещения восковой модели в одной составной неразборной форме. Делалась форма в несколько этапов. Сначала на круглой глиняной болванке-сердечнике формировали и вырезали восковую модель основания трипода со всеми деталями. Сохранившиеся на внутренней стороне основания трипода следы от пористой глиняной основы с примесью мелко рубленной соломы, бесспорно, свидетельствуют о том, что болванка-сердечник была глиняной. Затем восковую модель вместе с глиняным сердечником обмазали формовочной массой будущей формы. Форма доходила до нижнего обреза основания, а воск с краев был загнут внутрь для формирования широкого нижнего бортика, который был нужен для того, чтобы состыковать с ним формы с восковыми моделями ножек.

Затем наступила очередь изготовления восковых моделей ножек. Все ножки абсолютно одинаковые, что говорит о том, что для изготовления их восковых моделей использовали одну-единственную мастер-модель, которая была изготовлена из дерева или глины. Швы на ножках тщательно заполированы, в результате чего различимы слабо и не дают возможности реконструировать форму абсолютно достоверно, но в какой-то мере о способе изготовления форм для ножек можно судить по косвенным данным.

На одной из ножек довольно четко виден косой шов, спускающийся от внутреннего края ножки в районе уха слона до ее максимального прогиба. Низ ножек полый внутри и каплевидный в сечении. Полость занята глиняно-песчаным стержнем, являвшимся одним из компонентов формы. Этот же стержень продолжается вверх, вплоть до места крепления ножек. Однако выше уровня низа головок ножки также полые, но уже С-видные в сечении, плавно расширяющиеся вверх. Стержни оставались внутри

Рис. 2. Котел и железный светильник с находчиками во дворе их дома в кিশлаке Чураш-Махмади, 1993 г. Фото из архива Дж. К. Мирзаахмедова

Fig. 2. The cauldron and iron lamp with the finders in the courtyard of their house in the kishlak of Churash-Makhmadi, 1993. Photo from the archives of Dzh. K. Mirzaakhmedov

формы, прежде всего, для экономии металла. В противном случае ножки были бы сплошные, что увеличило бы количество необходимого металла и массу предмета.

Учитывая эти особенности, можно предположить, что сначала мастер-модель ножки обмазывали формовочной массой и разрезали получившийся кожух на части, а после просушки вынимали мастер-модель из форм. После этого получившуюся форму начинали собирать, предварительно вставив внутрь глиняный стержень. Полость между стержнем и поверхностью формы заполнялась воском. Косой шов на одной из ножек, безусловно, результат того, что разрезанные части формы состыковали не очень четко, и воск забился в стык между частями формы.

Торец глиняного штыря сверху также покрывался воском и посредством этой прокладки формы закрепляли с восковой моделью основания трипода. Всего операцию по изготовлению

Рис. 3. Биметаллический светильник (1а, 1б); бронзовый трипод: основание (2а, 2б) и ствол (3). Фото С. Д. Мирзаахмедова, прорисовка М. Н. Султановой

Fig. 3. Bimetal lamp (1a, 1b); bronze tripod: base (2a, 2b) and stem (3). Photo by S. D. Mirzaakhmedov, redrawing by M. N. Sultanova

восковых моделей ножек нужно было повторить три раза, тиражируя таким образом одинаковые ножки. В конце, когда формы с моделями ножек соединялись с основой, форма становилась неразъемной, и ее, видимо, дополнительно чем-то обмазывали, наращивая толщину. Далее воск вытапливали, а в форму заливали металл.

Затем форму ломали и вытаскивали готовое изделие.

Прямые аналогии триподу неизвестны. Однако сами по себе светильники с основанием в виде фигуры слона были известны уже в кушанское время. Глиняный светильник в виде фигурки слона с закрепленным на его спине резервуаром для

масла был найден в слое Беграм III (*Ghirshman*, 1946. Pl. XX, 6), датированном в пределах кушано-сасанидского периода.

Но почему на ножках светильника фигурируют головки именно слонов? Безусловно, появление слонов, а также лотосовидной розетки трипода можно отнести на счет того значительного индийского влияния, которое имело место в раннесредневековом Согде. В Индии слон выступает в качестве животного верховного бога Индры. По мнению Б. И. Маршака, согдийцы сопоставляли своих богов с богами Индии. Можно полагать, что по аналогии со слоном Индры, слон выступал в Согде животным верховного божества согдийцев — Адабага (*Маршак*, 2009. С. 16). Это божество мы можем видеть сидящим на слоне на росписи так называемого Красного зала Вархаши и на подвесках, одна из которых случайно найдена на городище Минг-тепа Булунгурского района Самаркандской области (рис. 4), а вторая происходит из Старого Термеза (*Культура и искусство древнего Узбекистана*, 1991. № 541). В свою очередь, лотос, выступающий в буддизме символом чистоты, вне всякого сомнения, привнесен в конечном счете из Индии. В религии Согда, определяемой сейчас как локальный вариант зороастризма, был значительный пласт заимствований из индийских верований. Очевидно, что светильник из Пай-Арыка изначально предназначался для освещения какого-то большого общественного помещения, вероятней всего, святилища или храма, и поэтому его трипод был украшен лотосовой розеткой и головками слонов, являвшихся животными верховного божества пантеона.

В отличие от трипода, ствол светильника имеет немногочисленные аналогии. В первую очередь, надо назвать биметаллический светильник из Пенджикента. Ствол его также состоит из двух железных стержней, соединенных бронзовыми муфтами-балясинами. У этого светильника не сохранилось основание или подставка, но сохранился округлый резервуар для масла (*Распопова*, 1980. Рис. 62, 5). Предмет был найден в помещении 20, объекта XIII, в комплексе, скорее всего, первой четверти VIII в.² Помещение входило

² Дата комплекса не очень ясна по отчету И. Б. Бентович. В сообщении от 11 марта 2021 г., адресованном А. И. Торгоеву, В. И. Распопова любезно сообщила, что комплекс из помещения, скорее всего, относится к первой четверти VIII в. Мы искренне благодарим Валентину Ивановну за консультацию.

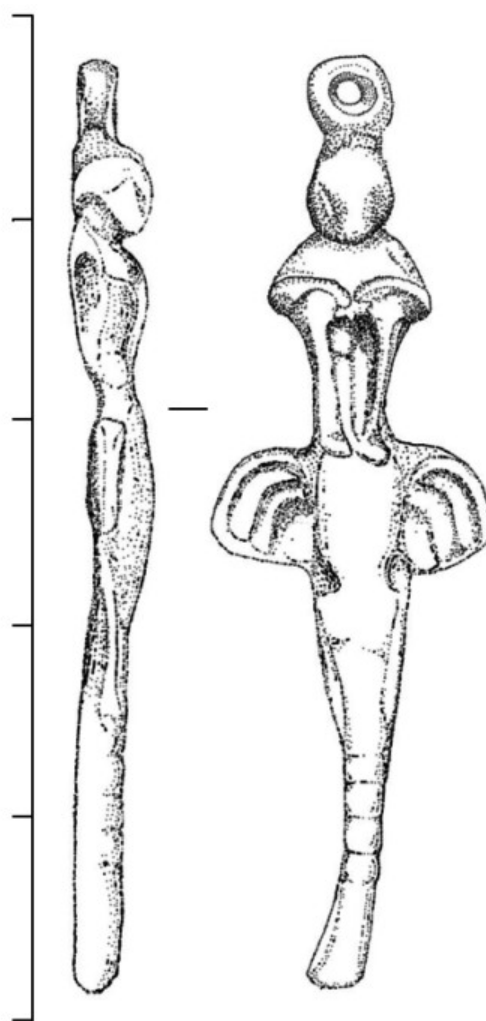

Рис. 4. Подвеска-амулет с городища Минг-тепа Булунгурского района Самаркандской области. Рис. А. И. Торгоева

Fig. 4. Amulet pendant from the fortified site of Ming-Tepa of the Bulungur district of Samarkand region. Drawing by A. I. Torgoev

в жилую часть дома. Высота этого светильника вдвое меньше, так же как и размер балясин, соединяющих железные стержни.

Обломки четырех балясин, у которых отверстия для вставки железных стержней имели четырехугольную форму, как и у светильника из Пай-Арыка, были найдены в сокровищнице храма Джартепа (*Бердимуратов, Самибаев*, 1999. С. 49, рис. 105, 1–4). Они, как и большинство очень важных находок из этого памятника, относятся к IV строительному горизонту, уничтоженному пожаром в конце VII — начале VIII в. Любопытно, что на живописи, расположенной в порталных

Рис. 5. Котел из клада. Фото С. Д. Мирзаахмедова

Fig. 5. Cauldron from the hoard. Photo by S. D. Mirzaakhmedov

нишах этого храма, один из персонажей держит в руках светильник, очень похожий на светильник из Пай-Арыка. У последнего изогнутые ножки, а также показаны ложки на основании трипода. Вполне вероятно, что отображенные двумя кружками утолщения на стволе светильника передают реальные бронзовые балясины (Там же. С. 54, рис. 123). К сожалению, на изображении не сохранилась верхняя часть этого светильника.

Аналогии деталям ствола очерчивают очень небольшую территорию использования таких светильников-торшеров. Очевидно, это должно свидетельствовать в пользу того, что такие светильники изготовляли местные мастера из Центрального Согда.

Обнаруженный в составе клада котел имеет полусферический корпус (рис. 5). Под венчиком у него закреплены четыре вертикальные ручки высотой 10 см, снабженные выступами-шипамии. Под ручками, на расстоянии 13,5 см ниже

венчика по всему тулову, проходит рельефная «веревочка». Венчик котла профилирован наружу, по его верху проходит площадка шириной 2,5 см. С внутренней стороны венчика, по всей его окружности проходит довольно неровный и толстый шов. Шов этот, однако, не сварочный, а образовался в результате нечеткого скрепления внутренней и внешней половин формы для отливки изделия. Диаметр венчика — 58 см, высота котла — 38 см. Внизу имеется низкий поддон, а точнее след литейного канала высотой около 1 см и диаметром 9 см. Единственным украшением данного котла является рельефный поясик «веревочка», проходящий по линии максимального диаметра сосуда. Эта «веревочка» изначально стягивала выплавляемо-выгораемую модель котла, которая делалась обычно из прутьев и сала (Демиденко, 2008. С. 34).

Мы с уверенностью можем говорить лишь о том, что этот котел относится к известной группе котлов с четырьмя вертикальными ручками,

снабженными выступами-шипами. С. В. Демиденко практически полностью собрал все котлы этого типа (Демиденко, 2014. С. 75–79)³, за исключением двух: одного — из Бухарского музея, второго — из Ферганского. Оба были единожды опубликованы в труднодоступных изданиях.

Котел из Бухарского музея (Бухарский музей-заповедник, 2004. С. 35) имеет открытую полусферическую форму (рис. 6), устье его деформировано и в настоящий момент имеет овальную форму размером 65,0 × 55,5 см. Диаметр его устья составлял около 60 см, высота корпуса 37 см. Венчик широкий, с площадкой наверху, профилирован наружу. В сечении имеет форму неправильной трапеции. Сохранились все четыре вертикальные ручки, каждая из них снабжена шестью выступами-шипами. Ниже ручек, по всему тулову проходит рельефный поясок-«веревочка». Между ручками, на верхней части тулова котла, между венчиком и «веревочкой» располагаются сделанные такой же «веревочкой» тамги в виде усиков с закругленными концами. Внизу имеется низкий поддон, а точнее округлый в плане литник диаметром 6 см. Нет сомнений, что это именно след литейного канала, то есть этот поддон повторяет отверстие в форме, куда заливали расплавленный металл.

Второй котел случайно найден в Ферганской области и хранится в Ферганском музее (Ферганский областной краеведческий музей, 2005. С. 23). По форме он сходен с котлом из Бухарского музея, диаметр его 57 см, высота — 32 см. Особенностью этого котла являются ручки, украшенные частыми гофрами, венчик же довольно тонкий, профилирован наружу.

Из всей серии котлов с вертикальными ручками с шипами из закрытого комплекса происходит только самый ранний из них. Речь идет о котле из известного погребения в каменной гробнице в Боровом (оно же — «погребение на Щучьем озере», оно же — «погребение в урочище Бармашном») в Центральном Казахстане. Дата погребения в Боровом сейчас оценивается в рамках конца V — первой половины VI в. (Засецкая и др., 2007. С. 86). Остальные котлы, упомянутые С. В. Демиденко, являются случайными находками.

³ Группа включает случайные находки котлов, обнаруженные в Зидде, Руфигаре, Фахрабаде, и котел из-под Ташкента, хранящийся в Национальном музее Узбекистана. К ним примыкает и котел более раннего времени из погребения на Щучьем озере в Боровом.

Рис. 6. Котел из Бухарского музея.
Фото А. И. Торгоева; моделирование А. В. Кулиша

Fig. 6. Cauldron from the Bukhara Museum.
Photo by A. I. Torgoev; simulation model by A. V. Kulish

Для определения даты котлов этого типа наибольшую важность имеет фрагментированная форма для их отливки, найденная в Пенджикенте. Фрагменты формы, которые в целом дают возможность практически полностью реконструировать котел, были найдены в обжигательной печи 1 в помещении 51 объекта XXV (Распопова, 2012. С. 570–571, рис. 2, 5, 6). Котел, который отливали в этой форме, и по размеру, и по форме, и по деталям очень близок к котлам из Пай-Арыка и из-под Ташкента, последний хранится

в Национальном музее Узбекистана. Наличие же на форме тамг в виде усиков делает котел из Бухарского музея едва ли не наиболее близкой аналогией котлу, который должны были отлить в форме из помещения 51 объекта XXV. Отличие заключается в том, что котел из Бухарского музея имеет более открытую полусферическую форму.

Комплекс с формами уверенно датируется первой четвертью VIII в. В печах, где были найдены обломки формы, ее, видимо, и обжигали. И здесь надо акцентировать внимание на том, что нахождение этих форм в Пенджикенте является единственным и абсолютно бесспорным доказательством производства здесь бронзовых котлов. Вполне вероятно, что такие котлы могли изготавливать и в других местах, но пока пенджикентские находки форм являются уникальными.

Все котлы с четырьмя вертикальными ручками с выступами-шипами, за исключением самого раннего в серии котла из погребения в Боровом, найдены на территории Согда и Тохаристана. Группа эта, однако, неоднородна. Ее можно разделить на две подгруппы вариантов. В первую входят котлы из Зидды и Руфигара (*Якубов*, 1987. Рис. 4, 5), которые имеют несколько иную форму и детали оформления ручек, нежели котлы второй подгруппы. Во вторую подгруппу следует объединить котлы из Пай-Арыка, Национального музея Узбекистана, Бухарского и Ферганского музеев. Котел из Фахрабада (Дарваз) имеет признаки как первой, так и второй подгруппы, его отливали в трехстворчатой форме, что нехарактерно для согдийской техники литья. Отличия в деталях как раз и указывают на то, что котлы с территории Северо-Восточного Тохаристана (Южный Таджикистан) отливались в других местах, нежели те, что найдены в Согде. Найденные формы для отливки в Пенджикенте не оставляют сомнений в том, что вторую подгруппу котлов с вертикальными ручками с шипами следует считать специфической именно для раннесредневекового Согда. Котел из Ферганского музея, ручки которого украшены частыми гофрами, отлит, видимо, согдийцами-переселенцами в Ферганской долине.

Входящий в клад железный светильник определить сложнее, так как обычно железные вещи крайне редко находят в столь хорошей сохранности и тем более целыми. Изделия подобного типа в литературе называют по-разному: подсвечник, канделябр, торшер. Железный светильник-торшер, судя по фотографии, имел высоту более 1 м

(рис. 2). Основой изделия был длинный железный стержень. В нижней части к этому стержню-стволу приделаны три ножки. Венчает ствол полусферическая железная чашка-резервуар. Ствол, скорее всего, был сделан из нескольких перекрученных между собой полос железа. Примерно с 1/3 высоты ствола от него отходят в противоположные стороны два изогнутых стержня. На этих стержнях-ветках закреплено еще по резервуару, причем, видимо, резервуары либо приклепаны к этим веткам, либо выкованы вместе с ними из одной полосы. На фотографии видно, что каждая ветка с резервуаром, в свою очередь, также разветвляется, причем эти дополнительные ветви явно длиннее. Впрочем, ракурс фотографии не позволяет рассмотреть то, чем заканчиваются дополнительные ветки. Хозяин вещей упомянул о нескольких сильно коррозированных и рассыпавшихся железных фигурках голов горных козлов, которые, по его мнению, связаны с казаном. Но, скорее всего, фигурки имели отношение именно к этим дополнительным веткам торшера.

В раннесредневековых культурах степных народов известны железные светильники с высоким стволом, причем они относятся к двум типам. Одни светильники использовались как подсвечники, на что указывает заостренный стержень для насадки свечи в центре резервуара, вторые же имеют резервуар для масла. Появление подсвечников-шамдонов для восковых свечей, безусловно, связано с византийским влиянием. В качестве примера такого изделия можно привести подсвечник на трех ножках с резервуаром и иглой для насадки свечи из погребения 1 кургана 1 Брусанского III могильника (*Багаутдинов и др.*, 1998. Табл. XVIII, 4). Последний по облику изделия более напоминает биметаллический светильник из клада в Пай-Арыке. Причем на его стволе сделано по два парных валика, которые, скорее всего, являются имитацией балясин или катушковидных сегментов. В Согде находки подсвечников неизвестны, там вплоть до позднего средневековья главенствовали именно масляные светильники. На Нижнем Дону известно два комплекса хазарского времени, датируемых первой половиной VIII в., где были найдены железные масляные светильники с высоким стволом. Речь идет об изделиях, входивших в комплексы вещей из разрушенных курганов у поселка Большая Орловка и хутора Назаровский. В назаровском комплексе находился светильник высотой 39 см с чашевидным

резервуаром (Ильюков, 2017. С. 30, рис. 2, 1), таким же, как и резервуары железного светильника из Пай-Арыка. В комплексе из Большой Орловки найден только ствол светильника высотой 67 см, в верхней части оканчивающийся тремя лапками для установки в них несохранившейся чаши-резервуара для масла (Ильюков, Косяненко, 2007. С. 87, рис. 12, 1). Однако оба светильника не имеют треножного основания, а оканчиваются заостренным концом для втыкания их в землю.

Наиболее близким экземпляром железному светильнику из Пай-Арыка является светильник, случайно обнаруженный в 1840-х гг. в Уфе. У него, помимо чаши, закрепленной на вершине ствола, было еще три дополнительные ветки, оканчивающиеся конусовидными резервуарами. Нижний конец ствола светильника заострен для втыкания его в землю. Вместе со светильником были также обнаружены обломки металлического котла (объемом три ведра), что явно указывает на неординарный характер этого комплекса (Гарустович, 2014. С. 57, рис. 1, 1). Основываясь на наблюдениях стратиграфического характера, Г. Н. Гарустович отнес находку к V–VII вв. Он же вполне убедительно показал, что этот тип светильников восходит к так называемым треножникам средне- и позднесарматского времени из Юго-Восточной Европы (Шевченко, 2006).

В Средней Азии единственная находка железного треножника известна только в инвентаре аристократического женского погребения среднесарматского времени на Кок-тепа (Рапэн и др., 2014. Рис. 9, 6). Треножник, как и большая часть инвентаря из этого погребения, указывает на происхождение их владелицы из сарматской среды.

Некогда наличествующие железные фигурки горных козлов, безусловно связанные именно с этим железным светильником, расширяют круг аналогий нашему предмету. В археологии Средней Азии хорошо известны изделия в виде изогнутых стержней, оканчивающихся головками горных козлов или баранов (Азбелев, 2001). Единственный целый такой предмет (точнее, его верхняя часть) был случайно найден в пещере Кух-и Сурх в верхнем течении Заравшана (Древности Таджикистана, 1985. С. 248). Он представляет собой небольшое основание треугольной формы с отверстием, от которого отходят три витые стержня, завершающиеся хорошо смоделированными головами горных баранов. Фактически это своеобразная «корзина», венчающая ствол.

Традиция оформления стержней головками животных, чаще всего именно рогатых, явно восходит к жезлам-треножникам сарматского времени (Шевченко, 2006. Рис. 3, 3–5). Но если сарматские треножники имели небольшую высоту и могли использоваться как жезлы, то их более поздние среднеазиатские аналоги использовали в качестве светильников. Нет сомнений в том, что в «корзины», образованные сходящимися в центре стержнями с рогатыми головками, ставился отдельный резервуар. В правильности такой реконструкции убеждает опубликованный Ю. Якубовым рисунок железного светильника, который он видел на мазаре Хазрати Бурха в Дарвазе (Якубов, 1996. С. 29, рис. 18). У последнего между четырьмя стержнями вставлены один над другим два железных резервуара, сделанных отгибом бортов круглой в плане заготовки. Один из резервуаров закреплен у места схождения стержней, второй — на верхней части изделия.

Для определения даты железного светильника важное значение имеют находки головок козлов на стержнях на Каратепа Нарпайском. На этом памятнике они были обнаружены в слоях пожара с монетами Урк Вартармука (конец VII в.) (Маньков, 1987. С. 49). Пожар, судя по всему, случился в самом начале VIII в. и, вероятно, связан с арабским нашествием. Таким образом, аналогии светильнику показывают, что его дата — вторая половина VII — первая четверть VIII в.

Рассмотрев аналогии предметамклада, мы видим, что все изделия из него относятся к довольно короткому временному интервалу — от конца VII по первую четверть VIII в. включительно.

И, наконец, следует сказать о назначении этих вещей. Большие котлы являются крайне редкой находкой на поселениях раннесредневекового Согда, и чаще всего их находят случайно. Ни одного целого котла так и не было найдено в частном домовладении. Единственный фрагмент котла, найденный на поселении Гардони-Хисор в частном доме (Якубов, 1987. С. 135–137, рис. 2), явно являлся ломом, предназначенным для продажи или переработки. Учитывая высокую цену металла и сложность производства котлов, ясно то, что они находились в коллективном владении соседской или квартальной общины. В Бухаре такая ситуация сохранялась до начала XX в., когда большой котел для варки пищи на общественно-семейных пиршествах находился в ведении квартальной общины (Сухарева, 1976. С. 21–22).

В. И. Распопова совершенно справедливо указывает на то, что большие котлы предназначались для каких-то ритуальных пиров (Распопова, 2014. С. 184). Общество раннесредневекового Согда было в значительной степени теократическим, и эти котлы, очевидно, использовались на каких-то мероприятиях, так или иначе связанных с религиозными предписаниями.

Близкая ситуация наблюдается и с использованием светильников. Светильник, найденный на объекте XIII в Пенджикенте, значительно меньше по размерам светильника из Пай-Арыка и явно использовался как предмет домашнего обихода. Настенная живопись Пенджикента также фиксирует использование светильников подобного облика и размера в быту. Светильник на ножках такого же размера, что и найденный на объекте XIII, изображен в живописи нижнего, «сказочного», яруса в помещении 7 объекта III, иллюстрирующей сказку о женской хитрости (Marshak, 2002. P. 120, 124, fig. 74; 75). Он изображен стоящим на полу рядом с ложем, на котором лежит женщина, спугнувшая любовника. Однако светильник из Пай-Арыка вдвое больше пенджикентских как

реального, так и изображенного в настенной живописи. Его размер и декоративное оформление определенно говорят о том, что он использовался для освещения какого-то помещения явно большего размера, чем жилая комната. Находки аналогичных по размеру балясин от такого же светильника в святилище храма Джартепа, а также изображение светильника на настенной живописи в порталных нишах этого храма не оставляют сомнений в том, что большие и высокие светильники предназначались для освещения храмов.

В этнографии земледельческого населения Средней Азии вещи, находящиеся в общественном пользовании и предназначенные для мероприятий общины, хранили в мечети. Вполне возможно, что предметы из нашего клада являлись утварью небольшого храма, по размерам, видимо, сопоставимого с храмом в Джартепа. Такой храм мог находиться в близлежащем к месту находки клада укрепленном поселении сельского типа Тешик-тепа. Скорее всего, клад из Пай-Арыка мог быть сокрыт во время бурных и трагических событий первой четверти VIII в., связанных с арабским нашествием.

Азбелев, 2001 — Азбелев П. П. Ак-Бешимская находка // Евразия сквозь века. Сборник научных трудов, посв. 60-летию Д. Г. Савинова / Отв. ред. И. Я. Фроянов, С. Н. Астахов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 211–212.

Багаутдинов и др., 1998 — Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Самарский региональный фонд «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.

Бердимуратов, Самибаев, 1999 — Бердимуратов А. Э., Самибаев М. К. Храм Джартепа-II (к проблемам культурной жизни Согда в IV–VIII вв.). Ташкент: Изд-во народного наследия им. Абдуллы Кадыри, 1999. 72 с., 136 рис.

Бухарский музей-заповедник, 2004 — Бухарский государственный архитектурно-художественный музей-заповедник: Каталог / Науч. ред. А. Хакимов. Ташкент: O'zbekiston Respublikasi Madaniyat ishlari vazirligi, 2004. 223 с.

Гарустович, 2014 — Гарустович Г. Н. Культурный «канделябр» с территории Башкортастана: светильник или жезл? // Вестник АН Республики Башкортастан. Уфа, 2014. Т. 19, № 1. С. 56–62.

Демиденко, 2008 — Демиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного

Приуралья (V в. до н. э. — III в. н. э.). М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.

Демиденко, 2014 — Демиденко С. В. Котлы типа «Тахти-Сангин — Бармашино»: к проблеме взаимопроникновения традиций металлообработки в Центральной Азии // РА. 2014. № 4. С. 75–88.

Древности Таджикистана, 1985 — Древности Таджикистана. Каталог выставки / Отв. ред. Е. В. Зеймаль. Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.

Засека и др., 2007 — Засека И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.

Ильюков, 2017 — Ильюков Л. С. Назаровский комплекс из нижнего Подонья: к вопросу о зороастризме у хазар // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 4: История, регионоведение, международные отношения. Волгоград, 2017. Т. 22, № 4. С. 28–39.

Ильюков, Косяненко, 2007 — Ильюков Л. С., Косяненко В. М. Раннесредневековый комплекс из Большой Орловки // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. М.; Иерусалим, 2007. Вып. 2. С. 85–113.

Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991 — Культура и искусство древнего Узбекистана. Кн. II /

- Отв. ред. К. А. Абдуллаев, Э. В. Ртвеладзе, Г. В. Шиш-кина. М.: Внешторгиздат, 1991. 218 с.
- Маньолов, 1987 — Маньолов Ю. П. Археологические исследования городища Каратепе на Нарпае // ИМКУ. 1987. Вып. 21. С. 45–56.
- Маршак, 2009 — Маршак Б. И. Искусство Согда. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 64 с.
- Рапэн и др., 2014 — Рапэн К., Исамиддинов М., Хасанов М. «Аристократическая» гробница кочевников на городище Коктепе близ Самарканда // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. II / Науч. ред. А.-П. Франкфор. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 70–116.
- Распопова, 1980 — Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. 138 с.
- Распопова, 2012 — Распопова В. И. Литейные формы из Пенджикента // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. Кн. 2 / Ред. кол. В. А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 564–571.
- Распопова, 2014 — Распопова В. И. Бронзовый котел из Пенджикента // Записки ИИМК. 2014. № 10. С. 180–188.
- Сухарева, 1976 — Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1976. 366 с.
- Ферганский областной краеведческий музей, 2005 — Ферганский областной краеведческий музей / Отв. ред. А. Хахимов, авторы текста Б. Хашимов, Г. Иванов. Ташкент, 2005.
- Шевченко, 2006 — Шевченко Н. Ф. «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. 2006. № 1. С. 141–154.
- Якубов, 1987 — Якубов Ю. Бронзовые средневековые котлы из Таджикистана // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1987. Вып. 4. С. 135–154.
- Якубов, 1996 — Якубов Ю. Религия Древнего Согда. Душанбе: Ирфон, 1996. 259 с.
- Ghirshman, 1946 — Ghirshman R. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans / Avec la collaboration de T. Girschman. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archaeologie orientale, 1946 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire. T. LXXIX; Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. XII). XIV, 232 p., 54 pl.
- Marshak, 2002 — Marshak B. I. Legends, Tales, and Fables in the Art of Sogdiana / With an Appendix by V. A. Livshits. New York: Bibliotheca Persica Press, 2002 (Biennial Ehsan Yarshater Lecture Series. No. 1). XI, 187 p.

Hoard of Sogdian cult utensils of the 7th–8th century from Pay-Aryk

D. K. Mirzaakhmedov, A. I. Torgoev, S. D. Mirzaakhmedov, M. N. Sultanova⁴

This paper presents a publication of a hoard of metal objects found in the surroundings of the town of Pay-Aryk of the Samarkand region in Uzbekistan. The hoard included a composite bimetal lamp made from bronze and iron, a forged iron lamp and a large bronze cauldron. The composite bimetal lamp is the most interesting find. Its tripod base is cast of bronze, the stem barrels are from iron and connected with bronze banisters. The bronze base of the bimetal lamp is decorated with a lotus rosette and the feet are shaped as realistically rendered elephant's heads. These elements of decoration belong to the circle of Indian borrowings widely distributed in the Sogdian art.

The bronze cauldron is of a type widespread in Sogdiana. Moulds for casting similar cauldrons were found in Panjakent undoubtedly suggesting their Sogdian manufacture.

The hoard included also an iron floor lamp but, unfortunately, the latter was lost by the finders. Its single representation is preserved in a photo taken after its finding. It was a lamp on three legs with a high stem ending in a bowl for oil. Still other two bowls were attached to the lateral branches. With this lamp, in addition, rods terminating with goat's heads were related. All these objects apparently constituted the utensils of a small rural temple. They possibly were hidden during the violent events of the first quarter of the 8th century in the course of the Arabian conquest of Sogdia.

⁴ Djamal Mirzaakhmedov, Munira Sultanova, Sirojiddin Mirzaakhmedov — National Center of Archeology Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; M. Ulugbek street, 81, Tashkent, Mirzo Ulugbek district, 100060, Uzbekistan; e-mail: wesarex@gmail.com, muniras8512@gmail.com, smirzaahmedov@gmail.com. Asan Torgoev — The State Hermitage Museum; 18, Dvortsovaja nab., St.-Petersburg, 191186, Russia; e-mail: torgoevasan@mail.ru

Чудо в Сравасти (воспроизведение и прототип)

Т. К. Мкртычев¹

Аннотация. Методика, предложенная Б. И. Маршаком для изучения штампованной среднеазиатской терракоты, может быть использована в отсутствии материалов по генетическим рядам. Анализ терракоты из Сарыктепе (Южный Согд) позволил выявить ее изобразительный прототип, которым был популярный в гандхарской иконографии сюжет «двойного чуда» в Сравасти.

Annotation. The methodology proposed by Boris I. Marshak for the study of stamped Central Asian terracotta can be used in the absence of materials by genetic series. The analysis of a terracotta from Saryktepe (Southern Sogdiana) revealed its artistic prototype, viz. “The Twin Miracle” in Śrāvastī — the subject that was popular in the iconography of Gandhara.

Ключевые слова: терракота, прототип, редукция, буддийская иконография, чудо в Сравасти, Гандхара.

Keywords: terracotta, prototype, reduction, Buddhist iconography, Miracle in Śrāvastī, Gandhara.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-378-381

В археологии Средней Азии имеется множество различных проблемных тем, которые, несмотря на многолетнее и подробное изучение, до сих пор не утратили своей актуальности. К таким темам относится и штампованная среднеазиатская терракота. В море научной литературы, посвященной этой проблеме, отправной точкой в создании наиболее действенной методики изучения штампованной терракоты является небольшая заметка Б. И. Маршака (Маршак, 1972). По существу, Б. И. Маршак использовал для среднеазиатского материала методику, которая применяется при изучении античной коропластики. К сожалению, время показало, что предложение Б. И. Маршака во многом осталось невостребованным. Справедливости ради стоит сказать, что в большинстве случаев у нас действительно отсутствует материал для составления генетических рядов штампованной терракоты. Однако это не означает отсутствие возможности проведения анализа иконографии терракоты по методике Б. И. Маршака и получения

одного из его результатов — выявления первоисточника образа, то есть прототипа. Настоящая заметка является исследованием в русле идей, высказанных Б. И. Маршаком. Она посвящается моим уважаемым питерским коллегам — В. И. Распоповой, В. А. Алёкшину и Л. Б. Кирчо.

Терракота, которая привлекла мое внимание, была найдена на раннесредневековом памятнике Сарыктепе в Южном Согде (Лунина, 1990. С. 48). Автор публикации отметила связь иконографии терракоты с буддизмом. Терракота (наличие некоторого изобразительного пространства вокруг фигуры дает основание называть эту терракоту плакеткой) представляет собой оттиск односторонней матрицы размерами 12,7 × 5,9 см и толщиной 0,7 см. Тесто светло-коричневое с большим включением частиц известняка; обжиг равномерный, внешняя поверхность высветлена. Сохранность хорошая, наблюдается шелушение поверхностного слоя. По краю выполнена подрезка. Правый край плакетки замят.

На плакетке оттиснута редуцированная фигура стоящего Будды (рис. 1, 1). Лицо сохранилось не очень хорошо — нос стерт, переносица и лоб стесаны после выемки из штампа (?), крупные глаза не имеют детальной моделировки (нет зрачков,

¹ Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого; ул. Т. Кайипбергенова, д. 52, Нукус, 230100, Республика Узбекистан; e-mail: mkrtiga@gmail.com.

Рис. 1. Чудо в Сравасти: 1 — терракота из Сарыктепе (фото автора); 2 — каменный рельеф «Двойное чудо в Сравасти» из Шоторака, II–III вв. (Музей Гимэ, MG 17478); 3 — фрагмент каменной скульптуры «Двойное чудо в Сравасти» (Tsuchiya, 2000. Fig. 14). 2, 3 — без масштаба

Fig. 1. Miracle in Śrāvastī: 1 — terracotta from Saryktepe (the author’s photo); 2 — stone relief “The Twin Miracle in Śrāvastī” from Shotorak, 2nd — 3rd centuries AD (Musée Guimet, MG 17478); 3 — fragment of a stone sculpture “The Twin Miracle in Śrāvastī” (Tsuchiya, 2000. Fig. 14). 2, 3 — no scale

век и пр.). *Ушнниша* — выступ на темени Будды, являющийся одной из характерных черт (*лакшан*) в иконографии Будды, — стерта. На плакетке отпечаталось только правое ухо Будды — длинное, как и положено по буддийской иконографии. Кисть правой руки отсутствует. Очевидно, на штампе, с которого оттискивалась эта плакетка, кисть правой руки была сильно заглублена, а ремесленник не заполнил эту часть штампа глиной. В результате на оттиске рука оказалась без кисти. Однако легко предположить, что на прототипе кисть руки была показана в жесте *абхья-мудра*. В левой руке Будда держит край своего монашеского плаща (*санхати*). Полемику среди исследователей

вызвало изображение ног персонажа. С. Б. Лунина считала, что у персонажа птичьи лапы и он представляет какое-то местное божество, для изображения которого была использована буддийская иконография (Лунина, 1990. С. 48). Д. В. Чунихин продолжил развитие этой интерпретации и предположил, что персонаж с птичьими лапами относится к индуистскому пантеону и, возможно, изображает Вишну-Гаруду (Чунихин, 1992). В отличие от ранее высказанных мнений, Н. Д. Двуреченская увидела в этом изображении ступни в сандалиях, непонятые должным образом местным мастером (Двуреченская, 2000. С. 127–128).

Когда в начале 2000-х гг. я занимался обобщением материалов по буддийскому искусству Средней Азии, данная терракота вошла в раздел, посвященный буддийской коропластике. Было понятно, что плакетка передает очень редуцированное изображение Будды, но в то время прототип установить не удалось. Пытаясь объяснить такую «странную» иконографию, я привел в пример полиморфные образы раннесредневекового согдийского искусства с птичьими ногами, обнаруженные в Китае (Мкртычев, 2002. С. 195–196). Данное предположение было повторено и расширено Г. И. Богомоловым (Богомолов, 2019. С. 339). Однако сейчас, возможно, мне удалось выявить прототип, что и послужило основанием для написания данной небольшой заметки.

Анализ иконографии сарыктепинской плакетки позволяет говорить, что штамп, использованный для оттиска, подвергся «авторской» доработке по сравнению с первоначальным изображением (прототипом). Во-первых, это видно по изображению *сангхати* Будды. Ремесленник (автор штампа) добавил две складки, которые не соответствуют тому, как обычно изображалось это одеяние. Они напоминают перевязь, пересекающуюся на груди крест-накрест. Во-вторых, вокруг фигуры Будды, а также вокруг его рук проходит полоса маленьких рельефных выступов. Подобный прием добавления каких-либо декоративных элементов в штамп хорошо известен в среднеазиатской коропластике. Как правило, такие элементы не связаны по смыслу с первоначальным изображением и демонстрируют редукцию значения образа.

Учитывая принципы изготовления штампованной терракоты, описанные Б. И. Маршаком, для изучения этой плакетки мной был использован сравнительный иконографический анализ. Поскольку связь изображения на плакетке с буддийской иконографией ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, то вполне правомерно обращение к классическим образам буддийского искусства Гандхары, которые могли бы послужить для нее прототипом. Отправной точкой для поисков прототипа стала ростовая фигура Будды, с правой рукой в абхая-мудре (предположительно) и с длинной складкой одеяния в левой руке. Комбинация этих признаков позволила предположить, что прототипом для сарыктепинской плакетки служило изображение Будды во время так называемого двойного чуда в Сравасти. Известны несколько гандхарских рельефов, в основном из Каписы (Афганистан), которые запечатлели эту историю, изложенную в *Pratihaya-sutra*.

Речь идет о чуде нисхождения воды и огня из тела Будды, которое он совершил в качестве подтверждения своих особых способностей (*Tsuchiya*, 2000. Fig. 6, 14; Musée Guimet, MG 17478; Huntington Archive — примеры рельефов с изображением «чуда в Сравасти»). Наличие значительного числа рельефов, обыгрывающих эту сцену, свидетельствует об устойчивой иконографической модели, которая была популярна в буддийском искусстве Гандхары во II–III вв. (рис. 1, 2, 3).

Возвращаясь к анализу изображения на терракотовой плакетке из Сарыктепе, мы видим еще две иконографические детали, которые указывают на гандхарскую иконографию «чуда в Сравасти» как на возможный прототип. Во-первых, на плакетке есть два рельефных выступа, расположенных за плечами фигуры Будды. Они не имеют декоративного характера и представляют собой сильно редуцированное изображение, оставшееся от прототипа, а именно языки пламени, вырастающие из-за плеч Будды (рис. 1, 1, 2). Во-вторых, рельефные полосы в нижней части плакетки, которые исследователи интерпретировали как птичьи лапы или непонятные ремесленником ступни в сандалиях, на самом деле являются непонятым и поэтому искаженным изображением потоков воды, которые также были частью совершаемого Буддой чуда (рис. 1, 2, 3).

В этой связи анализ иконографии терракотовой плакетки из Сарыктепе дает основание говорить, что существование других терракот (генетического ряда) для определения прототипа не является обязательным. Прототип может быть найден при выявлении неких характерных деталей иконографии терракоты, которые сопоставляются с прототипом.

В заключение хотелось бы отметить, что воспроизведение буддийских сюжетов с гандхарских рельефов уже отмечалось применительно к раннесредневековой плакетке с городища Канка (Чач). На ней в редуцированном виде воспроизведена сцена Великого ухода принца Сиддхартхи из дворца (Мкртычев, 2002. С. 197–198). Итак, на основании двух примеров можно говорить о том, что буддийская иконография оказывала определенное влияние на местное искусство даже в тех регионах, которые не входили в известные нам зоны распространения буддизма в Средней Азии.

В то же время вопросы о том, как же воспринимались данные терракотовые плакетки из Сарыктепе и с Канки и имели ли они какую-либо связь с буддизмом, пока не имеют ответов.

- Богомолов, 2019 — Богомолов Г. И. Буддизм в истории Узбекистана // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 3: Буддизм / Научн. ред. Б. Аманбаева, Ф. Асадов, Ш. Пидаев. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 240–350.
- Двуреченская, 2000 — Двуреченская Н. Д. Терракотовая плитка с изображением бодхисаттвы из Восточной Кашкадарьи // РА. 2000. № 3. С. 125–133.
- Лунина, 1990 — Лунина С. Б. Изделия художественного ремесла Кеша // Культура Среднего Востока (с древнейших времен до наших дней). Изобразительное и прикладное искусство / Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1990. С. 45–52.
- Маршак, 1972 — Маршак Б. И. Согдийские терракоты // Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. Археологическая секция. М.: Институт археологии АН СССР, 1972. С. 276–277.
- Мкртычев, 2002 — Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М.: Академкнига, 2002. 287 с.
- Чунихин, 1992 — Чунихин Д. В. Вишну-Гаруда // Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация»: Тезисы докладов / Отв. ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Институт искусствознания им. Хамзы, 1992. С. 154–155.
- Huntington Archive — The Huntington Archive. Available at: <https://huntingtonarchive.org> (accessed 10.05.2021).
- Musée Guimet — Musée National des Arts Asiatiques-Guimet, Paris, France, MG 17478. Available at: <https://www.guimet.fr> (accessed 15.04.2021).
- Tsuchiya, 2000 — Tsuchiya H. An iconographical study of the Buddhist art of Shotorak, Paitāva and Kham Zargar // SRAA. 2000. Vol. 6 (1999/2000). P. 97–114.

The Miracle in Śrāvastī (reproduction and prototype)

T. K. Mkrtychev²

The analysis of the iconography of a terracotta plaque from Saryktepe (Southern Sogdiana), carried out taking into account the methodology of Boris I. Marshak, made it possible to identify its artistic prototype: it is the famous Gandharan composition “The Twin Miracle in Śrāvastī”. A similar reduced reproduction of Buddhist subjects from Gandharan reliefs has already been noted in relation to the early medieval plaque from the settlement site of Kanka in Chach. This testifies to a certain influence of Buddhist iconography on the early medieval art of those regions that were not part of the well known zones of the spread of Buddhism in western Central Asia.

² Tigran Mkrtychev — The State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan named after I. V. Savitsky; ul. T. Kaipbergenova, 52, Nukus, 230100, Republic of Uzbekistan; e-mail: mkrtiga@gmail.com.

Кочевники в раннесредневековом Тохаристане

В. С. Соловьев¹

Аннотация. Статья рассматривает этнополитическую ситуацию в раннесредневековом Тохаристане в свете письменных, археологических и этнографических данных. Наряду с многочисленным оседлым населением в регионе засвидетельствован ряд кочевых групп. Одну из них автор идентифицирует как тюрков — прежде всего, карлуков (могильник Шахидон), вторую — как гуннов (могильник Байтудашт I–II).

Annotation. This paper considers the ethnopolitical situation in early mediaeval Tokharistan in the light of the documentary, archaeological and ethnographic evidence. Along with the multitudinous settled population, a number of nomadic groups have been recorded in this region. One of them is identified by the author as Turks — firstly the Karluks (Shakhidon burial ground) while the second group were the Huns (cemetery of Baytudasht I–II).

Ключевые слова: Тохаристан, раннее средневековье, Шахидон, Байтудашт I–II, кочевники, погребальный обряд, тюрки, карлуки, гунны.

Keywords: Tokharistan, early Middle Ages, Shakhidon, Baytudasht I–II, nomads, burial rite, Turks, Karluks, Huns.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-382-385

Раннесредневековый Тохаристан занимал территорию, которая в целом соответствовала древней Бактрии: это области к югу и северу от Амударьи (Бартольд, 1965. С. 514–515; Камалиддинов, 1996), ныне относящиеся к Таджикистану (Хатлонская область), Узбекистану (Сурхандарьинская область) и Афганистану (провинции Балх, Кундуз и Тахар). В Тохаристане имелось большое количество городов и селений, земледельческая экономика базировалась на развитой системе ирригации (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 138–140; Зеймаль, Ртвеладзе, 1999. С. 133–136). Тохаристан в ту эпоху был полиэтничен: наряду с основной массой оседлого населения, здесь также проживали кочевники, что засвидетельствовано, в частности, китайскими письменными источниками (Бичурин, 1950. С. 285–286, 321–322; Малявкин, 1989. С. 68–69; Боровкова, 2008. С. 299–307; Сюань-цзан, 2012. С. 320–324). По сообщению буддийского паломника Хуэй Чао, посетившего

Среднюю Азию в 726 г., в Хуттале, одном из тохаристанских владений, половина местных жителей — ху, вторую половину составляли тюрки (цит. по Ние Ч'ю, 1984. Р. 54–55). Более того, тюрки являлись правителями ряда владений Тохаристана (Бичурин, 1950. С. 321–322; Сюань-цзан, 2012. С. 320–321).

Известны и названия некоторых тюркских племён Тохаристана — это халаджи и карлуки. Их потомки и сейчас живут на этой территории. По данным Б. Х. Кармышевой, халаджи населяли пять кишлаков в низовьях реки Кафирниган, численность их неизвестна. Карлуки в наши дни компактно проживают в южных районах Таджикистана и Узбекистана. Те из них, которые обитают на южных склонах Гиссарского хребта, именуют себя *тюрк-карлуками*. Карлуки, живущие к югу от Гиссарской долины, в районе Нурека и Яванской долины, а также на территории Бальджуанского и Кулябского бекства, не причисляли себя к тюркам, а считались самостоятельной народностью (Кармышева, 1976. С. 83). Чаще всего карлуки нынешнего Южного Таджикистана называют себя *калик-мардум* (от таджикского *мардум* — «народ»). К. Ш. Шаниязов считает, что их

¹ Кафедра истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина; ул. Коммунаров, д. 28, Елец, 399770, Россия; e-mail: tohar.arh@mail.ru.

проникновение на территорию Северного Тохаристана произошло в середине VI в. (*Шаниязов*, 1964. С. 22–29).

Расселение тюркских племен в этом регионе подтверждается и археологическими материалами. Так, в 1969 г. в районе Файзабада было найдено каменное изваяние, высеченное из гранитной глыбы. Оно изображает мужчину с кубком в правой руке, левая его рука согнута в локте и покоится на животе (*Жуков*, 1978. С. 120). В 1983 г. два других изваяния (или два фрагмента одного?) найдены на берегу маловодной речки Обикиик. Они выполнены из мергелистого известняка в точечной технике, с подшлифовкой лица и рук. Положение рук персонажа точно соответствует файзабадскому изваянию, только в правой руке у него нет сосуда (*Соловьев*, 1985. С. 246–248).

В 2011 г. в долине р. Сурхоб, у селения Сарихасор (Бальджуванский район Хатлонской области Таджикистана) случайно обнаружен могильник Шахидон. В ходе охранных раскопок Т. Г. Филимонова и М. Р. Ахмедзянов вскрыли два погребения. Основные работы по изучению могильника проводились в следующем году. Всего в 2013–2015 гг. было раскопано 29 погребений, совершенных в могильных ямах с подбоями. Вход в них закрывают два ряда камней; погребенные лежали на спине, иногда с подогнутыми ногами. В отдельных случаях встречаются захоронения с конем — верный признак того, что здесь похоронены тюрки. Об этом свидетельствует и погребальный инвентарь, состоящий из вооружения, деталей конской сбруи, предметов туалета. Интерес представляет небольшой набор керамики. Часть сосудов изготовлена местными тохаристанскими гончарами — они станковой выделки; другая часть сосудов лепная, она принадлежит тюркским мастерам. В захоронениях найдены и серебряные монеты сасанидского шаха Пероза (459–484 гг.), которыми он платил дань эфталитам, а также медные анэпиграфные монеты местного чекана. Все они были помещены во рту умерших (*Соловьев*, 2018. С. 42–50; *Тишкин и др.*, 2019. С. 304–311; *Филимонова и др.*, 2019. С. 262–263).

Кроме того, нам представляется, что наряду с тюркскими племенами в раннесредневековом Северном Тохаристане присутствовала еще одна группа кочевых племен — гунны. Письменные источники ничего о них не сообщают, однако их присутствие засвидетельствовано археологически. В 1971–1983 гг. А. Абдуллаев проводил

раскопки могильников Байтудашт I–II (Пянджский район Хатлонской области Таджикистана)². Могильники были курганными, их насыпи состояли из слоев лёсса, смоченных водой; диаметр курганов достигает 15–40 м, высота — 3–7 м. Иногда они окружены каменными кольцами, под насыпью идет камышовый настил. В центре кургана (или с некоторым смещением на северо-запад от центра) вырыты катакомбы шириной 2 м, глубиной 2,0–6,5 м. Вход в них закрывали деревянные жерди. Захоронения были коллективными, они сопровождалась богатым инвентарем, состоящим из железных предметов вооружения, золотых и серебряных украшений, кожаных бурдюков с напитками. Среди украшений из золота есть предметы, инкрустированные красными камнями. Датируются могильники монетами Хосрова I (531–579 гг.), Хосрова II (590–628 гг.), золотым солидом императора Анастасия (491–518 гг.) и местными анэпиграфными монетами с тамгой VII в. (*Абдуллаев*, 1983; 1988; 1990; 1991; 1993).

А. Абдуллаев не определил, к какой этнической группе относятся погребенные в могильниках люди. Вместе с тем тип погребальных сооружений (катакомбы), погребальный инвентарь, антропологический материал (ярко выраженная монголоидность) свидетельствуют о том, что в могильниках Байтудашт I–II похоронены гунны, переселившиеся в Северный Тохаристан примерно в одно время с тюрками³.

К. Абдуллаев, анализируя настенную живопись замка Тавка (первая половина VIII в., согласно нашей датировке: *Соловьев*, 2005. С. 194), расположенного южнее Железных ворот, в 4 км от города Шерабад, пришёл к выводу, что некоторые изображенные там персонажи принадлежат «к гуннскому кругу». Основанием для такого вывода послужила небольшая монголоидная

² Об этих курганах сообщал в начале XX в. Д. Н. Логофет, побывавший по долгу службы в районе Пянджа: «ряд курганов, являющихся могильниками скифо-парфянских племен» (*Логофет*, 1909. С. 87–94).

³ *Прим. ред.:* Ср., однако, заключение Т. П. Кияткиной, привлекшей к решению вопроса данные антропологии и определившей погребенных в Байтудаште как карлуков. Связи же с хунну Монголии и Забайкалья она усматривает у другой группы раннесредневековых кочевников, оставивших погребения в долине Кетмень-Тюбе; их антропологический тип и погребальный обряд существенно отличаются от того, что мы видим в Байтудаште (*Кияткина*, 1992. С. 132–133).

примесь, характерная для их антропологического типа, а также их прически (отдельные локоны, оставленные на выстриженной голове) и головные уборы (Абдуллаев, 2010. С. 238–244). Росписи, судя по сюжету, изображали свадебные торжества, включавшие пиры и конную охоту на джейранов (Соловьев, 2005. С. 194–195).

Первоначально взаимоотношения тюрков с населением Тохаристана были сложными, не раз случались набеги тюркских отрядов на селения, но постепенно шел процесс взаимной психологической и экономической адаптации. Тюрки селились в городах, переходили к земледелию, овладевали строительной техникой, участвовали в экономической жизни. Тем не менее скотоводство по-прежнему оставалось у них главным занятием: известно, например, что арабы захватили в Хутгале у тюрков более 150 000 овец и множество лошадей (Табари, 1987. С. 151). Тюрки подверглись влиянию буддизма ещё до прихода в Среднюю Азию и способствовали его распространению в среде местных жителей, которые были до этого преимущественно

зороастрийцами (об этнорелигиозной ситуации в регионе в первой половине VII в. см. например: Сюань-цзан, 2012. С. 320–324).

Процесс интеграции гуннов и тохаристанцев проследить сложнее, но ряд находок — например, монеты и станковый светильник в погребениях, — свидетельствуют и о ней. Но, безусловно, вопрос о роли гуннского компонента в этнополитической истории раннесредневекового Тохаристана еще далек от решения и требует дальнейших исследований⁴.

⁴ Прим. ред.: Отметим, что понятие «гунны» применительно к раннесредневековой Средней Азии требует уточнения и конкретизации: идет речь о кочевых племенах, связанных происхождением с центрально-азиатскими хунну / сюнну (но погребальный обряд последних имеет мало общего с байтудаштским), или о кочевниках предтюркского времени (кидаритах–хионитах–эфталитах, которых некоторые письменные источники называют гуннами, но с какими археологическими памятниками их соотносить?), или о какой-то иной группе номадов?

Абдуллаев, 1983 — Абдуллаев А. Археологические разведки и раскопки в Пянджском районе в 1977 году // АРТ. Душанбе: Дониш, 1983. Вып. XVII (1977 г.). С. 69–79.

Абдуллаев, 1988 — Абдуллаев А. Л. Отчёт о работе Пянджского отряда за 1981 г. // АРТ. Душанбе: Дониш, 1988. Вып. XXI (1981 г.). С. 310–324.

Абдуллаев, 1990 — Абдуллаев А. Л. Работа Пянджского археологического отряда в 1982 г. // АРТ. Душанбе: Дониш, 1990. Вып. XXII (1982 г.). С. 267–282.

Абдуллаев, 1991 — Абдуллаев А. Л. Раскопки Пянджского археологического отряда в 1983 г. // АРТ. Душанбе: Дониш, 1991. Вып. XXIII (1983 г.). С. 201–213.

Абдуллаев, 1993 — Абдуллаев А. Л. Отчет Пянджского археологического отряда за 1984 г. // АРТ. Душанбе: Дониш, 1993. Вып. XXIV (1984 г.). С. 283–295.

Абдуллаев, 2010 — Абдуллаев К. Живопись крепости Тавка. К проблеме этнической истории Северного Тохаристана (по данным настенных росписей) // Цивилизация и культура Центральной Азии в единстве и многообразии: Материалы международной конференции, Самарканд, 7–8 сентября 2009 г. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, SMI-ASIA, 2010. С. 235–245.

Бартольд, 1965 — Бартольд В. В. Тохаристан // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1965. Т. III. Работы по исторической географии. С. 514–515.

Бичурин, 1950 — Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. II. 334 с.

Боровкова, 2008 — Боровкова Л. А. Народы Средней Азии III–VI веков (по древним китайским и западным источникам). М.: Институт востоковедения РАН, 2008. 368 с.

Зеймаль, Ртвеладзе, 1999 — Зеймаль Т. И., Ртвеладзе Э. В. Северный Тохаристан // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Отв. ред. Г. А. Брыкина. М.: Наука, 1999. С. 132–143.

Жуков, 1978 — Жуков В. А. Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане // МКТ. Душанбе: Дониш, 1978. Вып. 3. С. 120–121

Камалиддинов, 1996 — Камалиддинов Ш. С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX — начала XIII в. Ташкент: Ўзбекистон, 1996. 424 с.

Кармышева, 1976 — Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М.: Наука, 1976. 323 с.

Кияткина, 1992 — Кияткина Т. П. О тюрках в древнем Тохаристане (Материалы из могильника Байтудашт) // Материалы к антропологии уральской расы: Сб. ст. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 119–134.

- Логофет*, 1909 — *Логофет Д. Н.* На равнинах Средней Азии. СПб.: В. Березовский, 1909. Кн. 3. Бухарско-Афганская граница. 208 с.
- Малявкин*, 1989 — *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.
- Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990 — *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и средневековье). Ташкент: Фан, 1990. 219 с.
- Соловьев*, 1985 — *Соловьев В. С.* Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане // СА. 1985. № 2. С. 246–248.
- Соловьев*, 2005 — *Соловьев В. С.* Датировка и интерпретация настенной живописи Тавки // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (СПб., 2–5 ноября 2004 года). СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 194–195.
- Соловьев*, 2018 — *Соловьев В. С.* Материалы из раскопок могильника Шахидон в Таджикистане // Археологическое наследие. 2018. № 1. С. 42–50.
- Сюань-цзан*, 2012 — *Сюань-цзан.* Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Введ., пер. с кит. и комм. Н. В. Александровой. М.: Восточная литература, 2012. 463 с.
- Табари*, 1987 — *История ат-Табари.* Ташкент: Фан, 1987. 440 с.
- Тишкин и др.*, 2019 — *Тишкин А. А., Филимонова Т. Г., Горбунов В. В., Серегин Н. Н.* Шохидон — аварийный могильник раннего средневековья в Таджикистане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2019. № 25. С. 304–311.
- Филимонова и др.*, 2019 — *Филимонова Т. Г., Сайфуллоев Н., Дубова Н. А., Сатаев Р. М., Куфтерин В. В., Сатаева Л. В.* Новый памятник ранних кочевников на юге Таджикистана: могильник Шахидон (к проблеме взаимодействия подвижных скотоводов и земледельцев) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы междунар. конф. (СПб., 18–22 ноября 2019 г.). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. Т. I. С. 262–264.
- Шаниязов*, 1964 — *Шаниязов К.* Узбеки-карлуки: Историко-этнографический очерк. Ташкент: Фан, 1964. 195 с.
- Hye Ch'ò*, 1984 — *The Hye Ch'ò Diary: A Memoir of the Pilgrimage to the Five Regions of India / Transl. and ed. by Yang Han-Sung etc.* Berkeley, California: Asian Humanities Press; Seoul: Po Chin Chai, 1984 (UNESCO Collection of Representative Works; No. 2). 118 p.

Nomads in early mediaeval Tokharistan

V. S. Solov'ov⁵

Written sources bear evidence that, in the epoch of the early Middle Ages, in Tokharistan, along with multitudinous native population, different nomadic tribes were living playing an important role in the political life of the region. Among them there were Turks, including the Khaladzhes and Karluks, the descendents of which still now live in the southern districts of modern Uzbekistan and Tajikistan. The author associates with the Karluk tribes the kurgan burial ground of Shakhidon in southern Tajikistan. This site was excavated in 2011–2015. The dead were buried in grave pits with undercuts, lying on the back, occasionally with flexed legs. In some cases, burials with a horse are found. The grave goods are represented by weaponry, horse gear, toilette items, as well as pottery — partly of local and partly of Turkic manufacture.

The second group of the nomads, unrecorded by written sources, was constituted, in the author's opinion, by the Huns. Their representations can be seen in the frescoes of the Tavka castle (Surkhandarya region in Uzbekistan); they are associated also with the buried at the kurgan cemetery of Baytudasht I–II (Khatlon region of Tajikistan) excavated in 1971–1983. The burial mounds consisted of layers of loess wetted with water. Sometimes they are surrounded with stone circles; beneath the mound there is a reed floor. In the centre of the barrow (or with some deviation to the north-west from the centre) there were catacombs with their entrance barred with wooden poles. The collective interments were accompanied with rich grave offerings constituted of iron weaponry, gold and silver ornaments and leathern wineskins with drinks.

Throughout the early mediaeval period, the gradual process of mutual integration of the nomads and settled population of Tokharistan was taking place.

⁵ Viktor Solov'ev — Bunin Yelets State University; Kommunarov ul., 28, Yelets, Lipetskaya obl., 399770, Russia; e-mail: tohar.arh@mail.ru.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино в контексте оснащения лучника в западной части Старого Света

Р. А. Мимоход, А. Н. Усачук, А. В. Вербовский¹

Аннотация. Статья посвящена анализу редкой категории инвентаря — каменным брускам с двумя перетяжками, которые являются четкими культурно-хронологическими маркерами. В Восточной Европе такие бруски известны только в материалах днепро-донской и волго-донской бабинских культур; время их использования ограничено пределами XXII cal BC, что соответствует верхней границе времени их существования на Ближнем Востоке, в Центральной и Западной Европе в пределах периода BzA1. По своему функциональному назначению бруски — защитные накладки на предплечье лучника, предохраняющие от удара тетивы. Анализ ситуативного расположения защитных накладок в погребениях позволяет определить три позиции их повседневного использования: небоевую, предбоевую и боевую. Экспериментальное моделирование показало, что защитная накладка закреплялась при помощи кожаного нарукавника со шнуровкой.

Annotation. This paper is devoted to analysis of a rare category of artefacts — stone bars with two constrictions which present distinct cultural and chronological markers. In Eastern Europe these bars are known only among materials of the Dnieper-Don and Volga-Don Babino cultures; the time of their use is limited to within the 22nd century cal BC corresponding to the upper boundary of the period of their occurrence in the Near East, Central and Western Europe in the BzA1 period. Their functional purpose was to serve as protective mounts on the forearm of an archer preserving from the shock of the bow string. Analysis of the arrangement of the protective mounts in burials allows us to define three cases of their everyday use: noncombat, prior-combat and fighting situations. Experimental simulation has shown that the protective mount was fixed by means of a leather oversleeve with a lacing.

Ключевые слова: Восточная Европа, культурный круг Бабино, каменный брусок, защитная накладка, оснащение лучника, хронология.

Keywords: Eastern Europe, Babino cultural circle, stone bar, protective mount, archer's outfit, chronology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-386-401

В финале среднего бронзового века в Восточной Европе сформировался блок посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005), который состоит из двух культурных кругов — Бабино и Лола (Мимоход, 2016). Археологиче-

ские материалы всего посткатакомбного блока (ПКБ) демонстрируют активные межкультурные связи, особенно с Европой и Кавказом, однако фиксируются и дальние (дистанционные) контакты с Ближним Востоком, Западной Сибирью и Средней Азией. В качестве примера связей с последним регионом можно привести комплекс Нуртай 6/2² нуртайской культуры Центрального

¹ Мимоход Р. А. — Отдел бронзового века, Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mimokhod@gmail.com. Усачук А. Н., Вербовский А. В. — Отдел археологии, Донецкий краеведческий музей; ул. Челюскинцев, д. 189-А, Донецк, 283048, Украина; e-mail: doold@mail.ru; verbovskiy@ro.ru.

² Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Нуртай 6/2 соответствует — могильник Нуртай, курган 6, погребение 2.

Казахстана, в котором найдена кольцевидно-узкопланочная пряжка посткатакомбного облика (Ткачев, 2002. Рис. 69, 34). Добавим, что отдельные районы Северного Казахстана входили в ареал волго-уральской культурной группы, которая является неотъемлемой частью посткатакомбного мира (Мимоход, 2018а. Рис. 1). Поэтому изучение артефактов и других объектов этой огромной общности представляет несомненный интерес для исследования как европейских, кавказских, ближневосточных, так и центральноазиатских культур.

Типы встречающихся каменных брусков

В погребениях культурного круга Бабино изредка встречаются *каменные бруски с двумя перетяжками* (рис. 1). По данным Р. А. Литвиненко, в материалах днепро-донской бабинской культуры (ДДБК) известно семь таких изделий (Литвиненко, 2009а. С. 76): пять из них опубликованы (рис. 2, 2, 23, 33, 42, 46, 48 — Ковалева и др., 1987. С. 20, рис. 6, 11–13; Ильюков, Казакова, 1988. С. 53, рис. 13, 1–3; Ванчугов, 1990. С. 124, рис. 40, 3; Попандопуло, 1991, рис. 2, 7; Литвиненко, 2007. Рис. 1, 45). Все они обнаружены в погребениях раннего этапа ДДБК и являются его четким хронологическим индикатором (Литвиненко, 1997. С. 32)³.

³ Культурно-хронологическая атрибуция погребения 6 Владимировского кургана, в котором обнаружен брусок с двумя перетяжками (рис. 2, 33), вызвала многолетнюю дискуссию. Его относили к нескольким культурам: бабинской (Klochko, 2001. P. 177; Klochko, 2006. С. 147), сабагиновской или бережновско-маевской срубной (Отрощенко, 2001. С. 184; 2011), белозерской (Ванчугов, 1990. С. 124) и черногоровской (Гершкович, Разумов, 2009). Ключевое значение для установления хронологии этого комплекса имеет каменный брусок с двумя перетяжками, потому что эти изделия не датируются позднее периода VzA1, по П. Райнеке (Turek, 2013, P. 18; 2015. P. 29). Это положение полностью подтверждается данными погребений культурного круга Бабино, в которых эти изделия маркируют фазу ПКБ I (Мимоход, 2021. Ил. 13), которая соответствует периоду VzA1 центрально-европейской хронологии. Попытка омоложения времени использования каменных брусков до периода существования срубной культуры за счет находки такого изделия в погребении грунтового могильника Червоный Шлях в Восточной Украине (Отрощенко, 2011. С. 17) выглядит неубедительной. Предмет происходит из погребения, разрушенного более поздней постройкой (Буйнов, 1992. С. 92), соответственно комплекс является открытым, что

Один брусок происходит из погребения волго-донской бабинской культуры (ВДБК) (рис. 2, 48 — Мимоход, 2013а. Рис. 3, 13). Здесь он также датируется ранним этапом ВДБК (Мимоход, 2021. С. 72, ил. 12, 11).

Самый восточный брусок, аналогичный бабинским, обнаружен в Южной Сибири в погребении елунинской культуры (рис. 3, 9 — см. Кирюшин, 2002. С. 54, рис. 121, 1), которая полностью синхронна бабинским древностям (Кирюшин и др., 2010. С. 562). Иными словами, даже самый удаленный от основных регионов распространения брусок с двумя перетяжками не датируется позже центральноевропейского периода VzA1 и восточноевропейской фазы ПКБ I.

В функциональном отношении бабинским брускам соответствуют *каменные бруски с двумя отверстиями*. На Северном Кавказе они известны по находкам в могильнике Саади Катар и кургане на шоссе у Нальчика (рис. 3, 7, 8 — Багаев, 1986, рис. 3, 21; Николаева, 2011. Рис. 70). Каменные оселки с двумя отверстиями по краям есть и на Ближнем Востоке. В частности, их находки происходят из комплексов Иерихона периода EB–MB (переходный период от раннего к среднему бронзовому веку по местной периодизации) и Мегиддо периода MB I (рис. 3, 10, 11 — Guy, 1938. Pl. 23, 5; Kenyon, Holland, 1983. P. 816, fig. 368, 7, 8). В хронологическом отношении (XXIII–XIX вв. до н. э., в том числе с опорой на данные радиоуглеродного датирования — Kenyon, 1960. P. 2–3; 1965. P. 130; 1981. P. 504) это соответствует времени существования европейских и кавказских аналогов. Присутствуют эти изделия и в материалах Трои (Schliemann, 1881. S. 281, Nr. 102).

Каменные бруски с отверстиями и перетяжками достаточно широко известны в Западной, Центральной и Южной Европе. Большая часть их происходит из памятников культуры колоколовидных кубков, поздняя фаза которой синхронна посткатакомбному блоку. Такие изделия в культуре колоколовидных кубков являются своеобразной визитной карточкой. Известны бруски и в европейских культурах раннего бронзового века периода VzA1 (рис. 3, 13–20) (Köster, 1966.

не позволяет достоверно установить его культурно-хронологическую принадлежность. В свете вышесказанного погребение 6 Владимировского кургана следует рассматривать в контексте ранней бабинской культуры, что предполагал В. И. Клочко.

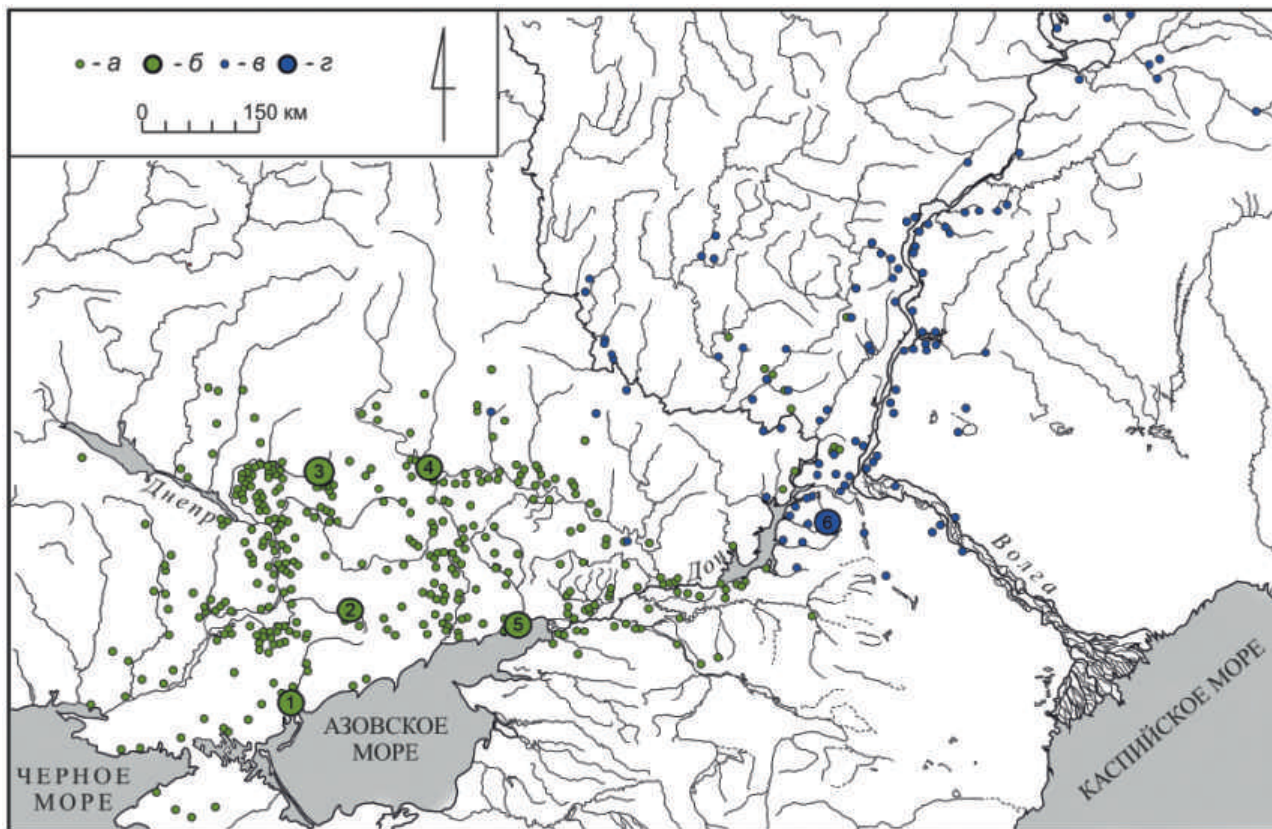
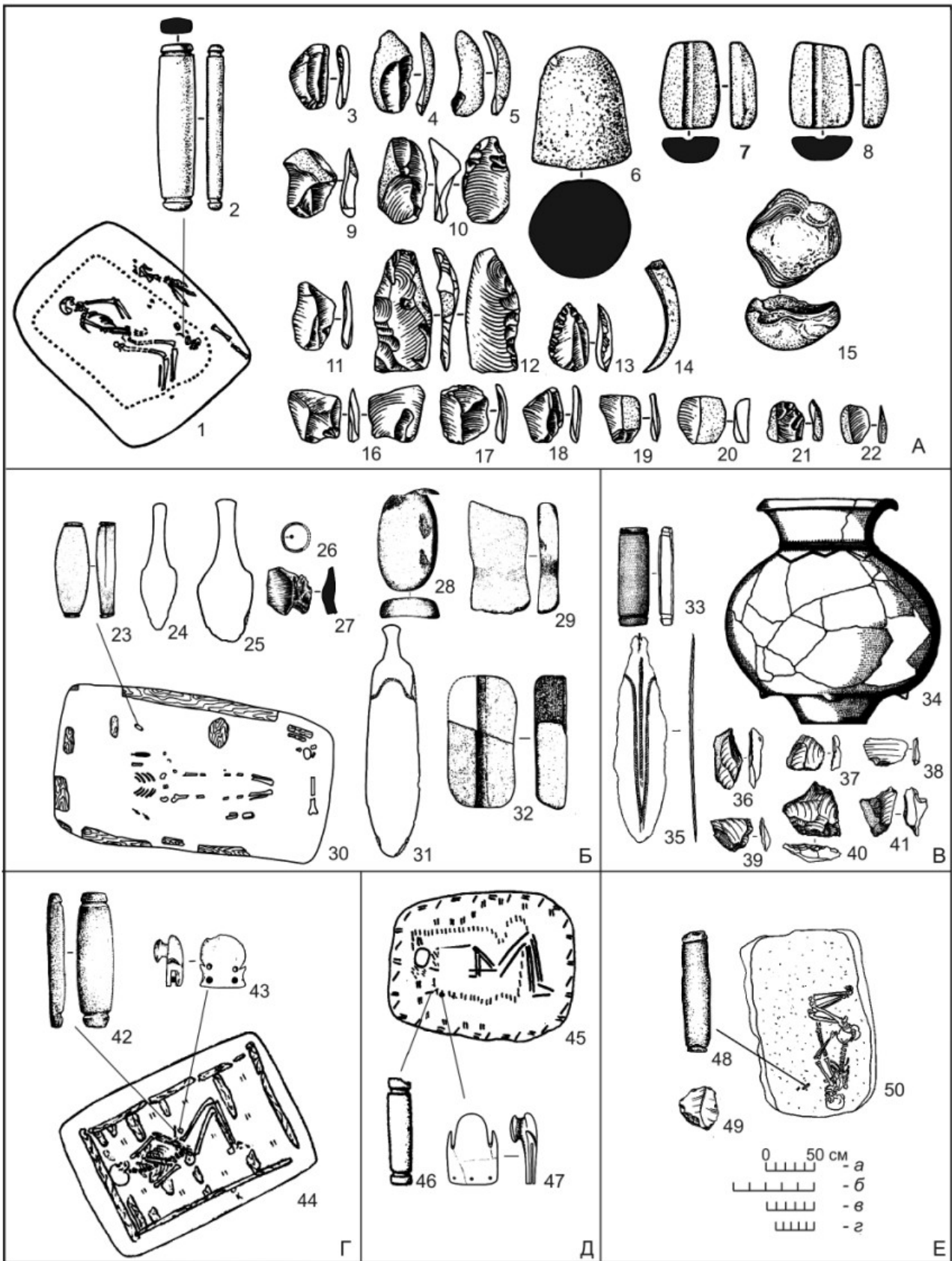

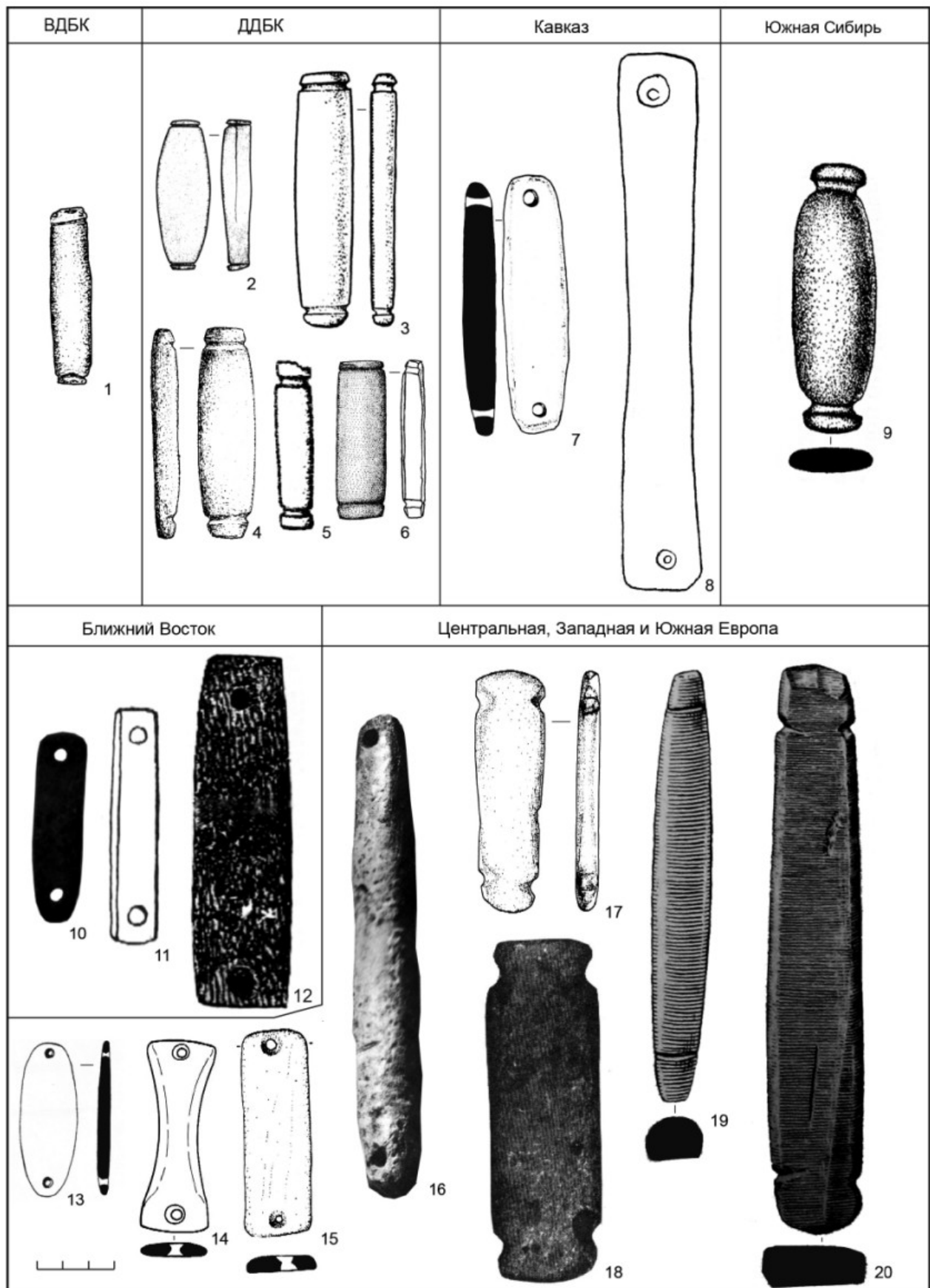
Рис. 1. Погребения культурного круга Бабино, в том числе комплексы с каменными брусками с двумя перетяжками: 1 — Владимировский курган, погребение 6; 2 — Пологи (Соколовская могила), погребение 1; 3 — Долгая Могила 4/17; 4 — Приволье 11/13; 5 — Новолакедемоновка, од. кург/10; 6 — Жутово I 80/2. Условные обозначения: а — погребения ДДБК; б — погребения ДДБК с брусками; в — погребения ВДБК; г — погребение ВДБК с бруском

Fig. 1. Burials of the Babino cultural circle including complexes with stone bars with two constrictions: 1 — Vladimirovsky Kurgan, burial no. 6; 2 — Pologi (Sokolovskaya grave), burial no. 1; 3 — Dolgaya Mogila 4/17; 4 — Privolye 11/13; 5 — Novolakedemonovka kurgan/10; 6 — Zhutovo I 80/2. Keys: а — burials of Dnieper-Don Babino Culture (DDBC); б — burials of DDBC with stone bars; в — burials of Volga-Don Babino Culture (VDBC); г — burial of VDBC with a bar

Рис. 2. Погребения культурного круга Бабино с каменными брусками с двумя перетяжками: А — Приволье 11/13 (1 — план погребения; 2 — брусок с двумя перетяжками; 3–12, 16–22 — отщепы; 13 — заготовка стрелы; 14 — отжимник; 15 — раковина); Б — Пологи (Соколовская могила), погребение 1 (23 — брусок с двумя перетяжками; 24, 25, 31 — ножи; 26 — кольцо; 27 — отщеп; 28, 29 — плитки; 30 — план погребения; 32 — выпрямитель); В — Владимировский курган, погребение 6 (33 — брусок с двумя перетяжками; 34 — сосуд; 35 — нож; 36–41 — отщепы); Г — Долгая Могила 4/17 (42 — брусок с двумя перетяжками; 43 — пряжка; 44 — план погребения); Д — Новолакедемоновка, од. кург/10 (45 — план погребения; 46 — брусок с двумя перетяжками; 47 — пряжка); Е — Жутово I 80/2 (48 — брусок с двумя перетяжками; 49 — отщеп; 50 — план погребения) (ссылки на источники — см. текст). 2, 23, 28, 29, 32, 33, 42, 46, 48 — камень; 3–13, 16–22, 27, 36–41, 49 — кремний; 14, 43, 47 — рог; 15 — раковина; 24, 25, 31, 35 — бронза; 26 — кость; 34 — обожженная глина. Масштаб: а — для 1, 30, 44, 45, 50; б — для 2–27, 31–33, 35–43, 46–49; в — для 28, 29; г — для 34

Fig. 2. Burials of the Babino cultural circle with stone bars with two constrictions; plans: А — Privolye 11/13 (1 — plan of the burial; 2 — bar with two constrictions; 3–12, 16–22 — flakes; 13 — blank for an arrowhead; 14 — pressure flaker; 15 — shell); Б — Pologi (Sokolovskaya grave), burial no. 1 (23 — bar with two constrictions; 24, 25, 31 — knives; 26 — ring; 27 — flake; 28, 29 — tiles; 30 — plan of the burial; 32 — shaft straightener); В — Vladimirovsky Kurgan, burial no. 6 (33 — bar with two constrictions; 34 — jar; 35 — knife; 36–41 — flakes); Г — Dolgaya Mogila 4/17 (42 — bar with two constrictions; 43 — buckle; 44 — plan of the burial); Д — Novolakedemonovka, kurgan/10 (45 — plan of the burial; 46 — bar with two constrictions; 47 — buckle); Е — Zhutovo I 80/2 (48 — bar with two constrictions; 49 — flake; 50 — plan of the burial) (for references see the text). 2, 23, 28, 29, 32, 33, 42, 46, 48 — stone; 3–13, 16–22, 27, 36–41, 49 — flint; 14, 43, 47 — horn; 15 — shell; 24, 25, 31, 35 — bronze; 26 — bone; 34 — baked clay. Scale: а — for 1, 30, 44, 45, 50; б — for 2–27, 31–33, 35–43, 46–49; в — for 28, 29; г — for 34

Taf. 11, 2, 3, 12; 18, 36; 20, 13; 27, 12; Müller-Karpe, 1974. Taf. 513, C3; 516, F3; 517, A6; 543, G23–26; 568, B49–51; 572, C4; 596, F9; Sangmeister, 1974. Abb. 8, F, G; Bóna, 1975. Taf. 16, 11; 26, 5; Gebers, 1978. Taf. 24, 39, 43, 44; 30, 9; 37, 8, 9, 11, 13; 41, 10; 42, 3; 48, 9, 10; 51, 1; 55, 2, 3; 56, 25; 61, 6; 68, 12; Ondrāček, Šebela, 1985. Tabl. 18, 9; 20, 18; 26, 16; 28, 17; Fokkens et al., 2008. Fig. 1 и др.). В Европе преимущественно представлены бруски с двумя отверстиями (рис. 3, 13–15). В меньшей степени, но довольно часто встречаются предметы с четырьмя парными отверстиями по краям (Sangmeister, 1974. Abb. 2, 2; 8, A–E; Köster, 1966. Taf. 10, 20; 11, 1; 19, 2, 4; 20, 2, 7; 27, 8, 11; Müller-Karpe, 1974. Taf. 514, A8; 516, B3; 517, C2, E5, J2, H2; 636, F1; Machnik, 1987. Рис. 18, 4–6, 10, 11; 25, 11; 26, 6; Makarowicz, 2003. Fig. 10, 1, 2, 6, 7; Peška, 2004. Obr. 17, 9, 10; 21, 20; и др.). Известны случаи, когда на брусках было просверлено шесть отверстий: по три по краям (Müller-Karpe, 1974. Taf. 514, F1; Gramsch, 1995. S. 305, 3; Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch., 1998. Abb. 9, 8; Endrődi, 2003. Fig. 9, 1; Makarowicz, 2003. Fig. 10, 3; 14, 1; Peška, 2004. Obr. 12). Редко встречаются изделия с тремя отверстиями: два на одном конце и одно на другом (Müller-Karpe, 1974. Taf. 515, J1; 527, A2; Harrison, 1980. Fig. 26, 5; Schlosser, 1995. S. 89, 19; Heyd, 1998. Abb. 2). Наконец, необычным выглядит брусок с восемью отверстиями: два из них — по краям изделия по центральной продольной оси бруска, а под ними — еще по ряду из трех отверстий с двух сторон (Gramsch, 1995. S. 305, 4, 5). Уникальным является брусок с 18 отверстиями, по девять с обеих сторон, имеющих к тому же золотые заклепки (Smith, 2006. Fig. 6.1). Известны также богато орнаментированные накладки с отверстиями, сделанные из оленьего рога (Loze, 2003. P. 132, fig. 11).

Судя по всему, в Европе, на Кавказе и Ближнем Востоке доминируют бруски с отверстиями по краям (рис. 3, 7, 8, 10–16), а все известные восемь изделий в культурном круге Бабино (семь — ДДБК, одно — ВДБК) представляют собой экземпляры с перетяжками (рис. 3, 1–6). Следует отметить, что среди европейских присутствуют бруски с желобками, аналогичные бабинским (рис. 3, 17–20). Хотя они известны в культурах колоколовидных кубков, Нитра и Унтервельблинг (Pittioni, 1954. S. 258, abb. 188; Ondrāček, Šebela, 1985. Tabl. 6, 9; 11, 29; Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch., 1997. Taf. 513, verb. 393, 4), но представлены несколькими экземплярами, так как преобладают изделия с отверстиями по краям. Неудивительно, что каменные бруски с перетяжками не были включены в известные классификации этих изделий, которые касались только предметов с отверстиями (Clarke, 1970; Sangmeister, 1974; Smith, 2006; Woodward et al., 2006; Fokkens et al., 2008; Turek, 2015), хотя они так же уверенно отнесены к защитным накладкам на запястья лучников (Turek, 2015. P. 31).

Очевидно, что функциональное назначение брусков с отверстиями и перетяжками одинаковое. Различается только система креплений: в одном случае они привязывались посредством пропуска шнура через отверстия, в другом — шнур обвязывался вокруг желобка. Назначение каменных брусков с отверстиями или перетяжками долгое время было дискуссионным, но на сегодняшний день оно установлено. Эти изделия, выступающие в качестве атрибутов мужских захоронений, обычно расцениваются как защитные накладки на запястья лучников (bracers или wristguards) (Sangmeister, 1964; 1974; Harrison, 1977. P. 160; 1980. P. 52–55; 2007. P. 105; Fokkens et al., 2008), реже — как точильные камни

Рис. 3. Каменные бруски с перетяжками и отверстиями в западной части Старого Света: 1 — Жутово I 80/2; 2 — Пологи (Соколовская могила), погребение 1; 3 — Приволье 11/13; 4 — Долгая Могила 4/17; 5 — Новолакедемновка, од. кург/10; 6 — Владимировский курган, погребение 6; 7 — Саади Катар; 8 — шоссе у Нальчика; 9 — Елунинский грунт. мог.-I, погребение 1; 10 — Мегиддо, погребение 912a; 11 — Иерихон; 12 — Троя; 13 — Ангелу Рую (Anghelu Rujū); 14 — Эммен, провинция Дрентхе (Emmen, Prov. Drenthe); 15 — Сабатас (Sabatas) курган 1; 16 — Нитре-Чермань (Nitre-Čermáni); 17 — Францхаузен (Franzhausen), погребение 393; 18 — Холленбург (Hollenburg); 19 — Холешов (Holešově), погребение 46; 20 — Холешов (Holešově), погребение 84 (ссылки на источники — см. текст)

Fig. 3. Stone bars with constrictions and holes from the western part of the Old World: 1 — Zhutovo I 80/2; 2 — Pologi (Sokolovskaya grave), burial no. 1; 3 — Privolye 11/13; 4 — Dolgaya Mogila 4/17; 5 — Novolakedemonovka, kurgan/10; 6 — Vladimirovsky Kurgan, burial no. 6; 7 — Saadi Katar; 8 — highway near Nalchik; 9 — Yelunin flat-cemetery-I, burial no. 1; 10 — Megiddo, burial no. 912a; 11 — Jericho; 12 — Troy; 13 — Anghelu Rujū; 14 — Emmen, Prov. Drenthe; 15 — Sabatas, barrow 1; 16 — Nitre-Čermáni; 17 — Franzhausen, burial no. 393; 18 — Hollenburg; 19 — Holešově, burial no. 46; 20 — Holešově, burial no. 84 (links to sources — see text)

(Harrison, 1980. P. 53; 2007. P. 155) или предметы полифункционального назначения: накладки и оселки (Healy, Harding, 2004. P. 185; Harrison, 2007. P. 105). В последнем случае, являясь по своему прямому назначению защитной накладкой, бруски из кристаллических пород хорошо подходили для заточки ножей и других режущих инструментов.

В советской, российской и украинской специальной литературе рассматриваемые предметы именовались оселками, точильными брусками, точилами (Ванчугов, 1990. С. 124; Попандонуло, 1991. С. 69; Буйнов, 1992. С. 92; Литвиненко, 1997. С. 32; 2006. С. 178; 2009а. С. 90, 265, 292, 298; 2009б. С. 7; Отрощенко, 2001. С. 184)⁴, и только в последнее десятилетие их стали называть щитками для защиты запястья лучников (Гершкович, Разумов, 2009. С. 134; Отрощенко, 2011. С. 16, 17; Мимоход, 2013б. С. 250; 2018б. С. 265).

Варианты размещения каменных брусков в погребениях

Действительно, бруски с перетяжками и отверстиями служили для защиты предплечья от удара тетивы лука. Для оселков, которые носились на поясе, достаточно было одной перетяжки или одного отверстия: таких изделий известно множество — от эпохи бронзы до средневековья. Перетяжки или отверстия на двух концах брусков были предназначены для того, чтобы при помощи шнура или ремня жестко фиксировать изделие на внутренней части предплечья руки. Об этом свидетельствуют находки брусков *in situ* именно в районе или прямо на костях запястья (Fokkens *et al.*, 2008. P. 112–117, fig. 2–10; 14–34; Turek, 2015. P. 37). Правда, в последней работе приведены погребения, в которых находились накладки с отверстиями. Однако есть случаи, когда и бруски с перетяжками находились в районе предплечий:

⁴ Следует отметить, что в одном из первых упоминаний этой категории инвентаря в указанной выше литературе термин «оселок» авторами публикаций был взят в кавычки (Ильюков, Казакова, 1980. С. 108; Ильюков, 1983. С. 39). Видимо, тем самым они подчеркивали определенную условность этого названия с точки зрения функционального назначения предмета из Новолакедемоновки (рис. 3, 5). В итоговой монографии Л. С. Ильюков и Л. М. Казакова указали, что в бабинском погребении найдена каменная «полированная пластинка с двумя перетяжками на концах» (Ильюков, Казакова, 1988. С. 53), но без уточнения ее назначения.

погребения 46 и 84 могильника Холешов (Holešově) в Чехии (Ondrāček, Šebela, 1985. Obr. 29; 43).

Из шести опубликованных бабинских погребений с защитными брусками с двумя перетяжками в одном комплексе изделие находилось у предплечья руки (рис. 2, 42, 44). В Приволье 11/13 каменная накладка находилась среди предметов, связанных с набором стрелоделов: парные выпрямители древков стрел, кремневые отщепы, заготовки стрел (рис. 2, 1–22). В Пологи (Соколовская могила), погребение 1, в состав инвентаря также входили предметы, связанные с изготовлением стрел (рис. 2, 23–32). В погребении 6 Владимировского кургана обнаружен набор кремневых отщепов, который, скорее всего, следует рассматривать в качестве либо сырья для изготовления стрел, либо орудий на отщепах для обработки древков и/или изготовления луков (Смирнов, 1983. С. 171; Санжаров, 2008. С. 39, 43). В Жутово I 80/2 накладка лежала в отдалении от скелета напротив плеч вместе с кремневым отщепом (рис. 2, 48–50). Вероятно, такое сочетание также в редуцированном виде могло указывать на связь накладки с процессом изготовления стрел, где отщеп мог выступать в качестве сырья или орудия для изготовления деревянных деталей набора лучника. Иными словами, в пяти из шести комплексов (рис. 2, А–Г, Е) прослеживается связь каменных брусков с двумя перетяжками с оснащением лучника и процессом производства этого оснащения. Такая же ситуация характерна и для европейских материалов, где нередко бруски сочетаются с кремневыми отщепами и выпрямителями (Ondrāček, Šebela, 1985. Tabl. 18, 10–13; 20, 18–20; 30; 33, 21, 24, 25; Fitzpatrick, 2011. Fig. 77; 80). Известен случай, когда вместе с кремневыми заготовками была положена явно заготовка защитной накладки, в которой не просверлили отверстия (Ondrāček, Šebela, 1985. Obr. 103, tabl. 25, 15–19, 21). Еще в одном комплексе была обнаружена накладка, в которой из четырех отверстий начали сверлить только одно и не закончили (Демченко, 2009. Рис. 1, 5).

Обратим внимание еще на одну любопытную деталь. В двух погребениях ДДБК бруски с перетяжками найдены рядом с поясными роговыми крючково-планочными пряжками (рис. 2, Г, Д). Такое сочетание может быть неслучайным. И. Ф. Ковалева и соавторы отметили, что брусок и пряжка входили в единый поясной набор (Ковалева и др., 1987. С. 20). Эти факты позволяют рассмотреть вопросы закономерностей

ситуативного размещения защитных накладок в погребениях, их повседневного использования и ношения.

Интерпретация назначения каменных брусков

Как отмечено выше, в погребениях европейских археологических культур каменные бруски зачастую расположены там, где они находились при использовании по своему прямому назначению — на предплечьях умерших (*Fokkens et al.*, 2008. P. 112–113, fig. 2). Причем прослеживается интересная тенденция. Г. Фоккенс с соавторами собрали подборку из 30 защитных накладок из Англии, Ирландии и Центральной Европы. В восьми случаях они находились на внутренней стороне предплечья, то есть там, где они и должны располагаться при стрельбе из лука, а в 17 — на внешней. Исследователи отметили странность ситуации и сложность ее интерпретации (*Ibid.* P. 116). Предложенный ими выход оказался не менее парадоксальным, чем сама ситуация. Авторы предлагают считать бруски с отверстиями, которые расположены на внешней стороне предплечья, исключительно декоративными. По их мнению, это подтверждают и размеры некоторых экземпляров, которые имеют длину больше 20 см, что якобы делает их непрактичными (*Ibid.* P. 116–188). Иными словами, большая часть каменных брусков была украшением внешней части предплечья. Так они и расположили накладку на реконструкции оснащения лучника (*Ibid.* Fig. 10).

Подобная интерпретация вызывает вопросы. Действительно, среди накладок имеются экземпляры, очень изящно сделанные и орнаментированные в том числе бронзовыми и золотыми инкрустациями. Однако подавляющее большинство этих изделий представляет собой обычные заполированные бруски с отверстиями. Апеллирование к длине некоторых изделий как доказательству их нефункциональности неубедительно (см. далее). Действительно, как такие невзрачные изделия могут служить украшением лучника? Но всё же расположение большинства накладок на внешней стороне предплечья требовало логичного объяснения, и оно нашлось.

Путь к непротиворечивому решению проблемы предложил Я. Турек. Он выделил две позиции в ношении накладок. Первая — *ready to shoot*, что подразумевает расположение бруска на запястье во время стрельбы из лука, вторая — *presentation*,

или демонстрация декоративного бруска на внешней стороне предплечья, где он оказывался в результате поворота вокруг руки из первой позиции (*Turek*, 2015. P. 37). При правильном в целом подходе исследователь всё же оставил за накладками функцию украшения в качестве одной из главных, соответственно указанное противоречие с невзрачностью подавляющего большинства изделий осталось неснятым. На наш взгляд, при правильности определения первой позиции (*ready to shoot*) вторая позиция названа неверно. Несколько перефразируя Я. Турека, назовем позицию накладки во время стрельбы из лука *боевой*, а вторую — *предбоевой*. Каменные бруски с отверстиями и перетяжками, скорее всего, крепились на кожаный нарукавник (ср.: *Братченко*, 1989. С. 75, 76; *Fokkens et al.*, 2008. Fig. 10, 12, 13), который должен был смягчать отдачу от удара тетивы о накладку. Предбоевая позиция означала, что защитная пластина уже располагается на внешней стороне предплечья и в скором времени будет использована по назначению, но до наступления этого момента есть непродолжительный отрезок времени (рис. 4, 2, 5). В этот период лучник, естественно, передвигается, что-то делает и т. д. Нахождение бруска в это время в боевой позиции на запястье создает определенные неудобства. В частности, при движении брусок мог цепляться за одежду или вызывать дискомфорт при других бытовых действиях. При непосредственной стрельбе из лука лучник легко и быстро переворачивает нарукавник с накладкой вокруг предплечья и переводит в боевую позицию.

Ранее отмечено, что в двух погребениях ДВБК бруски сочетались с пряжками и входили в поясные наборы (рис. 2, Г, Д), поэтому можно предположить, что существовала и третья позиция ношения защитных накладок. Назовем ее *небоевой*⁵. При передвижении нет необходимости держать брусок в предбоевой позиции (так как ношение без нужды каменной накладки на внешней стороне предплечья тоже неудобно). В этом случае нарукавник с бруском просто снимался и цеплялся на пояс — сквозь него продевался конец ремня (рис. 4, 1, 4). Только при такой интерпретации становится понятным совместное нахождение в погребениях поясной пряжки и защитной

⁵ Во время обсуждения статьи авторы называли эту позицию «походной», но остановились на термине «небоевая».

накладки. Кроме упомянутых уже бабинских комплексов аналогичная ситуация зафиксирована в погребении 1268 могильника Аймесбэри (Amesbury) на юге Англии. Здесь предмет, который прямо назван автором поясным кольцом, назначение которого подтверждено и трасологическим анализом, располагался рядом с защитной накладкой по линии реконструируемого пояса (Fitzpatrick, 2011. P. 77, 118–119, fig. 29; 36; 40). Известны и погребения, где защитные бруски находились на тазовых костях (Ondraček, Šebela, 1985. Obr. 43; 74; 91; Fitzpatrick, 2011. Fig. 77). Расположение накладок не в районе рук, как и в большинстве бабинских погребений, также широко представлено в европейских материалах (Jockenhövel, 1969/70. Abb. 4, 5; Ondraček, Šebela, 1985. Obr. 103; 107; 122; 131; Fitzpatrick, 2011. Fig. 28; 75). В свое время это было одним из фактов, способствующих эмоциональной констатации того, что «stone wrist-guards were not pieces of archery equipment» (каменные накладки не были предметами снаряжения для стрельбы из лука) (Smith, 2006. P. 26). Последнее, конечно, противоречит имеющимся наблюдениям и лишь подчеркивает, что в погребальной обрядности действительность преломляется специфически, а функциональность предметов может измениться, о чем и написал Дж. Д. Смит (Ibid.).

Важно отметить, что в Европе накладки для защиты запястья являются атрибутом исключительно мужских захоронений — дополнительное свидетельство того, что эти предметы входили в систему оснащения воина. Подтверждают это и данные погребений культурного круга Бабино. Защитные накладки в комплексах Пологи (Соколовская могила), погребение 1, Приволье 11/13, Долгая Могила 4/17 и Новолакедемоновка од. кург/10 обнаружены в захоронениях мужской обрядовой группы с западными ориентировками (рис. 2, 1, 30, 44, 45). Для Жутово I 80/2 антропологических определений нет. В отчете указано, что это погребение взрослого человека (Мамонтов, 1974). С учетом вышесказанного логично предположить, что захоронение тоже мужское. Даже самое восточное погребение с защитной накладкой — из южносибирского Елунинского могильника — тоже принадлежит мужчине (Грушин, 2011. С. 217). Особый статус таких захоронений, который хорошо зафиксирован по европейским материалам (Smith, 2006; Fokkens et al., 2008; Turek, 2015), подтверждается и данными культурного круга Бабино. Все погребения,

за исключением погребения 6 Владимировского кургана, были либо основными, либо сопровождались досыпками.

Известны данные трасологии по европейским экземплярам. Они показывают, что защитные накладки были очень тщательно изготовлены. Лучше шлифовалась передняя часть, а часть, которая примыкала к предплечью, шлифовалась хуже и сохраняла следы изготовления (Fitzpatrick, 2011. P. 105)⁶. На ряде экземпляров зафиксированы потертости от ремешков вокруг отверстий (Smith, 2006. Fig. 5.2). У некоторых изделий сломаны угловые отверстия, что свидетельствует об их регулярном использовании. Следы воздействия тетивы фиксируются редко: ее контакт с накладкой показывает участок сильной заполированности, расположенный в центре бруска (Turek, 2015. P. 37). Часть таких накладок вообще не имеет следов использования, либо они незначительные, что предполагает скорее их символическое значение, чем функциональное. В погребальном обряде они подчеркивали особый статус лучника. Кроме того, в Англии известны каменные накладки, инкрустированные золотом (Smith, 2006. Fig. 5.1; 6.1; Fokkens et al., 2008. P. 541). Те изделия, которые были проанализированы трасологически, не выявили следов, связанных с заточкой металлических орудий. В этой связи для таких изделий термин «оселки», который один из авторов статьи часто использовал в качестве общепринятого (Мимоход, 2004. С. 111; 2010. С. 158; 2013а. С. 171, 172; 2013б. С. 250, 271, 321; 2014. С. 113; 2018в. С. 36), необходимо употреблять только в смысле редкого вторичного использования. Действительно, на единичных экземплярах даже без специального оборудования ясно зафиксированы следы от заточки металлических инструментов, но вторичность такой функции по отношению к основной (wrist-guard) не вызывает сомнения (Harrison, 2007. P. 105, 155, fig. 3.26; 4.28, 392, 393; Healy, Harding, 2004. P. 185).

По метрическим параметрам защитные накладки с перетяжками и отверстиями можно разделить на три группы: 1) мелкие бруски, длиной 6–8 см; 2) бруски средних размеров, длиной

⁶ Результаты трасологического анализа полностью совпадают с наблюдениями Л. С. Ильюкова по каменной накладке из комплекса Новолакедемоновка од. кург/10 (рис. 3, 5), который писал, что «одна широкая плоскость <...> сильно заполирована» (Ильюков, 1983. С. 39).

9–12 см; 3) самые длинные бруски, длиной более 13 см. Если опираться на графики параметров каменных брусков с отверстиями, составленные А. Вудвартом и соавторами для Англии и Я. Туреком для Богемии и Моравии, то в последнюю группу входят предметы длиной 13–16 см (*Woodward et al.*, 2006. Fig. 3; *Turek*, 2015. Fig. 4.4). Известны и более крупные экземпляры длиной 20–22 см (рис. 3, 8, 20). Накладки культурного круга Бабино относятся к группе мелких изделий (рис. 3, 1–6). Такие предметы, как и изделия средних размеров, располагались на руке, защищая небольшой участок наиболее вероятно от удара тетивы при стрельбе из лука (рис. 4, 7). Изделия третьей группы покрывали фактически все предплечье. Возможно, разница в длине накладок была обусловлена параметрами и/или конструкцией лука, и крупные бруски были предназначены для стрельбы из луков разных типов и/или размеров.

Экспериментальное моделирование

Для выяснения этого вопроса и правильного детального графического изображения лучника, использовавшего при стрельбе защитные приспособления, было проведено предварительное экспериментальное моделирование по изучению положения рук стреляющего и различных предметов (лук, древко стрелы, нарукавник, брусок), что, в итоге, привело к проведению некоторых опытов с натяжением тетивы и со стрельбой из моделей двух простых луков. Деревянная копия каменного бруска, изготовленного по размерам изделия из погребения раннего этапа ДДБК Приволье 11/13, привязывалась двумя тонкими кожаными ремешками к широкому кожаному нарукавнику, который зашнуровывался после надевания на предплечье левой руки. Первоначально мы попытались сделать нарукавник без шнуровки, сшив его достаточно широким, чтобы можно было продеть ладонь, но попытка оказалась неудачной, потому что в таком случае нарукавник болтался на предплечье. Шнуровка же позволила закрепить нарукавник так, что стало удобно не только носить его (рис. 4, 4, 5), но и быстро поворачивать бруском на внутреннюю сторону предплечья (рис. 4, 6, 7).

Использовались выставочные модели двух простых луков из сосны длиной 145 см и 160 см с нитяной тетивой, пропитанной клеем. Древка

стрел деревянные, длина их — до 100 см, легкие наконечники изготовлены из кремня.

При расположении нарукавника с бруском в «боевом положении» мы первоначально были озабочены тем, чтобы закрыть запястье. Однако первые же попытки выстрелить из более короткого лука показали, что тетива после выстрела бьет по незащищенному участку предплечья выше нарукавника. Луки, используемые нами, были довольно слабыми, что неожиданно оказалось преимуществом, поскольку ошибки в расположении нарукавника не привели к легким травмам (ср.: *Раевский*, 1970. С. 96, прим. 28). Методом проб и достаточно болезненных ошибок удалось выяснить правильное положение нарукавника с бруском, перемещая его выше по предплечью.

Использование модели второго лука, с более длинными плечами, показало, что положение нарукавника с бруском, безопасное для лука длиной 145 см, здесь не подходит. В итоге опыты показали, что правильное положение нарукавника с бруском можно выяснить по положению натянутой тетивы, взяв лук в руку: она должна пройти вертикально через местоположение бруска на предплечье. Расстояние тетивы от древка короткого лука составило 16,5 см — именно там мы расположили центр экспериментального бруска, закрепив нарукавник на левой руке (рис. 4, 7). Расстояние тетивы более длинного лука составило 22,5 см, что и предопределило иное его положение — нужно было смещать нарукавник выше по руке.

Помимо опытов с положением бруска на нарукавнике в боевом положении была предпринята попытка размещения нарукавника с бруском в небоевом положении на поясе (рис. 4, 1, 4)⁷. Видимо, размеры бруска и, очевидно, кожаного нарукавника напрямую зависели от размера простого лука: чем длиннее плечи такого лука, тем длиннее должен быть брусок. Короткие бруски свидетельствуют о том, что обладатели их использовали небольшие по длине луки, которые были менее мощными и дальнобойными, чем у обладателей длинных брусков. Возможен еще один вариант: намеренно сделать брусок и нарукавник длиннее, чтобы можно

⁷ В качестве пряжки использовалась модель фигурной пряжки, приближенной к экземпляру из комплекса Текстильщик (Донецк) 4/19 (рис. 4, 1, 4 — см. *Мимоход*, 2018б, рис. 2, 10).

Рис. 4. Реконструкция вариантов использования защитных накладок на предплечье лучника: 1 — небоевое положение; 2 — предбоевое положение; 3 — боевое положение. Экспериментальное моделирование вариантов использования защитных накладок на предплечье лучника: 4 — небоевое положение; 5 — предбоевое положение; 6, 7 — боевое положение

Fig. 4. Reconstruction of the variants of the use of protective mounts on the forearm of an archer: 1 — noncombat position; 2 — prior-combat position; 3 — combat position. Experimental simulation of the variants of the use of protective mounts on the forearm of an archer: 4 — noncombat position; 5 — prior-combat position; 6, 7 — combat position

было использовать разные по длине и мощности луки, не теряя время на замену защиты предплечья.

Подчеркнем, что первоначальным толчком к проведению некоторых опытов послужило желание представить в действительности будущие графические реконструкции положения защитных приспособлений. Теперь же, начав получать новые и интересные данные, авторы отдают себе отчет, что для более глубоких выводов нужно использовать специально изготовленные модели луков и прочего снаряжения лучника и проводить более продолжительные по времени и масштабные эксперименты.

В связи с проведенными экспериментами следует отметить, что английский термин *wrist-guards* и немецкий *Armschutzplatte* не совсем точно отражают с семантической точки зрения ситуативное использование защитных накладок. В первом случае речь идет о локализации бруска на вполне конкретной части руки — запястье, в то время как эксперимент показал, что как раз запястье (отдел верхней конечности между костями предплечья (лучевой и локтевой) и пястными костями) в защите при стрельбе из лука не нуждалось (рис. 4, 7). Нахождение там бруска не только не защищает от удара тетивы, но и мешает нормальному функционированию кисти, которое необходимо во время прицельной стрельбы из лука. Во втором случае, термин, наоборот, оказывается очень общим, так как подразумевает просто защиту руки без уточнения, о какой именно ее части идет речь. На наш взгляд, лучше всего суть явления, в том числе и с анатомической точки зрения, будет отражать формулировка «защита предплечья» — *forearm-guards* и *Unterarmschutzplatte*. Впрочем, замечания по поводу терминологии носят исключительно факультативный характер, потому что расположение брусков *in situ* в погребениях энеолита и начала бронзового века в Центральной и Западной Европе, сделанные на их основе реконструкции и упоминаемые этнографические данные (*Fokkens et al.*, 2008; и др.) красноречиво свидетельствуют о том, что бруски защищали именно предплечье, а не запястье. К тому же *wrist-guards* — это устоявшийся в археологическом сообществе термин, который используется более полувека, и менять его, для достижения однозначности понимания, не имеет смысла.

Выводы

Таким образом, каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино представляют собой четкие культурно-хронологические индикаторы. Из трех бабинских культур они известны в двух: ДДБК и ВДБК. Это закономерно, потому что бруски маркируют только фазу ПКБ I, которая включает ранние периоды этих культур. Хронология данных предметов полностью соответствует времени использования каменных накладок такого же функционального назначения в Западной и Центральной Европе, которое датируется энеолитом и началом раннего бронзового века. К периоду VzA1 относятся все погребения культурного круга Бабино с каменными брусками с двумя перетяжками. Здесь время использования этих изделий значительно короче, чем в Европе и на Ближнем Востоке, а их появление на заре становления посткатакомбного мира (XXII cal BC) связано с центральноевропейским импульсом в его формировании.

Функциональное назначение рассматриваемых предметов устанавливается четко. Это защитные накладки на предплечье лучника, которые предохраняли эту часть руки от удара тетивы. Благодаря анализу ситуативного расположения защитных накладок в погребениях, можно определить три позиции в их повседневном использовании: небоевую, предбоевую и боевую. Их выделение разрешает проблемную ситуацию, которая сложилась в связи с интерпретациями нахождения накладок на внешней и внутренней сторонах костей предплечья в погребениях, а также обнаружением их в районе таза умершего и вхождением в поясные наборы.

Экспериментальное моделирование показало, что необходимым атрибутом для закрепления защитной накладки является кожаный нарукавник со шнуровкой, благодаря которому защитный комплект легко переводится в любую из установленных позиций. Расположение на предплечье и длина бруска напрямую зависели от размеров используемого лука.

Дальнейшие перспективы работы связаны с проведением серии экспериментов по использованию аутентичных лука и защитной накладки с двумя перетяжками с целью получения на ней следов использования и сравнения их с трасологическими данными археологических находок.

- Багаев*, 1986 — *Багаев М. Х.* Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 66–74.
- Братченко*, 1989 — *Братченко С. Н.* Лук і стріли доби енеоліту — бронзи Півдня Східної Європи // Археологія. 1989. № 4. С. 70–81.
- Буйнов*, 1992 — *Буйнов Ю. В.* Грунтовый могильник срубной культуры у с. Червоный Шлях на Харьковщине // История и археология Слободской Украины: Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конф., посв. XII Археологическому съезду / Отв. ред. В. В. Кравченко. Харьков: Харьковский ГУ, 1992. С. 91–92.
- Ванчугов*, 1990 — *Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
- Гершкович*, *Разумов*, 2009 — *Гершкович Я. П., Разумов С. Н.* «Аномальный» комплекс заключного периода позднего бронзового века з Північного Причорномор'я // Взаємозв'язки культур епохи бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи: Збірка наукових праць на пошану Л. І. Крушельницької / Ред. В. В. Отрощенко. Київ; Львів: ІА НАНУ, 2009. С. 132–139.
- Грушин*, 2011 — *Грушин С. П.* К вопросу об использовании транспортных средств населением Алтая в эпоху ранней бронзы // Тр. III (XIX) ВАС / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК, 2011. Т. I. С. 216–218.
- Демченко*, 2009 — *Демченко Т.* Памятники типа Коржеуць в контексте истории Центральной и Восточной Европы раннего бронзового века // *Tyragetia*. N. S. 2009. Vol. III (XVIII), nr. 1. P. 9–30.
- Ильюков*, 1983 — *Ильюков Л. С.* Курган у села Новолакедемоновка // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа: Сб. ст. / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов н/Д.: Ростовский ГУ, 1983. С. 34–40.
- Ильюков*, *Казакова*, 1980 — *Ильюков Л. С., Казакова Л. М.* Миусские курганы // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 108.
- Ильюков*, *Казакова*, 1988 — *Ильюков Л. С., Казакова Л. М.* Курганы Миусского полуострова. Ростов н/Д.: Ростовский ГУ, 1988. 168 с.
- Кирюшин*, 2002 — *Кирюшин Ю. Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2002. 294 с.
- Кирюшин и др.*, 2010 — *Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А.* Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации: Сб. ст. к 80-летию В. И. Сарияниди / Ред. П. М. Кожин и др. СПб.: Алетейя, 2010 (Тр. Маргианской археологической экспедиции). С. 552–566.
- Клочко*, 2006 — *Клочко В. І.* Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ: АртЕк, 2006. 337 с.
- Ковалева и др.*, 1987 — *Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н., Шахров Г. Н.* Исследование курганов группы «Долгой Могилы» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и железного веков Поднепровья: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский ГУ, 1987. С. 5–27.
- Литвиненко*, 1997 — *Литвиненко Р. А.* Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: Матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару / Ред. Ю. М. Бровендер и др. Київ; Вороніж; Перевальск: ІА НАНУ, 1997. С. 29–33.
- Литвиненко*, 2006 — *Литвиненко Р. А.* Днепр-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // МДАСУ. Луганськ, 2006. № 5. С. 157–187.
- Литвиненко*, 2007 — *Литвиненко Р. О.* Статевікова диференціяція в поховальному обряді бабинських культур // МДАСУ. Луганськ, 2007. № 7. С. 156–172.
- Литвиненко*, 2009а — *Литвиненко Р. О.* Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток: Рукопись дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.04 / Інститут археології, НАН України // Архив ІА НАНУ. № 879.
- Литвиненко*, 2009б — *Литвиненко Р. О.* Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток): Автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.04 / Інститут археології, НАН України. Київ: б. и., 2009. 32 с.
- Мамонтов*, 1974 — *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского областного отделения ВООПИК в Каланчаевском, Октябрьском, Суровкинском, Средне-Ахтубинском, Иловлинском районах Волгоградской области на сезон 1974 г. // НОА ИА РАН. Р. 1. № 5402, 5402а.
- Мимоход*, 2004 — *Мимоход Р. А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Материалы I Междунар. Нижневолжской археол. конф. / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2004. С. 108–114.

- Мимоход*, 2005 — *Мимоход Р. А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України / Гол. ред. В. В. Отрощенко. Луганськ: Шлях, 2005. С. 70–74.
- Мимоход*, 2010 — *Мимоход Р. А.* Хронология криволюкской культурной группы // XVIII Уральское археологическое совещание / Науч. ред. Г. Т. Обыденнова и др. Уфа: Башкирский гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2010. С. 158–160.
- Мимоход*, 2013а — *Мимоход Р. А.* Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание и дефиниции // АВЕС. 2013. Вып. 10. С. 167–179.
- Мимоход*, 2013б — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 16). 568 с.
- Мимоход*, 2014 — *Мимоход Р. А.* Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволюкской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 100–119.
- Мимоход*, 2016 — *Мимоход Р. А.* Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: Материалы Международ. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Отв. ред. М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Чеченский ГУ, 2016. С. 45–47.
- Мимоход*, 2018а — *Мимоход Р. А.* Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева / Ред. А. А. Выборнов и др. Самара: Самарский гос. социально-педагогический ун-т, 2018. С. 140–144.
- Мимоход*, 2018б — *Мимоход Р. А.* Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний // АВ. 2018. № 24. С. 249–275.
- Мимоход*, 2018в — *Мимоход Р. А.* Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н. э. // РА. 2018. № 2. С. 33–48.
- Мимоход*, 2021 — *Мимоход Р. А.* Хронология и периодизация волго-донской бабинской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2021. Вып. 9. С. 69–91.
- Николаева*, 2011 — *Николаева Н. А.* Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Московский гос. областной ун-т, 2011. 557 с.
- Отрощенко*, 2001 — *Отрощенко В. В.* Проблемы периодизации культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: ІА НАНУ, 2001. 288 с.
- Отрощенко*, 2011 — *Отрощенко В. В.* Міркування щодо одного «аномального» тексту // Магістеріум. Археологічні студії. Київ, 2011. Вип. 45. С. 14–18.
- Попандопуло*, 1991 — *Попандопуло З. Х.* Курган «Сokolовский» у города Пологи // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1991. Вып. II. С. 66–76.
- Раевский*, 1970 — *Раевский Д. С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеология царства Атея // СА. 1970. № 3. С. 90–101.
- Санжаров*, 2008 — *Санжаров С. Н.* Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. Луганск: Изд-во Восточноукраинского нац. ун-та им. В. И. Даля, 2008. 88 с.
- Смирнов*, 1983 — *Смирнов Ю. А.* Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона: Материалы работ Донской экспедиции / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1983. С. 164–187.
- Ткачев*, 2002 — *Ткачев А. А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. В 2 ч. Тюмень: Тюменский гос. нефте-газовый ун-т, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Bóna*, 1975 — *Bóna I.* Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. Budapest: Academia Kiadó, 1975. 317 S.
- Clarke*, 1970 — *Clarke D. L.* Beaker pottery of Great Britain and Ireland. Cambridge: University Press, 1970. Vol. 1. 280 p.
- Endrödi*, 2003 — *Endrödi A.* The Late Phase of the Bell Beaker — Csepel Group in Hungary // The Northeast Frontier of Bell Beakers / Eds. J. Czebreszuk, M. Szymt. Oxford: Basingstoke Press, 2003. P. 265–276.
- Fitzpatrick*, 2011 — *Fitzpatrick A. P.* The Amesbury Archer and the Boscombe Bowmen. Bell Beaker burial at Boscombe Down, Amesbury, Wiltshire. Aberystwyth: Cambrian Printers, 2011. 278 p.
- Fokkens et al.*, 2008 — *Fokkens H., Achterkamp Y., Kuijpers M.* Bracers or Braselets? About the Functionality and Meaning of Bell Beaker Wrist-guards // Proceedings of the Prehistoric Society. 2008. Vol. 78. P. 109–140.
- Gebers*, 1978 — *Gebers W.* Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelrheingebiet. Katalog. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1978. 192 S.
- Gramsch*, 1995 — *Gramsch A.* Sizilien // Das Glockenbecher-Phänomen ein Seminar. Freiburger Archäologische Studien. 1995. Nr. 2. S. 293–307.

- Guy*, 1938 — *Guy P. L. O.* Megiddo Tombs. Chicago: University of Chicago Press, 1938. 224 p.
- Harrison*, 1977 — *Harrison R. J.* The Bell Beaker Cultures. Cultures of Spain and Portugal. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 257 p.
- Harrison*, 1980 — *Harrison R. J.* The Beaker Folk. Copper Age archaeology in Western Europe. London: Thames and Hudson, 1980. 176 p.
- Harrison*, 2007 — *Harrison R. J.* Majaladares. A Bronze Age Village of Farmers, Hunters and Herders. Rahden/Westf., 2007 (Internationale Archäologie; Bd. 107). 209 p.
- Healy, Harding*, 2004 — *Healy F., Harding J.* Reading a Burial: The Legacy of Overton Hill // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge / Eds. A. Gibson, A. Sheridan. Stroud: Tempus, 2004. P. 176–193.
- Heyd*, 1998 — *Heyd V.* Die Glockenbecherkultur in Süddeutschland. Zum Stand der Forschung einer Regionalprovinz entlang der Donau // Some New Approaches to the Bell Beaker “Phenomenon”. Lost Paradise? Proceedings of the 2nd Meeting of the “Association Archéologie et Gobelets” Feldberg (Germany), 18th–20th April 1997 / Eds. M. Benz, S. v. Willigen. Oxford: Biddles Ltd., 1998 (BAR Internat. Ser; 690). P. 87–106.
- Jockenhövel*, 1969/70 — *Jockenhövel A.* Die frühbronzezeitlichen Gräber // Fundberichte aus Hessen / Ed. O.-H. Frey. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1969/70. Jahr. 9/10. S. 56–68.
- Kenyon*, 1960 — *Kenyon K. M.* Excavations at Jericho. The Tombs excavated in 1952–4. London: British School of Archaeology in Jerusalem, 1960. Vol. I. 583 p.
- Kenyon*, 1965 — *Kenyon K. M.* Archaeology in the Holy Land. London: E. Benn Ltd., 1965. 328 p.
- Kenyon*, 1981 — *Kenyon K. M.* Excavation at Jericho. The Architecture and Stratigraphy of the Tell. London: British School of Archaeology in Jerusalem, 1981. Vol. III. 540 p.
- Kenyon, Holland*, 1983 — *Kenyon K. M., Holland T. A.* Excavations at Jericho. Vol. V. The Pottery Phases of the Tell and Other Finds. London: British School of Archaeology in Jerusalem, 1983. 864 p.
- Klochko*, 2001 — *Klochko V. I.* Weaponry of societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000–700 BC // Baltic-Pontic Studies. 2001. Vol. 10. P. 167–195.
- Köster*, 1966 — *Köster C.* Beiträge Endneolithikum und zur Frühen Bronzezeit am nördlichen Oberrhein // Prähistorische Zeitschrift. 1966. Bd. XLIII/XLIV. S. 2–95.
- Loze*, 2003 — *Loze I.* The Lubāns, North Belarusian and Šagara Cultures as an Eastern Phenomenon of an Eneolithic Cultural Unit // The Northeast Frontier of Bell Beaker / Eds. J. Czebreszuk, M. Szmyt. Oxford: Basingstoke Press, 2003. P. 123–136.
- Machnik*, 1987 — *Machnik J.* Kultury z przełomu eneolitu i epoki brązu w Strefie Karpackiej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1987. 187 p.
- Makarowicz*, 2003 — *Makarowicz P.* Northern and Southern Bell Beaker in Poland // The Northeast Frontier of Bell Beaker / Eds. J. Czebreszuk, M. Szmyt. Oxford: Basingstoke Press, 2003. P. 137–155.
- Müller-Karpe*, 1974 — *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit. München: C. H. Beck, 1974. Bd. III/1-3. 1095 S.
- Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch.*, 1997 — *Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch.* Franzhausen, das frühbronzezeitliche Gräberfeld I. Materialvorlage. Wien: Verlag Ferdinand Berger & Söhne Ges, 1997 (Fundberichte Österreichs Materialehefte A5/1–2). Teil I, II. 612 Taf.
- Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch.*, 1998 — *Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch.* Zum Forschungsstand der Glockenbecherkultur in Österreich // Tradition und Innovation. Prähistorische Archäologie als historische Wissenschaft. Festschrift für Christian Strahm / Hrsg. B. Fritsch u. a. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 1998 (Studia honoraria; Bd. 3). S. 307–324.
- Ondraček, Šebela*, 1985 — *Ondraček J., Šebela L.* Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově (katalog nálezů) // Studie Muzea Kroměřížska. Gottwaldow, 1985. S. 2–130.
- Peška*, 2004 — *Peška J.* Zlaté ozdoby z hrobů Kultury se šňůrovou keramikou na Moravě // Einflüsse und Kontakte alteuropäischer Kulturen. Festschrift für Josef Vladár zum 70. Geburtstag / Hrsg. J. Batora et al. Nitra: Archäologische Institut der Slowakischen Akademie der Wissenschaften, 2004. S. 93–138.
- Pittioni*, 1954 — *Pittioni R.* Urgeschichte des österreichischen Raumes. Wien: Franz Deuticke, 1954. 854 S.
- Sangmeister*, 1964 — *Sangmeister E.* Die schmalen “Armschutzplatten” // Studien aus Alt-Europa. Köln: Granz, 1964. T. I. S. 93–122.
- Sangmeister*, 1974 — *Sangmeister E.* Zwei Neufunde der Glockenbecherkultur in Baden-Württemberg // Fundberichte aus Baden-Württemberg. Stuttgart: E. Schweizerbartische Verlagsbuchhandlung, 1974. Bd. 1. S. 103–137.

- Schliemann*, 1881 — *Schliemann H.* Ilios. Stad und Land der Trojaner. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1881. 880 S.
- Schlosser*, 1995 — *Schlosser I.* Süddeutsche Gruppe: Bayern // Das Glockenbecher-Phänomen. Freiburg: Universität Freiburg, 1995 (Freiburger Archäologische Studien; Nr. 2). S. 74–95.
- Smith*, 2006 — *Smith J.* Early Bronze Age stone wrist-guards in Britain: Archer's bracer or social symbol? Available at: <http://www.geocities.com/archchaos1/article1/1.htm> (accessed 25.02.2021).
- Turek*, 2013 — *Turek J.* Echoes and Traditions of the Bell Beaker Phenomenon // From Copper to Bronze. Cultural and Social Transformation at the Turn of the 3rd/2nd Millennia B.C. in Central Europe / Hrsg. M. Bartelheim et al. Langenweissbach: Beier & Beran, 2013 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas; Bd. 74). S. 9–23.
- Turek*, 2015 — *Turek J.* Bell Beaker stone wrist-guards as symbolic male ornament. The significance of ceremonial warefare in 3rd millennium BC Central Europe // The Bell Beaker transition in Europe. Mobility and local evolution during 3rd millennium BC / Eds. V. P. P. Martinez, L. Salanova. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2015. P. 28–40.
- Woodward et al.*, 2006 — *Woodward A., Hunter J., Ixer R., Roe F., Potts P. J., Webb P. C., Watson J. S., Jones M. C.* Beaker age bracers in England: sources, function and use // *Antiquity*. 2006. Vol. 80, no. 309. P. 530–543.

Stone bars with two constrictions in burials of the Babino cultural circle within the context of archer's outfit in the western part of the Old World

R. A. Mimokhod, A. N. Usachuk, A. V. Verbovskiy⁸

This paper examines a rare type of finds in the Babino cultural circle — stone bars with two constrictions. They are distinct cultural and chronological markers. In Eastern Europe, bars of this kind are known only among materials from the Dnieper-Don and Volga-Don Babino cultures while the time of their use was limited to within the 22nd century cal BC, i. e. they mark only the phase of the Post-Catacomb Block I which comprises the earliest periods of these cultures. The chronology of these objects corresponds completely to the time of the use of stone mounts of the same functional purpose in Western and Central Europe where they are dated to the Eneolithic and beginning of the Early Bronze Age or to within period BzA1. In the cultural circle of Babino, the span of the use of stone bars with two constrictions was considerably shorter than in Europe and the Near East, while their appearance at the dawn of the establishing of the post-Catacomb world (22nd cen. cal BC) was due to the Central-European pulse in the latter's formation. The functional purpose of the objects under consideration is distinctly identifiable. These are mounts on the forearm of an archer which protected this part of the arm from the shock of the bow string. Through analysis of the arrangement of the protective mounts in the burials it is possible to define three cases of their everyday use: noncombat, prior-combat and fighting situations. Experimental simulation has shown that a necessary attribute for fixing the protective mount was represented by a leather oversleeve with lacing enabling to put the protective set into any of the desired positions. The arrangement on the forearm and the length of the bar depended directly on the size of the employed bow. Further studies must include a series of experiments on the use of authentic bows and protective mounts in order to obtain on them traces of wear and compare the latter with tracewear evidence of archaeological finds.

⁸ Roman Mimokhod — Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences; Dm. Ulyanova ul., 19, Moscow, 117292, Russia; e-mail: mimokhod@gmail.com. Anatolii Usachuk, Andrei Verbovskii — Donetsk Museum of Local Lore; ul. Chelyuskintsev, 189-A, Donetsk, 283048, Ukraine; doold@mail.ru, verbovskiy@ro.ru.

Поселения-гиганты Триполья–Кукутень: проблемы и перспективы новейших исследований

И. В. Палагута¹

Аннотация. В статье представлен обзор новейших исследований поселений-гигантов трипольской культуры, развивавшейся на юге Восточной Европы в V–IV тыс. до н. э. Рассмотрены результаты магнитометрической съемки и ее интерпретаций, а также предложенные реконструкции последовательности формирования этих памятников. Проведен критический анализ предложенных концепций, в частности гипотезы о поселениях-гигантах как «местах паломничества»; отмечены отдельные характерные черты искусства этого периода Триполья.

Annotation. This paper is a review of the most recent investigations of the giant-settlements of the Tripolye culture which was developing in the south of East Europe in the 5th–4th millennium BC. Results of magnetometric surveys and their interpretations are considered, as well as the hypothetic reconstructions of the sequence of formation of these sites. Critical analysis was conducted on the proposed concepts, including the hypothesis about the giant-settlements as “places of pilgrimage”; particular characteristic features of the art of this period of Tripolye are presented.

Ключевые слова: культура Триполье-Кукутень, поселения-гиганты, керамика, радиоуглеродные даты, поселенческие системы, планировка поселений, искусство.

Keywords: of Tripolye-Cucuteni culture, giant-settlements, pottery, radiocarbon dates, settling patterns, layouts of settlements, art.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-402-415

Поселения-гиганты трипольской культуры обнаружены в междуречье Южного Буга и Днестра в начале 1970-х гг. К. В. Шишкиным при дешифровке аэрофотоснимков. Оказалось, что пункты находок трипольской керамики, принимаемые за отдельные памятники, на самом деле являются огромными поселениями: протяженность крупнейших из них измеряется километрами, площадь — сотнями гектаров, а число построек, выявленных позже геомагнитной разведкой, исчисляется тысячами (Шишкин, 1973; Шмаглий и др., 1975). Возникшие в IV тыс. до н. э. (согласно радиоуглеродным данным) трипольские поселения-гиганты превышали по размеру современные им первые города Месопотамии. Неудивительно, что

на протяжении полувека они привлекают интерес широкого круга специалистов, исследующих закономерности процессов урбанизации, социо- и культурогенеза.

В исследовании трипольских поселений-гигантов можно выделить два периода, соответствующих методам советской и постсоветской археологической науки.

Вскоре после обнаружения поселений-гигантов, относящихся к периоду VII–VI Триполья, начались их масштабные раскопки экспедициями ИА АН УССР: десятки жилищ были раскопаны в Тальянках (320–340 га, экспедиция под рук. В. А. Круца), Майданецком (≈ 210 га, экспедиция под рук. Н. М. Шмаглия и М. Ю. Видейко), Доброводах (≈ 180 га, экспедиция под рук. Т. Г. Мовши), Веселом Куте (≈ 60–80 га, экспедиция под рук. Е. В. Цвек).

Результаты археологических раскопок поселений-гигантов, к сожалению, были слабо освещены

¹ Кафедра искусствоведения, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица; Соляной пер. 13, Санкт-Петербург, 191028, Россия; e-mail: ipalaguta@yandex.ru.

в публикациях. Так, раскопки более 50 жилищ в Майданецком были представлены лишь в виде относительно небольшой обобщающей монографии в журнале (*Шмаглей, Видейко, 2001–2002*). Образцы материалов из Веселого Кута, где раскопаны более 25 построек, были частично описаны в статьях Е. В. Цвек, посвященных проблеме выделения «восточно-трипольской культуры», однако ни один комплекс не издан подробно и полностью.

Осмысление феномена поселений-гигантов в контексте палеодемографических и палеосоциальных реконструкций началось уже в 1970-х гг. (*Массон, 1980*). Финалом периода накопления материалов исследований стали обобщающие исследования В. А. Круца, в которых предложена масштабная историческая реконструкция развития трипольской культуры Буго-Днепровского междуречья (*Круц, 1989*). Свое видение «трипольской цивилизации» с ее «протогородами» представил М. Ю. Видейко (2003); также были обозначены локальные группы поселений и разработана относительная хронология входящих в них памятников (*Ryzhov, 2012a*).

Процесс осмысления результатов этих исследований проходил на фоне сильного сокращения объемов полевых исследований в результате системного социально-экономического кризиса, охватившего страны бывшего СССР после его распада. Несмотря на это в 2000-х гг. увидел свет целый ряд подробных публикаций, среди которых нужно отметить серию монографий, представляющих результаты раскопок в Тальянках (*Круц и др., 2001; 2005; 2013; Трипольская культура в Украине, 2008*), а также исследования синхронных памятников периферийной каневской группы (*Овчинников, 2014*).

Новый этап начался в конце 2000-х гг., когда в исследованиях на Украине и в Молдове начали принимать участие зарубежные археологи. Масштабы раскопок не увеличились, но их существенно дополнили палеозоологические, палеоботанические исследования и, что особенно важно, более качественная магнитосъемка. На порядок выросло и количество полученных радиоуглеродных дат — это дало надежду, что таким путем можно будет выстроить более детальную хронологию памятников и реконструировать последовательность формирования отдельных поселений. На основе накопленных данных были построены палеодемографические и

палеосоциальные реконструкции (из последних работ см.: *Diachenko, 2019*).

Все эти изменения были позиционированы некоторыми исследователями как «вторая фаза методологической революции» в изучении поселений-гигантов (*Chapman et al., 2014*), которая развернулась несколько в стороне от «нормальной археологии» (*Chapman, Gaydarska, 2019. P. 73*). В частности, она мало затронула анализ основного массового материала — керамики, на базе которого можно было бы продолжать разрабатывать хронологию поселений. Все новейшие исследования в той или иной мере опираются на созданную С. Н. Рыжовым в 1980-х гг. классификацию керамики и выстроенные на ее основе хронологию групп памятников и их локальное подразделение (*Ryzhov, 2012b*). Примечательно также, что в новейших публикациях практически нет повторного анализа материалов, найденных в советский период. Причину этого назвать сложно. Однако исследование коллекций из раскопок даже первой половины XX в. может дать много новой информации (*Kadrow et al., 2013; Смирнова и др., 2018*). Тем не менее появились новые интерпретации этих уникальных памятников — трипольских поселений-гигантов, — на которые хотелось бы обратить внимание.

Краткий обзор археологических исследований

Суммируя итоги полувековых археологических исследований, можно обозначить ряд общих признаков поселений-гигантов трипольской культуры, число построек в которых достигает 1500 (Майданецкое, Небелевка) и даже 2000 (Тальянки).

Их планировка выстраивается преимущественно по принципу концентрических колец. Подобные планировочные решения формируются еще на раннем этапе развития культуры (Триполье А–Прекукутень). «Уличная» застройка рядами домов присутствует крайне редко и только в небольших поселках. Группировку домов в виде колец можно различить уже в плотной застройке укрепленных городищ периода Кукутень А–Триполье VI (*Палагута, 2012. Рис. 20*). С ростом размеров поселений принцип кольцевой планировки со свободными площадями в центре просматривается все более ясно, несмотря на влияние рельефа местности. Наличие широких пространств между кольцами жилищ и свободных площадей

в центре обуславливает общую низкую плотность застройки — от 4–6 до 10 построек на 1 га (*Diachenko*, 2012. Tabl. 5.1), хотя в самих кольцах жилища тесно примыкают друг к другу.

Обновленные магнитометрические планы позволяют выделить помимо «площадок» — остатков сгоревших глинобитных жилищ — ямы различного назначения, уплотнения грунта (указывающего на улицы или дороги), а также другие объекты. Особую категорию представляют производственные комплексы с гончарными горнами (*Видейко*, 2019; *Ohlrau*, 2020; *Корвин-Пиотровский, Овчинников*, 2020).

Магнитосъемкой также выявлены следы оборонительных рвов, которые окружали как сравнительно небольшие памятники, площадью 30–35 га с 350–370 жилищами (Петрень или Стольничень I в Молдове — *Uhl et al.*, 2017. Abb. 5; *Терна et al.*, 2019. Fig. 5), так и поселения-гиганты Буго-Днепровского междуречья (Небелевка, до 260 га; Майданецкое, 250 га), где длина рвов достигала 4,0–4,7 км (*Ohlrau*, 2020. P. 114–116; *Видейко и др.*, 2015) (рис. 1–3, 5). Можно по-разному трактовать эти рвы: как результат ритуальной деятельности — обозначение границ поселения, аналогичное *pomerium* в Древнем Риме (Т. Livius, *Ab Urbe Condita*. I, 44; 2), или функционально — для нужд обороны. В любом случае факт их наличия даже на очень больших поселениях говорит о том, что обведение рвом площади поселения являлось для трипольского населения обычной практикой.

Архитектура жилищ поселений-гигантов демонстрирует относительное однообразие. Большинство из них было двухэтажными домами. Основной элемент конструкции, который сохранился, представляет собой «площадку» из обожженной глины — остатки перекрытия из деревянных плах, обмазанных толстым слоем глины. Обмазанные глиной стены обожжены хуже, поэтому их конструкции не всегда сохраняются. «Типовой» интерьер второго этажа жилища включает «сени» и основную комнату с печью, возвышением в центре («алтарем»), глинобитными возвышениями вдоль стен, на которых расположены сосуды (*Chernovol*, 2012). Такой интерьер представлен и в многочисленных моделях жилищ (*Палагуца, Старкова*, 2017).

Таким образом, в планировке и в стандартных параметрах построек можно видеть следование определенным нормативам, или «канонам», воспроизводимым на каждом новом памятнике.

Подавляющее большинство наземных глинобитных конструкций на трипольских памятниках обожжено в пламени пожаров, что позволяет предположить наличие традиции намеренного сожжения поселка после его оставления (*Johnston et al.*, 2018).

Наряду с оборонительными рвами, открытием 2010-х гг. стало выявление на крупнейших поселениях «мегаструктур», расположенных между кольцами застройки. В Майданецком таких «мегаструктур» («*assembly houses*») 23 — площадью в среднем от 150–200 до 400 кв. м, самая крупная — 1120 кв. м (*Ohlrau*, 2020. P. 133–138, tabl. 4.3). На сегодняшний день раскопана только одна такая постройка — в Небелевке, размерами 60 × 20 м, площадью около 1200 кв. м (*Видейко и др.*, 2013). Первоначальный энтузиазм некоторых исследователей, увидевших в таких структурах двухэтажные «трипольские храмы» (*Видейко, Бурдо*, 2015), сменился реконструкциями, интерпретирующими «мегаструктуры» как огороженные глинобитными стенками площадки с одной или несколькими примыкающими друг к другу постройками в центральной части (рис. 1, 4). Эти реконструкции выглядят наиболее приемлемыми, а дальнейшее исследование таких объектов может помочь выяснить их назначение.

Помимо постулируемой культовой функции, такие комплексы могли использоваться, например, для обмолота и хранения зерна, заготовки других продуктов земледелия или собирательства, содержания скота (молодняка?) и т. д. Все это, конечно, сопровождалось обрядовой деятельностью, но комплекс «мегаструктуры» выполнял и определенную хозяйственную функцию. Расположение таких построек между кольцами жилищ позволяет предположить, что они были связаны с отдельными секторами застройки, разделенными лучами «улиц», которые отходили от центральной площади к краям поселения.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что культурный слой на поселениях-гигантах незначителен и мало насыщен находками. Так, в Тальянках керамика представлена преимущественно набором сосудов из жилищ, связанным с моментом их оставления, а бытовой мусор в виде отдельных черепков между постройками практически отсутствует (*Круц*, 2008б. С. 56). «Свалки» керамического боя и «золяники» также не обнаружены. Неоднократно отмечалось, что число кремневых изделий, которые

найжены на поселениях-гигантах, крайне незначительно, это преимущественно сами орудия при почти полном отсутствии отходов их производства (*Шмаглий, Видейко, 2001–2002. С. 107; Пичкур, 2008. С. 158*). Между тем на территории того же Буго-Днепровского междуречья существовали мощные производственные центры с шахтами для добычи кремня и прилегающими поселками с мастерскими по его обработке (*Цвек, Мовчан, 2005*).

Эти особенности культурного слоя поселений-гигантов указывают на то, что они либо существовали на протяжении относительно коротких промежутков времени, либо их площадь осваивалась последовательно, либо заселение их было периодическим. Соответственно, различными будут и представления о количестве их жителей. При одновременном заселении оно могло превышать 10 000 в Тальянках (при условии одновременного существования более 2000 построек), более 10 000 — в Майданецком (при условии одновременного существования более 2000 построек), более 7500 — в Небелевке (при условии одновременного существования около 1500 построек). Согласно другим моделям демографические оценки могут быть иными, однако население этих поселков будет все равно исчисляться тысячами человек.

Проблема внутренней хронологии поселений-гигантов:

керамика или радиоуглеродные даты

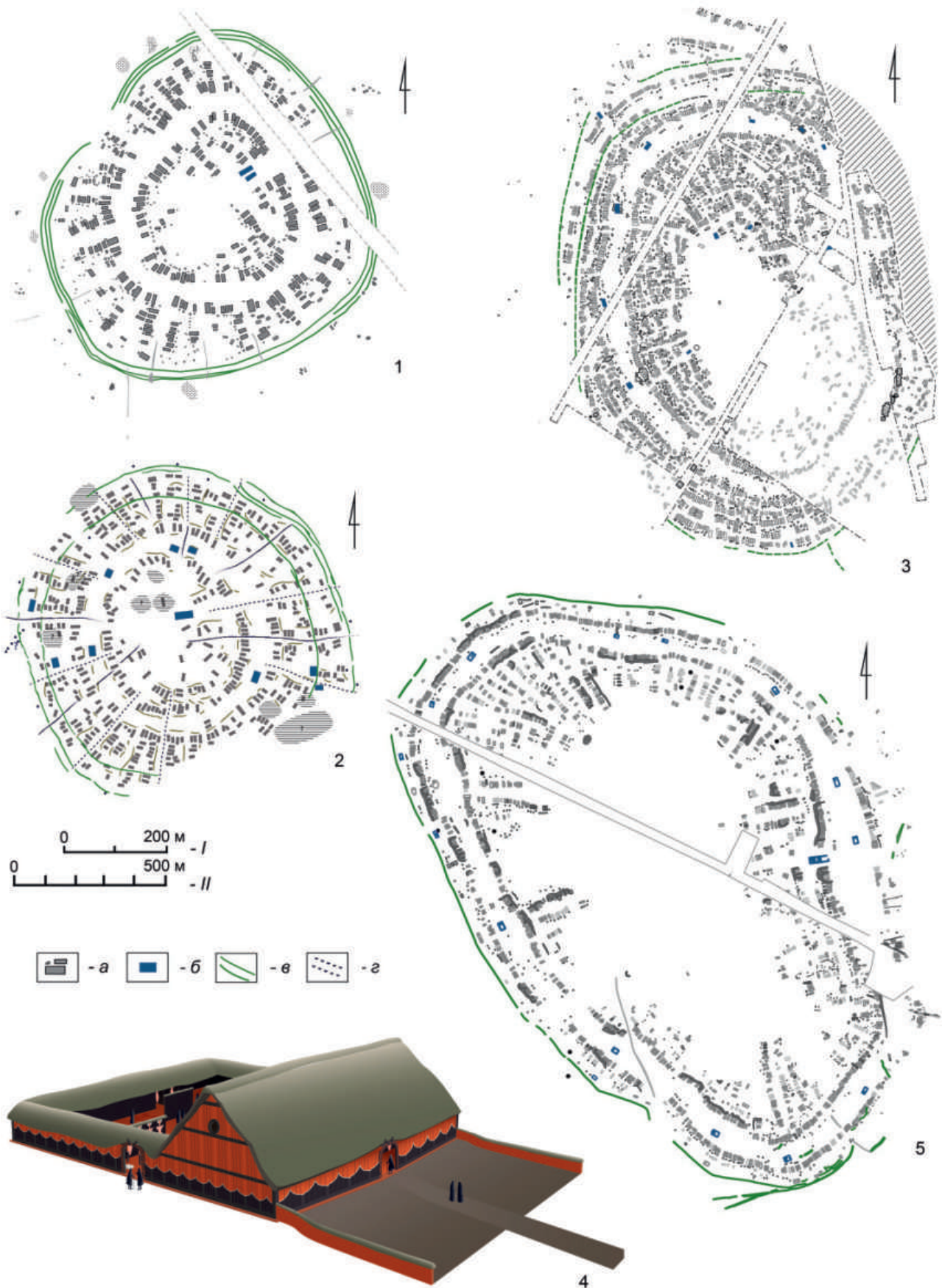
Одна из основных проблем при интерпретации трипольских «мега-поселений» — оценка продолжительности их существования и последовательности их формирования. Она может решаться тремя путями.

Первый из них — стратиграфические наблюдения, свидетельствующие о длительности и последовательности формирования поселенческих объектов. Однако здесь существуют определенные сложности, связанные с однослойностью памятников. «Горизонтальную» стратиграфию практически невозможно проследить при неплотной застройке. Отдельные свидетельства ремонта домов не позволяют говорить о том, что они могли существовать дольше, чем обычный период эксплуатации глинобитной постройки — как правило, он не превышает 50–70 лет. В пользу этого свидетельствует и тонкий культурный слой по краям «площадок».

Второй — радиоуглеродные даты. Эта тема стала особенно актуальной в последнее десятилетие, когда для отдельных памятников были получены десятки дат, вернувшие исследовательский вопрос об их микрохронологии. В Небелевке сделаны 86 измерений, которые позволяют оценить временной промежуток существования поселения от 50 до 230 лет, т. е. около 150 лет (*Gaydarska (ed.), 2020. P. 256*). Анализ более 60 радиоуглеродных дат, полученных в Майданецком, дает основание предполагать, что «активность населения здесь охватывает промежуток более чем около 350 лет, в диапазоне от 3990 до 3640 cal BCE», с вероятным пиком заселения в период между 3765–3710 cal BCE (*Ohlrau, 2020. P. 226, fig. 144*). Длительность заселения в 150–200 лет предполагается и для поселения Петрень в Молдове (*Uhl, 2020. S. 142*). В пределах этих достаточно широких промежутков времени, по мнению некоторых авторов, могло происходить последовательное освоение отдельных частей поселка (*Ohlrau, 2020. P. 228–229; Uhl, 2020*).

Третий способ — выявление различий между комплексами на основе керамического материала. Керамика является самой массовой из археологических находок. Серии из десятков орнаментированных сосудов, происходящие из раскопанных построек, представляют важный материал для сравнения. С одной стороны, это вызывает целый ряд вопросов к методике исследования. Так, проведенный автором статьи анализ материалов поселения Журы, относящегося к более раннему периоду Триполье VI, выявил отличия серий сосудов из разных жилищ. Их можно интерпретировать как хронологические или отражающие разнородность традиций производства керамики различными группами, из которых состояло население поселка (*Палагута, 1998. С. 136–137*).

Керамический комплекс периода Триполье VII–CI, к которому относятся поселения-гиганты, гораздо более стандартизирован. Миски приобретают коническую форму и могли изготавливаться на шаблонах; в сосудах закрытых форм ярко выражено ребро в местах соединения нижней, «мисочной», части (возможно, также изготавливаемой отдельно с использованием шаблона) с плечиками, что тоже свидетельствует о стандартизации и оптимизации технологической цепочки при массовом изготовлении больших партий керамики. Такая же ситуация и с орнаментами, где используется повторяющийся стандартный

набор орнаментальных схем, соответствующий формам сосудов. Отличия наблюдаются лишь в формах и расположении отдельных элементов. Достаточно однородную картину демонстрируют и виды симметрии, на основе которых выстраивался орнамент².

Интересные результаты получены Т. М. Ткачуком в изучении материалов Майданецкого при сравнении наборов элементов орнаментов («знаков»), добавляемых мастерами к стандартным орнаментальным схемам: они отличались в соседних группах жилищ, которые формировали часть кольца застройки (Ткачук, Мельник, 2000. С. 152–153, 205. Рис. 18). Интерпретация этих элементов как «знаков», образующих «знаковую систему», — предмет особого обсуждения (Палагута, 2011).

Такие различия понятны в свете недавних исследований в Тальянках гончарных производственных комплексов. Они располагались по периметру поселения и могли обслуживать группы людей, проживавших в примыкающих к ним секторах застройки (Корвин-Пиотровский, Овчинников, 2020). Соответственно, мастера, обслуживающие свои группы, использовали свой набор элементов и его комбинации. Этому соответствуют и этнографические наблюдения, свидетельствующие, что семьи мастеров используют собственные комбинации орнаментальных мотивов, характерных для всей этнической группы, акцентируя внимание на «своем» наборе элементов, — таким образом их керамику можно отличить от соседской (Hardin, 1983). Отсюда в археологическом материале различия в деталях декора могут быть не столько хронологическим показателем, сколько указывать на те или иные сообщества, объединение которых образовывало поселенческую общину.

К сожалению, кроме Т. М. Ткачука подобных детальных наблюдений больше никто не проводил. Анализ массового материала на основе классификации стандартных схем не дает возможности

разделить эту достаточно однородную массу материала. Хотя опыт его применения при выявлении микрохронологии Майданецкого представлен в недавней монографии Р. Ольрау (Ohlrau, 2020), он не дал ощутимых результатов (рец. см. Палагута, 2020).

Очевидно, что в пределах предложенного 350-летнего интервала времени, охватывающего жизни около 15 поколений, должны проследиться явные и существенные различия в керамическом комплексе. Следовательно, либо эти различия пока не выявлены исследователями, либо хронологический интервал существования памятника был значительно короче, а «сама по себе абсолютная датировка в том виде, в каком она сложилась сейчас, не дает твердых оснований для относительной хронологии памятников, для установления их действительной одновременности или реальных временных последовательностей» (Kozhin, 2007. P. VIII).

«Места паломничества»?

Теории урбанистического или неоурбанистического развития трипольского общества, где поселения-гиганты рассматриваются как центральные места в иерархической системе поселений (Видейко, 2003) или как результат эпизодической недолговременной концентрации населения под воздействием экологических или социально-политических факторов, таких как конфронтация с другими группами (Круц, 1989; 2008а), — тема затянувшейся на десятилетия дискуссии среди украинских археологов.

В последние годы популярность приобрела еще одна гипотеза, появившаяся после недавних исследований поселений-гигантов, — «паломническая модель», согласно которой предполагается их периодическое заселение (Chapman, Gaydarska, 2019). Привлекательность ее очевидна — этим можно объяснить и тонкий культурный слой памятников, и длительность их существования, выявленную по радиоуглеродным данным.

² См. статью Е. Г. Старковой, с. 416–432.

Рис. 1. Обновленные планы поселений трипольской культуры: 1 — Стольничень I (Terna et al., 2019); 2 — Петрень (Uhl et al., 2017); 3 — Майданецкое (Ohlrau, 2020); 4 — реконструкция «мегаструктуры» в Небелевке (Gaydarska (ed.), 2020); 5 — Небелевка (Ibid.). Условные обозначения: а — постройки; б — крупные постройки; в — рвы; г — дороги. Масштаб: I — для 1, 2; II — для 3, 5

Fig. 1. Updated plans of settlements of the Tripolye culture: 1 — Stolniceni I (Terna et al., 2019); 2 — Petreni (Uhl et al., 2017); 3 — Maydanetskoye (Ohlrau, 2020); 4 — reconstruction of a “megastructure” in Nebelevka (Gaydarska (ed.), 2020); 5 — Nebelevka (Ibid.). Keys: a — buildings; б — large structures; в — ditches; г — roads. Scale: I — for 1, 2; II — for 3, 5

Впервые наличие возможности такой интерпретации было сформулировано П. М. Кожиним. Позволю себе процитировать полностью абзац из его предисловия к моей книге, написанного в 2007 г.: «Можно предположить, что центры эти не являлись местами постоянного проживания для различных групп населения, а являлись „местами общего сбора“ (ближайшей аналогией здесь напрашиваются древние скандинавские законодательно-судебные центры — „судебные поля“), где дома заполнялись населением лишь во время периодических или эпизодических всенародных собраний» (Kozhin, 2007. P. IX). Ориентированная по сторонам света круговая структура таких «мест сбора» соотносилась с социальными группировками древних коллективов, их иерархией (Кожин, 2016. С. 19). Эта идея высказывалась П. М. Кожиним в качестве рабочей гипотезы, которая, разумеется, должна быть верифицирована на конкретном материале.

Функционирование народных собраний (тингов) в раннем средневековье описывается в исландских сагах, в частности, в «Пряди о Пивном Капюшоне», герой которой решал свою тяжбу на одном из таких собраний, проходившем в летние месяцы (Исландские саги, 1999. С. 437–446). Исследование мест тингов, осуществленное в странах Северной Европы, выявило не только площадки, на которых они проводились, но и целый комплекс построек, в которых проживали в это время их участники (Sanmark et al. (eds.), 2013; 2015). Возможно, что эта традиция восходит еще к неолиту — медному веку, и подобную функцию «мест сбора» могли выполнять «ронделлы» Центральной Европы (Палагута, 2012. С. 81–87). Но могли ли играть эту роль трипольские поселения-гиганты?

Исходными посылами для интерпретации Небелевки как «места паломничества» для Дж. Чепмана и Б. Гайдарской стали обновленный магнитометрический план поселения с его структурой улиц и кварталов, слабообожженных «мегаструктур» и других ранее невыявленных объектов, а также результаты спорово-пыльцевого анализа, которые демонстрировали отсутствие мощного антропогенного воздействия на окружающую среду (Chapman, Gaydarska, 2019. P. 74). Пытаясь далее выстроить данную модель, авторы рисуют картину существования поселения-гиганта Небелевка, куда «паломнические группы приезжали на срок до одного месяца в год в сезон паломничества,

длившийся восемь (бесснежных) месяцев в году, из общин в радиусе до 100 км», и где этот «паломнический центр» «предлагал меньшим общинам множество возможностей для пропитания, укрепления родства, обмена и пиршеств, больше, чем они могли бы иметь при его отсутствии» (Ibid. P. 90). Этот центр был для паломников и поставщиком священных предметов — расписной керамики, статуэток, — которые они могли взять с собой по завершении путешествия. Авторы даже реконструировали примерный путь священной процессии, которая огибала поселение, заворачивая в «дома собраний» и «мегаструктуру» (Ibid. P. 101, fig. 14–15).

Масштабная картина «паломничества», нарисованная английскими исследователями, к сожалению, остается плодом воображения, созданным на основе впечатлений от сравнительно небольших по объему полевых исследований. Главным доказательством здесь было бы выявление системы синхронных постоянных поселений меньшего масштаба, которые бы окружали поселения-гиганты. Как отмечают А. Дяченко и Ф. Менотти, число домов в таких поселениях, синхронных Небелевке, должно превышать 1200, «что соответствует более 90 поселениям по 10 га каждое» (Diachenko, Menotti, 2017. P. 214). Однако свидетельств их наличия нет, как и доказательств синхронности ближайших памятников. Данные об округе Небелевки мало напоминают ожидаемую картину (Chapman et al., 2015. P. 431–432, fig. 2). Нет подобных доказательств, где поселения-гиганты были бы окружены системой меньших по размеру синхронных памятников, и у сторонников модели иерархической системы заселения, предложенной еще в 1990-е гг. М. Ю. Видейко (Видейко, 2003. С. 101–103).

Таким образом, несмотря на появление новых интерпретаций, актуальной пока остается точка зрения В. А. Круца о сравнительно недолговременном характере «поселений-гигантов», возникавших под воздействием различных факторов — как экологических, так и социально-политических (Круц, 2008а). Срок их жизни, по его мнению, не превышал продолжительности двух поколений, или около 50 лет (Круц, 1989. С. 121), а система их заселения находилась в процессе постоянного динамического изменения.

Исследования функционирования этой системы возможны с применением математического моделирования (Diachenko, 2012; Diachenko,

Menotti, 2012 и др.). Однако при этом необходима верификация математических моделей путем реконструкции реальной структуры заселения регионов на основании выявления памятников, образующих единые хронологические пласты. Иначе мы будем периодически сталкиваться с «методологическими революциями», на деле реализующими фантазию их авторов.

Взгляд на мир сквозь призму искусства: где искать «Большого Другого»?

Еще одним аспектом «методологической революции» стало привлечение для реконструкции мировоззренческих аспектов методов психоанализа — концепций Жака Лакана, вернее, их изложения словенским философом С. Жижеком. Исходной предпосылкой для реконструкций является идея «Большого Другого», которую трипольцы использовали как «точку опоры образа жизни», в качестве «связующего звена между структурированием символического мира группы и созданием ею материальных традиций», воплощенных в поселении и жилище, антропоморфной пластике и расписной керамике (*Chapman, Gaydarska*, 2018. Р. 267). Использование терминологии и методов психоанализа для интерпретации археологических материалов несколько обескураживает, особенно когда выводы исследования сводятся к пространным рассуждениям о возможных идентичностях, индивидуальной и общей ценности объектов для их владельцев, вариантах социальной дифференциации и их комбинациях и т. д. (*Ibid.* Р. 274–275).

К сожалению, археология «не может претендовать на описание того видения мира, которое было свойственно создателям археологических культур» (*Берёзкин*, 2014. С. 211). Приходится исходить из тех наблюдений, которые позволяют нам сделать полевой материал. Остановлюсь детальнее на некоторых специфических объектах и материалах, известных в период формирования поселений-гигантов, не прибегая к кардинальному изменению «теоретического ландшафта» археологической науки.

Образование крупных сообществ, которые состоят из нескольких тысяч проживающих вместе людей, должно сопровождаться определенными коллективными действиями, сплачивающими группу и объединяющими домохозяйства. Для многочисленных древних цивилизаций Старого и Нового Света, где возникают иерархически

организованные социальные структуры, они связаны с монументальными сооружениями, вокруг которых эти действия разворачиваются.

В Кукутень-Триполье монументальных сооружений, принципиально отличающихся по своей архитектуре от жилых и хозяйственных построек, нет. Д. Черновол высказывал предположение, что роль общественных построек могли играть жилища, выделяющиеся своими более крупными размерами (свыше 100 кв. м), — некоторые из них можно интерпретировать в качестве «мужских домов» (*Черновол*, 2019. С. 10–11). Такие постройки появляются уже в начальном периоде Триполье А–Прекукутень (*Hofmann et al.*, 2016).

Интерпретация «мегаструктур», выявленных на некоторых поселениях-гигантах, как мест коллективных действий вполне возможна, но, как отмечено ранее, их функция могла быть шире, включая хозяйственную деятельность. Такого рода конструкции все еще не выявлены на поселениях более раннего периода: их исследование ограничено только раскопками в Небелевке. Можно также предположить, что «местом общего сбора» была центральная площадка на поселениях с кольцевой планировкой, что не находит археологических подтверждений: следы действий, которые могли там происходить, пока невозможно проследить.

Изобразительное искусство времени поселений-гигантов (Триполье VII–CI) представлено, как и в предыдущие периоды развития культуры, преимущественно предметами мелкой пластики — антропоморфными и зооморфными статуэтками, а также многочисленными изделиями-моделями. Однако в это время оно приобретает свои особенности.

В первую очередь отмечу распространение моделей саней, неизвестных в предыдущие периоды. Они получают широкое распространение именно на фоне концентрации населения в крупных поселках (*Балабина*, 2004)³. Такое внимание к транспортным средствам неслучайно: в системе жизнеобеспечения мега-поселений

³ Предположение о наличии в Триполье-Кукутень колесных транспортных средств (*Гусев*, 1998) не имеет достаточно веских оснований. Находки моделей саней и их фрагментов исчисляются десятками, но в Триполье-Кукутень нет ни одной находки модели повозки. Наиболее ранние из них известны в баденской культуре (*Bondár*, 2012), соотносимой с финалом Триполья CII, началом раннего бронзового века.

транспортировка грузов — продовольствия, дров, строительных материалов и т. д. — должна иметь большое значение. Следует обратить внимание на то, что сани обладают весьма ограниченными возможностями по грузоподъемности и маневренности и применение их все равно носит вспомогательный характер.

Именно в этот период широко распространяются статуэтки с натуралистической моделировкой лиц, большая часть которых концентрируется в пределах томашовско-сушковской группы памятников, где сосредоточены основные поселения-гиганты (Бурдо, 2010. Карта 1). Неясно, являются ли эти статуэтки изображениями каких-то реальных персонажей или образами мифических предков и божеств. Индивидуальность черт лица здесь может быть обусловлена как их портретностью, если художник стремился максимально индивидуализировать изображаемый персонаж, так и вариациями исполнительской манеры.

Появление достаточно представительной серии натуралистичных изображений в Триполье ВП и СІ могло быть обусловлено необходимостью конкретизировать изображаемых персонажей на фоне изменений социальной реальности — формирования значительных по размеру коллективов, объединяющих тысячи людей, которые составляли население поселений-гигантов (Палагута, 2012. С. 242–246).

Наряду с натуралистическими существует масса схематических форм статуэток с лицами в виде диска с выступом-носом и дырочками-глазами. Начиная с периода Кукутень А–В — Триполье VI–VII, в статуэтках стали проделывать отверстия, которые, наиболее вероятно, использовались для крепления одежды. Одежда и украшения, которые могли крепиться через дырочки в ушах фигурок, также выступали атрибутами, позволяющими различать персонажей. Судя по атрибутам, можно обозначить женские и мужские фигурки (с перевязью через плечо и выступом-фаллосом). Конструктивно они подразделяются на стоящие фигурки с конусообразной нижней частью и с плоским основанием, которые держали в руках или на чем-то устанавливали, а также сидящие. Разнообразие форм и размеров пластики, возможно, связано с ее полифункциональностью. Наборы фигурок уже были рассмотрены в контексте культа предков по аналогии с античным культом домашних божеств — Ларов и Пенатов. Часть их обнаружена вместе с моделями

домов, что подчеркивает их связь с домохозяйством (Палагута, 2017).

Специфичными для томашовско-сушковской группы являются модели жилищ с закрепленными в них фигурками, обнаруженные в Сушковке, Чичиркозовке и Попудне, где модель сохранилась полностью. Фигурки здесь не только выполнены в масштабе интерьера типичного трипольского жилища, что усиливает реалистичность сцены, но и изображены в процессе совершения определенного действия: один персонаж (женщина) растирает на зернотерке зерно, а другой, возможно, мужчина, сидит у печи и наблюдает за ней. Таким образом, гендерные роли здесь представлены ясно и наглядно. Повторение сцены на нескольких изделиях говорит о том, что изображение выступает в качестве иллюстрации к конкретному тексту, который предположительно мог циркулировать (в виде сюжета — скульптурная композиция) в пределах определенной группы населения Триполья-Кукутень. *Не исключено, что значение таких моделей сводилось к образительному выражению благожелательной формулы, связанной с основанием домохозяйства или поселения, либо с культом предков-основателей родовой группы* (Палагута, Старкова, 2017).

В отличие от пластики, с ее индивидуализацией и акцентом на связь жилища и человека, керамика периода поселений-гигантов демонстрирует тенденции к унификации, что выражается в наборе стандартных форм и орнаментальных схем.

В Триполье ВП–СІ абстрактно-геометрические формы орнаментации начинают активно дополняться зооморфными и антропоморфными изображениями, входящими в канву абстрактно-геометрического узора, но не составляющими с ними единой композиции: ряд элементов, обычно трактуемых как «солярные» или «лунарные» символы, имеет, скорее всего, техническое происхождение (Палагута, 2011. С. 253). Основная зона возникновения такого рода изображений находится в среднем течении р. Прут и в Пруто-Днестровском междуречье, откуда носители традиций расписной керамики продвинулись в Буго-Днепровское междуречье, где и возникли наиболее крупные трипольские поселения (Палагута, 2012. С. 247–253, рис. 81). Но на поселениях-гигантах таких изображений мало: здесь они являются, скорее, дериватами — упрощенными, периферийными образцами. Среди немногочисленных рисунков можно найти собак и условное

изображение дерева, очень редко — антропоморфные фигуры. Очевидно, что редкость здесь изобразительных элементов связана с организацией массового производства стандартной посуды.

Искусство и архитектура Триполья-Кукутень не дают оснований для того, чтобы указывать на наличие в этом обществе строго организованных иерархических структур с выделенной элитой, но гендерные роли, по-видимому, были четко распределены. Возможно, что некоторые большие постройки связаны с группами типа «тайных» мужских сообществ или возрастных классов. Такие организации широко распространены в относительно эгалитарных сообществах (*Palaguta, 2018*).

С другой стороны, мелкая пластика ориентирована преимущественно на использование в пределах домохозяйства или группы родственных домохозяйств. Эта тенденция, очевидно, становится более выраженной, когда в моделях жилищ стали помещать изображения персонажей, занятых в бытовой сцене с обозначенными гендерными ролями.

С исчезновением поселений-гигантов и дезинтеграцией трипольской культуры кардинально меняются размеры и архитектура поселков, значительные изменения происходят в формах пластики, которая начинает использоваться в погребальном ритуале, происходит деградация схем спирального декора и его симметрии. Эти перемены отмечают и существенные изменения социальных структур.

Исследования поселений-гигантов: возможные перспективы

Выявление конкретных связей между различными аспектами культуры, которые прослеживаются через археологический материал, возможно без выстраивания умозрительных связей между воображаемым, символическим и реальностью. Для этого требуется суммирование многочисленных эмпирических данных, полученных как из новых наблюдений, которые сделаны в последние десятилетия с использованием обновленных магнитометрических планов, так и в результате более тщательной фиксации археологических объектов. С другой стороны, необходима публикация материалов старых коллекций, основанная на изучении особенностей технологии изготовления, выявления отличительных черт построения орнаментов керамики и вариаций форм их элементов.

Огромные возможности заключены и в области палеоэкологических и палеоэкономических реконструкций, которые позволяют шире раскрыть процесс формирования и развития поселенческой системы. Начало этим исследованиям когда-то положила работа С. Н. Бибикова (*Бибилов, 1965*). Все это вполне достижимо при использовании традиционных методов археологии.

На мой взгляд, для понимания процессов, которые происходили в энеолите на юге Восточной Европы, перспективно также привлечение этнографических и исторических параллелей. Это касается не только полей тинга, исследования которых позволяют верифицировать «паломнические» гипотезы, но также разработки в области изучения поселенческих систем раннеземледельческих культур и развития локальных сообществ в других частях света. Эволюция обществ и рождающихся в них идей мультилинейна вследствие различных условий окружающей их природной и социальной среды (*Джонсон, Эрл, 2017*), однако подобные сопоставления могут прояснить факторы, которые обуславливали концентрацию населения в крупных поселках, а также развитие во времени сложных поселенческих структур.

Такие наблюдения, например, были сделаны в районе Великих озер в Северной Америке, где население ирокезских племен концентрировалось в крупных поселках еще до появления там европейцев под воздействием климатических изменений и военных конфликтов. Конечно, эти поселения не столь масштабны, как трипольские поселения-гиганты: их население достигало 1500–2000 человек. Поселки ирокезов были укреплены рвом и частоколом, внутри которого располагалось несколько десятков плотно примыкавших друг к другу «длинных домов». Время существования такого поселка — 10–40 лет, таким образом, он представлял «срез активности одного поколения». После этого его переносили на 5–10 км, обычно вверх по течению реки. Причиной таких переносов было истощение почв и других ресурсов, а также лесные пожары (*Birch, 2012*; см. также: *Birch, 2013*; *Thompson, Birch (eds.), 2018*). Несмотря на иные масштабы и условия, эта модель расселения, по сути представленная в предложенной 30 лет назад концепции В. А. Круца (*Круц, 1989*), выглядит наиболее убедительной и для трипольской культуры.

Благодарности. Благодарю уважаемых коллег А. В. Дяченко, Э. В. Овчинникова, Е. Г. Старкову за ценные замечания и добавления к тексту статьи.

- Балабина*, 2004 — *Балабина В. И.* Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова: Сб. ст. / Ред. А. Н. Гей. Москва: ИА РАН, 2004. С. 180–213.
- Берёзкин*, 2014 — *Берёзкин Ю. Е.* Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 187–217.
- Бибиков*, 1965 — *Бибиков С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики) // СА. 1965. № 1. С. 48–62.
- Бурдо*, 2010 — *Бурдо Н. Б.* Реалистическая пластика Триполья-Кукутень: систематизация, типология, интерпретация // *Stratum plus*. 2010. № 2: Лики далеких предков. С. 123–167.
- Видейко*, 2003 — *Видейко М. Ю.* Трипільська цивілізація. Видання 2-ге. Київ: Академперіодика, 2003. 184 с.
- Видейко*, *Бурдо*, 2015 — *Видейко М., Бурдо Н.* «Мегаструктура» — храм на трипільському поселенні біля с. Небелівка // Культурний комплекс Кукутень-Трипілья та його сусіди. Збірک наукових праць пам'яті Володимира Круца / Ред. О. Дяченко, Ф. Менотті, С. Рижов, К. Бунятян, С. Кадров. Львів: Астролябія, 2015. С. 309–334.
- Видейко и др.*, 2013 — *Видейко М., Чапмен Дж., Гейдарская Б., Бурдо Н., Овчинников Э., Пашкевич Г., Шевченко Н.* Исследования мегаструктуры на поселении трипольской культуры у с. Небелевка в 2012 году // *Tyragetia*, s.n. 2013. Vol. VII [XXII], nr. 1. С. 97–124.
- Видейко и др.*, 2015 — *Видейко М. Ю., Чепмэн Дж., Бурдо Н. Б., Гайдарска Б., Церна С. В., Рудь В. С., Киосак Д. В.* Комплексные исследования оборонительных сооружений, производственных комплексов и остатков построек на трипольском поселении у села Небелевка // *Stratum plus*. 2015. № 2: Доисторическая Европа: интерпретация культур. С. 147–170.
- Видейко*, 2019 — *Видейко М. Ю.* Гончарні горни трипільської культури: нові горизонти досліджень // *VIR BIMARIS: od kujawskiego matecznika do stepów nadczarnomorskich: studia z dziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Koško* / Eds. M. Szmyt, P. Chachlikowski, J. Czebreszuk, M. Ignaczak, P. Markarowicz. Poznań: Adam Mickiewicz University, 2019. С. 847–859.
- Гусев*, 1998 — *Гусев С. А.* К вопросу о транспортных средствах трипольской культуры // РА. 1998. № 1. С. 15–28.
- Джонсон, Эрл*, 2017 — *Джонсон А., Эрл Т.* Эволюция человеческих обществ: От добывающей общины к аграрному государству / Пер. с англ. И. В. Кузнецова, Е. Веремеевой; науч. ред. перевода О. Маслова-Вальтер, М. Маяцкий. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 552 с.
- Исландские саги, 1999 — Исландские саги: в 2 тт. Т. II / Под ред. О. А. Смирницкой. СПб.: Журнал Нева, Летний сад, 1999. 560 с.
- Кожин*, 2016 — *Кожин П. М.* Предисловие П. М. Кожина // Палагута И. В. Трипольская культура в начале развитого периода (VI): относительная хронология и локальные варианты памятников. Киев: Видавець Олег Філюк, 2016. С. 13–23.
- Корвин-Пиотровский, Овчинников*, 2020 — *Корвин-Пиотровский А., Овчинников Э.* Производственные объекты комплекса «Семья гончара» на трипольском поселении Тальянки // *Eminak*. 2020. Вип. 1 (29). С. 254–276.
- Круц и др.*, 2001 — *Круц В. А., Корвин-Пиотровский А. Г., Рыжов С. Н.* Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2001 г. Киев: ИА НАНУ, 2001. 109 с.
- Круц и др.*, 2005 — *Круц В. А., Корвин-Пиотровский А. Г., Рыжов С. Н., Бузян Г. Н., Овчинников Э. В., Черновол Д. К., Чабанюк В. В.* Исследование поселений-гигантов трипольской культуры в 2002–2004 гг. Киев: ИА НАНУ, 2005. 140 с.
- Круц и др.*, 2013 — *Круц В. А., Корвин-Пиотровский А. Г., Чабанюк В. В., Шатило Л. А.* Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2012 г. Киев: ИА НАНУ, 2013. 103 с.
- Круц*, 1989 — *Круц В. А.* К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра // Первобытная археология: Материалы и исслед.: Сб. науч. тр. / Ред. С. С. Березанская. Киев: Наукова думка, 1989. С. 117–132.
- Круц*, 2008а — *Круц В.* Поселения-гиганты трипольской культуры // Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки: Сб. ст. / Ред. А. Корвин-Пиотровский, Ф. Менотти. Киев: ИА НАНУ, 2008. С. 33–41.
- Круц*, 2008б — *Круц В.* Поселение-гигант Тальянки // Там же. С. 49–56.
- Массон*, 1980 — *Массон В. М.* Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология —

- поиски и находки: Сб. науч. тр. / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1980. С. 204–212.
- Овчинников, 2014 — Овчинников Е. В. Трипільська культура Канівського Подніпров'я (етапи ВІІ–СІ). Київ: Видавець Олег Філюк, 2014. 406 с.
- Палагута, 1998 — Палагута И. В. Поселение Журы в Поднестровье: к вопросу о выделении локальных вариантов в Триполье VI // Вестник МГУ. 1998. Серия 8: История. № 6. С. 122–144.
- Палагута, 2011 — Палагута И. В. Орнаменты Триполья-Кукутени: направления исследований и возможности интерпретации // РАЕ. 2011. Вып. 1. С. 245–261.
- Палагута, 2012 — Палагута И. В. Мир искусства древних земледельцев Европы. Культуры балканско-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э. СПб.: Алетей, 2012. 336 с.
- Палагута, 2017 — Палагута И. В. Антропоморфная пластика неолита — медного века Европы: проблемы и перспективы исследования // *Ex Ungue Leonem*: Сб. ст. к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 179–202.
- Палагута, 2020 — Палагута И. В. Трипольские «поселения-гиганты»: новые исследования и новые вопросы ([Рец. на:] Ohlrau, René. *Maidanets'ke: Development and Decline of a Trypillia Mega-site in Central Ukraine*. Leiden: Sidestone Press, 2020. 424 p.) // *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований*. 2020. № 2. С. 172–179.
- Палагута, Старкова, 2017 — Палагута И. В., Старкова Е. Г. Модель жилища из трипольского поселения Попудня: новая интерпретация уникальной находки // *АЭАЕ*. 2017. Т. 45, № 1. С. 83–92.
- Пичкур, 2008 — Пичкур Е. Кремневые изделия с поселения Тальянки // *Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки*: Сб. ст. / Ред. А. Корвин-Пиотровский, Ф. Менотти. Киев: ИА НАНУ, 2008. С. 152–158.
- Смирнова и др., 2018 — Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г. Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. СПб.: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 2018. 336 с.
- Ткачук, Мельник, 2000 — Ткачук Т. М., Мельник Я. Г. Семіотичний аналіз трипільсько-кукутенських знакових систем (мальований посуд). Івано-Франківськ: Плай, 2000. 240 с.
- Трипольская культура в Украине, 2008 — Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки: Сб. ст. / Ред. А. Корвин-Пиотровский, Ф. Менотти. Киев: ИА НАНУ, 2008. 256 с.
- Цвек, Мовчан, 2005 — Цвек Е. В., Мовчан И. И. Энеолитический производственный комплекс по добыче и обработке кремня на реке Большая Высь // На пошану Софії Станіславівни Березанської. Збірка наукових праць / Ред. В. Отрощенко. Київ: Шлях, 2005. С. 66–76.
- Черновол, 2019 — Черновол Д. К. Інтер'єр будівель трипільської культури: Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.04 — archaeology / Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Київ: ІА НАНУ, 2019. 26 с.
- Шишкін, 1973 — Шишкін К. В. З практики дешифрування аерофотознімків в археологічних цілях // *Археологія*. Київ, 1973. Вип. 52. С. 32–38.
- Шмаглий и др., 1975 — Шмаглий Н. М., Дудкин В. П., Зиньковский К. В. Некоторые вопросы социально-демографической реконструкции крупного трипольского поселка (по материалам трипольских поселений Уманьщины) // *Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф.* (Киев, апрель 1975 г.) / Ред. В. Д. Баран. Киев: АН УССР, 1975. Ч. 1. С. 68–69.
- Шмаглий, Видейко, 2001–2002 — Шмаглий Н. М., Видейко М. Ю. Майданецкое — трипольский протогород // *Stratum plus*. 2001–2002. № 2: Земля Триполиада. С. 44–140.
- Birch, 2012 — Birch J. Coalescent Communities: Settlement Aggregation and Social Integration in Iroquoian Ontario // *American Antiquity*. 2012. Vol. 77, no. 4. P. 646–670.
- Birch, 2013 — Birch J. Between Villages and Cities: Settlement Aggregation in Cross-Cultural Perspective // *From Prehistoric Villages to Cities. Settlement Aggregation and Community Transformation* / Ed. J. Birch. New York: Routledge, 2013. P. 1–22.
- Bondár, 2012 — Bondár M. Prehistoric Wagon Models in the Carpathian Basin (3500–1500 BC). *Budapest: Archaeolingua*, 2012 (*Archaeolingua. Series minor*; Vol. 32). 143 p.
- Chapman et al., 2014 — Chapman J., Videiko M., Hale D., Gaydarska B., Burdo N., Rassmann K., Mischka C., Müller J., Korvin-Piotrovskiy A., Kruts V. The Second Phase of the Trypillia Mega-Site Methodological Revolution: A New Research Agenda // *European Journal of Archaeology*. 2014. № 17 (3). P. 369–406.
- Chapman et al., 2015 — Chapman J., Videiko M., Gaydarska B., Burdo N., Hale D. Nebelivka: In Search of the History and Meaning of a Trypillia Copper Age Mega-site // *Neolithic and Copper Age between*

- the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE. International Workshop Budapest 2012. / Eds. S. Hansen, P. Raczky, A. Anders, A. Reingruber. Bonn: Habelt, 2015 (Archäologie in Eurasien; Bd. 31). P. 429–446.
- Chapman, Gaydarska*, 2018 — *Chapman J., Gaydarska B.* The Cucuteni-Trypillia “Big Other” — Reflections on the Making of Millennial Cultural Traditions // *Between History and Archaeology. Papers in honor of Jacek Lech* / Eds. D. H. Werra, M. Woźny. Oxford: Archaeopress, 2018. P. 267–277.
- Chapman, Gaydarska*, 2019 — *Chapman J., Gaydarska B.* The pilgrimage model for Trypillia mega-Sites: The case of Nebelivka, Ukraine // *Digging in the past of Old Europe. Studies in honor of Cristian Schuster at his 60th anniversary* / Eds. V. Sîrbu, A. Comşa, D. Hortopan. Brăila, Editura Istros, 2019. P. 73–102.
- Chernovol*, 2012 — *Chernovol D.* Houses of the Tomashovskaya Local Group // *The Tripolye Culture Giant-Settlements in Ukraine. Formation, Development and Decline* / Eds. F. Menotti, A. G. Korvin-Piotrovskiy. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 182–209.
- Diachenko*, 2012 — *Diachenko A.* Settlement System of West Tripolye Culture in the Southern Bug and Dnieper Interfluvium: Formation Problems // *Ibid.* P. 116–138.
- Diachenko*, 2019 — *Diachenko A.* Does the social field cause or accelerate social and cultural changes? The case of Eneolithic Cucuteni-Tripolye cultural complex // *Habitus. The Social Dimension of Technology and Transformation* / Eds. S. Kadrow, J. Müller. Leiden: Sidestone press, 2019. P. 71–85.
- Diachenko, Menotti*, 2012 — *Diachenko A., Menotti F.* The gravity model: monitoring the formation and development of the Tripolye culture giant-settlements in Ukraine // *Journal of Archaeological Science*. 2012. Vol. 39, no. 8. P. 2810–2817.
- Diachenko, Menotti*, 2017 — *Diachenko A., Menotti F.* Proto-Cities or Non-Proto-Cities? On the Nature of Cucuteni-Trypillia Mega-Sites // *Journal of World Prehistory*. 2017. Vol. 30, no. 3. P. 207–219.
- Gaydarska (ed.)*, 2020 — *Gaydarska B. (ed.)*. Early Urbanism in Europe. The Trypillia Megasites of the Ukrainian Forest-Steppe. Warsaw, Berlin: De Gruyter, 2020. 600 p.
- Hardin*, 1983 — *Hardin M. A.* The structure of Tarascan pottery painting // *The Structure and Cognition of Art* / Ed. D. K. Washburn. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 8–24.
- Hofmann et al.*, 2016 — *Hofmann R., Ţerna S., Ursu C.-E., Brandtstätter L., Tiede H., Mainusch W., Autenrieth S.* Spatial organisation and population size of small Cucuteni-Tripolye settlements: Results of geomagnetic surveys in Baia and Adâncata, Suceava County, Bucovina, Eastern Romania // *Journal of Neolithic Archaeology*. 2016. Vol. 18. P. 157–189.
- Johnston et al.*, 2018 — *Johnston S., Diachenko A., Gaydarska B., Nebbia M., Voke P., Bondar K., Litkevych Vl., Chapman J.* The Experimental Building, Burning and Excavation of a Two-Storey Trypillia House // *Materiality and Identity in Pre- and Protohistoric Europe. Homage to Cornelia-Magda Lazarovici* / Eds. S. Ţurcanu, C.-E. Ursu. Suceava: Karl A. Romstorfer, 2018. P. 397–434.
- Kadrow et al.*, 2013 — *Kadrow S., Trela-Kieferling E., Tkachuk T., Ţurcanu S., Gluza I., Prokopowicz A., Godula G.* Bilcze Złote: Materials of the Tripolye Culture from the Werteba and the Ogród Sites / Ed. S. Kadrow. Kraków: Muzeum Archeologiczne w Krakowie, 2013. 320 p.
- Kozhin*, 2007 — *Kozhin P.* Preface // I. Palaguta. Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites. Oxford: John and Erica Hedges Ltd, 2007 (BAR, IS 1666). P. VII–X.
- Ohlrau*, 2020 — *Ohlrau R.* Maidanets'ke: Development and Decline of a Trypillia Mega-site in Central Ukraine. Leiden: Sidestone Press, 2020. 424 p.
- Palaguta*, 2018 — *Palaguta I. V.* «Group Portrait» of the Early Agricultural Era: A Set of Figurines of Vinča Culture from Stubline (Serbia) in the Context of the European Neolithic and Copper Age Societies // *Вестник СПбГУ. Искусствоведение*. 2018. № 4, Т. 8. С. 626–645.
- Ryzhov*, 2012a — *Ryzhov S. N.* Relative Chronology of the Giant-settlement Period BII-CI // *The Tripolye Culture Giant-Settlements in Ukraine. Formation, Development and Decline* / Eds. F. Menotti, A. G. Korvin-Piotrovskiy. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 79–115.
- Ryzhov*, 2012b — *Ryzhov S. N.* Tripolian Pottery of the Giant-settlements: Characteristics and Typology // *Ibid.* P. 139–168.
- Sanmark et al. (eds.)*, 2013 — *Sanmark A., Iversen F., Mehler N., Semple S. (eds.)*. Debating the Thing in the North // *Journal of the North Atlantic*. 2013. Special Vol. 5. 124 p.
- Sanmark et al. (eds.)*, 2015 — *Sanmark A., Iversen F., Mehler N., Semple S. (eds.)*. Debating the Thing in the North II / *Journal of the North Atlantic*. Special Vol. 8, 2015. 402 p.
- Ţerna et al.*, 2019 — *Ţerna S., Vornicu-Ţerna A., Hofmann R., Dal Corso M., Shatilo L., Vasilache-*

- Curoșu M., Rud V., Knapp H., Kirleis W., Rassmann K., Müller J. Stolniceni* — Excavation results from the 2017 campaign // *Journal of Neolithic Archaeology*. 2019. Vol. 21. P. 209–281.
- Thompson, Birch (eds.)*, 2018 — *Thompson V.D., Birch J. (eds.)*. *The Archaeology of Villages in Eastern North America*. Gainesville: University of Florida Press, 2018. 232 p.
- Uhl et al.*, 2017 — *Uhl R. A., Vasilache-Curoșu M., Sîrbu M., Sîrbu L., Bicbaev V., Steiniger D., Zidarov P., Sava E., Hansen S.* Petreni in der nördlichen Moldau-republik. Bericht über die Ausgrabungen der Jahre 2011–2013 // *Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 2014. Vol. 20. P. 185–205.
- Uhl*, 2020 — *Uhl R. A.* Chronologische Erkenntnisse aus Petreni und Konsequenzen für den Bebauungsplan // *Die Cucuteni-Kultur und ihre südlichen Nachbarn. Forschungsgeschichte — Kulturbeziehungen — offene Fragen* / Hrsg. G. Bodi, B. Govedarica, S. Hansen, A. Rubel, C.-E. Ursu. Suceava: Karl A. Romstorfer, 2020. S. 131–143.

Giant-settlements of Tripolye–Cucuteni: problems and prospects of the immediate investigations

I. V. Palaguta⁴

The most recent studies of giant-settlements of the Tripolye culture in the south of Eastern Europe in the 5th–4th millennium BC allow us to review this historical and cultural phenomenon. The updated magnetometric plans of the settlements trace the positions of unfired dwelling structures, pottery kilns and roads. Owing to this data, there were revealed defensive ditches and “mega-structures” — installations with the area from 200–300 to 1000 sq. m. In the reconstructions of the sequence of formation and the duration of the occupation of these sites, there remains a weak link of the discrepancy between the dates of the sites proposed by a number of researchers within broad chronological spans and the relatively deficient richness of their cultural deposits. This inconsistency induced the appearance of the hypothesis about settlements-giants as “places of pilgrimage”. The arguments proposed in favour of this hypothesis so far are beneath criticism. Examination of the features of the architecture of these sites and peculiarities of the art of this period of Tripolye suggests neither the formation of any stable hierarchic social structures nor a predominance of horizontal ties in the organization of the communities. For further reconstructions, it is appropriate to turn to particular and varied ethnographic and historical parallels as yet little considered in the interpretations of the sites of the Tripolye-Cucuteni culture.

⁴ Ilia Palaguta — Stieglitz State Academy of Arts and Design; Solyanoy per., 13, St. Petersburg, 191028, Russia; e-mail: ipalaguta@yandex.ru.

Симметрия в орнаментах трипольской культуры

Е. Г. Старкова¹

Аннотация. В статье впервые с точки зрения законов симметрии проанализированы трипольские орнаменты этапов CI (керамика поселений Попудня, Шипинцы, Каневской группы) и CII (керамика Выхвятинского могильника). Установлено, что в линейных орнаментах (бордюры) на керамике этапа CI преобладают зеркальная симметрия и симметрия вращения. В линейных схемах Выхвятинцев доминируют композиции с вертикальным отражением мотива, увеличивается количество орнаментов без симметрии. В розетках (композиции в круге) Попудни, Шипинцев и Каневской группы этапа CI преобладают циклические композиции с вращением мотива вокруг центральной точки. В Выхвятинах — только диэдральные схемы с вращательной и зеркальной симметрией. Исследования показали, что типы симметрии в орнаментах трипольской керамики изменяются соответственно кардинальным изменениям в культуре на финальном этапе ее развития.

Annotation. This paper is the first in terms of the laws of symmetry that analyses Tripolian ornamental patterns of stages CI (pottery of the settlements of Popudnya, Shipintsy, and Kanev group) and CII (ware from the Vykvatinty cemetery). It has been established that among the linear designs (borders) on the pottery of stage CI, mirror symmetry and symmetry of rotation are the predominating types. In the linear schemes of Vykhatinty, compositions with a vertical reflection of the motif predominate and the number of designs without a symmetry increases. In rosettes (compositions in a circle) from Popudnya, Shipintsy and Kanev group of stage CI, cyclic motifs with rotation around the central point are the most numerous. In Vykhatinty, there are only dihedral schemes with a rotation and mirror symmetry. The investigations have shown that the types of symmetry in the patterns of the Tripolye pottery were changing with the cardinal changes in the culture at the final stage of its development.

Ключевые слова: трипольская культура, орнаменты, симметрия, бордюры, розетки, линейные и циклические композиции, диэдральные композиции.

Keywords: Tripolye culture, ornamental designs, symmetry, borders, rosettes, linear and cyclic compositions, dihedral compositions.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-416-432

К проблеме изучения орнаментов культуры Триполье–Кукутень исследователи обращались неоднократно и в различных аспектах. Именно орнаменты, особенности техники их исполнения и формы их элементов являются главным маркером в периодизации памятников и их территориальном подразделении. Многочисленные работы посвящены семантике отдельных элементов и мотивов декора (Збенович, 1991; Ткачук, 1991; Ткачук, 2005 и др.), также рассматривался вопрос о «технических» элементах и построении композиции

в трипольских орнаментах (Палагута, 2009б; 2020). Очевидно, что в бесписьменную эпоху роспись на керамике несла определенную информацию, имела смысл и содержание, однако современная трактовка декоративных мотивов все же остается достаточно спорной и неоднозначной.

Многочисленность вариаций и разнообразие орнаментальных схем, а также четкие закономерности распределения их на поверхности сосудов позволяют рассмотреть орнамент трипольской керамики с точки зрения законов симметрии. Работ по анализу симметрий орнаментальных композиций на археологической керамике в отечественной историографии относительно немного. Принципы симметрии учитывались

¹ Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 191181, Россия; e-mail: astarkova2012@yandex.ru.

при описании этнографических материалов, предметов декоративно-прикладного искусства скифо-сибирского звериного стиля, керамики энеолита Южного Туркменистана и андроновской культуры (Иванов, 1963; Кирчо, 1999; Фурсикова, 2002; Тришина, 2003; Рудковский, 2013). Однако анализ симметрии орнаментов Триполья, несмотря на их разнообразие и сложность, до сих пор не проводился.

Авторами базовых теоретических работ по симметрии являются представители точных наук, в первую очередь кристаллографии (Фёдоров, 1949; Шубников, Копцик, 1972). Интерес к исследованию симметрии в искусстве зарождается на рубеже XIX–XX вв. и связан, главным образом, с массовым производством декоративных материалов — обоев, текстиля, плитки, что послужило толчком для исследований в этом направлении (Шубников, 1940).

Начало изучению орнаментов керамики на основе анализа симметрии положила А. Шепард (Shepard, 1948). Дальнейшие разработки производились в основном на американских археологических и этнографических материалах (Washburn, 1977; 1983; Crowe, Washburn, 1985; 1987). Наиболее известные специалисты в этой области, археолог Дороти Уошберн (Dorothy K. Washburn) и математик Дональд Кроу (Donald W. Crowe), адаптировали формулы симметрии для исследований орнамента, подробно объяснив с помощью графических схем методику и терминологию, что значительно упростило освоение этой достаточно сложной темы представителями гуманитарных наук (Washburn, 1977; 2018; Crowe, Washburn, 1985; 1987; Washburn, Crowe, 1988; Crowe, 2001; 2004)².

Анализ симметрии орнамента: основы метода

Прежде чем приступить к анализу конкретного материала, рассмотрим некоторые теоретические понятия. Определений симметрии существует

² Попытка систематизации орнаментов на неолитической керамике разных регионов Македонии с применением методики Уошберн-Кроу была предпринята Гоце Наумовым (Naumov, 2010). Однако автор, сославшись на таблицы симметрии Д. Уошберн, не представил собственно симметрический анализ материала со статистическими подсчетами типов симметрии в различных локальных группах, а ограничился указанием особенностей построения композиций и их традиционными описаниями.

множество, поскольку ее законы проявляются и в структурах неживой и живой природы (кристаллы, живые организмы и т. д.), и в математике, и в построении произведений искусства. Наиболее близко к рассматриваемой теме определение симметрии в искусстве как «соразмерности частей художественного целого, как в отношении друг с другом, так и в соответствии с целым» (Краткий словарь..., 1983. С. 149).

С формальной точки зрения любая орнаментальная композиция — это криволинейно-прямолинейный геометрический узор, состоящий из повторяющихся элементов и мотивов. В качестве основной части композиции могут выступать либо сами узоры, либо фоновые пространства между ними, согласно свойству «обратимости» орнамента (Кожин, 1981. С. 136; Палагута, 2009а).

Мотив — устойчивый набор элементов — повторяется в композиции по определенным правилам симметрии, количество которых ограничено. Это позволяет рассматривать любой орнамент в четко ограниченных рамках *основных видов симметрии*:

— *зеркальной*, когда элементы отражаются зеркально относительно оси или плоскости;

— *вращения* (поворотной), когда фигура (элемент, мотив) может быть повернута несколько раз относительно центра вращения; частными случаями симметрии вращения являются *центральная*, когда вращение элементов или мотивов на 180° происходит относительно центра, и *переносная* (скользящая), когда поворот производится относительно бесконечно удаленного центра;

— *подобия*, при которой равными фигурами считаются все фигуры одной и той же формы, вне зависимости от их размеров.

Таким образом, все построения на плоскости ограничиваются четырьмя вариантами движения: перемещение, двойное вращение, зеркальное отражение, скользящее отражение (Crowe, 2001. P. 5). Варианты сочетания этих движений образуют семь типов одномерных симметрий бордюров.

Бордюр — линейный орнамент, полученный параллельным переносом мотива или элемента орнамента. Кроме симметрии параллельного переноса, другие виды симметрии могут одновременно присутствовать в отдельных элементах внутри мотива орнаментальной композиции. Мотивом называется повторяющийся набор элементов в композиции.

Более сложный вариант — двухмерный орнамент, когда мотив повторяется в двух направлениях, на плоскости — по типу обоев. Здесь существует уже 17 типов симметрии, основанных на тех же четырех движениях. Также отдельно рассматриваются бихромные композиции, когда цвета систематически чередуются в мотивах одинаковой формы и образуют 17 классов в одномерных конструкциях и 46 — в двухмерных (Яблан, 2006; Washburn, Crowe, 1988; Washburn, 2018).

Семь типов одномерных орнаментов-бордюров обозначают буквенно-цифровыми индексами, изначально принятыми в кристаллографии: **p111**, **p112**, **pm11**, **plg1**, **plm1**, **pmg2**, **pmm2**³ (рис. 1, 1), где:

- **p** (primitive cell) — примитивная (или элементарная) ячейка в кристаллографии, а в орнаментальной композиции — эквивалент мотива;
- **1** — отсутствие изменений;
- **m** (mirror) — зеркальное отражение;
- **g** (glide) — смещение повторяющейся области относительно оси, скользящая симметрия;
- **2** — вращение относительно центра с поворотом на 180°.

Таким образом, композиции **p111** образованы простым параллельным переносом мотива в горизонтальном направлении.

Композиции **plg1** образованы отражением — поворотом мотива на 180° со смещением (скользящая симметрия) его вдоль горизонтальной оси.

Композиции **pm11** образуются параллельным переносом мотива и отражения его относительно вертикальной оси.

Композиции **plm1** строятся с помощью параллельного переноса мотива и отражения его относительно горизонтальной оси.

Композиции **p112** создаются параллельным переносом и поворотом мотива на 180° относительно точки (центра поворота).

Композиции **pmg2** образованы параллельным переносом мотива, зеркальным отражением его относительно горизонтальной оси, скользящей симметрией относительно горизонтальной оси и поворотом его на 180° относительно точки (центра поворота).

Композиции с **pmm2** образованы отражением мотива по вертикали и горизонтали и поворотом на 180° относительно точки (центра поворота).

При создании бордюрного орнамента разные виды симметрии могут использоваться на отдельных элементах внутри композиции.

Другой вариант орнамента — розетка — замкнутая композиция в круге или многоугольнике, построенная с применением симметрии вращения и зеркальной симметрии. Такое построение относится к точечным группам симметрии, когда одна точка всегда остается на месте (рис. 1, 2).

Самый простой вариант создания розеточного орнамента — циклический, который принято обозначать буквой **C_n**, где **n** — порядок вращательной симметрии в кристаллографии, иными словами — количество элементов или мотивов с симметрией вращения в конкретной орнаментальной композиции относительно единого центра (**C₂**, **C₃**, **C₄** и т. д.)⁴.

Более сложный вариант, когда в розеточном орнаменте совмещаются вращательная и зеркальная симметрии. Такой тип композиции относится к диэдральным и обозначается **D_n**, где **n** — порядок (количество отражений).

Что же дает анализ симметрии? Изначально задачей разработок в области симметрии орнаментов была их систематизация и использование ее результатов при сравнении материалов. Но в последние десятилетия на основании наблюдений психологов и нейробиологов, свидетельствующих о том, что симметрия, являясь свойством человеческого разума, проявляется в социальном поведении, анализ симметрии стал широко использоваться в этнокультурных исследованиях

³ Эта система символов для бордюров была разработана немецким кристаллографом Карлом Германом (нем. Carl Hermann) в 1928 г. и модифицирована французским минералогом Шарлем-Виктором Могеном (фр. Charles Victor Mauguin) в 1931 г. Символы Германа-Могена также называются международными символами, поскольку используются в Международных таблицах по кристаллографии (International Tables for Crystallography). Международная система отличается от системы А. В. Шубникова (Шубников, Копцик, 1972), однако, как показал опыт, она более приемлема для описания симметрии орнаментов.

⁴ Точечные группы симметрии принято обозначать символами Шёнфлиса. Они были предложены немецким математиком Артуром Шёнфлисом (нем. Arthur Moritz Schoenflies) в книге *Kristallsysteme und Kristallstruktur* в 1891 г. Аналогичная система описания пространственных групп симметрии кристаллических структур в кристаллографии параллельно была разработана российским исследователем Е. С. Фёдоровым (Фёдоров, 1949), приоритет которого в этой области подтвердил и А. Шёнфлис.

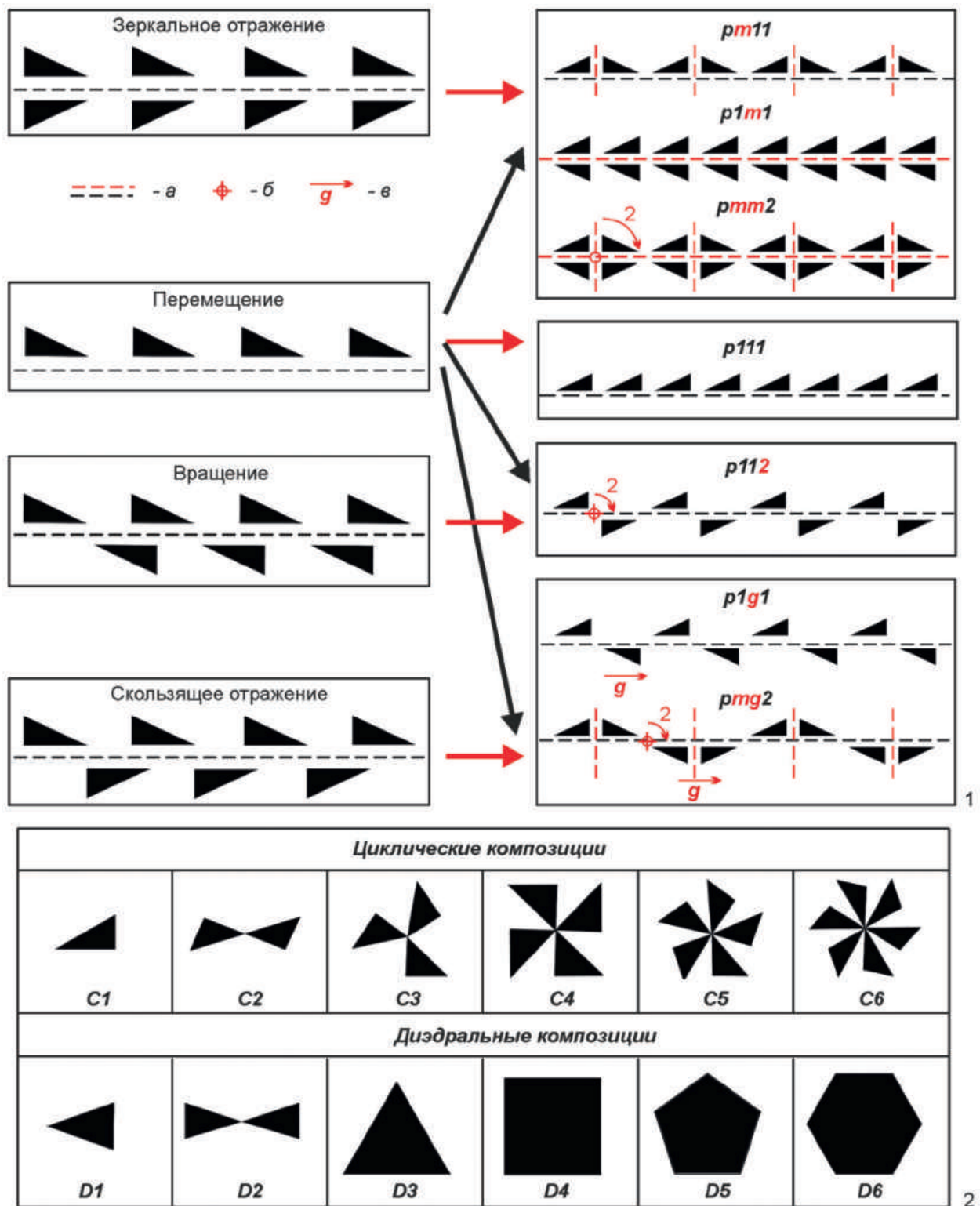

Рис. 1. Международные обозначения групп симметрии. 1 — бордюры: линейные композиции (символы Германа-Могена); 2 — розетки: циклические и диэдральные композиции (символы Шёнфлиса). Условные обозначения: a — ось симметрии отражения; b — центр симметрии вращения; v — направление симметрии скольжения

Fig. 1. International notation of groups of symmetry. 1 — borders: linear compositions (Hermann-Mauguin symbols); 2 — rosettes: cyclic and dihedral compositions (Shoenflies symbols). Keys: a — axis of the symmetry of reflection; b — centre of the symmetry of rotation; v — direction of the symmetry of slide

(*Washburn*, 2000. P. 429; 2018. P. 121). Изучение этнографических материалов, главным образом декора на керамике и текстиле индейцев Центральной и Южной Америки, показало четкую корреляцию между набором типов симметрий орнаментов и этническим составом населения. Установлено, что изменение соотношения типов симметрии и появление их новых типов связано с перемещением групп населения, изменением их состава, и, соответственно, с изменением социальных, экономических и культурных структур в обществе. Таким образом, предпочтение определенных видов симметрии является важным элементом культурной идентичности (*Crowe*, *Washburn*, 1985; *Washburn*, 2004; 2018. P. 123).

Возвращаясь к Триполью, можно отметить, что по структуре, набору элементов, стилю, цветности и расположению на поверхности сосудов орнаментальные композиции различных периодов культуры значительно отличаются друг от друга. Заметные различия имеются и в декоре керамики поселений одного временного горизонта, но расположенных в разных частях обширного ареала культуры.

Приступая непосредственно к анализу орнаментов, необходимо обратить внимание на ракурс, с которого следует рассматривать орнаментальные схемы на сосудах. Этот вопрос неоднократно поднимался в научной литературе. Некоторые исследователи настаивают на том, что «круговая» развертка, когда композиция рассматривается сверху или снизу, гораздо ближе к реальному изображению, чем «боковая», которая, хотя и «показывает наличие четких орнаментальных зон, связанных с формой сосудов», но менее информативна (*Бурдо*, *Видейко*, 1984. С. 98). Иногда при анализе декора используется оба типа развертки (*Kadrow et al.*, 2003. Рис. 13, 4; 14, 5; 15; 17, 2). Однако ракурс сверху на всех формах сосудов, за исключением мисок, не дает необходимой информации об орнаменте, так как при нем мы видим только его часть. Получается, что одномерный орнамент-бордюр приходится рассматривать как композицию, вписанную в круг по типу розетки с вращательной симметрией в основе построения. Еще один вариант такого ракурса — вид снизу, но его используют реже (например: *Dumitrescu*, 1945. Pl. XV, 7; XVIII, 1, 3, 7).

При выборе ракурса для развертки лучше исходить из способа нанесения орнамента: когда мастер медленно вращал сосуд в процессе росписи, придавая изображению динамику движения

(*Палагута*, 2009а. С. 411). Поэтому горизонтальный ракурс, или «боковая» развертка, более точно передает замысел мастера (*Кожин*, 1981. С. 136). При этом нельзя исключать вариант, когда сосуд ставили на венчик при росписи придонной части (*Buzea*, 2010. Fig. 1, 5, 6; 3, 1, 2) или переворачивали его для нанесения отдельных линий (*Палагута*, 2020. С. 84). Однако очевидно, что итоговую композицию все равно воспринимали сбоку, вместе с декором в верхних частях сосуда, а не переворачивая его кверху дном. Поэтому при описании орнамента и анализе симметрии нельзя рассматривать композицию сверху или снизу, когда бордюр превращается в циклическую или диэдральную схему.

Позиция при выборе ракурса для развертки и восприятия орнаментальной схемы, конечно, не всегда однозначна. Например, невысокие крышки зачастую расписывались сверху, а сама композиция аналогична орнаментам-розеткам на внутренней поверхности мисок и восприниматься должна сверху. Более высокие экземпляры с линейной схемой рассматриваются с бокового ракурса. Таким образом, ракурс развертки и восприятия орнамента зависел от способа его нанесения на поверхность сосуда — сбоку или сверху.

В настоящей работе представлен первый опыт применения анализа симметрии орнаментальных композиций на керамике трипольской культуры, главным образом опирающийся на разработки Д. Уошберн и Д. Кроу. В исследовании использованы материалы керамических комплексов с максимальным количеством разверток орнаментов.

Анализ симметрии орнаментов керамики поселения Попудня

За основу взята коллекция керамики трипольского поселения Попудня, расположенного в Черкасской обл. Украины (рис. 2, 1), где автором реконструированы и прорисованы все возможные варианты орнаментальных композиций⁵. Памятник относится к началу позднего периода — Триполье С1, по периодизации Т. С. Пассек. Здесь представлены монохромные бордюрные орнаменты и композиции, вписанные в круг по типу розетки. Всего проанализировано 46 композиционных схем (рис. 3).

⁵ Материалы из раскопок М. Гимнера 1911 г. (*Himner*, 1933) хранятся в фондах Государственного археологического музея г. Варшава (Польша).

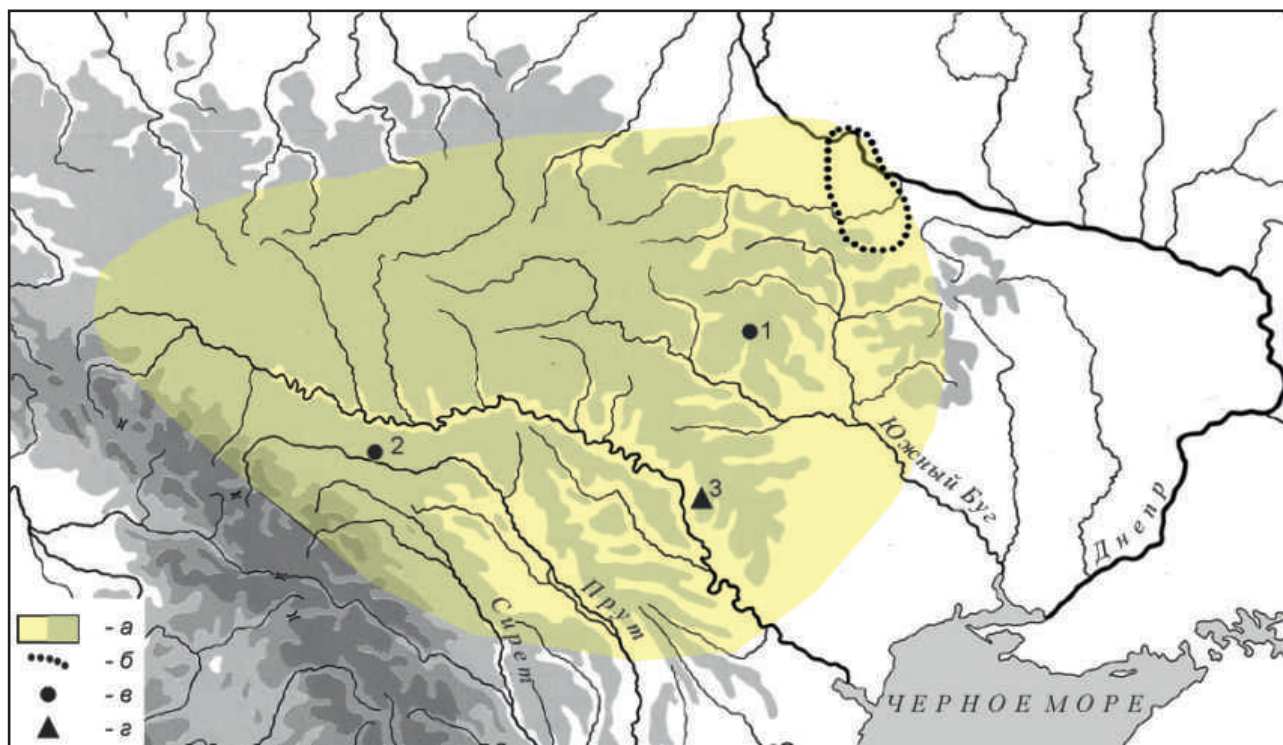

Рис. 2. Территория распространения трипольской культуры конца среднего — начала позднего периода развития (а — этапы ВП–СІ; б — ареал Каневской группы памятников; в — поселение; з — могильник): 1 — Попудня; 2 — Шипинцы; 3 — Выхватинцы (этап СІІ)

Fig. 2. Territory of the distribution of the Tripolye culture of the middle — beginning of the late period of its evolution (a — stades ВП–СІ; б — aria Kof the Kanev group of sites; в — settlement; з — cemetery): 1 — Popudnya; 2 — Shipinty; 3 — Vykhvatinty (stade СІІ)

Бордюрные орнаменты наносились на все формы так называемой столовой керамики — кубки, «амфоры», кратеры, сфероконические, биконические и грушевидные сосуды. Часто они располагались в двух поясах: верхнем (венчик) и нижнем (центральная часть тулова). Декор у венчика, как правило, проще, с меньшим набором элементов, но представляет собой самостоятельную схему со своим ритмом и симметрией, соответственно, он рассматривается отдельно.

Зеркальная симметрия, особенно с вертикальным отражением, воспринимается и распознается значительно легче, чем симметрия перемещения или вращения (Washburn, Humphrey, 2001; Washburn, 2018. P. 124). В бордюрных орнаментах керамики Попудни встречаются два типа симметрии с зеркальными отражениями — $pm11$ и $pmm2$ (рис. 3, 1–10). Чаще всего они образуют так называемые лицевую и фестонную схемы, значительно реже — линейные и сегментовидные. Такой

декор характерен для небольших и средних амфоровидных сосудов, а также некоторых кубков. Фестонные и метопные орнаменты представляют собой наиболее распространенные одномерные композиции. Иногда вертикальную симметрию мотивов нарушают дополнительные элементы, разные по размеру и форме. В таких случаях базовая конструкция («симметрия структуры» по Д. Уошберн) — $pm11$, а итоговая конструкция, с учетом несимметричных деталей, превращается в композицию $p111$ с простым параллельным переносом мотива без внутренней симметрии (рис. 3, 3–5). В верхних частях сосудов схемы с типом симметрии $pm11$ значительно проще, без дополнительных элементов, и представляют собой ряды свисающих равнобедренных треугольников или полукругов (рис. 3, 1, 2).

В линейных орнаментальных схемах, характерных для кубков и реже для небольших амфоровидных сосудов, вертикальная симметрия

Лос.	Место орнамента	Схема	pm11	pmm2	p112	pmg2	p111	p1m1	p1g1
Полудня	Верхняя часть сосуда	1 2	8	11 12	13 14 15	19 20	21 22	—	—
	Центральная часть сосуда (только базовая конструкция)	3 4 5	—	13 14 15	19 20	—	23 24 25	—	—
	Центральная часть сосуда (итоговая композиция)	6 7	9 10	16 17 18	—	—	26 27 28	—	—
	Верхняя часть сосуда	29	33 34	37	—	—	43	46 47	—
	Только базовая конструкция	30	35	38	—	—	—	—	—
	Итоговая композиция	31 32	36	39 40	41 42	—	44 45	48	—
	Верхняя часть сосуда	49	—	56	—	—	63 64	—	—
	Только базовая конструкция	50	53	57	60	—	65	—	—
	Итоговая композиция	51 52	54 55	58 59	61 62	—	66 67	—	—
	Итоговая композиция или базовая структура	68 69 70	71	72	73	74	—	—	—
Каневская группа	Верхняя часть сосуда	29	33 34	37	—	—	43	46 47	—
	Только базовая конструкция	30	35	38	—	—	—	—	—
	Итоговая композиция	31 32	36	39 40	41 42	—	44 45	48	—
	Верхняя часть сосуда	49	—	56	—	—	63 64	—	—
Шпенцы	Верхняя часть сосуда	49	—	56	—	—	63 64	—	—
	Только базовая конструкция	50	53	57	60	—	65	—	—
	Итоговая композиция	51 52	54 55	58 59	61 62	—	66 67	—	—
	Итоговая композиция или базовая структура	68 69 70	71	72	73	74	—	—	—
Выхватинцы	Верхняя часть сосуда	29	33 34	37	—	—	43	46 47	—
	Только базовая конструкция	30	35	38	—	—	—	—	—
	Итоговая композиция	31 32	36	39 40	41 42	—	44 45	48	—
	Верхняя часть сосуда	49	—	56	—	—	63 64	—	—

Рис. 3. Примеры бордюрных орнаментов трипольской культуры: 1–28 — поселение Попудня; 29–48 — поселения Каневской группы; 49–67 — поселение Шипинцы; 68–74 — Выхватинский могильник. Синие стрелки указывают на элементы, нарушающие симметрию в композиции

Fig. 3. Examples of border designs of the Tripolye culture: 1–28 — settlement of Popudnya; 29–48 — settlements of the Kanev group; 49–67 — settlement of Shipintsy; 68–74 — Vykhatintsy cemetery. Blue arrows indicate the elements violating the symmetry in the composition

также часто нарушается единичными дополнительными элементами. Например, это может быть одиночная дуга, присоединенная к нижней линии бордюра, тогда базовая схема **pm11** в итоговой конструкции становится **p111** (рис. 3, 5).

Таким образом, в коллекции из Попудни из 11 орнаментов с типом симметрии **pm11** по базовой конструкции остается девять орнаментов по итоговой конструкции.

Бордюров с вертикальной и горизонтальной симметрией **pmm2** всего три: два основных (в центральной части сосудов) и один — в верхней (рис. 3, 8–10). Одна композиция лицевая, вторая — в виде сочетания вертикально расположенных сегментов и дуговидных линий. В верхней части сосуда орнамент **pmm2** образован лентой, разделенной на квадраты (рис. 3, 8).

На сосудах с метопными и фестонными схемами ручки четко вписаны в мотив орнамента. Они расположены либо внутри кругов или овалов, либо помещены на стыке фестонов (рис. 3, 3, 4, 6). Декор вокруг ручек повторяет их форму. Сходные элементы орнамента могли имитировать отсутствующие ручки (*Палагута*, 2009б. С. 88).

Метопные и фестонные композиции занимают верхнюю и центральную части сосуда, поэтому существенно искажены соответственно изгибам профиля. При развертке на плоскости верхняя часть такой схемы получается сжатой, а нижняя — растянутой. Поэтому даже при одинаковом наборе элементов в верхней и нижней частях в большинстве случаев схему нельзя отнести к композиции с двойной, вертикальной и горизонтальной симметрией индекса **pmm2**.

Надо ли игнорировать искажения орнаментальной композиции при переносе ее на плоскость? С одной стороны, плоскостная развертка упрощает ее восприятие, с другой — декор изначально воспринимается именно на сосуде и со всеми естественными искажениями. Все же нельзя исключать, что плоскостная развертка — «идеальная схема, отражающая первоначальный замысел мастера» (*Кожин*, 1981. С. 136), — подобна равноугольной цилиндрической проекции

Меркатора на географической карте. В таком случае, если мы игнорируем это искажение, то метопные и фестонные схемы можно отнести к типу симметрии **pm11** или **pmm2**.

Бордюры с двойной симметрией вращения **p112** более сложные и для воспроизведения, и для восприятия (рис. 3, 11–18, 37–40, 56–72). В Попудне она представлена главным образом в волютных и спиральных композициях, характерных для «амфор», сфероконических, биконических и грушевидных сосудов. Как и в случаях с зеркальными отражениями, здесь симметрия верхних и нижних частей бордюра может быть усложнена дополнительными деталями (рис. 3, 13–15). В верхней части сосудов орнамент **p112** представлен поясом из косых линий, реже спиралью (рис. 3, 11, 12). К композициям с симметрией вращения **p112** также относятся простые линейные орнаменты, образованные рядами наклонных линий разной толщины на центральной части небольших «амфор» и кубков, реже на полусферических мисках и схемах в верхней части сосудов.

Всего в коллекции из Попудни выделено 17 орнаментов с типом симметрии **p112** по базовой конструкции, из них в итоговой схеме остается 13. Дополнительные элементы, нарушающие симметрию **p112**, могут располагаться между волютами или в нижней или верхней петле самой волюты (рис. 3, 11–18).

Также имеется один пример спиральной схемы, где спираль симметрична, а промежуточные элементы в верхней и нижней частях одинаковые по форме, но разные по размеру — верхние сегменты больше нижних (рис. 3, 14). Поэтому такой орнамент при базовой структуре **p112** в итоге превращается в **p111**. Аналогичные композиции достаточно часто встречаются в близких по времени Попудне трипольских комплексах, где верхний и нижний элементы, как правило, одинаковые (*Шмаглий, Видейко*, 2001–2002. Рис. 26, 3, 6, 10), поэтому можно допустить, что здесь мы имеем дело с неудавшимся замыслом гончара, и тип симметрии должен быть **p112**.

Бордюров со скользящей симметрией **pmg2** в Попудне выделено всего два и только по базовой конструкции (рис. 3, 19, 20). По набору элементов это совершенно разные композиции, несмотря на то что в основе обеих схем лежит волнообразная лента. В первом случае — орнамент на крупном сфероконическом сосуде, где между изгибами базовой «волны» расположены круги, отличающиеся в верхней и нижней частях композиции внутренними деталями: верхние круги дополнительно имеют вертикальную симметрию, а нижние — вертикальную и горизонтальную. Негативные полукруги между кругами и изгибами «волны» также отличаются вверху и внизу. В итоге бордюр имеет симметрию **pm11**. Ручки здесь вписаны в композицию и расположены внутри верхних кругов в обрамлении дуговидных вертикальных линий, повторяющих их очертания, а круги с дугами внутри, но без ручек — в нижней части орнамента (рис. 3, 19). Во втором случае орнамент, по видимому, в основе предполагал спиральную композицию, но части спирали изображены отдельно, поэтому получилась центральная волнообразная лента с дополнительными сегментами между ее изгибами. Элементы внутри сегментов чередуются, что в итоге дает симметрию **pm11**, где повторяющимся мотивом с вертикальной симметрией является горизонтальная «восьмерка» (рис. 3, 20).

Значительная часть орнаментов на керамике из Попудни образована простым параллельным переносом мотива в горизонтальном направлении. Сами мотивы не имеют как вертикальной, так и горизонтальной симметрии. Такие композиции относятся к самому простому типу бордюров **p111**. При этом часть композиций, как это уже было отмечено, в базовой конструкции имели другой индекс — **pmg2**, **pm11** или **p112**, а симметрию нарушили дополнительные элементы, превратив их в простое повторение мотива с индексом **p111**. Некоторые бордюры изначально в своей основе имели только простое повторение мотива без внутренней симметрии (рис. 3, 21–28). К таким композициям **p111** относятся и некоторые схемы со спиралями, где спираль сама по себе несимметрична в верхней и нижней частях (рис. 3, 26, 28).

Орнаментами с индексом **p111** являются также композиции с распавшимися спиралями, или так называемые тангентные, образованные исключительно повторением мотива без внутренней симметрии (рис. 3, 23, 27). Одна композиция, состоящая из ряда негативных «лепестков», условно

также может быть отнесена к **p111**, поскольку орнамент очень неровный, лепестки разные по форме и расположены под разным наклоном, что можно объяснить недостатком навыков мастера или намеренным искажением (рис. 3, 24). Варианты такой схемы с «лепестками» также могут соответствовать типу симметрии **pmm2** с вертикальным и горизонтальным отражением (рис. 3, 33) (Круц и др., 2001. Рис. 39, 3; 40, 2). Изредка встречаются «лепестки» только с горизонтальным отражением с редкой для трипольских орнаментов симметрией **p1m1** (Шмаглый, Видейко, 2001–2002. Рис. 27, 13). Это пример одной орнаментальной композиции, когда нюансы формы и расположения основного элемента меняют тип симметрии.

Простое повторение мотива **p111** часто встречается на внешней поверхности венчика. Здесь композиция, как правило, лаконичная, с минимумом деталей. В зависимости от формы и высоты венчика это могут быть ряды парных плавно изогнутых линий на кратерах, каплевидные или подтреугольные фестоны — на «амфорах» и сфероконических сосудах (рис. 3, 21, 22).

На некоторых трипольских кубках встречается декор вообще без симметрии, в виде одиночного сегмента в сочетании с горизонтальными, вертикальными или косыми линиями. Кубок с таким орнаментом в Попудне всего один (эта схема характерна для западной части трипольского ареала).

Таким образом, всего в коллекции керамики из Попудни представлено пять видов симметрии бордюров из семи существующих. В итоговых схемах доминируют композиции с простым переносом мотива индекса **p111**. При учете лишь базовых конструкций преобладает уже схема **p112** — орнаменты с волютами и спиралями. Количество композиций **pm11** по базовой структуре тоже увеличивается по сравнению с итоговой схемой, но не так значительно. Два бордюра с «волной» нарушены дополнительными деталями, поэтому представлены только в базовой конструкции. В обоих вариантах не меняется лишь число схем с горизонтальной и вертикальной симметрией индекса **pmm2**.

Преобладание бордюров с симметрией **p112** может объясняться большим количеством амфоровидных, сфероконических и биконических сосудов со спиралями и волютами. За ними следуют композиции **pm11**, характерные для небольших амфор, которые также достаточно многочисленны.

Симметрия с зеркальными отражениями характерна для сосудов небольших размеров,

с относительно простыми по исполнению орнаментами. Метопный и фестонный орнаменты также просты для воспроизведения, здесь ручки используются в качестве разметки и четко вписываются в композицию. В свою очередь спиральные и волютные схемы с симметрией вращения, более сложной для воспроизведения и распознавания, наносились на крупные сосуды. Ручки здесь, как правило, не использовались для разметки, которая, скорее всего, делалась на глаз и зачастую не вписывались в орнамент, за исключением тех случаев, когда их месторасположение позволяло вписать их в дополнительные элементы, например круги. Получается, что более сложные в исполнении композиции располагались на сосудах, также требующих больших технических навыков мастера, и наоборот, орнаменты с простыми зеркальными отражениями наносились на небольшие, сравнительно простые в изготовлении сосуды.

Орнаментальных схем, вписанных в круг по типу розеток, значительно меньше, чем бордюров (рис. 4). В коллекции их всего 19. Они размещены на внутренней поверхности мисок или на шлемовидных крышках с верхним ракурсом восприятия (рис. 4, 1–8). К композиции в круге, воспринимаемой при виде сверху, по-видимому, следует относить и орнамент на внутренней поверхности венчиков «амфор», сфероконических и биконических сосудов (рис. 4, 7, 8). В 16 случаях в розетках присутствуют две не связанные друг с другом композиции — в центре и по краю, поэтому внешняя (по краю венчика) и центральная схемы разделены и проанализированы отдельно (рис. 4, 2–6). Направления вращений мотивов внешней и центральной композиций не всегда совпадают, и какой-либо закономерности здесь не прослеживается.

Все внешние и большинство центральных схем принадлежат к группе симметрий с циклическим выстраиванием композиции путем вращения мотивов вокруг центральной точки — C_n (рис. 4, 1–4). Иногда центральная композиция здесь либо отсутствует, либо состоит из одной точки по центру. Орнамент по краю всегда представляет собой ряд повторяющихся простых элементов в виде каплевидных фигур, косых линий, треугольников или трапеций, заполненных косыми штрихами, с центральной симметрией, где порядок (n) зависит от количества фигур. В розеточных орнаментах Попудни их от 4 до 21, с симметрией C_4 – C_{21} . Число элементов во внеш-

ней композиции, по-видимому, произвольное, так же, как и направление вращения.

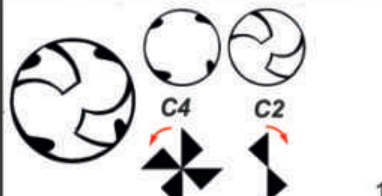
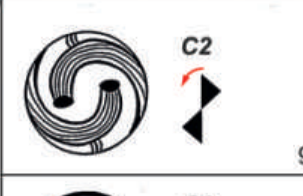
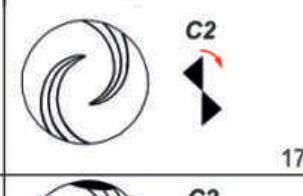
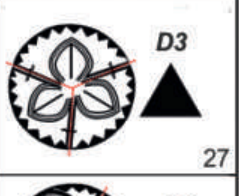
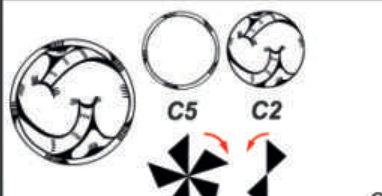
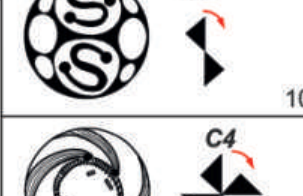
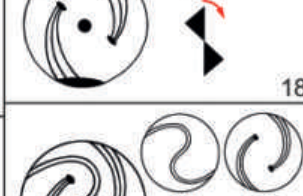
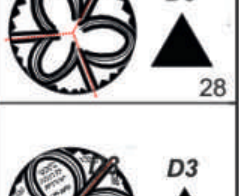
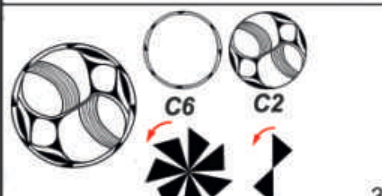
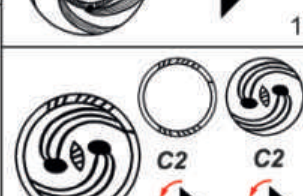
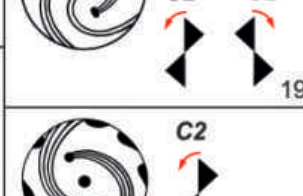

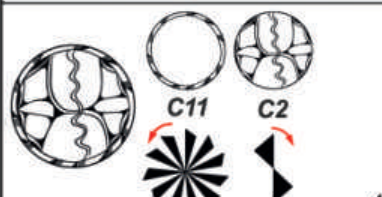

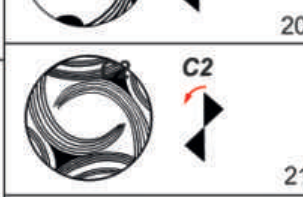
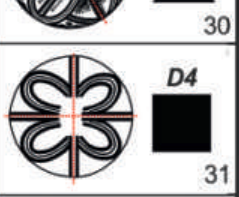
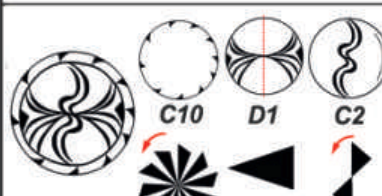

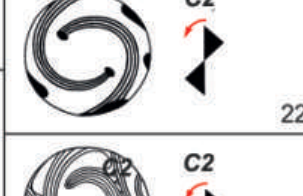
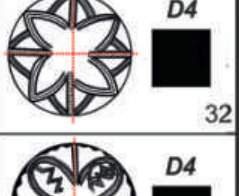
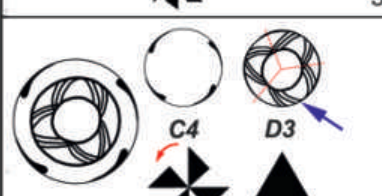

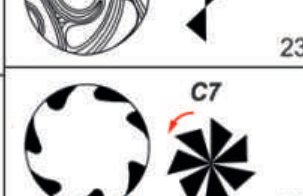
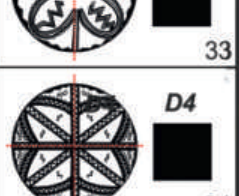
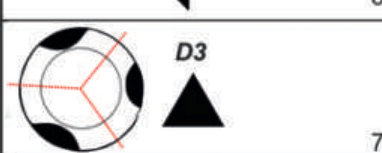
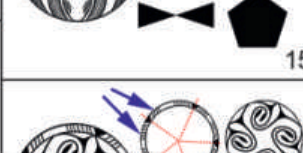
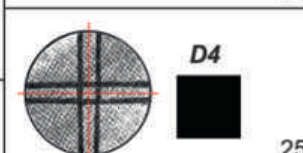

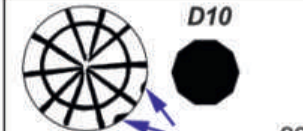

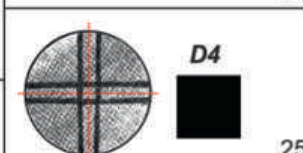

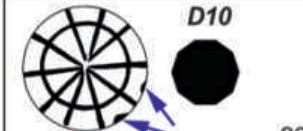

На одной розетке внешняя и внутренняя схемы не разделены, а взаимосвязаны, два из четырех каплевидных элементов внешней композиции расположены внутри «комет», но при этом «капли» и «кометы» вращаются в разные стороны. Одна «капля» направлена в противоположную сторону, скорее всего, из-за ошибки мастера, и нарушает симметрию, поэтому схема отнесена к индексу C_4 условно (рис. 4, 1). Орнамент в виде «комет» имеет только центральную симметрию C_2 (рис. 4, 1, 2). В Попудне распространена традиционная схема с двумя «кометами». Направление их вращения могло быть как в одну, так и в другую сторону, и, вероятно, зависело от стиля конкретного мастера. Исключение составляет декор с одной «кометой», где симметрия вообще отсутствует.

Орнаментальные композиции в виде различных комбинаций овалов, концентрических кругов и волнистых линий более сложны с точки зрения определения симметрии. Все они циклические, построены по тому же принципу, что и схемы с «кометами», когда мотивы поворачиваются вокруг центра по типу C_2 (рис. 4, 3, 4).

Отдельные варианты композиции выпадают из общей системы. У трех схем парные волнистые линии, проходящие через центр розетки, соответствуют типу C_2 , а остальная часть орнамента имеет одно зеркальное отражение — диэдральную схему D_1 (рис. 4, 5). Иногда в элементах композиции встречаются незначительные нарушения: например, волнистые линии внутри овалов изогнуты в одном направлении, а не встречно, и этим сбивают симметрию. При таких незначительных нарушениях, если остальные элементы полностью идентичны, орнамент условно относится к C_2 .

Одна схема на крышке имеет тройное отражение D_3 , но в одной из трех частей, скорее всего, ошибочно, проведено не три, как везде, а четыре линии (рис. 4, 6). Этот орнамент допустимо рассматривать и с горизонтального ракурса. Тогда он превращается в бордюр с вертикальной симметрией повторяющихся мотивов $pm11$.

В целом орнаменты по типу розетки на керамике Попудни представлены преимущественно центральной симметрией C_n , где порядок вращения (n) во внешней композиции — от 2 до 21, а в центральной — 2. Нарушения симметрии дополнительными деталями в розетках встречаются реже, чем в бордюрах. Возможно, это

Попудня	Каневская группа	Шипинцы	Выхватинцы
 1	 9	 17	 27
 2	 10	 18	 28
 3	 11	 19	 29
 4	 12	 20	 30
 5	 13	 21	 31
 6	 14	 22	 32
 7	 15	 23	 33
 8	 16	 24	 34
		 25	 35
		 26	 36

объясняется меньшим количеством элементов в орнаментальной схеме.

Насколько информативен анализ симметрий в декоре трипольской керамики, по одной коллекции определить трудно. Для этого требуются исследования большего количества разновременных материалов из разных частей ареала трипольской культуры. Прорисовка разверток орнаментов — процесс трудоемкий, и опубликованных комплексов, которые можно использовать для анализа симметрии, крайне мало.

Сравнительный анализ симметрии орнаментов керамики позднего Триполья (периоды С1–СII)

Для сравнительного анализа симметрий использованы материалы трипольских памятников восточной части трипольского ареала (Каневское Поднепровье) этапа С1, представленные в монографии Э. В. Овчинникова (*Овчинников, 2014*). В сводной таблице автором книги продемонстрировано достаточное количество разверток орнаментов с отчетливой прорисовкой деталей, но сделаны они не по отдельным памятникам, а по нескольким фазам этапа С1 позднего периода, выделенных им (*Там же. С. 143–145*). Используются также наиболее подходящие материалы из хронологически более позднего поселения Шипинцы (Кукутень В2 — конец Триполья С1), расположенного в западной части ареала (Черновицкая область Украины — рис. 2, 2), с опубликованными 170 горизонтальными и вертикальными развертками орнаментальных композиций (*Ольжич, 2007. Мал. 1–134*). Очевидно, что использование такой выборки не совсем корректно, но авторами этих работ было представлено в иллюстрациях большинство разновидностей орнамента.

Из памятников Каневского Поднепровья для анализа взяты 99 вариантов бордюрных и 27 розеточных орнаментов. Бордюрные схемы рассмотрены по итоговой композиции, по базовой конструкции и отдельно — орнамент в верхней части сосудов (рис. 3, 29–48). В итоговой композиции здесь также наблюдается доминирование

схем с простым параллельным переносом мотива **p111**, количество которых значительно уменьшается при учете только базовой конструкции, поскольку, как и в Попудне, в большинстве композиций присутствуют дополнительные несимметричные элементы (рис. 3, 30, 35, 38). В декоре керамики здесь тоже преобладают два типа симметрии — **pm11** и **p112** (рис. 3, 29–32, 37–40). По сравнению с Попудней здесь несколько больше симметрий **pmg2**, причем их доля одинакова как в итоговой композиции, так и в базовой конструкции. Это может быть связано с тем, что этот тип симметрии здесь представлен в основном не волной с множеством дополнительных деталей, а лаконичной схемой из ломаных линий (рис. 3, 41, 42). На керамике Каневской группы выявлены три бордюра только с горизонтальной симметрией мотива **p1m1**, отсутствующей в Попудне. В одном случае это итоговая композиция в центральной части сосуда, которая относится к типу симметрии **p1m1** из-за косых дополнительных линий с наклоном в одну сторону в верхней и нижней частях бордюра, а в двух других — простая геометрическая схема из двух рядов наклоненных в одну сторону линий и ряда равнобедренных треугольников в верхней части сосуда (рис. 3, 46–48 — см. *Овчинников, 2015. Рис. 8, 1*).

В керамике Каневской группы присутствует вид декора, не являющийся бордюром. Это косая сетка, которая относится к двумерным орнаментам **cm** (*Washburn, 2018. Fig. 23*). Неоднозначно выглядит композиция в виде двойного бордюра из волют (*Овчинников, 2014. С. 143*). Этот орнамент можно рассматривать как два ряда бордюров с симметрией **p112**, но волюты не разделены горизонтально и имеют общие дополнительные элементы, и в таком случае — это двумерная композиция **p2** (*Washburn, 2018. Fig. 23*).

Набор розеточных орнаментов Каневской группы по типам симметрии в целом сходен с Попудней (рис. 4, 9–16). Это циклические схемы **C2**, расположенные на внутренней поверхности мисок (рис. 4, 9, 12–14). Одна схема образована четьрьмя «кометами» по схеме **C4** (рис. 4, 11), однако

Рис. 4. Примеры орнаментов-розеток трипольской культуры: 1–8 — поселение Попудня; 9–16 — поселения Каневской группы; 17–26 — поселение Шипинцы; 27–36 — Выхватинский могильник. Красные стрелки указывают направление вращения, синие — элементы, нарушающие симметрию в композиции

Fig. 4. Examples of rosette-designs of the Tripolye culture: 1–8 — settlement of Popudnya; 9–16 — settlements of the Kanav group; 17–26 — settlement of Shipintsy; 27–36 — Vykhatintsy cemetery. Red arrows indicate the direction of the rotation, blue ones — the elements violating the symmetry in the composition

расположены они не совсем симметрично, а сдвинуты попарно, что позволяет отнести ее и к типу **C2**. Однозначно **C4** соответствует лишь одна композиция, у которой внешний орнамент по краю венчика является диэдральной (с некоторыми нарушениями) схемой **D5** (рис. 4, 16). Также здесь встречаются отдельные сложные композиции, где внутренняя, относительно небольшая по размерам, часть относится к диэдральной группе **D5**, а внешняя, более насыщенная элементами, — к **D2** (рис. 4, 15).

Таким образом, в композициях на керамике Каневской группы выявлено шесть типов симметрии бордюров в розеточных схемах, и доминируют циклические композиции. При общей схожести с Попудней в этих комплексах наблюдается большее количество вариантов орнаментальных схем — это может быть связано с тем, что сравнение проводилось по целой группе памятников.

В Шипинцах проанализировано 153 бордюрных орнамента (Ольжич, 2007). Различные варианты метопных композиций здесь составляют около трети всех орнаментов (рис. 3, 49–55). Среди них преобладают схемы с вертикальной симметрией **pm11**. Композиций с вертикальной и горизонтальной симметрией **pmm2** почти в два раза меньше. Во многих случаях симметрия **pm11** нарушена только диагональю внутри мотива и в итоговой композиции превращается в бордюр **p111** (рис. 3, 50).

В основе композиции наиболее сложного и богатого деталями орнамента лежит волнообразная лента, обычно с дополнительными линиями и штрихами внутри (рис. 3, 60–62). По базовой структуре такая схема соответствует типу симметрии **pmg2**. Итоговых же композиций **pmg2** всего две (рис. 3, 61, 62). В ряде случаев симметрия в верхней или нижней части волнообразной схемы нарушена изображением собак, одной или двух, расположенных парно и не повторяющихся (Там же. Мал. 19–21, 23, 28). В других схемах в верхней части сосуда собаки ритмично вписаны в композицию (рис. 3, 63, 64) (Там же. Мал. 63, 64, 67, 72, 75). В метопных орнаментах изображение собаки также может быть либо повторяющимся, либо одиночным (Там же. Мал. 80, 95, 96).

Спиральные композиции в Шипинцах лаконичны и не перегружены деталями (Там же. Мал. 26, 29, 47, 48, 52, 57–77). Многие из них абсолютно симметричны и соответствуют типу **p112** (рис. 3, 58, 59) или нарушены отдельными деталями (рис. 3, 57). К **p112** относятся также и некоторые линейные орнаменты, расположенные в верхней части сосуда (рис. 3, 56). «Тангентные»

композиции построены простым параллельным переносом **p111** и не имеют внутренней симметрии (рис. 3, 66, 67).

Количество розеток в Шипинцах, как и в Попудне, невелико — всего 20. Они представлены на внутренней поверхности мисок и верхних чаш «биноклей» (Там же. Мал. 111–119, 121, 139, 143, 144). Однако не все орнаменты на чашах «биноклей» включены в исследование, поскольку такие розетки иногда нарушены декором перемычки или вообще не имеют симметрии (Там же. Мал. 142, 147). Здесь также почти все композиции циклические с двойным вращением **C2** и одна — **C7**, отдельная композиция по краю розетки отсутствует (рис. 4, 17–24). В розетках выделено два орнамента с диэдральными схемами **D4**, и **D10** (рис. 4, 25, 26).

В целом набор типов симметрии бордюрных орнаментов Шипинцев сходен с Попудней, но в Шипинцах несколько больше симметрии **pmg2**, в основном по базовой структуре, и больше орнаментов с простым переносом мотива **p111**, поскольку много схем нарушено несимметричными дополнительными деталями.

В розеточных орнаментах Шипинцев, несмотря на преобладание, как и в Попудне, циклических схем **C2**, наблюдается упрощение (деградация?) орнаментов с «кометами», когда симметрична лишь центральная композиция, а элементы по краю либо отсутствуют, либо не имеют симметрии и не выделены в отдельную схему. Вполне возможно, что это связано с тенденцией к постепенному переходу от циклических композиций к диэдральным.

Выводы

Подсчеты процентного соотношения типов симметрии бордюров орнаментальных композиций на керамике из Попудни, Каневской группы и Шипинцев проведены по итоговой композиции и по базовой конструкции, без учета дополнительных элементов (рис. 5). Даже при условии некорректной выборки, учитывающей только количество разновидностей, результат достаточно показателен. Во всех случаях доминируют два типа симметрии: **p112** и **pm11**. В Попудне и Шипинцах отсутствуют симметрии **plg1** и **plm1**. На керамике Каневской группы симметрия **plm1** встречается только в трех вариантах. Композиции с симметрией **pmg2** везде достаточно редки, несмотря на то что в их основе лежит распространенная схема с «волной» или ломаной линией, но почти везде они нарушаются дополнительными элементами. Таким

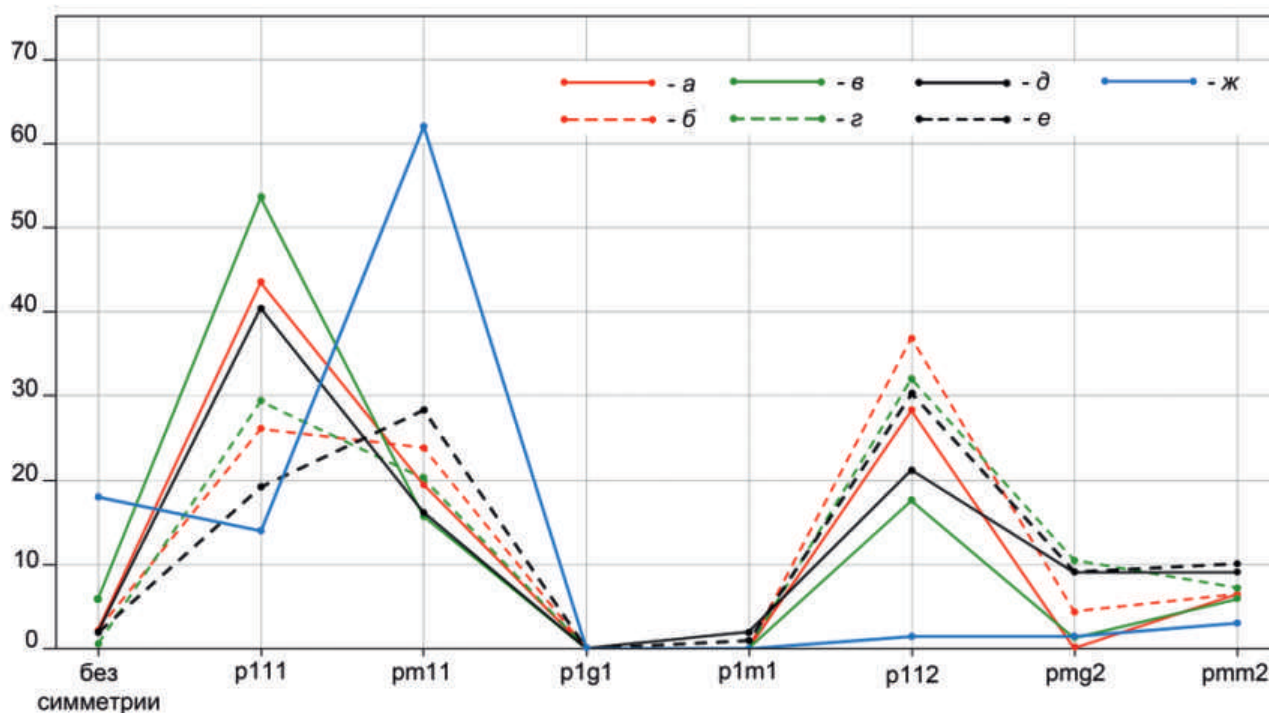

Рис. 5. Процентное соотношение типов симметрий на трипольских памятниках: поселение Попудня, поселения Каневской группы, поселения Шипинцы и Выхватинский могильник. Условные обозначения: а — Попудня, итоговая композиция; б — Попудня, базовая конструкция; в — Шипинцы, итоговая композиция; г — Шипинцы, базовая конструкция; д — Каневская группа, итоговая композиция; е — Каневская группа, базовая конструкция; ж — Выхватинцы

Fig. 5. Percent ratio of the types of symmetry at Tripolye sites: settlement of Popudnya, settlements of the Kanev group, settlement of Shipintsy and Vykhvatintsy cemetery. Keys: а — Popudnya, final composition; б — Popudnya, basic construction; в — Shipintsy, final composition; г — Shipintsy, basic construction; д — Kanev group, final composition; е — Kanev group, basic construction; ж — Vykhvatintsy

образом, общая картина более-менее однородна, что говорит об относительном единстве культуры и возможном сходстве социальных структур.

Тем не менее при всем сходстве в наборе бордюрных орнаментов видны и некоторые различия. Так, в Попудне больше симметрий **p112**, характерных в основном для спиралей, волют и некоторых линейных композиций, а в Каневской группе больше схем **pmm2** с вертикальной и горизонтальной симметрией мотивов. Увеличение доли композиций с нарушением симметрии в Шипинцах связано преимущественно с изображением собак, которые не всегда ритмично повторяются в мотивах. Эти небольшие различия могут быть как локальными, так и хронологическими.

Дополнительно были проанализированы материалы финального этапа трипольской культуры СІІ. Набор форм сосудов и орнаментальных композиций здесь значительно отличаются от

предыдущих этапов. Эти изменения отразились и на типах симметрии. На керамике из Выхватинского могильника (рис. 2, 3), расположенного в Рыбницком районе Молдовы (Дергачев, Манзура, 1991. С. 225–245), рассмотрены 66 вариантов бордюрных орнаментов и выявлено абсолютное преобладание вертикальных отражений **pm11**. Распространенная на предыдущем этапе симметрия с вращением **p112** встречается крайне редко (рис. 5). Значительную часть составляют орнаменты, где симметрия вообще отсутствует, а типы симметрии **pmm2** и **pmg2** выявлены лишь на отдельных экземплярах (рис. 3, 68–74). При этом в комплексе из Выхватинцев дополнительные элементы практически не нарушают орнаментальные схемы, поэтому в разделении композиций на базовую и итоговую конструкции необходимости не было. В розеточных орнаментах Выхватинцев, в отличие от рассмотренных выше комплексов,

представлены исключительно диэдральные схемы D3 и D4 (рис. 4, 27–36). В конце позднего периода Триполья в социальной и духовной сферах происходят кардинальные изменения: Триполье распадается на отдельные культуры, изменяется площадь ареала, характер хозяйства, появляются курганные и грунтовые могильники с различиями в статусе погребенных (Дергачев, 1980. С. 146–153). Видимо, это нашло отражение и в симметрии орнаментов.

Сопоставление типов симметрий в комплексах различных памятников Триполья показывает, что симметрия **p1g1** отсутствует во всех проанализированных комплексах. Однако она присутствует в ряде орнаментов более ранних периодов — Триполье А и VI. Этот тип симметрии наиболее сложен для распознавания. Его сравнивают с движением человеческих ног при ходьбе, когда каждая нога отражается со скольжением относительно горизонтали (Crowe, 2004. P. 6). Как правило, это бордюр, состоящий из ряда треугольников с косыми линиями внутри (см., например: *Crîșmaru*, 1977. Fig. 29, 8; 35, 1; 46, 3; 48, 1).

В Триполье VI (Кукутень А) широко распространены одномерные композиции с симметрией **p112**, **pmg2**, **pmm2**, **pm11** и **p111**, но при этом присутствуют и полихромные двухмерные композиции (обои), занимающие практически всю поверхность сосуда (Dumitrescu et al., 1954. Pl. LXXVIII; *Marinescu-Bilcu, Bolomey*, 2000. Fig. 87–91). Таким образом, набор типов симметрии здесь иной, их соотношение нужно считать по отдельным

памятникам при условии представительной выборки и возможности сделать развертки.

Анализ симметрии в трипольских орнаментах показывает ее изменения в соответствии с глобальными изменениями культуры в ходе ее эволюции. В процессе развития культуры набор типов симметрии и их соотношение меняются как на уровне перехода от среднего к позднему Триполью, так и на финальном этапе ее развития.

Изучение орнаментальных схем с точки зрения типов симметрии никоим образом не исключает традиционного рассмотрения декора с подробным описанием элементов, мотивов и композиций. В то же время данное направление исследования требует охвата большого количества материала с территориально и хронологически разных комплексов. Предварительные результаты проведенного анализа пока не позволяют выделить особенности декора керамики на уровне микрохронологии отдельных памятников и их локальных отличий. Тем не менее анализ симметрий может быть важным дополнением при комплексном изучении культуры. Создание базы данных орнаментальных композиций и дальнейшие исследования в этом направлении могут способствовать не только выявлению внутрикультурных взаимосвязей, но и изменений в составе населения и социальных структурах, происшедших на разных хронологических этапах.

Благодарность. Автор выражает глубокую благодарность д-ру Дороти К. Уошберн за неоценимую помощь и консультации при подготовке работы.

Бурдо, Видейко, 1984 — Бурдо Н. Б., Видейко М. Ю. Типы раннетрипольской керамики и ее орнаментации в междуречье Днестра и Южного Буга // Северное Причерноморье (материалы по археологии) / Отв. ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 96–104.

Дергачев, 1980 — Дергачев В. А. Памятники позднего Триполья (Опыт систематизации). Кишинев: Штиинца, 1980. 205 с.

Дергачев, Манзура, 1991 — Дергачев В. А., Манзура И. В. Погребальные комплексы Позднего Триполья. Кишинев: Штиинца, 1991. 333 с.

Збенович, 1991 — Збенович В. Г. Дракон в изобразительной традиции культуры Триполье–Кукутени // Духовная культура древних обществ на территории Украины / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1991. С. 20–34.

Иванов, 1963 — Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963 (Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; Т. 81). 500 с.

Кирчо, 1999 — Кирчо Л. Б. К изучению позднего энеолита Южного Турмениистана (основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-депе). СПб.: ИИМК РАН, 1999 (АИ; Вып. 60). 120 с.

Кожин, 1981 — Кожин П. М. Значение орнаментации керамики и бронзовых изделий Северного Китая и эпохи неолита и бронзы для исследований этногенеза // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и Средние века / Ред. М. В. Крюков, М. В. Софронов,

- Н. Н. Чебоксаров. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 131–161.
- Краткий словарь..., 1983 — Краткий словарь по эстетике: Кн. для учителя / Под ред. М. Ф. Овсянникова. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
- Круц и др., 2001 — Круц В. А., Корвин-Пиотровский А. Г., Рыжов С. Н. Трипольское поселение-гигант Тальянки: исследования 2001 года. Киев: ИА НАН Украины, 2001. 110 с.
- Овчинников, 2014 — Овчинников Е. В. Трипільська культура Канівського Подніпров'я (етапи VII–CI). Київ: Видавець Олег Філюк, 2014. 406 с.
- Овчинников, 2015 — Овчинников Е. В. Поселение каневской группы Западного Триполья Вильшана I // Культурный комплекс Кукутень-Трипілья та його сусіди. Збірка наукових праць пам'яті Володимира Круца / Ред. О. Дяченко, Ф. Менотти, С. Рижов, К. Бунятян, С. Кадров. Львів: Астролябія, 2015. С. 413–428.
- Ольжич, 2007 — Ольжич О. Археологія. Київ: Видавництво ім. Олени Теліги, 2007. 496 с.
- Палагута, 2009а — Палагута И. В. Явление обратности и основные направления развития композиций орнаментов трипольско-кукутенской керамики // ТАС. 2009. Вып. 7. С. 411–418.
- Палагута, 2009б — Палагута И. В. «Технический орнамент» в декоре керамики трипольской культуры // АЭАЕ. 2009. № 2 (38). С. 85–91.
- Палагута, 2020 — Палагута И. В. Орнаменты керамики Триполья-Кукутени: некоторые наблюдения над способами построения композиции // *Camera Praehistorica*. 2020. № 1 (4). С. 76–92.
- Рудковский, 2013 — Рудковский И. В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2013. 190 с.
- Ткачук, 1991 — Ткачук Т. М. Личины в росписи керамики культуры Триполье-Кукутени // Духовная культура древних обществ на территории Украины / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1991. С. 47–59.
- Ткачук, 2005 — Ткачук Т. М. Знакові системи трипільсько-кукутенської культурно-історичної спільності: (мальований посуд). Вінниця: Нова книга, 2005. Ч. 1: 417 с.; Ч. 2: 205 с.
- Тришина, 2003 — Тришина И. В. Многофигурные композиции в искусстве пазырыкской культуры // РА. 2003. № 3. С. 44–60.
- Фёдоров, 1949 — Фёдоров Е. С. Симметрия и структура кристаллов. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 630 с.
- Фурсикова, 2002 — Фурсикова Е. Г. Симметрия в искусстве скифо-сибирского звериного стиля: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / СПб. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Рос. акад. художеств. СПб., 2002. 20 с.
- Шмаглий, Видейко, 2001–2002 — Шмаглий Н. М., Видейко М. Ю. Майданецкое — трипольский протогород // *Stratum plus*. 2001–2002. № 2: Земля Триполиада. С. 44–140.
- Шубников, 1940 — Шубников А. В. Симметрия. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 176 с.
- Шубников, Копцик, 1972 — Шубников А. В., Копцик В. А. Симметрия в науке и искусстве. М.: Наука, 1972. 349 с.
- Яблан, 2006 — Яблан С. Симметрия, орнамент, модулярность. М.; Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика; Ин-т компьютерных исследований, 2006. 378 с.
- Buzea, 2010 — Buzea D. Vase cu decor floral descoperite la Păuleni Ciuc — Ciomortan, jud. Harghita. *Cultura Cucuteni-Ariușd* // *Angvstia*. 2010. *Arheologie*. Vol. 14. P. 109–128.
- Crîșmaru, 1977 — Crîșmaru A., Drăgușeni. Contribuții la o monografie arheologică, Botoșani: Muzeul Județean de istorie Botoșani, 1977. 192 p.
- Crowe, 2001 — Crowe D. W. Symmetries of Culture // *Bridges 2001: Mathematical Connections in Art, Music, and Science. Conference Proceedings* / Eds. R. Sarhangi, S. Jablan. Southwestern College, Winfield, Kansas. P. 1–20 (*Visual Mathematics*, 2001, 3(2)). URL: <http://www.mi.sanu.ac.rs/vismath/crowe1/index.html> (дата обращения: 14.09.2020).
- Crowe, 2004 — Crowe D. W. Introduction to the Plane Symmetries // *Symmetry Comes of Age. The role of pattern in culture* / Eds. D. K. Washburn, D. W. Crowe. Seattle: University of Washington Press, 2004. P. 3–17.
- Crowe, Washburn, 1985 — Crowe D. W., Washburn D. K. Groups and Geometry in the Ceramic Art of San Ildefonso // *Algebras, Groups and Geometries*. 1985. Vol. 3. P. 263–277.
- Crowe, Washburn, 1987 — Crowe D. W., Washburn D. K. Flowcharts as an aid to the symmetry classification of patterned design // *Material Anthropology. Contemporary Approaches to Material Culture* // Eds. B. Reynolds, M. A. Stott. New York; London: University Press of America, 1987. P. 69–101.
- Dumitrescu, 1945 — Dumitrescu Vl. La station préhistorique de Traian // *Dacia*. București, 1945. Vol. IX–X (1941–1944). P. 11–114.
- Dumitrescu et al., 1954 — Dumitrescu Vl., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmbovița M., Gostar N. Hăbășești: Monografie arheologică. București: Editura Academiei Republicii Populare Romîne, 1954. 607 p.

- Himner*, 1933 — *Himner M.* Etude sur la civilisation premyceniene dans le bassin de la Mer Noire apres des fouilles personnelles // *Swiatowit*. 1933. T. 14. P. 26–163.
- Kadrow et al.*, 2003 — *Kadrow S., Sokhatskiy M., Tkachuk T., Trela E.* Sprawozdanie ze studiów i wyniki analiz materiałów zabytkowych kultury trypolskiej z Bilcza Złotego znajdujących się w zbiorach Muzeum Archeologicznego w Krakowie // *Materiały Archeologiczne*. 2003. T. 34. S. 53–143.
- Marinescu-Bîlcu, Bolomey*, 2000 — *Marinescu-Bîlcu S., Bolomey A.* Drăgușeni: a Cucutenian community. București: Editura Enciclopedică, 2000. 198 p.
- Naumov*, 2010 — *Naumov G.* Symmetry analysis of Neolithic painted pottery from the Republic of Macedonia // *Archeologia e Calcolatori*. 2010. Vol. 21. P. 261–280.
- Shepard*, 1948 — *Shepard A. O.* The symmetry of abstract design, with specific reference to ceramic decoration // *Carnegie Institution of Washington Publication 574*. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1948. P. 209–293.
- Washburn*, 1977 — *Washburn D. K.* A Symmetry Analysis of Upper Gila Area Ceramic Design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977 (Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology; Vol. 68). 192 p.
- Washburn*, 1983 — *Washburn D. K.* Towards a theory of structural style in art // *Structure and Cognition in Art / Ed. D. K. Washburn*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1–7.
- Washburn*, 2000 — *Washburn D. K.* The Cultural Salience of Symmetry // *Symmetry 2000 / Eds. I. Hargittai, T. C. Laurent*. Part 2. London: Portland Press, 2000. P. 429–444.
- Washburn*, 2004 — *Washburn D. K.* Symmetry Analysis of Ica Valley Ceramics. Insights into Ica-Inca Interpretations // *Symmetry Comes of Age. The role of pattern in culture / Eds. D. K. Washburn, D. W. Crowe*. Seattle: University of Washington Press, 2004. P. 215–231.
- Washburn*, 2018 — *Washburn D. K.* Cognitive archaeology: a symmetry/symmetry-breaking model for the analysis of societies // *Time and Mind*. 2018. Vol. 11/2. P. 121–161.
- Washburn, Crowe*, 1988 — *Washburn D. K., Crowe D. W.* (eds.). *Symmetries of Culture. Theory and Practice of Plane Pattern Analysis*. Seattle and London: University of Washington Press, 1988. 301 p.
- Washburn, Humphrey*, 2001 — *Washburn D. K., Humphrey D.* Symmetries in the Mind Production, Perception, And Preference for Seven One-Dimensional Patterns // *Visual Arts Research*. 2001. Vol. 27, no. 2 (54). P. 57–68.

Symmetry in ornamentation of the Tripolye culture

E. G. Starkova⁶

The method of symmetrical analysis (Fig. 1) is first applied to studies of ornamental compositions on the pottery of the Tripolye culture. For the investigations, materials from sites of the late period — settlements of Popudnya, Shipintsy, Kanev group (stage CI), as well as the Vykhvatintsy burial ground (stage CII) (Fig. 2), were used. Variants of the compositions of the borders (linear designs) were analysed, as well as the rosettes (compositions in a circle) (Fig. 3; 4). The border designs were considered separately through their basic structure and the resulting composition, taking in account additional elements (Fig. 5). It has been established that, in the linear compositions, everywhere schemes with vertical and horizontal mirror symmetry predominate, as well as those with the rotation of the motif in 180° — rotation symmetry. Considerably rarer are compositions with a sliding symmetry which in the majority of cases are disturbed by foreign elements. In complexes of stage CI, the percent ration of the types of symmetry of borders is approximately the same. In the border schemes of the final of the late Tripolye CII from Vykhvatintsy, there is an increased number of compositions without a symmetry or with a vertical reflection of the motif. In the rosette designs from Popudnya, Shipintsy and Kanev group of stage CI, cyclic motifs with their rotation around the central point predominate. In Vykhvatintsy, exclusively dihedral schemes are present where the rotational and mirror symmetries are combined. The investigations have shown that the types of symmetry in the ornamentation of the Tripolye pottery changed with the cardinal changes in the culture at the final stage of its development. Symmetrical analysis can be an important addition in the interdisciplinary studies of ceramic complexes and helping not only to reveal the cultural interrelations but also to trace the changes in the composition of the population and social structures at different chronological stages.

⁶ Elena Starkova — The State Hermitage Museum; Dvortsovaja nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: astarkova2012@yandex.ru.

Шатровый дольмен у станицы Царская, 1869 г., Северо-Западный Кавказ: конструкция и археологический контекст¹

В. А. Трифонов²

Аннотация. В статье представлены результаты архивных и полевых исследований, позволяющие восстановить архитектурный облик, конструкцию, основные размеры, этапы строительства, археологический, хронологический и культурный контексты уникального многогранного дольмена с пирамидальной (шатровой) крышей, раскопанного в 1869 г. на Северо-Западном Кавказе у станицы Царская (совр. Новосвободная) Николаем Львовичем Каменевым.

Annotation. This paper presents the results of archive and field investigations allowing us to reconstruct the architectural features, construction, basic dimensions, building stages, archaeological, chronological and cultural contexts of the unique multisided dolmen with a pyramidal (domed) roof, excavated by Nikolay Lvovich Kamenev in 1869 in North-Western Caucasus near the stanitsa (Cossack village) of Tsarskaya (modern Novosvobodnaya).

Ключевые слова: Кавказ, эпоха бронзы, мегалиты, многогранный дольмен с пирамидальной крышей.

Keywords: Caucasus, Bronze Age, megaliths, multisided dolmen with a pyramidal roof.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-433-446

Введение

В ноябре 1869 г. командир 22-го конного полка Кубанского казачьего войска подполковник Николай Львович Каменев (1829–1873) раскопал в окрестностях станицы Царской, где тогда располагалось полковое правление (Азаренкова и др., 1986. С. 23), исключительно оригинальный многогранный дольмен с конической крышей (Каменев, 1870; Фелицын, 1904. С. 23). Среди нескольких тысяч дольменов Западного Кавказа за прошедшие полтора века так и не нашлось ни одного близко похожего на этот памятник. Это обстоятельство,

наряду с отрывочными и местами противоречивыми сведениями о конструкции гробницы и ее содержимом, стали причиной существенных трудностей в определении ее археологического и культурного контекстов. Расхождения во взглядах на хронологическую и типологическую позиции памятника среди мегалитов Кавказа доходят до прямо противоположных. В одних исследованиях уникальную многогранную гробницу относят к ранним дольменам (Марковин, 1978. С. 134–135, 182, рис. 105), в других — к самым поздним (Резепкин, 1988). Исходя из общих представлений о происхождении и развитии мегалитической традиции на Кавказе, в первом случае памятник рассматривают как пример исходного этапа развития «составных» дольменов, а во втором — финального этапа эволюции «ложнокупольных» гробниц. Основной причиной разногласий такого масштаба является утрата значительной части сведений о конструктивных особенностях памятника и его стратиграфической позиции

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru.

в кургане. Считается, что сохранившаяся научная информация полностью исчерпана, точное место расположения памятника неизвестно, а сам дольмен безвозвратно утрачен (Марковин, 1978. С. 20). Однако это не так. Результаты архивных и полевых исследований позволяют сегодня судить о конструкции и археологическом контексте уникального археологического памятника с большей определенностью, чем было принято считать. Решение давней проблемы позволит прояснить еще один эпизод непростой картины развития мегалитической погребальной и культовой архитектуры на Северо-Западном Кавказе в эпоху бронзы.

Архивные сведения и полевые наблюдения

2 ноября 1870 г., спустя год после раскопок, в 47-м номере газеты «Кубанские войсковые ведомости» (иногда в ссылках неверно указано «Кубанские военные ведомости», см. напр.: Попова, 1963. С. 10; Резепкин, 2012. С. 8) появился очерк подполковника Н. Л. Каменева «Попытки археологических разведок в Кубанской области» (Каменев, 1870). Ни место публикации, ни ее жанр, ни чин автора не должны бросать тень некомпетентности на содержание сообщения. Кубанские войсковые ведомости — первая газета на Кубани (с 1863 г.) — в своей наиболее популярной неофициальной части регулярно печатала исторические, этнографические и археологические очерки и заметки самых авторитетных кубанских историков и краеведов: Ф. А. Щербины, П. П. Короленко, Е. Д. Фелицына. В этот круг входил и Н. Л. Каменев — выпускник Второго кадетского корпуса в Петербурге, способный артиллерийский офицер и талантливый лингвист-самоучка. Вместе с командиром Псекупского полка И. Д. Попко он основал первый на Кубани краеведческий музей (музей Псекупского полка, ст. Ключевая, 1864 г.). Известный кавказовед барон П. К. Услар высоко отзывался об исследованиях Н. Л. Каменева и его научном складе ума (Матвеев, 2016). Иными словами, репутация Николая Львовича позволяет со всем вниманием относиться к его рассказу и полевым наблюдениям.

Место расположения памятника

По словам Н. Л. Каменева, переданных Е. Д. Фелицыным (Фелицын, 1904. С. 23–24), о грабительских раскопках курганов в окрестностях станицы Царской он узнал от жителя кабардинского аула по фамилии Дерев, который рассказал, что

еще в 1840-е гг. в их аул, расположенный, видимо, где-то у впадения р. Богатырка в р. Фарс, приехал иностранец («франк») и нанимал людей копать курган в полутора верстах от аула вверх по Фарсу. Наткнувшись в кургане на кирпичное (?) «здание», раскопки прекратили из суеверных опасений заразиться от погребенных в сооружении смертельной болезнью. Увлеченный этим рассказом, Н. Л. Каменев отправился в ноябре 1869 г. в указанное Деревым место, наняв для раскопок жителей станицы Царской. Описывая место расположения кургана, Н. Л. Каменев указал, что он «...лежит в 5 верстах от станицы вниз по течению реки Фарса и воздвигнут на краю возвышенности перпендикулярной течению реки...», поясняя в другом месте: «...близ Богатырской дороги» «...из ст. Царской в Махошевскую». Эта дорога по правому берегу Фарса отмечена на археологической карте Е. Д. Фелицына и, ориентируясь на нее и расстояния до дольмена от кабардинского аула вверх по течению (1,5 версты) и станицы вниз по течению (5 верст), нетрудно рассчитать, что он располагался где-то на краю речной террасы в районе урочища Клады (рис. 1).

Е. Д. Фелицын осмотрел памятник «...спустя 15 лет после открытия его», то есть в 1884 г., пользуясь той же Богатырской дорогой на Махошевскую. Как и Н. Л. Каменев, он отмечает, что курган с дольменом располагался «...верстах в пяти от станицы Царской...», при этом уточняет — «...на левом возвышенном берегу...», но ошибается в направлении — «...вверх по р. Фарсу», а не вниз, как на самом деле (Фелицын, 1904. С. 23). Ошибка в направлении носит характер случайной описки — вверх по Фарсу от ст. Царской на археологической карте Е. Д. Фелицына нет ни дорог, ни памятников, да и Богатырская дорога идет в противоположном направлении. Е. Д. Фелицын, видимо, бывал в урочище Клады и раньше, так как на его археологической карте Кубанской области (1882 г.) оно помечено знаками дольменов и городища, за которое он принял гигантскую насыпь «Серебряного» кургана.

Н. И. Веселовский также не сомневался, что курган с гробницей, раскопанной Н. Л. Каменевым, располагался в пределах современных Кладов, но как часто с ним бывало, путался в деталях. В своем рукописном отчете за 1898 г. о раскопках в окрестностях Царской он записал, что «из числа 3-х значительных курганов один был разрушен в 70-х годах полковником Каменевым (бывшим

атаманом Майкопского отдела) большим колодцем сверху кургана. Прочие два больших кургана имели западины от древних грабительских ям. <...> Несмотря на эти следы расхищений, я решился раскопать их» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1898. Д. 60. Л. 20–21). Это значит, что курган, раскопанный Н. Л. Каменевым, по мнению Н. И. Веселовского располагался рядом с теми двумя, которые он раскопал в 1898 г. Здесь Н. И. Веселовский ошибается, так же как и со званием, должностью и годом раскопок Н. Л. Каменева.

Ошибку Н. И. Веселовского воспроизвела Т. Б. Попова, полагая, что третий упомянутый им курган, который «...был разрушен <...> полковником Каменевым», соответствует кургану 30 на плане могильника, составленном А. А. Иессеном (Попова, 1963. С. 10). Это заключение неверно. Курган 30 по нумерации А. А. Иессена — это курган 28 по нумерации А. Д. Резепкина. Он был полностью раскопан в 1982–1983 гг., и следов присутствия многогранного дольмена там не было (Резепкин, 2012. С. 29–31, 179, рис. 50).

Курган и многогранный дольмен по описанию Н. Л. Каменева (1870 г.) и Е. Д. Фелицына (1904 г.)

По описанию Н. Л. Каменева, курган представлял собой покрытую «...густым кустарником <...> земляную насыпь, сверху одетую гольшом, а по окружности большими плитами». Он отметил, что «следы давнишней раскопки, предпринимаемой горцами, заметны на середине кургана и на юго-восточной стороне его». И дальше: «Последняя же [раскопка], произведенная на южной стороне, обнаружила <...> 16-угольную призму в 3 аршина высоты с конической крышей». В другой части очерка Н. Л. Каменев поясняет: «...постройка, имеющая фигуру 16-угольной призмы с восемью треугольными плитами, составляющими по соединении со стенами и между собой коническую крышу. Отверстие в плите квадратное». Фундамент постройки он описал как круглую плиту, «...диаметром 3 аршина» (Каменев, 1870).

Е. Д. Фелицын дополнил описание раскопок Н. Л. Каменева рядом подробностей и деталей, источник которых окончательно не ясен: то ли Е. Д. Фелицын почерпнул их из рассказа Н. Л. Каменева, с которым он был хорошо знаком, то ли из отчета Н. Л. Каменева, которым он, возможно, сопровождал отправленные в Кавказский музей в Тифлисе найденные в гробнице вещи.

Рис. 1. Археологическая карта Кубанской области (Е. Д. Фелицын, 1882), фрагмент: 1 — предполагаемое место расположения многогранного дольмена, раскопанного Н. Л. Каменевым в 1869 г.

Fig. 1. Archaeological map of the Kuban Oblast (Е. Д. Фелицын, 1882), fragment: 1 — presumed location of the multisided dolmen excavated by N. L. Kamenev in 1869

Е. Д. Фелицын добавляет, что, выкопав в центре кургана яму глубиной около 2 м («...на глубину одной сажени»), Н. Л. Каменев приостановил работу, так как ничего, кроме «мелких кусков жженого кирпича» и «таких же кусков камня», не нашел. Приблизительно «...в 4 сажнях в сторону от центра» кургана внимание Н. Л. Каменева привлекла каменная коническая крыша над сооружением из вертикально стоящих плит. Чтобы его расчистить, он заложил по направлению к нему от подошвы кургана траншею и обнаружил «...цилиндрический одиннадцатигранный дольмен с конической крышей». Е. Д. Фелицын и дальше повторяет, что сооружение оказалось 11-гранным (а не 16-гранным как у Н. Л. Каменева) в плане дольменом с составной (восемь треугольных плит) конической крышей. «В основании этого дольмена находилась толстая, до 27 см каменная плита, имевшая форму правильного

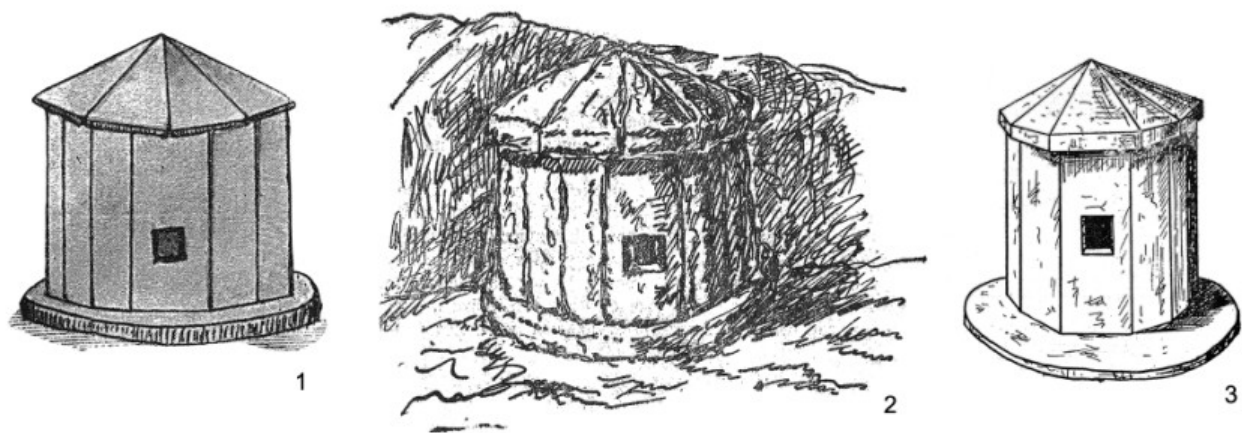

Рис. 2. Рисунки многогранного дольмена: 1 — Е. Д. Фелицын (1904); 2 — Б. А. Куфтин (1949); 3 — Т. Б. Попова (1963)
 Fig. 2. Drawings of the multisided dolmen : 1 — E. D. Felitsyn (1904); 2 — B. A. Kuftin (1949); 3 — T. B. Popova (1963)

круга с диаметром в 3 м; а по краям ее стояли 11 продолговатых каменных плит одинаковой высоты (2,13 м) и толщины (до 20 см), но различной ширины; плотно соприкасаясь между собою боками, плиты эти образовывали собою одиннадцатигранный цилиндрический ящик не совсем правильной формы; <...> в самой широкой (90 см) вертикальной плите, находившейся в восточной части дольмена, в середине, имелось сквозное квадратное отверстие, шириною в 37 сантиметров, которое с наружной стороны было закрыто каменной втулкой такой же формы». «С восточной стороны дольмена заметен коридорный ход, оставшийся неисследованным». Е. Д. Фелицын оставил без пояснений расхождение между ним и Н. Л. Каменевым в подсчете граней дольмена. Сам он видел памятник, когда «...крыши на нем уже не оказалось, и сохранился только самый ящик с нижней плитой...» (Фелицын, 1904. С. 24). При совпадении основных результатов обмеров обращает на себя внимание различие в определении диаметра «нижней плиты»: у Н. Л. Каменева он три аршина, а у Е. Д. Фелицына — 3 м. Скорее всего, это связано с ошибкой Е. Д. Фелицына при подготовке результатов обмеров к публикации. Измерения он сделал в 1884 г. в аршинах и сажнях, а опубликовал в 1904 г. — всего пять лет спустя после введения в России (1899 г.) новой и еще непривычной метрической системы мер. Так, вероятно, три аршина превратились в три метра.

Существует три изображения многогранного дольмена, но степень их соответствия оригиналу остается под вопросом.

В. И. Марковин — художник по образованию, считал, что рисунок пером, опубликованный Б. А. Куфтиным, был сделан Н. Л. Каменевым с натуры (рис. 2, 2), так как он больше других похож на полевой набросок и лишен нарочитого «изящества» (Марковин, 1978. С. 135). Однако в публикации Б. А. Куфтина к рисунку есть пояснение: «по обмерам, описаниям и зарисовке Е. Фелицына и Н. Каменева» (Куфтин, 1949. С. 306, рис. 66). Из этого можно сделать вывод, что рисунок, понравившийся В. И. Марковину, является компиляцией Б. А. Куфтина, а не копией несуществующей зарисовки Н. Л. Каменева. Взяв за основу схематический рисунок Е. Д. Фелицына (рис. 2, 1), Б. А. Куфтин немного подправил пропорции дольмена и толщину плит в соответствии с обмерами, а также добавил в качестве фона фрагмент раскопанной насыпи. В итоге рисунок приобрел черты наброска с натуры, которые и ввели в заблуждение В. А. Марковина.

Едва ли и рисунок Е. Д. Фелицына был сделан им в поле. Судя по его схематизму и изображению несохранившейся крыши, он был подготовлен для публикации некоторое время спустя после его разведок в окрестностях Царской. Рисунок представляет «облагороженную» (Марковин, 1978. С. 135) реконструкцию, в которой Е. Д. Фелицын попытался объединить собственные наблюдения с описанием Н. Л. Каменева. Причем пропорции сооружения на рисунке примерно соответствуют соотношению стен высотой 2,13 м, или около 3 аршин, и плиты основания диаметром около 3 м, но не 3 аршина, как в оригинале у Н. Л. Каменева. Количество каменных клиньев крыши,

которую Е. Д. Фелицын уже не застал, осталось как в описании у Н. Л. Каменева — восемь, а количество плит стен сократилось до 11. На техническую проблему плотной стыковки 8-гранной крыши с 11-гранным основанием стен Е. Д. Фелицын внимания не обратил. Н. Л. Каменев полагал, что каждая из восьми треугольных плит крыши опиралась на пару примыкающих под углом друг к другу плит стен, но и он едва ли видел крышу целой, учитывая, что гробница, по его словам, была ограблена. Технически прямые основания треугольных плит крыши могут плотно сопрягаться только с такими же прямыми верхними основаниями плит стен, но никак не с их угловыми соединениями, — другими словами, теоретически количество треугольников крыши должно совпадать с количеством плит стен.

На просчет Е. Д. Фелицына обратила внимание Т. Б. Попова, и в ее реконструкции каждый треугольный блок крыши опирается на соответствующий торец плиты в стене (рис. 2, 3) (Попова, 1963. С. 15, рис. 6). В зависимости от количества плит стен в такой конструкции должно быть 11 или 16 блоков крыши. Это не согласуется с восемью блоками крыши Н. Л. Каменева, но конструктивно правдоподобнее схемы Е. Д. Фелицына. В остальных элементах реконструкции Т. Б. Попова стремилась буквально следовать противоречивым обмерам: высоту стен и диаметр дольмена она представила примерно равными друг другу (по 3 аршина как в описании у Н. Л. Каменева), а плиту основания изобразила трехметровой (как в отчете Е. Д. Фелицына). В итоге на рисунке вокруг дольмена возникла никем не упомянутая в отчетах каменная площадка полуметровой ширины.

В заключение обзора исторических сведений и графических реконструкций памятника следует отметить, что кроме несущественных расхождений в определении размеров и количестве строительных блоков, в отчете Н. Л. Каменева есть фраза, ставящая под сомнение общую концепцию конструкции, представленную на рисунках Е. Д. Фелицына, Б. А. Куфтина и Т. Б. Поповой. У Н. Л. Каменева не было никаких сомнений, что гробница была ограблена, но на всякий случай он распорядился прокопать под фундаментом постройки, однако «...земляная работа <...> была безуспешна». Трудно, если не сказать невозможно, представить, как рабочим Н. Л. Каменева удалось прокопать под плитой фундамента постройки, на который якобы были вертикально уста-

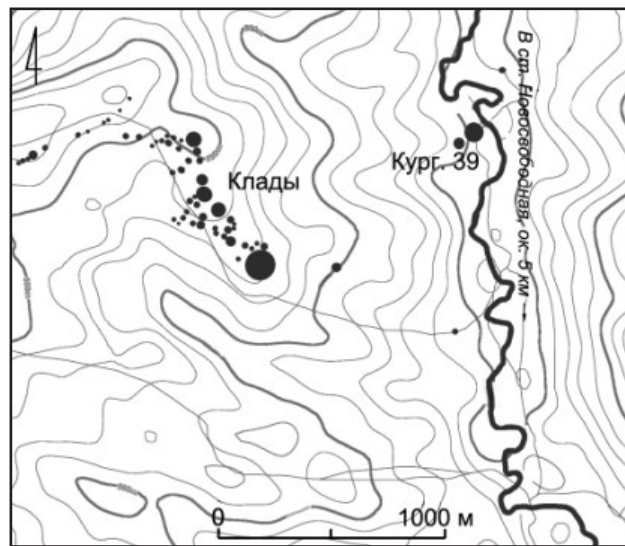

Рис. 3. Курганный могильник в урочище Клады и курган 39 на левом берегу р. Фарс в окрестностях станицы Новосвободная (бывш. Царская)

Fig. 3. Kurgan burial ground in the isolated locality of Kladys and kurgan 39 on the left bank of the Fars River in the surroundings of the stanitsa Novosvobodnaya (former Tsarskaya)

новлены узкие и высокие плиты стен, полностью не разрушив сооружение. Еще более невероятно, что рабочие вернули плиты фундамента и стен на свои первоначальные места, где их целыми спустя 15 лет видел Е. Д. Фелицын. Рискну предположить, что плиты стен были вкопаны вокруг плиты пола, а не стояли на ней. И эту гипотезу подтверждают, на мой взгляд, находки в кургане 39 могильника Клады.

Фрагменты многогранного дольмена в кургане 39 могильника Клады

Невероятно, но обломки многогранного дольмена нашлись при раскопках кургана 39 (1989 г.), расположенного примерно в километре к востоку от основной группы насыпей могильника Клады (Резепкин, 2012. С. 46–47, 218–220, рис. 89–91). Строго говоря, несмотря на формальное включение этого кургана в могильник Клады, он не входит в компактную группу крупных насыпей и даже не относится к урочищу Клады (рис. 3). Курган 39 расположен на краю второй террасы левого берега р. Фарс, примерно в том месте, где по описанию должен быть курган с многогранной гробницей, раскопанной Н. Л. Каменевым. Исходя из сбивающего с толку фелицынского «... вверх по р. Фарсу» от Царской, А. Д. Резепкин решил, что

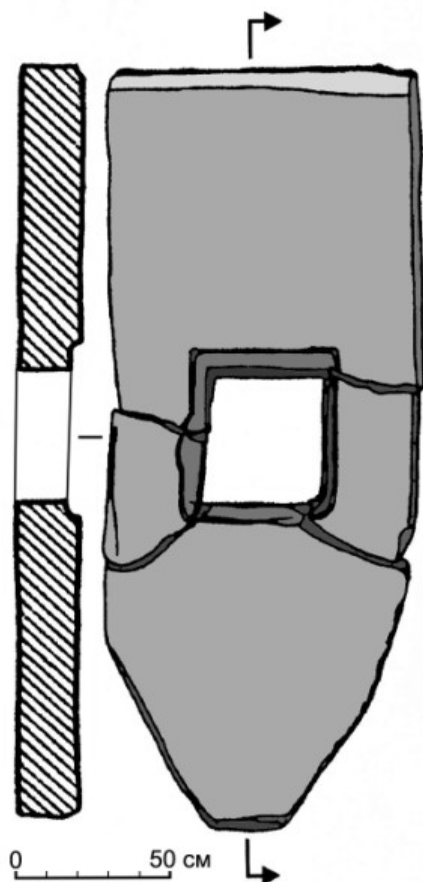

Рис. 4. Фасадная плита многогранного дольмена, могильник Клады, курган 39, погребение 1 (Резепкин, 2012. С. 220, рис. 91, 3 с дополнениями)

Fig. 4. Façade plate of the multisided dolmen, cemetery of Klady, kurgan 39, burial 1 (Резепкин, 2012. С. 220, рис. 91, 3 with additions)

он обнаружил обломки гробницы, аналогичной раскопанной в 1869 г., так как вел работы примерно в 5 км от Новосвободной (бывшая Царская) вниз по Фарсу. На самом деле все указывает на то, что курган 39 и есть тот самый курган, в котором Н. Л. Каменев нашел многогранный дольмен. В пользу этого говорят и остальные особенности этого памятника, исследованного, как оказалось, дважды с перерывом в 120 лет.

Курган 39 представлял собой насыпь диаметром около 50 м и высотой 6–7 м в зависимости от стороны склона речной террасы, на которой он расположен. Наиболее полную информацию о размерах и стратиграфии кургана можно найти в полевом отчете А. Д. Резепкина за 1989 г. (Резепкин, 1990). При раскопках кургана он оставил две контрольные бровки (на опубликованном чертеже показана только одна) (Резепкин, 2012. С. 218,

рис. 89), которые вместе с двумя разрезами в полах позволили ему реконструировать последовательность этапов сооружения кургана. Внешний вид кургана в общих чертах соответствует его описанию Н. Л. Каменевым. Верхняя часть насыпи сложена из речной гальки, а в центре осталась воронка грабительского раскопа диаметром около 16 м. Больших плит по окружности кургана, упомянутых Н. Л. Каменевым, на плане, составленном А. Д. Резепкиным, нет, но вдоль юго-восточной полы кургана напротив двора перед дольменом (погребение 2) есть несколько крупных каменных блоков и валунов.

Как установил А. Д. Резепкин, курган был возведен на слое поселения, и можно предположить, что «...мелкие куски жженого кирпича», на которые Н. Л. Каменев наткнулся в грабительской воронке, на самом деле были фрагментами красноглиняной керамики.

Обломки стен многогранного дольмена лежали на уровне погребенной почвы примерно в 8 м к юго-востоку от края грабительской ямы, то есть расстояние и направление в целом согласуются с описаниями Н. Л. Каменева и Е. Д. Фелицына. Описания скопления обломков ни в отчете, ни в публикации нет, но по полевым чертежам (опубликованы без масштаба) (Резепкин, 2012. С. 220, рис. 91) можно представить, что это были обломки трех плит стен, включая фасадную с квадратным отверстием. Последняя вместе с другой плитой стены лежали на боковых торцах, образуя между собой трапециевидное пространство, заполненное речным булыжником и галькой. Расстояние между плитами составляло 110–190 см. Обломок третьей плиты лежал плашмя между первыми двумя, на 30-см слое гальки. Остается неясным, был ли он покрыт галькой до начала расчистки или нет.

Длина фасадной плиты с отверстием 2,54 м, ширина 1 м, толщина 20 см. Отверстие почти квадратной формы расположено примерно на равном расстоянии от всех сторон плиты (рис. 4). На наружной поверхности плиты высота отверстия 43 см, ширина 40 см. По его периметру идет выемка для примыкания шляпки несохранившейся каменной пробки. Ширина выемки по каждой из сторон 6, 5, 5 и 3 см, глубина 3 см. Отверстие слегка сужается к внутренней стороне плиты, и его высота здесь составляет 42 см, а ширина — 37 см. Расхождения с обмерами Е. Д. Фелицына — «...квадратное отверстие, шириною в 37 см» —

Таблица. Длина сторон многоугольной плиты пола многогранного дольмена
Table. Lengths of the sides of the multiangular floor flagstone of the multisided dolmen

	Сторона, номер фасада										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Длина, см	100	?70	?60	60	65	48	75	65	45	?60	?70

не превышают степень усреднения размеров отверстия в публикации А. Д. Резепкина — «...отверстие прямоугольной формы со стороной 40 см» (Там же. С. 46).

Размеры двух остальных плит в отчете не указаны. Судя по полевому чертежу, длина плиты, лежащей на боковом торце, около 230 см, а толщина примерно 20 см. Узкие торцы обломаны. Длина фрагмента третьей плиты 235 см, ширина около 60 см.

В отчет о раскопках не вошли сведения еще о нескольких плитах и обломках от многогранной гробницы. После завершения раскопок они были подобраны на отвалах кургана и сохранены местным жителем станицы Новосвободная, всего около 20 фрагментов, одна целая плита и одна поврежденная.

Особый интерес представляют полностью сохранившаяся прямоугольная плита стены и поврежденная многоугольная плита, вероятно, пола гробницы. Обе плиты сейчас вмурованы в пол жилой постройки, поэтому осмотреть их удалось только сверху и сбоку (рис. 5, 1–3). Тщательно обработанная пикетажем прямоугольная плита стены длиной 227 см, шириной 57 см и толщиной 17 см (рис. 5, 1). Ширина отдельных фрагментов от других плит стен достигает 60–65 см при толщине около 20 см (рис. 5, 2). Примерно четверть многоугольной плиты утрачена (рис. 5, 3, 4). У сохранившегося фрагмента многоугольника семь сторон длиной от 45 до 75 см (табл.). Размеры еще четырех сторон можно восстановить путем несложных геометрических расчетов. В центре многоугольника расположено круглое углубление с вертикальными стенками и плоским дном. Диаметр углубления 20 см, глубина 4 см. Поперечные размеры многоугольника варьируют от 220 до 225 см. Размеры внутреннего пространства эквивалентны кругу диаметром 210–218 см. Верхняя поверхность и боковые стороны плиты выровнены пикетажем. Нижняя сторона не обработана. Толщина плиты варьирует от 12 до 28 см. Таким образом, размеры многоугольной плиты согласуются

с результатами обмеров «круглой плиты фундамента» Н. Л. Каменева и Е. Д. Фелицына.

В итоге, сведения в документах прошлых лет вместе с современными полевыми наблюдениями позволяют внести ряд принципиальных уточнений в реконструкцию архитектурного облика уникального памятника.

Конструкция и архитектура многогранного дольмена

Ключом к пониманию общей конструкции дольмена является многоугольная плита. Форма указывает на ее использование в качестве пола, а не фундамента дольмена (рис. 6, 1). У плит стен не было фундамента. Они были вкопаны по периметру многоугольной плиты, примыкая к ее 11 прямым сторонам, а не опираясь на нее. Косвенно об этом говорит отсутствие пазов на поверхности плиты, обычных для плит фундамента дольменов. Длина сторон многоугольника соответствует ширине плит стен. Сторона с длиной 100 см для фасадной плиты с отверстием, вероятно, была утрачена вместе с парой смежных сторон. В зависимости от размеров плит, они были вкопаны на разную глубину с тем, чтобы их верхние торцы были выведены на единый уровень.

У фасадной плиты из кургана 39 один из узких торцов приострен и имеет форму почти равностороннего треугольника с усеченной вершиной. А. Д. Резепкин считал этот торец верхом плиты — частью конусовидной крыши (Резепкин, 2012. С. 46). Однако треугольный конец не может служить не только частью крыши, но и частью сплошной стены, не оставляя при этом зазоров со смежными плитами. Н. Л. Каменев и Е. Д. Фелицын однозначно подчеркивают тщательность подгонки плит стен. Скорее всего, треугольная часть является нижней частью фасадной плиты, предназначенной для вкапывания. Высота треугольной части около 64 см. Чтобы добиться плотного примыкания по всей высоте фасадной плиты со смежными плитами, верхний уровень плиты пола должен совпадать по уровню с местом перехода

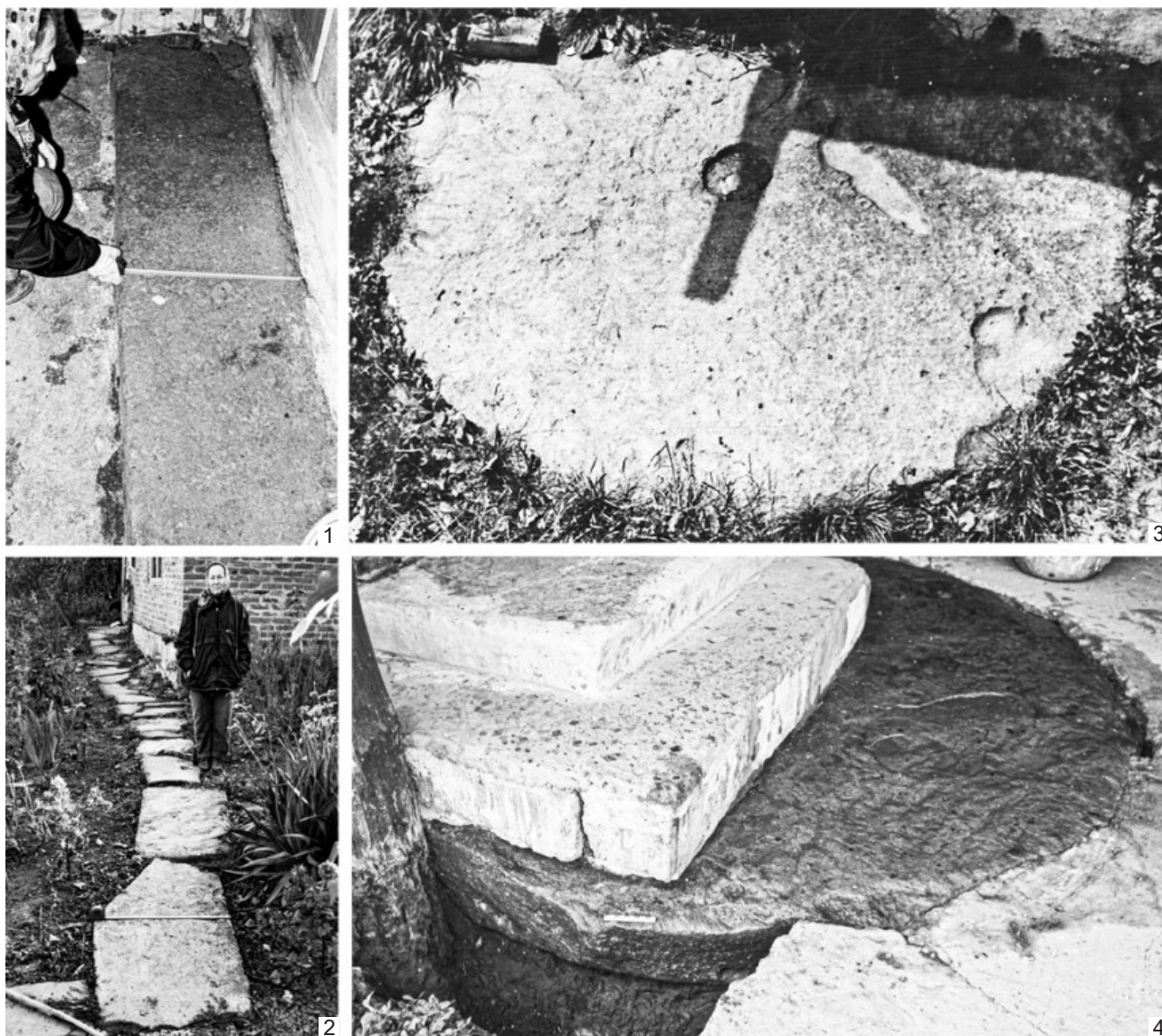

Рис. 5. Плиты стен и пола многогранного дольмена: 1 — плита стены, вмурованная в пол современной постройки в ст. Новосвободная; 2 — фрагменты плит стен дольмена, уложенные в современную вымостку; 3 — многоугольная плита пола с круглой выемкой в центре в основании крыльца современной постройки, не позднее 2016 г. (источник — <https://megalithica.ru/dolmen-r.fars-1.html>); 4 — та же многоугольная плита пола дольмена в перестроенном крыльце, 2018 г.

Fig. 5. Slabs of the walls and floor of the multisided dolmen: 1 — wall slab immured into the floor of a modern building in stanitsa Novosvobodnaya; 2 — fragments of plates of dolmen walls laid in a modern pavement; 3 — multiangular floor flagstone with a round recess in the centre laid into the porch of a modern building not later than in 2016 (after <https://megalithica.ru/dolmen-r.fars-1.html>); 4 — the same multiangular flagstone from the floor of a dolmen, in the rebuilt porch, 2018

вертикальной части плиты в скошенный. Если это было именно так, то высота фасадной плиты от уровня пола должна составлять около 190 см. Это примерно на 13 см меньше высоты стен, зафиксированной Н. Л. Каменевым и Е. Д. Фелицыным, но остается неизвестным, от верха или низа «фундамента» были сделаны эти замеры.

При высоте стен погребальной камеры в 190 см получается, что нижний край отверстия в фасадной плите располагается в 45 см от уровня пола, а верхний — в 102 см от верхнего края плиты. Другими словами, отверстие располагается примерно в нижней трети высоты видимой части фасада, что в целом соответствует обычным

стандартам дольменной архитектуры (Лавров, 1960. С. 104). На рисунке Е. Д. Фелицына отверстие также расположено в нижней части фасада.

Круглое углубление диаметром 20 см и глубиной 4 см в центре многоугольной плиты, вероятно, было местом для установки центрального, скорее всего деревянного, столба для поддержки треугольных блоков крыши (рис. 6, 2). Возможно, это была временная строительная опора на период подгонки и укладки элементов перекрытия.

Можно предположить, что вопреки мнению Н. Л. Каменева, который видел уже разрушенную крышу, она состояла не из восьми, а из 11 треугольных элементов — по числу плит стен, на которые они опирались.

К приезду Е. Д. Фелицына крыши уже не было, треугольных блоков он, вероятно, не видел и их размеров не оставил. На его рисунке угол наклона скатов крыши около 35° , но подтвердить это расчетами невозможно. Неизвестны ни высота треугольных блоков, ни длина свеса крыши. На верхнем торце фасадной плиты с наружной стороны под углом 60° снята фаска шириной около 5 см (рис. 4). Если рисунок точен и фаска предназначалась для плотного прилегания ската крыши, то крыша могла быть значительно выше, чем на рисунке Е. Д. Фелицына.

Меньше всего сведений об «оставшемся не исследованном <...> коридорном ходе» с восточной стороны дольмена (Фелицын, 1904. С. 24). Возможно, частью этого «хода» или двора было галечное заполнение кургана 39, где были найдены плиты многогранной гробницы. Если это так, то по направлению «коридора» можно определить ориентировку фасада дольмена — на юго-восток, что согласуется с косвенными данными Н. Л. Каменева и Е. Д. Фелицына.

Следует отметить, что общую форму дольмена как многогранной призмы технически точно описал Н. Л. Каменев. У Е. Д. Фелицына, а за ним и у Т. Б. Поповой, это цилиндрический многогранник, что неверно (Попова, 1963. С. 16). Б. А. Куфтин описывает сооружение как «башнеобразный многогранный дольмен» (Куфтин, 1949. С. 305), В. И. Марковин использует термины «многогранный» и «многоугольный» как синонимы (Марковин, 1978. С. 134–135).

Надо добавить, что геометрически крыша дольмена была не конусовидной, а пирамидальной. С архитектурной точки зрения такое

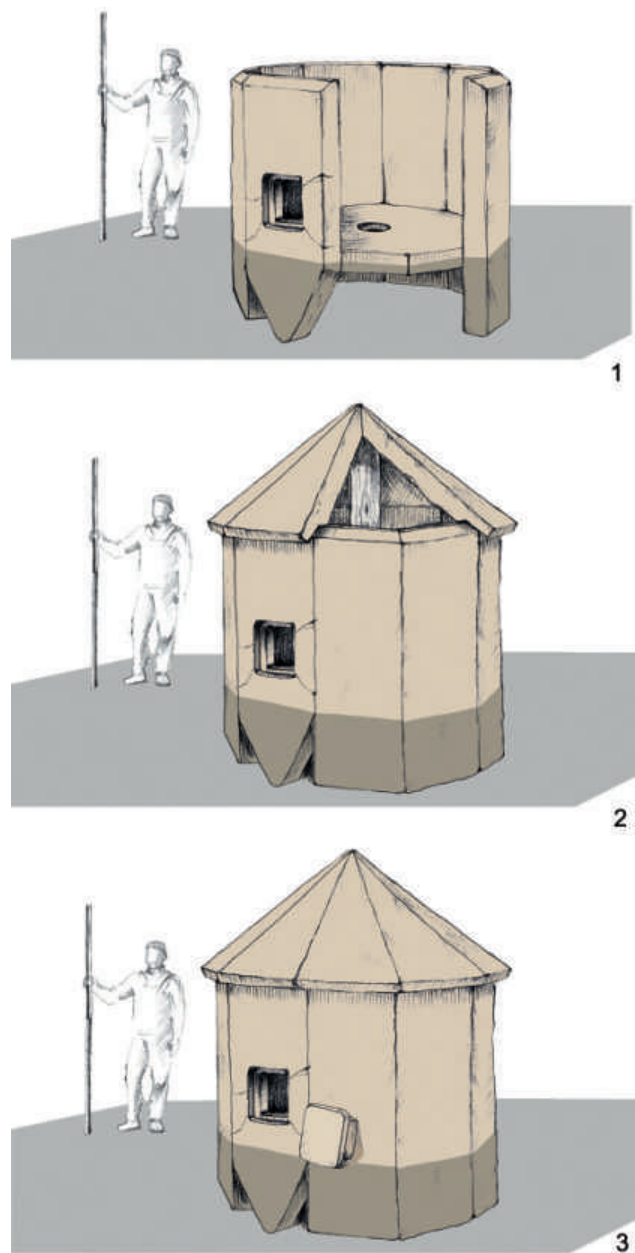

Рис. 6. Реконструкция этапов строительства гробницы, раскопанной в 1869 г. Н. Л. Каменевым в окрестностях станицы Царской (совр. Новосвободная, Клады)

Fig. 6. Reconstruction of the stages of building of the tomb excavated in 1869 by N. L. Kamenev in the surroundings of stanitsa Tsarskaya (now Novosvobodnaya, Klady)

многоскатное перекрытие можно назвать шатровым (Ловпаче, 2009. С. 15). Таким образом, коротко постройку можно описать как шатровый дольмен (рис. 6, 3), а с учетом уникальности дать имя собственное — дольмен Каменева.

Шатровый дольмен на фоне мегалитических гробниц могильника Клады

При общей уникальности архитектуры шатрового дольмена в его конструкции есть ряд элементов, общих с группой ранних дольменов могильника Клады. В первую очередь, это вкапывание плит стен по периметру плиты пола погребальной камеры. Этот строительный прием характерен для всех так называемых двухкамерных гробниц новосвободненского типа (Резепкин, 1988) — по существу, ранних дольменов. Вкапывание плит обеспечивало их устойчивость, но не препятствовало неравномерной осадке стен относительно плиты пола и перекрытия. Для противодействия этим деформациям позднее был изобретен монолитный плитный и ленточный фундаменты в сочетании с контрфорсами.

Почти метровый слой глины в месте предполагаемого расположения многогранного дольмена в кургане 39 (Резепкин, 1990), вероятно, обеспечивал дополнительную прочность и водонепроницаемость всей постройки. Глина поверх перекрытий ранних дольменов зафиксирована и в других курганах могильника Клады (Резепкин, 2012. С. 29, 32, 36).

Квадратное или близкое к нему прямоугольное отверстие в фасадной плите и соответствующей формы каменные пробки у дольменов Северо-Западного Кавказа встречаются исключительно редко. Мне известно о семи таких памятниках, причем три из них — это ранние дольмены под курганными насыпями могильника Клады (Там же. С. 162, 189, 209, рис. 33, 3; 60, 2; 80, 4). Еще два дольмена «классического» облика, но с квадратными отверстиями и без фундамента, с вкопанными плитами стен, расположены в окрестностях станицы Баговская (Кизинка, дольмены 74 и 75) (Марковин, 1997. С. 80–82, рис. 23; 24). Два дольмена с квадратным отверстием расположены на Черноморском побережье — один, ранний, у поселка Шепси (Trifonov et al., 2014), другой, очевидно более поздний, у поселка Пшада (Коаго 1) (см. Мегалитика, Коаго 1).

Аналогов многоскатной крыше дольмена из раскопок Н. Л. Каменева пока неизвестно, но стоит отметить, что у всех трех дольменов с двускатными крышами могильника Клады фасадные плиты были с квадратными отверстиями. На сходство квадратных отверстий и пробок дольменов, раскопанных Н. Л. Каменевым и Н. И. Веселовским, обратил внимание Б. А. Куфтин (Куфтин, 1949. С. 308).

Более того, фасадная часть двускатных крыш опиралась на узкую плиту с симметрично скошенным под скаты верхним торцом, а плоскую крышу дольмена в соседнем кургане 40 поддерживала опорная колонна (Резепкин, 2012. С. 189, рис. 60, 3; С. 227, рис. 98). На этом фоне опорный деревянный (?) столб в центре многогранного дольмена выглядит разновидностью уже опробованного конструктивного приема.

Юго-восточная ориентировка и конструкция коридора, примыкающего к погребальной камере, также входят в число общих признаков, которые шатровый дольмен разделяет с остальными мегалитическими гробницами могильника Клады. Все они построены на уровне древней дневной поверхности, а затем перекрыты земляными насыпями с проходом к дольмену, впоследствии заваленными галькой и речными валунами.

Таким образом, несмотря на уникальность архитектурного облика многогранного дольмена, у него есть ряд общих конструктивных и архитектурных признаков с ранними дольменами могильника Клады. Вместе с тем, мастерское исполнение тщательно продуманного, можно сказать, изощренного архитектурного замысла, даже при несовершенстве конструктивных решений, мало похоже на «едва не развалившийся <...> один из первых опытов строительства дольменов» (Формозов, 1980. С. 319). Скорее, это был период «...первоначального экспериментирования» (Воронов, 1980. С. 322) в среде с запросом на разнообразии форм мегалитов для социальной элиты.

Шатровый дольмен в региональном археологическом контексте

Оригинальность архитектуры шатрового дольмена, с одной стороны, и его конструктивная близость к ранним элитарным мегалитическим гробницам могильника Клады, с другой, косвенно указывают на привилегированность его владельцев. Увереннее судить о статусе и культурной принадлежности погребенных можно было бы по погребальному инвентарю, но он, по мнению Н. Л. Каменева, был вынесен грабителями задолго до его раскопок. «Искателями сокровищ» случайно были оставлены: «... глиняный кувшин, две бронзовые стрелы, каменный шар из кавказской яшмы, величиной с обыкновенное яблоко, и обломок золотого колечка» (Каменев, 1870). Е. Д. Фелицын уточняет: «внутри дольмена по обеим сторонам квадратного отверстия стояли

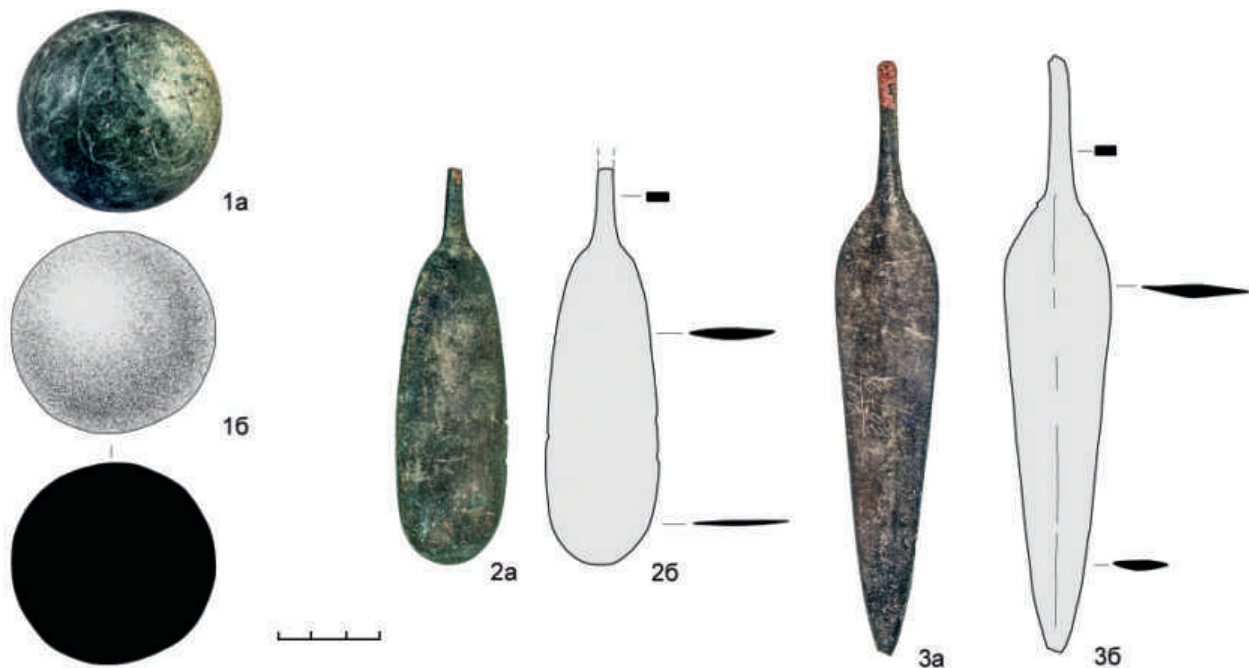

Рис. 7. Предметы из многогранного дольмена: 1а, 1б — шар; 2а, 2б — бритва; 3а, 3б — кинжал (а — фото, б — прорисовка). 1 — камень; 2, 3 — бронза

Fig. 7. Objects from the multisided dolmen: 1а, 1б — ball; 2а, 2б — razor; 3а, 3б — dagger (а — photo, б — redrawing). 1 — stone; 2, 3 — bronze

два глиняных горшочка, разрушившихся от времени, <...> небольшой шар, сделанный из мрамора, два бронзовых кольца и два бронзовых жезла». В другом месте он полностью цитирует список Н. Л. Каменева. Все вещи «...были отправлены в Тифлис в Кавказский музей» (Фелицын, 1904. С. 24, 36). Между списками находок есть расхождение. У Н. Л. Каменева упомянут один сосуд и ни слова о бронзовых кольцах.

В музейном каталоге, составленном П. С. Уваровой, в общем списке находок из раскопок Н. Л. Каменева («Станица Царская. С берегов реки Фарс») значатся два наконечника из меди, бронзовое литое кольцо и мраморный гладко отполированный сероватого цвета шар. Керамика и обломок золотого кольца не упомянуты. В каталоге с номерами нет и бронзового кольца (Уварова, 1902. С. 144–145, № 3057–3059).

Е. Д. Фелицын опубликовал рисунки двух фрагментов керамики с обломанными ручками и двух «бронзовых стрелок» (Фелицын, 1904. С. 34, 36, рис. 18; 22; 23). У В. А. Куфтина приведены фотографии и описание предметов, а также исправлены ошибки, допущенные Е. Д. Фелицыным в идентификации комплексов, раскопан-

ных Н. Л. Каменевым (Куфтин, 1949. С. 301–303, рис. 65, 4–6).

По информации, любезно предоставленной руководителем Центра археологии Музея Грузии им. Симона Джанашиа (бывш. Кавказский музей) Зурабом Махарадзе, сохранилось три предмета из раскопок Н. Л. Каменева.

1. Каменный полированный шар серо-зеленого цвета диаметром 5 см (рис. 7, 1а, 1б).

2. Медная или бронзовая бритва (?) длиной 11,6 см. Тонкое линзовидное в сечении лезвие расширяется к закругленному концу шириной 3,2 см. Черенок сохранился на длину в 2 см, его ширина 0,4 см, в сечении прямоугольный (рис. 7, 2а, 2б).

3. Кинжал с покатыми плечиками и ромбическим в сечении лезвием. Общая длина кинжала 17,5 см, ширина плечиков 3,1 см, длина прямоугольного в сечении черенка 4 см, ширина 0,3 см (рис. 7, 3а, 3б). Следует иметь в виду, что оба бронзовых предмета поступили в музей основательно обработанными «на точильном колесе» (Там же. С. 306–307). Вместе с тем совпадение разного времени описаний и изображений вещей не оставляет сомнений в их аутентичности.

Культурная принадлежность многогранного дольмена яснее всего проявляется в облике найденной в нем керамики, а именно в особом способе крепления ручек «на шпенек» — ясно отмеченном на рисунке Е. Д. Фелицына (*Фелицын*, 1904. С. 36, рис. 21; 22). Подобный прием характерен именно для дольменной керамики с поселениями и из погребений (*Марковин*, 1978. С. 241, 255, рис. 121, 10–13).

Как показал В. И. Марковин, бритва и кинжал из дольмена Каменева по своим формам соответствуют немногочисленным подобным находкам из дольменов Прикубанья и Причерноморья (*Там же*. С. 257, рис. 129, 5–11). Однако у бритвы есть общие признаки с похожими предметами из дольмена в кургане 1 и майкопского погребения у Костромской, раскопанных Н. И. Веселовским (*Куфтин*, 1949. С. 307; *Попова*, 1963. Табл. X, 7).

Такой же диапазон аналогий у каменного шара. Как отметил Б. А. Куфтин, по материалу (нефритоидный грюнштейн) и качеству полировки он ближе всего шарам из дольмена в кургане 2 (раскопки Н. И. Веселовского), но превосходит их в размере примерно на 2 см (*Куфтин*, 1949. С. 308). Шары из новосвободненских погребений, раскопанных А. Д. Резепкиным, тоже небольшие: 3,0–3,5 см в диаметре, а вот в коллекции каменных шаров и шаровидных окаменелостей, уложенных на фасадную «полку» дольмена рядом с многогранным в кургане 39, есть образцы диаметром от 4 до 6 см (*Резепкин*, 2012. С. 47, 323; Цвет. вкл. 5, 3).

Утраченный обломок золотого кольца (музейная кража 1882 г.) можно, вслед за Н. Л. Каменевым и Б. А. Куфтиным, рассматривать как индикатор первоначального богатства погребения в многогранном дольмене, которое было обязательно таким же роскошным, как «царские» гробницы Кладов, тем более это не может являться одним из оснований для их синхронизации (см. *Куфтин*, 1949. С. 303, 308).

Архитектура, строительные приемы и типологический состав инвентаря шатрового дольмена, несомненно, свидетельствуют, с одной стороны, о его принадлежности к началу новой культурной эпохи, положившей конец местному доминированию новосвободненского варианта майкопской культуры, с другой — о «мегалитической» связи этих эпох.

Хронологически эта ситуация зафиксирована в стратиграфии кургана 39. Многогранный дольмен построен на слое новосвободненского посе-

ления и перекрыт насыпью, в которую «врезан» дольмен «классического» облика (*Резепкин*, 2012. С. 47, 218, рис. 89; 90). По результатам радиоуглеродного датирования последний датируется приблизительно серединой III тыс. до н. э.³, из чего можно сделать вывод, что многогранный дольмен был построен в первой половине III тыс. до н. э.

Это значит, что он не может быть синхронным новосвободненским гробницам майкопской культуры, как считали Б. А. Куфтин и вслед за ним В. И. Марковин, и не относится к финалу «...развития линии купольных гробниц на Кавказе» (*Там же*. С. 96–97, 268, рис. 140, I, б). Линии развития псевдокупольных или подковообразных гробниц или дольменов на Кавказе в это время просто не существовало.

В свое время Б. А. Куфтин высказал остроумное предположение относительно общей модели развития дольменов Западного Кавказа. Мегалитические гробницы на Фарсе, раскопанные Н. Л. Каменевым и Н. И. Веселовским, он называл ложными дольменами, построенными в подражание настоящим, но перекрытых насыпями и лишенных возможности многократного использования для погребений. При этом известные в его время «настоящие» дольмены вроде эшерских он однозначно считал более поздними относительно «ложных» на Фарсе. Это навело Б. А. Куфтина на мысль о существовании еще неизвестного «дольменного слоя», синхронного и даже «...более древнего, чем культура ложных дольменов реки Фарса» (*Куфтин*, 1949. С. 310). Эта формулировка заметно отличается от ее неприемлемо упрощенной и поэтому уязвимой для критики версии В. И. Марковина (*Резепкин*, 1977).

В отличие от неразборчивого в аргументах В. И. Марковина (*Формозов*, 1980. С. 318), дальновидный Б. А. Куфтин допустил существование лакун в знаниях о некоторых хронологических периодах и относящихся к ним памятникам. Действительно, со временем на Западном Кавказе были открыты «настоящие» дольмены, перекрытые, как и «ложные», огромными насыпями (*Марковин*, 2011; *Резепкин*, 2012. С. 139, 161–162, 218, 221–222, 225, 227, рис. 10; 32; 33; 89; 92; 93; 96; 98), а также «настоящий», то есть трапецевидный в плане, дольмен, синхронный «ложным» на Фар-

³ Предварительная информация из радиоуглеродной лаборатории в Оксфорде, результаты не опубликованы.

се (Trifonov et al., 2014). Наконец выяснилось, что трапецевидность «настоящих» дольменов является преобладающим признаком, но не правилом, как настойчиво утверждается (Резепкин, 1988; 2010; 2012).

В свете этих открытий гипотеза Б. А. Куфтина, на мой взгляд, продолжает сохранять научную актуальность и перспективность.

Заключение

Главный итог предпринятого исследования — реконструкция архитектуры, конструкции, основных размеров, этапов строительства, археологического, хронологического и культурного контекстов уникального многогранного дольмена с пирамидальной (шатровой) крышей, раскопанного в 1869 г. на Северо-Западном Кавказе у станции Царская (совр. Новосвободная) Николаем Львовичем Каменевым.

Установлено, что этот дольмен и фрагменты разрушенной 11-гранной гробницы в кургане 39 могильника Клады, обнаруженные в 1989 г. А. Д. Резепкиным, являются одним и тем же памятником.

Принципиальное отличие конструкции реальной гробницы от тиражируемых рисунков Е. Д. Фелицына, Б. А. Куфтина и Т. Б. Поповой состоит в устройстве стен и пола гробницы. В отличие от конструкции на рисунках, стены гробницы были вкопаны по периметру 11-гранной плиты пола, а каменные плиты конической крыши поддерживал опорный столб, для установки которого в центре плиты пола была сделана круглая выемка.

Особенности конструкции, стратиграфии и погребального инвентаря позволяют утверждать, что памятник датируется первой половиной III тыс. до н. э. и относится к раннему этапу дольменной культуры, сохранявшему в мегалитической архитектуре общие черты с дольменами новосвободненского типа.

Благодарности. Выражаю благодарность Зурабу Махарадзе за предоставление рисунков и фотографий предметов, хранящихся в Музее Грузии (Тбилиси); Алене Лимановой за помощь в подготовке графической реконструкции многогранного дольмена; Александру Новиченко за помощь в поиске фрагментов многогранного дольмена.

Азаренкова и др., 1986 — Азаренкова А. С., Бондарь И. Ю., Вертышева Н. С. (составители). Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1986. 98 с.

Воронов, 1980 — Воронов Ю. Н. Рецензия на: Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. Москва. Наука. 1978 // СА. 1980. № 3. С. 321–325.

Каменев, 1870 — Каменев Н. Л. Попытки археологических разведок в Кубанской области // Кубанские войсковые ведомости. 02.11.1870. № 47.

Куфтин, 1949 — Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси: Техника да шрома, 1949. Т. I. 361 с.

Лавров, 1960 — Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Тр. Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. 1960. Т. XXXI. С. 101–178.

Ловпаче, 2009 — Ловпаче Н. Г. В поисках истины // Достояние поколений. 2009. № 3 (7). С. 12–15.

Марковин, 1978 — Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.

Марковин, 1997 — Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: ИА РАН, 1997. 404 с.

Марковин, 2011 — Марковин В. И. Курган Псынако — памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2011. 84 с.

Матвеев, 2016 — Матвеев О. В. Из наследия отечественного адыгovedения // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. 2016. № 8 (32). С. 147–154.

Попова, 1963 — Попова Т. Б. Дольмены станции Новосвободной. М.: Советская Россия, 1963 (Тр. ГИМ; Вып. 34). 94 с.

Резепкин, 1977 — Резепкин А. Д. Рецензия на: В. И. Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974 // СА. 1977. № 4. С. 314–318.

Резепкин, 1988 — Резепкин А. Д. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Адыгейский НИИ им. Керашева, 1988. С. 156–163.

Резепкин, 1990 — Резепкин А. Д. Отчет Майкопского отряда Кубанской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР за 1989 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 138. 1990.

Резепкин, 2010 — Резепкин А. Д. К вопросу о классификации дольменов и погребальном обряде

- «дольменной культуры» // Человек и древности: Сб. ст. памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010. С. 412–422.
- Резепкин, 2012 — Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: Нестор-История, 2012. 343 с.
- Уварова, 1902 — Уварова П. С. Museum Saucasicum V. Коллекции Кавказского музея. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе. 1902. 231 с.
- Фелицын, 1904 — Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены // Материалы по археологии Кавказа. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1904. Вып. IX. С. 1–86.
- Формозов, 1980 — Формозов А. А. Рецензия на: Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. Москва. Наука. 1978 // СА. 1980. № 3. С. 317–321.
- Мегалитика, Коаго 1 — [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://megalithica.ru/dolmen-r.koago-1-shirokaya-pshadskaya-shhel.html> (дата обращения: 10.05.2021).
- Trifonov et al., 2014 — Trifonov V. A., Zaytseva G. I., van der Plicht J., Kraineva A. A., Sementsov A. A., Kazarnitsky A., Burova N. D., Rishko S. A. Shepsi, the oldest dolmen with the port-hole slab in the Western Caucasus // Radiocarbon, 2014. Vol. 56, nr. 2. P. 743–752.

The Multi-sided Dolmen with Tent-shaped Roof near Tsarskaya (Novosvobodnaya), 1869, North-Western Caucasus: construction and archaeological context

V. A. Trifonov⁴

The paper presents the reconstruction of the architectural features, construction, basic dimensions, building stages, chronological and cultural contexts of the unique multisided dolmen with a pyramidal roof, excavated by Nikolay Kamenev near Tsarskaya (modern Novosvobodnaya), North-Western Caucasus in 1869. This dolmen and parts of a destroyed 11-sided tomb in kurgan 39 at the burial ground of Klady revealed in about 1989 by A. D. Rezepkin are the same monument. The principal difference between the actual tomb and the published drawings by E. D. Felitsyn, B. A. Kuftin and T. B. Popova is in the structure of the walls and floor of the tomb. The tomb walls were dug into the ground around the 11-sided floor slab, while a pillar supported the stone plates of the pyramid-shaped roof. The circular recess in the centre of the floor flagstone served to secure the wooden pillar. The construction, stratigraphy and funerary offerings indicate that the monument dates to the first half of the 3rd millennium BC and belongs to the early stage of the dolmen culture, sharing standard features with the megalithic architecture of the previous period.

⁴ Viktor Trifonov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Dvortsovaja nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia. e-mail: viktor_trifonov@mail.ru.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Новое о южноаравийском порте Сумхурам (Sumhuram. The Becoming of the Town. Khor Rori Report 4 / Ed. V. Buffa. Roma; Bristol: "L'Erma" di Bretschneider, 2019. 292 p., ill., tabl. [Arabia Antica. 16])¹

Ю. А. Виноградов²

Ключевые слова: Оман, городище Сумхурам, жилищная застройка, монетные находки, стратиграфия, хронология.
Keywords: Oman, ancient settlement site of Sumhuram, residential building, coin finds, stratigraphy, chronology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-447-451

Городище Хор Рори (древний порт Сумхурам), расположенное на территории султаната Оман (провинция Дофар), является очень важным памятником для изучения древних культур Юга Аравии, а также международной торговли в бассейне Индийского океана в период позднего эллинизма и первые века н. э. (Виноградов, 2015. С. 123–124; 2019. С. 195). Эпиграфические материалы однозначно свидетельствуют, что порт был построен по решению царя Хадрамаута и управлялся царским наместником.

В 1952 г. масштабные работы на этом памятнике были предприняты американской экспедицией (Albright, 1982). С 1997 г. здесь ведет планомерные раскопки Итальянская миссия в Омане (ИМТО), которую долгое время возглавляла замечательная исследовательница А. Аванцини (Аванцини, 2003; Avanzini, 2002). Результаты исследований регулярно публикуются в объемных томах *Khor Rori Report*, которых было издано четыре — в 2002, 2008 и 2017 г.; рецензируемый четвертый том, посвященный проблеме возникновения древнего города, вышел в 2019 г.

Сумхурам представляет собой довольно крупное, прекрасно укрепленное поселение (рис. 1), имеющее выходы к западу (в сторону моря) и к северу (на материк). Его внутреннее пространство плотно застроено каменными зданиями самого различного назначения — жилые дома, склады, храм, два так называемых Монументальных здания. Всю эту площадь итальянские археологи разделили на пять участков, обозначенных литерами «А», «В», «G», «F», «H». Каждый из этих участков имеет некоторые отличия от других.

Рецензируемый том состоит из трех частей и трех приложений. Первая часть посвящена изучению жилой застройки поселения на участке «А». Эта публикация подготовлена археологами В. Буффой, Дж. Буоно и К. Карбонара. Квартал, исследованный здесь за несколько лет, состоит из трех домов. Весь комплекс построек, объединенный неширокими улицами, имел площадь около 350 кв. м. Возможно, он принадлежал лицам, занимавшим высокое положение в системе административного управления Сумхурама. Исследователям удалось проследить пять строительных фаз (итальянские археологи используют именно этот термин) в истории этих трех зданий. По всем периодам приведена сводка керамических находок, происходящих из каждого помещения. Столь же подробно и последовательно описаны мелкие находки: изделия из камня, раковин, стекла и металла.

¹ Исследование проведено по программе ФНИ ГАН по теме гос. задания № 0184-2019-0005: «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Рис. 1. Городище Сумхурам. Вид с севера

Fig. 1. Ancient settlement site of Sumhuram. View from the north

Вторая часть публикации посвящена монетным находкам, сделанным во время раскопок 2004–2016 гг. Автором этого раздела является А. В. Седов, один из крупнейших специалистов в области археологии Юга Аравии. Хорошо известен его вклад в изучение нумизматики древнего Хадрамаута (Седов, 1998). Находки бронзовых монет в Сумхураме весьма многочисленны, что, конечно, указывает на торговую функцию поселения. За обозначенный срок отмечено более 700 таких находок. Любопытно, что импортные монеты здесь почти отсутствуют, подавляющее их число принадлежит выпускам Хадрамаута (624 экз.) и Химьяра (68 экз.). Лишь две находки атрибутированы как импортные, относящиеся к чеканке Индии и птолемеевского Египта. В собрании находок имеется также бронзовый предмет, предположительно определенный как заготовка для монеты, что, возможно, свидетельствует о существовании местной сумхурамской чеканки.

Самые ранние монеты Хадрамаута, обнаруженные во время раскопок Сумхурама, принадлежат чеканке различных правителей государства с конца IV по начало I в. до н. э. (р. 155). Самые поздние химьяритские монеты принадлежат к выпускам III–IV вв., и, по мнению А. В. Седова, этот факт свидетельствует, что бывшая хадрамаутская колония на побережье Дофара в это время была инкорпорирована в экономическую систему Химьяритской империи (р. 162).

Третья часть тома, «Стратиграфия, хронология Сумхурама», составлена В. Буффой, которая этой темой специально занимается на протяжении нескольких лет. Ранее было сказано, что в квартале жилой застройки участка «А» было

выделено пять строительных фаз. В. Буффа пришла к заключению, что всю последовательность строительной деятельности на этом участке можно разделить на три периода: ранний (KR I), средний (KR II) и поздний (KR III), при этом к первому из них относятся первая и вторая строительные фазы, ко второму — третья фаза, а к третьему — четвертая и пятая (р. 247). Следуя комплексам керамических находок, последовательность строительной деятельности на участке «А» можно заключить в хронологические рамки от середины I в. до н. э. до конца IV в. н. э.

К первому периоду В. Буффа относит Монументальное здание 1, включенное в северную оборонительную стену (внутри него находился колодец), и некоторые другие постройки. Для культурных напластований этого периода характерно наличие грубой хадрамаутской керамики, стеатитовых кухонных сосудов, а также импортной римской керамики — фрагментов амфор Dressel 2–4 и посуды *terra sigillata*. Все эти материалы, по мнению исследовательницы, позволяют датировать начало первого периода в пределах середины — конца I в. до н. э., а его завершение относить к концу I в. н. э. Здесь сразу следует обратить внимание на одно важное обстоятельство, а именно на то, что эпиграфические находки, по убеждению А. Аванцини, дают значительно более раннюю дату основания Сумхурама — III–II вв. до н. э. (Avanzini, 2008. P. 637), и этот хронологический разрыв пока никак не удается «закрыть» массовым археологическим материалом.

Для второго периода характерны крупные перестройки. Изменения прослеживаются и в составе археологического материала, хотя некоторые типы керамики, типичные для KR I, продолжают существовать и на протяжении KR II. Более показательны для него другие находки: южно-аравийские кубки и кувшины, поливная посуда с зеленым покрытием, кувшины и керамические круглодонные кастрюли индийского производства. Некоторые категории посуды, появившиеся во втором периоде, продолжают существовать в KR III, среди них — посуда из Персидского залива, зеленая поливная посуда, керамика индийского производства, в том числе крышки/светильники. Хронологические рамки KR II определены в пределах конца I — начала III в. н. э.

Третий период характеризуется незначительными перестройками, — к некоторым домам были добавлены новые комнаты и т. п. Затем, однако, наступило время постепенного запустения города и прогрессирующего разрушения зданий.

Рис. 2. Участок «F», на заднем плане храм и оборонительная стена. Вид с востока

Fig. 2. Excavation area «F», in the background there are the temple and the defensive wall. View from the east

Среди керамических находок для этого периода типичны многие разновидности зеленой поливной посуды, некоторые индийские керамические кастрюли, а также южноаравийские кухонные горшки и крупные сосуды, предназначенные для хранения продуктов. Начало третьего периода В. Буффа отнесла к середине — концу III в., а его завершение — к концу IV или началу V в. Исследовательница допускает при этом, что на протяжении V в. в руинах Сумхурама спорадически могла существовать какая-то жизнь, но история порта на этом завершилась.

Охарактеризовав результаты изучения участка «А», В. Буффа обратилась к участку «F», расположенному в западной части городища (рис. 2). Несомненно, это место в структуре города имело большую специфику, поскольку именно здесь располагался храм бога Сина (Сийана), пристроенный к западной оборонительной стене. Бог Син — это бог Хадрамаута (Французов, 2014. С. 144–150). Неудивительно, что именно с этим участком В. Буффа связала пребывание первых хадрамаутцев в Сумхураме.

Помимо всего прочего, на участке «F» было возведено Монументальное здание 2 (МВ2). Оно действительно монументально — размеры достигают 15 × 14 м, толщина стен составляет 3 м, а их сохранность в высоту превышает 7 м. Ни окон, ни дверей это здание не имеет; вполне очевидно, что оно никогда не было жилищем. Внутри него, в южном углу, была вырублена цистерна глубиной 1,5 м. Показательно, что это сооружение стоит изолированно, не нарушая своими стенами ни

Рис. 3. Помещение BF9. Вид с запада

Fig. 3. Room BF9. View from the west

единой древней постройки. Есть основания считать, что Монументальное здание 1 было самым ранним в этой части городища или одним из двух самых ранних, если говорить о всем поселении. Найденные при раскопках фрагменты золотистой поливной посуды позволяют датировать эту грандиозную постройку II (III?) в. до н. э. В. Буффа предполагает, что здание было возведено первыми прибывшими сюда выходцами из Хадрамаута, которые нуждались в башнеобразной постройке, доминирующей над всей прилегающей территорией (р. 257).

С северо-востока к Монументальному зданию 1 прилегает помещение BF9 (рис. 3), в котором имеется необычная изогнутая лестница, и хотя она расположена довольно далеко от монументальной постройки, В. Буффа полагает, что лестница вела именно в него. Такая точка зрения не лишена смысла, поскольку помещение является весьма ранним; по мысли исследовательницы, оно было возведено во II в. до н. э. и просуществовало до конца I в. до н. э.

В. Буффа считает, что ранний этап в истории укрепленного города на этом участке был связан с существованием Монументального здания 1, крепостной стены, пристроенного к нему храма Сина, и пр. Скорей всего, это действительно так, но здесь имеются некоторые существенные нюансы. Раскопки на участке «F», в которых мне довелось участвовать в 2016–2017 гг., показали, что упомянутое выше помещение BF9 пострадало при возведении каменной платформы храма Сина. В частности, была срезана часть лестницы (рис. 4),

Рис. 4. Платформа храма (справа) и лестница помещения BF9 (слева). Вид с севера

Fig. 4. Platform of the temple (right) and the staircase of Room BF9 (left). View from the north

что явно свидетельствует о более позднем времени строительства храма. Не менее показательно, что основание этой платформы здесь было построено не на скале, а на культурном слое разрушения, при этом одна из не полностью разобранных стен помещения уходит под эту конструкцию. Трудно поверить, однако, что городской храм был возведен позднее обычных жилых построек. На мой взгляд, вполне можно допустить, что на этом месте располагался ранний храм Сумхурама, но он «накрыт» более поздней платформой. Соответственно, помещение BF9 и, надо полагать, ранний храм относятся к тому времени, когда вокруг города еще не был построен обвод оборонительных стен и защитой для поселения служили Монументальные здания. Надеюсь, что все эти непростые сюжеты будут освещены в следующем томе *Khor Rori Report*.

В отношении предполагаемого раннего храма можно высказать еще одно предположение. Дело в том, что во время раскопок помещения BF1, расположенного севернее BF9, была обнаружена ранняя стена, которую В. Буффа по каким-то причинам не включила в структуру ранних построек (р. 260, fig. 4). Эта стена, возведенная непосредственно на материковой скале, имеет одинаковую ориентировку с северной стеной BF9. Если предположить, что вместе они ограничивали улицу, ведущую на запад (к раннему храму?), ширина этой улицы составляла 7 м. При таких размерах можно даже считать, что перед храмом находилась площадь. Более поздняя улица, перекрывающая раннюю и ведущая, как я склонен считать, к позднему храму, в ширину намного меньше — 4,5 м.

Помимо трех кратко охарактеризованных частей, рецензируемый том включает три приложения. Первое из них составлено В. Буффой, оно посвящено некоторым типам кухонной керамики, для которой характерна примесь из толченого стеатита. На Юге Аравии сосуды, вырезанные из этого камня, использовались для приготовления пищи уже в древности. Стоит отметить, что они применяются и сейчас для приготовления некоторых традиционных блюд. В древности же появился обычай изготавливать кухонную посуду с использованием большого количества толченого стеатита. Как правило, такие сосуды имеют ручки-упоры на боковых стенках. Они широко представлены в материалах Сумхурама.

Второе приложение, подготовленное тремя авторами — М. М. Липпи, Л. Беллини, Т. Джонелли, — чрезвычайно интересно. В нем приведены результаты палинологического анализа образцов, взятых на площади участка «А». Стоит обратить внимание, что Сумхурам расположен в абсолютно безжизненной местности, хотя Дофар, в целом, весьма плодороден. Лишь небольшая часть образцов оказалась богата пылью, но пищевые растения представлены везде. Прежде всего, здесь имеется пыльца «ячменной группы» и «пшеничной группы». Любопытно, что ни одно из растений, произрастающих в этом районе, не имеет пыльцы с подобной морфологией. Более того, современные дожди, выпадающие в Дофаре, не содержат пыльцы злаковых.

Естественно, в образцах представлена пыльца финиковой пальмы, но она здесь имеется в очень небольших количествах. Объяснение такой ситуации авторы находят в том, что культивировались в основном женские пальмы, не дающие пыльцы. Мужские экземпляры и на современных плантациях немногочисленны. Пыльца кустарников и деревьев, произрастающих на береговой полосе или в горах, имеется во всех образцах, но в небольшом количестве. Вообще же авторы констатируют, что проделанные анализы позволяют предполагать изменение климата в сторону его аридизации начиная с III в. н. э.

В третьем приложении, авторами которого являются С. Полла, А. Шпрингер, С. Вейхе и В. Буффа, приведены результаты GC-MS анализов трех фрагментов яйцевидных сосудов южноаравийского производства. Находки такой посуды вполне обычны для Сумхурама. Для керамики этой группы характерна довольно рыхлая, пористая структура, вызванная большим количеством органических примесей — рубленой соломы и т. д.

Яйцевидные сосуды, как полагают авторы публикации, были предназначены для хранения и/или транспортировки различных продуктов.

GC-MS анализ, как известно, предназначен для идентификации различных веществ в исследуемом образце. В данном случае целью изучения трех фрагментов было не определение примесей в керамическом тесте, а определение продуктов, которые могли храниться в этих сосудах. На первый взгляд, такая задача кажется невыполнимой, поскольку от органических продуктов, которые когда-то туда помещались, уже давно ничего не осталось. Однако это не совсем так, поскольку при разложении этих продуктов на стенках сосудов оставались следы в виде остатков кислот и пр. Результаты анализов двух образцов позволяют считать, что сосуды использовались для хранения молочных продуктов, возможно, козьего молока. С третьим образцом дело обстоит несколько сложнее. Здесь тоже выявлены следы

молока, но имеются также остатки, позволяющие полагать, что в сосуде, которому фрагмент принадлежал, подвергались какой-то обработке фрукты и, весьма вероятно, финики. Признаки, указывающие на ферментацию фруктов, позволяют высказать предположение, что этот сосуд использовался как тара для транспортировки финикового вина. Понятно, что эти керамические формы могли использоваться неоднократно, при этом для различных целей. Также важно, что при анализах зафиксировано вероятное присутствие воска, который, видимо, использовался для покрытия пористых стенок сосудов этого типа.

В целом надо признать, что четвертый том *Khor Rori Report* получился очень содержательным, безусловно имеющим большое значение для изучения южноаравийских древностей. Команда исследователей Сумхурама сделала еще один важный шаг на пути к лучшему пониманию раскопанного ими порта.

Аванцини, 2003 — Аванцини А. Исследования итальянской миссии в Дофаре // ВДИ. 2003. № 1. С. 141–148.

Виноградов, 2015 — Виноградов Ю. А. Два великих пролива Индийского океана в древности: Баб-эль-Мандеб и Ормуз // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015). Археология, история, культура / Под ред. В. П. Никонорова и В. А. Алёкшина. СПб.: Контраст, 2015 (ЗВОРАО. Нов. сер. Т. III [XXVIII]; Тр. ИИМК. Т. XLV). С. 65–145.

Виноградов, 2019 — Виноградов Ю. А. Кана и Сумхурам — два древних порта Южной Аравии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона / Отв. ред.

В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 194–196.

Седов, 1998 — Седов А. В. Монеты древнего Хадрамаута. М.: Российский центр стратегических и международных исследований, 1998. 229 с.

Французов, 2014 — Французов С. А. История Хадрамаута в эпоху древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014. 336 с.

Albright, 1982 — Albright F. P. The American Archaeological Expedition in Dhofar, Oman, 1952–1953. Washington, 1982 (Publications of the American Foundation for the Study of Man. Vol. 6). 131 p.

Avanzini, 2002 — Avanzini A. The history of the Khor Rori area. New perspectives // *Khor Rori Report*. 1 / Ed. A. Avanzini. Pisa: Edizioni plus — Università di Pisa, 2002 (*Arabia Antica*. 1). P. 13–28.

Avanzini, 2008 — Avanzini A. Notes for a History of Sumhuram and a New Inscription of Yushhur'il // *Khor Rori Report*. 2. A port of Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd c. BC — 5th c. AD) / Ed. A. Avanzini. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2008 (*Arabia Antica*; 5). P. 609–641.

New about the South Arabian port of Sumhuram (Sumhuram. The Becoming of the Town. *Khor Rori Report* 4 / Ed. V. Buffa. Roma; Bristol: "L'Erma" di Bretschneider, 2019. 292 p., ill., tabl. [*Arabia Antica*. 16])

Iu. A. Vinogradov³

³ Yurii Vinogradov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Dvortsovaja nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Из истории создания «Древностей Геродотовой Скифии»: сотрудничество ИАК с Ф. К. Бруном в 1860-х гг.¹

И. В. Сапожников, М. Т. Кашуба²

Аннотация. Статья посвящена кратковременному, но успешному сотрудничеству в 1860-х гг. между ИАК и одесским ученым немецкого происхождения Ф. К. Бруном (1804–1880). Эпизод отображен в деле, хранящемся в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН. Ученому поручили написать предисловие к готовящемуся изданию «Древности Геродотовой Скифии». Он подготовил работу по материалам двух поездок по региону; она опубликована в 1872 г. в виде приложения с дополнениями об описании похода Дария против скифов и картой Геродотовой Скифии. Даются отчет Ф. К. Бруна о разведках 1864–1865 гг. по Северному Причерноморью и его предложения 1869 г. к ИАК о расширении поисков на все побережье Черного моря. Приведенные факты раскрывают Ф. К. Бруна как специалиста по исторической географии и археолога.

Annotation. This paper is devoted to the brief but successful collaboration in the 1860s between the Imperial Archaeological Commission (IAC) and the Odessa scholar of German origin F. K. Brun (Philipp Jakob Bruun) (1804–1880). This episode is recorded in a dossier kept at the Manuscript Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. The scientist was commissioned with writing the foreword to the then expected publication of “Antiquities of Herodotus’ Scythia”. He prepared the work basing on materials from two trips across the region: it was published in 1872 in the form of an appendix with supplements about the description of Darius’ campaign against the Scythians and a map of Herodotus’ Scythia. The article publishes a report by F. K. Brun on the surveys of 1864–1865 in the Northern Black Sea region and his propositions of 1869 to IAC concerning the expansion of researches to the entire littoral of the Black Sea. The facts presented show F. K. Brun as an expert on historical geography and an archaeologist.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, середина XIX в., Императорская археологическая комиссия, Ф. К. Брун, историческая топография, «Древности Геродотовой Скифии».

Keywords: Northern Black Sea region, mid-19th century, Imperial Archaeological Commission, F. K. Brun, historical topography, “Antiquities of Herodotus Scythia”.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-452-461

«Ф. Брун <...> был очень ученый и трудолюбивый археолог, насквозь напичканный Геродотом»
(Скальковский, 1906. С. 43)

«Проф. Ф. Брун в исторической географии <...> Черномории был <...> первым специалистом
в свое время, да такого и теперь нет»
(Маркевич, 1890. С. 192)

Основные вехи биографии известного одесского историка XIX в., научная деятельность которого тесно связана с Северным Причерноморьем, Филиппа Карловича Бруна (нем. Philipp

Jakob Bruun; 1804–1880; рис. 1) изложены в некрологах и воспоминаниях современников (А. Б., 1880; Мурзакевич, 1881; Успенский, 1881; В. Р., 1891; Филиппов, 1893). Однако эпизод его

¹ М. Т. Кашуба выполнила свою часть исследования в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² Сапожников И. В. — Институт археологии НАН Украины; e-mail: ssappog5@gmail.com. Кашуба М. Т. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mirra-k@yandex.ru.

сотрудничества с ИАК в 1860-х гг. мало известен и кратко упоминается лишь в некоторых работах (см. *Хмарський, Дзиговський*, 2000. С. 172)³. По непонятным причинам ни один документ по этой теме не отложился в семейном фонде Брунов и других подборках Государственного архива Одесской области (*Брун*, 1832–1892). Сказанное повышает ценность небольшого, но емкого по объему информации дела «Об археологических исследованиях, возложенных ИАК на заслуженного профессора Бруна», хранящегося в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13)⁴.

Суть этого кратковременного, но весьма успешного сотрудничества изложена в издании, вышедшем к 150-летию ИАК: «В апреле 1864 г. заслуженный профессор Ф. К. Брун из Ришельевского лицея в Одессе, по его инициативе, был командирован Комиссией в Бессарабский и Новороссийский края для сравнения современных географических условий с информацией из произведений античных авторов о Геродотовой Скифии. На таковые „проверку и сличение“ ему было выдано 600 руб. В октябре 1865 г. он представил в Комиссию „Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях“ как введение к готовившемуся изданию о скифских древностях⁵» (Императорская, 2009. С. 59).

Правда, сам документ «о желании посетить нынешним летом Новороссийский и Бессарабский край» Ф. К. Бруном (*документ 1*) в деле отсутствует. Возможно, это предложение было

³ Из современных работ отметим статью С. В. Трубочанинова (*Трубочанинов*, 2013), а также приведем малоизвестный факт о том, что 6 марта 1853 г. профессора Ришельевского лицея, статского советника Ф. К. Бруна наградили «Орденом Св. Анны 2-й ст. без украшения за отлично-усердную службу и труды» (Высочайшие определения..., 1853. С. 181), а до этого, в декабре 1848 г., он получил орден Св. Анны 3-й ст. (*Плесская-Зеебольд*, 1999. С. 276).

⁴ Далее при архивных ссылках на материалы Рукописного отдела (РО) Научного архива ИИМК РАН название архива не повторяется. Авторы выражают искреннюю благодарность сотруднице архива Т. А. Ершовой за помощь в работе с документами.

⁵ Здесь — фундаментальное 2-томное издание ИАК «Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях» с атласами (Древности..., 1866; 1872).

высказано неофициально, скорее всего, через производителя дел ИАК В. Г. Тизенгаузена. Так или иначе, председатель ИАК граф С. Г. Строганов 7 апреля 1864 г. обратился к Ф. К. Бруну с упомянутым предложением, которое было дополнено просьбой «обратить внимание на топографию курганов в тех местностях, которые Вы предполагаете посетить при ваших разъездах, и на собиране сведений о местных древностях, которые Вам могут встретиться на вашем пути». Кроме того, С. Г. Строганов сообщил о посылке ему 600 руб. серебром на издержки, а также о том, что обратился к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору П. Е. Коцебу выдать Ф. К. Бруну для «разъездов казенную подорожную и Открытый лист» (*документ 1*). Действительно, уже 19 апреля 1864 г. ИАК отравило соответствующее отношение в Одессу (*документ 2*).

Через месяц Ф. К. Брун подтвердил в письме к С. Г. Строганову получение названной суммы и вкратце изложил программу разведок, рассчитанных на «два полевых сезона». Так, в 1864 г. он намеревался «отправиться в Екатеринославскую губернию для тщательного исследования местности, в которой разрыты были в последнее время могильные курганы, равно как и тех курганов, которые в большом числе встречаются на противоположной стороне Днепра, в надежде, что мне удастся посодействовать к окончательному решению вопроса, на какой именно стороне реки следует поместить таинственную область Геррос». После этого он предполагал посетить устье Дона и Крым, причем не только с точки зрения проверки сообщений Геродота, но и в отношении генуэзских поселений, которые называл «итальянскими». В следующем 1865 г. Ф. К. Брун планировал «объехать Херсонскую губернию и Бессарабскую область, а также, если представится возможность, Соединенные Княжества⁶ для сличения с местностью показаний Геродота о западной части Скифии между Бугом и Дунаем. О результатах путешествия я в свое время не оставлю представить Вашему Сиятельству отчет» (*документ 3*).

Следующий документ — незаглавленное письмо Ф. К. Бруна к графу С. Г. Строганову

⁶ Речь идет о так называемых Дунайских княжествах, а точнее об «Объединенном княжестве Валахии и Молдавии», существовавшем под протекторатом Оттоманской империи в 1859–1881 гг.

Рис. 1. Филипп Карлович Брун (Philipp Jakob Bruun); 1804–1880 гг.

Fig. 1. Filipp Karlovich Brun (Philipp Jakob Bruun); 1804–1880

от 19 октября 1865 г., которое по своей сути является кратким отчетом о поездках 1864 и 1865 гг. Он сообщил, что побывал во всех запланированных местах, кроме Бессарабии, которую ранее «имел случай объехать вдоль и поперек», и Объединенного княжества, «так как Геродот почти ничего не говорит об этой части Скифии», и из-за появления холеры в Галаце и других портах Дуная. В письме сообщалось, что рукопись труда «Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с ней землях» была отправлена в ИАК отдельным почтовым отправлением за счет Новороссийского университета (документ 4).

В ответ С. Г. Строганов отправил Ф. К. Бруну письмо, в котором выразил «искреннюю благодарность за этот интересный и тщательный труд, который, без сомнения послужит к ближайшему разъяснению этого запутанного и спорного вопроса» (документ 5). Примечательно, что этот

документ использовал автор одного из некрологов Ф. К. Бруна, но данная фраза приведена им в несколько искаженном виде (ср.: А. Б., 1880. С. 109).

Последний документ дела, датированный 1869 г., является наиболее интересным. Речь идет о предложении Ф. К. Бруна расширить круг поисков, аналогичных разведкам 1864–1865 гг., на все побережье Чёрного моря, сосредоточив внимание в первую очередь на его восточной части, а затем и на западной (документ 6). По-видимому, ИАК не заинтересовалась данным предложением, но в июне 1874 г. Ф. К. Брун все-таки совершил такое путешествие на Кавказ для исследования восточного берега Чёрного моря от Анапы до Сухума по поручению (и надо думать за счет) Императорского Одесского общества истории и древностей (А. Б., 1880. С. 111; см. также: Успенский, 1881. Список работ. Поз. 65–66 и др.).

Как видим, занимаясь подготовкой фундаментальных томов «Древностей Геродотовой Скифии», ИАК активно задействовала исследователей на местах, известных своими работами в этой области. Основные научные результаты сотрудничества ИАК с Ф. К. Бруном выразились в создании труда «Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с ней землях», впервые увидевшего свет не в первом, а во втором томе «Древностей...», и не в качестве предисловия, как планировалось ранее, а как приложение (Брун, 1872б). Кроме того, приложение сопровождалось отдельным дополнением о походе Дария на скифов (Брун, 1872в)⁷, написание которого ранее не оговаривалось. Вероятнее всего, в ИАК поступила «не совсем та работа», которая была заказана ученому. Ф. К. Брун, как и обещал, посетил правый берег Днепра, где была раскопана большая часть скифских курганов, материалы которых были опубликованы в «Древностях...». Однако курганы его не заинтересовали — он практически не дал анализа их топографии, а материалы некоторых из них (Александропольского и Чертомлыкского) и вовсе описал по «Отчетам ИАК». Важно подчеркнуть, что признав эти курганы царскими, Ф. К. Брун разместил область Геррос Геродота не на правом, а на левом берегу

⁷ Повторно «Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с ней землях» вышел во втором томе сборника работ Ф. К. Бруна по исторической географии «Черноморье» уже после его смерти (Брун, 1880а; 1880б).

Днепра (Брун, 1872б. С. LXXII–LXXV), что вступило в прямое противоречие с мнением других исследователей, например Н. И. Надеждина (Надеждин, 1844. С. 84 и др.)⁸, к которому склонялись и авторы раскопок.

Не исключено, что из-за своего неожиданного полемического характера «Опыт...» Ф. К. Бруна был помещен в качестве приложения во второй том «Древностей...». Собственно, ученый и сам писал, что «далека от меня мысль, что эта статья в настоящем виде своем, то есть без изменений и поправок со стороны Археологической Комиссии может послужить введением...» (документ 4). Однако полученные Ф. К. Бруном результаты были по достоинству оценены. В ходе подготовки «Древностей...» к печати были инициированы и добавлены во второй том две важные работы ученого «О попытках объяснить Геродотовы известия относительно похода Дария Гистаспа против скифов» (Брун, 1872в) и «Карта Геродотовой Скифии и смежных с нею земель» (Брун, 1872б), последняя была составлена Ф. К. Бруном уже в 1869 г. (рис. 2). Стоит отметить, что эти важные статьи ученого были органично присовокуплены к изданию курганных древностей Скифии, которое до сих пор считается классическим.

Как показано выше, время активного сотрудничества Ф. К. Бруна с ИАК приходится в основном на период с 1864 по 1869 г., который в жизни ученого был сложным. Еще в 1854 г., будучи профессором и заведующим кафедрой всеобщей истории и статистики Ришельевского лицея, он подал в отставку по выслуге 25 лет и получил пенсию 857 руб. в год. Вскоре он продал дом, и целый год искал лучшей жизни в Кишинёве, но вынужден был вернуться в Одессу, где около 10 лет работал в разных средних учебных заведениях и давал частные уроки. Ситуация изменилась только в 1866 г., когда после реорганизации Ришельевского лицея в Новороссийский университет его приняли на должность и. о. доцента кафедры всеобщей истории. Там в 1868 г. он получил степень доктора, а в феврале 1869 г. — должность экстраординарного профессора; среди

его лекций значился особый курс истории народов, обитавших на юге России до славян (Брун, 1879. С. I; А. Б., 1880. С. 109; Успенский, 1881. С. 285–288; Трубочанінов, 2013. С. 349). Нетрудно заметить, что именно плодотворное сотрудничество с ИАК могло послужить своеобразным катализатором признания научных заслуг Ф. К. Бруна, что выразилось в обретении им стабильной работы, уважения коллег и относительного благосостояния.

При рассмотрении деятельности Ф. К. Бруна его современники подчеркивали поразительную разносторонность его научно-исследовательских трудов и публикаций. Так, Ф. И. Успенский написал, что «находки играют весьма важную роль в жизни обществ и отдельных личностей <...> и иногда дают направление целым поколениям» — именно такой находкой для Одесского общества истории и древностей и лично для Ф. К. Бруна стала открытая в 1846 г. у с. Коротное тирская плита с надписью 201 г. от Р. X. (Успенский, 1881. С. 285). Это заключение отчасти основано на словах самого ученого, который за два года до этого сообщил: «Только с пятидесятих годов (по случаю находки важной греко-латинской надписи в селе Коротном) стал я более прежнего заниматься изучением исторической географии» (Брун, 1879. С. I).

Исследователи в наши дни называют Ф. К. Бруна «историком, историко-географом, археологом и археографом» и отмечают, что «археологические исследования Ф. К. Брун начал с изучения старины античной Тире» (Хмарський, Дзиговський, 2000. С. 172–173). На самом деле Ф. К. Брун, судя по явно неполному перечню, опубликовал не менее 80 книг и статей, причем некоторые издавались по несколько раз (Успенский, 1881; Маркевич, 1890). Среди них имеются работы, по которым его можно также назвать специалистом по статистике и политической экономии, картоведом, востоковедом, тюркологом, филологом, переводчиком и т. д. Что касается археологии, то статья «О местоположении Тираса» посвящена поездке Ф. К. Бруна в 1851 или 1852 г. на место находки упомянутой плиты в с. Коротное на берегу р. Турчунук и вывозу ее пьедестала в Одессу (Брун, 1853). Однако к археологии собственно Тире ученый не имел прямого отношения, тем более что он располагал на месте Тире античную Офиусу (рис. 2).

Собственно археологических работ ученого немного, и две из них касаются Ольвии. Первая

⁸ Кстати сказать, есть все основания полагать, что именно работа этого автора «Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями», вышедшая в Одессе в 1844 г., послужила Ф. К. Бруну толчком, а ее содержание стимулом для написания труда, о котором идет речь.

Рис. 2. Карта Геродотовой Скифии и смежных с ней земель, 1869 г. (Брун, 18726)

Fig. 2. Map of Herodotus' Scythia and adjacent lands, 1869 (Брун, 18726)

является отчетом о поездке к устьям Буга и Днепра 1862 г. по поручению Одесского общества истории и древностей. В ходе нее Ф. К. Брун осмотрел и описал состояние руин Ольвии (подчеркнув, что это далеко не первая поездка туда), а также посетил ближние окрестности: городища у устья Аджигольской балки, Семеновского рога, Станислава и место шведского лагеря на Русской косе. В ходе этих работ им были получены две керамические трубы для музея общества, а также целая серия амфорных клейм для определения в Одессе, которые были опубликованы (Брун, 1863). Вторая статья посвящена поездке Ф. К. Бруна вместе с генералом Н. А. Аркасом в Ольвию в июле 1870 г., также организованной Обществом по просьбе Херсонского губернатора С. И. Стырынкевича в связи с тем, что в с. Парутино было случайно открыто древнее здание. В данном случае речь шла о довольно обширных шурфовках античного водопровода в нескольких местах Нижнего города (Аркас, Брун, 1872). Обе статьи сопровождаются иллюстрациями: копией «Плана Кеппена Ольвии» 1821 г. и двумя планами А. П. Чиркова соседних местностей (Сапожников, 2021).

Своими «Опытом...» и «Картой...» Ф. К. Брун, «насквозь напищенный Геродотом» (Скальковский, 1906. С. 43), несомненно, оставил заметный след в изучении древнего Северного Причерноморья.

Несмотря на то что часть содержавшихся в «Опыте...» Ф. К. Бруна интерпретаций и предположений сейчас пересмотрена или выглядит даже наивной, труд этот по-прежнему сохраняет свою высокую научную ценность. По сути, он представляет собой своеобразную энциклопедию Геродотовой Скифии, содержащую в себе богатейшую историографию, а также массу фактических сведений о географии и топографии всего юга Восточной Европы, основанных как на личных наблюдениях его автора, так и почерпнутых из малодоступных и забытых источников. Говоря о нем, надо иметь в виду, что перед нами изложение взглядов географа, прекрасно знавшего историю, статистику и другие науки⁹. В свое время академик Петербургской Академии наук и директор Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский высказался, что «разобраться в наследстве, оставленном покойным Бруном, — задача, обязательная для тех, кому досталось это наследство» (Успенский, 1881. С. 295), а значит и для археологов нашего времени.

⁹ Во время учебы в Дерптском (Тартуском) университете Ф. К. Брун обучался на юридическом и (или) философском факультете, но основные знания получил от преподавателей кафедры всемирной истории, статистики и географии (Трубочанинов, 2013. С. 347–348).

Документ 1

Письмо графа С. Г. Строганова Ф. К. Бруну

Санкт-Петербург, 7 апреля 1864 г. Исх. № 118.

Отпуск на бланке.

Милостивый государь Филипп Карлович.

Обратив с самого начала своего учреждения, внимание на исследование скифских древностей, Археологическая комиссия с особенным удовольствием известилась о желании посетить нынешним летом Новороссийский и Бессарабский край для проверки и сличения на месте топографических показаний Геродота о Скифии, и потому сочла долгом, по мере средств своих, содействовать Вам в исполнении вашего предприятия.

С этой целью я вместе с сим отнесся к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору с просьбой выдать Вам для ваших разъездов казенную подорожную и Открытый лист, а на покрытие издержек по вашей поездке имею честь препроводить /1об./ к Вам шестьсот рублей серебром.

Позволяю себе надеяться, что Вы не откажитесь, по окончательной разработке результатов задуманных вами изысканий, представить труд ваш в распоряжение Археологической комиссии для помещения его во введение к приготовленному ею изданию Скифских древностей, открытых при археологическом исследовании некоторых могильных курганов в Екатеринославской губернии.

Нисколько не желая стеснять Вас какой-либо заранее составленной программой, я считаю только необходимым просить Вас, буде Вы признаете возможным, к предположенному Вами разъяснению известий Геродота о Скифии в географическом и топографическом отношениях, присоединить также критический разбор или свод прежних толкований Геродотовой Скифии. Кроме того, Вы, конечно, не приминете обратить внимание на топографию курганов в тех местностях, которые Вы предполагаете посетить при ваших разъездах, и на собиране сведений о местных древностях, которые Вам могут встретиться на вашем пути.

О получении препровождаемых 600 рублей прошу меня уведомить.

Примите, Милостивый государь, уверение в совершеннейшем моем почтении и преданности.

/Подл. под./: граф Строганов.

Верно: производитель дел В. Тизенгаузен [подпись, собственноруч.]

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–1об.)

Документ 2

Отношение ИАК к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору [генералу П. Е. Коцебу]

Санкт-Петербург, 19 апреля 1864 г. Исх. № 116.

Отпуск на бланке.

Проживающий в Одессе, заслуженный профессор Ришельевского лицея Ф. К. Брун изъявил готовность, по поручению Археологической комиссии, совершить нынешним летом поездку по Новороссийскому и Бессарабскому краю для проверки и сличения на месте географических показаний Геродота о древней Скифии.

Признав полезным воспользоваться этим предложением и снабдив г. Бруна необходимейшими для этого денежными средствами, я вместе с тем считаю долгом обратиться к Вашему Высокопревосходительству с просьбою о выдаче ему на предстоящие разъезды Открытого листа и подорожной по казенной надобности и об оказании ему местными начальствами всякого законного содействия в успешном исполнении возложенного на него поручения.

/Подл. подписи/: Председатель [ИАК], граф Строганов [подпись, собственноруч.]

За Производителя дел [подпись, собственноруч.]

Верно: за производителя дел В. Тизенгаузен [подпись, собственноруч.]

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 2)

Документ 3

Письмо Ф. К. Бруна графу С. Г. Строганову

Одесса, 19 мая 1864 г. Оригинал. Вход № и др. пометы отсутствуют.

Ваше Сиятельство, милостивый государь Сергей Григорьевич!

Честь имею донести Вашему Сиятельству, что я получил почтеннейшее предложение Ваше от 7 числа текущего месяца с вложением шестисот рублей, препровожденных мне Императорской археологической комиссией для покрытия издержек по предполагаемому мною путешествию по Новороссийскому краю и Бессарабии.

Примите изъявление искренней моей благодарности за столь значительное, ничем мною еще не заслуженное пособие и будьте уверены, что я употреблю все возможные усилия к оправданию оказанного мне Вашим Сиятельством покровительства.

Во исполнение поручения Вашего Сиятельства, я прежде /Зоб./ всего намерен отправиться в Екатеринославскую губернию для тщательного исследования местности, в которой разрыты были в

последнее время могильные курганы, равно как и тех курганов, которые в большом числе встречаются на противоположной стороне Днепра, в надежде, что мне удастся посодействовать к окончательному решению вопроса, на какой именно стороне реки следует поместить таинственную область Геррос.

На дальнейшем пути к устью Дона и в Крым, я не оставлю обратить внимание в особенности на сличение различных местностей с показаниями Геродота. Вместе с тем я постоянно не упущу из вида всякого рода памятники вообще как древности, так и средних веков, для помещения результатов своих исследований в труд мною уже начатый о поселениях итальянских в «Газарии», в который впрочем войдут разные топографические и географические вопросы, относящиеся к времени, более или менее предшествующему водворению итальянцев в нашем крае. /4/

По возвращении моему в Одессу я займусь приведением в порядок этого рассуждения, с тем, чтобы в состоянии представить его на обсуждение Вашего Сиятельства как можно скорее.

Затем уже, но вероятно не раньше следующей весны, я предполагаю объехать губернию Херсонскую и Бессарабскую область, а также, если представится возможность, Соединенные Княжества для сличения с местностью показаний Геродота о западной части Скифии между Бугом и Дунаем. О результатах путешествия я в свое время не оставлю представить Вашему Сиятельству отчет.

Что же касается всеобъемлющего разъяснения Геродотовой Скифии в географическом и топографическом отношениях, с присовокуплением критического разбора или свода прежних толкователей, каковое разъяснение соответствовало бы справедливым требованиям Вашего Сиятельства, то я считаю долгом своим сознаться в недостаточности сил своих, чтобы осмелиться взять на себя решение столь трудной задачи, даже и /4об./ в таком случае, если бы превозмог препятствия, сопряженные здесь с собиранием необходимых материалов для составления подобного труда.

Честь имею быть с истинным почтением и глубочайшей преданностью Вашего Сиятельства покорнейший слуга, Филипп Брун.

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 3–4об.)

Документ 4

Письмо [отчет о поездках 1864–1866 гг.] Ф. К. Бруна графу С. Г. Строганову

Одесса, 19 октября 1865 г. Получено 29 октября. Вход. № 158. Оригинал.

Ваше Сиятельство!

С сегодняшней почтой я имел честь отправить к Вашему Сиятельству, при посредничестве Новороссийского университета под № 421 пакет, содержащий рукописную статью мою под названием «Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с ней землях».

Далека от меня мысль, что эта статья в настоящем виде своем, то есть без изменений и поправок со стороны Археологической Комиссии может послужить «введением к приготовленному ею изданию Скифских древностей».

Зато я льщу себя надеждою, что мне удалось более или менее двинуть вперед и даже, может быть, окончательно решить разные географические вопросы, над /5об./ которыми тщетно трудились толкователи Геродота — и что, по сему самому труд мой Вашим Сиятельством будет признан не совершенно лишним для науки.

Если бы эта моя надежда оправдалась, то я своей удачей преимущественно был бы обязан Вашему Сиятельству, поелику я без денег, посланных мне Археологической комиссией, не мог бы тронуться с места и тем лишился бы единственного преимущества, которым я пользовался пред большей частью исследователей, бравшимися, без предварительного знакомства с местностями, сличить с ними указания Геродота о Скифии.

Что же касается результатов моего путешествия, не вошедших в представляемый мною ныне на обсуждения Вашего Сиятельства опыт, то они собраны в статью, которая теперь печатается в «Мемуарах Санкт-Петербургской АН» под названием: «Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie»¹⁰. Поэтому я считаю долгом своим обратить /6/ благосклонное внимание Вашего Сиятельства на эту статью.

Неуместным было бы также, если бы я здесь хотел распространяться о подробностях лично меня касающихся во время моих странствований по новороссийским степям в течение лета прошлого и настоящего годов.

Позволяю себе только указать вкратце порядок или объем этих странствований:

В первых числах июня 1864 года я отправился из Одессы к берегам Днестра для осмотра местности, где была найдена назад лет двадцать, весьма замечательная греко-латинская надпись (см. pag. 38). Возвратившись оттуда в Одессу, я около половины того же месяца отправился через Херсон и Никополь в

¹⁰ Данный труд был опубликован трижды (Bruun, 1866; Брун, 1871; 1872а).

Екатеринославский уезд, чтобы познакомиться с расположением тамошних курганов. Из Екатеринослава я затем отправился к Днепровским порогам, а оттуда, после посещения прекрасного острова св. Григория через /боб./ Александровск в Бердянск, Таганрог и Новый Черкасск. На обратном пути я из Бердянска поехал морем в Керчь, а оттуда — сухим путем в Феодосию и далее берегом до Ялты. Из Ялты я делал разные экскурсии к важным в историческом отношении пунктам: Херсонис, Инкерман, Мангуп, Бакчисерай и др.

В настоящем году я для пополнения прежде собранных сведений, также в начале июня месяца, отправился прежде всего снова в Херсон, оттуда через Алешки к Каланчаку и вверх по его долине обратно к Днепру. Затем я, после посещения развалин Ольвии поехал через Николаев вверх по Бугу в Вознесенск и оттуда, мимо порогов, в Богополь и вверх по Кодымской долине в Балту, откуда возвратился прямо в Одессу, так как я уже в прежние годы имел случай объехать Бессарабию вдоль и поперек. Сначала я намеревался из Одессы отправиться морем в Княжества, но решил отложить это путешествие до будущего, так как Геродот почти ничего не говорит об этой части Скифии, да и притом /7/ карантин, устроенные по случаю появившейся у нас холеры, в Галаце и других Дунайских портах, отнимали бы у меня время, которым я хотел пользоваться для приведения в порядок и для написания настоящей статьи.

Впрочем, я до этого решил еще раз посетить Крым, чтобы точнее познакомиться с той местностью, где, по моим соображениям, должен был находиться древний город Киркинитис, составляющий краеугольный камень моей системы.

Честь имею быть с глубочайшим почтением и с душевной преданностью Вашего Сиятельства почтеннейшим слугою

Ф. Брун.

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 5–7)

Документ 5

Письмо графа С. Г. Строганова Ф. К. Бруну

Санкт-Петербург, 9 ноября 1865 г. Исход. № 319. Отпуск на бланке.

Милостивый государь Филипп Карлович.

Имея честь уведомить о получении рукописи Вашей «Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с ней землях», считаю долгом принести Вам искреннюю благодарность за этот интересный и тщательный труд, который, без сомнения, послужит к ближайшему разъяснению этого запутанного и спорного вопроса.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: Граф Строганов.

Верно: И.[сполняющий] д.[олжность] производителя дел В. Тизенгаузен.

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 8)

Документ 6

Предложение Ф. К. Бруна ИАК [без заглавия]

Одесса [?], ноябрь 1867 г. Оригинал

Известно, что в древности все берега Черного моря были усеяны греческими поселениями, из коих многие, благодаря счастливому положению своему и деятельной торговле, чрезвычайно процветали. Хотя с наступлением средних веков большая часть этих городов превращена была в кучи развалин; но зато некоторые продолжали существовать и даже еще больше возрастали, потому что в них сосредоточились торговые обороты прочих, между тем, как Черное море с Азовским не лишились прежней важности своей для рыбной ловли для византийцев, хотя они, по основанию Русского государства, на этом поприще принуждены были состязаться с нашими предками. Когда же, в период крестовых походов итальянцы проложили себе новые пути через Черное море в богатые земли Средней и Южной Азии, то уже новые поселения повсюду возникали в соседстве или на развалинах славных некогда поселений мегарийских или милезийских. Так, на северном берегу, вместо Тираса, Ольвии, Киркинитиса, Херсона, Феодосии, Пантикапеона и Танаиса, являются итальянские конторы в Монкастро, Каламите, Чембало, Солдае, Каффе, Воспро и Тане.

Местоположение всех этих контор, как древних, так и средневековых, определено теперь с точностью, без сомнения преимущественно с помощью следов их, более или менее осязательных, которые сохранились на поверхности земли или были открыты в недрах ее. Вместе с тем стало возможным сличить с действительностью /9об./ смежные с ними береговые пункты, отмеченные как в древних периплахах, так и в компасных картах XIV–XV веков. Таким образом можно было приступить к пополнению скудных известий, переданных нам о Южной России и народов по очереди в ней обитавших греческими, римскими, восточными, западно-европейскими и нашими писателями, как я старался это сделать в разных статьях, помещенных в «Мемуарах» С.-П. Академии наук и в других периодических изданиях.

Но, при всей важности Северного берега Черного моря в древности и в средних веках, ему в торговом отношении не уступали прочие берега, именно

Восточный, которые еще во времена героические был посещаем эллинами, и где потом ими были основаны Фазис и Диоскурий, которые не только неминуемо процветали в древности, но продолжали существовать в средних веках или по крайней мере заменены были другими торговыми городами, возникшими в их окрестностях, как то Севастополь, Поти, Мат[риг]а и др.

К сожалению, ученые до сих пор не сходятся в мнениях касательно местности, где именно находились упомянутые милезийские колонии, хотя должно полагать, что следы их также сохранились, подобно следам Ольвии и Пантикапеона.

Поэтому было бы весьма полезно предпринять путешествие вдоль по восточному берегу для описания каких-нибудь признаков для определения местностей, где именно должны быть в /10/ последствии производимы раскопки, которые, вероятно, повели бы к открытию надгробных и других памятников древности или средних веков. Сличивши затем с местностями подобных находок показания древних авторов о местоположении Фазиса и Диоскурии уже не трудно будет: 1) согласовать между собою противоположные в сем отношении мнения позднейших исследователей; 2) определить точнее, каким именно береговым пунктам должны быть применяемы другие имена, отмеченные между первыми в древних периплах и в средневековых картах; 3) добиться таким образом значения этих имен для решения этим способом разных вопросов до истории и этнографии прибрежного края касающихся.

Сказанное мною здесь о Восточном берегу относится также к Западному, по крайней мере к той части его, которая заключается между Дунаем и Варной. И здесь находился в древности целый ряд эллинских колоний, а именно: Истрос, Томи, Каллатис, Дионизиполь и Одиссос, в коего соседстве находилась затем главная генуэзская колония в Кострице.

По найденным в последние годы надписям можно сказать утвердительно, что место ссылки Овидия, то есть город Томи, продолжавший существовать после падения империи, находился в нынешней

деревне Анадоли, в двух верстах от города Кюстенджи или Констанцианы византийцев. Зато местонахождение прочих доныне не определено, хотя точные измерения взаимных их расстояний у Страбона, Арриана и Безименного указывают нам на местности, где именно /10об./ должно отыскать их следы, например Каллатиса и Истороса, находившихся первый к югу, а другой в одинаковом от него расстоянии по авторам периплов, то есть в 300 стадиях, вместо коих Страбон, впрочем, считает только 250 на расстоянии между Томи и Истросом, отстоявшим притом в 500 стадиях от южного устья Дуная, по единогласному свидетельству древних авторов.

Но это указание не может нам послужить для точного определения местности, где находился город Истрос, так как с тех пор без всякого сомнения дельта Дуная значительно двинулась вперед и претерпела вообще изменения в виде своем. Напротив того, отыскавши предварительно следы города в 300 или 250 стадиях от Кюстенджи, можно будет лучше судить об изменениях, совершившихся в течении и в устьях реки, подобно тому как открытие местоположения Танаиса послужило геологам для определения изменений, случившихся в дельте Дона.

Отправляясь на пароходе с восточного берега на западный, исследователю представилась бы возможность посетить разные пункты Южного берега, которые в древности и в средних веках также отличались обширной торговлей и где сохранилось поныне более или менее памятников прежнего их величия, как-то Трапезунт, Самсун, Амисос и Амасера, древний Амастрис.

Он мог бы даже, если время и средства позволяют, останавливаясь в этих портах, предпринимать из них экскурсии в их окрестности, для осмотра местностей, где сохранились названия разных других городов, некогда также знаменитых, например древнего Керазуса, Гераклеи и др.

На документе карандашные надписи рукой автора: на первом листе вверху справа: «Для об-суждения»; на последнем внизу: «ноябрь 1867» и «Ф. Брун».

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 9–10об.)

А. Б., 1880 — А. Б. Ф. К. Брун (некролог) // ЖМНП. 1880. Ч. ССXI. Отд. IV. С. 106–115.

Аркас, Брун, 1872 — Аркас Н., Брун Ф. Археологическая разведка некоторой части Ольвии // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 412–414, табл. X.

Брун, 1853 — Брун Ф. К. О местоположении Тираса // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 47–66.

Брун, 1863 — Брун Ф. Донесение о поездке к устьям рек Буга и Днепра, в 1862 году // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 985–993, табл. 4–5.

Брун, 1871 — Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии: топографические и исторические заметки [подп. «10 мая 1871 года»] // Труды Первого археологического съезда в Москве / Ред. А. С. Уваров. Т. II. М.: Синод. тип., 1871. С. 365–403.

Брун, 1872а — Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии: топографические и исторические заметки. М.: Синод. тип., 1872. 2, 39 с.

Брун, 1872б — Брун Ф. К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и

- смежных с ней землях // Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. 1872. Вып. 2. С. XVII–СХІV (с «Картой Геродотовой Скифии и смежных с ней земель»).
- Брун, 1872в — Брун Ф. К. Дополнения. I. О попытках объяснить Геродотовы известия относительно похода Дария Гистаспа против скифов [подп. «Одесса 1869»] // Там же. С. СХVІ–СХХХVІ.
- Брун, 1879 — Брун Ф. К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна (1852–1877). Ч. I. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. 277 с.
- Брун, 1880а — Брун Ф. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с ней землях // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877): Ч. 2. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. С. 1–104.
- Брун, 1880б — Брун Ф. Дополнение. О попытках объяснить Геродотовы известия относительно похода Дария Гистаспа против скифов // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877): Ч. 2. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. С. 105–120.
- Брун, 1832–1892 — Брун Филипп Карлович: (семейный фонд) за 1832–1892 гг. // Государственный архив Одесской области. Ф. 160. Оп. № 1.
- В. Р., 1891 — В. Р. Брун (Филипп Карлович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IVа: Бос – Бунчук. СПб., 1891. С. 759–760.
- Высочайшие определения..., 1853 — Высочайшие определения, перемещения, увольнения и награждения // ЖМНП. 1853. № 6. С. 178–182.
- Древности..., 1866 — Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. 1866. Вып. 1. 6, 28, XVI с.; Атлас. 23 л. ил.
- Древности..., 1872 — Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. 1872. Вып. 2. С. 29–118, XVII–СХХVІІ; Атлас. 23 л. ил.
- Императорская, 2009 — Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.
- Маркевич, 1890 — Маркевич А. И. Двадцатипятилетие императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки. Одесса: Экономическая тип., 1890. 634, 90 с. (О Ф. К. Бруне: с. 187–192; список его трудов, составленный Л. Ф. Бруном: с. 192–197).
- Мурзакевич, 1881 — Мурзакевич Н. Н. Филипп Карлович Брун // ЗООИД. 1881. Т. 12. Отд. 3. С. 443–446.
- Надеждин, 1844 — Надеждин Н. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 3–114.
- Плесская-Зеебольд, 1999 — Плесская-Зеебольд Э. Г. Одесские немцы 1803–1920. Одесса: ТЭС, 1999. 521 с.
- Сапожников, 2021 — Сапожников І. В. Ольвія та її околиці у ХVІІІ — на початку ХХ ст.: топографо-історіографічні нариси // АДІУ. 2021. Вип. 3 (40). (В печати.)
- Скальковский, 1906 — Скальковский К. А. Воспоминания молодости (по морю житейскому). 1843–1869. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 419 с.
- Трубчанинов, 2013 — Трубчанинов С. В. Перший історико-географ Південної Росії (Філіп Брун) // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Історичні науки. 2013. Т. 23. С. 344–359.
- Успенский, 1881 — Успенский Ф. И. Филипп Карлович Брун, 1804–1880 гг. (с фотографическим портретом) // Записки Новороссийского университета. Одесса, 1881. Т. 32. С. 279–319. (Со списком трудов, составленным Л. Ф. Бруном: с. 321–328.)
- Филиппов, 1893 — Филиппов М. А. Профессоры братья Бруны // Русская старина. 1898. Т. XLIII. № 1. С. 111–120.
- Хмарський, Дзиговський, 2000 — Хмарський В. М., Дзиговський О. М. Брун Пилип Карлович: історик, історико-географ, археолог, археограф // Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник / Відп. ред. В. А. Сминтина. Т. 2: А–І. Одеса: Астропринт, 2000. С. 151–153.
- Bruun, 1866 — Bruun Ph. Notices historioques et topograph, gues concernant les colonies italiennes en Cazarie // Memoires de l'Academie de St.-Petersburg. St.-Ptb., 1866. Serie VII. T. 10. № 9. P. 1–100.

From the history of the creation of “Antiquities of Herodotus Scythia”: collaboration of the IAK with F. K. Brun in the 1860s

I. V. Sapozhnikov, M. T. Kashuba¹¹

¹¹ Igor Sapozhnikov — Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine ж ав. Geroyiv Stalingrada, 12, Kyiv, 04210, Ukraine; e-mail: ssappog5@gmail.com. Maya Kashuba — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18, Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: mirra-k@yandex.ru.

Список сокращений

- ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
 AJA — American Journal of Archaeology. New York
 AMIT — Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin
 Anabasis — Anabasis: Studia Classica et Orientalia. Rzeszów
 BAI — Bulletin of the Asian Institute. Detroit; etc.
 BAR — British Archaeological Reports. Oxford
 BAR. IS — British Archaeological Reports. International Series. Oxford
 BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Pt. I–VIII.
 Lugduni Batavorum, 1870–1906
 Britannia — Britannia: A Journal of Romano-British and Kindred Studies. London
 CRAI — Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris
 Elr — Encyclopaedia Iranica. London; New York; Leiden.
 EW — East and West. Roma
 Hesperia — Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. Princeton
 IA — Iranica Antiqua. Gent, Leiden
 IA НАНУ — Інститут археології, НАН України. Київ
 IARPotHP — International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period
 IHMC RAS — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg
 Iraq — Iraq: Journal of the British School of Archaeology in Iraq. London
 ISIMU — Isimu. Revista sobre Oriente Próximo y Egipto en la antigüedad. Madrid
 JA — Journal asiatique. Paris
 JAOS — Journal of the American Oriental Society. New Haven
 JIA — Journal of Iranian Archaeology. Tehran
 JRMES — Journal of Roman Military Equipment Studies. Newcastle upon Tyne; St Andrews
 MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
 Miras — Miras: Научно-популярный журнал. Ашхабад
 NS — New Series
 Parthica — Parthica: Incontri di culture nel mondo antico. Pisa; Roma
 RE — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung
 hrsg. von G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus und K. Ziegler. Stuttgart
 RSO — Rivista degli studi orientali. Roma.
 Sitzungsberichte der philosophisch-historische Classe der kaiserliche Akademie der
 Wissenschaften. Wien
 SKAW — Silk Road Art and Archaeology. Kamakura
 AB — Археологические вести. СПб.
 ABEC — Археология восточноевропейской лесостепи. Саратов
 АДІУ — Археологія і давня історія України. Київ
 AI — Археологические изыскания. СПб.
 AIY — Археологические исследования в Узбекистане. Самарканд
 AN — Академия наук
 AO — Археологические открытия. М.
 ART — Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
 АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
 БГПУ — Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа
 БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
 БФ — Боспорский феномен. СПб.
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ВНУ — Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля. Луганск
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы
 ДА — Донская археология. Ростов н/Д.
 ДБ — Древности Боспора. М.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.
 ЗИИМК — Записки ИИМК РАН. СПб.
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
 ИА РАН — Институт археологии РАН. М.
 ИАИАИАНД — Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
 ИАИИИП — Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград
 ИАК — Императорская Археологическая комиссия
 ИВ РАН — Институт востоковедения РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Изв. ТуркмГНИИ	—	Известия Туркменского государственного научно-исследовательского института. Ашхабад
ИИАЭ	—	Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
ИМКУ	—	История материальной культуры в Узбекистане. Ташкент
КД	—	Каракумские древности. Ашхабад
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
КСЭ	—	Крым в сарматскую эпоху. Симферополь
ЛОИА АН СССР	—	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
МАИАСК	—	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма (Причерноморья). Нижневартовск; Севастополь
МАЭ ИЭИ УНЦ РАН	—	Музей археологии и этнографии Института этнологического исследований Уфимского научного центра РАН. Уфа
МБАЭ	—	Материалы Бухарской археологической экспедиции. СПб.
МГОУ	—	Московский государственный областной университет. М.
МДАСУ	—	Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ
МИ КВАЭ	—	Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАД	—	Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д.
МИАР	—	Материалы и исследования по археологии России. М.
МКТ	—	Материальная культура Таджикистана. Душанбе
МПИ	—	Материалы полевых исследований Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ). Ташкент
МТЭ	—	Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец
МХЭ	—	Материалы Хорезмской экспедиции. М.
НАВ	—	Нижеволжский археологический вестник. Волгоград
НА ИИМК РАН. РО	—	Научный архив ИИМК РАН. Рукописный отдел
НА ИИМК РАН. ФО	—	Научный архив ИИМК РАН. Фотоотдел
НАН	—	Национальная академия наук
НОА	—	Научно-отраслевой архив
НС	—	Новая серия
НЦА	—	Нумизматика Центральной Азии. Ташкент
ОНУ	—	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПА	—	Поволжская археология. Казань
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск
РА	—	Российская археология. М.
РАН	—	Российская академия наук
РГУ	—	Ростовский государственный университет, Ростов н/Д.
РОМК	—	Ростовский областной краеведческий музей. Ростов н/Д.
РСМ	—	Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М.; Вологда
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников по археологии СССР. М.; Л.
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
СОНАТ	—	Социалистическая наука и техника. Журнал Комитета науки. Ташкент
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТАС	—	Тверской археологический сборник. Тверь
Тр. ГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа. СПб.
Тр. ИИАЭ	—	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад
АН ТуркмССР	—	Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л.
Тр. ИЭ	—	Труды Маргианской археологической экспедиции. М.; СПб.
Тр. МАЭ	—	Труды Филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Астана
Тр. ФИАА	—	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
Тр. ХАЭЭ	—	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Л.; СПб.
Тр. ЮТАКЭ	—	Уфимский археологический вестник. Уфа
УАВ	—	Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов
УЗ СГУ	—	Узбекский комитет сохранения памятников старины и искусства. Ташкент
Узкомстарис	—	Узбекский научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт консервации и реставрации памятников культуры. Ташкент
УзНИПИР	—	Успехи среднеазиатской археологии. Л.
УСА	—	Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна. Харків
ХГУ	—	Эпиграфика Востока. М.; Л.
ЭВ	—	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЮТАКЭ	—	

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 32

Главный редактор: Н. В. Хвощинская
Корректоры: Г. А. Седова, О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 303
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 23.08.2021. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 58. Тираж 300 экз. Заказ 1684.
Дата выхода: сентябрь 2021 год

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 32 —

